

Павел Полян

ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР

Институт географии Российской Академии наук

Павел Полян

ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР

**Жизнь, труд, унижение и смерть
советских военнопленных и остарбайтеров
на чужбине и на родине**

**Москва
РОСПЭН
2002**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной программы книгоиздания России*

Предисловие Даниила Гранина

Полян П.М.

П 54 **Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине.** — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 896 с., илл.

Разносторонне и последовательно в книге прослеживается судьба советских военнопленных и гражданских рабочих («остарбайтеров»), угнанных немецкими оккупантами в годы Второй мировой войны на принудительные работы в Германию и репатриированных после войны в СССР, а также история выплат (или, точнее, невыплат) им компенсации за депортацию и принудительный труд.

Книга написана с привлечением больших массивов ранее неизвестных или малоизвестных — как советских, так и немецких — архивных и печатных источников, а также данных анкетных опросов и писем оstarбайтеров. Она проиллюстрирована многими десятками фотографий, архивных документов и карт. По сравнению с первым изданием (1996), структура, текст и иллюстративный материал книги были значительно дополнены и переработаны.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг лиц, интересующихся историей Второй мировой войны и послевоенного времени, а также на тех, кому эта книга посвящена — бывших оstarбайтеров и военнопленных.

© П.Полян, 2002.

© Д.Гранин, предисловие, 2002.

© «Российская политическая энциклопедия», 2002.

ISBN 5 - 8243 - 0130 - 1

**«Владельцу сего разрешается выход из помещения
единственно ради работы»**

(Штамп на трудовой книжке остарбайтера)

**«Почву, на которой вырастает фашизм,
надо исследовать тщательнее, чем само растение»**

(Виталий Семи)

ПРЕДИСЛОВИЕ

После окончания Великой Отечественной войны правду о ней нам выдавали крохотными порциями. Победа было окутана ложью. Одним из секретов, например, были цифры наших потерь. Сперва — шесть миллионов, потом тринадцать, потом двадцать. За полвека официальная цифра добралась до 26 миллионов, и боюсь, что это еще не конец.

В энциклопедическом словаре «Великая Отечественная война» нет вообще термина «потери». Нет там и данных о военнопленных. Только в 1994 году были, наконец, опубликованы некоторые подробности о наших военных потерях — по годам, по фактам. Появились первые данные и о военнопленных. Оказывается, их было свыше пяти миллионов. Более трех миллионов погибло в немецких лагерях. Те же, кто выжил, претерпели потом новые лишения. Сколько из них погибло уже в наших лагерях, мы не знаем до сих пор.

Война создала и еще одну категорию людей — «остарбайтеры». Если трагедия советских военнопленных, которых все годы войны числили чуть ли не предателями, изменниками родины, дошла ныне до общественного сознания, то история «остарбайтеров» остается неизвестной.

Практически общество наше знать не знало, сколько их было, какова была их участь в гитлеровской Германии, что стало с ними после войны. А между тем речь шла о судьбе людей, угнанных в рабство. Сотни тысяч их после войны подверглись дискриминации уже нашим победоносным правительством. Их обвиняли в пособничестве врагу, в том, что они работали на гитлеровскую военную машину.

Как будто у них был выбор! Как будто они — эти женщины, эти подростки — были виноваты в том, что армия наша отступила, предоставив их в распоряжение Третьего Рейха! А ведь идеи фашизма позволяли, даже требовали использовать славян как «топливо» для работы военной машины.

История остарбайтеров — история принудительного переселения масс людей — замалчивалась и в Германии, и у нас. Советские историки избегали этой темы, она вызывала слишком опасные ассоциации, да и нравственные оценки этой категории людей оказывались противоречивыми.

И вот спустя полвека появился труд Павла Поляна об «остарбайтерах». Пять лет заняло у него исследование. Чувство несправедливости, сочувствия и вины перед этими людьми заставило его, географа по образованию, вступить на неведомую нашим историкам землю.

Пришлось поднять огромный материал, разбросанный в немецких и российских источниках, — архивные документы, письма, рассказы участников событий.

Он исследовал проблему с разных сторон — как угоняли в Германию наших людей, как использовали их, что представляли собой их жизнь, их быт, их труд в гитлеровской стране, что стало с ними после Победы...

Впервые в истории Второй мировой войны открылась панорама неведомых до того злоключений огромных армий, зашифрованных под безличным названием «остарбайтеры».

Перед нами строго научный труд со всеми необходимыми ссылками и так далее. Но у этого, казалось бы, академического исследования есть важная особенность: оно написано литературным языком, с той публицистической страстностью, что время от времени взрывает сдержанность историка.

С первых страниц труд этот захватил меня анализом почти неизвестных данных о потерях, о военнопленных, об угнанных на работы из Украины, Белоруссии, России, Прибалтики. И далее, глава за главой, происходило знакомство с материалом свежим, нетронутым. Поражаешься, как могли столько времени скрывать такую эпопею, даже эпоха гласности мало что приоткрыла в истории «остарбайтеров». Удивительно, как легко можно было манипулировать народным сознанием.

Перед нами книга о преступлениях фашизма, а затем и сталинского режима. Идеология фашизма, идеология циничного отношения к человеческой свободе, к жизни человека предстает здесь с какой-то опасной актуальностью.

Книга Павла Поляна — не только вклад в историческую науку, она заставит изменить отношение к отверженным, с которыми так несправедлив был советский строй.

Мне приходилось не раз сталкиваться с теми, кто работал на Германию в войну, как и с теми, у кого работали наши люди. Бытует у современных немцев немало сентиментальных историй о том, как любили друг друга немцы-хозяева и их славянские рабы. Я встречал нескольких остарбайтеров, которые остались в Западной Германии и живут там до сих пор. Я встречал бывших остарбайтеров в России и Белоруссии. Все они помечены вечным клеймом страха, считают себя виноватыми, не зная, в чем их вина, души их искалечены. У них, отверженных, есть дети, внуки, семьи.

Это часть наших народов, реабилитация их — нравственная, историческая необходимость, но еще нужно умное, честное участие в их судьбе, пусть прошлой, нужен рассказ о том, как обходились тоталитарные режимы с народами, расисты — с чужими, коммунисты — со своим.

Даниил Гранин

ОТ АВТОРА

Эта книга — о миллионах. О миллионах не спрошенных униженных, проданных-перепроданных, битых-перебитых, оголодавших и охолодавших людей, досыта претерпевших и от Гитлера, и от Сталина — главных человеконенавистников столетия.

О миллионах военнопленных, сдавшихся — или захваченных силой — в немецкий плен. Где бы и как бы ни протекал их плен, — на оккупированной ли родине или в Третьем Рейхе, на родине врага, повсюду судьба их ветвилась одинаково: или смерть, или рабский труд, или измена присяге.

Миллионы военнопленных попали в Германию и оказались рядом с другими миллионами сограждан — остовцев, или «остарбайтеров». Так, выхолостив даже след их национальной или государственной принадлежности, называли немцы своих гражданских рабов из СССР.

Угнанных с завоеванных на востоке земель, подчас с не меньшей brutality, чем военнопленных, таких же бесправных и голодных, их привезли в Рейх с точно такою же целью: выжимая последние соки, залатать их мускулами, их подневольным потом и непосильным трудом бреши в трудовом балансе государства.

Когда же 1418 дней войны истекли, уцелевшие в Рейхе военнопленные и остовцы (к ним следовало бы добавить и новую группу сограждан — добровольцев-беженцев и насильственно эвакуированных) оказались перед тройным и незавидным выбором: могила — невозвращенчество — принудительная репатриация.

«Родина ждет вас!», — агитировали советские офицеры по репатриации. «Родина ждет вас, сволочи!» — переименовывали невозвращенцы. «Добровольцами смерти» называли они репатриантов.

И все же большинство, отбросив все страхи и сомнения, возвратилось на Родину. На родину, но отнюдь не домой, — иных этапировали в спецконтингент, но особенно много было таких, кому снова пришлось потрудиться не по своей воле — на этот раз на советское государство. И снова их пот, их мускулы, их непосильный труд бессовестно и насильно были изъяты у них и у их семей — в качестве своеобразной мзды за все лишения и мытарства военных и послевоенных лет.

Ощутить себя полноценными гражданами им, увы, дано не было.

Кем же они были тогда? Гражданами второго сорта, не вызывающими доверия репатриантами, чуть ли не диверсантами, — предателями с навсегда испорченными анкетами и листками учета кадров.

Вместе с тем советские военнопленные и оstarбайтеры — это классический пример громадного и по охвату, и по значению исторического явления, которое в СССР десятилетиями положено было не замечать, делать вид, что его вовсе не было.

Отчасти тут срабатывало уродливо-своеобразное «совпадение интересов» государства и граждан. Государству такие напоминания были «неудобны» и «неприятны»: ведь тем самым признавалось бы, что блистательный победитель потерпел на первом этапе войны целую серию сокрушительных поражений, оставив на поле боя и в сборных пунктах для пленных красноармейцев миллионы душ и преступно допустив оккупацию столь громадной части своей территории, что поставил другие миллионы граждан в безвыходное положение перед лицом немецких «вербовщиков».

Для бывших военнопленных и оstarбайтеров — это было тем более опасно и страшно, поскольку за стратегическую бездарность и государственное бесстыдство своих вождей и командиров они и так уже расплачивались пожизненным «клеимом» изменников, фашистских наймитов и пособников, своим трудом усиливавших врага и таким образом предававших Родину. В стране абсолютного бесправия эти миллионы несчастных были еще более, нежели другие, ущемлены в правах и поставлены перед необходимостью избегать малейших упоминаний о вынужденном путешествии в Третий Рейх.

Жестокая воля и суровая жизнь свела военнопленных и оstarбайтеров вместе, свила их трагедию воедино, в некий общий исторический сюжет, и эта встреча и эта общность, естественно, отразились на этих страницах.

Каторжный труд или вспомогательная служба в добровольческих формированиях вермахта или СС — вот, пожалуй, наиболее распространенные варианты судьбы советского военнопленного в немецком плену, в том числе и на территории Рейха. Но сам диапазон этих судеб гораздо шире: от подвергнутых медицинским экспериментам и от казненных евреев, комиссаров и концлагерников-штрафников до участников экзекуций с другой стороны — рядовых палачей из зондеркоманд и от бежавших к макизерам или четникам героев Сопротивления до вхожих в высокие берлинские кабинеты советских генералов в немецкой, с иголки, форме Русской Освободительной Армии. Все это очень далекие траектории, и если их что-то и объединяет, то только одно: трагичность, навязанная извне.

О пленении и «вербовке», как и о том, что пришлось испытать военнопленным и оstarбайтерам на вражеской чужбине в книге хотя и говорится, но говорится коротко. Именно эти вопросы наилучшим образом отражены в немецких архивах и обстоятельней всего описаны в западной, прежде всего, в германской исторической литературе.

В этой книге в центре внимания — один из наименее изученных (но уже вполне запутанных!) этапов общей судьбы военнопленных и других советских граждан, занесенных войной в Германию, — их

репатриация в СССР, начавшаяся еще до Ялтинских соглашений и растянувшаяся на семь долгих послевоенных лет. Выявленные на сегодня в российских (и, отчасти, в западных) архивах источники документируют этот процесс с удовлетворительной полнотой.

Того же пока нельзя сказать обо всем происходившем непосредственно вслед за репатриацией, — о вторичной интеграции репатриантов в послевоенную советскую жизнь, для многих из них сопряженную с постоянным страхом и ожиданием репрессий за их мнимое «предательство» — в виде ли сдачи в плен или работы на заклятого врага.

Большинство из тех миллионов военнопленных и остовцев уже умерли, но многие — а самым «юным» из них за семьдесят пять — живут и поныне, впервые подав голос и заявив о себе лишь в девяностые годы.

Советской историографии их трагедии почти нет. Для них не находилось места ни в учебниках, ни в справочниках, ни в энциклопедиях! Подумаешь, какие-то сомнительные миллионы подозрительных личностей!..

Их история до сих пор не написана.

И потому что долгие годы не писалась. И потому что пугала. И потому что не остыла.

Но ни в обелении, ни в очернении их история не нуждается.

Она нуждается только в одном — в честном знании и в произнесенной правде.

Москва — Фрайбург — Москва, 1991—2000

ВВЕДЕНИЕ

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на сталинский Советский Союз. 9 мая 1945 Германия капитулировала.

И до сих пор историков и политиков волнует вопрос: как же называть эту схватку, длившуюся 1418 дней, трагических и страшных?

Агрессией фашизма? Превентивным ударом против агрессии большевизма? Великой Отечественной войной? Столкновением рас? Битвой двух идеологий? Схваткой двух диктатур?

* * *

Но какой бы ответ на него ни давали, никто, кажется, не оспаривал и не оспорит: это была **самая преступная, самая бесчеловечная, самая смертоносная война в истории человечества**; ее не превзойти ни по числу жертв и разрушений, ни по степени насилия и горя!

Такой она и задумывалась, эта война, так она и велась.

Так, фактически на голодную смерть обрекался Север России — без продовольствия, получаемого с аграрного юга (оно предназначалась к вывозу в Германию). *«Это — суровая необходимость, исключающая любое чувство»*, — объяснял Альфред Розенберг, предлагая русскому населению широкую эвакуацию и трудные годы. Голод и прямые убийства мирных жителей. — в первую очередь, евреев и цыган, — предусматривались, закладывались в расчеты, планировались наравне с климатом и шириной железнодорожной колеи!

Преступления нацистов на оккупированных территориях были неслыханными, невиданными, беспрецедентными! И задача задокументировать и описать их возникала как бы сама собой.

Указом ПВС СССР от 2 ноября 1942 года была создана «Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК)¹. Ее председателем был назначен Н.Шверник, членами — А.Жданов, В.Гризодубова, А.Толстой, митрополит Киевский и Галицкий Николай, академики Н.Бурденко, Б.Веденеев, Т.Лысенко, Е.Тарле, И.Трайнин; ответственным секретарем — П.Богоявленский. Определение ущерба производилось отдельно по каждому предприятию, учреждению, организации, колхозу, селу.

В плане определения безвозвратных потерь населения СССР по областные оценки ЧГК были сведены в таблицу «Обобщенные данные учета жертв злодеяний немцев и их сообщников на территории СССР на 1 марта 1946 года². Заложенные в нее три показателя («убито, замучено мирных граждан», «убито, замучено военнопленных» и «угнано в немецкое рабство») имеют для нашей темы первостепенное значение. В разрезе союзных республик того времени они представлены в таблице 0.1.

Таблица 0.1

Репрессии оккупантов на территории СССР

(чел. / %)

Республики	Мирное население	Военнопленные	Угнанные
РСФСР	655.825 10.8	1.125.515 28.8	1.269.189 30.7
УССР	3.178.074 52.3	1.318.463 33.7	2.032.112 49.0
БССР	1.360.034 22.4	838.243 21.4	373.698 9.1
Карело- Финская ССР	8.028 0,1	3.600 0,1	142 0,0
Молд. ССР	61.246 1,0	2.603 0,1	47.242 1,1
Латв. ССР	313.798 5,2	330.032 8,4	248.873 6,0
Лит. ССР	436.535 7,1	229.737 5,9	36.540 0,9
Эст. ССР	51.307 1,1	64.000 1,6	130.000 3,2
ВСЕГО	6.074.847 100,0	3.912.193 100,0	4.128.796 100,0

Рассчитано по: Приложение 5.

Из нее явствует, что за годы оккупации погибло или было вывезено 14,1 млн. чел. мирного населения (к которым, впрочем, следует прибавить 642 тыс. умерших в Ленинграде блокадников). Огромный урон понесла Украина: даже без Крымской области, в то время входившей в состав РСФСР, на нее пришлось 52,3 % погибших среди мирного населения, 33,7 % погибших военнопленных и 49 % угнанных на работы в Германию. Соответствующие доли РСФСР (10,8 %, 28,8 % и 30,7 %) и БССР (22,4 %, 21,4 % и 9,0 %), даже вместе взятые, превышают долю УССР лишь по погибшим на их территориях военнопленным. Вместе с тем доля Латвии в структуре угнанных в Рейх (6,0 %) уступает доле БССР всего в 1,5 раза.

После окончания войны определением потерь (в том числе людских), кроме ЦГК, занимался еще и Госплан СССР (в 1945—1947 гг.). Знакомившийся с его данными А.А.Шевяков посвятил им две публикации в журнале «Социологические исследования»³. Согласно публикации 1991 года, численность мирного населения, преднамеренно истребленного оккупантами, составила приблизительно 6,4 млн. чел.⁴, еще около 5,5 млн. чел. умерло от голода и заразных болезней (из них 4,5 млн. чел. — на Украине)⁵.

В статье 1992 года цифры претерпели существенное изменение: погибшие мирные жители и советские военнопленные вместе составили 11,3 млн. «расстрелянных фашистами в лагерях и по месту жительства», к ним добавлены 6,5 млн. «погибших от организованного оккупантами голода и внесения эпидемий» и внушающая еще меньше доверия сумма в 3 млн. чел. гражданского населения, «погибшего на немецкой каторге и в результате ее последствий». Общий же итог потерь, по А.А.Шевякову, — 20,8 млн. чел.⁶

Задачу определения безвозвратных потерь СССР ставили перед собой и другие исследователи, как из «стана» историков⁷, так и из «стана» демографов⁸. Обрисуем вкратце основные результаты, к которым они пришли.

Так, Б.Соколов для определения людских потерь использовал композицию из прорвавшихся в доперестроечную и перестроечную печать сведений и косвенные методы. Вот основные итоги его вычислений⁹.

К 22 июня 1941 года в Красной Армии насчитывалось 5,5 млн. чел., в первые месяцы в армию было призвано 7,2 млн. чел., а позднее — еще около 18 млн. чел. Итого через армию прошло около 30,7 млн. чел. В то же время на 5 июля 1945 года, то есть к началу демобилизации, в Советской Армии оставалось 11,4 млн. чел. Таким образом, чистая убыль по армии составила около 19,3 млн. чел. Из них на безвозвратные потери приходится 14,7 млн. чел., в том числе 8,5 млн. убитых, 2,6 млн. умерших после ранений или болезней и 3,7 млн. военнопленных, умерших в плену (64 % общей численности военнопленных)¹⁰. Потери мирного населения Б.Соколов определяет приблизительно в 15 млн. чел., вычтя из чистой убыли населения СССР за военное время — 29,6 млн. чел. — безвозвратные потери

армии (14,7 млн. чел.), число не репатриировавшихся граждан (1,2 млн. чел.)¹¹ и число погибших в ГУЛАГе (0,6 млн. чел.).

Весьма совершенный расчет содержится в коллективном труде демографов Е.М.Андреева, Л.Е.Дарского и Т.Л.Харьковой. Полная оценка всех людских потерь военного времени, по их мнению, может быть получена методом демографического баланса, при сопоставлении численности и состава населения на начало и конец войны¹². К середине 1941 года, по их расчетам, население СССР (в послевоенных границах) составляло 196.715,7, а на начало 1946 года — 170.548,4 тыс. чел., в том числе 159.456 тыс. чел. — родившихся до начала войны. Таким образом, страна не досчиталась 37,2 млн. чел. Вычтя из этой цифры расчетную величину естественной смертности за 4,5 года (11,9 млн. чел.), авторы получили искомую величину людских потерь — 25,3 млн. чел. К ней, согласно методике, необходимо добавить повышенную смертность детей, родившихся в военные годы (1,3 млн. чел.). Следовательно, людские потери СССР военного времени оцениваются в 26,6 млн. чел., что составляет 16 % от послевоенного населения страны. Если же брать за основу не официальную (168.525), а альтернативную (167.937 тыс. чел.) численность населения СССР по результатам переписи 1939 года (в границах на 17 сентября 1939 года), то сумму потерь надо уменьшить на 0,6 млн. чел., то есть до 26,0 млн. чел.

В общем объеме потерь более 76 %, или 20,0 млн. чел., приходилось на мужчин, причем наиболее пострадавшие когорты — родившиеся в 1901—1931 гг. (те, кому на начало войны было от 10 до 40 лет): на них приходится более 55 % потерь! Вероятность остаться по окончании войны в живых для мужчин в возрасте (на начало 1941 года и при уровне смертности 1940 года) от 25 до 34 и от 15 до 24 лет была выше только по сравнению со стариками от 65 лет и старше!¹³

В будущем — надеемся, недалекое — историки и демографы внесут ясность в эту проблематику и назовут еще более точные и достоверные цифры.

Но и без того ясно: цена человеческой жизни в годы Второй мировой войны упала до неслыханного — в категориях общечеловеческих ценностей — уровня. **Жизнь человеческая стала поистине разменной монетой войны!**

Едва ли не единственным, что все же поддерживало относительную ценность жизни, была трудоотдача или, по крайней мере, трудоспособность. Но и труд человеческий был в военное время почти сплошь подневольным и стоил недорого.

Взамен собственных, призванных в армию, рабочих и крестьян Германия собрала к своим станкам и на своих полях миллионы пар рабочих рук из-за границы, в том числе и советских военнопленных и гражданских рабочих.

Литература, посвященная принудительному труду иностранцев в Третьем Рейхе достаточно обширна. Одних только монографий насчитывается, наверное, уже не один десяток, и в этом контексте сопряжение тематики «советских военнопленных» и «костарбайтеров» даже по-своему традиционно.

Первыми исследователями тут были американцы и англичане: книга Д.Фрида «Эксплуатация иностранной рабочей силы в Германии» вышла еще в 1945 году!¹⁴ В 1957 году появилась сразу же ставшая классической монография Александра Даллина «Германское правление в России: 1941—1945. Анализ оккупационной политики», содержащая важные главы о советских военнопленных и гражданских рабочих¹⁵. В 1960 году вышла книга Г.Ретлингера «Дом, построенный на песке»¹⁶, а в 1967 — капитальное исследование Эдварда Хомзе «Труд иностранцев в нацистской Германии», содержащее к тому же великолепный аналитический обзор архивных источников, осевших в Национальном Архиве США в Вашингтоне¹⁷.

Из еще более многочисленных немецких работ на эту тему едва ли не первой была книга Ганса Пфальмана «Иностранные рабочие и военнопленные в немецкой военной экономике в 1939—1945 гг.» (1968)¹⁸.

В 1965 году вышла первая работа непосредственно о советских военнопленных — исследование Х.-А.Якобсена «Приказ о комиссарах и массовые убийства советских военнопленных»¹⁹. Весьма основательна и диссертация 1975 года Розвиты Хельги Гаттербауэр о трудоустройстве военнопленных (в том числе и советских) на территории Австрии в годы войны²⁰.

Но самой большой и заслуженной известностью пользуется книга Кристиана Штрайта «Никакие не товарищи!.. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах»²¹, базирующаяся на диссертации, защищенной автором в 1977 году. Она посвящена обширному кругу проблем, связанных с трагической судьбой советских военнопленных в годы Второй Мировой войны — войны жестокой и чело-веконенавистнической, нацеленной на беспощадное уничтожение людей. Эта же тема, но с упором на возникновение и функционирование самой карательной системы нацистов, доминирует и в документальном исследовании Альфреда Штрайма²².

Исключительно значимыми для нашей темы являются книги Вольфганга Якобмайера «От принудительного труда к иностранцам без гражданства. Перемещенные лица в Германии. 1941—1945» (1985)²³ и Ульриха Херберта «Иностранные рабочие. Политика и практика применения труда иностранцев в военной экономике Третьего Рейха» (1986)²⁴, содержащие, каждая, обстоятельные библиографические и источниковедческие разделы. Это книги широчайшего тематического охвата: так, труд У.Херберта, например, посвящен в целом использованию труда иностранцев в Третьем Рейхе.

Большинство же среди германских работ составляют региональные или локальные монографические исследования конкретных лагерей²⁵, фирм²⁶, городов или регионов²⁷. Несколько реже встречаются работы, посвященные принудительному труду оstarбайтеров в сельском хозяйстве²⁸.

В самое последнее время на Западе — главным образом, в Германии, и отчасти, под воздействием процесса выплаты компенсаций принудительным рабочим — эта проблематика пережила истинный бум. Здесь мы сознательно не касаемся этого потока, поскольку, во-первых, он далеко не иссяк, а во-вторых, заслуживает отдельного исследования. Отметим, что широтой подхода среди них резко выделяется вышедшая в 2001 году монография Марка Шперера «Принудительный труд под знаком свастики»²⁹, по существу заменившая книгу У.Херберта в качестве стандартной тематической монографии.

Нельзя не отметить и весьма существенный вклад польских исследователей — В.Ястржембовского, В.Русинского, Х.Зургажа, Ч.Лучака, К.Керстен³⁰. Книга Ш.Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне» была переведена на русский язык³¹.

Свой немалый вклад внесла и русская эмиграция. Основательная попытка заново систематизировать и обобщить личный опыт и различные литературные источники предпринята в монографии И.А.Дугаса и Ф.Я.Черона «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным», выпущенной в Париже в 1994 году³². Ценные уточнения и иллюстративный материал содержит серия статей, а также книга-альбом Г.Г.Вербицкого «Почта оstarбайтеров Второй мировой войны»³³.

Однако до выхода первого издания этой книги ни одно из зарубежных изданий не было посвящено советским военнопленным и оstarбайтерам как единому историческому явлению и целостному проблемному кругу.

Что касается **советской научной историографии** этой проблемы, то она оставляет желать много лучшего. Заслуживают быть упомянутыми разве что два издания материалов Нюрнбергского трибунала³⁴, а также сборник документов «Преступные цели — преступные средства», в котором воспроизведены многочисленные документы из центральных и местных архивов об оккупационной политике гитлеровцев³⁵.

А вот историография, так сказать, **ненаучная** как раз имеется, — причем именно по репатриационной тематике. Это малоформатные книжечки последних военных месяцев и первых послевоенных лет с характерными названиями типа «Домой на Родину»³⁶, «Они вернулись на родину»³⁷, «Родина знает о твоих муках»³⁸ и т.п. Они были в равной степени рассчитаны как на военнопленных, так и на оstarбайтеров и должны были сыграть — и, вероятно, сыграли — чисто пропагандистскую роль. Тот же характер носит и брошюра — сборник официальных материалов Управления по репатриации при Совнаркомке СССР, содержащий интервью Ф.И.Голикова и другие документы³⁹.

Еще одна тематическая серия брошюр была разработана уже в мирное время⁴⁰. Кроме них было выпущено шесть специальных плакатов: «Ждем тебя, родимый, из фашистской неволи!» (автор — Н. Жуков); «Возвращайся скорее на родину!» (В. Иванов); «За муки, за раны я отомщу немцам!» и «Мы ждем тебя из немецкой неволи!» (В. Корецкий); «Здравствуй, Родина-мать!» (Н. Ватолина) и «Возвращение в родной колхоз» (Б. Мухина).

В том же, пожалуй, ряду стоит упомянуть и пьесу «Я хочу домой» придворного гимнотворца Сергея Михалкова, удостоенную Сталинской премии второй степени за 1946 год. В ней повествуется о борьбе советских офицеров по репатриации Добрынина и Сорокина с английскими офицерами Куком, Скоттом и Эйтом, ни за что не желавшими отпустить на Родину маленьких граждан Страны Советов — Сашу Бутузова и Иру Соколову⁴¹.

В этом однородном потоке несколько особняком стоит менее официальный сборник «Письма с фашистской каторги», опубликованный в 1947 году в Киеве на украинском языке⁴². (Интересно, что подготовленный ЧГК еще в 1943 году сборник документов под заглавием «Немецкая каторга», хотя и был использован советской стороной на Нюрнбергском процессе, но, кажется, так и не вышел в свет⁴³.)

В сущности ту же идеологическую нагрузку, — но в контексте «холодной войны», — была призвана нести и книга полковника А. Брюханова «Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера», вышедшая в Политиздате в 1958 году. Ее автор, в свое время возглавлявший советскую репатриационную миссию в английской оккупационной зоне в Германии и в Дании (мы еще не раз встретим его имя в главах о ходе репатриации), стремился показать всему прогрессивному человечеству, как и зачем — *«... вместо того, чтобы помочь нашим соотечественникам вернуться на родину, США и Англия в нарушение своих международных обязательств задерживали советских людей в послевоенное время в лагерях для заполнивших собой всю Европу ДиПи»*⁴⁴.

На Западе, кстати, также выходили книги, посвященные ДиПи и прежде всего — советским ДиПи. Еще с 1940-х гг. пристальное внимание привлекала к себе и тема насильственной репатриации казаков⁴⁵. В 1957—1970 гг. вышли воспоминания Н. Краснова-младшего и атамана В. Науменко⁴⁶.

В этот же ряд следует поставить и книгу Г. Зотова «Я побывал на Родине», опубликованную в 1957 году в Мюнхене и повествующую о пребывании автора, выходца из эмигрантской семьи и французского гражданина, в СССР, в Ейске Краснодарского края, куда он репатрировался вместе со своей женой-остовкой в конце 1945 или начале 1946 года⁴⁷.

В том же 1957 году опубликована книга М. Праудфута «Предательство. Европейские беженцы»⁴⁸, а в 1973—1974 гг. — работы Дж. Эпштейна «Операция “Килевание”». История насильственной ре-

патриации, начиная от 1944 года до настоящего времени», М.Р.Эллиота «Репатриационная глава в советско-американских отношениях 1944—1947 гг.» и Н.Бетела «Последняя тайна: насильственная репатриация в Россию в 1944—1947 гг.»⁴⁹. Упомянем еще раз, но уже в репатриационном контексте, книгу Вольфганга Якобмайера «От принудительного труда к иностранцам без гражданства. Перемещенные лица в Германии. 1941—1945» (1975)⁵⁰. Наконец, в 1977 году вышла книга Н.Толстого «Жертвы Ялты», в которой предпринята попытка осмыслить и обобщить накопившиеся к этому времени факты и легенды⁵¹.

Как и А.И.Брюханов, западные авторы весьма страстны, — и ничуть не менее пристрастны: но от его воспоминаний их все же выгодно отличают аналитичность, аргументированность положений и установка на архивные источники⁵². Следует отметить, что в 1990-е гг. на Западе появились работы (С.Беера, С.Карнера, Д.Сандерса и др.), базирующиеся на ранее недоступных документах из английских, американских и советских архивов и во-многом уточняющие уже сложившиеся представления⁵³.

В брежневско-сусловскую эпоху слежавшуюся плотину умолчания вокруг темы военнопленных и остарбайтеров буквально прорвала русская проза. Именно этот гражданственный прорыв и порыв в сочетании с художественной глубиной и почти дневниковой доподлинностью сделали, например, повесть Виталия Семина «Нагрудный знак "Ост"»⁵⁴ выразительным символом не только описанной в ней эпохи, но и времени собственного появления на свет⁵⁵.

Историческая наука, однако, в эту брешь не устремилась: считалось, что публикации части материалов Нюрнбергского процесса и риторических упоминаний самого общего характера в обзорных или энциклопедических статьях, будет заведомо достаточно, чтобы эту тему «исчерпать». Исключение составляла, пожалуй, лишь литература об участии советских граждан в антифашистском подполье и движении Сопротивления в европейских странах, среди которой выделяются исследования М.И.Кочнашвили⁵⁶, В.И.Гема⁵⁷, Е.А.Бродского⁵⁸ и М.И.Семиряги⁵. Особенно много публикаций о Сопротивлении — как художественного⁶⁰ и мемуарного⁶¹, так и научного⁶² плана — пришлось на 1960-е гг. Весьма ценные материалы, в том числе воспоминания бывших остарбайтеров и военнопленных содержат двухтомный сборник «Советские люди в Европейском сопротивлении» под редакцией и с предисловием Н.П.Комоловой, выпущенный Институтом всеобщей истории АН СССР в 1991 году⁶³, а также публикация И.А.Иоффе и В.В.Хорунжего «Советская молодежь в Германии», построенная на материалах Центра хранения документов молодежных организаций (бывшего архива ЦК ВЛКСМ)⁶⁴.

Если же вернуться к **репатриации советских граждан**, то **первой советской научной работой** о ней явилась насыщенная статистической статья В.Н.Земскова «К вопросу о репатриации советских

граждан 1944—1951 гг.», вышедшая весной 1990 года⁶⁵. Ряд последовавших за ней публикаций самого Земскова, а также А.А.Шевякова мало что добавили к ней с фактической стороны⁶⁶. Зато целый ряд новых фактических сведений содержат статьи обоих авторов, опубликованные в 1994 году в сборнике «Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции»⁶⁷. Однако ничем не освеженные трескучие идеологизмы времен холодной войны (а у Шевякова — упорное и уже ничем не объяснимое отсутствие архивной ссылок) остались и здесь без какого бы то ни было изменения⁶⁸. Эту же атавистическую «традицию» продолжили и публикации Ю.Н.Арзамаскина⁶⁹.

На этом фоне выгодно отличается статья Г.П.Драгунова «Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии», вводящая в оборот новые документы из **Архива Внешней политики РФ (АВП)**. Отметим и монографические публикации Б.Е.Чистовой и К.В.Чистова, вышедшие отдельно на немецком и русском языках и посвященные пусть и второстепенной, но все же весьма любопытной теме переписки остарбайтеров как фольклорного источника⁷⁰.

* * *

Несколько публикаций по этой тематике принадлежит и автору этих строк. Ее появлению, однако, предшествовали события, замешанные, в сущности, на чистом недоразумении.

...После публикации в начале 1990 года в популярной газете «Неделя» статьи А.Жданкина «Пенсия из-за рубежа»⁷¹ в московское Историко-просветительское общество «Мемориал» нескончаемым потоком пошли письма тех, кому, собственно, эта статья адресовалась, — письма бывших «остарбайтеров». Лавина писем, полученных «Мемориалом», — а их число приближалось к 400 тысячам! — побудило общество начать кропотливую работу по регистрации обратившихся к ним бывших «остарбайтеров»: были заведены регистрационные журналы, создан компьютерный реестр, осуществлен большой международный гуманитарно-научный проект «Восточные рабочие в Третьем Рейхе до и после 1945 года» под эгидой Научно-исследовательского центра «Мемориал» и Фонда им. Генриха Белля (ФРГ)⁷².

Помимо регистрации заявляющих о себе остарбайтеров, в рамках проекта в 1990 и 1991 годах было проведено несколько рабочих встреч. у бывших остарбайтеров были взяты десятки подробнейших интервью⁷³, собраны подлинные личные документы остарбайтеров и другие архивные материалы.

Массив накопленных в «Мемориале» писем предоставлял ускользающую возможность получить ценнейшую информацию «из первых рук» — от живущих и поныне участников событий. Но письма, как, разумеется, и интервью, не содержали и не могли содержать

информацию в наводящем на обобщения унифицированном виде. Поэтому было решено провести репрезентативное пилотажное анкетирование остарбайтеров — обследование их состава, их судеб.

Оно было осуществлено московским обществом «Мемориал» совместно с Институтом географии РАН в рамках упомянутого советско-немецкого проекта. Было разослано 207 анкет, заполненными вернулись 103 — каждая вторая. Постановка задачи и первые полученные результаты докладывались на рабочих встречах по проекту в Москве в марте 1991 и марте 1992 года. Обобщением этой работы явилась статья, опубликованная нами и Ж.Зайончковской на немецком и русском языках⁷⁴.

Письма остарбайтеров и работа над анкетой обозначили вместе с тем куда более широкое, нежели само анкетирование, поле для исследовательской деятельности. Возник научный соблазн реконструировать историческую канву коллективной судьбы остарбайтеров как **исторического явления**. Позднее к этому добавилось понимание важности и, в сущности, неизбежности параллельного анализа проблематики остарбайтеров и советских военнопленных, также подвергшихся как депортации в Германию и принудительному труду, так и репатриации в СССР.

Автор этому соблазну поддался, в результате чего и сложился замысел этой книги⁷⁵. Для работы над ней автор в 1991 году получил грант Фонда им. А.Гумбольдта, а также дружескую поддержку и научное гостеприимство со стороны профессора И.Штадельбауэра из Института географии культуры Фрайбургского университета. Разностороннее содействие в работе над книгой было оказано профессором Ст.Карнером, директором Института по изучению последствий войн (Грац, Австрия).

Первое издание этой книги «Жертвы двух диктатур» вышло осенью 1996 года при поддержке Российского государственного научного фонда и Института изучения проблем последствий войны (Грац, Австрия). Тираж книги (850 экз.) практически весь разошелся по библиотекам и специалистам, а также по представителям бывших остарбайтеров и военнопленных. На книгу вышло в общей сложности около 20 рецензий и др. откликов⁷⁶.

Обсуждения книги прошли в Московском и Санкт-Петербургском отделениях общества «Мемориал», а также на многочисленных конференциях в России и за рубежом. Часть материала монографии нашла свое отражение в докторской диссертации автора на тему «География принудительных миграций в СССР», защищенной в Институте географии РАН 10 апреля 1998 года. Сокращенная (почти втрое) версия первоначального русского издания в конце 2000 года увидела свет на немецком языке⁷⁷.

В сущности, издание 1996 было первой монографической попыткой обобщающего и панорамного исследования советских военнопленных и остарбайтеров как некоего самостоятельного и внутренне структурированного исторического феномена.

Касаясь в ряде случаев как более ранних, так и более поздних событий, книга охватывает период времени преимущественно от 1941 года (деятельность арбайтсамтов на территории СССР и первые депортации военнопленных и гражданских рабочих в Германию) по 1956 год (деятельность Комитета «За возвращение на Родину»).

Вся работа была разбита на две части. В первой, названной **«Русские в Рейхе: первые и последние»**, дается сжатый очерк статусных дефиниций и количественных характеристик советских военнопленных и остарбайтеров в Третьем Рейхе. Описываются обстоятельства их пленения, плена, принудительной «вербовки» и депортации в Германию, а также наиболее существенных моментов их быта и трудоустройства.

Во второй части — **«Родина ждет вас, сволочи!»: репатриация и бегство от нее** — показан веер судеб бывших советских военнопленных и остарбайтеров, так сказать, после Германии. Последовательно раскрываются подготовка к репатриации в 1943—1945, ее реальный ход в 1944—1952 годах, а также фильтрация репатриантов и их реинтеграция в советское общество.

За время, прошедшее после выхода первого издания «Жертв двух диктатур» в свет, обнаруживались или становились доступными все новые и новые источники, печатные и архивные, проливающие дополнительный свет как на проблематику в целом, так и на детали исследования. Задача осмысления и суммирования всех этих откликов и новых материалов была серьезнейшим стимулом при подготовке настоящего издания.

Изменения, внесенные в текст по сравнению с первым изданием, достаточно ощутимы. Заново переработаны практически все главы и параграфы книги, во многих из них упорядочен или перестроен весь внутренний материал. Большинство изменений носило дополняющий или уточняющий характер, в частности, исправлены многие опечатки и некоторые неточности (например, объяснение «хайлага» и др.), пересмотрены отдельные, особенно оценочные, цифры.

По целому ряду позиций, лишь вскользь затронутых в первом издании (таких, например, как сопротивление в лагерях, отношение к Власову и его движению и др.), во втором издании я позволил себе высказаться гораздо более определенно и развернуто.

Вместе с тем структура книги, в целом, сохранена. «Исключениями» тут стали главы первая и шестая, где добавилось по одному параграфу.

Зато совершенно переработана бывшая седьмая глава, посвященная компенсации, чему в немалой степени поспособствовал настоящий прорыв в этом вопросе, произошедший за последние два-три года. Эту главу мы заменили совершенно новым, третьим, разделом книги, состоящим из двух глав. Вопросы компенсации в нем рассматриваются хотя и выборочно, но цельно и последовательно — от

первых выплат евреям и другим жертвам нацизма в самой Германии и Израиле до самых последних событий вокруг выплат (или невыплат) солидных компенсаций за принудительный труд. Жертвы двух диктатур предстают в этом разделе до некоторой степени еще и жертвами нескольких демократий, — от немецкой, австрийской и швейцарской до российской, украинской и белорусской, долго и успешно уклонявшихся от прямых компенсационных выплат тем, чья жизнь и чей труд за миску брюквенного супа были заложены на немецкой бирже труда.

* * *

По мере истечения сроков давности закрытого хранения архивных материалов на западе и либерализации архивов в СССР и России источниковедческая база по интересующей нас теме за последнее время существенно расширилась. Подчеркнем, что **рассекречивание** богатейших российских архивных фондов, наряду с общей демократизацией тоталитарного советского режима, явилось важнейшей предпосылкой постепенного выхода из полосы замалчивания и кризиса исследований проблематики оstarбайтеров и военнопленных и их репатриации. Первая статья В.Н.Земскова появилась также благодаря «оттаиванию» архивов, зафиксировав тот его несколько уродливый первоначальный этап, когда публиковать уже разрешалось, а давать точные ссылки — еще нет⁷⁸. Увы, процесс этот и сегодня далеко не завершен, более того, он замедлился⁷⁹. Но и то, что уже приоткрылось перед исследователями, — впечатляет своими объемами и новизной.

Архивом № 1 по тематике данной книги, бесспорно, является **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Так, более чем впечатляющ, например, фонд ЧГК (ф. 7021): в нем 155 описей, 42.826 дел, более 3,5 миллионов документов!⁸⁰ В задачи ЧГК входил и поименный учет немецких трудиспользователей для привлечения их к суду или подачи иска на возмещение затрат на лечение и выплату пенсий утратившим трудоспособность оstarбайтерам. Сводная картотека на немецко-фашистских преступников и лиц, ответственных за жестокую эксплуатацию советского населения, насчитывает 76.264 карточки. Той же цели служили и опросные листы репатриированных⁸¹.

Материалы по оstarбайтерам и военнопленным и по их репатриации нередко встречаются и в так называемых «Особых папках» — Сталина, Молотова, Берии и других (ф. 9401, он. 2). Весьма и весьма «перспективны» для нашей темы и такие фонды ГАРФ, как Генеральная прокуратура СССР (ф. 8413) и в особенности фонд проверочно-фильтрационных лагерей (ф. 9408с). Интересные документы содержатся и в небольшой коллекции, переданной недавно в ГАРФ,

иерусалимским архивом Яд-Вашем⁸² (ф. 10014). В ее составе — письма, фотографии, трудовые и проездные документы, талоны и т.п. следы пребывания некоторых оstarбайтеров в Германии.

Но, бесспорно, первостепенное значение для нашей темы имеют фонды Советской Военной Администрации в Германии (ф. 7317) и Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (ф. 9526). Последний поступил в ГАРФ (в то время — ЦГАОР) в 1970 году из Архива Министерства Иностранных дел СССР⁸³. Оба фонда до сих пор полностью не рассекречены.

Особого упоминания заслуживают итоговые отчетные материалы. Так, фундаментальный «Отчет о выполнении решений правительства Союза ССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» содержит сводные данные по репатриации в СССР за период с начала репатриации по 1 марта 1946 года⁸⁴. Аналогичные материалы, но за последующие 7 лет, содержит «Отчет о выполнении решений правительства Союза ССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечественной войны за 1946—1952 гг.»⁸⁵. В целом оба отчета взаимно дополняют друг друга, но в ряде второстепенных деталей они не полностью соответствуют друг другу, что создает определенные трудности при анализе⁸⁶.

Следует особо отметить, что фонд 9526 в ГАРФ прекрасно дополняется обширными архивными материалами 3-го Европейского отдела МИД и другими документами советской дипломатии, хранящимися в *АВМ*. В свою очередь, документы о «бывших военнослужащих Красной Армии» и о самом раннем этапе репатриации (когда иных органов репатриации, кроме войсковых попросту и не было) отложились в фондах тыловых структур армий, фронтов и центральных органов Красной Армии, хранящихся в **Центральном архиве Министерства Обороны РФ** в г. Подольске (ЦАМО).

Многочисленные и, как правило, даже не описанные документы немецких оккупационных властей хранятся в областных и ведомственных архивах бывшего СССР (в частности, материалы немецких полицейских комендатур и бирж труда).

Во многих российских архивах лежат ценнейшие **трофейные материалы**, в частности, по вербовке оstarбайтеров и по использованию их труда в Германии. Например, в том же фонде ЦГК в ГАРФ (ф. 7021) имеется особая опись (*оп.* 148), где собрано 553 единицы хранения разнообразной «трофейной» немецкой документации. Но есть в России архив, практически сплошь состоящий из архивных материалов трофейного происхождения. Это бывший **Особый Архив** — уникальное и специальное собрание немецких (и не только немецких) «трофейных» материалов, которые «осели» здесь после нескольких десятилетий их оперативной или иной разработки в ряде закрытых ведомственных архивов (МГБ, МВД, МИД, Госплан).

В начале 1990-х гг. архив сменил вывеску и некоторое время именовался **Центром хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК)**. В конце 1990-х его слили с **Российским Государственным Военным архивом (РГВА)**⁸⁷. Несмотря на исключительный интерес к этому архиву со стороны иностранных исследователей, значительная часть документов до сих пор еще не введена в научный оборот; вместе с тем в ряде случаев они, бесспорно, закрывают некоторые из имеющихся информационных брешей в несравненно более изученных архивных комплексах в самой Германии.

Этот архив оказался весьма продуктивным и для наших исследований. Вот краткий перечень фондов архива, имеющих прямое касательство к нашей теме: *ф. 700* («Ведомство по Четырехлетнему плану»), *ф. 1164* («Документальные материалы полицейских органов Германии на советских и польских граждан, находившихся в Германии в период Второй мировой войны в немецко-фашистском плену»⁸⁸), *ф. 1165* («Документальные материалы на советских и польских граждан, находившихся в немецко-фашистском плену и русских эмигрантов, судимых немецко-фашистским судом»⁸⁹), *ф. 1357* («МИД Германии»⁹⁰), *ф. 1382* («Документальные материалы на советских и иностранных граждан, находившихся в Германии в период Великой Отечественной войны»⁹¹), *ф. 1451* («Трудовые книжки иностранных рабочих, находившихся в Германии в период Второй мировой войны»⁹²), *ф. 1457* («ИГ Фарбениндустри»), *ф. 1458* («Министерство экономики Германии»).

Крайне редко, но все же бывали и обратные случаи переадресовки документов из «Особого архива» иным пользователям-владельцам: так, на стыке 1950-х и 1960-х годов состоялась передача обширного комплекса материалов об остарбайтерах — приблизительно на 700 тыс. чел.: списки, трудовые книжки, списки умерших и др. — в **Центр розыска и информации Центрального комитета Красного Креста**⁹³. Материалы о репатриированных, направленных на спецпоселения, сосредоточены в **Центральном архиве МВД РФ**.

Следует упомянуть и бывшие партийные архивы ВКП(б)/КПСС во главе с бывшим Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — нынешним **Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ)**, до этого некоторое время называвшимся **Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)**. Так, весьма ценный материал содержат разного рода справки, информации и докладные записки о политических настроениях репатриантов, подписанные секретарями обкомов ВКП(б) и подготовлявшиеся в первые послевоенные годы, очевидно, по заданию Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б)⁹⁴. Такого рода документы выявлены нами, в частности, по Днепропетровской, Каменец-Подольской, Орловской и Тернопольской областям — за июль—октябрь 1945 года (самый разгар поступления

репатриированных), а по Брянской, Воронежской и Курской областям — за сентябрь—декабрь 1946 года, когда массовый поток репатриантов уже иссяк и можно было подводить первые итоги. Они содержат уникальные сведения по составу, бытовому и трудовому устройству репатриантов, размерам государственной материальной помощи (к сожалению, эти данные, как правило, некомплектны, не единообразны и несопоставимы из-за разности дат), а также о типичных настроениях и высказываниях репатриантов. Некоторые ценные, хотя разрозненные и немногочисленные документы, можно встретить и в открытых после процесса над КПСС материалах **Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ, ф. 89)**; ранее — **Центр хранения современной документации (ЦХСД)**.

В богатейшем собрании **Центрального Государственного Архива кино- и фотодокументов в Красногорске (ЦГАКФ)** материалов об угнанных в Германию советских гражданах не так уж и много, несколько лучше задокументирована судьба военнопленных. Фотодокументы отложились и в некоторых из упомянутых выше фондов **ГАРФ** или **ЦХИДК**.

Весьма существенную часть из описанных выше материалов нам удалось привлечь к работе над этой книгой. Но многие источники, несомненно, еще не освоены или не раскрыты и по-прежнему ждут своего исследователя.

Так, невозможно переоценить значимость для нашей темы **архивов бывшего КГБ** (нынешнее **ФСБ**). Все советские граждане, побывавшие под оккупацией, в плену или на принудительных работах в Германии, проходили проверку в проверочно-фильтрационных лагерях (**ПФЛ**). На каждого заводились дела фильтрации и проверки, состоявшие из анкеты и прочих разработочных материалов. Всего по Союзу насчитывалось более 3,5 млн. таких дел; соответствующий фонд был при этом раскассирован и распределен между областными управлениями **КГБ** (по местожительству «участников» картотеки); в Московском управлении, например, таких дел — около 55 тысяч⁹⁵.

В своей работе мы опирались не только на советские, но и на заграничные архивы — главным образом на немецкие, но также и на французские, американские и лихтенштейнские.

Из немецких архивных материалов, пожалуй, важнейшим источником послужили сведения так называемых «Военных дневников Экономического штаба “Ост”» — «*Kriegstagebücher der Wirtschaftsstab “Ost”*» (далее **КТБ**). Они велись регулярно в течение всей войны и сводились, как правило, в ежемесячные и ежеквартальные отчеты. Они хранятся в **Федеральном военном архиве в г. Фрайбурге (ВА/МА)**⁹⁶. Кроме того мы использовали и другие материалы этого архива (например, из собраний В.Позднякова или фон Менде), равно как и **Федерального архива в г. Кобленце (ВА — фонды Имперского**

Министерства Труда и др.), **Отделения Федерального архива в Потсдаме** (ВАР — фонд Министерства вооружений и др.), а также **Городского архива в Марбурге** (StAM).

Источниками первостепенной важности для нас послужили и разного рода **свидетельства самих оstarбайтеров и военнопленных**, в частности, повести В.Семина «Нагрудный знак “Ост”» и Н.Карпова «Маленький оstarбайтер», дневники оstarбайтера В.М.Баранова (за сентябрь 1943 — январь 1944) и военнопленного С.Воропаева (за март 1944 — март 1945)⁹⁷, письма на родину, а также опубликованные на Западе воспоминания бывших советских военнопленных-невозвращенцев Н.Вашенко, И.Лугина, П.Паляя, Ф.Черона и др.

В самых различных разделах мы опирались на результаты **выборочного анкетного обследования оstarбайтеров**, осуществленного в 1991—1992 годах. Оно заслуживает отдельного упоминания еще и потому, что оказало серьезное влияние на возникновении замысла и на «биографию» самой этой книги.

* * *

Словами искренней признательности и благодарности всем коллегам и собеседникам, без чьей разнообразной помощи эта книга не состоялась бы, — хочется завершить это затянувшееся вступление. Долгие и мимолетные беседы, расспросы и интервью, тихий перестук клавиш ноутбука в тишине читальных залов и в домашней или дорожной сутолоке, критические обсуждения на докладах и конференциях и кулуарный треп в «курилках», многочисленные архивные и библиографические «наводки», щедрая научная, организационная и человеческая поддержка (или даже противостояние) — все это автору и памятно, и дорого.

Помимо Фонда им. А.Гумбольдта, Й.Штадельбауэра и С.Карнера и возглавляемых ими институтов, эти слова адресованы в первую очередь ближайшим коллегам автора по Институту географии РАН и по совместному немецко-российскому проекту Фонда им. Г.Белля (Кельн—Берлин) и Научно-информационного просветительского центра Московского общества «Мемориал», посвященному оstarбайтерам, — Ж.Зайончковской и И.Заславскому (ИГРАН), Н.Охотину, А.Рогинскому, Н.Петрову, И.Щербаковой, Е.Жемковой и С.Цибульской («Мемориал»), а также Н.Поболу (Мандельштамовское общество), С.Ж.Зайончковской (ныне Институт экономического прогнозирования РАН, Москва), И.Заславским (ныне Университет Сан-Диего, США) и Н.Охотиным нас объединила и непосредственная работа над разработкой и анализом результатов «Анкет оstarбайтера», как уже отмечалось, широко использованной в настоящей работе (отдельное спасибо и тем, кто откликнулся на анкету). Другими организациями, в разное время прямо или косвенно поддержавшими работу автора

над этой темой, стали Российский гуманитарный научный фонд и издательство «Ваш Выбор ЦИРЗ» (Москва), Дом наук о человеке (Париж), Мемориальный музей Холокоста (Вашингтон), издательство «Р.Ольденбург» (Вена—Мюнхен), Федеральный институт восточных и международных исследований и Центр по документации периода национал-социализма (Кельн). Исторический семинар Ганноверского университета и Центр политического образования земли Нижняя Саксония (Ганновер), Институт им. Х.Арендт по исследованию тоталитаризма (Дрезден) и Ставропольский госуниверситет.

Очень много почерпнул автор из личного общения с писателями Д.Грациным (Санкт-Петербург) и Л.Копелевым (Кельн), с российскими коллегами-историками — И.Альтманом, Е.Бродским, Н.Бугаевым, В.Даниловым, Я.Драбкиным, В.Земсковым, А.Окороковым, А.Поповым и М.Семирягой (Москва), В.Конасовым (Вологда), А.Борозняком (Липецк), В.Белозеровым и А.Аникеевым (Ставрополь), К.Александровым и А.Терещуком (Санкт-Петербург), с бывшими и настоящими сотрудниками Российского фонда «Взаимопонимание и примирение» В.Князевым, Н.Фроловым, А.Тимочкиным, П.Маргиевым, С.Трухачевым и Б.Хариным, но в особенности с самими «персонажами» этой книги, бывшими жертвами или очевидцами описываемых в ней событий, — А.Агафоновым (Монмаранси, Франция), В.Барановым (Брянск), Г.Вербицким (Вестал, США), С.Богдановым, А.Волинской, Н.Дорожинским, Н.Карповым, Г.Лодкиным, Л.Ситко, Г.Хольным и М.Черненко (Москва), Г.Раром (Мюнхен), Д.Левинским и И.Макарасовым (Санкт-Петербург) и Д.Кловским (Самара).

Не менее признателен автор и своим зарубежным коллегам (главным образом историкам) — В.Форму (Марбург), Р.Келлеру и Х.-Х.Нольте (Ганновер), К.Штрайту (Гейдельберг), Р.Овермансу, Р.-Д.Мюллеру и Й.Хоффману (Фрайбург), а также Т.Лутцу, Р.Поссекелю, Г.Саатхофу и П.Яну (Берлин), Д.Дальману и С.Мелиху (Бонн), О.Бартову (Бостон), В.Айхведе и Г.Суперфину (Бремен), М.Дину (Вашингтон), А.Хильгеру (Гамбург), Б.Маркс-Штельцл (Грац), Ш.Круковскому и Г.Мореву (Иерусалим), К.Айштереру (Иннсбрук), Б.Кнабе, Э.Адамски, У.Ройтер, К.Фингс, Х.Матцерату, У.Хельбаху и Л.Эверсу (Кельн), Р.Отто (Лемго), Э.Оберлендеру (Майнц), И.Ауэрбах и Г.Лембергу (Марбург), Ю.Царуски (Мюнхен), В.Береловичу, Н.Верту, Ж.Кудри и С.Кольпар (Париж), Зен Сук Хан (Сеул—Тюбинген), Цукаша Шихару (Токио), Д.Гайеру и К.Гества (Тюбинген), Б.Боллю, В.Дайсту, М.Мессершмидту, У.Херберту, Г.Шрамму и Г.Юбершеру (Фрайбург), У.Краузе-Шмитт (Франкфурт-на-Майне), А.Хауснеру, М.Шпереру и Г.Хиршфельду (Штуттгарт) — всех и не перечислить.

Неоценимы консультации и разностороннее содействие российских и зарубежных архивистов — Д.Нохотович, А.Костенецкого и С.Мироненко, Н.Самсоновой, М.Мухамеджанова и В.Коротаева, Г.Гильмутдиновой и Е.Белевич, А.Доронина и К.Андерсона, В.Афиани, И.Барановой и Е.Тюриной (Москва), Л.Запрягаевой и А.Крупенникова

(Красногорск), В.Мухина и С.А.Ильenkova (Москва—Подольск). Б.Джеймс, Б.Мейера, Х.Беме, М.Керига, Г.Риза, П.Феслера и Л.Эккерта (Фрайбург), а также А.Ольперта (Вадун) и Т.Сармана (Париж). Отдельная благодарность П.Осборну (Вашингтон), С.Карнеру (Грац), К.-Д.Хенке (Дрезден) и У.Херберту (Фрайбург) за ценную информацию о материалах из Национального Архива США в Вашингтоне, где автор, к сожалению, не имел возможности лично поработать.

Указатели к изданию подготовлены Н.Поболем, карты — Е.Олешкевич, С.Сафроновым и А.Шафровым. Ряд других важных вспомогательных работ был выполнен И.Авцыной, О.Вендиной, М.Ерчинским, Н.Мерзиковой, Ш.Мудуевым, А.Ульяниным, а также Б.Поляном, М.Поляном, С.Цеханской и И.Поляном.

И, наконец, совершенно особая благодарность — редактору книги А.Морозовой за щедрую тщательность и доброжелательную помощь в подготовке рукописи и издательству «РОССПЭН» за проявленные великодушные и терпение к медлительному автору.

Москва—Фрайбург—Кельн, январь 2001 года.

Примечания

¹ Внешняя политика Советского Союза, 1949, с. 281—284. Вопрос о создании подобной комиссии рассматривался в верхах, начиная с июля 1942 г. (см.: СССР и Германский вопрос, 1996, с. 655). Более широкий, международный, контекст факту и времени создания ЧГК раскрывает монография американского исследователя А.Кочави, посвященная политике союзных держав в вопросе установления и наказания нацистских злодеяний (Kochavi, 1998).

² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 246б. См. Приложение 5.

³ Шевяков, 1991; Шевяков, 1992. В первой — опубликованы промежуточные результаты его разысканий, во второй, условно говоря, — окончательные. Несмотря на то, что результаты Госплана представляются А.А.Шевякову более основательными, их некомплектность и неполнота вынуждали его апеллировать к данным именно ЧГК, которые он при этом находил сильно заниженными. При их «корректировке» А.А.Шевяков допускает серьезные небрежности (например, путая области — Псковскую и Орловскую в табл. 1 второй из статей). В первой из статей А.А.Шевяков (не сделавший, кстати сказать, ни единой архивной ссылки!) сообщил, что он использовал (также не раскрытую им в статье) методику Комиссии при АН СССР по определению потерь советского народа в период Великой отечественной войны, членом которой он является.

⁴ Не вдаваясь в методические вопросы, приведем также рассчитанные А.А.Шевяковым доли мирного истребленного населения в общей численности населения союзных республик (%) — Латвийская (16,5) и Литовская ССР (15,1), УССР (8,1), Эстонская ССР (6,1), БССР (5,0), РСФСР (2,5), Молдавская (2,4) и Карело-Финская ССР (2,0). См.: Шевяков, 1991, с. 7.

Бросается в глаза явная корреляция повышенной доли погибших мирных жителей со значительным еврейским населением в Латвия, Литве и на Украине.

⁵ Сведениями по Белоруссии и по 18 областям РСФСР А.А.Шевяков не располагал, поэтому утверждал, что не впадет в ошибку, прибавив к указанной цифре еще 3 млн. чел. И прибавил, получив в сумме 8,5 млн. чел. Но, видимо, все же в ошибку впал, потому что в статье 1992 года он поправляет себя и, прибавляя к 5,5 млн. умерших от голода и эпидемий в РСФСР, УССР и Прибалтике еще 1—1,5 млн. умерших, по его догадке, в БССР и Молдавии, получает уже 6,5 млн. чел (Шевяков, 1992, с. 16). Так же «накинул» он и приблизительно 1,5 млн. к сводкам по «угнанным на немецкую каторгу»: вместо явно знакомой ему (судя по совпадениям других данных) цифры в 1.269.189 угнанных с территории РСФСР А.А.Шевяков приводит другую: 1.781.841 чел, а по Украине и того хлеще: 2.023.112 украинских остовца показалось ему маловато и он берет «госплановскую» (явно оценочную) цифру в 3 млн. ровно, к которой без смущения и аккуратно прибавляет все прочие. В итоге он получает некую «точноподобную» цифру в 5.622.336 душ, которой оперирует и в последующих публикациях.

⁶ Шевяков, 1992, с. 17.

⁷ См.: Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов // История СССР. 1989, № 2, С. 132—139; Соколов, 1991; Шевяков, 1991; Шевяков, 1992; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях // ВИЖ. 1991. № 2; Гриф секретности снят, 1993.

⁸ См.: Максудов С. Потери населения СССР. Benson: Vermont. Chalidze Publications, 1989. 298 с. (в этой работе собственно потери военного времени не рассматриваются); Максудов С. О фронтовых потерях Советской Армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. 1994. № 9. С. 117—119; Ellman M., Maksudov S. Soviet Deaths in the Great Patriotic War: a Note // Europe-Asia Studies. Vol. 46. № 4. 1994. P. 671—680; Кваша А.Я. Цена побед // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 241—251; Рыбаковский Л.Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование. 1990. № 10. С. 96—98; Андреев, Дарский, Харькова, 1990, с. 112—123 (глава «Оценка людских потерь населения СССР в период Великой Отечественной войны методом демографического баланса»); Андреев, Дарский, Харькова, 1993, с. 73—80 (глава «Оценка людских потерь населения СССР в период Великой Отечественной войны»).

⁹ Соколов, 1991, с. 7—15.

¹⁰ По: Dallin, 1957, p. 427. См. также: Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы Второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 37.

¹¹ По: Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 609.

¹² Андреев, Дарский, Харькова, 1990; 1993. Предложенный авторами метод впервые был использован в 1989 году для расчетов временного научного коллектива специалистов Минобороны, Академии наук и Госкомстата СССР, уточнявшего оценки людских потерь во время войны. Людские потери при этом в себя включали: а) всех погибших в результате военных и иных действий противника, б) умерших в результате повышения уровня смертности как в тылу, так и в прифронтовой полосе и на оккупированных

территориях, в) «невозвращенцев» — то есть граждан СССР (по состоянию на 22.06.1941), покинувших его территорию после 22.06.1941 и не возвратившихся в СССР (разумеется, без военнослужащих и граждан СССР, до 22.06.1941 работавших за границей). Снижение рождаемости в период войны, повышенная смертность в послевоенные годы и другие косвенные демографические потери в понятие «людских потерь» вместе с тем не включались.

¹³ Андреев, Дарский, Харькова, 1993, с. 77—78.

¹⁴ Fried, 1945.

¹⁵ Dallin, 1957.

¹⁶ Retlinger, 1960.

¹⁷ Homze, 1967.

¹⁸ Pfahlmann, 1968.

¹⁹ Jakobsen, 1965.

²⁰ Gatterbauer, 1975 (благодарим профессора С.Карнера, указавшего нам на этот малодоступный труд).

²¹ Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. Stuttgart, 1978. Переиздана в 1980 и, в уточненной редакции, в 1991 (Streit, 1991). В 1991—1992 годах русский перевод этой книги выборочно публиковался в ВИЖ. Однако это было не первое русское издание книги гейдельбергского историка. Первое (тоже несколько сокращенное) издание — под заглавием: «Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах» — вышло еще в 1979 году в издательстве «Прогресс». Оно было выпущено — «в порядке информации», как сказано в заметке «От издательства», — ограниченным тиражом и рассылалось по специальному списку. В настоящем издании ссылки на труд К.Штрайта даются именно по этому, «закрытому», изданию (Штрайт, 1979), поскольку именно им мы располагали во время работы. Вместе с тем в ряде случаев мы будем ссылаться и на последнее, дополненное и переработанное, немецкое издание его книги (Streit, 1991).

²² Streit, 1981.

²³ Jacobmeyer, 1985.

²⁴ Herbert, 1986.

²⁵ См., например: Berichte der Arbeitsgruppe zur Aufarbeitung der Geschichte Allendorf. 1933—1945/Bearbeitet von E.Bracht, F.Brinkman-Frisch, W.Form, K.May, J.Roth. Magistrat der Stadtallendorf (Hrsg.), 1989. 388 s.; Borgsen W., Volland K. Stalag X B Sandbostel. Zur Geschichte eines Kriegsgefangenen- und KZ-Auffanglager in Norddeutschland, 1939—1945. Bremen: Edition Temmen, 1991. 303 s.; Hüser, Otto, 1992; Weischer, 1992 и др.

²⁶ См., например: Siegfried J. Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939—1945. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1988. 331 s.; Wessel H.A. Kontinuität im Wandel. 100 Jahre Mannesmann 1890—1990. Düsseldorf, 1990; Hopmann B., Spörer M., Weitz B., Brünighaus B. Zwangsarbeit bei Daimler-Benz // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. Beiheft 78. Franz Steiner Verlag. Stuttgart, 1994.

²⁷ См., например: Boll, 1992; 1994; Gestwa, 1993; Wysocki, 1992; Kramer K.-H., Plettenberg I. Feind schafft mit... Ausländische Arbeitskräfte im Saarland während des Zweiten Weltkrieges. Ottweiler Druckerei und Verlag. Ottweiler, 1992. 336 s. и др.

- ²⁸ Укажем, в частности, на работу Габриэлы Фрайтаг (Freitag, 1996).
- ²⁹ См.: Spoerer, 2001.
- ³⁰ См., в частности, следующие работы: Jastrzebowski W. Gospodarka niemiecka w Polsce 1939—1944. Warszawa: Czytelnik, 1946. 410 s.; Rusinski W. Polozenie robotnikow polskich w czasie wojny 1939—1945 na terenie Rzeszy i «obszarow wcielonych». Czesz I. Wydanie drugie, uzupelnione. Poznan, Instytut Zachodni, 1950. 366 s.; Datner S. Zbrodnie wehrmachtu na jencach wojennych w II wojnie swiatowej. Warszawa, 1961; Szurgacz H. Przymusowe zatrudnienie Polakow przez hitlerowskiego okupanta w latach 1939—1945. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk: Ossolineum, 1971. 250 s.; Luczak C. «Kraj Warty» 1939—1945 // Studium historyczno-gospodarsze okupacji hitlerowskiej. Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 1972. 258 s.; Luczak C. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny swiatowej. Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 1974. 268 s.; Kersten K. Repatriacja ludnosci polskiej po II wojnie swiatowej. Wroclaw: Ossolineum, 1974. 247 s.; Kersten K. Kszaltowanie stosunkow ludnosciowych // Polska Ludowa 1944—1950. Przemiany spoleczne / Red. F.Ryszjka. Wroclaw: Ossolineum, 1974. 470 s.
- ³¹ См.: Датнер, 1963.
- ³² Дугас, Черон, 1994.
- ³³ См.: Вербицкий. 1996 (издание двуязычное — на русском и английском языках), а также: Вербицкий, 1995; 1996а; 1996б.
- ³⁴ Первое издание называлось «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» и выходило под редакцией Р.А.Руденко, бывшего на процессе главным обвинителем с советской стороны. Материал был распределен следующим образом: т. 1 (вышел в 1957) — Подготовка процесса. Вступительные речи главных обвинителей. Заговор; т. 2 (1958) — Преступления против мира; т. 3 и т. 4 (1958 и 1959) — Агрессия против СССР; т. 5 (1960) — Допросы подсудимых и речи адвокатов; т. 6 (1960) — Преступные организации; т. 7 (1961) — Заключительные речи главных обвинителей. Последние слова подсудимых. Приговоры. Ответственным редактором нового 8-томного собрания материалов «Нюрнбергский процесс» является А.Я.Сухарев. С 1987 по 1991 г. ежегодно выходило по одному тому, за последние годы — не вышло ни одного.
- ³⁵ Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии. М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1963.
- ³⁶ Брычев Н. Домой на Родину! М.: Воениздат, 1945 [декабрь]. 216 с. Тираж 50.000 экз. (2-е изд. — Лейпциг, июнь 1945, тираж 100.000 экз.; 3-е изд. — М., июль 1945 — тираж 75.000 экз.)
- ³⁷ Они вернулись на Родину. Альбом. М.: Управление Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации советских граждан, 1948. 98 с.
- ³⁸ Вистинецкий М.А. Родина знает о твоих муках. М.: Воениздат, 1945. 165 с. Книга содержит комментарии к интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 11.11.1944 и фрагменты воспоминаний советских граждан.
- ³⁹ Репатриация советских граждан. Сборник официальных материалов. М.: Воениздат, 1945 [декабрь]. 51 с. Тираж 30.000 экз. Упомянем и другие брошюры из этой серии, выпускавшиеся тиражом 50.000 экз. в 1944—1945 гг.: Заславский Д. Смерть и муки советских людей под пятой немецких извергов.

М.: Воениздат, 1945 [февраль]; Кривицкий А. Как советский народ помогает Красной Армии. [М., 1945]; Хазанович Ю. Этого нельзя забыть. М.: Воениздат, 1945. 36 с. (по материалам советских граждан, оказавшихся в Германии); Фомиченко. Правда о победах Красной Армии. М., 1944 [декабрь].

⁴⁰ А именно: Письма трудящихся товарищу Сталину из районов, освобожденных от немецкой оккупации; Важнейшие законы и постановления Советского государства, вышедшие во время Отечественной войны; Безденежных П. В родные края. М.: Воениздат, 1945. 55 с. (подборка очерков и рассказов о советских гражданах в немецкой неволе); Безденежных П. Как восстанавливается хозяйство в районах, освобожденных от немецкой оккупации; Леснов М. Твой долг перед Родиной; Федосеев П. Гитлеровцы — злейшие враги нашей Родины и всех свободолюбивых народов; Федосеев П. Красная Армия — освободительница. В виде брошюр были перепечатаны следующие статьи из «Правды»: Хрущев Н. Наши задачи в восстановлении и благоустройстве городов и строительстве в селах и колхозах; Пономаренко П. О сельском и колхозном строительстве в Белоруссии; Василевская В. Солнечная земля.

⁴¹ В 1949 г. пьеса была экранизирована. Своеобразным «ответом» русской литературной эмиграции может считаться рассказ А. Седых «Миссия Кати Джексон», повествующий о фиктивном браке русской оловянки Кати и английского офицера по репатриации майора Джексона. Заключение было буквально за час до прибытия в лагерь советской репатриационной миссии, этот брак спас девушку от насильственной репатриации. Рассказ, являющийся с художественной точки зрения бесспорной удачей автора, был опубликован не позже 1948 г. (см.: Седых, 1948, с. 87—97).

⁴² Листи з фашистської каторги. Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини / Ред. Ф. Шевченко. Київ: Українське видавництво політичної літератури, 1947. 158 с. (намаказано г-жой У. Краузе-Шмитт).

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 385. Впрочем, составитель сборника, И. Эрбург (дочь И. Эренбурга), утверждает, что сборник все же вышел, правда, весьма ограниченным тиражом. Обнаружить хотя бы библиографические следы этой публикации пока что не удалось.

⁴⁴ Цитата из аннотации. *Dullu* — от DP (или Displaced Persons), что означает «перемещенные лица».

⁴⁵ Толстой, 1988; Краснов, 1957; Науменко, 1962, 1970; Beer, 1990; Karner, 1994; Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994; Tolstoy, 1991 и др.

⁴⁶ Краснов, 1957; Науменко, 1962, 1970.

⁴⁷ Зотов, 1957 (совершенно очевидно, что фамилия автора вымышленная).

⁴⁸ Proudfoot, 1957.

⁴⁹ Epstein, 1973; Elliot, 1974 (см. также: Elliot, 1982); Bethel, 1974.

⁵⁰ Jacombeyer, 1985.

⁵¹ Tolstoy N. Victims of Yalta. London; Sydney; Auckland; Toronto, 1977. В 1978 книга вышла на немецком и в 1988 — на русском языке (Толстой, 1988).

⁵² Впрочем, и у Брюханова обнаружился один потаенный архивный источник. В одном месте он вспоминает, как в деревнях Слуцкого района Белоруссии попалось ему на глаза следующее объявление: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900—1927 гг. должны явиться

2 марта 1943 г. в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3—4 дня. Кто не явится — будет заподозрен в бандитизме, и с ним поступят соответствующим образом» (Брюханов, 1958, с. 10). Выдавая этот текст за плод собственной биографии, за нечто лично им виденное в партизанских атаках, на самом деле он списал его с листовки окружного комиссара Слуцкого района, фигурировавшей среди материалов, собранных ЧГК и приведенных, в частности, в упомянутом неизданном сборнике документов «Немецкая каторга» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 385. Л. 206.).

⁵³ Beer, 1990; Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994; Karner, 1994.

⁵⁴ Впервые: Дружба народов. 1976. № 4, 5. Книжное издание — однотомник 1978 года (в издательстве «Известия»). В 1978 году в мюнхенском издательстве «K. Bertelsman» вышел и немецкий перевод повести (под несколько измененным заглавием «Zum Unterschied ein Zeichen» — «Отличительный знак» и в переводе А. Кэмпфе; в 1989 г. переиздано в издательстве «Ровольт»). Если отвлечься от михалковской пьесы, то до самого недавнего времени повесть эта оставалась единственным художественным произведением, посвященным оstarбайтерам. В 1992 г. увидела свет повесть Николая Карпова «Маленький Ostarbeiter» (Согласие. 1992. № 8—9. С. 59—82).

⁵⁵ Публикация этого дневника оstarбайтера была бы, по условиям того времени, вещью еще менее предствавимой, чем публикация повести. Поэтому художественность одновременно служит здесь своего рода «прикрытием» дневниковой доподлинности, которой эта повесть безусловно проникнута. Это даст нам внутреннее право обращаться в дальнейшем в нашем исследовании к повести В. Семина одновременно и как к художественному произведению, и как к документальному свидетельству.

⁵⁶ Кочиашвили М.И. Грузины — партизаны в Голландии (Восстание на острове Тексель). Дисс. Тбилиси, 1949; Кочиашвили М. Страницы боевых подвигов. Тбилиси, 1969; Кочиашвили М.И. Грузины в антифашистском движении французского и итальянского народов (1943—1945 гг.) // Вопросы новейшей истории Грузии. Тбилиси, 1972. Вып. 6.

⁵⁷ Гем В.И. Участие советских людей в европейском антифашистском движении Сопротивления (1941—1945). Л., 1965.

⁵⁸ См., главным образом, в книгах Е.А. Бродского: Бродский Е.А. Живые борются. М., 1965; Бродский Е.А. Освободительная борьба советских патриотов в фашистской Германии (1943—1945 гг.). М., 1965. 36 с.; Brodsky J. Die Lebenden kämpfen. Die Organisation Brüderliche Zusammenarbeit der Kriegsgefangenen (BSW). Berlin (Ost), 1968; Бродский Е.А. Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941—1945 гг.). М.: Наука, 1970. 586 с.; Brodsky J.A. Im Kampf gegen den Faschismus. Sowjetische Widerstandskämpfer in Hitlerdeutschland 1941—1945. Berlin (Ost), 1975; Бродский Е.А. Они не пропали без вести. М.: Мысль, 1987. 460 с.; Brodsky J.A. Timor und andere. Sowjetische Zwangsarbeiter im Widerstand und ihr Schicksal nach der Befreiung // Herbert, 1991, s. 251—267.

⁵⁹ Семиряга, 1970.

⁶⁰ Например: Исбах А. Они боролись за Францию. М., 1960. Судьбе разведчика Л.Е. Маневича (Старостина) посвящен роман Е. Воробьева «Звезда до востребования», написанный в 1966—1970 гг.

⁶¹ См.: Бондарец В. Военнопленные. Записки капитана. М., 1960. С. 166—257; Незримый фронт. М., 1961; О чем не говорилось в сводках. М., 1962; Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы. М., 1963; Против общего врага. М., 1972; Девятаев М.П. Побег из ада. Саранск, 1963; Иоселевич А. Победили смерть. Записки бывшего узника гитлеровского концлагеря. Харьков, 1964; Сорокин С.Н. Звезда Гарибальди. Воронеж, 1969; Сорокин С.Н. Италия — в сердце. Л., 1976; Перелядов В.Я. Записки русского гарибальдийца. Новосибирск, 1988. В этот же ряд, по всей видимости, следует поставить (во многом выбивающиеся из него) воспоминания А.М.Агафонова (Глянцева) «Записки бойца “Армии теней”», публиковавшиеся в 1996 г. в австралийской еженедельной газете «Единение» (их сокращенная версия вышла в 1993 г. на немецком языке): Agafonow A. Erinnerungen eines notorischen Deserteurs. Berlin: Rowohlt, 1993. 272 s. В 1999 г., наконец, увидело свет и русское — гораздо более полное — издание этой книги, см.: Агафонов, 1999.

⁶² См., например, следующие работы: Кокорин М.А., Стручков А.А. О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах // ВИ. 1960. № 3; Куликов И.Н. Об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении // Объединение Италии. М., 1963. С. 350—378; Жугарина Л.С. Участие советских партизан в движении Сопротивления в районе Рима // Объединение Италии. М., 1963. С. 379—393; Нечаев Г. Участие советских граждан в движении Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны // ВИЖ. 1965. № 6; Брицкий П.П. Интернациональная солидарность в борьбе с фашизмом: деятельность антифашистского подполья в гитлеровских концлагерях. Львов, 1980. 135 с.; Зайцева Н.Л. Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления (область Эмилия-Романья). Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1980; Искрин М. В борьбе против гитлеровских оккупантов Норвегии // НИИ. 1982. № 6 и др.

⁶³ См.: Комолова, 1991. Не лишне отметить, что тираж этого сборника — всего 250 экз.

⁶⁴ См.: Советская молодежь в Германии-1; Советская молодежь в Германии — 2. Публикации содержат материалы об организации подпольных комсомольских структур в рабочих лагерях и об их саботажно-вредительской деятельности со ссылками на: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 53. Д. 380а. Речь идет о нескольких десятках взаимосвязанных друг с другом (а возможно и с организациями военнопленных) и чуть ли не централизованных подпольных ячеек ВЛКСМ, созданных в 1943 г. во Франкфурте-на-Майне и его окрестностях. «Выступить одному, — как верно отмечала М.Гнипель, — было бы бесполезно». Потому-то и организовывались ячейки, чтобы, как точно сказал группорг Ф.Мягих, «создать что-то сильнее одного человека». Добившись этой цели, они занялись формулировкой и исполнением задач, оправдывающих, на их взгляд, эту силу. Задачами же этими являлись — в первую очередь вредительство и саботаж, всемерное понижение трудотдачи, затем — всемерная борьба с власовским движением, а также поддержка арестованных товарищей; далее или антифашистская агитация, в том числе среди немцев, а в последние дни перед освобождением — охрана предприятий от разрушения и, как венец всему, подготовка к репатриации (уже после освобождения к ним прибавились борьба с грабежами и

единогласное содействие 4-му Государственному займу). Условием членства в этом «чем-то сильнее одного человека» была готовность во имя коммунистических идеалов действовать решительно, то есть бездумно, не считаясь с риском для жизни (впрочем, и невыполнение заданий было рискованным: «что-то сильнее одного человека» рекомендовало на такой случай смертную казнь малодушных). По линии вредительства и саботажа были разработаны детальные рекомендации («По токарному и механическому цеху: а) за свою смену минимум 75 % давать холостой ход самим рабочим станкам, а остальные 25 % давать брак и недоброкачественную продукцию; б) ежедневно перед работой засыпать подшипники рабочих станков песком и железными опилками; в) один раз в неделю оголять от изоляции провода в ябре электромоторов с таким расчетом, чтобы перед пуском мотора получалось короткое замыкание; г) как можно больше ломать токарных резцов и разного инструмента. Уничтожать, перерасходовать смазочные и горючие средства цеха» и т.д. Интересы безопасности самих вредителей (напомним, что раскрытый саботаж карался в мягчайшем из случаев концлагерем) учитывались в лучшем случае во вторую очередь. Самый факт хранения и сохранения части документации (протоколы собраний с персональными данными и т.п.) говорил о том, как мало внимания уделялось безопасности. В бумагах встречаются такие выражения, как «как можно лучше поломать» и т.п.; «вредителями» назывались как раз те, кто не вредил, а тех же, кто выполнял или перевыполнял нормы, терроризировали.

⁶⁵ Земсков, 1990.

⁶⁶ Земсков, 1993; Шевяков, 1992; Шевяков, 1993.

⁶⁷ Земсков, 1994; Шевяков, 1994.

⁶⁸ Впрочем, изменения есть и у А.А.Шевякова: он заметил статью В.Н.Земскова (1990) и впервые сослался на нее.

⁶⁹ См.: Арзамаскин, 1999а; 1999б; 2001. При этом введение в оборот нескольких новых документов сочетается у него с необозначенным цитированием из первого издания настоящей книги, даже без исправления опечаток оригинала.

⁷⁰ См.: Чистова, Чистов, 1998; Čistova, Čistov, 1998. Обе монографии являются научным изданием так называемой «фрайбургской коллекции» — картотеки выдержек из писем остарбайтеров, представляющих фольклористический интерес (см. в гл. 3.5). Отметим, что на время подготовки указанных публикаций доступ к работе с этой картотекой другим исследователям был прискорбным образом ограничен.

⁷¹ Неделя. 1990. № 9 (25 февраля — 4 марта). С. 5. Статью тогда перепечатали десятки областных и местных газет на Украине и в Белоруссии. Подробнее см. в разделе о компенсациях.

⁷² Автор этих строк являлся членом Совета и одним из активных участников этого проекта. Подробнее о проекте и о документальном собрании «Мемориала» см. в дипломной работе У.Гекен, в свое время знакомившейся, по ее просьбе, с одним из ранних вариантов рукописи первого издания настоящей книги. Эта полезная работа, ознакомиться с которой довелось сравнительно недавно, построена на анализе выборки из 50 писем, присланных бывшими остарбайтерами в общество «Мемориал» и в Фонд им. Г.Белля (Goeken, 1994; из добросовестности констатирую, что на с. 22 этого диплома с изумлением встретил курьезные обвинения в свой адрес...

в плагиате, причем в качестве «источников» плагиата названы У.Херберт и В.Якобмайер; позднее г-жа Гекен принесла мне свои устные извинения и сожаления).

- 7) См., например: Scherbakowa I. Für immer abgestempelt. Ostarbeiter: Schicksale nach Deutschland verschleppter Russen // Süddeutsche Zeitung. 1993. № 24, 30/31 Januar. S. III; Die Ostarbeiterinnen: Opfer zweier Diktaturen. Heinrich-Böll-Stiftung (Hrsg.). Köln, 1994.
- 8) Polian, Zajonckovskaja, 1993; Зайончковская, Полян, 1995.
- 9) Выходу книги предшествовала предварительная публикация отдельных ее положений в немецкой и российской периодике (Polian, 1992; Polian, 1994; Polian, Zajonckovskaja, 1993; Полян, 1993а; Полян, 1993б; Зайончковская, Полян, 1995). Газета «Мегаполис — Континент», в частности, опубликовала целые фрагменты, взятые, преимущественно, из третьей главы книги. В журнале «Знамя» (1995. № 5 и 1996. № 6) с незначительными выпусками опубликованы дневники бывшего «остарбайтера» В.М.Баранова (Баранов, 1995) и военнопленного С.Воропаева (Воропаев, 1996).
- 10) См.: Рец.: 1) Мнашакян С. Под указ подпадают даже книги // Моск. комсомолец. 20.10.1996; 2) Почивалов Л. «Родина вас ждет, сволочи!» // ЛГ. 30.10.1996. № 44. С. 10; 3) Население и общество. Информационный бюллетень Центра по демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 14. Октябрь 1996. С. 4; 4) Соб. инф. [Леонтьев Я.]. Чужие среди своих и чужих // Общая газета. 1997. № 2. 16—22 января. С. 10; 5) Пар Г. Жертвы двух диктатур // Российско-немецкая газета. № 4. Апрель 1997. С. 15; 6) Краюхин С. «Родина ждет вас, сволочи...» // Известия. 29.04.1997. С. 5; 7) Жажоян М. Жертвы одной диктатуры // Русская мысль (Париж). 1997. № 4173. 8—14 мая. С. 12; 8) Черненко М. Анкетное проклятье // Московские новости. 1997. № 19. 11—18 мая. С. 22; 9) Вербицкий Г.Г. Белые пятна новейшей русской истории. // Посев. 1997. № 3. С. 64—65; 10) Свинцов В. Прокляты и забыты // Знамя. 1997. № 8. С. 228—230; 11) Wehner M. Opfer zweier Diktaturen. Eine russische Untersuchung über Ostarbeiter und Kriegsgefangene // Fränkischer Allgemeine Zeitung. 1997. № 224. 26 September. S. 14; 12) Анисеев А.А. Книга П.Поляна «Жертвы двух диктатур» // Вестник Ставропольского государственного университета. 1997. № 10. С. 168—170; 13) Knabe B. Pavel Poljan. Zertvy dvuch diktatur. Ostarbeitery i voennoplennyye v Tre't'em Rejche i ich repatriacija. Moskva: Vash Vybor CIRZ, 1996. 442 s. // Osteuropa. 1997. № 10—11. S. 1151 (на нем. яз.); 14) Пивоваров Ю.Л. П.М.Полян. Жертвы двух диктатур. М., 1996 // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 10. С. 942—951; 15) Пивоваров Ю.Л. П.М.Полян. Жертвы двух диктатур. М., 1996 // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 127—128; 16) Pivovarov J.L. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация by P.Polyan. Moscow: Vash Vybor TzIRZ, 1996 // Trames. A Journal of the Humanities and Social Sciences. Cambridge, 1997. V. 1. № 4. P. 376—383 (на англ. яз.); 17) [Реферат] // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб., 1998. № 6—7. С. 425; 18) Schramm G. Pavel Polian. Zertvy dvuch diktatur... Moskau, 1996. 443 s. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. Jg. 46. H. 2. S. 312—313 (на нем. яз.); 19) Skokan L. Zertvy dvuch diktatur... // Geografie. Sbornik Zeške Geografické Společnosti. 1998/2. Ročník 103. S. 134—135 (на чешск. яз.); 20) Auerbach I. // Hessischer Jahrbuch für Landesgeschichte. 1998. Bd. 48.

- S. 395—396 (на нем. яз.); 21) Nolte H.-H. Pavel Poljan. Zertvy dvuch diktatur... Moskau, 1996. 442 s. // Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts. März 1999. Heft 1. S. 169—171 (на нем. яз.).
- ⁷⁷ Poljan P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und Ihre Repatriierung. Kriegsfolgen-Forschung (Hrsg. von S.Karner), Bd. 2. R. Oldenbourg Verlag. München-Wien, 2001. 224 s.
- ⁷⁸ Прекрасное описание этого «размораживания» и его политической подоплеки дано в обзоре мюнхенского историка Ю.Царусского (Zarusky J. Bemerkungen zur Russischen Archivsituation // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. № 41. 1993. S. 139—147).
- ⁷⁹ Последнее обстоятельство вызывает серьезное беспокойство, косвенным откликом на которое явилось Распоряжение Президента Российской Федерации № 489-рп от 22.09.1994 о создании специальной Комиссии по рассекречиванию документов, созданных КИСС.
- ⁸⁰ В работе по составлению актов о преступлениях немецких захватчиков и оценке причиненного ими ущерба приняло участие свыше 7 млн. чел. Работа была завершена в 1946 году, после чего оставались только отдел исследований и архив (в 1951 году переданный в ЦГАОР-ГАРФ). Постановления о ликвидации ЧГК не было.
- ⁸¹ См. Приложение 25.
- ⁸² Jad-Washeh, Jerusalem. The Central Archive for the Disaster and the Heroism.
- ⁸³ Вместе с тем это всего лишь часть архивного наследия этого Управления, обширный архив которого, в связи с ликвидацией Управления в 1953 году, был распределен между разными министерствами, а именно: МГБ СССР — учетный материал на прибывших в СССР советских граждан, карточки на репатриированных в СССР военнопленных и гражданских лиц, карточки на прибывших в СССР бывших эмигрантов, карточки на репатриированных в СССР советских граждан, служивших в армии Андерса; МВД СССР — учетный материал, включая карточки на немецких военнопленных и интернированных граждан, репатриированных из СССР, а также картотека на 2.815.660 чел. репатриированных советских граждан (по состоянию на 26.11.1946); МИД СССР — учетный материал, включая карточки на советских перемещенных граждан, находящихся за границей, и карточки на советских детей, возвратившихся в СССР; ЦАМО — секретные приказы Уполномоченного по репатриации, переписка по личному составу Управления, материалы по награждению и присвоению званий офицерскому составу (подробнее см. в дипломной работе: Мохов С.Н. Обзор фонда Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации о советских людях, угнанных в Германию в годы Великой Отечественной войны, хранящегося в ЦГАОР / Научный руководитель И.А.Альтман. М., Историко-архивный институт, 1990). При передаче архива, вместо пяти имевшихся в АВП описей, была составлена одна общая опись, строящаяся по хронологии и разбитая на разделы (вместо ранее имевшихся глухих заголовков дел были составлены новые, тем не менее и новые заголовки во многих случаях не отражают такие важные материалы, как списки узников концлагерей, детей-сирот, партизанских групп, действовавших на территории Западной Европы и т.д.). После обработки фонд 9526 снова состоит из 5 описей и содержит около 1300 дел.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Точнее говоря, это проект отчета (о чем свидетельствует не только соответствующая помета, но и приколотая записка

Голикова: «Т.Голубеву. Я просмотрел весь отчет и все приложения. Но не читая. Видно, что проделана большая работа. Необходимо все это раз-
вить, но проверить, обеспечить правильность и в окончательном виде
дать мне 1 экз. для прочтения. Голиков 2.V.46». Однако окончательного
текста отчета (если таковой и существовал) в архиве не имеется, а мы опи-
раемся на имеющийся источник (далее — Отчет-1). Отчет как бы обрам-
ляют еще несколько единиц хранения: «Приложение к отчету о выполне-
нии решений правительства Союза ССР по проведению репатриации гра-
ждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечест-
венной войны за 1941—1945 гг.» (д. 2), «Материалы к итоговому отчету о
выполнении решений правительства Союза ССР по проведению репатриа-
ции граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой
Отечественной войны за 1941—1945 гг. Диаграммы» (д. 3), «Фотоальбом
аппарата Управления Уполномоченного по делам репатриации с 15 фото-
графиями за 1944—1946 гг.» (д. 4 и 5), «Фотоиллюстрации к докладу По-
литпросветотдела Управления Уполномоченного по делам репатриации»
(д. 6).

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. 182 л. (далее — Отчет-2).

⁸⁶ См., например, Приложение 16.

⁸⁷ При ссылках на материалы бывшего ЦХИДК к номерам фондов теперь добавляется буква «к» (например: РГВА. Ф. 700к).

⁸⁸ В нем — 115 дел за 1931—1944 гг.: распоряжения управления гестапо Дюс-
сельдорфа (1943) об аресте и заключении в концлагеря лиц славянского
происхождения; следственные, надзорные, розыскные и прочие дела, в том
числе о принадлежности к коммунистической партии и различным орга-
низациям сопротивления и о ведении антинемецкой агитации; о сабота-
же и отказе от принудительных работ; о побегах из концлагерей; о совет-
ских гражданах, находившихся в Германии в командировках и выписы-
вавших советские газеты и журналы и т.д. (систематизировано по алфа-
виту фамилий).

⁸⁹ В фонде — 14 дел за 1940—1946 гг, в том числе: следственное дело Марии
Кондратюк, подозреваемой в совершении аборта (17.05.—22.08.1944); су-
дебное дело Антонины Радченко, находившейся на принудительных рабо-
тах в Германии и обвинявшейся в краже водки со склада винного магазина
(9.03.—29.04.1944); еще одно судебное дело А.Радченко, находившейся на
принудительных работах в Германии и обвинявшейся в нарушении гитле-
ровского закона о ношении советскими гражданами опознавательных зна-
ков (12.12.1944—17.02.1945) и т.д.

⁹⁰ Среди имеющихся материалов — карточки иностранных рабочих, направ-
ляющихся в отпуск; прошения фольксдойче о переселении из довоенной
Галиции, Белоруссии, Украины в Германию (1940) и др.

⁹¹ В фонде — 2 описи и 197 дел. Среди них — медицинские свидетельства,
истории болезней, свидетельства о рождении, личные дела, расчетные ли-
сты, счета за лечение, бланки полицейской регистрации бывших граждан
СССР, Польши, Чехословакии, работавших в Германии) циркуляры руко-
водителя «Трудового фронта», Уполномоченного по 4-хлетнему плану и
др. Интересно, в частности, и небольшое собрание фотографий восточ-
ных рабочих (на предприятии Хабемфа), в том числе и фотографии детей,
проходивших там курс производственного обучения; имеется «Список

советских граждан, служивших в немецкой армии и находившихся на излечении в немецких военных госпиталях, дислоцированных на территории Ростоцкого уезда за период 1944—1945 годов» (составлен, по всей видимости, по журналам регистрации больных).

⁹² В фонде — 124 дела (1935—1945 гг.), причем материалы о гражданах СССР находятся в д. 93, 121.

⁹³ По сообщению И.С.Соколовой — 27 ящиков.

⁹⁴ Как правило, адресованы тов. Поздняк. Хранятся в РГАСПИ. Два документа — по Орловской и Брянской областям — были впервые оглашены Ю.В.Аксютиним на рабочей встрече советско-немецкого проекта «Восточные рабочие» в марте 1992 года в Москве.

⁹⁵ См.: Петров Н. «Политика руководства КТБ в отношении архивного дела была преступной...» // Карта (Варшава). 1993. № 1. С. 4—5.

⁹⁶ Подавляющее большинство КТБ сосредоточено в ВА/МА, но отдельные отчеты встречались и в других хранилищах, в том числе и российских (например, отчет за IV квартал 1943 года имеется в: РГВА. Ф. 700к. Оп. 2. Д. 4. Вместе с тем типовые отчеты за 1941, за вторую половину 1944 и за 1945 г. в фондах ВА/МА нами не обнаружены (хотя отдельные интересные документы за это время все же встречаются). Нижеследующее указание на сигнатуры ВА/МА, соответствующие строго фиксированным периодам ведения КТБ, позволяет нам заменить большинство ссылок на место хранения более значимыми указаниями дат соответствующих событий или записей о них:

ВА/МА, RW 31/16 — за 1.01.—30.03.1942

ВА/МА, RW 31/18 — за 1.04.—30.06.1942

ВА/МА, RW 31/20 — за 1.07.—30.09.1942

ВА/МА, RW 31/23 — за 1.10.—31.12.1942

ВА/МА, RW 31/27 — за 1.01.—30.03.1943

ВА/МА, RW 31/29 — за 1.04.—30.06.1943

ВА/МА, RW 31/33, 319 — за 1.07.—30.09.1943

ВА/МА, RW 31/35 — за 1.10.—31.12.1943

ВА/МА, RW 31/38 — за 1.01.—30.03.1944

ВА/МА, RW 31/40 — за 1.04.—30.06.1944

Ссылки на сведения, почерпнутые из КТБ, далее не оговариваются; в то же время приводятся ссылки на документы, содержащиеся в прилагаемых к КТБ (за те же месяцы) отдельных папках с приказами, перепиской и прочими материалами Экономического Штаба «Ост» — Wirtschaftsstab Ost (далее ВШО).

⁹⁷ «Дневник советского военнопленного Воропаева Сергея, замученного немцами в Ламсдорфском лагере в Польше (умер от туберкулеза 23.03.45 года)» (ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 102. Д. 631; далее Воропаев, с указанием даты).

Часть I.

РУССКИЕ В РЕЙХЕ: ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ

«Для миллионов оstarбайтеров Германия стала второй Сибирью...»

(Альфред Розенберг)

«И без сентиментальностей...»

(Фриц Заукель)

**«Погибнет ли десять тысяч русских баб
от изнурения во время рытья противотанковых ровов,
меня не интересует. Для меня важно только одно —
когда этот ров будет закончен для Германии!»**

(Генрих Гиммлер. Из речи в Позене (4 октября 1943 г.))

«Хэнде хох!». Август 1943, р-н Харькова.
(ЦГАКФ, он. 2, п. 413, сн. 10, тр. ф.)

1.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РОССИИ: РАЗМЕННАЯ МОНЕТА ВОЙНЫ

1.1. Принудительный труд в Германии: корни и побег

Если мысленно отвлечься от человеконенавистнической доктрины фашизма и от идеологической подоплеки войны с СССР («битва мировоззрений» и т.п.), то можно обнаружить и определенные задачи чисто практического характера, которые Германия таким образом попыталась решить.

Использование дешевого (если не бесплатного) принудительного труда советских военнопленных и гражданских рабочих может показаться одной из таких задач. И хотя на деле все обстояло несколько сложнее, в нужный момент германская экономика и германское общество показали себя прекрасно подготовленными к перевариванию мускульной энергии миллионов рабов с востока.

И не случайно. «Традиции», весь ужас которых раскрылся в годы Второй мировой войны, были определенно заложены во времена Первой. В момент выстрела в Сараево на территории Рейха работало около полумиллиона иностранцев, главным образом сельхозработчиков — поляков с русским или австрийским гражданством. Приказ Прусского военного министерства об их интернировании и направлении на «уборку урожая и другие срочные работы», собственно, означал отказ от европейской правовой практики и утверждал (нет, восстанавливал!) феодальное представление о трудовых ресурсах как о серьезном и желанном военном трофее¹.

После начала Первой мировой войны прочие иностранцы — граждане воюющих с Германией стран — также были интернированы и фактически переведены на положение гражданских пленных (по сути — заложников), а границы между насильственной депортацией и «добровольными» трудовыми контрактами стали неразличимыми. Хуже всего приходилось польским рабочим из России, подпадавшим под положения «чрезвычайного права»: их размещали в лагерях, для них был введен комендантский час, свобода перемещения была ограничена, их кормили впроголодь, над ними всячески издевались, а за уклонение от труда — наказывали.

Еще более бесправными и «удобными» для немецких предпринимателей были военнопленные; их в 1914—1918 гг. насчитывалось

в общей сложности 2.521 тыс. чел., из них больше всего российских поданных — 1.435 тыс. чел.² Согласно Н.Толстому, их было существенно больше — 2.417 тыс. чел.³ По данным Центральной коллегии о пленных и беженцах при СНК РСФСР, за все время войны и до начала 1918 года русская армия потеряла пленными 3.395.105 чел., из них 56,9 % попали к австро-венграм и 42,1 %, — или около 1.426 тыс. чел. — к немцам⁴. И.Ленцен называет еще большую цифру — 3,8 млн. чел., но в нее включены и гражданские интернированные⁵.

Массовое привлечение военнопленных к труду началось сразу после военных неудач сентября 1914 года: из 1,6 млн. военнопленных, находившихся в Германии в августе 1916 года, к труду были привлечены по меньшей мере две трети, из них большинство (тоже около 2/3) работали в сельском хозяйстве⁶.

«Репетиция» 1914—1918 годов, обнажив сильные и слабые стороны системы принудительного труда иностранцев, была признана в целом успешной.

По ее ходу, правда, обнаружились зловещие симптомы национальной спеси «культурных немцев» по отношению к «недоразвитым» рабочим и военнопленным с востока, и с таким багажом бюргерам при Гитлере было проще всецело предаться национал-социализму (расизму) как идеологии и фашизму как практике. Без «репетиции» едва ли был бы возможен и тот семилетний стаж пусть не бесперебойной, но отлаженной работы механизмов принудительного труда в Третьем Рейхе. Тем самым преступный «опыт» кайзеровской Германии был сознательно подхвачен и развит во времена фюрера.

Но определенный опыт накапливался и в межвоенный период. Так, между 1923 и 1936 гг. число иностранных рабочих в Германии колебалось между 155 и 236 тыс. чел. (1931 и 1928 гг.) В «веймарское» время, однако, серьезно изменился правовой статус иностранных рабочих: от былого уравнивания с немецкими рабочими в правах, тарифах зарплаты и условиях найма после Баварской республики — до ограничения возможности воспользоваться всеми этими правами к концу Веймарской (в условиях безработицы и кризиса иностранные рабочие составляли лишь резерв, прежде всего — резерв аграрного труда).

С 1937 года Германия снова столкнулась с дефицитом рабочих рук. Это привело к тому, что иностранные рабочие — польские крестьяне, голландские дояры, итальянские кирпичники, чешские промышленные рабочие — снова стали желанными немецкой экономике. Их численность пошла резко вверх: в 1936 году — 229, в 1937 — 328 и в 1938 — 398 тыс. чел., причем доля занятых в сельском хозяйстве среди них за 1936—1938 гг. возросла с одной до двух пятых.

Заполучить рабочие руки можно было по-разному, и аншлюс Австрии 13 марта 1938 года тут чрезвычайно показателен. В этой «арийской» стране было тогда не менее 400 тыс. безработных (как правило, квалифицированных специалистов). Те, правда, не очень-то и рвались

на германские хлеба, но применение к «Остмарк» (как тогда называлась Австрия) постановления «Об обеспечении рабочей силой задач особого государственного и политического значения», принятого в июле 1938 года, узаконило их трудовую повинность, и около 100 тыс. попало в Германию, — в сущности, принудительно.

Таким образом, иронизирует У.Херберт, теория «большого европейского экономического пространства» как будто бы блестяще подтверждалась. Но уже к концу 1938 года в экономическом отношении и сама Австрия «сравнилась» со старыми областями Рейха, демонстрируя типичные проявления дефицита «перегретшейся» военной экономики. А это, в свою очередь, толкало к новым экспансиям, и они не заставили себя ждать: операция «Грюн» (оккупация Чехословакии в марте 1939 года) выбросила на немецкий рынок труда еще около 100 тыс. безработных.

Австрия и Богемия с Моравией были переварены службами труда очень быстро. Следующей на «очереди» была Польша.

Показательно, что уже 3 сентября были созданы биржи труда в Рыбнике и Диршау, а управления трудовыми ресурсами чуть ли не обгоняли вермахт! В первые же дни сентября 1939 года до 3/4 польских военнопленных были мобилизованы на уборку пропашных и на другие сельскохозяйственные работы в Германии, а к концу года в Рейх было «поставлено» до 250 тыс. польских военнопленных и до 30 тыс. гражданских рабочих.

Такая оперативность красноречива: многими исследователями она была воспринята как свидетельство длительной и интенсивной организационной подготовки, как практическое приложение концепции устранения дефицита рабочей силы в Рейхе за счет принудительного труда граждан завоеванных стран⁷.

А дефицит, надо сказать, был колоссальный: без пушечного мяса, без солдат войны не бывает. К 1944 году число немецких мужчин, занятых в армии и в хозяйстве Рейха, почти сравнялось: численность первых за 1939—1944 гг. возросла с 1,4 до 13,0 млн. чел., а вторых — сократилась с 24,5 до 13,5 млн. чел. При этом число работающих женщин за те же годы возросло лишь на 0,3 млн. чел., то есть почти не изменилось.

И тем не менее общее число работающих в Третьем Рейхе — в результате всех предпринятых чрезвычайных мер — практически непрерывно росло, достигнув к октябрю 1944 года 28,9 млн. чел. По сравнению с 31 декабря 1942 года, прирост — на 13,5 %!

За то же время число иностранных рабочих увеличилось с 4,0 до 5,9 млн. чел., или почти в 1,5 раза, а их доля возросла с 15,7 до 20,5 %. Иными словами, каждый пятый трудящийся в Рейхе — был иностранцем! В промышленности же иностранцем был чуть ли не каждый третий, а на предприятиях военной индустрии, особенно на авиазаводах, где требовалась, в основном, работа на конвейере, их доля была еще выше⁸.

**Иностранные гражданские
и военнопленные рабочие в Третьем Рейхе
(1939—1944, по состоянию на 31 мая; млн. чел. и %)**

Годы	Гражданские рабочие		Военнопленные		Итого	
	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%
1939	0,3	100	—	—	0,3	100
1940	0,8	70	0,35	30	1,15	100
1941	1,75	58	1,27	42	3,02	100
1942	2,64	64	1,48	36	4,12	100
1943	4,64	74	1,62	26	6,26	100
1944	5,3	74	1,83	26	7,13	100

Источник: Homse, 1967, p. 233

Вместе же с задействованными в Рейхе военнопленными общее число «фремдарбайтеров» в стране доходило до 7,3 млн. чел. в конце мая и 7,9 млн. чел. в сентябре 1944 года!⁹ На них, без преувеличения, и держался — до самых последних месяцев войны — трудовой баланс нацистского государства.

Распределение иностранных рабочих и военнопленных в Третьем Рейхе по странам происхождения характеризует таблица 1.1.2.

Стране, развязавшей войну и тем самым разменявшей трактористов на танкистов, стабильный дефицит кадровых сельскохозяйственных рабочих был обеспечен: за 1939—1944 гг. их число уменьшилось на 2,3 млн. чел. — как за счет призыва крестьян в армию, так и за счет их перевода в другие отрасли. Дефицит же покрывался отчасти за счет так называемых «сельских помощников» — узаконенной годичной отработки в деревне выпускников средних школ и гимназий, мобилизации на посевную и на уборку даже младшеклассников, но все же главным образом — за счет иностранцев. Вместе с тем структурные акценты за годы войны резко сместились: если в 1940 году 76 % всех наличных военнопленных и 51 % гражданских рабочих использовались в сельском хозяйстве Германии, тогда как в промышленности, соответственно, 8 и 29 %, то к 1944 году доля сельского хозяйства упала (до 36 и 34 %), а доля промышленности — возросла (до 44 и 45 %)¹⁰.

Таблица 1.1.2

Иностранные гражданские и военнопленные рабочие в Третьем Рейхе

(август—сентябрь 1944 г.; тыс. чел.)

Страна	Гражданские	Военнопленные	Всего
СССР	2174.6	631.6	2806.2
Польша	1662.3	28.3	1690.6
Франция	646.4	600	1246.4
Италия	287.4	427.2	714.6
Чехословакия	313.9	—	313.9
Голландия	254.5	—	254.5
Бельгия	199.4	50.4	249.8
Югославия	97.8	89.4	187.2
Великобритания	—	80.7	80.7
Прибалтийские страны	44.8	—	44.8
Венгрия	24.6	—	24.6
Швейцария	17	—	17
Болгария	16.3	—	16.3
Дания	16	—	16
Греция	15.7	—	15.7
Всего:	5976.7	1930.1	7906.8

Источники: Herbert, 1991, s. 8. Данные о гражданских рабочих — по состоянию на 30.09.1944; о военнопленных — по состоянию на 15.08.1944 (AEGR, № 10 von, 31.10.1944 und № 11/12 von, 30.12.1944).

Тем не менее общее число занятых в сельском хозяйстве удерживалось на уровне около 10,5 млн. чел., а его доля в общем балансе занятости даже несколько поднялась — с 27,7 до 31,5 %. Но за этими, на первый взгляд, благополучными цифрами прятался резкий качественный спад и снижение производительности: *«Замена кадровых рабочих "сельскими помощниками" обусловила ухудшение эксплуатации машин и орудий, агротехники. Повсеместно машинный труд заменялся физическим»*¹¹. Социальные регуляторы эксплуатации наемного труда в деревне были практически аннулированы: не стало ни социального страхования, ни ограничения трудового дня, доходившего до 14 часов, ни охраны женского и детского труда; были понижены, — а частично и переведены в натуральную форму, — и тарифы (до 22 RM в месяц летом и 15 RM — зимой), что сделало их несопоставимыми с тарифами в промышленности¹².

Очевидное падение производительности труда в сельском хозяйстве могло быть компенсировано только «числом», то есть количеством привлеченной рабочей силы, и под этим углом зрения сельское хозяйство Германии испытывало нехватку рабочих рук постоянно¹³. Заполнить столь внушительные бреши и должны были рабочие с Востока: сначала — поляки, а потом — оstarбайтеры, граждане СССР.

Если же говорить о «чисто» экономических аспектах использования принудительного труда иностранцев, то эффективность его представляется весьма проблематичной:

*«Жизнь показала, что применение рабочей силы против ее воли осуществимо лишь при огромных затратах — «немножко» принудительного труда не бывает. Такие затраты сил в административной, полицейской и организационной сферах окупаются только при больших масштабах: в отношении военнопленных эти усилия были по плечу только военным, а в отношении гражданских иностранных рабочих — государству, использующему средства тоталитарного режима»*¹⁴.

Оказалось, что принудительный труд был целесообразен лишь на простых операциях массового производства, тогда как применение его на участках, требующих квалификации, совместимо лишь с эрозией его принудительного характера и включением экономических рычагов-стимулов. С чисто экономической точки зрения принудительный труд часто был невыгоден и для самих предприятий и предпринимателей, которым приходилось оплачивать всю его инфраструктуру — набор, транспортировку, жилье, обучение, охрану и т.п., в итоге получая низкую трудовую дисциплину и незавидную выработку.

Германия — государство-агрессор — была обречена испытывать непроходящую и изнурительную «жажду» дешевых — а еще лучше, бесплатных, — рабочих рук. Подневольный человеческий труд стал своеобразным «наркотиком», хотя и утолявшим на время боль, но никак не воздействовавшим на ее источники. С этой точки зрения

Германия была экономически запрограммирована на поражение, но с чистого наркоманским инстинктом стремилась именно к блицкригам, как к последнему шансу.

Своеобразное «мастерство» таких корифеев своего дела, как министр вооружений Толт, его преемник Шпеер или Главноуполномоченный по труду Заукель (о чем и о ком ниже) только оттягивало агонию чудовищного режима, но предотвратить экономический коллапс Третьего Рейха уже ничто было не в состоянии.

Примечания

¹ Впрочем, и этому предшествовала длительная «подготовка». Еще с 60-х годов XIX в., когда Германия встала на путь индустриализации и урбанизации, польские «сезонники» восполнили собой обычные эволюционные «потери» от миграции типа «село—город» среди самого немецкого населения. Нанимателей в высшей степени «устроивало» то, что поляки были рады любой работе и без жалоб мирились с плохими оплатой и жильем, ненормированным рабочим днем и правовой дискриминацией, что за использование их труда не надо было платить в фонд «социального страхования» и что они хуже, чем кто бы то ни было, воспринимали социал-демократическую агитацию.

² См.: Streit, 1991, s. 10, со ссылкой на: Scheidl F. Die Kriegsgefangenschaft. Berlin, 1943. S. 96. При этом смертность среди них (5,4 %) была лишь ненамного выше, чем у военнопленных других национальностей (3,5 %).

³ В их числе 700—800 тыс. украинцев: из них в плену умерло 70 тыс. чел., безало из плена — 260 тыс. чел. и только 2 тыс. чел. — украинские националисты, поддавшиеся немецкой агитации, — дезертировали в немецкую армию (Толстой, 1988, с. 22; со ссылками на: Golovine N.N. The Russian Arms in the World War. Yale, 1931. P. 87—103; McCarty D.J. The Prisoner of the War in Germany. London, 1918. P. 130, 132; Allen W.E. The Ukraine: a History. Cambridge, 1940. P. 273). По всей видимости, в эту цифру включена часть военнопленных, находившихся в руках Австро-Венгрии.

⁴ Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // НИИ. 1996. № 4. С. 66.

Ленцен, 1998, с. 129.

⁵ Подробнее см.: Phalmann, 1968; Herbert, 1986.

⁶ С такой точкой зрения не согласен У.Херберт: самих событий и их недвусмысленной логичности, полагает он, все же недостаточно. Но собственная его контраргументация не переубеждает: «...Если бы такая концепция была, — пишет он, — то документальные свидетельства были бы многочисленнее, чем это есть на самом деле». Анализ динамики трудового баланса страны выводит его на альтернативу: «женский труд — или труд иностранцев?». Извлеченный им отсюда вывод, на наш взгляд, только подтверждает отвергаемую им позицию: «...От решения проблемы рабочей силы зависела вся программа подготовки к войне, и оставалась только одна возможность получить дополнительную рабочую силу — это иностранцы» (Herbert, s. 48—49).

⁷ И в региональном разрезе доля иностранных рабочих варьировалась довольно широко. Так, в округах Вена—Нижний Дунай и Верхний Дунай,

а также в Померании она составляла около 30 %, а в Восточной Пруссии даже перевалила за треть (33,9 %). Напротив, пониженной долей характеризовались Верхняя Силезия и Данциг—Западная Пруссия (13,3—13,4 %), а также Юго-Западная Германия, Рейнланд и Вестфалия (17—18 %).

⁹ См. табл. 1.1.1. и 1.1.2.

¹⁰ Homze, 1967, p. 234—235.

¹¹ Аникиев, 1990, с. 107. Примечателен и тот вывод, что «...в военное время держать более производительную мужскую рабочую силу предпочитали — а главное, могли себе позволить — только крупные землевладельцы (главным образом в Восточной Пруссии и Померании), тогда как мелкие и средние крестьяне вынуждены были прибегать к найму женщин и детей» (там же, с. 108).

¹² Аникиев, 1990, с. 109, со ссылкой на: Wunderlich F. Farm labor in Germany (1810—1945). Princeton, 1961. P. 248.

¹³ Так, в марте 1942 г., то есть накануне назначения Заукеля, нехватка рабочих рук оценивалась в 850 тыс. чел., что составляло почти 10 % всех занятых (Аникиев, 1990, с. 110, со ссылкой на: Militär Archiv DDR, WWR (Thomas), № 61.90/3, Bl. 92.

¹⁴ Herbert, 1986, s. 33—34.

1.2. Блицкриг «Барбаросса» и виды на трудоемкое использование: «Брать или не брать?..»

13 февраля 1941 года ведомство оборонной промышленности — под грифами «Важно!» и «Только для офицеров!» — выпустило предположительный документ: «Экономические последствия операции на Востоке». Три десятка избыточных цифрами страниц — что-то вроде шпаргалки для гимназистов с погонами — на тему: «Чем Великий Рейх хочет поживиться в России»¹.

Немецкие стратеги в первую очередь положили глаз на украинский и поволжский хлеб², среднеазиатский и американский (в виде запасов на фабриках!) — хлопок, среднерусские коноплю и лен, донецкий уголь, криворожские марганец и железную руду, кольские нефелин, никель, фосфаты, сибирский цинк (на складах комбинатов в Подольске и Ленинграде), карпатский и северорусский лес. Отдельные главки были посвящены нефти и каучуку — с ними (а также с вольфрамом, медью, платиной, цинком, асбестом) в Германии было особенно туго, а по некоторым видам нефтепродуктов запасов едва хватало до августа—сентября.

Рекомендательная часть шпаргалки сводилась в основном к недопущению уничтожения запасов и решению вопроса с транспортировкой; задача заполучения — причем в неповрежденном виде — кавказской нефти относилась к числу краткосрочных.

Были, конечно, в Германии и трезвые головы, реально представлявшие себе экономические последствия войны на востоке, как, например, беспартийный (!) министр финансов граф Шверин фон Крозинг, деликатно спрашивавший Геринга, не явится ли война на востоке даже для такого услужливого, преданного и доверенного народа, как немецкий, «испытанием на перегрузку»³? Но никто не хотел его слышать и не слушал.

Тем более что созданный в апреле 1941 года «Экономический штаб особого назначения Ольденбург», в отличие от рейхсминистра финансов, излучал исключительный оптимизм. Его задачей была выработка экономических целей восточной кампании для последующей эксплуатации ресурсов Советского Союза. Впоследствии он был переименован в «Экономический штаб Ост» (Wirtschaftsstab Ost, или ВШО) и занимался уже практической реализацией домашних теоретических набросков. Первым начальником ВШО был генерал-лейтенант люфтваффе Шуберт. 1 июля 1942 года его сменил на этом посту пехотный генерал Томас, возглавлявший до этого экономическую службу ОКВ (еще позднее его самого заменит генерал-лейтенант Штафф).

Исходили при этом именно из блицкрига (войны в несколько месяцев, если не недель), из невосприимчивости захваченных ресурсов и полного игнорирования интересов гражданского населения СССР.

И если военнопленные и планировались — порядка 2—3 млн., из них 1—2 млн. в первые полтора месяца, — то никак не в связи с их трудоиспользованием.

Ни слова о перекачке трудовых ресурсов в Рейх не было и в брошюре «Экономические последствия операции на Востоке». Но там хоть было отмечено, что в длительной перспективе успех экономической политики Рейха будет зависеть от того, сколько населения ему достанется и в какой степени его удастся привлечь к *Mitarbeit* — «*трудовому сотрудничеству*».

Так же ни слова об этом и в так называемой «Зеленой папке» — секретной инструкции «Задачи и организация экономики», выпущенной ОКВ в начале июня 1941 года. Потребность в рабочей силе в ней, правда, признавалась, но только в пределах потребностей самих завоеванных территорий⁴.

В отчете ВШО за первые две недели войны с СССР также утверждалось, что экономические интересы вермахта и Рейха едва ли потребуют много местного населения⁵. Так что, — подхватим, несмотря на недовысказанность, уже знакомую мысль, — в сохранении жизни и рабочих рук советских аборигенов Великая Германия (во всяком случае накануне и в первые месяцы войны) заинтересована не была⁶.

Впрочем, война поначалу оправдывала чуть ли не все ожидания берлинских стратегов. Линия фронта стремительно катилась на восток, оставляя за собой набухающие оперативные зоны групп армий, хозяйством которых управлял из Берлина ВШО, а на местах — его подразделения при штабах каждой из трех групп — «Норд» («Север»), «Митте» («Центр») и «Зюд» («Юг»).

В уже упомянутом отчете ВШО за две начальные недели войны (с 22 июня по 5 июля 1941 года) большой интерес представляет общая характеристика положения. В районах к западу от границ 1939—1940 гг. экономика почти нормализовалась и нерешенным оставался, в сущности, лишь один вопрос — еврейский (поскольку, как это ни прискорбно, экономически ввиду их многочисленности и по крайней мере в первое время, — евреи все еще были необходимы). А вот к востоку от старых границ положение было менее определенным. Было еще неясно, будут местные крестьяне добровольно сотрудничать с Рейхом или нет, в какой форме им возвращать их обобщественную собственность (а они располагали только домами, небольшим количеством коров и клочками земли от 1/4 до 1 гектара) или нет и т.п..

Что касается евреев, то, несмотря на усилия эсэсовских зондеркоманд, они еще долгое время были чуть ли не главной головной болью ВШО: с ними по-прежнему приходилось иметь дело и даже считаться как со специалистами. В отчете за третью неделю войны следует похвала некоему «дрогобычскому опыту», где на местном нефтеочистном заводе еврей-руководители использовались всего неделю, после чего фабрика продолжила работу уже без них, «юденфрай». Под статью

и вывод: опыт предыдущих войн настоятельно требует скорейшей геттизации евреев, дабы пресечь их контакты с неевреями и избавить всех от опасности еврейской контрпропаганды. К работе привлекать — только в порядке исключения (простительном для начала войны) и только на ограниченное время. *«Наказывать евреев расстрелом — слишком много чести для них, их надо в таком случае вешать»*, — читаем в направленном Герингу 14 августа 1941 года экономическом докладе⁸.

Сами же оперативные зоны за первый месяц войны разбухли настолько, что оказалось разумным передать часть оккупированных территорий под гражданское управление. 17 июля 1941 года Гитлер издал указ об управлении завоеванными территориями, конституировавший Имперское министерство по делам восточных земель (РМО)⁹. Рейхсляйтер Альфред Розенберг был назначен министром.

Тем же указом Гитлера на территории СССР были введены — доселе невиданные — территориально-административные единицы. Это, во-первых, **«Округ Белосток»**, управление которым принял оберпрезидент Восточной Пруссии. Во-вторых, **«Дистрикт Галиция»** в составе Львовской, Станиславской, Тернопольской и Дрогобычской областей и со столицей в Лемберге (Львове); Галиция была включена в состав **Генерал-Губернаторства** (эвфемизм, созданный для обозначения того, что осталось от Польши после ее завоевания и расчленения) со столицей в Варшаве. В-третьих, **«Рейхскомиссариат Остланд»** (РКО) в составе Эстонии, Латвии, Литвы и северной Белоруссии — со столицей сначала в Ковно, а затем в Риге¹⁰. В октябре 1941 года к ним добавился еще и **«Рейхскомиссариат Украина»** (РКУ) — в составе остальной Украины, южной Белоруссии и Крыма и со столицей сначала в Ровно, а затем в Киеве¹¹. На будущее планировались еще два рейхскомиссариата — «Кавказ» и «Москва».

Бывшая советская Молдавия, Приднестровье и солидный кусок юго-западной Украины с Одессой во главе составили так называемую **Румынскую оккупационную зону**, состоявшую из трех «губернаторств»: **Бессарабии** (в составе Молдавии и Измаильской области), **Северной Буковины** (Черновицкая область) и **Транснистрии** (Одесская область).

Финляндия, под юрисдикцию которой попали территории к северу от Невы и Свири и Ладожского и Онежского озер, ограничилась созданием **Военного управления Восточной Карелии** и гражданскую администрацию на оккупированной территории создавать не стала.

Представлять себе всю эту нововведенную административную структуру на оккупированных территориях СССР тем более важно, что политика Германии в области труда осуществлялась и регулировалась, скажем, в РКО и в РКУ достаточно автономно и не всегда одинаково.

Оперативные же зоны вермахта разматывались все дальше и дальше на восток — от границ рейхскомиссариатов до самой линии фронта.

Рис. 1.2.1. Рейхскомиссарнат Остланд. Начало 1943 г.
(Das Reich. Berlin, 10.01.1943)

Маленькая справка: по состоянию на 1 января 1941 года, население СССР насчитывало 195,4 млн. чел.¹² Территории, оказавшиеся под оккупацией, к началу 1943 года составляли 1,926 млн. кв. км¹³. Проживало на них в довоенное время 88 млн. чел., или 46% населения страны¹⁴. Часть людей была эвакуирована (приблизительно 10—15 млн. чел.), часть служила в Красной Армии, но даже при всей приблизительности этих цифр получается, что под оккупацией побывало не менее 60—65 млн. советских граждан!¹⁵ На подвергшихся оккупации территориях работало почти 2/5 несельскохозяйственных трудовых ресурсов СССР — 11,8 из 31,2 млн. рабочих и служащих, зарегистрированных в СССР в 1940 году¹⁶.

Между тем жизнь на оккупированных территориях постепенно приобретала новые и как будто прочные и даже мирные очертания.

В двухнедельном отчете ВШО за период с 20 июля по 2 августа 1941 года сообщается, что настроение крестьян в основном дружественное и что колхозный скот практически повсеместно, особенно на Украине, поделен между ними, но на юге и в центре земля не поделена, хотя на севере (в районах Пскова и Витебска) крестьяне уже поделили между собой и землю. Повсеместно ждут роспуска колхозов, и крестьяне рассчитывают на понимание и поддержку с немецкой стороны в этом главнейшем для себя вопросе и надеются, что их пожелания сбудутся.

Намерение распустить колхозы, судя по всему, входило еще в так называемый «План Геринга от 23 июня 1941 года»¹⁷, но никто не торопился его выполнять: преобладало убеждение, что по старинке, колхозам-совхозам, легче будет и урожай собирать и с народом управляться.

«Новый порядок» до боли напоминал старый. Немецкие офицеры не отрывали голов от бланков колхозных отчетов, чесали головы, силясь понять содержание термина «трудодень», например. В конце концов, 21 августа 1941 года экономическая инспекция, отделение по труду и шефгруппа по сельскому хозяйству группы армий «Центр (Митте)» напечатали памятку об оплате труда в колхозах, совхозах и на МТС — в сущности, идентичную той, что ходила и при советской власти¹⁸.

Такая нерешительность в кардинальном и, быть может, политически решающем вопросе, в конечном счете, дорого стоила завоевателям. Уже в начале сентября настроение крестьян изменилось, и в отчете ВШО за первую половину месяца говорится о заметном разочаровании населения. Еще вчера «дружественное» настроение украинцев обозначается теперь как «тем не менее дружественное», — и это несмотря на открытие закрытых большевиками церквей и роспуск по домам части военнопленных-украинцев! Во второй половине октября составители отчета будут вынуждены найти дополнительную краску — «все еще дружественное», а для ноября — подыскать и вовсе новый эпитет: «выжидательное отношение». К концу ноября, когда положение с питанием, одеждой и обувью ничуть не улучшилось и

участились случаи смерти от истощения прямо на рабочем месте, ВШО пришлось констатировать: население уже поняло, что от оккупации немцами оно не выиграло, а проиграло¹⁹.

Практические действия немецкой администрации, направленные на «временное сохранение» колхозной системы, вызвали у большинства «новорожденных» колхозников отчаяние: «Nje perezhijwjom Kolchosy» — приведенная в отчете транслитерация настроения крестьянства для русского читателя в переводе не нуждается. Ударом по настроению крестьян была и частичная экспроприация скота — вполне советское мероприятие²⁰. Немцев поначалу явно устраивало, что колхозы и совхозы — это все-таки крупные хозяйства, а именно на крупном землевладении и юнкерстве зиждилось сельское хозяйство Германии.

И лишь в Остланде, да и то только в прибалтийских его округах (бецирках) рейхскомиссар Лозе распоряжением от 13 сентября 1941 года аннулировал земельную реформу, проведенную СССР в 1940 году: в результате земли были возвращены их прежним владельцам, но только номинально и заочно, — поскольку изрядное число владельцев было депортировано советской властью в Сибирь.

Для остальной же оккупированной территории движение в том же направлении началось с гигантским опозданием. Только 15 февраля 1942 года Розенберг выпустил указ «О новом аграрном порядке», который оговаривал первый (переходный) этап преобразования колхозов и совхозов. На их основе создавались так называемые «общинные хозяйства» (то есть те же колхозы) и «государственные имения» (те же совхозы), а также «пункты технической помощи сельскому хозяйству» (те же машино-тракторные станции) — при этом каждый крестьянин получал в частную собственность 1,5 га земли и право неограниченного разведения скота. Вторым этапом этой реформы должно было стать формирование «сельскохозяйственных кооперативов», в которые объединятся сами крестьяне, ставшие мелкими землевладельцами, а третьим — создание «дельными» и «надежными» крестьянами «единоличных хозяйств».

Лояльность властям и безусловное выполнение предписаний немецких сельхозуправлений и поставок подразумевались сами собой. «Детонатором» реформ стал и ход войны: начиная терпеть поражение на поле битвы, немцы решили отыграться на поле жатвы, и 3 июля 1943 года издали, наконец, декларацию о наделении землей крестьян всех оккупированных территорий. Согласно этой декларации, вся земля, ранее отведенная крестьянам в пользование, передавалась им в собственность.

Тем не менее немцы были вполне убеждены в том, что несмотря на всю преданность частнособственническим идеалам, — русский человек без принуждения и контроля работать не будет. Того, что применительно к себе немцы называли «трудовой моралью», у подвластного им населения страны Советов, на их взгляд, не наблюдалось.

Их особенно раздражало то, что население городов разбредается по окрестным деревням и выменивает, выменивает, выменивает что-то на пропитание своей семьи, не очень-то считаясь с тем, выходной сегодня день или рабочий (когда, по немецким понятиям, не работать нельзя). В полумесячном отчете за вторую половину октября 1941 года находим целый комплекс мер, предназначенных для борьбы с этим неприятным для немецкой администрации явлением: организацию горожан в рабочие колонны, лишение продуктовых карточек, проверку населения деревень и высылку из них в города тех, кто там до «освобождения» (вариант: до 22 июня 1941 года) не жил и т.д.²¹

Причина же этого «неприятного явления» исключительно проста: отвратительное снабжение городов (в деревнях было сытнее)²². Горожанам предназначалось лишь то, что оставалось после «насыщения» армии, немецкой администрации и продовольственных поставок в Рейх.

Лучшее средство борьбы с надвигающейся и обещающей быть затяжной безработицей, вызванной всеми разрушениями и недостатком сырья и топлива, виделось в уборке урожая (наряду с ремонтными работами в интересах армии и усилиями по скорейшему восстановлению местных фабрик и их переориентацией на нужды Германии). По прикидкам из двухнедельного отчета ВШО за период с 3 по 16 августа 1941 года, уборка, помимо военнопленных, требовала привлечения дополнительно 100 тыс. гражданских лиц²³.

Тем самым снабжение продовольствием перекладывалось на плечи самого населения, хотя и не было известно, какой урожай удастся собрать. При этом отделам сельского хозяйства, ответственным за продовольствие, рекомендовалось первоначально устанавливать как можно более низкие рационы — с тем, чтобы заставить население израсходовать сначала свои запасы²⁴.

Пусть и не с такой стремительностью, как в Польше, но с такой же методичностью на оккупированных территориях СССР в систему вводился **принудительный труд**. 5 августа 1941 года Розенберг издал распоряжение о введении здесь обязательной трудовой повинности²⁵. Все граждане в возрасте от 18 до 45 лет объявлялись трудообязанными, кроме евреев, для которых верхняя возрастная рамка трудообязанности была поднята до 60 лет²⁶. Разумеется, в оперативной зоне и до этого издавались боевые приказы, предписывавшие населению работать на оккупантов и грозившие всем и каждому, в случае невыполнения или саботажа, самым суровым наказанием — вплоть до взятия в заложники и даже казни уклоняющегося или членов его семьи.

Постепенно **«арбайтсамты»** — органы одновременно оккупационной власти и общегерманской службы труда (по немецкому образцу их создали и в румынской оккупационной зоне вокруг Одессы) стали одним из важнейших профилей жизни под оккупацией. Их служащие

были сотрудниками министерства Розенберга и управлений труда и одновременно носили военные звания «зондерфюреров», что упрощало их постоянное (и, как мы еще успеем убедиться, не всегда идиллическое) взаимодействие с армейскими службами, особенно в оперативных зонах²⁷. Сама же схема управления была достаточно сложна: руководящие импульсы могли исходить из РМО, из ВШО и из Министерства труда. В ВШО этими вопросами занималась поначалу Спецгруппа по труду (Sondergruppe Arbeit), преобразованная в Отдел по вопросам труда (Abteilung Arbeit)²⁸. Отдел по труду был создан и в РМО.

Еще не зная, где, когда и сколько рабочих рук понадобится, арбайтсамты набрасывали на завоеванные земли свою ячеистую сеть, неспешно разворачивали свои службы и пункты. К началу августа 1941 года было открыто по меньшей мере 60 районных арбайтсамтов, занятых на первых порах составлением обзоров о положении с трудовыми ресурсами в каждом районе и охватом имеющихся в распоряжении сил посредством приказов о регистрации всех безработных в службах труда. Кроме того, они выполняли посреднические функции при трудоустройстве.

Безработных, к слову сказать, было немало. Так, по состоянию на 1 ноября 1941 года, только в оперативной зоне их было зарегистрировано около 125 тыс. чел. (см. таблицу 1.2.1).

Таблица 1.2.1

**Количество безработных и завербованных
в оперативных зонах вермахта
(на 1.11.1941; чел.)**

Оперативные зоны вермахта	Безработные	Завербованные		Всего	В т. ч. жен.
		Муж.	Жен.		
«Зюд» («Юг»)	29204	34831	64035	10100	2683
«Митте» («Центр»)	9112	24439	33551	11100	3240
«Норд» («Север»)	6651	20487	27138	9092	2596
Итого:	44967	79757	124724	30292	8519

Источник: КГБ, отчет ВШО за 1—15.11.1941.

Учреждение и род деятельности арбайтсамтов нашли свое отражение в «Служебных указаниях пунктам отделения по труду экономической службы <вермахта> относительно постановки трудониспользования на Востоке»²⁹. В качестве их главной задачи указано скорейшее

привлечение имеющейся рабочей силы к работам, важным для успешного ведения боевых действий или способствующим немецкой экономике (такowymi считались прежде всего работы в области транспорта, обеспечения продуктами питания и нефтедобычи). Персонал самих служб труда комплектовался по потребности³⁰ и, в основном, кроме руководящих должностей, из местных кадров. Что же касается евреев, то для них учреждалась отдельная и рассчитанная на их доверчивость служба, лишенная права принимать самостоятельные решения и находящаяся под строжайшим наблюдением.

Сплошная инвентаризация рабочей силы и точное представление о ее возможностях, об экономической структуре того или иного района мыслились основой упорядоченного трудоустройства. Соответствующая текущая статистика (ежедневная и ежемесячная) должна была давать простое и ясное представление о движении безработицы и вакансий, а также о трудоустройстве военнопленных и евреев; на основании этой статистики представлялся ежемесячный отчет.

Основными документами, обрабатываемыми в арбайтсамтах, были заявления о поиске работы (Arbeitsgesuche), посреднические поручения (Vermittlungsaufträge), предписания (Zuweisungen) и контрольные отчеты (Kontrolmeldungen). На каждого подавшего заявление заводилась карточка, аналогичная той, что была принята в Рейхе³¹. Копия соответствующей карты — что-то вроде трудовой книжки — выдавалась на руки заявителю для исполнения предписаний и фиксации последующих перемещений.

«Явиться немедленно. Неявка ведет к тяжким последствиям», — так писали на открытках-повестках, предписывающих адресатам явиться в арбайтсамт³². Скрывающихся по деревням или уклоняющихся от работы предлагалось со всею решительностью снимать с довольствия.

Как видим, машина службы труда не бездействовала и не ржавела; ее, не торопясь, отлаживали и — запускали. Независимо от высшей политической «конъюнктуры» она наращивала инфраструктуру и была готова к любым последующим указаниям: вербовать для местных работ? — пожалуйста; рабочие руки для Рейха? — битте шен; зарегистрировать взрослое население и проанализировать обстановку на рынке труда? — кайн проблем!

Подчеркнем: все вышеописанное касалось исключительно гражданского, мирного населения оккупированных территорий. Что же до трудоустройства **военнопленных**, — как на территории противника, так и на территории самого Рейха, — то оно представлялось явлением естественным, нормальным и не нуждающимся в ином, кроме целесообразности, обосновании³³.

Об этом, в частности, свидетельствует один очень ранний приказ Кейтеля, изданный за две недели до нападения на СССР. Ввиду важности этого документа воспроизведем его текст полностью³⁴:

Указания по использованию русских военнопленных

I. Основание:

Русских военнопленных следует в первую очередь использовать на русской территории и заставлять их там работать. Вопрос об их транспортировке на территорию Рейха будет поставлен лишь в том случае, если это сочтут необходимым Уполномоченный по Четырехлетнему Плану или Экономическое управление по делам военнопленных Главного командования Вермахта. Эвакуация <отправка в тыл> говорящих по-немецки русских, евреев и представителей азиатских рас в Рейх недопустима.

II. Трудоиспользование:

Трудоиспользование допустимо в следующих случаях:

I. На оккупированной восточной территории:

а) В оперативной зоне — путем формирования Генерал-квартирмейстером ОКВ рабочих команд для обеспечения в опорных пунктах снабжения, строительства дорог и мостов, сооружений для авиации и флота, а также для использования территории в интересах войск. Генерал-квартирмейстер ОКВ учитывает при этом потребности всех трех родов войск.

б) В районах военного подчинения — командирами военнопленных в рамках русской экономики (промышленности и сельского хозяйства). Требования направляются командирам военнопленных через соответствующие органы экономики и управления.

2. В Рейхе:

Через ОКВ АВА по согласованию с Имперским министерством труда:

а) для строительства лагерей для военнопленных;

б) для замены убывающих французских военнопленных;

в) для насущных потребностей немецкой экономики.

Русские военнопленные должны выводиться на работы в Германии в основном охраняемыми колоннами.

III. Указания по переводу командного состава военнопленных (офицеров и унтер-офицеров) в «патриотические организации», а также особенности обращения с военнопленными в зависимости от их национальности на- стоящим <приказом> не затрагиваются.

Командующий Вермахтом
Кейт е л ь

Естественно, что поначалу трудоиспользование советских военнопленных — бригадами и под строжайшей охраной — допускалось только в интересах немецкой армии и на местах, то есть непосредственно на оккупированных землях. Летом 1941 года так оно примерно и было: до 700 тыс. советских пленных трудились на объектах наступающего вермахта.

Но вместе с тем и в прифронтовых экономических штабах зрело осознание некоторой двусмысленности и нелепости, с точки зрения немецких интересов, того, что столько рабочей силы «пропадает» зря. Так, в отчете ВШО за первую половину сентября 1941 года читаем:

«В занятых областях наблюдается заметный переизбыток гражданской и военнопленной рабочей силы. Остаются незадействованными ценнейшие возможности. Вопрос об использовании гражданской рабочей силы для решения важнейших военных задач Рейха приобретает, таким образом, значение и остроту. Особенно нуждаются в них строительные подразделения пехоты, флота и военно-воздушных сил. В занятых областях советские гражданские рабочие... и военнопленные должны использоваться только в присутствии надзирающего персонала и бригадиров. Число военнопленных на сегодняшний день насчитывает 2 миллиона чел. В интересах Рейха может быть использован 1 миллион человек. Это приблизительно соответствует потребности Рейха в трудоустройстве военнопленных, прежде всего в строительном секторе»³⁵.

Но напомним, что принудительный труд в самом Рейхе миллионов военнопленных и остарбайтеров заблаговременно и специально никем **не планировался**. Из Берлина тогда казалось, что затея была бы слишком вредной и рискованной с точки зрения «народной» (или национал-социалистической), а с точки зрения экономической — ненужной или избыточной.

Единственно нужной была победа, которая сама собой сняла бы с плеч всю тысячу тысяч проблем. За пять дней до начала войны Геббельс записал в своем дневнике:

«Мы должны напасть на Россию и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых срочно нужны нам для военной экономики... У нас есть и сырье, и машины для трехмесячной работы, но не хватает людей...»³⁶

Быстрая победа (а кто сомневался в ней?) и только она решала всю проблему: усталые, но довольные германцы — господа и победители! — возвратились бы на родину: к своим семьям, станкам, заготовкам, коровам!³⁷

У.Херберт тонко и точно подметил: если политический процесс в Германии до восточной кампании — это результирующая кривая различных компромиссов и прежде всего — между долгосрочными целями (идеалами) и краткосрочными запросами, то после 22 июня 1941 года все противоречия отступили на второй план: экономические, социальные и идеологические проблемные ситуации разрешались как бы одним ударом, в образе нового врага найдя себе мощный знаменатель единства. Поначалу, как отмечает исследователь, конфликтов между ведомствами практически не возникало!

Еще в августе 1941 года в опьяненном успехах ОКВ всерьез обсуждался вопрос о расформировании пусть не 150, но хотя бы 50 дивизий — а это около 300 тыс. чел. — и о возвращении их личного состава в Рейх для работы на военных заводах! И если бы руководство хотя бы на миг допускало потребность в трудоустройстве тех же военнопленных в Рейхе, то разве допустило бы оно такую — см. ниже — смертность своей рабсилы?!

Между тем уже летом 1941 года положение именно на внутреннем германском фронте — то бишь на трудовом — складывалось далеко не так радужно, как на военных, и даже 300-тысячный «десант» демобилизованных солдат, если бы он осуществился, не только бы не спас, но даже не выправил бы положения. За период с мая 1940 по май 1941 года численность германских трудовых ресурсов снизилась на 1,7 млн. чел. Трудodefицит при этом составлял порядка 2,6 млн. рабочих мест, из них до 500 тыс. — в сельском хозяйстве, 300 тыс. — в металлопромышленности, 140 тыс. — в строительстве и 50 тыс. — в горнодобыче (где даже начало сокращаться производство!).

И, хотя в целом промышленность выжидала, некоторые шахты и военные фирмы Пура уже в июне 1941 года все же подали свои заявки на русскую рабочую силу.

Тогда над ними разве что не посмеялись. Однако уже 4 июля на совещании в Управлении военной экономики и вооружений впервые обсуждались резоны и перспективы ослабления запрета на ввоз в Рейх советских рабочих рук. Сама возможность такого использования уже почти не отрицалась, а потребный объем рабочей силы определили тогда в 560 тыс. чел. Из них для сельского хозяйства предназначалось 400 тыс., для строительства — 80 и для горнодобычи — 10 тыс. чел.; кроме того для нужд военной промышленности предлагалось держать 70 тыс. человек «в резерве» — если они не будут изысканы как-то иначе³⁸.

Понемногу и в высшем нацистском руководстве начался (точнее, вырвался наружу) неизбежный — медленный и тягучий — процесс пересмотра стратегических принципов. Так, при условии что поставки рабочих рук в Рейх будут исключением, а не правилом, с ними соглашался и фельдмаршал Кейтель, всякий раз подчеркивавший приоритет потребностей фронта и вермахта в трудоустройстве русских. На состоявшемся 9 июля 1941 года в Растенбурге совещании руководителей различных отделений и служб ВШЮ во главе с его начальником генерал-лейтенантом Шубертом прозвучал принадлежащий фельдмаршалу Кейтелю образ *Nachzug*'а — дополнительного, или прицепного поезда, необходимость в котором возникает лишь в случае, если не все поместились в основном³⁹. Понятно, что под «основным» поездом Кейтель подразумевал вермахт, то есть себя⁴⁰.

Забегая вперед, отметим, что соперничество военных и служб труда за советские рабочие руки и верховенство при этом военных

сохранялось — с незначительными перерывами — практически все два с половиной года активных занятий служб рейха вербовкой и трудоустройством дармовых рабочих рук советских граждан. Даже на самом пике заукелевских рапортов фюреру «вербовка в Рейх» не занимала приоритетного, а в самом лучшем случае — лишь паритетное с потребностями воюющей армии положение.

Но и берлинские «хозяйственники» и «трудовики» умели настаивать на своем, и Германия снова вставала на путь компромиссов. Благо, все необходимые для этого «формулы» уже давно были изобретены в «польском варианте» 1939 года: трудоустройство «польских рабочих» (читай: «советских рабочих») — это, конечно, зло, но это неизбежное зло, и просто его надо довести до минимума. «Польских (читай: “советских”) рабочих» использовать в принципе можно, но только отдельными бригадами и там и только там, где не будет контакта с местным населением: тогда вред от их присутствия будет небольшим.

В партийном циркуляре, выпущенном в середине августа, сфера применимости русских в Германии регламентировалась пожестче: на торфоразработках, в каменоломнях, соляных рудниках, строительстве дорог и каналов, но ни в коем случае — на шахтах, в сельском хозяйстве или на подземных военных заводах!

Но дело не только и не столько в «лоббистских талантах». Основные коррективы в «стратегию» внес прежде всего сам ход войны, опрокинувший доктрину вождя немецкого блицкрига. Приблизительно в конце августа в окружении Гитлера стало ясно, что закончить кампанию до зимы не удастся; к тому же Министерство вооружений докладывало о новой 800-тысячной «дыре» в трудовом балансе одной лишь военной экономики.

Так что два октябрьских 1941 года приказа Гитлера легли на хорошо взрыхленную и удобренную почву — приказ от 15 октября (об условно возможном) и приказ от 31 октября (о просто широком) использовании труда русских военнопленных на работах в Германии⁴¹.

Уже 7 ноября — под девизом «русские рабочие руки нам отныне нужны» — подробные указания по их использованию, закрепляющие важные уступки военной индустрии, издал и рейхсмаршал Геринг⁴². Постановлением от 14 ноября все полномочия по регулированию этого круга вопросов и координации трудоустройства советских военнопленных и гражданских лиц в Германии, включая Протекторат и Генерал-Губернаторство, он передал своему Ведомству по Четырехлетнему плану, в частности, «Группе по использованию трудовых ресурсов»⁴³.

Тем самым «опыт», приобретенный на поляках, предлагался к широкому распространению и творческому развитию на русском «материале» (вряд ли тогда и сам Геринг мог предполагать, сколь обширным и массовым со временем окажется этот новый «русский материал»!).

Необычайно важное обстоятельство: согласие на использование советских рабочих распространялось уже тогда не только на военнопленных (хотя их было еще сколько угодно!), но и на гражданских лиц. Впервые этот вопрос (не в отрицательном свете) затрагивался еще 24 сентября 1941 года. Тогда обсуждалось, стоит проводить такого рода мероприятия на всей оккупированной территории или только в «новых» областях, аннексированных СССР в 1939—1940 гг.⁴⁴

Так, рейхсминистр труда д-р Макс Тимм, благословив перед тем вербовку с территорий Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, к вопросу об использовании советских гражданских рабочих подошел с крайней осторожностью. Он лишь соглашался с такой возможностью в принципе, но был сторонником пробных партий, что позволило бы «накопить соответствующий опыт». Позиция несколько странная для человека, лучше других знакомого с состоянием трудового баланса Германии.

Но другой осведомленный человек — рейхсмаршал Геринг, действуя, напротив, решительней, призвал к максимальной утилизации русской рабочей силы.

В ходе обсуждения 7 ноября 1941 года в Берлине этого вопроса он дал следующие указания⁴⁵. Русских гражданских рабочих на оккупированных территориях использовать: в оперативной зоне — для транспортного строительства (немецкие стройбаты за счет этого расформировывались) и разминирования, на территории рейхскомиссариатов и Генерал-Губернаторства — для нужд сельского хозяйства, а также угледобычи. Окончательно признавалось и приветствовалось трудоустройство русских гражданских рабочих и военнопленных в самой Германии — по потребности и во взаимовыязке друг с другом⁴⁶. И хоть на том же совещании говорилось, что русским не нужно ниже белье, потому что оно им едва ли знакомо, все же задачу им доверяли ответственную и благородную — высвободить из трудового процесса немецкую женщину и заменить собой *«рабочих из других государств, имеющих пониженную работоспособность и потребляющих слишком много пищи»*⁴⁷.

Таким образом, давалась установка на замену «мало работающих и много едящих» западных рабочих — восточными, русскими (надо полагать, «много работающими и мало едящими»). *«Квалифицированные рабочие-немцы должны заниматься производством вооружений; грести лопатой и долбить камень — не их задача, для этого есть русские... Немецкий рабочий — начальник над русскими»*, — наставлял всеведущий Геринг⁴⁸.

В плане содержания и поощрения рекомендовалось не делать различия между русскими гражданскими и военнопленными рабочими, но всячески координировать их вербовку и трудоустройство. Поощрять же их следовало дополнительным питанием, небольшими карманными деньгами и материальной помощью родным в России. При этом — оставаясь в рамках чисто экономического расчета —

предписывалось «...исходить из того, что сама низкая зарплата в восточных областях, согласно категорическому приказу фюрера, является предпосылкой для покрытия военных издержек и уплаты военных долгов Германии по окончании войны»⁴⁷.

И снова Геринг попал в десятку! Вольно или невольно, но он озвучил то же циничное «кредо» советских хозяйственников, что лежало в фундаменте и сталинской индустриализации: «заставь на рубль, заплати на копейку!».

Примечания

¹ ВА/МА, RW 19, № 738. Подзаголовок: «Предполагаемый военно-экономический выигрыш завоевания Европейской части СССР (без Кавказа и Урала)».

² Этим они рассчитывали покрыть дополнительные нужды Рейха в 1941—1942 гг. (на животноводство в Берлине иных, кроме снабжения воюющей армии, надежд не возлагали, хотя на кавказские стада и отары облизывались). Существенное улучшение снабжения Германии за тот же счет относилось на более позднее время, после всесторонней реорганизации сельского хозяйства по немецкому образцу. Покуда же — «коллективное хозяйство <колхозы — П.П.> в случае оккупации должно облегчить хозяйственное использование земли. Быстрая смена формы экономики может привести к очень тяжелым экономическим помехам» (ВА/МА, RW 19, № 738, s. 6).

³ См. его рассуждения об иллюзорности экономических выгод от завоевания СССР в интереснейшем — и в каком-то смысле пророческом — письме к рейхсмаршалу Герингу от 19.04.1941 (Приложение 1).

⁴ ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 358. Л. 30—34.

⁵ Двухнедельный отчет ВШО за 22.06.—05.07.1941 (ВА/МА, RW 31/66).

⁶ Есть даже указание на то, что существовал некий прямой запрет Гитлера на использование труда русских на территории Рейха. У.Херберт ссылается при этом на свидетельство руководителя Отдела по делам военнопленных Брейера от 04.07.1941 (см.: Herbert, 1986, s. 135, 393, со ссылкой на: IMT, Bd. 27, Dok. 1199 PS, s. 63.f).

⁷ ВА/МА, RW 31/66.

⁸ ВА/МА, WI/ID 298-300. Неполюхое средство подсказывал и многоопытный Гейдрих: «Не препятствовать стремлениям антикоммунистических и антиеврейских кругов к самостоятельным действиям. Наоборот, эти стремления должны негласно поощряться, активизироваться и направляться... Целесообразно организовывать местные погромы» См. телефонограмму Гейдриха начальникам оперативных групп «зипо» от 29.06.1941 (ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357. Л. 25—26; «Зипо» — от нем. Sipo, или Sicherheitspolizei — полиция безопасности).

⁹ Reichsministerium für besetzten Ostgebiete. Ядром нового министерства стала «Политическая служба по восточным делам» (Politisches Amt für den Osten), созданная 31.03.1941 и переименованная 20.04.1941 в «Центральный отдел по восточной политике» (Zentralabteilung für die Behandlung von Ostfragen). Руководство этими органами осуществлял лично рейхсминистр А.Розенберг, стоявший до этого во главе внешнеполитической службы НСДАП.

І.І. Винтовка и буденовка (ВА/ВА, № 92/114/32А)

1.2. Русский солдат и немецкая овчарка
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 167, сн. 4)

1.3а. Захват красноармейцев в плен (ВА/ВА, № 10/919/39)

1.3б. Военнопленные женщины-снайперы
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 496, сн. 12)

1.4а. Допрос военнопленных
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 166, сн. 42)

1.4б. Селекция. Советские военнопленные в штабеле 333
в Комарово близ Острова-Мазовецкого (USHMM, No. 240.6527)

1.5a. Советский военнопленный-еврей,
уже отделенный от остальных.
Шталаг 319 в Бореке (современная
Польша), между 1941 и 1943 г.
(USHMM, No. 240.6505)

1.5b. Советский военнопленный-еврей:
последний взгляд.
Шталаг 319 в Бореке (современная
Польша), между 1941 и 1943 г.
(USHMM, No. 240.6505)

1.6а. Колонну военнопленных
ведут через город.
Апрель 1944 г., Тернополь (?)
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 166, сн. 39)

1.6б. На улицах Гродно.
Военнопленных проводят
мимо Дома Красной Армии
(ВА/ВА, № 85/90/25)

1.7а. Военнопленные
за колючей проволокой, 1941 г.
(ЦГАКФ, оп. 3, п. 263,
сн. 961, тр. ф. Jäger)

1.7б. Сборный пункт воен-
нопленных. 5 июля 1941 г.,
р-н Березина
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 558, сн. 1)

1.8а. Раздача хлеба на сборном пункте. Винница, 2 августа 1941 г.
(ВА/ВА, № 79/113/4)

1.8б. Пленные меняют белье на хлеб
(ЦГАКФ, оп. 3, п. 263, сн. 887, тр. ф. Jäger)

1.9а. Военнопленный
с хлебной пайкой. 23 июня 1941 г.
(ВА/ВА, № 91/39/3)

1.9б. Пленный пьет воду из лужи
(ЦГАКФ, оп. 3, п. 263, сн. 975,
тр. ф. Кipper)

Г.10а. Канибализм в лагере советских военнопленных в Деблине, 1942 г.
(USHMM, No.240.6514)

Г.10б. Кухня в лагере
(BA/BA, Nr 81/59/9)

1.11а. Пленные получают еду
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 195, сн. 3)

1.11б. Военнопленные с немецкими
консервами
(ВА/ВА, Nr 92/114/18А)

Бросается в глаза явная корреляция повышенной доли погибших мирных жителей со значительным еврейским населением в Латвия, Литве и на Украине.

⁵ Сведениями по Белоруссии и по 18 областям РСФСР А.А.Шевяков не располагал, поэтому утверждал, что не впадет в ошибку, прибавив к указанной цифре еще 3 млн. чел. И прибавил, получив в сумме 8,5 млн. чел. Но, видимо, все же в ошибку впал, потому что в статье 1992 года он поправляет себя и, прибавляя к 5,5 млн. умерших от голода и эпидемий в РСФСР, УССР и Прибалтике еще 1—1,5 млн. умерших, по его догадке, в БССР и Молдавии, получает уже 6,5 млн. чел (Шевяков, 1992, с. 16). Так же «накинул» он и приблизительно 1,5 млн. к сводкам по «угнанным на немецкую каторгу»: вместо явно знакомой ему (судя по совпадениям других данных) цифры в 1.269.189 угнанных с территории РСФСР А.А.Шевяков приводит другую: 1.781.841 чел, а по Украине и того хлеще: 2.023.112 украинских остовца показалось ему маловато и он берет «госплановскую» (явно оценочную) цифру в 3 млн. ровно, к которой без смущения и аккуратно прибавляет все прочие. В итоге он получает некую «точноподобную» цифру в 5.622.336 душ, которой оперирует и в последующих публикациях.

⁶ Шевяков, 1992, с. 17.

⁷ См.: Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов // История СССР. 1989. № 2. С. 132—139; Соколов, 1991; Шевяков, 1991; Шевяков, 1992; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях // ВИЖ. 1991. № 2; Гриф секретности снят, 1993.

⁸ См.: Максудов С. Потери населения СССР. Benson: Vermont. Chalidze Publications, 1989. 298 с. (в этой работе собственно потери военного времени не рассматриваются); Максудов С. О фронтовых потерях Советской Армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. 1994. № 9. С. 117—119; Ellman M., Maksudov S. Soviet Deaths in the Great Patriotic War: a Note // Europe-Asia Studies. Vol. 46. № 4. 1994. P. 671—680; Кваша А.Я. Цена побед // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 241—251; Рыбаковский Л.Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование. 1990. № 10. С. 96—98; Андреев, Дарский, Харькова, 1990, с. 112—123 (глава «Оценка людских потерь населения СССР в период Великой Отечественной войны методом демографического баланса»); Андреев, Дарский, Харькова, 1993, с. 73—80 (глава «Оценка людских потерь населения СССР в период Великой Отечественной войны»).

⁹ Соколов, 1991, с. 7—15.

¹⁰ По: Dallin, 1957, p. 427. См. также: Назаревич Р. Советские военнопленные в Польше в годы Второй мировой войны и помощь им со стороны польского населения // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 37.

¹¹ По: Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 609.

¹² Андреев, Дарский, Харькова, 1990; 1993. Предложенный авторами метод впервые был использован в 1989 году для расчетов временного научного коллектива специалистов Минобороны, Академии наук и Госкомстата СССР, уточнявшего оценки людских потерь во время войны. Людские потери при этом в себя включали: а) всех погибших в результате военных и иных действий противника, б) умерших в результате повышения уровня смертности как в тылу, так и в прифронтовой полосе и на оккупированных

территориях, в) «невозвращенцев» — то есть граждан СССР (по состоянию на 22.06.1941), покинувших его территорию после 22.06.1941 и не возвратившихся в СССР (разумеется, без военнотружеников и граждан СССР, до 22.06.1941 работавших за границей). Снижение рождаемости в период войны, повышенная смертность в послевоенные годы и другие косвенные демографические потери в понятие «людских потерь» вместе с тем не включались.

¹⁷ Андреев, Дарский, Харькова, 1993, с. 77—78.

¹⁸ Fried, 1945.

¹⁹ Dallin, 1957.

²⁰ Retlinger, 1960.

²¹ Homze, 1967.

²² Pfahlmann, 1968.

²³ Jakobsen, 1965.

²⁴ Gatterbauer, 1975 (благодарим профессора С.Карнера, указавшего нам на этот малодоступный труд).

²⁵ Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. Stuttgart, 1978. Переиздана в 1980 и, в уточненной редакции, в 1991 (Streit, 1991). В 1991—1992 годах русский перевод этой книги выборочно публиковался в ВИЖ. Однако это было не первое русское издание книги гейдельбергского историка. Первое (тоже несколько сокращенное) издание — под заглавием: «Солдатами их не считали. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах» — вышло еще в 1979 году в издательстве «Прогресс». Оно было выпущено — «в порядке информации», как сказано в записке «От издательства», — ограниченным тиражом и рассылалось по специальному списку. В настоящем издании ссылки на труд К.Штрайта даются именно по этому, «закрытому», изданию (Штрайт, 1979), поскольку именно им мы располагали во время работы. Вместе с тем в ряде случаев мы будем ссылаться и на последнее, дополненное и переработанное, немецкое издание его книги (Streit, 1991).

²⁶ Streit, 1981.

²⁷ Jacobmeyer, 1985.

²⁸ Herbert, 1986.

²⁹ См., например: Berichte der Arbeitsgruppe zur Aufarbeitung der Geschichte Allendorf. 1933—1945/Bearbeitet von E.Bracht, F.Brinkman-Frisch, W.Form, K.May, J.Roth. Magistrat der Stadtallendorf (Hrsg.), 1989. 388 s.; Borgsen W., Volland K. Stalag X B Sandbostel. Zur Geschichte eines Kriegsgefangenen- und KZ-Auffanglager in Norddeutschland, 1939—1945. Bremen: Edition Temmen, 1991. 303 s.; Hüser, Otto, 1992; Weischer, 1992 и др.

³⁰ См., например: Siegfried J. Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939—1945. Frankfurt: New York: Campus Verlag, 1988. 331 s.; Wessel H.A. Kontinuität im Wandel. 100 Jahre Mannesmann 1890—1990. Düsseldorf, 1990; Hopmann B., Spörer M., Weitz B., Brünighaus B. Zwangsarbeit bei Daimler-Benz // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. Beiheft 78. Franz Steiner Verlag. Stuttgart, 1994.

³¹ См., например: Boll, 1992; 1994; Gestwa, 1993; Wysocki, 1992; Kramer K.-H., Plettenberg I. Feind schafft mit... Ausländische Arbeitskräfte im Saarland während des Zweiten Weltkrieges. Ottweiler Druckerei und Verlag. Ottweiler, 1992. 336 s. и др.

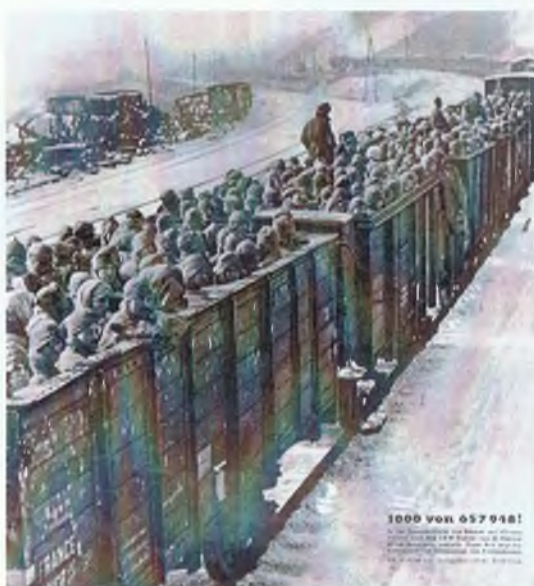
I.12a. На посту. Немецкий охранник и сборный пункт
 советских военнопленных
 (ЦГАКФ, оп. 2, п. 166, сн. 26; охранник в форме RAD)

I.12б. Море людское. Лагерь военнопленных. Лето 1941 г.
 (ЦГАКФ, оп. 3, п. 263, сн. 890, тр. ф. Koch)

1.13а. Перевозка военнопленных в открытых вагонах. Середина августа 1941 г.
(ВА/ВА, Nr 267/124/20А)

1.13б. Военнопленные из Брянско-Вязьминского котла.
Надпись: «1000 из 657.948!». Ноябрь—декабрь 1941 г.
(ВА/ВА, Nr 72/17/20)

I.14a. Прибытие эшелона с военнопленными.
Станция Хелм близ шталага Борек, между 1941 и 1943 г.
(USHMM, No.240.6505)

I.146. Концерт во время посещения шталага II в Хаммерштайне
делегацией Международного Красного Креста во главе
с проф. К.-Я.Бурхардтом. 9 августа 1941 г.
(ВА/ВА, № 90/9/28)

1.15а. Строй военнопленных
перед делегацией Междуна-
родного Красного Креста.
Хаммерштайн, 9 августа 1941 г.
(ВА/ВА, № 92/114/22А)

1.15б. Купание в реке.
22 июля 1941 г.
(ВА/ВА, № 92/114/20А)

1.16а. Немец и карачаевец. Ноябрь 1942 г. (ВА/ВА, № 92/114/28А)

1.16б. Добровольный Черкесский эскадрон. Осень 1942 г.
Фото П.Киркхофа (ВА/ВА, № 92/114/25А)

¹⁰ См.: Оккупация, с. 332—333 (со ссылкой на: РГВА. Ф. 1458к. Оп. 40. Д. 43. Л. 4).

¹¹ Управлялись они гауляйтерами, то есть наместниками нацистской партии, что принципиально ничем не отличалось от первых секретарей обкомов ВКП(б). Рейхскомиссаром Остланда был назначен Генрих Лозе (Heinrich Lohse), гауляйтер Шлезвиг-Гольштейна; править на Украине доверили Эриху Коху (Erich Koch), он же, по совместительству, возглавлял и гражданскую администрацию в Белостокском округе (предложение Розенберга назначить на пост рейхскомиссара РКУ гауляйтера Тюрингии Фритца Заукеля было Гитлером отклонено). Более подробные справки о Лозе и Кохе см. в: Оккупация, с. 327—329. О вертикальной административной структуре восточных земель, введенной немцами, см. Приложение 2.

¹² См.: Андреев, Дарский, Харькова, 1990, с. 158 (в послевоенных границах). По другим данным, население СССР на ту же дату составляло несколько большую — 196,6 млн. чел. (Поляков Л.Я. Цена войны. М., 1985. С. 37) — или же меньшую величину — 193,1 млн. чел. (Итоги хозяйственного и культурного строительства СССР за 30 лет / Доклад Госплана СССР [1947]. Цит по: Шевяков, 1991, с. 11, со ссылкой: «ЦГАНХ. Коллекция документов»).

¹³ Подсчитано Г.А.Куманевым (См.: Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1986. С. 7). По округленной немецкой оценке, под их властью находилось 2 млн. кв. км с населением около 70 млн. чел. (Europa arbeitet in Deutschland, 1943, s. 18).

¹⁴ По данным переписи 1939 — 84,9 млн. чел., или 44,5 % (К 50-летию победы, с. 24).

¹⁵ Именно эта цифра приводится и в отчетности Комитета по Четырехлетнему плану за 12.02.1942, трудоустроенных было 21.924 тыс. чел., из них 95 % (20.846 тыс.) — в сельском хозяйстве (РГВА. Ф. 700к. Оп. 2. Д. 17. Л. 126; весьма близкие цифры — 22 и 20,8 млн. занятых — приводит, по состоянию на 17.09.1942 — и Р.-Д.Мюллер: см. Müller, 1990, s. 774). В литературе, впрочем, встречаются и другие оценки. Так, Г.А.Куманев минимальной цифрой попавших под оккупацию считает 70 млн. чел. (Куманев Г.А. В огне тяжелых испытаний (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) // История СССР. 1991. № 2. С. 16), а Н.Г.Павленко — даже 80 млн. (Павленко Н.Г. На первом этапе войны // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 278). Не отстают и А.А.Шевяков, называя патетическую и, на наш взгляд, сознательно завышенную цифру в 78 млн., очищенную от военнослужащих. Самую же «скромную» оценку встречаем у Р.-Д.Мюллера — 55 млн. чел. (Müller, 1991, s. 234).

¹⁶ К 50-летию победы, с. 25

¹⁷ По поводу этого плана в Берлине 11.08.1941 состоялось представительное совещание с участием главнокомандующего люфтваффе, начальника снабжения армии, министров экономики, вооружений, транспорта и труда, ряда главноуполномоченных (ВА/МА, W1/D, 79a).

¹⁸ ВА/МА, W1/D, 79a.

¹⁹ ВА/МА, RW 31/14, Bl. 79.

²⁰ ВА/МА, RW 31/12, Bl. 99—100. На украинцев крайне неблагоприятное впечатление произвели и такие шаги немцев, как присоединение украинской Галиции к Генерал-Губернаторству (то есть, в их понимании, к Польше)

и арест С. Бандеры — лидера западных украинцев. Поубавились — а вскоре и вовсе исчезли — надежды на восстановление государственности и у прибалтов (вместо причудливого конгломерата РКО).

²¹ ВА/МА, RW 31/14, Bl. 12—13.

²² Официально их снабжение регулировалось специальными распоряжениями ВШО № 31 от 04.09.1941 и № 44 от 04.11.1941. Они не распространялись на жителей трех бывших балтийских государств, где нормативы были выше; снабжение сельских жителей препоручалось им самим (ВА/МА, RW 31/143).

²³ ВА/МА, 31/66, Bl. 78.

²⁴ См. Приложение 3. Одновременно расклеивались листовки, разъясняющие населению ответственность их бывшего большевистского начальства за его, населения, нынешнее бедственное положение.

²⁵ Richtlinien für die Führung der Wirtschaft in der neubesetzten Ostgebieten (Grüne Mappe). Teil II (2. Auflage). Ergänzungsmaterial zu Teil I. Berlin, November, 1941 (РГВА, Ф. 1458к. Оп. 40. Д. 38. Л. 42об.).

²⁶ РГВА, Ф. 1458к. Оп. 40. Д. 38. Л. 43.

²⁷ В военном и экономическом отношениях они подчинялись тем экономическим командам вермахта (Wi Kdos), между которыми были распределены, но их служебные предписания должны были храниться в ВШО.

²⁸ Его руководителем был д-р Рахнер.

²⁹ ВА/МА, RW 31/12, Bl. 12—30 (этот типично немецкий документ имел нетипично расплывчатую дату — «август 1941», которую, однако, можно отнести к началу месяца). 17.08.1941 Кейтель издал приказ, регулирующий статус подразделений, приданных RAD для руководства производственным процессом и охраны трудовых контингентов, в том числе и военнопленных (ВА/МА, WI/ID, 79a, Bl. 162—165).

³⁰ В Рейхе, например, на одного планового сотрудника приходилось в среднем 2218 жителей.

³¹ При этом рекомендовалось придерживаться следующих правил: карты заводить только на работоспособных; фиксировать профессиональные знания, социальное происхождение и национальность, состояние здоровья и наличие инструментов; после направления на работу немедленно изымать из картотеки соответствующую карту, регулярно (в последнюю треть месяца) проверять состояние картотеки; исполненные поручения надлежало группировать по предприятиям (в алфавитном порядке) и с разбивкой по годам; отслеживать эффективность рекомендаций.

³² Самая ранняя из известных нам открыток такого рода отправлена псковским арбайтсамтом и датирована 29.01.1942 (собрание Г.Вербицкого).

³³ См. в главе 1.3.

³⁴ ВА/МА, WI/ID, Nr. 63.

³⁵ Полумесячный отчет ВШО за 01—15.09.1941 (ВА/МА, RW 31/12). Далее в документе говорится: «В рамках задачи по снабжению войск в занятых областях большие требования к рабочей силе предъявляют необходимость строительства зимних убежищ, а также подготовка транспорта к зиме. Организация пунктов службы труда в основном осуществлена также в ОЗЗ. Дальнейшее развитие соответствующей сети несколько тормозится отсутствием нужного количества персонала».

³⁶ Огонек, 1991, № 33, с. 21.

³⁷ Ср.: Война «...должна была привести к неуязвимости позиции Германии во всей Европе, на длительное время обеспечить страну питанием, дать

промышленности сырье, а среднему классу в качестве компенсации за пережитый во время войны экономический спад — пространство для заселения; одновременно она должна была стать как основой, так и объектом организованной на национал-социалистических принципах расовой и демографической политики, войной мировоззренческого характера, в которой, наконец, не считаясь с изъятиями военной экономики, могли быть воплощены в жизнь основные принципы господства "людей высшей расы"» (Herbert, 1986, s. 132—133).

¹⁸ Der Prozess, Bd. 3, s. 63f, причем смертность военнопленных при этом допускалась в пределах 25 %. По странному совпадению, этим же днем датируется и гитлеровское «вето» на трудоустройство военнопленных (см. выше), что заставляет лишний раз усомниться в том, что это действительно было вето!

¹⁹ BA/MA, RW 31/89.

⁴⁰ В машинисты же пристязного поначалу прочили рейхслайтера д-ра Лея, руководителя DAF (Немецкого Трудового фронта) — насквозь огосударственного общегерманского профсоюза. Другим кандидатом на пост Рейхскомиссара по вопросам трудоустройства, о введении которого уже давно поговаривали, считали руководителя рейхсканцелярии д-ра Ламмерта (Pfalmann, 1968, s. 16—17). Выше котировались шансы Лея, в том числе и как специалиста по еврейскому вопросу, вернее, по тому, как обходиться, по возможности, без еврейских рабочих рук. Впрочем, в действительности сколь-либо существенной роли в вербовке и трудоустройстве русских рабочих DAF сыграть не пришлось. Сфера его компетенции в этом круге вопросов была ограничена опекой трудовых лагерей остарбайтеров непосредственно на территории Рейха.

⁴¹ Как видим, идеологическим принципам, несмотря на сопротивление Гиммлера и Бормана, пришлось потесниться. Некоторые предписания ОКВ об изоляции русских военнопленных были ослаблены самим же ОКВ уже 14 октября: их разрешалось использовать группами (колоннами) по 20 человек и совместно с немцами — проверенными, разумеется, — рабочими; для них предусматривались даже незначительная оплата и премии!

⁴² RGBI, 1942, I, s. 41. См. также: Der Prozess, Bd. 3, s. 56 ff, Bd. 15, s. 498 ff. Конспект геринговских указаний см.: РГВА. Ф. 1358к. Оп. 4. Д. 1. См. также письмо Рабочей группы по труду от 18.12.1941 Розенбергу и в ВШО (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 19—25, перевод с немецкого). Перед отправкой в Рейх рабочая сила должна была накапливаться в местных сборных лагерях, там же должна была происходить и ее политическая проверка; выдача же немецких документов намечалась только в районе приема непосредственно в Рейхе — в виде серых или зеленых удостоверений, аналогичных документам польских рабочих.

⁴³ Тем самым вермахт, Министерство вооружений и Министерство труда оказались как бы на вторых ролях.

⁴⁴ При этом было проигнорировано предупреждение иностранного отдела абвера о том, что, с учетом польского опыта, принудительная вербовка гражданских лиц нежелательна, ибо она только укрепит силы партизанского сопротивления, — предсказание, которое не преминуло сбыться. Рейхсфюрер Гиммлер был также против, но по другим причинам: он боялся не партизан, а невозможности обеспечить должную «выбраковку» на местах.

⁴⁵ Der prozess, s. 56—60. Dokument 1193-PS. См. также документ 1199-PS.

⁴⁶ Имеющиеся против этого возражения признавались второстепенными, а могущие возникнуть при этом шероховатости предлагалось свести до минимума силами армии и тайной полиции.

⁴⁷ Замену предполагалось осуществлять с определенным коэффициентом, учитывающим физическое состояние и квалификацию, а именно: 120 советских военнопленных равны 100 французским (Homze, p. 75, со ссылкой на: Trials of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. V. XXXI. P. 474). В это время еще казалось, что советские военнопленные будут направляться преимущественно в сельское хозяйство.

⁴⁸ Одновременно немецкий рабочий — к тому же в массовом порядке — ввинчивался в расовую политику Рейха и в мифологему собственного расового превосходства.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 356. Л. 39—41. При этом коренные прибалты пользовались привилегиями, их статус приравнялся к максимально возможному для поляков; привилегии же украинцам с середины ноября были отменены.

1.3. На весах международного, советского и нацистского права: правовой статус советских военнопленных

Международно-правовые нормы цивилизованного обращения с военнопленными, как известно, были кодифицированы в самом конце XIX века — и, кстати, по российской инициативе. 27 стран-участниц Международной конференции в Гааге (май—июль 1899 года), созванной по предложению России, 29 июля 1899 года приняли три конвенции — «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны» и «О применении к морской войне конвенции 1864 года о раненых и больных». Результатом новой Гаагской конференции, проведенной в июне—октябре 1907 года по инициативе США и с участием уже 44 стран, стало уточнение трех старых и принятие 10 новых конвенций, регулирующих ведение военных действий. Гаагская Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны», принятая 18 октября 1907 года, закрепила ответственность за содержание военнопленных противника за правительствами воюющих держав и подтвердила в качестве неперемennого — всегда и в любом случае! — принцип гуманного обращения с военнопленными. Питание, одежда, жилье — все это гарантировалось по нормам резервных войск страны, захватившей военнопленного; попытки бегства наказуются, но только дисциплинарно. Даже использование их труда не должно быть чрезмерным и уж во всяком случае не быть связанным с ведением военных действий.

С учетом опыта Первой мировой войны была разработана и 27 июля 1929 года открыта для ратификации **Женевская Конвенция** «Об обращении с военнопленными», содержавшая такие принципы гуманного обращения с военнопленными, как запрет на жестокое обращение с ними, оскорбления и угрозы в их адрес; запрет на применение мер принуждения для получения от них сведений военного характера; запрет на их использование в зоне боевых действий; предоставление им гражданской правоспособности и распространение на них общих законов государства, взявшего их в плен.

Согласно Женевской Конвенции, для военнопленных допускалось предельное наказание в виде 30 суток ареста, а если состояние здоровья позволяло — допускались ограничения в еде. Но — никаких тюрем и концлагерей! Гарантировалось и право на юридическую защиту через Красный Крест¹.

По законам Российской империи и согласно Гаагской конвенции, возвращающихся на родину военнопленных встречали с почетом и даже выдавали денежное вознаграждение за время, проведенное в плену; инвалидам выплачивалось ежемесячное пособие, а семьям умерших в плену также выплачивалось вознаграждение. Этот порядок был оставлен без изменений и советским правительством, столкнувшимся с проблемой репатриации военнопленных и интернированных,

в том числе и будущих красноармейцев, и заинтересованном в пушечном мясе для гражданской войны. Для этого 27 апреля 1918 года в составе Наркомата по военным делам была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев («Цупленбеж»), занимавшаяся как своими, так и иностранными военнопленными. Что же касается своих сограждан, то единственным отклонением от общепринятого порядка было то, что тем россиянам, кто сдался в плен добровольно и кто участвовал в работах, относившихся к военным действиям, вместо вознаграждения причитался военный трибунал, а до суда — содержание под стражей или в концентрационных лагерях².

Советский Союз не только не участвовал в подготовке Женевской Конвенции, но и отказался от ее ратификации (как, впрочем, и Италия и Словакия из коалиции стран оси!). Это, конечно, красноречиво, ибо «органично» скорее для стран, вынашивающих агрессивные и победительные планы и желающих иметь — относительно военнопленных противника — руки развязанными. Но поскольку это же ставило своих в совершенно бесправное положение, то объяснение тут только одно: возможные собственные потери военнопленными или самонадеянно исключались или жестокосердно в расчет не брались.

Отсутствие подписи СССР под Женевской Конвенцией, действительно, развязало руки, — но это были руки вермахта, руки гестапо, руки СД и СС. Впрочем, СССР ратифицировал Женевскую 1929 года конвенцию о калеках — обстоятельство, которое немцы все равно полностью игнорировали. Поэтому огромную долю юридической и моральной ответственности за бесчеловечное обращение немцев с пленными красноармейцами несет сталинский режим³.

Огромную, но не решающую, ибо война, которую задумал Гитлер и которую вермахт повел против Красной Армии и не нуждалась в обрамлении норм международного права. Как резюмирует К.Штрайт: *«Для ликвидации в расовом или политическом плане нежелательных военнопленных и превращения остальных в рабов Гитлер хотел иметь [на востоке] свободные руки»*⁴.

Вместе с тем — для отвода глаз мировой общественности — были желательны какие-то основания и для абсолютной «раскованности» в собственных действиях. Неприсоединение СССР к Гаагской (как правопреемник России СССР отказался подтвердить ее подпись и под ней) и Женевской Конвенциям о военнопленных и явилось таким «юридическим» основанием для фактического геноцида Германии в отношении советских военнопленных в годы Второй мировой войны.

Уже в день нападения Германии на СССР президент **Международного Красного Креста** (МКК) д-р Макс Хубер направил правительствам СССР, Германии, Финляндии и Румынии телеграммы с предложением организовать обмен сведениями о погибших, раненых

и пленных. От имени СССР нарком иностранных дел В.М.Молотов 27 июня 1941 года это предложение принял — при условии, что так же поступит и противник. При этом, если немецкая сторона, по крайней мере до 9 февраля 1942 года, такие списки в МКК направляла, то советская и не подумала к этому приступить⁵. Более того, в правительственной ноте от 17 июля того же года, явившейся ответом на запрос правительства Швеции⁶ и при ее же посредничестве переданной в Германию, сообщалось о присоединении СССР к Гаагской конвенции *de facto* — при том же условии взаимности. Примечательно, что говорится об устаревшей Гаагской, а не о Женевской конвенции, налагавшей на присоединившиеся к ней страны определенные — и для СССР явно нежелательные — обязательства, например, в вопросах посещения лагерей, партизанского движения («нелигитимного» не только в глазах вермахта, но и в глазах МКК) и др. Впрочем, советская нота от 17 июля 25 августа 1941 года была немцами отклонена, причем в весьма грубой форме⁷.

После этого и СССР утратил интерес к переговорам⁸, тем более, что информация о корректном обращении немцев с пленными красноармейцами⁹ была сочтена вредной, так как могла способствовать росту числа последних. На большинство поступающих запросов о судьбе военнопленных в советском плену НКВД отвечал молчанием. Об этом свидетельствует, в частности, следующее письмо заведующего 3-м Европейским Отделом НКВД В.Семенова заместителю наркома иностранных дел С.А.Лозовскому от 4 декабря 1941 года¹⁰:

«Нами получены через болгар запросы венгерского, германского и румынского правительств относительно судьбы некоторых граждан этих государств, в том числе военнопленных. В свое время было указание тов. В.М.Молотова не отвечать немцам на их запросы. Это тем более относится к запросам персонального характера, так как в данном случае получение сведений может представлять интерес для разведки противника.

Однако встает вопрос, следует ли нам запрашивать НКВД о соответствующих лицах в порядке внутренней информации, как это делалось прежде. В разговоре со мной зам. начальника 2-ым Управлением тов. Райхман 4 декабря с.г. высказал мнение о нецелесообразности такой переписки, так как она практически в настоящее время бесцельна и может только загрузить НКВД излишней работой. Я вполне присоединяюсь к этому мнению, тем более что в свое время аналогичную точку зрения высказывал в личной беседе со мной тов. В.Г.Деканозов.

Мои предложения: 1) Запросы о судьбе отдельных лиц из упомянутых выше стран, кроме особо важных случаев, оставлять без внимания и ответа и подшивать к делу. 2) В НКВД по этому поводу обращаться с запросом только в исключительных случаях, вроде дела Берлина Карла, когда имеется заинтересованность шведов и т.п. Во всех остальных случаях ограничиваться только односторонней

информацией НКВД о том, что немцы или их союзники интересовались такими-то людьми. Прошу Вашей санкции».

Отметим, впрочем, и то, что в ходе войны нарком иностранных дел В.М.Молотов несколько раз — 25 ноября 1941 года, 6 января и 27 апреля 1942 года и 11 мая 1943 года — выступал с циркулярными нотами, затрагивающими проблему военнопленных и остарбайтеров¹¹. В частности, в ноте «Об установлении рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и уходе гражданского населения в плен» от 27 апреля 1942 года говорилось, что СССР присоединился к Гаагской Конвенции *de facto*¹².

И это были не только слова, точнее, не одни только слова. По инициативе ГУПВИ, Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР создал информационную службу по военнопленным вражеских государств, и в конце 1942 года, по данным В.Конасова, в Германию, Венгрию и Румынию, при посредничестве МКК, были отправлены 24.534 письма и в ответ получено 10.914 писем!¹³ При этом меньше всего интересовались правами военнопленных и установлением их связи с родными и близкими! После того, как в 1943 году с Румынией было достигнуто соглашение об обмене корреспонденцией и оттуда начали приходить письма, ни одно из них не было вручено адресату: вместо этого письма оседали — «для учета и хранения» — в Исполкоме Советского Красного Креста или же в НКВД. Главные же — оперативная и пропагандистская — цели были и без того достигнуты.

Однако у неприсоединения СССР к Женевской конвенции были не только последствия, но и предыстория. Юридический вакуум, который создавало неприсоединение, был восполнен «Положением о военнопленных», принятым Постановлением ЦИК и СНК СССР № 46 от 19 марта 1931 года и призванным как бы заменить собой — применительно к СССР — проигнорированную им Конвенцию.

Вполне естественно, что «Положение» и писалось с оглядкой на Конвенцию. В его основу, как было сказано в датированном 27 марта 1931 года заключении по его проекту¹⁴, были заложены три идеи: 1) создать для военнопленных «у нас» <то есть в СССР — П.П.> режим, не худший, чем это вытекает из Конвенции <при этом о режиме «у них» не говорится ни слова! — П.П.>; 2) издать краткий закон, не воспроизводящий деталей всех гарантий, предоставляемых Женевской Конвенцией, с тем чтобы эти детали составили предмет инструкций и других подзаконных актов; 3) дать вопросу о военнопленных постановку, соответствующую советским принципам права: в частности, недопустимость льгот для офицеров или необязательность привлечения военнопленных к труду <sic! — П.П.>. В заключении отмечается, что советское Положение компактней Международной конвенции (45 статей вместо 97), но расхождений между ними всего

девять. А именно и вкратце: содержание офицерского состава отдельно от рядовых допускается, но — никаких льгот для офицеров; восприятие денщикества и ношения знаков отличия; предоставление военнопленным одной национальности возможности помещаться вместе; на военнопленных распространяется гражданский, а не военный режим; не-эксплуататорским классам среди них предоставляются такие же политические права, как и другим трудящимся на территории СССР иностранцам; широкие права получают лагерные комитеты; привлечение военнопленных к работам допускается только с их согласия и с применением к ним общего трудового законодательства, причем жалование выплачивается не только офицерам, но и рядовым. Резюме: поскольку в целом советское Положение гарантирует военнопленным условия содержания не худшие, чем по Конвенции, то оба документа, по мнению эксперта, подлежат принципу взаимности.

Как говорится, бог судья этому эксперту, но уже одного пункта о предоставлении политических прав по классовому признаку (или, иными словами, о дискриминации) более чем достаточно для того, чтобы усомниться в основательности такой взаимности.

Следует заметить, что это положение просуществовало немногим более 10 лет, после чего было признано утратившим силу в связи с принятием 1 июля 1941 года нового «Положения о военнопленных»¹⁵.

Если в версии 1931 года судьбами военнопленных должна была бы заправлять достаточно мифическая организация «Цунленбеж» (Центральное Управление по делам пленных и беженцев), образуемая со дня мобилизации и на основе особого положения¹⁶, то в версии 1941 года хозяином их судеб являлся более осязаемый орган — НКВД. Этому же органу, а не самому военнопленному, предстояло теперь решать, работать ему или нет, где работать, сколько для этого есть и сколько за это получать.

Бросается в глаза: в обоих советских Положениях о военнопленных **вопросы, связанные с попаданием в неприятельский плен советских граждан, обходились стороной**¹⁷.

Что это — упущение? забывчивость? случайность? Или, может быть, самоуверенность, не допускающая и мысли о том, что и неприятель может пленить красноармейца?

Установка же была такова: красноармейцы в плен сдаваться не должны никогда и никому! Тем, кто погибал, гарантировался минимум почестей и учета¹⁸, но попадание в плен — это уже не героизм, а предательство, и советских военнопленных иначе как **«бывшими военнослужащими»** долгое время не называли.

Кроме военнопленных были еще и **«окруженцы»** — около 1 млн. военнослужащих, попавших в окружение, но не попавших в плен: прорвавшихся ли к своим, «растворившихся» ли среди местного населения или, что чаще всего, примкнувших к партизанам. Обратное

на фронт (по крайней мере в 1941 году) их уже не пускали, а направляли, как правило, в тыл, в трудовые армии, режим содержания в которой весьма напоминал гулаговский (позднее их стали направлять в штрафные части).

Согласно сталинской юриспруденции довоенного чекана, и окруженцы, и вышедшие из плена подпадали под действие различных параграфов статьи 193 тогдашнего УК СССР или аналогичной статьи 58 УК РСФСР. Вышедших из окружения офицеров судили по статье 193-21: «самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях способствования неприятелю». Сдавшимся в плен вменялись в вину «самовольное оставление части или места службы» (193-7), «побег из части» (193-8), «самовольное оставление части в боевой обстановке» (193-9), «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» (193-22), причем изучением «боевой обстановки» военные юристы себя не утруждали. Тем самым плен рассматривался как тяжкое **воинское преступление**, наравне с прямым переходом или перелетом на сторону врага считавшееся равновидностью **измены Родине** и каравшееся, соответственно, **высшей мерой наказания — расстрелом** с конфискацией имущества.

Да что плен? Фактически преступлением признавалось просто **нахождение под оккупацией!**

Когда оккупированные врагом территории постепенно начали освобождать, то при регистрации населения и, особенно, при призыве в Красную Армию, выявлялось немало окруженцев и дезертиров. Они подлежали быстрой проверке и немедленному направлению в штрафные части; и только те, на которых имелись серьезные данные для подозрения в антисоветской деятельности направлялись в спецлагеря¹⁹.

Огульное же подозрение в измене падало практически на всех, кому пришлось жить под оккупацией! Военные трибуналы усердствовали настолько, что потребовался специальный Указ ПВС от 19 апреля 1943 года, проводивший различие между **двумя** категориями таких граждан — между «**изменниками Родины**» и между «**пособниками врага**». *Изменниками* считались сотрудники гестапо, лица, занимавшие руководящие административные должности (бургомистры, коменданты, начальники полиции), лица, выдававшие военную или государственную тайну, выдававшие или преследовавшие партизан или красноармейцев, участники убийств, насилий и грабежей личного и общественного имущества, а также военнослужащие, перешедшие на сторону врага. *Пособниками* же признавались лица, выполнявшие немецкие указания по сбору фуража, продовольствия или оказывавшие иное содействие, не подпадающее под признаки «измены Родине».

Но даже этого оказалось недостаточно, и понадобились специальные разъяснения Пленума Верховного Суда СССР от 25 ноября 1943 года относительно квалификации действий советских граждан

ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ!

Вы окружены со всех сторон!

Ваше положение безнадежно!

Всякое сопротивление бессмысленно!

Зачем Вам зря проливать

Вашу кровь?

Неправда — что немцы мучают
или даже убивают пленных!

Это наглая ложь!

Немецкие солдаты хорошо относятся
к пленным!

ПАРОЛЬ!

**Товарищи, командиры
и бойцы РККА!**

Мы сбрасывали вас прокурка, чтобы вы спокойно
пошли с нами переходить к нам. Взаим товарищи
собирают, что были случаи, когда бесчеловечные ко-
мандары расстреливали бойцов, мешая эти прокурка.

**МЫ НЕ ХОТИМ ПОДВЕРГАТЬ ОПАСНОСТИ
ВАШУ ЖИЗНЬ. А ХОТИМ ВАС СПАСАТИ!**

**Вместо пропусков выдается отныне
следующий лозунг:**

**Бей жида - политрука,
рожа просит кирпича!**

Достаточно сказать немецкому по-
сту этот лозунг, чтобы вас пропустили
к нам.

Все, командиры и бойцы Красной
Армии, которые перейдут к нам, бу-
дут хорошо приняты и по окончании
войны отпущены на родину.

Возьмите этот лозунг наизусть, говорите его
товарищам на уклад.

**Бей жида - политрука,
рожа просит кирпича!**

Рис. 1.3.1. Немецкие агитационные листовки (июнь и август 1941 г.)
(Kirschner, 1987, s. 11, 49)

по оказании помощи врагу в период оккупации. Оно уточняло контингент граждан, не подлежащих уголовной ответственности: это, в частности, лица, квалифицируемые как пособники, но саботировавшие немецкие приказы или оказывавшие помощь партизанам, подпольщикам или частям Красной Армии, а также мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, агрономы, ветеринары, учителя и т.п.) и не подпадающие под дефиниции изменников или пособников²⁰.

Но вернемся к военнопленным. Общегражданских установлений показалось недостаточно для того, чтобы отучить даже от тени мысли о плене. Постановление ГКО от 16 июля 1941 года узаконило и внесудебную расправу над самими «изменниками». А 16 августа Верховное главнокомандование Красной Армии выпустило — за семью (sic!) подписями — Председателя ГКО Сталина, его заместителя Молотова, маршалов Буденного, Ворошилова, Тимошенко и Шапошникова, а также генерала Жукова²¹ — печально известный приказ № 270. Согласно этому приказу, все командиры и политработники, сдавшиеся в плен, рассматривались как дезертиры, при поимке их надлежало расстреливать на месте перед строем. Их семьи подлежали аресту, а семьи попавших в плен солдат лишались государственной поддержки.

И угрозы не были пустыми. В справке, представленной зам. начальника Управления Особых отделов НКВД комиссаром госбезопасности 3 ранга Мильштейном наркому Берия, сообщалось, что с начала войны и по 10 октября 1941 года Особыми отделами и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657.364 военнослужащих, отставших от своих частей или бежавших с фронта. Из них большинство (632.486 чел.) сформированы в части и отправлены на фронт, остальные же 25.878 чел. арестованы Особыми отделами. Арестованные расписаны по категориям (чел.): дезертиры (8.772), распространители провокационных слухов (3.987), трусы и паникеры (2.643), изменники (2.621), самострельщики (1.671), шпионы (1.505), диверсанты (308) и др. По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10.221 чел., из них перед строем — 3.321 чел.²² К концу 1943 года общее число дезертиров и уклоняющихся от службы в КА достигло огромных масштабов (соответственно, 456.667 и 1.210.224 чел.) — суммарно почти 1,7 млн. чел.²³

Но и просто отмахнуться от миллионных потерь военнопленными и дезертирами тоже было невозможно, так что определенную реакцию на такое положение дел проявлять все же пришлось.

27 декабря 1941 года вышло Постановление ГКО № 1069сс, регламентирующее порядок проверки и фильтрации вышедших из окружения и освобожденных из плена «бывших военнослужащих

Красной Армии». Во исполнение его назавтра вышел приказ наркома НКВД Берии о создании спецлагерей НКВД с целью их приема с армейских сборно-пересыльных пунктов (СПП) и выявления среди них изменников родины, шпионов и диверсантов²⁴, согласно которому в кратчайшие сроки организовывались 10 спецлагерей: Грязовецкий и Череповецкий в Вологодской области — для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов; Южский в Ивановской области²⁵, Рязанский и Суздальский — для Западного и Калининского фронтов; Тамбовский, Подольский и Острогожский в Воронежской области — для Брянского и Юго-Западного фронтов; Новоаннинский в Сталинградской и Старобельский в Ворошиловградской области — для Южного фронта.

Разве не выразительно уже то, что спецлагеря создавались в составе Управления по делам военнопленных НКВД (то есть будущего ГУПВИ) — организации, ответственной именно за **вражеских** военнопленных? Тщательную личную проверку содержащихся в лагере осуществляли Особые отделы НКВД: разоблаченных изменников, шпионов и дезертиров помещали в лагерную тюрьму, а их дела передавали в Особые Совещания НКВД; тех же, в отношении кого компрометирующих материалов не находилось, передавали соответствующим военкоматам — «по территориальности»²⁶. Гораздо позднее, 4 ноября 1944 года, Постановлением ГКО была узаконена практика направления всех бывших военнопленных офицеров, находившихся на проверке в спецлагерях, на фронт, в **штрафные батальоны**.

В качестве своеобразного «лекарства от плена» рассматривалась и **уголовная ответственность членов семей изменников Родины**. Уже 28 июня 1941 года она была введена двумя приказами НКВД, НКГБ и Прокуратуры СССР для членов семей заочно осужденных «изменников Родины»²⁷.

24 июня 1942 года ГКО выпустил Постановление № 1926сс «О членах семей изменников Родины», установившее арест и ссылку на 5 лет для родителей и супругов, совершеннолетних сестер, братьев и детей лиц, очно или заочно осужденных по статье 58-1 «а» УК (наказание не накладывалось только при наличии в семье красноармейца или партизана, или награжденного орденами и медалями СССР)²⁸. Эти же санкции Постановлением ГКО № 2401сс от 11 октября 1942 года распространялись и на *«дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой»* как подсудных по статье 58-1 «б» (измена Родине)²⁹. В соответствии с этими постановлениями ГКО Начальник Главного управления военных трибуналов Наркомюста СССР выпустил 26 октября 1942 года директиву № 003486, призванную ускорить репрессирование членов семей изменников Родины и дезертиров: для этого председатели Военных трибуналов фронтов, армий и флотов после утверждения приговоров военными советами обязывались

немедленно направлять сами дела и копии приговоров в упомянутый главк для последующей передачи в НКВД на предмет осуществления репрессий³⁰.

28 июля 1942 года Сталин выпустил приказ № 227, известный как Приказ «Ни шагу назад!». Он предусматривал расстрел паникеров и трусов, создание штрафных батальонов (офицерских) и рот (солдатских), заградотрядов, а также другие меры по предотвращению отступления Красной Армии³¹. Постановление ГКО № 2779 от 21 января 1943 года, с одной стороны, признавало мобилизационные приоритеты после фильтрации, но в то же время вводило такую важную для беззакония дефиницию, как «сомнительные лица».

Наконец, 19 апреля 1943 года вышел Указ № 43 ПВС «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (за подписями Калинина и Горкина). Указ предусматривал для всех перечисленных публичную смертную казнь через повешение: *«...тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершит насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину»*. Лейтмотивом указа, по верному замечанию его первого публикатора, д-ра Г.Вагенлинера (Бонн), были *«мечь и устрашение»*³². Этот указ «хорошо поработал», в том числе и в послевоенное время, в частности, при осуждении Власова, Краснова и др. высокопоставленных коллаборантов, а также при массовом осуждении немецких военнопленных в 1949 году.

Этот указ, разумеется, не разглашался, — для международной общественности предназначались другие тексты, например, упомянутые уже циркулярные ноты НКВД СССР, в которых вниманию правительств, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения, предлагалась информация о преступлениях немцев против советских военнопленных³³.

Вместе с тем само по себе представление о пленных красноармейцах как о дезертирах и предателях на протяжении всей войны и многих десятилетий после ее окончания принципиальных изменений не претерпело³⁴.

Столь brutальное отношение советского командования к собственным пленным красноармейцам сопоставимо разве что с отношением к ним **вермахта** или **СС**.

Примечания

¹ Военнопленные, переведенные на положение гражданских лиц, этого права, кстати сказать, лишались.

² Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1988. С. 25—27, 78—80.

- ³ В глазах не только находившихся у власти нацистов, но и даже некоторых из теперешних историков обстоятельство это служит чуть ли не оправданием их чудовищных преступлений и страданий, пережитых — или, в большинстве случаев, не пережитых — советскими военнопленными.
- ⁴ Streit, 1991, s. 227.
- ⁵ Ср. высказывание Молотова: «Не надо посылать списков (немцы нарушают всякие правовые и другие нормы)». Цит. по: Конасов, 1996, с. 140, со ссылкой на: АВГП. Ф. 054. Оп. 22. П. 529. Д. 61. Л. 13.
- ⁶ См.: Конасов, 1996, с. 139, со ссылкой на: АВГП. Ф. 140. Оп. 25. П. 33. Д. 1. Л. 2.
- ⁷ Streit, 1991, s. 225—227.
- ⁸ Тем не менее новые эпизодические попытки Красного Креста или США ставить вопрос о подлежании советских военнопленных действию международных конвенций не прекращались до самого конца 1941 г. (Streit, 1991, s. 231—235).
- ⁹ В августе немцы разрешили неофициальное посещение двумя представителями Международного Красного Креста одного из лагерей для советских военнопленных в Германии и даже представили неофициальный список на 300 находившихся в лагере военнопленных (Streit, 1991, s. 229—230). 9 августа К.Я.Бурхардт и Э. де Галлер посетили шталаг II В Хаммерштайн.
- ¹⁰ АВГП. Ф. 082. Оп. 24. П. 106. Д. 15. Л. 6—7.
- ¹¹ «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» (25.11.1941), «О практике объявления гражданских лиц военнопленными и установления тем самым и для них нечеловеческого режима» (06.01.1942), «Об установлении рабско-крепостнического режима в оккупированных районах СССР и уводе гражданского населения в плен» (27.04.1942; по другим сведениям нота называлась «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»), «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих невольный труд советских граждан в Германии» (11.05.1943). См.: СССР и германский вопрос, 1996, с. 215—217 и 659—660.
- ¹² СССР считал, что в Гагской конвенции все главное уже сформулировано и таким образом уходил от обязательных инспекций МКК, что предусматривалось Женевской конвенцией.
- ¹³ См.: Конасов, 1996, с. 140, со ссылкой на: РГВА. Ф. 1/пк. Оп. 9а. Д. 10. Л. 35—38. Ср. у К.Штрайта: на рубеже 1942—1943 гг. — через советского посла в Турции Виноградова и МКК — была организована отправка в Рейх около 6 тыс. открыток, из которых половина достигла адресатов, вызвав там форменный переполох (Streit, 1991, s. 236—237). О взаимоотношениях СССР и МКК в конце войны и после нее см.: Конасов, 1996, с. 141.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1049. Л. 1—3 (подпись консультанта неразборчива). Благодарим С.Карнера, любезно указавшего нам на этот и ряд других документов по этому вопросу.
- ¹⁵ Постановления СНК № 1798-800сс от 01.07.1941 (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 14. Л. 237—239).
- ¹⁶ Очевидно, что ее прообразом был «Цупленбеж» образца 1918 г. (см. выше).
- ¹⁷ Интересно, что СССР ратифицировал третье Женевское соглашение о военнопленных от 12.08.1949. Но когда? Только 10.05.1954, когда большинство

немецких и японских военнопленных было отпущено! Еще позже (07.03.1955) СССР присоединился и к Гаагским Соглашениям 1899 и 1907 гг., но с оговорками (см.: Lang M. *Stalins Strafjustiz gegen deutschen Kriegsgefangenen in den Jahren 1949 und 1950*. Hammeln, 1981. S. 59—60).

- ¹⁸ Так, бойцам выдавались «медальоны смерти» с данными о его имени и фамилии, велись журналы потерь и т.д. Ср. в воспоминаниях Д.Левинского, воевавшего летом 1941 на Южном фронте: *«Забегая вперед, скажу, что все из нас, кому будет суждено погибнуть в первый месяц войны, попадут в "Журнал потерь" и в основном будут захоронены. Те, кто погибнут за Днестром после 24 июля — на второй месяц войны — никуда не будут записаны и не будут похоронены. Но и те, и другие навсегда останутся для родины без вести пропавшими солдатами: "Журнал потерь" из окружения не выйдет и пропадет. Теперь о погибших можно толковать кому что заблагорассудится: "Человек с войны не вернулся. Кто знает, что с ним стало. А может он...?" И на родных солдата станут смотреть как-то особо! Вот она — суровая правда войны. Кто же замолвит доброе слово о тех, "пропавших без вести", погибших у нас на глазах? Не дай, Бог, пропасть без вести...*

По-разному попадали солдаты и командиры в категорию пропавших без вести... Очень легко было оказаться в числе пропавших без вести. Все ли знают, что на фронте мы пребывали безымянными?

Приказом НКО № 171 в 1940 г. вводились красноармейские книжки для рядового состава и младших командиров в качестве единственного документа, удостоверяющего личность. Но этим же приказом красноармейские книжки отменялись для действующей армии. Так, с началом войны, мы были "засекречены" от самих себя, то есть были в полном смысле слова неизвестными личностями, знавшими друг друга только в лицо. Абсурд на каждом шагу, но так было. Я исключая партийные и комсомольские билеты — их запрещалось использовать в качестве удостоверений личности.

Правда, в самом начале войны мы занесли краткие данные о себе в "смертный медальон", — так мы называли их тогда, — который хранили в верхнем кармане гимнастерки вместе с махоркой. По молодости лет мы относились к медальонам несерьезно, хранили небрежно, часто попросту теряя их. Как правило, опознать погибшего могли только знавшие его в лицо, а похоронная команда далеко не всегда могла установить его личность, да и команды эти существовали у нас в дивизии очень короткое время, они были расформированы и направлены в строй.

И только 7 октября 1941 г. Приказом НКО № 330 введут красноармейские книжки с фотографией — они надолго станут единственным документом, удостоверяющим для тыла и для фронта принадлежность красноармейцев и младших командиров к Красной Армии, но пока их получат каковы, еще много воды утечет. Мы же в те дни не имели ничего и умирали безвестными...» (Левинский, 1996, с. 116—117).

- ¹⁹ Директива зам. НКО № 97 от 10.03.1943 Военным судам фронтов о порядке направления в штрафные части и специальные лагеря бывших военнослужащих Красной Армии — дезертиров и добровольно сдавшихся в плен. Подписи: Щаденко, Кузнецов, Пилипенко (Великая Отечественная, т. 15, ч. 4(3), со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 70. Л. 258—259).

- ²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 22/М/16/У/сс от 25.11.1943. Позднее тот же орган принял Постановление № 5/1/сс от

23.03.1944, направленное против гражданских беженцев от советских властей. Если самовольный переход линии фронта на сторону противника совершен не военнослужащим гражданином с целью оказания содействия врагу или противодействия советской власти, то это — измена родине. Если же такой переход и лишен таких признаков, то тем не менее он ставит того, кто это сделает, в сознательное и добровольное положение подчинения вражеской власти и подлежит соответствующей квалификации. См.: Захаров, 1999, с. 47—49.

²¹ Место хранения: РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 617—622 (по: Захаров, 1999, с. 44). Впервые опубликован: ВИЖ. 1988. № 9. С. 26—28. Впервые на немецком языке: *Voennyi vestnik. Military Bulletin*. Moscow, 1988. September. № 17. S. 1. См. также: *Der befehl nummer 270 // Osteuropa*. 1989. Heft 11/12. S. 1035—1038. Этот приказ был подтвержден 12.05.1943 директивой № 30126 Ставки, сообщавшей в войска о переходе на сторону врага бывших высокопоставленных советских военных — командующего 28-й Армией генерал-лейтенанта В.М.Качалова; командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта А.А.Власова, командующего 12-й Армией генерал-майора П.Г.Понеделина и начальника штаба 19-й Армии генерал-майора В.Ф.Малышкина (позднее выяснилось, что Качалов погиб в ходе боевых действий, а Понеделин, хотя и попал в плен, но к Власову не присоединился, что не помешало приговорить его в 1950 к смерти за измену родине).

²² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1—3. Таким образом, за 3,5 месяца НКВД расстреляло почти столько же советских граждан, сколько во всей стране находилось преступников, смертный приговор которым еще не был приведен в исполнение (10.645 чел. — см.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 9. Л. 1—4).

²³ Бугай Н.Ф. 20—50-е годы: принудительные переселения народов // *Обозреватель*. 1993. № 11. С. 123, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 377. Л. 8—15. Дезертирство не прекратилось и в 1944 г.: только за июнь—ноябрь было задержано 87.923 дезертира и 82.834 уклоняющихся от службы (Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 60).

²⁴ Приказ № 001735 от 28.12.1941 «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» (РГВА. Ф. 1п. Оп. 37. Д. 2. Л. 1—3; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 1. Л. 1—6). Дополнения к этому приказу содержатся также в приказах по НКВД за № 00117, 00161, 00452 и 00520 за 1942 г. и 001144 за 1943 г.

²⁵ Этот лагерь действовал еще в 1940 г., во время войны с Финляндией (см.: Носырева, Назарова, 1995, с. 104—105).

²⁶ Приказом НКВД № 0087 от 13.01.1942 за подписью Серова была введена Временная инструкция о порядке учета и содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника (РГВА. Ф. 1п. Оп. 37. Д. 2. Л. 4—12).

²⁷ Совместный приказ НКВД, НКГБ и Прокуратуры СССР от 28.06.1941 «О порядке привлечения к ответственности изменников родины и членов их семей» и совместный приказ НКВД и НКГБ «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей изменников родины».

²⁸ См.: Зайцев, 1993, с. 93—95.

²⁹ См.: Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3. С. 28, со ссылкой на: РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 63. Л. 146. Для ускорения репрессий против членов их

семей Начальник главного управления военных трибуналов Наркомюста издал 26.10.1942 специальную директиву (Зайцев, 1993, с. 96—97).

³⁰ См.: Захаров, 1999, с. 46—47.

³¹ Впервые: Самсонов А. Сталинград: ни шагу назад! // Московские новости. 1988. 7 февраля. См. также: ВИЖ. 1988. № 8. С. 26—28.

³² Цитата — по факсимиле, воспроизведенному в первопубликации указа: Wagenlehner G. Die Willkürjustiz der Stalin-Ära — der Ukas 43. // Der Heimkehrer. Bonn, 1992, 15 Mai. Г.Н.Иванова сообщает об иной редакции названия этого Указа (маловероятно, что это два различных акта, выпущенных в апреле 1943 г.): «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ». Она подчеркивает принципиальность введения именно в это время (когда разворачивался урановый проект) каторжных работ в ГУЛАГе (Иванова Г.Н. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 53).

⁹³ См. выше.

⁹⁴ Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания советских послов в нейтральных странах, например, Коллонтай в Швеции: «Советский Союз не признает никаких русско-советских военнопленных; соавшиеся в плен немцам — это дезертиры» (Streit, 1991, s. 236, 402). Эта позиция практически не менялась до января 1943 г., когда действующие войска начали пополняться побывавшими в плену красноармейцами, прошедшими фильтрацию в спецлагерях (в основном их направляли в штрафные батальоны и роты).

1.4. Карательная политика Рейха на Востоке: военно-полевой холокост

Самыми опасными и заклятыми врагами Рейха и наименее достойными жизни (не говоря уже о чести быть отправленными на работы в Германию) безоговорочно признавались **евреи**. С первых же дней войны ни ведомство Гимmlера, ни ведомство Розенберга не оставляли их своим смертоносным вниманием. Их выявление, концентрация в гетто и последующая ликвидация составляли одну из недекларированных, но четко осознанных целей войны.

Разумеется, в полном объеме это распространялось и на евреев — советских военнопленных. Все они однозначно **подлежали ликвидации**. В боевой обстановке и непосредственно в момент пленения решения о расстреле на месте могли приниматься на самом низком уровне — унтер-офицерами и даже солдатами, причем без какого бы то ни было утруждения военно-судебных структур вермахта¹.

Зато инициатива «окончательного решения» еврейского вопроса исходила с самого верха — от фюрера. Будучи одной из постоянных тем в разговорах Гитлера с его ближним кругом, форму прямого приказа она приняла всего лишь за несколько дней до нападения на СССР. По версии А.Штрайма, приказ об уничтожении евреев был отдан Гитлером устно и спущен вниз — тоже устным способом — через Гимmlера и Гейдриха².

Сама же установка в общих чертах была прописана в специальной «Инструкции для особых областей» от 13 марта 1941 года, являвшейся органической частью «Плана Барбаросса», а также в специальном соглашении между ОКХ и РСХА от 28 апреля 1941 года, регулировавшем взаимоотношение и взаимодействие СС и сухопутных войск³.

В соответствии с этими директивами в мае 1941 года в трех тишайших саксонских городках на Эльбе (Претш, Дюбен и Бад-Шмидеберг) было создано, быть может, одно из самых страшных войсковых соединений в мировой военной истории — **«айнзатцкоммандо»**, или «оперативное соединение», предназначенное для обеспечения активной карательной политики Третьего Рейха в войне с СССР. Айнзатцкоммандо состояло из четырех «оперативных групп» («айнзатцгруппе»), четко увязанных со стратегическим построением сил вермахта. Так, группам армий «Север», «Центр» и «Юг» соответствовали оперативные группы «А», «С» (начиная с 11 июля переименованная в «В») и «В» (тогда же переименованная в «С»), а оперативному району 11-й Армии, охватывавшему юг Украины и Северный Кавказ, была придана оперативная группа «D». Оперативные группы СС, в свою очередь, делились на «особые командования» («зондеркоммандо»). Численный состав «оперативных групп» составлял от 500 до 800 чел., причем штаты этих «эскадронов смерти» формировались из сотрудников РСХА («крипо» и «зипо») и СД, а также из приданных им нескольких резервных батальонов полиции и батальонов СС.

Именно им, этим «эскадронам смерти», предстояло героически бороться с тысячами и миллионами еврейских женщин, стариков и детей. На своих штандартах они вполне могли бы начертать и следующий шедевр геббельсовской пропаганды: *«Бей жида-политрука, морда просит кирпича!»*.

Но вскоре все же потребовалась конкретизация, причем обоих элементов этой изысканной рифмы — как «жида-политрука» (какие категории лиц следовало бы среди военнопленных в процессе чисток выявлять), так и «кирпича» (а что именно с ними делать?). Более или менее внятные ответы на эти вопросы впервые дал печально известный «Боевой приказ № 8» от 17 июля 1941 года, подписанный начальником РСХА группенфюрером СС Гейдрихом.

Он распространялся на всех вызывающих подозрение — не только на военнопленных, но и на гражданских лиц. Выявлению, проверке и изоляции от остальных подлежали — *«...все сколь-либо значительные деятели партии и государства, в особенности профессиональные революционеры и деятели Коминтерна, сотрудники центральных, краевых и областных организаций коммунистической партии, все народные комиссары и их заместители, все бывшие политкомиссары Красной армии, руководители госучреждений верхнего и среднего звена, руководящие работники народного хозяйства, русско-советская интеллигенция, все евреи и все подстрекательски или фанатично настроенные коммунисты»*⁴.

Применительно к военнопленным и с учетом распыленности остальных категорий, приказ № 8 являлся, по существу, смертным приговором всему политсоставу Красной Армии и всем военнослужащим-евреям, независимо от их военной специальности. Впрочем, у политруков, в отличие от евреев, еще оставался «шанс» уцелеть: спасительной могла бы стать (а могла и не стать) их готовность к «сотрудничеству» с оккупантами и степень заинтересованности в этом последних.

Как **селекцию**, так и **ликвидацию** военнопленных должна была осуществлять не лагерная администрация, а направляемые в каждый лагерь или иное место скопления неблагонадежного элемента «особые комиссии» РСХА и СД («Sonderkommissionen»). Составленные ими отчеты с указанием количества отобранных ими неблагонадежных лиц (очень часто даже без персонализирующего списка) подлежали еще формальному согласованию с руководством РСХА.

Только после этого можно было приступать непосредственно к ликвидации (или, по-немецки, к **экзекуции**), но ни в коем случае не в самом лагере и не в непосредственной близости от него. В случае же невозможности обеспечить скрытность (а это было совсем не просто в самой Германии, например) обреченных смертников надлежало направлять в ближайшие концлагеря. Тем не менее нет недостатка в свидетельствах о незамедлительном, открытом и прилюдном исполнении этого людоедского приказа в самих лагерях.

Знакомство с актами региональных комиссий ЧГК (в частности, Ставропольской) показывает, что наряду с многочисленными свидетельствами о массовых убийствах сотен и тысяч евреев, в документах встречается достаточно много сообщений и о других расстрелянных, в частности, местных жителях и, в особенности, военнопленных. Есть все основания полагать, что большинство из расстрелянных военнопленных — это тоже евреи. Если летом 1942 года, в отличие от лета 1941 года, советские военнопленные как рабочая сила уже представляли для Германии определенный экономический интерес и отношение к их «сохранности» в целом улучшилось, то отношение к военнопленным-евреям изменений не претерпело: все они по-прежнему подлежали уничтожению.

Описание такого «военно-полевого холокоста» встретилось нам в акте ЧГК о злодеяниях оккупантов в Курском районе Ставропольского края от 19 июля 1943 года. В нем описывается сборный лагерь для советских военнопленных, организованный немцами в станице Курской, во дворе исполкома райсовета. Двор обнесен колючей проволокой, у ворот — усиленная охрана. День и ночь и в любую погоду пленных держали под открытым небом, практически не кормя. Да и местных жителей не давали даже поить этаплируемых солдат на подходе к лагерю: любая попытка ссудобольности штрафовалась побоями. Далее — цитата из акта: *«20 августа 1942 года немецкие изверги отобрали в лагере 6 человек военнопленных, вывели их на середину двора лагеря, раздели и разули, после чего начали над ними издеваться. Сначала некоторых из них брали за уши и тянули со всей силой, заставляя их следовать за ними, затем всех их били палкой по голове и по другим частям тела, после чего замученных этих 6 человек военнопленных вывели за станицу и расстреляли»*⁵. Совершенно очевидно, что в данном случае описана процедура «селекции» из солдатской массы и «экзекуции» военнопленных-евреев.

Вот, например, цитата из воспоминаний С.И. Анваера о сборном лагере для военнопленных в Вязьме в 1941 году:

*«Хуже голода мучают жажда и холод. В голове неотвязная мысль: хоть бы один раз удалось согреться перед смертью. А смерть она тут, рядом: на этаже появляются эсэсовцы с автоматами. Вызывают фамилию. Встает человек и тут же падает, сраженный автоматной очередью. Все это повторяется. На третью фамилию никто не откликается. Ее повторяют. Опять никто. И вдруг раздаются голоса: "Вот он, здесь запрятался". Автоматы бьют прямо в гуцу людей. Следующий встает сам. Потом вновь молчание в ответ на фамилию, и опять предательские голоса, и вновь стрельба по площадям. На душе тяжелая тоска, как после этого жить. Полумертвые люди предают друг друга. Вечером Саша шепчет мне: "Знаешь, в кого стреляли? Это были комиссары. Кто-то дал немцам их фамилии, а другие помогли найти. А я был политруком. Может быть, и меня узнают"»*⁶.

Уже в июле 1941 года большие массы советских военнопленных стали прибывать непосредственно в Рейх, возможность чего в приказе № 8 допускалась не более чем теоретически. Это отставание от жизни было быстро исправлено в «Боевом приказе № 9» от 21 июля. Немаловажные уточнения содержал и указ Гейдриха от 12 сентября 1941 года, выправлявший, по-видимому, массовые «перегибы» при исполнении приказа № 8. Сделанные в нем уточнения понятия «русско-советская интеллигенция» вывели из-под смертельной угрозы по крайней мере интеллигенцию техническую и прекратили расстрелы татар и представителей других «азиатских» (читай: мусульманских) народов, осуществлявшиеся исключительно по той причине, что у них, как и у евреев, практиковалось обрезание⁷.

27 октября, в развитие приказа № 8, Гейдрих выпустил «Боевой приказ № 14», наделявший офицеров «оперативных команд» в лагерях для военнопленных полномочиями по принятию решений об их экзекуциях, что существенно упрощало всю процедуру⁸.

В начале октября 1941 года Министерство по делам восточных территорий направило во все крупные дулаги и шталаги около 40 «Комиссий по проверке военнопленных», не только соучаствовавших в поиске среди них евреев и других потенциальных врагов, но и наделенных правом отпускать из плена украинцев и представителей некоторых других национальностей. Опасаясь наивности немецких солдат и офицеров, искренне полагававших, что необрезанных евреев не бывает, Министерство разоблачило и эту «жидо-большевистскую» уловку: 10 октября оно разослало информацию о том, что, начиная с 1920—1921 годов рождения, среди советских евреев запросто могут оказаться и необрезанные⁹.

Тем не менее части евреев, — а судя по их количеству среди репатриированных, речь может идти о 15—20 тыс. чел., — удалось скрыть свою национальность и фамилию и, если им и дальше везло, то и уцелеть, даже на территории врага.

Вот несколько ярких случаев, затрагивающих как военнопленных, так и остарбайтеров.

Особенно тяжело уцелеть было изменившим свою идентичность военнопленным. За «разоблаченного» жида или политработника в дулагах и шталагах награждали: хлебом, а иногда и одеждой расстрелянного.

Лейтенант Сергей О., по свидетельству М.Б.Черненко, служивший комвзвода, попал в плен в 1942 году после неудачного наступления на Южном фронте. Пожилой солдат-татарин указал ему на общность важного мусульманского и иудейского обрядов и присоветовал скататься татаринном из соседнего с собой села. Что Сергей О. и сделал (заодно подучив татарские слова). У немцев это сошло, а у своих — после освобождения — нет: «за измену Родине» он получил 15 лет Дзезказганских лагерей¹⁰.

Младший лейтенант Борис Ильич Беликов, 39-летний еврей из Ялты, попал в плен под Харьковом, но не со своей частью, а с госпиталем, где лежал. Отчество он изменил на «Иванович», но спасение его было в том, что ни в сборном лагере в Чугуеве, ни в офицерском лагере во Владимире-Волынском, ни в арбайтскомандо под Кельце — ни разу он не встретил знакомых. Два самых страшных его воспоминания: первое — в лагерь поступили новички (не дай бог, кто из них знакомый!), второе — медосмотр и помывка в бане (он всегда старался проскочить в гуще людей и как можно скорей намылиться). Однажды ему послышалось, что кто-то обратился к нему не «Боря», а «Борух», и он бежал. Попал к партизанам из «Армии Крайовой», а потом к своим. В 1946 году арестован и остаток жизни Сталина провел в Норильске.

На волосок от гибели, — как в России, так и в Голландии, — прошел плен и студент истфака и ополченец (впоследствии профессора истории Ростовского университета) Герман Бауман¹¹.

Но поистине уникальным был случай Софьи Иосифовны Анвар — сразу еврейки и военнопленной, — взятой в плен под Вязьмой и под фамилией своего однокурсника-грузина Анджапаридзе уцелевшей даже в концлагере Штуттоф. В ее воспоминаниях есть выразительное описание первичной селекции 1941 года в сборном лагере для военнопленных под Вязьмой:

«...Был конец ноября. Стояло хмурое утро. Внезпно во дворе раздалась нарастающая стрельба, усилилась хриплая брань, крики. На этаже появились солдаты и эсэсовцы. Угрожая автоматами, они стали выгонять полуживых пленных во двор. Тех, кто не мог подняться, пристреливали. На лестнице образовалась страшная давка. Передние не успевали выходить, а на задних напирали немцы с криком и стрельбой. Между верхними и нижними этажами было широкое окно. Через него мне и удалось увидеть, что происходило во дворе. Шел еврейский погром. Эсэсовцы отбирали евреев и отгоняли их вправо. Более месяца, проведенного в этом лагере, сделали мне смерть мигле жизни. Не раз уже я сама лезла под пули, но когда я увидела, как они убивают евреев, как над ними издеваются эсэсовцы с помощью собак (описывать это я не в состоянии), и представила, что же они могут сделать с женщиной, то постаралась задержаться на лестнице, пусть пристрелят здесь. Задержаться не удалось, поток людей вынес меня на крыльцо. Тут же ко мне подлетел высокий эсэсовский офицер:

— Жидовка? — Нет, грузинка.

— Фамилия?

— Анджапаридзе.

— Где родилась?

— В Тбилиси.

Последовало еще несколько вопросов... Ударом руки офицер толкнул меня не направо, куда я боялась даже взглянуть, не влево, куда отгоняли всех, а прямо вперед. Поднявшись на ноги, я обнаружила

еще двух женщин-военнопленных. "Селекция" продолжалась, нас — женщин постепенно стало шестеро. Стояли, тесно прижавшись друг к другу. Что говорить, было страшно. Страшно смотреть на то, что творилось кругом. Страшно думать о том, что могут сделать с нами. Когда "селекция" окончилась, военнопленных загнали обратно в здание, эсэсовцы и солдаты ушли, во дворе остались только трупы и мы шестеро посередине пустого пространства в полной неизвестности...»¹²

Впрочем, не занимать драматизма и историям остарбайтеров. Из-за болезни отца вся семья Али Кудрявцаковой (она же — Александра Соломоновна Суровская)¹³ осталась в оккупации и сполна испытала на себе все прелести и национальной, и трудовой политики нацизма. В приложенном к анкете письме она так описывает свою судьбу:

«...Рядовые солдаты относились неплохо. Но вскоре пришли головорезы СС. Вот здесь и начались наши муки. У кого что было должны были все отдать. Теплую одежду, обувь, приемники — в общем все... И вот однажды велели всей молодежи (еврейской) собраться на рынке. Там большая площадь. Выстроили по группам. Мужчин погрузили на машину и увезли, после не возвратились. Девушек и подростков по одной били палками. Я тоже испытала. Один опустит палки, другой подымет. Так били до бессознания и бросали. После, когда побили всех, выпустили на площадь и дали команду бежать, а след выстрелы. После этого вскоре, т.е. в конце лета 1941 года, стали евреев сгонять в гетто. Туда попали мои родители и младший брат, а я и брат, еще три девушки и один парень бежали. Бежали куда глаза глядят. Так мы шли и дошли до Кричева. Нас задержали немцы. Думали, что партизаны. Поддержали, допрашивали и тут я выдала себя за Дмитриеву Валю. Брата забрали в лагерь, а нас, девочек, отпустили. Так я брата и не видела и не знала, что и как он. Только после войны встретились. А меня взяла к себе одна женщина. Я пошла с ней. Не помню точно, как называлась деревня, Красное или как — не помню. И вот по ночам к ней приходили люди, а я боялась всего на свете, взяла да и ушла от нее. А уже глубокая осень. Холод и голод, и сказать боишься, кто ты и откуда. Так я пришла в деревню Кокотово Могилевской области Мстиславский район и взяли меня к себе две женщины. Мать и дочь, и у дочери был сын трех лет. Так я жила у них до лета 43 года. А в 43 г. уехали в Германию, вы не представляете сколько горя и страха я пережила. Перед тем как увозить нас собрали в сельсовете и увезли в г. Мстиславль, где я жила, и рядом с моим домом оставили на ночлег. В комиссии была врач Борисевич (с ее сыном я училась), но никто меня не узнал или делали вид, и потом нас увезли на станцию (Ходосы, кажется), в товарные вагоны погрузили. Таким образом я оказалась в Германии. Но видно есть Бог на свете. В перевалочном пункте долго не держали, и я попала к хозяину. Работали на полях и дома. Он, хозяин, дома не был,

работая в какой-то партии, кажется "СС". Кормили удовлетворительно. Так я осталась в живых и под страхом как бы не выдать себя»¹⁴.

Киевлянке Норе Идзиковской достаточно было скрыть только происхождение матери: ее отец был поляком. А мать? Не только среди немцев, но и среди «своих» всегда находились охотники или охотницы вывести ее как «жидовку» на чистую воду. После одного из разоблачений она бежала из рабочего лагеря, была поймана и отправлена в Равенсбрюк¹⁵.

Тех же, кто благополучно прошел через «селекцию», предписывалось так или иначе пометить. Ясно, что гимнастерки или шинели военнопленных евреев, сколько бы им еще ни оставалось жить, украшали желтые шестиконечные звезды.

Остальным же на одежде — чаще всего на правом колене и на спине (и еще на пилотке, если она была) — белой или красной краской малевали буквы «SU»¹⁶.

Но метили не только евреев и не только одежду.

Так, в 1941 году, например, — в целях опознания при побегах — предписывалось наносить ляписным карандашом на внутренней стороне левого предплечья несмываемый крест¹⁷. Позднее перешли на еще более верный способ — клеймение! Так, по данным К.Штрайта, Управление по делам военнопленных ОКВ приказом от 16 января 1942 года предписало выжигать на внутренней стороне левого предплечья крест¹⁸. По другим данным, клеймение было введено распоряжением ОКХ от 20 июля 1942 года, а соответствующее клеймо представляло собой «острый, открытый вниз угол, приблизительно в 45 градусов и со стороною в 1 см», которое с помощью прокаленного ланцета и китайской туши должно было наноситься на левую ягодицу¹⁹.

«Метили, как овец», — выразился (правда, по поводу намалеванных на шинелях букв) военнопленный Ф.Я.Черон²⁰.

Примечания

¹ Процесс подготовки и осуществления такой «восно-судебной реформы» подробно раскрыт в исследовании А.Штрайма (Streim, 1981).

² Формой его документации являются лишь свидетельские показания тех, кто служил тут промежуточным или конечными звеньями. Впоследствии некоторые из них письменно отказались от своих показаний, особенно в части датировки, как бы перекладывая тем самым дату отдачи такого приказа на более поздний период (См.: Streim, 1981, s. 72—73).

³ См.: Streim, 1981, s. 72—73.

⁴ Цит. по: Streim, 1981, s. 70. Приложениями к приказу № 8 две «Инструкции»: первая — по осуществлению фильтрации среди гражданских

лиц и вызывающих подозрения военнопленных восточной кампании, содержащихся в лагерях в лагерях для военнопленных, а вторая — для придаваемых этим лагерям оперативных команд, находящихся в введении начальника полиции безопасности и службы СД (См.: Нюрнбергский процесс-2, т. 4, с. 206—208).

⁵ См.: ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 2—20б.

⁶ Анваер, с. 8

⁷ См.: Streim, 1981, s. 71—72.

⁸ Streim, 1981, s. 72.

⁹ Для убедительности и научности прилагался еще и составленный в министерстве обзор народов и народностей СССР (Streim, 1981, s. 72).

¹⁰ Черненко М. Анкетное проклятье // Моск. новости. 1997. № 19. 11—18 мая. С. 22.

¹¹ Бауман, 1991. Еще один случай: Давид Яковлевич Гелевский, жил и работал под вымышленной фамилией Иван Андреевич Пустовой, что само по себе стало препятствием для получения им гуманитарного урегулирования из Германии (см.: Букалов, 1996, с. 157).

¹² См. в ее воспоминаниях (Анваер, с. 9).

¹³ Родилась в 1926 г. в г. Мстиславле Могилевской области; впоследствии проживала в Москве.

¹⁴ Вот окончание ее письма: «В 46 г. я завербовалась в Ленинград на завод. Притеснения я не замечала, относились хорошо. В 1949 г. переехала в Москву. Здесь жили родственники и брат. Родные не разглашали, что я была в оккупации. Боялись и в тайне от меня уничтожили все документы и фото. Извините если я что не так написала. Очень трудно все ворошить. Всего доброго, дай Бог не знать всего этого, что мы пережили».

¹⁵ См.: Idsikowskaja, 1995. А вот еще одна еврейская судьба — судьба Владимира Сиротина, 16-летним добровольцем ушедшего на фронт и после репатриации зачисленного в спецконтингент. В рапорте на имя Начальника Управления по репатриации советских граждан генерал-полковника Ф. Голикова он писал: «Я, Сиротин В.И. родился 1925 г. в семье служащего, по национальности еврей. Родился в г. Гомеле, до войны находился на учете в Ремесленном училище. Когда началась война при эвакуации г. Гомеля я был эвакуирован в Ростов. В 1941 г. пошел добровольно на фронт, где участвовал в боях под Матвеевым курганом Ростовской области, где в бою был ранен. После этого был направлен в лазарет. После моего излечения был направлен на фронт. В боях за г. Керчь был в боях под станцией ... (прзб) Колодезь раненый. Потом был на излечении в лазарете. После 2 ранения был направлен в училище, где немного проучился и добровольно уехал на фронт, когда во время учебы получил комсомольский билет. После этого поехал на защиту г. Севастополя, где попал в плен в 1942 г. При сдаче г. Севастополя в бою был контужен и взят в плен. В плену находился с 1942 г. по 1945 г. При капитуляции был освобожден РККА. Сейчас нахожусь на госпроверке уже 6 месяцев. Сижу в лагере, кончил допрос и сижу не знаю, за что у немца убивали мучили и издевались как собакой и остался жив и теперь. Сижу в лагере многое время. За что сижу я с моей национальностью один человек в лагере и думаю, сколько можно сидеть и за что. Если считают виноватым, то пускай судят, а если не виноват, то почему так долго держат? Я очень убит и морально расстроен».

¹⁶ От английского «Soviet Union» (Советский Союз).

¹⁷ Ämtliche mittellungen der Reichskommissariat Ukraina. 1941. № 9. 14.01.1942.

¹⁸ См.: Нюрнбергский процесс-2, т. 4, с. 212. Об аналогичном клеймлении в Минском шталаге см. также в: Черноглазова, 1996, с. 123.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 360. Л. 6.

²⁰ Черон, 1987, с. 52.

1.5. Миражи и реальность: правовой статус остарбайтеров

Определимся для начала с понятиями. А кто же такие были **остарбайтеры**?

Вопрос, как ни странно, не праздный и не простой.

Авторство понятия принадлежит нацистской администрации¹, но путаницы — и, как следствие, неверных административных действий — хватало с самого начала². В официальном немецком понимании, остарбайтеры — это **гражданские рабочие из «старых советских областей», то есть территории СССР до 22 июня 1941 года**, включая и западнобелорусские и западноукраинские земли, но без Белостокской и Львовской областей (Галиции), Литвы, Латвии, Эстонии, а также Молдавии и Северной Буковины³.

И «галичане», и жители прибалтийских государств имели иной статус, аналогичный статусу поляков. «Правом» добровольно вербоваться для работы в Рейхе они обладали с самого начала оккупации, причем это право довольно быстро переродилось в «обязанность». В июне 1942 года прибалты получили привилегию не подлежать принудительной вербовке⁴. Еще ступенькою выше стояли немцы-«фольксдойче», а также ингерманландцы («фольксфинны»).

Внутренние, национальные различия внутри контингента остарбайтеров поначалу не учитывались и не предусматривались. Решающим в обращении с ними было то, что *«...в течение десятков лет они находились под большевистским господством и воспитывались систематически в духе вражды к национал-социалистской Германии и европейской культуре (!). Нет необходимости в проверке рабочих по национальной принадлежности (!), поскольку для дальнейшего обращения с рабочей силой это никакого значения не имеет (!!!)»⁵.*

Остарбайтеров следовало строжайше изолировать и от немецкого населения, и от других иностранных рабочих, и от собственных земляков-военнопленных, использовать на производстве — исключительно рабочими колоннами (лишь в сельском хозяйстве — и то не сразу, а спустя время — их использование поодиночке вынужденно допускалось), содержать, по возможности в огороженных лагерях, каковые надлежало охранять тщательно и неусыпно. Покидать лагерь можно было исключительно по производственной необходимости, все свободное время — внутри лагеря, и лишь в качестве большой привилегии и поощрения предусматривались увольнительные в пределах местного полицейского участка на выходной день (контрольный срок — 21 час). Обязательным было ношение хорошо видимого знака «OST» («ОСТ») и наличие при себе персонального «аусвайса» или «арбайтскарты» — суррогатов удостоверения личности и трудовой книжки.

Поскольку регулярные «поставки» остарбайтеров в Рейх начались по крайней мере зимой 1942 года (весной их насчитывалось уже десятки тысяч), возникла потребность в дополнительном «правовом» регулировании их пребывания в Германии. Первые соответствующие указания по их трудоустройству и содержанию были изданы 9 февраля 1942 года⁷, то есть сравнительно рано, и затрагивали, в основном, вопросы оплаты труда. Оплате, в частности, подлежало только отработанное время (за вычетом особого налога на восточных рабочих и 1,5 рейхсмарок в день за питание и проживание)⁸. Указом Министра труда от 4 марта 1942 года были отрегулированы и вопросы страхования: предприниматель обязывался выплачивать в местные или заводские больничные кассы по 4 рейхсмарки в месяц за каждого работника⁹.

Универсальный же распорядок жизни восточных рабочих задавался приказом от 20 февраля 1942 года рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции Гиммлера¹⁰. Самый термин «остарбайтер», собственно говоря, был впервые введен именно в нем. Как и необходимость ношения опознавательных знаков.

В сочетании с низкой зарплатой, содержанием в бараках да еще под охраной и за колючей проволокой жизнь остарбайтера становилась почти неотличимой от жизни военнопленного. Определяющей чертой приказа были — строжайший и неустанный контроль и надзор за «остарбайтерами», а также система штрафных санкций за трудовые или политические проступки — вплоть до отправки на несколько недель в исправительно-трудовой лагерь (*Arbeitserziehungslager*)¹¹. Более серьезные нарушения, как то побег, воровство или саботаж, наказывались помещением в штрафной или концентрационный лагерь, но в отдельных случаях и «спецобращением» (*Sonderbehandlung*), то есть, попросту, смертной казнью. Например, за половые контакты с немецкой женщиной — казнь для партнера и концлагерь для партнерши.

Немецкие инстанции четко разделяли своих рабов по национальной принадлежности и различали, кажется, 13 категорий иностранных рабочих. Русские, французы, поляки, голландцы — все должны были содержаться врозь, в отдельных лагерях или, по крайней мере, в бараках¹².

28 декабря 1942 года совместным указом Геринга и Заукеля были уточнены и упрощены критерии различных национальных категорий рабочей силы, используемой в Рейхе. В результате от множества градаций осталось всего четыре: 1) иностранные (в смысле западные) рабочие, 2) польские рабочие, 3) остарбайтеры и 4) евреи и цыгане¹³.

Три последние категории удостоились чести быть помеченными особенными опознавательными знаками-нашивками или повязками: поляки — буквой «Р», оловцы — надписью «OST» и евреи — желтой шестиконечной звездой¹⁴.

Эта унижительная необходимость — носить повсюду нашивку («тряпку “Ост”»), как выразилась одна из носивших) и откликаться не на имя, а на номер, — давалась русскому человеку непросто!

Хотя чего-чего, а унижений — как в России, так и в Германии — было предостаточно. Одна из женщин (Анна Федоровна Дрыгач) была «переименована» хозяином в Паулину, поскольку Анна у них в доме уже была! Или взять саму процедуру «предложения» на бирже, когда отбирающий себе работников хозяин осматривает тебя, словно лошадь или, точнее, раба на невольничьем рынке, щупает мускулы, заглядывает в зубы и т.д.¹⁵

Остовская метина представляла собой матерчатый прямоугольник с бледно-голубой окантовкой: на синем фоне белым цветом — слово «OST»¹⁶. Необходимость введения такой меты — для удобства отличия — была оговорена еще в ноябрьских 1941 года указаниях Геринга, но официально они были введены только 20 февраля 1942 года — уже упомянутым приказом Гиммлера. Носить их полагалось на любой верхней одежде. Уклонение от ношения протоколировалось и каралось штрафом в 150 RM, а в случае непогашения штрафа — тюремным заключением сроком до 3-х недель¹⁷.

Первые три месяца все носили свою нашивку на общих основаниях, но затем вступало в силу предписание (введенное, правда, не сразу, а только с лета 1943 года), делающее различие между «плохими» и «хорошими» (на хозяйский вкус) остарбайтерами: «плохие» продолжали носить свои нагрудные знаки, а «хорошие» — приобретали право носить нашивку, причем несколько меньшего размера, на левом рукаве!¹⁸

Были и другие «нюансы». Так, советские врачи и фельдшеры носили бело-синюю повязку с надписью «Ostarzt» («восточный врач»), а обучающиеся в производственных мастерских — нашивку с надписью в две строки: сверху — L.W. (то есть «Lehr-Werkstatt»), снизу — «OST»¹⁹.

Впрочем, еще в феврале 1942 года Восточное министерство предлагало для каждого из трех больших народов СССР — русских, украинцев и белорусов — ввести отдельные знаки. К этому еще вернутся двумя годами позже, когда за отмену обязательного ношения нашивок «OST» выступят и геббельсовское Министерство пропаганды, а также те немецкие военные, как, например, генерал Кестринг, что имели дело с русскими добровольческими соединениями. О генерале Власове нечего и говорить: остовцы были его особой заботой. Слишком уж очевидной и несуразной была необъяснимость сосуществования в Рейхе русских-рабов (остарбайтеры) и русских-союзников (РОА и другие добровольческие формирования)²⁰.

Кстати, в случае демобилизации по причине контузии или ранения бывшие служащие вермахта из добровольческих соединений, а также оказавшиеся в Рейхе члены их семей фактически приравнивались к остарбайтерам. От «чистых» остарбайтеров их отделяло,

в сущности, несколько полицейских распоряжений, на практике никем не соблюдавшихся. Тем не менее одной из таких «привилегий» было право носить — дополнительно к своему национальному знаку! — еще и особую нарукавную повязку, обозначающую их как «бывших бойцов»²¹. Обладателям таких повязок разрешалось посещение театров, кино, ресторанов и т.п., а также пользование общественным транспортом, фотоаппаратами и велосипедами, — что рядовым остарбайтерам было строгойше воспрещено.

...Уже весной 1942 года в немецкие инстанции посыпались жалобы. Обобщив их, Министерство по делам восточных территорий, помимо катастрофически плохого питания, зафиксировало и другие причины для недовольства. В их числе — само по себе выделение категории «остарбайтеров» и ущемление их прав по сравнению с другими иностранными рабочими, бесчеловечные методы вербовки, нестыковка между обещаниями и действительностью, работа не по специальности, размещение в лагерях за колючей проволокой и без права выхода за территорию, грубость и рукоприкладство со стороны охранников, старост и переводчиков, низкая оплата труда, делающая практически нереальным перевод денег на родину (что было одним из пунктов вербовочной агитации), длительное прерывание почтовой связи.

Возвращаясь к весне—лету 1942 года, отметим, что положение на восточном «трудовом» фронте, несмотря на все усилия Заукеля, было критическим. В сущности, именно это и повлекло за собой некоторое улучшение положения остовцев.

«Вызванная плохим питанием и обращением низкая производительность труда восточных рабочих стала... весомым аргументом, который мог быть напрямую связан с исходом войны. И тем не менее... условия жизни и труда восточных рабочих были улучшены далеко не настолько, как того требовало военное и военно-экономическое положение нацистской Германии»²².

Надо сказать, что в роли главных «защитников» восточных рабочих чаще других выступали розенберговское Министерство по делам восточных территорий и Шпееровское Министерство военной экономики и вооружений. Оба требовали для остарбайтеров ослабления дискриминации, улучшения питания, повышения зарплаты, отказа от колючей проволоки, охраны силами русского самоуправления и даже показа кинофильмов²³. Неизменными же противниками любых послаблений «большевикам» выступали НСДАП и РСХА, разработавшие подробный план мер безопасности в связи с прибытием и пребыванием в Германии миллионных орд остарбайтеров.

Но Шпееру удалось привлечь на свою сторону самого могущественного из мыслимых союзников — Адольфа Гитлера. В беседе,

состоявшейся между ними 21—22 марта 1942 года, фюрер решительно возражал против плохого питания гражданских русских, как и против их содержания, наподобие военнопленных, за колючей проволокой. «Заукель, — сказал он, — должен все это привести в порядок». Шпеер немедленно обратился к последнему со своими предложениями о полном уравнивании русских рабочих — и в правах, и в рационе — с другими иностранными рабочими; он даже выразился в том духе, что *«русская рабочая сила является наиценнейшим трофеем, который принес поход на Россию немецкой военной экономике»*²⁴.

И только после вмешательства Гитлера — 9 апреля 1942 года — рейхсфюрер СС внес в свой приказ от 20 февраля изменения, декларирующие существенные послабления в режиме содержания остоуцев: были отменены заграждения из колючей проволоки, выделены часы для прогулок внутри лагеря (группами, во главе с немцем), переименованы рационы (стало больше хлеба, но меньше мяса²⁵), повышена оплата, предусмотрены бригадиры (впрочем, и шпионы тоже) из среды самих остарбайтеров. Разрешался выход на работу и небольшими группами, в том числе семьями (включая детей от 15 лет²⁶), и даже индивидуально; трудовое взаимодействие с немецким населением отныне не запрещалось, что, в сущности, открывало путь к их использованию в сельском хозяйстве²⁷.

Душу гестапо отвело на том, что существенно устрожалось — вплоть до смертной казни! — наказание и за не столь значительные проступки (например, за непокорство).

Верхом цинизма и жестокости стал приказ знаменитого гестаповского шефа Мюллера от 14 декабря 1942 года — своего рода разнарядка на поставку в наступающем 1943 году в концентрационные лагеря не менее 35 тысяч иностранных рабочих, бежавших из мест труда.

Тотчас же со стороны промышленников посыпались протесты против такой практики — положение с рабочей силой было столь напряженным, что примерному наказанию беглых рабов они предпочли бы столь же примерное их трудоиспользование у себя, а не в концлагерях под эгидой СС.

Тем не менее решение оставалось за СС, чья роль в судьбе остарбайтеров все время росла. В начале ноября 1942 года РСХА и рейхсминистерство юстиции заключили соглашение, согласно которому остарбайтеры перешли под «юрисдикцию» полиции. Практически остарбайтеры, может быть, и не ощутили этой перемены, но тем не менее, как пишет А. Даллин, *«беззаконие стало законом»*²⁸.

Одновременно РСХА стремилось поставить под свой контроль и весь комплекс, связанный с военнопленными. Это удалось ему только после разгрома заговорщиков «20 июля»: начиная с 1 октября 1944 года, считая, что вермахт относился к военнопленным излишне снисходительно, Гитлер передал соответствующие полномочия Гиммлеру. Впрочем, на режиме содержания военнопленных указанная смена вывески практически не отразилась²⁹.

Заметим лишь, что к этому времени подавляющее большинство военнопленных в Германии составляли советские, так как большая часть французских и итальянских военнопленных, выразивших свою лояльность правительствам Виши и Сало, была переведена в гражданский статус.

Тут уместно маленькое отступление. Массовый перевод советских военнопленных в гражданские рабочие (как это было, например, с французами и поляками) долго не стоял на повестке дня, хотя отдельные акции и шаги такого рода известны.

Вместе с тем относительно массовое увольнение из плена, — как правило, с последующим переводом в другой статус, — имело место, причем не только в самом начале войны. Основания для этого были самые различные, но трудоиспользование никогда не было главным.

Так, 25 июля 1941 года был издан приказ генерал-квартирмейстера об освобождении из плена представителей ряда «дружественных» национальностей — немцев Повольжья, прибалтов, украинцев, а также белорусов³⁰. Согласно распоряжению ОКВ от 14 октября 1941 года, военнопленные подвергались проверке и сортировке на предмет их принадлежности к фольксдойче, украинцам, белорусам, грузинам или финнам³¹. В официальной статистике ОКХ освобожденных из плена фигурировали литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, румыны, финны, фольксдойче, белорусы, «кавказцы» и «туркестанцы»³².

В середине ноября 1941 года имела хождение немецкая листовка, на одной стороне которой были изображены военнопленные, радующиеся своему освобождению из плена и следующий текст: *«Вот это правда! Военнопленные уже освобождаются и идут по домам. Чего-ж долго думать? Пербегайте к нам! Вы тоже скоро будете дома!»*, а на другой — образец выдававшегося дулагом «Удостоверения об освобождении» (Entlastungsausweis). В «Удостоверении», которое полагалось постоянно носить при себе и предъявлять по первому требованию любого военнослужащего вермахта, были сформулированы условия, на которых военнопленный отпускался из плена: никаких враждебных действий против немецкого народа (читай: вермахта), его союзников и дружественных народов; до дома добираться — кратчайшим путем и в течение 8 дней зарегистрироваться в ближайшей немецкой комендатуре; смену местожительства осуществлять только с разрешения немецких властей; в случае, если освобождение из плена состоялось как раз по местожительству военнопленного, то при регистрации надлежит сдать всю имеющуюся красноармейскую экипировку³³. Часть из них, похоже, позднее была завербована на работы в Рейх как гражданские лица: тех, кто «не оправдал доверия» и бежал с места работ или уходил к партизанам, наказывали³⁴.

Действие приказа от 25 июля было приостановлено 13 ноября 1941 года³⁵ — по крайней мере применительно к украинцам и

белорусам³⁶. Тем не менее, освобождение из плена — и по несколько тысяч человек в месяц — продолжалось и в 1942 году, и его действием суммарно было затронуто 318,8 тыс. чел.³⁷

Сведения о выходе (точнее, выводе) из статуса военнопленного встречаются и позднее. На хранящихся в ЦАМО и ГАРФ регистрационные карточках умерших советских военнопленных попадаются соответствующие записи или надпечатки. Так, одного военнопленного вывели из этого статуса 16 апреля 1942 года из-за перевода в распоряжение РМО³⁸. Две записи, датированные, в частности, 11 сентября и 28 ноября 1942 года о выведении из числа военнопленных лиц, поименованных в одном случае, как украинец из Галиции, а во втором — просто как украинец; еще один военнопленный был выведен из плена 6 января 1945 года, причем основание не указано³⁹. Интересен случай Виктора Фомина из шталага Х С Любек: 22 октября 1943 года его освободили из плена и перевели в отдел пропаганды ZOV⁴⁰. Но по-видимому, наиболее массовым основанием для этого была перевербовка в коллаборантские соединения.

9 мая 1943 года распоряжением ОКХ в разряд гражданского населения были переведены и тем самым освобождены из плена советские военнопленные-женщины⁴¹. 9 января 1945 года, при обсуждении у Шпеера мер по повышению трудоспособности рабочей силы, было предложено стимулировать военнопленных, наиболее отличившихся в труде, переводом в статус гражданских рабочих⁴².

Вместе с тем вывод из статуса военнопленных требовался и для передачи провинившихся военнопленных в руки гестапо, которое, как правило, отправляло их в концлагеря. Один такой случай задокументирован в приказе коменданта шталага Зандбостель от 22 марта 1945 года: так поступили с тремя советскими военнопленными, обвиненными в воровстве (что, кстати, не было доказано) и направлявшимися в распоряжение гестапо г. Люнебурга⁴³. Известен случай и непосредственной передаче «вольнотпущенника» в концлагерь⁴⁴.

Указотворчество различных инстанций было неудержимо. Не так уж и мало различных «послаблений» и «благодетей» было ими произведено, но сами остарбайтеры о них, как правило, и не догадывались. Только улыбку, разумеется, могло вызвать у них сообщение о вступлении в силу с 1 августа 1943 года распоряжения о порядке предоставления им отпусков или об ограничении срока их трудовой повинности в Германии максимум двумя годами. «Договор» с остарбайтерами мог быть продлен в одностороннем порядке и на больший срок, если того будет требовать ситуация и если остарбайтеру некого будет выставить «взамен себя» из собственного семейства. После года работы в Рейхе остолец мог получить премию в 20 %, после двух — 30 %, а после трех — все 50 %. Те из них, кто отработает в Рейхе по крайней мере два года (отсчитываемые, впрочем, самое раннее от 1 августа 1942 года), были вправе рассчитывать на недельный отдых

где-нибудь в Германии (хотя сеть соответствующих «лагерей культуры и отдыха» предстояло еще создать); после третьего или последующего года можно было испрашивать двухнедельный отпуск на родину, причем работодатель был обязан оплатить дорогу в пределах собственно Рейха. Как видим, формально заботой остарбайтеры обделены не были⁴⁵.

13 ноября 1943 года политико-бытовой пресс, своей несправедливостью давивший на каждого остарбайтера, вновь был несколько ослаблен. Распоряжением ГБА №11 (согласованным с партканцелярией, рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции) стали допускаться выходы остарбайтеров за пределы рабочего лагеря⁴⁶. Те, кто примерно себя вел и показывал хорошие трудовые достижения, получал в качестве награды право раз в неделю выходить из зоны; по посещения кино и ресторанов были по-прежнему запрещены.

В листовке, отпечатанной по-русски, Заукель от имени Гитлера и Геринга сообщал остовам о повышении их зарплаты, улучшении питания (приравнении к нормам питания германского народа), об очередной ликвидации проволочных заграждений в лагерях (если только такие заграждения не диктуются военными соображениями), об открытии сберегательных счетов и о материальной поддержке родственников на родине, о предоставлении свободы переписки с родными и близкими и об обеспечении досуга газетами, радио и кинофильмами⁴⁷.

В очередной раз условия трудоустройства остарбайтеров были изменены распоряжениями Министра обороны от 25 марта и ГБА от 26 марта 1944 года. В вопросах зарплаты, условий содержания их впервые официально уравнивали с другими иностранными рабочими. Тогда же, в марте 1944 года, Бройтигам⁴⁸, например, предлагал интеллигенцию и квалифицированных рабочих освободить и от ношения нашивок⁴⁹. Так далеко, разумеется, дело не зашло, но тем не менее 13 марта была выпущена директива, разрешающая остарбайтерам в особо торжественных случаях (концерты, собрания) нашивку не носить⁵⁰.

В конце апреля 1944 года было принято решение, вступавшее в силу только с 19 июня 1944 года: не отказываясь от самой идеи опознавательного знака, — отказаться от ставшего всем ненавистным знака «OST». Знак перестал быть единым для всех: каждый из трех главных советских народов получил свой собственный — более или менее традиционный — знак. Украинцы — трезубец, белорусы — пшеничный сноп и зубчатое колесо, русские же — Андреевский крест, ставший эмблемой также и власовского движения⁵¹.

С исполнением этой директивы, однако, никто не торопился. Первая попытка была назначена только на 27 августа. В этот воскресный день, который должен был стать праздничным и полностью нерабочим

для всех во всем Рейхе, предстояло раздать остарбайтерам их новые национальные знаки. Рекомендовалось, однако, проследить, чтобы все остарбайтеры эти знаки нашли⁵². Но праздник вдруг неожиданно перенесли, а в сущности — отменили.

...Вновь к вопросу о ношении знака вернулись только в феврале 1945 года, не без нажима со стороны КОНР⁵³. Понятно, что никакого практического значения все эти усилия уже не имели, и даже судебные органы совершенно их игнорировали.

Вот характерный пример — судебное дело Антонины Радченко, урожденной Поплавской, родившейся 25 марта 1921 года в Виннице и проживавшей в Дюслингене Тюрингенского округа. Проступок ее заключался в том, что 10 ноября 1944 года она, гражданка вражеского государства, грубо нарушила соответствующие установления и совершила несогласованную поездку из Тюрингена в Дюслинген на поезде, не имея при себе, во-первых, нашивки и, во-вторых, разрешения на поездку. Из чего можно заключить, что по крайней мере на 13 февраля 1945 года (то есть на момент судопроизводства, проведенного строго по процедуре), ношение нашивки все еще продолжало быть обязанностью.

Примечания

¹ Впервые сам термин употреблен в приказе Гимmlера от 20.02.1942. Первое распоряжение, посвященное остарбайтерам как таковым, вышло 24.02.1942.

² См. Приложение 4.

³ См. распоряжение РСХА провинции Висбаден по вопросам обращения с иностранными рабочими и военнопленными, работающими в Рейхе, от 12.08.1943 (Белорусские остарбайтеры-2, с. 186—187, со ссылкой на: ВА/МА, RH-36/348, с. 236—249). Советская сторона, напротив, трактовала понятие «остарбайтер» куда как шире и включала в него и тех, кого угнали в Германию из районов, ставших советскими лишь после 17.09.1939, и немалочисленных беженцев-коллаборантов с домочадцами, уходивших на запад вслед (или, точнее, перед) отступающим вермахтом, и даже... — выходцев из первой русской эмиграции, добрую четверть века назад ускользнувших от победившего в России большевизма (см. в части 2).

⁴ Согласно Распоряжению об условиях труда остарбайтеров от 30.06.1942 (Dallin, 1958, s. 455).

⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 95.

⁶ Подробнее см. ниже.

⁷ RABl, 6/1942, s. 1, 75.

⁸ Согласно инструкциям, использование подростков-остарбайтеров в возрасте моложе 12 лет не разрешалось, тем не менее известны случаи трудоустройства и 9-летних детей (Hoptman u.a., 1994, s.117).

⁹ RABl, 8/1942, s. 1, 120.

¹⁰ Der Prozess, Bd. 7, s. 501 ff.

¹¹ В него посылали исключительно за мелкие нарушения трудового процесса или трудовой морали — с тем, чтобы отбить охоту к их повторению.

Пребывание в нем было строго ограничено (чаще всего — сроком в 3 или 6 недель), и наказанный возвращался туда же, откуда был забран, дабы после его рассказов другим неповадно было.

- ¹² Описанный В.Семиным случай совместного проживания в одном бараке (пусть и в обособленных помещениях) поляков и русских — скорее, исключение из правила. Такое было вероятнее к концу войны, когда бомбардировки основательно потрепали и лагерный жилфонд. Исключения, так и не став правилом, были тогда достаточно часты. Следует отметить, что французам и других западным европейцам разрешалось жить и на частных квартирах.

¹³ RAB1, 1-2/1943, s. 1, 126 ff.

- ¹⁴ Впрочем, согласно Вайшеру, помечали и французов. Так, даже горячие лампы могли иметь «национальность»: красная на ней полоска — значит, оstarбайтер, фиолетовая — военнопленный, зеленая — француз (Weischer, 1992, s. 190).

¹⁵ Вот описание «базарного дня» в письме И.Г.Савиной (Яковенко): «*В центре, на площадке поставили длинный стол, и сидели за столом начальники лагеря, и много было каких-то господ. Нас выстроили вокруг стола громадным кругом, и эти господа начали выбирать себе людей. Когда указал господин на меня, я ухватила сестру. Он согласно кивнул, так отобрали 250 человек.*»

¹⁶ Размер прямоугольника — 70 на 77 мм, ширина окантовки — 10 мм.

¹⁷ См.: Белорусские оstarбайтеры-2, с. 187.

- ¹⁸ Соответствующая пометка, согласно приказу ГБА от 14.07.1943, делалась и в их «карбайткарте». Право на эту привилегию приобреталось не ранее чем после трех месяцев безупречной работы. В промышленности решение об аттестации принималось руководством предприятия по согласованию с лагерфюрером и ДАФ (РГВА. Ф. 1382к. Оп. 1. Д. 63. Л. 228—229), в сельском хозяйстве — местными отделениями имперской продовольственной службы (Инструкция по обращению с рабочими из Советского Союза. Потсдам, 20.06.1943. — ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2208).

¹⁹ См. рис. III.5. — фотографию группы учеников таких мастерских (РГВА. Ф. 1382к. Оп. 1. Д. 150. Л. 1). По всей видимости, это мастерские при фирме «Вегелин и Хюбнер» (Wegelin u. Hübner) близ Галле (см. отчет директора фирмы Кверфурта: РГВА. Ф. 1382к. Оп. 1. Д. 138).

²⁰ См. в гл. 6.

- ²¹ Выдавались по предъявлению воинских удостоверений. Право носить их распространялось и на членов их семей. — См.: Пропагандные указания генерала Добровольческих Войск. 24.10.1944. [Рукопись на русском языке]. (Архив И.Хоффмана).

²² Herbert, 1986, s. 66.

- ²³ А Даллин, со ссылкой на устное сообщение сотрудника Восточного министерства П.Клейсга, сообщает о критике, которой подверглись Заукель и его программа в ходе обсуждения в министерстве вскоре после назначения его ГБА. Заукеля предупреждали о возможных негативных последствиях методов, избранных им для проведения политики трудоустройства рабочей силы с востока в Рейхе. Летом 1942 года — под эгидой проф. Г. фон Менде — при РМО была создана новая организация — «Центральное бюро по восточным народам» («Zentralstelle für Angehörige der Ostvölker» — ZOV). В ее функцию входили присмотр практически за всеми иностранцами в Рейхе. Предпринятая же в конце декабря 1942 Розенбергом попытка сблизить позиции свою и Заукеля успехом не увенчалась. См.: Dallin, 1958, s. 456—457.

- ²⁴ Цит. по: Herbert, 1986, s. 167.
- ²⁵ Напомним, что тремя днями раньше был снижен рацион для самих немцев.
- ²⁶ В 1943 нижняя планка будет опущена до 14 и даже до 10 лет!
- ²⁷ StAM, MR 180 LA, № 4986 (сообщено В.Формом). Зато перед женщинами с маленькими детьми и перед беременными шлагбаум опускался: они объявлялись балластом и подлежали возврату на родину.
- ²⁸ См.: Dallin, 1958, s. 449—451.
- ²⁹ См.: Hopman u.a., 1994, s. 291.
- ³⁰ Гриф секретности снят, с. 334, со ссылкой на: BA, RH-23/5-155, RH-53-23/65, R-41/168, H-3/729 (по сообщению Х.Беме, в настоящее время разделено на 2 дела — RH 2/2773 и RH 3/150). Впрочем, известен случай перевода военнопленного литовской национальности в статус иностранного рабочего (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 28. Л. 65а).
- ³¹ Polizeiverordnung über die Kennlichmachung der im Reich befindlichen Ostarbeiter und Ostarbeiterinnen vom 19.06.1944. (См.: Gatterbauer, 1975, s. 174, со ссылкой на: Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes in Wien, Akt № 8394).
- ³² См.: BA/MA, RH 3/v.180.
- ³³ Kirschner K. (Hg.). Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus Deutschland 1941. Erlangen, 1987. Bd. 10. S. 160.
- ³⁴ См. запрос отдела труда гетискомиссариата Белоруссия бургомистру Койдановского района о двух бежавших из лагеря освобожденных военнопленных от 08.10.1942 (Белорусские оstarбайтеры-1, с. 199, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 43. Л. 25).
- ³⁵ То есть практически одновременно с распространением указанной листовки!
- ³⁶ Pfahlmann. 1968, s. 58. См. также в наст. главе.
- ³⁷ См.: Гриф секретности снят, с. 334, со ссылкой на: BA, RH 23/5-155, RH 53-23/65, R 41/168, H 3/729. По состоянию на 01.04.1942, их число составляло 292.702 чел., в подавляющем большинстве украинцы (BA/MA, RH 3/v. 180, Bl. 27).
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 28 (со ссылкой на приказ ОКВ от 10.04.1942).
- ³⁹ ЦАМО. Ф. 58. Оп. 947532. Д. 110. Л. 265, 295, 296.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 29. Л. 140.
- ⁴¹ OKH-Anordnung für Kriegsgefangenenwesen, Mai 1943 (BA/MA, RH 21-3/640 — нам сообщено К.Штрайтом). Возможно, именно это распоряжение имели в виду И.А.Дугас и Ф.Я.Черон, когда писали, что приказом главной ставки Гитлера от 05.08.1943 военнопленных советских женщин перевели в контингент оstarбайтеров (Дугас, Черон, 1994, с. 198). В немецкой армии женщины не служили, поэтому отношение немцев к советским женщинам-военнопленным было весьма неприязненным, их называли «флинтенвайбе» (Flintenweibe). В то же время для интерпретации приказа Мюллера «Об обращении с русскими женщинами-военнопленными» от 11.04.1944 как приказа об их уничтожении, как это делает Ш.Датнер (Датнер, 1963, с. 247—249), на наш взгляд, нет никаких оснований.
- ⁴² Нам сообщено К.Штрайтом.
- ⁴³ WAsI, Abt. III/A, Mappe «Sowjetische Kriegsgefangenen. Stalag XB».
- ⁴⁴ См. регистрационную и личную карточки Александра Болотина, 01.12.1943 освобожденного из плена в шталаге 308 (VIII E) Нойгамме-Вест и переданного в концлагерь Гросс-Розен (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д.27. Л. 37—38).
- ⁴⁵ Archiv für publizistische Arbeit (РГВА. Ф. 1358к. Оп. 4. Д. 9).

⁴⁶ По-видимому определенные послабления начались даже раньше, возможно, после распоряжения Заукеля от 15.04.1943 об улучшении условий труда остарбайтеров в Рейхе. По крайней мере в июле, как явствует из переписки остарбайтеров, уже разрешались воскресные прогулки без сопровождающих (см., например, в письме О.Степановой из лагеря Виктория в Милстед-Вест к отцу, Вл.Степанову, в г. Порхов от 20.07.1943 — собрание Г.Вербицкого).

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389. Л. 96.

⁴⁸ Ответственный работник РМО.

⁴⁹ Но это предложение и даже в это время было Гиммлером отвергнуто. См.: Dallin, 1958, s. 460. См. также: Борьба за права «остовских» рабочих // Борьба. Мюнхен, 1948. Октябрь. С. 25—27.

⁵⁰ Так, например, оставка Оксана Гарновская, 1925 года рождения, 12.07.1944 была осуждена в Эммендингене к штрафу в 10 RM за то, что 09.06.1944 на ней не было повязки (Fremdarbeiter in Waldkirsch, S. 14).

⁵¹ Интересно, что основная российская символика — бело-сине-красный флаг и крест Святого Георгия — были немцами запрещены. Вместе с тем и Андреевский флаг — кормовой флот российского флота — также символизировал славу русского оружия. Что же касается эмблемы РОА, то на нее был объявлен конкурс, победителем в котором стал Алексей Родзевич, русский художник и картограф из Югославии, работавший в Берлине на студии детских мультфильмов. По полю значка-нашивки он распределил не только все цвета государственного флага России, но еще и черный и оранжевый — цвета ордена Святого Георгия Победоносца. Любопытно, что сам Родзевич, после войны эмигрировав в Чили, служил картографом при генеральном штабе чилийских вооруженных сил и сыграл важную роль в обмене В.Буковского на Л.Корвалана (сообщено Г.А.Паром).

⁵² Rundschreiben № 5044/44 von 15.08.1944 (РГВА. Ф. 502к. Оп. 5. Д. 2. Л. 68). Впрочем, в последний момент дату этого события перенесли (Rundschreiben Nr 5046/44 von 23.08.1944. — Там же. Д. 3. Л. 2). См. соответствующее распоряжение, полученное в г. Ферден близ Бремена 01.02.1945. И в этом случае местным властям вменялось в обязанность обставить все как можно праздничней. Любопытно, что старые нашивки «Ост» предписывалось собрать для вторичного использования. Опубликовано в: Woock J. Zwangsarbeit als Thema in der Gymnasialen Oberstufe // «Der Mensch gegen den Menschen»: Überlegungen auf die Sowjetunion 1941. Hrsg. H.-H. Nolte. Hannover: Fackeltruger-Verlag, 1992. S. 211.

⁵³ Впрочем, и приговор, конечно, особо суровым не назовешь — 3 дня тюрьмы и 15 рейхсмарок штрафа (РГВА. Ф. 1165к. Оп. 1. Д. 6).

1.6. Остарбайтеры и власовцы: «унтерменши» или «союзники»?

Таких **масштабов коллаборационизма**, как в годы Великой Отечественной войны, российская армия не знала, пожалуй, со Смутного времени.

Но сначала уточним: кого мы здесь имеем в виду под коллаборантами.

Конечно же, не остарбайтеров и не рядовых фольксдойче или ингерманландцев, хотя последние и пользовались определенными привилегиями и были, естественно, хорошей «питательной средой» для коллаборационизма. Но и не одних только **«власовцев»**, даже если ограничиться категорией добровольного сотрудничества в одной лишь военной сфере.

Наиболее массовыми формами военного сотрудничества были *Hilfswillige* («хильфсвиллиге», или **«хиви»**), — в буквальном переводе: «желающие помочь»; в советском лексиконе более известны как **«пособники»**, или «приспешники») и *Freiwillige* («фрайвиллиге» — **«добровольцы»**). Первые, как правило, не были вооружены и исполняли разного рода вспомогательные задания в тылу и в прифронтовой полосе, вторые стали вооруженными участниками боевых действий (различные национальные батальоны и легионы, казачьи полки и т.п.).

В оба контингента вербовались, как правило, с одной стороны, военнопленные и перебежчики (разных национальностей)¹, с другой — гражданские лица на оккупированных землях, главным образом, славянского происхождения. Соединения «хиви» начали формироваться уже летом 1941 года, и к апрелю 1942 года их насчитывалось уже около 200 тыс. чел., а к июлю 1943 года — 500—600 тыс. чел. Будучи приписанными каждый к определенной воинской части (причем их доля в личном составе не должна была превышать 15 %), они тем не менее еще некоторое время значились военнопленными (формально же для зачисления в «хиви», как, впрочем, и в легионеры, требовалось освобождение из плена, что приобрело систематический характер, начиная с 1943 года). В любой момент «хиви» — за провинность или нерадивость — можно было отправить назад, в лагерь для военнопленных. Они несли различную — преимущественно охранную — службу и вообще выполняли любую работу, высвобождая тем самым немецких солдат для их прямого дела. Служба «хиви», как правильно пишут И.Дугас и Ф.Черон, была *«нижней ступенью пассивного сотрудничества с немцами»*².

Относительно численности «хиви» имеются и несколько другие данные. Так, по состоянию на 15 марта 1943 года, потребность в «хи-ви» равнялась 310 тыс. чел., из них в наличии, на ту же дату, было 136.569 чел. (большую их часть — 102.773 чел. — составляли бывшие военнопленные)³. К 1 декабря 1943 года отряды «хиви»

(включая, впрочем, и «организацию Тодта») насчитывали уже 244,7 тыс. чел., в том числе военнопленными 171,4 тыс. чел. и гражданскими — еще 74,6 тыс. чел.⁴

В определенное соответствие с «хиви» можно поставить и членов **«Организации Тодт»** — военно-вспомогательных соединений вермахта, также вербовавшихся из военнопленных красноармейцев для решения практически тех же задач, что ставились перед «хиви», но на территории Германии, Франции и др. стран (не исключая и Северной Африки).

Но кроме «хиви», на оккупированной территории существовали и другие, военизированные отряды: это прежде всего так называемая **«зеленая полиция»**, или **«полиция правопорядка»** (Ordnungspolizei), набиравшаяся из местных жителей оккупированных территорий (на ее «боевом» счету — самое активное участие в уничтожении евреев и других репрессивных операциях), а также специальные **«войска охраны»** (или, иначе, **«шума»** — Schutzmannschaften), занятые на охране различных объектов. Первые насчитывали около 300 тыс. чел.⁵, вторые — самое меньшее около 60 тыс. чел.⁶

Что же касается сугубо военных коллаборантов, то есть вооруженных добровольческих соединений, то даже они возникли на подмостках этой войны поразительно рано. Уже в июле 1941 года на северном участке фронта русский эмигрант капитан (затем майор, полковник, генерал-майор) Борис Смысловский — он же майор фон Регенау, он же генерал Артур Хольмстон — сформировал из русских эмигрантов и военнопленных первый батальон **«Зондерштаб Р» («Россия»)**, подчинявшийся 1-му отделу штаба «Валли», подразделению абвера, занимавшемуся разведывательно-диверсионной деятельностью против СССР⁷. Всерьез формированием добровольческих соединений занялись и в группе армий «Митте»: незадолго до наступления на Москву в октябре 1941 года фельдмаршал фон Бок поручил своему штабному переводчику капитану Вильфреду Штрик-Штрикфельду приступить к формированию 200-тысячной **«Русской освободительной армии»**; сменивший фон Бока на посту командующего фельдмаршал фон Клюге летом 1942 года санкционировал создание в Осинторфе возле Орши **«Русской Народной Национальной Армии»**: уже в сентябре ее Первая отдельная бригада численностью в 10 тыс. чел. под командованием генерал-лейтенанта Г.Н.Жиленкова и полковника В.И.Боярского проводила карательные операции против партизан. После отказа выступить в район Великих Лук (по другим сведениям — после инспекции 16 декабря 1942 года)⁸ бригада была расформирована на мелкие подразделения. Их закрепили за различными немецкими частями, крупнейшим из которых был **«721-й восточный полк особого назначения»** (то есть: карательный) под командованием немецкого полковника Коретти (действовал в Белоруссии до октября 1943 года).

На юге, в Брянской и Орловской областях, еще в декабре 1941 года сформировалось специализировавшееся на карательных операциях

соединение, первоначально именовавшееся «Бригадой Каминского», в начале 1942 года переименованное в «**Русскую освободительную народную армию**» (а в июле 1944 года — в 29-ю русскую гренадерскую дивизию СС)⁹.

В конце 1941 года в Сербии началось формирование **Русской Охранной группы**, или, позднее, **Русского Охранного корпуса** («Шютц-корп»). В его формировании активнейшее участие приняли и **казаки**, в частности Кубанский войсковой атаман генерал-майор В.Г.Науменко; к концу 1942 года, когда корпус был включен в состав вермахта, он уже насчитывал до 2000 казачьих штыков, сведенных в 1-й Казачий полк под командованием генерал-майора В.Э.Зборовского¹⁰.

Нельзя не отметить того, что **казаки**, как проживавшие до войны в СССР, так и из числа эмигрантов, занимали совершенно особое место в военном сотрудничестве с немецкими властями. Гитлеру, как отмечает А.Даллин, весьма приглянулась нелепая теория об остготском (то есть чуть ли не об арийском) происхождении русского казачества. В сочетании с более объективными данными об антикоммунизме и антисемитизме казаков, она лепила из них образ самого надежного партнера вермахта и Рейха. Более чем подозрительный ко всем прочим «партнерам», включая украинцев и кавказцев, Гитлер лично распорядился в середине апреля 1942 года о том, чтобы казаков рассматривали как союзников и использовали в борьбе с партизанами и на фронте¹¹.

В сентябре 1942 года в Ростовской области и на Ставрополье к формированию казачьих формирований приступил избранный походным атаманом Войска Донского полковник С.В.Павлов¹². В декабре 1942 года было создано Казачье управление (Kosakenleitstelle) при РМО во главе с энергичным референтом Н.А.Гимпелем. В начале 1943 года он приступил к объединению всех прочих разрозненных казачьих частей и беженских станиц в единый Казачий Стан под началом Павлова, а также к формированию в Херсоне из казаков призывного возраста 1-й Казачьей кавалерийской дивизии под командованием опытного кавалериста генерал-майора Гельмута фон Паннвица, быстро приносившегося к казакам и даже перенимавшего их традиционную форму. В октябре 1943 года корпус перевели с восточного театра военных действий в Югославию, где они отличились необычайной жестокостью¹³.

10 ноября 1943 года за подписями Кейтеля и Розенберга вышло Воззвание немецкого правительства, признававшее неприкосновенность казачьих территорий и гарантировавшее им немецкое покровительство и даже выделение территорий под временное поселение. В феврале—марте 1944 года было сформировано Главное управление казачьих войск (ГУКВ), фактически с функциями временного казачьего правительства. Его начальником был генерал П.Н.Краснов, членами — полковник С.В.Павлов, генерал-майор В.Г.Науменко и полковник Н.Л.Кулаков (походные атаманы Донского, Терского и Кубанского Войск), а рабочим органом — штаб, во главе которого стоял

полковник С.Н.Краснов, племянник П.Н.Краснова. Разумеется, это было достаточно несамостоятельное «правительство»: без согласования с «Kosakenleitstelle» оно и шагу не могло ступить.

31 марта 1944 года ГУКВ был утвержден приказом генерал-инспектора добровольческих частей Э.Кестринга. Тогда же, в соответствии с Декларацией от 10 ноября 1943 года, спасающемуся от наступающей Красной Армии Казачьему Стану была передана территория в 180 тыс. кв. км в Западной Белоруссии (в районе Новогрудка), откуда, впрочем, Стану пришлось сняться уже летом 1944 года и эвакуироваться в Северную Италию.

В конце лета 1944 года дивизия Г. фон Паннвица была переподчинена СС и реорганизована в 15-й кавалерийский корпус, для чего была объявлена дополнительная мобилизация казаков в Рейхе, а при Главном штабе СС был создан специальный орган — Резерв казачьих войск, во главе которого был поставлен генерал А.Г.Шкуро. Все эти меры были поддержаны П.Н.Красновым.

Зато в штыки им было встречено создание КОНР (в его состав на персональной основе вошло и два казачьих генерала — Ф.Ф.Абрамов и Е.И.Балабин), и предложение об объединении всех союзных Германии русских сил под эгидой РОА. Генерал Власов поручил Балабину организовать еще одно Управление казачьих войск, на сей раз при КОНР. В начале января 1945 года Краснов и Власов даже несколько раз встречались друг с другом, но найти компромисс белому и красному генералам так и не удалось. В результате под эгидой КОНР были созданы Управление Казачьих войск под началом Донского войскового атамана за границей генерала Г.В.Татаркина, а также Совет Казачьих Войск как руководящий орган всего казачества. Краснов ответил переездом в феврале 1945 года в Казачий Стан (в то время находившийся в Толмечцо в Северной Италии) и открытием там пропагандистской школы.

Тем не менее сами казачьи соединения, и прежде всего корпус фон Паннвица, встали на сторону Власова. 28 марта Власов утвердил Совет Казачьих Войск, 20 апреля издал приказ о включении казачьих войск в состав вооруженных сил КОНР и об утверждении фон Паннвица в должности походного атамана, а 28 апреля все это было санкционировано и рейхсфюрером СС. К этому времени на все еще подконтрольной Германии территории, по данным ГУКВ, находилось до 110 тыс. казаков, из них 75 тыс. — «подсоветских»¹⁴.

Приходится констатировать, что даже в условиях войны Германии и России, ничто так не занимало русскую эмиграцию, как ее внутренние склоки. Поэтому естественное, казалось бы, желание немецкого руководства использовать русскую эмиграцию для борьбы с СССР сочеталось с весьма настороженным, а порой и просто подозрительным отношением к ней. Едва ли не единственной организацией, которой немцы оставались «довольны», но которая, впрочем, не имела и серьезного веса, была «Служба доверия для русских беженцев»

(Vertrauenstelle für Russische Flüchtlinge) в Мюнхене, во главе которой стоял генерал В.Бискупский, в свое время, по легенде, прятавший у себя от полиции Гитлера¹⁵.

И тем не менее эмиграция привлекалась немцами к самым разнообразным (главным образом, пропагандистским) акциям, в частности, по формированию коллаборационистских воинских соединений.

Кроме русских, национальные «добровольческие» формирования создавались также из украинцев, белорусов, прибалтов, кавказцев, калмыков, крымских и волжских татар¹⁶. Эти сформированные под эгидой и в рамках вермахта (а в ряде случаев — и в рамках войск СС) войсковые соединения в самом Рейхе чаще всего называли «**Osttruppen**» («**Восточные войска**»)¹⁷. Соответствующее Управление Восточными войсками при ОКВ было создано в январе 1943 года. Его возглавлял генерал-лейтенант Г.Хельмих, а с января 1944 года его заменил генерал кавалерии Эрнст Кестринг.

Кроме «Osttruppen» бытовал и еще один термин — «**Ostlegionen**», или «Восточные легионы». Между ними прослеживалась достаточно четкая разница: если «Osttruppen» — это все и любые войска, происходящие из ареала СССР (в сущности, это то же, что и «Freiwillige»), то «Ostlegionen» — это регулярные соединения, состоящие исключительно из представителей национальных меньшинств в СССР (после обучения из них формировались различные «восточные батальоны»).

Грозной силой, могущей решить исход не то чтобы войны, но хотя бы одного крупного сражения, русские коллаборационистские соединения, вопреки мнению их историографов и ветеранов, не являлись. Но не были они и сбродом, скопищем людей, как это нередко пытаются изобразить, пошедших на сотрудничество исключительно из-за куска хлеба: убежденных противников советского строя среди них было больше, чем случайных, беспринципных людей (или же, наоборот, «принципиальных», но с обратным знаком, записавшихся в РОА с единственной целью — достать оружие и пробиться к своим¹⁸). Было среди них немало украинцев, кавказцев, татар, галичан, калмыков, достаточно враждебных к любым альянсам с русскими коллегами. Не объединять, а разъединять было в интересах Германии, разъединять и ссорить.

Столь же продуманной немецкой политикой было и *распыление* добровольцев (к тому же под началом немецких офицеров) в гуще и толще немецких войск, растворение в них малыми дозами и задействие где угодно, но только не на востоке. Если споры и велись, то лишь о том, каким — в батальон или в роту? — должна быть «доза» в каждом конкретном случае¹⁹. Им разрешалось проявлять любые чудеса храбрости (или жестокости), но только не бок о бок друг с другом. Так, в середине 1943 года насчитывалось 78 батальонов,

1 полк и 122 роты, рассеянных по всей Европе²⁰. Исключений же, вплоть до начала формирования власовских дивизий, почти не было — разве что «Шютцкорп» и казачья дивизия фон Паннвица.

В Советском же Союзе на протяжении всего послевоенного периода за **всеми** этими соединениями и подразделениями — с легкой руки НКВД и СМЕРШ — прочно закрепилось собирательное название «**власовцы**». Вместе с тем подавляющее их большинство никоим образом генералу А.А.Власову не подчинялось и к созданной им в самом конце войны «**Русской Освободительной Армии**» (РОА) ни прямого, ни косвенного отношения не имело. Более того, невольно дав свое имя всем коллаборантам в собирательном смысле, сами власовцы среди них составляли решительное меньшинство.

Тем не менее именно РОА, в составе трех неполных дивизий и числом не более 55—60 тыс. чел., как и связанному с ней «**Комитету Освобождения Народов России**» (КОНР), суждено было стать безоговорочными символами советского коллаборационизма. И вместе с тем — определенной исторической реальностью и политической силой, с которой пришлось считаться — и посчитаться — как Гитлеру, так и Сталину.

Это, впрочем, не пересиливает того обстоятельства, — весьма болезненного для самолюбия власовского движения, — что Гитлер, если и ставил на «русских союзников», то главным образом как на **пропагандистское**, а не на военное средство. Память об «уроках» первой мировой войны, когда польские легионы Пилсудского повернули оружие против немецких хозяев, была и свежа и болезненна, так что позиция фюрера была непримиримой и последовательной. На совещании в ставке в Бергхофе 8 июня 1943 года, посвященном пропагандистской роли коллаборантов, Гитлер сам сформулировал ее четче некуда:

«...Необходимо избежать того, чтобы создалось ложное представление у нас самих. Надо различать между пропагандой, которую мы делаем "там" и тем, что мы в конце концов сами делаем... Каждая нация думает о себе и только о себе. Все эти эмигранты и советчики хотят только обеспечить себе в будущем места...»

Приказ № 13 <Речь, по-видимому, идет об условном приказе, в виде листовки разбрасываемом с самолетов. — П.П.> находится вне дискуссии. Можно допустить и другие вещи, но под условием, что ни малейших практических выводов не будет сделано... Мы никогда не создадим русской армии: это фантом первого разряда. Чем заниматься этим, гораздо лучше заполучить в Германию русских в качестве рабочих <выделено нами — П.П.>. Это гораздо важнее. Мне не нужно русской армии, которую мне пришлось бы абсолютно всю пронизать немецкими корсетными шнурами. Если вместо этого я получу русских рабочих, то это окажет мне действительную услугу. Я тогда смогу освободить немцев и переучить русских. Важно

только одно, чтобы у нас не возникало внезапно такое настроение: если нам в определенный момент станет плохо, то тогда нам стоит только устроить украинское государство, и мы получим миллион солдат. Ничего мы не получим, ни одного солдата...

Поэтому необходимо очень строго следить за тем, чтобы у нас не было ложных представлений»²¹.

Так что и вся конструкция власовского движения не выходит за рамки того, что Л.Решин называл **«агентурно-политической организацией»²²**. Весьма выразительна и та приводимая Л.Решиним деталь, что в солдатской книжке А.А.Власова местом службы указан «Восточный батальон пропаганды особого назначения». «Vlassoff-Aktion» была не единственной и, может, не самой удачной из операций по «разложению противника», но, безусловно, самой крупной, самой продуманной и самой подготовленной²³.

В свете этого обстоятельства тем более странно смотрится тема власовского движения, взятая сама по себе. За полвека сформировалась определенная традиция упрощенного изображения и осмысления и самого Власова, и возглавляемой им РОА, и символизируемого ими коллаборационизма в целом.

Внутри этой традиции, на наш взгляд, устоялись три ясные и самодостаточные тенденции. Первая (особенно широко бытующая на родине генерала): Власов — изменник, **предатель**, падаль, собака, отродье рода человеческого²⁴. Вторая (ее культивируют как либеральные, так и консервативные западные историки): Власов — профессиональный **военный герой**, любимец и защитник простого люда, отец солдат и демократический душа, а главное — верный союзник добропорядочного и респектабельного вермахта; да вот, к сожалению, их героическая совместная борьба против большевизма началась слишком поздно, а иначе бы ничто не устояло бы перед таким союзом. Третья (ей привержены, в основном, литераторы непосредственно из кругов РОА): Власов — герой, русский патриот и хитрый мужик, **третья сила**, равно ненавидевший и Сталина и Гитлера, денно и нощно мечтавший и метивший, во имя великой матушки-России, сокрушить сразу обоих извергов.

Смеем полагать, что ни одному из этих концептов не дано совладать ни с многомерным феноменом русского коллаборационизма, ни даже с трагической фигурой самого генерала Власова, бывшего, увы, не более чем пешкой на шахматной доске Гитлера. Трудно себе представить, что его не тревожил следующий вопрос: можно ли всерьез бороться за возрождение России и заключать союз с теми, чьей целью являлось ее уничтожение?²⁵

Скорее всего его действия были ответом на другой вопрос: выживания. Так же и успех или неуспех вербовки в РОА в шталагах напрямую и всерьез зависел только от одного фактора — уровня ада, который в этом лагере существовал.

По состоянию на 2 февраля 1943 года, Управлением Восточными войсками при ОКВ было учтено 750 тыс. присягнувших Гитлеру советских граждан, из них от 400 до 600 тыс. — «хиви»²⁶. Общая же численность гражданских коллаборантов, «хиви» и добровольцев-легионеров к концу войны, по всей видимости, была близка к 1 млн. чел.²⁷

В то же время, по оценке Л.Решина, общее число советских граждан (считая и жителей Прибалтики и Западной Украины), служивших в полиции, вооруженных силах и разведывательных органах Германии, не превышало 250—280 тыс. чел. (причем военнопленных среди них было порядка 165—170 тыс. чел.)²⁸. С этим плохо согласуются другие цифры, даже приводимые же самим: так, в полиции правопорядка, по его данным на 1 февраля 1943 года, служило 254 тыс. чел. (среди них 30 тыс. — в городах), и число гражданских коллаборантов, даже с учетом уничтоженных партизанами, составляет 196 тыс. чел.²⁹ Одно только сложение предложенных цифр (а многие компоненты, на наш взгляд, занижены) дает «скромный» результат в 730 тыс. чел.!

Сложением занимается и Л.Решин: так, сумма «власовцев», отправленных на спецпоселение в 1945—1947 гг. (148.079 чел.), и военнопленных из числа невозвращенцев (172.081 чел., на 1 марта 1946 года) дает приблизительно 320 тыс. чел., что, во-первых, весьма близко к уже полученной цифре в 280 тыс. чел., а это, во-вторых, и доказывает правоту его оценки³⁰. Правда, то, что и 250 тысяч — цифра тоже нешутливая, признает и сам Решин. И выстраивает на этом рубеже «оборону».

Г.Владимов (озаглавивший свое полемическое послесловие к публикации Решина: «Новое следствие, приговор старый»), комментирует эту позицию следующим образом: *«Похоже, для Решина миллион был бы не количественно страшнее, а символически: это уже такое число, когда измена теряет свое название. Покуда счет на десятки, сотни тысяч — это еще предатели. А миллион — это уже народ. А народ предателем себе быть не может»*³¹.

Впрочем, само по себе осмысление исторической роли и режиссуры власовского движения — далеко за рамками нашего исследования. Нас же — особенно после того, как мы от самого Гитлера услышали внятный ответ на вопрос: «**власовцы**» или «**остарбайтеры**»? — больше занимает созвучное, но все же иное сопряжение: «**власовцы**» и «**остарбайтеры**».

То были, конечно, **соотечественники**, оказавшиеся по ходу войны в Германии, но — **с совершенно различным статусом**. Первые (хоть и декоративно) — уважаемые **союзники**, сытые, хорошо экипированные³², вторые (хоть и были невольной опорой режима) — не более чем **рабы**, к тому же ободранные и вечно голодные, «**унтерменши**».

Вот, например, загадка не из простых: офицеру РОА не возбраняется посещать кино, но может ли он пойти в кино с русской же восточной работницей, которой это категорически запрещено?..

Как примирить эти два статуса, как добиться их хотя бы условного единения — их «синтеза», как не без иронии вопрошал себя самого оберфюрер СС д-р Крегер, старший офицер связи между РОА и СС, с нескрываемой симпатией относившийся к своим подопечным³³?

Неразрешимость самой этой задачи в принципе была всем достаточно очевидна. Так же, как и вопиющее противоречие в отношении Рейха к представителям одного и того же государства, с которым Германия яростно воевала.

В этом, на наш взгляд, и заключается основная сила воздействия власовской армии на положение оstarбайтеров в Рейхе. Оно носило косвенный характер, хотя и имело ряд прямых последствий, о которых тоже необходимо сказать.

Так, имеется несколько анонимных свидетельств о влиянии — или, точнее, о попытках влияния — власовского движения на судьбы оstarбайтеров³⁴. Еще зимой 1942—1943 гг., когда немцы продумывали свою «Власофф-Акцион» и вели с А.А.Власовым переговоры, тот, якобы, ставил условием своего сотрудничества коренное улучшение невыносимого положения оstarбайтеров, в том числе и отказ от ношения «собачьей», по его выражению, нашивки «Ост»³⁵. Это же требование он повторил и 16 сентября 1944 года в беседе с Гиммлером³⁶. По свидетельству Л.В.Дудина³⁷, к Власову поступали многочисленные письма от оstarбайтеров³⁸ с жалобами на разного рода притеснения со стороны немецких властей.

В принятом в Праге 14 ноября 1944 года «Манифесте КОНР» говорилось:

«Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять другие народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли».

Справедливые слова, и, похоже, что писавшие и подписавшие «Манифест» отдавали себе полный отчет в том, что справедливость их не пострадала бы, если бы «Сталина» здесь заменить на «Гитлера».

Одной из целей Комитета провозглашалась «...ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние»³⁹.

Первоочередным требованием, с которым выступал КОНР, была отмена дискриминационных ограничений, то есть таких, которые не распространялись, скажем, на рабочих из Западной Европы. Это прежде всего — отказ от обязательного ношения опознавательного знака

«Ост», снятие запрета на свободное передвижение в нерабочее время, на право пользования общественным транспортом, кинотеатрами и ресторанами, а главное — приведение норм питания, снабжения, налогообложения и проч. в соответствие с «западными» стандартами⁴⁰.

Люди из ближайшего окружения Власова, а также пропагандисты РОА часто посещали лагеря не только для военнопленных, но и для восточных рабочих, выступали перед ними, агитируя за вступление в ряды РОА. О визите генерала Малышкина, полковника Мальцева и капитана Бережкова в рабочий лагерь Крюммель под Гамбургом вспоминает Л.Ситко⁴¹:

«Все происходило, как во сне. Проволока, вахманы, люди в немецких мундирах говорят на чистом русском языке о великой России. В двухтысячной толпе были и женщины Они первые закричали: "Позор! Позор!" — возглас, подхваченный мужчинами. Под эти крики Малышкин и его спутники ретировались в комендатуру, а нас разогнали вахманы. Наши показали гостям, с кем они...

...Генерал со свитой уехал. Капитан Бережков остался и несколько дней ходил по лагерю, останавливая то одного, то другого осто-вца, уговаривая вступить в русскую армию. Нашлись, нашлись добровольцы, всего несколько человек, их освободили от работы, выделили отдельную штубу, где они стали ждать отправки».

Да власовских агитаторов в тех же лагерях успели побывать и казачьи гонцы. Первыми двумя целями организованного в конце 1942 года при РМО Казачьего управления значились: освобождение казаков из лагерей военнопленных и исключение казаков из остарбайтеров с последующей легализацией их положения. Судя по всему, деятельность Н.А.Гимпеля (по крайней мере поначалу) на этом направлении была достаточно успешной: в ходе формирования дивизии фон Паннвица, в частности, ему удалось освободить до середины 1943 года около 7 тыс. казаков, находившихся в Германии на положении остарбайтеров, и добиться выдачи им германских иммиграционных паспортов, закреплявших их новый и совершенно иной статус. Впоследствии, как явствует из ряда писем атамана генерал-лейтенанта Е.И.Балабина, попытки Гимпеля освободить других казаков или хотя бы сосредоточить их вместе, на одном заводе, встречали со стороны арбайтсамтов более ожесточенное сопротивление. Масла в огонь подлило и немецкое воззвание от 10 ноября 1943 года, многими казаками по наивности истолкованное как призыв к ним переходить из положения остарбайтеров на военную службу к немцам. Гимпелю пришлось специально разъяснять Балабину и другим, что это не так уж и просто, потому что незаконно⁴².

Но даже скромные успехи власовских (а до них — казачьих) агитаторов вызывали самую серьезную озабоченность Шпеера, видимо, ценившего мускульную энергию и трудовые навыки русских куда более, чем их боевое искусство. Прямым свидетельством тому является его

благодарность, адресованная 11 января 1945 года начальнику главного управления СС обергруппенфюреру и генералу войск СС Бергеру:

«Дорогой обергруппенфюрер Бергер!

Тот большой отклик, который нашли цели генерала Власова у работающих в Рейхе советских граждан, вызвали у меня и на предприятиях оборонной и военной промышленности тем не менее известные опасения, не будет ли происходить значительный прирост власовской армии за их счет, что соответствующим образом не сможет не сказаться на немецкой военной экономике. Я благодарю Вас за Ваше письмо от 26.12.1944, которое рассеяло мои опасения по этому поводу, и прошу Вас, в случае если последуют какие-либо изменения в Вашем мнении, связываться со мной до того, как приступить к изъятию рабочей силы»⁴³.

Агитировать же власовским пропагандистам тем не менее не возбранялось: декорации тоже надо построить. Агитаторы, конечно, не могли не видеть, в каких условиях их немецкие союзники и хозяева содержат их соотечественников. Так, полковник (впоследствии генерал-майор и руководитель власовской авиации) В.И.Мальцев, вместе с капитаном Бычковым и старшим лейтенантом Антилевским еще в марте 1944 года посетивший ряд лагерей в районе Берлина, направил в немецкие инстанции жалобы и протесты и добился, пусть незначительного и локального, но улучшения положения восточных рабочих⁴⁴. В декабре 1944 года начальник канцелярии Власова полковник К.Г.Кромиади (Санин), вместе с начальником личной охраны командующего капитаном М.В.Каштановым и представителем газеты «Воля народа» лейтенантом В.Мельниковым совершивший аналогичную поездку по шахтерским лагерям Верхней Силезии (Катовице, Сосновице, Гливице, Лабанд), также обращался в немецкие инстанции и добился такого «выдающегося успеха», как наказание одного особо жестокого мастера⁴⁵. В декабре 1944 года, под Рождество, с миссией раздачи рождественских подарков детям остарбайтеров берлинские лагеря посетил весь генералитет РОА во главе с самим Власовым⁴⁶.

И.Хоффман описывает также случаи заступничества за остарбайтеров со стороны командиров боевых соединений РОА. Так, солдаты 1-ой дивизии РОА, формировавшейся в конце 1944 года в Мюнзингене (южнее Штуттгарта), жаловались своему командиру генерал-майору С.К.Буняченко на дурное обращение с остарбайтерами. Это повлекло за собой личное обращение двух немецких офицеров — начальника штабов формирования РОА полковника Х.Герре к гауляйтеру Мурру в Штуттгарте и майора З.Кайлинга к гауляйтеру Хольцу в Нюрнберге, что привело к определенным переменам⁴⁷.

Следует подчеркнуть, что улучшения положения восточных рабочих энергично добивался и командующий добровольческими соединениями генерал Кестринг. Выступая перед представителями высшего руководства 30 июня 1944 года, он подчеркнул связь боевого духа

зверенных ему соединений с тем чудовищным положением, в котором пребывают соотечественники его бойцов в лагерях в Германии⁴⁸. В результате его настояний генштаб ОКХ еще 24 октября 1944 года (то есть до Пражского Манифеста) издал документ — по всей видимости, проектного свойства, — предусматривавший упразднение нагрудного знака восточных рабочих, улучшение их обеспечения в соответствии с существующими рационами и уравнивание оплаты их в труда с западными рабочими⁴⁹.

Формально работу с остарбайтерами возглавлял руководитель гражданского управления КОНР генерал-майор Дмитрий Ефимович Закутный. О том, что предпринял КОНР для улучшения правового и материального положения советских рабочих, угнанных на работы в Германию, говорилось в опубликованном 6 декабря 1944 года в газете «Воля народа» интервью⁵⁰. Собственно, ничего кроме указаний на «шестой год войны в Германии» и весьма туманных ссылок на «полученные из соответствующих инстанций» сведения о «положительном рассмотрении», да еще о наказании безымянных лагерфюреров в неизвестных лагерях, интервью не содержит.

Рассказывать же ему было почти не о чем. По аттестации Дудина, именно Закутный и был главным виновником малого в этом деле успеха:

«Закутный проводил бесконечные совещания с соответствующими немецкими властями, и единственным результатом этих совещаний явилась только замена нагрудного знака "Ост" неопределенными значками из цветочков и национальных цветов, носимых на правом рукаве, причем и эта замена была проведена частично еще до создания Комитета. Все же основное, а именно: оплата труда, питание, жилищные условия и главное — невыносимое правовое положение, оставались почти без всякого изменения... Власов, мало доверяя Закутному и его управлению, сам неоднократно вмешивался в это дело, но и он ничего изменить не мог. Немцы оставались глухи ко всем его доводам»⁵¹.

С немецкой стороны переговоры, согласно Дудину, велись с представителями Главного управления СС (Ришкерт и Штаденау), ДАФ (фон Менде, Маль, Банзен и Мюллер) и РНС (Курляндом). Любопытно, что за переговорным процессом достаточно пристально следили и в ведомстве крестного отца РОА — Геббельса. Д-р Тауберт, руководитель отдела по «антибольшевизму» был, кажется, разочарован. «Власовское движение не националистично!», — упрекал он; оно (движение) «...является жидкой настойкой из либеральной и большевистской идеологий». Мало того — оно даже «...не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса!». Посему, заключал он, «...за власовским движением необходимо внимательно следить и никакой власти распоряжаться "остарбайтерами" ему не следует предоставлять»⁵².

Со стороны КОНР фактически все дела вел не Закутный, а секретарь Гражданского управления КОНР (по другим сведениям — помощник Закутного) Юрий Константинович Майер⁵³. В облегчении судьбы остовцев он видел основную задачу управления. Под крышей ДАФ он стремился создать и распространить на всю Германию целую сеть региональных представительств КОНР с широкими полномочиями по социальной защите остовцев и по улаживанию их конфликтов с администрацией⁵⁴.

В письме неустановленному адресату от 2 декабря 1944 года, Ю.К.Майер подчеркивал необходимость «...доказать советской массе, что с момента вмешательства комитета в ее судьбу последовало быстрое улучшение ее положения... внушив им доверие к комитету и искренним намерениям немцев. Сама пропаганда по лагерям будет вестись Политическим Отделом Штаба, однако в полном контакте с представителями гражданской части». С одной стороны, такой представитель должен очень хорошо уметь ладить с немецким начальством, с другой — «...проявить широкое понимание нужд советского человека, суметь в массе завоевать популярность и доверие», он должен «...представлять из себя распределительный, нервный узел, влияющий и на внутреннюю организацию и на нарастание правильных настроений в массе и одновременно закрепляющий позиции комитета у немцев. В этом отношении его положение можно будет сравнить с ролью областных секретарей Компартии в Советском Союзе»⁵⁵.

И хотя переговоры шли медленно, с переменным успехом и, к огорчению КОНРа, никаким протоколом оформлены не были, все же к началу февраля 1945 года ряд решений, улучшающих условия жизни остарбайтеров, был принят. Так, циркуляром Гимmlера от 26 января 1945 года предписывалось прекратить произвол начальников лагерей, запретить телесные наказания и иные виды физического, а также морального воздействия. Циркуляр грозил начальникам лагерей в случае невыполнения всех этих решений не только смещением с должности, но и заключением в концлагерь (при хищении продуктов), а при отягчающих обстоятельствах — и расстрелом. В продовольственном плане решено было уравнивать остовцев со «второй категорией» иностранных рабочих (французы, бельгийцы, голландцы).

Было решено создать по всей стране пробные летучие комиссии из представителей КОНР и СС (с решающими голосами) и ДАФ (с совещательным). Комиссии имели право посещения любого лагеря в любое время и право вынесения решения о смещении начальника лагеря и отдачи его под суд. Эти комиссии просуществовали сравнительно недолго — в марте немцы их отменили, но в течение февраля было все же обследовано несколько лагерей в Берлине и его окрестностях и в двух случаях начальников лагерей, действительно, отдали под суд. Еще в двух лагерях попытались создать собственный товарищеский суд из лагерников, в «компетенцию» которого входили бы

дисциплинарные проступки и мелкие преступления в среде самих остовцев (но, например, кражи у немцев были бы ему уже неподсудны).

СС эту инициативу считал удачной и заслуживающей повсеместного распространения; был подготовлен специальный циркуляр, но он не был разослан. В вопросах же о полном отказе от опознавательного знака и снятии запрета на выходы в город и посещения увеселительных заведений — гестапо стояло на своем до конца.

Впрочем, и то, что было решено и принято к исполнению, на местах по существу не исполнялось, — лагерное начальство всеми правдами и неправдами противилось закреплению новых предписаний.

Для защиты интересов рабочих перед фабричной администрацией и другими немецкими инстанциями КОНР потребовал ввести в штат всех районных организаций DAF своих уполномоченных и их заместителей с правом свободного посещения лагерей. Получая инструкции от КОНР, эти уполномоченные должны были бы регистрировать все нарушения и сообщать о них в КОНР. Д-р Маль, заведующий отделом иностранных рабочих DAF, решительно этому воспротивился, соглашаясь лишь на применение к остовам инструкции 1942 года, регулирующей отношения с рабочими 17 основных национальностей. Согласно этой инструкции, представители рабочих не выбирались из их среды, а назначались DAF, предпочитавшим иметь дело со всецело зависимыми от себя креатурами.

На очередном межведомственном заседании в DAF 4 марта 1945 года представителям КОНР — Ю.К.Майеру и главе «Народной помощи» (аналога «Красного креста») профессору Ф.П.Богатырчуку⁵⁶ — все-таки удалось добиться принципиального согласия на предложения КОНР. Помощник заместителя председателя ДАФ фон Менде заявил о готовности признать представителей КОНР, ввести их в свой аппарат и предоставить им беспрепятственный допуск в лагерь⁵⁷. Он просил как можно скорее прислать в DAF делегатов для оформления.

Соответствующие списки были подготовлены в КОНР еще в ноябре 1944 года. Из 114 человек, включенных в эти списки, в марте по вызову явилось 97. Все они направлялись в DAF, но, в основной массе, «забраковывались» из-за незнания немецкого языка: конечно же, это было разновидностью вежливой обструкции.

В марте смогли оформиться и выехать на места только 16 человек (Репуленько, Баратов, Хромов, Лихтенбергский, Ругтешель, Ковалевский, Баснин, Волконский, Ещиковский, Оглоблев, Фогт и др.). На местах, как правило, их отношения с местными властями быстро обострялись, иногда их даже не допускали в лагерь. Поставить работу сумели лишь трое: Ещиковский в Инсбруке, Баратов в Галле и Фогт в Судетах⁵⁸.

В феврале и марте Майер дважды докладывал Власову о ходе дел и оба раза получал указания ни на какие уступки не идти и, в интересах оstarбайтеров и авторитета КОНР, отстаивать независимость уполномоченных.

Позже других — в 20-х числах марта — начались переговоры с РНС, курировавшей сельскохозяйственное производство и вопросы снабжения продовольствием. И, хотя здесь взаимопонимания было больше, результаты были столь же символическими. РНС практически со всеми требованиями КОНР согласился, но предложил и свои кандидатуры на вакансии уполномоченных. О большом их числе говорить уже не приходилось: девяти человек хватило бы для обеспечения всех оставшихся под немецким контролем земель. Несмотря на это было решено, что Курлянд из РНС оформит и откомандирует кандидатов из КОНР, а Майер из КОНР, беседуя с кандидатами РНС, составит себе представление, подходят ли они для этой цели или нет.

Тактика немцев состояла в дальнейшем затягивании длившихся уже 5 месяцев переговоров и уклонении от письменных коммуникаций. По Дудину, им пришлось «засветиться» лишь в двух полуофициальных-получастных письмах: в одном, от 20 марта 1945 года оберфюрер СС Э.Крегер заверял Власова, что СС сделает все возможное для удовлетворения пожеланий КОНР в связи с остарбайтерами, во втором д-р Штаденау оттуда же извещал начальника гражданского управления КОНР Закутного о решении считать — и кормить — остовцев не хуже французов, а также делился надеждой, что и остальные требования в будущем удастся удовлетворить.

«Будущего», впрочем, уже не оставалось.

За короткое время и РОА, и КОНР выросли в партнеров, с которыми Германия, по выражению И.Хоффмана, не могла не считаться: *«Немцы, привыкшие обращаться с миллионными массами русских, как им заблагорассудится, столкнулись с учреждением, которое ограничило их власть. У бесправных и беззащитных русских появился влиятельный защитник, отстаивавший их жизненные интересы»*⁵⁹.

Думается, что это преувеличение. Хотя нельзя не признать: намерения КОНР в гражданской сфере были столь же серьезные, как и намерения РОА — в военной. И столь же наивны.

Вся практическая деятельность КОНР развернулась лишь тогда, когда ее результат мог иметь лишь несильный пропагандистский или, в лучшем случае, символический эффект. Не умея или не желая видеть своей «декоративности», а может, и искренне надеясь в подходящий момент перехватить инициативу и сыграть свою игру, власовцы так и не дождались его.

Будущего же, повторим еще раз, ни у них, ни у их хозяев и режиссеров не было!

Примечания

¹ Перебежчики из Красной Армии были явлением достаточно распространенным: можно указать на то, что десятки и сотни таких случаев отмечены даже зимой—весной 1945 года, всего за несколько недель до победы (см.:

- Дугас, Черон, 1994, с. 136—140; в то же время ссылок на источник этих сведений указанные авторы не приводят, как, впрочем не делает этого и утверждающий прямо противоположное Л.Е.Решин, см.: Решин, 1994, с. 158).
- ² Дугас, Черон, 1994, с. 292—293.
- ³ КТБ, 01.04. — 30.06.1943.
- ⁴ КТБ, 31.12.1943.
- ⁵ Сообщено д-ром М.Малльманом (Саарбрюкен). Ему же принадлежит точное замечание: термин «массовые убийства» должен быть распространен не только на жертв, но и на палачей.
- ⁶ Согласно справке Начальника штаба Ставки Гитлера генерала Цайцлера, данной им на совещании у Гитлера 08.06.1943. См.: Двинов, 1950, с. 96. См. также: Решин, 1994, с. 173—174.
- ⁷ В 1943 Хольмстон-Смысловский завершил формирование этой дивизии, в 1944 реорганизованной в «Первую Национальную Русскую дивизию». В феврале 1945 дивизия получила кодовое название «Зеленая армия особого назначения» (на стадии формирования она насчитывала около 6 тыс. чел.), а 04.04.1945 была вновь переименована — в «Первую Русскую Национальную армию» в составе вермахта с присвоением ее командиру звания генерал-майора. Эта армия была разгромлена под Бреслау, из окружения вместе с Хольмстоном и его штабом сумел выйти приблизительно батальон солдат. См. также: Дробязко, 1999; Окорочков, 1999а; Geiger, Schlapp, 1996. О последних днях этого соединения, в частности, об интернировании его членов в Лихтенштейне см. также в главе 5.6.
- ⁸ Фон Клюге, якобы, был шокирован видом генеральской формы Жиленкова, скроенной по образцам царской армии, а главное — его и Боярского откровенными высказываниями в том духе, что с немцами у него — союзнические отношения (Казанцев, 1994, с. 126—128, 145—146).
- ⁹ См.: Michaelis R. Die russische Volksbefreiungsarmee «RONA» 1941—1944. Erlangen, 1992. 68 S.
- ¹⁰ Дробязко, 1999а, с. 63. См. также: Окорочков, 1999б, с. 198—203.
- ¹¹ См.: Dallin, 1957.
- ¹² История казаков-коллаборантов наиболее систематически и документально представлена в: Дробязко, 1999а. Ориентируясь в этом вопросе на эту публикацию, мы (по сравнению с: Полян, 1996), пересмотрели и уточнили многие моменты. О Казачьем Стане и других казачьих формированиях см. также в главе 5.3.
- ¹³ Им все же пришлось повоевать и против Красной Армии, но только в конце 1944 года, когда на реке Драве казаки фон Паннвица заставили отступить 133-ю стрелковую дивизию имени самого товарища Сталина! Н.Толстой остроумно называет этот бой «последней битвой Гражданской войны» (Толстой, 1988, с. 248).
- ¹⁴ Науменко, 1970, с. 11.
- ¹⁵ Это учреждение находилось в Мюнхене на Bleibtreustrasse (сообщено Г.А.Раром). Кроме В.Бискупского там работал также Л.Войцеховский, П.Шабельски-Борка и С.Таборицкий, убийца Набокова-старшего. Кажется, все они состояли в 1920 г. в Немецко-Русском народном фронте «Aufbau» («Возрождение»), и по деятельности в ней, действительно, сталкивались с Гитлером, Розенбергом и др. нацистами (см.: Окорочков, 1999а, с. 151).

- ¹⁶ См. о них в: Hoffmann, 1986; Hoffmann, 1991.
- ¹⁷ Hoffmann, 1986, s. 9. См. также в статье Л.Решина, утверждающего, что «восточные легионы» — это всего лишь учебные и резервные части (Решин, 1994, с. 171).
- ¹⁸ Последних, по свидетельству Г.П.Терешонкова, поступившего в «Ordnungspolizei» и бежавшего из Норвегии в нейтральную Швецию, таких, как он, было не более 5 %. Около 1/4 приходилось на «случайных людей».
- ¹⁹ Об «опасностях», связанных с формирований более крупных формирований, немцев время от времени «предупреждали» преданные им офицеры из добровольческих рядов. См., например, датированное маем 1943 г. заявление майора В.Шомпольнова и лейтенанта Н.Давиденко (ВА/МА, RW 4/309b).
- ²⁰ См. запись совещания Гитлера с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и генералом Цайтлером (в присутствии генерал-полковника Шмундта и полковника Шерфа) 08.06.1943 в Бергхофе. См.: Двинов, 1950, с. 96.
- ²¹ Цит. по: Двинов, 1950, с. 90—95 (местонахождение оригинала не указано). Кейтель тогда же подчеркнул: «...Мы рассматриваем инициативу этих пропагандных листков, этот национальный комитет за подписью Власова, как средство чистой пропаганды» (Там же, с. 96). Власов, который в конце 1942 г. находился в Смоленске, а весной 1943 г. на восточном фронте, по словам Шмундта, «проповедует национальное возрождение» и даже «договорился до свободы», на что Кейтель ответил: «Всякая пропагандистская деятельность на фронте и его собственная пропаганда ему запрещены» (Там же, с. 98, 100).
- ²² Двумя другими «агентурно-политическими организациями» такого рода были «Боевой союз русских националистов» во главе с б. советским подполковником Владимиром Гилем-Родионовым (переименованное в июне 1943 г. в «1-ю Русскую национальную бригаду СС», это трехтысячное соединение 14 августа 1943 года перешло на сторону партизанского отряда им. Железняк под командованием капитана Титкова), «Политический центр борьбы с большевизмом» (или «Русская народная партия реформистов», до этого — Партия социал-реалистов) во главе с комбригом Иваном Бессоновым, одержимым идеей организации восстания в глубоком советском тылу, в ГУЛАГе (02.06.1943 был даже высажен пробный десант в поселке Уса Коми АССР, вскоре обезвреженный), а также «Русская трудовая народная партия», созданная в генеральском офлаге в Хаммельбурге военным прокурором С.Мальцевым и генералом Благовещенским (Решин, 1994).
- ²³ Планированием, осуществлением и координацией всех такого рода операций занималась РСХА, для чего было создано особое подразделение «Цеппелин» в составе отдела VI С и во главе с бригаденфюрером СС В.Шеленбергом (Решин, 1994, с. 160).
- ²⁴ Для пушеч и вящей убедительности сторонники этой парадигмы перешли в последнее время к «изучению» и осуждению также и личной жизни генерала, что вызывает встречное отвращение.
- ²⁵ Здесь мы солидаризируемся с позицией С.Дробязко по отношению к анти-советскому казачеству: «Казнь» <имеется в виду приговор и повешение 16.01.1947 П.Н.Краснова, А.Г.Шкуро и др. — П.Н.> стала логической точкой в истории отчаянной попытки представителей эмигрантского и «пост-советского» казачества добиться освобождения казачьих земель и возрождения казачьих войск, используя для этого союз с державой-агрессором.

целью которой было уничтожение России. Как ни прискорбно, но именно в этом, на наш взгляд, и заключается глубинный смысл казачьей трагедии 1941—1945 годов» (Дробязко, 1999а, с. 81)

²⁶ По данным советской разведки, общая численность добровольческих соединений, сформированных немцами из военнопленных и мирных жителей, к 10.01.1943 составляла 97 тыс., а к марту 1943 г. — 125 тыс. чел. (Оккупация, с. 265).

²⁷ Дугас, Черон, 1994, с. 305—306.

²⁸ Вот его расклад (в тыс. чел): «казачьи» формирования — 35; кавказско-среднеазиатские — 45 (из расчета 90 батальонов, все с половинной укомплектованностью); РОА — 50; 599-я бригада — 6; питомцы диверсионно-разведывательных школ — 20; прибалтийские формирования СС — 48; 14-я дивизия СС «Галичина» — 12; дивизия «Дирлевангер» (охрана концлагерей) — 10; безвозвратные потери на передовой — 25. Итого: 251 тыс. чел. Плюс невооруженные рабочие батальоны в шталагах (т.е., по всей видимости, ОТ) — 30, итого 280 тыс. чел. (Решин, 1994, с. 179).

²⁹ В докладе, сделанном на конференции в Дрездене в июле 1997 г.

³⁰ См.: Решин, 1994, с. 179.

³¹ Владимов Г. Новое следствие, приговор старый // Знамя. 1994. № 8. С. 181.

³² Здесь же следовало хотя бы указать на взаимоотношения между старой русской эмиграцией в Германии или в контролируемых ею странах и новопривывшими остарбайтерами. Общее сочувственное отношение первых ко вторым и попытки так или иначе практически помочь им наталкивались на сопротивление и противодействие немцев. Некоторые из остарбайтеров (в особенности из тех, кто первыми и добровольно откликнулся на призыв немецких властей) имели родственников среди русских эмигрантов, с которыми, как правило, они сразу же списывались, горько сетуя на обман со стороны немцев (в частности, на полное бесправие, работу не по специальности, дискриминацию в оплате, на бесчеловечные бытовые условия и т.д.). Пытаясь хлопотать за своих родственников, эмигранты (например, Объединение Русских профессиональных организаций в Великогермании и др.) ставили вопрос и в самом общем виде. В частности, отвечая 24.04.1942 на письмо группы харьковских рабочих на заводе «Петер Штюлен» в Кельне, инженер Л.Лада-Якушевич (зам. председателя Профессионального Союза русских техников и инженеров в Протекторате Чехия и Богемия) советовал им обратиться к начальнику Управления делами российской эмиграции в Германии генералу В.В.Бискупскому. Он писал: *«Не унывайте. Держите с нами связь и помните, что русский русского не забудет и в тяжелую минуту всегда протянет ему руку помощи. Помните только, что и мы здесь не у себя дома, а подчиняемся законам и распоряжениям Германской Империи»* (РГВА. Ф. 1341к. Оп. 1. Д. 3. Л. 67).

³³ [Kräger]. Aufstellung der Wlassow—Divisionen im Winter 1944/45. (Рукопись. Личный архив Й.Хоффмана).

Д-р Эрхард Крегер — оберфюрер СС, родом из Прибалтики, прекрасно говоривший по-русски; был назначен офицером связи между РОА и СС. Нередко проявлял больше лояльности к РОА, чем к СС, особенно на заключительном этапе существования РОА (как, впрочем, и СС).

³⁴ Неподписанная машинопись, озаглавленная «Главн<ое> Гражд<анское> Управление КОНРа». Вероятный автор — В.В.Поздняков (ВА/МА, MSG 149/5, Bl. 137—142).

- ³⁵ Некоторые из его самого ближайшего окружения находили, к сожалению, иные образы. Так, полковник (впоследствии генерал-майор и заместитель начальника штаба РОА) В.И.Боярский еще в июне 1943 г. возмущался тем, что русских заставляют носить опознавательные знаки, словно еврейскую звезду (Хоффман, 1990, с. 327). «*Сталин, — рассуждал Боярский, — изменил свою политику, он выполнил нашу программу уже на 80 %. Как только он распустит колхозы и избавится от евреев, то нам уже нечего будет предложить народу, тогда наша программа уже будет выполнена — по Сталиным*» (ВА/МА, RH 58/67, Bl. 49—50).
- ³⁶ В начале ноября с Власовым встретился и рейхсминистр Й. фон Риббентроп, также считавший себя ответственным за политическое руководство Власовым и его движением. См. в телеграмме Риббентропа к посланнику Ф. фон Лейтнеру от 21.10.1944 (Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб / Публ. О.Вишлева // НПИ. 1996. № 4. С. 145—146).
- ³⁷ Дудин, Лев Владимирович — в 1942 г. редактор киевской оккупационной газеты «Последние новости» (вместе с проф. Н.Ф.Штеппа); в РОА — один из начальников радиоотдела Главного управления пропаганды, шесть раз в день вещавшего на русском языке (Хоффман, 1990, с. 325). Автор книги «Великий мирок: Материалы к истории освободительного движения народов России 1941—1945», выпущенной в 1970 г. в Лондоне (Канада). Фрагмент рукописи этой книги хранится в ВА/МА (коллекция В.В.Позднякова). Раздел, посвященный оstarбайтерам, почти дословно (выпущены только некоторые конкретные фамилии) совпадает с текстом неподписанной статьи «Борьба за права “остовских” рабочих», опубликованной в печатном органе «Союза борьбы за освобождение народов России» (Борьба. Мюнхен, 1948. № 14. Октябрь. С. 25—27). В библиотеке Гуверовского института находится его рукопись «Der Sowjet Terror», помеченная Берлином и датой «1943» (сообщено Г.Суперфином).
- ³⁸ Впрочем, сама по себе такая переписка, в условиях лагерной цензуры, на наш взгляд, маловероятна. Хотя, по свидетельству Г.А.Пара, даже после массированных бомбежек, немецкая почта работала прекрасно и самостоятельно цензурой не занималась. Гестаповская же цензура работала выборочно и недостаточно строго, в некоторых лагерях существовала возможность отправить письмо (через знакомых немцев, например) минуя цензуру вообще, так что теоретически письма до штаба Власова доходить все же могли.
- ³⁹ Впрочем, этот пункт почти дословно повторяет «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза» — смоленское — от 27 декабря 1942 года — воззвание А.А.Власова и В.Ф.Малышкина, председателя и секретаря Русского Комитета.
- ⁴⁰ Гражданское управление КОНР занималось и молодежной работой, помогало Союзу молодежи народов России (учрежден 25.10.1944 в Троппау), деятельность которого — спортивные и культурные мероприятия — должна была распространяться также и на оstarбайтеров.
- ⁴¹ Ситко, гл. 3.51. В.М.Баранов описал в дневнике визит в их лагерь одного такого агитатора: «*После обеда пришел представитель из Дрездена. Как будто он русский, ему были донесены все наши недовольства, он как будто слушал нас с охотой и сочувствием. Он посетил наш лагерь, говорил что-то о политике, о современной войне и текущих событиях, сказал, что у нас дома нет и не будет, мы никому не нужны. Рассказал, как заняли*

Италию, о восточном фронте, пришлось отступать для сокращения фронта. Еще сказал, что для Сталина мы враги, так как он отказался от нас, сказав что у меня пленных нет, а только изменники. Но для Гитлера мы тоже не нужны, так что положение наше неважное. Ничего он не посовещивал и только ввел в заблуждение!» (Баранов, 1995, запись за 4.10.1943). Ср. также в записи от 5—6.10.1943: «Вечером приезжала тот же самый представитель, обещая кое-что в помощи. Предлагала сохранять военную дисциплину, которая, дескать нам пригодиться. Он нам стал противным». О холодном приеме, оказанном оставцами власовцам, вспоминает и Г.И.Кондаков (Кондаков, 1991, с. 338).

⁴² Подробнее см.: Дробязко, 1999а, с. 66, 101—107.

⁴³ ВА, Р 3/1572 (сообщено Р.-Д.Мюллером).

⁴⁴ Хоффман, 1990, с. 327, со ссылкой на текст соответствующих выступлений 21.03.1944, а также на рукопись: Плюшев-Власенко Б. Крылья свободы. С. 40 (Личный архив И.Хоффмана).

⁴⁵ Кромияди К. За землю, за волю. На путях русской освободительной борьбы 1941—1947 гг. Сан-Франциско, 1980. С. 196. См. также: Каштанов. Поездка в Верхнюю Силезию (ВА/МА, MSG 149/8, Bl. 120—123; указание на ту же самую статью, но под именем Ю.Корейского см. в: Дугас, Черон, 1994, с. 204—206, со ссылкой на: Шатов М.В. Материалы и документы Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941—1945). Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 64—68).

⁴⁶ Детская елка // За Родину. № 3(17). 11.01.1945.

⁴⁷ Хоффман, 1990, с. 52—53, со ссылками на: Письмо Свищова Позднякову от 03.06.1973 (ВА/МА, Msg 149/58); рукописи на нем. языке — Герре Х. Формирование (IfZ), а также: Кайлинг З. Власовская армия; Беседа в XIII оборонительном районе Пюрнберг, 15.12.1944; Беседа у гауляйтера Хольца, 16.12.1944 (Личный архив И.Хоффмана).

⁴⁸ См.: Dallin, 1958, s. 461.

⁴⁹ Хоффман, 1990, с. 339—340 (подлинник — в личном архиве И.Хоффмана).

⁵⁰ На это же он указывал и на московском суде над А.А.Власовым и его сподвижниками, проходившем в Военной коллегии Верховного Суда СССР в Москве с 30 июля по 1 августа 1946 г. О суде см. в публикации «Иуды», подготовленной генерал-лейтенантом юстиции А.Ф.Катусевым (б. Главным военным прокурором СССР) и капитаном В.Г.Оппоковым (ВИЖ. 1990. № 6. С. 77—78). См. также «Открытое письмо д-ра И.Хоффмана» авторам данной публикации (Вече. Мюнхен, 1990. № 39. С. 279—284).

⁵¹ ВА/МА, MSG 149/15, Bl. 134—135. Этот вопрос обсуждался и на продолжительной встрече Власова с Герингом в Каринхалле 02.02.1945.

⁵² Из «Обзора деятельности отдела д-ра Тауберга (Антибольшевизм) Имперского Министерства пропаганды до 31.12.1944». Цит. по: Двинов, 1950, с. 121. Е.Андреева, также цитирующая этот документ (Андреева, 1990, с. 188), приводит и его архивный шифр: YIVO 6.PA 14- Dr.Taubert. Querschnitt durch die Tätigkeit des Arbeitsgebietes. На этом основании можно предположить, что и другие опубликованные Б.Двиновым документы (Двинов, 1950) также находятся в нью-йоркском Институте еврейских исследований (YIVO).

⁵³ Майер, Юрий Константинович (Georg von Meyer; 1896—1993) — выпускник Царскосельского лицея, офицер (по-видимому, поручик) гвардейского кирасирского полка; вместе с врангелевской армией эмигрировал в Белград, откуда в 1943 г. переселился в Берлин вместе со своей экспортно-импортной фирмой, занимавшуюся, среди прочего, торговлей оружием.

Одновременно служил в Министерстве по делам восточных территорий, играя в нем заметную роль; с октября 1944 г. принимал активное участие в деятельности КОНР, возглавляя его отдел внешних сношений и финансовый комитет (ВА/МА, RH 2/2548). После того, как Гражданское управление КОНР эвакуировалось 06.02.1945 в Карлсбад, оставался в Берлине. В 1953 переселился в США (см.: Русский американец. Обзорный выпуск № 20. 1995. С. 203—204).

⁵⁴ ВА/МА, RH 2/2548.

⁵⁵ Обращение в письме: «Игорь Николаевич» (предположительно, из старых эмигрантов; адресат, очевидно, представлялся Ю.К.Майеру подходящей кандидатурой в такие представители). Любопытно, что само письмо сохранилось в обойме с доносами (докладами) генерал-майора М.М.Шаповалова, коменданта зондерлагеря при шталаге XX А в Торне (Торунь), еще с октября 1944 года имевшего собственные виды на работу в Гражданском управлении КОНР (ВА/МА, R2, № 2548, Bl. 25—39) и впоследствии назначенного командиром 3-ей (фактически так и не сформированной) дивизии РОА. О Шаповалове см. также: Хоффман, 1990, с. 58—59, 209—215.

⁵⁶ *Богатырчук, Федор Парфеньевич* (1892, Киев — 1984) — до войны киевский профессор-рентгенолог и шахматист, чемпион СССР по шахматам. В КОНР являлся также председателем Украинского комитета (точнее, Украинской национальной рады). Что касается «Народной помощи», то организация с таким названием возникла после того, как Риббентроп отказал КОНР в организации собственного «Красного креста» по причине существования советского. Именно в компетенцию «Народной помощи» входила поддержка военнопленных и оstarбайтеров. См.: Богатырчук, 1978, с. 184—186. О Богатырчуке см. также: Харитон Л. Забытое имя // РМ. № 4044. 15—21.09.1994. С. 18).

⁵⁷ Хоффман, 1990, с. 332.

⁵⁸ Позднее, уже переехав в Иоахимсталь, видя как затягивается вопрос с уполномоченными КОНР, Власов начал посылать представителей на места, не спрашиваясь у немцев, но большинство таких эмиссаров не было признаны и не могло выполнить своей миссии, некоторых даже арестовывали как самозванцев.

⁵⁹ Хоффман, 1990, с. 334—335.

1.7. Русские в Рейхе: сколько же их было?

В космогонии закрытого общества «а ля СССР» государственная граница имеет поистине сакральное значение: это не просто линия стыка с соседними государствами, а скорее зримая линия незримого фронта с враждебным международным окружением. Поэтому ездить за границу доверялось не всякому желающему или любопытствующему, а только проверенному и испытанному гражданину, способному справиться с возложенными на него доверием и заданием без риска и соблазна остаться за кордоном. Оттого поездки за границу всегда были в СССР привилегией, и давалась она сравнительно узкому слою лиц — дипломатам, специалистам по внешней торговле, разведчикам, части высшего чиновничества и — для придания системе хорошего и ложного имиджа — хорошо прирученной и полностью выдрессированной части творческой и технической интеллигенции.

Поэтому всякое новое территориальное приобретение несет в себе определенный заряд двусмысленности и опасности: территории стало больше — это, конечно, хорошо и стратегично, да вот население на аннексированной земле — чужое, иностранное, социально-чуждое и даже социально-опасное — еще не выдрессированное и потому — срочно нуждающееся в «советизации».

Отсюда же — и то повышенное внимание к охране государственных границ: соответствующие органы по праву являлись составной и неотъемлемой частью НКВД. Поговорки типа «граница на замке», «муха не пролетит» — это аттестации качества их работы: никто, кому не положено, за кордон не попадет, никого, кого не надо, к себе не пропустим.

В то же время уже сама агрессия против СССР, нападение на пограничные заставы и ликвидация строго охраняемой зоны содержали в себе, помимо чисто военной, еще и идеологическую опасность: может начаться массовое просачивание граждан через бывшие границы страны. А лица, пересекавшие границу без государственной санкции, автоматически попадали под твердое подозрение в измене, а при возвращении в лоно СССР, — еще и в шпионаже.

И вот представьте: в результате военных действий в течение короткого времени и под жестким контролем государства-агрессора за пределами границ СССР (по состоянию на 22 июня 1941 года) оказывается почти девять миллионов граждан (то есть чуть ли не каждый 20-й гражданин СССР!), из которых 5,7 млн., или почти две трети, позднее репатрируются, то есть возвращаются домой.

Как в восточном, так и в западном направлениях то был весьма сложный и неоднородный поток, состоявший из ряда категорий советских граждан с совершенно различным статусом.

Определимся для начала с временными «эмигрантами», то есть с теми, кто по воле Рейха покинул пределы СССР, и, в особенности, со структурой этого контингента: из кого, собственно говоря, этот поток состоял?

Выделяется, в общей сложности, восемь таких категорий¹, а именно:

- I. Гражданские интернированные.
- II. Советские военнопленные
- III. Остарбайтеры-«восточники»
- IV. Остарбайтеры-«западники».
- V. Советские немцы (фольксдойче)
- VI. Финны-ингерманландцы («фольксфинны»).
- VII. «Беженцы»
- VIII. «Эвакуированные».

Рассмотрим, в меру выявленного на сегодняшний день материала, те количественные и качественные параметры и оценки, которыми характеризуется каждая из выделенных категорий (заметим, что в ряде случаев, например, при дефиниции остарбайтеров, существовали и различные официальные подходы — немецкий и советский).

Во-первых, постараемся ответить на вопрос: сколько? Сколько советских граждан с различным статусом было тогда снято с мест и в конце концов оказалось за рубежом?

Во-вторых, какая их часть попала непосредственно в Германию? (Имеющиеся источники — как советские, так и западные — содержат на этот счет самые противоречивые и несовпадающие оценки, и никто, в сущности, не попытался свести их воедино, сопоставить и проанализировать.)

В третьих, что стало с этими людьми за время их пребывания в Германии, какова была их теоретическая «роза судьбы» и что же произошло с ними в действительности, на практике?

И, в четвертых, с чем и как подошли эти различные контингенты к концу войны, каково было их отношение к насильственной репатриации, вмененное им ялтинским и другими двусторонними соглашениями СССР с союзниками — Англией, США и Францией?

И, наконец, пятое: какую была внутренняя структура потока репатриантов?

I. Гражданские интернированные. Имн являлись дипломаты, сотрудники различных советских или германских организаций, представительств и делегаций, моряки, железнодорожники, ученые и т.д., застигнутые началом войны в Берлине, Мюнхене, Ганновере и других городах и интернированные (как правило, непосредственно 22 июня 1941 года) на территории Германии². Представители «первой русской эмиграции», бежавшие из Советской России после революции и гражданской войны, интернированию не подвергались, но все их общественные организации были распущены.

Судьба подарила мне встречу с И.Х.Маракасовым, одним из таких интернированных. По его сообщению, только в Штеттине и Данциге 22 июня стояло шесть советских судов из Ленинграда: теплоходы «Хасан» и «Волголес», пароходы «Эльтон», «Каганович»,

«Магнитогорск» и «Днепр» (последний пришел вечером 21 июня, за несколько часов до начала войны); а кроме того — несколько судов, также пришедших с зерном из Ленинграда, но ранее принадлежавших прибалтийским государствам. Утром 22 июня все советские команды были сняты с судов и заключены в лагеря; на прибалтийских судах были подняты их старые флаги, сняли с них только нескольких моряков из Ленинграда, а также прибалтийских моряков-евреев.

Большая часть советских моряков в июле 1941 года была собрана в лагере Бланкенфельд под Берлином. В конце августа или в сентябре часть из них — команды вспомогательных судов, купленных недавно СССР у Германии (в отличие от большинства советских моряков, плававших с «мореходными книжками», они имели советские иностранные паспорта), — были обменены, через Болгарию и Турцию, на интернированных в СССР немцев. Еще раньше — 2 июля — состоялся обмен дипломатами³. Остальные интернированные (мужчины) были отправлены в сентябре 1941 года в илаг (лагерь для интернированных) XIII в крепости Вюльцбург около г. Вайсенбурга в Баварии. Лагерь подчинялся вермахту, заключенные (около 300 чел.) содержались на строгом тюремном режиме; он был освобожден американцами 26 апреля 1945 года. Советские интернированные женщины провели в берлинских лагерях всю войну.

Случаи интернирования ученых сравнительно редки. Именно таким статусом интернированного, по-видимому, обладал и Н.В. Тимофеев-Рессовский, с 1925 по 1945 гг. проработавший в Институте генетики в берлинском предместье Бух. Ежедневно он должен был отмечаться в полицейском участке⁴.

Будучи первыми, так сказать, хронологически, чисто статистически гражданские интернированные составляют весьма незначительную категорию (их число не превышало нескольких тысяч чел.)

II. Советские военнопленные⁵. Шестизначные цифры военнопленных Красной Армии, захваченных немцами в плен 1941—1942 гг. после таких окружений как Киевское, Брянско-Вязьминское, Белостокско-Минское, Смоленско-Рославльское, Крымское, Кубанско-Донское, Харьковское или Уманьское, поистине беспрецедентны. В речи, произнесенной Гитлером 11 декабря 1941 года, прозвучала составленная по донесениям войсковых частей и невероятная по своему итогу суммарная цифра военнопленных — 3,8 млн. чел.⁶

В конце 1941 года эта с трудом представляемая цифра была пересмотрена, и число советских военнопленных уменьшилось почти на 0,5 млн. чел., составив «всего» 3.350 тыс. чел.⁷ По позднейшим данным К.Штрайта, в середине июля 1942 года их насчитывалось уже 4.716.903 чел., в январе 1943 года — 5.003.697, в феврале 1944 года — 5.637.482 и на 1 февраля 1945 года — 5.734.528 чел.⁸ Согласно текущим сводкам ОКХ о числе военнопленных и трофеев, общее число военнопленных и перебежчиков, по состоянию на 21 июля 1944 года,

составляло 5.691.747 чел.⁹ По состоянию на 1 мая 1944 года, несколько меньшую цифру — 5.163.381 чел. — приводит А.Даллин, а вслед за ним, — но в более детальном и структурированном виде, — Г.Юбершер и В.Ветте¹⁰ (см. табл. 1.7.1.).

Таблица 1.7.1.

Советские военнопленные
(на 1 мая 1944 года; тыс. чел. / %)

	В зоне ответственности ОКХ	В зоне ответственности ОКВ	Всего
Общее количество	2.050	3.110	5.160 (100,0)
<i>Из них:</i>			
А. Находятся в лагерях,	175	878	1.053 (20,4)
в т.ч. работают;	151	724	875 (17,0)
Б. Выпущено на свободу или принято на военную службу	535	283	818 (15,9)
В. Умерло в лагерях	845	1.136	1.981 (38,4)
Г. Остальные,	495	813	1.308 (25,3)
в т.ч. бежало	Н.д.	67	67 (1,3)
казнено	Н.д.	473	473 (9,1)
умерло в транзитных лагерях или не зарегистрировано	495	273	768 (14,9)

Источник: Ueberschär, Wette. 1984. s. 364—366, со ссылкой на: Nachweisung des Verbleibes der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stand vom 01.05.1944 (BA/MA. RH 2/v.2623).

Советские военные историки, оспаривая эти цифры, утверждают, что в них зачтены многочисленные контингенты как мирного (партизаны), так и армейского профиля (сотрудники партийных и советских органов, мобилизованные, беженцы, попавшие в окружение вместе с войсками, комбатанты), отнесение которых к категории пленных неправомерно. Отметим, что обхождение с **пленными партизанами** было все же иным, чем с военнопленными. Их рассматривали как уголовных преступников, а после доказательств военно-полевым судом их виновности и утверждения смертного приговора командиром — немедленно расстреливали. При оправдательном приговоре

с подсудимым обращались как с **интернированным лицом** и переводили сначала в лагерь для военнопленных, а потом в лагерь для интернированных¹¹. Самая «свежая» из официально выдвигаемых в СССР цифр отличается от немецкой на 1—1,5 млн. чел. — 4.059 тыс. чел. (или, с учетом без вести пропавших, 4.559 тыс.). Из них — 1.368,8 тыс. чел. репатриировалось из плена после окончания войны, 939,7 тыс. чел. были вторично призваны в ряды Красной Армии на освобожденной от врага территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерло в плену. «Недостающие» 1,1 млн. чел., по оценке историков Генштаба, распределяются фактически между умершими в плену и пропавшими без вести¹². К сожалению, ни источники, ни методика расчета этих альтернативных результатов советские военные историки не раскрыли, так что говорить о корректном сравнении их цифр с немецкими было бы преждевременно¹³ (тем не менее это, безусловно, шаг вперед по сравнению с предыдущими — совершенно голословными — оценками).

По данным на 1 мая 1944 года, в зоне ответственности ОКВ (то есть главным образом на территории Рейха, Генерал-Губернаторства и восточных рейхскомиссариатов), в общей сложности перебувало 3.110 тыс. советских военнопленных, из них 1.882 тыс. — или 60,5 %! — умерли своей смертью или были казнены¹⁴. Но еще выше была аналогичная доля в зоне ответственности ОКХ: 1340 из 2050 тыс. чел., или 65,4 %!

Лишь 20,4 % военнопленных находилось на эту дату в лагерях, из них около 83 % работали. И хотя в зоне ОКХ этот показатель был еще выше (86,3 %), на нее к 1 мая 1944 года приходилось всего лишь 17,3 % от общего числа трудившихся военнопленных. Большинство же (724 против 151 тыс. чел.) трудилось на благо Рейха в зоне ОКВ. Зато по числу отпущенных на свободу и коллаборантов, как, впрочем, и по числу умерших в транзитных лагерях или незарегистрированных военнопленных, перевес — и заметный — за ОКХ: соответственно 535 против 283 тыс. чел. и 495 против 273 тыс. чел. (впрочем, если первую пару цифр очистить от количества военнопленных, отпущенных в 1941 году на свободу, что составило для ОКХ 319 тыс. чел., а для ОКВ хотя и не известную, но явно малозначительную величину, то по числу завербованных коллаборантов вновь перевес за ОКВ — 216 против 283 тыс. чел.).

Количество одновременно находившихся в Рейхе военнопленных имело весьма выразительную динамику: по состоянию на 20 октября 1941 года, в Рейхе находилось 350 тыс. советских военнопленных, а на 5 ноября — даже 475 тыс¹⁵. Но их судьба, видимо, не сильно отличалась от судьбы тех, кто был вдали от Германии: и те, и другие интенсивно гибли! Так, в январе 1942 года, по данным К.Штрайта, их насчитывалось всего 318 тыс. чел. Спустя год, в январе 1943 года, их число составило уже 640.948 чел., в январе 1944 года — 739.153 и в

январе 1945 года — 856.804 чел. Максимум был зафиксирован в декабре 1944 года — 868.321 чел.¹⁶ К концу 1944 года это были практически все наличные, то есть оставшиеся в живых, советские военнопленные, поскольку в зоне ОКХ их уже не было, а в Генерал-Губернаторстве и Протекторате их оставалось не более 60—70 тыс. чел. Тут, конечно, не следует забывать, что около 1 млн. военнопленных было переведено из плена в различные немецкие соединения, формировавшиеся как в ОКХ, так и в ОКВ, и к концу войны, несмотря на все потери, сосредотачивавшиеся в Рейхе¹⁷.

Из возможных статусных перемен в жизни советского военнопленного наиболее вероятной, хотя и не единственной, разновидностью являлась **смерть**. Из 5,7 млн. советских военнопленных к концу войны в живых оставалось самое большее 2,4 млн. чел.: остальные 3,3 млн. чел (или 57 %!)¹⁸ умерли или погибли в плену, причем около 2 млн. — до февраля 1942 года¹⁹.

Зимой 1941—1942 гг. шталаги (как на востоке, так и в Рейхе) являлись самыми настоящими лагерями уничтожения; изнурительный, голодный режим содержания в них и трудоексплуатация военнопленных приводил к их не знающей прецедентов смертности, а иногда и к таким отчаянным крайностям, как каннибализм²⁰. Дополнительным испытанием на выживаемость была и сама дорога в Рейх.

Особо следует сказать об одной категории советских военнопленных, чья жизнь безоговорочно находилась под угрозой, — о военнослужащих-евреях. В отличие от евреев-военнопленных в составе английской, французской и любой другой вражеской армии, все они однозначно подлежали **ликвидации**²¹. Уцелевшие же распределялись так: статус военнопленного до конца войны сохраняло порядка 0,9 млн. чел., более 300 тыс. было распушено по домам осенью 41-го, у генерала Власова и в других коллаборантских (в том числе небоевых) соединениях служило, вероятно, самое большее 0,8 млн. чел., еще около 0,4 млн. успешно бежало из лагерей или было освобождено Красной Армией.

Из союзных Германии стран только **Финляндия** и **Румыния** держали на своей территории и эксплуатировали труд советских военнопленных. Согласно официальным финским данным, в 1941—1944 гг. финны взяли в плен 64.188 советских солдат и офицеров. Из них — погибло в плену 19.016 (или 29,6 %), бежало из плена — 712 (1,1 %), осталось у немцев — 2.048 (3,2 %), репатрировано — 42.412 чел. (66,1 %)²².

Аналогичными сведениями относительно Румынии мы не располагаем. Однако известно, что к 1 марта 1946 года из Румынии было репатрировано 133.552 чел., из них 28.799 чел. военнопленных и 104.753 гражданских рабочих²³. При допущении в условиях Румынии того же уровня смертности, что и в Финляндии, общее число военнопленных в Румынии составляло бы не менее 40 тыс. чел.

В партизанских отрядах и подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Югославии, Италии и Франции сражалось, по неполным данным, более 40 тыс. советских граждан²⁴.

Таким образом, за границей СССР, но вне пределов и вне компетенции (или досягаемости) Рейха находилось не менее 140—150 тыс. советских военнопленных. С учетом того, что на территории РКУ и РКО весной 1944 года их практически не было, суммарное количество военнопленных, депортированных за довоенные границы СССР, можно оценить приблизительно в 3,25 млн. чел. Выявить среди них число тех, кто находился непосредственно в Рейхе, практически невозможно. Но, с учетом данных об умерших и о репатриированных военнопленных, мы можем оценить их величину приблизительно в 2,1—2,2 млн. чел.

II—III. Остарбайтеры. Сами немцы как авторы термина «остарбайтеры» понимали под ними исключительно тех своих «принудительных рабочих с востока», которые были родом с территорий, бывших советскими до 17 сентября 1939 года. Этому приблизительно соответствует неофициальный советский репатриационный термин «**восточники**», или «**остарбайтеры-восточники**». Соответственно термином «**западники**», или «**остарбайтеры-западники**» обозначались жители территорий, аннексированных СССР в духе пакта Молотова—Риббентропа. Их тоже вербовали и вывозили в Германию, но это началось раньше, происходило совершенно иначе, чем с «восточниками» и к тому же далеко не единообразно. Так, жители прибалтийских стран составляли особый контингент, тогда как жители Западной Украины и Западной Белоруссии учитывались в составе тех территориальных единиц, к которым были присоединены их земли (главным образом, Генерал-Губернаторство и отдельный округ Галиция). Официальное же советское понимание термина «остарбайтеры» охватывало и тех, и других: это все советские гражданские лица, увезенные в Рейх с территорий, входивших в состав СССР к 22 июня 1941 года.

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупационные власти принудительно вывели 4.978.735 тыс. чел. гражданского населения²⁵.

В материалах ЧГК имеется сводная таблица, содержащая — в областном разрезе и по состоянию на 1 марта 1946 года — сведения о числе: 1) «убитых, замученных мирных граждан», 2) «убитых, замученных военнопленных» и 3) «угнанных в немецкое рабство»²⁶. Согласно этому источнику, в Германию было угнано 4.128.796 чел. Однако, судя по ряду признаков, эти сводные данные — не окончательные, и итоговая цифра должна была бы оказаться выше.

В первом отчете Уполномоченного по делам репатриации общее число депортированных граждан СССР, по состоянию на 1 марта 1946 года, определялось в 6.810.567 чел., из них гражданского населения — 4.794.087 и военнопленных — 2.016.480 чел.²⁷

Как видим, различные официальные советские оценки колеблются вокруг общей цифры в 6,8—7,0 млн. чел., в том числе военнопленных — порядка 2 млн. чел. (что на 1,1 млн. ниже, чем по немецким данным), а гражданских лиц — от 4,8 до 5,0 млн. чел. (впрочем, у ЧГК оценка значительно ниже — 4,2 млн. чел.).

Ряд советских авторов считает даже, что действительное число угнанных на работу в Рейх советских людей было существенно выше. Например, около 10 млн. чел., — по оценке В.Н.Земскова, сделанной при весьма вольном допущении, что в живых осталась ровно половина угнанных в Рейх²⁸. А.А.Шевяков пишет о 5.622.336 чел., причем научное «своеобразие» этой цифры в том, что данные по Украине (3 млн. ровно! — то есть заведомая оценка, а не учет) взяты им из материалов Госплана, тогда как данные по остальным республикам — из расчетов ЧГК²⁹.

Западных оценок, в сущности, тоже немного. Так, по зафиксированному Л.Дудиным свидетельству начальника учетно-статистического отдела ОКВ полковника Пассау³⁰, в Рейх было вывезено 1,2 млн. военнопленных и, приблизительно, от 6 до 7 млн. оstarбайтеров (там же, но с еще более глухой ссылкой на сведения частного порядка из Восточного министерства, приводится и другая цифра: 12 млн., из них 7 млн. мужчин и 5 млн. женщин)³¹. Ту же цифру — 12 млн., из них 8 млн. занятых в сельском хозяйстве и 4 млн. в промышленности, — называет и А.Казанцев³². Обе цифры, в части оstarбайтеров, представляются изрядно завышенными.

Известна оценка М.Р.Эллиота, на которую ссылается в своей книге В.Якобмайер (сделанная, очевидно, с учетом и военнопленных): не менее 7.865 и не более 8.826 тыс. чел.³³

Но, пожалуй, наиболее известная и авторитетная на Западе цифра — та, что приводит Александр Даллин. По состоянию на 30 июня 1944 года, согласно Даллину, в Рейхе насчитывалось 2.792.699 «восточных рабочих»³⁴.

Эта цифра, очевидно, неполная. Возьмем ее за основу и попробуем, опираясь на нее, «реконструировать» полную.

Кого же, собственно, в этой цифре «не достаёт»?

— а) умерших в Германии до этой даты (по нашим косвенным оценкам, — это около 80—100 тыс. чел.³⁵);

— б) «возвратников», то есть признанных непригодными к труду и возвращенных в 1942—1943 гг. на родину (порядка 150 тыс. чел.);

— в) угнанных в июле—августе 1944 (тут, впрочем, речь могла идти о весьма незначительной цифре в 15—20 тыс. чел.);

— г) депортированных не Германией, а ее союзниками — Румынией (не менее 120 тыс. чел.) и Финляндией (порядка 60 тыс. ингерманландцев³⁶).

Таким образом, общее количество собственно «восточных рабочих», вывезенных Германией и ее союзниками из СССР (в границах до 1939 года) может быть оценено приблизительно в 3,2 млн. чел.

Что касается «остарбайтеров-западников», то еще в рамках Первой программы Ф.Заукеля в Рейх из Галиции к концу 1942 года было отправлено около 450 тыс. чел.³⁷ И, хотя точными данными мы не располагаем, все же можно предположить, что за 1943—1944 гг. количество выходцев из Западной Украины выросло и составило около 600 тыс. чел.

Уже в конце мая 1942 года в Рейхе работало приблизительно 55 тыс. литовцев, латышей и эстонцев. Многие прибалты служили в различных соединениях вермахта и СС. По данным Управления по репатриации, из Прибалтики и Молдавии было угнано 375.818 чел., в том числе из Латвийской ССР — 160.019, из Литовской — 67.098 и из Эстонской — 74.475 чел., а из Молдавской ССР — 74.226 чел.³⁸

Думается, что суммарная оценка «западников» в 0,8—0,9 млн. чел., является достаточно реалистичной.

V—VI. Советские немцы (фольксдойче) и финны-ингерманландцы («фольксфинны»). Это советские граждане — немцы и финны, которых НКВД попросту не успело депортировать наряду с большинством их соплеменников, на долгие годы ставших «спецпоселенцами» и «трудармейцами». Переселение и тех, и других на территорию Германии и Финляндии именовалось «репатриацией».

Что касается «фольксдойче», то согласно советско-германским договорам о репатриации в Германию немцы, проживавшие на территориях, аннексированных СССР в 1939—1940 гг., имели право «репатрироваться» из СССР. Всего этим правом воспользовалось около 310 тыс. «фольксдойче» из Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии, Бесарабии и Северной Буковины³⁹.

На весьма многочисленных советских немцев право на «репатриацию» не распространялось, и их, с началом войны, начали поголовно депортировать из мест проживания в восточные районы СССР. Из-за стремительности немецкого наступления часть из них оказалась на оккупированных вермахтом территориях. Они были зарегистрированы отдельно и получали статус «фольксдойче», фактически приравненный к гражданам Рейха («рейхсдойче») по объему прав, включая и право служить в вермахте и гестапо. Многие из них использовались на различных должностях в оккупационной администрации.

Тем не менее общие планы Третьего Рейха предусматривали их переселение. Первые 4,4 тыс. чел. из-под Ленинграда поэтапно были переселены в Западную Пруссию уже в январе 1942 года. В 1943 году в так называемый район Вартегау (близ Лодзи) для «германизации» этой польской территории было переселено около 10 тыс. советских немцев из оперативной зоны группы армий «Центр».

По имеющимся сведениям, на оккупированной немцами и румынами территории УССР находилось около 330—340 тыс. немцев — советских граждан, из них 200 тыс. (так называемые «черноморские немцы») находились в РКУ, в том числе порядка 50—60 тыс. чел.

военнообязанных мужчин⁴⁰. Значительное число «фольксдойче» (не менее 30—40 тыс. чел.) находилось и в Прибалтике. Поражения вермахта заставили их положить свое добро на повозки и тронуться с насиженных мест: первый поток — из РКУ, числом около 90 тыс. чел., — двинулся в ноябре 1943 года, второй — из Транснистрии (около 125 тыс. чел.) — между январем и июлем 1944 года. Это были привилегированные и весьма организованные беженцы: сначала они прибывали в Вартегау, но вскоре им пришлось бежать и отсюда. В результате из приблизительно 350 тыс. беженцев-фольксдойче из СССР, находившихся к концу войны в Рейхе и Вартегау, около 200 тыс. было захвачено Красной Армией на территории Польши или Восточной Германии, а из остальных 150 тыс., оказавшихся в западных зонах Германии, примерно половина была передана союзниками в СССР⁴¹. Число репатриированных немцев-граждан СССР, вместе с выявленными позднее в результате разного рода проверок, составляло, таким образом, не менее 280 тыс. чел.⁴²

Что касается советских **финнов-ингерманландцев** (по аналогии с советскими немцами мы называем их здесь «**фольксфиннами**»), то в 1943—1944 гг. не менее 60 тыс. ингерманландцев и членов их семей, до войны проживавших, главным образом, в Ленинградской области (и, видимо, отчасти в Карело-Финской ССР), были сосредоточены немцами в Эстонии, а затем эвакуированы в Финляндию⁴³. Среди военнопленных и остарбайтеров, естественно, изредка обнаруживалось и какое-то количество финнов по национальности: в середине 1943 года правительство Финляндии согласовало с ГБА и гестапо вопрос об их переселении, — если они того пожелают, — в Финляндию⁴⁴.

Общее же количество представителей этих двух групп советских граждан, оказавшихся по ходу войны за пределами СССР, составило величину порядка 350—400 тыс. чел.

VII—VIII. «Беженцы» и «эвакуированные» — это советские гражданские лица, устремившиеся в Германию вслед за отступающим вермахтом (точнее, перед ним). **Беженцами**, в основном, были люди, так или иначе сотрудничавшие с немецкой администрацией и по этой причине не питавшие иллюзий относительно своей будущности после восстановления советской власти. Их устремление в Германию было совершенно сознательным и добровольным.

Сталинград означал не просто перелом в войне, но и неизбежность немецкого отступления. Многие десятки, а потом и сотни тысяч людей, как правило, служащих или служивших в немецких учреждениях⁴⁵ и члены их семей сочли для себя за благо отступать вместе с вермахтом. Они бежали из понятных опасений за свою жизнь, но были и те, на ком греха пособничества не было, но кто уже хлебнул или пригубил из чаши сталинских репрессий: среди последних было немалое число представителей дворянской интеллигенции,

фольксдойче и казаков. Были и такие, кто — с немалым скарбом, детьми и вербовочными удостоверениями в руках — бежали от голода и, рассчитывая на трудоустройство в Германии.

Эвакуированных же, напротив, увозили в еще большей степени насильно, чем классических «остарбайтеров», очищая тем самымоставляемую противнику территорию от населения, которое, в ином случае, могло бы быть использовано против немцев⁴⁶.

Несмотря на принципиальнейшую разницу между ними, беженцы и эвакуированные в отчетах и донесениях проходят как единый контингент. Регулярная статистика этого контингента практически не велась, а те данные, которые проскальзывали в различных донесениях, не разработаны и не обобщены. Большая часть беженцев и эвакуированных не проходила и по статистике служб труда на оккупированных территориях, и нередко их трудовая регистрация и вербовка, равно как и трудоустройство происходили уже непосредственно на территории Рейха. Тем не менее общая огрубленная оценка этой категории достигших Рейха советских граждан — около 1 млн. чел.⁴⁷

Таким образом, можно говорить приблизительно о 5,45 млн. гражданских лиц, так или иначе перемещенных с территории, принадлежавшей до войны СССР, на территорию, принадлежавшую или контролировавшуюся до войны Третьим Рейхом или его союзниками. С учетом 3,25 млн. военнопленных, общее число депортированных вовне СССР советских граждан составляло, по нашей оценке, около 8,7 млн. чел.

Распределение этого огромного контингента по указанным категориям представляется нам следующим:

Таблица 1.7.2.

**Лица, до войны проживавшие на территории СССР
и перемещенные во время войны за границу
(на территорию Германии, ее союзников
или оккупированных ими стран)**

№№	Категории	Численность	
		млн. чел.	%
I	Гражданские интернированные	0,005	0,0
II	Военнопленные	3,24	37,2
III	Остовцы (остарбайтеры-«восточники»)	3,2	36,8
IV	«Западники»	0,85	9,8

№№	Категории	Численность	
		млн. чел.	%
V	Фольксдойче	0,35	4,0
VI	Финны-ингерманландцы	0,06	0,7
VII	«Беженцы»	1,0	11,5
VIII	«Эвакуированные»		
	Всего	8,7	100,0

Примечание: Расчеты оценочные и неокончательные (по сравнению с I-м изданием книги в них внесены некоторые уточнения)

Как ни скудны данные, но все же затронем вопрос и о распределении советских граждан по времени их депортации в Германию. Обратимся для этого к таблице 1.7.3.

Таблица 1.7.3.

**Распределение репатрированных гражданских
и военнопленных лиц по годам их депортации
за границу или пленения (на 01.03.1946, %)**

Годы	Всего	Гражданские	Военнопленные	Доля гражданских
1941	33,1	24,9	47,9	48,8
1942	34,4	35,2	33,1	66,1
1943	20,4	24,9	12,2	78,8
1944	10,6	13,5	5,3	82,4
1945	1,5	1,5	1,5	65
Итого:	100	100	100	64,7

Рассчитано по: Отчет-1, с. 227 (данные неполные).

Как мы видим, «гражданские» репатрианты (то есть оstarбайтеры) составили почти две трети от их учтенного в таблице числа.

Особенно заметным — и все время нарастающим — было их преобладание в 1943 и 1944 годах (около 4/5). И лишь в 1941 году, когда плененных не желали и не успевали считать, а об остарбайтерах еще только спорили, перевес — причем крайне незначительный (о чем ниже) — был за военнопленными.

Почти половина доживших до конца войны и репатриировавшихся советских военнопленных относится к 1941 году пленения, еще треть — к 1942 году. 1942 год, напротив, был примечателен обильным числом именно гражданских репатриантов (также более 1/3)⁴⁸. Но вот что изумляет: наряду с 1943 годом с его четвертью общего числа гражданских репатриантов — точно такой же долей (а в абсолютном измерении даже несколько большей!) характеризуется и... 1941 год! Откуда взялись эти 716 тыс. чел., если по любым расчетам и выкладкам их число не могло превысить нескольких тысяч!? Вероятнее всего, это западные украинцы и западные белорусы из Галиции и Белостокского округа, получавшие при вербовке тот же статус, что и поляки. Возможно, что наряду с жителями Западной Украины и Западной Белоруссии, в качестве «репатриантов» были «записаны» также и те, кого немцы в Рейх вовсе не вывозили, но кого вывезла из Рейха Красная армия, то есть — не подлежавшие никакой репатриации русские эмигранты «первой волны»!⁴⁹

Интересно сравнить данные по репатриации военнопленных с данными А. Даллина о хронологической структуре собственно пленения. Оказалось, что из числа плененных в гибло-роковом 1941 году репатриации дождалось только 22,4 %, 1942 — 31,4 %, 1943 — 33,9 %, 1944 — 56,3 % и 1945 — 67,6 %. Для всей же совокупности советских военнопленных этот показатель составил 27,3 %. Остальные, стало быть, либо погибли (таких решительное большинство), либо остались на Западе.

Рассчитывая для таблицы 1.7.4 предложенный нами «индекс дожития» военнопленных, мы использовали смесь упомянутых немецких и советских данных⁵⁰.

Таблица 1.7.4.

**Распределение советских военнопленных
и репатриантов из военнопленных по годам пленения
(1941—1945; тыс. чел.).**

Г О Д Ы		Тыс. чел.	%	Индекс дожития
1941	а)	3.355	58,3	0,20
	б)	673	49,2	
1942	а)	1.653	28,7	0,27
	б)	449	32,8	

ГОДЫ	Тыс. чел.	%	Индекс дожития
1943 а)	565	9,8	0,28
б)	160	11,6	
1944 а)	147	2,6	0,48
б)	70	5,1	
1945 а)	34	0,6	0,53
б)	18	1,3	
Итого: а)	5,754	100,0	0,24
б)	1.370	100,0	

Рассчитано по: а) по: Dallin, 1958, s. 440, с ремаркой, что эти данные, по всей видимости, неполны; б) Отчет-1, с. 227.

Примечания: а) военнопленные; б) репатриированные военнопленные. Индекс дожития: соотношение б) и а) (%).

Более 3/5 военнопленных досталось врагу в 1941 году, из них репатриации дождался только каждый пятый. Но пленных за 1941 года было так много, что и в репатриационном потоке их почти половина. Низкой доживаемостью — 0,27—0,28 % — характеризуются и 1942, и 1943 гг., и лишь из плененных в 1944—1945 гг. — а это, в общей сложности, лишь около 180 тыс. чел. — репатриации дождался почти каждый второй военнопленный.

Перейдем от «хронологической» структуры советских невольников к структуре «территориальной». Откуда же и куда поступали оstarбайтеры, как они распределялись по месту своего «выбытия» и «прибытия»?

Чтобы не загромождать повествование цифрами, дадим лишь сведенные в таблицу 1.7.5. относительные показатели.

Таблица 1.7.5.

Распределение оstarбайтеров по республикам их первоначального проживания (%)

Союзные республики	Избранные источники			
	А	Б	В	Г
РСФСР	31,8	39,2	27,3	39,7
Украинская ССР	53,3	44,4	49	43,9

Союзные республики	Избранные источники			
	А	Б	В	Г
Белорусская ССР	6.7	8.9	9.1	8.3
Латвийская ССР	4.4	н.д.	6	3.3
Эстонская ССР	2.3	н.д.	3.1	1.6
Литовская ССР	0.7	н.д.	0.9	1.4
Молдавская ССР	0.8	н.д.	1.1	1.8
Карело-Финская ССР	0	н.д.	0	0
Итого:	100.0	100.0	100.0	100.0

Рассчитано по: А — Шевяков, 1993; Б — «Сводный отчет о проделанной работе репатриационных комиссий за 1946—1951 гг.» (ГАРФ. Ф. 9526с. Оп. 9. Д. 75: нам сообщено А.А.Лопушинским); В — ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 2466; Г — Отчет-1.

Если принять на веру выполненные А.А.Шевяковым расчеты, то доля угнанных во взрослом населении союзных республик составила: в УССР — 12,3 %, РСФСР — 10,0 %, БССР — 6,6 %, Латвийской ССР — 21,8 %, Эстонской ССР — 21,0 %, Молдавской ССР — 3,0 %, Литовской ССР — 2,0 % и в Карело-Финская ССР — 0,05 %. Как видим, в наибольшей степени вербовкой и депортацией в Германию оказалось затронуто население Латвии и Эстонии, но в эти данные, по-видимому, попали и репатрианты-фольксдойче⁵¹.

Для миллионов советских граждан, попавших под германский каблук, было глубоко безразлично, где их застигло долгожданное освобождение: в пределах ли СССР или за границей, а если за границей и на территории бывшего Рейха, то в какой его части — восточной, подконтрольной «своим», или же западной, то есть «союзнической». Имеющиеся в нашем распоряжении данные мы свели в таблицу 1.7.6.

Таблица 1.7.6.

Структура потока репатриантов в СССР (на 01.03.1946)

		Всего	В том числе:	
			Гражданские лица	Военнопленные
1. Из оперативных зон Красной Армии.	а)	3.000.277	2.134.542	865.735
	б)	100,0	71,7	28,9
	в)	56,0	60,5	47,4
в том числе:				
1.1. На своей территории	а)	1.153.475	873.004	280.471
	б)	100,0	75,7	24,3
	в)	21,5	24,8	15,4
1.2. За границей	а)	1.846.802	1.261.538	585.264
	б)	100,0	68,3	31,7
	в)	34,5	35,7	32,0
2. Из зон союзников	а)	2.352.636	1.392.647	960.039
	б)	100,0	59,2	40,8
	в)	44,0	39,5	52,6
Итого:	а)	5.352.913	3.527.189	1.825.774
	б)	100,0	65,9	34,1
	в)	100,0	100,0	100,0

Источник: Отчет-1.

Примечания: а) — чел.; б) — % (доля по строке); в) — % (доля по столбцу).

Забегаая несколько вперед, постараемся, хотя бы приблизительно, подвести демографический баланс принудительных депортаций граждан СССР в Германию и их репатриации. Данными для корректного сопоставления степени репатриированности по всем указанным в табл. 1.7.2 категориям мы не располагаем, так что ниже-следующая таблица составлена в значительной степени экспертным путем.

**Лица, проживавшие до войны на территории СССР
и оказавшиеся во время войны
на территории Германии и союзных ей стран,
по отношению к репатриации в СССР**

№	Категории	Численность	
		млн. чел.	%
	Всего, в том числе	8,7	100,0
А	Умерли или убиты	2,1	24,1
Б	Репатриированы немцами («возвратники»)	0,15	1,7
В	Саморепатриировались	0,4	4,6
Г	Репатриированы государством	5,35	61,5
Д	Уклонились от репатриации («невозвращенцы»)	0,7	8,1

Примечание: Расчеты оценочные и неокончательные (по сравнению с 1-м изданием внесены коррективы).

С учетом невозвращенцев приблизительно 3/5 советских людей, занесенных войной в бывший Рейх, оказались в его западных частях, оккупированных Англией и США. Тем не менее — из-за тех же «невозвращенцев» — 56 % возвращенных в СССР граждан были освобождены Красной Армией.

В это число входят и те 1.153.475 чел., кого она освободила еще в пределах границ СССР. Подавляющее их большинство (более 3/4) составили гражданские рабочие.

Поскольку репатриант, по определению, есть лицо, вернувшееся на родину из-за границы, то эту категорию граждан, по замечанию В.Н.Земскова, правильнее было бы считать **«внутренними перемещенными лицами»**⁵², по возможности очищая от их присутствия имеющиеся данные и расчеты (статистически они фигурируют как «репатрианты», составляя при этом более 1/5 их общей массы, поскольку их регистрация, фильтрация и последующее направление однозначно входили в функции Управления по репатриации).

По сути верное предложение В.Земскова требует к себе все же более осторожного подхода, поскольку явно исходит из послевоенной

карты Европы. Думается, что граждан, репатриированных, в частности, из Восточной Пруссии, закрепленной за СССР только в августе 1945 года, все-таки следовало бы рассматривать именно как репатриантов, но задача отделить их от тех, кого освободили и репатриировали на территории Белоруссии или хотя бы Литвы, скорее всего относится к числу неразрешимых.

Примечания

- ¹ По сравнению с первым изданием этой книги, эта схема несколько видоизменена, а количественные индикаторы уточнены и пересмотрены.
- ² См.: РГВА. Ф. 501к. Оп. 1. Д. 41—46, 49—54. В то же время отметим, что и в СССР все германские подданные тоже были интернированы 22.06.1941.
- ³ См.: Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. С. 191—193.
- ⁴ См. в гл. 27 повести Д.Гранина «Зубр» (Гранин Д. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. Л., 1989. С. 378—379).
- ⁵ С частичным учетом содержавшихся в румынском и финском плену.
- ⁶ Дугас, Черон, 1994, с. 399. Интересно, что количество вышедших из окружения и попавших все-таки к своим было, хотя и вшестеро меньше, но тоже весьма значительно. Так, В.Буковский, работавший в 1991—1992 гг. с документами ЦК КПСС, цитирует письмо зам. начальника Управления Особого отдела НКВД комиссара госбезопасности Мильштейна Берии, косвенно датированное серединой октября 1941 г. (сам В.Буковский, к сожалению, не привел дату и описал этот документ небрежно): «С начала войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД по охране тыла задержано 657.364 военнослужащих, оставших от своих частей и бежавших с фронта <...>. В числе арестованных Особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, <...> ВСЕГО: 25878. По постановлению Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10321 чел., из них расстреляно перед строем — 3321 чел.» (Буковский В. Московский процесс. М., 1996. С. 77—78).
- ⁷ Дугас, Черон, 1994, с. 399, со ссылкой на: Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. München, 1982. S. 1066. Эта цифра получена ОКХ в результате пересчета пленных по лагерям и ведомствам ОКХ и ОКВ. Ранее — по донесениям частей в штаб ОКХ — приводилась цифра 3.800 тыс. чел., которая, по мнению К.Штрайта, И.Дугаса и Ф.Черона и др., содержала в себе и умерших после или до регистрации и поэтому, возможно, ближе к истине. Интересно, что результаты отдельных окружений не пересматривались и при суммировании дают именно 3.800 тыс. чел. (Дугас, Черон, 1994, с. 399). Вместе с тем не вполне ясно, учтены ли в этих цифрах военнопленные, отпущенные на свободу (см. выше).
- ⁸ Streit, 1991, s. 244. На 30.06.1943 насчитывалось 5.419.605 военнопленных (BA/MA, RW 4/309 b). Начиная со второй половины 1943 г., поступление новых пленных сильно сократилось.
- ⁹ Sammelmeldungen Der Gefangenen- und Beutezahlen (BA/MA, RH 2/2773).
- ¹⁰ Dallin, 1958, s. 440; Ueberschär, Wette, 1984, s. 364—366, со ссылкой на данные ОКW/AWA: Nachweisung des Verbleibes der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stand vom 01.05.1944 (BA/MA, RH 2/2623).

- ¹¹ См.: «Наставление о поведении частей в занятых областях при нападении населения» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 199а).
- ¹² Гриф секретности снят, с. 338 (по вторично демобилизованным имеется ссылка на: ЦАМО. Ф. 19-А. Оп. 2924. Д. 7. Л. 87—96 и Ф. 8А. Оп. 1261. Д. 2. Л. 50, 57).
- ¹³ Не говоря уже об оценке комиссии американского генерала Вуда (4 млн. чел. — см.: Решин, 1994, с. 158).
- ¹⁴ См. табл. 1.7.1.
- ¹⁵ Arbeitsstab der Organisation Todt für russischen Kriegsgefangeneneinsatz. Gez. Henne. Berlin, 05.11.1941 (ВАР, 46.03., № 32, Bl. 9, 10).
- ¹⁶ Streit, 1991, s. 244—245.
- ¹⁷ Согласно советским данным, в различных добровольческих соединениях, составленных из представителей различных народов СССР, включая полицейские и вспомогательные формирования, в середине июля 1944 г. насчитывалось более 800 тыс. чел. (Гриф секретности снят, с. 385). Сюда, очевидно, включены и добровольцы из числа гражданских лиц.
- ¹⁸ По данным А. Даллина погибло еще больше — 3,7 млн. чел., или 63 %. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко в 1969 г. обнародовал цифру советских военнопленных, замученных и истребленных только на оккупированной территории: 3.912.283 чел. (Правда. 24.03.1969; см. также выше). Сведения по отдельным лагерям (Берген-Бельзену, Фаллингбостелю и др.) см. также в: Дугас, Черон, 1994, с. 163—164.
- ¹⁹ Streit, 1991, s. 244—246.
- ²⁰ В Бобруйском шталаге за каннибализм было расстреляно 28 чел. В Минском от голода и холода в ту зиму умерло не менее 40 тыс. чел. См.: Черноглазова, 1996, с. 124.
- ²¹ См. в главе 1.4.
- ²² Дугас, Черон, 1994, с. 59, со ссылкой на: Roschmann, 1982. По советским данным, число репатриированных военнопленных практически совпадает: 42.778 чел. (см табл. 5.6.1). За время боевых действий финская сторона потеряла 60 тыс. убитыми и всего 3,4 тыс. пленными, из них 1,4 тыс. (или 41,1 % — тоже чудовищная цифра!) умерли в плену (Малми Т. Что запомнилось финским военнопленным о плене в Советском Союзе в 1941—1944 гг. // Трагедия плена. Красногорск, 1996. С. 134). Интересно, что и во время 105-дневной «зимней войны» 1939—1940 гг. в советский плен попало практически столько же — 3,4 тыс. — финских военнослужащих, что и в 1941—1944 гг., — против около 5,6 тыс. советских военнопленных, попавших в плен финский (Носырева, Назарова, 1995, с. 101). Еще несколько цифр для сравнения: число убитых и умерших во время санитарной эвакуации в 1939—1940 гг. — 65.384 чел., а число пропавших без вести (читай: пленных) — 19.610 чел.; из них репатриировалось — 5.468 чел. при 99 добровольно оставшихся в Финляндии (Гриф секретности снят, 1993, с. 99—100).
- ²³ См. в главе 5.
- ²⁴ См.: Семиряга, 1970, с. 7; История Второй мировой войны. Т. 9. М., 1978. С. 230. В Италии, например, сражалось 5.600, во Франции около 3.000, в Бельгии 800 чел. (Комолова, 1991, с. 5).
- ²⁵ Нюрнбергский процесс-1, т. 3, с. 126. Эта цифра была установлена Управлением Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. В подписанной 20.10.1945 генерал-полковником Ф.И. Голиковым сводке, адресованной заместителю наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышову, указывалось, что, «по неполным данным, врагом было захвачено и уведено всего 6.979.470, из них

4.978.735 гражданского населения и 2.000.735 военнопленных (только выявленные и учтенные)» (Земсков, 1990, с. 26—41; подробнее, чем: «ЦГАОР СССР. Коллекция документов», архивные ссылки в этой статье, увы, не раскрыты).

²⁶ См. Приложение 5. Сведения об убитых и замученных — с неточностями — опубликованы в: Шевяков, 1992.

²⁷ Отчет-1, с. 3 и 223. Впрочем, эти же цифры названы в датированном 30.11.1945 донесении Голикова начальнику Генерального штаба Красной Армии о ходе репатриации граждан СССР и других государств. Согласно этому донесению, выявлено и взято на учет было 5.572.592 чел., в т.ч. 3.559.132 чел. гражданского населения и весь указанный контингент военнопленных. Около 95 % (5.289.630 чел.) уже репатрировано, причем по гражданскому населению эта доля несколько выше (97,6 % против 90 %). При этом через линию войск, от союзников было принято 2.032.368 советских граждан. Невыявленными в этом донесении значатся 1.234.955 чел., все — оstarбайтеры (их рассматривали в основном как погибших). Из числа же выявленных и учтенных за границей находились и только лишь подлежали репатриации 285.962 чел., причем в этом числе заметно (70,4 %) преобладали именно военнопленные — 201.438 чел. против 84.524 (Битва за Берлин, с. 457—458, документ № 282, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 265. Л. 325—326).

²⁸ Такая «методика» не может не вызвать возражений, а полученная с ее помощью оценка представляется очевидно завышенной. — особенно если вспомнить, что даже общее число иностранных рабочих в Рейхе едва-едва достигало этой величины.

²⁹ Шевяков, 1991, с. 10, таблица под заглавием «Численность населения, угнанного на немецкую каторгу» (составленной на основании, как водится, «коллекций документов»). Занятно, что в своей очередной публикации автор уже опирается на эту весьма шаткую и спорную цифру как на некий твердый источник (Шевяков, 1993, с. 5; впрочем, он же впервые назвал еще одну сводную госплановскую оценку — 5,5 млн. чел. на май 1946 года, — почерпнутую, разумеется, из «коллекции документов»; в своей следующей работе — Шевяков, 1994, с. 199 — он приводит цифру в 5.622.336 чел., которую почему-то суммирует с числом советских военнопленных по данным Генерального штаба и получает 10.181.356 советских граждан «во власти фашистской Германии и ее союзников»).

³⁰ В его разговоре с Ю.К.Майером из КОНР (см. выше).

³¹ BA/MA, MSg 149, № 5. Эти же данные приведены в книге Й.Хоффмана о власовской армии.

³² Он же приводит и столь же фантастическую цифру для категории «беженцы» — 5 млн. чел. Вместе с 800 тыс. членов вермахта получается 16,8 млн. советских граждан на территории Рейха (Казанцев, 1994, с. 262).

³³ Jacobmeyer, 1985, s. 123, со ссылкой на: Elliot, 1974, p. 10—21.

³⁴ Dallin, 1958, p. 465, со ссылкой на: Vortragsnotiz für den Herrn General-quartiermeister, 28.07.1944 (BA/MA, Wi/ID 2455; разыскать документ в BA/MA по указанному шифру нам, впрочем, не удалось).

³⁵ См. выше (ранее мы придерживались более низкой оценки — в 50 тыс. чел.).

³⁶ См. выше. Ингерманландцы зачтены нами в другой категории депортированных.

³⁷ Из аналитической записки от 12.02.1943 «Трудоиспользование на занятых территориях к концу 1942 и планирование на 1943 год», подготовленной в группе по труду ВШО (РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 82).

³⁸ Отчет-1, с. 3.

³⁹ Кригер В. В начале пути. Часть 3: Демографические и миграционные процессы среди немецкого населения СССР (СНГ) // Восточный экспресс (Ален). 1997. № 8. С. 5.

⁴⁰ В Киеве, Хортице, Днепропетровске и в Крыму, но главным образом из бывшего Молочанского немецкого автономного района в Николаевской области, или, при немцах, Хальбштадта (Halbstadt) — района, выделенного специально для немецкой колонизации. См.: Buchsweiler M. Volks-deutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs — ein Fall doppelter Loyalität? / Schriftreihe des Instituts für Deutsche Geschichte. Universität Tel Aviv. № 7. Gerlingen: Bleicher Verlag, 1984. С. 118—119, 286—287.

⁴¹ Eisfeld A. Russland/Sowjetunion // Aussiedler. Informationen zur politischen Bildung. 1991. № 222. С. 16—17. Ср. число репатриированных советских немцев — 203.769 чел. (Иосиф Сталин — Лаврентий Берия: «Их надо депортировать...». М., 1992. С. 75). Советские военные историки приводят несколько другие цифры: ок. 200 тыс. советских немцев было репатриировано из советской оккупационной зоны, а около 120 тыс. из западных зон остались жить в Германии, что привело к возникновению проблемы «вос-соединения семей», которая «...использовалась в последующие годы в качестве предлога для стимулирования в среде советских немцев эмиграционных настроений» (ВИЖ. 1990. № 9. С. 37).

⁴² Советские военные историки приводят и несколько другие цифры: ок. 200 тыс. советских немцев было репатриировано из советской оккупационной зоны, а около 120 тыс. из западных зон остались жить в Германии, что привело к возникновению проблемы «воссоединения семей», которая «...использовалась в последующие годы в качестве предлога для стимулирования в среде советских немцев эмиграционных настроений» (ВИЖ. 1990. № 9. С. 37).

⁴³ Переселение ингерманландцев началось в апреле 1943 года. Из них около 35 тыс. чел. были привезены в 4-м квартале 1943.

⁴⁴ Для них был организован специальный лагерь в Данциге (StAM, Bt. 180, № 4896).

⁴⁵ В результате кампании по вовлечению местного населения, а также военнопленных в ряды «хиви», по данным КТБ за 15.01.1943, было привлечено 82.621 бывших военнопленных (из них до 40 % — из ОЗМ) и 26.233 гражданских лиц (тут первенствует ОЗ группы армий «В»).

⁴⁶ См. о соответствующих операциях вермахта и СС в главе 2.

⁴⁷ Только за первый квартал 1944 было вывезено в Рейх 236 тыс. беженцев.

⁴⁸ Это же показал и наш пилотный анкетный опрос, сравнение с которым, ввиду малости его массива, в данном случае не вполне корректно. Все же приведем соответствующую разбивку: 1940—1941 гг. — 7 %, 1942 г. — 59 %, 1943 г. — 33 % и 1944 г. — 1 %.

⁴⁹ См. ниже. Впрочем, и за 1945 год можно подивиться десяткам тысяч «ост-арбайтеров»! По всей видимости, это беженцы (из Крыма, Кавказа, Дона, Кубани, Прибалтики), докочевавшие до Германии вместе или перед отступавшей немецкой армией.

⁵⁰ К очевидным дефектам этого показателя, помимо неоднородности использованной статистики, относится также вынужденный «зачет» нерепатрировавшихся в умершие.

⁵¹ Приходится отмечать, что заметный разнобой в советских источниках вызван, в первую очередь, неодинаковыми данными по РСФСР и УССР, что впоследствии серьезно затруднило переговоры о дележе немецкой гуманитарной помощи жертвам нацизма в 1993 году (См. в разделе III).

⁵² Земсков, 1990, с. 27—28.

2.

В НЕВОЛЮ: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ВЕРБОВКА И ДЕПОРТАЦИЯ

2.1. Год сорок первый: начало трудоиспользования в Рейхе

Невероятно, но факт: первые советские военнопленные были отмечены в пределах Рейха уже в первой половине июля 1941 года! Так, в лагерь Штукенброк-Зенне первая партия, согласно документам, прибыла уже 10 июля¹. По свидетельству Вл. Кержака, в лагерь Хаммельбург в Северной Баварии около 2000 советских военнопленных поступили 7 августа 1941 года². К работам их начали привлекать, — вопреки «отсутствию» немецкого интереса к русской рабочей силе, — довольно рано. Впервые — еще в июле — в Восточной Пруссии и только на строительстве дорог (в начале сентября 1941 года работало уже около 20 тыс. военнопленных³). Общее число советских военнопленных в Рейхе было ограничено сверху: не более 88 тыс. чел., так что А.Шпееру, руководившего в то время реконструкцией имперской столицы, пришлось немало потрудиться, прежде чем получить «добро» на единственное исключение — дополнительные 20 тыс. военнопленных на стройки Берлина⁴.

Но а как ответить на вопрос, когда же поступили в Германию первые партии советских гражданских рабочих?

Общепринятым считается, что советские оstarбайтеры впервые попали в Рейх весной 1942 года, незадолго до возведения Ф.Заукеля в сан ГБА. Это, однако, справедливо лишь применительно к массовым поставкам восточных рабочих.

Собственно говоря, первый гражданский трудовой десант с территории «довоенного» СССР на территорию «довоенной» Германии был совершен еще в первой половине августа 1941 года, когда 10 тыс. литовских безработных были использованы на сельхозработах в той же соседней Восточной Пруссии⁵. Предположительно к этому же времени можно отнести и датированную 1941 годом — совершенно «летней» по общей картине — фотографию из Бундесархива⁶.

Итак, лето 1941 года?

Но одновременно мы можем выложить целый ворох фактов, анализ которых может как приблизить нас к более точному знанию, так и отдалить от него.

Для начала подвергнем критике собственный, только что данный ответ. Во-первых, «десант» в Восточную Пруссию был, скорее всего, разовой и, возможно, кратковременной акцией! (Да, в конце концов, и литовцев считать «советскими» можно лишь условно). Не примем сходу на веру и дату под фотографией: есть резон в предположении, а не описка ли это и не относится ли датировка к лету следующего, 42-го года?

Но в любом случае дату начала организованной вербовки советских гражданских рабочих в Рейх придется передвинуть по крайней мере на несколько месяцев назад. Так, доподлинно известно, что первая «экспериментальная» партия донецких (и, по всей видимости, львовских) горняков прибыла в Рур если не в ноябре, то в декабре 1941 года⁷. Ниже еще будет показано, что первый поезд с квалифицированными гражданскими рабочими, согласно КТБ, отправился из Сталино самое позднее в середине января 1942 года! Вместе с тем весьма вероятно, что небольшие — «в порядке исключения» — партии или же штучные поставки поступали в Рейх еще осенью, если не летом сорок первого.

Наше собственное анкетное обследование выявило 7 остарбайтеров «призыва 1940—1941 годов». Особенно примечательна в этом отношении судьба Николая Мироновича Копшика, схваченного 23 августа 1941 года просто на улице одного из сел Пуховичского района Минской области и в тот же день отправленного в Германию, где он практически всю войну проработал на заводе в г. Нойвид⁸. Примечательна и судьба литератора из круга обериутов Андрея Николаевича Ерунова (1895—1965), уже осенью 1941 года вывезенного из Новгорода на работу в Германию. Пробыв в Риге до середины декабря, он был доставлен в г. Ноймюнстер в самом начале января 1942 года⁹.

Но есть целый ряд фактов, не укладывающихся даже в эту схему, — фактов, рациональное осмысление которых затруднено. Начать с обстоятельства, проигнорированного, кажется, всеми писавшими на эту тему: русские и украинские рабочие находились в Рейхе еще... до нападения Германии на СССР!

Вот лишь несколько свидетельств. По официальным данным рейхсминистерства труда, на 31 января 1941 года в Рейхе было зафиксировано 15 тыс. русских, на 25 апреля 1941 года — 10 тыс., на 25 сентября 1941 года — 25 тыс. и на 20 января 1942 года — 55 тыс. чел.¹⁰

Другой пример — «региональный», из опыта сравнительно небольшого и мирного — в сущности, университетского — округа Марбург/Лан. Так, в датированном 3 августа 1941 года ответе марбургского гауптвахмайстера жандармерии на запрос местного ландсрата от

28 июля 1941 года о государственной принадлежности содержащихся в лагерях Фридвальд и Аллендорфер Хюэ иностранных рабочих, среди прочего читаем: «Россия — 3 рабочих, Украина — 19 рабочих»¹¹. Едва ли это означает, что первым, что немцы сделали после успешного вторжения на востоке, стала срочная вербовка этих 22 рабочих и доставка их в Аллендорф. Еще менее «поддается объяснению» наличие в списке иностранных рабочих за 1940(!) год в округе Марбург/Лан 4 граждан СССР (одного в Нейштадте и трех в Аллендорфе)¹².

Первое, что приходит на ум: это советские специалисты, не в таком уж малом количестве работавшие в Германии, согласно различным договорам между недавними союзниками. Возможно, в попытке разобраться с этим загадочным «феноменом» поможет следующий, в этом отношении весьма выразительный, документ — 47-страничный список всех русских рабочих, когда-либо работавших на оборонных заводах Аллендорфа и Нейдорфа, составленный союзниками 15 июля 1948 года в рамках скрининга («Ausländersuchaktion») — кампании по выявлению и регистрации иностранцев на территории Германии¹³. В списке в общей сложности 1456 имен (считая и умерших), среди них 67 обозначенных русскими людьми, прибывших в Аллендорф до 1942 года, из них 25 человек — до 22 июня 1941 года, в том числе трое — еще в 1940 году!¹⁴ Анализ поддающихся прочтению фамилий и мест, откуда эти рабочие прибыли, с достаточной долей уверенности показывает, что это по большей части украинцы, проживавшие к моменту вербовки на территории Генерал-Губернаторства и, может быть, Восточной Словакии. Остается предположить, что ведшаяся и впоследствии картотека объединила этих «невных оstarбайтеров» с явными, в массовом порядке начавшими поступать сюда лишь в середине июля 1942 года.

Логически это может означать лишь то, что эти люди, будучи русскими или украинцами, проживали в момент своей вербовки в районах, не входивших в СССР образца 22 июня 1941 года, и среди них, возможно, были русские или же «самозванцы» из поляков, уже знавшие, каково достается в Рейхе полякам, и полагавшие, что обхождение с русскими (а СССР и Германия в 1939—1940 годах — особенно в глазах поляка! — смотрелись если не братьями, то союзниками) будет получше, — ну, на манер итальянцев, например¹⁵.

...Но вернемся в осень 1941 года, к октябрьско-ноябрьским приказам Гитлера и Геринга, окончательно расчистившим дорогу трудовому использованию рабочих из СССР в Рейхе.

Поначалу вообще казалось, что все складывалось триумфально: десятки миллионов находившихся под оккупацией граждан виделись — особенно из Берлина — потенциально неисчерпаемым и всегда имеющимся под рукой резервуаром, — пока, правда, не очень нужным¹⁶. Миллионы советских граждан работали в сельском хозяйстве, сотни тысяч — в пищевой промышленности, лесном хозяйстве и металлообработке.

С олимпийским спокойствием ожидали все службы труда, все их комиссии и пункты распоряжений свыше. В полумесечном отчете ВШО за вторую половину сентября 1941 года, например, читаем:

«Число русских военнопленных заметно возросло. Это настолько затруднило обеспечение их продовольствием, что делает необходимыми меры по поддержанию их работоспособности... Особенно недостает работников следующих специальностей: металлисты, строители, каменщики, шахтеры. Настоятельной необходимостью является достаточное питание военнопленных этих профессий. Что касается использования гражданской рабочей силы на территории Рейха, то в настоящее время ожидается разрешение на вербовку русских шахтеров из ОЗЗ и металлистов из ОЗН. Вопреки мнению некоторых, использование квалифицированных русских рабочих в Рейхе вполне возможно»¹⁷.

Что ж, оптимисты из ВШО оказались проницательными: вскоре решения были приняты и необходимые распоряжения поступили.

Соглашение между ОКХ и министерством труда предусматривало отправку в Германию только квалифицированных пленных (металлургов, строителей, работников транспорта, лесной промышленности), причем сортировка по специальностям должна была осуществляться еще на востоке силами Министерства труда¹⁸.

Наиболее энергично и с опережением «конкурентов» действовал министр вооружений Фритц Тодт — создатель знаменитой «Организации Тодт» («О.Т.»)¹⁹. Еще 15 сентября 1941 года он писал генеральному инспектору немецких автодорог о достигнутой им и Отделом по делам военнопленных ОКВ договоренности о поставке в Рейх для строительства автодорог 20 тыс. советских военнопленных, причем первыми их уже были готовы принять строительные управления в Бреслау и Кенигсберге²⁰.

В полумесечном отчете ВШО, но уже за вторую половину октября 1941 года, читаем, что получено разрешение на использование в Рейхе 660 тыс. работоспособных советских военнопленных, из них 360 тыс. уже доставлены в Рейх²¹. По другим данным, уже в начале ноября их было в Рейхе около 390 тыс. чел., из них по крайней мере 185 тыс. работали (в частности, в авиационной промышленности, где ими — в полном соответствии с июньским приказом Кейтеля — заменяли французов²²), а остальные оказались обессиленными и неработоспособными, причем умирал поначалу каждый десятый. На самом деле трудоспособными оказались не более 70 тыс. военнопленных, так что и к марту 1942 года²³ к работам в Рейхе привлекалось из них всего 167 тыс. чел.

Массовая гибель в лагерях военнопленных достигла своего пика именно поздней осенью 1941 года, а сыпной тиф и грянувшие на 1 ноября морозы, как и приказ о сокращении рационов, поставили под прямой

удар миф о неисчерпаемости этого резервуара рабочей силы, особенно если учитывать физическое состояние тех, кто еще не успел умереть²⁴.

Не удивительно, что в ноябре подошла «очередь» и гражданских. Учитывая в целом лояльное отношение к немцам на Украине, решено было привлечь русско-украинских горняков Криворожья, а также Прикарпатья (по другим сведениям — Прибалтики), к работам на шахтах в Германии. Автором и горячим сторонником этой инициативы был Пауль Пляйгер²⁵, предлагавший не вербовать людей, а как бы откомандировывать их с предоставлением питания, карманных денег и пособия для остающейся дома семьи. В самом начале ноября он получил специальное разрешение Геринга на трудоустройство 10—12 тыс. украинских горняков в германской горнодобывающей промышленности: работать им предстояло в отдельных бригадах, жить — в особых лагерях, отдельно ото всех, а в виде зарплаты получать — гроши на карманные расходы. Иными словами, их «права и обязанности», как и их питание, практически ничем не отличались от «прав и обязанностей» военнопленных.

Специальная комиссия, созданная Пляйгером, вылетела в Кривой Рог, ознакомилась с положением на месте и постановила привлечь для начала 5 тыс. украинских откатчиков. Фактически же в Рур попало гораздо меньше горняков — не больше тысячи человек²⁶, но прецедент, связанный с именами Пляйгера и города Кривой Рог, был создан, — и в этом было его основное значение.

Но и на этот раз, руководствуясь соображениями высшей безопасности, рейхсмаршал Геринг еще не разрешил вербовку в Рейх гражданских рабочих, оговорив лишь — в качестве исключения, вызванного суровой экономической необходимостью, — отправку на германские шахты украинских горняков. Непосредственно вербовкой уже в октябре занялись специальные комиссии при местных пунктах службы труда²⁷. В их задачу входила не только вербовка гражданских лиц²⁸, но и проверка профпригодности военнопленных²⁹.

Между тем, покуда расчетливые идеалисты возвращались в мир экономических и прочих реальностей и, скрепя свое нацистское сердце, примирялись с печальной необходимостью употребления восточнославянского труда, — в реальной жизни происходили иные, нежелательные и неприятные для всех процессы: новообетенная рабочая сила неожиданно стала быстро уплывать из рук, причем непосредственно в мир иной.

Вкладом в смягчение этой проблемы должны были стать особые «лагеря-санатории» Министерства вооружений, где хорошо кормили, соблюдали «общую гигиену тела», а трудовые нагрузки увеличивали постепенно, «по науке». Для выхаживания не безнадежных еще, с точки зрения трудоустройства, в бараках топили и практиковали «лечение лежанием».

Но что представляли эти 30 тысяч «курортников» на фоне аппетитов Рейха?

Каплю в Рейне.

Посему был брошен клич: предприятия, использующие труд русских военнопленных, должны сами взять на себя и выхаживание «своей» рабочей силы¹⁰. Благодаря такой «системе выхаживания» доступ к советской рабочей силе впервые получили и крестьяне, которым доставались, правда, лишь те, кто не годился для других работ; если же выхоженный оказывался квалифицированным рабочим, то его предписывалось со временем возвращать в промышленность.

Еще раз подчеркнем: если поздней осенью 1941 года какие-то перемены в отношении к военнопленным все-таки и произошли, то лишь в исключительной связи с катастрофическим дефицитом рабочих рук в немецкой экономике.

Еще 18 сентября 1941 года командир по делам военнопленных в IV военном округе генерал-лейтенант Ф. фон Ботцхайм¹¹ обратился ко всем работодателям, использующим труд советских пленных, со своего рода «нагорной проповедью»: *«...Военнопленный — в том числе и советский — может продуктивно трудиться лишь в том случае, если он питается соответственно своей трудовой задаче»*. Он предупреждал: у работодателей, которые не используют все имеющиеся у них возможности для удовлетворительного питания и гигиены вверенных им рабочих, последних могут попросту отобрать. *«Если работы специальные, например, водные, в таком случае, — наставлял генерал-лейтенант, — следует предоставлять и соответствующую профдежду... Далее следует указать на запрет немецкой охране использовать дубинки и на само собой разумеющееся отсутствие у работодателей и бригадиров права бить военнопленных»*.

По-видимому, голос из Дрездена был слишком слаб, чтобы дойти до всех ушей и сердец, и 17 ноября тот же фон Ботцхайм снова обратился к той же пастве. Для начала ее успокоив (*«Это вовсе никакой не гуманизм, если работодатель заботится о вверенной ему рабочей силе и делает все, чтобы поддерживать и повышать ее работоспособность»*), он писал, что в интересах немецкой экономики от работодателей ждут мобилизации всех имеющихся у них в распоряжении средств для обеспечения питания и продуктивной работы военнопленных. Для этого, признавал командир, государственного снабжения недостаточно, и работодателей просят озаботиться дополнительным питанием «своих» рабочих за счет имеющихся в свободной продаже продуктов, а также, учитывая зимнее время, обеспечить отопляемость барачных помещений и хотя бы одно одеяло на человека. Весомости обращению придавал ясно выраженный тезис: работодателям не следует рассчитывать на то, что каждого больного и неспособного военнопленного им тотчас обменяют на здорового и работающего¹².

Видимо, и в других округах придерживались той же аргументации и пытались приостановить стремительное ухудшение реального снабжения военнопленных как на территории СССР, так и в Рейхе. Все чаще раздавались призывы уравнивать снабжение советских военнопленных со снабжением военнопленных и гражданских рабочих из других стран.

Наконец, 24 декабря 1941 года и сам фюрер издал приказ о поставке в Рейх большого количества советских военнопленных: на объектах, где они до этого трудились в России, их должны были заменить гражданские. Приказ в кратчайшие сроки подготовиться к приему военнопленных получили все начальники лагерей в Германии.

Но едва ли они могли его тотчас же выполнить. Наступило Рождество — многие исполнители приказов воспользовались своим правом на рождественский отпуск.

Чем, собственно, и закончился первый год восточной кампании на трудовом фронте...

А 10 января указом Гитлера «Вооружения 1942» официально был закреплен переход от концепции блицкрига к концепции длительной войны на истощение. Логичным элементом последней становилось **интенсивное использование советской рабочей силы.**

В тот же день свой указ издал и Геринг: своей Рабочей группе по трудовым ресурсам в Ведомстве Четырехлетнего плана он передал все полномочия по наращиванию использования русской рабочей силы и целесообразному ее распределению — после того, как первой строкой будут выполнены требования армии. В качестве основной трудовой цели на востоке Геринг указал на повышение добычи нефти, но не преминул подчеркнуть и то особенное значение, которое имеет теперь применение труда русских в самом Рейхе.

Приказы не застали трудовиков врасплох, их уже давно ждали, к ним готовились (или, точнее, — их готовили). Еще 5—6 января в Берлине, в Ведомстве по Четырехлетнему плану и в РМО, прошли совещания с руководителями служб труда на востоке: что-то вроде семинара по обмену опытом в деле использования труда военнопленных, приготовлений к вербовке гражданских лиц и материальной поддержке семей тех, кто завербовался в Рейх (а также и тех, кто их вербовал в России).

В установочном письме начальника отдела труда ВШО д-ра Рахнера от 26 января 1942 года акценты были расставлены еще жестче, чем в приказе Геринга: главной задачей органов труда называлось именно скорейшее *«...заполнение бреши в хозяйстве, возникшей в результате призыва в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы. Это может решить исход войны и поэтому должно быть выполнено непременно! Если число добровольцев не оправдает ожиданий, то, согласно приказу, во время вербовки следует применять самые строгие меры»*³³.

Желая избежать разнобоя в управлении этим кругом вопросов³⁴, Геринг поставил во главе своей рабочей группы многоопытного чиновника, министерский-директора д-ра Вернера Мансфельда. Но разноречивой не пресекаясь: партия и абвер продолжали возражать и ставить свои палки в колеса. Мансфельд открыто заявлял Шпееру, что ему недостает авторитета для того, чтобы *«вопреки возражениям сауляйтеров переместить высвобождающихся строительных рабочих из одной области в другую»*³⁵.

Сторонник «по возможности добровольного» набора рабочих, Мансфельд вместе с тем разработал универсальную концепцию «четырёх степеней принуждения» для иностранных рабочих: 1) законодательно затруднить получение ими работы или переход на другую работу на родине; 2) использовать для того же безработицу; 3) свести до прожиточного минимума пособие по безработице, а в случае злостного уклонения от работы не выдавать продуктовые карточки вообще; 4) применить силу.

29 января 1942 года Мансфельд обратился к руководителям оккупированных земель с письмом относительно ускоренной вербовки иностранной рабочей силы в Рейхе. На тот случай, если добровольная вербовка не принесет ожидаемых результатов, Мансфельд просил всех сделать необходимые приготовления к вербовке принудительной³⁶.

Как видим, и теория, и некоторые практические шаги оставляли достаточно простора для решительных действий по переброске большого количества рабочей силы из СССР.

19 февраля в Имперской экономической палате Мансфельд заявил:

*«Нынешние трудности с нехваткой рабочих рук не возникли бы, если бы своевременно были приняты решения о более широком использовании русских военнопленных. В нашем распоряжении имелось 3,9 миллиона русских, из которых теперь осталось лишь 1,1 миллиона человек. Только за период с ноября 1941 года по январь 1942 года включительно умерло 500 тыс. чел. Число ныне используемых на работах русских военнопленных (400 тыс. чел.), по-видимому, едва ли увеличится. Если заболеваемость тифом снизится, то, вероятно, появится возможность использовать в нашей экономике дополнительно еще 100—150 тысяч русских»*³⁷.

Когда же выяснилось, что расчет на военнопленных — из-за их массовой смертности — и впрямь оказался несостоятельным, внимание вновь было переключено на гражданских рабочих. 24 февраля 1942 года вышло первое распоряжение, посвященное оstarбайтерам как таковым: их предписывалось доставить в количестве 380 тыс. для сельского хозяйства и 247 тыс. для промышленности³⁸.

Между тем к этому моменту регулярные поставки восточных рабочих в Рейх велись уже более месяца...

Примечания

- ¹ Hüser, Otto, 1992, s. 39. См. также: 50 лет спустя. Воспоминания о лагере военнопленных «Шталаг-326». Хефельхоф, 1991. С. 4.
- ² Кержак В. Шталаг 13Д [Газетная вырезка, дата и газета (предположительно, «Заря») не установлены] (BA/MA, MSG 149/13).
- ³ Schnellbrief Todt's am Generalinspektor für das deutsche Straßenwesen, 15.09.1941 (BAP, Bt. 46.03 [Reichsministerium für Rüstung und Kriegsproduktion], № 32, Bl. 31). При этом постоянная угроза тифа требовала усиленного медицинского контроля за их состоянием, дезинфекция полагалась три раза в 2 недели (Там же, Bl. 48). Еще одно неожиданное свидетельство: к отчету восточнопрусского Управления строительства автодорог об использовании труда *русских* военнопленных от 03.02.1942 приложен акварельный рисунок с подписью «Н.Еремкин, 1941» (Там же, Bl. 88—89).
- ⁴ РГВА. Ф. 1409к. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.
- ⁵ 14-Tagebericht Wi Stab Ost, 20.07.—02.08.1941 (BA/MA, RW 31/66, s. 30—31).
- ⁶ BA/BA, E2.0915813.
- ⁷ Pfahlmann, 1968, s. 47. Согласно Р.-Д.Мюллеру, — в декабре (Müller, 1990, s. 775).
- ⁸ На наш запрос о точности этой даты Н.М.Копшик ее категорически подтвердил. Что касается остальных оstarбайтеров «раннего призыва», то большинство из них проживали в Западной Украине или Западной Белоруссии. Подробнее см.: Poljan, Zajonckovskaja, 1993, s. 551; Зайончковская, Полян, 1995.
- ⁹ Сведения из его следственного дела (Архив Федеральной службы безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области, дело П 79052 — сообщено Г.Моревым).
- ¹⁰ BA/MA, RW 20-5/38. Интересно, что к данным на 20.05.1942 (отмечено 283 тыс. русских) дано общее примечание о том, что эти данные содержат сведения об оstarбайтерах и гражданах бывших прибалтийских государств.
- ¹¹ StAM, MR 180 LA, № 3941 (сообщено В.Формом).
- ¹² StAM, MR 180 LA, № 4127. Воспроизведено в: Berichte, s. 157.
- ¹³ StAM, MR 180 LA, № 4953 (сообщено В.Формом). В список, составленный на основании служебных картотек местной службы труда, естественно, не попали военнопленные, которые в полиции не регистрировались.
- ¹⁴ 2 чел. в мае и 1 в августе. Вот распределение остальных по месяцам 1941 года: январь—март — 0, апрель — 7, май — 8, июнь — 14 (из них лишь 1 — после 22 июня), июль — 13, август — 8, сентябрь — 6, октябрь — 0, ноябрь — 1, декабрь — 6.
- ¹⁵ Если эта догадка хотя бы в малой степени верна, — а людям часто хочется избежать массовой участи и выдать себя за другого, — то можно себе представить, как посмеялась над ними судьба.
- ¹⁶ 24.06.1941 был создан Совет по эвакуации при СНК во главе с Л.М.Кагановичем (расформирован решением ГКО от 25.12.1941). Призванный обеспечить эвакуацию как гражданского населения, так и предприятий, оборудования и учреждений, Совет поначалу отдавал явное предпочтение второй из задач (людей эвакуировали лишь «в связке» с их учреждением или оборудованием). Похоже, что в начале войны не только Гитлер по отношению к чужим, но и Сталин по отношению к своим, — то есть к одним и тем же людям, — допускали один и тот же просчет: не считали их достойной сбережения ценностью.

- ¹⁷ BA/MA, RW 31/67, Bl. 55. Показательна и следующая обмолвка в том же отчете: «Отдельные работники добровольно заявляют о своей готовности работать в Германии».
- ¹⁸ В конце октября 1941 года распределение приблизительно 3,5 млн. военнопленных между компетенцией Командира по делам военнопленных, генерал-квартирмейстера и собственно боевыми частями оценивалось, соответственно, в 1,5, 1,5 и 0,5 млн. чел. Вместе с тем потребность Рейха в рабочей силе оценивалась приблизительно в 1,4 млн. чел. (Arbeitsstab der Organisation Todt für russischen Kriegsgefangeneneinsatz. Berlin, 05.11.1941. — ВАР, 46.03., № 32, Bl. 9, 10). Первые военнопленные на предприятиях «Фольксвагена», например, были зафиксированы уже в октябре 1941 года (сообщено Т.Штрёде, Вашингтон—Копенгаген).
- ¹⁹ *Organisation Todt* — «Организация Тодта», или «Трудовые батальоны Тодта» — организация по строительству военных объектов, основанная в 1938 году Ф.Тодтом, в то время Главным инспектором по дорожному строительству и Генеральноуполномоченным по регулированию строительства. Во время войны занималась строительными и восстановительными работами в оккупированных районах, а с 1943 года и в самом Рейхе, широко используя для этого как добровольно-наемный труд местного населения, так и принудительный труд военнопленных и даже узников концлагерей. Члены ОТ носили униформу и состояли фактически на военной службе (немецкий вариант «трудоармии»).
- ²⁰ ВАР, 46.03, № 32, Bl. 31. При этом подразумевалось, что советские военнопленные заменяют собой французских. Из письма начальника стройуправления в Бреслау Шеппельберга явствовало, что интерес к советским военнопленным возник еще в июле. Представители управления посетили тогда шталаг Нойенгамме и констатировали неудовлетворительное физическое состояние русских, их недостаточное питание и обмундирование. Тем не менее был отобран эшелон наиболее работоспособных, но и среди отобранных смертность в первые недели работы была очень высокой. Положение могло быть частично исправлено только с помощью дополнительного питания (ВАР, 46.03, № 32, Bl. 36—37).
- ²¹ В другом источнике — 350 тыс. чел., причем в начале ноября их было уже 475 тыс. чел. (ВАР, 46.03., № 32, Bl. 9). Вместе с тем Г.Пфальманн приводит несколько другие цифры: к началу 1942 года в Рейхе было задействовано 308 тыс. военнопленных, 1200 горняков из Крывого Рога, 62,1 тыс. уроженцев Галиции и 2 тыс. прибалтов (Pfalman, 1968, s. 47, со ссылкой на: BA, R 41, № 281/266, Schreiben an Göring).
- ²² ВАР, 46.03., № 32, Bl. 9.
- ²³ Начало весеннего наступления немцев.
- ²⁴ К декабрю 1941 года это успело сделать, — в основном, правда, не в Рейхе, а на востоке, — около 1,6 млн военнопленных, а за декабрь—январь — еще 0,4 млн чел (см. ниже)!
- ²⁵ Генеральный директор «Reichswerke», с марта 1941 года — председатель имперского угольного объединения (Reichsvereinigung Kohle), с августа 1941 года — руководитель концерна «Berg- und Hüttenwerkgesellschaft Ost» («Berghütte Ost»), монополизировавшего черную металлургию Украины, а также Главноуполномоченный по угольной промышленности на оккупированных территориях и Рейхскомиссар по промышленности в восточных районах; входил в Совет по оборонной промышленности. Один из главных вдохновителей и проводников экономической политики Рейха на востоке (Wysocki, 1992, s. 33—35).

²⁶ Согласно Р.-Д.Мюллеру, 1200 чел. (Müller, 1990, s. 775). Этот прецедент имел вполне принципиальное звучание. Интересно, что на совещании совета Северо-Западной экономической группы черной металлургии, состоявшемся 19.11.1941, на котором присутствовали представители почти всех важнейших концернов Рура, прозвучало мнение, что лучше всего использовать труд русских именно в металлургии (Herbert, 1986, s. 144—145). В том, что это решение было принято так поздно, У.Херберт видит признак отсутствия у промышленников изначальной концепции насильственного угона людей с востока. Что ж: людям, еще до войны глубокомысленно поделившим все трофеи и ждавшим со дня на день эшелоны с расформированными германскими дивизиями, это нелегкое решение было просто навязано всем разочаровывающим ходом военных действий. (Что, на наш взгляд, ответственности за все конкретные шаги по реализации этого «вынужденного» решения с них еще не снимает).

²⁷ BA/MA, RW 31/14, Bl. 7—8.

²⁸ BA/MA, RW 31/14, Bl. 48.

²⁹ Министр труда издал 15.11.1941 указ, предписывающий использовать советских военнопленных сообразно их рабочим профессиям (RGBl, 33/1941, s. 1 508).

³⁰ Практичные промышленники, например, из Золингена тут же поинтересовались, а нельзя сделать так, чтобы расходы на «выхаживание» впоследствии вычитались из зарплаты «выхоженных»? (Herbert, 1986, s. 389).

³¹ Генерал-лейтенант фон Ботцхайм (von Botzheim) находился на этой должности с февраля 1941 по лето 1942 года (Keilig, 1960, s. 10). Штаб IV военного округа вермахта находился в Дрездене.

³² Обращение от 17.11.1941 Командира по делам военнопленных генерал-лейтенанта Ф. фон Ботцхайма ко всем работодателям, использующим труд советских военнопленных (BA/MA, W1/ID 35).

³³ Разослано в экономические инспекции ОЗЗ (начальник — Штефан), ОЗМ (Гельберг) и ОЗН (Шульц) 26.01.1942. В письме упоминается распоряжение аналогичного содержания № 42006/41 от 04.12.1941. На Нюрнбергском процессе эта инструкция фигурировала под № СССР/381 и использовалась для доказательства принудительного характера «вербовки» (см.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 359. Л. 1—5 и Д. 351. Л. 27).

³⁴ Соответствующему анализу в значительной мере посвящена монография У.Херберта (Herbert, 1980).

³⁵ Speer, 1993, s. 232—223.

³⁶ Der Prozess, s. 53—55, Document 1183-PS.

³⁷ Streit, 1991, s. 128.

³⁸ Dallin, 1958, s. 442.

2.2. Год сорок второй: начало массовой вербовки и первая программа Заукеля

В начале декабря вермахт приступил к систематической отправке в лагеря для военнопленных гражданских лиц, прежде всего способных держать оружие мужчин, а в отдельных случаях практиковался увод гражданского населения в немецкие тылы¹.

Подготовка же к регулярной «вербовке» гражданских добровольцев в Рейх была начата еще в конце 1941 года. Разворачивалась она поначалу не очень спешно. Так, например, в РКО она рассчитывалась на добровольцев 1920—1922 годов рождения и предусматривала пять стадий: сначала месячную (начиная с 20 декабря) пропагандистскую подготовку, затем (с 10 по 31 января) регистрацию кандидатов, затем полицейскую проверку их благонадежности, медицинское освидетельствование и зачисление добровольцев². В группе армий «Центр» началом вербовки было объявлено 15 января³.

Тем не менее уже в январе 1942 года в Германию были отправлены первые транспорты⁴. Первый из них, согласно КТБ, насчитывал 1100 гражданских рабочих и был отправлен в Рейнскую область. Точной даты этого события ни КТБ, ни другие просмотренные нами документы, увы, не содержат, но скорее всего это произошло в середине января, а наиболее вероятным пунктом отправки был г. Сталино (Донецк).

Определеннее известно, что второй транспорт с русскими квалифицированными рабочими отправился в начале 20-х чисел января — из Харькова в Бранденбург: всего в эшелоне было 1142 чел., из них — 1078 металлостроителей, 57 столяров, 21 строитель и 18 представителей других специальностей. Третий транспорт с 1167 специалистами был отправлен 30 января из Харькова в Нюрнберг⁵. Между третьим и четвертым эшелонами — двухнедельная пауза: отправленный из Харькова в Кельн, поезд увозил 1158 чел., в том числе 1105 металлостроителей, 15 столяров, 18 строителей и 20 других специалистов. Профессиональные приоритеты варьировались: во втором, отправленном из Сталино 19 февраля, эшелоне из 898 рабочих (в том числе 699 мужчин) было 650 строителей.

В начале февраля дошел черед и до сельского хозяйства⁶: 7 и 8 февраля 1942 из Уторгоша и Волота в Новгородской области в сборный лагерь Граево (на территории Польши) отправились в Рейх первые «крестьянские» эшелоны (в 675 и 600 чел.). Третий и четвертый эшелоны с сельскохозяйственными рабочими — соответственно, 13 и 16 февраля из Уторгоша (456 чел.) и Леменов (512 чел.) — пунктом назначения они имели также Граево, а два следующих (19 февраля) — из Любани и Дна (соответственно, с 725 и 454 чел.) — лагерь Белосток.

Были и своего рода «запреты на профессию»: так, всех моряков, а впоследствии и железнодорожников следовало использовать исключительно на востоке.

Воззвание

РАБОТНИКИ И РАБОТНИЦЫ ВОСТОКА!

Вас избрано, чтобы Вы трудились в Великой Германии и тем самым внесли Ваше участие в охранение новой и лучшей Европы.

Если Вы готовы с сознанием и с совестью исполнить Вашу повинность, тогда выпадет на Вашу долю хорошее и справедливое обращение.

Кто полагает, что должен воспротивляться распоряжениям германской службы, пусть не ожидает снисхождения: он будет наказан самыми строгими средствами.

А потому ангажируем Вас сим в Вашем собственном интересе, чтобы Вы сохраняли спокойствие и порядок перед отправкой и во время транспорта, в особенности исполняли приказания сопроводительной команды охотно и скоро.

С наступлением темноты вплоть до восхода солнца должны быть закрыты окна и двери в лагере и в вагонах.

Кто не исполнит изданных распоряжений, тот понесет последствия. Сопроводительная команда получила указание во всяком случае сохранять спокойствие и порядок.

Если окна или двери будут во время темноты насильно открыты или будет к этому предпринята попытка, а виновник не будет установлен, должны двое из Вас, находящиеся в этом помещении, отвечать за этот поступок и будут наказаны.

Таким образом смотрите обоюдно за собой!

Ничего с Вами не случится, если будете придерживаться дисциплины.

Думайте о себе, о Ваших семьях, о лучшей и свободной Европе!

Вас ожидает в Германии достаточное продовольствие и хорошие помещения.

№ 1003/П — 140.000.

HIER WOHNTE EIN DEUTSCHLANDFAHRER!

Die Wohnung ist von mir sichergestellt.

Der Stadtkommissar.

**ТУТ МЕШКАЄ ОСОБА,
ЩО ВІЇХАЛА ДО НІМЕЧЧИНИ.**

Помешкання заброньоване мною.

Штадткомісар.

88—2000

Рис. 2.2.2. Гарантия Киевского штадт-комиссара.

Перевод: «Здесь проживает лицо, уехавшее в Германию.

Помещение забронировано мной»

(ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 67, л. 14)

Первый транспорт из Киева был намечен на 28 января, и киевский арбайтсамт с 8 до 15 часов регистрировал всех желающих в возрасте от 17 до 50 лет. Но пропагандистская кампания вовсю развернулась уже в январе. С середины февраля началось освидетельствование добровольцев-рабочих, чей отъезд был запланирован на 1 апреля. При вербовке им говорили, что они едут на один год и что их права будут такими же, что и у немецких рабочих⁷.

А поток тем не менее все рос. К марту еженедельная «выработка» служб труда приблизилась к 10 тыс. чел.⁸ Общее число завербованных и отправленных в Рейх гражданских лиц, по состоянию на 27 февраля 1942 года, достигло 39.292 чел.⁹ Среди поставщиков промышленных рабочих явными «лидерами» были Харьков¹⁰ и Сталино¹¹.

Взялись за «дело» и румынские оккупационные власти: по состоянию на 11 февраля, в Приднестровье (Транснистрии) для отправки было подготовлено 60 тыс. рабочих, из них 30 тыс. имели 5-ый рабочий разряд. 25 тыс. чел. румынские службы уже распределили. При этом подчеркивалось, что 90 % завербовавшихся едут за границу без принуждения, добровольно.

Уже в конце февраля из Германии (конкретно — из Мюнстера) поступили очень благоприятные отзывы о распределенных ранее между четырьмя предприятиями первых 760 советских шахтерах-добровольцах¹². Отмечены и претензии с их стороны: завербованных свободно, их привезли в вагонах для скота и вообще обращаются как с пленными (а они, если разобраться, и были пленными — «гражданскими пленными»!).

Своеобразным компромиссом между «прагматиками» и «фанатиками» в нацистском руководстве стали предписания RSHA о трудовом использовании русских рабочих в Рейхе, изданные 20 февраля 1942 года¹³. И хотя вновь во многом возобладали позиция RSHA, все же, по сравнению с сентябрем 1941 года, Гиммлеру и Гейдриху пришлось во многом отступить¹⁴.

...Как и полагается при социализме, были поставлены плановые задания: по согласованию с уполномоченными Ведомства по Четырехлетнему плану, контрольная цифра для вербовки русских гражданских лиц для нужд Рейха составляла в общей сложности 200 тыс. душ, из них на ОЗЗ приходилось 145, на ОЗМ — 25 и на ОЗН — 30 тыс. чел. При этом в апреле намечалось работать по более плотному графику — с тем, чтобы за 3 месяца выполнить плановые наметки!¹⁵

Но сам В.Мансфельд, по его же собственному убеждению, не справился с клубком вверенных ему противоречий. 21 марта 1942 года фюрер ввел специальный пост **Генерального Уполномоченного по трудониспользованию (GBA)**¹⁶ и назначил на эту должность 47-летнего гауляйтера Тюрингии Фритца Заукеля, подчинив его непосредственно Герингу как Генеральноуполномоченному по Четырехлетнему плану.

Считается, хоть это и не так, что Заукеля выдвинул другой новичок в правительстве — 37-летний Альберт Шпеер, энергичный технократ и реформатор военной экономики, в феврале сменивший Тодта на посту министра вооружений и военной промышленности¹⁷. В действительности Шпеер выдвигал на эту должность другого гауляйтера — Карла Ханке из Нижней Силезии, но и кандидатурой Заукеля, выдвинутой партийными кругами (прежде всего Борманом), он был — по крайней мере до конца 1942 года — удовлетворен¹⁸.

С фанатической энергией и вместе с тем гибкостью принялся Заукель за поставленную перед ним задачу, — из-за своей принципиальной неразрешимости прозванную У.Хербертом «квадратурой круга»: повышать интенсивность и эффективность вербовки и трудоустройства иностранцев и — одновременно! — блюсти политические и идеологические устои национал-социализма.

Управление GBA было органом одновременно административным и партийным. Первым же своим приказом Заукель назначил всех коллег-гауляйтеров своими уполномоченными на местах, разом превратив их из «противников» в «союзников»¹⁹. У имперского Министерства труда он перенял часть важнейших отделов и полномочий²⁰, а в качестве интеллектуального штаба — унаследовал Рабочую группу по использованию трудовых ресурсов при Ведомстве четырехлетнего плана. Сам Заукель таким образом стал важным связующим звеном между партией, правительством, экономикой и армией.

У.Херберт в этой связи писал:

«Его задача была трудной и охватывала ключевую функцию в рамках экономической организации нацистского государства. Как "человек партии" он должен был заботиться о том, чтобы ведущие хозяйственно-организационные линии нового курса пробивали себе путь через идеологические ограничения партии и государственной полиции и даже претворялись с их помощью в жизнь, — своего рода посредник между технократическим и идеологическим вариантами национал-социализма. Он должен был не только обеспечить массовую поставку в Германию иностранцев и прежде всего русских при помощи аппарата партии и военных, но и в самой Германии согласовать их максимальную эксплуатацию, политическое угнетение и расовую дискриминацию с задачей использования их труда. Кроме того во избежание потерь из-за разногласий здесь должен был возникнуть координационный пункт по использованию всех трудовых ресурсов, в том числе и немецких рабочих»²¹.

Оставаясь гауляйтером НСДАП и номинально подчиняясь Герингу, фактически Заукель подчинялся только Шпееру и имел прямой выход на Гитлера.

В результате в руководстве Рейха сложилось две влиятельные группы, определявшие политику в сфере трудоустройства, — группа

Шпеера—Заукеля и «трудовики» РСХА и НСДАП, где с необходимостью использовать труд русских в Рейхе свыкались понемногу, как с неизбежным злом.

И тем не менее, как подчеркивал тот же У.Херберт, влияние ГБА тоже было ограниченным. От него *«не исходили политические импульсы, оно скорее было вынуждено исполнять принципиальные решения, принятые в других местах»*²².

Этими реальными «местами» были образованная еще 3 декабря 1941 года Рабочая комиссия по делам иностранцев при РСХА (Ausländer-Arbeitskreis beim RSHA) и новый, созданный по инициативе Шпеера и уже вслед за ГБА (4 апреля 1942 года) орган — Центр по планированию (Zentrale Planung). Первая определяла основные параметры идеологической политики в отношении иностранцев, а второй отвечал за экономическую макрополитику²³: подчиненное Центру по планированию отдельное Управление по планированию (Planungsamt) сводило заявки на рабочую силу и распределяло их между отраслями и регионами²⁴.

Заукеля, считавшего себя выдающимся организатором и политиком, столь скромная роль его нового ведомства не устраивала. Вскоре, разойдясь со Шпеером и поддерживающим его Геббельсом в вопросе о тотальной мобилизации, он начал активную борьбу за влияние в сфере распределения и контроля за распределением рабочей силы — вплоть до отказа подчиняться Центру по планированию, срыва согласованных со Шпеером поставок и т.д., но решающей победы в этой борьбе не одержал²⁵.

В области же своей непосредственной и преимущественной компетенции Заукель не желал и слышать о преградах, запретах или неудачах. Истории известны четыре мощные попытки «окончательного» решения вопроса с рабочей силой в Рейхе — так называемые **«Программы Заукеля»**. Первая началась в апреле 1942 года и закончилась приблизительно в сентябре, вторая началась сразу же вслед за первой, в сентябре 1942 года, и закончилась в январе 1943, третья и четвертая рассчитывались, каждая, на год и пришлись на 1943 и 1944 годы. Но ни окончательного, ни хотя бы промежуточного решения вопроса все не находилось: чем больше рабочих рук поставлялось в Рейх, тем больше их требовалось. Молох военной экономики нацизма был ненасытен...

Первая же программа Заукеля вместо запланированных 1,6 дала 1,8 млн. рабочих рук, или на 0,2 млн. больше, чем рассчитывали. Началась она с пересмотра контрольной цифры по вербовке на востоке: росчерком пера мансфельдовский план (200 тыс. чел.) был втроекратно — до 600 тыс. чел.! — увеличен²⁶. Вербовке подлежали как мужчины, так и женщины в возрасте от 17 до 35 лет, а общая доля изъятого таким образом населения оценивалась примерно в 7 % от общей ее численности²⁷. При этом — вербовка *«...должна форсироваться всеми доступными способами, включая и суровое применение принципа принудительного труда»*²⁸.

Во всяком случае серединой апреля 1942 года как самой крайней датой можно провести черту под тем, что и по сей день достаточно неопределенно и бездоказательно именуется «добровольною вербовкой»²⁹. Те, кто уехали в Германию раньше этого срока, может быть, и сделали это более или менее добровольно: их грубо обманывали, но во всяком случае, их не шантажировали и им не угрожали. Те же, кто попал в Германию позже, включая и вероятных добровольцев, вербовались принудительно, их личным мнением и волей уже перестали интересоваться³⁰.

С «кнутом» все ясно, но был и «пряник»: как ни удивительно, его преподнес рейхсфюрер СС. Изданный им 9 апреля приказ нес рабочим с востока существенные режимные облегчения. Им разрешалось работать и небольшими группами, в том числе семьями (включая детей от 15 лет); трудовое взаимодействие с немецким населением отныне не запрещалось (что, по существу, открывало путь к их использованию в немецком сельском хозяйстве)³¹.

15 апреля Заукель провел совещание с рейхсминистром труда Зельдте и руководителями земельных служб труда, на котором суммарный трудовдефицит немецкой экономики был оценен в миллион пар рабочих рук³².

К 20 апреля — спустя месяц после своего назначения и вместе с тем ко дню рождения Гитлера! — Заукель приурочил свою, по выражению А. Даллина, помпезно-детальную «Программу GBA по трудоустройству». Осуществлять ее предлагалось «без ложной сентиментальности» (любимое выражение Заукеля), но вместе с тем «и без лишней жестокости!», поскольку рабочих, наряду со станками и машинами, целесообразнее поддерживать в состоянии достаточной трудовой готовности³³.

Поэтому неудивительно, что регламент существования и труда советских рабочих непосредственно в Рейхе — по крайней мере на бумаге — время от времени смягчался:

«Теперь уже можно говорить о выравнивании таких условий и об их сопоставимости с тем, что обычно получают немецкие рабочие. Ощутимые облегчения предусмотрены также и в вопросах размещения (отказ от колючей проволоки), налогового регулирования и пересылки заработной платы»³⁴.

Более достоверно, что рейхсминистр экономики разрешил, в случае острой необходимости, выдавать русским гражданским рабочим жалованье одеждой или талонами на нее.

Остающимся на родине родственникам угнанных местными бургомистрами должна была выплачиваться материальная помощь, для чего им нужно было обратиться в местные отделы социального обеспечения и прямо в кабинете заполнить бланки и анкеты. Это было своеобразной ловушкой: прямо в кабинете заявителю могли предложить ту или иную работу, от которой ему было бы непросто отказаться³⁵.

...Как бы то ни было, но — несмотря на общую распутицу и вспышки сыпняка — апрель, действительно, принес заметное «ускорение» вербовки³⁶. Если к концу марта общее число работающих в Рейхе военнопленных, считая от декабря 1941 года, составляло 116.855, — против 45.209 чел. гражданских из оперативных зон групп армий³⁷, то уже к 24 апреля арбайтсамты взяли свой собственный 100-тысячный рубеж. Основной контингент приходился на горожан, их же вылавливали и в сельской местности, куда они бежали в поисках пропитания. При этом почти половина завербованных пришлось на один только город — Сталино, а на Сталино вместе с Харьковом — около двух третей! Так что было чем рапортовать к Первомаю!³⁸

В этот момент — благо фронт на месте не стоял — и военные согласились потесниться. Так, экономическая служба 18 армии (ОЗН), например, обязывалась приказом ежедневно высвобождать 300 русских рабочих для транспортировки в Рейх, поскольку собственные ее потребности уже покрыты (первый транспорт отправился отсюда в Рейх в начале мая).

Это, разумеется, не означало, что заявки на советскую рабочую силу для использования непосредственно на месте сократились³⁹. Напротив, потребность в ней не уставала расти, но неизмеримо возросла и конкуренция за право обладания ею.

Так, 10 мая 1942 года, после согласования со всеми заинтересованными ведомствами и во устранение встречающихся трудностей и разногласий, ОКХ издало приказ о разграничении прямых и косвенных потребностей вермахта, с одной стороны, и интересов вербовки в Рейх, с другой⁴⁰. Этот приказ подразумевал строгую ревизию собственных потребностей войск во фронтовой полосе и обязывал боевых командиров, и особенно в тех районах, где служб труда не было, лично участвовать в мероприятиях по вербовке рабочей силы для Рейха и поддерживать ее всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

И работа закипела. С 13 мая было приказано переходить на новые интенсивные темпы вербовки, и к заукелевским цифрам, казавшимся поначалу ирреально-фантастическим, заукелевские вербовщики сначала начали привыкать сами, а потом — и приучать других.

Основной урожай намечался — и был получен — из оперативной зоны группы армий «Юг» (ОЗЗ). Слабым звеном здесь были транспортные коммуникации, и как только они были в должной мере усилены (требовалось отправлять ежедневно 2—3 эшелона), затруднения с вербовкой отпали, и намеченная на май контрольная цифра в 150 тыс. чел. рабочей силы, казалось, вот-вот будет даже превзойдена! Общими усилиями во второй декаде был пройден даже 200-тысячный рубеж.

Всего же, по состоянию на 31 мая и с учетом галичан, в Рейхе насчитывалось 827.400 русских, в том числе 592.300 гражданских и 235.100 военнопленных⁴¹.

В это же время разворачивалось новое весенне-летнее наступление вермахта. Прорывы под Керчью и Харьковом привели в немецкий плен новые четыре сотни тысяч красноармейцев. На следующий день после занятия Керчи — как некогда в Польше — в городе открылась служба труда. Население, включая женщин и детей, причастное к боевым действиям, скрывалось в каменоломнях, а имеющиеся в наличии мужчины, по приказу командования, рассматривались как военнопленные и транспортировались в соответствующие лагеря. В результате в шифгруппе «Труд» в ОЗЗ родилась мысль использовать, и как можно скорее, для работы в Рейхе 150 тыс. свежезахваченных на Керченском полуострове «военнопленных»⁴².

Но несмотря на впечатляющие военные успехи летней кампании 1942 года, «добывать» военнопленных приходилось со все возрастающими трудностями. Их число было по-прежнему внушительным — 1 млн. чел. за период между апрелем и июлем, но цифры все же значительно уступали показателям 1941 года (главным образом, благодаря более гибкой тактике Красной Армии, старавшейся избегать ситуаций, чреватых окружением). До немецкого командования, наконец-то, дошло, сколь «ошибочным» и неразумным было обхождение с русскими военнопленными осенью—зимой 1941 года.

Русская рабочая сила, — невзыскательная, дешевая, покорная под гнетом контроля и репрессий, — была призвана покрыть всевозрастающий дефицит рабочих рук в Рейхе, прежде всего в угольной промышленности. Она и только она могла заменить итальянских «гастарбайтеров», производительность труда которых стремительно падала, и тем самым избавить Рейх от необходимости трудовой мобилизации немецких женщин. Уже и сам Гитлер — в беседе со Шпеером 6—7 мая 1942 года — находил, что в перспективе *«всех плохих иностранцев вообще нужно заменить русскими»*⁴³.

В течение всего 1942 года спрос на русскую рабочую силу в Рейхе стремительно рос — и, откликаясь на это, Заукель брал на себя все новые и новые обязательства. С 26 по 31 мая 1942 года вместе с начальником ВШО Рахнером и рядом других сотрудников, Заукель лично ознакомился с Украиной. Маршрут поездки прошел через Ровно (в то время столицу РКУ), Киев, Днепропетровск, Николаев и Полтаву (в то время центр группы армий и, соответственно, экономической инспекции, «Юг»). Цель визита — донести до фельдмаршала фон Бокка и прочего начальства всю важность и неотвратимость поставленной фюрером задачи вербовки рабочей силы для Рейха. Разумеется, он хотел составить и собственное представление о положении с вербовкой, тем более что «обхождение», с которым сталкивались в Рейхе даже добровольно завербовавшиеся граждане, серьезно дискредитировало вербовочную кампанию. Гостям говорили, что растущая потребность в рабочей силе на местах (уборка урожая, дорожное строительство, нужды армии) уже не покрывается в достаточной степени, а генерал авиации Китцингер (командующий

вооруженными силами в РКУ) прямо заявил, что фюреру неплохо было бы определиться с приоритетами, поскольку его приказы несколько противоречат друг другу⁴⁴. На это Заукель и Рахнер высказались в том духе, что местных рабочих рук хватит на всех.

Из этой поездки Заукель вынес необычайно оптимистическое впечатление об изобилии Украины, в том числе и рабочей силой, что, видимо, ощутило повлияло на все его последующие программы, решения и рапорты. И то сказать: стоило ему здесь только на неделю появиться, как службы труда среагировали рекордным набором почти в 61 тыс. чел. против 26—30 тыс. на предшествовавшей и последующей неделях!⁴⁵

Можно представить, как порадовалось фанатичное нацистское сердце. Ведь для Заукеля-гауляйтера, то бишь партийного наместника, — мажорный рапорт наверх о неслыханных достижениях, несомненно, был высшим праздником преданности делу, доблести и чести⁴⁶.

И вот уже 3 июня 1942 года он доложил фюреру о результатах поездки. Гитлер остался весьма доволен и поверил в новые успехи. В письменном пересказе этой встречи Заукель обратился ко всем своим подчиненным с призывом усилить личный вклад и употреблять все возможные меры для еще более успешного хода вербовочной кампании.

После весеннего «перемирия» возобновились, однако, и пикировки между ГВА и вермахтом. В армии повсеместно наблюдался рост собственных потребностей в дармовом труде. Высвобождая значительные контингенты военнопленных для отправки в Рейх (только в марте — 40 тыс. чел.), вермахт требовал их замены гражданским населением. Особенно обнаженным это противоречие оказалось в ОЗН, где значительная потребность в рабочей силе сочеталась с наименьшими по сравнению с другими районами трудовыми ресурсами.

В первой половине июня о почти полном истощении резервов рабочей силы заявили вербовщики и из ОЗМ. По этой причине, а отчасти и из-за партизанской угрозы, их основные усилия были перенесены непосредственно в прифронтовую зону, куда были передислоцированы 14 вербовщиков⁴⁷. Немногим позже (во второй половине июня) о практической исчерпанности своих трудовых ресурсов заявила и экономическая инспекция в ОЗН. В общей сложности оттуда было отправлено в Рейх всего около 51 тыс. чел.⁴⁸

Неприятным сюрпризом стала и правота экспертов абвера: вербовка стала одной из главных причин практически повсеместно зарождавшегося и быстро ширившегося **партизанского движения**. Немецкие чиновники из экономического штаба с изумлением отмечали в своих отчетах, что приказ Сталина о формировании в тылу воюющих немецких войск партизанских отрядов, переданный по радио 7 июля 1941 года, — действовал, причем, кроме Прибалтики и Западной Украины, почти повсеместно. Уже во второй половине августа 1941 года, говорится в соответствующем двухнедельном отчете

ВШО, партизанское движение усилилось настолько, что «...в районе Пскова пришлось осуществить эвакуацию местных сельских жителей в возрасте от 16 до 60 лет»⁴⁹.

Со временем партизанское движение фактически парализовало вербовку в целых районах и стоило немецким вербовщикам много крови — и не только в переносном смысле. Арбайтсамты и эшелоны с пленными еще в 1941 году стали в первый ряд боевых партизанских целей⁵⁰. К тому же в некотором смысле они были еще и «конкурентами», поскольку тоже предъявляли свои права на физически крепких людей, уговаривая их — или принуждая угрозами — не ехать в Германию, а вступать в их соединения. Владея методом «красного петуха» не хуже немцев, партизаны терроризировали местное население с не меньшим успехом, постепенно становясь едва ли не главным препятствием на пути выполнения и перевыполнения необъятных заукелевских планов⁵¹.

5 июня 1942 года у генерал-фельдмаршала фон Клюге⁵² состоялось совещание о помехах, чинимых партизанами деятельности экономических служб вермахта, в том числе и вербовочной кампании. Отмечалось, что экономические службы не могут продвинуться вперед — в условиях, когда под угрозой даже безопасность снабжения продуктами питания и дровами, не говоря уже о вербовочной кампании (фон Клюге попросил 2—3 недели для решительных шагов против бандитов, как именovali партизан немцы).

Не вдаваясь во всем эти «мелочи» и желая ускорить транспортировку остарбайтеров в Рейх, Заукель распорядился повысить число ежедневно предусмотренных для этой цели поездов с 20 до 25 (при сохранении планового задания по вербовке на отметке 600 тыс. чел.). Распоряжение — из разряда благих пожеланий, ибо и железной дороге это было технически не по силам.

«Позитивные» же сообщения — как, впрочем и сами остарбайтеры — поступали главным образом с южного театра вербовочных действий. Так, 26 июня 1942 года сообщалось, что, вопреки скептическим ожиданиям, вербовка в Крыму идет удовлетворительно: до 20 июня в Рейх из Крыма отправлено уже 11.479 чел. рабочей силы, а запланированная «эвакуация» населения Керченского полуострова, оказавшего ожесточенное сопротивление, даст новые вербовочные возможности (примерно 5—6 тыс. чел.). В связи с ожидаемым взятием Севастополя все было подготовлено для немедленной организации там служб труда и вербовки.

В начале лета 1942 года свою долю от пирога захотела и Румыния, многократно заявлявшая о своем желании получить 1500 горняков Донбасса для румынской горнодобычи. Сначала немцы готовы были согласиться, но в июле статс-секретарь Кернер и генерал-директор Пляйгер отвечали, что свободных рабочих такой квалификации у них, к сожалению, нет, но что румынский запрос наверняка

может быть удовлетворен за счет беженцев в районе между Днепром и Донбассом, не говоря уже о том, что в находящемся под румынским контролем районе Одессы наверняка имеются специалисты, в свою очередь представляющие интерес и для Румынии, и для Германии⁵³.

К 1 июля 1942 года в структуре ВШО насчитывалась уже целая армия вербовщиков: рост задач и заданий требовал увеличения вербовочной сети и умножения вербовочного персонала. К организованным первоначально 43 комиссиям с числом сотрудников в 240 чел.⁵⁴ — добавилось еще 30 новых комиссий со 106 сотрудниками. А к концу 1942 года общее число организаций по трудоустройству на востоке достигало уже 424; в них работало 643 немецких военнослужащих и 1.789 местных работников⁵⁵.

Суммирующая первое полугодие 1942 года цифра вербовки в ОЗ стремительно приближалась к полумиллиону⁵⁶. Этот рубеж был действительно преодолен в середине июля — уже на спаде вербовочной страды.

Собственно, и на июль надежды были не меньшие, чем на июнь. Ожидалось, что празднования «юбилейных» эшелонов и возобновление почтовой связи с домашними даст положительный эффект. Так, 9 июля 1942 года из Чернигова в Рейх отправился эшелон с 350-тысячным остарбайтером из этой самой «жирной» оперативной зоны. Начальник тамошней службы труда Бонг-Шмидт устроил из этого пропагандистское шоу: самому «350-тысячному» вручили часы и 50 рублей, а его остающимся дома родным — корзину с продуктами⁵⁷.

Но несмотря на все впечатляющие достижения, несмотря на все новые и новые оккупированные области, темпы вербовки, вопреки ожиданиям, в июле замедлились. Среди причин — частичное исчерпание ресурсов в ряде районов, а также скудность трудовыми ресурсами территорий, завоеванных в это время. 18 июля 1942 года озабоченный всем этим ГБА направил в ОЗЗ и ОЗМ требовательные письма, где еще раз подтвердил установку на ранее поставленные задачи⁵⁸. На это обе инспекции дружно ответили, что задания вряд ли будут выполнены в срок, но что они сделают все возможное для получения наилучших результатов.

Экономическая инспекция группы армий «Б» подготовила к августу 14 транспортов с 22.800 чел. (в основном из Харькова). И лишь в некоторых новозанятых областях (например, Курской и Воронежской) картина с рабочей силой оказалась несколько благоприятнее, чем представлялось вначале. В Ворошиловграде, откуда мужчины ушли с отступающей Красной Армией, оказалось изрядно женской рабочей силы⁵⁹; поэтому уже в начале августа всех мужчин от 15 до 55 лет отправляли в Рейх.

Определенно начал сказываться и тот фактор, что, органы советской власти при отступлении наконец-то опомнились и к эвакуации из городов, — а иногда и из сельской местности, — квалифицированных

рабочих начали относиться серьезнее. В результате оккупированные территории доставались немцам изначально в состоянии трудодефицита.

Соответствующие советские приказы и распоряжения были изданы задолго до этого, но в начале войны они исполнялись, по-видимому, только от случая к случаю. В частности, приказом Военного Совета Западного фронта № 017 от 12 августа 1941 года была установлена 5-километровая полоса боевых действий (впоследствии расширенная до 25 км), с территории которой все гражданское население подлежало выселению (выполнять приказ должны были органы местной власти и «особисты» — работники особых отделов соединений и частей). А 17 ноября 1941 года, за подписью И. Сталина и Б. Шапошникова (начальника Генштаба), вышел приказ № 0428. Цитирую:

«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»⁶⁰.

Так или иначе, но результаты вербовки в июле — около 96 тыс. чел. — хотя и держались на уровне апреля и мая, но были существенно (более чем вдвое) ниже июньских⁶¹.

Несмотря на явный спад вербовки, Заукель в переписке с подчиненными на востоке сменил грозяще-требовательный тон — на по-здоровительно-благодарный. Сложив число завербованных на востоке и на западе, он получил величину за 1,6 млн. чел. — даже большую, нежели взятые им на себя в марте, при вступлении в должность, обязательства. 25 июля, растрогавшись, он разослал всем своим подчиненным телеграмму с признанием их выдающихся заслуг и выражением всем благодарности. Основной вклад в достигнутый успех, подчеркивалось в телеграмме, принадлежит усилиям на востоке. А 27 июля Заукель направил Гитлеру и Герингу отчет, в котором отразил обещанных — и завоеванных — успехов⁶².

Согласно отчету, взятое им на себя обязательство поставить в Рейх 1,6 млн чел. было исполнено уже 24 июля 1942 года. С момента его вступления в должность ГБА в Рейх было отправлено 1.639.794 чел., в том числе из вновь завоеванных земель на востоке — 1.300.993, из прочих стран — 338.801 чел. Из восточных земель отправлено: остарбайтеров — 971.832 чел.⁶³, из Галиции — 108.152 чел., военнопленных — 221.009. Всего в Рейхе, закругляя отчет Заукель, находилось 5.124 тыс. иностранных рабочих, из них 1.148 тыс. — из свежезавоеванных областей на востоке, 2.400 тыс. — из других стран и 1.576 военнопленных.

Данные КТБ несколько расходятся с данными рапорта ГБА: они как бы отстают. По состоянию на 1 августа 1942 года и с учетом

558.600 остарбайтеров, завербованных в районах гражданского управления (РКУ и РКО), в Рейх было отправлено в общей сложности 1.120 тыс. чел., а на 15 августа — 1.148.436 чел.

Напротив, цифры из доклада о влиянии оккупации русских областей на немецкую экономику от 17 сентября 1942 года кажутся несколько забегающими вперед. Согласно этим данным, до 31 августа 1942 года с занятых восточных территорий в Рейх поступило 1.810 тыс. чел., из них 1.359 тыс. гражданских рабочих (в том числе из Галиции) и 451 тыс. военнопленных. Из этого количества 750 тыс. чел. было занято в сельском хозяйстве, а остальные — в оборонной и горной промышленности, на транспорте и т.д.⁶⁴

В августе положение еще более обострилось. Наряду с постоянными «конкурентами» вербовки (транспортное и промышленное строительство, добыча угля, торфа и леса, вермахт) — на передний план выдвинулся новый мощный тормоз: уборка урожая, которая, в связи с недостатком машин и топлива, требовала особенно много людского труда. Исходя из нужд страды, вербовка в Рейх нуждалась в «урегулировании» (читай: моратории) на срок между августом и октябрём (разумеется, с рядом существенных исключений для необходимых в Рейхе профессий)⁶⁵. Предполагалось даже заменить военнопленными сельхозрабочих, занятых в строительстве.

Из 112.427 чел. (из них 54.082 мужчины и 58.345 женщин), подготовленных службами труда в августе 1942 года, фактически в Рейх было отправлено всего 47.033 гражданских рабочих, то есть снова вдвое меньше, чем в предыдущем месяце.

В качестве своего рода «компенсации» решено было интенсивнее использовать в самом Рейхе — особенно в горнодобыче и оборонной промышленности — труд военнопленных, причем по возможности квалифицированный труд⁶⁶. В июле в Рейх было отправлено 262, в августе — 180 и в сентябре еще 79 тыс. чел. военнопленных, или, суммарно за три месяца, — 521 тыс. чел.

Но как ни считай, а свое весеннее, ко дню рождения фюрера данное обещание Заукель сдержал: оккупированная часть России уже отдала Германии свой первый людской миллион.

На совещании у Геринга 6 августа 1942 года последний так отозвался о ГБА:

«Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля, он в этом не нуждается. Но то, что он сделал за короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, — является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, что если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гауляйтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас»⁶⁷.

С 10 по 17 августа Заукель и Рахнер совершили новую поездку на восток — по маршруту Минск⁶⁸ — Винница — Киев — Харьков — Сталино — Симферополь — Ялта — Севастополь — Краков. По согласованию с Пляйгером и экономической инспекцией группы армий «Б», были урегулированы вопросы трудоустройства в Донбасе; в Ворошиловграде, Ростове, Симферополе и Севастополе рассмотрены новые службы труда, проведены встречи с ответственными за вербовку офицерами экономических служб и командирами военнопленных.

А 19 августа Заукель был уже в Ставке Гитлера, на совещании по вопросам военной экономики. Недосток рабочих рук в Рейхе становился тем болезненнее, что смертельно угрожал перегревом военной экономике Рейха, а стало быть, и вермахту, и победе в целом.

Гитлер тогда спросил Заукеля, сколько еще можно заполучить рабочих рук, скажем, к октябрю.

Тот, не моргнув, ответил, что миллион. И именно к октябрю!⁶⁹

Примечания

¹ См. в ноте В.М.Молотова от 27.04.1942 (Внешняя политика Советского Союза в годы..., 1946, т. 1, с. 246—248).

² См. распоряжение Уполномоченного по государственной трудовой повинности в РКО высшему начальнику СС и полиции РКО относительно порядка вербовки добровольцев 1920, 1921 и 1922 годов рождения на работу в Германию от 11.12.1941 (Белорусские оstarбайтеры-1, с. 38—39, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

³ Белорусские оstarбайтеры-1, с. 50—51.

⁴ Охрана эшелонов возлагалась на так называемую «зеленую» полицию, или полицию охраны порядка.

⁵ Среди них — 1124 металлурга, 18 столяров, 14 строителей и 11 прочих (аналогичные сведения, но со ссылкой на: ВА, R 41, № 137/104 и с несущественными расхождениями в цифрах см. также: Pfalman, 1968, s. 47—48).

⁶ С самого начала вербовщиков обязали ни в коем случае не игнорировать специализацию и не направлять промышленного рабочего на сельхозработы и наоборот.

⁷ См.: Нове українське слово. Киев. 13.01.1942. № 8; Новое слово. Берлин. 01.03.1942. № 17 (по: РГВА. Ф. 1371к. Оп. 1. Д. 3. Л. 26).

⁸ Надо сказать, что поначалу в КТБ фиксировался каждый или почти каждый новый эшелон с тем или иным контингентом. Так, известно, что в марте транспорты отправлялись из Сталино (по меньшей мере четырежды — в 1265, 1100, 1391 и 2794 чел.), Харькова (984 и 907), Мелитополя (1000), Опочки (1897), Любани и Чудово (1800), Красного Села (1566 чел.), Клинцов и Бобруйска (1350), Витебска (684), ОЗМ (мелкие партии — 523) и Себежа (705 чел.); общая численность этих эшелонов — 16956 чел. (см. Приложение 6.). Позднее, когда вербовка и транспортировка стали массовым и вместе с тем будничным делом, характер информации изменился. Как правило — это скупая справка с количеством отправленных за неделю эшелонов и рабочих «душ», да сумма за

весь предыдущий период; иногда цифры разбиты на составные части — данные по полу, по группам армий и, реже, по некоторым армиям.

⁹ Эта дата — по-своему знаменательна: 27.02.1942 указом Розенберга был введен так называемый «новый аграрный порядок», отменявший на оккупированной территории колхозный строй. Подробнее см.: Оккупация, с. 284—291; Аникесв, 1990.

¹⁰ Отсюда 28.02.1942 был отправлен уже 6-й по счету транспорт с 1006 квалифицированными рабочими, после чего число отправленных из Харькова, по данным КТБ, достигло 6.847 чел.

¹¹ В оккупационной газете «Донецкий вестник» сообщалось, что в Германию записалось уже 6 тыс. чел. и что скоро запись, возможно, будет прекращена. Третьему по счету транспорту из Сталино с 1200 шахтерами (02.03.1942) не повезло: спустя 6 часов после отправки он был атакован партизанами, при этом 1 рабочий убит и 2 — тяжело ранены. По данным Д.Букалова, за период с 15.02. по 19.04.1942 из Донбасса было отправлено 50 эшелонов примерно с 50 тыс. жителей (Букалов, 1996, с. 158).

¹² По немецким оценкам, доля добровольцев в первые месяцы вербовки составляла около 80 % (Dallin, 1958, s. 443). Однако для нацистского режима, не меньше большевистского любившего единодушие и единогласие, оговорка о 20 % «недобровольцев» представляется символом самим по себе достаточно выразительным и зловещим. Ср. также сообщение газеты «Донецкий вестник» за 20.02.1942 о направлении первой партии из 6000 безработных из Сталино, добровольно завербовавшихся для работы в Германии, в Дортмунд (см.: Weischer, 1992, s. 99; в той же заметке описываются различные красоты г. Дортмунда, в том числе стадион и библиотека, одни из крупнейших в Рурской области).

¹³ Причем в трактовке RSHA «русскими» предлагалось считать уже и тех, кто к началу войны жил в Галиции и Белостокской области (но исключая жителей Прибалтики).

¹⁴ Подробнее см. в главе 3.3.

¹⁵ Для придания процессу должного динамизма Геринг распорядился с 15 марта предоставлять на нужды вербовки 35 вагонов еженедельно (в действительности их всегда было в 2—3 раза меньше).

¹⁶ Erlass des Führers über einen Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz vom 21.03.1942. (RGBl, Teil 1, 1942, № 10, s. 179—180; фигурировал на Нюрнбергском процессе как документ обвинения № US-208, или Doc. 1666-PS). Геринг выпустил соответствующее распоряжение 27.03.1942.

¹⁷ Ф.Тодт погиб 08.02.1942 в авиакатастрофе.

¹⁸ Speer, 1993, s. 232—233; Homse, 1967, p. 104—111. В примечаниях к своим мемуарам Шпеер пишет: «Я ощущаю свою долю ответственности за злосчастную политику Заукеля в области труда. Несмотря на все наши расхождения, я неизменно соглашался с проводимыми им массовыми депортациями рабочей силы в Германию» (Speer, 1993, s. 548).

¹⁹ Приказ № 1 от 06.04.1942 (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 356. Л. 32—38). Впоследствии Заукель перестроил на партийный лад всю территориальную структуру своего ведомства в Рейхе. До 1939 года в Германии было 13 земельных и 2 отраслевых службы труда, подчинившихся Министерству труда. Заукель привел число и структуру территориальных ячеек служб трудоустройства в полное соответствие со структурой партийных территориальных ячеек («гау», или округов): сначала их было 26, а начиная с 1943 года — 42 (Homze, p. 116).

- ²⁰ Из подчинения министра труда Ф.Зельдте были выведены и в ведение ГВА переданы три ключевых отдела министерства: третий — занимавшийся трудовым законодательством, пятый — вопросами занятости и безработицы немецкой и иностранной рабочей силы и шестой — так называемое управление трудового снабжения.
- ²¹ Herbert, 1986, s. 168.
- ²² Herbert, 1986, s. 170.
- ²³ Кроме самого Шпеера в него входили также госсекретарь Пауль Кернер, представлявший Управление по Четырехлетнему плану, и фельдмаршал Эрхард Мильх, представлявший люфтваффе (Homze, 1967, p. 92—97). Заседания проходили в актовом зале Министерства вооружений; на них приглашались министры и другие чиновники, в зависимости от повестки дня (Speer, 1993, s. 235—236). В частности, вопросам трудоустройства были посвящены следующие заседания Центра по планированию: № 21 — 30.10.1942; № 31 — 29.01.1943; № 33 — 16.02.1943; № 53 — 16.02.1944; № 54 — 1.03.1944 (РГВА. Ф. 700к. Оп. 2. Д. 51, 52, 77).
- ²⁴ Серьезную оппозицию своим реформам Шпеер встречал со стороны Министра экономики Функа и гауляйтеров РСХА, а также (в большей мере на «личной почве») со стороны лидера ДАФ Лея и Геринга. Важным шагом на пути к сосредоточению именно в шпееровских руках полноты власти в германской экономике (уже почти отождествимой с «военной экономикой») стал вывод из подчинения ОКВ и переподчинение его, Шпеера, министерству Управления по экономике вооружений (Wi Rü Amt) во главе с генералом Георгом Томасом (май 1942). Нельзя не отметить, что именно реформы Шпеера привели к резкому росту производства вооружений и снаряжения в завершающие годы войны (Homze, 1967, p. 94—97).
- ²⁵ Конфликту между Заукелем, с одной стороны, и Шпеером и Геббельсом, с другой, Э.Хомзе посвятил целую главу (Homze, 1967, p. 204—229). Одним из возникших при этом компромиссов стало введение так называемых «красных карточек» для предприятий оборонной промышленности, чей трудовой дефицит покрывался вне очереди и вне плана.
- ²⁶ После пересмотра планов оказалось, что для их выполнения необходимо отправлять ежедневно порядка 15 рабочих поездов, из них 8 — из оперативной зоны, то есть из зоны действия ВШО. Остальное приходилось бы на гражданскую администрацию рейхскомиссариатов Остланд и Украина (РКО и РКУ). Все это, разумеется, потребовало мер для приведения имеющихся служб по вербовке и использованию рабочей силы в соответствие с новой задачей. ГБА распорядился организовать дополнительно 22 вербовочные комиссии, в том числе 15 в ОЗЗ, 5 в ОЗМ и 2 в ОЗН.
- ²⁷ Белорусские остарбайтеры-1, с. 65, со ссылкой на: ГАМО. Ф. 623. Оп. 2. Д. 2. Л. 196.
- ²⁸ Телеграмма ГБА в вербовочные комиссии от 31.03.1942 (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 356. Л. 42, представлена на Нюрнбергском процессе советским обвинением за № SU/382). См. также издание «Ведомости Ведомства по четырехлетнему плану. ГБА», представленное Нюрнбергскому трибуналу под № SU/365 (см. доклад «Угон в рабство» помощника Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе тов. Н.Д.Зоря. — ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 13—15). Кстати, здесь же впервые сформулирована задача поставить «в помощь немецкой крестьянке около 400—500 тысяч отборных здоровых и сильных девушек с востока».
- ²⁹ См. также сводку СС и СД № 18 от 17.04.1945 (Белорусские остарбайтеры-1, с. 91). Интересно, что в этот момент позиция Заукеля некоторым

- (в частности, Розенбергу) казалась излишне либеральной (впоследствии они поменяются «ролями»). См. циркуляр Розенберга рейхскомиссарам и генерал-комиссарам от 14.05.1942 (РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 775. Л. 267—269).
- ³⁰ Согласно именным спискам, составленным по опросам свидетелей после войны, из 252 тыс. чел., угнанных из Сталинской (Донецкой) области, угнанными добровольно было признано 35 тыс. чел. (Букалов, 1996, с. 158).
- ³¹ StAM, MR 180 LA, № 4986 (сообщено В.Формом). Зато перед женщинами с маленькими детьми и беременными шлагбаум опускался: они объявлялись балластом и подлежали возврату на родину.
- ³² Der Prozess, Bd.12, s. 310ff.
- ³³ Ср. в тексте датированной тем же днем речи Заукеля, которую он произнес 03.05.1942 в Веймаре (речь транслировалась по радио): *«Я прошу при этом помнить, что даже машина может что-то производить, когда я обеспечиваю ее горючим, смазкой и уходом. А насколько больше возможностей я должен учесть для людей, если даже они по складу и расе примитивнее машины»* (цит. по: Белорусские остарбайтеры-1, с. 110, со ссылкой на: ВА, Р41/481, Bl. 117—127). Позднее, на Нюрнбергском процессе, он говорил, что ему и в голову не приходило, что все это хоть сколько-нибудь противоправно. См.: Dallin, 1958, s. 444—445.
- ³⁴ КТБ за 29.05.1942. Возможно, это отголосок указа Гиммлера от 09.04.1942, но в процитированном виде соответствие этой информации действительности вызывает сомнения.
- ³⁵ См., например, распоряжение отдела труда РКО окружным комиссариатам от 27.04.1942 (Белорусские остарбайтеры-1, с. 105—108, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 293. Л. 6—8).
- ³⁶ Ср. следующие данные из КТБ за 1942 г. (чел.): январь — 3422, февраль — 16740, март — 32575, апрель — 89546, май — 106081, июнь — 210620, июль — 96235.
- ³⁷ В том числе (по группам армий, чел.): ОЗЗ — 28.467, ОКМ — 4.236, ОКН — 2.361 и службы труда Румынии — 10.145.
- ³⁸ Парадоксальным образом он отмечался в обеих воюющих странах: в СССР — как День международной солидарности трудящихся, в Германии — как День национального труда. Безо всякой иронии в КТБ отмечается, что в Пскове, на меховой фабрике состоялся большой первомайский митинг!
- ³⁹ Сам по себе трудовой «фронт» на востоке имел внушительные очертания. Главными задачами во 2-м квартале 1942 г. в ВШО считались: а) в ОЗЗ: строительство транзитного шоссе Днепропетровск — Павлоград — Сталино (потребность 90 тыс. чел.) и горнодобыча в Донбассе (52 тыс. чел.). Кроме того в Румынию должно быть отправлено 1000 рабочих для работы в топливной промышленности (в июне эта цифра возросла до 1500 чел., причем румынская сторона настаивала почему-то на отправке на нефтедобычу в Румынию именно донецких шахтеров); б) в ОЗМ: для строительства железной дороги в районе Могилева нужно 2000 душ рабочей силы и 3000 водителей, слесарей и механиков, а для шоссейного и железнодорожного строительства в Смоленске (в частности, шоссе Смоленск—Вязьма) еще 3000 чел. Еще 22.000 чел. — для 57 пунктов торфодобычи; в) в ОЗН: шоссейное и прочее строительство — 22 тыс. чел. Кроме того — шоссейная трасса «Ост» потребует 15.000 водителей, которых следует набрать из числа советских гражданских лиц. Для разработки сланцевого месторождения Кивиоли в Эстонии — 500 забойщиков и 1000 вспомогательных рабочих (в июне, для повышения производительности эстонских разработок сланцев статссекретарь Кернер распорядится перебросить сюда 800 шахтеров из

- Донбасса; но позднее это распоряжение было отменено, необходимая потребность в рабочей силе должна была быть покрыта за счет ресурсов самой РКО).
- ⁴⁰ На Нюрнбергском процессе фигурировал под № СССР/367 (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 19—23). Играл опорную роль в тезисе советской стороны о непосредственном и всепроникающем участии вермахта в осуществлении преступной системы рабского, принудительного труда.
- ⁴¹ См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 133, со ссылкой на: ВА, RW 19/2147, В1. 45).
- ⁴² 250 тыс. из них предполагалось направить на дорожное строительство, а 100 тыс. на погрузочно-разгрузочные работы на транспорте (См.: РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 775. Л. 266). Позднее (06.05.1942) сообщалось, что 60 тыс. из них перевезены в Западную Украину и 21 тыс. в Румынию.
- ⁴³ См. Herbert, 1986, s. 406.
- ⁴⁴ См. в кратком отчете об этой поездке в: РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 775. Л. 263—266.
- ⁴⁵ О том, что данная цифра скорее всего заурядная «туфта», косвенно свидетельствует и странное — единственное за все время — отсутствие указания числа отправленных за это время вагонов.
- ⁴⁶ У.Херберту приходится даже иногда ловить Заукеля за руку на том, что направляемые им наверх сводки были ошутимо приукрашенными и базировались, по-видимому, на цифрах, так сказать, «брутто-набора», не «очищенных» от умерших, сбежавших, забракованных медицинскими или политическими комиссиями. Так, цифре почти в 1,5 млн. гражданских рабочих, отправленных в Рейх в 1942 году, может быть поставлена в соответствие лишь приблизительно 1,2 млн., физически наличествовавших в Германии в конце 1942 (Herbert, 1986, s. 160, 401). Столь серьезная (20-процентная!) разница становится более понятной и менее удивительной в свете следующего единичного документа: 05.08.1942 арбайтсамт г. Шпитальна-Драве направил в Минскую вербовочную комиссию письменное подтверждение о прибытии транспорта с гражданскими рабочими: прибыло 1039 чел., не прибыло — 124 (Белорусские оstarбайтеры-1, с. 153—154, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 2. Л. 52; транспортные пропуска на неприбывших прилагались к письму). Тем более «крутыми» должны быть «поправочные коэффициенты» к контрольным цифрам к заданиям, которые Заукель ставил перед своими подчиненными на местах.
- ⁴⁷ Так, из-за партизан вербовка в районе Витебска была полностью свернута и вербовочная комиссия оттуда переведена в другое место. В то же время в прифронтовой полосе вербовка шла вполне благоприятно.
- ⁴⁸ После отправки оставшихся 3 эшелона соответствующая комиссия началась к возвращению в Рейх.
- ⁴⁹ Эвфемизм «эвакуация» в переводе с эсэсовского, как правило, означал депортацию при далеко не безобидных обстоятельствах.
- ⁵⁰ Известны случаи успешного нападения на эшелоны (например, в сентябре 1941 года в результате такого нападения под Шепетовкой было разом освобождено 3000 военнопленных).
- ⁵¹ По оценкам Р.-Д.Мюллера, к партизанам ушло — и тем самым, между прочим, уклонилось от вербовки! — не менее 1,5 млн. чел. (Müller, 1995, s. 97).
- ⁵² 18.12.1941, после поражения немецких войск под Москвой, фон Клюге сменил на посту командующего группой армий «Митте» другого фельдмаршала — фон Бокка.

- ⁵³ Окончательно отклоняя румынские притязания, Геринг дал им еще один совет: набрать нужных рабочих среди военнопленных, захваченных румынской армией. Вместе с тем немцы направляли русских горняков на шахты не только самой Германии, но и Бельгии и Франции.
- ⁵⁴ Из них в ОЗЗ — 28 комиссии со 143 сотрудниками, в ОЗМ и ОЗН — соответственно 8 и 7 комиссий с 46 и 47 сотрудниками.
- ⁵⁵ Заукель не забывал и о своих кадрах. В самом конце июня в Цоссене и Шпандау были организованы школы повышения квалификации персонала служб труда. Занятия вели руководитель ВШО д-р Рахнер, зам. инспектора военно-экономического образования морской капитан Нойманн-Штапелнхорст и командир 4-го запасного отделения полковник Матцки. В результате в них было обучено 110 человек, большинство из которых приступили к работе на востоке.
- ⁵⁶ Общее число завербованных на конец июня составляло 458.984 чел.
- ⁵⁷ Все это, как отмечалось, имело хороший пропагандистский эффект, и примерно то же самое повторили при прощании 28.07.1942 (предположительно в Харькове) с «400-тысячным».
- ⁵⁸ Из ОЗМ к 11.07. в Рейх было направлено 64 тыс. чел., оставалось 56 тыс., а из ОЗЗ — 377, остаток — 225 тыс. чел. В ответах Ф.Заукелю были сформулированы просьбы увеличить персонал и снизить задание. Самое большее, что можно получить в ОЗЗ, например, это 60 тыс. чел. в июле и 30-40 тыс. чел. в августе, причем при условии увеличения персонала служб труда.
- ⁵⁹ Но, по мнению Заукеля, в Рейхе отмечались признаки насыщения как раз необученными работницами.
- ⁶⁰ Скрытая правда, с. 210—211, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 27.
- ⁶¹ Вместе с тем в июне в Рейх было отправлено 147.074 военнопленных, в т.ч. из ОЗ «А» — 107.112, ОЗ «Б» — 32.303, ОЗМ — 3901 и ОЗН — 3758 чел.
- ⁶² Der Prozess, s. 115, Dokument 1296-PS.
- ⁶³ Число оstarбайтеров, завезенных в Рейх до назначения Заукеля ГБА, составляло, по его же оценкам, 68 тыс. чел. См.: Der Prozess, s. 581, Dokument 1379-PS.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 49. Л. 160—161, а также 112. В отчете «Центрального Бюро по восточным народам» (см. в главе 3.3) за 30.09.1942 приводится цифра даже в 1.737 тыс. оstarбайтеров по состоянию на 08.09.1942 (Prozess, Bd. 1, s. 161 ff.).
- ⁶⁵ Правда, существовал циркуляр Заукеля от 31.07.1942 — о том, что после уборки урожая следует «собрать» и отправить в Рейх и самих уборщиков.
- ⁶⁶ Согласно приказу генерал-квартирмейстера ОКХ от 29.09.1942, работоспособные военнопленные объединялись в трудовые батальоны при службах труда вермахта, ОТ и других трудопотребителей. Для Рейха же отбирались только квалифицированные специалисты.
- ⁶⁷ Цитата — из доклада «Угон в рабство» помощника Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе тов. Н.Д.Зоря (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 43—44).
- ⁶⁸ О минской части программы см. в: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 154—155, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 80. Л. 403.
- ⁶⁹ 22.08.1942 Заукель выпустил Приказ № 10, в котором потребовал от служб труда на востоке более «интенсивного» трудониспользования рабочей силы, явно желая высвободить таким образом новые контингенты для отправки в Рейх (см: РГВА. Ф. 502к. Оп. 1. Д. 5. Л. 59—61).

2.3. Год сорок второй: вторая программа Заукеля

...Так в августе 1942 года зародилась новая — так называемая «Вторая» — программа Заукеля в области занятости. Составной ее частью должны были стать и полмиллиона остарбайтеров. Но поскольку по первой программе, предусматривавшей вербовку 1,6 млн. чел., было привлечено 1,8 млн. чел., то «излишек» — 200 тыс. — был отнесен на восточных рабочих и зачтен в требуемые 0,5 млн.; таким образом практически их оставалось добрать всего 300 тыс. чел. (поровну — из зоны оперативных действий и из рейхскомиссариатов)¹.

Но и это еще не все. Уверовав в возможности Заукеля и его ведомства, политическое руководство Рейха решило прибегнуть к решению за счет остарбайтеров не только экономических, но и социально-политических задач. Желая продемонстрировать старания государства не увеличить, а уменьшить нагрузку на немецких женщин (над ними нависла реальная угроза трудовой мобилизации²), Заукель еще в апреле 1942 года объявил о намерении завезти в Рейх до полумиллиона восточных работниц для использования в домашнем хозяйстве, прежде всего в многодетных семьях, а также в лагерях и на кухнях ресторанов и приютов. В сентябре он приступил к исполнению обещанного³.

Распоряжениями Заукеля от 8 сентября и Гиммлера от 10 сентября 1942 года было постановлено завербовать для этих целей 400 тыс. «помощниц по хозяйству», или, попросту, женской прислуги, из них поровну — по 200 тыс. — женщин городских и деревенских⁴. В вербовочные комиссии — по настоянию Гиммлера и с правом вето — были введены окружные представители НСДАП: если у них возникало сомнение по той или иной кандидатуре, то комиссия принимала негативное и окончательное решение. Количество же в 400 тыс. чел. распределялось так: за районами гражданского управления (РКУ и РКО) — 250 и за оперативными зонами групп армий — 150 тыс. чел.⁵ Срок — до конца октября⁶.

Поставляемые особи должны были быть в возрасте от 15 до 35 лет, без детей и не беременные, крепкой конституции и внешне похожие на немок (восточного или восточно-балтийского типа). Отпуск, посещение церкви и половые сношения им возбранялись, все свободное время — 3 часа в неделю⁷. Глава немецкой семьи, — а все такие семьи предварительно политически проверялись, — становился (или становилась) начальником своей восточной работницы.

Так что и фюреру, и работодателям (в целом положительно оценившим навыки и поведение остарбайтеров), да и бюргерам — было за что благодарить гауляйтера Заукеля. Указом от 30 сентября 1942 года Гитлер пожаловал ему новые полномочия, включая и право применять для выполнения своих задач любые принудительные

меры, которые тот сочтет нужным, а также право отдавать приказы военным структурам⁸. Тем самым статус и компетенция Заукеля в вопросах вербовки рабочей силы существенно повысилась. Он вышел за рамки «человека Шпеера» или «человека Бормана» и впоследствии «с полным основанием» занял свое место на нюрнбергской скамье подсудимых.

В конце октября и «Вторая программа Заукеля» была еще раз пересмотрена, и — невзирая на все неуспехи с реальной вербовкой — пересмотрена в сторону увеличения: с востока должен быть получен миллион! Расклад же такой: из РКУ и из ОЗ «Дон-Донец» — по 450 тыс.⁹, из РКО, ОЗМ и ОЗН — в общей сложности 100 тыс.

Очевидно, что большие надежды по вербовке гражданского населения возлагались немцами на горско-казачий Северный Кавказ, где отношение к немцам, как и некогда на Украине, было дружественнее, чем в среднем. Но до самого конца октября вербовки на Кавказе по сути не было, а шла — и успешно — лишь регистрация трудовых ресурсов (из-за приказа Геринга от 25 августа 1942 года, исключившего до конца уборочной все левобережье Дона из зоны, подлежащей вербовке). В ожидании хорошей человеческой «жатвы» на Северном Кавказе шэфгруппы «Сельское хозяйство» и «Труд» договаривались между собой о том, что 50 тыс. гражданских лиц, запланированных к отправке отсюда в Рейх, будут набраны только из городских жителей¹⁰.

В Кавминводах, кстати сказать, вербовщиков ждала приятная неожиданность: более 1200 человек интеллигенции — ученых, врачей и членов их семей, эвакуированных сюда из Ленинграда и Москвы. В этой связи было решено собрать ученых в бригады — в первую очередь специалистов по минеральным ресурсам, придать им необходимые вспомогательные силы и использовать для восстановления горного дела в Донбассе. Распределение же остальных кадров, в том числе служащих и врачей, произвести в Рейхе¹¹.

В зоне «Дон-Донец» центр вербовки вновь переместился в Харьков. Сюда перевели часть вербовщиков из ОЗМ, где активность партизан вынудила оккупантов ограничить вербовку и транспортировку только крупными городами и основными трассами.

В письме от 15 августа 1942 года генерал-комиссар Крыма Фрауэнфельд сообщал генералу Томасу, что вербовка в Рейх из Крыма привела бы к серьезным затруднениям в восстановлении хозяйства самого Крыма¹². Надо полагать, что аналогичная позиция была естественной для немецких наместников на всех оккупированных землях. Тем не менее в августе 1942 года службы труда были заложены и в Севастополе (25 августа отсюда был даже отправлен первый поезд), и в Ростове, откуда первый транспорт в Рейх (с 1163 чел.) ушел 5 сентября. Однако расчет на 3—4 регулярных транспорта в неделю фактически не оправдался, а некоторое — и непродолжительное — оживление в этом деле наступило только в ноябре.

В ОЗН, при непокрытой потребности в 24 тыс. пар рабочих рук, у вербовщиков успехов и вовсе не было. Зато и здесь были свои «предвкушения» и «надежды»: совершив облет Ленинграда, шеф группы «Труд» в ОЗН д-р Шульц вынес впечатление, что тамошние предприятия полностью в ходу и число жителей — не менее 3 млн. чел., которые все, после падения города, достанутся ему, поскольку их массовая эвакуация русскими едва ли осуществима. В предвкушении такой поживы Шульцу между тем пришлось в очередной раз окончательно закрыть вербовку в «своей» зоне: в начале сентября последний транспорт с 565 чел. был отправлен в Рейх¹³. Что касается самого д-ра Шульца, то спустя неполную неделю после столь окрыляющего облета он получил новые впечатления, подвергшись нападению партизан между 15 и 22 км шоссе Псков—Ленинград. Шофер был тяжело ранен, сам Шульц остался невредим¹⁴.

Точно так же не сбылись упования и его коллеги Бонг-Шмидта из экономической инспекции «Дон-Донец». Как сообщается в КТБ за 28 сентября 1942 года, он имел возможность ознакомиться с положением в южной части Сталинграда. С учетом военных беженцев из Харькова население города, по его оценке, составляло не менее 900 тыс. чел., но из-за эвакуации и голодной нужды в действительности там всего 600 тыс. чел., прячущихся в землянках, подвалах и канализационных системах. *«Потребуется усиленные вербовочные комиссии»*, — предупреждал Бонг-Шмидт.

Из-за резко возросшего спроса на рабочие руки со стороны основных потребителей положение на рынке труда в сентябре снова обострилось. Для различных нужд вермахта в оперативной зоне службами труда было поставлено в общей сложности 136.462 чел., но при невыполненных заявках еще на 233 тыс. чел.¹⁵ Использование труда военнопленных обстановку не разрядило, так как их в большом количестве хотя и направляли в Рейх, но с условием замены в оперативной зоне гражданскими рабочими, что в свою очередь ограничивало вербовку последних.

Фюрер же требовал привлечения военнопленных еще и во вспомогательные команды («хиви») — с тем, чтобы высвободить немецких солдат для ведения боевых действий. Соответственно и экономические инспекции на местах получили указания еще тщательнее проводить учет и эвакуацию городского населения из занятых районов. Гражданские же рабочие, по мнению генерал-квартирмейстера Вагнера, как рабочая сила были предпочтительнее военнопленных.

Но к этому времени уже не забывали ни тех, ни других. Так, в середине октября для отправки в Рейх были затребованы 60 тыс. военнопленных (половина — для сельского хозяйства, половина — в дорожное строительство), замена которых гражданскими рабочими создала ряд трудностей, так как никто не отменял при этом ни высокие задания по вербовке, ни острый дефицит рабочих рук у самих военных.

В сентябре проведена организованная эвакуация населения из Воронежа (55 тыс. чел., но лишь 933 чел. отправлено в Рейх, а остальные «брошены на урожай» к западу от Воронежа), а в октябре — около 18 тыс. чел. из района Орел—Брянск.

В сентябре же появились и первые беженцы, двигавшиеся на запад, а не на восток. Так, с начала месяца из района Сталинграда — в район приблизительно в 100 км западнее Калача — армейскими частями пешим маршем было эвакуировано около 20 тыс. чел. ГБА опротестовал приказ генерал-квартирмейстера от 29 сентября 1942 года в той его части, которая предусматривала как само собой разумеющееся привлечение к работам работоспособных беженцев (в составе трудовых батальонов военнопленных); на основании полученных им от фюрера новых полномочий, он потребовал установления для них самостоятельного правового статуса. Уже в октябре беженцы из Сталинграда (общее их число оценивалось в 150 тыс. чел.) начали скапливаться в сборных лагерях Форштадт и Белая Калитва. Было зарегистрировано около 31,3 тыс. чел., среди которых около 20 тыс. чел. трудоспособных, из них 7.295 чел., подготовленных для отправки в Рейх (5 транспортов). Для решения вопросов, связанных с беженцами и других, Рахнер и Рот совершили в начале октября поездку в Сталино.

К трудностям вербовочного процесса добавились и эпидемии, прежде всего сыпной тиф в ряде сортировочных и рабочих лагерей (например, в лагере Могилевского управления реконструкции железных дорог, где проживало до 1000 чел.). А южнее Ворошиловграда была зафиксирована даже вспышка холеры! Требовалось срочно найти замену тысячам и десяткам тысяч попавших под карантин.

Наконец, новый и, кажется, непросчитанный немцами негативный фактор явили собой «возвратники» — эшелоны с доходагами-остарбайтерами, которые начали приходить из Германии в августе 1942 года, после того как 23 апреля Заукель (по согласованию с Розенбергом) разослал в земельные арбайтсамты циркуляр о возвращении нетрудоспособной рабочей силы¹⁶. Нетрудоспособных отделяли от трудоспособных и до дня отправки содержали отдельно. Под охраной (точнее, с сопровождающим) их направляли в специально созданные приемные пограничные пункты в Бресте, Ковеле или Дубно.

Такая практика действовала до конца 1942 года и, с меньшей интенсивностью, даже в 1943 году. Общее число «возвратников» составило, по состоянию на октябрь 1942 года, более 100 тыс. чел.¹⁷ — так что суммарное число таких «репатриированных» немцами людей скорее всего достигало 120—150 тыс. Не приходится удивляться и тому, что ни один из этой группы не попал в выборку анкетного опроса: уже тогда, в сорок втором, они были, что называется, не жильцы. Кормежка в пути ужасная, вид — соответствующий, нередко без документов — все это играло на руку советской пропаганде, и в результате страдала все та же текущая вербовка.

Тем не менее усердные вербовщики время от времени продолжали устраивать себе маленькие праздники. Так, 28 сентября из ОЗ «Дон-Донец» отправили в Рейх 500-тысячного остарбайтера. А 22 октября 700-ым по счету транспортом из ОЗ в Рейх был отправлен 700-тысячный остарбайтер! 7 ноября (!) вербовщики из группы армии «Центр» отправили в Рейх «своего» 100-тысячного остарбайтера (четырьмя днями позже «своего» 600-тысячного отправили в Рейх из ОЗ «Дон-Донец»). И так далее.

Между тем в КТБ за 8 октября 1942 года можно прочесть, что общее число рабочей силы из восточных областей на территории Рейха (по-видимому, с учетом военнопленных) перевалило за 2 млн. чел!

Следующие 2 млн. чел. Заукель распорядился поставить к 1 мая 1943 года, в том числе 450 тыс. чел. из оперативной зоны (половину — в течение октября—ноября 1942 года и еще столько же — с декабря 1942 по май 1943 года). При этом 75 тыс. чел. были уже поставлены к 22 октября 1942 года: остальные были распределены между ОЗ «Дон-Донец» (100 тыс.) и «Кавказ» (50 тыс.). Кроме того — при 150-тысячном плане поставки «помощниц по хозяйству» — в действительности было отправлено в Рейх 193.243 дивчины¹⁸.

Приближалась вторая зима восточной компании. Рейх хотел бы избежать повторения сценария прошлой зимы, когда погибло несчетное количество рабочих рук. Поэтому еще в августе ГБА затребовал дополнительные средства в размере 25 рейхсмарок (или 250 руб.) на человека для... доставки имеющихся у остарбайтеров дома одежды, обуви и одеял¹⁹. Месяцем позже — указом министра снабжения и сельского хозяйства от 6 октября 1942 года (вступающим в силу 19 октября) — были повышены нормы снабжения остарбайтеров и военнопленных и, кроме того, введены надбавки за переработку и работу ночью.

В ноябре общий мораторий на вербовку и отправку в Рейх был снят. Более того, приказом Гиммлера от 3 ноября вводилась обязательная отправка в Рейх всего работоспособного населения, захватываемого в результате операций против партизан²⁰.

Но в это же самое время командование группы «Б» ввело свой запрет на вербовку из ОЗ «Дон-Донец»; запрет продержался неделю или две и тоже был снят после вмешательства самого Заукеля и по инициативе генерал-квартирмейстера Вагнера, но не сразу и не повсеместно: так, в Сталино и Ворошиловграде — с 24 ноября 1942 года, в других районах — с 1 декабря, а в районах боевых действий — с 1 февраля 1943 года. В результате вербовке был нанесен значительный ущерб: из 40—50 тыс. завербованных и подготовленных к отправке ни один человек так и не был использован хотя бы на местных работах.

Натянутые отношения и противоречащие друг другу интересы ГБА и вермахта и даже «союзников» — ГБА и ВШО стали играть все большую и все худшую роль в динамике вербовочной кампании²¹.

Вместе с тем, как отмечалось в КТБ за 23 ноября 1942 года, даже вербовка на Кавказе не оправдывала всех ожиданий, так что предлагалось и там, как водится, ввести легкие меры принуждения. Уже подготовленные к отправке 5 эшелонов стояли на месте из-за трудностей с транспортировкой (перегруженность Ростовского узла в первую очередь, а также оперативных движений на линии Сталино — Харьков — Курск). С декабря предполагалось отправлять 2—3 поезда в неделю, но уже 24 ноября 1942 года ГБА распорядился о ежедневной отправке в Рейх 10 эшелонов из ОЗ «Дон-Донец» и «Кавказ».

На деле же было иначе: первый транспорт в Рейх с 1725 чел. был отправлен только 7 декабря, а до Нового Года отправился второй (1612 чел.). Еще 3 тыс. чел. подготовленных непосредственно к отправке ждали эшелона в районе Нальчика, и кроме них — еще 12 тыс. чел. В целом же транспортные трудности так и не были преодолены²².

Между тем законотворчество относительно оstarбайтеров не знало передышки. В середине ноября рейхсминистр финансов объявил, что оstarбайтеры имеют право обменять до 15 декабря 1942 года имеющиеся у них с собой рубли и червонцы, если их сумма превышает 10 рейхсмарок, или 100 рублей. Семьям тех, кто уже находится в Рейхе, положили пособие — с тем расчетом, что это положительно скажется на настроении людей и поможет усилению вербовки в Рейх. Генерал-квартирмейстер издал 17 ноября 1942 года приказ, разрешающий рабочим, занятым в ремеслах, лесном и сельском хозяйстве, но живущим в отрыве от семьи, переводить денежные суммы на адрес семьи с указанием лиц, уполномоченных получать эти переводы. 20 ноября вышло распоряжение рейхсминистра почт о введении с 25 ноября особого регулирования для почтового обмена восточных рабочих с родственниками на родине: отныне они могли писать только на специальных почтовых карточках, подлежащих военной цензуре²³. С 21 ноября Геринг и Заукель издали совместный указ о целесообразности, в интересах трудовой морали, сохранения при вербовке оstarбайтерских семей²⁴.

Все это, однако, еще не обеспечивало выполнения оторванных от реальности заукелевских установок. Ноябрьские показатели — из-за конфликта с военными из группы армий «Б» — были еще хуже «провальных» августовских. Не казались радужными перспективы и в декабре, поступали даже сведения о намерении командования ОЗ «Дон-Донец» ввести новые запреты на вербовку. В этом контексте службы

труда протестовали и против намеченного в связи с приближающимся Рождеством месячного — на период между 12 декабря 1942 и 15 января 1943 гг. — перерыва в транспортировке остарбайтеров и требовали продолжения перевозок, соглашаясь лишь на сокращение их объема.

Тем не менее 23 декабря Заукель все равно отчитался об успешном завершении и второй своей программы. В результате его стараний сводное число иностранных рабочих в Рейхе приблизилось к 6 млн., а общее число занятых — впервые после 1939 года — возросло. За первые 9 месяцев с момента назначения Заукеля на должность ГБА в Рейх прибыло в общей сложности 2.831.887 чел., или в среднем по 340 тыс. чел. в месяц.

Остарбайтеры среди них составляли более половины — около 1.480 тыс. чел.²⁵ С учетом вербовки в округе Галиция, а также 586.806 завезенных в Рейх военнопленных общее число работающих в Рейхе выходцев из СССР, по состоянию на 31 января 1943 года, составляло 2.408.570 чел.²⁶

Так что, подводя в газетном заявлении итоги сорок второго года, Заукель не слишком и хвастался, когда утверждал: «...*За 1942 год в Германию отправлено около 2 миллионов чел. из оккупированных областей на востоке*»²⁷.

Примечания

¹ В оперативной зоне рассчитывали только на группы армий «А» и «Б». Главными центрами вербовки были намечены (тыс. чел.): Ростов — 30, Харьков — 20, Крым, Ворошиловград и Воронеж — по 15, Сумы и Курск — по 7,5, Сталино и Чернигов — по 5 (оставшиеся 30 тыс. — из районов Полтавы и Запорожья, накануне включенных в РКУ).

² К этому определенно склонялся А.Шпеер, неожиданно открывший для себя, что трудовое участие немецких женщин в военной экономике во время Первой мировой войны было гораздо выше, чем во время Второй. В пользу этого говорил и пример Англии, количество женской домашней прислуги в которой за годы войны сократилось на две трети, тогда как в Германии их почти 1,5-миллионная «армия» практически не сократилась до самого конца войны. Однако преодолеть демагогические лозунги Заукеля, поддержанного в этом вопросе еще и Герингом, Шпееру не удалось (см.: Speer, 1993, s. 234—235).

³ «Особые меры ГБА по отправке восточных работниц для оказания помощи многодетным домашним хозяйствам в городах и сельских местностях». См. документ № СССР/383 советского обвинения на Нюрнбергском процессе — письмо ГБА от 08.09.1942 (ГАРФ, ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 16). См. также в: Herbert, 1985, s. 175—177.

⁴ А 10.09.1942 свои общие указания (Allgemeine Bestimmungen) по этому вопросу издал и Гиммлер (StaM MR 180 LA, № 4896 — сообщено В.Формом). См. также в: Белорусские остарбайтеры-1, с. 165—169, со ссылкой на: BA, RW 19/2148, Bl. 165—168.

⁵ Соответствующие задания были распределены следующим образом (тыс. чел.): ОЗН — 5; ОЗМ — 25; ОЗ Дон-Донец — 120, в том числе Ростов — 30, Ворошиловград — 30, Харьков — 20, Курск — 10, Сумы — 7,5, Сталино — 7, Чернигов — 7, Воронеж — 6,5, Крым — 2.

⁶ Надежды возлагались и на такой «резерв» женской рабочей силы, как излишек женского персонала в отдельных подразделениях и у командиров вермахта, которых, как предполагалось, последние могут уступить в пользу немецких женщин. Но уже через две недели стало ясно, что «зондерация» Заукеля сталкивается с большими трудностями, в том числе из-за действий партизан. Впрочем, в Ворошиловграде с 30-тысячным заданием справились еще до конца сентября!

⁷ При этом предлагалось пересмотреть расовые предрассудки в свете таких исторических фактов, как множество светловолосых и голубоглазых людей на Украине. Буде же будут обнаружены дополнительные признаки немецкого происхождения, носителей (точнее, носительниц) оных предлагалось кормить наравне с гражданским немецким населением и впоследствии «онемечивать».

⁸ Заукель, как замечает А. Даллин, не упустил случая и ощутимо повысил тон своей переписки со всеми «смежниками» (Dallin, 1958, s. 446). Заукель и Кейтель при этом договорились о том, что о действиях служб труда соответствующие военные руководители будут оповещаться предварительно. А согласно приказу ОКХ от 25.10.1942, службы труда ГБА стали и вовсе монополистами в области занятости: все, включая армию, обязаны были запрашивать гражданскую рабочую силу в учреждениях службы труда, военнопленными должны распоряжаться вермахт и службы труда совместно.

⁹ С оговоркой: приходящиеся на РКУ 450 тыс. чел. возможно набрать лишь в том случае, если северные районы Украины будут очищены от партизан.

¹⁰ Ср.: *«Ввиду вербовки остарбайтеров в Рейх сельскохозяйственные предприятия отчасти не имеют выбора рабочей силы и поставлены перед фактом ее изъятия. Кроме того, вербовка наносит удар по установлению у людей воли к труду. Производству угрожают также и методы осуществления вербовки. Необходимым является тесное сотрудничество между шефгруппами "Труд" и "Сельское хозяйство" в вопросах определения "неужной" рабочей силы. Изъятие военнопленных, особенно в Остланде, сделало очевидным, к чему может привести недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве. Намеченная программа интенсификации сельского хозяйства не сможет осуществляться до тех пор, пока не будут задействованы военнопленные. До этого не раз было возможно восполнить пробелы за счет специалистов из военнопленных, но тем не менее такого рода исключения делались лишь от случая к случаю для агрономов»* (ВА/МА, RW31/23, s. 186).

¹¹ Еще раньше, в середине августа, среди эвакуированных из Воронежа, «обнаружились» 600 ученых (врачей, инженеров, техников, самолетостроителей) и членов их семей; ГБА распорядился отправить их в Рейх и обеспечить там работой (для врачей уже был разработан специальный регламент).

¹² В этом же письме говорится, что применительно к Крыму речь может идти не о выселении татар, а лишь о приселении немцев. Предваряющая письмо служебная записка, озаглавленная «Возможности заселения сельского хозяйства и почвенные богатства Крыма», начинается так: *«Возможность заселения Крыма немцами обсуждалась различными инстанциями и с различных точек зрения и неизменно получала самые благоприятную оценку»*.

Далее, после общего обзора природных зон полуострова, читаем: «В этой связи я вынужден констатировать, что полная эвакуация татарского населения не является целесообразной: постольку поскольку горные татары живут в скудных и неблагоприятных условиях, то для их жизненного пространства немецкие переселенцы не составляют проблемы; далее, поскольку существующая часть горных татар имеет благоприятную с расовой точки зрения европейскую внешность и даже из соображений иностранного туризма следовало бы приветствовать, если этому кочевому татарскому народу будет оставлена небольшая естественная резервация. В дальнейшем следует иметь в виду, что существующие поселения могут быть использованы лишь в малой степени. Особенно если речь идет о поселениях для немцев, поскольку они были заселены русскими и запущены. Кроме того война в Крыму оставила слишком заметные следы, принеся глубокие разрушения. Поэтому во многих случаях придется приступать к строительству новых дворов, сел и поселений» (BA/MA, W1/ID 36).

¹³ Они были завербованы в Демьянском котле и использовались до сих пор для местных нужд. Отправка в Рейх была им обещана ранее. Еще 2500 чел. заявили для отправки в Рейх в ОЗ 16-й Армии.

¹⁴ Другой такой случай: в результате нападения партизан 22.08.1942 разрушена служба труда во Ржеве, а ее начальник Кунц тяжело ранен.

¹⁵ Приводим более подробные данные (чел.; по: Monatsbericht Wi Stab Ost für 01.09.—30.09.1942. — BA/MA, RW 31/24):

Оперативные зоны	За сентябрь 1942	По сентябрь 1942
Кавказ	15.000	15.000
Дон-Донец	90.000	403.791
Центр	19.790	209.017
Север	11.672	153.057
Всего	136.462	780.865

¹⁶ См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 99—100 (со ссылкой на: BA, P 41/481, Bl. 115—116), а также с. 163—164. Кроме «остовских», имели место и возвратники-прибалты: их отправляли, как правило, по одному и без охраны.

¹⁷ См.: Dallin, 1958, s. 456.

¹⁸ Из них добровольно, по данным Г.Ретлингера, — только 13—15 тыс. чел. (Müller, 1990, s. 783, со ссылкой на: Retlinger, 1962, с. 304, 319)

¹⁹ См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 188—191, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 358. Оп. 2. Д. 27. Л. 9. В октябре для обеспечения оstarбайтеров в Рейхе зимней одеждой было решено использовать кампанию 1942 года по сбору старых и шерстяных вещей и, во взаимодействии с РМО и ГБА, провести специальную акцию, целью которой был бы сбор необходимых для оstarбайтеров белья, одежды и обуви. Позднее, в КТБ за 07.12.1942 отмечено, что в этом году кампания идет крайне пассивно.

²⁰ См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 208, со ссылкой на: НАРБ. Микрофильм Т-175. Ролик 140. Д. 121. Кадр 0668158-0668159.

²¹ Характерный пример — переписка Заукеля и начальника ВШО генерал-лейтенанта Штапфа. Отвечая 18.10.1942 на письмо ГБА от 14.10.1942 по поводу назначения Майнике представителем ГБА в экономической инспекции «Дон-Донец», Штапф писал: «...должен заметить, что я всеми средствами стараюсь выполнить Ваше требование о бронировании рабочей силы, насколько только это позволяет военное и теснейшим образом с ним связанное экономическое положение. Я постоянно прилагаю усилия к тому,

чтобы все пункты ВШО самым напряженным образом трудились над тем, чтобы смягчить острейшее положение с рабочей силой в Рейхе, и подчеркивал, что удовлетворение этой потребности является предпосылкой к поддержанию ударной мощи фронта и выполнению оперативных планов фюрера. С другой стороны, нельзя не признать того, что удовлетворение потребностей собственно войск на месте и связанная с этим неотложная необходимость добычи угля и нефти, а также крайне напряженное транспортное положение должны иметь приоритет, по крайней мере в оперативной зоне. Вербовка рабочих для Рейха не должна представлять угрозу для выполнения следующих хозяйственных задач: 1) Угледобыча в Донбассе; 2) Нефтедобыча на Кавказе; 3) Добыча и переработка древесины; 4) Строительство и эксплуатация железных дорог. Этого же требует обеспечение продуктами питания, требующее внимания к сельскому хозяйству. Для того, чтобы избежать ошибок в управлении, я нахожу необходимым, чтобы пункты и силы, задействованные Вами для проведения вербовочной кампании в оперативной зоне, еще теснее взаимодействовали бы с экономическими инспекциями и их командованием. Если это после соответствующих указаний с Вашей стороны будет достигнуто, за что я Вам, господин сауляйтер, был бы особенно признателен, тогда, на мой взгляд, смогут возникнуть условия для удовлетворения Ваших требований без подвергания опасности войсковые и хозяйственные службы. Хайль Гитлер! Вас уважающий Штапф»

²² Примечательно следующее описание из сентябрьского месячного отчета ВШО: «Транспортировка рабочей силы, завербованной в Ростове и Ворошиловграде, натолкнулась на возросшие трудности. В Ростове несколько тысяч человек трижды и четырежды доставлялись на вокзал и возвращались обратно из-за того, что предназначенные для них вагоны в последний момент использовались каким-либо иным способом. Завербованные в Ворошиловграде должны были совершить 80-километровый пеший марш до железнодорожной станции Ровеньки, поскольку Ворошиловград еще не подключен к общей железнодорожной сети» (ВА/МА, RW 31/24).

²³ Нам сообщено В.Формом.

²⁴ RAB 35-36/1942, s. I 550.

²⁵ Der Prozess, s. 581 (Dokument 1379-PS). Ср. аналогичные данные на 01.12.1942 в отчете Заукеля о трудоустройстве остарбайтеров (Преступные цели..., с. 198—201).

²⁶ Цифры из аналитической записки от 12.02.1943 «Трудоиспользование на занятых территориях к концу 1942 и планирование на 1943 год», подготовленной в группе по труду ВШО. Содержащиеся в ней же наброски на 1943 год предусматривали еще 0,5 млн пар рабочих рук для Рейха и почти столько же для трудоустройства на востоке, в том числе, согласно стратегической инициативе А.Шпеера, на решающих для успешного ведения войны участках: программа производства вооружений «Иван», добыча угля и железной руды и т.д. (РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 82).

²⁷ Оккупационная газета «Минскер цайтунг». Приведено в ноте наркома иностранных дел В.М.Молотова «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих невольный труд советских граждан в Германии» от 11.05.1943.

2.4. Год сорок третий: насос еще качает, или третья программа Заукеля

Итак, в конце 1942 года ход вербовки резко замедлился. И вербовочную, и транспортную сеть — метастазой Сталинградского шока — охватил затяжной паралич.

«Рождественские каникулы» несколько затянулись: с середины декабря 1942 до середины апреля 1943 года были отправлены считанные и, как правило, небольшие транспорты из Ворошиловграда, Харькова, из района Сум. Не на чем и некому было довести людей до Рейха, некому было их охранять¹.

Прирост новых земель сошел на нет², а человеческую пенку с завоеванного Заукель уже снял. Снял варварски, так что симпатий не снискал, и все больше и больше людей искали спасения от его «вербовщиков» в партизанских станах³.

Причин для головной боли на востоке у Заукеля хватало. Первая — старая: возвратные перевозки нетрудоспособных оstarбайтеров из Рейха на родину и их, как тогда говорили, контрпропагандное значение⁴. Организованы они были по-прежнему плохо. А после того, как в середине января единственный предназначенный для «возвратников» лагерь в Дубно (РКУ) из-за сыпного тифа закрылся на карантин, их стало негде сортировать. Новые же лагеря — в Пшемисле и в Пабянице — открылись только к концу весны.

Вторая головная боль — новая: беженцы. Сталинград означал не просто перелом в войне, но и неизбежность немецкого отступления. Многие десятки, а потом и сотни тысяч людей, как правило, служащих или служивших в немецких учреждениях⁵ и члены их семей сочли для себя за благо отступать вместе с вермахтом. Они бежали из понятных опасений за свою жизнь, но были и такие, на ком греха пособничества не было, но кто уже хлебнул или пригубил из чаши сталинских репрессий: среди последних было немалое число представителей дворянской интеллигенции, фольксдойче и казаков. Были и такие, кто — с немалым скарбом, детьми и вербовочными удостоверениями в руках — бежали от голода и, рассчитывая на трудоустройство в Германии; они стремились добраться до тех городов, откуда в Германию попасть было проще⁶.

Еще в январе от 50 до 100 тыс. беженцев из-под Сталинграда и с Северного Кавказа устремились на Украину (многие через Крым). В Марьинке (в 30 км западнее Сталино), Гришино, в самом Сталино, в других узловых пунктах спешно создавали сборно-заградительные пункты для беженцев, принимались меры по их трудоустройству или по дальнейшей отправке на запад. Ведомству же ГБА было предписано регистрировать их и сортировать по рабочим специальностям.

Но территории, — а с ними и люди, — уплывали из цепких фюрерских и гауляйтерских рук. Так, 16 февраля 1943 года советские войска впервые освободили Харьков⁷: 28 дней город оставался в их руках, пока 14 марта заново не был захвачен немцами.

Арбайтсамт произвел обследование, отмеченное в КТБ за 25 марта:

«Складывается впечатление, что русские вывели из Харькова большую часть мужского населения. До захвата города русскими число жителей составляло 300 тыс. чел., теперь — 200 тыс. чел. Точную цифру назвать невозможно, поскольку часть населения все еще прячется в подвалах и погребах. Здание арбайтсамта и картотека полностью разрушены. В самом Харькове, центр которого сильно разрушен, — острая необходимость в рабочих руках»⁸.

И хотя вокзал и весь железнодорожный узел были выведены из строя (ближайшей станцией стал Люботин), виды на вербовку в Харькове оценивались все же неплохо, поскольку считалось, что голоду дома население все же предпочтет работу в Германии⁹.

Население между тем особой склонности к добровольной вербовке не выказывало: из того же Харькова первый после вторичного занятия города транспорт был отправлен только 24 апреля 1943 года (и всего-то с 306 чел.!)¹⁰. Всего во второй половине апреля из Харькова, Краснограда и Лозовой в Рейх было отправлено около 10—15 тыс. чел.

С 17 по 22 апреля в Минске была проведена общегородская облава (под кодовым названием «Волшебная флейта»): в плане вербовки в Рейх она принесла неустой улов — всего 350 чел.¹¹ В порядке борьбы с партизанами шли «зачистки» ряда сельских районов — даже не изобличенных в связях с партизанами людей попросту сгоняли с насиженных мест. Сами такие операции носили издевательски-поэтические названия: «Праздник урожая», «Весенний праздник», «Перелетная птица», «Бросок буйвола», «Сияние радуги» и др.

Так, серия «Праздников урожая» была проведена в конце января и начале февраля в Белоруссии (в районах к западу от Осиповичей, к западу от шоссе Минск — Слуцк и т.д.). Итог одной из акций — около 2000 убитых и расстрелянных и 1308 чел. для отправки в Рейх¹², итог второго — 2325 уничтоженных и 272 чел. для отправки в Рейх¹³.

В ходе операции «Перелетная птица» из оперативной зоны АОК-4 в оперативную зону АОК-9 к 13 марта 1943 года маршем было перемещено около 20 тыс. чел., к 20 марта число эвакуированных составило около 64 тыс., а к 26 марта — около 77 тыс. чел. Это были, в основном, женщины, старики, дети — физически изнуренные люди. Среди них свирепствовал тиф, так что об их трудовом использовании, казалось бы, просто не приходилось и думать, — тем не менее 45 тыс. чел. было послано на строительство укреплений и для других нужд армии, еще 6—7 тыс. — на торфоразработки, а 1,5 тыс. — даже отправлены в Рейх!

В ОЗМ известна и другая анти-партизанская акция с романтическим названием — операция «Бросок буйвола»: в ее ходе было «зачищено» 17 районов площадью в 21,4 тыс. кв. км, в результате чего около 190 тыс. из примерно 300 тыс. чел. «потерянного» населения возвращены обратно¹⁴.

Но беспокойными стали и «тылы» Заукеля в Германии. Атаки участились и справа, и слева.

Еще в ноябре 1942 года Розенберг и Бройтигам публично атаковали Заукеля, обвиняя его в недопустимо жестоких методах вербовки. *«Для миллионов остарбайтеров Германия, — говорил Розенберг, — стала второй Сибирью»*¹⁵. Антивербовочные демарши военных били в ту же цель.

14 декабря 1942 года — «в силу не подлежащей разъяснению военной необходимости» и вместе с тем под лозунгом «нам дорог каждый рабочий»! — Гиммлер приказал до конца января 1943 года перевести под свою «опеку» в ближайшие концлагеря не менее 35 тыс. работоспособных заключенных из числа совершавших побег, что ударило сразу по трудовым балансам предприятий и по самолюбию Заукеля¹⁶.

Заукель, конечно же, принял аппаратные контрмеры. 6 января 1943 года в Веймаре он провел совещание работников служб труда с представителями Восточного министерства, вермахта и ВШО. Десятки раз звучали рассуждения о неслыханной корректности вербовщиков, заботливой предусмотрительности работодателей и шикарных условиях жизни, о которых у себя дома остарбайтеры не могли бы и помечтать¹⁷.

После совещания, однако, Заукель счел за благо все же обеспокоиться тем, чтобы к товару, который он с таким трудом добывал и поставлял в Рейх, там и впрямь относились с должным почтением. Уже 9 января он приказал организовать проверку трудового использования остарбайтеров в Рейхе (а попутно — и обхождения с ними, снабжения, медицинского обслуживания и т.п.). Выделенным для этого сотрудникам были даны полномочия принимать любые меры по устранению замеченных недостатков, вплоть до изъятия рабочей силы и наложения на предпринимателя штрафных санкций¹⁸.

Но этим ГБА не ограничился. 5 февраля 1943 года он издал указ, обязывающий руководителей всех предприятий с числом остарбайтеров больше 20, взять на себя функции или завести специального «сотрудника по делам остарбайтеров». Он служил бы не только надзирателем за последними, но и координатором всех связанных с ними проблем и своего рода связующим звеном между ними и руководством предприятий (соответственно, и среди остарбайтеров нужно было выделить некоего старшину, представлявшего бы их во всех контактах с этим «сотрудником» и поощряемого небольшими приплатами). Одновременно и в арбайтсамтах вводилась должность инспектора по делам остарбайтеров¹⁹.

На следующий день Заукель обратился к Гиммлеру с просьбой направлять партизан и членов их семей не в концлагеря, а в Рейх, для трудового использования; рейхсфюрер ответил твердым отказом и обещанием передавать только тех, кто не запятнал себя связями с партизанами²⁰.

Ходом в той же игре стало и мартовское назначение начальником отдела по труду РМО своего человека — Пойкерта, одновременно бывшего уполномоченным ГБА в РКУ²¹.

Но все же главного Заукель не разглядел — или не захотел увидеть: после Сталинграда — это была уже другая война. И в 43-м году он продолжал мыслить в категориях успеха 42-го года, а посему напряженно работал над разнарядками своей очередной, Третьей, вербовочной программы.

16 февраля 1943 года Центр по планированию утвердил квоты на первый квартал: 400 тыс. чел., из них 200 тыс. — из России, 60 — из Франции, по 40 — из Польши и Бельгии, 30 — из Голландии, 20 — из Словакии и 10 — из Протектората (Чехии)²². На март была запланирована серия операций в Белоруссии, нацеленная на вербовку в Рейх 30 тыс. юношей и девушек в возрасте от 15 до 18 лет²³.

Увы, сотрудники Заукеля на местах уже не могли позволить себе пребывать в столь благостном арифметическом сне²⁴. Недаром Геббельс, отметив нарастающее неудовольствие фюрера по поводу отсутствия у Заукеля способностей выполнять взятые на себя обязательства, записал в дневнике, что эта *«массивная тумба из Веймара плетется в хвосте своих арбайтсамтов»*²⁵. Фюрер был раздражен, недоволен: у него и без того было много причин для гнева и огорчений.

Впрочем, был он к Заукелю несправедлив — тот делал все, что еще было в его силах. Так, например, он категорически запретил, — вопреки собственным обещаниям, — предоставление остарбайтерам отпусков для поездки на родину (только — в исключительных, сверхобоснованных и перепроверенных случаях!)²⁶. Простое выполнение взятых обязательств из затруднительного становилось решительно невозможным.

Тем более в условиях конкуренции с вермахтом: 6 февраля ОКХ отдал приказ о введении трудовой повинности в оперативной зоне. Противодействие и бойкот со стороны военных вновь набрали силу. Так, главнокомандующий группой армий «А» фельдмаршал фон Клейст 17 февраля приказал в подвластной ему зоне вербовку отныне вести только на добровольной основе. Измотанный партизанами и прекрасно отдающий себе отчет во взаимосвязи явлений, каковую приходится «расхлебывать» не Заукелю в далеком Берлине, а именно ему, фельдмаршал открыто осудил и те «бесчеловечные методы», с которой велась вербовка²⁷.

В начале марта и генерал Фридрици, командующий группой армий «Зюд», приказал, — и еще жестче, чем в ноябре 1942 года, — на подчиняющейся ему территории вербовку временно прекратить. Его примеру последовал и высокий чин гражданской администрации — генерал-комиссар Крыма гауляйтер Фрауэнфельд, согласовав при этом свое решение с рейхскомиссаром Украины (а это сделало

невозможным получение даже тех 2—3 тыс. чел., что были подготовлены к отправке в Рейх из числа 15 тыс. беженцев в Аleshках под Мелитополем).

Приказ Главной ставки фюрера от 9 июля 1943 года фактически приравнивал пленных партизан к военнопленным, что имело два весьма существенных следствия: во-первых, их перестали без суда и следствия расстреливать, а во-вторых, наравне с другими военнопленными, их стали использовать на «трудовом фронте»²⁸.

Таким образом: всех, кого только можно было схватить и вывезти, — хватали и вывозили. И, разумеется, — «без сентиментальностей!».

Но в ведомствах ГБА и ВШО в далеком Берлине, как и в инспекциях на местах, слишком хорошо знали, что никаким пряником в Германию уже никого не заманишь и что без «легкого» насилия — работать не заставишь! И 10 марта Заукель взял, по выражению А. Даллина, быка за рога и телеграфировал Гитлеру: *«Мой фюрер! Во имя того, чтобы я мог выполнить свою задачу, прошу Вас отменить эти приказы»*²⁹. Аналогичное обращение было направлено и Кейтелю.

Заукель резко протестовал против препон, чинимых военными вербовке в Рейх и требовал от вермахта неукоснительного и, напротив, нарастающего выполнения прошлых директив фюрера. Удары военных он парировал все более и более острой потребностью немецкого сельского хозяйства и оборонной промышленности в рабочей силе, а также тем, что в последнее время местное население не выказывало ни малейшей склонности к сотрудничеству с немцами, плюс славянской привычкой к непременному себя понуканию. Все это, по заукелевской логике, никак не позволяло отказаться ни от вербовки, ни от применения «некоторых мер принуждения»³⁰.

И уже 11 марта наверху распорядились: все оставить, как было, программу вербовки не пересматривать, «вредные» приказы военных отменить и обязать вермахт максимально споспешествовать проведению вербовки в Рейх³¹.

Военные, в частности, были вовлечены в ряд крупных антипартизанских акций, сопровождавших, как правило, «зачисткой» территорий от сочувствующего им — и стало быть, всего — населения. Вместе с тем столкновение интересов ГБА и армии было слишком объективным и слишком явным: уже в апреле ГБА вновь встретился с сопротивлением вербовке в Рейх со стороны АОК-6 (районы Красный Луч, Чистяково, Серго).

Едва успев отбиться от военных, Заукель был вынужден выдерживать новую атаку — на сей раз со стороны Шпеера. Последний обратил внимание на то, что количество рабочих, завербованных для работы в Рейхе, по широко рекламируемому данным от самого Заукеля и по данным, которыми располагал Шпеер, не стыкуются друг с другом,

причем разница исчислялась сотнями тысяч человек! Этот вопрос всплыл 12 апреля 1943 года, на заседании в рейхсканцелярии, в котором участвовали Ламмерт, Геринг, Шпеер, Мильх, Заукель, Гиммлер, Борман и Кейтель, — после того как Заукель усомнился в правильности расчета потребности германской экономики в рабочей силе, составлявшей, по Шпееру, 2,1 млн. чел. Заукель тогда зашелся от возмущения, и большинство встало на сторону старого партайгеноссе, столь много и столь успешно трудящегося на ниве вербовки рабочей силы в Рейхе.

Что касается злополучной разницы, то она скорее всего проистекала из различий учета: Заукель опирался на статистику своих арбайтсамтов, учитывавшую всю отправленную на производство рабочую силу, независимо от того, примет фабрика или завод всех посланных рабочих или только часть, тогда как заводы регистрировали у себя только тех рабочих, кого они на самом деле приняли¹².

Одержав таким образом чиновничью «победу» над вермахтом и Шпеером, Заукель издал 15 апреля 1943 года распоряжение об улучшении условий труда остарбайтеров в Рейхе. Несколькими днями позже, к 20 апреля — очередному дню рождения Гитлера — он выпустил новый «Манифест», своей трескучестью вызвавший вспышку гневного раздражения даже у Геббельса¹³.

Тем не менее после этого во второй половине апреля в очередной многодневный тур по оккупированным территориям Заукель отправился триумфатором¹⁴. К приезду шефа его опытные подчиненные приготовили маленький сюрприз в его собственном стиле: 20 апреля 1943 года (в день рождения Гитлера) в Рейх с почетом был отправлен тысячный по счету эшелон!

Подводя итоги своих годовичных стараний, Заукель предельно бодро отапортовал Гитлеру как о достигнутых победах (а это, по его данным, составляло как-никак 3.638.056 новых иностранных рабочих рук!), так и о намерении снять в 1943 году новую жатву. Его уточненная Третья программа предусматривала поставку к середине марта 1943 года 180 тыс. чел. с востока, из них по 30 тыс. из РКО и ОЗМ, а из РКУ и ОЗЗ — суммарно 120 тыс. чел.¹⁵ Начиная с 15 марта 1943 года, Заукель рассчитывал получать с востока ежедневно по 5 тыс. чел., из них по 3 тыс. — из РКУ (включая области восточнее Днепра), 1 тыс. — из ОЗЗ (Чернигов, Сумы, Харьков, Сталино, Крым) и по 500 чел. — из ОЗМ и белорусской части РКО. Начиная с 1 апреля — поставки требовалось удвоить!

Всего на 1943 год было запланировано 1,6 млн. пар рабочих рук. Из них 1 млн. предназначался для промышленности, а остальные — для сельского хозяйства. Большинство (1 млн.) расписывалось на остарбайтеров, 150 тыс. на поляков и еще 450 тыс. — на рабочих из западных стран¹⁶. Свой «остовский» миллион ГБА расписал следующим образом (тыс. чел.)¹⁷: РКУ — 600, ОЗЗ — 200, ОЗМ — 100, Белоруссия — 100, ОЗН — 30, балтийские страны — 53. А вот

П.1. У дверей арбайтсамта. Украина, 1941 г.
(ШГакФ, оп. 3, п. 112, сн. 10, тр. ф. Кlose)

II.2а. Заукель и Гитлер (BfZG, Sammlung «Sauckel», Nr 333/37)

II.2б. Заукель и Кейтель
(ГАРФ, фотоальбом
«Нюрнбергский процесс»)

II.2в. Эрих Кох,
рейхскомиссар Украины
(BfZG, Sammlung «Koch»)

И.З. Первомай 1944 года в Бобруйске (ШГАКФ, оп. 2, п. 529, сн. 9)

П.4. Регистрация рабочей силы. 1941 г. (1942?) (ШГАКФ, оп. 3, л. 261, сн. ф. 82, тр. ф. 109рп11)

II.5a. Корзина с продуктами для остающейся дома семьи 350-тысячного завербованного (ЦГАКФ, оп. 2, п. 418, сн. 2)

II.5б. Перед отправкой в Германию. Начальник службы труда ОЗЗ Бонг-Шмидт вручает часы 350-тысячному завербованному. Чернигов, 9 июля 1942 г. (ЦГАКФ, оп. 2, п. 418, сн. 6)

II.6. Колонна утопленных перед погрузкой в автомобили.
Весна 1942 г. (ЦДАКФ, оп. 3, п. 261, сн. 84)

II.7. Перед отправкой в Германию. 1942(?) г. (ЦГАКФ, оп. 3, п. 261, сн. 85, тр. ф. Vorpahl)

II.8. На «Мерседесах». Украинские рабочие на пути к железнодорожной станции. Лето 1942 г.
(BA/BA, Nr 69/100/17)

II.9. «Прощайте, мамы!...». На железнодорожной станции. Лето 1942 г.
(BA/BA, Nr 92/114/30A)

II.10. Прощальный взгляд. Лето 1942 г. (ВА/ВА, № 92/114/29А)

II.11. У колонки. Остановка на пути в Германию. Лето 1941 г. (1942?) (ВА/ВА, № 86/3559/17А)

II.12. Перед отправкой в Германию. Могилев, январь 1943 г. (ЦГАКФ, оп. 3, п. 530, сн. 1)

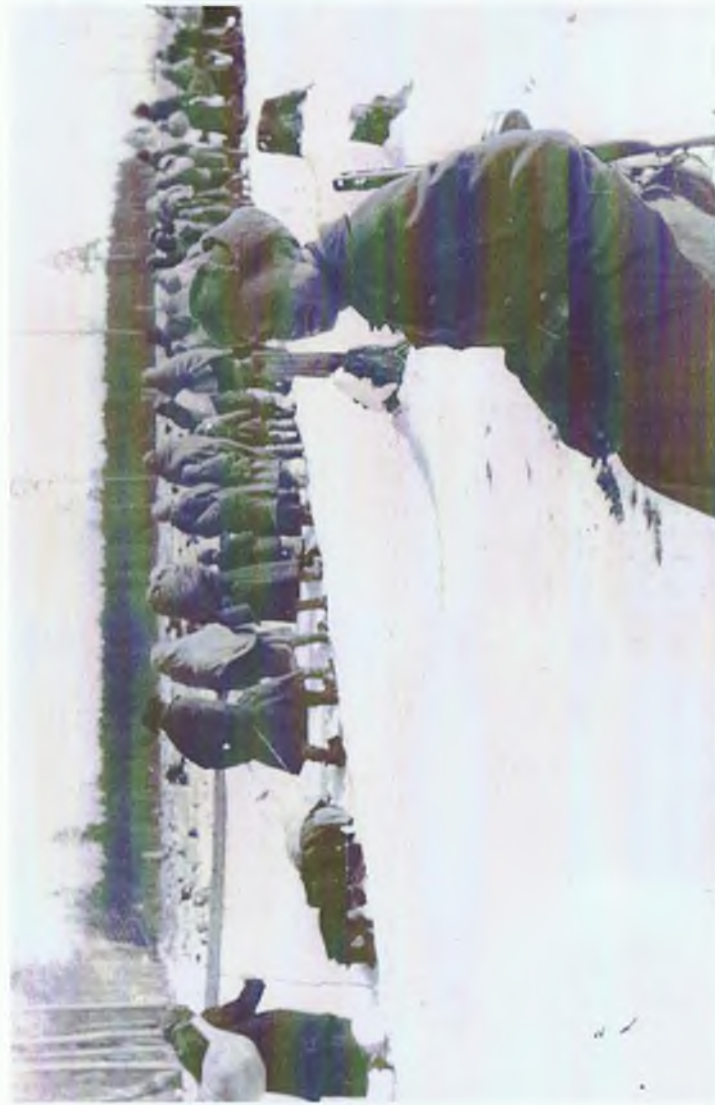
II.13. Под охраной. Автопоезд с угоняемым населением. Могилев, июль 1943 г.
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 530, сн. 2)

II.14. Повозка с беженцами, покидающими район боевых действий. Район Сталинграда, октябрь 1942 г.
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 141, сн. 15)

II.15. Беженцы у сборного пункта для эвакуированных. Район Сталинграда, ноябрь 1942 г.
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 142, сн. 17)

П.16. «Зондерация». Местные жители, прятавшиеся от немцев в лесу, обнаружены и конвоируются в деревню.
Рогачевский район Гомельской области, апрель 1944 г.
(ЦГАКФ, оп. 2, п. 504, сн. 4)

300-тысячный «заказ» к июню³⁸: РКУ — 140, ОЗМ — 60 (в том числе Харьков и Сумы — по 20, а Чернигов и Сталино — по 10), ОЗЗ и Белоруссия — по 50.

Да здравствует Третья программа Фрица Заукеля — спасителя Германии!..

В реальности, однако, все было не так просто и не так радужно. В феврале, например, — при «плане» в 90—100 тыс. — из оперативных зон армий было поставлено всего 5.384, в марте — 17.516 чел. В Койдановском районе в РКО из почти 3000 человек, подлежащих отправке в Рейх, действительно удалось собрать и отправить всего 28 чел., или около 1 % от намеченного³⁹. В КТБ нам встретился любопытный пример, отчасти раскрывающий «механизм» такого провала с вербовкой. Так, в районе Чернигова с 27 по 29 марта 1943 года был проведен повозрастной набор 15—45-летних с целью вербовки в Рейх, давший следующие результаты. Из 5.900 человек, обязанных явиться, действительно явилось только 2.400 (или 2/5). Из этого числа 1.400 чел. (или около 3/5) оставлены ради использования для местных нужд, а 378 чел. признаны больными. Пригодными же к отправке сочтены лишь 556 чел., каковые и были собраны в охраняемый лагерь, откуда 350 человек ночью благополучно сбежали. В итоге лишь 206 чел. (или около 3 % от запланированного количества) могли быть препровождены в Киев для дальнейшей транспортировки (во время и после которой этот процент мог еще уменьшиться).

Такой на деле была эффективность усилий вербовщиков Заукеля, которым ничего не оставалось, как записать в КТБ, что в южной части района Чернигова вербовка ведется заново и результаты ожидаются несколько лучше прежних⁴⁰.

Как видим, берлинские планы и предназначения по-прежнему плохо соотносились с советской реальностью, и после зимнего вербовочного фиаско надвигалось не менее сокрушительное весеннее.

Тем не менее всюю шло экстренное выявление работоспособных в возрасте от 10(!) лет и старше, но в первую очередь из возрастных когорт 1923—1926 годов рождения. В результате были спешно залатаны, — в том числе и за счет подготовленного для отправки в Рейх контингента, — дыры в местном трудовом балансе⁴¹. Это стало возможным только под угрозой насилия и только в ходе спецопераций при участием полиции⁴².

И тут свершилось невероятное. Проржавевший, засорившийся, уже негодный, казалось бы, насос вдруг снова почувствовал в себе силы — и, смазанный кровью погибших в зондерациях, снова начал тархтеть и хлюпать, засасывать и потихоньку качать! Качать!⁴³

В апреле и мае из оперативных зон было поставлено, соответственно, 23.269 и 23.875 чел. Так что к Первомаю⁴⁴ итоги упорного труда заукелевских служб на востоке тянули уже почти на 2 миллиона

гражданских рабочих: всего в Рейх было отправлено 1.771.562 чел., из них 919.161 чел. из зоны гражданского управления и 852.401 — из оперативных зон⁴⁵. К этому следует добавить начавшееся в апреле переселение 42 тыс. ингерманландцев («фольксфиннов») из РКО в Финляндию⁴⁶.

В конце весны 1943 года впервые был применен, так сказать, «структурный» подход. К отправке в Рейх стали готовить не только огульными списками, но и целыми трудовыми коллективами (прежде всего тех предприятий, которые по тем или иным соображениям были нужнее всего), причем рабочих старались переквалифицировать — с учетом потребностей Рейха — еще на месте⁴⁷. Это новшество, в сущности, было ни чем иным, как скрытым началом эвакуации квалифицированных рабочих с одновременным переносом на оккупированные земли внутригерманского опыта по мобилизации всех внутренних ресурсов производства⁴⁸. Квалифицированных рабочих увозили всех и принудительно⁴⁹. Пересматривались даже патенты, уже выданные рабочим и ремесленникам!

«Внутренние ресурсы» изыскивались и в сельском хозяйстве: по завершении посевной было приказано высвободить на другие нужды 10 % сельхозрабочих: соответствующие разнарядки были «спущены» в каждую общину, в каждую деревню, и нетрудно представить себе, как все происходило на месте. К тому же летом немцы занялись внутрирайонным переселением: целые деревни из «зараженных бандитизмом» районов переселялись в лагеря в более управляемых местах близ железных дорог⁵⁰.

С апреля 1943 года было разрешено направлять в Рейх целые семьи с детьми моложе 14 лет, причем дети от 10 лет, если они здоровы и физически крепки, считались работоспособными⁵¹. В Белоруссии под вопросом оказалось и правило, согласно которому остающееся на родине крестьянское хозяйство размером от 7 га и выше (муж и жена) было вправе оставить с собой одного сына или двух дочерей⁵².

Даже тиф, — а с 10 марта в Нежине и ряде районов Черниговщины (Мала, Девиц, Лозиновка, Куликовка) было зафиксировано 200 случаев сыпняка, — не пугал энтузиастов-вербовщиков: лишь в трех случаях угроза эпидемии и рекомендация врача остановили отправку транспортов, тогда как семь транспортов (правда, весьма малочисленных — суммарно в 1179 чел.) были отправлены в Рейх⁵³.

В свете всего сказанного несколько неожиданно и даже парадоксально, что на оккупированных территориях по-прежнему существовала... безработица! В марте, например, в одном только Сталино и окрестностях было 94 тыс. безработных (из них 76 тыс. женщин), в Таганроге — 15 тыс. чел⁵⁴.

Вместе с тем сравнительная острота потребности в рабочей силе в Рейхе и на востоке так и не была определена, что обостряло борьбу за соответствующие структурные приоритеты⁵⁵. Противники вербовки

AMTLICHE BEKANNTMACHUNG!

ACHTUNG

Jugendliche der Jahrgänge 1922-25.

An dem ersten Transport der Arbeitsdienstpflichtigen in das deutsche Reich sollen auch die männlichen Jugendlichen beteiligt werden.

Es richten sich daher sämtliche männlichen und weiblichen Jugendlichen der obigen Jahrgänge, die nicht im Besitze eines vom Arbeitsamt ausgestellten Freistellungsausweises sind, ohne Rücksicht auf die zu Ziti noch von ihnen ausgeübte Tätigkeit auf den nachstehenden Abreisetag ein.

ABREISETAG: Donnerstag, der 3. Juni 1943, 7.00 morgens.

SAMMELPUNKT: Vorplatz des Hauptbahnhofes Kiew.

Für die Jugendlichen aus Darniza und Umgebung fährt um 6.30 Uhr ein Zubringerzug zum Hauptbahnhof Kiew.

Ich erwarte, daß alle in Betracht kommenden Jugendlichen ausnahmslos und pünktlich zur Abreise erscheinen.

Kiew, den 31. Mai 1943.

Der Stadtkommissar in Kiew.

ОФІЦІЙНЕ ПОВІДОМЛЕННЯ

УВАГА

молодь років народження 1922-1925.

У першому транспорті трудовобов'язаних до Німецького Рейху повинні брати участь також і хлопці.

Тому всі хлопці і дівчата вказаних років народження, що не мають відомого Біржею праці свідоцтва про звільнення, не мають роботи, яку вони зараз ще виконують, повинні приготуватися до наступного дня від'їзду.

ДЕНЬ ВІД'ЇЗДУ: четвер, 3 червня 1943 р., 7 год. ранку.

МІСЦЕ ЗБОРУ: площа перед головним Київським вокзалом.

Для молоді в Дарниці та її околицях о 6 год. 30 хв. з Дарниці відходить спеціальний поїзд до головного Київського вокзалу.

Я чекаю, що вся зобов'язана до цього від'їзду молодь з'явиться для від'їзду без винятків і точно.

Київ, 31 травня 1943 р.

Київський Штабвійськової

Рис. 2.4.1. Официальное уведомление для молодежи г. Киева 1922—1925 годов рождения об отправке в Рейх 3 июня 1943 г. (ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 169)

В/у-гм 174 № 11
УПРАВЛІННЯ ПРАЦІ

м. Запоріжжя.

Прізвище

Алексєва

Ім'я

Мобов

По батькові

Місце мешкання

Ющенківський

Вулиця

Вісницька

Будинок

№ 22

Біж. № 4493
Дата народження

Проф. група

Німецьке Управління Праці м. Запоріжжя пропонує Вам з'явитися числа 23 місяця 1942 року у 2 годин дня в Управлінні Праці, яке знаходиться по вул. Троцькій № 27, 2 поверх, кімната № 23, де Вам треба пред'явити це повідомлення.

За неявку в указаний час буде притягнуті до відповідальності.

м. Запоріжжя

23/6 1942 року

Рис. 2.4.2. Повестка в арбайтсамт. Запорожье, 23 июня 1943 г.
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 67, л. 11—11об.)

в Рейх требовали преимущественного права на трудоустройство по меньшей мере для горнодобычи и для программы производства вооружений на Украине (кодовое название «Иван»)⁵⁶. Кроме отраслевого аспекта эта борьба имела и региональный срез: так, во втором квартале 1943 года была снова свернута вербовка из ОЗН.

Всего в мае вербовщики поставили в Рейх 133.794, а в июне — 81.622 чел. А вот из «запланированных» на июнь приблизительно 120 тыс. чел. из оперативных зон было набрано лишь 17.358 чел.⁵⁷

После июльского провала наступательного порыва вермахта под Курском и началом широкого отступления оперативная задача ГБА еще более «расширилась» и видоизменилась. В изложенной Гиммлером директиве Гитлера от 8 июля 1943 года это формулировалось так:

«1. Фюрер принял решение очистить угрожаемые бандитами районы Северной Украины и Центральной России от всякого населения»;

2. Все работоспособное мужское население поступает в распоряжение ГБА на правах военнопленных <выделено мной — П.П.>;

3. Женское население предназначено ГБА для работы в Рейхе»⁵⁸.

Называлось все это «тотальной мобилизацией» и сводилось, в сущности, к тому, чтобы не оставлять Советам вообще ни одного трудоспособного. Первоочередной эвакуации подлежало все мирное население 20-километровой прифронтовой полосы. Вскоре, 14 июля, в Минск прилетал Заукель, решительно не желавший и слышать о какой-либо либерализации в вопросах вербовки⁵⁹. Разумеется, вопрос «о сентиментальности» более не дебатировался.

7 сентября Гиммлер издал приказ о переходе к «тотальной войне», составной частью которой стала и «тотальная мобилизация». Гиммлер требовал, чтобы *«при отходе из Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса...»⁶⁰.*

В меру возможного все эти приказы выполнялись. В Новгороде, например, на момент его освобождения Красной Армией не оказалось вообще ни одного жителя!⁶¹

За апрель—сентябрь 1943 года с Таманского полуострова было эвакуировано около 80 тыс. чел., из них около 2 тыс. отправлено в Рейх. Основными сборными пунктами для эвакуируемых стали: Луцк, Проскуров, Житомир, Винница, Николаев, Кировоград, Киев и Кривой Рог⁶². Часть (вместе с членами семей) была отправлена в Рейх, остальные оставались на месте для строительства укреплений.

Но невзирая на угрозу конфискации или уничтожения имущества (а немецкие солдаты, уходя, были не прочь помародерствовать) и даже расстрела, большинство населения от угона в Германию, как правило, уклонялось, предпочитая такому путешествию окрестные

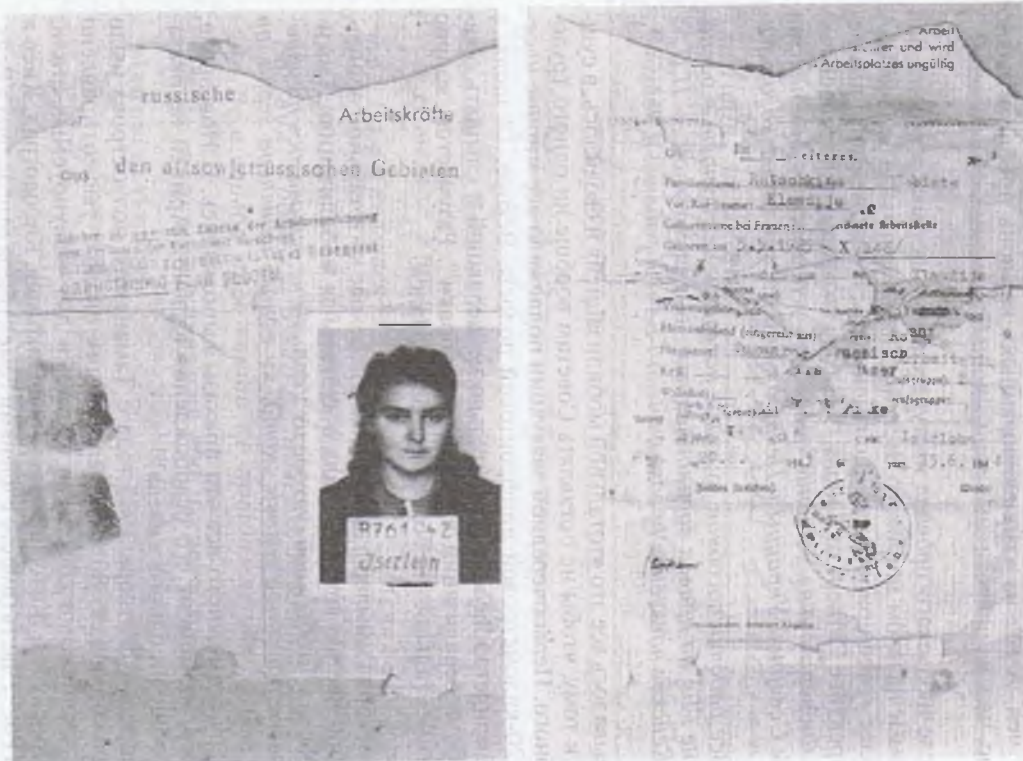

Рис. 2.4.3. Удостоверение оstarбайтера Клавдии Ручкиной.
Выдано в Таганроге, 20 августа 1943 г. (предоставлено С.Н.Емельяновым, Таганрог)

Рис. 2.4.4. Эвакуационное предписание Анны Побединской.
Запорожье, 20 сентября 1943 г. (ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 169)

партизанские леса. Только за неполное первое полугодие 1943 года число партизанских отрядов возросло вдвое, а их суммарная численность — более чем вдвое, составив, по немецким данным, около 125 тыс. чел. Соответственно удвоилось и число нападений на поезда, причем, согласно немецким картам, наиболее опасными были перегоны между Киевом и Коростенем и между станциями Сарны и Белокоровичи, а также районы Ковеля и Шепетовки. К августу активность партизан возросла настолько, что начальник ВШО Штаф опасался краха всей существующей транспортной сети⁶³.

С началом тотальной мобилизации добыча рабочих рук окончательно стала одной из главных целей немецких карательных зондерраций против партизан и мирных жителей. Так, в ходе ряда сентябрьско-октябрьских операций в ОЗМ (кодовые названия «Фритц», «Сло-ним» и «Генрих») было «отбито» более 20 тыс. чел. и тут же трудоу-
действовано, в том числе около 10 тыс. чел. в Рейхе⁶⁴.

Для осуществления мероприятий по эвакуации и охране беженцев и эвакуируемых выделялось около 3 % наличного состава войск, получивших приказы действовать с предельной жестокостью⁶⁵. С привлечением таких сил и из оперативной зоны вермахта, по данным служб труда на конец октября, в Германию (и отчасти в Прибалтику⁶⁶) было перемещено — по железной дороге, на телегах или пешим маршем — около 890 тыс. чел., из них из ОЗЗ — 443, из ОЗМ — 350 и из ОЗН — 97 тыс. чел.⁶⁷ Почти 70 % из них, более 620 тыс. чел. (в том числе 385 тыс. эвакуированных принудительно), в конце октября сумели достичь Днепра или приемных лагерей (Десна в Белоруссии. Олита в Литве) западнее так называемого «Восточного вала» — нового укрепленного эшелонированного рубежа вермахта на линии Мелитополь—Днепр (другое его название — «Пантера»)⁶⁸.

Когда в начале декабря 1943 года в штабсгруппе «Труд» ВШО решили подсчитать, а сколько же примерно учтено за эти 11 месяцев беженцев и эвакуированных «на запад», то цифры оказались впечатляющими и сравнимыми с итогами почти двухлетней вербовки: за неполный год, — около 1,8 млн. чел., из них 1,2 млн. — эвакуированные, остальные — беженцы⁶⁹! Не все, правда, доехали до Германии.

Первый поток беженцев — с Кавказа — насчитывал около 100 тыс. чел., беженцы с Таманского полуострова — около 80 тыс. чел., из Орловского котла — еще 60 тыс. (кроме 160 тыс. из ОЗЗ, эвакуированных вторично), операция «Перелетная птица» (район Вязьмы—Ржева) — дала 130 тыс. чел., и далее — по оперативным зонам (тыс. чел., учет начиная с июля; в скобках — количество захваченных, то есть эвакуируемых насильственно, людей): ОЗЗ — 520,5 (375), ОЗМ — 535 (351) и ОЗН — 212,4 (212,4). На северном фланге эвакуируемые скапливались в Западной Белоруссии и Литве, заметным — 34,8 тыс. чел. — был и поток ингерманданцев, эвакуировавшихся из Эстонии в Финляндию⁷⁰.

Приведем также данные по «хиви» — категории, более или менее обреченной на эвакуацию. Потребность в «хиви», по состоянию на 15 марта 1943 года, составляла 310 тыс. чел., из них в наличии, на ту же дату, было 136.569 чел., большая часть «хиви» (102.773) состояла из бывших военнопленных⁷¹. К 1 декабря 1943 года отряды «хиви» (включая сюда и «Организацию Тодта») насчитывали уже 244,7 тыс. чел., в том числе военнопленные 171,4 тыс. чел. и гражданские — еще 74,6 тыс. чел.⁷²

Среди сотен тысяч беженцев и эвакуированных были и десятки тысяч фольксдойче, о которых немецкое командование заботилась в первую очередь. В частности, в ОЗ группы армий А к ноябрю скопилось 65—70 тыс. фольксдойче, главным образом из Хальбштадта на юге генераль-бецирка Николаев (41,6 тыс. чел.), а также Киева, Хортицы, Днепропетровска и Крыма. Рядом привилегий пользовались и боевые соединения казаков (в декабре 1943 года — около 3 тыс. чел.) и местные коллаборанты, активно сотрудничавшие с оккупационной администрацией (около 120 тыс. чел.)⁷³.

Разумеется, вербовщики Заукеля развернули свою деятельность в главных местах скопления беженцев⁷⁴ и охотно вносили их в свои картотеки⁷⁵. Из них, по данным на середину декабря⁷⁶, было набрано около 86 тыс. чел., в том числе 50 тыс. из ОЗМ и 35 тыс. из ОЗЗ. Выбирали переборчиво, гнались не только за количеством (учитывались и 10-летний пацан, и 65-летний старик), но и за качеством, предпочитая трудоспособных⁷⁷. Семьи старались не разбивать, но пригодными для трудоустройства в Рейхе признавались лишь те, где работоспособных было не меньше половины.

Ощутимую прибавку принесли и зондеракции, о которых у людей сохранилось столько тяжелых воспоминаний: те самые деревни, взятые на рассвете автоматчиками в кольцо. За 10 месяцев 1943 года 28 таких операций дали в общей сложности 125.020 чел., из них 73.758 чел., или 59 %, были отправлены в Рейх⁷⁸.

Со всем этим, отчасти, связан ощутимый всплеск трудоустановок из оперативной зоны в Рейх осенью 43-го. А самый конец года принес вербовщикам парочку профессиональных юбилеев: 1 декабря — уехал 200-тысячный остарбайтер из ОЗМ, а где-то между 4 и 7 декабря — так долго все никак не дававшийся миллионный остарбайтер из оперативной зоны в целом!

Всего же с начала вербовочной кампании из оперативных зон было поставлено в Рейх 1.013.727 чел. (из них 74,1 % — из ОЗЗ, 20,3 % — из ОЗМ и 5,6 % — из ОЗН), в том числе 211.970 чел. — за 1943 год⁷⁹. Из зоны гражданского управления было угнано несколько больше — 1.337.230 чел., из них 1.186.034 чел. — из РКУ. Общее число официальных остарбайтеров на конец 1943 года составляло таким образом около 2,3 млн. чел.

Суммарное число мобилизованных за год иностранцев составило 1.427.680 чел., не так уж и сильно отстав от заукелевских начальных

рапортов. К 15 ноября 1943 года общее число иностранных рабочих в Рейхе достигло 5.411.801 чел., две трети из них составляли мужчины. Остарбайтеров из довоенного СССР было среди них больше всего — 1.778.451 чел., среди них преобладали — правда, незначительно (52,6 %) — женщины⁸⁰.

Примечания

¹ Так, в КТБ за 06.02.1943 читаем, что в районах восточнее линии Таганрог — Красный Луч — Лисичанск достигнут 100-процентный уровень вербовки: *«Этот успех может, правда, быть сведен на нет отсутствием колесного транспорта. Переговоры с транспортщиками ведутся»*.

² Однако в связи с кратковременным завоеванием западных предгорий Северного Кавказа возник тот же гамлетовский вопрос: как же быть с кавказскими народностями, брать или не брать их в Рейх? 11.01.1943 под председательством д-ра Рахнера состоялось специальное совещание, на котором было решено для работ в Рейхе набирать только русских и украинцев (представители же кавказских народов, а также кубанские и терские казаки могут быть приняты в «хиви» или использоваться для работ на местах). Тех же из кавказцев, кто уже работает в Рейхе, решено было осчастливить своим особенным (с изображением Эльбруса) знаком, а также правом семейного трудоустройства (с детьми до 14 лет). Пройдет еще немного времени, войска отступят (а с ними и службы труда в Черкесске и Микоян-Шахаре), и эта проблема отпадет сама собой, сохранившись разве что в виде шлейфа беженцев.

³ Так, в отчете почтово-цензурного ведомства о содержании переписки жителей Киева за первое полугодие 1943 года, сообщается о дурной славе дулага на Львовской улице: ужасные санитарные условия, побои со стороны администрации лагеря и т.д. Некая религиозная община — «Ставропигиальный монастырь при Всехсвятской церкви» (Садовая ул., 76) и принадлежащий к ней никому не известный архимандрит Михаил были уличены в изготовлении фальшивых документов, освобождающих от вербовки в Рейх. См.: *Meldungen über falsche Behandlung der Ostarbeiter im Reich und falsche Anwerbungs bzw. Erfassungsmaßnahmen in der besetzten Ostgebieten* (BA, R 55, № 1483, Bl. 27—37).

⁴ В начале года прозвучал даже призыв разыскать в Рейхе наиболее лояльных рабочих и разрешить им приехать на короткое время домой в отпуск, с тем чтобы они могли оказать пропагандистское воздействие на соотечественников. К середине июня решение об этой акции (под кодовым названием «Акция Берлин») было принято: 30 остарбайтеров-пропагандистов должны были собраться в Берлине и, после инструктажа, поступить, по десятку, на 4 недели в распоряжение инспекций ВШО (КТБ, 15.06.1943, 24.06.1943). Эти доверенные «отпускники» прибыли в районы Сталино и Орла.

⁵ В результате кампании по вовлечению местного населения, а также военнопленных в ряды «хиви», по данным КТБ за 15.01.1943, было привлечено 82.621 бывших военнопленных (из них до 40 % — из ОЗМ) и 26.233 гражданских лиц (тут первенствует ОЗ группы армий «В»).

⁶ Так, из 17.840 беженцев в Мелитополе 598, а из 9.182 беженцев в Запорожье 522 — были завербованы и отправлены в Рейх. Большинство —

- фольксдойче или кавказцы. Их поток к началу марта почти иссяк, часть из них (кроме фольксдойче) возвратилась в родные края (КТБ за 08.03.1943).
- ⁷ Любопытно, что это сделали войска Воронежского фронта, которым в это время руководил генерал Голиков — будущий глава Советской репатриационной службы (см. главы 4—6).
- ⁸ Служба труда в Харькове вскоре была воссоздана. По ее оценкам, в городе находилось от 40 до 50 тыс. 14—25-летних русских, кроме того в городе осталось около 700 ученых, вопрос об использовании которых предполагалось решать отдельно.
- ⁹ В свете этого аргумента, честно говоря, просто излишним, если не сказать сентиментальным, видится намерение ГБА повысить минимум зарплаты оstarбайтерам с 40 до 50, а юношам — с 3 до 12 RM.
- ¹⁰ КТБ, 27.04.1943. Ср. там же: «Вербовка трудная, т.к. добровольцы встречаются крайне редко». Или: «Население всеми силами противится вербовке» (КТБ, 8.06.1943).
- ¹¹ См. отчет руководителя операции бригаденфюрера СС и генерала полиции К. фон Готтберга от 24.02.1943 (Белорусские оstarбайтеры-2, с. 79—83, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 1. Л. 101—104). Кстати, примерно в это время для пропагандистского обслуживания вербовки в Рейх был создан «Союз Белорусской молодежи» (Белорусские оstarбайтеры-2, с. 71—76, со ссылкой на: ВА, RH, 6/486, л. 10—12).
- ¹² См.: Белорусские оstarбайтеры-2, с. 28—29, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947. Л. 262—263. О некоторых других операциях и их результатах см.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 14.
- ¹³ Белорусские оstarбайтеры-2, с. 38, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947. Л. 277.
- ¹⁴ КТБ, 12.04.1943.
- ¹⁵ Retlinger, 1960, p. 271.
- ¹⁶ Нюрнбергский процесс-1, т. 1, с. 790.
- ¹⁷ Примечательно, что почти в то же самое время, только не в Веймаре, зондерации шли полным ходом (см., напр., Homze, 1967, p. 160).
- ¹⁸ Так, д-ру Ксю было поручена проверка условий труда и жизни оstarбайтеров на промышленных предприятиях в Рейн-Вестфальской промышленной области. И, хотя условия снабжения военнопленных и оstarбайтеров в Рейхе были улучшены, проведенное им обследование выявило сильное разочарование людей, что, конечно же, сказывалось и на падении их трудоспособности и трудоготовности. Все чаще стали поступать сведения о несчастных случаях и отравлениях со смертельным исходом (метилловым спиртом, кислотой, «крысиным хлебом» и т.д.), вызванных недостаточным вниманием работодателей к их нуждам. Вербовщики просили ГБА информировать их о таких случаях, а главное — добиваться от предприятий усилий по спасению людей.
- ¹⁹ См.: Runderlass № 57/43 (Staatsarchiv Freiburg, Bt. L 100/1, № 56, Bl. 73—73R.). Однако сдается, что этот указ так и остался на бумаге. Во всяком случае упоминания этих специалистов в известной нам документации об оstarбайтерах не встречались.
- ²⁰ См.: Белорусские оstarбайтеры-2, с. 26—28, со ссылкой на: НАРБ. Микрофильм № 112.
- ²¹ В борьбе за это Заукель сыграл на враждебном отношении к Розенбергу партийной верхушки и рейхскомиссара Украины Коха. Об этом назначении и об образовании нового отдела вместо спецгруппы «Трудовая политика и социальное управление» сообщалось в министерском «Информационном

- листке». См.: Mitteilungsblatt des RMdbO. Berlin. № 9. 2. April 1943. S. 5 (РГВА. Ф. 1358к. Оп. 4. Д. 10). Уполномоченным в РКУ (и одновременно в ОЗ «Дон-Донец») Пойкерт стал 28.11.1942.
- ²² На заседании № 33 Центральной плановой комиссии от 16.02.1943 фигурировало иное соотношение между Францией и Россией: соответственно, 100 и 150 тыс. чел. (РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 51). Так же и в беседе, состоявшейся 29.04.1943 у Геринга, назывались другие цифры (тыс. чел.): Россия — 500, Прибалтика — 200, страны Запада — 500 (РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 80. Л. 5—6).
- ²³ См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 227—230, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 67—69.
- ²⁴ Не говоря уже о том, что «на местах» иногда бывало всякое. Так, например, 08.04.1943 был застрелен заукелевский представитель в Варшаве.
- ²⁵ См. в: Dallin, 1958, s. 446—447.
- ²⁶ Но и в случае предоставления отпуска за «курортниками» должно вестись обязательное наблюдение. Опасались, что они вступят в контакт с партизанами и даже будут доставлены самолетом для дачи показаний в Москву.
- ²⁷ Dallin, 1958, s. 454.
- ²⁸ Существенным для нашей темы является и добавление (от 05.08.1943) к указанному приказу, согласно которому военнопленные-женщины переводились на положение гражданских лиц и подлежали отправке в Германию на положении «восточных рабочих» (см. Дугас, Черон, 1994, с. 198).
- ²⁹ Prozess, Bd. 2, s. 3. С аналогичной просьбой обратился и генерал-квартирмейстер Вагнер.
- ³⁰ Производит впечатление — своим цинизмом — и запись в КТБ за 16.03.1943: *«Что касается упрека со стороны военных в том, что применяются недопустимые методы вербовки населения, то о таковых неизвестно ни руководителю группы по труду, ни руководителю штаба Заукеля».*
- ³¹ См.: Dallin, 1958, s. 454.
- ³² Speer, 1993, s. 276—277, 553. Достойна быть упомянутой и обезоруживающая наивность Гиммлера, предположившего на том заседании, а не за счет умерших ли образовалась указанная Шпеером разница?
- ³³ Геббельс не отказывает себе в удовольствии и на этот раз выказать в дневнике презрение к этой *«совершенной чуши»*, как он аттестует напыщенный текст манифеста, а также суждение, что пришло время подрезать крылышки его автору (Dallin, 1958, s. 447).
- ³⁴ Эта акция, впрочем, преследовала цели преимущественного покрытия трудовых брешей не в Рейхе, а на местах. Регистрации не подлежали только — «хиви», горнорабочие, нефтедобытчики, железнодорожники и работники электростанций (КТБ, 28.04.1943). В ряде районов, например, в ОЗМ, с целью высвободить трудовые резервы даже предписывалось «разгрузить» органы местного самоуправления (КТБ, 01.05.1943).
- ³⁵ Распределение этой цифры между ними подлежало согласованию на переговорах в Ровно.
- ³⁶ Homze, 1967, p. 146.
- ³⁷ КТБ, 24.03.1943.
- ³⁸ КТБ, 07.06.1943.
- ³⁹ Белорусские оstarбайтеры-2, с. 13, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 947. Л. 243—247.
- ⁴⁰ КТБ, 05.04.1943. Ср. запись в КТБ за 03.05.1943: *«Поскольку вербовка в районе Чернигова обещает мало успеха, уполномоченный ГБА президент*

- <РКУ> Габриэль перевел соответствующие службы в Конопот». Но к 21.05.1943 он вновь основал там вербовочный пункт (КТБ, 21.05.1943).
- ⁴¹ Имелась в виду добыча железной руды в Кривом Роге и марганцевой в Никополе: поставлено, соответственно, 4 и 2 тыс. чел. (КТБ, 01.05.1943).
- ⁴² Сотрудничество с полицией стало бесспорным тезисом-фаворитом на совещании начальников бирж труда округов Белоруссии и руководителей штабов по использованию рабочей силы (Белорусские остарбайтеры-2, с. 118—130, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 370, Оп. 1. Д. 304. Л. 23—33).
- ⁴³ Персонал ВШО составлял при этом всего лишь 496 человек: из них в штабе — 37, в ОЗН — 73, ОЗМ — 122 и ОЗЗ — 264.
- ⁴⁴ Был официальным нерабочим днем. С 1943 года распоряжением Гитлера и Розенберга — и только на территории РКО — праздничным и нерабочим днем — Днем Освобождения — был объявлен также день 22 июня (КТБ, 18.06.1943).
- ⁴⁵ Число военнопленных в ОЗ, по состоянию на 01.04.1943, — 403 тыс. чел., или на 90 тыс. чел. больше, чем 01.03.1943.
- ⁴⁶ В течение года в Финляндию было отправлено 34.809 ингерманландцев.
- ⁴⁷ Gesamtüberblick über das 2 Quartal 1943. Berlin, den 31.07.1943. (BA/MA, RW 31/29, Bl. 6). Один из центров трудовой профориентации был создан в Херсоне.
- ⁴⁸ К этому времени было уже установлено, что средняя производительность труда остарбайтеров не так уж и низка. Она составляла в среднем около 80 % от производительности немецкого рабочего, а на отдельных предприятиях доходила и до 100 и даже до 120—130 % (КТБ, 17.04.1943).
- ⁴⁹ Так, в конце февраля изучался вопрос об отправке из Мариуполя и Сталино около 10 тыс. специалистов, главным образом, металлургов. Для их охраны было выделено 3 охранных команды в 50 чел., а также полицейские.
- ⁵⁰ Белорусские остарбайтеры-2, с. 139, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1027. Л. 136.
- ⁵¹ КТБ, 21.04.1943.
- ⁵² Белорусские остарбайтеры-2, с. 89, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 391. Оп. 3. Д. 3. Л. 25—26. Считалось, что это несправедливо по отношению к немецким крестьянам, вынужденным справляться в одиночку с клином в 60 га и больше.
- ⁵³ Начиная с 29.03.1943 в Чернигове была предусмотрена погодовая регистрация всех жителей города в возрасте от 15 до 45 лет.
- ⁵⁴ Отчет № 13 начальника экономического управления АОК-6 от 26.03.1943 (BA/MA, RW 46/159).
- ⁵⁵ Преимущественной отправке в Рейх подлежали и военнопленные — местные нужды вермахта предлагалось также ориентировать на гражданскую рабочую силу.
- ⁵⁶ Военно-промышленная программа ВШО по налаживанию выпуска легкого вооружения и в первую очередь боеприпасов на предприятиях главным образом Украины. Разворачивалась во второй половине лета 1942 года (см. соответствующие КТБ по отделению «Rüstung»). Инициатором этой программы был Шпеер, стремившийся — в предвидении будущих массированных бомбардировок германских городов — максимально рассредоточить предприятия военно-промышленного комплекса (Phahlmann, 1968, s. 55).
- ⁵⁷ 11.384 из ОЗЗ, 5.830 — из ОЗМ и 144 — из ОЗН, причем в который уже раз утверждалось, что эта партия — последняя.

- ⁵⁸ Цит. по: Dallin, 1958, s. 447. Тем самым процесс фактического уравнивания статуса гражданских рабочих и военнопленных достиг своего естественно-го завершения.
- ⁵⁹ См. в интереснейшем письме представителя «Гитлерюгенд» в Белоруссии одному из руководителей центрального бюро этой организации З.Никелю от 15.07.1943 (Белорусские остарбайтеры-2, с. 140—145, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 3. Л. 156—158).
- ⁶⁰ Приказ Гиммлера от 07.09.1943. См.: Reichsführer!.. Briefe an und von Himmler. Stuttgart, 1968. S. 203 (Цит. по: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985. С. 312). В этой связи вполне закономерна определенная смена лексики боевых дневников ВШО, где, начиная со второй половины лета 1943 года, почти исчез термин «вербовка» (Anwerbung), а термин «эвакуация» (Evakuierung) довольно быстро сросся по своему значению с термином «зачистка» (Räumung). Так же довольно выразительно терминопотребление «потери» (Verluste) применительно к населению, которое по тем или иным причинам не удалось «эвакуировать» (или, прямее, от которого не удалось очистить территорию): так, в КТБ за 10.11.1943 соответствующие «потери» исчисляются солидной цифрой в 9,4 млн. чел.!
- ⁶¹ Только через несколько дней из леса вернулось около 30 человек. Тех же, кто попал под «эвакуацию», немцы направляли в Прибалтику (Справка ЧГК... по Ленинградской и Новгородской области. — ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Л. 58, Л. 28—29).
- ⁶² Согласно приказу фюрера от 30.08.1943 и указу Геринга от 07.09.1943.
- ⁶³ РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 50. Впрочем, самому Штаффу оставалось уже недолго возглавлять ВШО. По мере отступления вермахта зона непосредственной ответственности ВШО стала сокращаться, и 24.09.1943 он был ликвидирован с передачей его функций соответствующим службам РКО и РКУ (РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 76).
- ⁶⁴ КТБ, 13.11.1943.
- ⁶⁵ О том, как 14.10.1943 осуществлялась «эвакуация» в Гомеле, см. в показаниях обер-фельдфебеля Г.Гупе (Белорусские остарбайтеры-2, с. 258—260, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 1384. Л. 68—70).
- ⁶⁶ В Прибалтику (РКО) эвакуировали главным образом население из ОЗН. Так, из 97 тыс. чел., эвакуированных из ОЗН (по состоянию на конец октября 1943 года, когда, по сравнению с серединой месяца, их число удвоилось) в РКО — преимущественно в Латвию и Литву — направлялось до 2/3 беженцев и эвакуантов (КТБ, 30.10.1943).
- ⁶⁷ КТБ, 03.11.1943, а также 19.10.1943. В то же время месячный отчет ВШО за октябрь 1943 содержит несколько большие цифры: общее число беженцев — 1.111.298, из них размещено в приемных лагерях (Aufgangslager) — 783.337, в том числе 523.427 зарегистрированы в службах труда и 175.983 используется на строительстве укреплений (РГВА. Ф. 700к. Оп. 2. Д. 4).
- ⁶⁸ КТБ, 03.11.1943. В КТБ за 09.10.1943 говорится только о 120—140 тыс. эвакуированных из ОЗМ, а в КТБ за 12.10.1943 — о 400 тыс. чел. из ОЗЗ, из которых большая часть уже перебралась на правый берег Днепра. На строительстве самого оборонительного рубежа «Пантера», к слову сказать, было занято, по противоречивым данным, от 60 (КТБ, 15.11.1943) до 183 тыс. чел. (КТБ, 03.11.1943). Следует отметить, что, судя также и по колебаниям приводимых в КТБ данных по «зачистке территории», сами эти данные, по всей видимости, весьма приблизительные. Да и само ведение КТБ, начиная с осени 1943 года, заметно изменилось: место еженедельных

сведений о ходе вербовки, ранее вносившихся в КТБ регулярно, заняли отрывочные, эпизодические и, как правило, некомплектные цифры.

⁶⁹ КТБ, 04.—10.12.1943. При этом в декабре готовились к эвакуации приблизительно 30—40 тыс. беженцев из Крыма в Одессу, Констанцу и Браилу. Число потенциальных беженцев и эвакуируемых (из района Витебска и др.) в ОЗМ оценивалось сначала приблизительно в 150—200, а потом в 100 тыс. чел.

⁷⁰ В январе 1944 года в Финляндии было уже около 40 тыс. ингерманландцев, часть из них короткое время работала на базах люфтваффе.

⁷¹ КТБ, 01.04.—30.06.1943.

⁷² Отдельной строкой приведены сведения по наземной службе люфтваффе: всего — 11,3 (17,6) тыс. чел., из них 4,6 (7,6) из военнопленных и 6,7 (10,0) из гражданских. Кроме того из 111,3 (218,0) тыс. военнопленных в оперативных зонах к труду привлечены 92,6, подготовлены к этому — еще 12,1 тыс. чел., нетрудоспособных — 6,6 тыс. чел. Кроме того: непокрытая потребность в хивы — 122,5 (171,4) тыс. чел., в службе люфтваффе — 6,2 (7,5) тыс. чел. (КТБ, 31.12.1943).

⁷³ Beitrag der Chefgruppe BB zum KTB für die Zeit vom 01.10.—31.12.1943 (BA/MA, RW 31/35, Bl. 235).

⁷⁴ В том числе, потеснив румынскую администрацию, и в Одессе, где скапливались десятки тысяч беженцев из Крыма (КТБ, 28.11.—3.12.1943).

⁷⁵ Эвакуированных же для верности подвергали гражданскому «пленению» и до решения вопроса о дальнейшем направлении содержали в лагерях для военнопленных.

⁷⁶ КТБ, 11—17.12.1943 <данные пересчитаны; в оригинале — ошибки счета — П.П.>. Это составило около 9 % от общего числа зарегистрированных эвакуированных. Больше всего их было на территории Украины (35 % — все из ОЗЗ), Прибалтики (27 %, из них 2/3 из ОЗН и 1/3 из ОЗМ) и Белоруссии (18 % — все из ОЗМ).

⁷⁷ Именно так раздвинули возрастные рамки в ОЗЗ. Впрочем, к работам в промышленности детей моложе 14 лет не привлекали.

⁷⁸ КТБ, 04.—10.12.1943. Из них 16 акций — в ОЗН (учтены и 2 акции в Галиции, давшие Рейху 17.515 пар рабочих рук). Однако из-за обстановки на фронте на новые акции такого рода рассчитывать уже не приходилось, разве что на одну-две акции в ОЗЗ. По всей видимости, одна из них и описывается в заметке Ю.Ильющенковой «Трагедия деревни Селифоново»: *«В 10 часов утра 23 сентября 1943 года в нашей деревне появились немцы. Стали поджигать дома... — и так 71 дом. Уничтожено все: скотные дворы, сарай с пародным хлебом, навесы. Это шел карательный отряд от деревни Бочаровщина. Там сожгли два дома, в деревне Лутиню сожгли домов пять. Нашу деревню сожгли всю до единого колышка. А народу сколько захватили, погнали перед собой через Рославльское шоссе, через деревню Цыбульники и дальше. Но где-то в Белоруссии наши войска опередили немцев с нашим народом. И народ вернулся домой, кто остался жив»* (Рабочий путь. Смоленск, 1993. 25 сентября. С. 2).

⁷⁹ Из этого количества около 500 человек попало даже в Финляндию, где обслуживало базы люфтваффе: от посылки на эту работу ингерманландцев, как это предлагалось финским правительством, немцы — из-за дороговизны их содержания по арийским меркам — отказались (КТБ, 22.11.1943)!

⁸⁰ Женщины — в основном, занятые неполный рабочий день — преобладали (около 2/3) и среди 1,2 млн. мобилизованных за то же приблизительно время германских граждан.

2.5. Год сорок четвертый: последняя программа Заукеля

4 января 1944 года фюрер провел совещание по вопросам военной экономики, в котором участвовали Шпеер, Заукель, Кейтель, Мильх, Бакке и Гиммлер. Отвечая на вопрос фюрера, Заукель сказал, что для поддержания производства на прежнем уровне в 1944 году нужно привлечь дополнительно от 2,5 до 3 млн. новых рабочих рук; Шпеер накинул еще 1,3 млн. чел., а сам Гитлер — для системы противовоздушной обороны — еще 250 тыс. чел. На круг получилось — 4,05 млн. чел.¹ Тут же, на заседании, Заукель обещал Гитлеру поставить это количество рабочих рук при условии, что будут «развязаны» его собственные руки на оккупированных землях². На 53-м заседании Центральной комиссии по планированию, состоявшемся 16 февраля 1944 года, потребности были еще раз уточнены и определены в 4,2 млн. чел.³

Вот на эту цифру и была сориентирована так называемая **«Четвертая программа Заукеля»**. Из запланированных 4,2 млн. чел. большинство составляли бы итальянцы (1,5 млн. чел.) и французы (1,0 млн.), остарбайтерам отводилось только третье место (600 тыс. чел.)⁴.

По данным же КТБ, задание ГБА на востоке на 1944 год было даже меньше — 500 тыс. чел! Из них — из РКО (преимущественно из Литвы, где беженцев накопилось больше всего) — ожидалось 150, из РКУ — 130 (в т.ч. 100 — из бецирка Волинь и 30 — из бецирка Житомир), из ОЗН и ОЗМ — по 75 и из ОЗЗ — 70 тыс. чел. При всем том 200 тыс. чел. должны были быть поставлены уже к марту.

Однако Заукелю впору было думать скорее об эвакуации собственных сотрудников: 24 декабря 1943 года началось зимнее наступление Красной Армии. Осознав уже в марте некоторую, выразимся так, умозрительность своих намерений, Заукель перекладывал вину за это на плечи военных, якобы срывающих и срывающих все его усилия из-за опасений еще более подтолкнуть партизанское движение.

Отступая, Заукель хотел прихватить в Рейх как можно больше рабочих рук, из которых было бы еще можно повыжимать соки. Тем более, что в достатке было и желающих — беженцев, — и нежелающих, то есть эвакуируемых насильно. Настолько много, что всех все равно было уже не прихватить, — поздно. Так что от принципа тотальной эвакуации — семьями, деревнями, предприятиями — пришлось отказаться: и транспорта нужного нет, и все промежуточные и пересыльные лагеря переполнены.

Но и оставлять дееспособных людей Красной Армии обидно: по-сему из людей в возрасте от 16 до 45 лет, годных «к труду и обороне», начали создавать приписанные непосредственно к армии трудовые батальоны⁵. Отправка в Рейх этого контингента, — а только в ОЗМ к

Подлинник от правления
на Нюгенбургский мост.
29.11.43, Мартин

ABSCHRIFT.

VERPFLICHTUNGSBESCHEID.

Herrn _____ geb. am: _____
Frau _____ in: _____
Präulein _____ Straße: _____

Auf Grund des § 1 der Verordnung des Chefs des Generalstabes des Heeres über Arbeitspflicht und Arbeitsersatz im Operationsgebiet der neu besetzten Ostgebiete vom 6.2.1943 werden Sie hiermit zur Arbeitsaufnahme ausserhalb der besetzten Ostgebiete verpflichtet.

Sie haben sich am _____ um _____ Uhr in _____
bei _____ zu melden.

Bekleidung und Schuhwerk sind soweit vorhanden mitzubringen.

Ihre Beschäftigung erfolgt im Rahmen eines ordnungsmässigen Arbeitsverhältnisses bei tariflicher Entlohnung. Im Falle Ihres Nichterscheins wird die Befolgung dieses Bescheides durch Zwangsmaßnahmen gegen Sie oder Ihre Angehörigen herbeigeführt. Ausserdem unterliegt die Verletzung Ihrer Arbeitspflicht nach § 16 obiger Verordnung starrer Bestrafung.

Der Leiter der Arbeitsbehörde

ПРИКАЗ О ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ

Господину _____ рожденный (ая) _____
Госпоже _____ а _____
улица _____

На основании § 1, распоряжение начальника Военного Генерального штаба от 6.2. 1943 о трудовой повинности и назначения трудящихся на работу в прифронтовой полосе вновь занятых восточных областей, Вы обязаны поступить на работу вне пределов занятых восточных областей.

Вы должны _____ и _____ часов явиться на _____

Одежду и обувь необходимо брать с собой.

Ваша работа будет оценена и оплачена по существующим тарифным ставкам.

Несмотрение настоящего приказа о трудовой повинности приписывает Вас или Вашу семью к строгому наказанию по § 16.

город _____

(число) _____

Начальник Биржи Труда

подпись _____

середине апреля 1944 года их было собрано около 87 тыс. чел., — была предусмотрена лишь в том случае, если все срочные трудовые задания на месте будут ими выполнены⁶.

Специальная операция была спланирована и против молодежи. Так, в найденном в бумагах Розенберга меморандуме от 12 июня 1944 года, говорилось:

«Группа армий "Центр" намеревается захватить 40—50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет... и направить их в Рейх. Это мероприятие первоначально было предложено 9-й армией... Предполагается использовать этих подростков на немецких предприятиях в качестве подмастерьев и учеников... Эта акция широко приветствуется представителями германских ремесел, поскольку позволит решительно устранить нехватку подмастерьев и учеников. Эта мера направлена не только на предотвращение прямого пополнения численности армий противника, но и на сокращение его биологического потенциала»⁷.

Общим во всех этих операциях была разве что невероятная жестокость, с какой они претворялись в жизнь. Их противоречие указам Заукеля от 25 марта⁸ или распоряжению Розенберга о недопустимости принудительных методов вербовки от 5 мая 1944 года⁹, на бумаге значительно облегчавшим остовскую судьбу в Германии, было слишком разительным.

Начиная с первых же месяцев 44-го года в статистических отчетах по вербовке появилась новая позиция: южная зона. Данные по РКУ начали объединять с данными по ОЗЗ, что имело под собой серьезное основание. Рейхскомисариат стремительно терял статистическое лидерство в текущей вербовке. Причина была уважительной: РКУ, в сущности, уже не было!

Транспортные пути, соединявшие оккупированные еще области Советского Союза с Рейхом, один за другим выходили из игры. Так, еще в конце декабря 1943 года для эвакуации из Крыма был опробован традиционный морской путь. Из Севастополя работоспособных вывозили в румынский порт Констанцу, а позднее в Браилу (а однажды — и в Одессу), откуда по железной дороге через Арад, Бухарест и Вену — в Германию¹⁰. К концу мая число эвакуировавшихся таким путем достигло 17,7 тыс. чел. В январе единственной артерией, связывавшей Рейх с Одессой, была линия Одесса — Знаменка — Лемберг (Львов) — Пшемисль, где находился гигантский пересыльный лагерь¹¹. Впрочем, сама линия поработала на славу: между 15 февраля и 19 марта 1944 года так называемые «поезда для отпускников»¹² отправлялись ежедневно.

Военнопленным, собственно, не только купе, но и поезда не полагались. Их выстраивали в колонны и уводили на запад пешим маршем, иногда вместе с колоннами мальчишек призывного возраста, страхуя себя от того, что наступающая Красная Армия призовет их в свои ряды.

К апрелю «зачистка» южного театра боевых действий (за исключением Крыма и Волынь-Подолии) практически завершилась¹³. Тех, кого не представлялось возможным использовать в Рейхе, оставляли в РКУ.

Тем не менее, для обслуживания южного направления в юго-восточной Венгрии были оборудованы 3 больших сборных лагеря для трудоспособных беженцев — Берек, Мадафальва и Боргобрунд. Из Берека людей переправляли в тот же Пшемьсль и оттуда уже — в Рейх, выбраковав перед тем неработоспособных (этих оставляли в Генерал-Губернаторстве). Так, в начале мая через Барлад (на пути в Берек) проследовало 49.035 украинцев и 68.575 фольксдойче¹⁴.

Торопились урвать «свое» и румыны. Беженцев, следовавших через Румынию транзитом без правильно оформленных документов, было разрешено использовать в румынском сельском хозяйстве! Таких набралось более 5 тыс. чел.

В середине июня поток южноукраинских беженцев, переваливших через Карпаты в Восточную Венгрию, прекратился. Их общее число — 65 тыс. чел., из них 5,4 тыс. детей (в возрасте до 10 лет). 13 тыс. из них находились уже западнее Карпат, а 49 тыс. (в т.ч. 13 тыс. эвакуируемых насильственно) — в районе лагеря Берек.

А в конце июня в оперативной зоне АОК-4 огромный хвост беженцев приблизительно в 80—100 тыс. чел. накрыла авангардная волна советского наступления. И еще около 50 тыс. чел. — в ОЗМ. Многие бежали в леса.

Но вот что еще поразительно: земля уже горела под ногами оккупантов, их вот-вот выставят за рубежи СССР, а они все толкуют о таких, например, вещах, как выравнивание условий труда и страхования на всех оккупированных территориях СССР!¹⁵

В результате, в 1-м квартале 1944 года в Рейх в общей сложности отправили 496.244 чел. Из них по вербовке — 220.333 чел., в порядке очистки территории — 236 тыс. чел. (в том числе 110 тыс. фольксдойче, 110.000 членов заградительных команд «шума»¹⁶, 10 тыс. сельскохозяйственных специалистов и 6 тыс. казаков), а также 39.911 военнопленных (из них 30.672 из ОЗЗ и 9.239 из ОЗА). Большие массы беженцев и эвакуированных скопились к апрелю в ОЗН — 531 тыс. чел., в том числе 260 тыс. чел из числа прибывших еще в 1943 году. Решено было обеспечить первоочередную отправку в Рейх 30 тыс. литовских фольксдойче и 20 тыс. дружественных Германии литовцев. Из Олиты и других лагерей Литвы по направлению к Вилейке и далее на Белосток тянулись многочисленные пешие колонны, состоявшие из бывших полицаяв, народных ополченцев (Heimwehr) и членов защитных отрядов.

За первое полугодие в Рейх по вербовке было отправлено в общей сложности 381 тыс. чел., или 76 % от намеченного Заукелем полу-миллиона!

Сводные данные по остарбайтерам за этот и весь предшествующий период вербовки представлены в таблице 2.5.1.

Вербовка оstarбайтеров
(по районам; на 30.06.1944, чел.)

Районы вербовки	Количество
Украина и ОЗ «Зюд» (суммарно)	2.196.166
ОЗ «Митте»	284.288
ОЗ «Норд»	67.409
Белоруссия (зона гражд. управления)	116.082
Остланд (русские беженцы)	50.475
Остланд (местное население)	78.249
Итого:	2.792.669

Источник: Dallin, 1958, s. 465, no: Vortragsnotiz für den Herrn Generalquartiermeister, 28. Juni 1944 (BA/MA, Wi/ID 2455*).

О результатах своих полугодовых усилий Заукель докладывал Гитлеру 7 июля 1944 года. Из намеченного на это время «улова» в 2 млн. чел. в действительности попало в сети 1.482 млн. чел, из которых 848 тыс. чел.¹⁷ составляли... немцы, главным образом женщины и дети, использовавшиеся неполный рабочий день. Иностранцев же рабочих насреблось только 537 тыс. чел. да еще 96 тыс. военнопленных. Причем вместо намеченных миллиона французов и полутора миллионов итальянцев в сетях оказалось всего, соответственно, жалкие 33 и 37 тыс. соответственно¹⁸. На фоне такого провала на западе недонабор лишь четверти контингента на востоке казался подлинным триумфом!

Для рассмотрения сложившейся ситуации в области трудового использования 11 июня 1944 года было созвано специальное совещание, на котором Заукель призывал обязать армию при отступлении эвакуировать в Рейх — и сколь угодно брутальными средствами — как можно больше людей, однако поддержку получило предложение Шпеера о более «спокойных» методах вербовки. Это решение, впрочем, — в особенности, после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и новых поражений армии на фронтах, — не имело для Заукеля обязательной силы: 24 июля он сам распорядился считать вербовкой все, что угодно, лишь бы человека доставить в Рейх¹⁹.

Упомянутые выше события «20 июля 1944 года» имели и еще одно важное следствие для судьбы русских людей в Рейхе. А именно:

25 сентября 1944 года Гитлер распорядился о передаче, начиная с 1 октября, всех военнопленных и интернированных, а также их лагерей и охраны под начало Гиммлера²⁰.

Гиммлер же, в свою очередь, поручил весь этот круг вопросов обергруппенфюреру СС Готлобу Бергеру — тому самому, что «курировал» и власовскую РОА. В январе 1945 года Бергер распорядился об очередной «селекции» советских военнопленных (на сей раз — из числа работающих в Рейхе) — проверке на предмет выявления зачинщиков пропаганды против вступления в ряды РОА.

...Дальнейший ход вербовки, к сожалению, почти не отражен в сохранившихся архивных источниках. По оценке шпеевских статистических служб, в декабре 1944 года в Рейхе находилось 8.102 тыс. иностранных рабочих и военнопленных, что на 449 тыс. чел. больше, чем в июле²¹. Вместе с 633 тысячами за первое полугодие получаем годовой «улов» в 1.083 тыс. чел., что несколько отличается от цифр из доклада Заукеля Гитлеру от 30 декабря 1944 года, где, в частности, утверждалось, что всего за истекший год было рекрутировано 3.313 тыс. чел., в том числе 186 тыс. военнопленных и 1.024 тыс. иностранных гражданских рабочих, причем задания на востоке (в СССР и Польше) выполнены полностью, а на западе — только на 1/10 часть²².

Выделим то место в заукелевском отчете, где говорится о полном выполнении плана по СССР: если этому верить, то после 30 июля 1944 года было завербовано еще 120 тыс. чел. Тут можно предполагать, что эта «вербовка» производилась в основном уже вне территории СССР, к этому времени практически освобожденной от немцев, и среди неохваченных ею беженцев и эвакуантов. В таком случае суммарное число оstarбайтеров в Рейхе в конце 1944 года составляло приблизительно 2,91 млн. чел., причем здесь не отражены не только «западники», но и возвратники, умершие и, возможно, отправленные в концлагеря.

Сам же Заукель, хотя и справился с собственными планами на 1944 год всего на 30 %, тем не менее и их он преподносил как несомненный и крупный успех. Гитлер, хотя и сетовал Шпееру в феврале на то, что назначение Заукеля было крупной ошибкой²³, но похоже, смирился с ней и не оспаривал: иначе бы он не наградил Заукеля в октябре 1944 года, по случаю его 50-летия, за верную службу чеком на 250 тыс. RM²⁴.

Что ж ГБА заработал их честно. За 33 месяца службы, в ходе четырех своих «программ», он поставил Рейху ни много ни мало — 5.379.567 иностранных рабочих!

Пусть его третья и четвертая программы прошли с невыполнением плана (см. табл. 2.5.2), зато в двух первых он добивался пусть незначительного, но все же перевыполнения (соответственно, в 40 и 103 тыс. чел.).

Общее число иностранцев и военнопленных, вовлеченных в трудовой оборот Рейха, считая от начала войны выросло с 0,3 до 7,1 млн. чел.²⁵, или в почти в 24 раза. С учетом иностранных рабочих, попавших в Рейх до Заукеля или независимо от его усилий, а также их текучести, общее число иностранных рабочих самим Заукелем оценивалось в 10—12 миллионов человек.

Таблица 2.5.2

**Итоги вербовки иностранных рабочих в рейх
(апрель 1942—1945, чел.).**

Программы Заукеля	Намечено	Завербовано
I: Апрель—сентябрь 1942	1.600.000	1.639.794
II: Сентябрь—декабрь 1942	1.000.000	1.102.093
III: В течение 1943 года	1.600.000	1.427.680
IV: В течение 1944 года	4.050.000	1.210.000
Итого	8.250.000	5.379.567

Источник: Homze, 1967, p. 152, со ссылкой на: по первым трем программам — Die Ergebnisse der Ausländererhebung vom 15.09.1943; по четвертой — доклад Заукеля Гитлеру от 30.12.1944.

А это значило: к концу войны каждый пятый рабочий в Рейхе — был иностранцем!

Красная же Армия между тем готовилась к прорыву на территорию собственно Германии, и перед Рейхом впервые встала задача внутренней эвакуации немецких граждан (а наряду с ними и оstarбайтеров с военнопленными) из Восточной Пруссии, Померании и Верхней Силезии, — вглубь территории Рейха!

Примечания

¹ Homze, 1967, p. 147—149, со ссылкой на: NCA, III, 866.

² Speer, 1993, s. 333—334, 564.

³ РГВА. Ф. 700к. Оп. 1. Д. 77.

⁴ Homze, 1967, p. 149, со ссылкой на: Minor Trials, II, 481.

- ⁵ Так называемая Zada-Aktion (Zivil-Arbeitsdienst Abteilungen). Позднее те же условия были распространены и на девушек от 15 лет.
- ⁶ По этой ли причине или по другой, но в ОЗМ приступили к отправке этих людей в Рейх только в первой половине июня.
- ⁷ Цит. по: Ширер, 1991, т. 2, с. 337.
- ⁸ Белорусские оstarбайтеры-2, с. 287—299, со ссылкой на: ВА, RH 36/348, Bl. 109—110.
- ⁹ Белорусские оstarбайтеры-2, с. 322—323, со ссылкой на: НАРБ, Ф. 635. Микрофильм № 241.
- ¹⁰ Впрочем, прямая транспортировка из Крыма в Констанцу была эпизодической, часть беженцев из Крыма доставлялась в Одессу и далее на Гішмысль по суше. В то же время поток накопившихся в Крыму беженцев рассасывался крайне медленно.
- ¹¹ Два других крупных лагеря в Генерал-Губернаторстве — Краков и Ченстохово.
- ¹² Так называемые *Urlauberzüge* SF 2897.
- ¹³ КТБ за 22—27.05.1944 сообщает о добровольцах-поляках из Волыни и Подолии, предпочитающих отправку в Рейх притеснениям со стороны украинцев.
- ¹⁴ 29 мая проследовал транспорт с 696 пособниками вермахта и бывшими старостами.
- ¹⁵ Между прочим, на православную Пасху начальник ВШО объявил нерабочим время с полудня субботы 15 апреля до понедельника 17 апреля. За работу в этом промежутке полагалась 50-процентная надбавка.
- ¹⁶ Сокращение от *Schützmannschaften*.
- ¹⁷ По плану их должно было быть 500 тыс. чел.
- ¹⁸ Homze, 1967, s. 150.
- ¹⁹ Homze, 1967, p. 150—151. При этом соответствующие инстанции в самом Рейхе, привыкшие к обращению с «чистыми» оstarбайтерами, психологически были не в состоянии делать различие между ними и женами солдат и офицеров, воевавших на стороне вермахта, например, участников добровольческих соединений и соединений службы порядка (*Ordnungsdienst*). И тех, и других ожидало практически равно немилосердное обхождение, о чем свидетельствует, например, отчет лейтенанта Буша и зондерфюрера фон Хагенфельдта о посещениях дулага в Пархиме от 23.08.1944 (ВА/МА, RW 31/174, указано Р.-Д.Мюллером). Ср. также в направленном на имя генерала Трухина отчете от 16.08.1944 капитана Демидова, ранее возглавлявшего отдел пропаганды в деревне Лежницы в округе Борисов: «...По прибытии на вокзал в Галле эвакуированные были препровождены пешком в распределительный лагерь. Находившиеся в товарном вагоне имущество было привезено в лагерь позднее. Никаких ясных разъяснений на русском языке сделано не было. На вокзале лагерьный персонал позволял себе бить приехавших по ребрам, наши женщины были этим очень возмущены. Дети кричали и плакали. При этом лагерьному начальству было сообщено, что они имеют дело с семьями служащих вермахта... В лагере произошло несколько стычек, причем некоторые были избиты персоналом лагеря. Персонал лагеря (в основном поляки) к семьям полицейских настроен враждебно. Все получили знаки оstarбайтеров, в том числе бывшие полицейские и демобилизовавшиеся солдаты. Я нахожу раздачу этих знаков неправильной, а грубое обращение и побои совершенно недопустимыми. То обстоятельство, что персонал в лагере польский, настолько озлобило людей, что лагерьному

начальству пришлось даже обнажить оружие и возвести курки. Даже переводчики в лагере и те поляки. Я считаю необходимым доложить о случившемся во все соответствующие инстанции. В лагерь необходимо прислать комиссию, тем более что он расположен близко от Берлина (150 км). Все происшедшее произвело на людей самое удручающее впечатление. Мой авторитет как пропагандиста полностью похоронен, поскольку переводом я говорил, что нас ожидает человеческое обращение, но действительность сделала из меня лжеца. Нельзя с людьми обращаться, как со скотом. Все, что от них будет требоваться, должно быть ясно объяснено. Лагерь непременно нужен один хороший русский переводчик...» (приложен и протокол о серьезных побоях, нанесенных 11.08.1944 Елизавете Старовойтовой, № 80668. — Там же).

²⁰ Streit, 1991, s. 267. Ранее рейхсфюрер СС уже перенял от «мятежного» генерал-полковника Фромма командование резервной армией, в ведение которой входили и военнопленные.

²¹ Homze, 1967, p. 151.

²² Homze, 1967, p. 152. Позднее, в Нюрнберге, Заукель говорил приблизительно о 900 тыс. рекрутированных в 1944 году (IMT, XV, 53).

²³ Speer, 1993, s. 344.

²⁴ Это более чем в 8 раз превышало годовое жалованье Ф.Заукеля (Homze, 1967, p. 109, со ссылкой на: IMT, XIV, p. 616).

²⁵ Из доклада А.Шпеера от 30.01.1945 о работе Министерства вооружений в 1942—1944 гг., переданного им Гитлеру. По всей видимости, именно его 02.05.1945 разыскал неизвестный молодой переводчик и передал в руки зам наркома тяжелого машиностроения СССР, а впоследствии 1-го зам. Главноначальствующего СВАГ и главы Советской части Экономического директората Контрольного Совета Союзных держав К.И.Ковалья (См.: Коваль К.И. Записки уполномоченного ГКО на территории Германии // ННИ. 1994. № 3. С. 141; Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 47 и далее; см. также: Speer, 1993, s. 431—432). Заметим, что это на 1 млн. меньше, чем в другой «шпееровской» цифре (см. выше).

3. В НЕВОЛЕ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

3.1. Дорога в Рейх: случай военнопленных

Начнем рассказ с тех, с кого «начали» и немцы, — с военнопленных. Первые советские военнопленные на территории Третьего Рейха появились уже в первой декаде июля 1941 года¹.

Система пленения, регистрации, содержания и трудоустройства вражеских военнопленных была неплохо отработана вермахтом на различных европейских театрах военных действий. При пленении военнопленных разоружали, офицеров отделяли от рядовых и унтер-офицеров, после чего направляли на дивизионные или корпусные сборные пункты², где их допрашивали³ и регистрировали в специальных журналах.

Ответственность за судьбы и содержание советских военнопленных делили между собой прежде всего военные из ОКХ и ОКВ, а позднее СС; в пределах Рейха часть ответственности перенимали также имперские службы труда. Но на определенных этапах или при определенных обстоятельствах на судьбу военнопленного могли серьезно «повлиять» также и абвер, и СД, и гестапо.

Непосредственно в прифронтовой полосе и оперативной зоне (а это территории с глубиной от 250 до 800 км), где, как правило, и происходили пленение или добровольная сдача, военнопленными занимались подчиненные ОКХ регулярные войска, в частности, служба генерал-квартирмейстера армии⁴. Командующим ОКХ был фельдмаршал фон Браухич, начальником штаба — генерал Гальдер, а генерал-квартирмейстером⁵ — генерал-майор Вагнер. Последнему подчинялись так называемые начальники военнопленных в оперативных районах групп армий, а тем, в свою очередь, окружные коменданты по делам военнопленных и, далее, коменданты войсковых сборных и пересыльных лагерей (дулагов), получавшие приказания также и от комендантов тыловых районов.

Сами захваченные в плен красноармейцы направлялись сначала в Aufgangslager (дивизионные и корпусные **приемные лагеря**), а оттуда — в Armeekriegsgefangenensammelstelle (**армейские сборные пункты**). Крупные лагеря фронтового уровня иногда назывались «**фронт-шталаги**» (Frontstammlager)⁶. Далее путь пленников лежал в транзитные, или пересыльные, лагеря — «**дулагы**» (Durchgangslager), где их

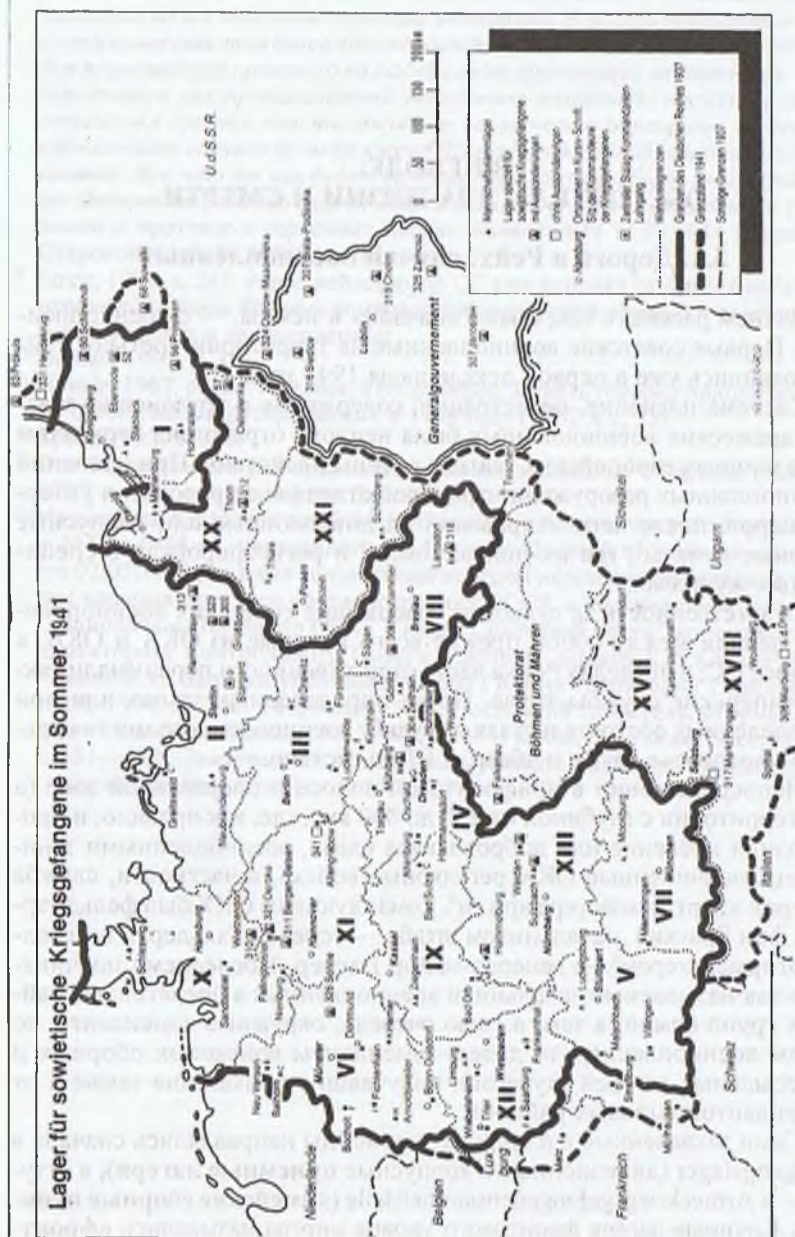

Рис. 3.1.1. Карта лагерей для советских военнопленных на территории Рейха. Лето 1941 г.
(Hülser, Otto, 1992)

подвергали фильтрации по признакам национальности, профессии и степени лояльности⁷. Дальше дулага комиссарам, евреям, чекистам и пограничникам дороги не было: их надлежало выявлять и расстреливать, к тому же «без лишних формальностей» — регистрационные карточки и иные формы персонального учета для них не требовались⁸.

Дулаги, как правило, имели порядковые номера от 100 и выше и от 200 и выше, но по мере продвижения фронта на восток некоторые дулаги преобразовывались в шталаги и получали порядковые номера 300 и выше. Охрану пленных в армейских сборных пунктах несли сами войска (полевая жандармерия и охранные батальоны), а в дулагах — специальные охранные соединения, подчиненные командованию тылом (с конца 1942 года к охране начали привлекать и самих пленных)⁹.

ОКХ отвечало также за трудоустройство в оперативной зоне и, по соглашению с Министерством труда, за сортировку рабочей силы: в Германию должны были направляться только квалифицированные пленные — металлурги, строители, работники транспорта, лесной промышленности (предполагалось, что сортировка по специальностям будет проводиться с участием самих служб труда, но на практике это было большой редкостью).

4 декабря 1941 года д-р Рахнер подписал распоряжение — своего рода нормативный акт к геринговскому указу от 7 ноября. В нем, в частности, были расписаны расположенные на территории СССР лагеря, из которых отправка военнопленных в Германию должна была производиться в первую очередь. В хозяйственной инспекции «Север» это были лагеря Тапс, Феллин и Дерпт (Тарту), в хозяйственной инспекции «Центр» — Баравуха, Витебск, Орша, Борисов, Могилев и Бобруйск, в хозяйственной инспекции «Юг» — Днепропетровск, Кременчуг, Бобруйская, Ново-Украинка и Кривой Рог¹⁰. По данным белорусских архивов, только через один (кстати, отсутствующий в этом списке) дулаг № 131 в Слониме в Рейх было отправлено 350 тыс. военнопленных¹¹.

Компетенция и участие ОКХ в судьбе военнопленных в дулагах заканчивалась, и на следующем этапе судьбы их ждали стационарные лагеря, находившиеся на оккупированных территориях гражданского подчинения, — в частности, на Украине и в Остланде, в Генерал-Губернаторстве и в самом Рейхе, — уже в ведении ОКВ.

Командующим ОКВ на протяжении всей войны был фельдмаршал Кейтель, а начальником главного штаба ОКВ — генерал-полковник Йодль. Военнопленными в ОКВ занимался Отдел по делам военнопленных (Abt Kgf), входивший в состав Службы общего руководства армией (AVA), в свою очередь подчинявшейся непосредственно начальнику штаба ОКВ.

Именно AVA разрабатывал и издавал львиную долю инструкций и распоряжений, касающихся советских военнопленных. На протяжении всей войны эту Службу возглавлял генерал Герман Райнекке¹²,

его заместителем и начальником штаба был генерал-майор Линде. Что касается Отдела по делам военнопленных (реферат III AVA), то им последовательно руководили: в 1939—1941 гг. — подполковник (впоследствии полковник) Брейер, с января 1942 по март 1944 года — генерал-майор фон Грэфениц и с апреля по сентябрь 1944 года — генерал-майор Вестхофф.

После вывода Отдела из состава ОКВ и переподчинения его в октябре 1944 года Гиммлеру как рейхсфюреру СС и командующему резерва и до конца войны во главе отдела стоял начальник Главного управления СС и шеф Политического отдела РМО обергруппенфюрер СС Бергер¹³. Однако и до этого роль РСХА, а также НСДАП в выработке и осуществлении политики Рейха в отношении военнопленных была значительной: этими вопросами в РСХА занимался специальный отдел IVa1c. Кроме того во всех звеньях военного аппарата по делам военнопленных присутствовали представители абвера (военной контрразведки).

Контрольную над ОКХ и ОКВ функцию нес Главный инспектор по делам военнопленных, подчиненный непосредственно шефу ОКВ. В круг его обязанностей входили проверки в оперативной и оккупационной зонах, а также в самом Рейхе всех учреждений по делам военнопленных, контроль за вопросами их трудоустройства (надежность охраны, целесообразность и т.д.), а также назначение судебных и дисциплинарных расследований. С момента введения этой должности в июне 1943 и до упразднения в декабре 1944 года ее занимал генерал-лейтенант Реттиг (Röttig)¹⁴.

В каждом военном округе Германии (всего их было 18, не считая еще трех округов на оккупированных землях¹⁵), а также в Генерал-Губернаторстве имелся так называемый **«Командир по делам военнопленных»** с небольшим штабом, в подчинении которого находились все лагеря на территории округа¹⁶. В южных районах Германии советские военнопленные встречались относительно редко; основная их масса накапливалась в Восточной Пруссии и в Генерал-Губернаторстве, в любой момент готовая быть переброшенной на запад.

Военнопленные, зачисленные в состав «Организации Тодт», нередко попадали в другие страны, покоренные Рейхом. Так, И.Лугин попал во Францию, благодаря чему узнал, что вошебойки там устроены иначе, чем в Германии¹⁷. Десятки тысяч военнопленных были завезены в Норвегию, где работали на лесоповале и производстве «тяжелой воды»¹⁸. Многие попали даже в Северную Африку (именно там с ними впервые столкнулись удивленные англичане), а некоторым (впрочем, по свидетельству оловца Н.И.Кондакова, их было не меньше 5 тысяч!) довелось умирать и работать на немцев... аж на английской земле!¹⁹

«Своих» военнопленных имели также Финляндия и Румыния. В Румынии, в частности, соответствующая сеть состояла из 12 лагерей, разбросанных по всей стране (из них треть в Бессарабии, в том числе два в Тирасполе)²⁰.

Огороженные «колючкой», со сторожевыми вышками по периметру, с прожекторами и натасканными овчарками, — лагеря для военнопленных организовывались как на оккупированных территориях²¹, так и в самом Рейхе. Лагеря для офицеров назывались «офлаг» (Offizierslager; в них, как правило, офицеров заставляли работать²²), для рядовых и нижних чинов — «шталаги» (Stammlager, или Mannschaftsstammlager). Кроме них существовали еще хайлаг (Heilag) — лагеря для военнопленных, возвращающихся на родину²³ и илаг (Internierungslager) — лагеря для интернированных гражданских лиц²⁴. Одно время, параллельно со шталагами ОКВ, существовал и специальный лагерь для военнопленных, подчиненный СС (в Люблине), но позднее он был благополучно переквалифицирован (или, точнее, переименован) в «обыкновенный» концлагерь, впоследствии вошедший в историю под несколько жутковатым именем Майданек.

Следует отметить, что кроме вермахта «своих» военнопленных, а стало быть и «свои» сети дулагов и шталагов и органы управления ими, имели также люфтваффе и кригсмарине — военно-воздушные и военно-морские силы Третьего Рейха (впрочем, советские летчики, как правило, попадали в лагерь ОКВ). Их называли, соответственно, люфлаг (Luftlager) и марлаг (Marinelager, или Marlag/Milag).

Естественно, основная «нагрузка» в начале войны выпала на I военный округ (Восточная Пруссия) и на Генерал-Губернаторство, но и в других военных округах была создана развитая инфраструктура по приему военнопленных. Организационным приказом ОКВ № 40 от 14 августа 1941 года для приема первой «волны» советских военнопленных были предназначены офлаг Хаммельбург и 11 шталагов — Хайдекруг, Хаммерштайн, Борн-Редеритц, Цайтхайн, Зенне, Нойхаме-Западный, Ламсдорф, Мюнстер, Берген-Бельзен, Берген-Эрбе и Торн²⁶.

Зимой 1941—1942 гг. шталаги (особенно на востоке) являлись самыми настоящими лагерями уничтожения; изнурительный, голодный режим содержания и трудоиспользования военнопленных приводил к их не знающей прецедентов смертности, а иногда и к таким отчаянным крайностям, как каннибализм²⁷.

В ту позднюю осень и зиму 1941—1942 гг. дополнительным испытанием на выживаемость была и сама дорога в Рейх.

Судить о том, чем фактически был для военнопленного переезд из ОКХ в ОКВ, то есть из России в Рейх, можно из следующего фрагмента из воспоминаний Ф. Черона (при этом подчеркнем, что везли его не осенью или зимой, а в конце августа, то есть в сравнительно «гуманное» время года)²⁸:

«На железнодорожной станции Бяла Подляска стояло несколько десятков товарных вагонов. Дали нам по куску хлеба, приблизительно в 500 грамм. Для нас был большой праздник... Несколько часов держали на станции. Видны были городские огороды, сады, улицы, дома.

Запомнились сады потому, что там виднелись яблоки, груши и манили своим знакомым цветом и даже, казалось, запахом. Голодный желудок искал глазами то, что можно было съесть... Перед вечером начали загонять нас в вагоны. Говорю загонять, потому что когда в вагон входило, скажем, 50 человек, то прикладами и руганью туда вгоняли еще столько же. Не считал и не помню, сколько нас было в вагоне. Помнится только, что сначала мы не могли сидеть. Можно было только стоять. Никаких нар не было. Когда вагон набивали до отказа, закрывались двери на большие засовы и на замок. Оставалось только по одному маленькому окошку с обеих сторон вагона. Жара в вагоне стала нестерпимой. Несколько человек от духоты и тесноты потеряли сознание. Начали кричать, чтобы открыли двери. Никто не внимал нашим крикам. Но если крики не прекращались, то дверь сильным рывком открывалась, и сыпались удары палок или прикладов на головы тех, кто стоял впереди. Поэтому кричать перестали... Иногда для устрашения стреляли по вагонам.

Параш в вагон не дали <Н.Карпов пишет о ромбовидных отверстиях в полу. — П.П.>. Воды тоже не дали. Стояли мы в запертых вагонах около двух часов... От жары многие истекали потом. Воды не было, и никакие просьбы не увенчивались успехом. По небольшим делам делали в баночки и умудрялись выливать через заплетенные проволокой окошки. Постепенно все пришли в состояние полного изнурения от тесноты, жары, голода и жажды. Примирились, притихли и завяли с безразличием в глазах. Поезд тронулся, и под его толчки мы стали "утрастаться". Как ни странно, кое-кто сумел сесть на пол. Но всем места не хватало. Пришлось всем сидеть и стоять по очереди...

Несколько человек совсем не могли стоять, и их положили в один угол вагона. У одного была дизентерия. Организм больше не усваивал пищи. Вонь в вагоне уже никого не трогала. Казалось, что все мы обречены на смерть.

Рано утром после многих стуков и ругни открыли вагоны на какой-то станции. Узнав, что в каждом вагоне есть умершие, немцы приказали их вынести и положить рядом с вагоном. В нашем вагоне умерло три человека.

Потом поочередно, по вагонам, приносили воду в ведрах. Это был наш завтрак. Хлеб, оказывается, нам дали на два дня. Те, у кого были банки, запаслись водой. <Затем еще день пути и разгрузка в огороженном колючей проволокой пространстве — П.П.> Мы оказались одни и под открытым небом. Так нас и оставили на ночь, не дав ни воды, ни пищи. Под утро холод донимал и не было спасения. Утром дали первый раз за 2 дня граммов 200 хлеба и теплую водичку, заправленную какой-то травой...»

При поступлении в лагеря на территории Рейха советских военнопленных обязательно регистрировали, присваивая им текущие

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----

Personalkarte I: Personelle Angaben
Kriegsgefangenen-Stammlager: V Stalag IX A

Name: Georgij
 Vorname: Georgij
 Geburtsdatum und -ort: 17.4.1900 L. P. P.
 Religion: Orthodox
 Vorname des Vaters: Georgij
 Familienname der Mutter: L. P. P.

Staatsangehörigkeit: Österreich
 Strafbefehl: Stalag IX A
 Strafbefehl Nr. (Zusammenhang des Strafbefehls):
 Befugnisnahme (Ort und Datum): 26.6.1942 - Hohen
 Gefangenschaft, sonst, verurteilt eingeleitet: 2. Juni 1942

Nomen. nro.:
 Strafbefehl:

SOV- 447/ 381

Nächstes Personalbefugnis:
 Besondere Kränkungen:

Unters. Exakte: 447/1
 Unterschrift des Vaters: Georgij
 Unterschrift der Mutter: Mutter

Foto:

Unterschrift:

Рис. 3.1.2. Личная карточка военнопленного № 73664 Коржова Георгия Дмитриевича, 1900 г.р., ст. лейтенанта, музыканта, взятого в плен 26.06.1942 под Волховом. Шталаг IX А. (WAS — сообщено Р.Овермансом)

номера. Эти номера отныне становились их обиходными именами, не вторыми и не первыми, а единственными, которыми пользовались немцы. Номера, впрочем, были строго индивидуальные, и даже после смерти их обладателя вторичное присвоение его номера кому-то еще не допускалось. Опознавательные металлические или пластмассовые жетоны или бирки с этими номерами выдавались военнопленному на руки, их, словно нательные кресты, носили на шее на веревочках: заменяя собой «паспорта», они вобрали в себя все необходимые Третьему Рейху личные признаки пленного раба.

Кроме разве что государственной принадлежности, которую фиксировали две нехитрые буквы — «SU», происходившие от немецкого «Soviet Union», то есть «Советский Союз». Их с помощью трафаретов проставляли при регистрации в четырех местах: самые большие буквы — на спине, поменьше — спереди на коленях и еще меньше — по обеим сторонам пилотки. При этом если интендантская служба позволяла, то красноармейскую робу при этом всю забирали, а взамен выдавали темно-зеленое обмундирование времен кайзеровского рейхсвера или светло-желтую французскую форму, снятую, очевидно, с военнопленных. Это распространялось не только на солдат и на нижние чины, но и на офицеров. Лишь генералам разрешалось оставаться в своей форме, хотя и без знаков отличия.

Каждые 10 дней штаблагп посылали в ОКВ текущую отчетность о прибывших и выбывших. При регистрации использовалась особая канцелярская форма, ранее применявшаяся только для сербских пленных. Она представляла из себя зеленую карточку из четырех частей (формуляры для офицеров выделялись красной диагональной чертой): три из них были совершенно идентичными и являлись обычными регистрационными карточками, а четвертая — бесплатным почтовым уведомлением родственников военнопленного со следующим текстом на обороте: *«Я попал в германский плен. Я здоров <или, по выбору: Я легко ранен>. — П. П.>. Я вам напишу будущий мой адрес. Сердечный привет»*²⁹.

Вся форма целиком направлялась в Берлин, в Справочную службу вермахта о военных потерях и военнопленных (WASt)³⁰, где почтовая карточка отрывалась и направлялась адресату. Персональные сведения о военнопленных разносились там в три идентичные картотеки³¹. Первая предназначалась для самого WASt, вторая — для страны происхождения военнопленного, третья — для **Международного Красного Креста** (МКК) в Женеве³².

Непосредственно в WASt хранились и велись следующие картотеки советских военнопленных:

- 1) картотека офицеров;
- 2) картотека рядового состава (включая сюда, по-видимому, и унтер-офицерские чины)³³;

При переводе военнопленных в статус служащего вермахта, например, на карточке проставлялась соответствующая отметка о

переводе, а личные дела каждого переставлялись по новой принадлежности. Картотека таких личных дел (за исключением дел на умерших) была организована следующим образом:

- 3) Картотека личных дел офицеров;
- 4) Картотека личных дел рядового состава;
- 5) Картотека личных дел легионеров (военнослужащих «Восточных легионов», формировавшихся из представителей национальных меньшинств СССР).

Сведениями относительно карточек военнопленных, подвергнутых наказаниям и переводившихся в штрафные или концентрационные лагеря (что тоже требовало вывода из статуса военнопленных), мы, к сожалению, не располагаем³⁴.

Две следующие картотеки — это картотеки на умерших. По отдельности регистрировались:

- 6) Умершие в Германии в лагерях для военнопленных и в составленных из них формированиях;
- 7) Умершие и замерзшие в лагерях на оккупированной территории³⁵.

Не правда ли, красивая и четкая система? Данные, собираемые с ее помощью, обещают исчерпывающую полноту, ну разве что с известными лакунами, простительными для самых последних месяцев или недель проигранной войны!

В действительности лакуны начались гораздо раньше — с самого начала войны. По-настоящему эта система заработала только начиная с февраля 1942 года, когда более 2 миллионов военнопленных — уже умерли (и многие безо всяких опознавательных бирок или жетонов!). Природа этого «статистического изъяна» кроется, скорее всего, в желании скрыть грубейшие нарушения от МКК и замести следы³⁶. А в результате в распоряжении исследователей — лишь малочисленные и несистематические источники.

Лагерями командовали коменданты — пожилые офицеры запаса (как правило, в чине полковника), стоявшие в главе команды из нескольких офицеров, в том числе и офицера абвера, в функции которого входили контроль за корреспонденцией военнопленных и следственные мероприятия (как правило, они действовали более или менее либерально)³⁷. Оперативно-агентурной работой в лагерях занимались органы СД, выявлявшие «саботажников», «заговорщиков» и других неблагонадежных и направлявшие их в концлагеря. Отношения между двумя спецслужбами были, как правило, натянутые, что не мешало им прекрасно взаимодействовать в большинстве случаев.

Охраняли лагерь Landschutzbatallione — «охранные батальоны» вермахта, состоявшие, как правило, из пожилых солдат или из выздоравливающих после ранений фронтовиков. Иногда их усиливали так называемыми «вспомогательными войсками охраны» (Hilfswachmannschaften), состоявшими из гражданских лиц, но подчиненных местным

военным комендантам. В конце войны из-за растущего дефицита охранников использовались и местные жандармы, до этого привлекавшиеся только к поиску беглецов³⁸. Охранникам, в частности, разрешалось прибегать и к огнестрельному оружию. Соппротивление охраннику (как, впрочем, и мастеру на работе) было чревато наказанием, вплоть до отправки в концлагерь.

Еще в сентябре 1941 года для поддержания внутреннего лагерного режима и порядка немцы ввели в шталагах систему полицаев из числа самих военнопленных, подчиненных немецкой администрации. В «полицаи», как правило, брали тех, кто не испытывал недостатка в поводах ненавидеть советскую власть (например, раскулаченных, западных украинцев, молдаван и др.)³⁹. Они были вооружены плетками или дубинками, а их начальника в обиходе также называли «комендантом», хотя в немецком понимании он им, конечно, не являлся. Фактически — с молчаливого согласия и одобрения немцев — именно полицаи с их дубинками и неперменными «блатными замашками» были главной устрашающей силой в шталагах. Эту систему, по мнению Ф. Черона, поддерживали, «во-первых, голод, желание спастись от смерти любой ценой, во-вторых, отсутствие какой-либо сплоченности среди советских военнопленных; в-третьих, натравливание немцами одной нации на другую... Была бы сплоченность и христианская мораль помогать друг другу в тяжелых условиях, а не топтать слабого, — не родилась бы полицейская система в лагерях»⁴⁰.

Большую власть в лагерях имели и переводчики (не обязательно из среды военнопленных; чаще всего ими были поляки, прибалты или фольксдойче), а также кухонные рабочие и врачи (большинство подпольных организаций военнопленных было бы невозможно без инициативы и поддержки врачей).

Примечания

¹ В шталаг 326 (Зенне) в Вестфалии, например, они поступили уже 10.07.1941.

² Подробнее см. ниже в этой же главе.

³ Допросы рядовых и нижних чинов, впрочем, обязательными не были, особенно если оперативного интереса свежепленные не представляли (см.: Левинский, 1996, с. 158).

⁴ В отношении военнопленных компетенция ОКХ распространялась и на территорию оккупационной зоны Румынии.

⁵ По существу, заместителем Гальдера по оперативным вопросам.

⁶ Согласно Г.Маттиелло и В.Фогту, понятие «фронтшталаг» употреблялось главным образом в войне с Францией; по существу, они ничем не отличались от «дулагов» и впоследствии почти все были переименованы в них (Mattiello, Vogt, 1986, s. 5).

⁷ См. приложение 7. В начале войны проверка военнопленных в функции дулагов не входила.

⁸ Нюрнбергский процесс-1, т. 3, с. 94, 114, 127—128.

⁹ Нормативы охранения на первом этапе войны менялись достаточно часто и варьировались, в расчете на одного охранника, между 16 и 32 военнопленными (ВА/МА, RH 3/180) и между 20 и 30 гражданскими рабочими (Белорусские оstarбайтеры-1, с. 218, со ссылкой на: ВА/МА, RH 26-203/13, В1. 33).

¹⁰ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 97. Л. 4.

¹¹ См.: Черноглазова, 1996, с. 122.

¹² Между прочим, один из наиболее фанатичных нацистов среди немецких генералов, глава созданного в декабре 1943 г. Штаба национал-социалистического руководства ОКВ (Streit, 1991, s. 68).

¹³ В подчинении ОКВ были оставлены только лагеря для военнопленных англичан и американцев. Интересно, что, поскольку, согласно международным нормам, полиция к делам военнопленных не допускается, высшие полицейские чины были произведены в должности СС и назначены командирами военнопленных в соответствующих округах. Следует подчеркнуть, что на положении советских военнопленных их передача под начало СС практически не отразилась (Streit, 1991, s. 289—295).

¹⁴ С августа 1943 г. — пехотный генерал (Keilig, 1960). Эта должность была введена приказом Гитлера от 28.06.1943 (РГВА. Ф. 501к. Оп. 3. Д. 556. Л. 10—11).

¹⁵ См. Приложение 8.

¹⁶ На территории Генерал-Губернаторстве и Восточной Пруссии действовала также организация «Землячество военнопленных» («Kriegsgefangenen-Heimatorganisation»), функции и задачи которой нам неизвестны. См. в циркуляре Брейера от 26.06.1941 (ВА/ЗНС, Ordner 22 — сообщено Р.Келлером).

¹⁷ Она дезинфицирует одежду не горячим паром, а серой, которой пересыпают одежду и оставляют так на 9 дней, а другой одежды людям на это время не выдают (Лугин, 1987, с. 177).

¹⁸ В Норвегии всего было более 100 тыс. советских военнопленных. См. опубликованные Н.С.Ивановой воспоминания одного из них, Ю.Г.Орешкина (Комолова, 1991, с. 428—464).

¹⁹ Имеются в виду оккупированные немцами английские острова Джерси и Олдерни в Ла-Манше. На о. Олдерни, в частности, было три лагеря «О.Т.» — Гельголанд, Нордерни и Силт (последний, в 1943 г. переданный в ведение СС, был фактически филиалом Заксенхаузена). Г.И.Кондаков проработал на о. Олдерни с августа 1942 по ноябрь 1943 гг. (см.: Кондаков, 1991, а также: Pantcheff T.X.T. Alderney Fortress Island. The Germans in Alderney. 1940—1945. Chichester, Sussex: Phillimore, 1981).

²⁰ Дислокация лагерей: 1. Слободзия-Ялоница; 2. Фельдешора-Брашов; 3. Галац; 4. Васлуй; 5. Тирасполь; 6. Дорнешты; 7. Бельун; 8. Болград; 9. Вулкан; 10. Александрия; 11. Тирасполь; 12. Тимишоара. Личные листки советских военнопленных в Румынии, а также списки военнопленных, использовавшихся на различных работах см. в: РГВА. Ф. 1512к. Оп. 1.

²¹ Печальную славу бесчеловечностью условий содержания и смертностью военнопленных снискали шталаги в Белоруссии, в частности, № 313 в Витебске (через него прошло 150 тыс. чел.), № 352 (под Минском; 119 тыс. чел.) и № 337 (станция Лесная около Барановичей; 88 тыс. чел.). См.: Черноглазова, 1996, с. 123.

²² См.: Streit, 1991, s. 257.

²³ От нем. «Heimkehrerlager». См.: Matiello, Vogt, 1986, Bd. I, s. 5. Для советских военнопленных этот тип лагерей был неактуален. В литературе встречается

и другое, ошибочное, понимание «хайлагов» как своего рода госпиталей, или оздоровительных лагерей (на самом деле в немецкой системе за это «отвечали» так называемые резервные лазареты.).

²⁴ См. в главе. 1.7.

²⁵ Переименование произошло 16.02.1943 (нам сообщено Р.Фребе, Ганновер).

²⁶ Нам сообщено Р.Келлером. По другим данным, уже к 26.06.1941 было подготовлено 19 лагерей емкостью в 30—50 тыс. чел. каждый, общая пропускная способность которых составляла 790 тыс. чел. (BA/ZNS, Ordner 22 — сообщено Р.Келлером).

²⁷ В Бобруйском шталаге за каннибализм было расстреляно 28 чел. В Минском от голода и холода в ту зиму умерло не менее 40 тыс. чел. См.: Черноглазова, 1996, с. 124.

²⁸ Черон, 1987, с. 42—43.

²⁹ См. циркуляр Брейера от 02.07.1941 (BA/MA, RW48/12, Bl. 142—149 — указано Р.Келлером). При передаче военнопленного в другой лагерь заполнение формы повторялось; для регистрации болезней и смертей использовались другие формуляры.

³⁰ Документами о военнопленных вермахта в WAST занимался реферат VIII, куда поступали не только регистрационные и личные карточки военнопленных (см. ниже), но и больничные книги, журналы регистрации смертей и т.л. В 1943 г. WAST был переведен из Берлина в г. Майнинген в Тюрингии. После освобождения Майнингена войсками США практически вся захваченная документация о военнопленных была распределена между союзниками. WAST (или, точнее, Deutsche Dienststelle) существует и сегодня (в качестве справочной организации о военнослужащих бундсвера), но те несколько миллионов карточек и других документов об иностранных военнопленных, которыми в настоящее время располагает международный отдел WAST, отложились в результате их передачи в послевоенное время из других мест хранения (в частности, из некоторых лагерей, из BA/MA, Международной службы поиска МКК, а также из так называемого «Дорнбургского архива», представляющего собой остатки того основного Майнингенского архива, что в 1945 г. был разобран державами-победительницами (не востребованными, в частности, остались 300—400 тыс. личных и больничных карточек, а также извещений о смерти итальянских военнопленных и военнопленных из стран юго-восточной Европы, а также незначительное число документов о военнопленных из других стран, в том числе и советских — сообщено Р.Келлером).

³¹ [Описание организации] материалов о русских военнопленных. Майнинген, 19.08.1945 (WAST) — сообщено Р.Овермансом.

³² После того, как СССР изъявил готовность к обмену сведениями о военнопленных, МКК взял на себя роль посредника в передаче соответствующих данных. В июле 1941 г. ОКВ и МКК договорились о том, что все зеленые карточки на советских военнопленных будут заполняться по-русски, а имя и фамилия — на кириллице и латинице, что упрощало последующие контакты МКК с правительством СССР. См. циркуляр подполковника Брейера от 23.07.1941 (BA/MA, RW48/12, Bl. 160 — указано Р.Келлером)

³³ Эти две картотеки велись и хранились в разных местах: за период с начала войны по середину 1943 года — в Берлине, а за последующий период — в Заальфельде и Майнингене в Тюрингии, освобожденных американцами в начале апреля и переданных в начале июля 1945 г. СССР. В Заальфельде хранилась большая часть материалов собственно вермахта (эта часть до

передачи территории СССР была перевезена в Лихтенау, а оттуда, в начале 1946 г., в Западный Берлин, где WAST был воссоздан в качестве «Немецкой службы уведомления ближайших родственников погибших военнослужащих бывшего вермахта». В Майнингене размещались материалы, в частности, 8-го отдела (Referat VIII), занимавшегося иностранными военнопленными: большая их часть была обработана смешанной комиссией (без участия представителей от СССР) и отправлена не то в Париж, не то в Висконсин, а часть, касающаяся умерших советских военнопленных, уже в начале августа была упакована и увезена в Москву. Отдельные ее фрагменты попали в Москву и Подольск и встречаются в документах ГАРФ, РГВА-ЦХИДК и, в особенности, ЦАМО, где хранится около 0,5 млн. карточек на умерших советских военнопленных (см.: Ильенков, Полян, Мухин, 2000).

³⁴ В офицерской картотеке имеются сведения в том числе и о тех военнопленных, на кого распространялся «Приказ о комиссарах», унесший, в общей сложности, не менее 40 тыс. жизней. Рассчитанный главным образом на применение в оперативной зоне вермахта, тем не менее он широко применялся и на территории Рейха (подробнее см.: Отто, 2000).

³⁵ Сообщения о смерти поступали в WAST в нескольких видах: извещение о смерти (Sterbefallanzeige), свидетельство о смерти (Totenschein), список [погибших] (Listenmeldung), личная карточка (Personalkarte), карточка больного (Lazarettkarte), 4-сторонняя зеленая карта, но часто — в виде одного лишь из перечисленных документов. Для самой картотеки заполнялись две белые карточки: одна — для главной картотеки, вторая — для картотеки учета смертных случаев (Totenvorgangskartei) с номером происшествия (Vorgang), под которым хранятся документы. Личное дело остается в учетной картотеке (Vorgangskartei). Во избежание многократного учета (Aufnahme) велась также картотека предварительного учета (Vormerkkartei).

³⁶ Это убедительно показал К.Штрайт (Streit, 1991, s. 128—130).

³⁷ Адмирал Канарис, начальник абвера, был едва ли не единственным в высших эшелонах власти, кто открыто протестовал против бесчеловечного обращения с советскими военнопленными. 15.09.1941 он направил фельдмаршалу Кейтелю форменный протест, в котором указывал, что и при нераспространении действенности Женевской конвенции на отношения между Германией и СССР, в обращении с военнопленными должны применяться принципы международного права, основывающиеся на том, что нахождение в плену не является мстостью или наказанием; это лишь превентивное заключение, предотвращающее дальнейшее участие военнопленного в боевых действиях: «...Убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приказы об обращении с [советскими] военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения». На что Кейтель ему ответил: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны! Дело идет об уничтожении идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры» (Streit, 1991, s. 182).

³⁸ Есть сведения, что с октября 1944 г. к охране привлекались и эсэсовцы.

³⁹ См., например: Левинский, 1996, с. 163, 164.

⁴⁰ Черон, 1987, с. 35—36.

3.2. Дорога в Рейх: случай остарбайтеров

Множество сходных черт обнаруживается и при взгляде на то, как доставлялись в Рейх и как там устраивались завербованные на оккупированной территории **остарбайтеры**. Недаром их постоянно соотносили с военнопленными, а нередко и называли **«гражданскими пленными»**. Несмотря на формальный запрет содержать военнопленных и гражданских в одном сборном лагере, таких случаев множество; известны и случаи их совместного содержания и на территории Рейха (особенно в конце войны)¹.

Инфраструктура для массовой вербовки советских граждан создавалась еще летом и осенью 1941 года. В течение зимы 1941/1942 гг., когда службы труда на востоке были реорганизованы в хорошо отлаженную сеть **вербовочных комиссий** (Anwerbkommisionen), образно названных Г.Высоцки *«штабами рекрутирования»*², вся система была приведена в состояние повышенной «боеготовности». Там, где стадия регистрации рабочей силы уже, в основном, прошла (например, в РКУ, РКО, в Псковской и др. российских областях), вызов в арбайтсамт определенно ничего хорошего не сулил.

Вербовочные комиссии состояли из представителей вермахта и Министерства труда (иногда к ним прикомандировывались и представители крупных «заказчиков» для помощи в выявлении особенно остро необходимых специалистов), а также СД и гестапо (в их обязанности входили и проверочно-фильтрационные функции: «отсев» евреев, комиссаров и политически-неблагонадежных). Принудительность, насилие, жестокость составляли вполне будничную сторону «работы» комиссий (нередко в подчинение им придавались эсэсовские «зондеркоманды»).

Каждая комиссия «обслуживала» собственную оперативную зону — так называемый «вербовочный округ», нередко связанный напрямую с конкретными и стабильными потребителями — теми или иными трудовыми округами в самом Рейхе. Так, Г.Высоцки отмечает, что вербовочные комиссии Ровно, Щепетовки, Сталино, а затем и Харькова работали преимущественно на «заказчиков» из Нижней Саксонии³. Иногда напрямую на них выходили и «мелкие» потребители, как, например, районный агроном В.Утеш с острова Рюген, домогавшийся 25—30 сельхозрабочих из Минского округа⁴.

Как же практически осуществлялась сама вербовка?

Предусмотренная инструкциями «классическая», т.е. добровольная вербовка (формально ей подлежали люди в возрасте от 16 до 55 лет) в действительности практиковалась недолго, разве что лишь в первые недели и месяцы и то не повсеместно. Отсутствие в директиве Гиммлера о восточных рабочих от 20 февраля 1942 года самого упоминания о принудительном характере мобилизации в Советском Союзе только подчеркивало его «естественность». Распоряжения

Розенберга от 19 декабря 1941 года⁵, обязывавшего мирное население оккупированных восточных областей в возрасте от 18 до 45 лет нести общественную трудовую повинность, было вполне достаточно.

Просто до поры до времени к «кнуту» не прибегали — в надежде обойтись «пряниками». А «сценарный репертуар» трудовой мобилизации был отработан еще в Польше — сочетание пропагандистской лжи, экономического и социального давления, запугивания и террора. От немецкой границы завербованных обещали везти в пассажирских вагонах⁶, местные газеты не скупились на рассказы о немецких городах, их исторических достопримечательностях и экономических достижениях, иногда в арбайтсамтах даже крутили кино — об архитектурных достопримечательностях и иных прелестях культурных немецких городов.

При регистрации наличного населения пользовались в первую голову обещанием выплаты пособий и выдачи продовольственных карточек. При отказе или уклонении от предписанной работы — «отказников» лишали пособия и продовольственной карточки и направляли принудительно на особо тяжелые работы. Безработица, воцарившаяся на многих оккупированных территориях после того, как «рабочие места» были разрушены или же эвакуированы вглубь территории СССР, также немало способствовала тому, чтобы отношение даже к «неклассической» вербовке во многих случаях (например, все в том же Таганроге) было достаточно лояльным.

Со временем, когда арбайтсамты были переведены в режим первоочередного обслуживания военной экономики Рейха, даже такая степень добровольности вербовки приказала долго жить. Переход к откровенно насильственным методам можно датировать апрелем 1942 года⁷.

В городах намеченных к отправке людей вызывали повестками в арбайтсамты. Повестки грозно предупреждали о строгой ответственности по законам военного времени за неявку без уважительной причины⁸.

В конкретное же осуществление вербовки и трудовой мобилизации в максимальной степени был вовлечен местный административный аппарат — назначенные немецкой администрацией помощники бургомистров, сельские старосты и прочие «хиви» — добровольные помощники, как их величали немцы, или же «фашистские пособники», как их называли советские.

А те уж старались, как могли. Редкое письмо или анкета обходилось без описания зверств и жестокостей, которыми они потчевали соотечественников.

Вот основные приемы этого санкционированного террора: вызвать в комендатуру повесткой по безобидному, но ложному поводу и уже не выпускать; поднять намеченных к отправке людей с постели, не дав им ни опомниться, ни собраться; и запереть их до отправки в подвале или сарае; угрозы (не пустые) сжечь хату и расстрелять остав-

шихся членов семьи в случае отказа или побега; издевательства и избиения. В случае побегов или «недобора» — поджоги дворов сбежавших, иногда — целых улиц и деревень⁹. В городах же людей ловили, как собак: устраивали облавы — хватали на рынке, на улице, в кино, даже в церкви!

В масштабе человеческой судьбы «вербовка» и отправка в Германию в большинстве случаев происходила драматически, если не сказать трагически. Недаром никто из ответивших на нашу анкету не называет эту акцию обыденными словами, как, например, «переезд» или «перевозка», а употребляет слова, отражающие специфически насильственный характер акции: «поймали», «схватили», «погнали», «заставили» и т.п.

Организация этапов тем не менее сильно различалась от случая к случаю — в зависимости, очевидно, от распорядителей на местах. Так, приблизительно в каждом четвертом случае будущие жертвы были предупреждены о выселении заранее — по крайней мере за несколько дней, неделю, иногда и за больший срок. Почти каждого пятого предупредили за день-два. В случае неявки расстрелом или повешением угрожали при этом главе семьи. Отмечены случаи, когда вместо скрывающегося кандидата забирали кого-нибудь из его младших братьев или сестер.

Но большинство из заполнивших анкету были оповещены всего только за несколько часов, а каждый десятый был и вовсе застигнут врасплох. В городах нередкими были и специально организованные облавы, после которых попавшиеся жертвы тотчас отправлялись на этап, нередко без оповещения родных. Но особенно жестокими были внезапные «акции» в сельской местности, где, как правило, они осуществлялись войсками СС и местными полициями и носили нарочито карательный характер¹⁰.

Около трети этапированных не могли или не успели ничего взять с собой, остальные брали какую-нибудь еду, а каждый четвертый одежду. Документы были приблизительно у каждого шестого (чаще всего это была справка с немецкой биржи труда). Некоторые указывали на то, что проходили медкомиссию, в которой были немецкий и русский врач, но на осмотре не отсеивали практически никого.

У подавляющего большинства оstarбайтеров остались дома родители, но почти у каждого десятого не было уже никого (родители умерли или погибли).

Чаще всего — особенно поначалу — вербовка проводилась «порциями», согласно немецким разнарядкам: в таких случаях первыми забирали молодежь из многодетных семей¹¹. Однако со временем возобладала массовая «вербовка», когда забирали целыми деревнями или районами, улицами или кварталами. Таким образом в одной партии нередко оказывались односельчане, соседи, родственники. Анкетой зафиксированы 8 случаев этапирования вместе с братом или

сестрой, 3 случая — с матерью, по 1 случаю — с мужем и с обоими родителями, знакомые или соседи были у каждого второго. Но около трети остарбайтеров ехали на чужбину как бы «в одиночку» — никого не зная в своем вагоне¹².

До ближайшей железнодорожной станции их доставляли иногда на грузовиках, иногда подводами, но с 1943 года чаще пешком, в любую погоду, нередко на десятки и сотни километров, «растянутые» на сутки или несколько дней. Так, по свидетельству А.Ф.Компанийца, 2,5 тыс. мужчин разного возраста, свезенных на сборный пункт в Кировограде, были этапированы в декабре 1943 года пешим ходом в Умань, на расстояние 208 км: *«По пути многие не выдерживали, падали, их расстреливали. По пути, где приходилось ночевать, были сараи. Нас набивали палками, вплотную один к другому, битком, стоя»*.

В больших городах или узловых станциях формировались эшелоны, составленные из нескольких десятков «телятников» — переоборудованных под людей товарных или скотских вагонов. В них увозили людей на запад. В вагонах — ужасающая скученность (по 30—40, а то и по 60 человек — на нарах, а если их не было, то прямо на полу). В каждом вагоне — назначенный немцами староста.

На каждого «пассажира» заводился особый транспортный пропуск, в котором фиксировались личные данные, включая здоровье, профессию и трудоспособность, а также сведения о вербовочной комиссии, арбайтсамте и эшелоне¹³.

Надо ли говорить, что телячьи вагоны, в которых их везли, крайне мало походили на обещанные отапливаемые товарные или — от германских границ — пассажирские? Надо ли говорить и о грубости конюя, отсутствии или в лучшем случае исключительной скудости казенной пищи, воды для питья и мытья — и полной неизвестности впереди?

Как правило, в пути была всего одна остановка (чаще всего — неподалеку от польской границы), с выдачей пищи, иногда — с дезинфекцией или помывкой в бане. Чтобы не заводились вши, какой-то зеленой, огненно-едкой жижей, вспоминал А.Ситко, смазывали пах и подмышки.

Большинство не погибло только благодаря сухарям и другим скудным домашним припасам. Немцы же кормили — если вообще кормили — очень скудно и плохо (чаще всего похлебкой из брюквы — в одном случае поданной в ведрах из-под масляной краски!). Многие указывают на полное отсутствие казенной еды на протяжении всего пути, длившегося от нескольких дней до недели.

Охрана эшелонов обеспечивалась специальными частями транспортного сопровождения, но 30 марта 1942 года, когда поток транспортов с остарбайтерами резко возрос, ОКХ согласился на использование наряду с ними и обычных воинских частей. За бытовые

и медицинские аспекты транспортировки иностранных рабочих в промежуточных лагерях и за их пребывание в них отвечал ДАФ¹⁴.

Но куда же их, грязных и голодных, все-таки везли?..

Гражданских рабочих везли в один из гигантских промежуточных **цвишендулагов**¹⁵, как правило, расположенных в восточной части Генерал-Губернаторства: в Пшемысле, Песках, Кракове, Ченстохове, Люблине, Бяла-Подляске, но особенно часто — в Гродно, Белостоке или Граево (на границе Генерал-Губернаторства с Восточной Пруссией). Там «завербованных» еще раз проверяли (на предмет национальности, профессии и состояния здоровья), а нередко и задерживали на двух-трехнедельный карантин, прежде чем отправить в просто «дулаг» — распределительный лагерь на территории Рейха. Известны случаи, когда люди попадали в дулаг, то бишь в Рейх, и минуя цвишендулаг, но это было скорее исключением¹⁶.

В Германии же восточных рабочих «ждали» повсюду: локальным или выборочным применение их принудительного труда в Рейхе не назовешь!

Одной из главных задач пересыльных лагерей, согласно приказу Гиммлера от 20 февраля 1942 года, была сортировка человеческой массы. Главными ее критериями были профессия и, в особенности, работоспособность, физическое состояние. Вот свидетельство В.Я. Тимрязевой с медицинской комиссии: *«Смотрели в рот, щупали руки, ноги и выдавали картонные жетоны. Нам с сестрой дали зеленые, другим розовые, сиреневые»*¹⁷.

Новоприбывших подвергали обязательной санобработке (во многих лагерях свирепствовал тиф, в некоторых был объявлен карантин): наголо стригли, прожаривали одежду и личные вещи, обрабатывали кожу каким-то раствором. Тут же людей регистрировали, снимали отпечатки пальцев и, как и военнопленных, «нумеровали»: большинство запомнили свои личные номера на всю жизнь! Выдавали и алюминиевую (реже пластмассовую) пластинку с тем же самым номером и со шнурком, чтобы носить на шее. Иных немцы уже ни разу и не окликнут, не назовут по имени — только по номерам! Но, в отличие от военнопленных, оstarбайтерам выдавали и настоящие документы, в частности, удостоверение личности (Ausweis) или трудовую книжку (Arbeitskarte).

Во время регистрации кое-кто был вынужден — или счел за благо — поменять свою идентичность: чтобы скрыть подлинную фамилию, принадлежность к партии или национальность, в особенности, еврейскую. При этом высоко «котиrowались» фамилии польские и украинские¹⁸.

В дулагах же формировались рабочие команды. Без лишних церемоний женщин отделяли от мужчин, старых от молодых (но для семейных могли сделать и исключение), разлучали односельчан, рушили

стихийно сложившиеся «землячества» (а люди, особенно подростки, предчувствуя, как тяжело будет в неволе поодиночке, инстинктивно тянулись друг к другу, искали взаимного покровительства, поддержки. Если вдруг на этапе или, позднее, в лагере обнаруживались люди из того же города или района, что и ты, — неважно, встречал ты их раньше или нет, — то их объединяло общее, знакомое каждому довоенное воспоминание, и, связанные хотя бы этим, они называли себя «земляками» и старались держаться друг друга).

Не знаем, была ли кем-то наверху продумана и поставлена задача ввергнуть человека в максимальную степень одиночества, но, похоже, и это входило в число целей, пускай и побочных, которых достигало нацистское государство¹⁹.

Кормили в транзитных лагерях отвратительно. Вот как описывает саму процедуру кормежки А.М.Иванов:

«...Выстраивали в колонну по два и пропускали через ворота на территорию, где была кухня. Каждому при этом давали в воротах медный жетон, похожий на наши три копейки. Мы подходили к окну, подавали солдатский котелок. В него опрокидывали черпак баланды из моркови и брюквы. Грамм 200 хлеба»²⁰.

А вот свидетельство В.М.Баранова:

«У многих уже не было своих продуктов, поэтому пайка не хватало, так как кроме пустой капусты ничего не давали да хлеба 300 гр., и то дают не сразу, а 3 раза в день. Все требовали больше еды, на что Азо отвечал, что “вы азо жрете как свиньи”»²¹.

Конечными станциями маршрута остарбайтеров были «арбайтс-лагеря» (им посвящена следующая глава). Здесь «...кончались бессистемные эшелонные замахивания, начинались избияния систематические. “Опы” <пожилые полицейские — П.П.> действовали быстро, жестоко и весело. Били они не только специальным инструментом для избияния — гумой, резиновой палкой, — но ногами, руками и тем, что в этот момент попадало под руку»²².

Но избияния в лагере — за отказ от работы, за непокорность, за любую форму пассивного сопротивления или хотя бы несогласия — это только часть системы устрашения, принуждения и наказания. Другими ее элементами были голод, исправительно-трудовые и штрафные лагеря со стрижкой «под ноль» и каторжными работами²³ и, наконец, гестапо с его концлагерями.

Действительность, с которой остовцы сталкивались уже по дороге в Германию и в Германии, столь разительно расходилась с посулами и обещаниями вербовщиков, что людей охватывало самое настоящее отчаяние. А ведь в первых партиях остарбайтеров, надо полагать, были как раз те, кто поехал в Германию добровольно!

Что ж, тем горше было их разочарование.

Sonderausgabe

zum

Deutschen Kriminalpolizeiblatt

Herausgegeben vom Reichskriminalpolizeiamt in Berlin

Erscheint nach Bedarf		Zu beziehen durch die Geschäftsstelle Berlin C2, Wardenburg Markt 5-6	
16. Jahrgang	Berlin, den 12. Juli 1943		Nummer 4632 a

Nur für deutsche Behörden bestimmt!

Die Sonderausgaben sind nach ihrer Auswertung sorgfältig zu sammeln und unter Verschluss zu halten.

A. Neuausschreibungen.

Entwichene kriegsgefangene Offiziere.

I. Aus dem Lager Langgrün, Kr. Karlsbad, entwichene sowjetrussische Offiziere.

Am 6. 7. 43 entwichen aus dem Ofag Langgrün 5 sowjetruss. Offiziere. Fluchtrichtung vermutl. Protektorat, Bekleidung: sowjetrussische grüne Uniformen u. Holzschuhe, Beschreibung unbekannt.

Elecall, Stanjon, Ltn., 23. 9. 03 Powlograd, Gel.-Nr. 18352.

Dudirlew, Alex, Ltn., 8. 4. 17 Moskau, Gel.-Nr. 20590.

Kuschnir, Nikolai, Ltn., 8. 4. 12 Smolensk, Gel.-Nr. 21333.

Fjagen, Iwas, Ltn., 25. 11. 23 Pullawa, Gel.-Nr. 21521.

Lusjesko, Michail, Ltn., 1. 10. 16 Charkow, Gel.-Nr. 19368.

Festnahme!

1/2/43 10. 7. 43. KPSt Karlsbad.

II. Aus dem Arbeitskommando Blankenau b. Markt-Pongau/Salzburg entwichene sowjetrussische Offiziere.

In der Nacht zum 10. 7. 43 entwichen aus dem Arbeitskomm. Blankenau b. Markt-Pongau 5 sowjetrussische Offiziere. Fluchtrichtung vermutl. Kärnten und Serbien. Bekleidung: Uniform.

Skottlow, Wladimir, Ltn., 14. 7. 24 7, Gel.-Nr. 3344; 1,73 m. schwa. Haare.

Prossenko, Nikolai, Ltn., 9. 12. 21 7, Gel.-Nr. 1821; 1,85 m. schwa. Haare.

Worinis, Wasili, Ltn., 29. 7. 24 7, Gel.-Nr. 8183; 1,67 m. dunklb. Haare.

Awerjand, Sergell, Ltn., 3. 7. 17 7, Gel.-Nr. 1492; 1,66 m. blo. Haare.

Slov, Nikolai, Unterltm., 7 7 20 7, Gel.-Nr. 21210; schwa. Haare.

Energische Fahndung! Festnahme!

58. 10. 7. 43. KPSt Salzburg.

III. Aus dem Arbeitskommando 3208 München entwichene sowjetrussische Offiziere.

Am 9. 7. 43 entwichen aus dem Arbeitskommando 3208 München 4 sowjetrussische Offiziere. Fluchtrichtung unbekannt. Bekleidung: Uniform.

Schalidwer, Iwan, Ltn., 24. 6. 12 7, Gel.-Nr. 201.

Ozbadtschor, Wladimir, Ltn., 7. 7. 18 7, Gel.-Nr. 103037.

Schichomercow, Nikolai, Ltn., 3. 8. 09 7, Gel.-Nr. 704.

Taran, Gari, Ltn., 7, Gel.-Nr. 102601.

Festnahme!

17 K. 10. 7. 43. KPSt München

Рис. 3.2.2. Первая страница специального приложения к «Листку немецкой уголовной полиции» за 12.07.1943.

Сообщается о трех побегах 14 советских офицеров из лагеря и двух рабочих команд в районах Карлсбада, Зальцбурга и Мюнхена в интервале между 6 и 10 июля.

Приводятся данные о бежавших и содержится призыв к их энергичному поиску и аресту

В арбайтслагере, на ненавистной чужбине обрушивалось разом все — и потеря близких, и голод, и нескончаемое унижение. Каждый, наверное, вынашивал в такие минуты план какой-нибудь мести или, по крайней мере, **побега**.

Планы, как правило, дилетантские. Вот, для примера, «план» 18-летнего Василия Баранова, неделю с небольшим как попавшего в Германию:

«...В воскресенье уйти на станцию, узнать эшелон, отправляющийся в Польшу, забраться в уголь и ехать до тех пор, сколько хватит терпения... Ведь чего бояться, тем более, что К. может разговаривать по-немецки. Но только плохо, что у нас нет уже продуктов, но это не важно, так как поездом мы долго ехать не будем, нам бы проехать Польшу»²⁴.

Вот его же слова спустя еще пару недель:

«Все собираются бежать с Германии, много рассказывали о прошлом, о настоящем, и что нас ожидает будущее, многие плакали на постели. Сердце мое разрывается на 5 частей... Говорят, год тому назад можно было удирать кому только не лень, но сейчас это очень трудно, но все-таки умело можно. Только надо ловкость и силы»²⁵.

Днем позже, кстати сказать, В.Баранов встретился с земляком, который, с высоты своего 1,5-годовалого опыта пребывания в Германии и двух неудачных побегов, уверял его, что «...удирать абсолютно нельзя!»²⁶.

И земляк был прав, имея в виду, очевидно, то, что — бежать, может быть, и можно, а вот удирать, **добежать** — **нельзя**, нечего и надеяться.

Действительно, очень многие отмечают, что охраны у немцев было все же маловато, и бежать почти из любого рабочего лагеря или лагеря для военнопленных было не сложно.

«Сдерживали пленных от побега боязнь новых лишений, наказания и общая бесперспективность побега. Многие опасались бежать к "своим", загодя объявивших пленных изменниками. Не было большого желания и податься в партизанские отряды оккупированных немцами стран. Все же по сравнению с пленными других стран советские бежали гораздо чаще, но их быстро ловили или же они сами возвращались»²⁷.

И тем не менее тяга советских людей к побегам была просто поразительной: известны даже попытки захватить самолет и улететь²⁸. Среди опрошенных нами остарбайтеров (а среди них ведь немало школьников, по сути еще детей, — героических романтиков и по воспитанию, и по возрасту) доля пытавшихся убежать — от четверти до трети!

О том же свидетельствует и немецкая статистика, в частности, по военнопленным. По данным на 31 августа 1942 года, на советских

военнопленных приходилось 45 % среди совершивших побег солдат и унтер-офицеров (а по офицерам эта доля составляла 58 %)»²⁹.

Статистика говорит: ежемесячно в бега уходило около 2 тыс. чел. и только при попытке к бегству ежемесячно погибало от 10 до 25 чел.³⁰

При побегах из лагеря или покушениях на побег действия против беглецов были рассчитаны заранее. На территории лагерей и в непосредственной близости от них поимкой занималась лагерная команда. Если ею беглецы обнаружены и схвачены не были, то в дело вступали полиция и жандармерия. Фотография и приметы бежавших публиковались в специальных изданиях, рассылаемых по всей Германии³¹. По всем военнопленным, кроме советских, приказом Кейтеля от 22 сентября 1942 года, стрелять разрешалось только после трехкратного предупреждения, по советским же (не стоявшим под защитой Женевской Конвенции) — безо всякого предупреждения.

«Профилактикой» побегов военнопленных занимались СС и полиция, время от времени проводившая обыски в их лагерях и рабочих командах. При обысках изымались запрещенные к хранению деньги и предметы: гражданская одежда, медикаменты, рюкзаки, бинокли, иностранные газеты, карты и даже записные книжки³².

Большинство пыталось бежать еще на пути в Германию, некоторые даже по нескольку раз, но успешных попыток почти не было. Если бежали из лагерей, то, как правило, с отчаяния. Гораздо реже бежали оттуда, где сносно кормили, где не угрожала скорая смерть от голода или истощения.

Чаще всего бежали вдвоем-втроем, но бывали и массовые побеги, когда уходили десятки, а иногда и сотни человек. Массовые побеги чаще всего происходили при перевозке³³.

Но и побег, в силу своей бесперспективности, мог только ухудшить положение. Как правило, пойманными беглецами занималось гестапо. В лучшем случае — и на первый раз — подобные затеи оканчивались жестоким битьем и тем же самым лагерем, откуда человек бежал (что оказывало определенное впечатление на еще не пытавшихся бежать), но очень часто — двумя месяцами в **исправительно-трудовом** или в **штрафном** лагере (особенно при повторном побеге). Если же во время побега были совершены какие-то преступления, беглеца, вероятнее всего, ждал совсем другой лагерь — **концентрационный**, откуда обратной дороги уже не предвиделось³⁴.

Примечания

¹ См. приложение 7. Вопреки запретам перемешивание военнопленных и оstarбайтеров происходило и на территории Рейха.

² См.: Wysocki, 1992, s. 129—130 и 490 (примечание 194).

³ Wysocki, 1992, s. 130.

- ⁴ Испрашиваемое количество в августе было выделено и направлено в распоряжение арбайтсамта в Штральзунде через цвишендулаг в Гродно. См. в: Белорусские остарбайтеры-1, с. 153, 158—159, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 43. Л. 3—5.
- ⁵ См.: Оккупация, с. 342, со ссылкой на: РГВА. Ф. 1458к. Оп. 42. Д. 256. Л. 45 об. Распоряжение не распространялось на лиц, могущих подтвердить свою постоянную общественно-полезную деятельность и евреев, для которых имелся особый регламент. Оплата труда предполагалась «в соответствии с согласованными тарифами», а обеспечение отбывающих трудовую повинность и членов их семей, — «в рамках возможного». Существенным пунктом распоряжения было также правомочие рейхскомиссаров расширять или ограничивать трудовую повинность для определенных групп населения.
- ⁶ Из 107 ответивших на нашу анкету лишь 1 остарбайтер отметил то, что часть пути они проехали в пассажирском вагоне.
- ⁷ Обстоятельство, фактически проигнорированное органами соцобеспечения и фондами «Взаимопонимание и примирение», часто предъявлявших к остарбайтерам совершенно незаконные требования доказать недобровольный характер депортации.
- ⁸ См., например, повестку, присланную 19.05.1942 Курской городской управой В.А.Даниловой, проживавшей по Чумаковской ул., 12 (ЦМВС, № 4/21181). Одна такая повестка опубликована Г.Г.Вербицкий: Ирине Гроховой, жительнице Пскова, предлагалось немедленно явиться в арбайтсамт, в его женский отдел, имея при себе трудовую книжку. *«Неявка ведет к тяжелым последствиям»*, *«В случае неявки будете вызваны с полицией»*, — писалось в таких случаях в повестках (см.: Вербицкий, 1996, с. 50—51).
- ⁹ Такого рода «меры» назывались зондеракциями, или «спецмероприятиями». Так, например, по сообщению гебитскомиссара Петриков, в ходе одной из них (04—05.12.1942) было полностью сожжено 8 деревень в южной части округа (общей численностью населения в 2847 чел.), причем большинство населения до тех пор было дружелюбно к немцам, что едва ли сохранилось (ВА, R55, № 1483).
- ¹⁰ Особо жестоким было обращение с жителями деревень, подозреваемых в тесных связях с партизанами.
- ¹¹ Именно так в июне 1942 г. был «завербован» Георгий Иванович Кондаков (см.: Кондаков, 1991, с. 269).
- ¹² Такого рода «одинокость» было гораздо характернее для этапированных городских жителей (более половины), чем для сельских («лишь» каждый пятый; нередко это люди, попавшие в облаву во время поездки в город).
- ¹³ См. образец в: Белорусские остарбайтеры-1, с. 132, со ссылкой на: НАРБ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 31. Л. 104.
- ¹⁴ Homze, 1967, p. 118.
- ¹⁵ От Zwischendurchgangslager — промежуточный лагерь, предшествующий дулагу — просто пересыльному, или распределительному лагерю.
- ¹⁶ Именно такой случай подробно описан Г.И.Кондаковым (см.: Кондаков, 1991, с. 270—273).
- ¹⁷ Судя по тому, что впоследствии В.Я.Тимирязевой и ее сестре «доверяли» таскать 40-килограммовые ящики на подземном заводе, зеленые талоны означали хорошее состояние.
- ¹⁸ Подробнее см. в главе 1.4.
- ¹⁹ См. также в главе 3.3.
- ²⁰ Иванов А.М. Приложение к анкете.

- ²¹ Баранов, 1985, с. 137, запись за 07.09.1943. Азо (от нем. «also» — по-русски «итак») — прозвище поляка-переводчика.
- ²² Семин, 1978, с. 82. Многие рассказывали и о таком изысканном орудии побоев, как бычий член (см., например, в воспоминаниях Я.Г.Гранкина о концлагере Нойсенгамме — ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 19).
- ²³ Описание двухмесячного пребывания в штрафлагере для гражданских рабочих в Любеке см. у Л.Ситко (Ситко, гл. 3.60-62).
- ²⁴ Баранов, 1985, с. 137, запись за 8, 9, 10.09.1943.
- ²⁵ Баранов, 1995, с. 139, запись за 24, 25.09.1943.
- ²⁶ Баранов, 1995, с. 139, запись за 26.09.1943.
- ²⁷ Лугин, 1987, с. 206—207.
- ²⁸ Так, бывший военнопленный летчик В.Г.Горшков из Москвы, в Германии работавший в цехах аэродрома фирмы Мессершмитт близ Обертраублинга, в письме от 09.01.1991 в «Мемориал» сообщает об одной неудачной попытке, предпринятой летчиком Пироговым.
- ²⁹ Рассчитано по данным из приложения к приказу Кейтеля о координации работы армии и полиции по борьбе с побегами военнопленных, 22.09.1942 (РГВА. Ф. 501к. Оп. 3. Д. 556. Л. 4).
- ³⁰ В частности, за январь—сентябрь 1943 года побег совершило 16.286 чел.; за то же время 2.767 чел. были возвращены на родину так называемыми возвратными эшелонами (Kurzbericht über die Behandlung der Mitteilungen über Sterbfälle, Arbeitsvertragsbrüchen (Fluchten), Einlieferungen in KL, Rückführungen usw. von Ostarbeitern durch Wi Stab Ost, Chefgruppe Arbeit. Berlin, den.30.Okt.1943, gez.Dr.Hellwig. — BA/MA, RW 31/35).
- ³¹ Sonderausgabe zum Deutschen Kriminalpolizeiblatt.Hrsg. von Reichskriminalpolizeiamt in Berlin. Erscheint nach Bedarf.
- ³² РГВА. Ф. 501к. Оп. 3. Д. 556. Л. 4—9, 11—22.
- ³³ Так, например, 23.06.1944 около 40 советских военнопленных, выломав стенку товарного вагона, бежали близ Одерталя, округ Гросс-Штрелиц (см.: Sonderausgabe zum Deutschen Kriminalpolizeiblatt. 03.07.1944 и 07.07.1944).
- ³⁴ Разумеется, и в самих концлагерях предпринимались шаги по предотвращению побегов и быстрой поимке беглецов (см., например, циркуляр Гиммлера и Кальтенбруннера от 18.08.1943 о борьбе с побегами заключенных). В каждом военном округе имелся уполномоченный РСХА по борьбе с побегами (РГВА. Ф. 501к. Оп. 3. Д. 556. Л. 1—2).

3.3. Жилище, одежда, пища: групповой портрет на фоне колючей проволоки

«Арбайтслагеря», то есть рабочие лагеря для иностранных рабочих в гитлеровской Германии нельзя было встретить разве что на соборных площадях. При фабриках, на городских улицах и пустырях, посреди поля — где угодно. Их общее количество измерялось даже не тысячами, а десятками тысяч.

И приспособлено под лагерь могло быть все, что угодно: школьное здание, пустующий цех, танцевальный зал гостиницы, крестьянское подворье...

Но чаще всего это — охраняемое, обнесенное трехметровой колючей проволокой и застроенное **бараками**¹ голое пространство по соседству с местом, где по обитателям этой «идиллии» плачут их рабочие места и инструменты. Где-то поблизости — кухонный блок и столовая, а по периметру лагеря — двухметровый забор (иногда — проволоочное ограждение²) с прижавшимися к нему уборными, у ворот — будка для часового. Ни единой былинки — необходимый для построений и переключек аппельплац неизменно посыпался бурым шлаком. Необходимыми функциональными элементами являлись также лазарет и арестное помещение.

Еще более унылый и суровый пейзаж являли собой **шталаги** для военнопленных³. Их местоположение изначально должно было соответствовать нескольким критериям: в частности, находиться в стороне от общественных дорог и в то же время быть на расстоянии не более 5 км от железнодорожной станции, занимать малоприспособленные для сельского хозяйства неудобья, чаще всего на песчаных почвах, но, пожалуй, решающими были обеспеченность питьевой водой и разрешимость проблемы стоков. Не последнюю роль играло и наличие площадей для кладбища, в том числе и под отдельное кладбище для тифозных. Нередко под шталаги использовались полигоны, стрельбища и прочие учебные уголья вермахта.

Как правило, это были довольно большие лагеря, рассчитанные в среднем на 10 тыс. чел.⁴ Периметр из колючей проволоки был оснащен — через каждые 200 метров — наблюдательными вышками⁵. У входа — несколько административных зданий, в которых размещались канцелярия, охрана, переводчики, полиция. Где-нибудь поблизости — так называемый «форлагерь», где свежеприбывающие проходили медицинский контроль⁶, дезинфекцию и регистрацию (каждый получал *Erkennungsmarke* — алюминиевый, как правило, жетон со своим идентификационным номером).

Многие десятки барачных для военнопленных (вместимостью в 200—250 чел.), нанизанных на один или несколько широких осевых проездов, составляли примитивную геометрическую планировку, центром которой служил пищеблок. Перед каждым барачком —

небольшое голое пространство, между бараками — невысокая колючая проволока. Злые языки могли бы назвать этот архитектурный стиль чем-то вроде «позднегерманское бараки».

Бараки, как правило, одноэтажные и деревянные, покрашенные в специфический темно-зеленый цвет. Как справедливо замечают И.Дугас и Ф.Черон, своим внутренним устройством **бараки напоминали лагерь в миниатюре**⁷. Почти от самого входа (около входа стояла печь, почти никогда не топившаяся) начинался широкий проход, упиравшийся в помещения для умывания: по бокам — стандартные трех- или двухэтажные койки или нары, сгруппированные в «блоки» по четыре ячейки в каждом (иногда они обрушивались, погребая под собой тех, кто лежит внизу).

В лагерях для остарбайтеров преобладали похожие помещения, но попадались и двухэтажные бараки, иногда даже кирпичные. При каждом бараке — умывальня и **вахштуба**, комната для охраны. В «жилых» помещениях — сотни, крайне редко — десятки человек.

На ночь бараки запирались, для естественных нужд, если не было отдельного туалета, вносилась огромная параша. Окна зарешечены и всегда закрыты. Так что свежего воздуха нет, и вместо него — спертая, неподвижная атмосфера потных, грязных, болезненно-дышащих человеческих тел. Постоянный и очень тусклый свет: днем — серый, «соломенный», как его определял В.Семина, ночью — синий.

Трехэтажные койки или деревянные нары (иногда — особенно в женских бараках — двухэтажные). Лучшими местами считались нижние и средние, — верхние, как правило, были под самым потолком, так что на них можно было только лежать. А у тех, кто «доходил» и слабел, иной раз и сил не хватало, чтобы забраться наверх.

Вот описание индивидуального спального места, позаимствованное из повести В.Семина:

«У меня в лагере все, как у всех: две некрашенные бортовые доски, четыре деревянных стойки и потолок из досок верхней койки, сквозь которые мне на лицо сыплется соломенная труха, когда сосед ворочается. Два одеяла — тоже как у всех. И одно отделение банного шкафчика»⁸.

В этих пристенных банных шкафчиках из серого прессованного картона держали остарбайтеры свои сокровища — фотографии, деньги, сигареты, остатки домашней одежды, уворованные на кухне или в поле продукты (картошку, брюкву). Шкафчики закрывались на ключ, но иногда устраивались официальные обыски: каждый должен был открыть свой шкафчик перед проверяющими. Воровство из чужих шкафчиков, то есть у своих, не было редкостью, но считалось тяжелым преступлением и сурово наказывалось⁹.

Кроме нар, тюфяка, шкафчика — лагернику полагались еще и казенные одежда и обувь: спецовка, иногда бушлат. Тех военнопленных,

у кого красноармейская одежда вся износилась, одевали, что называется, от Вильгельма: со складов кайзеровского рейха их очастливливали нижним бельем, зеленоватой шинелью или темно-синей — брюки и куртка — пехотной робой (иногда со рваными дырами и в бурых пятнах: с убитых или расстрелянных). Напомним, что на правой брючине и на спине (и еще на пилотке — если она была), — непременно красовались белые или красные масляные буквы "SU"!

И, конечно же, — неперенные «колодки»¹⁰ — долбенки или ботинки с деревянной подошвой и брезентовым или картонным верхом! В колодках и ходили, и работали — снимали только на ночь, ступни в них не сгибались и растирались до крови. «*Эта обувь, — подмечает В.Семин, — вырабатывала особую лыжную походку, шоргающую походку доходяг*»¹¹. Кроме того, это была еще и звучащая обувь: цоканье деревянных подошв предупреждало местных жителей о приближении раба. Да и бежать — неужели все это было предусмотрено? — в такой обуви, согласитесь, затруднительно¹². Недаром одно из немецких названий этой обуви — «шперы», что на русский язык переводится приблизительно как «преграды», а вечно порывавшийся бежать В.Баранов и вовсе называл ее в своем дневнике не иначе как «кандалами»!

Умывальники — жестяные корыта с десятками отверстий и металлическими закрывалками. Месячная норма — крохотный кусочек мыла и полотенце. В умывалке, в уборной — вечный запах карболки и извести.

Уборная вообще была местом примечательным. Это был своего рода клуб, где циркулировали самые последние новости — лагерные и международные.

Но многие лагеря обходились без такой роскоши, как изолированный от жилья туалет. В таких случаях в углу или возле двери стояла огромная параша, которую в пять утра, сразу же после подъема¹³, по очереди выносили куда-нибудь за угол.

На ночь бараки запирались.

Внутренняя дверь из вахштубы в барак — для удобства наблюдения — обычно не закрывалась. Сами надсмотрщики, — как правило, из немцев постарше, часто из инвалидов или контуженных на войне. Их еще называли «опами», т.е. «дедушками»¹⁴. Среди них были и «звери», и «люди», но вот чудовищная система лагерных «полицаев» из числа своих в лагерях для остовцев, по сравнению со шталагами, была менее развита¹⁵. Нередко на различные вспомогательные должности в лагерях немцы ставили, со статусом выше остовского, — чаще всего галичан (западных украинцев) или поляков, чья жестокость и властолюбие нередко выходили за всякие рамки. Им же доставались и лакомые должности переводчиков.

Сбивая тем самым со следа ненависть, немцы стравливали разные нации в одном kloчущем котле, а сами, усмехаясь, черпачком в нем помешивали. И это им удавалось: на поляков, а не на немцев обращения и гневные сетования власовского капитана Демидова, и беззаветная ненависть 18-летнего остовца Васи Баранова!

Впрочем, иногда переводчиками были и свои соотечественники. На фоне «рядовых» оstarбайтеров привилегии их статуса были ощутимы. Весьма откровенно сказано об этом в письме одной из таких «переводчиц» (а по сути старосты, доверенного лица администрации), хранящемся в коллекции писем оstarбайтеров в материалах ЧГК. Привилегии начинались уже с бумаги, на которой написано ее письмо (не казенная открытка, а обыкновенный тетрадный лист) и способ отправки (очевидно, с оказией). Зарплата ее, после всех вычетов, — не 3—5, а 50 марок. Она вполне последовательна, называя Германию «Великой», о России же она пишет так:

«Не зная где находятся мои родители, мне все равно где бы ни жить, а лишь бы в настоящее время существовать, т.е. сохранить свою жизнь на будущее. ...Имею дело всегда с фабрикантом и вообще с начальством, пока в центре внимания, им нужно работать и молчать, а эти черты я имею. Как с продуктами ни плохо, а я имею всегда больше всех, в день 3 раза кушаю... Последнее время начали "свободно" гулять выходить. Как ни трудно, а считая во внимание военное положение, все же я счастлива»¹⁶.

Пребывание в лагере — это абсолютная невозможность побыть одному; всегда и везде — только на людях, только в навязанном обстоятельствами коллективе, которым предопределено и проконтролировано все бытие лагерника. Это **высшая степень** одиночества, **прилюдного одиночества** человека, оставленного один на один с могущественным Рейхом.

В плену уже почти не встречалось того товарищества, что распространено было на фронте, в действующей армии¹⁷. Доносительство было хотя и предосудительной, но нормой: причем стучали отнюдь не только абверовские агенты¹⁸. **Общие интересы были ослаблены** или их вовсе не было — все интересы были индивидуальными или мелкогрупповыми (воровство, побеги). Группки же кристаллизировались вокруг более опытных и авторитетных личностей, и принадлежность к такой малой группе иной раз была поистине спасением: *«Постепенно складывались коллективы. Они помогали выжить»¹⁹.*

Но складывались они, если вообще складывались, всегда с превеликим трудом. Как признавался И.Лугин:

«Тяжесть нашего положения была не только в нашем полном бесправи, но и в абсолютном чувстве одиночества. Мы, русские, не поддерживали друг друга, как это делали французы, поляки, югославы. В массе своей у русских пленных отсутствовало

чувство спайки по национальному признаку. Оно было вытравлено всей шкурнической советской действительностью...»²⁰

То же и у Л.Ситко, которому, кстати, именно француз не дал в штрафлагере «дойти»:

*«День за днем все меньше жалости к людям, к себе, меньше страха, все больше равнодушия: будь что будет...»*²¹

К слову, в отношениях советских с другими народами были свои нюансы. Так, по свидетельству того же Л.Ситко, *«...самые быстрые и близкие отношения налаживались у русских с французами. Остальные — итальянцы, к примеру, или, скажем, югославы и поляки — держались особняком, а последние чаще всего и враждебно. Голландцы и датчане были нейтральны»*²².

Но никакая ненависть, никакая тоска и никакая воздушная тревога не могли бы оторвать военнопленных и остарбайтеров от еды, или, как выразился бы представитель лагерной администрации, от приема пищи. В отличие от французов или голландцев столовая, или кантина, остарбайтерам и тем более военнопленным не полагалась²³. Пищу, как правило, раздавали тут же, в бараке.

Военнопленные в шталагах утром получали хлеб и чай, в обед — пол-литра супа из брюквы из 10-литрового бачка, в котором плавало несколько кусочков нечищенной картошки, а вечером — снова чай. Особенно голодный паек был в 1941—1942 гг., когда хлеба выдавали только по 200 грамм²⁴.

В арбайтслагерях у остарбайтеров — было несколько иначе. Главное — хлеб — выдавали шесть раз в неделю, вечером, после смены.

Это — дневной смене, а ночная получала свою суточную хлебную пайку у раздатчика²⁵ днем, вместе с больными. Кто-то съедал все сразу, мужественно-мудрые половину оставляли на утро, когда есть будет хотеться не меньше, чем сейчас, но есть будет уже совсем нечего. Люди укладывались поверх одеял, закуривали, стреляли бычки, доставали карты, а мысли их все равно, — признавался за всех В.Семин, — *«кружат и кружат вокруг своих паек»*²⁶.

По единодушному, на редкость единодушному, мнению именно голод, жизнь впроголодь — было самым тяжелым, самым непереносимым. Это — лейтмотив ошутимого большинства писем остарбайтеров и ответов на анкеты: *«От голода очень хотелось спать, в бараки шли как пьяные»* (А.Е.Драница). *«Я мечтала о еде и чтобы быстрее кончилась война. Обед получаю — об ужине мечтаю, и все же я кушать хочу»* (М.М.Шаровская). *«Придя из бани, я уже начал терять сознание. Поднимаясь на 2 этаж, у меня закружилась голова и я упал, ударившись о койку. Вот моя голодная смерть, подумал я»* (В.М.Баранов, дневник за 20.09.1943).

Им вторит и Л.Ситко: «...хронический, постоянный голод на баланде и брюквенном хлебе — это было что-то иное. Человек перестаёт здраво мыслить, им овладевает апатия, руки свисают, как плети, кожа — мертвенно-серая... Все сильнее проступало в человеке животное, все меньше оставалось в нем человеческого. Были споры и драки дистрофиков за горбушку, которая у соседа казалась больше, за зуптэ погуце, за место на нарах... Были даже убийства за кражу хлеба у товарища ("Ступай эсэсовца обкради! Что у своего крадешь!"). Но было и другое: бывало, что "сбрасывались" по ломтику хлеба для того, кто уже совсем дошел. Все страдали от голода, но не все теряли в себе человека, помогали, чем могли, друг другу, иногда просто добрым словом...»²⁷

Если исходить не из казенных предписаний, а из живых свидетельств, то «усредненный» рацион был приблизительно таким: утром (иногда и вечером) — эрзац-кофе и хлеб: суммарно — от 200—250 до 400 г. (впрочем, на шахтах чуть больше — до 500—600 г; иногда хлеб заменяли картошкой) и 1—2 раза в день — около литра пустой баланды из брюквы, моркови, капусты (иногда — кольраби), шпинат. На неделю — от 10—20 г (кое-где до 100 г) маргарина, 50—75 г сахара или сахараина (кое-где — 70—100 г вареной колбасы)²⁸.

В.Баранов сообщает, что, начиная с третьей недели начали кормить строго по расписанию: в 7.30 — 50 г. хлеба, иногда — редчина или салат из бураков, в 9.00 — кофе и 150 г. хлеба, в обед — как правило, в полдень — суп, вечером — суп, 150 гр. хлеба и 15 гр. маргарина²⁹. Впрочем, в дни, когда приезжало какое-нибудь начальство или инспекция, кормили получше — настоящим крупяным супом, картошкой.

Немецкие источники отнюдь не противоречат «автобиографическим» свидетельствам. Вот датированный началом 1942 года обзор сообщений с мест относительно положения и состояния советских военнопленных:

«Физическое состояние русских отвратительное. Уже вторую ночную смену подряд от потери сил и голода травмы получили 33 человека. Пришлось прекратить работу за 3 часа до окончания 10-часовой смены. В следующую ночь эти 33 человека, освобожденные врачом для военнопленных, отсутствовали. Врач полагает, что в ближайшее время привлечение их к труду ввиду их полного истощения невозможно или ограничено. Остальные русские получили два дня отдыха и право неограниченного сна. Во вчерашнее воскресенье от них потребовали только 5 часов работы. Это касалось 90 человек (еще 14 человек были оставлены в лагере, из них 10 — неработоспособны). И, хотя они из всех сил старались доработать до конца смены, по истечении 4 часов выглядели переутомленными.

Так как для трудоустройства русских требуется значительное число мастеров, бригадиров и приспособлений, налицо спад

производства — еще более значительный, чем перед началом использования русских. О производственных достижениях русских в ближайшей перспективе говорить не приходится...

...Применение труда русских в оборонной промышленности полностью зависит от питания. Из продуктов питания возможно один раз в день приготовить горячую пищу. Мясо должно подаваться в виде колбасы (35,71 г) в сочетании с небольшим количеством хлеба (300 г). Хлеб выдается сразу на весь день. Таким образом, остается только позаботиться об обеде для русских 6 раз в неделю: 5 фунтов кольраби и 0,5 фунта картофеля с 18,5 г жира. Часть необходимой для варки воды может быть заменена 1/3 литра сгущенного молока. Были сделаны два пробных обеда — один раз только с водой, другой — с водой и сгущенкой, и можно утверждать, что с таким ежедневным питанием можно только поддерживать существование, но оно не дает сил, достаточных для продуктивной работы...

Имеющегося снабжения недостаточно. Кишечные заболевания несомненно являются следствием сверх всякой меры подаваемой кольраби. Работы, на которых используются русские, — в основном, тяжелые. Нормы питания, далеко не достигающей до потребности, недостаточно для того, чтобы поддерживать или наращивать силы, нужные для производительного труда.

Недостаточность питания русских военнопленных может быть устранена, если нормы их питания будут подняты до норм для других военнопленных и если в течение достаточно длительного времени кольраби будет исключена из рациона.

У военнопленных цвет лица очень бледный, движения замедлены и говорят о том, что их питание недостаточно. Они выказывают стремление к труду, заметно, что они обладают профессиональными навыками. Их теперешняя производительность составляет 1/4 от производительности немца.

Нормы их питания, установленные ландсратом в настоящее время и до 8.3.1942 следующие <грамм на неделю; в скобках — изменения после 09.03.1942 — П.П.>: хлеб — 2100(2600), конина — 250, жиры — 130, крупы — 150, сгущенка — 243, сахар — 70, картофель — 3000, кольраби — 16500, свежие овощи — 1125, кислая капуста — 275, чай-эрзац — 14, соль — 175. <Таким образом все изменение свелось к прибавке неполных 100 г хлеба на человека в день! — П.П.>.

Так как военнопленные, как правило, съедают весь хлебный рацион уже утром, а теплую пищу получают только после возвращения в лагерь в 17.00, прилагаются усилия к тому, чтобы предоставить им дополнительное питание из наших остатков. Но по этой же причине оно и не может быть регулярным.

...Кормить работающих на тяжелых работах большим количеством колбасы нецелесообразно, разумнее для этого использовать крупы — гречку, рис, пшено, чечевицу»³⁰.

Столь плохим состоянием своих работников были недовольны и немецкие работодатели, но и они не могли переубедить власти поднять рационы их питания: такая мера была заблокирована уменьшением рационов самого немецкого населения, объявленным 6 апреля 1942 года. После этого рационы советских граждан могли быть только снижены! — что и произошло. Занятым на легких и средних по тяжести работах теперь полагалось 2070, на тяжелых работах — 2447 и занятым в горнодобыче — 2993 калорий в день!³¹

В результате эффективность эксплуатации советских трудовых ресурсов очень скоро, еще весной 1942 года, то есть в самый разгар массового заезда остарбайтеров, оказалась поставленной под сомнение. Во многих лагерях, где жили остарбайтеры, начались массовые эпидемии (главным образом, сыпного тифа) — все, кажется, шло по тому же сценарию, что и осенью сорок первого года с советскими военнопленными, трудовой потенциал которых был потерян по причине повальной смертности. И хотя советская рабочая сила стала самой массовой на территории Рейха, со стороны работодателей наметилась тенденция к ее возврату службам труда.

Из этих «забракованных» людей — тяжелобольных, престарелых, беременных — стали формировать **«возвратные партии»**, отправляемые обратно в СССР.

В сочетании с письмами из Рейха, начавшими приходить летом сорок второго года, рассказы, состояние и самый внешний вид этих доходяг произвели на родине столь внушительный «пропагандистский» эффект, что ни на какую такую «добровольность» при вербовке рассчитывать тем более не приходилось. Летом 1942 года число добровольных заявок резко сократилось, если не сошло на нет, а энергичность и изворотливость отказов возросли.

Ответный ход Заукеля — эскалация репрессивных мер при вербовке, что и само по себе действовало в том же, перпендикулярном вербовке, направлении. Понятно, что разворот именно в это время серьезного партизанского движения случайным совпадением не является.

Конечно, Заукелю — в условиях выпавшей ему «квадратуры круга» — было нелегко. То, что кормить русских надо получше, было ясно, но как это сделать тогда, когда и сами немцы затянули ремни?

Смягчить проблему удалось лишь в октябре 1942 года, — после того как рационы немцев были доведены до прежнего уровня. 6 октября были увеличены нормы питания и восточных рабочих — примерно на 10 % (см. табл. 3.3.1). При этом новые нормы все равно были ниже, чем у других иностранцев, не говоря о качестве продуктов и о том, что предоставление питания в полном объеме на практике неукоснительным правилом вовсе не было.

**Нормы питания советских военнопленных
и гражданских рабочих
(1941—1942, кал/день)**

Категория труда	04.12.1941	17.04.1942	06.10.1942
Легкие работы	2540	2070	2283
Тяжелые работы	н.д.	2447	2673
Горняк в шахте	н.д.	2993	3145

Источник: Herbert, 1986, s. 171.

Официальное выравнивание норм питания советских и западных рабочих было произведено только в июле 1944 года, а в августе—октябре их «подтянули» до норм питания немецкого населения¹².

Перед той же самой «квадратурой круга» — но только с другой стороны (так сказать, изнутри) — оказались и военнопленные с ост-арбайтерами.

Достать еды! — Но где и как?

Купить еды? — Но где и на что?!

Единственным и реальным способом выйти из этого круга — оказалось: **украсть!**

Воровали все — все, что можно съесть или обменять на еду: картофельные очистки, картошку, брюкву, хлеб.

Воровали всегда — по дороге на работу, на работе, по дороге с работы, по ночам устраивали вылазки в близлежащие поля и огороды.

Воровали везде, куда заводила жизнь, — на кухне, с лагерного склада, из погребов местных жителей.

Воровали искусно, добираясь даже до спирта в военных цистернах!..

Воровство еды стало обыденным и насущно необходимым, и только по «наказанию», время от времени настигавшему захваченных с поличным «воров», но уж никак не по «преступлению» могли они смутно догадываться, что поступают вопреки одной из христовых заповедей, да и в родной советской школе их учили, кажется, не тому.

Даже люди, мало приспособленные к воровству и какое-то время сопротивлявшиеся ему внутренне, со временем неизбежно избавлялись от своих «комплексов», ибо понимали: иначе — не выжить! Тот же В.М.Баранов, оказавшись во второй половине промозглого ноября 43-го года после арбайтслagerя в лагере штрафном, уже не испытывал ни робости, ни мук совести: *«Вставши, я пошел насчет промышления,*

как разгружали брюкву и мне удалось стащить одну. За последнее время мне везет в воровстве. Я очень научился искусно воровать... Перед сном с прицепа стащил пять картошин и сварил в печке»³³. Или, днем позже: «Воровство было для меня главной заботой. Чтобы то ни было, но надо стащить. Ибо смерть уже ходит по пятам. Во 2-й комнате умер вчера парень, Володькин земляк. Случай голодной смерти здесь уже не новости»³⁴.

Немцы, конечно, пытались с воровством бороться — в поисках картофелин обыскивали при возвращении в лагерь, устраивали ночные засады. Даже возможность в уборную сходить — и та была поставлена под контроль:

«До сегодняшнего дня можно было отлучаться от станка во время работы. Иногда сбегали во двор, чтобы воровать, где листок капусты или бурачок, или в лучшем случае редьки или брюквы. Но с сегодняшнего дня строго запретили. Разрешено отходить от станка в уборную и то по разрешению мастера и поляка»³⁵.

Диапазон штрафов за воровство продуктов — от битья резиновым шлангом до концлагеря. Достаточно типичным является, например, следующий документ³⁶:

*«Рабочий лагерь Бад Сааров.
Бад Сааров, 12.11.43.*

Штутцхафтлагерфюреру концлагеря Заксенхаузен.

СООБЩЕНИЕ

Оба отбывающие у нас трудовую повинность заключенные

R 52225 Еременко Виктор 24.2.12

P 71032 Черновка Владислав 27.11.20

повторно пойманы вместе с другими сокамерниками на воровстве с использованием ночной темноты. Несмотря на многочисленные предупреждения случаи воровства тем не менее по-прежнему имеют место. Кроме того сокамерники подвергаются неблагоприятному воздействию со стороны двух означенных, особенно со стороны Еременко, не только подбивавшего их на совершение многочисленных краж из картофельного погреба, но и к порче при этом деревянных строений. Просим о суровом наказании и об изъятии обоих из местной рабочей команды.

*Начальник команды
СС-штурмшарфюрер».*

Немцам казалось, что такой «профилактикой» и угрозой наказания будут перекрыты все воровские возможности и шансы. Но, как ни страшили наказания, а голод был могущественнее. Он ввергал людей в отчаяние и, отчаявшихся, посылал на унижения и на риск:

«В обед стали лезть за добавком. Полька <раздатчица — П.П.> со всего размаха бахнула одного белоруса по голове половником. Тот облитый кровью повис на лезущих. Немцы и поляки видя такую картину злобно смеялись называя нас свиньями, потом стали разгонять на работу. Один русский получил 4 картошины на поддельный талон³⁷, его избили до полусмерти. Работать он не мог, его бесконечно били по лицу, словно хотели оживить или совсем прибить»³⁸.

Или:

«Вечером крали капусту, днем тоже и стояли возле обчисток и ели, так как в заводе нельзя ни в коем случае и если заметят, то избьют до смерти. Переговорщик <переводчик — П.П.> всех прогнал от обчисток и бил. Всех вечером идя в лагерь обыскивали, 4 человек обнаружили с сырой картошкой, я свою запрятал в землю цветника, поэтому мог спастись от ряда мучений. Искали в лагере уворованные ложки и ножи, трусили все шкафы. У меня ничего лишнего не нашли. Были закрыты под замок, даже на заводской двор нельзя было уйти, так как ребята ходили по яблоки, обломали соседнему немцу грушины и оборвали все груши. Вечером они ели впотьмах на койке. Я попросил, но мне никто не дал, потом один белорус дал одну грушу. Я решил идти на сегодняшнюю ночь, но так как вылезти было нельзя, то планы не сбылись»³⁹.

Ситуация с грушами показательна. Кроме страданий физических и физиологических, голод нес и моральный антизаряд, разъединял людей, делая их подозрительными и жадными, лишал остатков человечности:

«Хотя у Толи, Петра, Василия и Василия и были сухари и сало,.. но они всегда прятались от меня, Шкута Володи и других голодающих. Как обидно. Ведь я им дорогой половину сала отдал. Толе все Лидины сухари отдал. И все время мое ели, а как увидели приближение голода, то начали сторониться. Эх кажется, несчастный я. Я переворачиваю ту сумку, где были сухари, и по крошке собираю и ем с таким аппетитом, что кажется съел бы всю сумку».

Конечно, воруя, эти несчастные люди рисковали⁴⁰ и крупно, — но иного выбора у них не было. Голод, постоянные мысли о еде делали воровство абсолютно неизбежным и повсеместным⁴¹.

Теплый зяблого не понимает — немцы никак не могли взять в толк, что хоть и силен страх, а голод — сильнее.

Примечания

¹ Их официальное название — RAD-Baracke, то есть бараки для рабочих.

² ГАРФ, Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2208.

- ³ Слухи о том, что их проектировщиком был лично министр вооружений Альберт Шпеер, архитектор по профессии, были лишь только слухами.
- ⁴ Впрочем, по величине им было далеко до концлагерей, рассчитанных, как правило, на многие десятки тысяч человек (а некоторые, как, например, Майданек и Аушвиц-Биркенау, планировались и на сотни тысяч!).
- ⁵ На вышках — часовые, другие охранники, часто с собаками, периодически обходили лагерь.
- ⁶ Среди прочего медкомиссии фиксировали также наличие или отсутствие верхней плоти на члене на предмет выявления евреев и наличие или отсутствие специфических татуировок уголовников.
- ⁷ Дугас, Черон, с. 113.
- ⁸ Семин, 1978, с. 99—100.
- ⁹ В штрафных лагерях, впрочем, и этого внутреннего табу не существовало. Действовал чисто гугаговский «закон»: *«умри ты сегодня, а я завтра»*.
- ¹⁰ Удивительно удачное слово: кроме сапожного термина — колодка — в нем явственные отголоски «кандалов» и, особенно, старинного русского обозначения каторжника: «колодник»! Немцы называли эту обувь «Pantinen».
- ¹¹ Семин, 1978, с. 148. Ср.: *«Обувью служили большие деревянные колодки, очень неудобные для ходьбы. Быстро двигаться или бежать в колодках можно было только двумя способами: не отрывая ног от земли на манер лыжника, или же высоко поднимая ноги, подобно породистому рысаку. Колодки стали опознавательным знаком советского пленного. Пленные других государств носили собственную обувь»* (Лугин, 1987, с. 179).
- ¹² Ср.: *«Но колодки служили немцам верно. В колодках нельзя было бежать: они слетали с ног на ходу. Быстро идти тоже не было никакой возможности. Для охраны почти 80 человек требовалось только два-три конвоира. В сытость и дождь, в снег и жару колодки верно стерегли нас. Когда колонна в 76 человек шла на работу, то вся деревня слышала. Наши колодки грамыхали по булыжникам. Зимой многие падали: колодки скользили по льду»* (Черон, 1987, с. 52).
- ¹³ Зимой подъем — в 6 утра. После подъема — оправка и поверка.
- ¹⁴ См. в главе 3.7.
- ¹⁵ В шталагах система лагерных комендантов и полицаев-надсмотрщиков из числа самих советских людей была введена уже в сентябре 1941 года (см. в главе 3.1).
- ¹⁶ ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389. Л. 80—81 об.
- ¹⁷ См.: Баранов, 1995 и др.
- ¹⁸ Один такой случай описан Л.Ситко (Ситко, гл. 3.50-55).
- ¹⁹ Кондаков, 1991, с. 285.
- ²⁰ Лугин, 1987, с. 184.
- ²¹ Ситко, гл. 3.62.
- ²² Ситко, гл. 3.53. Вот еще одно «международное» наблюдение из его воспоминаний: *«Наиболее выносливыми мне казались выходцы из Союза. Чем это объяснить? Не тем же только, что "наши идут!" Не тем ли, что и на родине немало горя хлебнули и привыкли к нему? Поляки, чехи, особенно итальянцы казались совсем уж беззащитными, опускались и умирали быстрее наших...»* (Ситко, гл. 3.62).
- ²³ Впрочем, полякам тоже.
- ²⁴ Дугас, Черон, с. 113—114. Ср. с официальными рационами питания советских военнопленных (например, в: Streit, 1991, s. 137—162 и др.).

- ²⁵ Как правило это ангажированный немецкой администрацией кто-то из «своих», по-гулаговски — «придурок».
- ²⁶ Семин, 1978, с. 135. Воскресную пайку вместе с недельными мерками маргарина, сахара и курева (по 14 сигарет — тем, кто старше 18 лет) выдавали в субботу. Естественным образом это превращало субботу в базарный день, барак — в биржу и игорный дом, сигарету — в меновую валюту, причем «курсы» при этом были достаточно стабильными: пайка хлеба — 6 сигарет, недельная пайка маргарина — 12 и т.д. (Семин, 1978, с. 124—125).
- ²⁷ Ситко, гл. 3.62.
- ²⁸ И тем более значимо привести такие свидетельства: «Очень помогли нам голландцы, отдавали свою еду» (А.А.Дорошенко, лагерь в г. Фульда); «Иностранцы <итальянские, французские, голландские рабочие — Н.П.> получали посылки с Красного Креста. Иногда нам, жалеючи, подсовывали что-то» (А.Е.Драница, с. Вальдштедт близ Бад-Сегеберга).
- ²⁹ Баранов, запись за 20.09.1943 (по рукописи).
- ³⁰ Дрезден, 02.03.1942 Wehrkreisbeauftragte IV Hönisch (BA/MA, WI ID 35).
- ³¹ Herbert, 1986, s. 163, 402.
- ³² Normann u.a., 1994, s. 281, 291. Разумеется, практически это соответствовало действительности отнюдь не повсеместно! Вместе с тем на отдельных предприятиях, как, например, на филиале «Даймлер-Бенц» в Бреслау фактическое выравнивание рационов было произведено на свой страх и риск гораздо раньше.
- ³³ Баранов, 1985, с. 147, запись за 27.11.1943.
- ³⁴ Баранов, 1985, с. 147, запись за 28.11.1943.
- ³⁵ Баранов, запись за 5—6.10.1943.
- ³⁶ РГВА. Ф. 1164к. Оп. 1. Д. 22.
- ³⁷ В некоторых лагерях, где питание людей было хотя бы частично организовано в заводской кantine (столовой), существовала талонная система, когда людям выдавали — как правило, по субботам или пятницам, на неделю вперед талоны на питание (дневные или ночные, в зависимости от смены).
- ³⁸ Баранов, 1985, с. 138, запись за 23.09.1943.
- ³⁹ Баранов, 1985, с. 139—140, запись за 29.09.1943.
- ⁴⁰ Пронести в лагерь мимо охраны было трудно, но все-таки можно: часто для этого использовали низ брюк или кальсон, перевязываемый веревочкой.
- ⁴¹ «Перед обедом к кухне привезли ящичков 5 кочанов капусты, мы воровали и сейчас же ели...» (Баранов, запись за 20.09.1943).

3.4. Лечение лежанием, или медицина

Из статьи в статью и из книги в книгу кочует страшная цифра Кристиана Штрайта: из 3,35 млн. советских военнопленных, взятых вермахтом в плен в 1941 году, в плену было убито или умерло около 2 млн. красноармейцев, или, иными словами, 60 %!

Расчет этой цифры таков¹: из 3.350.639 военнопленных в живых, по состоянию на 1 февраля 1942 года, значилось 1.020.531 чел. К этому моменту времени из плена было отпущено в общей сложности 280.108 чел. и еще какое-то (точно не установленное) число из плена бежало.

Картотеки советских военнопленных, умерших в Германии, сохранились только частично. Статистическая обработка той ее части, что поступила в Подольск, еще не завершена, но, по предварительным оценкам, составит не менее 600—700 тыс. карточек². Кроме того, в фондах WAST в Берлине имеется около 328 тыс. карточек советских военнопленных³.

Весьма выразительны и официальные данные захоронений советских граждан. Усилиями советских военных атташе и комиссий по репатриации было выявлено в общей сложности 945.184 могилы, из них большинство — 541.051 и 41.825 могил — на территории Германии и Австрии, в том числе — 114.550 — в пределах советских оккупационных зон. Остальные 298.026 могил находились на территории стран народной демократии. По официальным немецким данным, число могил советских военнопленных на территории сегодняшней ФРГ, составляет 459.227, из них 119.556 — в восточногерманских землях⁴. По послевоенным советским данным, в одном только Зенне (Форелькруг) захоронено 65 тыс., в Зандбостеле — 46 тыс., в Фаллингбостеле — 42 тыс. и в Берген-Бельзене — 29 тыс. советских граждан⁵.

Условия, в которых осенью 1941 — зимой 1942 гг. содержались советские пленные, были таковы, что смертность среди них была сравнима разве что с падежом скота во время эпизоотии. Армейские и фронтовые сборные пункты и дулаги этого времени — Бяла-Подляска, Славута, Дарница, Минск и десятки других в зоне ответственности ОКХ — по бесчеловечности, жестокости и уровню смертности не уступят самым мрачным из концлагерей.

Ничуть не краше было и под эгидой ОКВ. Из 390 тыс. военнопленных, привезенных туда к декабрю 1941 года, 72 тыс. (или 18,5%) умерло⁶. К апрелю 1942 года доля умерших среди вывезенных в Рейх военнопленных составляла 47 %⁷. Согласно Штрайту, по данным на 1 мая 1944 года, в зоне ответственности ОКВ (иными словами, в Рейхе и Генерал-Губернаторстве) перебивало 3,1 млн. советских военнопленных, из них 1,1 млн. — умерли.

Апогей смертности пришелся на период между сентябрем и декабрем 1941 года⁸. И только с 22 ноября (когда уже три недели, как

стояли морозы!) военнопленных начали перевозить в закрытых вагонах, так что немалая их часть — по некоторым оценкам от 25 до 70 % — умерли непосредственно при транспортировке. А чего стоят многодневные марши — по 25—40 км в день — изнуренных, построенных в колонны пленников! Ясно, что эти маршруты были усеяны трупами.

Но и в лагерях смертность была чудовищной, особенно в дулагах на востоке — в этих нечеловеческих лагерях-муравейниках, наподобие уже упомянутого Минского дулага, где под открытым небом и без каких бы то ни было санитарных строений одновременно роилось до 100 тыс. чел. военнопленных и до 40 тыс. гражданских лиц⁹. Добавим к этому тотальный моральный и политический террор в лагерях, бомбежки, а также весь классический букет эпидемий и болезней.

Не забудем и о боевых приказах Гейдриха и Мюллера — в сущности, смертных приговорах военнослужащим евреям, комиссарам и ряду других категорий советских военнопленных. Энтузиазм в их исполнении не спадал по крайней мере до лета 1942 года, когда человеческие руки, а стало быть, и жизни вновь поднялись в цене. *«В целом, — пишет К.Штрайт, — можно считать, что каждый десятый советский военнопленный был убит командами СС на фронте или в концлагерях»*¹⁰. По уточненной оценке, это число составило около 140 тыс. чел.¹¹

Зимой 1941/1942 гг. свирепствовал сыпной тиф — как на востоке, так и на западе. С.И.Анваер, сама врач по профессии, вспоминала о сыпняке в вяземском дулаге: *«Больные старше 35—40 лет умирали все. Многие, уже перенесшие сыпняк, умирали от истощения. На лагерном пайке у них просто не хватало сил для восстановления после невольной голодовки во время болезни»*¹².

Той же зимой в одном из лагерей в Арнсберге (Вестфалия) в один из дней умерло сразу около 600 остарбайтеров¹³. Поразительный факт: администрация шталага 304 (IV Н) Цайтхайн, где в эти месяцы ежедневно умирало от 20 до 200 военнопленных, провела между лагерем и кладбищем самую настоящую узкоколейку!¹⁴

На десятки и на сотни шел счет и при отдельных несчастных случаях на производстве: так, 3 апреля 1944 года взрыв на шахте Цехе Заксен (Zeche Sachsen) унес жизни 169 человек, в том числе 101 русского военнопленного и 10 остарбайтеров¹⁵. Если же говорить о жертвах бомбардировок, то их разовый счет мог достигать и тысяч¹⁶.

Разумеется, Германия не допустила бы столь фатальной статистики, если бы это изначально противоречило «германским» интересам, какими они поначалу виделись берлинским стратегам. Стратегия не изощренная, но вполне людоедская: чем больше подойдет славян, евреев и комиссаров, тем лучше. Тяжелораненых, тяжелобольных, в том числе туберкулезных или тифозных, расстреливали на месте или же отправляли в лагеря смертников. *«Вам нужен пулемет?»*, —

с улыбкой спросил австрийца-хирурга Петера Бамма немецкий командант лагеря под Севастополем, когда доктор попросил его помочь позаботиться о раненых военнопленных¹⁷.

В КТБ за ряд месяцев 1943 и 1944 годов приводилась разной степени подробности статистика смертных случаев среди оstarбайтеров: март 1943 — 1479 чел., апрель — 1329, май — 1376, июнь — 1798 (на это время пришлось вспышка тифа), октябрь — 1268, ноябрь — 945, декабрь — 899 чел., январь 1944 — 979 и февраль — 1631 чел. (См. табл. 3.4.1.).

Таблица 3.4.1

Смертность среди оstarбайтеров
(1943—1944 гг., выборочные данные, чел. / %).

Смертность (по причинам)	1943					1944	
	март	май	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Туберкулез	351 23,7	546 39,7	447 35,3	325 34,4	315 35,0	291 29,7	511 31,3
Общая сердечно-сосудистая недостаточность и истощение	465 31,4	177 12,9	152 12,0	125 13,2	142 15,7	154 15,7	269 16,5
Плеврит и воспаление легких	175 11,8	164 11,9	72 5,7	68 7,2	60 6,7	44 4,5	80 4,9
Производственные травмы	96 6,5	51 3,7	86 6,8	69 7,3	51 5,7	47 4,8	56 3,4
Желудочно-кишечные заболевания	82 5,5	57 4,1	62 4,9	51 5,4	62 6,9	65 6,6	110 6,7
Сыпной и брюшной тиф	37 2,5	109 7,9	34 2,7	26 2,8	26 2,9	41 4,2	60 3,7
Самоубийства	26 1,8	н.д. 3,5	44 3,6	34 2,6	23 3,0	29 3,0	38 2,3
Инфаркты	21 1,4	н.д. 3,2	41 4,4	42 3,2	29 3,0	29 3,0	85 5,2

Смертность (по причинам)	1943					1944	
	март	май	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Застрелены при попытке к бегству	16 1,2	н.д. 1,2	18 1,1	11 1,0	9 0,7	7 0,7	25 1,5
Прочие причины	210 14,2	272 19,8	312 24,5	194 20,6	152 20,3	272 27,8	397 24,4
Итого	1479 100,0	1376 100,0	1268 100,0	945 100,0	899 100,0	979 100,0	1631 100,0
Из них в концлагерях:	513 34,7	384 28,9	307 22,3	241 19,0	107 11,3	н.д. н.д.	н.д. н.д.
Смертность, в % от общего количества остарбайтеров	0,10	0,08	0,08	н.д.	н.н.д.	н.д.	н.д.

Источники: КТБ за 1943, 1944 гг.

Сообщалось также, что в течение 1943 года официально было зарегистрировано 14.522 смертных случая среди остарбайтеров (или, в среднем, 1210 чел. в месяц). 1943 год, по всей видимости, можно считать наиболее спокойным в этом отношении. Среднемесячная смертность в 1942 и 1944—1945 гг. была предположительно выше — из-за эпидемий и явно недостаточного питания в 1942 году и из-за бомбежек в 1944—1945 гг. Если принять в расчет ежемесячную смертность в 0,8—1,2 % как достаточно устойчивую величину, то суммарную смертность среди остарбайтеров следовало бы приблизительно оценить, с поправкой на массированные бомбардировки в последующем, как минимум в 80—100 тыс. чел. (без учета около 150 тыс. «возвратников», то есть нетрудоспособных или доведенных до состояния нетрудоспособности людей, возвращенных в течение 1942—1943 гг. в СССР).

Главной опасностью, согласно статистике, был **туберкулез**, на который приходилось от 1/4 до 2/5 всех смертных случаев. Второй массовой причиной смерти была общая **сердечно-сосудистая недостаточность и истощение**, на которую приходилось 12—16 %, а в марте 43-го года — и все 31,4 %. От 6 до 12 % приходилось на **плеврит и воспаление легких**, от 4 до 7 % — на **производственные травмы** (немногим менее 100 чел. в месяц¹⁸), от 2 до 4 % — на **тиф**, но в мае

этот процент подскочил до 8, а в июне, когда от тифа умерло, по разным оценкам, от 500 до 600 оstarбайтеров, очевидно, и гораздо больше. Ежемесячно — 20—40 **самоубийств**, их процент достигал иногда 3,6 %. Сравнительно стабильным было число застреленных при попытке к бегству — 10—25 чел. (от 0,7 до 1,5 %), при том, что ежемесячно в бега уходило около 2 тыс. чел.¹⁹ Доля концлагерников среди умерших оstarбайтеров ежемесячно падала — с 35 до 11 %. Тем не менее сам по себе перевод в концлагерь — а это, в среднем, касалось нескольких сот человек ежемесячно — шансов на выживание, как можно легко представить, не повышал²⁰.

В случаях тяжелого психического расстройства известны сотни случаев применения **эвтаназии** — клинического умерщвления польских и советских рабочих²¹.

Но все же не пуля и не виселица были главным орудием умерщвления военнопленных — главным орудием был **голод**. Рацион военнопленного колебался в интервале от 1/4 до 1/2 прожиточного минимума. Так, по данным того же К.Штрайта, летом 1941 года в меню военнопленного в России входили: или 20 г пшена и 100 г хлеба, или 100 г пшена без хлеба, или, при использовании на работах, 50 г пшена и 200 г хлеба²². Знакоками был разработан «**руссенброт**» — специальный сверхдешевый хлеб, якобы излюбленный неприхотливым славянским желудком. Рецептúra говорит сама за себя: 50 % — ржаная мука грубого помола, 20 % — жом, 20 % — мука из целлюлозы и опилок и еще 10 % — мука из соломы или листьев²³.

Первоначально питание советских военнопленных на оккупированной территории регулировалось приказом ОКХ от 6 августа 1941 года²⁴. Затем последовала радиограмма ОКХ от 30 сентября 1941 года, по всей видимости сократившая рацион еще более. 8 октября 1941 года оберцальмейстер издал дополнения к августовскому приказу, а 9 октября отдел сельского хозяйства ВШО скорректировал и издал недельные рационы для советских военнопленных — с выразительным уточнением: «*при условии, что снабжение будет осуществляться исключительно за счет местных продуктов*»²⁵. При этом рекомендовалось картофель экономить и давать как можно больше брюквы и/или кольраби — почти поровну с картошкой.

Тем не менее 21 октября рационы были вновь урезаны²⁶, а 22 декабря 1941 года — урезаны еще раз (сокращение по хлебу, мясу, картофелю и чаю едва ли компенсировалось прибавлением по соли и сгущенному молоку, относительно поставок которого к тому же высказывались большие сомнения)²⁷.

По сравнению с другими иностранными военнопленными даже тяжело работающие советские пленники по мясу и жирам получали урезанный паек. Их суточная норма хлеба — 410 г, тогда как у французов — 520 г.

Надо сказать, что утвержденные СНК СССР в июле 1941 года нормы суточного довольствия немецких военнопленных выглядели куда

человечнее: так, на приемных пунктах военнопленным выдавали по 400 г ржаного хлеба, а в лагерях НКВД — даже по 800 г, что всего на 50 г меньше суточного довольствия красноармейца и даже на 50 г больше тыловой нормы (в полном соответствии, кстати сказать, с Гаагской конвенцией)²⁸. Получалось, что немецкому военнопленному в «Архипелаге ГУПВИ» полагалось больше хлеба, чем воюющему немецкому пехотинцу на фронте!²⁹

Вследствие длительного недоедания большинство теряли сопротивляемость организма и были хроническими дистрофиками с их специфическим апатическим типом поведения³⁰. Резкая потеря веса приводила к необратимым нарушениям функций позвоночника, печени, органов кровообращения и пищеварения, не говоря уже о нервных расстройствах и нарушениях мозговой деятельности.

Голод разрушал и психику, доводил людей до последних стадий отчаяния, до агрессивной готовности — ради куска хлеба — абсолютно на все. Жизнь сводилась к беспощадной борьбе за этот кусок хлеба и подменялась выживанием. Но даже если человек и выживал, он оставался травмированным на всю последующую жизнь.

Но есть некое промежуточное состояние между жизнью и смертью: **болезнь**. Болезнь — это своего рода дулаг, промежуточная станция между жизнью и смертью. У заболевших военнопленных и остарбайтеров шансов выздороветь было немного, а вот умереть — сколько угодно.

Основными болезнями, от которых страдали военнопленные в лагерях, были **сыпной и брюшной тиф, чесотка, туберкулез и дизентерия**. По свидетельству Ф.Я.Черона, около 2 лет проработавшего санитаром в ревирах (в Ошанце и Майсене), самой распространенной болезнью среди русских военнопленных был туберкулез, далее шли воспаление легких, плеврит, простуды, фурункулезы и карбункулы³¹. Вот что пишет об «эпидемии нарывов», вспыхнувшей из-за сырого климата и общей антисанитарной обстановки среди русских на о. Олдерни, Г.Кондаков: *«Достаточно было малейшей царапины, на которую никто дома и внимания бы не обратил, как тотчас же на этом месте начинала выделяться мутноватая жидкость. На следующий день появлялся нарыв, который разрастался и порождал новые. Порой нарывы приводили к смерти. А лекарств практически не было — только ихтиолка и бумажные бинты»*³².

Самой распространенной болезнью среди гражданских рабочих был, пожалуй, туберкулез. Но не только: голодающие, они не гнушались есть что угодно, любые отбросы, и сколько угодно, независимо от возможностей кишечника. Поэтому страшным бичом были дизентерийные поносы и отравления. Во многих лагерях свирепствовала чесотка. Так, В.Баранов пишет о завезенной из Белоруссии заразной коросте (чесотке) в своем лейпцигском лагере³³.

Голод, холод, болезни, бесправие и бесчеловечность жизни рано или поздно истачивали людскую прочность, превращали некогда крепких и здоровых людей если не в мертвецов, то в форменных доходяг.

Но слабость, повышенная температура, внутренние боли — все это от необходимости работать не избавляло. Полежать тебя оставляли лишь тогда, когда ты падаешь по дороге и не чувствуешь боли от ударов прикладами, то есть тогда, когда ты «дошел» или вот-вот «дойдешь»³⁴.

Вот просящиеся в эпиграф слова немецкого врача из семинской повести: «...*Это не болезнь — истощение. В лагере от истощения лекарства нет. На работу!*» В повести Н.Карпова мы встретим вариацию той же арии немецкого фельдшера: «*Ты не болен, ты ленив!*»³⁵

Врач был очень важной фигурой в лагерной жизни. Чаще всего это был доктор из числа военнопленных, реже — из гражданских, еще реже — из немцев³⁶. От врача — и в прямом, и переносном смысле — зависело даже не здоровье, а жизнь и смерть человеческая. В.Семин, В.Черон, В.Лугин пишут о замечательных, почти героических фигурах, но такими были далеко не все врачи. Были среди них и врачи-звери, и врачи-садисты, бывшие подлинных и мнимых симулянтов палками, и врачи-трусы, не использовавшие и частицы своих прав из боязни хоть чем-то прогневать свое немецкое начальство, и врачи-вымогатели, лишь за взятку готовые подписать направление в больницу или в спасительную возвратную партию.

Раз были болезни и врачи, стало быть, были и больные. Доля больных среди оstarбайтеров составляла, как правило, от 12 до 14 %³⁷. Но какую бы болезнь ни была, на выздоровление отводилось не более трех дней. **Лечение** же — гениально простое и эффективное: **лежанием!**

Были, конечно, и больницы, и эпидемии, и карантин. Смешно сказать: у оstarбайтеров было даже обязательное медицинское страхование!³⁸ Были и специальные лагеря для рожениц с младенцами или лазареты для туберкулезников, как, например, печально-знаменитый Цайтхайн³⁹. Были и «**ревиры**» — лагеря для доходяг и нетрудоспособных, где, с расчетом на то, чтобы выжать из них последние соки, им не давали умереть⁴⁰.

Один такой «дом отдыха» — в среднем на 20—30 рабочих команд. Понасть в него можно было не чаще чем раз в три месяца, и если трех-четырех — а иногда и шести-восьми — недель кому-то все-таки не хватало, чтобы выздороветь, то назад в лагерь уже больше не брали. А поскольку умирать в ревире тоже не полагалось, то больных отправляли или домой, или на «свалку» — например, в туберкулезный лагерь.

...Кроме больных были еще и «**кранки**». Слово это — калька, точный перевод русского слова «больной». Но означало оно нечто

другое — то, что, с учетом гуглаговского опыта, следовало бы определить иначе — «самострельщик». «Кранки» — это те, кто пытаясь избежать работы и тем самым выжить, симулировали ту или иную болезнь или наносили себе увечья, шли на членовредительство. Чаще всего это местные блатари, «аристократия» лагеря: грязной тачкой руки пачкать не будут! Если же спектакль с производственной «травмой» удавался, то на работу кранк не выходил не то что неделями, а месяцами.

Пайка и больным и кранкам полагалась усеченная, получали они ее, как правило, утром, вместе с теми, кто вернулся с ночной смены.

Угроза эпидемий воспринималось немцами всерьез, поскольку они таили в себе опасность срыва производственных заданий. В любом лагере, от рабочего до концентрационного, по прибытии на место полагалось пройти двухнедельный карантин.

Столь же неотъемлемым атрибутом лагерной жизни были периодические, рутинные дезинфекции. В случае с остарбайтерами и военнопленными за этим, казалось бы, нейтральным, хотя и неприятным словом, кроется нечто особенное. Недаром, как пишет В.Семин, которого на дезинфекцию возили на грузовиках за несколько километров, —

«...дезинфекционной команде даже полицейские передавали нас с некоторым смущением. То, что делали с нами в вопиющем банно-карболовом пару, даже им казалось чрезмерным. Может быть, поэтому заключительная часть таких дезинфекционных дней проходила сравнительно мирно. Вырвавшихся из бани, серых, не обсохших, мятых полиции встречали спокойно»⁴¹.

Так что же кроется за этой регулярной и вроде бы совершенно необходимой вошеистребительной процедурой, к тому же освобождающей на день от работы?

Вот описание типовой газовой прожарки одежды:

«Для этой обработки использовались специально выстроенные здания со своим штатом обслуживания... Группами в 75—100 человек, в зависимости от помещения, вводили в барак и приказывали раздеться догола и положить свои вещи в общую кучу. Потом подкатывали тележки, грузили всю одежду на них и увозили. Обслуживающий персонал был в спецформе. Обувь не всегда забирали... Группами вводили принимать душ и давали по маленькому кусочку мыла. Первым группам доставалась еще горячая вода, но последним приходилось мыться чуть теплой. Перед уводом в душ всех стригли под машинку, удаляя волосы на всем теле. После душа отводили в другую комнату, чтобы не смешивать "вшивых" с "бесвшивыми". Барачные комнаты не отапливались, и мокрое тело высыхало, дрожа на холоде. Страшно было смотреть на живые трупы, у которых остались только кости и кожа, а живот прирос к позвоночнику.

Процедура вошебойки продолжалась по крайней мере 3—4 часа. Вшей убивали одновременно температурой и газом. Мне кажется, хлорным, потому что он резал глаза до слез. Перед тем, как допустить до одежды, обсыпали все вишивые места тела каким-то порошком, а иногда какой-то жидкостью, которая, казалось, сжигала все тело. Голову тоже посыпали.

Потом вводили в жаровню, где прожаренное обмундирование лежало кучами и было еще горячим. Начиналась возня с разборкой вещей. Найти свои вещи оказалось не так легко, а немцы все время подгоняли. Получалось так, что тот, кто мог постоить за себя, хватал лучшие вещи, если они подходили ему по размеру, и одевался. Бедолагам и доходягам доставалось то, что осталось после разборки... Ликовали сильные, законы джунглей шли в ход...»⁴²

Санобработки с прожариванием были повсеместны, они регулярно проводились около года и больше — до тех пор, пока вши, как считалось, не были вконец уничтожены. Их девизом было: на территории «культурной Германии» — ни одного унтерменша со вшами! При таком девизе, разумеется, приходилось давить и прожаривать и тех, и других!

«Но, удивительное дело, как бы тщательно ни прожаривали и газировали одежду, все равно вши появлялись через неделю-две. И опять эта проклятая вошебойка... Обыкновенно целый день уходил...»⁴³

Вместе с тем многие остарбайтеры добром помнят лагерные души и регулярные помывки в бане. Тот же В.М.Баранов сообщает, что в его лейпцигском лагере в баню водили еженедельно, по понедельникам: «Мылись целых 2 часа, купался в бассейне. Как все здесь хорошо устроено»⁴⁴.

Но как бы ни было здесь «все хорошо устроено», как отмечал Василий Максимович в сентябре, и как бы ни был крепок барановский род (о чем он записал в октябре), а в ноябре довелось ему взглянуть в зеркало, после чего в том же дневнике он записал:

«16 ноября, вторник. Сегодня особенно чувствую слабость. Кандалы мне показались настолько тяжелы, что я их тянул не поднимая ног. Если еще хороших пару ударов, то я уже не выживу. Вспоминаю Пушкина "На большой мне, знать, дороге умереть Господь сулил". Когда я посмотрел в зеркало, то я так был непохож сам на себя, что удивительно стало. Белый как снег, голова клином, глаза дикие где-то далеко запрятаны, нос чудовищный сухой, зубы желтые, волос нет, лицо заросшее. На вид лет 45—50 мужчина, который замучен невольей. Вот как вырабатывают человека за каких-нибудь 2 1/2 месяца. Эх! мамочка родная, посмотрела бы ты на меня сейчас»⁴⁵.

Было же тогда Васе Баранову неполных 18 лет!..

Смерть стояла с ним всегда рядом, — в любой момент готовая принять и его молодую жизнь.

Примечания

- ¹ Streit, 1991, s. 136.
- ² Незавершенный учет (осуществлен по 18 буквам русского алфавита) дал величину умерших в шталагах советских военнопленных, равную 317 268 чел. (Ильенков, Мухин, Полян, 2000, с. 154).
- ³ Из расчета 535 каталожных ящиков с числом карточек в каждом от 500 до 700 (в качестве среднего берем 600). Сообщено Р.Келлером.
- ⁴ Интересно, что больше всего могил — около 138—148 тысяч — находится в землях Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия (*Zeugen von Krieg und Gewalt. Osteuropäische Kriegsgräber in Deutschland. Hrsg. vom Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. Kassel, [без указания даты]. S. 7.*
- ⁵ См. справку подполковника Мельникова от 29.07.1945 о местах расположения могил советских граждан, погибших в Германии (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 3. Л. 351—352).
- ⁶ Streit, 1991, s. 135, со ссылкой на отчет Мансфельда от 10.02.1942 (ВА, R 41/281, Bl. 269).
- ⁷ Streit, 1991, s. 135, со ссылкой на: ВА/МА, RH 25/251.
- ⁸ В отдельных лагерях смертность в эти месяцы достигала 80—85 % в годовом исчислении (Дугас, Черон, 1994, с. 162—164).
- ⁹ Streit, 1991, s. 130—131. О 38 тыс. военнопленных в Дорогобужском лагере говорится в донесении от 02.11.1941 начальника Можайского сектора НКВД майора госбезопасности Леонтьева члену Военсовета Западного Фронта т. Булганину (Скрытая правда, с. 322, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 18. Л. 4).
- ¹⁰ Streit, 1991, s. 83—89.
- ¹¹ См.: Streit, 1991, с. 105. Сам он считает эту оценку далеко не полной и явно заниженной.
- ¹² См.: Анваер, с. 16.
- ¹³ КТБ за 05.06.1943. Против тифа и малярии принимались меры и профилактического характера. Так, из Берлина доставлялись лекарства — ноймфунген и атебрин (КТБ, 25.06.1943).
- ¹⁴ Osterloh, 1996, s. 17. Интересно, что в этом лагере от вшей, тифа, туберкулеза и других болезней страдали и умирали не только охраняемые, но и охраняющие: по оценке одного из них, их смертность составила здесь в общей сложности 20—25 %.
- ¹⁵ Weischer, 1992, s. 206.
- ¹⁶ См. в главе 3.8.
- ¹⁷ Дугас, Черон, 1994, с. 182—185.
- ¹⁸ В отдельные месяцы почти столько же приходилось на специфические отравления со смертельным исходом (например, метиловым спиртом, кислотой, «крысиным хлебом» и т.д.).
- ¹⁹ См. в главе 3.2.
- ²⁰ Об остарбайтерах в концлагере Дахау см.: Distel B., Zarusky J. Dreifach geschlagen — Begegnung mit sowjetischen Überlebenden // *Dachauer Hefte. Studien und Dokumente zur Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Heft 8: Überleben und Spätfolgen.* 1992, November. S. 88—102.

Особо отметим указание на приказ Главного управления СС от 26.03.1943, запрещающий возвращение оstarбайтеров на места своей предыдущей деятельности по отбытии положенного им срока.

²¹ См.: Hamann M. Die Ermordung psychisch kranker polnischer und sowjetischer Zwangsarbeiter // Aly G. (Hg). Aktion T 4 1939—1945. Die «Euthanasie»-Zentrale in der Tiergartenstrasse 4 Stätten der Geschichte Berlins. Bd. 36. Berlin, 1987. S. 161—167; Hamann M. Die Morde an polnischen und sowjetischen Zwangsarbeitern in deutschen Anstalten // Aly G. u.a. (Hg). Die klinische Aussonderung und Hinrichtung der Unbrauchbaren. Beiträge zur Gesundheit und Sozialpolitik. Berlin, 1987. S. 121—183.

²² Streit, 1991, s. 131 (рацион дулага Лида). Напомним ленинградскую «блочную норму»: до ноября 1941 года — 250 г. на человека в день, после ноября — 125 г., причем практически перестали отовариваться карточки на другие продукты. А вот для сравнения сведения того же времени из ГУЛАГа: «...Перед запуском в зону начальник произнес перед нами речь: “В связи с тем, что на Советский Союз напали фашистские захватчики, объявляю вам новые правила режима: в зоне больше деоих не собираться, за нарушение — карцер; отказ от работы, равно и побег, будут квалифицироваться по ст. 58—14 (контрреволюционный саботаж), виновные будут расстреливаться. Максимальная пайка при выработке нормы на 110 % — 675 грамм хлеба, при выработке на 100 % — 525, штрафная пайка — 275 грамм. Последним заявлением была нарушена старая лагерная поговорка: “Дальше солнца не загонят, меньше триста не дадут”. ...Нужно было выполнить хотя бы 20 % нормы, чтобы получить 450-граммовую “гарантийную” пайку» (Якир П. Детство в тюрьме. Мемуары Петра Якира. Macmillan, 1972. С. 136, 144). Ср. там же: «Впервые были образованы ОПП (оздоровительно-профилактические пункты). В нашем ОПП помещали на два месяца наиболее дошедших. В ОПП ээки не работали и их довольно неплохо кормили: 800 грамм хлеба, суп, два раза каша, 20 грамм сахара, 20 грамм масла, 100 грамм мяса или рыбы. Выдавали также по 20 грамм рыбьего жира и два раза в день по столовой ложке никотиновой кислоты. В столовой появились бочки с настоем хвои, раньше никто не знал, что им можно лечиться от цынги» (с. 147).

²³ Streit, 1991, s. 146, со ссылкой на состоявшееся в Министерстве продовольствия совещание Геринга с Бакке, Моритцем, Райнске и Мансфельдом 29.11.1941 (IMG, XXXIX, s. 446f., USSR-177).

²⁴ Его текстом мы не располагаем.

²⁵ BA/MA, RW 31/12, s. 162. См. Приложение 9.

²⁶ Решение генерала-квартирмейстера Вагнера по предложению ВШО от 21.10.1942. См.: Streit, 1991, s. 142.

²⁷ Письмо за подписью Йеккеля (Jaesckel) из Управления по делам военнопленных в ОКХ от 25.12.41 относительно снабжения советских военнопленных на родине (BA/MA, WI/ID. 35).

²⁸ См. Приложения 10, 11, 14. (по: Скрытая правда, с. 355—356).

²⁹ А вот, для сравнения, нормы суточного довольствия советского и немецкого (в скобках) пехотинца (в граммах): хлеб — 850 (650), мясо — 150 (250) (заменитель: 500 г свежей рыбы, или 200 г рыбного филе, или 3 яйца), 1,2 кг свежих овощей, 1,5 кг картофеля (или 750 г овощей), 40 г маргарина (или 20 г жира), 100 г меда или 200 г мармелада, 40 г сахара, 15 г эрзац-кофе (или 2 г натурального чая), кроме того на неделю дополнительно — 250 г супшенки (BA/MA, RW 31/12, s. 73).

- ³⁰ Gatterbauer, 1975, s. 95, со ссылкой на: Schraner T. *Ärztliche Erfahrungen beim Einsatz fremdländische Arbeitskräfte*. Diss. med. Wien, 1943. S. 27.
- ³¹ Официальная статистика смертности военнопленных оперировала, к сожалению, таким скрывающим всю картину понятием, как «внутренние болезни» (Weischer, 1992, s. 241).
- ³² Кондаков, 1991, с. 289—290.
- ³³ Ср.: «...Я точно чувствую, что заразился, целую ночь раздираю себе руки и спину. Еще вчера бы меня заметили и сторонились, чтобы не набраться. Сегодня мне сказали, что я тоже коростливый, как это неприятно» (Баранов, 1995, с. 139, запись за 28.09.1943). Ср. также запись от 13.11.1943: «Короста или чесотка охватила большую половину лагеря. Редко у кого нет ее. Шмавсанец так ею изуродован, что непохож на человека, рядом с ним Кругликов и Васильев, а также и другие белорусы. Они так воняют, что к ихнему углу страшно подходить. Их отгораживают от умывальника, стола и прочих вещей. Васильев сегодня весь день бредит, очень больной» (Баранов, 1995, с. 139).
- ³⁴ «В лагере здоровье человека на взгляд определяется по здоровью его вещей, как по здоровью кожи. Больной и слабый и одет будет в жалкие лохмотья, хотя, казалось бы, у всех одна пайка, одна спецовка, одинаковые одеяла. Болезнь и слабость раньше снашивают одежду, снашивают матрац, одеяло, которым укрываешься. Доходягу безошибочно узнают именно по его одежде...» (Семин, 1976, с. 148).
- ³⁵ Карпов, 1992, с. 66.
- ³⁶ Ввиду недостатка лагерных врачей и медперсонала выявленных специалистов этого профиля рекомендовалось использовать в самих лагерях, даже в случае, если эти врачи — евреи (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 357).
- ³⁷ Homse, 1967, p. 253. У военнопленных эта доля была, по-видимому, выше: так, среди военнопленных военного округа VI (Мюнстер), по состоянию на 01.06.1944, она составляла 18 %, из них 10 % — в ревирах и 8 % — в больницах (Weischer, 1992, s. 241).
- ³⁸ Ответственными за медицинское «обслуживание» застрахованных (а страховали так или иначе всех) остарбайтеров были AOK (Allgemeine Ortskrankenkasse) — местные больничные кассы (Pfahmann, 1968, s. 201).
- ³⁹ Шталяг IV H (304) Цайтхайн в нескольких километрах к северо-востоку от г. Риза в Саксонии первых советских военнопленных принял уже в июле 1941 г. Начиная с февраля 1943 г., он стал использоваться как резервный лагерь-лазарет (IV B/Z) для военнопленных, имевший даже примитивную операционную, где оперировали абсцесс головного мозга. Тем не менее Ф.Я.Черон, С.С.Мазуров (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 20. Л. 8) и другие говорят о нем не иначе, как о лагере смерти. Лечение в лагере не было, питание отвратительное. Зимой 1941—1942 гг. в этом лагере скопилось около 50 тыс. «неработоспособных», из них 37 тыс. чел. умерло в те зимние месяцы. Всего за все военные годы здесь умерло, по различным оценкам, от 70 до 140 тыс. советских военнопленных (массовые захоронения в районе лагеря содержат 32,5 тыс. чел.). «Этого лагеря боялись, потому что возврата оттуда не было» (Черон, 1987, с. 49, 65—66). В лагере содержались не только советские граждане, но именно им приходилось хуже всего. Мария Виттория Земе, интернированная в лагере итальянская сестра милосердия, 03.12.1943 записала в своем дневнике: «*Нх лагерь гораздо хуже нашего. Все сидельцы угрюмы и подавлены, на лучшее завтра надежд не имеют и все же полны сердечности и легкомыслия*» (Zeme M. V.

«...und entzündete einen Funken Hoffnung». Aus dem Tagebuch einer italienischen Rotkreuzschwester im Kriegsgefangenenlazarett Zeithein 1943—1944. Bearb. und eingeleitet von J. Osterloh // Lebenszeugnisse — Leidenswege. Heft 3. Dresden, 1996. S. 24—25). См. также: Spurensuche: Stalag 304 Zeithain bei Riesa. Von den Untersuchungen der Chorus-Kommission 1946 zur heutigen Gedenkstätte. Tagungsband. Dresden, 1997.

⁴⁰ Благодаря острому фурункулезу в такой ревир попал — и тем самым спасся — и сам Ф.Я.Черон. См. главы «Ревир в Ошаце» и «Ревир в Мейссене» (Черон, 1987, с. 55—97). Лекарства в ревирах только самые простые и самые необходимые, никакой — даже самой примитивной — хирургии, но гипс, например, наложить могли. Кормили хуже, чем в лагере.

⁴¹ Семин, 1978, 195. С ужасом и отвращением описывает 12-часовой «День Бани» и Л.Ситко (Ситко, гл. 3.14).

⁴² Черон, 1987, с. 43—44.

⁴³ Черон, 1987, с. 43—44.

⁴⁴ Баранов, 1995, с. 139, запись за 27.09.1943.

⁴⁵ Баранов, 1995, с. 145, запись за 16.11.1943.

3.5. Самое главное: «арбайтсайдзатц»

Первые советские граждане (военнопленные) оказались на немецкой земле еще в июле 1941 года, но до массового «арбайтсайдзатца» — трудового использования — в Рейхе дело дошло далеко не сразу. Идеологический запрет преодолевался постепенно, в меру остроты экономической целесообразности, а юридические предпосылки для этого впервые сложились только в конце октября 1941 года. Фактически же их массовое вовлечение началось еще позже, причем к концу года с успехом прошел и «криворожский эксперимент» П.Пляйгера, проторивший путь к трудоиспользованию и гражданских лиц. К весне 1942 года в Рейхе было задействовано не менее 210 тыс. советских граждан, большинство из них (по крайней мере три четверти) составляли военнопленные.

Непосредственную ответственность за труд военнопленных на территории Рейха ОКВ делило с Министерством труда, а с назначением Ф.Заукеля на пост ГБА — с подчиненным ему ведомством. Его представители имелись в каждом шталаге и занимались, во-первых, дополнительной сортировкой рабочей силы и, во-вторых, ее распределением между потребителями. В них формировались рабочие команды и происходила окончательная фильтрация¹.

На практике это выглядело так: крупные концерны и мелкие предприниматели, а также крестьяне направляли свои запросы в местные арбайтсидтц, которые обрабатывали их и передавали выше — в земельные ландсарбайтсидтц. Те, в свою очередь, получали сведения из шталагов и военных округов и, по мере надобности и поступления, распределяли рабочую силу между потребителями².

Следствием этого было формирование **рабочих команд** (Arbeitskommando) — разнокалиберных (численностью от 15 до 1000 чел.) временных трудовых коллективов. Часть из них, конечно, «квартировала» в самом **главном лагере** шталага или в его **лагерном отделении** (особенно если они располагались возле большого производственного объекта), но большинство направлялось из шталагов в **рабочие лагеря** (Arbeitslager; впрочем, это было столь же характерно и для остарбайтеров) или в так называемые **производственные лагеря** (Firmenlager)³. Был даже один шталаг — III D (числился в Берлине), — где была лишь комендатура, а главного лагеря (и барачков) не было вовсе⁴.

Но где бы военнопленные ни работали и где бы фактически ни проживали (хоть бы и на крестьянском дворе), все равно повсюду они оставались приписанными к тому или иному конкретному шталагу. Здесь они были зарегистрированы, отсюда получали приказы и наказания, через них шла вся касающаяся их деловая переписка. Шталаги тем самым являлись для них в прямом смысле базовыми, опорными центрами.

По состоянию на конец февраля 1942 года, было зарегистрировано 153.674 советских военнопленных, работающих в Рейхе⁵.

Со временем количество военнопленных только росло и к середине августа 1944 года достигло величины 631.599 чел. Соответственно, и их доля среди трудозадействованных военнопленных также возросла: более чем втрое (с 11,2 до 32,7 %), в мае 1944 года эта доля впервые превысила долю французских военнопленных (см. табл. 3.5.1).

Таблица 3.5.1

Количество французских и советских военнопленных, использовавшихся на работах в Рейхе

(1942—1944 гг.; чел. / %)

Даты	Всего	В том числе	
		французских	советских
Конец 02.1942	1.370.029 100,0	971.218 70,9	153.674 11,2
Конец 04.1942	1.414.227 100,0	963.628 68,2	197.389 13,9
Конец 05.1942	1.454.172 100,0	960.367 66,0	242.146 16,6
Конец 06.1942	1.474.104 100,0	952.415 64,6	273.616 18,6
Конец 08.1942	1.556.648 100,0	942.139 60,5	375.451 24,1
Конец 09.1942	1.629.176 100,0	935.088 57,5	455.054 28,0
Конец 10.1942	1.657 100,0	931.969 56,2	487.535 29,5
15.11.1943	1.855.429 100,0	664.736 35,8	564.692 30,5
15.02.1944	1.901.498 100,0	625.819 32,7	594.279 31,2
15.05.1944	1.917.320 100,0	610.986 31,9	618.528 32,1
15.08.1944	1.930.087 100,0	599.967 31,0	631.559 32,7

Источник: AEGR (на различные даты).

Что касается остарбайтеров, то динамика их численности и доли в Рейхе представлена в табл. 3.5.2. Как видим, к середине 1944 года эта доля достигала 36—37 %, что на несколько процентов выше аналогичной доли у военнопленных.

Таблица 3.5.2

**Остарбайтеры среди других иностранных рабочих в Рейхе
(1942—1944; тыс. чел. / %)**

Даты	Иностранные рабочие		
	Всего, тыс. чел.	В том числе из СССР	
		тыс. чел.	%
20.01.1942	2.138.360	55.081	2,6
20.05.1942	н.д.	145.547	—
10.07.1942	3.158.527	696.869	22,1
20.08.1942	3.412.780	893.063	26,2
10.10.1942	3.579.352	998.885	27,9
20.12.1942	3.784.738	1.125.286	29,7
15.11.1943	5.411.801	1.716.229	31,7
31.12.1943	5.438.178	1.812.091	33,2
31.03.1944	5.501.746	1.926.306	35,0
15.05.1944	5.597.740	1.995.044	35,6
30.06.1944	5.736.412	2.071.262	36,1
15.08.1944	5.783.220	2.126.753	36,8
30.10.1944	5.976.673	2.174.644	36,4

Источник: AEGR (на различные даты).

Чисто статистически уже с осени 1942 года, выходцы из СССР (даже без учета прибалтийских народов) стали **первыми по численности** среди иностранных рабочих в Германии.

Однако по своему **правовому статусу** советские граждане в Рейхе неизменно были **последними** (а точнее, «предпоследними», если вспомнить евреев и цыган, от которых фашистское государство и вовсе «избавлялось»).

Анализ трудовой статистики и построенных с ее помощью карт высвечивает ряд интереснейших общих и региональных моментов в динамике и распределении занятых по территории Третьего Рейха.

В целом распределение иностранных рабочих в Рейхе обладало рядом закономерностей, в том числе и географического свойства. Для большинства национальных групп, кроме поляков, оstarбайтеров и, отчасти, итальянцев, было характерно их относительное скопление в тех районах Рейха, которые либо граничили со страной их происхождения, либо сориентированы в соответствующем направлении.

Так, бельгийцы были сосредоточены в северо-западных и, отчасти, центральных землях, на востоке и юге их фактически не было. А жители прибалтийских стран — в смежной с Литвой Восточной Пруссии, а также в Померании, Бранденбурге, Нормарке и кроме того в Гессене. Граждане Югославии (без Хорватии) концентрировались преимущественно в Нижней Австрии (гау Штирия-Каринтия и Вена-Нижний Дунай), но значительные их контингенты были и в Нижней Саксонии, Бранденбурге, Вестфалии, Рейнланде. Те же итальянцы были сосредоточены в Австрии, Баварии и Юго-Западной Германии, но в не меньшей степени и в центральных и северных землях; зато в Силезии, Пруссии и Померании (а также Франконии) их было немного.

Впечатляет картина дислокации в Рейхе выходцев из Генерал-Губернаторства, или, попросту, Польши. Поляки были практически везде, но максимальная плотность была отмечена в Нижней Силезии. Вместе с тем зонами с более или менее разреженным «расселением» поляков были Западная Пруссия (откуда поляков, наоборот, депортировали), Саксония и Нижняя Саксония (рис. 3.5.1).

Впечатление производит аналогичная (и на ту же дату — июль 1942 года) карта оstarбайтеров (рис. 3.5.2). Количественно они еще «уступают» полякам, но в Руре — уже опережают. Их концентрация в западных землях Германии уже отчетлива, особенно если сравнить эту карту с размещением оstarбайтеров в январе 1942 года, то есть с ситуацией до начала массовой вербовки (рис. 3.5.3). Тогда выделялись разве что Восточная Пруссия (куда поступали аграрные рабочие) и Вестфалия, что бесспорно связано в «криворожской инициативой» П.Пляйгера.

Тогда оstarбайтерам было еще «далеко» и от соотечественников-военнопленных, но по состоянию на июль 1942 года они уже вырвались вперед, уступая им количественно разве что в аграрных Восточной Пруссии и Померании (ср. рис. 3.5.5). До какой же степени «загустения» дошла концентрация оstarбайтеров в Рейхе к маю 1944 года, выразительно видно на рис. 3.5.4. Ареал наибольшего сосредоточения оstarбайтеров переместился к центру Германии. Они преобладают практически во всех гау. В отдельных городах и местностях их доля доходила до четверти, трети и даже двух пятых от численности реально проживающего там населения! Так, в городе Хамм — важном металлообрабатывающем и транспортном центре Рурской области —

эта доля достигала 30 %, а на отдельных предприятиях зашкаливала за 50 % и выше⁶! Особенно высокой плотностью остарбайтерского населения выделялась своеобразная «подкова» областей между Нижней Силезией и Вестмарком.

В каких же **отраслях** были задействованы советские граждане?

Первоначальной отраслью трудовой «специализации» **советских военнопленных** было **строительство** (47,1 % в январе 1942 года), но уже за последующие 10 месяцев доля этой отрасли резко — до 13,3 % — сократилась. В то же время весьма значительно — с 3,6 до 22,7 % — поднялась доля черной металлургии и металлообработки⁷. Этот перелив рабочей силы советских военнопленных из сферы строительства в металлургию и металлообработку, осуществленный практически за год, знаменовал радикальную структурную переориентацию их трудового использования. В то же время доля занятых в сельском хозяйстве среди советских военнопленных, хотя и выросла за те же 10 месяцев 1942 года с 21,3 до 27,2 %, все же была сравнительно невелика⁸.

Среди опрошенных нами остарбайтеров около 70 % работали в **промышленности** (если взять отдельно мужчин, то этот показатель составил бы все 90 %), еще 20 % — попали в **сельское хозяйство** и около 5 % — вкусили «радости» обеих главных хозяйственных сфер, остальные работали в больницах или помощниками по дому.

Анкеты фиксируют случаи с весьма сложной конфигурацией «трудового пути», со сменой нескольких мест работы, а в ряде случаев — и с переменой главных сфер. При этом прослеживается определенная закономерность: человек попадал в сельское хозяйство уже после того, как отработал некоторое время в промышленности — как если бы его отправляли на курорт или на откорм⁹.

Между тем в зависимости от того, куда попадали остарбайтеры — в сельское хозяйство или в промышленность (особенно в угледобывающую и оборонную), на большое или на малое производство, — условия их жизни могли существенно различаться. Даже «шефы» у работающих в промышленности и в сельском хозяйстве были разные. Согласно распоряжению ГБА № 4 от 7 мая 1942 года, первыми (в том числе и питанием) занимался ДАФ, вторыми — Имперское крестьянское сословие¹⁰.

Работающие в промышленности жили в охраняемых арбайтслегерях, за колючей проволокой, пространством их личного передвижения были описанные выше бараки. Хуже всего было в больших арбайтскомандах и лагерях, обычно они были при больших заводах и шахтах. В командах же до ста человек было, что называется, сносно.

Попавшим же к «бауэрам» нередко доставалась даже собственная каморка в доме хозяина или при свинарнике. Мужчины располагали относительно большей личной свободой: так, из тех, кто работал в сельском хозяйстве, все имели возможность так или иначе общаться

с особами другого пола, тогда как из числа женщин — лишь 2/3. (Но и в промышленности, где свободы было неизмеримо меньше, преимущество — за мужчинами: соответственно, 1/3 и 1/4).

Столь же разительно мог отличаться и характер работы. В промышленности работа, как правило, была двухсменной. Смена — это 12 рабочих часов, иногда меньше (10 или даже 8)¹¹. Недельная выработка — от 72 до 80 часов¹².

Хотя трудовой день в сельском хозяйстве и не был нормирован (в страду доходил до 18 часов) и зарплаты там, как правило, и вовсе не платили (считалось, что она расходуется на оплату жилья и пищи), а все же попасть на село считалось удачей. На фоне 12-ти или даже 8-часовой смены на рудниках или на подземном конвейере — самый тяжелый сельский труд от зари до зари и впрямь казался раем.

Оценивая с точки зрения оstarбайтера «плюсы» и «минусы» работы в селе, только убеждаешься в справедливости более общего вывода, к которому пришел, в частности, и В.Семин: *«В Германии там легче, где меньше людей»*.

Почему? Да потому что — *«...отдельный человек был виден лучше. Когда часто смотришь друг другу в глаза, в конце концов, захо-чешь и улыбнуться, и о чем-то спросить, и ответить на улыбку. А последствия этих улыбок невозможно проконтролировать.»*¹³

Кроме промышленности и сельского хозяйства была еще одна сфера приложения труда советских граждан, вернее, гражданок: это германское домашнее хозяйство. Еще весной 1942 года, при вступлении в должность, Заукель обещал немецкой женщине помощь, вернее, помощниц. И уже в сентябре он приступил к исполнению взятого слова.

В первом разделе «Памятки домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских домашних хозяйствах» немецким семьям строго-настрого не рекомендовалось сближаться с восточной прислужкой и перво-наперво обеспечить привилегированное положение прислуги немецкой, если таковая тоже имеется.

На правой стороне груди, разумеется, должна была красоваться непременная нашивка (их выдавали при регистрации работницы в полиции). Параллели с рабовладением особенно навело даже не то, что хозяева покупали себе рабынь за каких-нибудь 15—18 рейхсмарок, а то, что труд восточных работниц не регламентировался ничем кроме их, владельцев, усмотрения. Немецкие порядки, касающиеся условий и охраны труда, на них не распространялись.

Ни шагу за ворота — только по хозяйственной надобности, ни часу для себя самой — только по усмотрению хозяина и только три часа в неделю, до темноты (и то — в качестве поощрения за примерный труд и поведение). И без особых сентиментальностей — никаких ресторанов, кафе, кино, театров или церквей.

Развращающее влияние такой постановки дела на немецкое население ни с чем не сравнимо. Хотя, впрочем, не всякая семья могла

заполучить себе раба или рабыню! Право на рабовладение тоже было своего рода привилегией, контролировалось партией и использовалось как рычаг манипулирования людьми. Соответствующие заявки, — с объяснением причин, почему семья нуждается в помощнике или помощнице, — поступали в местные арбайтсамты, там рассматривались, а затем, причем без права апелляции, утверждались местным партайфюрером — руководителем НСДАП¹⁴.

Очень часто — вопреки инструкциям и, особенно, в первое время — рабочая сила с востока использовалась без оглядки на довоенные профессии и квалификацию рабочих. При всей хваленной немецкой рациональности работа — местами или временами — не была интенсивной, профилонить или натуфтить было, как правило, можно. Немало самоубийственных страниц в дневнике того же В.М.Баранова посвящено тому, как он не работал, волянил либо даже потихоньку саботажничал, «вредил»¹⁵.

«Зато и работы нет никакой. Я уже третий день держу чей-то готовый треугольник и потихоньку кое когда шурну, уже давно привел его в негодность. Но поляк и мастер настолько глупы, что не замечают, хотя иногда подходят с шиплером»¹⁶. Да и вообще они не нуждаются в нас как в рабочей силе, здесь одних только русских столько, что не знают, куда их девать. Весь Лейпциг в лагерях, особенно по окраинам города»¹⁷.

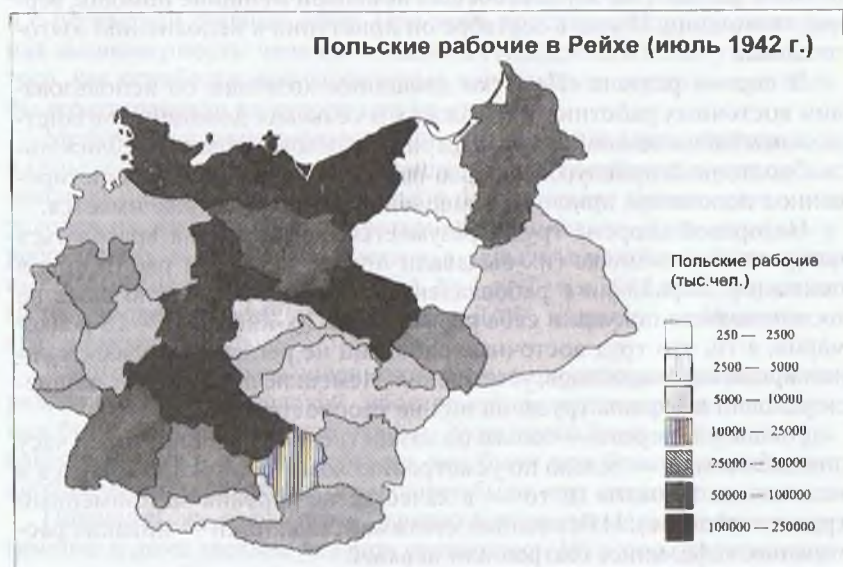

Рис. 3.5.1. Польские рабочие в Рейхе (июль 1942 г.)

Остарбайтеры в Рейхе (июль 1942 г.)

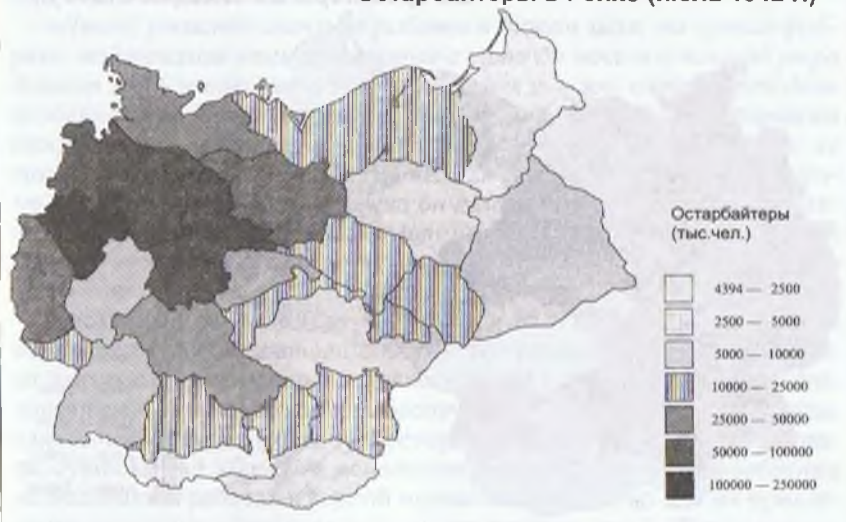

Рис. 3.5.2. Остарбайтеры в Рейхе (июль 1942 г.)

Остарбайтеры в Рейхе (январь 1942 г.)

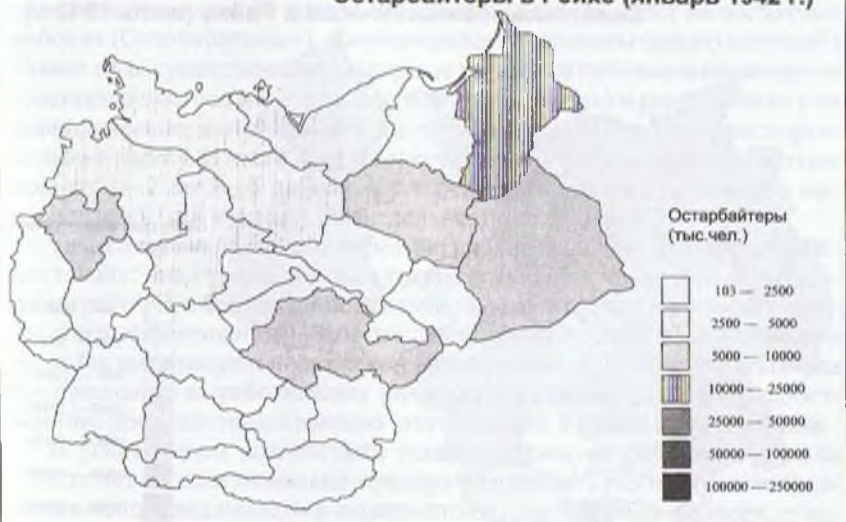

Рис. 3.5.3. Остарбайтеры в Рейхе (январь 1942 г.)

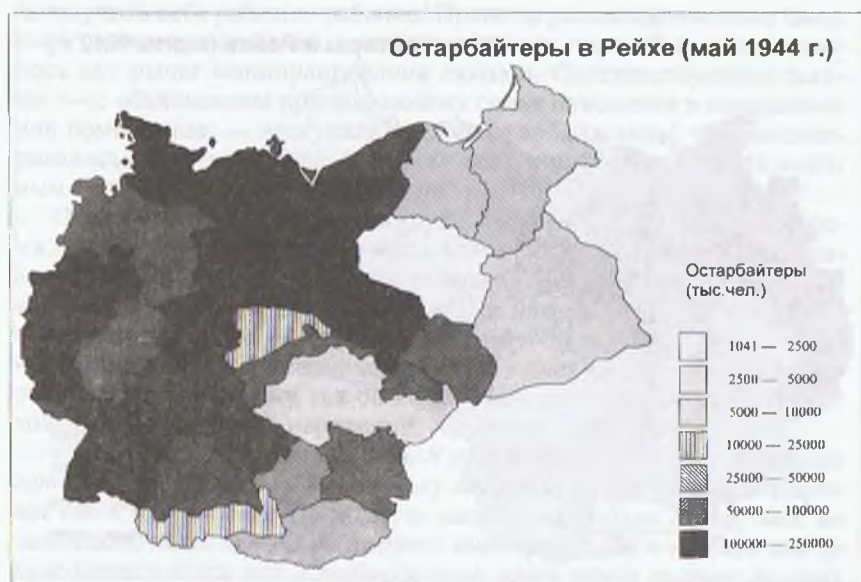

Рис. 3.5.4. Остарбайтеры в Рейхе (май 1944 г.)

Рис. 3.5.5. Советские военнопленные в Рейхе (июль 1942 г.)

И психологически работа в промышленности, особенно в оборонной, была ненавистней:

«Дикое, ужасное значение работы в чужом цехе, на чужой фабрике, под началом немцев, которые с утра до ночи и с ночи до утра делают здесь мины, снаряды, гусеницы для танков, в первый же день особенно ясно открывается в литейном. Особенно подавляющим открывается лагернику значение каторжного труда — труда, не только не имеющего смысла для него лично, но и направленного прямо против него. Правда, то, что он делает сам, имеет ничтожнейшее значение. Он всего лишь возит на тачке землю из одной кучи в другую: из кучи на дворе в кучу, возвышающуюся в цехе...»¹⁸

Восточные рабочие (как, впрочем, и поляки) не попадали под немецкое трудовое законодательство. То чрезвычайное трудовое право, которое на них распространялось, было в высшей степени бесчеловечным. Ничем и никем не обеспечивались безопасность их труда, даже элементарные меры предосторожности не соблюдались. Правда, существовал запрет на использование труда восточных работниц на подземных работах в горной промышленности, но для их привлечения к не менее тяжелым работам на поверхности (в буроугольных карьерах, например) противопоказаний уже не существовало¹⁹.

Оплата труда оstarбайтеров первоначально регулировалась геринговской директивой от 7 ноября 1941 года, исходящей из того, что они должны дешево стоить предпринимателю и обеспечивать не более чем карманные расходы. 20 января 1942 года был введен налог на восточных рабочих (Ostarbeitersteuer), вычитавшийся из зарплаты самого оstarбайца²⁰. Кроме того, существовали регулярные вычеты за питание и проживание (составлявшие, соответственно, 1 и 0.50 RM за день) и одноразовые, или периодические, вычеты за одежду, обувь и даже расходы по транспортировке на работу. В итоге «среднестатистическому» оstarбайтеру оставалось от 1—2 до 3—5 рейхсмарок в неделю (практически зарплата выплачивалась, как правило, еженедельно, по пятницам)²¹.

Такая система была одновременно вполне «советской» и вполне «нацистской»: она отражала и эксплуататорскую суть трудового использования рабочих с востока, и поразительное равнодушие немецкой стороны к его эффективности. Забота о повышении трудоотдачи неизбежно была бы индивидуальной, персонифицированной и, по сути, означала бы признание за работниками личностных качеств (например, собственного достоинства), а именно этого за ними в Рейхе не признавали.

В угнетающем воздействии такой системы на рабочих отдавали себе отчет и сами немецкие предприниматели²². Но на пути исправления несправедливости в оплате стояло два могучих фактора, с которыми не то что приходилось считаться, а из которых приходилось исходить. Первое: стимулирующая роль зарплаты ни в коем случае не должна приводить к ситуации, когда русский получал бы больше немца, ибо иначе предприятиям стало бы выгодно уволить «своих»

рабочих и нанять по дешевке восточных! Второе: Германия была не заинтересована в повышении покупательной способности русских, для этого у нее просто не было достаточного количества товаров.

Лишь удовлетворив этим политическим факторам (точнее, препятствиям), можно было ставить вопрос о повышении зарплаты а, следовательно, и производительности труда: указом об изменениях и дополнениях в регулировании труда остарбайтеров от 30 июня 1942 года были утверждены новые таблицы исчисления чистой зарплаты остарбайтера. Стимулирующая же роль отводилась самой многоуровневости труда и, соответственно, многоступенчатости оплаты. Ее верхним — в реальности почти не встречавшимся — потолком, согласно У.Херберту, было 84 RM в месяц (или 2,40 RM в день), а согласно Б.Боллю — 51 RM в месяц²³.

Тем не менее постановление от 30 июня 1942 года было большим шагом вперед. Чтобы тем, кто был принципиально против него, прогресс этот не казался слишком большим, оно было ужесточено такими, например, ограничениями и предписаниями, как неуплата за время болезни, а также любых надбавок за внеурочный труд. Из суммы к выплате скрупулезно вычитались расходы на транспорт, одежду, обувь и т.д.

Но для защиты интересов немецкого рабочего, собственно, по-прежнему использовался упомянутый выше налог, взимавшийся с предпринимателя за использование дармового труда: он, правда, был несколько видоизменен и назывался теперь *Ostarbeiterabgabe*²⁴. Зато доплаты за переработку в ночную смену, а также в выходные и праздничные дни были отменены.

В конечном счете за одну и ту же работу остарбайтеры по-прежнему получали несоизмеримо меньше своих западных коллег, не говоря уже о немцах. Никаких оплачиваемых «больничных» или других видов социальной поддержки для остарбайтеров, как и раньше, не предусматривалось (правда, в дни болезни пища и ночлег были для него бесплатными). Дополнительным видом дискриминации была дискриминация по полу: сколь бы мало ни получали остовацы, остовацы получали на 20 % меньше!²⁵

«Решаемым» оказался и вопрос с угрозой потребительскому рынку Германии, исходящей от столь «внушительных» заработков. Был применен простой и эффективный «заслон», испробованный ранее в крупных гетто: выплачивать зарплату не рейхсмарками, а особыми «лагерными марками», выпущенными специально для такого случая. Их принимали только в лагерном ларьке плюс, быть может, еще в считанных магазинах (где можно было купить нитки, иголки, пуговицы, расческу; из «еды» — соль, горчицу, лимонад, пиво, а кое-где и полбатона хлеба). Хотя, конечно же, в каждом лагере непременно существовал и «черный рынок», не брезгующий, как известно, никакими доходами: можно было достать не только немецкие сигареты, но и хлеб, а под конец войны — невероятно, но факт — даже оружие!

И все же «реформа 30 июня 1942 года» была внутренне слишком противоречивой и к ожидавшемуся повышению производительности труда так и не привела. Спустя 10 месяцев, 1 мая 1943 года, было введено новое регулирование оплаты труда восточных рабочих²⁶. Тарифные ставки по категориям были подняты, а все виды переработки вновь стали платными. Разрыв между средним уровнем нетто-зарплаты немецкого рабочего (около 200 RM в месяц) и восточного (около 69 RM) сократился с 10 до 3 раз²⁷.

Месяцем раньше, начиная с 1 апреля, на остарбайтеров распространились элементы страхования от несчастного случая (если потеря трудоспособности превышает 1/3), в частности, пособие по болезни (1,50 RM в сутки, выплачиваемые работодателем)²⁸. А спустя еще 11 месяцев (25 марта 1944 года), Заукель сумел провести новую реформу, в ряде отношений впервые приравнявшую восточных рабочих ко всем остальным иностранным рабочим. Вместо «отчислений на восточного рабочего» с них вычитался обычный подоходный налог, хотя и по первому (самому невыгодному) налоговому классу, к тому же независимый от состояния в браке и числа детей. Дополнительно вычиталось еще 15 %, но с этого момента остарбайтеры попадали и под социальное страхование; по-прежнему это не гарантировало им страховки по болезни (хотя и не исключало ее). В декабре 1944 года произошло последнее повышение зарплат остарбайтеров, почти что сгладившее разницу между ними и самими немецкими рабочими²⁹.

Отдельно скажем о дискриминации в оплате труда работавших в промышленности советских **военнопленных**, чьи тарифные ставки составляли от 60 до 80 % от минимального местного тарифа³⁰. Договора об их трудовом использовании заключались между шталагами и заинтересованными ведомствами или предприятиями, как бы «арендовавшими» у них рабсилу³¹.

Нетто-заработок военнопленных составлял 20 пф. в день до сентября 1943 года: с сентября 1943 года им стали доплачивать 20 % за аккордную работу, после чего их заработок вырос до 30 пф. в день, или около 9 RM в месяц³². Поясним: 30 пф. — это тот минимум, который они в конце месяца могли получить на руки; в сущности же их зарплата была выше, даже с учетом вычетов за питание, жилье и одежду (соответственно, 1,00, 0,20 и 0,09 RM). Даже у самого малооплачиваемого подсобника из военнопленных она должна бы была составлять 17,50 RM, а у высококвалифицированного мастера (например, у каменщика) колебаться, в зависимости от сверхурочных часов, от 81,50 до 123,50 RM. Но на руки выдавали из расчета 20 или 30 пф. в день: все остальное поступало на именные счета, воспользоваться которыми можно было бы только при увольнении³³.

В сущности, зарплата причиталась и тем остарбайтерам и военнопленным, кто работал в **сельском хозяйстве**³⁴. В аграрной сфере действовала сложная система перерасчетов, приблизительно соответствовавшая таблицам заработной платы в промышленности. Однако

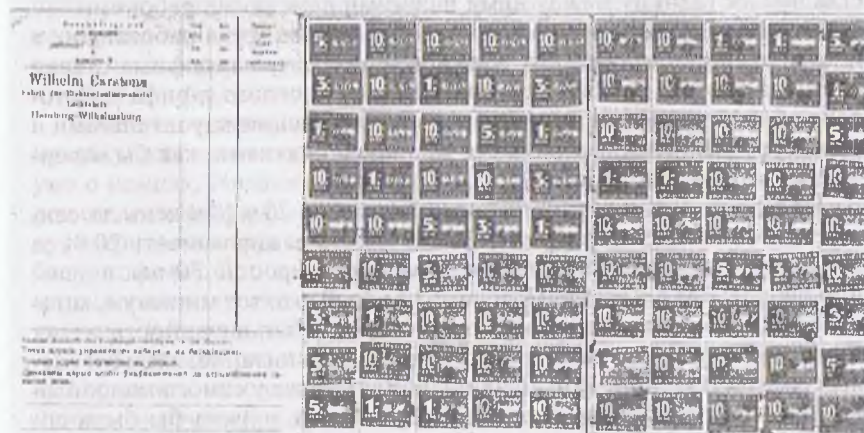
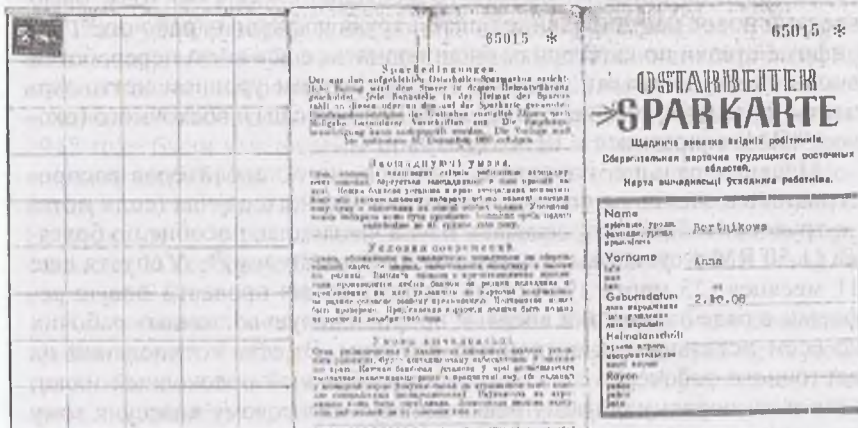

Рис. 3.5.6. Сберегательная карточка остарбайтера
(Staatsarchiv Freiburg, Bt. C38/1-236)

из числа работавших в сельском хозяйстве о выраженной в деньгах зарплате не сообщает практически никто: все понимали свое положение так, что они работают за крышу, стол и одежду³⁵.

И действительно, если военнопленный или остарбайтер попадал к крестьянину или леснику, то фактическое обеспечение питанием и ночлегом ложилось на них как на работодателей. За каждого военнопленного они выплачивали шталагу фиксированную сумму по 80 пф. — за рабочий день (в зимнее время — по 64 пф.). При этом западные военнопленные должны были получать на руки 70 пф. за день, польские — 50 пф., а советские — всего-навсего 20 пф.³⁶ Понятно, что хозяину выгоднее было взять именно «дешевого» советского военнопленного.

Но и этого всего было недостаточно. Значительная часть фонда заработной платы остарбайтеров на неопределенное время оставалась в кассе немецкого государства — посредством ловкого трюка, цивилизованно именуемого «сберкнижка». В обязательном порядке на имя каждого остарбайтера открывались накопительные счета, на которые, — в сущности, принудительно, — откладывалась основная часть заработка. Иными словами, после всех вычетов и выдачи на руки карманных денег остающаяся на счету сумма фактически изымалась (отчуждалась) у остарбайтеров в пользу финансово-банковской системы Германии.

Надо полагать, что в условиях такого стабилизирующего фактора, как Мировая война, иметь сберкнижку в Германии было не столь уж «соблазнительным» для восточных рабочих. Многие из них даже и не подозревали о таком «сервисе» — не всем, видимо, о нем сообщалось, а если даже и сообщалось — то не воспринималось в силу незнания языка или немецкой банковской системы, а если даже и воспринималось — то определенно не бралось на веру (во всяком случае никто из ответивших на анкету о такой потрясающей социальной заботе не упомянул). По существу, это был своеобразный заем военного времени, только взятый не у своего, а у подчиненного и угнетаемого населения вражеской страны!

Подразумевалось же и декларировалось, что с этих счетов должны были делаться переводы заработанного на родину, где ими, по желанию работавшего, могли бы воспользоваться родственники³⁷. Хранились эти сберкнижки, или, точнее, сберкарточки (Ostarbeitersparkarte), как правило, у работодателя (и не случайно они являются довольно редко встречающимся видом документации). На карточке фиксировались только имя и дата рождения «вкладчика», а также наименование фирмы, где он начал свою работу в Рейхе. Ежемесячно на нее наклеивались марки, обозначающие сумму вклада в рейхсмарках, при том что эти суммы пересчитывались в «валюту его родины», то есть в рубли. Согласно «Условиям сбережения», выплата вкладов — да еще с причитающимися процентами! — должна была производиться

«...любым банком на родине вкладчика по предъявлении им или указанным на карточке получателем на родине согласно особому предписанию». Срок предъявления этих карточек к оплате, согласно «Условиям», истек 31 декабря 1950 года. Случаи регулярного снятия денег с таких счетов остарбайтерами нам на сегодняшний день неизвестны.

Известно, что централизованной организацией, осуществлявшей переводы денег, в том числе и накопительных складов, в годы войны являлись первоначально «Центральный экономический банк Украины» (Zentralwirtschaftsbank der Ukraine, Berlin), а в последние военные месяцы — «Банк немецкого труда» (Bank der deutschen Arbeit, Cottbus)³⁸.

На одной из известных нам таких карточек, выписанной на имя Анны Бортниковой (родилась 2 ноября 1908 года), накопилась внушительная сумма приблизительно в 680 рейхсмарок!³⁹ Можно предположить, что ни во время войны, ни после ее окончания ни Анна Бортникова, ни какой-либо другой остарбайтер или его доверенной лицо не получили доступа к своим накоплениям, фактически пошедшим на оплату репараций или иных долгов и расходов поверженной Германии.

Кстати, значительные суммы были списаны в послевоенные годы за счет того, что никакой технической возможности выплатить остовцам зарплату за последний перед освобождением от нацистов месяц не существовало. В рамках кампании по сбору информации о трудовом использовании иностранной рабочей силы в земле Баден при нацистах, наряду с материалами о французских и иных западных рабочих, на поверхность всплыли документы и о советских гражданах⁴⁰. Французские оккупационные власти сразу же закрыли все текущие счета предприятий, и нет ни малейших оснований предполагать, что остарбайтеры, как, впрочем, и кто-либо другой, могли получить свою прощальную посылку.

Что касается выплат «на родине вкладчика», то удовлетворительными сведениями о немецкой банковской системе на оккупированных территориях СССР мы, увы, не располагаем. Однако случаи выплаты членам семей остарбайтеров так называемого денежного пособия в размере 13 RM, или 130 рублей (а с августа 1943 года — 200 руб.) все же известны. Так, за период с июля 1942 по апрель 1943 года, по данным моголевской оккупационной газеты «Новый путь», в Могилеве было выплачено таких пособий на сумму около 11 тыс. рублей (мизерная, заметим, сумма, достаточная для обеспечения в регулярном режиме менее чем 10 человек!)⁴¹. За первое полугодие 1943 года, согласно тому же источнику, все остарбайтеры перевели на родину 171,248 RM⁴².

Независимо от того, получили ли домашние это пособие или нет, соответствующие 13 RM аккуратно удерживались из зарплат остарбайтеров, в том числе и тех, у кого никаких родственников дома не оставалось⁴³.

Статистика говорит о том, что **производительность труда** военнопленного несколько уступала производительности труда гражданского рабочего, хотя время их трудового использования, как правило, было выше. Чаще они и ошибались во время работы⁴⁴.

Но тем не менее, к удивлению немецкой стороны, в целом квалификация русских рабочих оказалась существенно выше, чем ожидалось. Не говоря уже о добросовестности, с каковой немцы не так уж часто до сих пор и сталкивались.

Согласно обследованиям Института трудовой психологии и трудовой педагогики в Целендорфе, — и в полном нестыковке с официальной германской «табелью о рангах»⁴⁵, — лучшими рабочими были признаны французы, на втором месте стояли русские, немцы и поляки, на третьем — югославы; лучшими же работницами и вовсе были русские, далее шли полячки и только третьими — немки!⁴⁶

Также и исследования Имперской экономической палаты (весна 1944) зафиксировали для остарбайтеров чрезвычайно высокие показатели (доля от выработки немецкого рабочего) — от 60—80 у мужчин и до 90—100 % у женщин⁴⁷.

К сходным результатам пришел и Институт исследования проблем труда ДАФ, обследовавший в первой половине 1943 года 3671 рабочего на 19 промышленных предприятиях. Несмотря на то, что большинству (до 4/5) остарбайтеров пришлось в Германии профессионально перестроиться (в России они занимались преимущественно крестьянским трудом), уже спустя год их средняя производительность достигала 80 % от средней производительности немца⁴⁸.

Все это заставило немцев задуматься об интеграции квалифицированных рабочих в систему германского производства и пересмотреть ту концепцию, согласно которой привлечение остарбайтеров позволит главным образом высвободить часть французов и западных европейцев, занятых на неквалифицированных работах ради их перевода на участки квалифицированные. В ряде отраслей промышленности немцы сочли уместным ввести для русских рабочих элементы производственного обучения, а потом и вовсе признать такое обучение обязательностью.

Со временем были сняты и ограничения, делавшие бессмысленной с материальной точки зрения сдельную или сверхурочную работу (т.е. по существу введена привычная многим система, действовавшая в самом СССР накануне войны). Дальнейшему урегулированию подвергались и вопросы питания восточных рабочих — по крайней мере, на уровне указов. Вместе с тем многие предприятия, заинтересованные в повышении трудоотдачи, самостоятельно искали и находили резервы улучшения их питания. В ряде областей проводились совещания представителей служб труда и местных фирм по обмену опытом⁴⁹.

Примечания

- ¹ Из общей массы отбирались, в частности, фольксдойче, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, эстонцы, латыши, финны и румыны. См. циркуляр подполковника Брейера от 26.08.1941 (BA/ZNS, Ordner 22 — указано Р.Келлером)
- ² Разумеется, существовал и макроструктурный планирующий орган, ответственный за принятие стратегических и оперативных решений в области трудового использования, — Центр по планированию (Planungszentrale) при геринговском Ведомстве по четырехлетнему плану, определяющую роль в котором играл, Шпеер (см. выше).
- ³ Для всех этих достаточно непохожих друг на друга лагерей неперенным условием было наличие 2-метровой колючей проволоки по периметру (Gatterbauer, 1975, s. 86).
- ⁴ См. Приложение 18.
- ⁵ Данные на конец января: 147.736 чел.
- ⁶ Gestwa, 1993, s. 74.
- ⁷ Как ни удивительно, но у французов и бельгийцев этот показатель был ниже (17,5—18 %).
- ⁸ Примерно такая же доля была у английских военнопленных. Зато отчетливо аграрной была «специализация» югославских и польских военнопленных (соответственно — 83,6 и 78,9 % от их общего числа). У французов и бельгийцев эта доля составляла около 55,5 %, при этом следует помнить, что среди военнопленных, занятых в сельском хозяйстве, французы составляли 64,1 %!
- ⁹ Применительно к военнопленным именно такая политика и была сформулирована еще в ноябре 1941 года.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 87.
- ¹¹ Именно в такие «гуманные» условия попал сначала В.М.Баранов. Его вторая смена длилась 8 часов — с 16.00 до 24.00, только в субботу она была дольше — 12 рабочих часов (с перерывами на обед и на ужин — в 18 час.). В штрафном лагере он попал в другой, гораздо более жестокий режим: продолжительность смены — 12 часов, работать приходилось в разгар ночи — с 18.00 до 6.00 с двумя перерывами на еду. При этом ночью слабее был и контроль, так что иной раз удавалось где-нибудь час-другой отосидеться и даже отоспаться.
- ¹² Следует отметить, что и у работающих вместе с ними немцев, рабочее время было точно таким же. У немцев, конечно, были с собой свертки с домашними бутербродами, которые они с аппетитом поедали в один из перерывов, предоставляя «товарищам» принахиваться и прислушиваться.
- ¹³ Семин, 1978, с. 255.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 16—18 и 29—30.
- ¹⁵ Сам по себе саботаж рассматривался нацистской юстицией как одно из серьезных преступлений. Он карался, в зависимости от злостности и серьезности ущерба, карцером, тюрьмой, концлагерем, а в отдельных случаях — и смертной казнью, иногда — во устрашение — публичной.
- ¹⁶ Шиплер — шуп, тоненькая пластина для проверки зазора.
- ¹⁷ Баранов, запись за 02.11.1943 (по рукописи).
- ¹⁸ Семин, 1976, с. 136.
- ¹⁹ См.: Staatsarchiv Freiburg, Bt. L 100/1, № 56. Bl. 69—69R.

- ²⁰ Verordnung über die Besteuerung und die arbeitsrechtliche Behandlung der Arbeitskräfte aus den neu besetzten Ostgebieten, 20.01.1942. См.: RGBl. I. 1942, № 7, s. 41.
- ²¹ В лейпцигском лагере, в который сначала попал В.М.Баранов, он ежедневно получал 1 марку 75 пфеннигов; курильщикам предлагался набор из 15 сигарет и 85 пфеннигов. Сигареты потом составляли «обменный фонд»: 7—8 сигарет шли за полбуханки хлеба.
- ²² См.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 135, со ссылкой на: BA, RW 19/2148, Bl. 222.
- ²³ См.: Herbert, 1986, s. 173 (по состоянию на 06.1942); Boll, 1994, s. 183—185 (по состоянию на период между 15.06.1942 и 30.04.1943).
- ²⁴ Буквально: «отчисления на восточного рабочего».
- ²⁵ См.: Boll, 1994, s. 185.
- ²⁶ Соответствующий указ был издан Заукелем еще 05.04.1943.
- ²⁷ См.: Boll, 1994, s. 185.
- ²⁸ Белорусские оstarбайтеры-2, с. 102—104
- ²⁹ См.: Herbert, 1986, s. 268.
- ³⁰ См.: Gatterbauer, 1975, s. 313—318, со ссылкой на: Enderlein K., Riedel F. Die Preisbildung beim Einsatz von Kriegsgefangenen und Ausländern in der Bauwirtschaft. Wien, 1942. S. 71.
- ³¹ См. типовой договор в: РГВА. Ф. 1409к. Оп. 1. Д. 1. Л. 176—186.
- ³² См.: Karner, 1994, s. 339—340. См. также: Pfahlmann, 1968, s. 182.
- ³³ См.: Пояснения к расчету заработной платы военнопленных, задействованных в строительстве (РГВА. Ф. 1409к. Оп. 1. Д. 1. Л. 184—186.)
- ³⁴ Об условиях их содержания на селе см.: Freitag, 1996.
- ³⁵ Надо сказать, что и немецкие рабочие, занятые в сельском хозяйстве, нередко получали зарплату «наатурой». Но есть все же свидетельства и того, что зарплату платили иногда и в сельском хозяйстве: так, Н.А.Ирга пишет, что за последний год работы у двух различных хозяев она заработала 19 марок!
- ³⁶ Согласно распоряжению ОКВ от 14.11.1941 (Pfahlmann, 1968, s. 180—183).
- ³⁷ См.: Herbert, 1986, s. 406.
- ³⁸ Так же известно, что 86.834 из 90.352 RM, переведенных этими банками в местные отделения сберкасс в оккупированной французами земле Баден, было получено оstarбайтерами, и только 3.518 RM оставались к осени 1947 года невостребованными (Staatsarchiv Freiburg, Bl. 38/1, № 236).
- ³⁹ Сберкарта была выписана гамбургской фирмой «Вильгельм Карстенс» (Гамбург-Вильгельмсбург, выпускавшей электро-изоляционные материалы и лаки); последним местом работы А.Бортниковой был часовой завод в Швеннингене («Kienzle Uhrenfabriken A.G.Schwenningen a.N.»). См.: Staatsarchiv Freiburg, Bl.38/1, № 236.
- ⁴⁰ Так, например, завод точной механики фирмы «Gebrüder Steidinger» из г. Санкт-Георген (под Фрайбургом) своим 36 оstarбайтерам задолжал в общей сложности 714, 82 RM, а фирма «Math. Bürle GmbH» из того же места (20 оstarбайтеров) — 136,42 RM; кирпичный завод «Falzziegelwerk Blamer u. Kramer, Konstanz» (35 оstarбайтеров) — 313,10 RM; завод алюминиевого литья «Vereinigte Aluminium-Gießereien Villingen» (7 оstarбайтеров) — 212,25 RM, фирма «Karl Lindemer-Prägeanstalt» из Трибберга — 53,70 RM; электрохимический завод бывшего концерна «I.G.Farbenindustrie A.G.» в Рейнфельдене (7 оstarбайтеров) — 443,20 RM и т.д. Уполномоченным банком во всех этих случаях являлся

Volksbank Rastatt. В большинстве перечисленных случаев имеются именные списки лиц, которым причитались эти выплаты (Staatsarchiv Freiburg, Bl. 38/1, № 236).

⁴¹ См.: Белорусские оstarбайтеры-2, с. 52—53 и с. 176, со ссылками на: «Новый путь» (Могилев), 08.04.1943 и 05.08.1943.

⁴² Белорусские оstarбайтеры-2, с. 225—226, со ссылкой на: Новый путь. Могилев. 23.09.1943.

⁴³ См. в письме командира 203 охранной дивизии генерал-лейтенанта Пильца в хозяйственную инспекцию ОЗМ от 19.02.1944 (Белорусские оstarбайтеры-2, с. 36—37, со ссылкой на: BA, RH 26-203/6, Bl. 11—12).

⁴⁴ Gatterbauer, 1975, s. 313—318.

⁴⁵ По оценке Заукеля (март 1943), средняя производительность иностранного рабочего, по сравнению с производительностью немецкого, составляла 65 %, а оstarбайтера — от 20 % в начале его использования; некоторое время спустя, особенно после профкурсов, она вырастала до 50—60 %.

⁴⁶ Homze, 1967, p. 241—243, со ссылкой на: Ansbacher L.H. Testing, Management and Reactions of Foreign Workers in Germany during World War II // American Psychologist. 1950. V. P. 39—43.

⁴⁷ Homze, 1967, p. 259—261.

⁴⁸ Archiv für publizistische Arbeit, со ссылкой на: Pariser Zeitung, 15.06.1944 (РГВА. Ф. 1358к. Оп. 4. Д. 9).

⁴⁹ Например, в совещании, проведенном 16.12.1942 д-ром Йорданом, начальником арбайтсамта Галле, участвовали представители местных органов и 37 фирм. Обсуждались проблемы установления профпригодности оstarбайтеров, их производственного обучения, проблема переводчиков, оценка трудовых достижений и их повышения (при этом отмечались необыкновенные трудовые возможности советских женщин, многие из которых превосходят мужчин даже на тяжелых работах), зарплаты, одежды и обуви (отмечалось крайне низкое качество последней), физического состояния (оценивалось неплохо, больных — всего 1—2 %), поддержания дисциплины (РГВА. Ф. 1382к. Оп. 1. Д. 138). В округе Галле подобный обмен опытом стал регулярным (см. различные протоколы за 1943 год в: РГВА. Ф. 1382к. Оп. 1. Д. 134—138).

3.6. Между делом: эрзац-досуг и суррогат отдыха

Конечно, применительно к оstarбайтеру говорить о «свободном времени» или, скажем, об отпуске можно только условно, если не метафорически, — подразумевая при этом лишь те краткие часы, когда он не обязан был вкалывать: промежуток между работой и сном, да еще воскресенье — выходной день¹.

Вечером, после первой смены, как правило, не хотелось уже ничего кроме пищи и койки. Если позволить себе слегка перефразировать классика, то — «Я б хотел наесться и заснуть». Большинство варило на печке уворованные брюквы, картофелины, очистки. Некоторые, особенно из прибалтированных, сочетали это с карточной игрой.

Но и этот краткий вечерний промежуток нередко «съедался» сади-стами-полицаями. Так, В.М.Баранов в своем дневнике описывает, как после смены переводчик-поляк, выматывая последние силы, заставлял измученных и еле держащихся на ногах людей заниматься строевой муштрой, разучивать немецкие, режущие ухо команды!

По субботам работа оканчивалась, как правило, в полдень. В воскресенье же на работу (чаще всего, по лагерю, например, на чистку выгребных ям) выгоняли только штрафников (о штрафах, кстати сказать, сообщали тоже в воскресенье, выкликая на поверке номера). Но всегда находились и добровольцы, готовые поработать «в частном секторе». Такой работы стало особенно много в конце войны, когда восстановления и ремонта требовали не только разбомбленные заводы и мосты, но и здания больниц и церквей, а также частные бюргерские дома. «Частники» рабочему денег не платили и ни о чем таком с ним предварительно не договаривались. Рассчитывались они, по-видимому, через лагерную кассу или напрямую с лагерным начальством, но все же и работнику нередко (хотя и не всегда) перепадал «гонорар»: платили натурой — пищей. Ради этого, собственно, человек и просился в свой выходной на работу!

«Биржа труда» в такие дни перебиралась непосредственно в лагерь. К лагерной вахштубе сходились местные «работодатели», которым было нужно по одному-два, от силы три человека для тех или иных работ. Выбрать кого-нибудь из них было нельзя, выбирать могли — только они, «работодатели».

Круги от сталинградской битвы доходили до лагерей, режим несколько смягчался. По воскресеньям — в порядке поощрения переводчиков труда и быта — разрешили прогулки. Выходы допускались строго лимитированные во времени и пространстве²: как правило, с 14 до 19 часов, десятками или группами по несколько человек, нередко — под водительством немцев или особ к ним приближенных, и, разумеется, при нашивках. Со временем, если комендант был уверен, что не убегут, начали выпускать и без сопровождения.

Absender:
Надасебъ:
Отправитель:

ScheWschenko
Nadze

Lagerstempel
mit genauer
postalischer Angabe

Lager Beetenbrüd

Bei Walzrade i/Hann.

Пущено 26/IV-43г.

Добрий день дорогий мій
родичу і бабуні і
панамі і мамі
якщо вона дома. Я соб-
чав вам що живу і
здоровий і так само
хорошо. Вам писати по-
можу. За кимось
хорошо і дуже близько

Postkarte
mit Antwort

Назву області, повіту і урядової
писати латинськими буквами.
Рішення, область і бюро гра-
дирів писати латинськими буквами.

Krasnokutskii
Ukraine 92

куда:
Straße: Halina Bannja
Вулиця: Halina Bannja
Улица: Halina Bannja
Kreis: Krasnokutskii
Повіт: Krasnokutskii
Район: Krasnokutskii
Dienstpost-
amt oder
Gebiet: Halinka
Область: Halinka
Arbeitsamt:
Уряд праці:
Бюро труда: Smolensk

Пославши вам поштою, а ви мене прийшли...
Повідаю вам не пишете мене писати, чим робити
навіщо ми не вранні, ну я кро вас добрий не
могу гасно и вранні. Вранні, можи и вранні.
Я дуже соснузила, за вами и хотіти вас-увади-
вати і рад. Жуна іо: протекати по шалюко-
му ручейку, кай ви до мене самі згуби, рабо-
таю на вранні. Майте. Пожили чина, ми сета
коє-що купили. у кимусь дитя, кай рне
роботало. Висіти со мном. І нас і дівочка
с Харкова. чина в отіуса Мамі Комені
гено. І нас сити, ідти що еще і год. Біль
нам в Зрмани, я потам. Протекати дама
Намисити. про себе пишу кро своє згуби
и кро сити ми он оті мене стканим ідти
на монетів навіди писати. Довідати. Чина
Пущено 26/IV-43г.

Рис. 3.6.1. Почтовая карточка оstarбайтера
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 116, д. 389, л. 92об.)

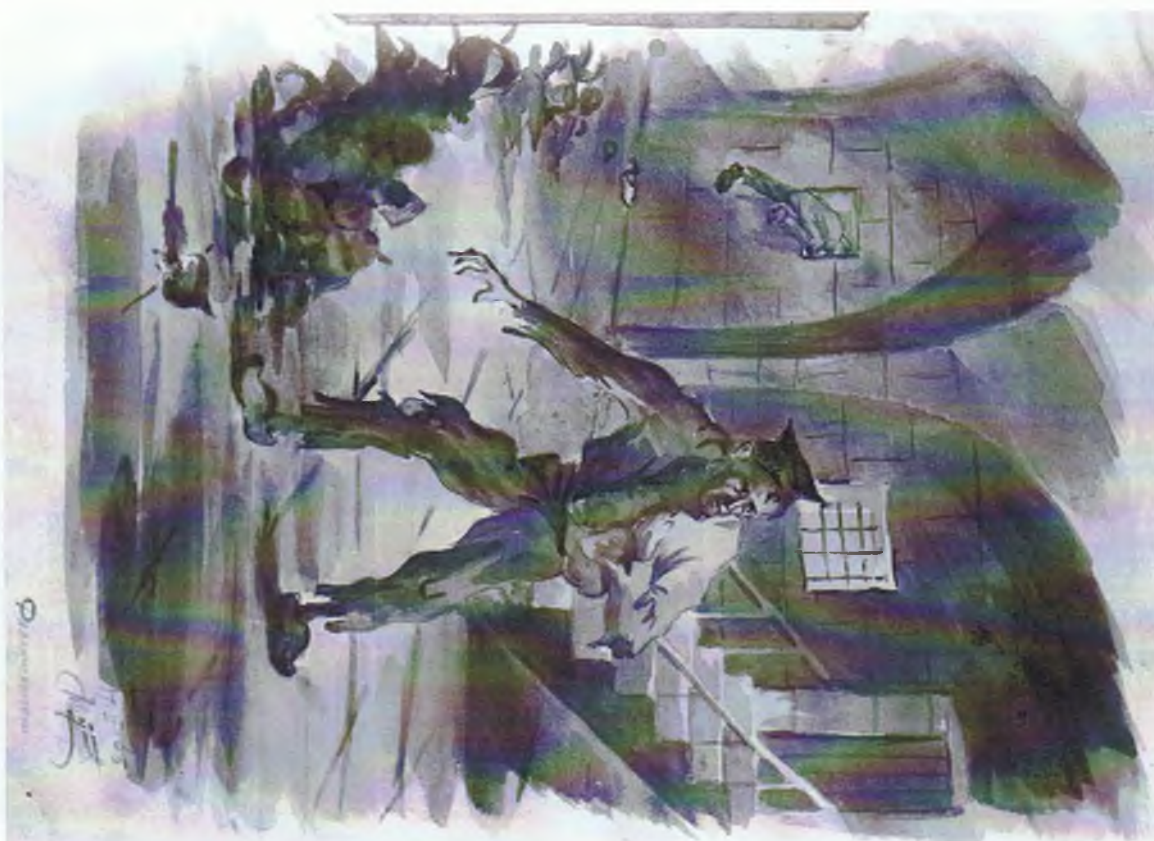
III.1a. Здравствуй, Германия!

III.1b. Здравствуй, «русенброт»!
(2,5-пудовый мешок с мякиной
мукой)
(USHMM, No. 240.6514)

III.2. Военнопленные в шталаге. Цветная акварель Н.Остапова.
Сборный пункт советских репатриантов в Фаллингбостеле, 22 июня 1945 г.
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 60, л. 1)

III.3. Воровство овощей. Цветная акварель Н.Остапова.
Сборный пункт советских репатриантов в Фаллингбостеле, 17 июня 1945 г.
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 60, л. 1)

III.4а. Альберт Шпеер,
рейхсминистр вооружений
(BIZ, Sammlung «Speer», Nr 333/36)

III.4б. Шпеер и Гитлер
рассматривают новые образцы оружия
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, л. 279,
фотоальбом «Нюрнбергский процесс»)

III.4в. Бюксы от газа «Циклон Б», использованные в пгталаге VIII В.
Ламсдорф (Ламбиновице), 1945 г.
(USHMM, No. 240.6534)

**Твой труд в Германии
приближает
конец войны!**

III.5a. Плакат «Твой труд
в Германии приближает конец войны»
(ВА/ВА, Nr 80/82/15A)

**БОРЯСЬ И РАБОТАЯ ВМЕСТЕ
С ГЕРМАНИЕЙ**

**ТЫ И СЕБЕ СОЗДАЕШЬ
СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ**

III.5b. Плакат «Борясь и работая
вместе с Германией, ты и себе соз-
даешь счастливое будущее»
(Бывшие каторжане и каторжанки
в ландкрайсе Ферден.

Неделя встречи с 3 по 9 мая 1993 года.
Документация. Ферден, 1993, с. 18)

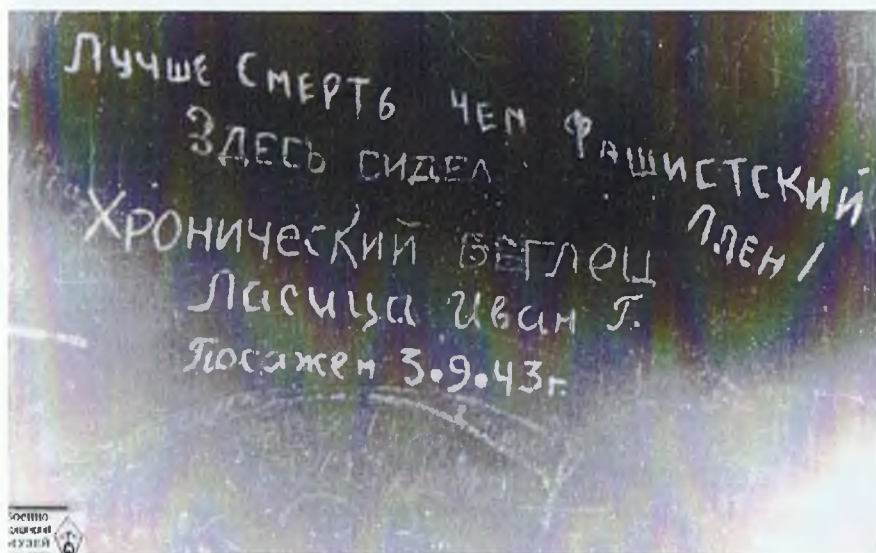

III.5в. 1 рейхспфениг: Лагерные деньги для военнопленных
(Дом Истории, Бонн)

III.6a. Из Германии.
Остовка В.Горячева, жительница Курска, после успешного побега.
Воронежский фронт, 1943 г.
(ЦГАКФ, сн. О-119562)

III.6б. «Иван Лисица — хронический беглец».
Надпись на стене карцера в италаге Ламедорф (Ламбиновце). Сентябрь 1943 г.
(USHMM, No. 240.6534)

III.7а. Наказание. Советский
военнопленный в пгталаге 319,
привязанный к столбу и ко-
лючей проволоке.
Борек, между 1941 и 1943 г.
(USHMM, No. 240.6505)

III.7б. Лагерная Голгофа.
Борек, между 1941 и 1943 г.
(USHMM, No. 240.6505)

III. 8а. Остовцы-дети, обучающиеся в производственных мастерских
фирмы «Хабсфа»
(РГВА, ф. 1382к, оп. 1, д. 150)

III.86. Украинка-остовка за токарным станком
(ВА/ВА, Nr 71/34/3)

III.9а. Остовки у бауэра
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128,
д. 268)

III.9б. Сбор спаржи
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128,
д. 268)

III.10а. Помощница по
хозяйству
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128,
д. 268)

III.10б. За крестъанским столом
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 268)

III.11. Немецкий врач проводит медосмотр
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, л. 268)

III.12а. Остовки занимаются гимнастикой
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 268)

III.12б. Занятия немецким языком
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 268)

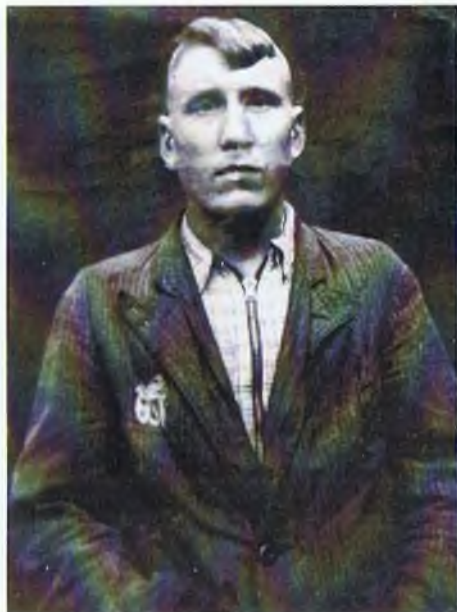
III.13а. Танцы у барака
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 268)

III.13б. Лагерная самодеятельность
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 268)

III.14a. Василий Баранов - ученик
Орловского музыкального училища
по классу кларнета. 14 марта 1941 г.
(Архив В.Баранова)

III.14б. Василий Баранов — оstarбайтер.
№№ 158 и 25795. 1943 г.
(Архив В.Баранова)

III.14в. В.Баранов (слева) и его солaгeрники
(Архив В.Баранова)

III.15а и 15б. Могилы неизвестного военнопленного и оstarбайтера Михаила Короткова на городском кладбище Бонна (Архив общества «Мемориал»)

III.16. Смертный приговор Ф.Зайченко приведен в исполнение (ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, л. 279, фотоальбом «Нюрнбергский процесс»)

1 января 1944 г.

Вчера в 9 часов в 9-й дивизии
в 1-й батальоне, 1-й роты, 1-й взвод
был проведен конкурс на лучшего
солдата. В конкурсе участвовали
все солдаты 1-й роты. Победил
солдат 1-й роты, 1-й взвода
1-й батальона 9-й дивизии
1-й роты, 1-й взвода 1-й батальона
9-й дивизии. Победитель получил
награду в виде 100 рублей.
Вчера в 10 часов в 9-й дивизии
в 1-й батальоне, 1-й роты, 1-й взвод
был проведен конкурс на лучшего
солдата. В конкурсе участвовали
все солдаты 1-й роты. Победил
солдат 1-й роты, 1-й взвода
1-й батальона 9-й дивизии.
Победитель получил награду в виде
100 рублей.

2-го. Вчера в 10 часов в 9-й дивизии
в 1-й батальоне, 1-й роты, 1-й взвод
был проведен конкурс на лучшего
солдата. В конкурсе участвовали
все солдаты 1-й роты. Победил
солдат 1-й роты, 1-й взвода
1-й батальона 9-й дивизии.
Победитель получил награду в виде
100 рублей.

Deutscher Eisenbahn-Einfahrt
Hilf B. Einfahrtstafel
Bericht über die Einfahrtstafel
Nachtrag 5

1. Die Einfahrtstafel ist ein
Werkzeug, das die Einfahrt
von Zügen in die Bahnhöfe
regelt. Es besteht aus einer
Tafel, auf der die Einfahrt
zeiten und die Namen der
Züge eingetragen sind.

2. Die Einfahrtstafel ist
in zwei Teile unterteilt:
den oberen Teil, der die
Einfahrtzeiten und die
Namen der Züge enthält,
und den unteren Teil, der
die Namen der Züge enthält.

3. Die Einfahrtstafel ist
in zwei Teile unterteilt:
den oberen Teil, der die
Einfahrtzeiten und die
Namen der Züge enthält,
und den unteren Teil, der
die Namen der Züge enthält.

Рис. 3.6.2. Страницы из дневника В.Баранова

В больших городах (Берлине, Гамбурге) разрешали ездить в трамваях, но только на задней площадке. Не запрещалось заглянуть в музеи и в галереи, но многие предпочитали зайти в ресторан и купить какой-нибудь дешевой еды³, но для этого надо еще разыскать такое заведение, где дешево и куда пускают таких ужасных оборванцев! После массированных бомбежек крупнейших германских городов культуртрегерские прогулки по ним прекратились.

В воскресные дни, пролетавшие так незаметно и быстро, человека, как пишет в дневнике В.Баранов, охватывали два чувства:

«Первое — чувство радости, что выходной день, могу встретить кое-кого из русских старых ребят, а в особенности девочек. Другое чувство — это раздражение, особенно поговоришь с недалеким земляком км <за> 300—500, то расстраиваешься до душевной боли, мне кажется, что я заболел чахоткой или что-нибудь получится с сердцем. Лучше всего поговорить с девушкой — особенно русской...»⁴

Иногда разрешали заходить в соседние лагеря. Для того же Баранов не забывает, что в одном из них по воскресеньям даже устраивались танцы под гармошку:

«Войдя, увидел танцующих девочек. Танцевали вальс. Сердце мое сжалось. Кругом были стулья, на одной половине были полки и столы... Посреди играл гармонист. Рядом маленький барабан на стуле и большой с тарелками, по которым кое-когда бил один угрюмый парень. После вальса он запел песню о Москве и еще кое-какие о Сов. Союзе. В моих глазах открылся новый мир. Мне казалось, что это ангельская жизнь, я окупился в новый мир, до чего же есть счастливицы на земле! Я сыграл 2 танца — краковяк и тустеп»⁵.

Свой месячный «юбилей» пребывания в Германии В.М.Баранов и его товарищи отметили тем, что —

«...спели огульно 4 песни. Как будто на душе полегчало. Я понял, что всякая песня помогает жить человеку, если она только быстрого веселого темпа. Я пробую сам сочинять на мотив "Кирпичики", на "Сербиянку", на "Раскинулось море широко", все равно и эти песни возрождают во мне какую-то жизненную деятельность»⁶.

Надо сказать, что дефицит, так сказать, духовной пищи в лагерях был вполне очевиден немецкому руководству. С русскими, как сочувственно сетовал в докладной записке от 3 декабря 1941 года сотрудник Министерства вооружений фон Ранке после посещения лагерей советских военнопленных в Штеттине, Данциге, Кенигсберге и Бреслау, ни о чем невозможно говорить, кроме одного: жратвы. Понимая, почему это так (кандидатом в мертвецы, по его мнению, был каждый

третий из них), он тем не менее не придумал ничего лучшего, как раздать по баракам губные гармошки, если, конечно, не будет гигиенических противопоказаний⁷.

Но были и не столь трагикомические предложения. Осенью 1944 года в гестапо подумали (разумеется, в интересах производительности) и разрешили остарбайтерам то, в чем долго и категорически отказывали, — **религиозную опеку** над ними. Для этого начали привлекать православных священников из числа прибывающих с востока «беженцев» и «эвакуированных», поскольку иных в Германии уже не было. Священников прикрепляли к определенным районам, их маршруты согласовывались с гестапо, всякая агитация во время богослужения запрещалась. Все церковные мероприятия рекомендовалось проводить скромно и без участия немцев (религиозная опека над неправославными и сектантами не разрешалась). Сами священники и их жены жили вне лагерей и от иной работы, как и от ношения опознавательного знака, освобождались⁸.

Улучшилось положение и с **книгами**. Если раньше, как правило, библиотек в лагерях не было (из опасений большевистской пропаганды они не разрешались даже в офицерских лагерях⁹), то, начиная с осени 1944 года, особенно после Пражского манифеста КОНР, положение начало меняться¹⁰. В газете «Воля народа» было даже напечатано обращение: *«В лагерях военнопленных дорога каждая книга, напечатанная на любом из языков народов России. Все, кто имеет возможность пожертвовать для военнопленных книгу, журнал, учебник, альманах, — посылайте их по адресу...»*¹¹

У остарбайтеров книгу встретить было легче: официально их выпускало и поставляло специализированное издательство по изданию книг на иностранных языках¹². Тот же Василий Баранов, кроме собственного, из дому взятого Пушкина, держал в руках также «Петра Первого» Алексея и «Анну Каренину» Льва Толстого. В Лейпциге, куда он попал, существовала русская библиотека, и слух о ней достигал новых ушей в лагере достаточно быстро¹³. Л.Ситко пишет, что некое Русское Библейское Общество прислало в их лагерь в Шуппене чуть ли не грузовик книг, причем не только библий¹⁴. Очевидно, библиотека была и в Мюнхене, возможно, при «Службе доверия для русских беженцев» генерала В.Бескупского.

Книга, захваченная из дома, если только она не попадала в руки тех, для кого была лишь удобным собранием бумажек на самокрутку, становилась сокровищем; ее пропажа переживалась трагически¹⁵. В дневнике В.М.Баранова часто встречаем цитаты из Пушкина, упоминания томика Пушкина, а кроме того — размышления и попытки творческого диалога с прочитанными в тысяча первый раз строками:

«Еще работая, я часто доставал привезенные с собой фотокарточки и рассматривал, мне становилось очень закорбно. Вечером

читаю Пушкина стихотворения. Пробую свои, но у меня они никак не клеются. "Если жизнь тебя обманет, не печалься и не сердись"¹⁶. Это стихотворение Пушкина я 10 000 раз перечитываю и все таки не согласен с Пушкиным, с тем что он пишет, "что пройдет, то будет мило", будет ли мне когда-либо мило все вот это. Я часто повторяю фразы, узнавшие от Шевцова "лучше умереть стоя, чем жить на коленях"¹⁷.

И все-таки интерес к чтению в лагере резко падал — даже у тех, кто в довоенной жизни не представлял себя без книжки. Лагерная жизнь требовала полной перестройки личности, структуры жизненных ценностей и интересов, и личность, посопротивлявшаяся, тем не менее перестраивалась. «Читая книги, — писал В.Семин, — я прожил сотни жизней, но тело мое в этом не участвовало. Теперь жило тело»¹⁸.

Иногда в остовских лагерях устраивались концерты и вечера самодеятельности. Л.Ситко вспоминает, что именно на таком вечере в далеком Гамбурге он впервые услышал стихи С.Есенина. И хотя было не до смеха, а все-таки и пели, и гопаки плясали, и смеялись.

Но даже эти маленькие и скромные радости были недоступны для военнопленных. Вот — глазами военнопленного — даже не воскресенье, а православная Пасха, признававшаяся немцами в качестве праздничного и выходного дня!

«16.IV.44 г. Пасха.

Да! Сегодня русская святая пасха. Для нас она ничем не заметна, как и обычные будничные дни адства.

...Только что гулял по лагерю (он, примерно, занимает 1,5 га площади).

Наши русские люди, завербованные или просто эвакуированные с той стороны, гуляют парами, группами и в одиночку, совершенно свободно, как гражданские... Видал девушек, женщин. Каково же впечатление? Никакого, абсолютно, аскет, — нет инстинкта плоти? Неправда! Одна ужасно подавляющая мысль... пожрать»¹⁹.

...С конца 1942 года во всех лагерях на часть свободного времени активно покушались разные пропагандисты (сами, как правило, из пленных), за улучшенный паек разъяснявшие немецкую политику в оккупированных областях. Что это такое, многие из слушателей уже неплохо представляли и без них, и за гибель большевизма в России цену ее порабощения платить не хотели бы. Приезжали и добровольческие агитаторы, уговаривавшие записываться в хиви, в национальные батальоны, а позднее — в РОА²⁰. Отрабатывая свою сытость, они, разумеется, мало верили в то, чему их учили на курсах и что они теперь несли в массы. «Успех» же, как правило, они имели там,

где кормили особенно скверно и где была особенно изнурительна работа. С открытым протестом они встречались редко (большинство предпочитало отмолчаться), но встречались и с ним, как, например, в случае с военнопленным Дм.Левинским: сказочное путешествие в Африку, к фельдмаршалу Роммелю (по-видимому, в батальоны О.Т.), от которого тот так неучтиво и вслух отказался, ему заменили двух-летней экскурсией по достопримечательностям австрийской столицы и ее окрестностей: кроме уютного венского гестапо, в путевку входили также комфортабельные концлагеря Маутхаузен и Гузен²¹. В другое время и в другом месте — в августе 1942 года и в шталаге 327 на станции Лесной близ Барановичей — за схожее поведение 720 гордецов были уничтожены в душегубке²².

Вообще-то предполагалось, что, кроме голода и страха, важным орудием агитации станут германские победы и рапортующие о них русскоязычные газеты. Газеты эти были, в общем-то, доступны в шталагах и арбайтслагерях, о любой из них можно было смело повторить сказанное об одной: «...Содержание газеты было немецкое, хотя редакторы и были русские»²³.

Этот своеобразный розенберговский «всплеск» подневольной русской периодики, конечно, ничего общего не имел с тем подлинным расцветом русской культуры и издательской деятельности, который она переживала в том же Берлине в начале 20-х годов, когда здесь осели представители всех бесчисленных ветвей русской эмиграции. Со временем экономический кризис и дороговизна оглушили и задушили Русский Берлин, заставили многих разбежаться по свету, выбрав преимущественно между Парижем и Москвой. К середине 20-х годов и «Руль», и даже «Накануне» закрылись.

Тем более примечательно, что единственной газетой, выходившей в Германии на русском языке задолго до нападения на СССР (а именно — с 1933 года!), был еженедельник «Новое слово» — газета откровенно национал-социалистической и профашистской ориентации²⁴. Но в войну и она прочитывалась целиком и с жадностью — вплоть до объявлений и статей Иванова-Разумника²⁵. Умению читать между строк советских учить не надо было, и фразочки о том, что за каждым камнем в Севастополе «скрывается большевик» воспринимались как информация об ожесточенном и уже не столь триумфальном, как в начале, ходе войны²⁶.

В 1941 году в Берлине начала выходить еженедельная газета для военнопленных «Клич», корреспонденты которой именовались причудливо-точным словом: «пленкоры». С января 1942 года в лагерях появилась газета «За родину», а с середины 1943 года — еще и «Заря»²⁷. О пленно-лагерной жизни в них было мало чего, все больше о мифических победах вермахта и японцев и о неопровержимых признаках раскола между союзниками по антигитлеровской коалиции²⁸. Но опытные читатели умели черпать информацию и из такого источника: «...хотя

эта газетка слишком узка, — читаем в дневнике Сергея Воропаева о «Заре», — но все же достаточно для того, чтобы хотя бы немного ориентироваться в вопросах войны»²⁹.

С 1 января 1943 года выходила войсковая газета РОА «Добровольец»³⁰, рассчитанная на военнослужащих РОА, а также на «хиви». Своего рода приложением к ней был двухнедельный журнал «На досуге» со множеством оптимистических фотографий; здесь же были напечатаны слова и ноты гимна РОА «Мы идем...»³¹. Ответственный редактор «Добровольца» — генерал-лейтенант Г.Н.Жиленков — значился редактором и газеты «Воля народа»³², выходившей дважды в неделю и являвшейся органом Комитета Освобождения народов России, гражданское управление которого возглавлял все тот же Жиленков. В ее первом номере (вышел 15 ноября 1944 года) были напечатаны «Манифест КОНР», информация о встрече Власова с Риббентропом, а на отдельной вкладке — рисунки с новыми отличительными знаками для остарбайтеров — русских, украинцев и белорусов. Последний же, 21-й, номер газеты вышел 24 января 1945 года.

Выходили и другие газеты. Например, уже упомянутая газета «Труд» (редактор — Д.Рудин) или специализированная газета для русских горнорабочих в Германии «Шахтер» (редактор Р.Ангелов; представление о ней дают, например, уже заголовки наугад взятых статей: «Исследовательские учреждения Вестфальской горнозаводской сграховой кассы» — или: «Почему для шахтера так нужна вентиляция?» и т.д.)³³

Два раза в неделю в Берлине выходила украинская газета «Голос» (главный редактор — Богдан Кравців), издание которой повелось еще с 1939 года — с расчетом на украинский контингент среди польских военнопленных. Выпускались и приложения — «Украинец», «Вист», «Хлебороб», «За Новую Европу». По-украински выходил также иллюстрированный журнал «Дозвилья» («Досуг»). Выходили и белорусские газеты — «Раніца» («Утро», дважды в неделю) и «Беларускі работнік»³⁴.

В 1943 году ассортимент периодики пополнился газетами на национальных языках: татарском — «Итиль — Волга» (с еженедельным приложением «За национальную свободу» на чувашском языке), армянском — «Айястан», грузинском — «Сакартвело» (кроме того — журнал «Картвели эри», или «Грузинский народ»), азербайджанском — «Милли Бирлик», калмыкском — «Калмык» и «Калмыцкий боец» и т.д.³⁵ Часть перечисленных газет закрылась еще в конце 1944, остальные — в январе—феврале 1945 года.

Впрочем, чтению не только «Нового слова», но и «Правды» многие предпочли бы письма из дома. Дома, то есть на оккупированных немцами территориях, для местного населения не были разрешены ни почта, ни телеграф, ни телефон (все это, кстати, допускалось немцами в других оккупированных ими странах).

Что касается территории Рейха, то, по данным Матиелло и Фогта, военнопленным роскошь переписки не причиталась³⁶. В то же время в коллекции Г.Г.Вербицкого письма военнопленных, адресованные на территорию СССР, имеются: причем не только в Галицию (то есть от бывших польских граждан), но и в Киевскую область, например. Весьма возможно, что право на переписку предоставлялось в порядке исключения, в качестве изысканной формы поощрения отдельных военнопленных.

Что же касается остарбайтеров, то это естественное для свободных людей право им было даровано не сразу и с серьезными ограничениями. Поначалу почтовая связь с оставшимися на родине близкими людьми и вовсе не разрешалась — из опасений утечки информации о реальном положении остарбайтеров в Германии. Запрет был снят лишь с июля 1942 года³⁷, причем отправлять можно было по 2 письма в месяц (с оплаченным ответом), получение же — неограниченно³⁸. Письма, по данным КТБ, доходили достаточно быстро (до Полтавы, например, за неделю). Впрочем, сами остошцы уверенности в том, что их письма дойдут до адресатов — да еще быстро! — не испытывали³⁹. Нередко писались коллективные письма коллективным адресатам. Если кто-то из лагеря попадал в возвратную партию и, стало быть, отправлялся на родину, то земляки старались переслать с ним более откровенные и пространные письма.

Начиная с 25 ноября 1942 года, разрешалось писать исключительно на **открытках**⁴⁰. На титульной стороне — 6-пфениговая марка с изображением Гитлера, графами для описания адресата и отправителя и местом для начала письма, на другой — пустое, разлинованное вдоль, поле⁴¹. Допускались и микропосылки (весом до 250 г.) — как домой, так и из дома (откуда слали чаще всего сало, чеснок, сухари, табак или махорку). 15 марта 1943 года были введены новые почтовые карточки для остошцев, состоявшие из двух частей: одна — для оплаченного ответа и каждая — с надпечаткой лагеря-отправителя⁴². Надписи на них, как правило, были на трех языках: немецком, русском и украинском.

Корреспонденция, разумеется, подлежала цензуре⁴³. Открытки раздавались и собирались лагерной администрацией, и та (обычной рейхс-почтой) переправляла их в Auslandsbriefsprüfstelle — Центры по проверке переписки с заграницей⁴⁴. Их было два: в Берлине, — обрабатывавший корреспонденцию, адресованную в РКУ, ОЗЗ и ОЗМ, и в Кенигсберге, — обслуживавший РКО и, по-видимому, ОЗН⁴⁵. Цензура пересылала письма в инспекции ВШО, оттуда они поступали в подчиненные им Wirtschaftskommando, а оттуда — в арбайтсамты⁴⁶ и, наконец, через них к самим получателям. Встречную корреспонденцию собирали арбайтсамты и напрямую пересылали в Центры по проверке, а те, сделав свое дело, передавали ее уже для рассылки адресатам.

Цензор мог пропустить письмо без замечаний (иногда, правда очень редко, даже ставился штампик «*Gepprüft*» — «Проверено»⁴⁷),

мог пропустить, но вымарать несколько строчек, а мог и не пропустить; мог он, из-за содержания письма, и привлечь писавшего к административной ответственности, вплоть до отправки в концлагерь!⁴⁸ Тем не менее физически цензура могла переработать не более 20—30 % корреспонденции⁴⁹. Пользование почтовыми ящиками или отделениями связи самим оstarбайтерам запрещалось, но письма и открытки, опущенные по их просьбе в почтовые ящики немцами, как правило, тоже достигали адресатов.

Так что шириющийся ручеек правды и в самом деле достигал адресатов. Да и отправители порой выказывали должное остроумие, как, например, Василий С. из деревни Перевоз:

«Добрый день, дорогой батя. Привет всем родным. Я работаю на чугунолитейном заводе. Работа не очень тяжелая: возжу на тачке чугунные чушки. Работать приходится немного — от зари до зари. Кормят хорошо. Получаю в день 200 граммов хлеба и один раз суп, обещают через день давать по кусочку сахару.

*Уезжать мне отсюда не хочется, но я буду рад, если ты попросишь бургомистра затребовать меня назад. Попроси как полагается, отнеси ему ящ. Сделай это батя обязательно, коли тебе дорога моя жизнь. Остаюсь твой сын Василь»*⁵⁰.

Один из берлинских цензоров, по-видимому, оказался филологом (славистом и даже, быть может, фольклористом). Еще в 1942 году он стал выписывать на карточки все встреченные им русские, украинские или польские песни, частушки, пословицы, поговорки, просто выражения, чем-либо его поразившие (впрочем, обороты из «эзопова языка» оstarбайтеров могли иметь и некоторое «служебное» значение).

Может быть, им как раз и был подполковник Томас? 25 октября 1944 года он отправил картонный ящик с упомянутой картотекой (более чем 1300 карточек) во фрайбургский Центр этнографических коллекций на имя профессора Джона Мейера, основателя и директора Немецкого архива народной песни во Фрайбурге⁵¹. К посылке было приложено короткое письмо:

*«Центр по проверке переписки с заграницей, Берлин, с 1942 года осуществляет контроль за корреспонденцией оstarбайтеров. При проверке попадаете значительное количество русского и украинского фольклорного материала, который препровождается Вам для дальнейшего использования. Просим сообщить, представляет ли такой материал интерес для Вашего учреждения»*⁵².

К слову сказать, письмами оstarбайтеров живо интересовались не только немецкие, но и советские инстанции⁵³. Некоторые письма зачитывались по радио⁵⁴, перепечатывались в советских пропагандистских листовках, разбрасываемых над оккупированной территорией с самолетов⁵⁵. Но со временем, — когда враг был с нее выбит, — вопрос отпал сам собой.

...В те короткие часы, когда оstarбайтеры были предоставлены сами себе, некоторые из них умудрялись... вести дневники! Это просто поразительно, если вспомнить условия, в которых это происходило. Ведь дневник — не просто запись пережитого, увиденного — это, в сущности, записка кому-то неведомому, кто развернет когда-нибудь твои записи, прочтет и, будем же оптимистами, поймет и оценит. Для того, чтобы вести дневник, нужно было — чтобы сошлось, совпало несколько внутренних и внешних условий, причем каждое из них и само по себе — редчайшая удача.

Ведь нужно было не только найти бумагу, карандаш или ручку, но и смелость, и внутренние силы. Нужно было еще придумать, где и как писать незаметно для других (ведь длительное писание — обречено подозрительности окружающих, а что же может быть опасней?), где и как хранить. Но прежде всего нужно было услышать в себе зов летописца, почувствовать и принять его настоятельность.

Эту внутреннюю потребность испытывали, конечно, немногие, может быть, единицы, — и не у всех из них под рукой была бумага!.. Как не было ее у Анны Исааковны Турец, еврейки из Двинского гетто, чудом уцелевшей в нескольких эстонских и восточнопрусских лагерях и освобожденной 10 февраля в Штаблаке. Спустя месяц, в лазарете, лишившись пальцев и едва начав приходить в себя, она первым делом жадно набрасывается на бумагу (амбарная книга или несколько чистых листов из нее) и записывает свои горестные стихи и страшные воспоминания. Заканчиваются же они так:

«Да здравствует свет, долой темноту,

Долой нашу горечь и страданья,

Мы прошли сквозь непроглядную тьму

И познаем еще свободной жизни очарованье!

Я нахожусь в лазарете в руках медицинского персонала Любимой Красной Армии. Меня оперировали. Я потеряла кончики некоторых пальцев, но пишу и счастлива...

Анна Исаак. Турец. 16.III.1945»⁵⁶

Но вернемся к тем, кто и мог, и хотел летописать. В повести В.Семина есть такой выразительный персонаж, который ведет дневник. Это «папаша Зелинский», еврей со станции Журавской, проникший-ся доверием к мальчишке, герою повести:

«...А когда через несколько дней я пришел к нему на нары, он порастил меня. Он сидел, отделенный ото всех своей подслеповатостью, и глаза его как будто были закрыты. Но он увидел меня и сразу же узнал, и подвинулся на грязном, пахнущем литейкой одеяле, уступая мне место. Колени мои упирались в соседнюю койку, сквозь доски верхних нар просачивалась соломенная труха. Порывшись под подушкой, он вытащил тетрадь.

— Послушай.

Раскрытую тетрадь он поднес близко к глазам, сел к свету, проликаявшему в межкоечное пространство. Время от времени продувая нос, он читал о том, как по утрам нас гонят на пересчет, как фельдшер выгоняет больных, записавшихся к врачу, как полицейский бьет пожилрого человека...

— Это надо делать уже сейчас, — сказал папаша Зелинский.

Написано у него было немного. Он успел прочитать мне все прежде, чем кто-то подошел и помешал нам. Но я запомнил, как поразил меня этот фокус. То, о чем писал Зелинский, было вчера или позавчера, я сам это видел, слышал, принимал невольное участие... Я был ошеломлен. Нет, это, конечно, было не то чтение, к которому я привык, а нечто необычайно важное и опасное. И читательская дрожь моя, напряжение были от этого. И еще потому, что я, не зная, что скажет дальше папаша Зелинский перед каждой новой его фразой боялся, не ошибется ли он. И радость от того, что он не ошибался, говорил правильно. И долго еще после чтения я чувствовала себя связанным с чем-то важным и опасным (в то время важное и опасное было для меня единым), что значительнее самой моей жизни. И я не удивился, когда папаша Зелинский показал мне тайник в матраце, в котором он прятал тетрадку.

— На всякий случай, — сказал он. — Вот здесь она будет лежать.

И, как слепой, не глядя на свои руки, он заправил и заглянул постель. С тех пор я всегда помнил об этой тетрадке...»⁵⁷

Имя одного из таких летописцев — Василия Максимовича Баранова из г. Брянска — уже не раз встречалось на этих страницах. Он прислал автору этих строк свой дневник в качестве приложения к анкете, которая попала к нему волей чистого случая. Он, конечно же, и не понимал, и понимал, сколь опасным делом занимался⁵⁸. И поэтому время от времени менял тайники:

«Дневник я свой начал прятать в другое место, в кровати, в головах, где затрещина. Туда я его продеваю и он почти не замечен, даже если и снимешь матрац и не всмотришься»⁵⁹.

И тем не менее — изо дня в день — вел свое неслыханно откровенное и нелипцеприятное по отношению к немцам повествование:

«Вчера переговорщик чуть не забрал у меня дневник, за что я перепугался, потому что много кое-чего я написал против его же шерсти. Но все равно я смерти не боюсь, мне теперь все равно»⁶⁰.

С самой настоящей нежностью пишет о своем дневнике (обращаясь, по-видимому, к отцу) другой отчаянный летописец — военнопленный Сергей Воропаев:

«Эти листы, мне кажется, живые, я с ними беседую, я с ними делюсь мнением и это мне облегчает измученную душу.

Мой дорогой, если бы я знал, что эта книжонка попадет тебе в руки, то я кое-что пошире обобщил бы в ней. Да я еще не в силах этого сделать, потому что я не имею никакой гарантии, что она не попадет в страшные руки злодеев»¹.

Это сочетание героизма и страха само по себе не являлось ни страхом, ни героизмом. Это тоже нечто подспудное и, наверное, все-таки редкое: инстинкт сбережения истины, может быть — зов самой истории...

Примечания

¹ Применительно к домашней прислуге — об оговоренных в их статусе трех часах в неделю.

² Начиная, приблизительно, с осени 1943 г. (Hortmann и.а., 1994, s. 282).

³ Например, порцию дешевого картофельного салата (стоил, по сообщению В.М.Баранова, 50—70 пфеннингов), супа (20—30 пфеннингов) и стакан лимонада или пива (тоже порядка 30 пфеннингов) — при недельном заработке в 15 сигарет или 1 марка и 13 пфеннингов (Баранов, 1995, с. 139, запись за 26.09.1943).

⁴ Баранов, 1995, с. 138, запись за 19.09.1943.

⁵ Баранов, 1995, с. 138, запись за 31.10.1943.

⁶ Баранов, 1995, с. 140, запись за 01.10.1943. Через два дня, в воскресенье (!) стихотворчество и любовь все же ворвутся в дневник: *«Давно душа просится на волю // И сердце пылкое давно хочет любить // Я полюбил одну девчонку Олю < к слову сказать, свою будущую жену! — П.П. > // Да и теперь приходится забыть.*

А дальше никак не могу связать в рифму, не варит голова, да и любил я ее, но неудачно кончил. Она меня сочла за неудачника и глупца. Да, она права. Она во многом права... Неужели она тоже также страдает? Она уехала с Белостока поперед меня и наверняка с Мериновскими девушками. Воспоминания еще хуже давят сердце».

⁷ Докладная записка фон Ранке о проверке профпригодности военнопленных в лагерях Штеттина, Данцига, Кенигсберга и Бреслау, 03.12.1941 (ВАР, 46.03, № 32, ВЛ 124).

⁸ Деятельность проповедников-любителей тем самым запрещалась, кроме псаломщиков, остающихся тем не менее в числе привлекаемых к работам. См.: Инструкция Потсдамского управления гестапо о религиозной опеке над восточными рабочими и поляками, 01.09.1944 (РГВА. Ф. 501к. Оп. 3. Д. 8а).

⁹ В лагерях и рабочих командах для других национальностей такие библиотеки, как правило, были, как были они и для русских пленных во времена Первой мировой войны. В то же время А.С.Казанцев пишет о том, что, работая в 1942—1943 гг. в Отделе пропаганды ОКВ в Берлине, он отвечал за формирование русскоязычных библиотечек из классических книг для лагерей для военнопленных (Казанцев, 1994, с. 63—65; библиотечки формировались из десятков тысяч томов, привезенных из оккупированных территорий).

¹⁰ Впрочем, в офицерской команде № 10028 в мае 1944 года была библиотека в 400 томов (Заря. 21.05.1944. С. 3).

¹¹ Воля народа. 10.01.1945. С. 4.

¹² Это же издательство выпускало еженедельные газеты «Труд» (для русских читателей), «Украинец» (для украинских) и «Голос» (для галичан). См.: Белорусские оstarбайтеры-2, с. 104, со ссылкой на журнал «Ostwirtschaft». 1943. № 4—5.

¹³ Вместе с тем, по свидетельству Л.Дудина, «...в частных русских библиотеках Берлина, Вены, Мюнхена, Дрездена, Кенигсберга и других городов, где были абонированы тысячи русских людей, и в том числе "Остарбайтеры", хотя и незаконным путем, можно было встретить такие произведения советской художественной литературы как "Хлеб" А.Толстого, "Цемент" Гладкова, "Поднятая целина" Шолохова и многие другие, в которых прославлялась не только советская власть, но даже Сталин лично. Эти книги годами стояли на полках и выдавались беспрепятственно всем, кто хотел, и никто из немецких властей не догадался обратить на это внимание...» (ВА/МА, MSG 149/15).

¹⁴ Ситко, гл. 3.24.

¹⁵ Ср.: «Скуку разбиваешь различными воспоминаниями да фантазиями. Плохо, что книгу мою Пушкина утащили, поэтому читать нечего, а здесь наверняка ни у кого ничего нет. Я понял, что от скуки песня первое средство спасения» (Баранов, запись за 02.11.1943, по рукописи).

¹⁶ Цитата по памяти из стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825). Надо: «... умереть Господь судил». Ср. в записи от 29.10.1943: «"Осенняя пора, очей очарованье", часто я читаю Пушкина, это стихотворение. Книгу я берегу, она меня иногда выручает» (Баранов, 1995, с. 142).

¹⁷ Известный афоризм Долорес Ибаррури (Баранов, 1995, с. 139, запись за 28.09.1943).

¹⁸ Семин, 1978, с. 103. И далее: «Оно тяжело переносило голод и холод и не было готово к борьбе со страхом смерти, но я старался не уступать ему. Нет, никогда я не пожалел, что так много времени тратил на книги. Я не расставался со своей страстью, а переносил ее на конец войны, куда все переносили свои не связанные с войной любовные дела. Но, конечно, с мальчишеским чтением было покончено, а к взрослому я не был еще готов. Взрослеть приходилось стремительно, и каждый день выяснялось, что я мало знаю и еще меньше могу».

¹⁹ Воропаев, запись за 16.04.1944.

²⁰ Подробнее см. в гл. 1.5.

²¹ См. Левинский, 1996, гл. 4.

²² См.: Черноглазова, 1996, с. 124.

²³ Черон, 1987, с. 76.

²⁴ Редактор-издатель — г-н В.М.Деспотули (острые языки называли его за глаза «Гестапули»). См., например, в ней гнуснейшую статью «Еврейский Киев» (Новое слово. Берлин. № 85. 25.10.1942. С. 6). Эта и большинство других упоминаемых ниже газет с разной степенью полноты представлены в собрании В.Позднякова в ВА/МА. Там же, в рукописи воспоминаний Л.В.Дудина «Великий мираж» находим интересный рассказ о газете «Новое слово» и вообще о Русском Берлине военного образца: «В жизни русской колонии в Германии наблюдался полный застой... Все русские эмигрантские организации были запрещены и некоторую деятельность проявлял только Национально-Трудовой Союз нового поколения. Но и эта организация вскоре была запрещена и все ее руководители арестованы. Освободить их удалось только генералу Власову в 1944 г. Устраивать какие-либо собрания всем русским, как старым эмигрантам, так и приезжающим из занятых

немцами областей Советского Союза, было категорически запрещено. Единственными местами встречи оставались только несколько русских ресторанов в западной части Берлина, в районе Виттенбергплац и немногие русские церкви. Рестораны были всегда переполнены, но среди гостей непременно присутствовало несколько агентов Гестапо, а около русского собора и церкви на Находитрасе, где каждое воскресенье собиралось большое количество русских, немецкая полиция запрещала останавливаться и собираться группами. "Остарбайтерам" немецкие власти вообще запрещали посещать русские церкви... Русская музыка и вообще русское искусство были запрещены, и даже в русских ресторанах оркестр не имел право исполнять произведения русских композиторов. На всю Европу, за исключением Балкан, издавались только две русские газеты: "Новое слово" в Германии и "Парижский вестник" во Франции. Последний был разрешен к распространению только в пределах Франции и оставался чисто эмигрантским органом, с очень ограниченным числом читателей, заполнялся исключительно материалами местного характера или какими-то архаическими воспоминаниями о жизни в дореволюционной России и, конечно, не мог претендовать на серьезную политическую роль. Оставалось одно берлинское "Новое Слово". Но эта газета находилась под строжайшим контролем германского Восточного министерства и ей, вплоть до 1944 г., даже не разрешалось упоминать слово "русский", не говоря уже о какой-либо серьезной национальной русской пропаганде. Фактически это была чисто немецкая газета, только на русском языке, и заполнялась она материалами такого сомнительного свойства, что заслужила самую отрицательную оценку со стороны всех русских, находившихся в Германии. Бездарность и полная политическая беспомощность "Нового Слова" даже вошла в поговорку и никто не удивлялся глупейшим статьям, помещавшимся в этой газете, тем более, что многие знали, что большинство таких статей были написаны или продиктованы господами Лейбрантом, Дрешиером, Миддельгауптом или же им подобными чиновниками Восточного министерства и только переведены на русский язык. Было много попыток превратить "Новое слово" в серьезный русский политический орган, но все они наталкивались на самое ожесточенное сопротивление министерства Розенберга и ни к каким результатам не приводили. До самого конца 1944 г., т.е. до создания комитета генерала Власова, во всей Европе не было ни одной газеты, которая могла бы претендовать на роль русского печатного органа» (ВА/МА, MSG 149/15). См. также: Hufen C. Die Zeitung Novoje Slowo. Eine russische Zeitung in Nationalsozialismus // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 459—468.

²⁵ Иванов (Иванов-Разумник) Разумник Васильевич (1878—1946) — известный писатель и критик, друг Блока и Белого, редактор ряда левозерсовских изданий, на протяжении жизни многократно подвергавшийся арестам и ссылкам. С 1907 по 1942 гг. жил в Царском Селе, где к началу войны служил представителем Государственного Литературного музея. После того, как 17.09.1941 немцы заняли Царское Село, оказался в оккупации. Его жена, урожденная Оттенберг, была немкой, и на него, таким образом, распространялся статус «фольксдойче». Их перевезли в г. Кониг в Западной Пруссии (под Данцигом), где поместили в обыкновенный «бараккенлагерь» для остарбайтеров: в нем они прожили с февраля 1942 по февраль 1943 г. Извещение о своем приезде Иванов-Разумник поместил в «Новом слове»

(за 15.04.1942), там же на протяжении 1942—1943 гг. он опубликовал цикл из шести очерков «Писательские судьбы». Сам писатель не заблуждался относительно печатного органа, с которым связался; одному из своих корреспондентов он выразил это так: *«разит»*. Из-за этого он отказался от имевшейся у него возможности переехать в Берлин: *«уж лучше сидеть в тюрьме или в лагере»*. С марта по июнь 1943 г. Разумники прожили в лагере в Штаргарде, аналогичном Коницу, после чего им разрешили перебраться к племяннику в Литву, в имение Данилишки. Отсюда он писал Ф.М.Степуну: *«...Мы оказались спрессованными в центре всех этих приложений сил — положение довольно жуткое. Если Запад и Восток одолеют Германию, то "отец народов" немедленно потребует выдачи ему на расправу и вас, старых эмигрантов, и нас, новых беженцев»*. В феврале 1945 г. Иванов-Разумник с женой бежали в г. Рендсбург на Кильском канале, где прожили до марта 1946 г. (Иванов-Разумник работал в ЮНРРА — см. в гл. 4); после смерти жены перебрался в Мюнхен, где жил — под дамокловым мечом репатриации — все у того же племянника и где умер 09.06.1946. (см.: Шерон Ж. Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 44—54).

²⁶ См.: Ситко, гл. 3.17.

²⁷ Выходила дважды в неделю под девизом: *«Трудящиеся всех стран, объединяйтесь для борьбы с большевизмом!»*. Первым ответственным редактором «Зари» был М.А.Зыков (см. о нем в: Казанцев, 1994, с. 155—163; там же, кстати, сообщается и о предшественнице «Зари» — неперiodической газете «Боевой путь»), вторым и последним — Н.Г.Гранин. В то же время А.В.Окроков в качестве предшественницы «Зари» указывает именно на «Клич», а в качестве второго ответственного редактора «Зари» — генерала Благовещенского (Окроков, 1999б, с. 176).

²⁸ Любопытно, что к числу пропагандистских материалов, наряду с газетами, брошюрами, граммофонами, наборами пластинок с музыкальными записями и записями речей, немцы относили также и водку (см. КТБ за 05.03.1943).

²⁹ Воропаев, запись за 15.04.1944.

³⁰ Первый номер, в котором было напечатано «Смоленское воззвание» Власова вышел тиражом 600 тыс. экз. Регулярный тираж — от 40—60 до 85 тыс. экз. Ответственными редакторами являлись Г.Н.Жиленков, В.Мухин (с № 16) и Г.А.Самов-Аристов (предположительно, с лета 1944 г.).

³¹ Текст А.Флорова, музыка М.Давыдова (На досуге. Русский иллюстрированный журнал. 1944. № 38. С. 15—16).

³² До конца января 1945 г. его заместителем и фактическим редактором был А.С.Казанцев, затем Н.В.Ковальчук. Газета выходила в издательстве, ранее выпускавшем «Новое слово» и проходила тройную цензуру — в ведомствах Розенберга, Гиммлера и Кестрига (Казанцев, 1994, с. 266—299).

³³ Известны указания и на существование других газет, в частности, «Руль» (М.Бобров), «Голос войны» (Букович) и «Новый путь» (Н.Огнев) (ВА, Р6, № 35, с. 211).

³⁴ Выпускалась редакцией «Раніцы». Главные редакторы: Н.Шкеленок, Ст.Гринкевич. В 1942—1944 гг. вышло не менее 41 номера (см.: Белорусские оstarбайтеры-1, с. 273).

³⁵ Л.Дудин так интерпретирует это явление: *«Зажимая всячески русскую национальную пропаганду и обставляя ее бесчисленным количеством разного рода ограничений и препятствий, немцы всеми мерами поддерживали и*

раздували пропаганду отдельных мелких и крупных национальных групп, начиная от украинцев и белорусов и кончая осетинами, калмыками и даже казаками. При этом немцы благосклонно пропускали в газетах и журналах всех этих групп самые бредовые фантазии и самые дикие антирусские измышления и инсинуации, категорически запрещая в русской прессе какую-либо полемику или разоблачения всего этого вздора» (ВЛ/МА, Msg. 149/15).

³⁶ См.: Matiello, Vogt, 1987, Bd. 2, s. 135. В то же время до сих пор нам ни разу не встретилось хотя бы одно письмо из немецкого плена. Попутно отметим, что открытки из СССР от немецких военнопленных — по крайней мере однажды — достигли адресатов, вызвав в Рейхе форменный переполох (см. гл. 1.3). В послевоенное время открытки из советского плена приходили в Германию регулярно (в месяц разрешалось по одной открытке).

³⁷ Указом ОКВ от 22.06.1942. Корреспонденция циркулировала по каналам германской служебной почты (Dienstpost), стоимость отправления в один конец была такой же, как и внутри Германии (6 пф.). Кроме Dienstpost, в самой Германии ходила также Reichspost (обслуживала саму Германию и все оккупированные ею территории, кроме территории СССР) и Feldpost (военная полевая почта), а на оккупированных территориях — только Dienstpost и Feldpost. Никакой гражданской почты на оккупированных территориях не было (Вербицкий, 1996, с. 22—23).

³⁸ На переписку внутри Третьего Рейха, включая сюда Протекторат и Генерал-Губернаторство, цензурных ограничений не было: для того, чтобы переписываться между лагерями, например, нужно было только точно указать данные адресата и т.д. По свидетельству Г.А.Рара, почта в Германии функционировала до самого конца войны почти безукоризненно.

³⁹ Ср.: *«Вечерам переговорщик Азо набивается снабдить нас открытками, но их никто не берет, потому что они не дойдут до дому, тем более, что местность наша снова у русских. Хотя кое-кто хотел их брать из белорусов, но я их ругал, чтобы не подрывали наш авторитет и поэтому никто не взял»* (Баранов, запись за 06.10.1943).

⁴⁰ См.: Amtsblatt der Reichspostministerium, № 105 vom 20.11.1942, s. 803—804 (сообщено В.Формом). В воспоминаниях Л.Ситко сообщается о том, что писать домой им разрешили лишь в сентябре 1942 г., но уже на открытках (Ситко, гл. 3.20). Собрание подлинных открыток и писем остарбайтеров той поры хранится в материалах ЧГК (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389). Обширное и ценное собрание принадлежит русско-американскому коллекционеру Г.Г.Вербицкому (см.: Вербицкий, 1996).

⁴¹ В самом верху — на трех языках — совет, а скорее приказ: *«Пиши ясно и только на линиях!»* Следует заметить, что систему таких открыток перенял и СССР: немецкие военнопленные писали на родину на чем-то очень похожем.

⁴² Вербицкий, 1996, с. 23—24.

⁴³ В начале 1943 г. остарбайтерам, при предъявлении ими удостоверений личности (Ausweis), разрешено было приобретать эти открытки на почте, причем о каждой покупке в нем делалась отметка (см.: Beede, 1968, p. 21).

⁴⁴ Г.Г.Вербицкий утверждает, что, — как в Рейхе, так и на оккупированных территориях — перед вручением адресатам письма цензурировались вторично (Вербицкий, 1996, с. 22). Нам известно лишь о рекомендациях сотрудникам почты на местах делать выборочные проверки и, в случаях выявления какого-либо криминала, связываться с Центром по проверке (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 87. Л. 62—63).

- ⁴⁵ Оба имели собственные штампы: Кенигсберг — «Аа» в кружке, Берлин — «АВ» (Вербицкий, 1996, с. 23).
- ⁴⁶ На тот случай, если в той или другой местности арбайтсамта не имелось или он находился слишком далеко, существовала договоренность между отделом «Труд» ВШО и ОКХ (закрепленная в приказе по ОКХ от 04.08.1942) о том, что могли быть задействованы военная полевая почта и более частая сеть комендатур; с тем, чтобы избежать нежелательной дальнейшей огласки номеров полевой почты, такая практика, начиная с 01.01.1943, была прекращена (см. в циркуляре сотрудника группы «Труд» при ОЗ «Дон-Донец» Ломана от 21.11.1942 — ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 87. Л. 62—63).
- ⁴⁷ Г.Г.Вербицкому, страстному коллекционеру остовской почты, известно всего два таких случая.
- ⁴⁸ Так, 19-летнюю украинскую швею Софию Задорожную из д. Савостьяновка приговорили к недельному заключению за следующие слова в письме на родину от 29.02.1943: «...одно те що бомбити без перестанку день і ніч у день буває разів три сотири тривога ф у ночі то неспимо а цілу ніч сидимо у підвалі ф тоді заснемо часа два і устаємо ідем на фабрику. Отаке наше життя у ці блядські Нимечині. Дівчата нам пишуть що виробляють літаки которі бомлять нашу родіну а ми шиемо кофайки тим людям которі убивають наших дорогих братів та кавалерів», причем немцы особенно рассердились на упоминание бомбардировок (РГВА. Ф. 1164к. Оп. 1. Д. 27).
- ⁴⁹ Для повышения личной ответственности цензоров они были обязаны ставить на каждое просмотренное письмо (точнее, на открытку, или почтовую карточку) свой личный штемпель. См. распоряжение фельдмаршала фон Клюге от 26.07.1943 о проверке пропагандистского значения переписки оstarбайтеров (ВА/МА, RW 31/570).
- ⁵⁰ См. в статье «Письмо от сына» в газете «Віцебскі рабочы» за 12.03.1942 (Белорусские оstarбайтеры-1, с. 157, со ссылкой на: БГМИВОВ, инв. № 34539/7).
- ⁵¹ Volkskundliche Sammelstelle (ныне — Volksliederarchiv, Freiburg).
- ⁵² Сообщено г-жой Барбарой Джеймс-Брук, библиотекарем Volkslieder-Archiv, Freiburg. В ответном письме от 09.11.1944 профессор Мейер благодарил за присылку и просил и в дальнейшем направлять аналогичные материалы. Čistova, Čistov, 1998; Чистова, Чистов, 1998, с. 13—16 (благодарим К.В.Чистова за указанные им неточности в первом издании настоящей книги).
- ⁵³ См.: Herbert, 1986, s. 164, 403.
- ⁵⁴ Например, 28.10.1942, как явствует из циркуляра РСХА (РГВА. Ф. 519к. Оп. 4. Д. 139. Л. 36).
- ⁵⁵ В коллекции В.Позднякова сохранился один такой документ, датированный 09.05.1943, — периодическая двусторонняя листовка «Вести с советской Родины», где среди прочих помещена заметка «Фашистские мерзавцы превращают советских людей в рабов». Приведем ее текст: «В опубликованной недавно <в апреле — П.П. > ноте Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М.Молотова приводились факты, свидетельствующие о том, что немцы превращают советских людей временно оккупированных районов в своих рабов. Германская пропаганда пыталась было опровергнуть это обвинение. Однако жулики и шулера из германского информбюро не свели концы с концами. Немецко-фашистская газета "Франкфуртер цайтунг" 16 апреля 1942 года, описывая положение советских граждан, насильно увезенных в Германию, целиком и полностью подтверждает обвинения, представленные германскому правительству. "Рабочие оккупированных

советских областей, — пишет газета, — стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этих людей, вывезенных из Харьковского района в Германию, нужно, разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник, который служит переводчиком и посредником между ними... поддерживает авторитет при помощи чисто русского кнута". Газета указывает далее, что в качестве чернорабочих используются советские скульпторы, художники, врачи. Все советские люди независимо от их квалификации получают лиценсную зарплату, которая целиком идет на выплату налогов. Советские рабочие, подобно каторжникам, носят клеймо — букву "О", — что должно означать "восточный рабочий"» (ВА/МА, Msg149/12).

⁵⁶ Комолова, 1991, ч. 2, с. 385, со ссылкой на: ЦМВС. Ф. 3178.

⁵⁷ Семин, 1978, с. 167—169.

⁵⁸ В письме бывшей остовки Анны Грунь из г. Тореза в Донбассе от 02.01.1989, опубликованном в сборнике «Советские люди в Европейском сопротивлении», она сообщает о том, что именно за ведение дневника она была отправлена в исправительный или штрафной лагерь (она называет его концлагерем). См.: Комолова, 1991, ч. 2, с. 415—419.

⁵⁹ Баранов, 1995, запись за 01.11.1943.

⁶⁰ Баранов, запись за 29.09.1943. См. также в записи за 13.10.1943: «Вечерам переговорщик ругал нас за грязь в спальне, много грозил, потом проверял шкафы. Я очень боялся, что заберет мой дневник, так как он иногда интересуется отдельными книгами у меня. Он спросил, какая у тебя книга. Я ответил с гордостью: полное собрание сочинений Пушкина».

⁶¹ Воропаев, запись за 19.04.1944. Интересно, что воля автора дневника, умершего от туберкулеза 23.03.1945 в госпитале 5481 при шталаге Ламсдорф, была выполнена. Ответственный секретарь ЧГК П. Богоявленский переслал подлинник дневника в с. Пресногорьковского района Кустанайской области Казахской ССР Николаю Алексеевичу Воропаеву — отцу Сергея.

3.7. Содружество народов в лагере: остарбайтеры и немцы

Идеологи Третьего Рейха любили порассуждать об огромном культурном значении расизма и о преимуществах, которые он несет с собой народам. Превратив Германию фактически в огромный многонациональный лагерь, они не уставали повторять, насколько все это хорошо и замечательно.

«Содружество народов в лагере!» — так называлась статья в региональной нацистской газете! Это настолько выразительно, что, пожалуй, только национал-социалистическое — да еще большевистское — ухо не смутилось бы двусмысленностью словосочетания! Но под стать заголовку и головокружительные перспективы — по образцу трудового лагеря и в масштабах всей Европы — приближающегося счастья, которые обрисовал оставшийся неизвестным автор. Он обещал чистоту, порядок, медицинское обслуживание и элементы национальной кухни, и все эти ингредиенты счастья — под чутким и мудрым немецким руководством:

«Будущая Европа — Европа порядка, безопасности и мирного труда — на этом малом пространстве [лагеря] уже воплощена в жизнь. Люди работают плечом к плечу, узнают друг друга, страхуют друг друга и находят, что все национальные особенности и отличия могут сосуществовать во взаимной чести. Но это же и есть то, к чему стремятся и за что воюют державы Оси: работа, покой, порядок! Неоспоримым доказательством того, что все это не какая-то бескровная утопия, и является такой вот трудовой лагерь».

Действительность, увы, была прямой противоположностью. Нацисты — на то они и нацисты — умели различать в графе «национальность» не меньше аспектов и нюансов, чем художник красок на палитре. Так, в начале войны ставка делалась на «превосходство», скажем, украинца перед русским. Военнопленных-украинцев даже отпускали из плена, было немало и других привилегий, отмененных только в октябре—ноябре 1941 года.

Весной и летом 1943 года были введены очередные режимные послабления, для украинцев — более ошутимые. Так, дети, рожденные украинской работницей, считались расовополноценными и могли удостоиться чести быть воспитанными в германском духе. Русской девушке на такое счастье ни при каком раскладе рассчитывать не приходилось.

Но свое превосходство, то бишь «украинство», нужно было еще доказать, и вот несколько цитат из «украинских» писем.

Софья Яхута, 17.06.1943, Зессен — отцу, в Кременчуг:

«Папочка, у нас одна девочка получила справку, что она украинка и ей теперь лучше, так ты пойди у комендатуру и вытребуй такую справку, что я украинка и чтоб была подпись главнокомандующего города, только сделай это поскорей»².

ЧИСТОТА И ПОРЯДОК НА ПРОИЗВОДСТВАХ!

В Германии придает большое значение

чистоте и порядку

на производствах, потому что от этого, по существу, зависит успешность и радость работы. Кто из Вас посетил немецкое производство, тот сразу видел чистые и аккуратные рабочие места. Немецкий рабочий гордится таким рабочим местом.

Всем трудящимся освобожденных военных областей необходимо также стремиться создавать

ЧИСТЫЕ И АККУРАТНЫЕ РАБОЧЕЕ МЕСТА.

Наждый из Вас может этому способствовать

Не оставляйте своих ИНСТРУМЕНТОВ лежать в беспорядке.

К порядку на производстве относится прежде всего СОДЕРЖАНИЕ И НАДЛЕЖАЩЕЕ ВИДЕ ИНСТРУМЕНТОВ. Кто покажетесь ленивым или испорченным инструментами, может повредить себе и даже повредить серьезные приборы. Несчастные случаи являются преступлением.

Рис. 3.7.1. «Чистота и порядок на производствах!».
Производственный плакат № 2/44 (BA/MA, RW 46/17)

Мария Крищенко, 21.06.1943, женский лагерь Верраталь:

«Я мамо вас прошу як найскорийше пришлите мени документи щоб було извесно що некомсомолка и непартейка як ви хочете щоб я осталась жива ато тут не вірят что ми украинци»³.

Бедные дивчины! Невдомек им, что их разряд, хоть и получше, чем у москалей и жидов, но все ж не арийский. Куда им, хохлушкам, до фольксдойче или, хотя бы, до советских финнов!

Кто же им «ровня»? Да такие же, как они, остарбайтеры да еще свои же военнопленные. Да и то — официально, на бумаге, поскольку любое общение между остарбайтерами и советскими военнопленными было категорически запрещено. Но на деле, особенно с 1943 года, в Германии скопилось такое количество русских, что предотвратить их широкие контакты стало просто невозможно.

Люди встречались прежде всего на заводах. Но помимо производственных, со временем начались и контакты иного плана, вплоть до романтических. По воскресеньям к лагерям военнопленных нередко приходили остовцы и остовки, как правило, из тех, что работали у бауэров. Они всегда старались принести с собой что-нибудь: хлеб, сигареты, яйца. Невинно-мимолетные дневные встречи, перекидывания словечком-другим нередко служили прелюдией к ночным свиданиям — в час, когда добропорядочные немцы спят и наступает пора воров и влюбленных...

У остовцев с остовками было и того проще: в случае чего немецкие органы гражданского состояния были вправе зарегистрировать их брак и даже рождение ребенка⁴.

Остарбайтеров привезли в Рейх насильно и, понятно, не с туристскими целями. Но при этом не забудем, что все это люди, буквально впервые оказавшиеся за границей! И — если на секунду отрешиться от ужаса происходящего, — то сколь же естественной представляется, например, первая реакция того же Васи Баранова:

«...После долгой канители нас построили всех с вещами и три конвоира повели по улицам большого Дрездена. Здесь я увидел еще не виданные в жизни громаднейшие вечные колосные дома, которые сложены из какого-то самородного камня и сложены так хорошо, что эти квадраты, как шахматная доска, блестят на солнце. Нету ни одного дома, чтобы на нем не было отпечаток скульптуры, тут-то я и вспомнил, что когда-то я читал книгу о древней Германии, где указано, что Германия — страна скульптуры. Скульптура не только на домах, но она везде и всюду, куда можно повернуть свой взгляд. Что касается деревьев, то все-все залито сплошной зеленью, в особенности это липами, каштанами, а также и фруктовыми деревьями. Мы шли по бесконечному асфальту»⁵.

При виде потрясающих соборов и замков, черепичных деревень с замощенными улицами, романтических речных и горных пейзажей

многие из восточных невольников невольно восхищались неоспоримой красотой, уютом и богатством Германии. Но вместе с тем все эти здания и виды служили только фоном — подчас, сказочным, прекрасным, но лишь фоном, обрамлением той кошмарной «реальности», которая их здесь ждала. К «реальности» же возвращали — люди, и не какие-нибудь заклятые эзэсовцы, а самые обыкновенные граждане, бюргеры, бурши. Продолжим цитату:

«...Немцы всех возрастов и родов смотрели на нас с улицы, а большие из окон, они о чем-то меркотали, указывая на нас пальцем, или вернее на отдельных из нас, кто показался более выдающимся. В общем попали под цензуру и суждения этих противных по душе физиономий. Нас было более 200 человек, шли по четыре, почти как один нагнув голову и только изредка поднимал свою тяжелую, словно отдать ненависть седьмому этажу, окна которого всюду набиты этими дохлыми существами. Они смеялись, указывая на последнего, который еле шел, волоча свою перебитую ногу, он был весь в лохмотьях, вернее в русской одежде, только в разукрашенном виде».

К вечеру В.Баранова и еще 90 его товарищей перевезли в Лейпциг, и опять повторилось то же самое (несколько неожиданно только уподобление стеклянного шара Лейпцигского вокзала куполу сельской церковки на родине):

«...вечером были уже на главной станции, купол которой напоминает купола нашей Мериновской церкви. Вокзал показался мне непроходимым, так как с низу и верху шли бесконечные люди (немцы). Здесь можно было, не идя в цирк или музей, насмотреться все новыми и новыми отдельными видами, например: виды скульптуры, рисунками, обаяжурками люстр, самими немцами, их одежда и пр. и т.п. А между тем какое-то отвращение появилось к ним, что я не мог, чтобы хорошо сосредоточить свой внимательный взгляд на их физиономии лица то потому, что я уже их понял и они показали себя... Главней всего удивляет их обращение с нами, они вечно смеются над нами, что мы такие грязные, не культурные».

Дойдя до вопроса в анкете об отношении к ним в Германии самих немцев, бывшие оstarбайтеры, чувствуется, не сразу находили слова. Самая распространенная форма ответа, пожалуй, такая: «было разное», «было всякое». Усредненно оценки колеблются между «жестокое» и «равнодушно», но нередко встречается и «сочувственно» — особенно об отношении простых и, главным образом, пожилых немцев.

Но завязывались — преимущественно между девочками или девушками и, разумеется, только в крестьянских семьях — отношения, которые иначе, как полнокровной детской дружбой не назовешь. Ярчайшим примером могут послужить письма остовки Веры Михайловой к Марии Хаберстро (дочке ее хозяйки), писавшиеся по-немецки из советских сборных пунктов во Фрайбурге и Ларе. *«Моя любимая*

сестра Мария!» — начиналось одно из них. И далее: «Да, мне тут ни хорошо, ни плохо. Я хочу обратно в Вальдкириш. Почти целый день плачу, так мне тоскливо. Нет у меня друзей, как в Вальдкирише, — тебя и других немцев»⁶.

Не раз приходилось замечать, как многие остарбайтеры — в историко-политическом контексте девяностых годов — стараются извлечь из памяти как можно более благоприятные — и чуть ли не светлые — эпизоды. Весь ужас своего положения и своей жизни им хочется не вспомнить, а, наоборот, забыть.

Но только вряд ли это всем удастся. Идиллии, право же, не было. Был изнурительный труд, были ненависть, презрение, моральное и физическое насилие со стороны хозяев, были унижение, побои, были побег и самоубийства.

Вряд ли ослепшая Валентина Демушкина забудет свою хозяйку фрау Штокк из Нюрнберга, плеснувшую ей в лицо кипящие остатки убежавшего молока⁷!

Или Мария Г., писавшая матери в Ворошиловград:

«Нас разбирали, как скотину... Мамочка, как хочется мне захворать! Потому что иначе я никогда домой не вернусь. Каторга здесь навеки... Сейчас я еще не очень больная. Нам позволено писать два письма в месяц, может, вы хоть одно получите».

И все-таки: а что испытывали при этом сами немцы? Вот несколько свидетельств, так сказать, с немецкой стороны — фрагменты писем из дома, найденных на убитых или у плененных солдат вермахта.

Лотта Меллер (Пуфенгаузен, 10.08.1942) — солдату Элину Шиллингу:

«Недавно здесь, в Пуфенгаузене, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане словарь, а в другом револьвер».

Фрида Путц (Гюльтце, округ Демин, 30.04.1942) — солдату Отто Теск:

«...В среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище похоронено уже пятеро, а двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...»

Мария Виккерт (Франкенвайлер, без даты) — унтер-офицеру Йозефу Виккерту:

«...Я тебе еще не сообщала о получении присланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого».

Ефрейтору Вильгельму Гаусману — от матери (Швайхаузен):

«У нас на молочной ферме тоже есть 6 русских. Их на ночь там запирают. Среди них есть мальчишки 14—15 лет. Не беспокойся, они смогут работать».

Обер-ефрейтору Рудольфу Ламмермайеру — от матери (Люгде):

«Вчера днем к нам прибежала Анна-Лиза Ростерт. Она была очень сердита. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах... Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу...»

Впрочем, не следует упускать из виду, что и самим немцам были запрещены какие бы то ни было внеслужебные контакты с рабочей силой с востока⁸. Для большинства тех остарбайтеров, что жили в лагерях, «общение» с гражданским населением и не выходило за рамки служебного, ограничиваясь мастерами — на работе и охранниками — в лагере. На производстве — под угрозой сообщения в гестапо — категорически запрещалось передавать «руссен» продукты, продуктовые карточки, шнапс, предметы одежды и т.п.⁹ Более того, окружные партийные фюреры получили полномочия поручать кому-нибудь из местных доверенных партайгенносе слежку и за остарбайтерами и за их немецкими хозяевами, а обо всех нарушениях расового и иного регламента сообщать местной полиции¹⁰.

Существовала целая шкала наказаний для преступивших через запрет общения: так, прогулки, разговоры, подарки шоколада карались шестью, обмен фотографиями и повторяющиеся поцелуи с немецкой девушкой — семью, а дружеские отношения без полового контакта — девятью месяцами тюрьмы; покушение на половой контакт «тянуло» на 18 месяцев, а однократный половой контакт — на 3,5 года; любовные отношения с женщиной, чей муж находится на войне, наказывались каторжной тюрьмой, или концлагерем, а во многих случаях (для поляков и остарбайтеров с гарантией!) — виселицей.

По «преступлениям» такого рода лидировали польские военнопленные, за ними шли французские. Сообщений же о проступках такого рода со стороны советских военнопленных или остовцев почти нет. Это связано не только с их исключительным патриотизмом и моральностью, не только с ограниченными возможностями для таких контактов, но еще и с плачевным физическим состоянием¹¹.

Серьезной помехой в общении советских граждан с немецким населением было, конечно, и **незнание языка**: лишь 2—3 процента соотечественников воспользовались пребыванием и работой в Германии для того, чтобы выправить или выучить немецкий язык, справедливо рассматривая его не только как средство общения, но и как своего рода оружие (зная язык — можно было круче насолить, навредить ненавистным врагам). Большинство же такой возможностью пренебрегло, частью по глупости и по лени, но некоторые — и сознательно, из тех же самых «патриотических чувств»¹².

Преобладающая же реакция немецкого населения на остовцев — глубокое **равнодушие**. Но, как подмечает В.Семин, было немецкое равнодушие не нейтральным. Вот два примера из его повести. Первый:

«...нас гонят по улице небольшого рурского городка. Только что мы носили мебель в какое-то здание, и полицейские, сопровождающие нас, даже довольны нами. По тротуару идут две нарядные молодые женщины с нарядными детьми. Дети кидают в нас камни, и я жду, когда женщины или полицейские оставят их. Но ни полицейские, ни женщины не говорят детям ни слова»¹³.

Пример второй:

«В первый десятиминутный перерыв немец, сидя на скамейке со своей стороны, съедает бутерброд, выкуривает сигарету, и сладковатый запах слабого немецкого табака тянет через вальцы на нашу сторону. Во время перерыва свет пригашен, и не видно, как мучает нас этот запах.

Не могу подавить надежду, что кто-то из немцев хоть в этот перерыв поделится хлебом. Это даже не надежда, а голодный спазм, с которым не совладать. Не дали ни разу. И сейчас, через много лет после войны, я испытываю страх и стыд: ведь все мы люди. Я долго не решился об этом написать. Раньше мне другое казалось страшней. Но постепенно самым удивительным мне стало казаться то, что никому из многих сотен молодых и пожилых, веселых и злобных в голову не пришло дать мне хлеба... Они тоже жили на карточки. Сверхнапряжение государственной злобы, оплетавшее их, я чувствовал сильнее, чем они. Было нелогично дать мне хлеба. Но должна же была у кого-то из них в один из рабочих перерывов появиться такая нелогичная мысль!»¹⁴

Сопоставляя практику применения труда иностранцев с идущими параллельно процессами принятия политических решений, У.Херберт пришел к выводам, которые представляются нам в высшей степени справедливыми и поучительными:

«В то время как власти земель и рейха после явного провала политики насильственных депортаций во все большей степени возвращались к средствам усиления стимулов к труду и улучшению правового статуса иностранных рабочих, конкретные действия подчиненных им инстанций и предприятий все более и более ужесточались, чем дольше продолжалась война. Был приведен в действие механизм, который, начиная с первых шагов по дискриминации одной группы иностранцев, стал обретать собственную динамику и подталкивать к "радикализации" мер, развивая их внутреннюю "логику" дальше. Существование чрезвычайного права для определенной группы предполагает его ясную и однозначную дефиницию и неизбежно ведет к помещению соответствующей группы

в казарму, если не к введению для нее особого опознавательного знака; запрет свободного перемещения ведет, если его строго соблюдать, к колючей проволоке и надзору; из отдельных распоряжений складывается система регламентации и репрессий с присущей ей тенденцией к самоусовершенствованию. Лишение прав в большом, порождает угнетение и в малом. Руководствуясь зачастую расистскими соображениями ("с этими русскими иначе нельзя!"), надзиратель бьет иностранных рабочих, поварахи воруют положенные им продукты, а десятник обманывает их при расчетах зарплаты, хоть это и идет вразрез с распоряжениями и указами управленческих органов»¹⁵.

Очень тонкое и очень точное наблюдение.

Но почему так происходит, в чем тут дело?

Вот размышления об этом другого человека — не профессионального аналитика, а писателя, к тому же испытывавшего все на собственной шкуре:

«Надо объяснить, как ум очищается от доброты. В детстве было просто. Ум — добр, злоба — глупа. Обидеть может дурак, защитит — умный. Слабость проницательна. Очень быстро в уличном потоке выделяешь интеллигентные лица. Сама внешность немецких городов была интеллигентна. Интеллигентной внешностью обладали многие фабричные вещи. А все вместе жестокой петлей душило нас. Это был противоестественный ум — ум без доброты. И я ненавидел гладкий асфальт, ровный булыжник и чувствовал, что где-то в глубине подо всем этим лежит огромная, страшная, деятельная глупость.

Буду до конца честен. На другую сторону коромысла положу конфету. Она немалую весит, если я ее до сих пор помню. Мы увидели ее на заборчике, которым был окружен железнодорожный переезд... Я ощутил вкусовой шок, вкусовую трагедию. Но дело не в этом. Конфета, конечно, могла оказаться на заборчике случайно. Но мне почему-то до сих пор светит яркая малиновая фольга. Доброта в этом государстве и должна была прятаться, бояться быть узнанной. Однако не слишком ли хорошо она пряталась? Почву, на которой вырастает фашизм, надо исследовать тщательнее, чем само растение»¹⁶.

И тут надо заметить, что именно обхождение с остарбайтерами — то, с какой легкостью миллионы простых немцев приняли концепцию «унтерменшей» с востока, то, как быстро признали они свое подавляющее — по всем статьям — «превосходство» и то, как без тени смущения распространили они уместные по отношению к корове или сторожевому псу обращения на живых людей («майн Иван», «майн Федор», «маине Катя» и т.д.) — и показывает, сколь глубоко прониклась фашизмом вся толща германского общества.

Но продолжим цитату из В.Семина:

«"Вир аллес меншен" — "все мы люди" — немецкая формула, ожидающая цели войны и отразившая ее перелом. У русских или, скажем, французов она не могла появиться, поскольку они никогда не утверждали обратного. Надо представить себе, от какой бездны отталкивался немец и какое расстояние прошел для того, чтобы сказать: все мы люди»¹⁷.

Люди. Конечно, люди. Снова, заново — люди.

И примеров тому, наряду с семинской конфетой, не так уж и мало. Л.Ситко, работавший под Гамбургом, свидетельствует, что у них в Шуппене мастера чуть ли не ежедневно подкармливали своих «сферловщиков» тонюсенькими бутербродами с селедочным маслом или кабачковой икрой. Был и такой случай: работницу, занимавшимся на военном заводе самым настоящим саботажем (А.Е.Дранию), однажды за этим застукал немецкий мастер, но — не выдал¹⁸.

В неизбежных конфликтах с администрацией фабрик и заводов, где работали оstarбайтеры и военнопленные, представители лагерной охраны нередко заступались за «своих» подопечных. Если охрана долго не менялась, то процесс ее сближения с охраняемыми ускорился. Иной раз охранники не просто покрывали их ночные вылазки на соседние поля, но и соучаствовали в кражах¹⁹.

И.А.Домашич, будучи в составе антифашистской организации, пользуясь своим знанием немецкого языка, собирал у немцев информацию о положении дел на фронте (в том числе и по похоронкам). Немцы делали вид, что не понимают причины его расспросов, не искали или не замечали радиоприемник, который лагерники слушали. Многие помогали как бы «невзначай» забытыми папиросами, бутербродом, куском хлеба, «небрежно» очищенными картофельными очистками, а когда потребовалась писчая бумага — то и писчей бумагой²⁰. Это, конечно же, еще исключения из правил, но это уже и не стороннее сочувствие, а самое настоящие соучастие, помощь.

Начиная с 1943 года, многие немцы брали оstarбайтеров на работу к себе домой, а по сути дела — давали им передохнуть и, как правило, относительно хорошо поесть, да еще кусок-другой хлеба — с собой.

Почти все лагерные полицейские были людьми пожилыми, многие из них достигли возраста, в котором мужчин уже называют за глаза: «опа» — по-немецки «дед», «старик», «папаша». Со временем слово прилипло ко всем полицейским, независимо от возраста. Немало среди них было и возвратившихся с фронта инвалидов. Практически все — были членами партии, в дни приезда начальства или обысков, не таких уж и редких, они одевались в коричневую форму штурмовиков. Пристальный, стерегущий, выслеживающий, зрасплож застающий взгляд. *«Именно пожилой немецкий офицер, — по замечанию*

И.Дугаса и Ф.Черона, — так скоро согласившийся стать палачом, и был главной добычей нацистской пропаганды; он, а не юный самодовольный эсэсовец должен почитаться настоящим символом нацистского зла»²¹.

После голода — самыми жгучими, самыми испепеляющими, переполнявшими души и сердца остовцев, чувствами были, — во-первых, **страх**, и, во-вторых, **ненависть**!

В.Семин утверждает, что в каждом лагере был свой «уровень страха», зависевший от множества причин, но в первую очередь — от размера лагеря: чем больше лагерь — тем больше страх. При этом «уровень» этот поддерживался не ниже некоей «общегосударственной отметки», на которую все на местах обязаны были равняться:

«...В арбайтслAGERях рабочая сила для Германии только начинала свой путь, завершаться он должен был в лагерях уничтожения. Все это в разное время и ощущалось по-разному. Но ощущалось всегда... Но на конечном результате это не сказалось бы никак, если бы не гигантское давление восточного фронта... Сжимающий пружину чувствует, с какой силой она ударит... Все наши полиция были жителями нашего города»²².

Но со временем оказалось, что и немцы испытывали то же самое, что не только ненависть, но и страх — были **обоюдными**. Но, если с ненавистью к себе остовцы сталкивались постоянно и достаточно регулярно, то осознание страха у своих мучителей перед ними пришло не сразу, а по мере приближения конца войны. Зверствовать стало невыгодно, опасно, ведь сегодняшний раб может завтра стать господином, неразумно было бы будить в нем мстителя!

После того, как бомбежки стали самым обыкновенным атмосферным явлением, как дождь или град, эта обоюдность страха стала особенно ощутимой:

«Мы еще боялись их, но чувствовалось, что, заботясь о будущем, они уже опасаются нас. И хромой комендант с бледным перекошенным лицом выскакивал из барака, чтобы не заметить запаха печеной картошки»²³.

Напротив, те, кто жил на селе — виделись и общались, но «общение» в основном замыкалось на трудовом процессе, часто — сводилось к ругани. Вот типичные обращения к остарбайтерам: «думм копф» (дурья башка), «русише швайн» (русская свинья), «райне швайн» (чистая свинья) — и все это и из уст начальства, и из уст хозяев, и из уст их детишек, с удовольствием дразнившихся на улице. Практически каждый сталкивался с эпизодическими — реже с систематическими — **побоями**.

О тех или иных репрессиях сообщает приблизительно каждый пятый-четвертый анкетированный. Начиная от побоев — за малейшее

ослушание, неподчинение, промедление, «непонятливость» и воровство картофелины — до заключения в карцер, тюрьму, штрафлагерь или концлагерь (за побег или саботаж). Многие зависело, конечно, от хозяина или от «сопроводиловки» коменданта лагеря.

Встречалось, конечно, встречалось — но, впрочем, не так уж и часто — **и человеческое, сочувственное отношение** немецких «хозяев» к приданным им «руссен» и «руссинен». В некоторых семьях они сидели за общим столом и были скорее на положении не рабов, а членов семьи.

Впрочем, никто этого не должен был видеть...

Примечания

¹ «Völkergemeinschaft im Lager» // Der Alemanne. Zeitschrift unserer Betriebsgemeinschaft. Freiburg, 1943, 14. März (факсимиле воспроизведено в: *Fremdarbeiter in Waldkirsch*, s. 29; нам указано Б.Боллем).

² ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389. Л. 2 об.

³ ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389. Л. 2 об.

⁴ Так, например, 17.07.1944 «штандеасамт» Кельна-Эренфельд зарегистрировал брак 29-летнего Владимира С. и 23-летней Марин С. (оба помощники по хозяйству, оба заявили себя католиками), а 13.10.1944 «штандеасамт» Кельна-Линденталь зафиксировал рождение у них сына Николая (NS-Doc., переписка с Николаем С.). Но не стоит строить иллюзий: кавалерами остоков были не одни только соотечественники, но и гражданские рабочие или военнопленные других национальностей — чаще всего французы, голландцы, итальянцы, поляки (недаром в первые же недели и месяцы после освобождения в лагерях игралось столько свадеб!). Подавляющее большинство связанных с этим беременностей заканчивались выкидышами или ранней смертью ребенка, причем матери приходилось почти сразу же после родов выходить на работу (Hormann, 1994, s. 135).

⁵ Баранов, 1995, с. 136, запись за 12.09.1943.

⁶ См.: *Fremdarbeiter in Waldkirsch*, s. 62—65.

⁷ Далее приводится или цитируется: по машинописи сборника документов «Немецкая каторга», составленного И.Эрбург еще в 1943 году (ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 385) или по докладу «Угон в рабство» помощника Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе тов. Зоря (ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 116. Д. 351. Л. 49—50). Некоторые из примеров были впервые приведены в ноте В.М.Молотова от 11.05.1943. Впоследствии они фигурировали в материалах Нюрнбергского трибунала.

⁸ Это понимали даже оstarбайтеры: «местные жители относились сочувственно, но они боялись, чтобы не заметили тайные агенты» (М.П.Тильменкова). Во всяком случае, заслуживает быть отмеченным стихотворение эмигрантского поэта Родиона Березова «Друг военнопленных», посвященное как раз такому «хорошему» немцу: «Нас душило горе всей вселенной. Мы похожи были на зверей. В царстве смерти, в лагере для пленных. Были бы спасителями людей» (цит. по: Дугас, Черон, с. 216).

⁹ См., например, применительно к фирме «Даймлер-Бенц»: Hormann, 1994, s. 277.

- ¹⁰ См. письмо шефа гестапо Мюллера «Об участии партии в наблюдении за иностранной рабочей силой...» от 05.09.1942 (РГВА. Ф. 1232к. Оп. 1. Д. 191).
- ¹¹ Gatterbauer, 1975. Психологами показано, что тяжелая физическая работа и недосыание почти полностью подавляли половое влечение. О женщинах в связи с полом или сексом почти не говорили. В сознании вырастали и видоизменялись несколько иные мотивы — Жена, Мать, Кормилица. Тяжелые психофизиологические проблемы этого рода — импотенция, супружеская неверность, сексуальная агрессивность — поджидали военнопленных и дома, если только они доживали до возвращения (См.: Venzlaff U. Psychische Spätschaden nach Gefangenschaft und Verfolgung // Gesundheitsschaden nach Gefangenschaft und Verfolgung. Herford, 1967. S. 84—92).
- ¹² Ср.: *«Мастер сильно ругает, иногда грозит, но бить особенно боится. Он говорит, что "русские швайн и банда". Он меня очень ругает за то, что я неповоротлив и не умею говорить по-немецки. Этот язык как и люди, противны, и учиться я не хочу»* (Баранов, запись за 14.12.1943, по рукописи). Или: *«Хорошо, что я не стремлюсь запомнить их идиотский язык. Да и не буду запоминать, ибо только будешь терпеть обиды, которые будут говорить. Собака, свинья — не выходит у него из моды»* (Баранов, 1995, с. 152, запись за 29.12.1943).
- ¹³ Семин, 1978, с. 82—83.
- ¹⁴ Семин, 1978, с. 244—245.
- ¹⁵ Herbert, 1986, s. 32.
- ¹⁶ Семин, 1978, с. 245—246.
- ¹⁷ Семин, 1978, с. 298.
- ¹⁸ Впрочем, и отношение властей не было неизменным. По мере приближения войны к своему завершению перемену в отношении к себе почувствовали даже сами остолицы. Так, С.И.Ксендзова, заболевшая в арбайтслагере и по этой причине ожидавшая отправки в лагерь смерти, премного была удивлена тем, что вместо этого ее... вылечили. Ее вывод: *«в конце войны нехватка рабочей силы заставляла их лечить некоторых больных»*.
- ¹⁹ Дугас, Черон, 1994, с. 216—217.
- ²⁰ *«В выпуске листовок, кроме сбора нужной информации, очень сложно обстояло дело с приобретением писчей бумаги, которая находилась только в отдельно стоящем корпусе управления заводом (фирмой). <Речь идет о заводе фирмы «I.A.JON AG» в Эрфурте — П.П.> Там преимущественно ею пользовались. Нужно было найти туда дорогу, людей. И вот нашлась женщина, звали ее фройляйн Циколла, ответственная, назовите, как хотите за хранение и отпуск всей этой канцелярской кухни. Она не замечала или делала вид, что не замечает, как с полок исчезали (или со столов, шкафов) пачки писчей бумаги, но на месте исчезнувших — появлялись новые. Во-первых (вожженная копировальная бумага для изготовления матриц) мы зачастую находили в урнах для бумажных отходов и т.д., неизвестно кем оставленную и каким образом. После нескольких контрольных проверок мы использовали и этот канал»* (Из приложения к анкете И.А.Домашнича).
- ²¹ Дугас, Черон, с. 162.
- ²² Семин, 1978, с. 280—281.
- ²³ Семин, 1978, с. 250.

3.8. Конец войны: «Валькирия» или агония?

Приближающийся конец войны виделся и ощущался по-разному. Признаком его были даже газогенераторные двигатели, в конце сорока четвертого года появившиеся по всей Германии, — уже не хватало бензина, даже для танков!

Ощущалось это и на фабриках: постепенно, одна за другой, перерезались питающие артерии, ломались технологические связи, пропадали потребители или поставщики — прерывалась, а то и останавливалась работа.

«Что-то разладилось, утратило смысл в рабочем ритме. Накапливалось ожидание... Я замечал, как вяло включаются немцы в работу после обеденного перерыва, или поражался, застав двух немцев, забравшихся покурить в кочегарку, осваивавших такие места на фабрике, которые раньше находили и осваивали мы»¹.

Массированные бомбардировки немецких городов и заводов начались еще летом 1943 года. Уцелевшие и оставленные после налетов безо всякого призора остовцы и военнопленные почти инстинктивно разбегались по окрестностям, и уже в августе 1943 года Заукель распорядился об экстренных мерах по их скорейшему отлову и водворению на место, хотя бы и новое².

Сорок четвертый год — год почти непрекращающихся бомбежек. Бомбежки, конечно, несли прямую угрозу жизни остарбайтеров и военнопленных. Многие лагерь, не говоря уже о самих заводах, обзавелись бомбоубежищами, особенно те, что находились возле заводов или просто в черте крупных городов. Любопытно, что в бомбоубежища, если они были общими, остарбайтеров впускали только последними: внизу, подальше от поверхности размещались западноевропейские рабочие и сами немцы³.

Бомбежки вообще многое переменили в жизни остовцев. Бдительнее по ночам стали и полиция, опасавшиеся, что русские будут подавать фонариками сигналы бомбардировщикам — в результате стало труднее и опаснее воровать что-нибудь с полей.

Но вместе с тем бомбежки несли с собой и облегчение. И не только психологическое, моральное — близится освобождение, конец войны (все ждали с неба английских и американских парашютистов), но и прямое, физическое: частыми стали перерывы в работе. «*Форалярм*» — предварительная тревога, «*алярм*» — тревога, «*акут*» — свертр тревога, по которой надо было немедленно бежать в бомбоубежище... Но зато — не надо было работать!..

Все чаще и чаще батальоны фольксштурма и немецкое гражданское население привлекались к строительству различных укреплений и другим принудительным работам. На рытье окопов «Восточного

вала», например, их рабочий день ничуть не «уступал» рабочему дню остарбайтеров: 12—16 часов. Уклонение от работ жестоко каралось.

Еще в 1944 году (в июле — на востоке, в Восточной Пруссии, а в сентябре — и на западе) были предприняты шаги для эвакуации нетрудоспособного гражданского населения Германии вглубь страны. Эвакуации подлежали все женщины, дети и больные в 50-километровом прифронтовом коридоре, не занятые непосредственно в обеспечении боевых действий; мужчины же оставались для строительства укреплений и обеспечения снабжения⁴.

В январе 1945 года в Берлин пошли эшелоны с беженцами из Верхней Силезии. За считанные недели фактическое население городов и сел западнее Одера возросло в 1,5—3 раза. По данным ОКВ на 19 февраля, в Германии скопилось 8,35 млн. беженцев, а к середине марта — более 10 млн. Мероприятия по эвакуации населения с запада Германии были приостановлены с 20 февраля, в то время как эвакуация из восточных районов продолжалась до конца апреля, то есть фактически до конца войны⁵. Только из взятой в котел Восточной Пруссии было эвакуировано около 500 тыс. гражданского населения и около 230 тыс. раненых военнослужащих. Среди эвакуированных были и сотни тысяч «фольксдойче» — этнических немцев из Румынии, Югославии, Венгрии, Словакии, в том числе и «фольксдойче» из оккупированных районов СССР⁶.

У немецкого командования, разумеется, был заготовлен и план эвакуации лагерей для остарбайтеров и для военнопленных. Многие лагеря и в самом деле «снялись с места» в середине апреля 1945 года, но мало кто перебрался далеко. Чаще всего такие переселенцы оседали во временных постройках по окрестным деревням, всецело посвящая себя добыванию пропитания (сочетая при этом, по обстоятельствам, труд, воровство и мародерство). Полоса фактического безвластия лагерного начальства наступала, как правило, еще до того, как оно, начальство, в один прекрасный момент просто-напросто испарялось.

Чем ближе и явственнее надвигался конец войны, тем уважительней и не без элемента подобострастной боязни относились к остарбайтерам рядовые немцы. Желая обезопасить себя и свое имущество на случай неизбежного прихода кого-нибудь из союзников, они даже начинали заискивать перед остарбайтерами и подкармливать их из своих запасов. Вчерашние «унтерменши» — и остарбайтеры, и военнопленные — чувствовали себя все уверенней и вольготней, приказам охраны и мастеров не подчинялись, да и охранники — они же все в основном из местных — ни на чем уже не смели настаивать. Мало того, некоторые из них, почувствовав обратную зависимость и преодолев понятное в таком случае смущение, обращались к «своим» узникам за своего рода «охранными грамотами» (Persilschein). Как, например, некий Альфред Энке⁷:

«10.3.45 г.

Alfred Encke

За время пребывания в качестве вахмана при группе пленных русских офицеров показал себя человеком старающимся облегчить их тяжелое положение в неволе. С риском для себя Encke давал возможность пленным добывать средства существования (продукты питания) и сообщал, по мере возможности, положение на фронтах.

За все сделанное пленные выражают свою благодарность и просят советские органы при предъявлении этой характеристики оказывать Alfred Encke всяческую поддержку в устройстве его личной жизни.

От группы пленных 52 офицеров Красной Армии майор Гозлевский [и еще 9 подписей]».

Парадоксально, но численность оstarбайтеров продолжала расти, хотя вербовать их, казалось бы, уже было негде, да и многие из них по-прежнему умирали, погибали, пускались в бег. Этот феномен (разумеется, не охваченный статистикой) объяснялся тем, что в их ряды понемногу стали примешиваться военнопленные из ближайших шталагов — «разбомбленных», как те поясняли при неизбежных в таких случаях разговорах с администрацией арбайтслагерей⁸. А с наступлением абсолютного безвластия происходило почти полное перемешивание и «братание» военнопленных и остовцев: считалось — и не зря — что встречать Красную Армию в качестве гражданских было лучше⁹.

Многие бросали свою лагерную с намалеванными буквами «SU» форму и старались выменять, раздобыть или украсть что-либо гражданское, но в дома местных жителей открыто еще не врывались. Жизненно важными были и продукты питания, что делало разграбление лагерных складов первоочередным и практически неотвратимым делом.

Нападения на дома местных жителей и явное мародерство начинались, как правило, лишь тогда, когда через тот или иной лагерь или город прокатывалась победительная волна советских или англо-американских войск и на какое-то время устанавливался абсолютный вакуум власти. Искали при этом не только жратву, но и особо ненавистных немцев из лагерного персонала — на месть и расправу, разумеется. Насилия над женщинами также не были редкостью, в том числе и над своими, из числа остовок¹⁰. Во всем этом, по многочисленным свидетельствам, были замечены, в основном, военнопленные и в меньшей степени — гражданские рабочие. Напротив, нередко были случаи, когда остовцы заступались за своих бывших хозяев, — тех, кто в свое время отнесся к ним не согласно предписаниям, а по-человечески. Сотни и тысячи немецких семей были таким образом спасены от глумления и грабежей.

...Ко дню освобождения готовились и в лагерях — припасали в тайниках оружие, продумывали отпор на случай попытки уничтожения лагеря или лагерников эсэсовцами, иногда — совершали мелкие диверсии в округе. В этом перемешанном людском месиве вдруг зазвучали голоса и тех, кто все это время особенно упорно отмалчивался, — голоса пленных политруков и коммунистов¹¹.

Все это, конечно, беспокоило власти, но поделать они практически уже ничего не могли. Даже в самом Берлине было предостаточно неуправляемых и «беспокойных» мест. Огромная площадь Александер-плац, например, превратилась в гигантскую биржу мелкой торговли и новостей:

«По воскресеньям, бывшим выходным днем и для иностранных рабочих, эта площадь всегда была наполнена огромным количеством людей, включая и немцев. Она представляла собой международный рынок, где можно было, имея деньги, купить почти все и прежде всего пищу. Немецкая полиция регулярно, но безуспешно пыталась разогнать этот рынок, применяя резиновые дубинки и хватая первых попавшихся в участок»¹².

Впрочем, еще в 1942 году, когда в Германию только-только потекли потоки восточных рабочих, предусмотрительные немцы позаботились о том, как бороться с возможным «восстанием рабов». *«Вероятность такого восстания, — пишет У.Ширер, — была ничтожно мала, более того, это было просто невозможно, поскольку иностранные рабочие не были ни вооружены, ни организованы»¹³.* Тем не менее был разработан подробный план, рассчитанный на силы армии резерва безопасности Берлина и других крупных городов. План этот, по совету адмирала Канариса, получил кодовое название «Валькирия» — по имени прекрасных, но всеяющих ужас дев из скандинавской мифологии, круживших над полями сражений и выбиравших тех, кому суждено погибнуть (а может статься, что и в честь знаменитой и одноименной вагнеровской оперы). Имя это пришлось как нельзя более кстати Штауфенбергу и другим заговорщикам против Гитлера в 1944 году, назвавшим свою операцию тем же самым — прекрасно их в данном случае маскирующим — именем¹⁴.

Что же до самих иностранных рабочих, в том числе и советских, то дальше «работы черепашими темпами», иногда — стихийных и, в сущности, индивидуальных акций саботажа или протеста, а также побегов, дело не шло: массовых восстаний не было, насколько известно, ни одного¹⁵. Удачливые беглецы вливались в партизанские отряды по всей Европе и брали в руки оружие, но это, как говорится, другая история. Немногим больше сумели организовать и осуществить военнопленные.

Те же несколько дерзких акций, что были на счету советских граждан и которые, действительно, можно назвать восстаниями, как, например, восстание 6 апреля 1945 года на острове Тексель в Голландии грузинского батальона¹⁶ — дело рук не остовцев или военнопленных, а немецких легионеров, то есть участников вооруженных коллаборационистских соединений. Это и другие выступления были жестоко подавлены.

Конечно, в СС болезненно и жестко реагировали на саботаж, как и на многочисленные побеги остовцев и военнопленных. Едва ли шефа гестапо Мюллера радовало и существование тайных организаций, зарождавшихся, как правило, в офицерской среде и занятых прослушиванием радиосводок союзников, просоветской агитацией (часто на грани провокации), планированием вредительства и побегов, но главным образом — жесточайшей борьбой за власть в лагерях, выливающейся в террор против своих главных «конкурентов» — потенциальных власовцев и других «пронемецких» элементов¹⁷.

Мюллера это, конечно, не радовало, но и не пугало: борьба с ними была частью его рутинной работы. И хотя предположения о реальном сотрудничестве НКВД и Гестапо в шталагах являются скорее преувеличением¹⁸, но все же таким, за которым стоит определенная реальность, а именно: в лагерях шла упорная борьба за власть как за инструмент выживания, и одной из партий в этой борьбе, несомненно, являлись коммунисты и сочувствующие им, организующиеся по привычке в конспиративные комитеты. Устраиваясь на ключевые лагерные места (кухня, больница, канцелярия, даже полиция), они, действительно, спасли десятки и сотни жизней — жизней своих единомышленников; но, может быть, не меньше, они и погубили — из числа своих лагерных врагов и доходяг (для этого достаточно передержать «изменника» на морозе после бани или прожарки или же «нарисовать» ему в личном деле туберкулез или еще что-нибудь столь же гнусное). Правдоподобен и такой внутрилагерный «саботаж» лагерной элиты, как обвешивание своего же, вечно голодного, брата-военнопленного с последующей продажей ворованного через охрану на черном рынке за проволокой.

Единственной реальной вооруженной группой, сбившейся из беглых военнопленных и остовцев где-то осенью 1944 года, были так называемые «Кельнские партизаны», находившие себе кров и пропитание в руинах напроць разбомбленных Кельна и Лахена. Они состояли из нескольких летучих групп, действовали дерзко и удачно, нападали на патрули и склады, с добычей уходили от погони, растворяясь в окрестных арбайтслAGERях и наводя страх на немецкое население и гарнизон. Терять им было нечего: при попадании в руки гестапо смерть была им гарантирована¹⁹. Но общее впечатление все же таково, что больше всего их интересовали немецкие имущество и провиант.

Совершенно иначе действовали глубоко законспирированные подпольщики в лагерях. Самой крупной организацией такого рода, если

верить Е.А.Бродскому и гестапо, было «Братское содружество военнопленных» (иначе — «Братский союз всех военнопленных»). В июне 1943 года гестапо напало на его след, а в июне 1944 года жестоко разгромило его. Это «Братство» объединяло военнопленных и рабочих из СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Англии и даже США. Оно планировало едва ли не путчи и действовало чуть ли не в десятках городов, главным образом, в южной и юго-западной части Германии; в Северной и Центральной Германии действовала другая разветвленная организация — «Ганноверский Комитет»²⁰. В чем именно заключались их конкретные действия, остается пока все же неясным.

Еще одна подпольная коммунистическая организацию оstarбайтеров и военнопленных, которую упоминает Е.А.Бродский, фигурировала в документах гестапо от 29 августа 1944 года: это «Русский комитет борьбы с фашизмом». Бродский пишет и об организованном коммунистом Максимилианом Хауке осенью 1943 года в Лейпциге «Международном антифашистском комитете», также насчитывавшем сотни членов и среди них — оstarбайтеров. И этот комитет формировал некие отряды, дабы при приближении советских войск поднять вооруженное восстание²¹.

Но зададимся вопросом: **а зачем при приближении регулярных советских войск поднимать восстание?** И даже если не вспоминать судьбу восставшей Варшавы, то что еще другое может быть **большей провокацией**, чем этот циничный призыв? Как же можно, накануне близкого или близящегося освобождения, подбивать изможденных голодом и трудом детей, женщин и доходяг в шоркающих деревянных колодках братья за оружие?!

Слава богу, достоверных сведений о реальных вооруженных выступлениях всех этих «мощных структур» или хотя бы о разоружении ими лагерной охраны в последний день перед освобождением лагерей, практически не имеется: потому что, будем надеяться, этого не было.

А не было потому, что задачей любого конкретного и здравомыслящего оstarбца, как, впрочем, и красноармейца, было не запустить костью в эсэсовца и получить в ответ пулю в лоб, и не сразиться с фашизмом или фашистами как-нибудь еще, а затаиться, уцелеть и пережить!

Пере-жить, у-це-леть — так и только так могли они победить, одолеть фашизм!

«Пережить», по-видимому, включает и «не дать себя расстрелять» до освобождения; поэтому допускаю, что многие — и оstarбайтеры, и военнопленные, и уж тем более «полосатики» (узники концлагерей) — готовились и к самообороне на самый крайний случай.

Все они всерьез опасались расстрела, и они имели для этого основания. Так, еще 5 марта Гиммлер высказался в таком духе: *«Если национал-социалистическая Германия должна погибнуть, то наши враги, предатели германского духа, которые сейчас находятся в концентрационных лагерях, не должны праздновать триумф и выйти*

победителями. Они не должны дожить до этого дня. Таков четкий и логичный приказ фюрера, и я позабочусь о том, чтобы он был выполнен точно и основательно»²².

И он, конечно же, «позаботился»! За период с января по апрель 1945 года только в концлагерях Заксенхаузен, Берген-Бельзен, Маутхаузен, Дахау и Бухенвальд было уничтожено в общей сложности более 130 тыс. узников²³. В массовом порядке — с многотысячными «потерями» по дороге — узников перегоняли колоннами из одного лагеря в другой (или, из северных лагерей, к морю, где рассчитывали утопить их на баржах²⁴). Массовые расстрелы заключенных производились и в тюрьмах: в частности, 6 апреля на Зеельхорстском кладбище в Ганновере были расстреляны 500 заключенных, в том числе советские военнопленные, захваченные под Будапештом²⁵.

Расправы не миновали и остарбайтеров. Данные об этом отрывочны, но они есть. Так, в Дортмунде перед освобождением было расстреляно более 200 остовцев, в Дуйсбурге (в марте—апреле) — 83, в Эссене (в марте) — 35, в Бургхольце под Вупперталем (в течение одного только дня 20 марта) — 30, в Гельзенкирхене (28 марта) — по меньшей мере 11, в Бохуме (между 26 марта и 8 апреля) — 26²⁶. Один из подобных случаев описан в книге М.Келлера, название которой — «С русскими бабами покончено» — взято из отчета СС. Это расследование трагедии, разыгравшейся 26 марта 1945 года — за 6 дней до прихода американцев — в лагере Хирценхайн возле Нидергаля в Фогельсберге, когда были расстреляны 81 женщина (остовки и полячки) и 6 мужчин²⁷. То же самое, по всей видимости, планировалась и по отношению к «активистам» арбайтслегеря в Крюммеле, но все-таки часть остарбайтеров оказала вооруженное сопротивление и сумела бежать²⁸.

Впрочем, погибнуть в конце войны было нетрудно и без помощи расстрельной команды СС. Например, при тех же бомбежках, трагический итог которых по-своему грандиозен: 3,6 млн. разрушенных жилых зданий, 7,5 млн. бездомных, 600—630 тыс. погибших от прямых попаданий или под развалинами²⁹. Ясно, что бомбы падали не на одних только немцев: уж слишком близко, как правило, были рабочие лагеря от целей бомбометания — фабрик и заводов. Под бомбами и в огне погибали, конечно, и военнопленные, и остарбайтеры³⁰ — тем более, что в некоторых городах находиться в одних бомбоубежищах с немцами им было воспрещено, а других специальных укрытий практически не было. Так, в Дрездене, например, заживо сгорело 2000 остарбайтеров, заключенных в местную тюрьму и не выпущенных по тревоге из камер. 27 ноября 1945 года у берегов Норвегии английская авиация потопила немецкий транспорт «Ригель», в трюмах которого находилось 2500 советских военнопленных: спастись удалось только 150 из них³¹.

17-летняя В.П.Чинова из деревни Горка Псковской области 24 апреля 1945 года потеряла мать, погибшую при взрывных работах на подземном заводе по производству пороха близ Бранденбурга.

«Немцы собрали обгоревшие трупы и похоронили всех в братскую могилу, недалеко от лагеря», — пишет она в приложении к своей анкете.

Нельзя сказать, чтобы эти злодейские эпизоды как-либо противоречили инструкциям из Берлина. В частности, смерть Чиновой-старшей была непосредственным следствием доктрины «выжженной земли», зародившейся в болезненном мозгу фюрера в марте 1945 года.

18 марта 1945 года Шпеер докладывал Гитлеру о неизбежном крахе немецкой экономики в ближайшие 4—8 недель, причем министр, уже догадывавшийся о планах вождя, прямо писал:

«...Мы должны предпринять все, чтобы до конца сохранять, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации... На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа... Наши долг — сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем»³².

В ответ на это — и уже назавтра, 19 марта, — Гитлер выпустил директиву «о выжженной земле» (еще ее называли «приказом Нерона»), обязавшую гауляйтеров немедленно приступить к обязательному уничтожению «всех находящихся на территории Германии военных объектов (включая пути сообщения и средства связи), промышленных предприятий и предприятий коммунального хозяйства, а также материальных запасов, которыми противник сможет в каком-либо виде — немедленно или в обозримом будущем — воспользоваться»³³.

Понятно, что эта директива натолкнулась на сопротивление как со стороны германских промышленников, так и со стороны Шпеера. По крайней мере — даже среди гауляйтеров — мало кто торопился с ее выполнением. С немалым риском для себя лично Шпееру все же удалось добиться от Гитлера издания 30 марта дополнительного распоряжения, по которому регулирование выполнения директивы от 19 марта изымалось из компетенции гауляйтеров и перепоручалось органам Министерства вооружений, то есть самому Шпееру. Он был уполномочен отдавать необходимые распоряжения рейхскомиссарам по обороне, то есть тем же гауляйтерам. Относительно предприятий особенной значимости указания должен был издавать сам фюрер, каких указаний так никогда и не последовало. Гитлеру, полагал Шпеер, было понятно, что тем самым большая часть его разрушительных намерений уже не осуществится³⁴. А 7 апреля Гитлер издал новый приказ, окончательно всех запутавший, но тем самым еще более ограничивший круг подлежащего разрушению: лишь оперативно значимые мосты, которыми — в силу приближения противника — немецкая экономика уже не могла бы воспользоваться, — подлежали безусловному и полному разрушению, все же прочие объекты транспорта и связи подлежали не более чем «*сильному повреждению*»³⁵.

Своеобразным дополнением к «приказу Нерона» стал декрет Бормана от 23 марта о сосредоточении всего населения, включая оstarбайтеров и военнопленных, в центре Рейха. К месту сбора, по словам описавшего декрет на Нюрнбергском процессе А.Шпеера, следовало

передвигаться пешком, питание собравшихся не предусматривалось. Таким образом фюрер и партийная канцелярия предлагали горячо любимому германскому народу совершить коллективное самоубийство, да еще и в унижительном обществе «унтерменшей».

Так презрение к человеческой жизни и человеческому достоинству «чужих» обернулось точно таким же презрением и безразличием к будущему «своего» народа.

А эсэсовцы между тем приступили к исполнению приказа: 30-километровыми маршами, справедливо названными теми, кто их пережил, «маршами смерти», они перегоняли колонны оstarбайтеров и военнопленных или по направлению к крупнейшим концлагерям, или на юг, к Альпам, или на север, к морю³⁶. Акции человеческой жизни снова стремительно поползли вниз, и подорожавшая было **жизнь** работоспособного остовца или военнопленного, — а именно рачительности, а не гуманности Рейха миллионы бесправных людей были обязаны ощутимому улучшению своего положения в последние месяцы перед концом войны³⁷, — **вновь стала столь же дешева, как и раньше.**

Но немногим больше давал теперь Гитлер и за жизнь работающего «оберменша» — немца.

Примечания

¹ Семин, 1978, с. 253—254.

² См. его распоряжения от 8 и 18.08.1943, опубликованные в: SDKPBI, 19.08.1943.

³ Hормann и.а., 1994, s. 137.

⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 165.

⁵ Якушевский, 1995, с. 56—57.

⁶ Якушевский, 1995, с. 49, со ссылкой на: Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, 1991. P. 913—915. Тем не менее в Восточной и Западной Пруссии, Данциге, Померании, Вартеланде и Силезии осталось незвакуированными по меньшей мере 3 млн. чел. «рейхсдойче» (немцев — граждан Германии) и 0,4 млн. «фольксдойче».

⁷ Ксерокопия документа предоставлена М.Масселем (Фрайбург).

⁸ «Механизм» такого рода перемены статуса описан тем же В.Семиным (Семин, 1976, с. 273—277). Иногда в «остовцы» затесывались и «полосатики», то есть беглые концлагерники. Тот же В.Семин описал неудачную попытку такого рода, но были и удачные. Одна из них описана в воспоминаниях Александра Агафонова, бежавшего из Бухенвальда и добравшегося до Гермюльсхайма в окрестностях Кельна. «Схема легализации» была примерно следующей: *«Прежде всего под кепками надо было скрывать наши короткие волосы. Если все же обратят внимание, сказать, что, мол, недавно переболели тифом. В лагере большая текучка — одни приходят с прифронтовой палосы, другие уходят — торопятся на восток, поближе к своим, к родине. В случае расспросов надо сказать, что бежали от фронта, со стороны Дюрена. По утрам два мастера-немца забирают бригады. Попеременно: если сегодня первым один, то завтра первым возьмет свою бригаду второй. Выходит*

поэтому надо со вторым, оправдываясь, что, мол, проспали своего мастера. То же повторим и на следующий день. Так и познакоим с собой обоих мастеров» (Агафонов 1998, с. 345—346).

⁹ Одним из мест, где «изготавливались» фальшивые церковно-приходские свидетельства, или аусвайсы, остарбайтеров был научный городок Бух. Здесь еще с довоенных пор работал знаменитый биолог Н.В.Тимофеев-Рессовский, устройством к себе в лабораторию спасший несколько десятков оstarбайтеров. «Документами» и прочей подпольной деятельностью, не посвящая в нее отца, занимался и его сын Фома, со временем схваченный гестапо и погибший в лагере (см. в повести Д.Гранина «Зубр» — Гранин Д. Собр. соч. Т. 3. Повести и рассказы. Л., 1989. С. 380—408).

¹⁰ Normann u.a., s. 446—447.

¹¹ См.: Gestwa, 1993.

¹² Варшавский С. Мои свидетельства // Человек. 1990. № 2. С. 115.

¹³ Ширер, 1991, т. 2, с. 25. Тем не менее если не расчет, то надежды и если не на восстание, то на волнения среди иностранных рабочих, безусловно, имелись. Косвенным признаком того являются «Размышления о продолжении военных действий» пленного немецкого генерал-лейтенанта фон Куровски, написанные 16.02.1945 (см. ВИЖ. 1990. № 5. С. 14—15).

¹⁴ См. об этом: Retlinger, 1960, p. 283—284.; Ширер, 1991, т. 2, с. 425.

¹⁵ Так, протесты и даже одно- и двухдневные забастовки из-за отвратительного питания описаны в литературе, например, применительно к предприятиям фирмы «Даймлер-Бенц». Их типичным результатом было: постепенно-частичное удовлетворение требований и жестокое наказание зачинщиков (Normann u.a., 1994, s. 133—134, 277, 281).

¹⁶ Кроме отмеченных во введении работ М.Кочиашвили, здесь следует отметить также книгу Я. ван дер Вильса: Vils J.A. van der. Tragödie auf Texel. Langeveld a.De Rooy, 1976.

¹⁷ См. также главу «Сопrotивление советских пленных» в: Дугас, Черон, 1994, с. 233—260.

¹⁸ См., например, подписанную явным псевдонимом статью: Карпо Линеец. Гестапо и КГБ (Работа чекистов в лагерях) // РМ. 18.02.1949. № 112.

¹⁹ См.: Rusinek, 1989. Александр Михайлович Агафонов, человек исключительных судьбы и мужества, был одним из них, и его воспоминания дают некоторое впечатление о тактике и задачах «Кельнских партизан» (Агафонов, 1999).

²⁰ См.: Keller, 1996.

²¹ См.: Brodsky E. Timor und andere. Sowjetische Zwangsarbeiter im Widerstand und ihr Schicksal nach der Befreiung // Herbert, 1991, s. 254, 268 и др. работы. Интересно, что в качестве бойцов антифашистского сопротивления Е.А.Бродский предлагает рассматривать и тех участников «добровольческих» вооруженных формирований вермахта, кто совершал нападения на немцев или просто сдался в плен Красной Армии. Подкреплением справедливости этого многообещающего подхода может послужить разве что общая гулаговская судьба власовцев и казаков, с одной стороны, и участников антифашистского сопротивления, а свидетельством со стороны вторых — описанная Бродским история советского химика доктора Павла Бурлаченко (Тимора). Глава еще одной звучной организации — «Боевого союза против фашизма», — численный состав которого оценивался американской разведкой в 3—5 тыс. чел., он попал в руки гестапо, и от смерти его спасла попавшая в тюрьму бомба. Но, репатриировавшись на родину, он перешел под опеку другого ведомства. Спустя три месяца после возвращения, в мае 1946 года был арестован МГБ и 16.08.1947 приговорен к 15 годам исправительно-трудовых работ.

- ²² Якушевский, 1995, с. 62—63, со ссылкой на: Besgen A. Der stille Befehl: Medizinsrat Kersten, Himmler und das Dritte Reich. München, 1960. S. 48.
- ²³ Якушевский, 1995, с. 62—63, со ссылкой на: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6, s. 645.
- ²⁴ В апреле 1945 г. около 10 тыс. заключенных концлагеря Нойенгамме внезапно погрузили в поезда и перевезли к Нейштадской бухте, где погрузили на борт лайнера «Кап Арконе». На выходе в море пароход расстреляла британская авиация, спаслось не более 300 чел. (Ситко, гл. 4.1). См. также в воспоминаниях Я.Г. Гранкина о гибели пароходов «Кап Арконе», «Тильбек», «Атен», а также нескольких барж с тысячами военнопленных на борту на рейде в Любекской бухте (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 115. Д. 19).
- ²⁵ Якушевский, 1995, с. 62—63, со ссылкой на: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6, s. 643—644.
- ²⁶ См.: Henke, 1997, s. 414.
- ²⁷ В этом и двух соседних лагерях содержалось около 600 женщин. После того как американцы 23.03.1945 форсировали Рейн у Майнца, сюда же срочно эвакуировалось и франкфуртское гестапо во главе с оберфюрером СС Траммером, прихватившим с собой 49 заключенных женщин. (Keller M. «Das mit den Russenweibern ist erledigt»: Rüstungsproduktion, Zwangsarbeit, Massenmord und Bewältigung der Vergangenheit in Hirzenhain zwischen 1943 und 1991. Verlag der Bindemagelschen Buchhandlung Friedberg, 1991. См. также рец. на эту книгу: Klos H. «Das mit den Russenweibern ist erledigt». Der Massenmord von Hirzenhain und die Recherchen des Historikers Michael Keller // Frankfurter Allgemeine. 17.09.1991).
- ²⁸ Ситко, гл. 3. 65—69.
- ²⁹ Müller, Ueberschär, 1994, s. 41, 226.
- ³⁰ О документированных смертных случаях среди остарбайтеров и военнопленных см., например: Weischer, 1992, с. 259—270; Норманн и.а., 1994, s. 136—138.
- ³¹ См.: Орешкин, 1991.
- ³² Цит. по: Ширер, 1991, т. 2, с. 496. См.: Speer, 1993, s. 443.
- ³³ Приказ А. Гитлера о мероприятиях по разрушению объектов на территории Германии для сдерживания продвижения вторгшегося противника (Müller, Ueberschär, 1994, s. 164, со ссылкой на: BA/MA, RH 20-19/180; см. также: Битва за Берлин, с. 256—257. Документ № 168; см. также: Коваль К.И. Работа в Германии по заданию ГКО // ННИ. 1995. № 2. С. 107).
- ³⁴ Публикуя это распоряжение, западные историки (например: Müller, Ueberschär, 1994, s. 167) ссылаются на воспоминания самого Альберта Шпеера, достаточно ярко обрисовавшего в них тяжелую борьбу и исполненные драматизма события вокруг «Приказа Нерона» (См.: Speer, 1993, s. 431—464, 584—588).
- ³⁵ Битва за Берлин, с. 259. Документ № 170, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 9. Л. 9—11 (копия, пер. с немецкого).
- ³⁶ См., например: Норманн и.а., 1994, s. 424—425.
- ³⁷ Едва ли кто из них знал, что буквально до самого конца войны партийная медицина в лагерных лабораториях по-своему билась над решением нацистской квадратуры круга: оставить врага работоспособным и одновременно лишить его возможности «воспроизводить себя». Разработчик этой интересной научной проблемы «меринизации» людей д-р Покорны писал Гиммлеру: «Сама по себе мысль о том, что три миллиона большевиков, находящихся сейчас в немецком плену, могут быть стерилизованы и в то же время будут пригодны для работы, открывает далеко идущие перспективы» (цит. по: Ширер, 1991, т. 2, с. 370).

Часть II.

«РОДИНА ЖДЕТ ВАС, СВОЛОЧИ!...»: РЕПАТРИАЦИЯ И БЕГСТВО ОТ НЕЕ

**«Мы не возражаем против того, чтобы к русским
относились как к представителям союзных армий,
при условии, что они не сбегут по дороге»
(Генерал И.Генп,
начальник отдела военнопленных британской армии)**

**«Брат сапером воевал, пленили его раненого,
а но допросам все равно таскали.
Затем отступили, видимо решив:
колхоз тоже тюрьма, пусть живет...»**

**(Из письма Г.Пичугина
в газету «Аргументы и факты»)**

Красноармеец и остонка на мосту через Эльбу.
Магдебург, 1945 г.
(ЦГАКФ, сл. О-316357, фото Г.Капустянского)

В ТЕНИ ПОБЕДЫ: ПОДГОТОВКА К РЕПАТРИАЦИИ

4.1. Анти-Заукель и его органы репатриации: рождение и первые шаги

26 марта 1944 года в районе Унген на реке Прут Красная Армия (войска 2-го Украинского фронта) впервые вышла на рубежи довоенной государственной границы СССР и, не снижая темпа, на следующий день вступила на территорию Румынии. Начался ее триумфальный марш по Восточной и Центральной Европе, закончившийся штурмом германской столицы.

Теперь уже ей, Красной Армии, предстояло повсюду наводить свои порядки, расставлять комендантов, ловить диверсантов, направлять жизнь чужих граждан и разыскивать своих. Последних попадалось изрядное количество, и что с ними в принципе делать — особых сомнений не вызывало. И экономика, и политика требовали одного и того же: всех, и особенно трудоспособных, — всех домой, на социалистическую родину, на коммунистический труд! Труд и работы там хватало, а вот рабочих рук — нет. Не менее важной была и политическая задача: допустив зачатие — не допустить рождения новой, враждебной советскому режиму послевоенной эмиграции.

Если все это попытаться вместить в одно слово, то словом этим будет «**репатриация**».

Так или иначе, но репатриация шла, разумеется, и до формирования соответствующих органов.

Собственно говоря, от самого факта пересечения государственной границы ничего **принципиально** нового не произошло: ведь многим «бывшим военнослужащим» доводилось прорываться к «своим» даже в первые недели и месяцы войны.

Но тогда их, видимо, было не так уж и много, коль скоро приказы, определявшие их судьбу, были изданы только в самом конце 1941 года. В частности, только 29 декабря были конституированы **армейские сборно-пересыльные пункты (СПП)**¹. Согласно положению, они подчинялись Управлению Тыла армии. В их функции входили сбор (концентрация) вышедших из плена или окружения бывших военнослужащих, их санитарная обработка и отправка эшелонами в спецлагеря НКВД для спецпроверки и отправки по военкоматам и другим организациям. В порядке учета в СПП велись книга регистрации и книга-алфавит, а на всех отправляемых — в действующую армию,

госпитали или тыловые спецлагеря — списки, направлявшиеся на утверждение в военсоветы фронта (где они нередко застревали на месяцы). Выход за территорию СПП, переписка или свидания с родственниками не разрешались.

Спецпроверка, или предварительная **филътрация**, в самом СПП проводилась лишь в исключительных случаях (ее осуществлял так называемый «особист» — прикомандированный сотрудник Особого отдела НКВД). Это положение изменилось в конце января 1943 года, когда в первостепенные обязанности СПП была вменена и спецпроверка, после которой подавляющее большинство бывших военнослужащих вновь направлялось в действующую армию (в запасные полки). Так, за период с 1 сентября 1942 года по 12 апреля 1943 года через СПП 28 Армии прошло 16.826 чел., из них на формирование частей было направлено 12.767 чел. (или 75,9 %), а в спецлагеря 2.700 чел. (16,0 %), в том числе после 29 января 1943 года — всего 852 чел. Там вместо одиночки-особиста спецпроверку осуществляла теперь спецкомиссия в составе начальника СПП и представителей четырех армейских отделов (кадров, политического, укомплектования и, разумеется, особого), а также военной прокуратуры армии. В полномочия комиссии входило и право направления офицеров в штрафные батальоны, а рядовых — в штрафные роты. Широкая «реализация» этого права, в сущности, заменила собой направление в тыловые спецлагеря, сопряженное, как правило, с длительными и непроизводительными задержками спецконтингента в СПП из-за несвоевременного прибытия конвоя или транспортных средств, из-за неточностей в нарядах фронта и т.п. Перевод «спецконтингента» в «штрафники» и стал главным практическим результатом описываемой реформы.

По состоянию на 15 апреля 1943 года, согласно справке ГУПВИ (sic! — П.П.), по спецконтингенту проходило 43.975 чел., размещенных по 14 разбросанным по всей стране спецлагерям. Численно выделялось 5 лагерей — Угольный (13.578 чел.), Ханларский (6.797), Подольский (5.868), Калачский (4.831) и Рязанский (4.107 чел.)².

Стоит отметить, что СПП не были «монополистами» в сборе бывших военнослужащих. Фактически этим же занимались и сельсоветы, особенно себя учетом не утруждавшие. Они составляли из явившихся к ним военнопленных команды и направляли их в военкоматы, которые, по идее, должны были направить их дальше, в СПП. Но отсутствие у сельсоветов конвоиров давало «бесконвойным» неплохой шанс уклониться от предписанной судьбы, а нередко и закрепиться на гражданке (что само по себе, по законам военного времени, приравнивалось к дезертирству).

Среди первых «своих» граждан на постепенно освобождаемых своих территориях было немало и военнопленных, именовавшихся не иначе как *«бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в плену и окружении противника»*. Судьба их не была завидной: их собирали и проверяли в сборных пунктах армий (по одному на армию),

куда их доставляли под вооруженным конвоем. Их учетом на месте занимались особые отделы при тыловых штабах. Без лишних слов их направляли этапами³ в специальные тыловые лагеря НКВД (в Череповце, Рязани, Юже, Суздале, Тамбове, Острогжске, Подольске, Новоаннинском, Старобельске и др.).

Приходится констатировать, что в вопросах репатриации международные и дипломатические усилия существенно опережали внутригосударственные шаги СССР. Важное место уделялось им в проекте документа о безоговорочной капитуляции Германии, еще 3 февраля 1944 года утвержденного Комиссией по вопросам перемирия. Согласно этому документу, для практического проведения репатриации союзники учреждали Межсоюзную Комиссию по делам военнопленных, целью которой станет репатриация в кратчайшие сроки (при этом *«...каждый военнопленный до отправки его на родину будет подвергнут медицинскому освидетельствованию на предмет установления процента потери трудоспособности»*). Что касается гражданских лиц, находящихся в заключении или интернированных германскими властями, равно как и граждан, уведенных в рабство, включая лиц, находящихся под следствием, осужденных или взятых германскими властями в качестве заложников, то их, во-первых, надлежало немедленно освободить, а во-вторых — репатриировать, причем *«...в порядке, в сроки и на условиях, установленных для репатриации военнопленных Межсоюзной Комиссией по делам военнопленных»*⁴. СССР настаивал на срочном обсуждении вопроса о репатриации в ЕКК⁵.

Первые же «внутренние» официальные решения по вопросам репатриации были приняты на удивление поздно — на самом излете лета 1944 года: 24 августа — Постановление ГКО «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»⁶, а двумя днями позже — Постановление СНК СССР № 116-344сс «О советских военнопленных и насильно уведенных немцами советских гражданах, находящихся на территории Франции и Италии»⁷.

Для его исполнения на республиканском уровне принимались совместные постановления СНК и ЦК компартий. На Украине, например, оно было принято уже 31 августа 1944 года, с обязательством НКВД УССР организовать во Львовской, Дрогобычской и Волынской областях первые шесть проверочно-фильтрационных лагерей, или пунктов (ППП)⁸. В Литве аналогичный документ был принят еще раньше — 18 августа⁹, причем отмечалось, что по-настоящему работу надо было начать еще в июле, сразу же вслед за освобождением территории республики¹⁰.

В октябре 1944 года Красная Армия вышла уже непосредственно на рубежи Германии. И только тогда были конституированы репатриационные органы всесоюзного уровня¹¹.

Первым делом (4 октября) были сделаны персональные назначения: Уполномоченным СНК (позднее Совмина) СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран стал генерал-полковник Ф.И.Голиков¹², его заместителями — генерал-полковник И.В.Смородинов¹³ и генерал-лейтенант К.Д.Голубев¹⁴, а его помощниками — генерал-майор В.М.Драгун¹⁵ и высокопоставленный дипломат А.А.Смирнов¹⁶. Вскоре, после направления Драгуна в Париж¹⁷, где тот возглавил всю европейскую работу, состав помощников Голикова изменился: ими стали генерал-майор В.А.Ревякин, генерал-майор Я.Д.Басилов и генерал-майор И.Г.Хмара.

Затем, 6 октября 1944 года, было принято Постановление о деятельности Уполномоченного СНК по делам репатриации¹⁸. Соответствующее ведомство было конституировано 23 октября¹⁹. Его полное название — Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран²⁰. Резиденцию оно получило в самом центре Москвы: Кропоткинский переулок, 7. Штат Управления был определен в 200 чел. (из них 170 — военнослужащие). Штат заграничных групп, или представительств, составлял поначалу 210 чел., но со временем был наращен до 523 чел. Кроме того в группах оккупационных войск действовало еще 323 офицера по репатриации²¹.

Самому же Филиппу Голикову на новом «участке» его карьеры отводилась роль некоего советского Фрица Заукеля, или, точнее, как бы **Анти-Заукеля**. Посулами или угрозами, правдами или неправдами — он должен был вернуть своему изрядно обескровленному и обезлюдевшему за войну коммунистическому государству миллионы канувших за границу рабочих рук. Впрочем, за стратегию и тактику трудового использования репатриантов, в отличие от Заукеля, Голиков никогда не отвечал и к этому рычагу власти совершенно не стремился.

Так, когда уже 27 октября 1944 года к нему обратился заместитель председателя Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР Г.Зеленский с просьбой сообщить — в целях учета трудовых ресурсов и их распределения в народном хозяйстве — данные о порядке возвращения и отправки освобожденных граждан СССР на родину, а также об их количестве и местах их направления, а 10 ноября — еще и нарком авиационной промышленности А.Шакурин, писавший об испытываемом его отраслью острейшем дефиците рабочей силы и просивший распорядиться о выделении из числа репатриантов 5000 металлистов, строителей и деревообделочников, то обоим было отвечено в том духе, что распределение рабочей силы находится в исключительной компетенции Госплана (т. Вознесенский), куда и советовали обратиться. А 15 ноября 1944 года к Вознесенскому обратился Голубев (заместитель Голикова) с просьбой разъяснить всем заинтересованным организациям, что наряды на рабочую силу может выдавать — от имени Правительства или ГКО — только Госплан²².

Управление же должно было оперативно отчитываться Госплану о ходе репатриации. Правительственным распоряжением от 15 ноября 1944 года Уполномоченный обязывался дважды в месяц — по состоянию на 1-е и на 15-е число, в целом и в разрезе областей, — предоставлять Вознесенскому сведения о количестве граждан СССР, возвращающихся на родину²³.

Точно такие же данные Управление предоставляло в НКВД. Кроме того — и не дважды, а трижды в месяц — сводка о результатах репатриации советских и иностранных граждан предоставлялась в ЦК ВКП(б) и в правительство СССР — по следующему списку: Сталин, Молотов, Маленков, Булганин, Берия, Меркулов, Вознесенский, Вышинский, Антонов, Чернышев, Лозовский, Абакумов, Чадаев²⁴.

Ну а что касается власти, то ее у Филиппа Ивановича Голикова было, прямо скажем, немало. Долгая 80-летняя жизнь Маршала Советского Союза и кавалера 15 орденов и несчетного множества медалей заслуживает, возможно, более испытанного, нежели наше, писательского пера, но признаемся и мы, что не в силах сдержать восхищенного изумления перед широтой и, если можно так выразиться, глянцевоcтью голиковской карьеры²⁵. Вот, вкратце, его биография.

Родился в 1900 году, с 1918 года — в Красной Армии, участник Гражданской войны. С 1931 года — командир полка, по окончании в 1939 году Военной Академии им. Фрунзе — командир дивизии, затем механизированной бригады, корпуса, член Военного совета округа, командующий армейской группой войск, армией. С июля 1940 — заместитель начальника Генштаба и начальник Разведуправления, позднее реорганизованного в Главное разведывательное управление. На этом посту придерживался точки зрения, что, не разделившись с Великобританией, Германия на СССР не нападет, отчего донесения о подготовке немецкого нападения считал дезинформацией и соответственно преподносил их Сталину²⁶. В июне 1941 года получил звание генерал-лейтенанта. В начале войны — на военно-дипломатической работе, возглавлял советскую военную миссию в Англии и США, где вел переговоры о военных поставках в СССР. С октября 1941 года — в действующей армии²⁷, а с 1943 года — на военно-административной работе: с апреля — заместитель наркома обороны по кадрам, с мая — начальник Главного управления кадров наркомата — должность, которую он не оставил, даже получив должность Уполномоченного по репатриации. В 1958—1962 гг. — начальник знаменитого Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, в 1961 году удостоен маршальского жезла; с 1962 года — Генеральный инспектор Министерства Обороны СССР. Умер Филипп Голиков в 1980 году²⁸.

В качестве Уполномоченного по репатриации Голикову было где развернуться. Для того, чтобы поставить на поток возвращение депортированных, но еще работоспособных соотечественников, ему

предстояло наладить — помимо своего центрального аппарата — всю лагерную, транспортную, организационную и прочую инфраструктуру, сформировать сеть органов репатриации и в действующих войсках, и в тыловых округах, и, что называется, «на местах» — в республиках и областях Союза, и чуть ли не по всему свету за границей!

Для всего этого Голикову было на кого и на что опереться. Вверенное ему Управление Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации, по состоянию на промежуточную дату 1 марта 1946 года, состояло из секретариата (начальник — подполковник Шишов), отвечавшего за секретное и несекретное делопроизводство и переписку, офицера для поручений (подполковник Трофимчук), инспекции (начальник — полковник Поликарпов) и следующих отделов:

- политпросветотдел (начальник — полковник Логунов): политмассовая работа среди репатриантов (кино- и радиопропаганда, агитационная литература);

- отдел кадров (начальник — подполковник Лаптев)²⁹;

- отдел связи (начальник — полковник Баранов)³⁰;

- отдел инспекции (с 1946 года — отдел устройства; начальник — полковник Разумов): трудоустройство репатриантов и розыск их родных и близких;

- отдел регистрации и учета (начальник — полковник Гресько): составление персональных учетных карточек (путем личного опроса), списков и картотек на репатриантов³¹, переписка по вопросам розыска их родных и близких;

- отдел по работе за границей (начальник — полковник Филатов): розыск советских граждан за границей;

- отдел материального обеспечения и финансов (к марту 1946 году разбит на 2 самостоятельных отдела под началом полковника Комиссарова и подполковника Узенева): финансовые вопросы, материальное обеспечение репатрируемых и организация их питания через службы тыла Красной Армии, снабжение и экипировка офицеров групп по репатриации;

- санитарный отдел (с 1945 по 1948 гг.; начальник — полковник Поляков): контроль за медико-санитарным обслуживанием репатриантов, составление списков детских домов, размещение детей-сирот³²;

- отдел по репатриации иностранных граждан (создан в 1945 году; начальник — полковник Мазунов): розыск иностранных граждан и их отправка на родину;

- транспортный отдел (создан в 1945 году; начальник — полковник Финогенов): перевозка советских граждан в СССР.

- административно-хозяйственный отдел (начальник — подполковник Воскресенский³³).

В первый же день официального начала работы Управления Уполномоченного по репатриации — 23 октября 1944 года — Голиков разослал в Военные советы фронтов директивное письмо о проведении

мероприятий по репатриации советских граждан³⁴. Тогда же была утверждена и инструкция Представителям Уполномоченного при Военных советах фронтов.

В тот же день и о том же писал заместителю начальника Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Карпоносову и заместитель Голикова Смородинов: «...по существующему порядку в настоящее время при освобождении территории от противника только часть советских военнопленных нашими войсками направляется в армейские сборные пункты, а граждане СССР остаются на месте и в дальнейшем неорганизованным порядком самостоятельно отправляются на Родину».

Во исправление этого на каждый фронт направлялись представители Управления по делам репатриации, в подчинение которых были переданы Отделы по делам репатриации при Военных советах фронтов³⁵. В их задачу входило выявление, учет и регистрация всех советских граждан на освобождаемой от немцев территории и направление их на Родину организованным порядком. Для выполнения этой задачи Смородинов просил сформировать в составе 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов по одному сборному пункту для сбора и эвакуации советских гражданских лиц — самого массового контингента репатриантов³⁶.

Относительно **военнопленных** 4 ноября 1944 года было принято отдельное Постановление ГКО № 6884с — «О порядке направления бывших военнопленных-военнослужащих Красной Армии, поступивших после их освобождения советскими и союзными войсками»³⁷. Оно предписывало направлять их поголовно в СССР, в специальные запасные части военных округов, где их в течение 1—2 месяцев проверяли бы органы контрразведки «СМЕРШ» НКВД. Тех, кто прошел бы эту проверку, не вызвав подозрений, направлять на пополнение войск фронтов, а тех, кто был выявлен или заподозрен в качестве коллаборантов, направляли в спецлагеря для дальнейшей проверки органами НКВД и «СМЕРШ».

Всех офицеров, уже находившихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших из Финляндии (очевидно, из финского плена — *П.П.*) надлежало проверить не позже 1 декабря, после чего направить на формирование штурмовых батальонов. Всех же бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, уже находившихся в спецлагерях НКВД, а с ними и прибывших из Финляндии и Англии (4 ноября), предписывалось после проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительных работах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГ и НКВД СССР.

Что же касается **гражданских лиц**, то еще 14 и 21 октября 1944 года другой голиковский заместитель — Голубев — запрашивал заместителя наркома внутренних дел Чернышева³⁸. Он, в частности, просил:

«1. Сообщить, обязательно ли освобожденные советские граждане с фронтовых сборно-пересыльных пунктов должны направляться к месту жительства через проверочно-фильтрационные пункты или могут они непосредственно направляться к месту жительства.

2. Дать указание о немедленном уведомлении Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, какое количество советских граждан в каждом отдельном случае направляется с проверочно-фильтрационных пунктов к месту жительства, обязательно по областям, для своевременного их приема и устроения.

3. Ускорить высылку запрошенных сведений от 14.10.44 г.»³⁹

Как бы напоминая о том, кто главнее, Чернышев ответил Голубеву не сразу, а только 9 ноября — через 2,5 недели:

«По существу поставленных Вами вопросов НКВД СССР сообщает:

1. Все советские граждане, возвращающиеся на родину, должны проходить упрощенную проверку через ПФП, так же, как это установлено решением ГОКО <ГКО — П.П.> для возвращающихся из Польши.

2. Для этой цели возможно использовать частично ПФП НКВД, или, при необходимости, создать новые пункты. В этих случаях сами пункты и их материальное снабжение должно быть обеспечено Управлением Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, а проверочные комиссии будут организовываться НКВД СССР.

3. Сведения о количестве советских граждан, убывших из ПФП к постоянному месту жительства по областям, будут даны Вам после получения этих данных от ПФП»⁴⁰.

Но едва ли ни самым важным и срочным на первом этапе делом стала подготовка и публикация правительственного обращения к советским гражданам и военнопленным. Оно было преподнесено народу в форме интервью, которое Филипп Голиков дал корреспонденту ТАСС 11 ноября 1944 года. Слухи об ожидающих репатриантов репрессиях названы в нем «нелепостями» и «чудовишной ложью», которую даже как-то неудобно и «излишне опровергать». Официальная позиция советского руководства преподнесена здесь с невообразимым благообразием и прекрасноречием:

«...Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину...

Всем возвращающимся советским гражданам предоставляется полная возможность немедленно принять активное участие в разгроме врага и достижении победы, одним — с оружием в руках, другим — на производстве, третьим — в области культуры»⁴¹.

По Голикову, вроде как выходило, что все советские граждане — не важно, были ли они насильно угнаны в Германию или же выехали туда добровольно — это жертвы и невольники фашизма. И, в случае если за ними не числилось никаких «иных» прегрешений перед Советским государством, — уголовной ответственности они не подлежали (это же касалось и военнопленных, впрочем, продолжающих нести ответственность, но не за работу на врага, а за сдачу ему в плен).

Имевшаяся в интервью оговорочка — *«если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»* — все же наводила на мысль или, точнее, догадку, что такое условие прощения — **крючок**. (Как оно впоследствии и оказалось, в силу его исключительного удобства в качестве предлога для ареста любого неугодного репатрианта, чем бы он в советской действительности ни был недоволен и чем бы он ни стал ей неугоден).

В середине ноября 1944 года интервью Голикова было распространено среди советских граждан, в лагерях, освобожденных Красной Армией и войсками союзников. В конце 1944 — начале 1945 года оно было издано отдельной листовкой общим тиражом свыше 2 млн. экз. В то же время была выпущена и вторая листовка — «Гитлеровская Германия зажата в тиски между двумя фронтами» (тираж 500 тыс. экз.).

В феврале 1945 года отдельной листовкой (тираж — 1 млн. экз.) было выпущено письмо группы репатриированных граждан, уже работавших на текстильной фабрике им. К.Либкнехта в г. Вязники: листовка должна была дать успокоительный ответ на самый главный вопрос: «Как репатриантов встретят на родине?». Ее перепечатали обе советские газеты для репатриантов на Западе — «Родина зовет»⁴² и «Вести с Родины»⁴³.

В октябре 1944 года была начата работа и над серией брошюр для советских граждан, находившихся в плену или угнанных в Германию⁴⁴. Две первые брошюры — Н.Брычева «Домой на Родину!» и Фомиченко «Правда о победах Красной Армии» — были выпущены 50-тысячным тиражом уже в декабре.

Брошюрами и листовками дело, впрочем, не ограничилось. На тот случай, если они «сработают», было заготовлено около двух сотен проверочных пунктов и лагерей — и это только за пределами Родины!

В итоге начала выстраиваться мощная инфраструктурная сеть — от репатриационных миссий, рыщущих по всему свету в поисках *«подлежащих репатриации лиц»*, до районных представителей или служб, отвечавших за прием советских граждан на местах⁴⁵.

Примечания

- ¹ Приказом НКО СССР № 0521 от 29.12.1941. В тот же день было утверждено и Положение о СПП. См. доклад начальника СПП 28 Армии капитана Партолина (ЦАМО. Ф. 28А. Оп. 8482. Д. 23. Л. 83—91).
- ² РГВА. Ф. 1п. Оп. 1п. Д. 9. Л. 34.
- ³ Норма этапирования: 1 боец конвойных войск НКВД на 25—30 военнопленных, но не менее 3 бойцов (ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3017. Д. 401. Л. 48—48об.).
- ⁴ См.: СССР и германский вопрос, 1996, с. 365—383.
- ⁵ *«Необходимость выработки и согласования в ЕКК условий по этим вопросам вызывается еще и тем, что эти лица, будучи предоставленными самим себе, могут создать для Союзников большие затруднения как в деле осуществления эффективного контроля за проведением в жизнь условий капитуляции, так и в вопросах поддержания порядка в Германии»* (См. проект телеграммы В.М.Молотова Ф.Т.Гусеву от 16.08.1944 в: СССР и германский вопрос, 1996, с. 524, со ссылкой на: АВП. Ф. 012. Оп. 5. П. 56. Д. 40. Л. 13—16).
- ⁶ Постановление ГКО № 6457сс от 24.08.1944.
- ⁷ Сообщено Л.Решиным на конференции в Дрездене в июле 1997 г. Согласно Решину, это был ответ (отрицательный) на предложение Англии использовать освобождаемых союзниками советских граждан непосредственно для вооруженной борьбы с Германией. СССР настаивал на их незамедлительной репатриации, в предвкушении чего НКВД создавались дополнительные спецлагеря.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 46—47.
- ⁹ Постановление СНК Литовской ССР № 79 от 18.08.1944.
- ¹⁰ См. об этом в письме Уполномоченного Управления по делам репатриации при СНК СССР по Литовской ССР подполковника Харитонову генерал-лейтенанту Голубеву от 23.11.1944 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 12—15).
- ¹¹ Постановление СНК СССР № 1315-392с от 04.10.1944.
- ¹² См. о нем ниже.
- ¹³ С января 1941 по август 1943 г. — начальник штаба созданного в июле 1940 года Дальневосточного фронта (Кто был кто, с. 299).
- ¹⁴ Голубев, Константин Дмитриевич (1896—1956) — в Красной Армии с 1918; генерал-майор (1941), генерал-лейтенант (1942). В ходе войны командовал 10-й (июнь—июль 1941 года), 13-й (июль—август 1941 года) и 43-й (октябрь 1941 — май 1944 г.) армиями, затем — в распоряжении Ставки. В 1944—19.08.1949 — заместитель и 1-й заместитель Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации (освобожден от должности Постановлением СМ СССР № 3536 от 19.08.1945; на его место встал полковник Н.А.Филатов), затем — на преподавательской работе (Кто был кто, с. 73). Как правило, текущая деловая переписка Управления велась им, как и ответственные переговоры с представителями иностранных миссий в Москве (в частности, состоялось 13 встреч с Главой Французской миссии генералом Пети и генералом Келлером, 10 встреч с Главой Американской миссии генералом Дином и еще 2 встречи с контр-адмиралами Мейулсом и Ольсеном, 5 встреч с Главой Английской миссии контр-адмиралом Арчером и 2 встречи с генералом Гаммелем, встречи с дипломатами Норвегии, Бельгии, Югославии и Чехословакии). 22—23.05.1945 Го-

лубев вел переговоры с Помощником начальника штаба Главкомандующего союзных экспедиционных сил генерал-майором Баркером, завершившиеся подписанием в Галле важного соглашения с американцами (Отчет-1, с. 50—51). Так что основная тяжесть оперативного руководства всем ходом репатриации легла скорее на Голубева, чем на Голикова (совместивший свой репатриационный пост с более, по-видимому, значимой для него должностью главного кадровика наркомата обороны — см. ниже).

¹⁵ *Драгун Василий Михайлович* (1898 — ?) — в РККА с 1917 г., из них в 1937—1947 гг. — в органах военной разведки: в годы войны был начальником отдела оперативного управления ГРУ Красной Армии, заместителем начальника военных миссий СССР в Великобритании (1942—1943), а также в Италии и Франции (1944—1945). Начиная с весны 1945 г., представитель Управления по делам репатриации во Франции (а фактически — во всей Европе). Понятно, что ему доверялись и весьма деликатные поручения. В частности, Молотов дал ему полномочия представлять СССР на тайных переговорах американцев с генералом СС К.Вольфом относительно капитуляции германских войск в Северной Италии (См. письмо Молотова послу США в СССР А.Гарриману от 12.03.1945: СССР и Германский вопрос, 1996, с. 616—617, со ссылкой на: АВП. Ф. 06. Оп. 7. П. 14. Д. 137. Л. 10).

¹⁶ *Смирнов, Андрей Андреевич* (1905—1982) — видный советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. С 1936 — сотрудник центрального аппарата НКВД, в 1937—1941 — сотрудник и советник полпредства СССР в Германии, в 1941—1943 — посол СССР в Иране; в 1943—1949 — заведующий III Европейским отделом НКВД (с 1946 — МИД), одновременно в 1946—1949 — зам. министра иностранных дел СССР, член коллегии МИД СССР.

¹⁷ Возглавляемая Драгуном группа вылетела из Москвы спецсамолетом уже 18.10.1944. Полет проходил по маршруту Москва — Баку — Бендер-Шах — Мальта — Марсель — Париж. Кроме Драгуна в состав группы входили генерал-майор А.И.Вихорев, подполковники Ф.И.Мельников и Перегулов, а также майор П.М.Ананьев, впоследствии возглавившие советские репатриационные миссии в Швейцарии, Бельгии и Голландии, а также на севере Франции. См. в составленном Мельниковым альбоме материалов по репатриации советских граждан из зоны 21 группировки британских войск, дислоцированной на северо-западе Германии, в Дании и Бельгии (ЦМВС, № 3/53490).

¹⁸ Постановление СНК СССР № 1344-402с от 06.10.1944.

¹⁹ Постановление СНК СССР № 1482-456с от 23.10.1944.

²⁰ Положение об Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации и штаты соответствующего Управления, включая сюда и представителей Уполномоченного за границей, были утверждены Постановлением СНК СССР № 1482-456с от 23.10.1944.

²¹ Отчет-1, л. 21—27. Ю.Н.Арзамаскин (2001, с. 17) приводит также следующее место хранения документа: ЦАМО. Ф. 22. Оп. 11489. Д. 3^а.

²² ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а/2. Д. 23. Л. 11—14а. В частности, Постановлением ГКО № 7041с от 01.12.1944 10 тыс. репатриантов были направлены на заготовку дров для Москвы и подготовки к лесосплаву в навигацию 1945 г. (Отчет-1, с. 119).

²³ Распоряжение СНК СССР № 21407с от 15.11.1944.

- ²⁴ Отчет-1, с. 110. Всего было подготовлено 58 таких сводок.
- ²⁵ О впечатлении, произведенным Голиковым на одного из «подлежащего репатриации» граждан см. в воспоминаниях последнего: *«Типичный чекист, бритоголовый, с тусклыми глазами. Он молча обошел лагерь, нигде не задерживаясь и ни с кем не здороваясь. Утвердил русского коменданта и уехал»* (Лугин, 1987, с. 243—244; дело происходило в американском лагере для перемещенных лиц в Аахене).
- ²⁶ 20.03.1941 Ф.Голиков представил политическому и военному руководству СССР доклад «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР», содержавший основные положения плана «Барбаросса». Однако выводы, к которым пришел Голиков, были таковы: до победы над Англией Германия на СССР не нападет, а все противоречащее этому следует рассматривать как дезинформацию английской, а может быть и немецкой разведки (Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // ННИ. 1995. № 1. С. 56; см. также: Павлов А.Г. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // ННИ. 1995. № 2. С. 26—40). По утверждению израильского историка Г.Городецкого, сделанному им на состоявшейся в Москве 31.01.—03.02.1995 конференции, посвященной внешней политике СССР в 1939—1941, Сталин не доверял военной разведке и не ценил Ф.Голикова в качестве ее главы, считал его разведчиком неопытным и наивным (См.: [Аноним]. Начало войны и Советский Союз. 1939—1949 гг. Международная научная конференция в Институте Всеобщей Истории РАН // ННИ. 1995. № 4. С. 92; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999).
- ²⁷ Командовал 10-й, а с февраля 1942 года — 4-й Ударной армией; с апреля 1942 года — командующий Брянским, а с июля — Воронежским фронтами; с августа по октябрь 1942 года — командующий 1-й Гвардейской армией и заместитель командующего войсками Юго-Восточного (с 28 сентября — Сталинградского) фронта; с октября 1942 по март 1943 года — снова командующий Воронежским фронтом (Кто был кто, с. 71). Но Н.Толстому, ссылающемуся на рапорт Н.С.Хрущева, во время обороны Сталинграда Ф.Голиков панически боялся немцев (Толстой, 1988, с. 444—445).
- ²⁸ См.: Кто был кто, с. 71; Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 164.
- ²⁹ Написание фамилии в оригинале нечеткое: возможное прочтение — Ломтев (см.: Арзамаскин, 1999а, с. 267).
- ³⁰ Связь центрального Управления с низовыми органами, где бы они ни находились, осуществлялась через специальные узлы связи Генштаба Красной Армии, НКВД и НКВД. За 10.1944—03.1946 поступило 19.923 входящих и 7.142 исходящих шифротелеграмм (соответственно — 43.870 и 49.401 почтовых и телеграфных отправок).
- ³¹ Учет и отчетность подразделялись на оперативные учетные донесения, учетно-статистические, по политико-воспитательной работе, по устройству, медико-санитарному обслуживанию и материальному обеспечению. Низовые органы репатриации были подотчетны Управлению Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации, само же Управление — ЦК ВКП(б), Правительству и его органам.
- ³² Общее их число, по оценкам отдела, составляло около 30 тыс. чел., из них детей до 5 лет — 1500 чел. (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 202. Л. 18—19).

¹³ Ср. ошибочное прочтение: Вознесенский (Арзамаскин, 1999а, с. 268).

¹⁴ За № 027 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а/2. Д. 37. Л. 1—2). См. подробнее в главе 4.3.

¹⁵ См. Постановление СНК № 30-12 с от 06.01.1945 и утвержденную 31.01.1945 «Инструкцию начальнику Отдела по делам репатриации при Военном Совете фронта по приему, содержанию, учету и направлению советских граждан» (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 3. Л. 6—10).

¹⁶ За № 03 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а/2. Д. 23).

¹⁷ См.: Захаров, 1999, с. 49—50.

¹⁸ Чернышев, Василий Васильевич (1896—1952) — комиссар госбезопасности 2 ранга, генерал-полковник, в 1941—1959 — зам. наркома НКВД/МВД. Письмо № 0021 от 21.10.1944 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 22. Л. 3). Ср. также в письме № 043 от 27.10.1944 начальника Отдела по устройству граждан СССР, возвращающихся на родину, полковника Разумова и его старшего помощника майора Баранова начальнику Отдела спецлагерей НКВД СССР полковнику Шитикову: «...прошу выслать сведения о движении советских граждан через всю сеть проверочно-фильтрационных пунктов НКВД, за все время их существования, указав в них: наименование пункта, число прибывших граждан с подразделением по областям — месту их бывшего постоянного жительства до увода в Германию или оккупированную ею страну; направлено в области (какие и сколько), в том и другом случае с разбивкой на мужчин, женщин и детей. Периодически, 3 раза в месяц (1, 10, 20 числа), просим информировать нас о дальнейшем движении возвращающихся граждан в приемно-фильтрационных пунктах. В случае прибытия больших партий от 100 чел. и выше, просим ставить нас в известность немедленно. По встретившейся надобности просим срочно сообщить эти данные по проверочно-фильтрационному пункту города Выборг» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 22. Л. 4).

¹⁹ Письмо № 1-21311 от 09.11.1944 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 22. Л. 8).

²⁰ Правда. 04.11.1944.

²¹ Издавалась в Билефельде в период с 22 июня по 17 октября 1945 года. Редактором газеты был начальник сборного пункта В.А.Родинов (о газете см.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 13).

²² Издавалась в Париже Посольством СССР, начиная с 22.02.1945 (Отчет-1, с. 127—128, 130). Кроме того в г. Гемер выходила многотиражная еженедельная газета «Счастливый путь».

²³ В общей сложности 19 названий — тиражом 1,1 млн. экз. (см. во введении).

²⁴ Директивное письмо за № 0725 о подготовке к массовому приему репатриантов было направлено Голиковым Председателям СНК союзных республик 27.12.1944.

4.2. Соглашение в Ялте: правовая база беззакония

Все эти приготовления не стоили бы ни гроша, — и, возможно, были бы предприняты отнюдь не с таким размахом, если бы союзники — Великобритания и Соединенные Штаты — отказались удовлетворить требования насильственной депортации миллионов «бывших военно-служащих Красной Армии», гражданских рабочих и прочих пособников врага, которые после войны неминуемо окажутся в их руках. Зимой 1944/45 гг. в немецком плену находилось около 40 тыс. англичан и 75 тыс. американцев, и союзники понимали, что их граждане могут оказаться (точнее: не могут не оказаться) и в цепких советских руках.

Историкам пока неизвестно, как и когда это требование было сформулировано и высказано. Но, кажется, известно, как и когда оно было **принято** британским кабинетом.

Английский историк граф Н. Толстой утверждает и доказывает, что это произошло 4 сентября 1944 года. Конечно, не безусловно и, конечно же, при гарантиях, но уже сама их формулировка гарантий любопытна: гарантировать следовало «неприменение к репатрируемым мер, могущих вызвать ответные репрессии немцев к английским военнопленным»! Позднее англичане отказались даже от таких постыдных «условий» и «гарантий».

С этого момента британскую политику в вопросах репатриации в СССР определяла опережающая готовность Лондона удовлетворять практически любые требования Москвы. И хотя дипломатическая переписка по поводу репатриации началась задолго до переговоров премьер-министра Черчилля и министра иностранных дел Идена в Москве 11—17 октября 1944 года, но именно тогда, 11 октября, за обедом в английском посольстве в одночасье и решилась судьба советских военнопленных¹.

После встречи с Молотовым 16 октября Иден заявил, что англичанами обеспечены условия (sic!) для репатриации первых 11 тыс. советских граждан. Об их скорейшей высылке на завтра сказал Сталину и Черчилль, на что Сталин философски заметил: «...*Среди этих людей есть и подлецы, но мы не очень строго будем с ними обращаться*»².

По Н. Толстому, утвердительно ответил Иден и на следующие достойные вопросы своего достойного коллеги: «Считает ли правительство Его Величества, что все советские граждане без исключения должны быть возвращены в Россию как можно скорее?» и «Согласно ли английское правительство, что вопрос о возвращении советского гражданина в СССР не может решаться исключительно на основании желания или нежелания индивидуума (некоторые советские граждане могут не захотеть вернуться, потому что они помогали немцам, но советское правительство требует права возвращения для всех своих граждан)?».

Итак, не **гражданина**, а **государство** предлагалось считать субъектом «права возвращения для всех своих граждан»!

«Аплодисментов» заслуживает и заключительный разговор самого Черчилля с самим Сталиным:

— **Черчилль:** ...*Что касается еды, то Англия, по просьбе маршала Сталина, обеспечила отправку в СССР 45 тысяч тонн солонины. Мы, кроме того, отправляем в СССР 11 тысяч бывших советских военнопленных, чтобы было кому эту солонину есть.*

— **Сталин:** ...*Очень многих военнопленных заставили воевать за Германию, тогда как остальные пошли на это по доброй воле.*

— **Черчилль:** ...*Нам очень трудно разделить эти две категории. Поскольку они сдались нам, мы имеем право ходатайствовать за них... Я надеюсь, что все они будут отосланы в СССР»³.*

Вопрос об обмене освобожденными военнопленными должен был обсуждаться в ноябре 1944 года в особом подкомитете Европейской Согласительной Комиссии, но обсуждение даже не состоялось по причине отсутствия у американской делегации необходимых полномочий для принятия каких бы то ни было решений⁴. Этот вопрос ставился перед американцами и в двустороннем порядке, причем СССР настаивал на привязке к нему вопроса об обязательной выдаче коллаборантов, против чего США поначалу возражали, но возражали только в принципиальном (точнее, в процедурном) плане: ведь корабль с первой партией такого рода людей накануне нового 1945 года уже отчалил! (Правда, отметим, что уже тогда союзники отказывались ставить на одну доску с советскими гражданами граждан прибалтийских стран и Польши, чья депортация в СССР ими отвергалась)⁵.

Окончательно насильственную репатриацию определили — и укорили ее реализацию — переговоры и соглашения, прошедшие и подписанные 10 и 11 февраля 1945 года в Ялте — на Крымской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Эволюция британской политики, по Н.Толстому, такова. Сначала — отказ отправить назад тех пленных, которые могли бы подвергнуться наказанию до прекращения военных действий, что привело бы к немецким контрмерам. Затем — согласие с отправкой всех пленных, но при условии, что советские власти к ним не применяют никаких репрессий до капитуляции Германии (СССР даже на это не пошел, да и в любом случае такое обещание «*веряд ли стоило бы дорожке клочка бумаги, на котором оно было написано*»). Наконец — согласие на всеобщую и безусловную репатриацию, независимо от индивидуального желания пленных⁶.

Понимая правовую шаткость английской позиции, американцы поначалу настаивали на том, что пленные, захваченные в немецкой форме и объявившие себя немецкими гражданами, согласно Женевской

конвенции, должны таковыми и считаться. Применительно к советским гражданам, в свое время взятым немцами в плен, это могло означать избавление от угрозы принудительной репатриации. Однако лишь немногие смогли оценить ситуацию и использовать спасительный шанс. Даже офицеры, скорее всего, не понимали своих прав.

Тем не менее, после всех колебаний и проволочек и под нажимом генерала Эйзенхауэра (поначалу поддерживавшего политику насильственной репатриации, дабы не ставить «под удар» освобождаемых советскими войсками американских военнопленных) исполняющий обязанности госсекретаря Стеттиниус вручил 8 ноября 1944 года советскому послу Громыко письмо, где дословно говорилось:

«Правительство США примет все необходимые меры, чтобы отделить всех пленных, заявивших о советском гражданстве, и собрать их в специально установленном месте, где представители советского посольства смогут иметь к ним доступ для проведения допросов. Всякое лицо, чьи утверждения о советском гражданстве будут проверены американскими властями при сотрудничестве вашего посольства и чье возвращение под советский контроль будет затребовано вами, будет передано вашим властям»⁷.

Это письмо «сработало» в том смысле, что 25 ноября Госдепартамент получил письмо Молотова, соглашавшегося на содействие в скорейшей репатриации американских военнопленных на условиях безоговорочной репатриации бывших советских. Госдепартамент «среагировал», и 10 декабря в ответе на запрос генерала А.Кирка из Италии формулировка уже звенела тоталитарным металлом:

«Правительство США решило придерживаться следующей политики: все пленные, заявившие о своем советском гражданстве, будут выданы советскому правительству независимо от их желания»⁸.

Из этого, по логике, вытекало, что выдаче не подлежат те, кто назовет себя не советскими гражданами, а немецкими военнопленными. Тем самым заурядный вопрос о гражданстве при заполнении анкет в лагерях для перемещенных лиц приобретал поистине определяющее, **роковое** значение.

В отличие от Англии, чей министр иностранных дел так рано и так удачно позавтракал в Москве со Сталиным, Соединенные Штаты и формально, и юридически сохраняли свои руки развязанными. Эту свою несколько повышенную «щепетильность» (или, попросту, внешнюю приверженность Женевской конвенции 1929 года) американцы хранили достаточно долго — по меньшей мере до конференции в Ялте. Но состоявшаяся в феврале 1945 года Крымская конференция союзных держав практически сnivelировала позиции Англии и США и подвела под этой проблемой определенную черту.

Вот выдержка из ялтинской беседы Сталина с Черчиллем и Иденом 10 февраля 1945 года. Собеседники стоят друг друга: один льет крокодиловы слезы и просит не бить заблудших овечек, другой, — говоря с волком и твердо зная, что говорит именно с волком! — обещает овечек доставить первым же транспортом («дело за тоннажем»). Первым вопрос поднял Черчилль, который как раз —

«...узнал, что в Западной Европе находится довольно большое количество русских военнопленных. Немцы обращались с ними, как с рабами, а некоторых заставляли поднять оружие против союзников.

Сталин говорит, что Советское правительство просило бы, чтобы советских граждан, находящихся в руках союзников, не били⁹ и чтобы не заставляли их становиться изменниками родины.

Черчилль отвечает, что таких случаев нет. Британское и Советское правительства уже как будто договорились об условиях труда советских граждан, находящихся в руках союзников. 11 тысяч советских граждан уже возвратились на родину, предполагается отправка еще 7 тысяч.

Сталин заявляет, что среди советских граждан есть люди, которых немцы силой заставляют работать, но есть и такие, которые добровольно подняли оружие против союзников. Такие люди, конечно, должны нести ответственность за свои действия. Союзники имеют полное право держать их у себя в своих лагерях. Но он хотел бы предупредить, что людей той и другой категории Советское правительство считает советскими гражданами.

Черчилль заявляет, что британское правительство хочет вернуть возможно скорее на родину ту и другую категорию людей. Дело за тоннажем.

Сталин говорит, что Советское правительство просит также британское правительство держать советских граждан отдельно от немцев и не ставить их на одну доску с немцами.

Черчилль говорит, что британское правительство стремится удовлетворить пожелания Советского правительства... Черчилль просит по возможности отправить английских военнопленных на тех же пароходах, на которых должны прибыть в ближайшее время 7 тысяч советских граждан.

Сталин говорит, что это, конечно, можно будет сделать¹⁰.

В тот же день конференции было предложено совместное англо-американское заявление прессе о результатах Крымской конференции, где в специальном разделе говорилось об освобожденных военнопленных и гражданских лицах:

«Было достигнуто всестороннее соглашение, предусматривающее детальные мероприятия по защите, содержанию и репатриации военнопленных и гражданских лиц Британского Содружества, Советского Союза и Соединенных Штатов, освобожденных союзными силами, вступающими сейчас в Германию.

В соответствии с этими мероприятиями каждый союзник будет предоставлять пищу, одежду, медицинское обслуживание и другую необходимую помощь гражданам и подданным стран-союзников до тех пор, пока не будет предоставлен транспорт для их репатриации. <...> Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц»¹¹.

Итак, 11 февраля 1945 года в Ялте по уполномочию своих правительств Вячеслав Молотов и Энтони Иден подписали двухстороннее англо-советское, а генерал-лейтенант А.А.Грызлов и генерал-майор Д.Р.Дин — американско-советское соглашения¹². Молотов и Иден подписали еще несколько документов, в частности, заключили дополнительный договор о статусе русских, находившихся в лагерях на территории Англии¹³, согласно которому советские граждане, освобожденные союзниками, будут незамедлительно «отделяться от немецких военнопленных и содержаться отдельно от них», после чего они «будут собраны в определенных местах и лагерях, куда советские представители по репатриации будут немедленно допускаться».

Особенно примечательна статья 2: «Для целей внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам». Итак, управление лагерями предоставлялось советской стороне, англичанам же доверялась оплата всех усилий, а также доставка советского люда до советских передаточных пунктов или же прямо на родину¹⁴.

Сходные права советские офицеры вскоре получили и от американцев. Принципиальное значение для определения судьбы советских ДИПи имел административный меморандум SHAEF № 39, изданный в ноябре 1944 и переработанный в апреле 1945 года¹⁵. Согласно его поздней версии, применительно к советским ДИПи предусматривались следующие дополнительные меры и мероприятия:

«а) Советских граждан надлежит собирать в отдельных центрах (лагерях), сразу же после того как претензия советских представителей по репатриации на их советское гражданство будет признана. До этого они подлежат обеспечению на правах "перемещенных лиц Объединенных Наций", однако так, чтобы ответственность за их снабжение и репатриацию ни в коем случае не ложилась или делегировалась правительствам освобожденных союзных государств;

б) Советские представители по репатриации имеют право устанавливать внутреннее управление, внутренний распорядок и руководство лагерей в соответствии с Уставом Советской Армии и законами СССР, во всяком случае назначать военного коменданта или офицера в качестве лагерного коменданта, на котором лежит ответственность за все управление и дисциплину в лагере. Военные коменданты отвечают за охрану лагеря и контроль за входом и выходом из него;

в) советские Дипи после их идентификации советскими репатриационными представителями будут репатриированы независимо от их личного желания»¹⁶.

За собой американцы оставили, в сущности, только материальное обеспечение лагерей и еще почетное право отбирать кандидатов для проживания в них и прохождения волнующей процедуры идентификации.

Несколько позже — 13 марта и 29 июня 1945 года — соглашения, аналогичные ялтинским, были заключены СССР с Бельгией¹⁷ и Францией. Последнее — «Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем французских и советских властей» — было подписано в Москве: с советской стороны — заместителем наркома иностранных дел А.Вышинским¹⁸, с французской — Временным поверенным в делах Франции в СССР Пьером Шарпантье¹⁹.

Относительно советско-французского договора долго ходили легенды (основанные, в частности, на слухах о выдаче французами в СССР прибалтов), что оно составлено — по отношению к репатриантам-отказникам — еще жестче, чем ялтинские. Знакомство с текстом договора этого не подтверждает²⁰. Договор, по сути, идентичен ялтинским соглашениям, из его текста выпала лишь статья 8 (видимо, как само собой разумеющаяся)²¹, а также некоторые исторические анахронизмы типа «обеспечения защиты от бомбардировок» и т.п.

Самая существенная отличительная черта советско-французского соглашения — наличие следующего протокола из двух пунктов:

«1. Репатриации подлежат все <выделено мною — П.П.> советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой договаривающейся Стороны.

2. Упомянутое Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан распространяется также на освобожденных Красной Армией жителей французских владений и французских протекторатов».

В пояснениях нуждается разве что первый пункт. К концу войны во Франции накопилось значительное количество советских граждан²². Это были или военнослужащие вермахта (некоторые русско-немецкие соединения на западном театре военных действий оставили по себе самую худую память своей жестокостью по отношению к мирному французскому населению), или же остарбайтеры, «трудоустроенные» в Эльзасе, Лотарингии и на других французских территориях; немало было и таких военнопленных и гражданских, кому удалось бежать и примкнуть к макизерам — французским партизанам (некоторые даже сражались в рядах регулярной французской армии генерала де Голля). Но французов, в отличие от англичан и американцев, с СССР особенно «связывало» то обстоятельство, что и на стороне

Рейха воевало около 130 тыс. «новоприобретенных» французских граждан из Эльзаса и Лотарингии, принудительно мобилизованных в вермахт; кроме того немало французов — частично на принудительной, а частично и на добровольной основе — служили во вспомогательных немецких частях на восточном театре военных действий. Многие из них, естественно, оказались в советском плену, в общей массе немецких военнопленных. Это делало тезис о тотальной и обоюдной репатриации советских и французских граждан для французской стороны не менее желательным и важным, чем для советской²³.

Поскольку репатриации подлежали только **советские** граждане, а не советские — не подлежали, то ясно, какую огромную роль играли критерии советского гражданства, которыми руководствовались при репатриации западные союзники СССР. Критериев, в сущности, было два, и оба, на первый взгляд, чрезвычайно просты и однозначны:

— или проживание до 3 сентября 1939 года на территории СССР в его границах до этой даты,

— или пленение позднее 11 февраля 1945 года (даты подписания Ялтинского договора).

Коли так, то принудительной репатриации никак не могли подлежать жители Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Северной Буковины, а также старые русские эмигранты, покинувшие Россию до сентября 1939 года. Из этого, собственно говоря, — во всяком случае, официально — исходило британское Правительство. 25 августа 1945 года, отвечая на меморандум Молотова о репатриации из Норвегии и Соединенного Королевства советских граждан из прибалтийских государств, Западной Украины и Западной Белоруссии, врученный ему 30 июля в Потсдаме, Бевин писал (подчеркнуто нами — П.П.):

«Как Вам известно, Правительство Его Величества еще не признало включения этих территорий в состав СССР и его политика в отношении перемещенных из этих территорий лиц заключается в том, чтобы разрешать репатриацию всех тех, кто готов вернуться на родину через СССР, но не принуждать к возвращению кого-либо, кто возражает против этого. Поэтому я сожалею, что я не могу выполнить просьбы г-на Молотова о том, чтобы все лица, перемещенные из этих территорий, были переданы советским репатриационным властям. На пути тех перемещенных лиц из этих территорий, которые желают быть репатрированными, не будет ставиться никаких препятствий, и уже действуют указания об их передаче советским властям; но те, которые не желают возвращения на родину, не будут принуждаться к этому и не будут передаваться советским властям...»²⁴

То же самое было повторено и в Меморандуме от 22 сентября 1945 года делегации Великобритании на заседании СМВД в Москве:

«Советский меморандум ссылается на то, что не проводится репатриация лиц из балтийских государств, Западной Украины и Западной Белоруссии "в соответствии с Ялтинским Соглашением". Правительство Его Величества не признает требования Советского правительства о том, что эти лица являются советскими гражданами, и поэтому, в соответствии с Ялтинским Соглашением, не считает их подлежащими насильственной репатриации»²⁵.

С такой интерпретацией не соглашались — и всегда против нее яростно возражали — представители советской стороны. «Ну как же так?!» — стыдил и укорял союзников Молотов:

«Уважаемый г-н Бевин,

В своем меморандуме от 22 сентября по вопросу о репатриации советских граждан Британское Правительство заявляет, что оно не признает лиц, происходящих из западных областей Украины и Белоруссии советскими гражданами и не считает себя обязанным применять к ним Крымское Соглашение о репатриации <на самом деле — см. выше — не считает соглашение имеющим к ним отношение — П.П.>. Советское Правительство считает необходимым обратить внимание Британского Правительства на то, что эта его позиция находится в противоречии с решениями Крымской Конференции руководителей Трех Союзных Держав. Как известно, на этой Конференции было решено, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от 5 до 8 километров в пользу Польши.

Ввиду того, что Британское Правительство дало согласие на приведенное выше решение Крымской Конференции, принятое к тому же при ее непосредственном участии, у него нет оснований утверждать, что оно не признает требования Советского Правительства о том, что лица, происходящие из западных областей Украины и Белоруссии, являются советскими гражданами.

В соответствии с вышеизложенным Советское Правительство считает необходимым подтвердить выводы по этому вопросу, изложенные в его Меморандуме от 11 сентября с.г., и настаивает, чтобы к советским гражданам, происходящим из западных областей Украины и Белоруссии, в точности применялись все условия Крымского Соглашения.

«То же касается вопроса о советских гражданах, происходящих из Литвы, Латвии и Эстонии и других вопросов, затронутых в упомянутом выше Меморандуме Британского Правительства, то ответ по этим вопросам я сообщу Вам дополнительно... В. Молотов»²⁶.

Как и следовало ожидать, за упорством и яростью советских дипломатов, — как и за их готовностью рассматривать вопрос о прибалтах отдельно, — стоят не простота и не наивность, а дипломатическое лукавство, направленное на достижение поставленных перед

собой целей. На самом деле дипломатам было хорошо известно и понятно, что — далее следует цитата из разъяснения начальника Договорно-Правового Управления МИД СССР тов. С.Голунского — *«переход территории не означает автоматического перехода гражданства»*²⁷.

Даже допущение «спорности» гражданства длительное время было для советской стороны неприемлемым²⁸. Еще бы, ведь она уже привыкла к совершенно иной «процедуре»! Так, приблизительно до апреля 1945 года советской военной миссии в Англии позволяли устанавливать гражданскую принадлежность репатриантов по своему усмотрению. В используемых для этого анкетах даже не было графы «гражданство», зато, разумеется, была «национальность». И только в апреле, когда участились случаи самоубийства среди тех, кому было отказано в праве остаться, англичане удосужились провести собственную проверку потенциальных репатриантов, что позволило вывести из-под угрозы насильственной репатриации и ее последствий немало людей.

Остается, однако, большой загадкой, почему же те самые принципы и понятия, те правила и права, что с таким достоинством и изяществом формулировал г-н Бевин в августе и сентябре и которые были даже апробированы в Альбионе уже в апреле, совершенно не применялись, теми же англичанами, скажем, в Австрии, где в июне и позднее происходили позорнейшие выдачи в СССР казаков, старых эмигрантов и других коллаборантов²⁹.

И коллаборационизм, и самое попадание в плен, по советским понятиям, трактовались как деяния преступные, независимо от конкретных обстоятельств и международных норм. Поэтому правового поля для разбирательства и принятия хотя бы индивидуальных решений просто не оставалось. В случае с советскими военными коллаборантами юридическая ликантность ситуации усиливалась еще тем, что речь, в сущности, шла о военнослужащих — **одновременно** как бы бывших советских и бывших немецких!

Нужно было, кстати, найти некий нетривиальный статус для этих людей. Глава советской военной миссии в Англии генерал-майор Васильев предлагал: *«советские граждане, временно находящиеся на территории союзной страны»*. Англичане уповали на принятый в 1940 году «Акт о союзных вооруженных силах», но СССР с этим неожиданно не согласился. В Москве опасались, что в таком случае англичане захотят организовать вооруженный Русский легион: ведь даже Гитлеру удалось собрать под свои знамена около миллиона русских военнопленных!

Никакого правового решения по этому вопросу ни в Ялте, ни после нее найдено не было. Даже если забыть о традициях предоставления политического убежища, которыми так гордились обе ведущие демократические державы, ялтинские соглашения расходятся с другими международными конвенциями, под которыми стоят подписи

ЗА МУКИ
ЗА РАНЫ
Я ОТМЩУ

МЫ ЖДЕМ ТЕБЯ
ДОМОМ
ИЗ НЕМЕЦКОЙ НЕДВЕРИ

ОСВОБОЖДЕННЫЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ
ВЫ ИЗБАВЛЕНЫ ОТ РЫГА ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛИ

IV.1а, IV.1б, IV.1в. Плакаты, изданные Политпросветом
для репатрируемых советских граждан. 1944 г.
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 6, л. 49)

IV.2. Вывеска Управления Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации граждан СССР.
Кадр из документального кинофильма «На родину» (ЦГАКФ, 1-9301)

IV.3а. Уполномоченный СМ СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковник Ф.И.Голиков, его заместители, помощники и начальники отделов управления (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 5, л. 2)

IV.3б. Помощник Ф.И.Голикова генерал-майор Ревякин (ЦМВС, 3/3675/2)

IV.4. Одни из первых репатриантов в СССР: бывшие военнопленные, возвращающиеся через Иран, обедают на железнодорожной станции в Бендер-Шахе (Иран).
Кадр из «Кинолетописи», ноябрь 1944 г.
(ЦГАКФ, I-11037, оператор Б.Макасеев)

IV.5. На барже — 2800 человек (на подходе к теплоходу «Дагестан»). Бендер-Шах (Иран).
Кадр из «Кинолетописи», ноябрь 1944 г.
(ЦГАКФ, I-11037, оператор Б.Макасеев)

IV.6a. Встреча эшелона с репатриантами-ингерманландцами из Финляндии.
Выборг, конец 1944 г. (ЦГАКФ, сн. 0-83807)

IV.6б. Группа репатриантов, прибывших в товарном вагоне из Финляндии.
На дверях — портрет Сталина. Выборг, конец 1944 г. (ЦГАКФ, сн. 0-83805)

IV.7а. Представитель Уполномоченного по делам репатриации генерал-майор Семенов с возвращенными из Финляндии детьми.
Выборг, конец 1944 г.
(ЦГАКФ, сн. 0-83806)

IV.7б. Представители советской власти и репатрианты-ингерманландцы.
Выборг, конец 1944 г.
(ЦГАКФ, сн. 0-83808)

IV.8. В день освобождения. Остарбайтеры на авиационном заводе в Познани.
На табличке — надпись: «Betreten des Lagers ohne Lagerausweis nur mit Genehmigung der Lagerleitung»
(«Посещение лагеря без лагерного удостоверения только с разрешения руководства лагеря»).

Район Познани (Польша), 1-й Белорусский фронт, 1944 г.
(ЦГАКФ, сн. 0-316466, фото Г.Капустянского)

IV.9. Освобождение. Остовка и пожилые солдаты. Район Познани (Польша), 1-й Белорусский фронт, 1944 г.
(ЦГАКФ, сн.0-316468, фото Г.Капустянского)

IV.10. Остовки и солдаты помоложе. Кюстрин, 1-й Белорусский фронт, 27 марта 1945 г.
(ЦГАКФ, сн. 0260797, фото Архипова)

IV.11. Советские граждане на станции Берноймен в ожидании эшелона на родину.
Берноймен (Berneimien), 1945 г. (ЦГАКФ, сн. 0-257543)

IV.12. Персклічка в Ди-Пи лагере Хемер (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 62, л. 16)

IV.13. Полковник Трунин, начальник лагеря № 226 в Бранденбурге, выступает перед отъезжающими.
Кадр из фильма «На Родину» (ЦГАКФ, I-9301)

IV.14. «Сдал — принял». Американский и советский офицеры на сборном пункте советских граждан в г. Штейер (Австрия).
Кадр из «Кинолетописи», июнь 1945 г. (ЦГАКФ, I-11181, оператор Б.Небылицкий)

IV.15. Мать и сын. Теплоход «Вячеслав Молотов» доставил их из Гавра в Одессу.
Кадр из киножурнала «Новости дня», 1946 г., № 50, сюжет «Снова на Родине»
(ЦГАКФ, I-5321, операторы М.Ошурков, Р.Халушаков, С.Коган, З.Фельдман)

IV.16a. «Хэппи энд», Василий Баранов (справа) играет в оркестре на саксофоне (Архив В.Баранова)

IV.16б. «На посошок», Советские граждане в Чехословакии перед отправкой на родину (ЦМВС, 3/Б-11817/2)

Англии и США. Этот вывод сделал профессор Дж. Дрейпер в памятной записке «Некоторые юридические аспекты насильственной репатриации советских граждан»:

«Поскольку никто не озаботился вопросом о незаконности насильственной репатриации этих советских граждан из Англии или из оккупированной Европы, это дело никогда не рассматривалось с юридической точки зрения. Крушение Германии в мае 1945 года, незнание советскими гражданами своих прав, отсутствие у них возможности настаивать на этих правах и неосведомленность английской общественности — все эти факторы, вместе взятые, позволили совершиться насильственной репатриации»³⁰.

К тому, как эта репатриация, заслуженно названная **насильственной**, будет осуществляться, мы еще вернемся, — пока же коснемся приготовлений, предпринятых СССР для ее эффективного осуществления.

Примечания

¹ Толстой, 1988, с. 69—71.

² См. запись беседы Сталина и Молотова с Черчиллем и Иденом 17.10.1944: СССР и германский вопрос, 1996, с. 561, со ссылкой на: АВП. Ф. 06. Оп. 7-а. П. 58. Д. 19. Л. 2—7.

³ Толстой, 1988, с. 72.

⁴ Вейган — Стеттиниусу, 28.01.1945 (NA, RG 59, 762.61114) — сообщено С.Карнером).

⁵ NA, RG 59, 762.61114 (сообщено С.Карнером).

⁶ Толстой, 1988, с. 41. Весь процесс созревания этого решения совершился в течение лета 1944 года.

⁷ Толстой, 1988, с. 84—86.

⁸ Толстой, 1988, с. 88. Вместе с тем Дж.Кеннан, работавший тогда в посольстве США в Москве, говорил, что дипломатам было более чем ясно, что репатриацией и наказанием репатрируемых занимается НКВД, и в посольстве не питали никаких иллюзий относительно их дальнейшей судьбы по возвращении на Родину: *«Действия западных правительств внушали мне ужас и чувство стыда»*, заключал Дж.Кеннан (Там же, с. 87).

⁹ Пример нормативного мышления именно Сталина: разговор от имени общества, где в такой ситуации битье являлось бы нормой.

¹⁰ Крымская конференция, с. 211.

¹¹ Крымская конференция, с. 194—195.

¹² Точные названия соглашений: «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под советским командованием, и войсками, находящимися под британским командованием <или: под командованием Соединенных Штатов Америки>». Их содержание было совершенно аналогичных. См.: Крымская конференция, с. 264—267 и 275—279. Тексты соглашений не разглашались и впервые были опубликованы только в 1955 году — в США (Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Yalta. 1955, p. 985—987) и в СССР (Сборник действующих договоров, с. 143—157; тираж издания — 5 тыс. экз.).

- ¹³ Полное название: «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве». Соглашение сопровождалось двумя приложениями — 1) «Относительно юрисдикции в Соединенном Королевстве над членами советских соединений» (английская юрисдикция сохранялась лишь в случаях серьезных преступлений) и 2) «Относительно финансовых мероприятий, регулирующих выдачи ссуд, производимых Правительством Соединенного Королевства освобожденным советским гражданам как членам советских соединений, и обеспечение припасами и снабжение этих соединений». См.: Крымская конференция, 1979, с. 270—274.
- ¹⁴ Крымская конференция, 1979, с. 290—292.
- ¹⁵ Shaeff: Administrative Memorandum № 39, 18.11.1944 and 16.04.1945 (см.: Eisterer, 1992, s. 360, со ссылкой на: IfZ, Fb.01.06. fol.40f).
- ¹⁶ Jacobmeyer, 1985, s. 127—128.
- ¹⁷ «Соглашение между СССР и Бельгией о репатриации их граждан, «перемещенных» вследствие войны» (Впервые опубликовано в: Сборник действующих договоров, с. 141—143, документ № 466). Особенностью этого соглашения было то, что оно заключалось сроком на 3 месяца с правом продления на 3 месяца, если та или другая сторона заблаговременно не заявит о прекращении его действия. Сведениями о сроке завершения действия соглашения мы не располагаем.
- ¹⁸ Вышинский, Андрей Януарьевич (1883—1954) — советский юрист и дипломат в ранге чрезвычайного и полномочного посла, доктор юридических наук и член Академии наук СССР (1939). В 1940—1946 — первый заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1946—1949 — заместитель министра иностранных дел СССР, в 1949—1953 — министр иностранных дел СССР, в 1953—1954 — первый заместитель министра иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН.
- ¹⁹ В тот же день Постановлением СНК СССР № 1497-341с это соглашение было утверждено.
- ²⁰ Работа над соглашением началась почти сразу же по завершении конференции трех держав в Ялте. Уже 20.02.1945 в Париже, а в марте в Москве прошли первые переговоры: с французской стороны их вели Шарпантье и посол Катруе (Catroux), с советской — зав. Отделом Западной Европы НКВД Кулаенко и зам. наркома Деканозов (SHAT, Carton 4Q, Dossier 1). К моменту подписания соглашения в СССР и Францию было репатрировано приблизительно по 15 тыс. из, соответственно, 100 и 32 тыс. чел. (См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 541—542.). Полный текст см. в Приложении 12, где он дается по первопубликации в: Сборник действующих договоров, с. 158—161, документ № 470. Перепечатан в сб.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 449—453. Проект соглашения и протокола (с датой: 26.06.1945) см.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 19—22. Во Франции впервые напечатан еще в 1948 г., но без текста дополнительного протокола: La Documentation Française: Notes Documentaires et Études. № 801. Paris, 1948.
- ²¹ Приведем тем не менее ее текст: «Статья 8. Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные по-

ложения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций».

²² Например, для осени 1944 года К.Айстерер называет цифру 94 тыс. чел. (Eisterer, 1992, s. 242).

²³ Посольство Франции в Москве обратилось 11.09.1945 в НКВД с письмом: благодаря СССР за возвращение части французских граждан из Эльзаса и Лотарингии, оно выражало беспокойство в связи с крайне истощенным состоянием репатриировавшихся и просило об ускоренной репатриации остальных. Ссылаясь на договор от 29.06.1945, французы просили разрешить французским офицерам по репатриации посетить, в сопровождении советских офицеров, соответствующие лагеря (АВП. Ф. 0431. Оп. 1. П. 9. Д. 54. Л. 76—77; к письму подколота справка о ходе репатриации французских военнопленных из СССР на 25.09.1945: всего — 15.139 чел. <эта цифра зачеркнута, красным карандашом выделено, что французскому Уполномоченному по репатриации в Москве Келлеру была сообщена цифра в 12—13 тыс. чел.>, из них: доставлено во Франкфурт-на-Одере — 05.149 чел., из них 2.592 чел. уже переданы союзникам; находятся в пути из лагерей НКВД — 7.921 чел. <эта цифра также зачеркнута>; будут доставлены во Франкфурт-на-Одере до 01.10.1945 — 2.069 чел.). Также известно, что чуть ли не единственной темой собеседования представителей французских оккупационных властей в Германии с возвращающимися из СССР немецкими военнопленными были сведения об эльзасцах и лотарингцах (сообщено, например, бывшим военнопленным Э.Нюблингом из г. Денцинген).

²⁴ Нота Министра иностранных дел Бевина от 25 августа за № 9621/409/38 (АВП. Ф. 0431. Оп. 1. П. 9. Д. 54. Л. 40).

²⁵ Меморандум делегации Соединенного Королевства, 22.09.1945 (АВП. Ф. 0431. Оп. 1. П. 9. Д. 54. Л. 83—84).

²⁶ Письмо В.Молотова Э.Бевину, Лондон, 24.09.1945 (АВП. Ф. 0431. Оп. 1. П. 9. Д. 54. Л. 89—90).

²⁷ Начальник ГУПВИ МВД СССР, генерал-лейтенант Т.Филиппов — К.Голубеву, 08.07.1947 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 34. Л. 179).

²⁸ Ср., например, предложения по процедуре определения гражданства лиц из стран Балтии, Западной Украины и Западной Белоруссии, сделанные в августе 1945 г. главой английской военной миссии в Норвегии генералом Торном и отклоненные советским представителем Управления по репатриации в Норвегии генералом Ратовым: «...Советский представитель спросит каждого человека в лагере: "признаете или подтверждаете вы это гражданство?" Если ответ положительный, вопрос о гражданстве не подлежит больше сомнению. Если ответ отрицательный, спрашиваемый остается "спорным лицом". <После этого> английский или американский или советский член комиссии проверит документы этих "спорных" лиц с целью разрешения вопроса о гражданстве. В случае, если не удастся разрешить вопрос о гражданстве путем такого исследования, "спорное" лицо остается "спорным"» (цитата по: Отчет-1, с. 216).

²⁹ См. ниже.

³⁰ Цит. по: Толстой, 1988, с. 497.

4.3. Инфраструктура репатриации, или сени ГУЛАГа

Красная Армия впервые вступила в пределы Германии еще в октябре 1944 года — на гумбинненском направлении в Восточной Пруссии. А 19 января 1945 года советские танки пересекли и бывшую польско-германскую границу в Верхней Силезии...

Германия! Красная Армия — в Германии!..

Поначалу эмоции били через край, причем настолько, что их жертвами становились соотечественники. Так, например, упоминается следующий, кажущийся неправдоподобным, эпизод: 20 января танковая разведка советской армии (около 10 машин), прорвав фронт в районе Литцманштадта (Людзи), ворвалась в поселок Круппа-Мюле в Верхней Силезии. Обнаружив на пути следования лагерь русских и украинских рабочих, командир подразделения, не вылезая из танка, приказал всем лагерникам собраться во дворе. Когда все, включая стариков и детей, собрались, танкисты неожиданно открыли по ним огонь из пулеметов, а бросившихся бежать — давили гусеницами танков. За несколько минут погибли сотни людей, танкисты же развернулись и отошли к своим войскам...

Но подобные эмоции были быстро загашены. Родине, конечно, предатели неприятны, но рабочие руки и пушечное мясо все же предпочтительнее мертвецов.

Посложнее (а если буквально — то «попроще») было с обузданием сексуальной энергии освободителей. Яркие примеры содержит книга П.Кнышевского «Добыча». Так, в докладной записке секретаря ЦК ВЛКСМ Н.Михайлова от 29 марта 1945 года Г.Маленкову по письму помощника начальника Политуправления по комсомольской работе 1-го Украинского фронта Цыганкова речь идет о событиях преимущественно февраля 1945 года — периода, когда война, разумеется, еще не закончилась, но репатриация официально уже шла. Так, около сотни девушек и женщин из числа репатрируемых, находившихся в распоряжении комендатуры г. Бунцлау² и проживавших в общежитии поблизости от комендатуры, были буквально затерроризированы военнослужащими этой комендатуры, по ночам врывавшимися в общежитие, оскорблявшими и насилующими беззащитных женщин. Вот типичные высказывания этих несчастных: *«Я днем и ночью ждала прихода Красной Армии, ждала своего освобождения. А вот сейчас бойцы к нам относятся хуже, чем немцы. Я не рада, что живу на свете»; «Тяжело нам было жить у немцев. Да вот и сейчас нерадостно. Какое же это освобождение, когда над нами так издеваются!»* Но ни комендант Бунцлау (майор Кравченко), ни его заместитель по политической части (майор Рудаков) никак не реагировали на многочисленные жалобы; они, сетует секретарь ЦК ВЛКСМ, так и *«не навели должного порядка,*

не организовали политико-воспитательной работы с освобожденной советской молодежью» (хотя, как явствует из контекста, уместнее было бы «провести работу» с освободителями).

В той же докладной записке описан другой подобный случай — из жизни комендатуры г. Ельс¹, в окрестностях которого находилось много советских девушек и женщин, занятых в сельском хозяйстве. Заместитель коменданта Ельса по политической части — капитан Бабаян — проводил следующую политическую линию: «Пусть спят, с кем хотят, лишь бы не было шума». На практике же этому соответствовало вот что⁴:

«...В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов фронтовых курсов младших лейтенантов в количестве 35 человек явились в пьяном виде на фольварк Груттенберг и начала творить дебош и насилия над находящимися там женщинами и девушками.

В ночь с 23 на 24 февраля в один из фольварков, занимаемых гуртом скота, явилась штрафная рота во главе со старшим лейтенантом (фамилия не установлена), оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего общежитие женщин. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке освобожденных советских женщин и девушек...

Трое офицеров 26 февраля вломилась в общежитие женщин при пункте сбора хлеба... и, когда были задержаны, один из них, майор по званию, заявил: "Я приехал с фронта и мне нужна девушка". После этого, вырвавшись от охраны, начал дебош в общежитии.

...Гражданка Л.В., 1926 года рождения, была изнасилована первый раз при прохождении передовых частей, вторично — 4 февраля утром неизвестным офицером. С 15 по 22 февраля лейтенант Исаев А.А. (полевая контора № 1 Интендантского управления фронта) принудил ее к сожительству избиениями и угрозой расстрела.

Ряд офицеров, сержантов и рядовых распространяют среди освобожденных советских людей такие слухи: "Есть приказ вас в Советский Союз не пускать, поэтому, если кого и пустим, будете жить на Севере".

В связи с таким диким и хамским отношением к освобожденным советским девушкам и женщинам со стороны военнослужащих, у многих из них создается мнение, что в Красной Армии и в стране их не считают советскими людьми, что с ними могут делать все, что угодно — расстреливать, насиловать, бить, что на Родину их не пустят».

Но даже ответа на процитированную только что докладную записку, в сущности, не последовало. Не считать же таковым отписку заместителя заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Р.Григорьянца, доложившего Маленкову (между прочим,

во второй половине мая!), что записка Н. Михайлова будет учтена при составлении проекта постановления ЦК «О политико-воспитательной работе среди репатриированных советских граждан».

Ну кого же тут еще воспитывать, как не их!

А у не подлежащих воспитанию фронтовиков были задачи и поважнее. В том числе и по репатриации все еще подлежащих усиленному воспитанию граждан и гражданок. Командующими фронтами были отданы приказы, обязывающие войска, наряду с выполнением боевых задач, решать и задачи репатриации.

Напомним, что еще 23 октября 1944 года Ф. Голиков обратился к Военным Советам всех фронтов с директивным письмом за № 027 о проведении мероприятий по репатриации советских граждан⁵. В письме обращалось внимание на то, что по сложившемуся на тот момент времени порядку только часть советских военнопленных при освобождении нашими войсками территории от противника направлялась в **армейские** сборные или сборно-пересыльные пункты (СПП), а гражданские лица нередко и вовсе оставались на местах, после чего самостоятельно и неорганизованно отправлялись на Родину. Для упорядочения этого процесса Управление выделяло на каждый фронт своих представителей, в задачу которых входило выявление всех советских граждан, их учет и регистрация с последующим направлением их на Родину организованным порядком. Для этого в составе каждого фронта создавались **фронтовые** СПП или лагеря дополнительно к уже существующим армейским⁶.

При этом представители Голикова и командование фронтов, куда их послали, далеко не везде сразу же находили общий язык. Так, представитель Голикова при Военном Совете 4-го Украинского фронта, находившегося в то время в Карпатах, гвардии подполковник Мальцев сообщал об отказе командования фронта в создании фронтового СПП и выделении ему грузовой машины⁷.

Тем не менее именно армейские и фронтовые СПП приняли на себя всю первую тяжесть работы по репатриации. Командиры передовых частей и частей охраны фронтового тыла, дорожные части фронтов и армий, а также военные коменданты и местная администрация занимались оповещением и сбором репатриантов, их направлением и размещением в лагерях (СПП), регистрацией⁸ и оказанием медико-санитарной помощи, материальным обеспечением (питание, для нуждающихся — одежда и обувь), политико-воспитательной работой (в том числе боевой и политической подготовкой тех из них, кто еще не вышел из призывного возраста, а также школьным процессом — для тех, кто еще призывного возраста не достиг), подготовкой и отправкой репатриантов по назначению (формирование подразделений из бывших военнослужащих и военнообязанных призывных возрастов; организация среди гражданского населения «сотен» и «десяток», направляемых по республикам, областям и т.д.). Для сбора и сопровождения репатриантов, помимо малочисленных взводов

охраны (по 24 чел. на каждый СПП), использовались и другие военнопослужащие, главным образом, из Конвойных войск НКВД, но, как правило, под руководством офицеров репатриации⁹.

Политическая же проверка и регистрация граждан на предмет выявления среди них «власовцев», полицейских и других немецких пособников, проводилась специальными группами органов НКВД и СМЕРШ¹⁰. Весной 1945 года в системе органов НКВД был создан специальный отдел «Ф» под началом генерала П.Судоплатова, ответственный за всю деятельность по проверке и фильтрации советских и зарубежных репатриантов (ликвидирован в августе 1945 года).

При этом по мере проникновения Красной Армии в глубь Европы и самой Германии ширилось громадьё задач. От слов и от малых дел пора уже было переходить к делам большим или попросту огромным — готовиться к приему уже не сотен, не тысяч, не десятков и не сотен тысяч, — миллионов репатриантов!

Поток нарастал каждодневно, пропускные пункты и лагеря были запружены — чекисты и военные выбивались из сил. С одной стороны, нужно было срочно нарастить сеть лагерей, с другой — упростить и ускорить проверку.

Согласно двум совместным директивам (обе — от 18 января 1945 года) Начальника Тыла Красной Армии генерала армии Т.Хрулева и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.Голикова¹¹, репатриантов полагалось «сортировать» на следующие категории:

- бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав): в армейские СПП, а после проверки органами СМЕРШ — в армейские и фронтовые запасные части;

- бывшие военнопленные офицеры: в спецлагеря НКВД¹²;

- военнопленные и гражданские, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные: в спецлагеря НКВД¹³;

- интернированное гражданское население (то есть остарбайтеры): во фронтовые СПП и пограничные **проверочно-фильтрационные пункты НКВД (ПФП)**¹⁴; после проверки¹⁵ — мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов¹⁶, остальные — к месту постоянного местожительства (но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве¹⁷);

- жители приграничных областей: в ПФП;

- дети-сироты: в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик.

Кормили репатриантов в лагерях и СПП по армейской норме № 4, а во время пути на родину — по норме № 3 (для детей моложе 5 лет паек можно было заменить молочными продуктами, белым хлебом, манкой и рисом)¹⁸. По норме полагались также неснижаемые запасы годного к носке обмундирования, обуви и белья (от 200 до 500 штук

на лагерь), но при расчете женской одежды исходили почему-то из доли женщин в 10 % (хотя женщин во фронтовых лагерях, как правило, было большинство).

Что же касается характера и тщательности проверки, то, согласно инструкции, она должна была занимать 10—15 дней¹⁹. В феврале 1945 года директивой НКВД—КГБ СССР была разрешена упрощенная — в 5-дневный срок — проверка женщин с детьми и стариков, с их последующей и немедленной отправкой по домам. Позднее, 22 мая 1945 года (то есть за день до начала массовой репатриации из зон союзников и учитывая ее неслыханный масштаб) ГКО СССР ограничил срок регистрации и проверки и всех прочих граждан 10 днями²⁰ — с тем расчетом, что каждого еще дополнительно проверят органы НКВД по месту жительства (а подозрительных мужчин, ясное дело, следовало направлять в спецлагеря НКВД, где их уж проверят не торопясь и как полагается!²¹).

Фактически же установленные сроки, конечно, не выдерживались, и люди находились на СПП в среднем по 1—2 месяца, а то и дольше. Это хорошо согласуется и с данными нашего анкетного опроса, причем люди подчеркивали явный приоритет политического аспекта проверки перед, допустим, медицинским.

Впрочем, по официальным данным, для обслуживания репатриантов было развернуто 142 госпиталя, 418 стационаров, 514 бань и 690 дезкамер. Число зафиксированных ими больных по-своему грандиозно: 1.080.034 чел., из которых 66,3% нуждалась в амбулаторном лечении и 33,7 % — в стационарном. Инфекционных больных было выявлено 31.989 чел., самой распространенной инфекционной болезнью — особенно после июня 1945 года — был брюшной тиф (5.635 чел.). За период с января 1945 по январь 1946 года, так и не доехав до родины, умерло 3.298 репатриантов²². Несколько забегаю вперед, укажем для сравнения, что соответствующая инфраструктура, — как лагерная²³, так и медицинская, — была развернута и на неподконтрольной СССР территории: так, в западных зонах Германии действовало еще 60 советских госпиталей, на территории Франции — 11, в Норвегии — 7 и в Италии — еще 1. По состоянию на 1 марта 1946 года, в западных странах советскими органами репатриации было выявлено 935.076 больных, из них 15,1 % нуждающихся в госпитализации²⁴.

Сводных данных о смертности репатриантов из западных зон, разумеется, нет, но, даже из отрывочных данных видно, что она была высокой. И, в ряде случаев, весьма специфической. Так, генерал-майор Фомин, начальник отдела репатриации при Военном Совете 1-го Украинского Фронта (13.06.1945), подполковник Новиков из группы генерал-майора Драгуна (04.07.1945) и другие доносили о массовом праздновании репатриантами победы над Германией и о столь же массовых отравлениях — метиловым спиртом! Обратите внимание на цифры: в Эрфурте умерло 620 чел., в Мюльхаузене — 400, во Франкфурте-на-Майне — 75, в Цигенсхайне — 24, в Фехен-

хайме и Шванхайме — 200, в госпитале Зенне-Липштадт — 48, в Нюрнберг-Лангвассере — 356, в Ноймайере — 39, в Куфштайне (Австрия) — 83 и в лагере А-III в Судетенланд (в Чехии) — 40 чел. Данные неполны, но их итог (около 1900 чел.) трагичен и превосходит среднестатистическую месячную смертность всех остарбайтеров по всему Рейху²⁵.

Основные преимущества «репатриации по-советски» были сформулированы и поддержаны В.Н.Земсковым:

«...Создание сети лагерей и сборно-пересыльных пунктов диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц. Таким образом легче было собрать распыленные чуть ли не по всей Европе массы перемещенных лиц и поставить их на централизованное продуктовое довольствие. Предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима и с медицинской точки зрения, так как среди них широко были распространены различные инфекционные заболевания (туберкулез, чешетка, брюшной тиф и т.п.). Удручающе много было зараженных гонореей и сифилисом. Укомплектованность же лагерей и сборно-пересыльных пунктов венерологами, гинекологами, терапевтами и другими врачами считалась достаточной. В числе главных причин создания сети лагерей и сборно-пересыльных пунктов было также стремление придать процессу репатриации организованный характер, не допустить анархии в этом деле. Кстати, так же поступало и англо-американское командование, которое в своих зонах оккупации развернуло широкую сеть лагерей для перемещенных лиц»²⁶.

За октябрь—декабрь 1944 года при Военных Советах двух Прибалтийских, трех Белорусских и четырех Украинских фронтов были созданы оперативные группы по репатриации, каждая в составе 4 офицеров и одного представителя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в качестве руководителя²⁷. Эти группы были реорганизованы 6 января 1945 года в отделы со штатной численностью в 10 чел., а 13 мая — уже в мирное, так сказать, время — штатная численность отделов по репатриации была вновь наращена — до 17 чел.²⁸ 7 июня были созданы Управления по репатриации при Военных Советах Центральной группы и Группы советских оккупационных войск в Германии численностью по 79 чел., а при Военных Советах Северной и Южной групп были оставлены Отделы по репатриации со старым штатом — по 17 чел.²⁹

Параллельно существовала еще одна — чисто военная — структура, отчасти дублирующая ведомство Ф.Голикова: это 8-й отдел Штаба начальника тыла Красной Армии, созданный по постановлению ГКО № 7946с от 29 марта 1945 года. В его компетенцию входила главным образом эвакуация вражеских военнопленных и интернированных гражданских лиц, но также и репатриация советских и иностранных граждан, как военнослужащих, так и гражданских³⁰.

Так укреплялся кадровый костяк органов фильтрации и репатриации на самом горячем участке их работы. Но не менее впечатляюще, с поистине большевистским размахом выстраивалась и наращивалась и самая главная — лагерная — инфраструктура репатриации.

Поначалу при каждом из фронтов действовало всего по одному СПП, но за февраль—март их число достигло 57 при общей емкости в 300 тыс. чел. Особенно много СПП — соответственно 18 и 11 — было при 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах (эти два фронта сосредоточили в себе и более половины штатных армейских офицеров по репатриации — 609 из 1197 чел.).

Разумеется, лагерной сети, созданной для приема репатриантов с подконтрольной СССР территории, было бы уже недостаточно для приема граждан еще и из оккупационных зон союзников. Поэтому 11 мая — на третий день после капитуляции Германии — был отдан приказ о создании при фронтах, дополнительно к уже имеющимся 57 СПП, еще 100 лагерей вместимостью 10 тыс. чел. каждый³¹. Таким образом, к июню общая емкость лагерей и СПП была доведена до 1,3 млн. чел. одновременно!

Места дислокации лагерей устанавливались вблизи железнодорожных станций и баз снабжения, в том числе и на территории Польши. Для размещения репатриантов использовались поместья и уцелевшие казармы, но не обошли вниманием и мощную «инфраструктуру» лагерного хозяйства самого Рейха³². При этом, как свидетельствует И. Лугин об унаследованном от немцев лагере в Премнице, там, где у немцев был один ряд колючей проволоки, советские — поставили второй ряд³³.

Но на фоне «паводкового» потока репатриантов и этого оказалось мало: в июле на территории Германии было дополнительно организовано еще 27 лагерей³⁴, так что общая пропускная способность всей сети, состоявшей из 127 лагерей и 57 СПП, достигла уже 1,5 млн. чел. одновременно!

Между армейскими СПП и фронтовыми СПП и лагерями существовало принципиальное различие и определенное разделение труда: армейские — занимались бывшими военнопленными, фронтовые — собственно гражданскими лицами. Показательно, что делалась ставка именно на крупные лагеря, что гарантировало их постоянную загрузку и создавало известные удобства для проверяющих, равно как и томительную очередность и все мыслимые неудобства для проверяемых.

В штате соответствующих подразделений Красной Армии значилось около 37 тыс. чел., из них 36.630 чел. — в лагерях и СПП и 242 чел. — в управлениях и отделах, организованных, в соответствии с переформированием самих войск, на новой структурной базе³⁵. Примерно 2/3 из них были задействованы в Группе советских оккупационных войск в Германии, остальные — в Центральной и Северной группах войск.

Непосредственно на демаркационной линии союзных войск в Германии и Австрии для обмена репатриантами с союзниками была организована цепь из девяти **приемно-передаточных пунктов (ППП)**: 1) Висмар (восточная часть) / Висмар (западная часть); 2) Кривитц / Вюстмарк; 3) Пархим / Людвигслуст; 4) Магдебург (восточная часть) / Магдебург (западная часть); 5) Дессау / Лейпциг (он, как и Плауэн, в то время находился под контролем союзников); 6) Торгау / Стендаль и 7) Риза / Плауэн³⁶. Еще 2 ППП предполагалось развернуть в Австрии — по дополнительной дислокации Главнокомандующего Союзных Экспедиционных Сил³⁷. Ежедневная пропускная способность каждого ППП закладывалась на 2—5 тыс. чел., стало быть их общая пропускная способность должна бы была составить примерно 30—40 тыс. чел. в день³⁸. После соглашения в Галле само число передаточных пунктов было пересмотрено, достигнув 13 (по другим данным — 15), из них 2 — в Австрии.

Но это — лишь «передовые рубежи» репатриации. Были у нее и свои «тылы», к тому же не менее «эшелонированные». Лагеря первого «эшелона» — так называемые **приграничные лагеря (ПЛ)**, или приграничные СПП. Они предназначались для накопления и последующего распределения по адресам дальнейшего следования слабо или никак еще не структурированной массы репатриантов, поступавшей из войсковых СПП и лагерей. Сформированные в середине июня, они размещались, как правило, вблизи государственной границы СССР, в ее западных областях. По признанию составителей Отчета-1, отличительной их особенностью был острый недостаток жилых помещений. Из положения выходили с помощью утепленных землянок. В общей сложности было создано 35 лагерей емкостью в 10 тыс. чел. каждый, из которых 14 размещалось в Львовском военном округе, 11 — в Барановическом, 3 — в Центральной группе войск, по 2 — в Прибалтийском и Особом округах и по 1 — в Одесском и Прикарпатском округах и Южной группе войск³⁹. Приплюсуем еще 4 СПП на морских рубежах страны — в Выборге, Мурманске, Одессе и Баку (а фактически аналогично использовался и Владивосток) — для приема тех, кого везли на родину водным путем.

Существенно раньше — еще с 1944 года — действовали и ПФП НКВД, расположенные цепочкой вдоль границы СССР. Пропускная способность каждого такого пункта — от 3 до 5 тыс. чел. Филтрация осуществлялась органами НКВД и СМЕРШ.

По состоянию на 23 декабря 1944 года, всего было 15 ПФП: в Молдавии — Болград и Кишинев, в Черновицкой области — Черновцы, в Дрогобычской — Мостиска и Хыров, во Львовской — Рава-Русская и Яворув, в Волынской — Владимир-Волынский⁴⁰, в Белоруссии — Брест, Волковыск и Гродно, в Литве — Высоколитовск и Пружаны, в Ленинградской области — Выборг и в Карелии —

Сортавала⁴¹. К ним следует добавить и припортовые ПФП в Одессе и Мурманске, созданные для репатриантов из стран Западной Европы. Начиная с августа 1944 года, через ПФП прошло около 350 тыс. чел., из них около 60 % были отправлены к местам постоянного жительства, остальные поступали либо в запас Красной Армии либо в спецконтингент НКВД.

Вторым тыловым «эшелон» репатриации стали соответствующие органы на местах, обеспечившие прием, размещение, трудовое и хозяйственно-бытовое устройство репатриантов непосредственно в СССР. Еще в декабре 1944 года в республиканские и областные совнаркомы за подписью Голикова были разосланы письма, предупреждающие о предстоящей нештучной работе по репатриации⁴². Предлагалось выявить и учесть по каждой области и району фактические возможности по приему репатриантов, организовать по 2—3 областных **приемно-распределительных пункта (ПРП)** емкостью 1—3 тыс. чел.⁴³ и сеть районных. Ответственность за ход репатриации на республиканском уровне была возложена на специальных уполномоченных, а также на заместителей председателей республиканских СНК.

6 января 1945 года СНК СССР принял постановления об организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР⁴⁴. В феврале—марте 1945 года органы репатриации были созданы во всех семи затронутых оккупацией союзных республиках, в частности, отделы по репатриации — при 7 республиканских СНК⁴⁵, 56 облисполкомах (24 области — в УССР, 20 — в РСФСР и 12 — в БССР) и при 55 уездных исполкомах. Кроме того действовала сеть из 249 приемно-распределительных пунктов, в том числе 14 республиканских, 83 областных и 152 уездных⁴⁶.

Все это требовало и подбоающих людских ресурсов. В период с июля по октябрь 1945 года, когда органы репатриации были полностью укомплектованы и работали с полной нагрузкой, в них числилось 50.755 чел., в том числе 44.827 военнослужащих и 5.928 вольнонаемных. Из этого числа 3.773 чел. было занято репатриацией граждан иностранных государств (особая сеть приемно-передаточных пунктов, работа в комендатурах), а 46.971 чел. — репатриацией граждан СССР. Сюда относятся — кадры центрального Управления Уполномоченного в Москве (351 чел.), кадры групп за границей (523 чел.), кадры групп войск (36.872 чел.), кадры военных округов (7.451 чел.), сотрудники органов по репатриации в регионах (1420 чел.)⁴⁷.

В период массового прибытия репатриантов в областные и районные ПРП дополнительно привлекалось еще приблизительно 50—60 тыс. чел. из советского, партийного, комсомольского и профсоюзного актива. А с учетом сотрудников более 30 других ведомств, так или иначе занятых репатриацией, общее число работников этой «сферы» достигало, по-видимому, 140—150 тыс. чел.

Суммируя же все организационные усилия советского руководства по инфраструктурному и кадровому обеспечению репатриационной деятельности, нельзя не признать: в рекордные сроки был создан гигантских размеров многоголовый транспортно-лагерный механизм — своего рода разветвленная «транзитка» и — преддверие сталинского СССР.

Для некоторых, впрочем, — просто сени ГУЛАГа.

Примечания

¹ Терехов В. Чудовищное преступление большевиков в Круппа-Мюле // Воля народа. 24.01.1945. С. 1. Впрочем, наша попытка уточнить обстоятельства этого эпизода в документах, хранящихся в ЦАМО, успехом не увенчалась. Каких-либо подробностей об указанных «боевых действиях» в Верхней Силезии в конце января, по справке майора В.А. Лонжакова (ЦАМО), обнаружить не удалось. *Круппа-Мюле* (Kruppa-Mülle) — ныне г. Крупский Млин в Польше.

² *Bunzlau* (Bunzlau) — ныне г. Болеславец в Западной Польше.

³ *Ельс* (Oels) — ныне г. Олешнице в Западной Польше. Советская комендатура в городе размещалась в бывшем дворце кронпринца Евгения. См. служебную характеристику коменданта в: ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 3. Л. 73—74.

⁴ Кнышевский, 1994, с. 14—15, со ссылкой на: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 40—43.

⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 6—9. В тот же день было утверждено «Положение о фронтовом сборно-пересыльном пункте для освобожденных граждан СССР, находящихся на территории Германии и оккупированных ею стран» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 23. Л. 7), а вскоре — 06.11.1944 — Голиковым была утверждена и подготовленная Отделом по устройству возвращенных граждан «Инструкция Представителю Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при Военном Совете фронта» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 50—53). Позднее были разработаны и приняты следующие нормативные документы: инструкция представителям Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при СНК союзных республик (23.12.1944; ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 20. Л. 63—66); инструкция начальникам отделов по репатриации при Военных Советах фронтов по приему, содержанию, учету и направлению советских граждан, военнопленных и интернированных граждан союзных государств (31.01.1945); инструкция комендантам сборных пунктов (комендатур) по репатриации освобожденных Красной Армией военнопленных и граждан союзных государств (27.03.1945); инструкции начальникам отделов по репатриации при Военных Советах военных округов и комендантам приграничных лагерей (СПП) военных округов о порядке приема, содержания и дальнейшего направления репатриантов по назначению (26.07.1945 и 29.09.1945); временные правила о порядке оформления перевозок репатрируемых военнопленных, граждан СССР, военнопленных и интернированных граждан союзных государств и расчеты за эти перевозки (разработаны совместно с Наркоматом путей сообщения СССР);

инструкция о порядке медико-санитарного обслуживания репатриантов, при нахождении их в лагерях (СПП), группах войск, военных округах и в пути следования по назначению (разработана совместно с Главным Военно-Санитарным управлением Красной Армии и Наркомздравом СССР).

⁶ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 39. Л. 1—2. При этом прилагался проект Положения об СПП (см. Приложение 13).

⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.

⁸ Учетные карточки на репатрируемых заполнялись в 2-х экземплярах; первые оставлялись в СПП, а вторые, — после выбытия репатрианта и с отметкой о том, куда он выбыл, — подекадно высылались начальникам фронтовых отделов репатриации (См.: ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 3. Л. 11).

⁹ При сопровождении нормой считалось 1 чел. охраны на каждые 100 чел. репатрируемых. Для сравнения приведем норму этапирования для спецконтингента: 1 боец конвойных войск НКВД на 25—30 военнопленных, но не менее 3 бойцов (ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3017. Д. 401. Л. 48—48об.).

¹⁰ СМЕРШ — Главное Управление Контрразведки, сокращенно — ГУКР СМЕРШ, или просто СМЕРШ (от: «Смерть шпионам!»), возглавляемое В.Абакумовым. Официально СМЕРШ отвечал за политическую проверку, регистрацию и дальнейшее направление только военнопленных (в первую очередь — «власовцев» и других коллаборантов), но известно немало случаев, когда через СМЕРШ пропускались и гражданские лица.

¹¹ № 1/1240645с и 1/1240646с; разосланы Военным Советам фронтов и военных округов. См.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 44—49.

¹² И.Лугин пишет о встрече на вокзале в Магдебурге с группой пленных офицеров, которых гоняли из лагеря в лагерь на предмет опознания в них бывшего переводчика или власовца (Лугин, 1987, с. 251).

¹³ Со слов одного из встреченных им власовцев, И.Лугин пишет о том, что рядовым власовцам давали 5 лет лагерей, а офицерам и солдатам, захваченным с оружием, — по 10 лет (Лугин, 1987, с. 275).

¹⁴ Лица, проверившиеся в ПФП, зачислялись в спецконтингент НКВД не автоматически, а по результатам проверки.

¹⁵ Проверкой остарбайтеров занимались комиссии из представителей НКВД, НКГБ и СМЕРШ, под председательством представителя НКВД.

¹⁶ Некоторых из них, как выразился один из ответивших на нашу анкету, «готовили на Японию» (то есть готовили к войне с ней). В то же время многие, прежде всего рядовые, попадали и в действующую армию и даже получали боевые награды. По словам маршала Конева, «вливаемое пополнение из репатриантов показало себя устойчивым, храбрым и достойным звания воинов Красной Армии» (Голиков Ф.И. Год работы по репатриации советских граждан. // Правда. 04.10.1945. Цит. по: Репатриация, 1945, с. 40—41).

¹⁷ См. Постановление СНК СССР № 30-12с от 06.01.1945 об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзных государств. Это постановление было позднее дополнено Постановлением СНК РСФСР № 154-33с от 06.03.1945 и распоряжением СНК СССР № 10407с от 07.07.1945: последнее разрешало направление репатрированных юношей и девушек в Киев в случае, если там проживают их родители.

¹⁸ См. Приложение 14.

- ¹⁹ При проверке бывших военнопленных — не более 1—2 месяцев (согласно Директиве Ставки от 11.05.1945 — см. ниже).
- ²⁰ Постановление ГКО № 8670с от 22.05.1945 об обязанности ПФП НКВД СССР при лагерях и фронтовых сборных пунктах, а также органов «СМЕРШ» обеспечить проведение регистрации в срок не более 10 дней.
- ²¹ Земсков, 1995, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Согласно инструкциям, аресту и суду подлежали следующие категории граждан: командиры органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», РОА, национальных легионов и пр.; рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие активное участие в карательных акциях; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов (ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 3).
- ²² См.: Отчет-1, с. 70—73. По приводимым В.Земсковым выборочным данным за период с конца мая по конец октября 1945 года, смертность в процессе репатриации составляла около 0,2 %. По-видимому — и по крайней мере на первых порах — педиатрическая служба в лагерях отставала от гинекологической: из 656 умерших — 90 военнопленных и 566 гражданских (85 мужчин, 49 женщин и 432(!) ребенка), кроме того 68 чел. сочли за благо бежать (Земсков, 1990).
- ²³ См. в следующей главе.
- ²⁴ Отчет-1, с. 80.
- ²⁵ Ф.Голиков, заподозрив козни врагов или «друзей», приказал расследовать эти факты. Драгун расследование произвел и пришел к выводу: «...в этом трагическом деле виновны наши люди. После освобождения лагерей люди почувствовали свободу, разбрелись везде, заходили на железнодорожные станции, трофейные склады, находили спиртные напитки, в том числе и метиловый спирт, но не зная о его вреде, пили и отравлялись (г. Эрфурт, железнодорожная цистерна)» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 238—239).
- ²⁶ Земсков, 1990, с. 32.
- ²⁷ См., например, письмо Голикову его Представителя при Военном Совете 4-го Украинского фронта гвардии подполковника Мальцева от 15.12.1944 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 34—37).
- ²⁸ См. Постановление СНК СССР № 30-12с от 06.01.1945 «Об организации приема и устройства репатрируемых граждан», а также: Отчет-1, с. 28—32. Позднее на Отделы по репатриации групп войск были возложены функции по курированию и координации действий советских представителей по репатриации в западных оккупационных зонах. В частности, ежемесячно проводились соответствующие совещания, эффективность которых, однако, была крайне низкой (см.: Отчет-2, с. 66).
- ²⁹ Директивой Начальника Генштаба Красной Армии № орг/6/9123 от 07.06.1945. Месяцем позже — в связи с общим переформированием советских войск в Германии — отделы по репатриации были созданы еще и в следующих пяти армиях — 2-й, 3-й и 5-й Ударных, 47-й и 8-й Гвардейской (в составе каждый по 10 чел.).
- ³⁰ См.: ЦАМО. Ф. 67. Оп. 1201. Д. 3. Л. 1.
- ³¹ Директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 11086 от 11.05.1945. Больше всего лагерей — по 30 — создавалось при 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, еще 15 — при 2-м Белорусском фрон-

те, при 2-м и 3-м Украинских фронтах — по 10 и при 4-м Украинском фронте — 5 (полный текст директивы см. в: Битва за Берлин, с. 418—419, документ № 266, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Л. 18. Л. 142—144).

¹² Тут нелишним будет упомянуть и параллельную сеть так называемых «спецлагерей» НКВД—МВД на территории бывшей ГДР, просуществовавших до 1950 г. В нее входили спецлагеря (по порядку номеров): Мюльберг, Бухенвальд, Хюэншюнхаузен (Hühenschonhausen) под Берлином, Баутцен, Кетшендорф (Ketschendorf), Ямлиц (Jamlitz), Вернойхен-Беезов (Werneuchen/Weesow), Заксенхаузен, Торгау (два лагеря — № 8 и № 10), Фюнфайхен (Fünfeichen), Франкфурт-на-Одере, а также две тюрьмы НКВД — в Берлине-Лихтенберге и в Стрелице (Strelitz). Их контингентом были бывшие сотрудники гестапо, СД, шпионы и диверсанты, гражданские лица, активно поддерживавшие нацистский режим. Из 157 тыс. узников этих лагерей около 122 тыс. чел. были немцами и около 35 тыс. чел. иностранцами, почти исключительно советскими гражданами (См.: Plato, 1998, s. 35—36; см. также: Overesh, 1992; Staritz D. Die SED, Stalin und die Gründung der DDR. Aus den Akten des Zentralen Parteiarchivs des Instituts für Geschichte der Arbeitsbewegung (ehemals Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED) // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. Bonn, 5/91, 25. Januar 1991. S. 12 и др.). Условия содержания в спецлагерях были весьма жесткими: суточная норма хлеба, например, в начале ноября 1946 года была уменьшена и составила для неработающих — всего 300 г. За все время существования спецлагерей в них, по расчетам Н. Йешке, умерло в общей сложности около 43 тыс. чел. Столь высокий уровень смертности в спецлагерях Восточной Германии — 27,4 % — не являлся, как пишет исследовательница, следствием просчитанной и хладнокровно реализованной стратегии, нацеленной на уничтожение заключенных; политически такая смертность была для администрации СВАГ и ГДР более чем нежелательной, но на фактическом положении дел сказалось совместное действие множества противоречивых факторов и политических интересов, в частности, отсутствие достаточной ясности в представлениях о дальнейшей судьбе заключенных (Plato, 1998, s. 192—193 и 222—223).

³³ Лугин, 1987, с. 252. Но кормили приблизительно так же, как и немцы.

³⁴ Директивой Начальника Генштаба Красной Армии № 9276 от 08.07.1945.

³⁵ По состоянию на 08.07.1945 (см. выше). Отметим однако, что в интервью Голикова приводится гораздо более скромная цифра — свыше 10 тыс. чел. (О ходе репатриации советских граждан. Интервью уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Голикова корреспонденту ТАСС // Правда. 07.09.1945 — По: Репатриация, 1945, с. 39).

³⁶ Восточнее Стендаля и Плауэна с советской стороны предполагалось развернуть еще 2 ППП. По другим сведениям, цепочка ППП выглядела иначе: шесть в группе советских оккупационных войск в Германии (Шонберг, Бойценбург, Лильсебеж, Эбисвальде, Эйзенах и Плауэн) и три в Центральной группе войск (Сент-Валентин, Нойнкирхен и Бероун). *Шонберг* — город восточнее Любека, *Бойценбург* — город восточнее Гамбурга, *Лильсебеж* — этот населенный пункт идентифицировать не удалось; *Эбисвальде* — возможно, Эберсвальде — город к северу от Берлина; *Эйзенах* — город в западной Тюрингии; передаточной станцией со стороны американской

оккупационной зоны был г. Бебра; *Плауэн* — город в западной Саксонии; передаточной станцией со стороны американской оккупационной зоны был г. Хоф. (Укажем также на свидетельство И. Лугина о том, что лично его, например, пропускали через г. Хильмштедт).

³⁷ Австрийскими передаточными пунктами, по-видимому, были печально знаменитый — выдачами казаков и старых эмигрантов — Юденбург (после передачи Штирии англичанами замененный на Сент-Валентин) и Нойнкирхен. В Граце была тюрьма НКВД, занимавшаяся особенно примечательными арестантами (именно в нее были доставлены выданные англичанами казачьи генералы).

³⁸ Директива Ставки № 11086 от 11.05.1945. Руководство работой всех проверочных комиссий было возложено на уполномоченных НКВД по фронтам, а там, где их не было, на начальников войск охраны тылов.

³⁹ Их штатный состав — 21 чел. в каждом СПП.

⁴⁰ Впрочем, в Волынской области предусматривался также ПФП в Любомле (Постановление № 1132/63 СНК УССР и ЦК Компартии Украины от 31.08.1944 — ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 46—47).

⁴¹ Еще в декабре 1944 проектировалась организация ПФП в Митаве и передислокации 5 лагерей из 15, а именно: из Владимира-Волынского в Ковель, из Яворува в Одессу, из Пружан в Каунас, из Сортавала в Мурманск и из Высоколитовска в Таураге (см. соответствующий проект, датированный 23.12.1944 — ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 65). К концу войны число лагерей возросло до 16, в том числе за счет лагерей в Таллине и Кибарты (ЦАМО. Ф. 67. Оп 12011. Д. 3. Л. 28).

⁴² Директивное письмо № 0725 от 27.12.1944 о подготовке к массовому приему репатриантов (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 60—61).

⁴³ См. их дислокацию в Приложении 15.

⁴⁴ За № 30-12с. В тот же день — 06.01.1945 — за № 31-13с было принято еще одно постановление, затрагивающее ведомство Ф. Голикова, — о порядке репатриации союзных военнопленных и интернированных граждан, освобожденных Красной Армией.

⁴⁵ Разумеется, у каждого из них была и своя специфика: так, например, из датированной 23.11.1945 докладной записки подполковника Харитонов, представителя Управления по делам репатриации СНК СССР в Литовской ССР, вытекало, что в число вмененных ему задач входил и контроль за исполнением репатриационных предписаний и дальнейшей отправкой выходцев из других регионов к ним на родину (что, в случае Литвы и наступившей зимы, часто наталкивалось на нежелание). Из этой же записки следует, что взаимодействие с местными органами власти было еще далеко от идеала (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 12—15).

⁴⁶ Однако их суммарный штат был сравнительно невелик — более 1400 чел. В среднем на 1 ПРП приходилось менее 4 штатных единиц.

⁴⁷ Кроме того сюда включены 354 чел. командированных для контроля и помощи низовым органам репатриации. В то же время в это число не включены «смежники» — работники, ведающие вопросами репатриации в Управлении Тыла Красной Армии, НКВД, НКПС, и других ведомствах. Кроме того массовым явлением в лагерях и СПП было привлечение самих репатриантов — в среднем по 150—200 чел. — к различным хозяйственным работам (Отчет-1, с. 38).

4.4. По ту сторону демаркационной линии: приготовления союзников

Надо сказать, что и западные союзники оказались, что называется, «на высоте» и не слишком-то отставали от СССР.

Успешные высадки англо-американского десанта на юге Италии 3 сентября 1943 года и на северном побережье Франции 6 июня 1944 года означали не только открытие новых театров военных действий, но и кардинальное изменение перспектив послевоенного переустройства Европы и судеб разметенных по ее тесным просторам людей. В сентябре 1944 года на территории Великобритании были созданы моторизованные (или «летучие») соединения, специализированные на сборе и обустройстве освобождаемых по ходу наступления в Германии перемещенных лиц.

Однако с выполнением этой задачи англичанам и американцам пришлось повременить. Выйдя на рубежи Германии почти одновременно с Красной Армией (в частности, в район Аахена — в конце октября 1944 года), они были остановлены немецким контрнаступлением в Арденнах и только к началу марта 1945 года закрепились на левом берегу Рейна.

Впрочем, в других странах Западной Европы — на территории Голландии, Бельгии и главным образом Франции — к этому времени уже было создано 162 сборных центра («Assembly Centers») для иностранных ДиПи. Тогда их было учтено в этих странах уже 245.730 чел., в том числе 45.587 — советских граждан¹.

Если в конце января американцы зарегистрировали первых остарбайтеров, встреченных ими на немецкой земле (числом в 29 человек), то в марте их насчитывалось уже около 150 тысяч!² К 5—6 апреля союзники охватили учетом дополнительно еще около 400 тыс. разншерстных ДиПи³.

Союзники уже ясно себе представляли, что — кроме боевых дивизий и гражданского населения уже поверженного в сущности Рейха — в Германии их с превеликим нетерпением ждут еще и миллионы ДиПи — перемещенных войною в пространстве и заторженных во времени лиц, в основном, из числа военнопленных и гражданских рабочих со всей Европы⁴.

Их точное число тогда, правда, было еще неизвестно, а предположения зашкаливали аж за 20 миллионов душ. В действительности же их оказалось «всего» около 10 миллионов⁵, но малой и эта цифра никому не показалась. Встреча с ними, хотя и была радостной, но все же застала Англию и США до известной степени врасплох. Ведь из двух стоявших перед ними проблем — войны, еще не кончившейся, и мира, еще не начавшегося, — понятное предпочтение отдавалось все же войне. Казалось, что все эти ДиПи могут немного и подождать.

Сами же ДиПи, в основном, думали иначе. Огромные их массы, в одночасье лишившиеся и работы и охраны, не стали дожидаться конца войны и содержательных прений ялтинских политиков о своей судьбе, а взяли инициативу в свои руки. Большинство из тех, кто был родом из западных стран, предпочитали добираться до дома сами, запрудив собой все большие и малые дороги (чем, кстати, всерьез перепугали и союзников — мол, не немецкий ли это финт, призванный затормозить наступление?* — да и самих немцев, вдруг представивших себе, как вся эта прорва, вооружившись, набросится на них!).

Из тех же, кто был родом с востока (из Польши или из СССР), многие поняли ситуацию так, что им предстоит некий свободный выбор: оставаться на западе или возвращаться домой.

Уже сам по себе этот вопрос, сама постановка проблемы была для большинства тяжелым и мучительным испытанием. И как ни тянуло, как ни манило на родину, многим не давала покоя догадка — или уверенность — в том, что там скорее всего встретят сурово, как «предателей», «изменников», «преступников». Об этом же неустанно твердила сначала немецкая, а потом и англо-американская пропаганда.

В то же время многие себя в чем бы то ни было виноватыми не чувствовали и верили в то, что их не посадят, потому что не за что.

В.Н.Земсков приводит следующие оценки:

«По объяснительным запискам репатриантов можно примерно установить, что среди "восточных рабочих" твердых возвращенцев было не менее 70 %, невозвращенцев — около 5 %, остальные 25 % составляли так называемые колеблющиеся (в большинстве они были не против возвращения, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных. Концлагерники же (политические заключенные) почти все хотели вернуться на Родину»⁷.

«Западники», однако, в большинстве не разделяли той несколько странной уверенности, что в Союзе «ни за что не сажают». Многие из них уже успели убедиться, что прекрасно «сажают» — и ни за что. По оценке В.Н.Земскова, лишь около 15 % «западников» (в основном беднейшие крестьяне и бывшие заключенные концлагерей) твердо решили вернуться на Родину. Примерно столько же было твердых невозвращенцев (в основном руководителей и активистов различных национальных группировок, кружков, комитетов и т.п.). Колеблющихся было не менее 70 %. Естественно, невозвращенцы резко преобладали среди коллаборантов как из «восточников», так и из числа «западников». Однако, если учесть источник и обстоятельства составления «объяснительных записок», то признать цифры, приводимые В.Н.Земсковым, объективными или точными — невозможно⁸.

По оценке К.В.Болдырева, принципиального оппонента разделяемой Земсковым позиции, доля советских граждан, согласных на доб-

ровольную, без агитации и принуждения, репатриацию составила бы 60—75 %, причем оставшиеся 25—40 % списать на коллаборантов невозможно⁹.

...Что же касается «страхов» немецкого населения, то они, отчасти, оправдались. Многие ДиПи обзавелись оружием, но объектами их боевых действий стали не позиции вермахта, а погреба и жилища окрестных бюргеров. Дух мародерства во многих случаях был замешан и на личных счетах, старых или недавних обидах и притеснениях, которых каждый мог бы припомнить во множестве.

Порядок со временем был более или менее наведен, но далеко не сразу, иногда спустя пару недель, так что мародерство некоторое время безнаказанно процветало. Вместе с тем нелишне отметить, что мародерством занимались и западно-европейцы, и сами немцы, и часто с не меньшим энтузиазмом, чем их вчерашние рабы с востока¹⁰. В то же время рассказы об убийствах, насилиях и грабежах, творившихся из мести красноармейцами на территориях, освобожденных Красной Армией, во-первых, и бывшими остарбайтерами и военнопленными повсеместно, во-вторых, являются составной и неотъемлемой частью обывательского представления большинства немецкого населения о концовке войны. Они как бы «уравновешивают» и даже немного извиняют и оправдывают то бесчеловечное поведение, которое культивировали вермахт и СС на завоеванных, а большинство немецкого народа — на своих территориях.

Но когда война окончательно и победительно завершилась, то делами послевоенного мира — хочешь или не хочешь — пришлось заниматься всерьез. Судьба перемещенных лиц, наряду с восстановлением транспорта и экономики поверженной Германии, стояла в первом ряду важнейших задач.

Но сначала все-таки уточним: кто же такие, в понимании союзников и ООН, эти самые «Перемещенные лица Объединенных Наций» («Displaced Persons of United Nations»), или, сокращенно, DP, или ДиПи?

В официальной трактовке — это гражданские(!) лица, по обстоятельствам военного времени оказавшиеся вне родины, желающие или возвратиться в ее пределы или найти себе новую родину, но в любом случае не могущие сделать ни того, ни другого самостоятельно, без помощи извне¹¹.

Различались следующие категории ДиПи:

- граждане бывших стран-противников;
- граждане стран-противников;
- граждане СССР;
- бывшие гражданские пленные;
- граждане Англии и США;
- лица с невыясненным гражданством;
- лица, чья государственная принадлежность не выяснена в связи с территориальными изменениями;

- лица политически или религиозно преследуемые;
- граждане нейтральных государств;
- не-немецкие коллаборанты.

В штабе военной администрации союзников (SHAEF, или Верховное командование Союзных экспедиционных сил) были созданы соответствующие структуры. Во главе гражданского управления и отдела по делам военнопленных и перемещенных лиц в SHAEF и американской оккупационной зоне стоял полковник (позднее генерал) Стэнли Р.Миккельсен.

В британской зоне полномочными представителями правительства по этому кругу вопросов были главнокомандующий английскими оккупационными войсками маршал Шолто Дуглас и его заместитель, генерал-майор Херальд Темплар. Было создано и Управление по делам военнопленных и перемещенных лиц во главе с бригадным генералом Кинчингтоном. Ему же подчинялись соответствующие отделы в землях и провинциях.

Западные оккупационные власти, как, впрочем, и восточные, были призваны осуществлять репатриацию во взаимодействии с международными организациями, специально созданными для решения и облегчения судьбы перемещенных лиц. И прежде всего во взаимодействии с **United Nations Relief and Rehabilitation Administration** (UNRRA, или ЮНРРА) — Администрацией ООН по оказанию помощи и восстановлению¹², еще 9 ноября 1943 года учрежденной в Вашингтоне 44 странами, в том числе и СССР¹³. Предшественником ЮНРРА был Межправительственный комитет по беженцам, созданный в 1938 году по инициативе президента Рузвельта для оказания помощи беженцам из Германии, Австрии и Чехословакии.

Первостепенными задачами ЮНРРА, согласно резолюции ООН от 26 сентября 1944 года, являлись опека над беженцами и другими перемещенными лицами из стран-членов ООН, находившимися на вражеской территории, и помощь в их возвращении на родину или ином определяющем их жизнь решении¹⁴. Штаб-квартира генерального директора ЮНРРА Херберта Х.Лемана размещалась в Вашингтоне, а его главное представительство в Европе — в Лондоне. Вице-директором ЮНРРА от СССР был генерал Михаил Буринский.

Глобальная деятельность ЮНРРА была распределена между четырьмя «театрами»: 1) западные зоны Германии; 2) западные зоны Австрии; 3) Италия и 4) Ближний Восток. Впечатляющие успехи были достигнуты и в репатриации еврейских беженцев в Палестину, прежде всего из Европы и арабских стран¹⁵.

Всего в Европе было развернуто 32 региональных и 40 специальных управлений ЮНРРА, 99 сборных центров и 10 добровольных агентств; имелись даже университеты для перемещенных лиц, в частности, в Мюнхене¹⁶ и Гамбурге¹⁷.

Штаб-квартира германского направления находилась в Хехсте, в феврале 1946 года ее перевели в Арользен. Первым директором германского направления был Меир Коген, позднее его сменил Эдуард М.Ратиган (Ed.M.Rhatigan). Осенью или летом 1945 года директором стал генерал-лейтенант Фредерик Морган, а в 1947 году его сменил П.Эдвардс. С приходом на этот пост Фиорелло Ла Гардия наметился отказ от пассивной политики ЮНРРА в фарватере военных администраций и переход к более активным действиям по репатриации и эмиграции. Это отразилось и на отношениях с советскими репатриационными миссиями, при Моргане подвергавшихся явной и неявной обструкции со стороны ЮНРРА¹⁸.

Во главе администрации ЮНРРА во французской оккупационной зоне (штаб-квартира в Хазлахе) стоял корпусный генерал Ленклу (F.Lencud). В английской зоне аналогичный пост занимали последовательно сэр Рафаэл Чиленто (R.Cilento) и генерал Фэншоу¹⁹. В оккупационной зоне США зональным директором по вопросам Дипи были д-р Кеннеди (между 29 июля и 17 сентября 1945 года); его сменил А.Р.Гайллер (A.R.Guyller), которого, в свою очередь, 13 декабря 1945 года, сменил Дж.Вайтинг (J.H.Whiting). В конце декабря в Пасинг под Мюнхеном переехала штаб-квартира, а ее филиал размещался в Гейдельберге²⁰.

Подчеркнем, что советские оккупационные зоны из сферы компетенции ЮНРРА были исключены. Более 4/5 Дипи — и примерно такая же доля 8-тысячного персонала ЮНРРА — находились в оккупационных зонах западных союзников²¹. 25 ноября 1944 года Херберт Х.Леман и главнокомандующий англо-американскими войсками генерал Дуайт Д.Эйзенхауэр подписали соглашение²², согласно которому органы ЮНРРА приписывались к тем или иным структурам SHAEF и, соответственно, подчинялись приказам Главнокомандующего и действовали преимущественно по военным каналам. Вместе с тем военный персонал лагерей для Дипи должен был со всею возможной полнотой и скоростью заменен служащими ЮНРРА, имевшими, кстати, собственную униформу и знаки отличия. Под опекой ЮНРРА находились, однако, не все лагеря для перемещенных лиц в Европе: часть из них оставалась под контролем военных²³.

Все это было призвано обеспечить необходимую преемственность при постепенном переходе от военного администрирования к гражданскому²⁴. Однако в ходе длительных переговоров и при заключении новых договоров между ЮНРРА и военными администрациями западных оккупационных зон в начале 1946 года последние настояли на формулировках, подчеркивающих их приоритеты²⁵.

Противоречия между ними дали себя знать и при осуществлении в апреле 1946 года так называемого «**скрининга**» (или, по-немецки, «Ausländersuchaktion») — акции по выявлению документов об иностранцах, а также различных документов об их пребывании в Германии²⁶. Дело в том, что местная и военная администрации в западных оккупационных зонах Германии были не вполне удовлетворены своей

информированностью об иностранцах на подконтрольной территории. Нередко в лагерях ЮНРРА обнаруживались и разоблачались те, кому там было не место, в том числе и военные преступники.

Первые проверки осуществляли военные, нередко недостаточно компетентные для этого: эти попытки в целом были признаны неудачными, и в июне 1946 года к скринингу приступили вновь. Особенно много проблем было с нелепым критерием появления в зоне не позднее 1 августа 1945 года: тех, кто прибыл в лагеря позже, военные не хотели признавать, против чего решительно выступала ЮНРРА. В свою очередь, собственная 4-недельная программа ЮНРРА по легитимизации ДиПи, принималась в штыки уже военными администрациями.

Непосредственно лагерями в западных зонах ведали так называемые Денаксы (DPX) — местные управления по делам перемещенных лиц²⁷, тесно взаимодействовавшие с ЮНРРА. Их общей первоочередной задачей было создание крупных сборных пунктов («Assembly Centers») — то есть лагерей, где происходили накопление и сортировка перемещенных лиц по национальному признаку или по их государственной принадлежности: отдельные лагеря существовали, в частности, для прибалтов, поляков, западных украинцев и т.д. В лагерях для бесподанных были собраны «старые русские эмигранты». Отдельно содержались и те, кто не отрицал советского гражданства и, согласно Ялтинским договоренностям, подлежал безоговорочной репатриации.

Было оговорено, что в период между 1 апреля и 30 июня 1945 года ЮНРРА сформирует 450 команд для работы в Assembly Centers на территории Германии и Австрии. При средней емкости «нормального» (в понимании союзников) лагеря, равной 3 тыс. чел., такая команда должна была бы насчитывать 12—13 чел., но для ускорения всего процесса поначалу удовлетворялись и командами, сокращенными до 7—8 чел.²⁸ Частично этот персонал мог набираться и из числа самих ДиПи, обладающих соответствующей квалификацией.

За обеспечение лагерей мебелью и постельными принадлежностями отвечали органы местного немецкого самоуправления, за медицинское обслуживание и питание, в том числе и так называемые «пакеты помощи» (Care-Pakets) — союзное командование. Оно же отвечало и за охрану лагерей — особенно после того как все наглее начали проявлять себя шайки мародеров из числа ДиПи²⁹. Но позднее охрана лагерей, а также вопросы внутреннего распорядка и самодисциплины в них — вплоть до заключения гражданских браков! — были перепоручены выборным структурам из числа самих ДиПи. Выборным был и начальник лагеря.

Всего союзниками было запланировано 1500 таких лагерей, их расчетная пропускная способность, таким образом, составляла 4,5 млн. чел.³⁰ Некоторые лагеря насчитывали не 3, а 10 и более тысяч обитателей³¹. Так что в целом развернутая союзниками сеть лагерей была, действительно, весьма впечатляющей.

По решению 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, деятельность ЮНРРА в Европе должна была завершиться к 31 декабря 1946 года, но фактически она растянулась еще на полгода³². За период с мая 1945 по апрель 1947 оккупационные власти и ЮНРРА репатриировали в общей сложности 6.134.400 и 865.300 ДиПи из западных зон, соответственно, Германии и Австрии³³.

Офицеры советских репатриационных миссий были аккредитованы непосредственно при штабах дивизий и корпусов союзников, а позднее — при военных управлениях земель. В середине июля 1945 года аккредитацию имели 162 офицера, из них 77 в британской, 70 в американской и 15 во французской зонах³⁴.

До осени 1945 года советские представители имели фактически ничем не ограниченную возможность посещать лагеря, выдвигать в коменданты или даже назначать своих кандидатов комендантами лагерей. Интересно уже цитированное свидетельство И.Лугина о приезде в огромный лагерь для перемещенных лиц в Аахене не кого-нибудь, а самого Филиппа Голикова:

«...Он молча обошел лагерь, нигде не задерживаясь и ни с кем не здороваясь. Утвердил русского коменданта и уехал. Комендант и некоторые другие командиры после посещения пришили картонные погоны с нарисованными химическим карандашом звездочками и полосками. Была введена строевая подготовка, продержавшаяся, впрочем, недолго. Приезжие советские офицеры устраивали митинги. Упирали на то, что "Родина простила вас! Родина вас ждет!" Хотелось ответить: нет нашей вины перед родиной или народом! Все мы, погибшие и живые, стали жертвой двух злых сил — коричневой чумы и красной чумы, сражавшихся за порабощение нашего народа... Лозунги советских офицеров, мы переиначили так: "Родина вас ждет, сволочи!" Но многие лагерники были настроены просоветски. Основная масса, как и раньше, не верила "родной" власти. Но открытые разговоры прекратились. Ура-патриотами были знаменитые "кельнские партизаны". Они остригли несколько девушек, якобы за связь в прошлом с немцами³⁵. Появились доносы... В общем лагерная жизнь приближалась к уровню нормального советского общества...»³⁶

Офицеры советских репатриационных миссий весьма активно пользовались своими широкими возможностями для ведения пропаганды. Так, в 1945 году — еще до окончания войны! — практически повсеместно они организовали первомайские митинги и демонстрации³⁷. Все чаще многие офицеры выходили далеко за рамки предоставленных им квазидипломатических прав и полномочий, не чураясь запугивания, шантажа и даже похищения людей и чистой уголовщины³⁸. Их агрессивное поведение в лагерях неизменно приводило к волнениям и все чаще — к открытым стычкам и даже нападениям на них

самих, особенно в лагерях с западно-украинским и прибалтийским населением. Встречная агрессивность ДиПи порой ничуть не уступала офицерскому рвению.

В результате союзники со временем ограничили свободу передвижения советских офицеров по западным зонам и ввели, в интересах безопасности последних, их обязательное сопровождение своими офицерами или представителями ЮНРРА. Все переговоры и переписка с союзниками, а также с ЮНРРА, по вопросам репатриации велась через Отделы связи с союзными миссиями³⁹. При этом отношения с ЮНРРА носили в целом куда более ровный и конструктивный характер, нежели отношения со «смежниками» непосредственно у союзников⁴⁰.

Накануне празднования предпобедного Первомая Ф.Голиков дал очередное интервью корреспонденту ТАСС:

«Около 2 миллионов советских граждан вызволено из немецкого рабства. Из них свыше 1600 тысяч чел. уже возвращено на Родину и самоотверженно трудится на заводах, на колхозных полях и т.п... В основном уже закончена репатриация с территории Финляндии и Польши. Заканчивается — из Румынии, Венгрии, Болгарии и Югославии. К примеру только из Финляндии репатриировано 100.520 чел. и из Румынии 110.000 чел. В полном разгаре работа на занятой Красной Армией территории Германии и на освобожденной территории Чехословакии... Из общего числа советских граждан, освобожденных из немецкого плена, нашими союзниками на Западе освобождено 150.000 чел., не считая освобожденных на территории Западной Германии за последнее время, число которых еще точно не установлено. На Родину пока прибыло лишь 35 тысяч чел. В настоящее время в английских и американских лагерях на территории Франции, Италии, как и в самой Англии и США, находятся многие тысячи наших людей, вынужденные долгие месяцы ожидать транспорты для отправки на Родину... Не везде к освобожденным советским гражданам относятся как к гражданам союзной державы... Имеется немало фактов, когда в нарушение соглашения от 11.02.1945 советские представители не уведомляются о наличии освобожденных советских граждан. Так, недавно в Англии представителями управления по делам репатриации были обнаружены 3 лагеря, в которых находилось 1712 советских граждан. О существовании этих лагерей нашим представителям ничего не было сообщено. Лагерями ведала американская полиция. Советские граждане находились в этих лагерях в совершенно недопустимых условиях. В лагере № 1 они содержались вместе с немцами во главе с немецкой администрацией; лагери № 35 и 40 были обнесены колючей проволокой; на караульных вышках стояли пулеметы. Люди работали на земляных работах по 10—12 часов в сутки. Были очень плохо обмундированы. Когда в лагерях появился советский генерал, люди плакали от радости и просили немедленно отправить их в Советский Союз...»⁴¹

Опубликованное в «Правде» 30 апреля, это интервью получило незамедлительную отповедь: 2 мая в Палате общин министр без портфеля Ричард Лоу сделал в этой связи заявление, которое по дипломатическим каналам было передано в Наркоминдел СССР с просьбой опубликовать в советской печати. Публикация последовала, но, мягко говоря, не сразу, а только 6 июня 1945 года — одновременно с подготовленным к этому времени ответом Ф.Голикова⁴².

Р.Лоу обвинил Голикова в «неправильном освещении» проблемы. Большинство советских граждан, освобожденных союзниками, на момент своего освобождения носили немецкую форму и принадлежали к «Организации Тодт» или иным немецким соединениям. С октября 1944 по май 1945 на судах союзников было репатриировано в СССР 57 тыс. чел. Офицерам советских репатриационных миссий были созданы все условия для посещения этих людей.

В своем ответе Голиков подчеркнул, что фактические данные о нарушениях английской стороной ялтинских соглашений заявлением Р.Лоу не опровергнуты. Передачу бывших советских военнопленных польскому правительству в изгнании он квалифицировал как самозванное право английского военного командования пересматривать гражданство. Далее он упрекал Англию в том, что до 12 июня 1945 года для 74 тыс. бывших советских военнопленных в Норвегии сохранялась система немецкого управления лагерями; в том, что в лагерях Дахау, Альта и Найзенау в Западной Германии бывшим советским военнопленным дают по 250 г хлеба и по литру супа в день, тифозным не оказывается медицинской помощи; в том, что из Франкфуртской тюрьмы до сих пор не выпущены советские граждане, посаженные туда немцами за побеги из концлагерей и т.д.

С 1 июля 1947 года на смену ЮНРПА пришло другое ведомство, полностью перенявшее ее функции: **International Refugee Organisation (IRO, или ИРО)** — Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц, о которой еще будет сказано в этой книге. Принципиальным отличием ее мандата от мандата ЮНРПА была свобода от навязчивого контроля, а иногда и диктата со стороны военных администраций стран-победительниц.

В эту организацию СССР уже не вступил, хотя и вошел в члены Комитета по делам беженцев и перемещенных лиц в Социальном и Экономическом Совете Генеральной Ассамблеи ООН⁴³.

Неучастие в ИРО не помешало СССР со временем придать репатриации своих граждан поистине глобальный масштаб. Закордонная деятельность Управления по репатриации, хотя и концентрировалась в союзнических зонах Германии и Австрии, но ими отнюдь не ограничивалась, а охватывала практически всю Европу, если не весь мир.

Если до организации Управления по репатриации поисками «своих» (особенно в Англии и США) занимались сотрудники советских

посольств и военных миссий, то уже в ноябре 1944 года — сначала в Финляндии, а затем во Франции, Румынии и Иране — были созданы первые специализированные заграничные представительства, или группы (на местах их чаще всего называли «миссии»). За несколько последних военных месяцев они закрепились в десятках стран и со временем охватили собой практически все места очевидного или вероятного скопления советских граждан.

Детальнее процесс формирования соответствующей сети выглядел следующим образом (в скобках — даты их образования)⁴⁴: Финляндия (03.11.1944); Франция (10.11.1944); Румыния (11.11.1944); Иран (16.11.1944)⁴⁵; Италия (13.12.1944); Польша (30.12.1944); Бельгия (01.01.1945); Египет (04.01.1945); группа «Балканы» (Греция, Югославия, Албания: 18.01.1945); Англия (27.01.1945); Германия — в том числе 5 из 6 региональных групп для работы на территориях, освобожденных Красной Армией, — Померанская, Бранденбургская, Силезская, Восточно-Прусская и Австрийская (все — 19.02.1945), а также Управление Представителя Уполномоченного по репатриации в Берлине (11.03.1945); Швеция (21.03.1945); Венгрия (23.04.1945); США (02.05.1945).

Уже после капитуляции Германии открылась так называемая Нюрнбергская группа (15.05.1945) — судя по названию что-то вроде первого десанта советской репатриационной службы на территорию союзников, прообраз будущих репатриационных миссий в их оккупационных зонах. В мае—июле приступили к работе представительства в Норвегии (16.05.1945), Чехословакии (09.06.1945), Дании (20.07.1945) и Швейцарии (26.07.1945), а в августе — комиссии по репатриации в союзнических зонах оккупации в Западной Германии — американской (13.08.1945) и английской (17.08.1945), причем первая из них поначалу отвечала и за работу во французской зоне. Не следует забывать, что в западных оккупационных зонах, а также в таких странах, как Франция, Англия, Италия, Финляндия, Бельгия и даже Люксембург, в состав советских групп по репатриации входила не только миссия, или представительство, но и целая сеть сборных лагерей и пунктов, насчитывавшая, подчас, десятки, а в исключительных случаях — даже сотни единиц (во Франции, например, их было 135!)⁴⁶.

Вместе с тем сеть советских репатриационных миссий продолжала расти и развиваться. Так, естественным следствием вступления СССР в войну с Японией стало формирование репатриационной группы «Корея, Маньчжурия и Квантунская область» (25.09.1945).

В ноябре—декабре 1945 года ведомство Голикова начало свою деятельность и в Западной Австрии — сначала в английской (15.11.1945), а затем во французской (01.12.1945) и американской (17.12.1945) зонах оккупации.

Уже после 1 марта 1946 года — даты промежуточных итогов репатриации, репатриационные миссии за пределами СССР продолжали не только закрываться, но и открываться, следуя определенной ло-

гике меняющихся интересов СССР. Так, в августе 1946 года была сформирована группа «Индонезия», а в октябре — группа в Болгарии⁴⁷. Полгода — с июля по конец декабря 1947 года — проработала группа «Китай», обеспечившая транспортировку русских эмигрантов⁴⁸. В марте 1948 года возникла группа по репатриации из Югославии: по всей видимости, это осколок группы «Балканы». Еще 4 группы возникли в 1949 году (преимущественно на базе посольств): в январе — в Голландии, в феврале — в Канаде, в мае — в Ливане и в июле — в Аргентине. Еще одна — кажется, последняя по счету — возникла в январе 1952 года в Австралии.

Отсюда хорошо видно, куда шагнули последние из репатриационных групп, — в точности вслед за «еще не репатрированными советскими гражданами», или, попросту, за невозвращенцами.

Примечания

¹ Jacobmeyer, 1985, s. 27.

² См.: Henke, 1997, s. 413.

³ Jacobmeyer, 1985, s. 37.

⁴ В послевоенное время их по справедливости называли еще «осколками войны» (Зеелер В. Большой вопрос // РМ. 1948. № 65. 9 июля).

⁵ Одних только иностранных рабочих в Германии в 1944 году, по американским оценкам, насчитывалось порядка 7,13 млн., в том числе 5,3 — гражданских и 1,83 — военнопленных. Ср. нюрнбергские показания Эдварда Дойса: в январе 1945 года иностранная рабочая сила в Германии исчислялась 6.691 тыс. чел., из них 4.795 тыс. чел. — гражданские рабочие и 1.873 — военнопленные (Aussage von Eduard Deuss vom 1. November 1945 // IMT. Bd. XXX. Dok. 2520-PS. S. 588). Всего на территории бывшего Рейха, по позднейшим расчетам SHAEF (см. ниже), освобождения дождалось 10,8 млн. чел. иностранцев. Сходную советскую цифру — 10.002 тыс. чел. — см. в: Арзамаскин, 1999а, с. 258, со ссылкой на: АВП. Ф. Политсоветника. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 75.

⁶ В конце войны союзники разбрасывали с самолетов ежедневную летучую газету «S.H.A.E.F.». Среди помещенных в ней «Десяти заповедей для иностранного рабочего» одна содержала в себе прямое требование не запружать дороги и не тормозить продвижение войск (остальные сводились, в основном, к призывам сохранять спокойствие, оставаться на местах и дожидаться подхода союзных войск, которые все наилучшим образом устроят). См.: Kirchner K. Bayern und der Frieden. Kriegsflugblätter in Bayern. Erlangen, 1983. S. 101.

⁷ Земсков, 1990, с. 27.

⁸ В принципе то же можно повторить и о западных — прямо противоположных — оценках: они столь же мало опираются на специальные исследования и почти столь же политизированы. Так, общим местом, например, был тезис о поголовном нежелании возвращаться в СССР украинцев или жителей Прибалтики или же о поголовной их отправке в лагеря.

⁹ Болдырев, 1998, с. 114 (оценка базируется на данных по области Хюэнштайн на западе Тюрингии).

- ¹⁰ Это подтверждается, в частности, статистикой преступности в Бремене за период с мая по ноябрь 1945 г. (см.: Henke, 1997, s. 412—413).
- ¹¹ Определение, данное в административном меморандуме № 39 SHAEF. Цит. по: Jacobmeyer, 1985, s. 16.
- ¹² Более распространенным является следующий перевод, нам представляющийся малоудачным: «Администрация помощи и восстановления ООН». В публикациях разных лет можно встретить аббревиатуры «ЮНРРА» и «УНРРА».
- ¹³ См.: Woodbridge G. a.o. UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. Vol. 1—3. New York, 1950; UNRRA European Regional Office, UNRRA in Europe 1945—1947 (Operational Analysis Paper 49). London, 1949.
- ¹⁴ Из граждан вражеских государств на помощь и поддержку ЮНРРА вправе были рассчитывать лишь те, кто при нацизме преследовался или кто оказывал союзникам действительную помощь.
- ¹⁵ По данным ЮНРРА — 167 тыс. чел., по состоянию на 31.03.1947; по данным Еврейского Агентства — 225 тыс. чел., на 01.05.1947 (UNRRA in Europe, p. 83).
- ¹⁶ Основан 01.08.1945, размещался в здании Немецкого Музея. В 1946 г. в нем училось около 2.200 чел., в особенности, украинцы, поляки, литовцы, русские, латыши и евреи (MAE/Colmar, Bonn, ADM-111, ABM IV F).
- ¹⁷ См.: Г.Р. Русские студенты в Гамбурге // Посев. 1946. № 30. 28 июля. С. 8. В Гамбурге студентам-ДиПи разрешалось проживание в черте города.
- ¹⁸ Это признавалось сотрудниками самого ЮНРРА. См., например, отчет старшего офицера по репатриации Ральфа Б.Прайса от 24.05.1947. Показательно, что первая встреча Моргана и Давыдова, руководителей германского направления репатриационных служб ЮНРРА и СССР, состоялась только в августе 1946 г. (NA, DP US 19, Box 2801, Fi01.82 — благодарит К.-Д.Хенке и У.Херберта за предоставленную ими возможность познакомиться с некоторыми документами из NA).
- ¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 80—81.
- ²⁰ UNRRA, History Report № 6, June 1947: Office of the Zone Director (1fZG, Archiv, Akz. 5741/77, Bt. Fi01.93).
- ²¹ Больше всего персонала на 1000 ДиПи было в Италии и во французской зоне Германии — соответственно, 39 и 23 чел. (UNRRA in Europe, p. 78).
- ²² Известно как соглашение UNRRA/SHAEF. Соглашение фактически было в силе до осени 1945 г., хотя упразднение должности Главнокомандующего, как и самого SHAEF (вместо них были образованы союзнические оккупационные зоны) имели место еще в начале июля. На смену SHAEF в качестве договаривающейся стороны пришли ЮСФЕТ и EUCOM (существовали, соответственно, с 12.01.1945 по 10.03.1947 и с 18.03.1947 по 29.12.1947).
- ²³ Резолюциями № 92 и 99 ЮНРРА потребовала очистить лагеря от военных преступников (Брюханов, 1958, с. 109). Всем покидающим лагеря лицам, в том числе и репатриантам, выдавались временные удостоверения личности. См., в частности, такое удостоверение, выданное Нине Харламовой, бывшей узнице концлагеря Берген-Бельзен (ЦМБС, № 4/37.031).
- ²⁴ См., например, соответствующие договоренности между ЮНРРА и французской администрацией в Германии, Баден-Баден, 03.01.1947 (MAE/Colmar, Bonn, ADM-111, ABM IV F).

- ²⁵ Так, договор между ЮНРРА и ЮСФЕТ, подписанный генерал-лейтенантом Ф.Морганом и генерал-майором Х.Баллом, был заключен 19.02.1946; днем раньше был заключен договор с французскими оккупационными силами (подписан Ф.Морганом и генералом армии П.Кенигом), а договор с англичанами, подписанный Ф.Морганом и маршалом Б.Монтгомери, был заключен без долгих обсуждений еще 27.11.1945 (см. отчет А.Х.Робертсона о переговорах и соглашениях ЮНРРА с военными администрациями западных оккупационных зон в: NA, RG 13, Box 2728).
- ²⁶ От «Screening and Eligibility Program» (см. Отчет по истории ЮНРРА № 8, сентябрь 1947. — NA, RG 17, Box 66.543). См. также: StAM, Bt.180, № 49351. По мнению военных властей, и полученная в ходе этой акции информация была недостаточно полной и точной, и в 1947, 1948 и 1949 годах акция продолжилась, главным образом в виде изучения архивов.
- ²⁷ Jacobmeyer, 1985, s. 25. От англ. DPEx (Displaced Persons Executive).
- ²⁸ В комплектный состав входило 7 чел. с офицерскими функциями (начальник, заместитель, офицер по управлению и снабжению, комендант, заведующий кухней, заведующий складом и заведующий медицинскими вопросами) и 6 вспомогательных служащих (секретарь, помощник офицера по снабжению, медсестра, 2 шофера и готовящий для команды повар). В сокращенном варианте «выпадали», как правило, заместитель, комендант, секретарь, заведующий кухней и помощник офицера по снабжению (Jacobmeyer, 1985, s. 31—33).
- ²⁹ В середине июня 1945 года в г. Хамме, например, дело дошло до перестрелки с английским патрулем и убийства английского офицера (Gestwa, 1993, s. 76).
- ³⁰ Численность обслуживающего персонала лагерей тем самым составляла 15—20 тыс. чел.
- ³¹ Ср. подробное описание одного из них — 16-тысячного американского лагеря в Аахене (Лугин, 1987, с. 238—247). Вот типичное меню этого лагеря: утром — кофе (не эрзац!) или какао с сухим молоком, два ломтя белого хлеба с куском маргарина или сыра. В обед — густой макаронный суп со следами мясных консервов, немного пюре и кусочек мяса с подливкой. Вечером — черный кофе и несколько галет.
- ³² Саму эту деятельность А.Брюханов характеризует как «бесславленную роль в черном деле срыва репатриации» (Брюханов, 1958, с. 44, 93—97).
- ³³ UNRRA in Europe, p. 86.
- ³⁴ Jacobmeyer, 1985, s. 129. Кроме того 36 офицеров получили 13.08.1945 временную (месячную) аккредитацию в американской зоне.
- ³⁵ Невольно вспоминаешь расовые предписания нацистов, впрочем, никогда и не ратовавших, в отличие от большевиков, за прелести интернационализма.
- ³⁶ Лугин, 1987, с. 243—244.
- ³⁷ Описание одной такой демонстрации — в русском лагере в г. Хамме — см. в: Gestwa, 1993, s. 76—77. Там же приведены и систематизированы лозунги, начертанные красной краской на стенах казарменных помещений, где жили «ДиПи» (лозунги типа «Слава Родине», «Наше дело правое — мы победим», «Да здравствует великий вождь и учитель — генералиссимус Сталин!», «Слава Маршалу Жукову» и другие похожие — общим числом около 30). Обитатели этого лагеря были репатрированы довольно быстро — уже к концу июля 1945 г.

³⁸ См., например, письмо эстонского гражданина Йоханнеса Меекла о деятельности генерала Хайничкова и его подчиненных в британской зоне в: Jacobmeyer, 1985, s. 129 (отметим, что в российских архивах имя генерала Хайничкова нам не встречалось).

³⁹ Во главе британского отдела, например, стоял полковник Картью (Брюханов, 1958, с. 43—44).

⁴⁰ Так, в апреле и в августе 1946 г. Бюро копирования ЮНРРА передало в СВАГ в общей сложности 17 ящиков различной документации о репатрированных советских гражданах — именные списки, регистрационные и лазаретные карточки и т.п. (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 56). В сентябре—октябре того же года были переданы более 500 рабочих карточек и др. документов советских граждан, использовавшихся на принудительных работах в районе г. Хассфурт (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 123—124).

⁴¹ Правда. 30.04.1945. Цит. по: Репатриация, с. 9—17.

⁴² Правда. 06.06.1945. Цит. по: Репатриация, с. 19—28.

⁴³ Постановлением СМ СССР № 749-297с от 05.04.1946 представителями от СССР, УССР и БССР были утверждены, соответственно, генерал-майор П.Ф.Ратов (бывший до этого представителем СССР по репатриации в Англии и Норвегии), В.Г.Брагин и В.Г.Смоляр.

⁴⁴ Отчет-1, л. 25—27; Отчет-2, л. 164—175. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о численном и руководящем составе групп, а также о времени их закрытия систематизированы в Приложении 16.

⁴⁵ Отметим, что в Ираке (в частности, в Басре) существовал приемный пункт для репатриантов, передаваемых союзниками: СПП для этого контингента были развернуты Закавказским фронтом и Советским транспортным управлением в Иране в Тегеране и Бендер-Шахе, а также в Баку (ЦАМО. Ф. 67. Оп. 12011. Д. 3. Л. 6). Дату образования этой сети и ее соотношение с репатриационной миссией в Иране уточнить пока не удалось.

⁴⁶ См. их дислокацию в Приложениях 17 и 18.

⁴⁷ Возможно, в связи с решением о репатриации в СССР небольшой группы крестьян русского происхождения (см.: Отчет-2, с. 2).

⁴⁸ См. соответствующее постановление: Отчет-2, с. 2.

5. НА РОДИНУ: ХОД РЕПАТРИАЦИИ

5.1. На исходе войны: первые десятки тысяч...

Собственно говоря, репатриация как таковая шла и в то время, когда Управления по репатриации еще не было. Репатриацией и отправкой советских граждан из-за границы в то время (из той же Англии, например) занимались дипломаты — Посольства или Военные Миссии СССР¹.

Уже отмечалось, что освобожденные военнопленные поступали еще по мере изгнания агрессора с собственной — советской — земли. Как и граждане, сорванные с родных мест немцами в порядке эвакуации и тотальной очистки оставляемой территории, и часть беженских обозов, по разным причинам добровольно устремившихся на запад вместе с отступающим вермахтом. С октября 1944 года все эти люди (вслед за В.Н.Земсковым обозначим их термином *«внутренние перемещенные лица»*) проходили по ведомству репатриации: их суммарное количество, по состоянию на январь 1946 года, составляло 1.153.475 чел., из них 867.176 гражданских и 286.299 военнопленных².

С достижением и пересечением госграницы (образца 1941 года) восстанавливалась пограничная охрана НКВД, одной из основных задач которой являлось пресечение свободного неорганизованного движения, в том числе и возвращающихся самотеком репатриантов. Для фильтрации и проверки на линии госграницы создавались ПФП НКВД и СПП³.

Управление по делам репатриации изучало обстановку на фронтах, исподволь готовясь к приему и устройству сограждан. Мы уже писали, что 23 октября 1944 года в Военные советы фронтов было разослано директивное письмо о проведении мероприятий по репатриации советских граждан. Другое директивное письмо — о подготовке к массовому приему репатриантов — было направлено на места, председателям Совнаркомов всех семи затронутых оккупацией союзных республик, 27 декабря 1944 года. Основные принципы и механизмы репатриации в СССР были доложены Правительству и сформулированы в Постановлении СНК СССР «Об организации приема и устройства репатриированных граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран» от 6 января 1945 года⁴.

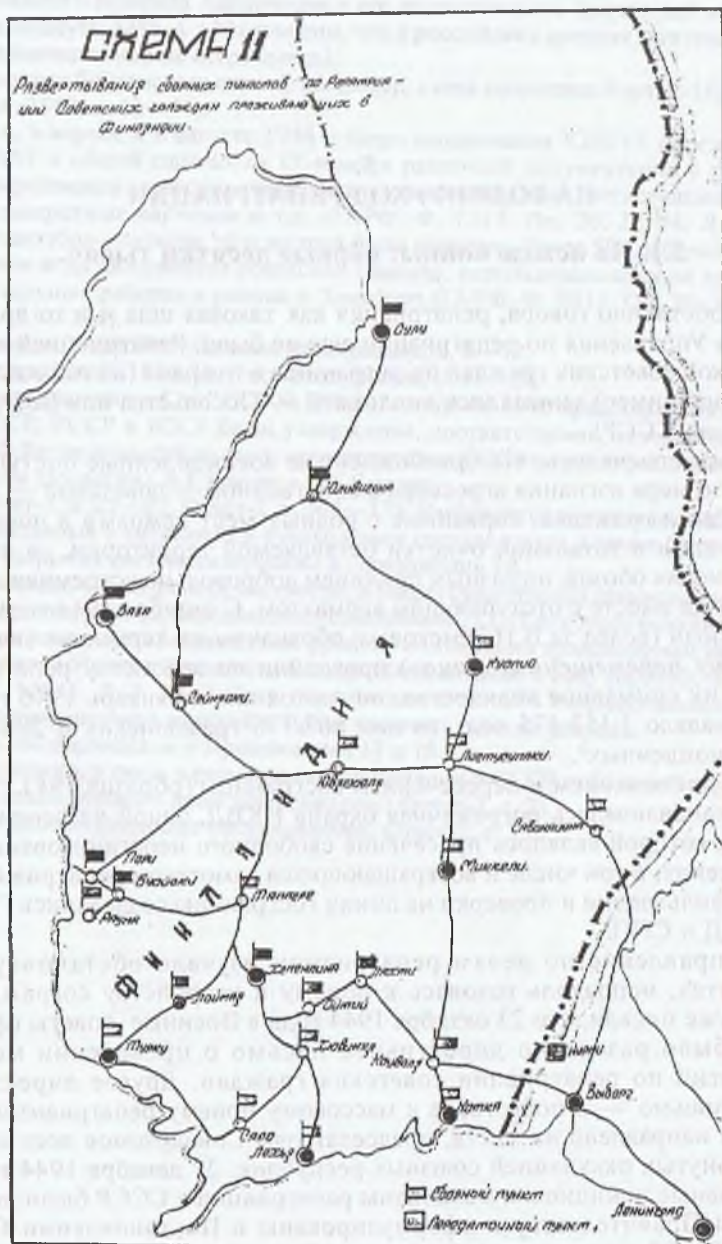

Рис. 5.1.1. Схема развертывания сборных пунктов по репатриации советских граждан из Финляндии (Отчет-1)

Всего к концу 1944 года было зарегистрировано 1.311.276 подготовленных к репатриации советских граждан, из них 1.050.398 чел. уже прибыли в СССР⁵. Более 2/3 из них составили гражданские лица, среди которых количество мужчин, женщин и детей до 16 лет примерно одинаково. В число уже прибывших в СССР вошли около 900 тыс. чел., обозначенных как «ранее освобожденные», что указывает, по всей видимости, на то, что их освободили еще до образования Управления Уполномоченного по делам репатриации. Скорее всего их и зачислили как «внутренних перемещенных лиц».

Но в 1944 году уже внятно просматривались и первые потоки классической репатриации, то есть возвращения на родину **из-за границы**. Первопроходцами тут были **Финляндия, Румыния и Швеция**, число репатриантов из которых, к началу ноября, составляло, соответственно, 31.624, 7.482 и 916 чел. К концу года общее число репатриантов выросло почти вчетверо и составило 162.403 чел., причем на третье место вышла **Англия**.

Отдельного разговора, на наш взгляд, заслуживают эшелоны из Финляндии с **ингерманландцами**, а также первые транспорты с гражданами СССР, по ходу войны оказавшихся в руках его главных союзников — **Англии и США**.

Под ударами Красной Армии Финляндия еще 4 сентября разорвала отношения с Германией, а 15 сентября объявила ей войну⁶. 19 сентября в Москве было заключено соглашение о перемирии Финляндии с Англией и СССР, в свете которого решение о репатриации в СССР 65 тыс. советских финнов-ингерманландцев выглядит совершенно естественным. До войны они проживали в Ленинградской области (и, видимо, отчасти в Карело-Финской ССР), а в течение 1943—1944 гг., через территорию Эстонии, были эвакуированы немцами в Финляндию⁷. Теперь же, в соответствии с решением ГКО от 19 ноября 1944 года⁸, их предстояло вернуть в СССР, но не на места довоенного проживания, а вселить на территорию Ярославской, Калининской, Новгородской, Псковской и Великолукской областей: они имели статус административно-высланных, и эта их высылка по сути была **мягкой формой этнической депортации по типу «наказанного народа»**⁹.

Советская репатриационная миссия во главе с полковником Филатовым была сформирована 3 ноября¹⁰ и уже 14 ноября приступила к своей деятельности в Хельсинки¹¹. Финская сторона в лице инспектора лагерей военнопленных полковника Спосье декларировала 62 тыс. ингерманландцев. К сведениям о том, что они были «приняты в Финляндию по их желанию», советские офицеры отнеслись скептически и критически. Для сбора и отправки репатриантов в каждую финскую губернию было послано по офицеру группы Филатова, после чего на территории Финляндии было развернуто

23 сборных и 1 передаточный пункт (Нурми); с советской стороны действовали КПП в Выборге и ПФП в Выборге и Сортавале (см. рис. 5.1.1).

Фактически репатриация на этом участке началась еще раньше — 13 октября 1944 года, когда на Выборгский КПП поступила первая партия — 916 интернированных из Швеции. Строго говоря, началась она с другой категории советских граждан — бывших военнопленных, которых в Финляндии было около 47 тыс.¹² За период с 13 по 20 октября было принято 12.551 чел., из них 11.727 военнопленных и 724 гражданских лица. К 5 ноября число репатриантов из Финляндии достигло 43.040 чел., из них 1.475 гражданских лиц. Все военнопленные, кроме больных и раненых, немедленно направлялись в спецлагеря НКВД; из гражданских лиц к месту жительства направили 1.010 чел. (или 68,5 %), остальными занялись в ПФП Выборг и Сортавала¹³.

Основной поток ингерманландцев пошел несколько позже. Вывозили их хотя и не домой, но все же и не за тридевять земель — в области Европейской части СССР, сильно пострадавшие (за исключением, разве что, Ярославской) за годы войны и оккупации. Так, 15.800 семей, или около 63.200 чел., были поделены между Калининской (4.500 семей/18.000 чел.), Ярославской (5.500/22.000), Новгородской (2.800/9.800), Исковской (1.500/6.000) и Великолукской (1.500/6.000) областями¹⁴. 23 ноября 1944 года Чернышев переслал Голикову копию правительственной телеграммы № 2236 от Председателя Совнаркома Карело-Финской ССР тов. Прокконена, протестовавшего против отправки первых 2,5 тыс. ингерманландцев, возвращающихся из Финляндии, в другие области СССР и настаивавшего на их возвращении в Карело-Финскую ССР¹⁵. Пострадавшей от такого решения была и Ленинградская область¹⁶. 29—30 ноября у генерал-лейтенанта Голубева прошло совещание с представителями областей вселения и ряда заинтересованных организаций — Наркомзага, Наркомторга, Сельхозбанка и др.¹⁷

Всего за период с 5 декабря 1944 по 15 января 1945 г. из Финляндии было репатринировано 97.104 чел., в том числе 55.738 ингерманландцев (и членов их семей)¹⁸ и 41.374 бывших военнопленных, а за последующие 13,5 месяцев — еще 3.791 чел., в том числе 1.409 военнопленных. В целом же репатриация советских граждан из Финляндии прошла по плану и в установленные сроки.

Именно Финляндия и оказалась основной поставщицей репатриантов в СССР непосредственно в 1944 году (23.955 чел.). Вслед за ней шли Италия и Франция (4.470 и 1.347 соответственно)¹⁹, хотя, как следует из последующего изложения, должна бы следовать — Англия.

«Английские» партии репатриантов поступали двумя путями — собственно из Англии и с Ближнего Востока. Надо заметить, что первые русские военнопленные в руки союзников, в частности, англичан, попали еще задолго до высадки в Нормандии, а именно

в 1942—1943 гг., в Северной Африке, куда их вывезли на принудительные работы в составе «трудовых батальонов О.Т.». Главным сборным пунктом была Александрия, откуда по железной дороге и автотранспортом их переправляли в Хайфу, Багдад и Тегеран²⁰ — и уже оттуда в СССР. Несколько партий отправляли пароходами, причем различными маршрутами: так, 22 января 1945 года 1083 репатрианта были доставлены из Суэца в Басру (Ирак) на американском пароходе «Санта Паула»; 28 августа 1945 года 2640 чел. были отправлены на норвежском пароходе из Порт-Саида напрямик в Одессу; позднее мелкие партии отправлялись транзитом через Италию²¹.

Однако из Александрии, по данным Н.Толстого²², русских начали отправлять уже после 15 сентября 1944 года. Английские конвои двигались к границам СССР по Средиземному морю и пустыням Ирака и Персии. Конвоиров всерьез заботило не только питание, но и привлечение конвоируемых: на ночевках им подавали прохладительные напитки, под пальмами за ужином играл английский оркестр²³.

«В каждой группе были люди, открыто выражавшие свой страх перед тем, что их ждет в СССР. Но другие заверяли озабоченных английских офицеров в Багдаде, что, несомненно, дома их встретят как героев. Некоторые исхитрялись бежать, но благодаря присутствию сотрудников НКВД, большинство все же благополучно достигало родной земли. Там их незамедлительно помещали в лагерь за колючей проволокой в пустынной части побережья Каспийского моря и оттуда в вагонах для скота увозили в лагерь»²⁴.

Сведения английского историка подтверждаются данными В.Н.Земскова. Он цитирует телеграмму Отдела спецлагерей НКВД СССР в НКВД Азербайджанской ССР (середина ноября 1944 г.), где, наряду с предупреждением об отправке, начиная с 17 ноября, из Бендер-Шаха (Иран) в Баку 5 партий по 2 тыс. переданных союзниками военнопленных²⁵, содержится инструкция, в какие спецлагеря НКВД новоприбывших отправлять (самый перечень этих лагерей — Кемеровский, Прокопьевский, Ворошиловградский и Петровский в районе Сталино — вполне ясно говорит о трудовом назначении контингента — добыча угля в Кузбассе и восстановление шахт Донбасса²⁶). При этом поначалу репатрианты зачислялись в контингент НКВД целыми партиями, без разбора (хотя и не без «изыятия», если вспомнить о расстрелах на месте по составленным заранее или в пути спискам).

В общей сложности в 1944 году под опекой Англии и США находилось 30—40 тыс. советских военнопленных. В самой Англии русские военнопленные размещались в лагерях в идиллической сельской местности в Йоркшире (главный сборно-распределительный лагерь — в Кемптон-Парке). Лишь в сентябре 1944 года эти лагеря посетил генерал-майор Васильев, глава советской военной миссии в Лондоне

(по его настоянию англичане экипировали репатриантов новым обмундированием и шинелями, благополучно у них отобранными по прибытии на родину).

Первый транспорт с репатриантами вышел из Ливерпуля 31 октября 1944 года; на борту пароходов «Скифия» и «Императрица Австралия», по данным Н.Толстого, было 10.213 чел. (из них 10.139 мужчин, 30 женщин и 44 ребенка). При этом 12 человек, оказавших сопротивление, были доставлены на судно силой²⁷.

В Мурманск суда прибыли 6 ноября, накануне праздников, причем офицеры Управления по репатриации приняли тогда, согласно письму Голикова Молотову, почти на 300 человек меньше — 9.907 человек (8.334 военнопленных и 1.573 гражданских), из них 18 чел. были арестованы органами военной контрразведки СМЕРШ²⁸. Распоряжением НКВД СССР военнопленные были отправлены на проверку и фильтрацию в Таллин (после чего многих отправили на Северо-Западный фронт), а гражданских — в г. Зашеек Карело-Финской ССР. О самом же событии «Правда» повествовала так:

«Прибывших тепло встретили представители Уполномоченного Совпаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран, а также представители местных советских органов и общественности. Волнующей была встреча вернувшихся из фашистской неволи советских граждан с трудящимися Мурманска. Стихийно возник митинг. Один за другим поднимались на импровизированную трибуну советские граждане, насильно оторванные немецкими извергами от Родины, и выражали свою взволнованную благодарность советскому правительству, товарищу Сталину за отеческую заботу о них... Репатриированные советские граждане группами разъезжались по родным местам. Дети-сироты, родители которых пали от рук немецких захватчиков, размещаются в детских домах»²⁹.

Впрочем, другие свидетельства рисуют несколько иную картину: колонну репатриантов под мощным вооруженным конвоем отвели в лагерь за городом, откуда слышались автоматные очереди, саркастически названные норвежским корреспондентом Олафом Риттером саулютом в честь прибывших сограждан³⁰.

Разночтений нет, кажется, только в одном: с учетом торжественности и новизны событий, встречать первых блудных детей поручили самым ответственным и серьезным организациям в стране — НКВД и СМЕРШ³¹.

Примечания

¹ Отчет-1, с. 81.

² Отчет-1, с. 62. Земсков, 1995, с. 11 (известно также иное распределение гражданских и военнопленных — 831.635 против 321.840 чел.). Вопрос о методике получения этих цифр (в частности, о характере зачета отошедших к СССР территорий) остается открытым.

³ Например, на бывшей госгранице с Восточной Пруссией охрана границы была восстановлена 27.01.1945; тогда же были созданы ПФЛ Кибарты и СПП Миллюнен (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 255—256).

⁴ Постановление СНК СССР № 30-12с.

⁵ См. Приложения 19 и 20. Несколько иные данные содержатся в др. источниках. Так, в письме Голубева Вознесенскому от 15.11.1944, отмечалось, что, по состоянию на 10.11.1944, Управлением по делам репатриации учтено 466.521 подлежащих репатриации лиц, из них в СССР уже прибыло 84.650 чел., в том числе 50.989 бывших военнопленных, направленных в спецлагеря НКВД для проверки, и 33.661 гражданских лиц, направленных по месту жительства (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а/2. Д. 23. Л. 11—14а). К 10.12.1944 число лиц, проверяемых НКВД на ПФП, достигло 89.395 чел.; из них к месту постоянного жительства отправлено 29.002 чел., передано в военкоматы — 4.141, направлено в спецлагеря НКВД для дальнейшей проверки — 42.667 и арестовано как изменников Родины — 134 чел. (См. в письме Берия — Сталину, Молотову и Маленкову, 14.12.1944 — ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 136—137).

⁶ Почти одновременно — 12.09.1944 (a de facto 13.09.1944) — в Москве было подписано Соглашение США, СССР и Англии с Румынией о перемирии.

⁷ См. в главе 2.

⁸ Постановление ГКО СССР № 6973.

⁹ Тут стоит напомнить о горькой судьбе ингерманландцев и финнов, которых советская власть успела-таки в марте 1942 г. выселить из Ленинграда и его окрестностей. Всего на спецпоселение поступило 44.737 «финнов-спецпереселенцев» (так этот контингент был обозначен в документации НКВД), из них более 2/3 — в Сибирь (17.837 — в Красноярский край, 8.267 — в Иркутскую и 3.602 — в Омскую области), остальные — в Вологодскую и Кировскую области (Земсков, 1994а, с. 159, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 27—30). С учета спецпоселений ингерманландцы и финны были сняты приказом по НКВД только 28.01.1946, после чего они задним числом были взяты на учет как высланные в административном порядке по Указу ПВС от 22.06.1941 (то есть как «социально-опасный элемент, высланный из областей, объявленных на военном положении»).

¹⁰ По другим сведениям, сам Филатов приступил к своей деятельности еще 16 октября (см. Приложение 16). Фактически работа по репатриации из Финляндии, как и сама репатриация, началась еще раньше (см. ниже).

¹¹ В ее составе — 14 офицеров, позднее усиленных еще 75 офицерами Ленинградского военного округа (Отчет-1, с. 97—100).

¹² Напомним, что, согласно финским данным, финская армия в войне с СССР в 1941—1944 гг. взяла в плен 64.188 советских солдат и офицеров. Из них (чел.) — погибло в плену 19.016 (или 29,6 %), бежало из плена — 712 (1,1 %), осталось у немцев — 2.048 (3,2 %), репатрировано — 42.412 (66,1 %) (Дугас, Черон, 1994, с. 59, со ссылкой на: Roschman, 1982).

¹³ Берия — Сталину, 18.10.1944, 21.10.1944 и 07.11.1944 (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 8, 46, 300).

¹⁴ Первоначально в Калининскую область — только в сельские районы и «в порядке допереселения в колхозы» — предполагалось вселить 3,5 тыс. семей. См.: Постановление № 166 Бюро Калининского Обкома ВКП(б) и Исполнительного Комитета Областного Совета депутатов трудящихся от 22.11.1944 «О вселении из Финляндии ранее проживающего

- в Ленинградской области населения ингермандандского происхождения». В сопутствующей переписке имеется также датированное 04.12.1944 письмо Голубеву секретаря Калининского обкома Бойцова с предложением разместить дополнительно еще 1 тыс. семей ингермандандцев; это предложение, судя по резолюциям, было принято (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 19—22, 32, 52—54).
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 22. Л. 15—16. Возможно, с этим был связан и встреченный выше интерес центральных органов репатриации именно к Выборгскому ПФП.
- ¹⁶ Так, в письме председателя Исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся Н.Соловьева зампреда СНК В.Молотову от 21.05.1946 отмечается большой дефицит рабочих рук в области, сложившийся в результате переселения ингермандандцев и невозвращения части населения из Германии: из насильственно уведенных 275 тыс. чел. в область, по состоянию на 01.05.1946, возвратилось всего 155 тыс. (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 12. Л. 52).
- ¹⁷ Представителя Карело-Финской ССР на совещании, насколько нам известно, не было (см.: Отчет-1, с. 57—58).
- ¹⁸ По другим данным — 55.942 чел. (Земсков, 1994, с. 160), а согласно Отчету-1, — 43.246 чел., но здесь, очевидно, подразумевались только этнические ингермандандцы (Отчет-1, Л. 228—229).
- ¹⁹ Земсков, 1990, с. 30. Остальные страны: Швеция (533), не существующая еще Польша (318), Египет (282), Румыния (261), Германия (195), Венгрия (153), Греция (41), США (27), Дания и Голландия (1—2 чел.). Эти данные, возможно, заниженные и определенно неполные, поскольку в них явно не отражены по меньшей мере репатрианты, доставленные из Англии или США еще в 1944 году.
- ²⁰ Напомним, что репатриационная группа полковника Семенова в Иране (создана 16.11.1945) — одна из самых ранних. Именно сюда — в Иран и Ирак — была в декабре 1944 — январе 1945 г. направлена еще и инспекционная группа полковника Логунова. Вплоть до февраля 1945 г. через Палестину, Ирак (порт Басра) и Иран шли перевозки советских граждан из Египта.
- ²¹ Отчет-1, с. 97.
- ²² Толстой, 1988, с. 50.
- ²³ Толстой, 1988, с. 89.
- ²⁴ Толстой, 1988, с. 39—40.
- ²⁵ Весьма выразительные кадры о первой из этих партий содержит «Кинолетопись» за ноябрь 1944 г. Оператор Б.Макасеов запечатлел крестный путь 2800 чел. бывших военнопленных от станции до пристани Бендер-Шах и оттуда — на переполненной людьми барже и на теплоходе «Дагестан» — до временного лагеря где-то на азербайджанском побережье Каспия.
- ²⁶ Впрочем, по свидетельству участника итальянского Сопротивления М.С.Багирова, лично его доставили в Подольский фильтрационный лагерь, где, после проверки документов, ему вернули воинское звание майора и зачислили в армию (см.: Комолова, 1991, часть I, с. 55).
- ²⁷ В Англии оставалось, в ожидании своей участи, зависящей «только от тонажа», еще 9,5 тыс. чел. (Толстой, 1988, с. 132).
- ²⁸ См. в письме Голикова Молотову (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 21. Л. 10—11). По другим официальным данным было принято 9.905 чел. (Отчет-1, с. 82). В другом месте встречаем цифру 10 тыс. чел. — скорее всего округленную (Отчет-1, с. 48).

²⁹ Правда. 15.11.1944.

³⁰ Не тогда ли и не так ли возникло уже отмеченное «разночтение» в цифрах? (Ср.: Толстой, 1988, с. 131—132).

³¹ Не случайно, что оба ведомства — наравне с НКВД — открывают собой список смежных ведомств, помогавших голиковскому Управлению в трудах по репатриации советских граждан. В частности, сотрудничество с НКВД велось по вопросам приема, регистрации и проверки репатриантов в лагерях и СПП; приема, регистрации и дальнейшего направления репатриантов через пограничные ПФП НКВД, а также порядка приема и дальнейшего направления спецконтингента по назначению (Отчет-1, с. 39—40). Роль СМЕРШ уже была охарактеризована выше.

5.2. Жаркое лето сорок пятого: массовая репатриация и соглашение в Галле как ее механизм

Из двух мощных, но как бы отдельных друг от друга, рукавов репатриации — с территорий, освобожденных Красной Армией, и с территорий, освобожденных союзниками, — первые, естественно, подводили итог раньше вторых¹.

За пять месяцев с января по май 1945 года органы репатриации в войсках собрали, приняли в СПП и лагеря и зарегистрировали в общей сложности 1.835.377 чел., из них гражданского населения — 1.254.232, а бывших военнопленных — 581.145 чел. Из этого количества 1.354.020 чел., или около $\frac{3}{4}$, было уже доставлено в СССР². Интересно, что приблизительно $\frac{1}{4}$ от этого количества была собрана в зоне боевых действий Центральной группы войск за период осуществления Берлинской операции: начальник тыла этой группы генерал-лейтенант Н.П.Анисимов докладывал, в частности, о 122.424 бывших военнопленных и о 314.700 гражданских лицах, принятых в лагерь³.

Ко дню капитуляции Германии общее число зарегистрированных репатриантов составило 2.222.613 чел., из них 791.414 чел. (или 35,6 %) военнопленных и 1.431.199 гражданских лиц. Чуть меньше половины этого числа (48,2 %, или 01.071.094 чел.) составляли внутренние перемещенные лица⁴, причем по военнопленным эта доля была существенно ниже (32,6 %), а по гражданским, наоборот, выше (56,9 %). Только 16,5 % (366.749 чел., в том числе 267.500 военнопленных и 99.199 гражданских) приходилось тогда на тех, кого освободили и официально регистрировали союзники (но уже было ясно, что со временем счет пойдет на миллионы душ).

К 1 августа 1945 года число советских граждан, поступивших на сборные пункты и в лагеря с оккупированной и освобожденной территории, достигло 2.380.737, из них в СССР уже было отправлено 554.487 чел. (или 23,3 %), передано в воинские части — 385.875 чел. (16,2 %), арестовано — 5.254 чел. (2,2 %). Большинство же — 1.299.229 чел. (или 54,6 %) — все еще находились в 85 лагерях и проверочно-фильтрационных пунктах⁵. Естественно, большая их часть поступила от Жукова, из восточной Германии — 1.222.766 чел., второй шла Северная группа войск — 641.611 чел., а за ней Центральная группа войск (291.310 чел.), Восточная Пруссия (165.765 чел.) и Южная группа войск (60.087 чел.)⁶.

Так что описанная выше лагерная машина репатриации выстраивалась не зря. Впрочем, в полномасштабное действие она была приведена только 23 мая — сразу же за подписанием в Галле так называемого «Плана передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войска-

ми союзников». Свои подписи под ним поставили генерал-лейтенант К.Д.Голубев и зам. начальника Штаба Верховного Главнокомандования SHAEF американский генерал-майор Р.В.Баркер⁷.

Этому предшествовали переговоры в Галле Голубева с Баркером и с начальником отдела по делам перемещенных лиц SHAEF генерал-майором Микельсенем⁸. Переговоры начались 16 и завершились 22 мая и сами по себе были нелегкими. Союзники поначалу отказывались санкционировать передачу всех граждан СССР, да еще по спискам и актам, но требовали немедленной передачи всех пленных англичан и американцев, освобожденных Красной Армией, и настаивали на переброске репатриантов из СССР и в СССР по воздуху, силами их авиации, но с рекогносцировкой аэродромов СССР. Баркер предлагал ничего не подписывать и ограничиться устной договоренностью «джентльменов». Среди дебатировавшихся был и вопрос о личном имуществе репатриантов: союзники предлагали ограничить его 20 кг, а советские, видя в этом желание оставить имущество у себя, против такого бессердечия в самой решительной форме протестовали⁹. Тем не менее многие из советских требований союзники приняли¹⁰.

Успех переговоров и достигнутый на них компромисс может быть лучше понят в политически более широком контексте проблем, стоявших в то время перед и между союзниками, и переговоров, которые они по этим проблемам вели. Так, например, кризис на переговорах о Вене был преодолен 18 мая согласием Сталина на посещение Вены представительной военной делегацией союзников¹¹. Переговоры, несомненно, велись и вокруг ситуации на юге Австрии, взрывоопасной в связи с присутствием там югославских войск (и наверняка в увязке с вопросом о выдаче коллаборационистов)¹².

В сущности, соглашение в Галле стало своего рода **«техническим протоколом» к ялтинским договоренностям**, придав его реализации четкие и ясные, почти инструктивные формы. Ставя перед собой задачу решить проблему перемещенных лиц еще до наступления зимних холодов, союзники договорились первоочередное внимание уделить восстановлению транспортной (прежде всего железнодорожной) сети Германии и Австрии.

Интересы СССР и союзников странным образом переплелись и на короткое время совпали. СССР хотел как можно скорей заполучить, а партнеры по коалиции — как можно скорей избавиться от миллионов людей, которых им приходилось на свой кошт кормить, поить, обувать, одевать и даже охранять (или, что тоже не редкость, от которых им приходилось охранять местное население)!

Своеобразному «бартеру» подлежали, согласно фигурировавшим на переговорах предварительным цифрам, 1,5 миллиона советских граждан из оккупационных зон союзников и 300 тыс. граждан западных стран из восточной оккупационной зоны (по первоначальным

оценкам SHAEF, их должно было быть около 1 млн чел.). Пятикратное превышение, однако, само по себе красноречиво, но позднейшие результаты превзошли и эти ранние оценки.

Впечатляющ в итоге и **встречный** поток из СССР: число репатриированных иностранцев составило — на 1 марта 1946 года — 1.021.455 чел., из которых 1.016.588 уже возвратились на родину и 4.867 чел. находились в пути к передаточным пунктам¹³.

Что же касается **главного** потока репатриантов — потока на восток, то нельзя не согласиться с составителями голиковского отчета: характер и интенсивность репатриации до подписания соглашения в Галле и после подписания — решительно отличаются друг от друга.

Июньское интервью Ф.Голикова содержало следующие цифры: за первые две недели после подписания договора в Галле советской стороной передано союзному командованию 171.069 чел., от союзного командования принято 620.998 репатриантов. На деле это означало, что репатриация из западных зон приобрела совершенно **новую** (вдвое превосходящую предусмотренную!), — просто **невероятную** — **динамику**: до 45 и более тыс. чел. в день!¹⁴ По западным данным, самыми урожайными, как видно из таблицы 5.2.2, были даже не первые две недели после подписания соглашения, а вторая и третья, когда **среднесуточный** поток не опускался ниже 60 тыс. чел.

Нет, Заукелю такие темпы и не снились!

Приглядимся внимательнее и детальней к западным данным, рисующим фактический ход репатриации из западных зон именно в ее летней, беспрецедентной по «урожайности», стадии. В табл. 5.2.1 — сведения обобщающего характера о репатриантах из западной зоны в целом (и не только советских).

Как видим, общее число перемещенных лиц, учтенных оккупационными властями союзников, за первые четыре мирных месяца — с середины мая по середину августа 1945 года — выросло в 2,4 раза — с 2,6 до 6,4 млн. чел. При этом, если в середине мая вне лагерей находился приблизительно каждый четвертый ДиПи, то уже в конце месяца — только каждый седьмой¹⁵.

За то же самое время число репатриировавшихся среди перемещенных лиц возросло в 7,2 раза, а соответствующая доля — с 23,9 до 68,0 %. За эти 4 месяца было репатриировано в общей сложности более 3,7 млн. чел., чему соответствует, в среднем, по 30 с лишним тыс. чел. в день. Бросается в глаза резкий — почти двукратный — скачок как абсолютных, так и относительных показателей репатриации во временном интервале между 28 мая и 11 июня 1945 года.

**Сводные данные о перемещенных лицах
в западных зонах оккупации**

(14.05.—13.08.1945, тыс. чел. / %)

Дата	Репатрированы	Находятся в Германии	Всего
14.05.	600,0 23,9	2018,1 76,1	2618,1 100,0
28.05.	1174,8 27,2	3055,6 72,8	4230,5 100,0
11.06.	2433,2 46,7	2785,1 53,3	5201,3 100,0
18.06.	3075,7 56,7	2345,8 43,3	5421,5 100,0
02.07.	3513,0 56,2	2728,8 43,8	6251,8 100,0
09.07.	3856,1 57,7	2828,0 42,3	6684,1 100,0
16.07.	3848,0 62,8	2276,0 37,2	6124,0 100,0
30.07.	3938,0 63,4	2272,0 36,6	6210,0 100,0
13.08.	4323,0 68,0	2039,0 32,0	6362,0 100,0

Источник: Jacobmeyer, 1985. s. 41 (по данным текущих отчетов отдела по делам ДПГ (SHAEP)).

Выборочные данные в интересующем нас национальном (точнее, гражданском) разрезе представлены в табл. 5.2.2.

**Сводные данные о репатриации граждан СССР
и других стран из западных зон оккупации
(06.05.—28.09.1945, тыс. чел.)**

Дата	Страны					
	Франция	Нидерланды	Бельгия*	Италия	СССР**	Всего**
06.05.	205	40	48	—	— / —	293/—
22.05.	421	40	112	—	— / —	622/21
28.05.	688	112	134	—	185/ —	1119/83
05.06.	1134	150	223	15	630/64	2167/131
13.06.	1209	175	242	117	1123/62	2896/91
25.07.	1449	261	261	255	1660/13	4073/29
01.08.	1473	262	289	258	1722/ 9	4204/17
05.08.	1485	262	289	276	1734/ 3	4257/13
08.08.	1487	262	289	276	1765/10	4293/12
11.08.	1494	262	289	293	1802/12	4362/23
14.08.	1495	262	291	306	1901/33	4481/40
20.08.	1495	266	291	377	1947/ 7	4604/21
23.08.	1501	266	294	377	1977/10	4644/13
26.08.	1504	266	295	416	1992/ 5	4833/63
01.09.	1504	266	295	416	2020/ 6	4866/6
04.09.	1505	271	295	421	2022/ 1	4887/7
10.09.	1505	271	295	527	2022/ 0	5043/26
28.09.	1512	274	298	586	2034/ 1	5137/5

Источник: Jacobmeyer, 1985, s. 60 (по данным текущих отчетов отдела по делам ДиПи SHAEF).

* Вместе с Люксембургом.

** В знаменателе — среднесуточное количество репатриантов, тыс. чел.

До второй половины июля самой массовой группой репатриантов были французы, «оттесненные» с этой позиции гражданами СССР. В период с 28 мая по 13 июня на советских приходилось около половины всех репатрируемых.

Еще два с половиной месяца (до 23 августа) поток держался на весьма и весьма высоком среднем уровне (около 12 тыс. чел.), причем некоторый спад в первые дни августа сочетался с резким

СОЮЗНОЕ ВОЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
В ГЕРМАНИИ

УКАЗАНИЕ

о мерах дальнейшей репатриации
Советских Граждан.

§ — 1

Каждый советский гражданин из числа гражданских или бывших военнопленных, который еще не находится в установленных в официальном порядке лагерях для советских граждан, и кратчайший срок не позднее 30 августа 1945 года, должен уведомить в себе ближайшему соответствующему пункту для советских граждан или ближайшей администрации военного лагеря.

§ — 2

После 10 августа 1945 года прекращается пребывание советских граждан на каких-либо производств или у каких-либо работодателей, на предприятиях обслуживания питания и проживанию или сборных пунктах во всех местах.

§ — 3

Это указание относится ко всем советским гражданам, которые были интернированы или вывезены Германией со времени с 22 июня 1941 года.

§ — 4

Липа, не выполняющая этого распоряжения подлежит аресту и обвинению.

§ — 5

Это распоряжение распространяется на провинции: Вестфалия, Липпа, Лангембург-Липпа, и области управления Дюссельдорф, Кёльн и Ахен.

ПРИКАЗ союзного военного командования.

От 3 эка.

MILITÄRREGIERUNG - DEUTSCHLAND

Bekanntmachung.

Maßnahmen zur Förderung der
Zurückführung Russischer Staatsbürger
in ihre Heimat.

1. Alle ehemaligen russischen Kriegsgefangenen und Versickelte, die noch nicht in einem behördlich anerkannten Lager wohnen, die für ehemalige russische Kriegsgefangene und Versickelte eingerichtet sind, haben sich schnellstmöglich und in keinem Falle später als 20. August 1945 in dem nächstgelegenen behördlich anerkannten Lager für ehemalige russische Kriegsgefangene oder Versickelte oder bei der nächstgelegenen englischen militärischen Einheit zu melden.
2. Niemand darf nach dem 10. August 1945 einen russischen Kriegsgefangenen oder einen Versickelten beschäftigen oder weiterbeschäftigen, oder durch Gewährung von Unterkunft und Verpflegung oder in anderer Weise eine solche Person beeinflussen, sich nicht gemäß § 1 dieser Bekanntmachung zu melden.
3. Der Begriff „Versickelte“ im Sinne dieser Bekanntmachung umfasst alle russischen Zivilpersonen, die seit dem 22. Juni 1941 nach Deutschland eingereist sind.
4. Jeder der dieser Bekanntmachung zuwiderhandelt macht sich strafbar und wird verhaftet.
5. Diese Bekanntmachung ist rechtswirksam in der Provinz Westfalen, dem Land Lippe, Land Schaumburg-Lippe und in den Regierungsbezirken Düsseldorf, Köln und Aachen.

Im Auftrag der Militärregierung.

Рис. 5.2.1. «Указания о мерах дальнейшей репатриации советских граждан»
(Сообщено К.Гества)

всплеском в начале второй декады, связанном по всей видимости с истечением срока ультимативных предписаний союзного командования¹⁶.

В последнюю неделю августа темп репатриации советских граждан упал вдвое, а в сентябре он уже не поднимался выше 1 тыс. чел. в день.

По советским же данным, к 30 мая от союзников было принято 519 тыс. чел. Следующие полмиллиона собрались к 1 июля (1.008.971 чел.), а к 1 августа — поступило 1.276.944 чел. Второй миллион «разменяли», видимо, к 5 декабря — Дню сталинской Конституции: на 10 декабря 1945 года было принято 2.033.164 чел.¹⁷

На 1 сентября 1945 года общее количество репатриантов составило 5.115.709 чел., из них 3.969.656 чел. уже прибыли на место жительства или службы в СССР, а 1.114.053 чел. все еще находились в Германии или в пути. Непосредственно из оперативной зоны Красной Армии было репатрировано 2.886.157 чел., а 2.229.522 чел. было принято от союзников, в том числе после 23 мая 1945 года — 1.855.910 чел.¹⁸

Месяцем позже — к 1 октября — сводная цифра составляла уже 5.263.130 чел., из них 3.104.284 мужчин (59,0 %), 1.498.153 женщин (28,5 %) и 633.693 детей до 16 лет (12,5 %)¹⁹. Столь большой перевес мужчин связан с влиянием военнопленных на общий контингент. Если же ограничиться гражданским населением, то здесь, по состоянию на 1 октября 1945 года, несколько преобладали женщины — 44,6 %; на мужчин приходился еще 41,0 % и на детей моложе 16 лет — 14,4 %²⁰. При этом к марту 1946 года перевес женщин несколько сократился (43,9 против 41,8 % при 14,3 % детей)²¹.

К этой дате было репатрировано уже 2.352.686 чел., из них 2.038.700 — через указанную сеть лагерей в Германии и Австрии, а 313.986 чел. доставлено в СССР непосредственно — морем или по железной дороге²².

В сущности, начавшийся в мае 1945 года этап ускоренной и массовой репатриации оstarбайтеров и военнопленных из районов, подконтрольных западным союзникам, фактически завершился в сентябре. Определенная либерализация репатриационной практики союзников в точности совпала, — и тем это для джентльменов позорнее, — с исчерпанием основной массы потенциальных репатриантов.

Репатриация шла, разумеется, не только с территории Германии и Австрии, но их доля (86 %!) была, безусловно, доминирующей²³. Примечательно, что и весь суммарный — в полтора раза — перевес оstarбайтеров над военнопленными среди репатриантов сложился главным образом за счет Германии и Австрии, а также Румынии.

Если в 1944 году репатриационные органы занимались преимущественно «внутренними перемещенными лицами»²⁴ — с освобожденных Красной Армией территорий СССР (около 900 тыс. чел.,

или 85—87 % общего числа репатриантов под новый 1945-й год), — то после 20 января 1945 года темпы прироста этой категории, естественно, резко снизились, и их миллионная отметка была пройдена лишь после 20 марта 1945 года.

Вместе с тем число собственно репатриантов перевалило за миллион уже 10 июня 1945 года (по другим данным — 1 июля²⁵), после чего вырвалось вперед. К 10 июля 1945 года было репатрировано в общей сложности около 1,4 млн чел.²⁶ — столько же, сколько за последующие девять месяцев!

По английским — несколько более высоким, чем советские, — данным, к 4 июля 1945 года в восточную зону было передано не менее 1,5 млн чел.²⁷ В книге В.Якобмайера данных на эту дату нет; ближайшие даты: 13 июня — 1.123 тыс. чел. и 25 июля — 1.660 тыс. чел. Не исключено, что выявленная разница отчасти объясняется «неоприходованным расходом» — расстрельными списками НКВД—СМЕРШ.

Существенное «ускорение» было достигнуто в том числе и благодаря согласованному перемещению 1—4 июля 1945 года демаркационной линии между союзниками в Тюрингии и Саксонии, что было предусмотрено так называемым «Лондонским протоколом» от 14 ноября 1944 года²⁸.

Еще одно «ускорение» — во второй декаде августа — по всей видимости было связано со следующим ультиматумом, поставленным перед Дипи исключительно из СССР. Вот какую — или аналогичную — листовку можно было прочитать на каждом столбе или заборе послевоенной западной Германии²⁹:

СОЮЗНОЕ ВОЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ГЕРМАНИИ

Указание о мерах дальнейшей репатриации Советских Граждан

1. Каждый советский гражданин из числа гражданских или бывших в/пленных, которые еще не находятся в установленных в официальном порядке с/пунктах для советских граждан, в кратчайший срок не позднее 20 августа 1945 года, должен уведомить о себе ближайшему сборному пункту для советских граждан или ближайшей английской воинской части.

2. После 10 августа 1945 года прекращается пребывание советских граждан на каких-либо производствах или у каких-либо работодателей, запрещается обеспечение питанием и проживание вне сборных пунктов во всех местах.

3. Это указание относится ко всем советским гражданам, которые были интернированы или вывезены Германией со времени с 22 июня 1941 года.

4. Лица, не выполняющие этого распоряжения, подлежат аресту и обвинению.

5. Это распоряжение распространяется на провинции: Вестфалии, Липпе, Шаумбург-Липпе и области управления Дюссельдорфа, Кельна и Аахена.

Приказ Союзного военного командования.

Из листовки отчетливо видно, сколь по-хозяйски вели себя советские миссионеры даже в тех частях Германии, которые не освобождали.

Союзники поначалу шли им навстречу во всем. Так, например, американская администрация в Гессене распорядилась 9 августа 1945 года составить к сентябрю списки русских перемещенных лиц, с указанием имен, адресов, мест рождения и оккупации. Не удовлетворившись этим и желая ускорить дело, американцы разослали 13 августа всем крайсбургомистрам (то есть низовым администраторам) срочное требование в течение 24 часов подготовить списки всех русских, проживающих на территории их общины, причем в скобках раскрыто, кто же такие эти «русские»: это и украинцы, и эстонцы, и латыши, и литовцы, и белорусы, и русские³⁰. К требованию была приложена форма, по которой должны были быть составлены списки: номер — фамилия и имя — пол — национальность. 17 августа, когда требуемые списки от местных властей, видимо, были уже получены, американцы новым письмом потребовали уточнений: указывать также время и место рождения, а в случае «украинцев» — уточнять, относятся они к русским или к польским украинцам, а если к русским, то и на них нужна анкета «по всей форме»³¹.

Как видим и как увидим еще не раз, **методы репатриации** — особенно поначалу — **разительно напоминали методы немецкой «вербовки»**. Те же комиссии, те же грозные объявления на столбах и списки, та же форменная охота на людей, те же, при перевозке, телячьи вагоны! Не счесть унижений, оскорблений и насилия, выпавших на долю возвращающихся на родину девушек и женщин (долго еще будет стоять в их ушах: «подстилка немецкая!» — или что похлеще). Есть свидетельства — недокументированные и малодостоверные — о том, что расстреливали не только отпетых «власовцев», но и ни на что не годных стариков³².

Тем не менее, к весне 1946 года число репатриированных из оперативной зоны Красной Армии в итоге достигло 3.000.277 чел., из них 1.153.475 — со своей территории, а остальные 1.847 тыс. чел. — из зоны действия советских войск за границей (в том числе 1.262 тыс. гражданских и 585 тыс. военнопленных). Из зон союзников поступило, соответственно, — 2.352.686 чел., в том числе 1.392.647 — гражданских и 960.039 — военнопленных³³. Суммарно — 5.352.963 репатриантов.

За период с 23/26 июня 1945 по 1 марта 1946 г. через сеть ППП на демаркационной линии от союзников было принято 2.038.700 чел. Несклько меньшее число советских репатриантов — 1.801.048 чел. — прошло через сеть приграничных лагерей и СПП, из них 349.239 — бывшие военнопленные и 1.451.809 — бывшие «остарбайтеры». Большинство из них — 1.756.807 чел. — поступило из лагерей и СПП групп войск, а еще 44.241 чел. выразительно названы «одиночками,

собранными на территории Польши, Румынии и Венгрии, в пограничных районах к СССР». Дальше, на родину из них было отправлено 1.785.507 чел., в том числе 344.448 бывших военнопленных и 1.441.059 чел. гражданских³⁴.

В то же время, по некоторым западным оценкам, число репатрированных из западных оккупационных зон Германии и Австрии — несколько ниже (2.035 тыс. чел. к 30 сентября 1946 года), а репатрированных из советской зоны — существенно выше (2.946 тыс. чел., из них примерно 40 % хотело бы остаться на Западе). В общей сложности за 1943—1947 гг. страны Запада, согласно М.Праудфуту, передали СССР 2.272 тыс. чел.³⁵

Между советскими и западными данными почти не встречается полного соответствия, и даже расхождения — неоднотипные, разнонаправленные. Тем не менее, как правило, западные почему-то чаще больше «отдают», чем советские «получают».

Так, например, за 23 мая — 31 августа 1945 года суммарное количество советских репатриантов, по западным данным, составило 2.022 тыс. чел., по советским же — 1.856 тыс. чел. Расхождение — в 166 тыс. чел.!

Откуда оно взялось?.. Что означает?.. Связано ли как-то с автоматными очередями, часто доносившимися с восточной стороны демаркационной линии?.. И не «покрывает» ли собой эта разница «неоприходованный расход» и «прочую убыль», то есть расстрельные списки НКВД—СМЕРШа?

С официальной же советской точки зрения, дело с возвращением на Родину сограждан, оказавшихся под контролем союзников, обстояло плохо или очень плохо и репатриация шла очень медленно и туго (и чем дальше — тем туже). В 1990 году В.Земсков повторил старинные упреки союзникам в том, что они исключительно чинили препятствия советским офицерам репатриации, в лучшем случае — не уделяли этому вопросу должного внимания. В ходе репатриации, по Земскову, союзники грубо нарушили заключенный в Галле договор, де факто освободив от принудительной репатриации «западников», а с осени 1945 года — и «восточников»:

«В результате большинство не желавших возвращаться на Родину, и часть колеблющихся, находившихся на подконтрольной союзниками территории, уклонились от обязательной репатриации и остались на Западе. Впоследствии англо-американские службы нередко старались задержать у себя даже тех советских граждан, которые хотели бы вернуться в СССР»³⁶.

Однако ценные ретроспективные данные, обнародованные самим же В.Н.Земсковым, решительно этого не подтверждают: ведь осенью 1945 года «кремлевскому горцу» были насильственно возвращены новые сотни тысяч граждан.

Еще дальше в претензиях к союзникам идет А.Шевяков:

«Несмотря на многочисленные протесты наших военных уполномоченных по репатриации при контрольно-оккупационных штабах <? — П.П.> союзнических армий, военные власти Англии, США и Франции всячески препятствовали нормальной работе представителей Советского командования по репатриации советских граждан из зон оккупации. Более того, многие лагеря советских перемещенных лиц союзными властями были отданы под власть уцелевших прибалтийских карателей, бандеровцев и других изменников Родины и даже нацистов»³⁷.

Базируясь, как водится, на «коллекционных» источниках, А.А.Шевяков настаивает, что в 1945—1949 гг. (и особенно с наступлением «холодной войны» в 1946 году) союзники занимались «удерживанием советских граждан в зонах оккупации» с последующей «отправкой последних в страны Запада, Латинской Америки и в Австралию».

Эти слова как бы суммируют и содержание книги А.Брюханова, немало поработавшего в советских репатриационных миссиях в Италии, Дании и английской оккупационной зоне Германии³⁸.

Но, право слово, всех этих «упреков» союзники не заслужили. И Англия, и — чуть позже и не без колебаний — США сделали все, что только могли для ублажения генералиссимуса Сталина. Репатриация долгое время шла именно по советскому сценарию.

При этом союзники вынуждены были поступиться изрядной долей западных демократических ценностей, в том числе и правами личности, и верховенством закона. Как писал Патрик Дин, помощник юридического советника МИД Великобритании:

«Ради выполнения желаний советского правительства мы, с некоторым риском для самих себя, растянули наш закон до крайних пределов с тем, чтобы всех советских граждан, независимо от того, служили они в Красной Армии или нет, можно было отправить назад в Советский Союз, невзирая на их желание»³⁹.

Ярчайшие тому свидетельства — **массовые выдачи советским властям участников коллаборационистских соединений**, в составе которых — и это союзники-демократы предпочитали долгое время «не замечать» — было немало русских эмигрантов времен революции и гражданской войны. Это шло не только вопреки международным конвенциям — это не было предусмотрено даже в Ялтинском договоре — «правовой базе» репатриации по-советски.

Примечания

¹ Об особенностях и проблемах статистического учета репатриации см. ниже.

² Отчет-1, с. 67.

- ³ Битва за Берлин, с. 587, документ № 305, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. Центральной группы войск. Оп. 70500. Д. 1. Л. 124.
- ⁴ Данные из сводки № 21 Управления по репатриации от 10.05.1945 (здесь — по: Шевяков, 1994, с. 199—202). Отмечая их некоторое выпадение из данного в Приложении 22 хронологического ряда, мы вынужденно прибегли к ним ввиду их большего структурного богатства и отсутствия иных данных на эту дату.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 2. Л. 2—5. Любопытно, что соответствующий отчет был подписан не Голиковым, а начальником отдела «Ф» НКВД СССР П. Судоплатовым.
- ⁶ См. Приложение 21.
- ⁷ См. полный текст в Приложении 23. По некоторым сведениям, местом фактического подписания соглашения был Лейпциг, из-за чего это соглашение иногда называют также соглашением в Лейпциге (до 04.07.1945 и Галле, и Лейпциг находились в американской оккупационной зоне).
- ⁸ Jacobmeyer, 1985, с. 63—64, со ссылкой на диссертацию: Elliot, 1974.
- ⁹ Казалось бы, они отстаивали имущественные интересы соотечественников! Но мы еще представим свидетельства того, что за этими требованиями стояло и чьи интересы они отражали на самом деле.
- ¹⁰ См. Приложение 23. См. также: Доклад Представителя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации наркому иностранных дел, заместителю наркома обороны и начальнику Генштаба Красной Армии об итогах переговоров с представителем Верховного Главнокомандующего союзными экспедиционными силами // Битва за Берлин, с. 367—371, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 7406. Оп. 11549. Д. 265. Л. 125—131. Кроме того на переговорах, а также по их завершении (например, в письме Голубева генералу Дину от 04.06.1945 и в ноте Посольства СССР в США от 20.06.1945) советской стороной ставился вопрос о командировании в западные зоны Германии, а также в Данию и Норвегию 162 советских офицеров по репатриации во главе с генерал-майором Вершининым дополнительно к 153, уже работавшим в зоне компетенции SHAEF под командованием генерал-майора Драгуна. В конце июня союзники ответили на просьбу СССР отказом, сославшись при этом на скорость и эффективность репатриации, осуществляемой группой Драгуна (NA, RG 59, 762.61114).
- ¹¹ Rauchensteiner, 1995, s. 105.
- ¹² См. в главе 5.3.
- ¹³ Из них: французов — 310.030, поляков — 173.749, итальянцев — 166.263, югославов — 127.182, чехов и словаков — 43.312, голландцев — 35.032, бельгийцев — 34.846, румын — 28.907, англичан — 24.465, венгров — 22.823, американцев — 22.479, греков — 7.929, люксембуржцев — 2.295, болгар — 1.998, норвежцев — 1.151, датчан — 968, швейцарцев — 822, испанцев — 149, шведов — 30, албанцев — 9 (См.: Отчет-1, с. 229—230).
- ¹⁴ Не средние, а реальные, суточные рекорды в конце мая зашкаливали аж за 100 тыс. чел. (в среднем — 107 тыс. чел.). Позднее этот показатель только сокращался: в августе — до 25 тыс. чел., в сентябре — до 11 тыс. чел. (Jacobmeyer, 1985, s. 59).
- ¹⁵ Соответственно 649,7 и 434,3 тыс. чел. По-видимому и дальше доля ДиПи, находящихся вне лагерей, неуклонно сокращалась, если, разумеется, не вдаваться в очевидную в данном случае неполноту и несовершенство самого учета.
- ¹⁶ См. ниже текст листовки.

¹⁷ Земсков, 1990, с. 33, 34. Отметим некоторую нестыковку с данными, приводимыми Голиковым в его интервью ТАСС (Правда. 07.09.1945). Так, по состоянию на 01.09.1945, он говорил о 2.229.552 чел., переданных нам союзниками, из них за 23.05.—01.09.1945 и непосредственно через линию соприкосновения Красной Армии с войсками союзников — 1.885.910 чел. (См.: Репатриация, 1945, с. 29—38). При этом разница — 373.642 чел. — существенно выше аналогичной цифры (313.986) на 01.03.1946!

¹⁸ О ходе репатриации советских граждан. Интервью уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Голикова корреспонденту ТАСС // Правда. 07.09.1945 (См. также: Репатриация, 1945, с. 29—30). Нетрудно подсчитать, что таким образом до соглашения в Галле от союзников поступило 373.612 чел. Вместе с тем выше мы уже приводили совершенно иные цифры: до 22.05.1945 через линию соприкосновения войск поступило всего 65.606 чел., после (и вплоть до 01.03.1946) — еще 2.287.080 чел. Их общая численность составила тем самым 2.352.686 чел. (Отчет-1, с. 79). Противоречие между различными цифрами снимается только при двух допущениях: различие в числе полученных от союзников до 23 мая — за счет уже начавшейся репатриации советских граждан извне пределов Германии; разница в общем числе репатрированных через линию соприкосновения войск — за счет несовпадения дат: стало быть, 431.170 чел. было передано между 01.09.1945 и 01.03.1946. Но цифры, полученные с учетом этих допущений, в свою очередь, не стыкуются с данными текущей еженедельной статистики репатриации, опубликованными В.Н.Земсковым (см., например, ниже о 200 тыс. репатриантов, переданных до 23.05.1945). Такого рода статистические издержки при относительной множественности тех или иных источников — настоящий бич при исследовании этой проблемы!

¹⁹ Голиков Ф.И. Год работы по репатриации советских граждан // Правда. 04.10.1945. По: Репатриация, 1945, с. 40. В докладе о работе отдела регистрации и учета Управления по делам репатриации за период 04.10.1944—01.10.1945 содержатся данные (неполные) на 20 сентября 1945 года, особенно ценные справкой о социодемографической структуре репатриантов. Согласно этим данным, из захваченных врагом 6.978.615 чел. за отчетный период репатрировано 5.223.545 чел., в т.ч. определено на место — 04.318.475 чел. и находится в зоне групп войск — 905.070 чел. Кроме того репатриации из иностранных государств подлежало еще 241.584 чел. Из 04.043.707 чел., отраженных в справке, военнопленных — 1.368.849 и гражданского населения — 2.674.858 чел. (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 9. Д. 176. Л. 291—293). Приходится отметить, что с этими сведениями лишь отчасти сходятся данные, представленные Голиковым Молотову (тыс. чел.): врагом захвачено — 6.979, в том числе выявлено и взято на учет — 5.465, из них репатрировано — 4.223, подлежат репатриации — 242, подлежат дальнейшему выявлению — 1.513 (АВП. Ф. 0431. Оп. 1. П. 9. Д. 54. Л. 81).

²⁰ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 9. Д. 176. Л. 291—293.

²¹ Земсков, 1995, с. 10.

²² См. Приложение 23.

²³ Более детально о территориальной структуре участия стран Западной Европы в репатриации советских граждан см. ниже.

²⁴ То есть не-репатриантами *de jure* (см. Приложение 22).

²⁵ Толстой, 1988, с. 335—336.

²⁶ См. Приложение 22.

²⁷ Толстой, 1988, с. 336, со ссылкой на: Proudfoot M.J. European Refugees. London, 1957. P. 210—211.

²⁸ «Протокол между Великобританией, СССР и США об оккупационных зонах в Германии и об управлении Большого Берлина». От СССР подписано послом в Великобритании Ф.Т.Гусевым в рамках Европейской Совещательной Комиссии. Согласно этому протоколу, восточные земли Германии предназначались для советской оккупационной зоны. Одновременно союзники подписали также соглашение о системе контроля в Германии.

²⁹ Сообщено К.Гества. В его статье имеется ссылка на: Archiv der Stadt Hamm, Sammlung Schilupp (Gestwa, 1993, s. 75). Текст — на русском и немецком языках. Обращает на себя внимание и совпадение «контрольной» даты приказа с началом проведения (14.08.1945) так называемой операции «Килевание» по ускоренной выдаче советских граждан СССР в Италии (Толстой, 1988, с. 398—399).

³⁰ Именно это обстоятельство, а уже затем хронологическая близость заставляют нас думать о взаимосвязи между этими распоряжениями американцев и грозным предупреждением «всем сдать» к 20 августа (ср. листовку выше).

³¹ StAM, Вt. 180, № 4963. Затребованные списки были составлены и насчитывали в общей сложности 133 чел.

³² Толстой, 1988, с. 341—342. Расстрелом, само собой, заканчивалась и так называемая «Операция Нью-Йорк» — возвращение обратно, в Красную Армию, тех десятков или сотен ее военнослужащих, которые уже после общей победы перебежали к союзникам (последние при этом не брезговали перед выдачей этих людей порасспросить их о военных секретах!).

³³ Отчет-1, с. 223. При этом советская оценка количества освобожденных союзниками советских граждан, на 1 марта 1946 года, составляла 2.667.443 чел. (Отчет-1, с. 78). Разница в 314.757 чел., очевидно, соответствовала числу подлежащих репатриации, но не репатрированных еще граждан.

³⁴ Отчет-1, с. 69—70.

³⁵ См.: Proudfoot, 1957, p. 211—218. При этом официально зарегистрированы как «оставшиеся на Западе» около 35 тыс. представителей различных национальных меньшинств, хотя в действительности репатриации удалось избежать скорее не десяткам, а сотням тысяч человек (см. ниже).

³⁶ Земсков, 1990, с. 33. Далее Земсков оговаривается: «Что касается лиц, отнесенных к категории военных преступников, то бывшие союзники, случалось, передавали таковых Советскому Союзу даже после начала "холодной войны"».

³⁷ Шевяков, 1990, с. 10—11. См. также: Шевяков, 1993.

³⁸ Брюханов, 1958.

³⁹ Цит. по: Толстой, 1988, с. 119.

5.3. Лакомый кусок: репатриация коллаборантов и старых эмигрантов

Приглядимся пристальнее к судьбе тех, кого в СССР десятилетиями называли — и сейчас называют — «предателями».

Страстность, с которой СССР добивался их выдачи, граничила разве что с неистовством и вожделением. Советское понимание ялтинских соглашений означало их безоговорочную выдачу, а обсуждение связанных с этим вопросов подчас не поспевало за самими событиями.

Классическим примером тут служат **выдачи казаков англичанами советским властям**, осуществленные на стыке мая и июня 1945 года.

Как известно, на Балканах на стороне немцев воевал целый Казачий корпус под началом фон Паннвица. Вместе с немецким Юго-Восточным фронтом он быстро откатывался на запад и вскоре вступил на территорию Австрии. 10 мая они сдались англичанам и 11 мая сложили оружие в районе города Фолкерсмаркта. После чего Казачий корпус был разделен на две части, разместившиеся в районе Сант-Вейта: первая (под командованием фон Паннвица) стала лагерем севернее, под Альтхофеном, вторая (под началом полковника К.Вагнера) — западнее, возле Фельдкирхена. Особняком — около деревушки Клейн Сант-Пауль — стоял 5-й Донской полк, отделившийся от корпуса при сдаче англичанам (им командовал русский — Иван Кононов, первый советский офицер, добровольно перешедший со своим полком к немцам).

Отступление немцев вынудило и Казачий Стан покинуть родные станицы и преодолеть — с семьями, скarbом и лошадьми — тысячи километров. В начале 1943 года, после Сталинграда и в канун ухода вермахта с Кавказа они, под водительством походного атамана Павлова, откочевали в район Новогрудка, западнее Минска. Здесь они повоевали с партизанами, причем во время одной из операций Павлов при не вполне выясненных обстоятельствах погиб, причем от немецкой пули. В 1944 году был избран новый походный атаман Тимофей Доманов, и уже под его началом казаки были эвакуированы сначала под Варшаву, а в сентябре 1944 года в район города Толмеццо на северо-востоке Италии, где они охраняли дороги и снова бились с партизанами, на сей раз с итальянскими. Рядом с ними «осело» и несколько тысяч кавказцев из Тюркской дивизии (главным образом адыгейцев, карачаевцев и осетин; их командиром был князь Султан-Гирей Клыч — старый эмигрант, сподвижник Врангеля).

Когда линия фронта снова вплотную приблизилась к их лагерю, казаки снялись опять и, после труднейшего перехода через Альпы (между 28 апреля и 3 мая), спустились в австрийскую деревню Маутен-Кетшах, а затем далее вниз по долине Дравы в окрестности тирольского городка Лиенц, где и расположились новым станом. Было

их, по разным оценкам, от 24 до 35 тыс. чел. (считая женщин и детей), кроме того — около 5 тыс. кавказцев. 10 мая в лагерь влился еще и резервный казачий полк легендарного генерала Андрея Шкуро в 1400 штук¹.

Переговоры о сдаче англичанам, наступавшим буквально по пятам, поставили казаков перед необходимостью в первую очередь разоружиться. Кавказцев заставили сделать это 15 мая (и уже в этот момент многие из них сочли за благо не искушать судьбу и бежали), казаков — 27 мая, но практически все они предпочли остаться, полагаясь на авторитет Петра Краснова и гуманность Верховного главнокомандующего англо-американскими оккупационными войсками в Италии и Австрии фельдмаршала Александера с его якобы русской женой, который подберет для их будущего поселения какой-нибудь тихий закуток на планете. Вместо этого в тот же день, 27 мая, англичане вручили Доманову письменный приказ всем казачьим офицерам (около 1600 чел.) явиться назавтра на конференцию в районе Обердраубурга, в штаб 36-й пехотной бригады, где фельдмаршал Александер сообщит им важное решение относительно их будущего. Этот нелогичный приказ встревожил казаков, но их вера в безусловную честность англичан была тверда. Все офицеры надели праздничную форму, царские ордена, построились в колонны со знаменами донского, кубанского и терского полков — после чего расселись по грузовикам. И в этот, возможно, момент атаман Доманов и переводчик Бутлеров, выехавшие из Лиенца получасом ранее, побледили, услышав сказанное бригадным генералом Джеффри Мессоном:

«Я вынужден сообщить вам, сэр, что мною получен приказ передать всю казачью дивизию советским властям. Я сожалею, что вынужден сообщить вам об этом, но приказ не оставляет мне другого выхода. Всего вам доброго».

Так вера одних была обманута и раздавлена вероломством других. Больше чем само существо события, больше чем осознание надвинувшейся смерти поразили казаков этот низкий и подлый «джентльменский» обман!

Далее происходило следующее. Всех офицеров привезли в Шпиталь и разместили на ночь в охраняемых бараках, по меньшей мере 10—12 человек покушались на самоубийство². Наутро 29 мая, в 5 часов дали завтрак. По просьбе священников разрешили провести службу, очевидно последнюю для большинства, если не для всех. В полседьмого подошел первый грузовик, но Доманов и его штаб садиться в него отказались.

«Офицеры сели на землю, взявшись за руки, и когда английский сержант попытался силой оттащить одного офицера, тот укусил его в руку. Это послужило для охранников сигналом — они набросились на безоружных, среди которых были старики, вроде генерала

Тихоцкого, способного двигаться только ползком. Несколько минут английские солдаты дружно орудовали прикладами винтовок, и многие казаки были избиты до потери сознания. Правда, были и такие, кто не решился избивать безоружных казаков. Но в общем, как писал полковник Брайар, «вмешательство возымело должное действие» и казачьи офицеры залезли в грузовики.

Генерал Краснов наблюдал за этой сценой из открытого окна своего барака, когда несколько английских солдат бросились к бараку и за ним. Но такого надругательства казаки потерпеть не могли, они подбежали к окну, взяли 76-летнего генерала на руки и отнесли в грузовик. Краснову было разрешено сесть в кабине, рядом с шофером. Его внук, Николай Краснов, видел, как дед перекрестился и прошептал: «Господи, сократи наши страдания!»).

Передаточным пунктом был, согласно договоренности, Юденбург, демаркационной линией служила река Мур. Грузовики один за другим въезжали на заставленный английскими танками мост, высаживали «пассажиров» на советской стороне, разворачивались и возвращались. Непосредственно во время передачи — еще несколько покушений на самоубийство³.

На советском берегу «добычу» разместили в огромном цеху какого-то завода, обнесенного высокой каменной стеной. Наутро — регистрация, причем Г.Вербицкий вспоминает о десятках барышень, сидящих за столиками с кипами бланков. Сразу же после регистрации несколько десятков человек отделили и увели: более их никто не видел, так что увели, скорее всего, на расстрел. Оставшихся перегнали в обнесенный колючей проволокой лагерь близ некоего старинного монастыря, где в общей сложности сосредоточилось около 30 тыс. чел. У всех отобрали документы и прочие бумаги, а также обмундирование, выдав взамен ношеную униформу едва ли не всех европейских армий. Партиями в 5—6 тыс. чел. несчастных грузили, по сотне в каждый, в товарные вагоны, рассчитанные на 8 лошадей или 40 чел. Конечной целью 45-дневного пути был Урал, Молотовская (нынче Пермская) область, лагерь при угольной шахте близ Гремячинска⁴.

Что касается казачьих генералов, вновь встретившихся друг с другом в Юденбурге, то об их дальнейшей судьбе (как, впрочем, и об английском вероломстве и советской жестокости) рассказал Николай Краснов-внук. После 10 лет сибирских и карагиндских лагерей, чудом выживший и, в качестве гражданина Югославии⁵, покинувший СССР в 1955 году, он выполнил данное деду обещание и написал воспоминания⁶.

В Юденбурге обоих Красновых (генерал-майор С.Н.Краснов приходился Краснову-старшему племянником и был начальником его штаба), А.Г.Шкуро, К.Султан-Гирея, А.Т.Доманова и некоторых других⁷ отделили от остальных. Было очевидно, что именно захват знаменитых белых генералов представлял для Москвы совершенно особенную, ни с чем не сравнимую ценность и радость, — и не важно,

что никакими ялтинскими соглашениями передача граждан третьих стран никак не предусматривалась. 30 мая их всех перевели в Грац, в тюрьму НКВД⁸, а затем в Баден, в тюрьму СМЕРШа, где долго и грубо допрашивали, а 4 июня самолетом переправили в Москву, в Главное управление СМЕРШ⁹ (фон Паннвиц еще на некоторое время был оставлен в Австрии). Разместили их по одиночным камерам на Лубянке, где они были удостоены неслыханной по цинизму и откровенности «беседы» с министром госбезопасности В.Н.Меркуловым, разумеется, не забытой Красновым-внуком¹⁰. Смысл наставлений министра: *«О легкой смерти и не мечтайте, готовьтесь к труду на лесоповале где-нибудь на 70-й параллели»*¹¹.

Судьба же старших Красновых и других казацких предводителей решилась иначе и раньше. 7 января следствие по их делу было закончено: в письме к Сталину Абакумов предложил приговор (повесить) и дату суда (15 января). Сталин начертал: «Абакумову. Согласен. И. Ст.». 17 января 1947 года в «Правде» было опубликовано сообщение Военной Коллегии Верховного Суда СССР о смертных приговорах и об их исполнении применительно к *«арестованным агентам германской разведки, главарям вооруженных армейских частей в период гражданской войны»*. Перечислялись — атаман Краснов П.Н., генерал-лейтенант Белой армии Шкуро А.Г., командир «Дикой дивизии» — генерал-майор Белой армии князь Султан-Гирей Клыч, генерал-майор Белой армии Краснов С.П., генерал-майор Белой армии (а на самом деле — майор Красной) Доманов А.Т., а также генерал германской армии Г. фон Паннвиц.

Недавно, кстати, были опубликованы первые документальные сведения и о судьбе **рядовых** казаков, переданных в Юденбурге. По крайней мере 808 из них — почти исключительно женщины (из них более половины — моложе 21 года) и дети — находились 28 октября 1945 года в лагере ГУПВИ НКВД № 525/9 в районе г. Кемерово в Кузбассе, прикрепленном к шахтоуправлению «Куйбышевуголь». Среди них только 12,3 % относились к группе «полностью трудоспособных», а 19,5 % — к группе инвалидов и нетрудоспособных; все остальные принадлежали к числу ограниченно трудоспособных, использовавшихся на работах внутри или вне лагеря. Смертность в лагере была высокой — до 10%. Всего же из общего числа в 17.330 заключенных — «власовцев и белогвардейцев» в лагере было 3.540 чел. (на 1 января 1946 года)¹².

...Вернемся, однако, в Пеггек близ Лиенца. Когда рядовые казаки узнали о судьбе своих офицеров и о предательстве англичан, они выбрали новым атаманом подхорунжего Кузьму Полунина, выбросили черные флаги и объявили голодовку. В петициях, отправленных королю Георгу VI, архиепископу Кентерберийскому, Уинстону Черчиллю и полковнику Малкольму¹³ они писали: *«Мы предпочитаем смерть возвращению в советскую Россию, где нас ждет долгое систематическое уничтожение»*.

30 и 31 мая (в католической Австрии — праздничный, нерабочий день) англичане готовили передачу рядовых казаков, несколько сотен из них ушли в горы, где за ними, безоружными, охотились английские солдаты. Три поезда, отправленных в Юденбург со станции Деллах, увезли 3.161 чел.: мужчин запикивали в вагоны, по 36 чел. в каждом, а женщин, детей и вещи везли в багажном отделении.

Черед рядового казачества настал 1 июня. В лагере Пеггец с утра шла литургия, многие хотели причаститься:

«...Перед импровизированным алтарем, на лагерной площади, казачьи священники, в полном облачении, с иконами в руках, начали литургию. Многотысячная толпа подхватила пение. Это ведь святая православная вера спасла их предков от мрака татаро-монгольского ига — может, Бог и на сей раз не бросит в беде своих верных детей?»

...На площади перед бараками стояло 4 тысячи человек, и ехать они явно никуда не собирались... Он <майор Дэвис — английский офицер, с которым у казаков сложились до этого самые дружеские отношения. — И.П.> приказал своему переводчику, молодому офицеру из дивизионного штаба, сообщить через микрофон, что казакам дается десять минут на окончание службы. Десять минут прошли — он дал еще пять. Тысячи казаков, поблуднев от волнения, следили за каждым его движением, но пение продолжалось.

...Майор выслал вперед взвод солдат, но казаков трудно было заставить врасплох. Толпа пятилась назад под натиском англичан, причем ее наружный круг образовали молодые сильные мужчины, а женщины, дети и старики теснились сзади. По мере продвижения англичан ближайшие к ним казаки опускались на колени или садились на землю, взявшись за руки, так что невозможно было выдернуть кого-либо из толпы...

Но Дэвис должен был выполнить приказ, и хотя он всячески старался свести насилие до минимума, он собирался довести дело до конца... Взвод, вооруженный ружьями и пиками, образовал клин и успешно пробился через толпу, отрезав около 200 казаков, продолжавших держаться вместе. Когда между ними и остальными образовался зазор, Дэвис запустил туда еще два взвода — чтобы помешать этим двум частям толпы соединиться. Затем первый взвод двинулся на отделенную группу, чтобы начать посадку на грузовики...

Заполненные грузовики ехали на ближайшую железнодорожную станцию, и там пленных пересаживали в поезд для перевозки скота, из 50 вагонов, с решетками на окнах. В середине на открытой платформе сидело несколько солдат с пулеметом. В каждый вагон загружали по 36 человек, затем двери наглухо закрывали, и только иногда можно было уловить прощальный взмах руки»¹⁴.

Второй приступ был и ожесточеннее, и жертвообильнее. Толпа опрокинула окружавшую лагерь изгородь, люди бросились в лес или

на мост через Драву, и многие погибли в бурной реке или от пуль вошедших в раж англичан¹⁵. Английские источники явно занижают число погибших в этот день — 12 человек, казацкие (Ольга Ротова, например) — вероятно, завышают (700 задавленных, убитых, угонувших или покончивших с собой)¹⁶. Многим все-таки удалось уйти в лес и, несмотря на старания «охотников за черепами», спастись.

На их поиски высылались экспедиции, в которых участвовали также и смершевцы. Общими усилиями за 7—30 июня им удалось изловить 1356 беглецов, часть из которых немедленно после прибытия в Юденбург или Грац, предположительно, расстреливали.

Но тому же сценарию шла «погрузка» и в других казачьих лагерях, например, в Обердраубурге. Но, несмотря на все «затруднения», 6-я пехотная бригада переправила в первые две недели июня из долины Дравы в «советскую» Штирию 22.502 чел. кавказцев и казаков¹⁷. В течение недели после 28 мая 1945 года 46-я британская пехотная дивизия передала НКВД в Юденбурге 17.702 казака¹⁸.

Но еще до «домановских» казаков — 28 мая 1945 года — насильственной депортации через Юденбург были подвергнуты немецкие военнослужащие 15-го Казачьего корпуса во главе с их командиром, фон Паннвицем, за четыре дня до этого — первым в истории казачества иностранцем! — выбранным их походным атаманом¹⁹. По свидетельству одного из «немецких казаков» — лейтенанта К.-Г.Фиркорна, в Юденбурге их держали 2—3 дня, затем около 2 недель в тюрьме НКВД в Граце, откуда — с остановками в румынских Фокшанах (где началась широкая «российская» колея) и Свердловске (где проходили дезинфекцию) — их ждал месячный путь до мест отбытия наказания (в его конкретном случае это был Прокопьевск в Кузбассе)²⁰.

Почти все предыдущие цифры и даты почерпнуты нами из монографии Н.Толстого. Но есть и другие источники. Так, З.Беер, со ссылкой на британские архивы, приводит не только иные цифры, но и, отчасти, даты: 28 мая — переданы генерал-лейтенант фон Паннвиц вместе с «казаками-немцами» — 139 офицерами и 645 солдатами; 29 мая — 1.700 офицеров-казаков 15-го казачьего корпуса и оставшиеся немецкие офицеры; 30 мая — 8.700 казаков, включая женщин и детей; 31 мая — еще 7.000 казаков; 1 июня — 6.500 казаков; 2 июня — 7.000 казаков; 3 июня — 6.740 казаков (достойно упоминания, что в этот же день через Юденбург в Вену проследовала военная делегация западных держав в составе 186 чел.²¹); 5 июня — 2.688 казаков и 5.900 лошадей; 6 и 7 июня — казаки (количество не указано); 15 июня — 670 казаков и 264 кавказца, бежавших от выдачи, но пойманных в горах Каринтии.

Юденбургский мост «работал» весь июнь и начало июля, пропуская через себя сотни и тысячи советских репатриантов. За период с 28 мая по 8 июля через него прошло более 50 тыс. чел., из них 35 тыс. казаков²².

Но что же предшествовало всему этому? Как договаривались между собой англичане и русские, как сторговались они о судьбе казаков?

Согласно английским документам, впервые обнародованным американскими историками Д.Сандерсом, М.Саутером и Р.Кирквудом, 10 мая командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И.Толбухин потребовал у командующего 5-го корпуса британской армии генерал-лейтенанта Ч.Кейтли выдачи казаков в СССР и представил ему списки казачьих офицеров²³. 13 мая в Клагенфурт к Кейтли прибыл Гарольд Макмиллан — будущий премьер-министр Великобритании, в то время бывший представителем британского правительства при ставке фельдмаршала Александра. Тем же днем в его дневнике помечена следующая запись:

«Передать их <казаков — П.П.> значит обречь их рабству, пыткам и, возможно, смерти. Отказать <в передаче — П.П.> значит глубоко задеть русских и, между прочим, нарушить Ялтинский договор. Мы решили передать их»²⁴.

14 мая 8-я Армия направила в 15-ю армейскую группу предложение вступить со штабом Толбухина в переговоры о передаче 28 тыс. казаков. В тот же день из 8-й Армии в 5-й корпус ушло указание о передаче СССР казаков согласно договоренности с маршалом Толбухиным — как бы в обмен на шаги по передаче союзникам английских и американских военнопленных из СССР²⁵. Дополнительную краску этому «торжищу» сообщает и свидетельство одного из руководителей чекистской разведки Павла Судоплатова о том, что русские и англичане «сошлись» на выдаче царского генерала Краснова и советских генералов-власовцев в обмен на передачу англичанам гросс-адмирала Редера, ответственного за операции кригсмарине против Британского флота и безоружных торговых судов²⁶.

16 мая начались переговоры в Галле²⁷, на время которых, как утверждает Д.Сандерс с соавторами, обмен пленными через демаркационную линию был приостановлен, что несколько задержало выдачу казаков во времени.

Воспользовавшись этим, фельдмаршал Александр обратился 17 мая с письмом к маршалу Эйзенхауэру, в котором дал понять, что будет смотреть сквозь пальцы на попытки капитулировавших войск, в том числе казаков, рассеяться по контролируемой ими обоими территориями. Так же и англичане соединения получили от Александра сигналы о том, что слепо выполнять соглашения с русскими он не намерен²⁸.

Реакция американцев была, однако, несколько замедленной. 21 мая Александр получил письмо от О.Брэдли из американской 12-й армейской группы. В нем указывалось, что в Нижней Австрии до сих пор еще не полностью разоружены около 105 тыс. немцев и совершенно не разоружены 45 тыс. казаков, не считая 11 тыс. сопровождающих их лиц (женщины, дети, старики), с каковыми надлежит поступить в точности так же, как и с самими казаками. 12-я армейская группа предла-

гала свои услуги по разоружению казаков. Истинные цели операции несколько выдавало разве то обстоятельство, что в действительности — за исключением домановцев из Казачьего Стана — большинство казаков (и кавказцев) к этому времени уже были разоружены.

Во всяком случае любезное предложение союзников было именно тем, чего Александр хотел бы от них услышать. 22 мая, в день подписания соглашения в Галле, он приказал 8-й Армии, 15-й армейской группе и 5-му корпусу эвакуировать всех советских граждан в зону контроля 12-й американской армейской группы, — кроме тех, кого можно передать в Россию без применения силы²⁹.

Но в этот же день из Лондона, куда он ездил для консультаций с Черчиллем, вернулся Г.Макмиллан. Попав в распоряжение 5-го корпуса и узнав о приказах Александра, он немедленно дезавуировал их, сославшись на секретное межправительственное соглашение, согласно которому казаков следовало рассматривать не как обычных немецких военнопленных, стоящих под защитой Женевской конвенции, а как **капитулировавших** вражеских военнослужащих³⁰. Всем офицерам, находящимся в контакте с казаками, были разосланы письменные разъяснения о том, что классическими военнопленными казаки ни в коем случае не являются. После чего вскоре поступили и указания о выдаче капитулировавших казаков, и если потребуется — с применением силы, причем осуществление операции было поручено 15-й армейской группе.

Таким образом, согласно Д.Сандерсу, М.Саутеру и Р.Кирквуду, вся акция была инспирирована одним только устным указанием Макмиллана. Сам же он, — дабы не на его глазах все это происходило, — 25 мая вновь улетел в Лондон!³¹

Между тем процесс уже набирал обороты. 23 мая — в день вступления в силу соглашения в Галле — состоялись переговоры (по всей видимости, в Граце) между командующим 3-й американской армией генералом Райнхартом и командующим 1-й Гвардейской армией генералом Деревянко. Последний сообщил своему американскому коллеге, что военнопленные из США, Англии и стран Британского Содружества собраны в г. Нойштадте под Веной. На вопрос об их количестве Деревянко не ответил, но обещал сообщить точные цифры в течение 72 часов³². И, хотя эти данные были 26 мая получены³³, никаких гарантий выдачи этих пленных не было (Между тем накануне фельдмаршал, скрепя сердце, уже отдал приказ о принудительной репатриации казаков!..).

Существенно иначе рисует все эти перипетии З.Беер, так же основывающийся на английских архивных источниках. Соглашение о передаче всех граждан СССР (не одних только казаков!) было заключено в Граце 14 мая, причем, согласно Бееру, **на сугубо локальном и межвойсковом уровне**: с английской стороны переговоры вели офицеры Лечерширского полка, а сферой действия соглашения была оперативная зона 139-й пехотной бригады. 17 мая были уточнены

условия патрулирования непосредственно на границе, то есть на мосту через реку Мур³⁴. Но еще до этого, 16 мая — то есть в первый день переговоров в Галле! — в Юденбурге состоялись первые выдачи собранных англичанами советских военнопленных и остарбайтеров!

23—24 мая в Вольфсберге состоялись переговоры между офицерами 5-го британского корпуса и 57-й советской армии, на которых были определены маршруты и пункты выдачи «подлежащих репатриации» казаков и гражданских лиц³⁵. И уже 27 мая начались печально знаменитые юденбургские выдачи казаков из лагерей в Штирии и Каринтии!..

Следует заметить, что на совести англичан выдача не только казаков, но и примерно 150 тыс. хорватских беженцев, в мае—июне депортированных через пограничный город Блайбург «на родину», то есть в Югославию — в руки домогавшегося их маршала Тито³⁶. И здесь отмечались массовые самоубийства, поскольку угроза, которой англичане подвергали «репатриантов», была точно такой же, как и в случае с казаками, — **смертельной**.

Сослаться на соглашение в Ялте здесь англичане уже не могли, поэтому выдачу хорватов они объясняли Актом о безоговорочной капитуляции Германии и ее союзников, косвенно предусматривавшем капитуляцию конкретных войсковых соединений тем соединениям коалиции победителей, против которых они в последний раз вели боевые действия. А это могло означать, — и в мае 1945 года действительно означало (в чем на собственном опыте могли убедиться многие сдавшиеся на западе, хотя и воевавшие на востоке немцы), — и передачу военнопленных из одних союзнических рук в другие.

Выдача хорватов, а также то обстоятельство, что югославские войска — вместе с советскими — пересекли австрийскую границу и вплоть до 15 мая вели боевые действия против группы армий «Е» уже на австрийской земле³⁷, помогают нам лучше понять истинную мотивацию англичан в вопросе о казаках. «Задабривая» таким образом и Сталина, и Тито, англичане рассчитывали руками Сталина заставить Тито вывести свои войска из Каринтии. Это, действительно, было сделано в конце мая и, действительно, лишь после прямого вмешательства Сталина, передавшего югославские войска под команду 3-го Украинского фронта. Таким образом, выдача Тито и Сталину около 200 тыс. их заклятых врагов и была, в глазах англичан, той **ценой**, которую стоило заплатить по крайней мере за мир с Югославией³⁸.

Но даже и в этом случае свобода маневра у англичан, безусловно, была. По мнению Н.Толстого, фельдмаршал Александер не использовал всей своей власти для того, чтобы перевести этот процесс хотя бы во внешне цивилизованное русло проверки гражданства затребованных Сталиным «предателей».

Чему, впрочем, все же были примеры и в стане англичан, в ряде случаев воспользовавшихся этой «свободой маневра». Именно такой подход к проблеме, — в отличие от коллег из 6-й бригады и из 46-й пехотной дивизии, — продемонстрировали офицеры 6-й танковой дивизии, «отвечавшей» за репатриацию казачьих соединений под командованием полковника К.Вагнера. Они не только позволили К.Вагнеру и другим немецким офицерам бежать в спасительную Баварию, в американскую зону, но и нашли простой и естественный правовой ход, дающий «репатриантам» верный шанс избежать своей участи, а именно: заполнить анкету, уточняющую по крайней мере **гражданство** каждого человека. Если из анкеты и из расспросов следовало, что до 1939 года «репатриант» в России не жил, то ему не обязательно и репатрироваться! Так спаслись майор Островский и еще около 50 человек из лагеря Вайтенсфельд, подвергнутые накануне за непокорность даже имитации расстрела.

И это принципиальный момент, доказывающий: ситуация, в которую загнали себя и своих жертв англичане, на самом деле не была безвыходной, — она содержала в себе отчетливую возможность «**низовой альтернативы**» верховой политике Идена¹⁹.

Но мало того: «альтернативу» знали и видели и наверху, поскольку по крайней мере дважды англичане с самого начала не стали игнорировать саму возможность и, главное, действенность такой альтернативы.

Первый пример — дивизия СС «Галиция» под командованием украинского генерала Шандрука; на момент сдачи англичанам в ней служило около 10 тыс. украинцев. Дивизию расквартировали в Шпиттале (в той же английской Каринтии) и не выдали НКВД, несмотря на то, что в ней было немало настоящих военных преступников, ярко проявивших себя в борьбе с евреями и поляками. 22 мая (то есть в день подписания соглашения в Галле) ее тайно перевели в Северную Италию — в лагерь Беллари, а оттуда, — в другой лагерь, в Чизенатико.

22 июля, на Потсдамской конференции, Молотов неожиданно сделал сообщение о британском лагере № 5 в Чизенатико:

«...Первоначально <10 июля — П.П.> британскими властями было заявлено, что в лагере содержится 150 человек, но когда советский представитель посетил этот лагерь <16 июля — П.П.>, то там оказалось 10 тысяч украинцев, из которых английское командование составило целую дивизию. Было организовано 12 полков, в том числе полк связи и саперный батальон. Офицерский состав был назначен главным образом из бывших петлюровцев, которые раньше находились на командных постах в германской армии. При появлении советского офицера в этом лагере 625 человек изъявили желание немедленно возвратиться в Советский Союз»²⁰.

23 июля политическому советнику главнокомандующего британскими оккупационными войсками в Германии Стрэнгу была вручена

памятная записка делегации СССР по этому вопросу, отличавшаяся от выступления Молотова накануне лишь следующим добавлением: *«Выяснилось, что лица, изъявлявшие желание вернуться на родину, подвергались плохому обращению, вплоть до избиений»*⁴¹. 24 июля Черчилль и Александер давали объяснения. Они сообщили, что советская репатриационная миссия имеет свободный доступ в лагерь, но что большинство находящихся в лагере — это украинцы и поляки, но не граждане СССР; принимая меры для отправки пожелавших репатрироваться в СССР, Англия готова передать и других добровольцев. Выслушав объяснения, Сталин напомнил, что по Ялтинскому договору союзники обязаны не мешать, а содействовать репатриации граждан; интересно, что оспаривать британскую трактовку советского гражданства Сталин не стал и объявил вопрос исчерпанным⁴².

Советский генерал Басилов потребовал 18 августа у маршала Александра выдачи этой дивизии, на что получил ответ о результатах тщательной проверки лагеря Чизенатико: из всего соединения «советскими» гражданами являются лишь 112 чел. Их-то и репатриировали, а остальные летом 1947 года переехали, главным образом, в Канаду и Англию; многие были приняты в американскую и английскую разведку.

Другой крупной «добычей», ускользнувшей от Советов, стал так называемый «Schutzkorps» под командованием полковника Рогожина (начальник штаба — майор Голубев) — сформировавшееся в Сербии немецкое соединение, в которое набирали эмигрантскую молодежь из Югославии и Болгарии⁴³. В 1943 году корпус, воевавший против партизан Тито и пополнявшийся за счет новобранцев из Буковины и Бессарабии, а также советских военнопленных, развернулся в 5 полков и насчитывал до 10 тыс. чел. Этот «шютцкорпс» сдался англичанам 12 мая в районе Любляны, откуда был переведен ими в Австрию — сначала в Фельдкирхен, а затем в Клейн Санкт-Вейте под Клагенфуртом (кстати, в непосредственной близости от казаков фон Панивица). Командование корпуса попросило англичан включить его в состав английской армии или перевести личный состав в гражданское состояние. Англичане сохранили организационную структуру корпуса и даже сохранили за ним 10 % вооружения, используя его на разного рода работах и в качестве одного из элементов противостояния югославской угрозе. Но в середине 1946 года все 4,5 тыс. чел. были освобождены и получили разрешение жить на Западе⁴⁴.

Указанные случаи, однако, были не правилом, а исключением. Если бы и в других случаях английские офицеры прибегли к такой альтернативе, они избежали бы таких безоговорочно позорных акций как юденбургские выдачи (Хотя и в этих — альтернативных — случаях, возможно, ими руководило вовсе не вырвавшееся наружу природное благородство, а не менее трезвый, как и в случае с казаками, расчет).

И хотя союзники, начиная по крайней мере с июля, строго держались своих представлений о советском гражданстве⁴⁵ и, стало быть, о существовании Ялтинских договоренностей, выглядело все так, будто своих врагов, — неважно старых или новых, — советская власть отовсюду достанет, и никакие демократы не смогут или не захотят помочь рассеянной по свету русской эмиграции. Мало того, стоит только советским мигнуть, как союзнички сами выдадут им всех, кого ни захочется.

К сожалению, еще некоторое время это соответствовало действительности. Примечательна судьба двух дивизий собственно РОА, допущенных к боевым действиям лишь в самом конце войны. В 1-й, под командованием Буняченко, было 25 тыс. чел., во 2-й, под командованием Зверева — вместе с резервом — 18 тыс. чел., кроме того в авиакорпусе Мальцева — еще 4 тыс. чел. Этот корпус — в сущности, единственный в РОА — и спасся, сдавшись в конце апреля американскому генералу Кеннеди⁴⁶. Остальные формирования — и освободительница Праги 1-я дивизия, и 2-я — попали в руки Красной Армии либо сразу же после изменения демаркационной линии, либо, уйдя к американцам, чуть позже, так как власовцев, хоть и скрепя сердце, американцы Советам все-таки выдавали. Что касается самого А.А.Власова, то он был арестован 12 мая возле чешского селения Брежи; вместе с ним было разоружено 9 тыс. военнослужащих РОА⁴⁷. Власов и ряд его высших офицеров были повешены в Москве в начале августа 1946 года⁴⁸.

Насильственная репатриация советских граждан столкнулась с неожиданными трудностями — массовыми протестами офицеров и солдат союзнических войск, охранявших лагеря. Тем не менее целый ряд крупных (по 400—500 чел.) — или особо жестоких выдач — во Фленсбурге (начало августа) и в Кемптене (11 августа 1945 года) — состоялся.

Вот свидетельство о трагедии, разыгравшейся в Кемптене — живописном альпийском городке юго-западнее Мюнхена, недалеко от австрийской и швейцарской границы, освобожденном американцами 27 апреля 1945 года⁴⁹. Здесь, в лагере, разместившемся в бывшем протестантском училище, скопилось значительное число бывших остовцев, поляков, сербов, эстонцев, латышей, литовцев, но большинство лагерного населения составляли бывшие власовцы и казаки. Американцы начали с расспросов и уговоров всех разъезжаться по домам, затем в отдельный лагерь — в бывшие немецкие казармы — перевели всех русских (их и было здесь большинство — около 700 человек; проверка показала, что из них по меньшей мере 300 заведомо не должны подлежать репатриации).

«...Народ разместился великолепно. Началась "нормальная" эмигрантская жизнь. Американцы стали снабжать приличным питанием — народ зажил.

Но спокойное состояние было не долгое... Чувствовался какой-то страх. И вот 26 июля 1945 г. стояла ясная солнечная погода. Кто читал, кто писал, кто играл и т.д., кто в город уходил, другие приходили и рассказывали новости. Вечером на площади собралась толпа народа. В кругу стоял американский майор Легран, комендант ген. Данилов³⁰. Данилов объявил собравшимся, что согласно приказа американского командования все те, кто не сможет доказать, что они оставили Россию в 1920 г., будут переданы союзникам, т.е. советам. Это был объявлен смертный приговор для невозвращенцев.

После этого объявления нервы взвинтились до крайних пределов. Что там творилось, это что-то ужасное. Обмороки, истерики, крики, плач женщин, детей. Всю ночь народ не спал. Многие покидали лагерь и уходили в леса, горы, в пещеры. Наутро лагерь поредел. Остались те, кто имел документы, старики и старухи и многосемейные. Открылась торговля различными бланками, польскими, литовскими, эстонскими и т.д. Продавалось по самой дорогой цене литовское удостоверение — 100—150 марок и т.д. Люди последнее с себя продавали с тем, чтобы иметь хоть какой-нибудь документ.

На другой день утром началось составление списков с указанием, кто и когда с России. К 16.00 прибыли 5 человек американцев и 3 женщины, одетые в военную форму. Они остановились на площади. В это время из-за угла помещения вышла группа (13 человек) маленьких детей, худых, бледных, измученных недавними переходами. Они были с плакатами и лозунгами, на которых было написано по-английски: "Просим американской защиты и покровительства против насильственной отправки в СССР", на других было написано: "Лучше смерть, чем отправка в СССР"».

Один из американцев сфотографировал их, но они были в недоумении: как так! Женщины-американки до того были расстроены этим, что у них на глазах появились слезы.

Страх, нервозность овладела народом, с часа на час ожидали выдачи. Малейшее изменение внутреннего порядка лагеря бралось под глубокое сомнение и принимались меры предосторожности и т.д.

1 августа повторная регистрация, опять бегство, суета, плач, крики. 10 августа прибывает группа советских офицеров под командой майора Евдокимова. Был собран митинг, но многие не пришли. Выступивший советский майор призывал к возвращению на родину, что им ничего не будет. Но масса не дала ему больше говорить и он вынужден был замолчать.

В этот же день после обеда стали вызывать по списку в комендатуру, где сидел советский майор и американский офицер. Шла проверка документов. Многие не явились. Шли большинство старых эмигрантов, имевших документы.

Вечером комендант объявил, что комиссия свою работу продолжит в понедельник <10.08.1945 приходилось на пятницу — П.П.>.

Тревожное состояние охватило массы. Начались дежурства по корпусам и т.д. Но в 4 часа под воскресенье 12 августа — тревога. Американские танкетки с крупнокалиберными пулеметами окружили лагерь. Народ был в ужасе, растерянности, не знали, куда деваться. Опять бессонные ночи...

Наутро единственное спасение — это идти в церковь и молить бога о помиловании. Народ хлынул в церковь, церковь заполнили до отказа.

13 часов, служба кончилась. После службы комендант лагеря и американский офицер сделали объявление, что согласно приказа 410 человек подлежат выдаче. Начинали зачитывать список, куда попал и сам священник Бочановский⁵¹. В церкви в это время стояла убойственная тишина.

В это время во двор заехали американские грузовики и рота американских солдат. После зачитания народ не сдвинулся с места. Американский офицер после зачитания списка предложил кого выкликали выполнить приказ и выйти на двор. Но никто и с места не сдвинулся.

Протоиерей Бочановский произнес энергичную смелую речь. Он просил у американцев защиты, с крестом сверху опустился на колени, а за ним все стали на колени и опустили головы — жуткая картина получилась. Стояли только американский офицер и комендант, он не знал, что ему делать. В это время на дворе крик, плач женщин, детей повлился на людей, стоявших на коленях и некоторые поодиночке стали уходить из церкви. В это время врывается группа вооруженных негров, начали хватать и выбрасывать из церкви. Поднялся шум, крик, избивание отдельных людей, часть народа стала бежать. Кто куда — кто в окна, кто в двери. Один мужчина с ребенком бросился к окну, хотел ребенка передать через окно и оба были ранены охраной.

В церкви оставалось еще около 150 человек. Которые пали на колени, приблизились плотнее к алтарю, уцепились друг за друга и ни с места. Тогда негры по их головам добрались до батюшки, схватили его за бороду и стали волочить к дверям. В это время народ дрогнул, бросился бежать через алтарь, все попереворачивали и стали прыгать в окна. Американцы открыли огонь вверх и стали выбрасывать их через царские врата.

Стоны, крики, истерики, обморочные состояния, плач детей и т.д. создали жуткую картину в лагере. Народ грузят насильно под оружием в машины, мужья погрузили, а жена с детьми остается и т.д. Все это продолжалось около 40—50 минут. Из 410 человек было увезено 40 человек с чем-то. Женщины с детьми становились под колеса машин, чтобы задержать. Но и это не помогло, женщин и детей повытаскивали из-под колес и машины увезли.

Ну так и считали, что это несчастные смертники. Но после уво-
за был составлен меморандум и отправлен американскому комендан-
ту, который при содействии майора Леграна принял экстренные
меры и в результате этого часть увезенных была возвращена через
несколько часов, а остальные к исходу дня.

Но гнетущее состояние лагеря по-прежнему оставалось и на-
кладывало тяжелейший отпечаток.

Воскресного дня 12.8.45 лагерь был покрыт трауром. Кемптен-
ская пробная выдача была первым серьезным сигналом для всей рос-
сийской эмиграции. Она первой стала сигналом <для> всего мира⁵².

Тут мемуарист невольно впадает одновременно в неточность и пре-
увеличение. В неточность — поскольку аналогичные акции происхо-
дили и в более ранние сроки и с еще более трагической развязкой,
безо всяких возвратов, а в преувеличение — потому что и этому «сиг-
налу» союзники все еще не вняли.

Лишь осенью терпение англо-американских военных, включая
главнокомандующих Александра и Эйзенхауэра (на которого имен-
но события в Кемптене произвели особенно сильное впечатление),
иссякло, и военные стали фактически саботировать бесчеловечно-от-
вратительную политику своих МИДов. В «Таймс» за 5 октября
1945 года даже появилась заметка под названием «Они отказываются
возвращаться в СССР» с информацией о приостановке применения
силы к 26,4 тыс. репатрируемых советских граждан в американской
оккупационной зоне. В итоге к октябрю мощный поток репатриации
превратился по сути в тоненькую струйку.

Но политики, особенно английские, не унимались. Английской
инструкцией от 12 сентября 1945 года, в частности, предусматрива-
лось, что —

*«...люди, ранее жившие на советской территории в границах до
01.09.1939 (включая белорусов и украинцев, которые подходят под
эту категорию) должны рассматриваться как советские гражда-
не, если советские органы это утверждают, и они должны быть
репатрированы, хотя бы они этого или нет»⁵³.*

Под нажимом английского министра иностранных дел Бевина
линию англичан принял и государственный секретарь США Бирнс.
21 декабря 1945 года Государственный координационный военно-мор-
ской комитет в Вашингтоне издал директиву о насильственной ре-
патриации 20 тыс. советских граждан. Переданная для исполнения
генералам Джозефу Т.Мак-Нарни и Марку В.Кларку — главнокоман-
дующим американскими войсками в Германии и Австрии, она так и
вошла в историю под их именами («Директива Мак-Нарни—Клар-
ка»). Известно, что 4 января 1946 года эта директива была переадре-
сована командующим 3-й и 7-й американскими армиями в Германии⁵⁴.
В Австрии соответствующие указания были отданы днем позже.

Согласно этой директиве, обязательной репатриации, в случае необходимости, подлежали: а) взятые в плен в немецкой военной форме; б) недеобилизованные военнослужащие Красной Армии; в) лица, обвиняемые Советским Союзом в добровольной помощи и содействии врагу (при предоставлении убедительных доказательств этого: время, место, характер преступления, кто совершил). Работа в немецкой промышленности и сельском хозяйстве, как и просто нежелание репатриироваться, оказанием помощи или содействием врагу не считается. Во всех остальных случаях репатриация должна была осуществляться исключительно на добровольной основе, для чего советским офицерам разрешался свободный доступ к потенциальным репатриантам, *«исключая применение силы, угрозы или принуждения»*. Кроме того (цитируем):

«Должны предприниматься усилия к продолжению облегчения передачи в Советских Союз всех лиц, которым с 1 сентября 1939 года дано право стать советскими гражданами, которые положительно сделали свой выбор и которые высказывают свое желание к возвращению».

Вместе с тем, согласно той же директиве, следовало предпринимать энергичные усилия по предупреждению пропаганды любого вида, направленной к невозвращению этих граждан на родину, а также к сведению организованного сопротивления репатриации к минимуму (вплоть до изоляции лидеров групп сопротивления, разделению существующих групп на меньшие и т.п.)⁵⁵.

С советской стороны практическую реализацию директивы Мак-Нарни—Кларка энергично подталкивал генерал-майор Давыдов (добывавшийся выдачи, на ее основании, шести бывших генералов и полковников Красной Армии, выявленных в лагере 26 в г. Лансгуте, — Меандрова, Севастьянова, Асберг-Арцеца, Бородин, Ангелеева и Белогорцева).

В лагере Дахау офицеры группы Давыдова, в соответствии с директивой, приступили к составлению списков подлежащих, по их мнению, репатриации советских граждан. Первые такие списки на 475 чел. (из них 239 — служивших в частях СС и 236 — власовцев) были предъявлены командованию 3-й армии 15 января, и уже 17 января 1946 года была предпринята попытка отправить обе группы из лагеря в Дахау на приемно-передаточный пункт Бебра-Эйзенах или Хоф-Плауэн.

В докладной записке Давыдова на имя Голикова этот эпизод описан подробно и красочно:

«а) В организации отправки этой категории лиц был допущен ряд ненормальностей, в результате приведших к нежелательным последствиям, которые могут отразиться на всей репатриации из американской зоны оккупации в соответствии последних указаний...»

Предварительно при составлении списков с большинством из них <подлежащих принудительной репатриации — П.П.> беседовал майор ПРОХОРОВ (наш офицер, аккредитованный при 3-й армии) и на

этих беседах со стороны власовцев был сделан ряд заявлений анти-советского характера, вели они себя вызывающе грубо и делали угрозы: "Вы отправите только наши трупы" и т.д. и т.п.

Наряду с этим служившие в частях СС сами просили и подали заявления, чтобы их скорее отправили в Советский Союз.

Американское командование назначило отправку на 17.1.46 в 14 час. 00 мин. К этому времени были поданы вагоны. В первую очередь были погружены 239 чел. эсэсовцев, при этом не было никакого протеста, шума, возражений и сопротивления с их стороны.

Когда же стали готовить погрузку 236 чел. власовцев, то 162 чел. из них, главным образом это рота капитана ПРОТОДЬЯКОНОВА (до войны жил в г. Одесса, являлся доцентом института и по специальности архитектор — эта рота была в РОА карательной и действовала в Италии) — отказались идти в вагоны и демонстративно полегли на землю. Польская охрана, выделенная американским командованием, отказалась применить к ним силу, в результате чего их (власовцев) обратно вернули в бараки и отправка эшелона была сорвана. Вследствие этого и эсэсовцев тоже вывели из вагонов и обратно привели в бараки.

После всего происшедшего представители американского командования заявили, что отправку переносят на 18.1.46 и будет выделена американская охрана. В этот назначенный день все же отправка не состоялась, а сделано это было только 19.1.46.

б) 19.1.46 в лагерь прибыла американская охрана около 400 чел., в том числе военная полиция и химическая команда. Солдаты кроме вооружения имели резиновые палки.

Так же, как и 17.1.46, служившие в СС 239 чел. спокойно, без шума и без мер принуждения были погружены в вагоны.

Власовцы и главным образом рота ПРОТОДЬЯКОНОВА вновь отказались грузиться в вагоны, демонстративно сняли верхнее платье и, оставшись полуголыми, отказались выходить из барака.

В этой обстановке 10 чел. из них сразу покончили жизнь самоубийством путем вскрытия вен и перерезали бритвами горло, а один даже разорвал (вырвал) себе горло железным крючком. Многие нанесли себе тяжелые ранения бритвами и ножжами, в результате были отправлены в госпиталь, где 4 чел. из них умерло.

Американская охрана приняла следующие меры: химическая команда зажгла в бараках, где находились власовцы, дымовые шашки с небольшой примесью слезоточивого газа, после чего под воздействием ударов палок (дубинок, сделанных из поленьев), избивая, начали выгонять власовцев из бараков и грузить в вагоны (бараки от места погрузки находились в 300 м), в результате многие получили серьезные ранения и были отправлены в госпиталь.

К 16 час. 00 мин. в вагоны было погружено: 239 чел. служивших в частях СС и 206 чел. власовцев (14 чел., как указано выше, покончили жизнь самоубийством и 17 чел. вследствие саморанения и избияния американской охраной отправлены в госпиталь).

Отправленные 445 чел. по воинским званиям характеризуются:

1. Офицеров — 35 чел. Из них: полковников — 2, капитанов — 5, ст. лейтенантов — 3, лейтенантов — 20, мл. лейтенантов — 4, военврачей — 1.

2. Сержантов — 14 чел.

3. Рядовых — 396 чел.

В числе отправленных находится и капитан ПРОТОДЬЯКОНОВ, который в РОА был командиром карательной части и рота которого при отправке 19.1.46 организовала демонстративный отказ с применением мер угрозы указанного выше характера. Рота с 17.1.46 до 19.1.46 отказывалась от пищи, показывая этим еще раз свой категорический отказ подчиниться и ехать в Советский Союз.

Справка: После происшедшего инцидента 17.1.46 ПРОТОДЬЯКОНОВ в этот же день, как организатор демонстрации отказа грузиться в вагоны, американцами был арестован и 19.1.46 из-под ареста был посажен в вагон для отправки в Советский Союз.

Когда погрузка была закончена, майор ПРОХОРОВ, присутствовавший при этом (участия в погрузке он никакого не принимал), проходя мимо вагонов, имел ряд заявлений со стороны власовцев, как например:

“Вот когда нам стала ясна истинная американская демократия”.

“Нам 9 месяцев американцы говорили, что нас не выдадут, а теперь они нас обманули и так расправляются”.

в) Отправкой эшелона из концлагеря Дахау 19.1.46 руководили:

1. Полковник ЧИНГЕ — начальник секции военнопленных концлагеря Дахау.

2. Мистер ВЕПЬ — начальник секции СС концлагеря Дахау.

3. Подполковник ГРОАВЕЛЬ — представитель штаба 3-й американской армии.

Кроме того из штаба 3-й американской армии на погрузку приехал полковник ГРАСС. Вместе с ним прибыли и фотографы.

г) Необходимо особо отметить, как явление по нашему мнению неслучайного характера, что на территории концлагеря и при погрузке 19.1.46 присутствовали представители ЮНПРА и Красного Креста, которые никакого отношения к этим лагерям не имеют и не имели. Они наблюдали за всем происходящим. Кроме того, появились фотографы, которые сделали ряд фотоснимков...

д) При отправке указанного эшелона с нашей стороны никто участия в организации не принимал.

Майор ПРОХОРОВ, который предварительно за несколько дней до отправки составил списки на этот контингент и беседовал с ним, в день 19.1.46 в этом лагере присутствовал только потому, чтобы убедиться, будет ли произведена отправка в этот день, т.к. 17. и 18.1.46

таковая была сорвана, а поэтому явился невольным свидетелем всего происшедшего, о чем мне и доложил 19.1.46 в 23 часа 00 мин.

Был еще мл. лейтенант ДАВЫДОВ, который должен был ехать с этим эшелоном до приемно-передаточного пункта советской оккупационной зоны, со списками на весь отправленный контингент лиц»⁵⁶.

А вот та же выдача — в изложении американской стороны:

«В рамках соглашения с Советами, 19 января была предпринята попытка отправить со сборного пункта в Дахау 399 бывших русских солдат, взятых в плен в немецкой военной форме. Все эти люди отказались садиться в грузовики и просили, чтобы их пристрелили. В знак протеста они разделись и отказались выходить из бараков. Чтобы выгнать их оттуда, пришлось прибегнуть к слезоточивому газу и применить силу. Выйдя из бараков, они сели на снег, причем некоторые нанесли себе ножевые раны, 9 человек повесились, 1 застрелился, второй вскоре умер от ран, 20 человек все еще находились в госпитале. Наконец, в поезд с американской охраной и в сопровождении советского офицера связи было посажено 368 человек. 6 человек бежало по дороге. Ряд лиц в группе заявили, что они не русские. После предварительной проверки местными военными властями об этом был уведомлен советский офицер связи, и в результате 11 человек были возвращены советскими представителями как несоветские граждане»⁵⁷.

Выдача в Дахау стала достоянием гласности⁵⁸ и вызвала резкие протесты прессы и общественных деятелей, в их числе папы Пия XII и генерала А.Деникина.

Но, несмотря на все это, практику «выдачи» решено было продолжить. Следующими на очереди были власовцы генерала Меандрова, содержащиеся в лагере Платтинг под Регенсбургом: репатриации подлежала половина полка — около 1,5 тыс. чел. Во имя снижения «брака» (то есть недопущения смертности) тактика, по сравнению с Дахау, была изменена: 24 февраля 1946 года, под утро, когда в лагере все еще спали, солдаты внезапно ворвались в барак и, осыпая ударами, загоняли полусонных людей на ревущие моторами грузовики. 13 мая 1946 года из Платтинга была выдана еще одна партия русских (243 чел.) — последний аккорд официальной репатриации, после чего было официально объявлено, что репрессий со стороны американцев более опасаться не приходится.

Англичане, увы, и этого не могли бы о себе сказать. 14 августа 1946 года, собрав предварительно около 1000 русских в лагерях Баньоли и Аверсе (а затем Рикони и Пиза) в Северной Италии, они приступили к операции по их выдаче под кодовыми названиями «Килевание» и «Восточный ветер». Ее завершение было назначено на 2 апреля 1947 года, пунктом выдачи был австрийский городок Сент-Валентин. Выдаче подлежало в общей сложности 246 человек.

Тем и закончилась бесславная репатриация «по англо-американски».

Чудом избежавший насильственной репатриации, поэт Иван Елагин, — от своего имени и от имени тех, кто этой репатриации не избежал, — написал тогда стихотворение «Статуя свободы»:

Чекистский затвор звякал,
Расстреливали по задворкам,
А ты поднимала факел
Над миром и над Нью-Йорком.

Сдавшихся без боя,
Обманутых тобой.
Прикладами гнали ковбои
Большевикам на убой...

И для расправы верной,
Для гибельного конца,
Ты не жалела терний
Из своего венца...

Но схватишься ты за атом,
За самолеты, за банки
Когда тебя русским матом
Покроют красные танки!⁵⁹

Как видим, политика и практика западных оккупационных властей в вопросе принудительной репатриации была весьма противоречивой и непоследовательной. Внутренний конфликт просматривался прежде всего по линии «Внешнеполитическое ведомство» — «Военное министерство», но, по сути, он мало отразился на реальной судьбе большинства репатрируемых. И, когда осенью 1945 года американцы (а несколько позже — и англичане) были готовы к фактическому отказу от ялтинских соглашений, для самих репатриантов это, в сущности, уже не имело значения, поскольку их подавляющее большинство уже было передано и оприходовано в СССР.

Примечания

¹ Здесь и далее мы следуем, в основном, описанию, сделанному графом Н.Толстым (Толстой, 1988, с. 167—228). См. также: Краснов, 1957; Науменко, 1962, 1970); Александров К.М. Трагедия русского казачества: 1943 — 1944 гг. // Новый Часовой (СПб.). 1996. № 4. С. 97—114; Материалы по истории русского освободительного движения (1941—1945): Статьи, документы, воспоминания. Вып. 1 / Ред. А.В.Окороков. М.: Грааль, 1997. 416 с. и др.

- ² Из них по меньшей мере одному это удалось. См. воспоминания Григория Вербицкого-старшего (Вербицкий, 1996б, с. 176—177).
- ³ В неизбежности смерти сомнений не было, кажется, ни у кого — ни у «товарищей», ни у «репатриантов», ни даже у «джентльменов». Один из англичан написал Н.Толстому о нескончаемых ночных выстрелах, доносившихся с другого берега *«под аккомпанемент самого замечательного мужского хора, который я когда-либо слышал»* (Толстой, 1988, с. 203—204).
- ⁴ Вербицкий, 1996б, с. 177—178.
- ⁵ По данным журнала «Часовой», из СССР в 1955 г. репатрировалось: в Югославию — около 260 чел., в Болгарию — около 100 чел., в Германию и Австрию — по несколько чел. (Часовой. 1955. № 9 (357). С. 14).
- ⁶ Краснов, 1957. О югославском подданстве Красновых англичанам было хорошо известно.
- ⁷ Среди них были также генералы Д.А.Силкин и Л.В.Васильев (оба — заместители атамана), М.К.Соломакин (начальник штаба походного отряда), П.С.Есаулов (председатель войскового суда), Е.С.Тихоцкий и Н.П.Воронин (командиры бригад), П.В.Головки и И.В.Балабин (командиры полков). См. в письме начальника СМЕРШ В.Абакумова Л.Берия от 16.06.1945 (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2213. Л. 178—187; впервые — в: Karner, 1994, s.247—248). Интересно, что имя Доманова в этом торжествующем рапорте не фигурирует. Ср. со слухами о предательстве Доманова: так, еще в Юденбурге, перед строем он якобы заявил, что знал о готовившейся англичанами выдаче и что за содействие в этом его обещали вознаградить, после чего, из опасений за его жизнь, его пришлось отделить от остальных ([Аноним.] Что произошло после Лиенца? // Часовой. 1955. № 9 (357). С. 11, за подписью: «Содружество Лиенца. 1 сентября 1955 г., Австрия»). В кругах немецких участников дивизии Паннвица циркулирует немецкий перевод якобы собственноручного заявления Доманова, сделанного им 02.06.1945, где он сообщал, что смыслом его существования было причинить немцам как можно больше вреда, что его хотел расстрелять Власов и т.д. и т.п. (нам сообщено К.-Г.Фиркорном).
- ⁸ См. «Список генералов, офицеров и рядовых, направленных в г. Грац 30.5.1945 г.», подписанный подполковником Соколовым — заместителем начальника войск НКВД 3-го Украинского фронта по разведке (копия предоставлена нам К.-Г.Фиркорном, без указания источника). Всего в списке 26 человек, от генерала Паннвица (и с ним еще 15 генералов) до рядового Плетнева (вестового генерала Шкуро).
- ⁹ Автор заметки «Что произошло после Лиенца? Краткая сводка сообщений возвратившихся» даст несколько другую версию. Из Юденбурга всех высокопоставленных пленников отправили во Львов, где состоялись первые допросы. (Часовой. 1955. № 9 (357). С. 11).
- ¹⁰ Краснов, 1957, с. 75—81. Воспроизведена также в: Толстой, 1988, с. 208—213.
- ¹¹ Прав Н.Толстой: не мог товарищ Меркулов предвидеть тогда, что спустя 8 лет, когда Сталин умрет, и он сам, и его хозяин Берия будут ликвидированы группой соперников во главе с Хрущевым.
- ¹² Karner, 1995, с. 23—24 (Впервые: Karner, 1994, s. 248—258, со ссылкой на: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352).
- ¹³ Алекс Малкольм, полковник британской армии, командир Аргильского полка, исполнявшего приказ о выдаче казаков.

¹⁴ Толстой, 1988, с. 226—228.

¹⁵ Многие солдаты были потрясены, морально раздавлены той работой, которую их заставили делать. Их полковой капеллан говорил им, что все это прямо противоречит христианскому учению и тому, за что воевала Британия.

¹⁶ На месте этого побоища — небольшое кладбище жертв 1 июня 1945 года. Есть в Лиенце и маленькая православная церковь. Спасшиеся и их потомки ежегодно приезжают сюда помолиться в этот день. Мемориальная доска установлена и на мосту в Юденбурге.

¹⁷ При этом вещи у репатриантов отнимались и складывались в кучи, которые потом обливались бензином и сжигались.

¹⁸ Выдача немецких военнопленных не только противоречила международным нормам, но и не предусматривалась Ялтинским соглашением. Напротив, именно принадлежность к вермахту могла быть для многих «дважды военнопленных» спасительной лазейкой. Но, насколько можно судить, существовало отдельное соглашение о выдаче немецких военнопленных той из союзных держав, против войск которой воевали подразделения, к которым они принадлежали. По некоторым сведениям, соответствующая договоренность была зафиксирована в оставшейся нам недоступной секретной части Протокола в Галле.

¹⁹ Он отказался от английского предложения организовать для него побег, заявив, что был с казаками в хорошие времена и не бросит их в плохие.

²⁰ Устное сообщение. См. также в его мемуарной книге: Vierkorn K.-G. Gefangen in Sibirien. Achteinhalb Jahre hinter Stacheldraht. 3. Auflage. Im Selbstverlag des Verfassers, 1994. 271 s.

²¹ Rauchensteiner, 1995, s. 105.

²² Beer, 1990, s. 44—45. Решением советско-британского совещания в Юденбурге 19.07.1945 — очевидно, что в связи с намеченной на 21—24.07.1945 согласованной передачей восточной части Штирии под английское администрирование — ППП в Юденбурге был закрыт и перенесен в г. Сент-Валентин близ Линца.

²³ Tolstoy, 1981, p. 298.

²⁴ Цитата — по: Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 85.

²⁵ Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 85, со ссылкой на английские военные архивы.

²⁶ См.: Судоплатов, 1996, с. 201. Конечно, к исторической «информации», почерпнутой из написанных на склоне лет и претендующих на сенсационность воспоминаний ветеранов разведки, следует подходить с особенной осторожностью; все же думается, что здесь всплыл по крайней мере один из нескольких мотивов «выдачи», к тому же едва ли первостепенный.

²⁷ И одновременно — на межвойсковом уровне — в Граце (см. ниже).

²⁸ Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 86—87.

²⁹ Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 87.

³⁰ По-английски: Surrendered Enemy Personnel.

³¹ Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 88—89.

³² Sanders, Sauter, Kirkwood, 1994, p. 89—90, со ссылкой на английские военные архивы.

³³ 15.597 американских и 8.462 британских военнопленных.

³⁴ Beer, 1990, s. 38—39, со ссылкой на военные дневники 8-й Британской Армии, хранящиеся в Public Record Office, Kew-London. В российских архивах

сведений об указанных соглашениях пока не обнаружено. Однако полагаем, что без соглашений и договоренностей на более высоком уровне, никаких локальных договоренностей и даже переговоров быть не могло.

³⁵ Стороны, в частности, условились, что русские из лагерей в оперативной зоне 6-й британской танковой дивизии и казаки в оперативной зоне 78-й пехотной дивизии будут перевезены по железной дороге и переданы в Юденбурге, а казаки в оперативной зоне 46-й британской пехотной дивизии будут доставлены пешим ходом в Фойтсберг (Voitsberg). Этот последний пункт почти сразу же был отменен, и все выдачи состоялись в Юденбурге (Beer, 1990, s. 38—39).

³⁶ Подробнее см.: La Tragedia de Bleiburg. Studia Croatica. Buenos Aires, 1963.

³⁷ В планы Тито входило и участие в оккупационном режиме в Австрии, в связи с чем всем союзным державам был разослан соответствующий меморандум от 19.04.1945. Соглашением ответил, однако, только СССР, но в связи с изменением границ советской и английской оккупационных зон в Австрии войскам 3-й югославской армии, находившимся в Штирии вместе с войсками 3-го Украинского фронта, пришлось покинуть пределы Австрии. См.: Отношения России (СССР) с Югославией. 1941—1945 гг. Документы и материалы. М.: Терра, 1998, документы № 579, 583 и 596, а также примечания на с. 614—615.

³⁸ Этот мотив, отмеченный Д.Сандерсом с соавторами, а также М.Раухенштайнером, выпал из поля зрения и анализа Н.Толстого. Американские исследователи одновременно полагают, что казаки были принесены в жертву еще и с целью не допустить выдачи украинских и белорусских формирований Шандрука и Рогожина (см. ниже), относительно использования которых у англичан были определенные планы или, по крайней мере, намерения.

³⁹ Толстой, 1988, с. 267. См. также в главе 5.4.

⁴⁰ Берлинская конференция, 1984, с. 138.

⁴¹ Берлинская конференция, 1984, с. 338.

⁴² Берлинская конференция, 1984, с. 177—178.

⁴³ Согласно Н.Толстому, это было последнее сохранившееся целиком регулярное соединение царской Армии, базировавшееся в Сербии и поставленное под ружье немцами в 1941 г.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 43. См. также: Толстой, 1988, с. 279—281; Rauchensteiner, 1995, s. 152.

⁴⁵ Ср. в тексте директивы ЮСФЕТ № 11399 Т.Р от 19.07.1945, переданной в 1-ю Французскую армию по телеграфу и перехваченной (sic!) генералом Драгуном: «Граждане СССР, освобожденные американскими войсками после 11.2. будут репатрированы в Россию согласно следующих директив: а) Эти люди будут репатрированы, каково бы ни было их личное желание; б) Если русские представители по репатриации заявляют, что это лицо подлежит этой категории и если заинтересованное лицо это отрицает, то при наличии сомнения у американского офицера — таковой [случай] будет рассматриваться квалифицированной комиссией офицеров, назначенных Вами или под Вашим руководством с тем, чтобы выяснить факты, которые являются предметом спора. Заинтересованное лицо не будет выдано советским властям, пока не будет окончательно установлено, что оно принадлежит к этой категории; в) Правительства США и Великобритании не признают советскими гражданами лиц, которые были по национальности эстонцы, литов-

- цы или латвийцы, а также поляки, которые проживали на востоке от демаркационной линии 1939 г., если только эти лица не претендуют на принадлежность к гражданству СССР. Никакие другие лица не будут репатриированы американскими силами в СССР, если только они этого не желают». В тексте директивы штаба 7-й Американской Армии от 16.07.1945 есть разъяснение насчет украинцев: «Украинцы не являются гражданами какой-либо отдельной страны. Они могут быть и советскими гражданами, и чешскими поданными и польскими, и гражданами какой-нибудь другой страны, либо бесподанными» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 127—129).
- ⁴⁶ Впрочем, самого Мальцева в мае 1946 года американские власти выдали СССР (Толстой, 1988, с. 318). Его казнили вместе с остальными (Правда 02.08.1946).
- ⁴⁷ Битва за Берлин, с. 170—172. Документ № 129, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 30. Л. 180—182. См. также: Арест генерала Власова. Как это было на самом деле // Совершенно секретно. М., 1995. № 10. С. 22—23; Александров К.М. Из истории насильственных репатриаций (1945—1946 гг.) // Россия и Запад. Сб. статей. СПб., 1996. С. 225—253.
- ⁴⁸ Правда. 02.08.1946. Подробнее о конце РОА см.: Толстой, 1988, с. 312—331. См. также: Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. 3-е изд. М.: Посев, 1993. 448 с.
- ⁴⁹ Первое свидетельство об этом событие было опубликовано в Швейцарии («Baseler Nachrichten», 02.10.1945). См.: Цуриков Н. «Кровавое воскресенье» в Кемптене. Ужас насильственной репатриации // Грани. 1955. № 27—28. С. 162—176.
- ⁵⁰ По свидетельству Н.Цурикова, англичанин *Легран* был представителем ЮНРРА в Кемптене. Генерал *Данилов*, старый эмигрант из Югославии, был не командантом, а начальником лагеря.
- ⁵¹ По всей видимости, протоирей Василий Бошановский, в 1946 году выпустивший в издательстве «Посев» отпечатанную на ротаторе брошюру «Жизнь во Христе. Уроки по христианскому православному вероучению» (см.: Артемов, Артемова, 1985, с. 50). Судя по этому, ему лично скорее всего удалось избежать насильственной репатриации.
- ⁵² ВА/МА, Вt 149/14 MSg (Коллекция В.Позднякова), л. 49—52. Воспоминания записаны от руки и подписаны «Н» (сведениями об их публикации до 1996 г. не располагаем; при цитировании авторская пунктуация сохранена). Можно предполагать, что они как-то соотносятся с упоминаемой Н.Толстым записью Натальи Р.Лукияновой, сделанной со слов 17-летней очевидицы событий (Толстой, 1988, с. 386).
- ⁵³ Смирнов А. Докладная записка о репатриации советских граждан из западных зон Германии, 18.04.1946 (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 49—50).
- ⁵⁴ Этими армиями командовали генерал Траскотт и генерал-лейтенант Кейс.
- ⁵⁵ См. русский перевод директивы штаба ЮСФЕТ от 04.01.1946, приложенный к докладной записке генерал-майора Давыдова от 21.01.1946. За командующего Мак-Нарни подписано его адъютантом, бригадир-генералом Л.С.Острандером (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 49—50).
- ⁵⁶ АВП. Ф. 032. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 40—43.
- ⁵⁷ Из рапорта, поданного Роберту Мерфи, в то время политическому советнику США в Германии (цит. по: Толстой, 1988, с. 393). Б.М.Кузнецов,

автор книги «В угоду Сталину. 1945—1946» (Нью-Йорк, 1958; напечатана на ротаторе), приводит следующие данные о жертвах: погибших — 14, при смерти — 21, раненых — около 100 чел. (цит. по: Новый Часовой (СПб.), 1995. № 3. С. 168—170).

* Информация попала в прессу, в частности, в американскую газету «Stars and Stripes», издаваемую в американской зоне оккупации (по данным Н. Толстого, статьи от 20 и 21 января). Впрочем, если подразумевать Н. Толстого статьи датированы с неточностью и тождественны опубликованной в той же газете, но за 23 января (европейский выпуск) заметке под названием «Самоубийство красных предателей в Дахау можно описать только как "нечеловеческую" оргию», то следует заметить, что в этой публикации нет ни тени сочувствия к выдаваемым: сообщается о том, что все они предатели, а их покушение на массовое самоубийство (10 летальных исходов и 20 нет) преподносится как истинное «зверство» (см.: Вербицкий, 1999, с. 429).

⁵⁹ Цит. по.: Вербицкий, 1999, с. 433.

5.4. От горячего мира — к холодной войне: черновой баланс репатриации и контррепатриации

Контуры послевоенного устройства Европы, столь отчетливо обозначившиеся в течение лета 1945 года в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции, с 17 июля по 2 августа проходившей в залах Цецилиенхофа, прорисовывались уже давно: новый передел Европы, образование восточного и западного «лагерей» с доминированием, соответственно, советского и американского полюсов силы.

Так, разбиение территории Германии на союзнические оккупационные зоны было предусмотрено Протоколом соглашения между правительствами США, Великобритании и СССР, подписанным еще 12 сентября 1944 года¹. Границы между зонами были довольно четко оговорены, каждая из них занималась войсками только одной державы-победительницы, в каждой — назначался соответствующий Главнокомандующий, и только для Большого Берлина предусматривался межсоюзнический коллективный орган.

На Крымской конференции в феврале 1945 года было принято решение об участии Франции в оккупации Германии и создана Комиссия по расчленению Германии, заседания которой происходили, начиная с марта 1945 года, в Лондоне. С конца 1944 года Франция подключилась к деятельности Европейской Консультативной Комиссии.

В частности, 5 июня в Берлине была подписана так называемая «Берлинская Декларация» — совместное заявление о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и Временным правительством Французской Республики. Соглашение подписали Главнокомандующие вооруженными силами союзников в Германии — маршал Жуков, генерал Эйзенхауэр, маршал Монтгомери и генерал де Латтр де Тассиньи. Между четырьмя правительствами заключено соглашение о зонах оккупации и о Контрольном Совете в составе Главнокомандующих вооруженными силами союзников в Германии, все решения которого должны были приниматься единогласно.

На следующий день (6 июня) была сформирована Советская Военная Администрация по Управлению советской зоной оккупации в Германии (иначе и более привычно называемая — **Советская Военная Администрация в Германии**, или **СВАГ**)². Главным начальствующим СВАГ был назначен маршал Г.К.Жуков³, его заместителями — генерал армии В.Д.Соколовский (первый заместитель), комиссар госбезопасности 2 ранга И.А.Серов (по делам гражданской администрации) и М.З.Сабуров⁴, начальником штаба — генерал-полковник В.В.Курасов (с июня по октябрь 1945 года), затем — генерал-лейтенант М.И.Дратвин⁵. Первоначально (до августа 1945 года) Политическим Советником при Главнокомандующем СВАГ был А.Я.Вышинский, затем А.С.Соболев, а с 31 мая 1946 года и до образования ГДР — В.С.Семенов. Приказом Жукова от 9 июля 1945 года,

в свою очередь, были назначены начальники Советских военных администраций в провинциях и федеральных землях и их заместители по гражданским делам⁶.

Был создан впечатляющий бюрократический аппарат СВАГ, одним из структурных подразделений которого стали органы репатриации. В частности, был создан **Отдел по репатриации** СВАГ, 24 января 1946 года переименованный в Отдел репатриации и розыска граждан объединенных наций при Штабе СВАГ, а 25 июня 1946 года — реорганизованный в Управление по репатриации граждан СССР и иностранных граждан. 7 апреля 1947 года оно было вновь реорганизовано и переименовано — в Отдел по репатриации граждан СССР и иностранных граждан, розыска граждан объединенных наций, в свою очередь (1 июля 1948 года) переименованный в Отдел репатриации и розыска граждан объединенных наций. На протяжении всего этого времени отдел возглавлял генерал-майор Юркин⁷. Его замом вначале был полковник А.С.Евсеев, одновременно стоявший во главе Отдела репатриации и розыска граждан Советской секции Контрольного совета; позднее заместителем стал полковник Писаренко, а оперативным отделением руководил полковник (впоследствии генерал-майор) М.И.Вершинин, в апреле 1947 года заменивший генерала Давыдова в качестве Уполномоченного СВАГ по репатриации в американской и французской зонах⁸ (в 1951 году он же руководил советской репатриационной миссией во французской зоне⁹).

Разумеется, аналогичные органы в подмандатных им западных зонах оккупации Германии и Австрии формировали и союзники. Так, первым Верховным главнокомандующим во французской оккупационной зоне в Германии был генерал де Латтр де Тассиньи; с 15 июня 1945 года его сменил генерал Мари-Пьер Кениг¹⁰, а его в свою очередь сменил генерал-губернатор Франсуа Понсэ, и после упразднения оккупационных зон остававшийся французским послом в ФРГ. Штаб-квартира французской оккупационной зоны первоначально располагалась в Раштатте, а затем в Баден-Бадене.

Первым по счету Верховным главнокомандующим в американской зоне был генерал Дуайт Эйзенхауэр, его со временем сменил генерал Люциус Клей. Так же и в английской зоне на аналогичном посту фельдмаршала Монтгомери сменили маршал Шолто Дуглас и генерал Б.Робертсон (в марте 1946 года). В американской и английской военных администрациях Отделы военнопленных и перемещенных лиц возглавляли уже упоминавшиеся Микельсон (при секретаре Мессеке) и Кинчингтон¹¹.

Параллельно союзники, а точнее — Европейская Консультативная Комиссия в Лондоне занималась австрийским вопросом, хотя тут было одно принципиальное отличие: **Германия рассматривалась как побежденное, а Австрия — как освобожденное государство**. 4 июля 1945 года в Лондоне был принят проект Соглашения

о контрольном механизме в Австрии и подписан соответствующий договор¹². Окончательный текст соглашения о зонах оккупации в Австрии и об управлении Веной был принят 9 июля¹³.

4 июля был конституирован орган военного управления в Восточной Австрии — **Советская часть Союзнической Комиссии по Австрии**¹⁴. Ее начальником стал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С.Конеv. В сентябре 1945 года он был назначен Военным (позднее — Верховным) комиссаром СССР в Австрии, а генерал-полковник А.С.Желтов — его заместителем¹⁵.

Верховным Комиссаром со стороны США с сентября 1945 по декабрь 1946 г. являлся генерал Марк В.Кларк, а с января 1947 по октябрь 1950 г. — генерал-лейтенант Джеффри Кейс. Верховным Комиссаром с английской стороны с сентября 1945 по апрель 1946 г. был генерал-лейтенант сэр Ричард Мак-Крири, а с мая 1946 по сентябрь 1947 г. — генерал-лейтенант сэр Джеймс Стил (James Steele), а с французской — с сентября 1945 по сентябрь 1950 г. — армейский генерал Мари-Эмил Битур (Béthouard)¹⁶.

Штаб-квартиры военного командования союзников находились: СССР — в Бадене (отсюда, кстати, осуществлялось командование и советскими войсками в Чехословакии и Венгрии), США — в Зальцбурге, Франции — в Инсбрукке и Великобритании — в Кленфурте.

Относительно территории и границ оккупационных зон в Германии союзники договорились уже давно, оставалось лишь провести перегруппировку войск с тем, чтобы привести демаркационные линии в соответствие с имевшимися договоренностями. Ввод английских, американских и французских войск в западные секторы Берлина и отвод английских войск из Мекленбурга и американских из Тюрингии и Саксонии на запад был начат 1 июля и организованно завершен: англичанами — к исходу 3 июля, американцами — к утру 5 июля¹⁷. Среди покинутых союзниками городов были и такие крупные центры как Шверин, Эйзенах, Гота, Галле, Эрфурт, Веймар, Лейпциг, Гера и Плауэн. Лагерь бывших остарбайтеров и военнопленных, согласно договоренностям, союзники должны были оставить на месте и сдать их советским представителям по репатриации, а прочих военнопленных и поданных других государств — отвести на запад, за исключением тех поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии, которых следовало принимать в качестве граждан СССР¹⁸. На состоявшемся 10 июля в Берлине совещании представителей Главного командования союзников по согласованию вопросов управления Германией между Жуковым и представителем США генералом Клем состоялся следующий диалог:

«— К л е й: Мы решили возвращать Вам людей русской национальности. Сразу мы это не сделали потому, что думали, что границы закрыты.

— Ж у к о в: *Имейте в виду, что мы находимся сейчас в тяжелом положении. Своих людей мы возьмем, безусловно.*

— К л е й: *Мы пойдем на любые условия...*¹⁹

Уже отмечалось, что к осени основной вал репатриации уже сошел: среднесуточная сентябрьская выработка не поднималась выше тысячи человек. К концу сентября 1945 года из 5.846 тыс. ДиПи, суммарно зарегистрированных в западных оккупационных зонах, 4.622 тыс. было уже репатрировано, еще 1.013 тыс. ожидали репатриации, а 211 тыс. относились предположительно к невозвращенцам. При этом, согласно Якобмайеру, на советских граждан (в западном понимании этого слова) приходилось в конце сентября 32 % общего количества ДиПи и 44 % числа репатриантов; лишь 32 тыс. из 2.064 тыс. чел., или 1,5 %, еще не были репатрированы и рассматривались как вероятные невозвращенцы.

Впрочем, к той же категории (невозвращенцев) были отнесены — практически целиком — 129 тыс. представителей балтийских народов (61 тыс. литовцев²⁰, 47 тыс. латышей и 21 тыс. эстонцев), а также 22 тыс. лиц без гражданства²¹.

Этого же не утверждалось относительно поляков, но самый факт, что к 28 сентября 1945 года из 910 тыс. ДиПи-поляков было репатрировано только 94 тыс. чел., или 10 %, — факт красноречивый. «Соучастие» в нем большого количества «подсоветских» украинцев и прочих, декларировавших свою принадлежность к Польше, не вызывает сомнений, — другое дело, что и количество их, и долю оценить невозможно.

Проблема этих ускользающих «поляков» занимала и советскую репатриационную миссию, и 4 августа 1945 года союзники вновь сели за стол переговоров. Запад представлял все тот же Миккельсен. Его партнер, генерал-майор Вершинин²², настаивал на признании Западом советских притязаний еще и на польских рабочих. Пропуск через советскую оккупационную зону возвращающихся на родину поляков он связывал с передачей СССР всех имеющихся у союзников советских граждан.

Конечно, главным предметом репатриационного «торга» между СССР, с одной стороны, и США, Англией и Францией, с другой, были западные военнопленные и советские граждане, сколько бы их ни было. В этом свете проблемы граждан Польши и других восточноевропейских стран тускнели и отодвигались на второй план, но все же безучастными к их судьбе союзники не были.

Ярчайший тому пример — эвакуация в ходе заранее согласованного отвода американских войск из Тюрингии 4—5 июля приблизительно 140 тыс. польских ДиПи вглубь американской зоны²³. Это, кстати, придало американской зоне некоторый — на деле не всегда ею заслуженный — ореол «спасительного острова». А на советский шантаж с пропуском или репатриацией поляков, союзники, ответили

хорошей географической подготовкой. Англичане — наладили морской маршрут Любек-Щецин, а американцы — железнодорожный: через территорию Чехословакии к городу Дзидзице на польско-чехословацкой границе, где был устроен огромный лагерь для перемещенных лиц.

Ситуация с поляками еще более запуталась с подписанием 16 августа 1945 года польско-советского государственного договора, закрепившего в общих чертах довоенную — молотовско-риббентроповскую — восточную границу Польши (по линии Керзона). Поляки — выходцы из восточных районов — оказались перед дилеммой: советское гражданство — или сохранение статуса «перемещенного лица», хотя бы и на территории самой Польши. Точнее, дилеммы не было, ибо советского гражданства не жаждал почти никто.

Напротив, создавшаяся в результате путаница и неразбериха позволила избежать насильственной репатриации в СССР еще и многим неполякам, декларировавшим свое «польское» происхождение. «Юридически» подтвердить это было не так уж и сложно: достаточно было письменного заверения от бургомистра любой деревушки или общины. Эти «документы», как правило, доставались или покупались²⁴.

Та же проблема, что и с поляками, — путаница, а стало быть, и лазейка — возникла и в случае с белорусами и украинцами, точнее, с западными белорусами и западными украинцами из Галиции, Хелма, Вольни (соответствующие земли ранее относились к Польше) и Украинских Карпат (к Чехословакии), а также с украинцами и молдаванами Буковины и Бессарабии (ранее относились к Румынии). Репатриацией таких украинцев, в принципе, занималась Польша, но, конечно, не с таким рвением, как СССР.

Но со временем американцы и англичане сошлись на том, что исходить следует не из национальности («украинцы»), а из подданства²⁵. Соответственно и ДиПи прослышали, что принадлежность к «украинцам польского происхождения» — уже больше никакое не спасение. Польша Ялтинских соглашений не подписывала, но в определенных ситуациях польские товарищи, конечно же, могли и «сдать» тех или иных своих граждан восточному соседу — оплоту мира и социализма. А там разговор был бы короткий.

Потому-то среди украинцев и было так много «невозвращенцев» в чистом виде, и не случайно именно они — поздней осенью 1945 года — первыми среди перемещенных лиц создали свои национальные организации²⁶. Тем самым они как бы самоорганизовались перед лицом угрозы репатриации, чем фактически серьезно ее ограничили, если не сказать блокировали²⁷.

Спустя два года — в августе 1947 года в Германии все еще проживало 118,6 тыс. ДиПи-украинцев²⁸, из них 97,6 тыс. в лагерях и 21,1 — вне лагерей; подавляющее большинство — 73,6 тыс. чел. размещались в американской зоне (преимущественно в районе Мюнхена), 35,0 тыс. — в английской и еще 10,0 — во французской зоне.

Недаром правительство УССР в 1947 и 1948 гг. обращалось ко всем закордонным украинцам с призывом возвращаться на родину²⁹.

Аналогичные попытки делали и правительства советских республик Прибалтики. Прибалтийские ДиПи — литовцы, латыши, эстонцы — были следующей по численности и значимости группой не-возвращенцев. Однако, в отличие от украинцев, в Германии они размещались более дисперсно. За период с июля 1945 по май 1946 г. их количество возросло с 71,1 до 188,2 тыс. чел., причем в британской и американской зонах их было примерно поровну (90—92 тыс. чел.), во французской же зоне их оставалось около 5,5 тыс. чел., что покажется все равно очень большой величиной, если поверить тому, что Франция, в отличие от США и Англии, иногда признавала выходцев из Прибалтики за советских граждан и выдавала их в СССР³⁰. Как и украинцы, прибалты создали значительное число своих организаций.

Самыми многочисленными среди них были латыши и литовцы, эстонцы значительно отставали, они же были, пожалуй, самыми стойкими к ностальгическому искусу. Напротив, по склонности к репатриации уверенно «лидировали» литовцы, среди которых большинство составляли бывшие гражданские рабочие, тогда как среди латышей и эстонцев — повышенной была доля бывших военнослужащих вермахта и войск СС. Отвлекаясь от национальной риторики, большинству прибалтов будущее виделось в том, чтобы остаться в Европе (лучше всего — в Германии или Швеции) или уехать в Новый Свет.

Но для этого им в первую очередь нужно было уклониться от прямого действия Ялтинского соглашения.

Как же практически это было осуществить тем, кто **родине**, какой бы любимой она ни была, все же предпочитал личную **свободу и безопасность**?

Существовало (точнее, выработалось) несколько — каждый зыбок и ненадежен, — способов **легитимного «невозвращенчества»**.

Первый и самый массовый: заявить о своем статусе «перемещенного лица» и доказать, в случае сомнений, перед комиссией свое не-советское происхождение на момент начала Второй мировой войны. Возможные варианты: гражданство Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии, Турции (для кавказских народов), принадлежность к русской эмиграции времен Гражданской войны или отсутствие всякого подданства. Документы можно было исхлопотать или «купить» практически в любом гражданском административном органе, выдавались они на основании лагерных регистрационных карточек, куда, со слов опрашиваемого, можно было занести — и, соответственно, исправить — практически любые, сколь угодно вымышленные, данные (к тому же уже с осени 1945 года советских офицеров перестали привлекать для работы в комиссиях, рассматривающих заявления ДиПи об их гражданстве).

Не сумевшие заручиться нужными документами, могли мотивировать свое нежелание возвращаться в СССР лишением в правах (раскулачивание, ссылка), политической (антисоветской) деятельностью или принадлежностью к духовенству. При определенном стечении обстоятельств и эти аргументы могли уберечь от принудительной репатриации.

Впрочем, некоторые случаи и ситуации, — как более или менее массовые, так и индивидуальные, — ставили советских репатриаторов в тупик.

Вот, например, случай части немцев-«фольксдойче» — выходцев из входящих в СССР областей. В Германии их насчитывалось не так уж и мало: ведь тех, кого не успела превентивно депортировать советская власть (а немцы в СССР были «наказанным народом» № 1!), немецкие оккупационные власти охотно переселяли вглубь Третьего Рейха. Такие немцы, на правах советских граждан, подлежали бесспорной репатриации; им, поголовно, был гарантирован тот же самый статус, которому подлежали их депортированные братья и сестры, — спецконтингент. Но часть немецкого населения из Прибалтики и Бессарабии с Северной Буковиной, как известно, была переселена в Германию еще до нападения Германии на СССР, согласно сопутствовавшим пакту Молотова—Риббентропа договорам. И вот тут-то Советский Союз неисповедимым образом склонился к верности международным обязательствам и отказался от репатриационных притязаний!³¹

В середине 1947 года возник другой вопрос, на разрешение которого ушел почти целый год. 20 июля 1947 года Управление по делам репатриации впервые проинформировало МИД о наличии и непонятном статусе следующих двух контингентов: 1) жителей Восточной Пруссии (или, как ее уже в это время называли, — Калининградской и Мемельской областей), не являющихся немцами по национальности (то есть главным образом литовцев, а также латышей и эстонцев), а также жителей Закарпатской Украины, в годы войны (то есть до присоединения к СССР) вывезенных немцами на работы в Германию, и 2) жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, служивших до 1 сентября 1939 года в польской армии и попавших в немецкий плен³².

Так вот: советского гражданства у этих людей не было и ни при каком раскладе быть не могло³³, на основании чего Консульский отдел СВАГ визы им не выдавал, невзирая на то, что их родные места по окончании войны стали советскими.

Указание выдавать обычные визы в общем порядке МИД СССР дал, но оно не исполнялось почти год, так что репатриация этих людей буксовала. Потребовались дополнительные согласования с МВД и КГБ и даже обращение в СМ СССР для издания соответствующего распоряжения³⁴.

Между прочим, соответствующее разрешение вскоре, видимо, было получено и не замедлило сказаться: уже в июне 1948 года литовцы (литовцы-клайпедцы, как их называли в отчете) резко вырвались вперед среди национальностей в английской зоне. Отношение

репатриировавшихся к оставшимся составило у них 2,2 %, против 0,7 % у латышей, 0,3 % у эстонцев и 0,1 % у украинцев (у русских этот показатель — 5,4 %)³⁵.

В определенное замешательство советские органы репатриации поставил и случай Николая Михненко, эмигрировавшего в Германию еще в 1918 году и прибывшего своим ходом в лагерь 226 в Бранденбурге. По мнению (согласитесь, — на фоне всего вышеизложенного, — несколько удивительному) генерала Басилова, репатриация таких людей в функции Управления не входила.

Второй способ избежать репатриации — уклониться от лагерного обеспечения и, полагаясь только на самого себя, найти жилье и работу в частном секторе (или, как тогда говорили, — «на приватке»). По возможности вообще не регистрироваться, ни у каких военных или гражданских властей, — затаиться и ждать, когда, наконец, принудительные репатриации прекратятся (что фактически и произошло в августе 1947 года, когда таких людей начали рассматривать как «лиц, проживающих в Германии по собственному волеизъявлению»)³⁶.

Третий способ — выйти замуж или, соответственно, жениться на немке, француженке, на любой западной женщине. Вариант тоже не «железный», поскольку и таких людей советские «миссионеры» сумели-таки во множестве вывезти.

Вот открывает такая гражданка свежий номер газеты «Родина зовет» и видит статью майора Суханова, офицера связи по репатриации советских граждан на территории 49-й британской дивизии. Статья, по жанровым признакам неотличимая от приказа, называется: «Почему ты до сих пор не на сборном пункте?». Гражданка пробегает ее глазами и читает, например, такое:

«Не раздумывай, не медли. Иди на ближайший сборный пункт и никто тебя не обидит.

У тебя лишь один путь — честно выполнять то, что от тебя требует Родина.

Она зовет тебя, и ты будешь действительно недостойным прощания преступником, если не услышишь ее голоса.

Знай, что ни один советский подданный не останется на чужой земле!

Некоторые наши девушки и женщины необдуманно вступили в брак с иностранцами. Супружество, как известно, не может изменить подданства супругов. Все девушки и женщины, вышедшие замуж за иностранцев, должны также в кратчайший срок явиться на сборные пункты. В интересах их будущего все такие браки должны быть немедленно расторгнуты. Тот, кто связал свою судьбу с иностранцами или иностранками, переживает сейчас драму. Но тот, кто пойдет против требований Родины, эту драму превратит в трагедию»³⁷.

И это были не пустые слова. Плохо было тем женщинам, чьими мужьями успели стать взятые немцами в плен и освобожденные Красной Армией американцы, англичане или французы. В частности, в Румынии, где действовали войска 3-го Украинского Фронта, комендантам сборных пунктов военнопленных и интернированных граждан союзных стран, в таких случаях предписывалось:

«В соответствии с директивой <генерал-лейтенанта Голубева — П.П.> № 1065 от 27.3.45 отправка русских женщин (граждан СССР) — жен военнопленных иностранцев — в транзитный лагерь в Одессу и др. транзитные лагеря категорически запрещается. Всех русских женщин (граждан СССР) после отправки их мужей непременно с сопровождающим направить во фронтовые СПП»³⁸.

И все-таки женщины, вышедшие замуж за иностранцев, зарегистрировавшие этот брак и имеющие в этом браке детей, были в своем праве — органы репатриации в конце концов отступались от них, ведя тем не менее их учет. В общей сложности их насчитывалось около 16 тыс. чел. (не считая примерно такого же количества детей), причем граждане восточноевропейских и западноевропейских государств взяли себе примерно «поровну» советских невест. Больше всего их осталось в Польше (5.957 чел.), Чехословакии (1.878), во Франции (по разным сведениям — от 1200 до 1800) и Голландии (от 600 до 800)³⁹. Зато во всей восточной зоне Германии было оставлено лишь 46 (по другим сведениям 61), а в восточной Австрии — 35 совгражданок, состоящих в браке с немцами или австрийцами⁴⁰.

Нетривиальный случай описан в рассказе Андрея Седых «Миссис Катя Джексон»: английский репатриационный офицер, желая помочь незнакомой ему русской девушке, категорически не желающей репатрироваться, и не видя никакой другой возможности избежать этого, оформил с ней фиктивный брак прямо в лагере, за три часа до приезда советской комиссии⁴¹.

Женившихся или влюбленных мужчин, насколько мы знаем, даже не учитывали: доверия к мужской любви у офицеров по репатриации, видимо, не было вовсе. В том числе и к мужской любви собственных офицеров. 1 апреля 1945 года, — но не в порядке шутки, — Отдел по репатриации того же 3-го Украинского Фронта распространил следующую директиву Голикова (как начальника Главного управления кадров Наркомата Обороны) № 613/с:

«В адрес центра поступили заявления офицеров действующих армий с просьбой санкционировать браки с женщинами иностранных государств (болгарками, поляками, чешками и др.) или дать разрешение на такие браки. Прошу распорядиться о настойчивом разъяснении нашим офицерам о нецелесообразности женитьбы на гражданках иностранных государств вплоть до прямого запрещения»⁴².

Немало было и таких женщин, которые репатриировались вместе со своими несоветскими мужьями. Никому из них не позавидуешь. Вот недавно обнаружилась одна из таких грустных историй: в 1943 году 20-летний Жан Мунш, понятно, француз, работал в Верхней Силезии у бауэра и влюбился там в 16-летнюю Татьяну, остовку-украинку; после освобождения он поехал за ней на Украину. В СССР у него отобрали французские документы и выдали советские, после чего обвинили в шпионаже и краже сахара. Через 7 лет он вернулся из лагерей в село Ульяновка в 280 км к югу от Киева, где его ждали верная Татьяна и славная трудовая биография советского колхозника (профессии: могильщик, ассенизатор, сельхозработчий). Его разыскали в 1995, и только в 1997 году (после 54-летней заминки) 74-х летний Жан Мунш вновь побывал во Франции. На Украине же, как водится, его Татьяна его ждала, и он снова вернулся к ней⁴³.

Как раз с Францией был связан **четвертый** способ — записаться там в «Иностранный легион» (впрочем, его вербовочные центры, кроме Франции, были и в других странах, например, в Штуттгарте в Германии или в Иннсбруке в Австрии)⁴⁴. Но и тут нужно было скрыть советское гражданство: официально граждан СССР в «Иностранный легион» не принимали⁴⁵.

Наконец, **пятый** — встать под покровительство родственников (если таковые имеются) или же неправительственных организаций, старавшихся так или иначе помогать людям в столь отчаянном положении. Как правило, эти организации активно сотрудничали с ЮНРРА и, в особенности, с ИРО, нередко их активисты просто зачислялись ИРО на службу⁴⁶.

Агентура службы репатриации сообщала о десятках таких организаций, — как правило, национальных по своему характеру⁴⁷. Большинство находилось, понятное дело, в Западной Германии. Так, на раннем — самом трудном для невозвращенца — этапе, когда необходимо было укрыться и затаиться, многим помог *«Комитет по делам беженцев православного вероисповедания»* в Гамбурге (во главе с отцом Нафанаилом, он же князь Львов)⁴⁸. Или *«Русский национальный комитет»* во главе с белоэмигрантами Семеном Юрьевым (Моисеевым) и адмиралом Шевелевым (Соколовым). Тот же С.Юрьев вместе с Н.Мельниковым и М.Шокальским возглавлял также *«Центральное представительство российской эмиграции в американской зоне Германии»*⁴⁹. В Висбадене находился *«Комитет эмигрантов»* во главе с отцом и сыном Пироговыми, в Брауншвейге — *«Комитет бесподанных»* во главе с генералом Апухтиным. В Шлесгайме под Мюнхеном базировалась организация *«Союз Андреевского флага»* под руководством генерал-лейтенанта Глазенаппа, генерал-майора Кононова и полковника Киселева, издававшая в Мюнхене газету «Новое время» и журнал «За железным занавесом»⁵⁰. Сообщалось и о *«Комитете русских эмигрантов»*, штаб-квартира которого размещалась в Мюнхене⁵¹.

Ряд организаций был непосредственно и тесно связан с избежавшими насильственной репатриации власовцами, в частности, *«Антикоммунистический центр освободительного движения народов России»*, *«Союз борьбы за освобождение народов России»* (военно-молодежная организация власовцев) и *«Российское общенациональное народно-государственное движение»* во главе с С.Ивановским, издававшее газету «Государственный клич»⁵².

Но особенными активностью и, если так можно выразиться, антисоветской энергией выделялся **Национально-Трудовой Союз (НТС)** со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне⁵³. Об этой, задолго до войны созданной и поныне существующей организации, следует рассказать подробней.

Основополагающей для НТС была идея «третьего пути», «третьей силы», то есть России без большевиков и без немцев. Во главе НТС стояли Н.Ф.Алферчик, затем — Б.Г.Андреевский; среди видных деятелей Национально-Трудового Союза (НТС) — Л.А. Пар, А.Н.Аремов (Зайцев), А.Н.Абрамов (Нератов). Осенью 1944 года гестапо разгромило НТС, почти все его руководство попало в гестаповские тюрьмы (Плетцензее или на Александерплац в Берлине или же в концлагеря); семьи арестованных были собраны в рабочем лагере фирмы «Эрбауэр» в поселке Берг под Веной. При приближении Красной Армии этот лагерь был эвакуирован в Нидерзаксенверфен близ Нордхаузена в Тюрингии, а накануне передачи Тюрингии под советский контроль вновь передислоцирован — на сей раз в Менхехоф (в 10 км от Касселя), где уже существовал крупный, более чем в 2,5 тыс. чел., русский рабочий лагерь, официально считавшийся лагерем бесподанных и управлявшийся ЮНРРА⁵⁴. Ядро лагеря составляли члены НТС, лагерное самоуправление возглавлял К.В.Болдырев, представитель еще первой русской эмиграционной волны⁵⁵. Культурно-просветительской работой в лагере руководил журналист Е.Р.Романов (Островский): были устроены гимназия, клуб, театр, хор, создана скаутская организация, проводились выставки, лекции и вечера.

Но, бесспорно, главным из культурных начинаний в Менхехофе стало тесно связанное с НТС лагерное издательство «Посев», организатором которого тоже был Островский. Начавшись с выпуска ротаторно-восковочным способом столь необходимых букваря, учебников и сказок, а также информационного бюллетеня, с ноября 1945 года оно приступило к выпуску воскресного еженедельника «Посев»⁵⁶. С июля 1946 года начал выходить и ежеквартальный журнал литературы, искусства и общественной мысли — «Грани». В ноябре 1946 года, под давлением советской репатриационной миссии, ЮНРРА запретило выпуск и «Посева» (вышло 49 номеров), и «Грани» (вышло 2 номера). Возобновить выпуск газеты удалось только спустя полгода — в мае 1947 года⁵⁷, уже в Лимбурге-на-Лане, где обнаружилась типография с полным набором русских шрифтов. В Менхехофе оставался филиал; отдел подписки и распространения нахо-

дился во Франкфурте-Фехенхайме, куда в 1951 году перебралось и само издательство (с 1994 года оно продолжает свою деятельность уже в Москве). Тогда же во Франкфурте-на-Майне обосновался и НТС, открывший несколько отделений по всей Германии, в частности, и в Берлине. Кроме еженедельной воскресной газеты «Посев» (издатель Владимир Горачек), в издательстве выходили журналы «Посев», «Грани», «Мысль», «Наши дни» и «Вольное слово», не считая более 300 названий книг и брошюр. Со временем издательство «Посев» стало одним из ведущих центров «тамиздата» — издательской деятельности русской эмиграции, а затем и всего диссидентского движения.

Несколько комитетов базировалось в **Австрии**, преимущественно в Зальцбурге, в американской зоне и в непосредственной близости от Мюнхена. Известностью, в частности, пользовалась *«Инженерно-техническая фирма Карякина»*, завербовавшая несколько сотен бывших советских граждан на работы по восстановлению городов и заводов и одновременно переводившая их в подданство других стран. В английской и американской зонах Австрии действовали *«Оргбюро русского народного движения»* (во главе с генералами Антоном Туркулом и Шварцем, а также полковником Г.Миткевичем, Рогожиным и Шенголесом), *«Русское освободительное движение»* того же Г.Миткевича, *«Боевой союз молодежи народов России»* генерала Пулевича⁵⁸, *«Эмигрантский комитет»* полковника Рогожина, *«Белоэмигрантский комитет»* Жердецкого и др. В г. Мондзее (под Зальцбургом) находился *«Комитет невозвращенцев»* во главе опять-таки с полковником Г.Миткевичем, Эсмонтом и капитаном Бобровым (финансировалось на деньги белоэмигранта Бока, зятя Столыпина). В Каринтии, в английской оккупационной зоне, базировался Казачий корпус полковника-белоэмигранта Рогожина (в основном — советские граждане)⁵⁹.

Существовали также и политические (тесно связанные с НТС) партии — *«Национал-солидаристическая партия»* под руководством профессора Лаврова и *«Национал-социалистическая партия России»* во главе с д-ром Крайновым (заместители — А.Ф.Кашарин, Ю.Колукевич, Л.П.Зеленев, Н.Ф.Алферчик и Н.Г.Сверчков). Обе были запрещены американцами, после чего последняя, сменив вывеску, стала называться *«Бюро по розыску родных и знакомых»*, со штаб-квартирой в Линце.

Во **Франции** на выручку новым эмигрантам из России приходили эмигранты первой волны, писавшие рекомендательные письма, устраивавшие фиктивные браки или как-то еще содействовавшие натурализации земляков. Действовали такие организации, как *«Центральное бюро помощи русским»*, *«Комитет помощи иезуитов»*, *«Эмигрантский комитет Маклакова»*, *«Украинское землячество во Франции»* и др.⁶⁰

Среди организаций, бравших на себя функции посредников или спонсоров при переезде в другие страны, упомянем «Американский объединенный комитет распределения», «Американский чрезвычайный комитет Ваад Хатцало»⁶¹ и «Толстовский Фонд». Вербовкой в Аргентину занималась «Православная сельскохозяйственная община» (издававшая газету «Аргентинец»)⁶².

В большинстве своем все это были классические карликовые организации, не связанные друг с другом, а нередко и остро друг с другом враждовавшие. Достаточно сказать, что вместе взятые они издавали более 100 наименований журналов и газет! Первые серьезные интеграционистские попытки были предприняты только летом 1948 года. Так, 19—20 июня в Мюнхене состоялся съезд представителей казачества из всех западных зон Германии и Австрии. Его итогом стало создание «Верховного казачьего круга» во главе с верховным атаманом полковником И.А.Белым и его заместителями — инженером В.Г.Глазковым и журналистом И.И.Безугловым⁶³. А 2 и 27 июля — и также в Мюнхене, — по инициативе влиятельного и авторитетного «Архиерейского синода», возглавлявшегося митрополитом Анастасием и графом Георгием Грабе, прошли совещания представителей ряда эмигрантских организаций из всех союзнических зон с целью создания «Центрального представительства российской эмиграции в Германии»⁶⁴. Еще одной важной попыткой объединения всех эмигрантских кругов и координации их действий стал созданный, по инициативе все того же «Архиерейского синода», 15 июля 1948 года в Целам-Зее (американская зона Австрии) так называемый «Съезд вождей русской эмиграции», перед которым ставились задачи устранения расщепленности русской эмиграции, выработки единой программы ее действий против мирового коммунизма и за освобождение русского народа, а также задача возрождения РОБС — «Русского общевоинского союза»⁶⁵. Упомянем и еще один объединительный съезд российской эмиграции в западных оккупационных зонах, прошедший 16—17 октября 1948 года в Гамбурге⁶⁶.

Существовали и многочисленные комитеты, организованные по национальному признаку (украинские, белорусские, литовские и др.). Так, крупнейшей украинской организацией был «Центральный комитет взаимопомощи»⁶⁷, идеологически тесно связанный с «Организацией Украинских Националистов» (ОУН) — движением Бандеры и Мельника. В украинских лагерях действовало еще полтора десятка других организаций и комитетов — «Украинский Центральный Комитет» во главе с гетманом Скоропадским, «Украинская повстанческая армия» (УПА) и «Штаб главного освободительного движения за границей» (во главе обеих организаций стоял С.Бандера), «Украинское народное объединение» в г. Аугсбурге во главе с писателем Горин-Горским и генералом Шандруком⁶⁸, «Украинский комитет допomoчи» во главе с фон Вендеровским⁶⁹, «Украинский культурный совет при центральном представительстве украинской эмиграции в Германии» в г. Фюрте⁷⁰ и др.

Гораздо хуже были организованы **белорусы**, среди которых действовали «*Белорусский совет*» (руководитель — Колодко) и «*Белорусский комитет*». Зато весьма преуспели в создании своих организаций **прибалты**. Особенно активным и влиятельным был их совместный «*Центральный комитет прибалтов*»⁷¹.

Среди отдельных прибалтийских национальностей заметно выделялись **литовцы**. Кроме Центрального Литовского правительства (под руководством премьера Гальванаускаса) и парламента (под председательством епископа Крупавичуса), в их среде действовали еще «*Верховный комитет освобождения Литвы*» (орган Центрального Литовского правительства), «*Комитет по восстановлению Литвы*» (Валюлис, Станевичус), «*Литовский центральный совет*» (епископ Рануман), «*Литовский центральный Совет*» (Валдманис). Если верить Брюханову, продолжали осуществлять свои функции и дипломаты прибалтийских правительств в изгнании. Так, у Димшаса, бывшего литовского посла в Германии, можно было купить и старый литовский паспорт, заполнив заверенную в лагере анкету, отдав 2 фотокарточки и заплатив 20 марок⁷².

Из **латышских и эстонских** организаций укажем на «*Латышский центральный совет*» (Я.Цельмс), «*Латышский центральный совет*» (Швабе), «*Военная группа*» (Р.Бангерскис, бывший латышский генерал СС) и на «*Эстонский центральный совет*» (Пироя).

От всего этого офицерам советских репатриационных миссий за границей легче не становилось. Если в «своей» зоне им можно было делать все, что угодно, то ради пополнения тех, кто оказался у союзников, приходилось в поте лица трудиться и не только на дипломатическом уровне. Об этом мы еще скажем отдельно.

Но читатель, наверное, уже заметил, что основная часть имеющейся советской статистики по репатриации отнесена к 1 марта 1946 года. Надо сказать, что выбор именно этой даты в качестве базовой оказался необычайно удачным, если не сказать символическим. Ведь именно в марте 1946 года прозвучала знаменитая фultonская речь Уинстона Черчилля, возвестившая начало «холодной войны» и, — до известной степени, — конец «репатриации по-советски». И уже 1 июля 1946 года военное министерство Англии заявило, что рассматривает свою работу по репатриации советских граждан законченной⁷³.

И в самом деле: осенью 1946 года поток репатриантов практически иссяк, а семь последующих лет сумели дать прирост лишь немногим более чем в 230 (а по другим данным — и вовсе в 105) тыс. чел.

Но суммарный (и все еще черновой) итог репатриации был поистине грандиозен: к марту 1946 года — с учетом внутренних перемещенных лиц — в закрома Родины было поставлено 5.352.963 советских гражданина!⁷⁴

Примечания

- ¹ При принятии Европейской консультативной комиссией «Соглашения о контрольном механизме в Германии» 14.11.1944 в этот протокол были внесены изменения, уточняющие прохождение границы между американской и английской зонами, после чего протокол был разослан правительствам трех стран на утверждение и утвержден каждым из них без каких бы то ни было поправок: Англией — 05.12.1944, США — 02.02.1945 и СССР — 06.02.1945 (подробнее см.: Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944—1945 гг. // ННИ. 1995. № 4. С. 105—132).
- ² Постановление СНК СССР № 1326/301сс. Подробнее о СВАГ см.: Семиряга, 1995; SBZ-Handbuch, 1993.
- ³ Одновременно он оставался Главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Жуков оставался на своем посту до марта 1946 г., после чего его сменил маршал В.Д.Соколовский; с марта по октябрь 1949 г. Главным начальствующим был генерал армии В.В.Чуйков, после упразднения СВАГ оставшийся на посту Главнокомандующего Группой советских войск в Германии.
- ⁴ Сабурова вскоре сменил зам. наркома тяжелого машиностроения СССР в годы войны и глава Советской части Экономического директората СКК К.И.Коваль.
- ⁵ После мая 1947 г. Дратвина, ставшего заместителем Главного начальствующего; на посту начальника штаба СВАГ сменил генерал-лейтенант Г.С.Лукьянченко (SBZ-Handbuch, 1993, s. 50).
- ⁶ Генерал-полковник И.И.Федюнинский и генерал-майор М.А.Скосырев — в провинции Мекленбург; маршал бронетанковых войск С.И.Богданов и генерал-майор В.М.Шаров — в провинции Бранденбург; генерал-полковник В.И.Кузнецов и генерал-майор А.Г.Котилов — в провинции Саксония-Анхальт; генерал-полковник В.И.Чуйков и генерал-майор И.С.Колесниченко — в земле Тюрингия; генерал-полковник М.Е.Катуков и генерал-майор Д.Г.Дубровский — в земле Саксония. В советской оккупационной зоне Берлина начальником гарнизона и военным комендантом был генерал-полковник А.В.Горбатов, сменивший первого послевоенного коменданта Берлина в целом — генерал-полковника Н.Е.Берзарина (SBZ-Handbuch, 1993, s. 53—58).
- ⁷ SBZ-Handbuch, 1993, s. 51. Отдел был ликвидирован РСМ от 05.11.1949.
- ⁸ Дратвин — Кеннигу, 03.04.1947 (МАЕ/Colmar, 106, Ad IV Bc). Одновременно Вершинин представлял СССР в Директорате по военнопленным и перемещенным лицам в Контрольном Совете.
- ⁹ См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 1, 3 и 5.
- ¹⁰ В 1945—1947 гг. его заместителем по гражданским делам был социалист-реформатор Эмиль Лаффон.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 3. Л. 105—109.
- ¹² Договор подписали: за Правительство США — посол Д.Вейнант, за Правительство Великобритании — Р.Кэмпбелл, за Правительство Франции — посол Р.Массигли и за Правительство СССР — посол Ф.Гусев. Спустя без малого год (28.06.1946) в Вене — Верховными Комиссарами Стиллом (за Великобританию), Кларком (за США), Курасовым (за СССР) и Битур (за Францию) — был подписан 2-й договор о контрольном аппарате в Австрии. Тексты договоров см. в: Rauchensteiner, 1995, s. 339—342 и 344—349.

- ¹³ Текст договора см. в: Rauchensteiner, 1995, s. 342—343.
- ¹⁴ Постановление СНК СССР № 1553-355с от 04.07.1945.
- ¹⁵ Желтов проработал на своем посту до июля 1950 г., тогда как Конев был отозван уже в апреле 1946 г. и в мае заменен генерал-полковником В.В.Курасовым (которого, спустя три года, сменил генерал-лейтенант В.П.Свиридов). Политическим советником все это время был Е.Д.Кисилев (Подробнее см. в: Rauchensteiner, 1995, s. 172, 351).
- ¹⁶ Англичане, обеспокоенные «югославской угрозой» и вопросами о Каринтии, Триесте и Джулии-Венеции, в течение некоторого времени держали под ружьем соединения из бывших немецких военнопленных, в том числе и корпус полковника Рогожина. Подробнее см. в: Rauchensteiner, 1995, s. 149—153, 351—352.
- ¹⁷ Практически одновременно происходили территориальные «обмены» и между другими оккупационными зонами. Так, французы передали американцам Карслруэ и Штуттгарт и т.д.
- ¹⁸ Оперативная директива Командующего группой советских оккупационных войск в Германии маршала Г.Жукова командующим 2-й и 3-й ударными, 47-й и 8-й Гвардейской армиями о порядке отвода войск союзников из советской зоны оккупации Германии и вводе туда советских войск // Битва за Берлин, с. 430—431, документ № 272, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5847. Д. 355. Л. 198—201.
- ¹⁹ Битва за Берлин, с. 443, документ № 275, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 114—120.
- ²⁰ По оценке (явно завышенной), приведенной в письме Председателя Верховного Совета Литовской ССР Ю.Палескиса заместителю председателя СНК В.Молотову от 29.12.1945, число литовцев-невозвращенцев составляло 200 тыс. чел. (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 2—4).
- ²¹ Jacobmeyer, 1985, s. 83.
- ²² Начальник Управления репатриации группы советских оккупационных войск в Германии, координировавший работу репатриационных групп в оккупационных зонах союзников.
- ²³ Jacobmeyer, 1985, s. 71—74. По различным оценкам, число польских Дипи составляло от 1,4 до 2,4 млн. чел.
- ²⁴ См. ниже.
- ²⁵ Jacobmeyer, 1985, s. 75—76.
- ²⁶ См. ниже.
- ²⁷ При этом, заметим, оуновцы фактически узурпировали реальную власть в украинских лагерях, нередко терроризируя прочих рядовых соллагерников.
- ²⁸ По другой оценке — 140 тыс. чел. (Jacobmeyer, 1985, s. 79, 271).
- ²⁹ Брюханов, 1958, с. 119—120.
- ³⁰ См.: Jacobmeyer, 1985, s. 81—82. Однако К.Айстерер оспаривает это утверждение — по крайней мере применительно к французской оккупационной зоне в Австрии (Eisterer, 1992, s. 361).
- ³¹ Ср. разъяснение в письме А.Смирнова зам. министра иностранных дел С.А.Голунскому от 23.01.1948 (в связи с письмом Голубева от 07.01.1948): «*Советские граждане немецкой национальности подлежат репатриации на родину наравне с другими советскими гражданами. Однако из их числа следует исключать тех немцев, которые были переселены в Германию до начала войны по советско-германским соглашениям от 05.09.1940 и 10.01.1941*» (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 14. Л. 61). Мало того, советское правительство в общем-то не препятствовало репатриации из Бессарабии и

- Северной Буковины, вошедших в СССР 28.06.1940. и других бывших румынских подданных: таких оказалось около 4 тыс. чел., главным образом молдаван и евреев.
- ³² Подавляющее большинство таких польских военнопленных было переведено немцами в статус гражданских лиц и, соответственно, гражданских рабочих.
- ³³ Распоряжение СНК СССР №3599pp от 15.03.1946 на них не распространялось.
- ³⁴ С.Голунский и А.Смирнов — А.Вышинскому и Ф.Гусеву, 06.06.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 176—179). См. также: АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 14. Л. 197—199.
- ³⁵ [Полковник Ванеев, 06.08.1946.] Справка о ходе репатриации советских граждан из английской зоны оккупации (по докладу полковника т. Брюханова о работе за июнь 1948 г.) (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 90—91).
- ³⁶ Jacobmeyer, 1985, s. 149.
- ³⁷ Родина зовет, 1945. № 3. Июль (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 60. Л. 56).
- ³⁸ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 3. Л. 27.
- ³⁹ Отчет-1, с. 213; Отчет-2, с. 122—123. В Бельгии насчитывалось 524 таких «невозвращенки», в Румынии — 138 и т.д.
- ⁴⁰ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 26. Л. 1—17; Отчет-2, с. 61—63.
- ⁴¹ Седых А. Миссис Катя Джексон // Седых А. Звездочеты с Босфора [Рассказы]. Нью-Йорк: Новое Русское слово, 1948. С. 87—97.
- ⁴² ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 3. Л. 62.
- ⁴³ См.: Салказанова Ф. «Французы из ГУЛАГА» // РМ. 1997. № 4175. 22—28 мая. С. 7 (со ссылкой на книги французского историка Пьера Ригуло «Французы в ГУЛАГе» и «Солдаты поневоле»). Ср. также обращение Раисы Головченко и бывшего французского военнопленного Эмиля Сенишеля о разрешении им ехать вместе в Россию. Известно, что такого рода ходатайства посылались на решение Голубеву (ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2744. Д. 5. Л. 51, 59).
- ⁴⁴ См., например: Eisterer, s. 125—141.
- ⁴⁵ Контракт подписывался минимум на 5 лет, и помимо жалования и довольствия, предусматривал подъемное пособие (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 100—102).
- ⁴⁶ Отчет-2, с. 53.
- ⁴⁷ См. Отчет-2, с. 30—35. См. также: Брюханов, 1958. Понятная односторонность данных источников заставляет нас предупредить о предварительности приводимых здесь сведений и о невозможности, за немногими исключениями, проверить их по другим, независимым, источникам.
- ⁴⁸ Владыка Нафанаил, архиепископ Венский и Австрийский (до принятия монашества — Львов Василий Владимирович; 1906, Москва — 1987, Мюнхен). Во время войны — в монастыре Св. Иова в Ладомирове (Словакия), с 1945 г. — настоятель кафедрального Воскресенского собора в Берлине. В Гамбурге, куда он переехал, спасаясь от Красной Армии, создал Подворье преподобного Иова Почаевского и активно помогал бывшим советским гражданам избежать репатриации. См. его «Воспоминания о борьбе с насильственной репатриацией в Гамбурге в 1945 г.», впервые опубликованные в 1975 г. в журнале «Православная Русь» (№ 18. С. 12—15) и перепечатанные в: Материалы по истории РОА, 1999, с. 514—524.

- ⁴⁹ Эта организация (со штаб-квартирой в Мюнхене) имела особо тесные связи с ИРО; многие ее представители работали непосредственно в ее штате. Именно она направила в августе 1948 г. весьма резкий меморандум в адрес сентябрьской Ассамблеи ИРО о нетерпимости положения, сложившегося вокруг перемещенных лиц в Германии (см. ниже, в главе 6.5).
- ⁵⁰ Несмотря на свою сравнительно позднюю организацию (июль 1948 г.), этот «Союз» обладал целой сетью филиалов в лагерях ДиПли. Летом же 1948 г. с ним слилось «Всеказачье антикоммунистическое зарубежное объединение» (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 28).
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 64.
- ⁵² По другим сведениям — «Народный клич». Редактор — Святослав Киенко (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 54—56).
- ⁵³ См.: Артемов, Артемова, 1985.
- ⁵⁴ Сообщено Г.А.Раром. Лагерь в Менхехофе обслуживал американский военный аэродром. В одном из лагерных бараков была устроена церковь (священник о. Митрофан Зноско и регент Е.И.Евец), все необходимое для богослужения привезли из православного храма в французском Бресте.
- ⁵⁵ См. о нем в предисловии к публикации его заминок о Менхехофе (Болдырев, 1998, с. 110—111).
- ⁵⁶ Первый номер, тиражом 200 экз., на ротаторе, вышел 11.11.1945; первым главным редактором был Б.В.Серафимов (Прянишников). Начиная с 10.02.1946 газету начали выпускать типографским способом.
- ⁵⁷ Первый после перерыва номер газеты вышел 04.05.1947; лицензия на издание была получена на имя А.С.Светова (Парфенова), но уже с июля ответственным издателем «Посева» стал Владимир Горачек (ум. в 1981 г.).
- ⁵⁸ После отъезда генерала в Чили его возглавил Странкер.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 41—43, 48—50.
- ⁶⁰ Отчет-1, с. 170—177. Там же описывается, как офицеры советской репатриационной миссии просто-напросто изымали документы, удостоверяющие французское подданство.
- ⁶¹ Специализировался на эмиграции евреев (особенно религиозно ориентированных) в США, Францию и др. страны (Отчет-2, с. 53).
- ⁶² Штаб-квартира организации находилась в Мюнхене, на Герцог-Рудольфштрассе, 22. Ее руководителями были Н.Р.Зальтман и А.Н.Потапов (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19).
- ⁶³ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 149—150.
- ⁶⁴ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 151—152.
- ⁶⁵ Финансовая поддержка съезду, согласно Отчету-2, была получена от бывшего организатора скаутского движения в России О.Пантюхова и от бывшего организатора Русской фашистской партии А.Воняцкого. В годы войны, помимо РОВС, существовало также «Объединение русских воинских союзов» под руководством генерал-майора А.А. фон Лампе (см.: РГВА. Ф. 1341. Оп. 1к. Д. 3).
- ⁶⁶ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 54—66.
- ⁶⁷ Штаб-квартира находилась в Регенсбурге, возглавляли комитет видные ОУНовцы — Роман Ильницкий и бывший глава украинской фракции в польском Сейме Василий Мудрый. В начале 1947 г. Комитет был переименован в «Центральное украинское представительство в эмиграции».
- ⁶⁸ В Аугсбурге, по советским данным, базировались также организации «Украинский центр» и «Священное общество» (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 166).

⁶⁹ Со штаб-квартирой в Гамбурге (ГАРФ, Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 69).

⁷⁰ ГАРФ, Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 167.

⁷¹ Со штаб-квартирой в Детмольде: Веттерштрассе, 14. Во главе стояли латыши — И.Кундзиньш, А.Швабе, литовцы — П.Рудланскас, Л.Валсис, эстонцы — Пироя, Э.Улик.

⁷² Брюханов, 1958, с. 61—64. Спасительный от притязаний СССР билет УПА, согласно тому же источнику, стоил 50 марок. О торговле различными бланками, польскими, литовскими, эстонскими и пр. паспортами см. также выше в рассказе о кемптенской трагедии (самым «дорогим» в Кемптене считалось как раз литовское удостоверение — 100—150 марок). Кстати, стоимостное выражение имели и другие услуги, связанные с нуждами невожатых, например, перевод через границу между советской и западной зонами (Лугин, например, пишет о сумме в 1500 марок, которую с него запросили) и т.п.

⁷³ Васильев, 1978, с. 127.

⁷⁴ Отчет-1.

5.5. Из зоны в зону: репатриация от союзников

Выше уже говорилось о начале репатриации от союзников, о первом английском транспорте из Ливерпуля в Мурманск. Всего же из **Англии** в СССР было отправлено морским путем 8 партий репатриантов, причем последняя — в августе 1945 года, когда на британской земле оставалась лишь группка пленных со спорным гражданством и еще восьмеро «бежавших и непойманных», в том числе двое гражданских, или, как их презабавно окрестили англичане, «штатских дезертиров». Несмотря на все советские настояния, их не стали даже и разыскивать, — опасаясь огласки и судебного разбирательства¹. Вот если бы они еще не убежали, а только намеревались бы бежать, тогда, надо полагать, вопрос бы и не возник: с цивилизованным вероломством их просто бы сдали советской миссии как «предателей»². Полностью утаить от населения правду о насильственной репатриации не удалось: 12 июня 1945 года Палата Общин даже обсуждала это, включая и вопрос о дальнейшей судьбе репатриантов на родине³.

В ноябре 1945 года, когда в английских лагерях для военнопленных было выявлено еще 66 советских граждан, их отправили в СССР уже через голландский порт Остенде (но попытка советской миссии включить в эту группу еще дополнительно 60 польских украинцев — провалилась), а в декабре 1946 года — еще 14 выявленных человек. Всего в 1945—1946 гг. непосредственно из Англии было отправлено 32.295 русских военнопленных⁴.

Что касается **США**, то американцы включились в процесс репатриации со своей территории двумя месяцами позже англичан. В 1944 году вместе с другими немецкими военнопленными в США попали 3.978 советских граждан, из них — 3.851 чел. военнопленных и 127 гражданских лиц⁵. 28—29 декабря 1944 года из лагеря Кемп Руперт (штат Айдахо) в Портленд на Тихом океане американцы перевезли 1100 русских, неосторожно заявивших о своем советском гражданстве. Из них около 70 человек возвращаться решительно не хотели, но лишь троим из них — покушавшимся на самоубийство и только такой ценой — удалось отвести от себя эту чашу. Остальные отплыли в тот же день (29 декабря⁶), а к 1 февраля 1945 года уже около 2600 человек были отправлены в Петропавловск, откуда их доставили во Владивосток⁷. Всего к концу 1945 года было репатрировано 3950 чел.⁸

Позднее, в мае 1945 года, согласившись передать СССР группу из 118 военнопленных-власовцев⁹, прямо заявивших о нахождении под защитой Женевской конвенции, фактически присоединились к английской «трактовке» Ялтинских соглашений и американцы. Более четко американская позиция была обозначена в январе 1946 года¹⁰.

Сами же англичане отступили от своей трактовки только в середине 1946 года. В июне Англия официально объявила об окончании репатриации советских граждан со своей территории и закрыла соответ-

вующий отдел Военного министерства (одновременно поставив вопрос об отзыве из страны советского представителя полковника Клешканова, сумевшего тем не менее продержаться на своем месте еще два года).

С 1946 года с территории Англии или США репатриация в СССР — за неимением контингента — не производилась. Эвакуировав в 1946—1947 гг. к себе (и, отчасти, в Канаду) из Италии остатки польской армии Андерса (5 тыс. чел.) и 1-й Украинской дивизии СС «Галиция» (8 тыс. чел), английские власти только в феврале 1947 года согласились более не препятствовать добровольной репатриации одиночных граждан из числа западных украинцев и белорусов.

Казалось бы, Англия, США и Франция, связанные с СССР ялтинскими узами, и в подведомственных себе оккупационных зонах должны были бы вести политику, сходную с репатриацией из метрополий. Однако при всем сходстве исходных установок в вопросах репатриации, реальная политика администраций западных оккупационных зон — американской, английской и французской, — была достаточно индивидуальной. Если сравнивать американцев и англичан (а о репатриации непосредственно из Англии и США уже говорилось выше¹¹), например, то первые были определенно либеральнее политически и мягче практически. Именно в американские зоны (как в Германии, так и в Австрии), словно в спасительную гавань, стремились тысячи желающих уклониться от чести быть принудительно репатриированным в СССР, — и во многих случаях, действительно, находили там укрытие. В точной формулировке В.Якобмайера: *«Предубеждение против принудительной репатриации в американской зоне было сильнее и действеннее, нежели в британской»*¹².

Это имело и определенную поведенческую, точнее, человеческую проекцию. По свидетельству Н.Карпова, автора повести «Маленький остарбайтер», прожившего некоторое время и «под» американцами, и «под» англичанами, последние были подчеркнута корректны, но абсолютно холодны; смотрят — не видят, презируют. Американцы же держались совершенно иначе — дружелюбно, всегда на равных, всегда готовые поговорить, да и кормили гораздо лучше¹³.

Несколько особняком, как водится, стояла **Франция**, но ее собственное положение было достаточно двусмысленным, если вспомнить о коротающих в СССР плен эльзасцах и лотарингцах — военнопленных вермахта¹⁴. К тому же в первом послевоенном правительстве Франции до 1947 года участвовали и коммунисты. Тем не менее утверждения (В.Якобмайера, Н.Толстого и др.) такого свойства, что, заключив с СССР соглашение от 26 июня 1945 года, Франция заняла однозначно просоветскую позицию и с подконтрольной себе территории выдавала даже поляков и прибалтов, нуждается в критической проверке¹⁵. Его, в частности, оспаривал К.Айстерер, — по крайней мере, применительно к французской зоне в Австрии.

Нам, напротив, встретился документ, подтверждающий обвинения Якобмайера и Толстого. 21 августа 1945 года подполковник Пелик сообщал начальнику отдела военнопленных и перемещенных лиц при Советской части Союзнической Комиссии по Австрии полковнику Д.А.Филину:

«В зоне оккупации французов положение более удовлетворительное. Имеется лагерь для советских граждан в г. Ландек (72 км западнее Иннсбрука). Из лагеря отправлено 180 чел. и ожидают отправки на Родину в ближайшие дни еще 300 чел. Французское командование лояльно относится к нашим представителям, помогая в оповещении и сборе советских граждан, а также охотно идет на задержание и передачу нам антисоветских элементов.

Всего во французской зоне насчитывается до 5000 чел. из числа невозвращенцев — латышей, литовцев, эстонцев. Все они укрываются в лагерях УНРРА, представители которой заявили, что последние не подлежат репатриации в Советский Союз, якобы, потому что советское гражданство определяется для этих национальностей границами 1938 г. Капитаном Куликовым при помощи французской полиции задержаны антисоветские деятели, как Кричевский и др. И кроме того здесь еще скрываются такие антисоветчики как генерал Полозов, полковник Полтавец-Сотрапица, Атаман Терских Казачьих войск полковник Кулаков (все белоэмигранты). По словам капитана Куликова — французские власти дали согласие на их передачу нам»¹⁶.

«Приверженность» Франции принципам «Ялты», судя по всему, коррелирует с нахождением у власти первого кабинета Де Голля (то есть до начала 1946 года). Но позднее, без устали укоряя всех союзников за срыв ялтинских соглашений, никаких особых реверансов в сторону Франции советская сторона не делала¹⁷. Вот одна из типичных характеристик:

«Местные французские оккупационные власти, занимающиеся вопросами репатриации, внешне создают видимость, что они принимают все меры и делают все для ускорения репатриации перемещенных советских граждан, а на деле — своими действиями, — противоречат принятому Соглашению СМД от 28.04.1948 и тормозят репатриацию советских граждан на Родину»¹⁸.

Еще в сентябре 1944 года, как отмечалось в датированном 19 сентября отчете сотрудников советского торгпредства в Лондоне А.Синяка и М.Пашинина об их командировке в освобожденную часть Франции, большое количество советских граждан было собрано в американском лагере под Верденом. Кроме того, в конце 1944 года несколько тысяч перемещенных лиц были переданы англичанами и американцами под французский контроль. Перед капитуляцией в самой Франции находилось около 15 тыс. русских военнопленных в форме вермахта, которых, естественно, за военнопленных и держали²⁰.

Франция стала одной из немногих стран, откуда репатриация в СССР началась еще в 1944 году. До открытия здесь миссии по репатриации советских граждан этими вопросами занималась военная миссия СССР. Она, в частности, обращалась в региональные органы Франции (в частности, в комиссариаты Рени и Гренобль) с требованием обеспечить там перегруппировку лагерей²¹.

Непосредственно под Парижем, в местности Борегар-на-Сене-и-Уазе (Beauregard en Seine-et-Oise), в начале сентября 1944 года уже находилось более 400 советских граждан. 11 сентября этот лагерь посетил временный поверенный СССР во Франции Козырев²².

25 сентября в вербальной ноте Полномочного представительства СССР при Французском комитете национального освобождения был довольно жестко поставлен вопрос об урегулировании вопросов, связанных с пребыванием советских граждан на территории Франции и их репатриации. В частности, была опротестована (без указания конкретных фактов) практика рассмотрения «власовцев» как немецких военнопленных и отправки некоторых из советских граждан из Европы в Канаду и Африку²³. К этому времени французская сторона уже хорошо знала о трудной ситуации на севере Франции, в районе Аббевиля и Амьена, где было сосредоточено большое количество (по некоторым оценкам — до 150 тыс.) советских военнопленных, причем местные власти не были слишком озабочены поддержанием в лагере должного порядка, дисциплины и гигиены²⁴.

Содержание советской ноты обсуждалось на встречах советского посла во Франции Богомолова, Козырева и генерального консула СССР Гузовского с высшими французскими чиновниками, в частности, министром обороны генералом Жуином и министром иностранных дел Бидо (на встречах, кстати, не оставалась без внимания и проблема пребывания пленных французов в СССР)²⁵.

В ноте от 14 октября 1944 года, предназначенной для внутреннего пользования, признавалась справедливость части советских претензий и откровенно говорилось о тех трудностях, с которыми пришлось сталкиваться при решении задач, связанных с репатриацией советских граждан (например, забитость средиземноморских портов и «конкуренция» с так же ожидающими транспорта североафриканцами), в том числе и плохая координация деятельности различных ведомств, причастных к проблеме (министерств войны, обороны, по делам пленных и беженцев, внутренних дел и др.). Официальным же ответом французского МИДа стала вербальная нота от 16 октября, фиксирующая искренние сожаления французов по поводу отмеченных «аномалий» и их заверения в наилучших намерениях на будущее — на условиях взаимности и встречной готовности СССР решать вопросы с гражданами Франции²⁶.

21 октября состоялась встреча советского посла Богомолова с представителем МИД Франции Дежаном, посвященная, главным образом, вопросам репатриации. Богомолов сделал на ней два важных предло-

жения. Во-первых, он предложил Франции, — сославшись на отсутствие у СССР соответствующих судов, — взять на себя перевозку советских граждан из Марселя по морю до черноморских советских портов (или же до Бейрута); на обратном пути те же суда могли бы забирать домой французских граждан. Во-вторых, учитывая большое число потенциальных репатриантов, он предложил открыть во Франции и в СССР специализированные репатриационные миссии²⁷.

Официальное согласие французской стороны по второму вопросу было обозначено в ноте, врученной Богомолову 25 октября²⁸. Тогда же, в последней декаде октября, началась работа и над соглашением между СССР и Францией о взаимной репатриации²⁹, завершенная только летом следующего года.

Как таковая репатриационная миссия СССР во Франции открылась в ноябре 1944 года. Она располагалась в большом белом особняке на проспекте Бижо в Париже и насчитывала несколько десятков сотрудников, внешне вполне приветливых и любезных со своими посетителями³⁰.

О значении, которое ей придавалось, говорит уже то, кем был ее руководитель и вышеупомянутый назначенец. Это был весьма специфический сотрудник Ф.Голикова — кадровый разведчик генерал-майор Василий Михайлович Драгун³¹.

Назначенный 4 октября помощником Голикова, В.М.Драгун уже 18 октября вылетел с новой миссией из Москвы в Париж³². По сути Драгун стал резидентом и координатором советских репатриационных миссий в Западной Европе, — так сказать, ответственным за весь «западноевропейский театр». Вместе с ним в Париж 18 октября улетели генерал-майор А.И.Вихорев, подполковники Ф.И.Мельников и Перегудов, а также майор П.М.Ананьев, впоследствии ставшие во главе советских репатриационных миссий в Швейцарии, Бельгии, Голландии и на севере Франции.

На юге Франции, судя по некоторым сведениям, репатриацией занимались подполковники Новиков и Пастухов. Последний, в частности, совершил инспекционную поездку по сборным пунктам южных провинций, с 15 по 29 ноября 1944 года посетив лагеря в Сен-Жуанье в 28 км от Лиможа (с 672 советскими гражданами), Либуrne (с 834), Тюль (207) и Брив (со 147 чел.).

В какой-то момент В.М.Драгуну стало затруднительно совмещать свой всеевропейский масштаб с французским, и, начиная с весны 1945 года, он стал представителем Управления по делам репатриации во Франции (а фактически — во всей Европе). А во главе репатриационной миссии собственно во Франции в марте 1945 стал подполковник Березин, проработавший в этой должности около двух лет³³. Все это время (до начала 1947 года) группа по репатриации во Франции фактически занималась репатриацией и с территории Бельгии, Голландии, Люксембурга и Швейцарии, а также, частично, из западных зон Австрии (летом и, возможно, осенью 1945)³⁴. Разумеется,

«под опекой» французской миссии была и Северная Африка: так, в Марокко работала группа в составе капитана Шахова и старшего лейтенанта Шабанова³⁵.

С мая по декабрь 1947 года советскую репатриационную миссию во Франции возглавлял полковник Н.А.Филатов, затем (после инцидента в Борегаре — см. ниже) наступил длительный перерыв, а с января 1951 года, когда миссия «возродилась», ее главой был назначен подполковник Ключков³⁶.

Сеть из 135 сборных пунктов и лагерей советских граждан во Франции была, несомненно, самой внушительной в Европе (вне Германии)³⁷. Через них, по французским данным, было пропущено около 110 тыс. чел.³⁸, а по советским (по состоянию на 1 марта 1946 года) — 120.917 чел., из них 85.409 — военнопленных и 35.508 гражданских лиц (из них 17.463 мужчин, 15.984 женщины и 2.061 детей)³⁹.

3 декабря 1946 года — ввиду исчерпания лиц, претендующих на советское гражданство, — Франция объявила репатриацию советских граждан со своей территории законченной. Но фактически репатриация из самой Франции продолжалась до мая 1947 года и охватила в итоге 10.481 чел.

Тем не менее крупнейший советский сборный лагерь во Франции Борегар под Парижем (между Версалем и Ла-Сель-Сен-Клу) по-прежнему действовал, причем на правах экстерриториальности. Его администрация и даже охрана, как и в 1944 году, продолжали оставаться советскими. Офицеры НКВД заправляли там фактически бесконтрольно, иной раз не гнушаясь покушениями и похищениями, благо, в их фактическом распоряжении находился даже аэродром. 14 ноября 1947 года силами 2 тыс. французских полицейских, 150 офицеров безопасности и даже четырех танков была проведена внезапная проверка этого лагеря, по форме более всего напоминающая налет⁴⁰.

Поводом для операции стало заявление французского гражданина (эмигрировавшего из России во Францию в 1922 году) Дмитрия Спечинского от 9 октября, содержавшее протест против намерения его жены Софии Субботиной⁴¹ репатрироваться в СССР вместе с тремя детьми в возрасте от 7 до 10 лет, а ее результатом — их обнаружение в лагере Борегар (все трое, как и их мать, не были даже зарегистрированы в лагере). Кроме того, в лагере было обнаружено и незарегистрированное трофейное оружие.

После операции в Борегаре репатриационная группа полковника Филатова, по настоянию французского правительства, была отозвана из страны, а 24 активиста просоветского «Союза советских граждан» незамедлительно высланы в Восточную Германию⁴². Сам же лагерь, начиная с 1 декабря, был переведен под контроль французских властей.

17 ноября посол СССР во Франции Богомолов, а позднее и МИД СССР выступили с нотами протеста; 18 ноября с заявлением, в котором полицейская операция в Борегаре расценивалась как политиче-

ская провокация, а методы ее проведения назывались гестаповскими, выступила и французская компартия. В первой половине декабря из Москвы был выслан глава французской репатриационной миссии в СССР подполковник Маркье.

После отзыва советской репатриационной миссии объявившиеся репатрианты оформлялись частично через Посольство СССР, а частично через репатриационные миссии — сначала в американской, а потом во французской зонах Германии. Репатриационный лагерь в Борегааре, но уже под французским контролем, сохранялся до 1951 года. Но результаты репатриации за 1948—1951 гг. были, прямо скажем, не слишком впечатляющими — всего-навсего 218 чел. (без учета возвратившихся в 1946—1947 гг. из Франции в СССР старых русских эмигрантов⁴³).

По данным французской стороны, к ноябрю 1945 года из **французской оккупационной зоны в Германии** было репатрировано 101.459 советских граждан, а из 77.261 ДиПи, еще остававшихся в ней к этому времени, собственно советских граждан было 2.450 (кроме них еще отдельно выделялись советские украинцы — 313, эстонцы — 828, латыши — 1.334, литовцы — 1.594, балтийские фольксдойче — 1.834 чел.; большинство же составляли поляки — 59.957 чел.). К концу 1946 года число репатрированных советских граждан достигло 153 тыс. чел., а за остаток 1940-х оно возросло всего на 314 чел. — ровно на столько оно выросло и за 1951—1952 гг. По меньшей мере 458 советских граждан (не считая 737 эстонцев, 2605 латышей и 2.523 литовцев) избежали репатриации и эмигрировали, главным образом в США (155 чел.), Францию (142 чел.) и Канаду (87 чел.)⁴⁴.

При этом подчеркнем, что до самого конца 1948 года советской репатриационной миссии в собственном смысле слова во французской оккупационной зоне не было, и вся репатриация официально осуществлялась через миссию в американской зоне (во Франкфурте-на-Майне), которой и подчинялись те офицеры, что работали во французской зоне. Их штаб-квартира при этом первоначально базировалась в Раштагге⁴⁵ близ Баден-Бадена — города, где находилась «столица» французских оккупационных властей.

В конце февраля 1946 года ряд советских офицеров получил аккредитации для работы во французской зоне, в частности, капитан Раздобудко — для работы в Оберштайне (Рейнланд), капитан Смирнов — в Тюбингене, а младший лейтенант Коновалов — в Роттвайле (Вюртемберг)⁴⁶. 7 мая 1946 года, после ликвидации лагеря для перемещенных лиц в Штеттене; ранее размещавшиеся в нем советские граждане-репатрианты были переведены в Иммендинген⁴⁷.

8 февраля 1946 года генерал Давыдов, главный советский представитель по репатриации в американской и французской зонах,

обратился к французским оккупационным властям с требованием предоставить списки советских граждан, находящихся во французской оккупационной зоне. 13 февраля генерал Кениг распорядился такие списки составить и предоставить, в связи с чем генерал Лаффон вступил с ним в переписку относительно того, надо ли включать в них лиц, проживавших на территории довоенной Польши⁴⁸. Позднее (в июле) в число не подлежащих репатриации включили и советских женщин, вышедших замуж за военнослужащих союзных армий или намеревающихся это сделать.

12 марта уже подполковник Банцырев (заместитель Давыдова по французской зоне) обратился к директору департамента по делам ДиПи французской администрации полковнику Пуанья (Poignant) с требованием ускорить передачу советским властям 1.010 советских граждан, размещенных на частных квартирах⁴⁹.

В самом начале осени 1946 года репатриация советских граждан едва не была прекращена. 4 сентября генерал де Вильнев, начальник департамента иностранных миссий в администрации Кенига, вызвал к себе в Баден-Баден генерал-майора Давыдова и заявил, что в случае продолжения длящейся уже месяц блокады деятельности французской репатриационной миссии в советской оккупационной зоне, аналогичной блокаде будет подвергнута и советская миссия во французской зоне⁵⁰.

8 октября 1946 года в штаб-квартире ЮНРРА в Арользене по инициативе генерала Давыдова и под председательством генерала Гринслайда состоялось совещание по вопросам репатриации советских граждан с участием зональных руководителей ЮНРРА (во французской зоне — это генерал Ленклу). Давыдов указал, что принятые ЮНРРА по этому поводу резолюции 71, 92 и 99 не выполняются; со стороны ЮНРРА получают поддержку даже военные преступники, как это показал случай с Аранасевичем и Демидовым — двумя ныне арестованными работниками лагеря ЮНРРА в Бромбахе, в прошлом членами немецкой администрации в Белоруссии. Об этом же свидетельствует и выдача представителем ЮНРРА в Биберахе удостоверения безподданного царскому генералу Лампе. На совещании была достигнута принципиальная договоренность о перегруппировке ДиПи по национальностям⁵¹.

Двумя неделями позже (22 октября) у Ленклу в Хазлахе состоялось еще одно совещание, в котором с советской стороны, кроме Давыдова и Банцырева, участвовали также майор Акопов и мл. лейтенант Коновалов. Обсуждалось ускорение репатриации, для чего, в частности, Давыдов выдвинул ряд требований. Среди них — обеспечение беспрепятственного допуска советских офицеров в лагерь⁵², их участие в регистрации советских граждан во французской зоне, создание в месячный срок обособленного лагеря для советских граждан, содействие в осуществлении советской пропаганды в пользу репатриации и запрет устной и письменной антирепатриационной пропаганды в лагерях и др.

Наконец, 4 июня 1947 года — как бы по следам состоявшегося 23 апреля 1947 года в Москве совещания министров иностранных дел стран-союзников — прошло еще одно совещание с французской стороной. Кроме майора Рош в нем приняли участие генерал Басилов (помощник Голикова, прибывший из Москвы с инспекционными целями), генерал Верцинини (ответственный за репатриацию в Германии) и полковник Горелов (его представитель во французской зоне⁵³). Басилов изложил свое видение проблемы, впрочем, не отличавшееся новизной, если не считать ссылок на принятые в Москве решения по ускорению репатриации: рецепты, правда, предлагались старые — упростить доступ советских офицеров по репатриации в лагерь, разрешить и поддержать агитацию за репатриацию и одновременно запретить пропаганду против нее, осуществить на практике идею распределить ДиПи по национальностям. В более конкретном плане Басилов потребовал предоставить полные списки по лагерям в Бад-Кройцнахе, Вюрцхе и Тюбингене, ускорить отправку на родину из Иммендингена и аккредитовать капитана Савельева в Кобленце. Рош, в свою очередь, передал Горелову список из 18 репатриантов-добровольцев и посветовал на то, что советская сторона не принимает во внимание такие документы о беженцах, как Резолюция ООН от 12 февраля 1946 года и Резолюция сессии ЮНРРА в Женеве, принятая в присутствии генерала Давыдова⁵⁴.

5 июля 1947 года генерал-лейтенант Дратвин, заместитель маршала Соколовского по СВАГ, обратился к дивизионному генералу Нуаре (Noiret), заместителю Кенига, с письмом по поводу ликвидации ЮНРРА и передачи ею своих полномочий ИРО. В нем, в частности, содержалась просьба об аккредитации во французской зоне еще 10 советских офицеров по репатриации⁵⁵. А 12 ноября он же обратился уже непосредственно к Кенигу с просьбой санкционировать двухнедельный визит во французскую зону представительной (в составе 34 чел.) делегации советских общественных деятелей⁵⁶.

Итак, советская репатриационная миссия во французской зоне Германии открылась на рубеже 1948/1949 гг. — на три с лишним года позже своих «сестер» в Бизонии⁵⁷ и Австрии, открытых в интервале между августом и декабрем 1945 года. По всей вероятности, это было связано с серьезностью угрозы американцев закрыть миссию во Франкфурте-на-Майне, обслуживавшую до этого как американскую, так и французскую зоны. (С марта 1949 года ситуация опрокинулась, и уже американская — а с марта 1950 года и английская — зоны обслуживались сборными пунктами во французской зоне).

Первым официальным главой советской был полковник Р.С.Павлин. В ноябре 1949 года его сменил полковник В.И.Аргунов, возглавлявший до этого миссию во Франкфурте-на-Майне вплоть до ее закрытия⁵⁸. Штаб-квартира миссии находилась уже не в Рапштатте, а в Баден-Бадене; на территории зоны насчитывалось первоначально 28 сборных лагерей.

Впрочем, собственный «фронт работ» во французской зоне был на порядок ниже, чем в английской или в американской. Так, в ноябре 1947 года, по советским представлениям, во французской зоне находилось всего 9.650 чел., подлежащих репатриации в СССР⁵⁹.

Сборные пункты закрывались один за другим, их поначалу заменяли приемные комнаты (во Фрайбурге, Равенсбурге, Тюбингене), которые со временем тоже закрывались. Одним из последних, — если не последним, — сборных пунктов оставался пункт в Эммендингене. На весну или лето 1952 года был запланирован его перенос в Баден-Баден, но перенос все откладывался, хотя и поддержание имеющегося сборного пункта в постоянной готовности к приему репатриантов тоже прекратилось (например, осталось всего 8 пар постельного белья)⁶⁰.

Через пункт тем не менее проходило ежемесячно хотя и не много людей, но все же явно больше восьми: так, за май—июнь 1952 года было репатрировано 29 чел., из них — 6 чел. из французской зоны, 19 чел. из американской и 4 чел. из Франции⁶¹, а за июль—август 1952 года — 16 чел., из них из американской зоны — 6, из английской — 1, из французской — тоже 1, а из самой Франции — 8 чел.⁶²

Но было, в сущности, понятно, что звезда репатриации клонится к закату и здесь. Это окончательно прояснилось с подписанием 26 и 27 мая 1952 года в Бонне и Париже двух документов: во-первых, военного договора между правительствами США, Англии и Франции, с одной стороны, и западногерманским правительством К.Аденауэра, с другой, и договора о «Европейском оборонительном сообществе», во-вторых.

В июле 1952 года французские оккупационные власти запретили советским офицерам посещение ряда районов северной части зоны. А 24 октября 1952 года начальник отдела перемещенных лиц Куртуа известил Вершинина о том, что французская служба по перемещенным лицам с 1 ноября ликвидируется и что ему как главе советской миссии по репатриации надлежит далее держать связь с французскими властями через Советника при Верховном Комиссаре Французской Республики в Германии д-ра Мелона (или его заместителя — Клейна), причем французским офицером связи по репатриации в Баден-Бадене оставался бывший представитель в Эммендингене Труэн. Любопытно, что и к этому времени помещение для сборного пункта в Баден-Бадене все еще не было выделено и сделать это обещали только к 10 ноября 1952 года⁶³.

Но и это было обставлено традиционными условиями. В частности, возвратом всех эльзасцев и лотарингцев, а также вывозом останков французских летчиков из эскадрильи «Нормандия»⁶⁴.

Тем не менее подчеркнем: именно французская оккупационная зона дольше других служила каналом репатриации для желающих вернуться в СССР⁶⁵.

Английская зона оккупации в Германии в этом отношении занимала промежуточное положение между французской и американской. Советская репатриационная миссия в ней была открыта в августе 1945 года⁶⁶ и просуществовала до марта 1950 года; до осени 1946 года ее штаб-квартира размещалась в Бад-Ойзенхаузене, затем — в Бад-Зальцфлене. Разговоры о ее закрытии зазвучали еще в 1947 году, причем достаточно громко и из уст Главнокомандующего английскими войсками маршала Шолто Дугласа⁶⁷. В зоне первоначально находилось 20 сборных пунктов для советских репатриантов.

Если в 1945 — начале 1946 г. для посещения советскими офицерами того или иного лагеря ДиПи в английской оккупационной зоне было достаточно доказательства наличия там советских граждан и заблаговременности подачи заявки, то, начиная с весны 1946 года⁶⁸ и, в особенности, с 1947 года ситуация с посещениями заметно усложнилась. Англичане последовательно стремились к сокращению сети сборных пунктов и к уменьшению числа советских офицеров по репатриации⁶⁹.

Тем не менее от верности ялтинским соглашениям англичане не отказывались. Так, 6 августа 1946 года в штабы военных округов Северный Рейн, Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер и Хельмштедт-Гамбург за подписью заместителя Военного губернатора английской зоны генерал-майора Эрскина была разослана директива об обращении с советскими гражданами и содействии советским офицерам связи. Она предусматривала и принудительную репатриацию советских граждан, и свободный доступ голиковских миссионеров к тем, кого англичане в качестве советских граждан не признавали, и даже меры по борьбе с противорепатриационной агитацией. Ограничения заключались лишь в обязательности сопровождения советских офицеров британскими и в отказе в посещении излишне часто посещаемых лагерей или лагерей, где может возникнуть угроза порядку⁷⁰.

Но именно угроза скандалов и других эксцессов при посещении лагерей советскими офицерами, участвовавших во второй половине 1946 года, послужили предлогом к изданию в январе 1947 года так называемой «Зональной инструкции № 1», дававшей региональным уполномоченным по делам перемещенных лиц (в том числе и начальникам лагерей) право самостоятельно, исходя из интересов общественной безопасности, принимать решения об ограничении или даже временном прекращении допуска советских офицеров в лагерь. Прямого запрета на посещение лагерей эта инструкция как бы не содержала, но фактически такие посещения решительно ограничивала, а в советском понимании — начисто исключала. Ведь такого рода визит, согласно инструкции, мог состояться только в случае, если сами ДиПи этого письменно просят, кроме того, запрещалось и проведение коллективных бесед⁷¹.

В начале 1947 года маршал Соколовский, идя навстречу просьбе своего английского коллеги, приказал слить работающую в английской

зоне группу по репатриации (в составе 22 чел. и во главе с полковником Брюхановым) с группой офицеров связи, возглавляемой генерал-майором Коноваловым. Это вызвало резкий протест со стороны Управления по репатриации: генерал-лейтенант Голубев обратился с письмом к начальнику Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР маршалу Василевскому и заместителю министра иностранных дел СССР т. Вышинскому:

«Я прошу отменить это решение как неправильное, которое ведет фактически к ликвидации работы по репатриации советских граждан из английской зоны, где их насчитывается 102.483 чел. Этого решения англичане добивались в течение длительного времени и хотели тем самым вырвать признание завершения репатриации советских граждан из их зоны оккупации. Вслед за этим этот вопрос могут поставить американцы и французы.

Все наши группы, работающие за границей, утверждены Правительством и на их содержание утвержден соответствующий бюджет. Ответственность за репатриацию несет по закону Уполномоченный СМ СССР генерал-полковник т. ГОЛИКОВ и одностороннее решение Маршала т. СОКОЛОВСКОГО является неправильным, срывающим дело репатриации, которое играет только на руку англичанам»⁷².

Однако МИД заострять проблему не стал, и Голубеву было отвечено в том духе, что никаких корректив не последует и что в действительности ничего страшного не произошло⁷³. Попутно укажем на маленькое несоответствие мнений и цифр. В английском понимании из английской оккупационной зоны, с момента прекращения военных действий и по май 1948 года включительно, было репатриировано 992.751 чел., и в лагерях оставалось не сотни тысяч советских граждан, как утверждал Голубев, а просто сотни (в частности, в мае 1948 года — всего 263 чел)⁷⁴.

Англичанам было бы существенно труднее оспорить то утверждение советской стороны, что в английской зоне вовсю идет притирка системы лагерей ДиПи преимущественно к интересам эмиграции. Малые лагеря ликвидировались, записавшихся на эмиграцию свозили в отдельные лагеря, так же как и тех, кто работал в немецкой промышленности; отдельные лагеря создавались для нетрудоспособных и нетрудоспособных членов семей трудоспособных⁷⁵.

Соответственно, в деятельности ЮНРРА и ИРО сознательно и последовательно «сворачивался» репатриационный аспект. В конце апреля 1948 года по всем лагерям прошли массовые анти-репатриационные митинги и собрания прибалтов⁷⁶. В феврале 1948 года англичане «временно» запретили посещение лагерей в провинциях Северный Рейн-Вестфалия⁷⁷, с мая — в Нижней Саксонии, с августа — в остальных провинциях (Шлезвиг-Гольштейн и Гамбург). Но ни о ка-

кой «временности» запрета впоследствии не вспоминали, ссылаясь на наличие приемных комнат: зачем, мол, вам в лагерь ездить, ноги бить, если любое перемещенное лицо, желающее видеть советского офицера, сможет нанести визит в указанные дни?!..

Но большинство приемных комнат во всех провинциях было закрыто, а на предложения об открытии новых или об изменении дислокации существующих неизменно поступали отказы. Те же приемные комнаты, что еще продолжали работать (а по состоянию на сентябрь 1948 года в провинции Северный Рейн-Вестфалия, например, они размещались в Детмольде, Варендорфе и Хамборне), — были поставлены под гласное наблюдение полиции, обыскивающей и регистрировавшей посетителей. Давать объявления в широкой печати или по радио о работе приемных комнат также теперь не разрешалось⁷⁸. Согласно инструкции, введенной в сентябре 1948 года, работа приемных комнат допускалось не чаще 1 раза в неделю и при условии подачи точного плана посещений не позднее 25 числа предшествующего месяца⁷⁹. А с июня 1948 года советские сборные пункты в Любеке и Брауншвейге впервые столкнулись с трудностями не только в обеспечении транспортом, но и в снабжении продовольствием⁸⁰.

Тем не менее, по состоянию на начало октября 1948 года, в английской зоне работало 20 советских офицеров по репатриации и 12 нижних чинов. Крупнейшая и центральная миссия (в 9 чел.) находилась в Бад-Зальцфлене, далее следовали миссии в Любеке и Ганновере (по 6 чел.), в Брунсвике (5 чел.), Эммере в Руре (4 чел.) и Ольденбурге (2 чел.)⁸¹.

В августе 1948 года начальником советской репатриационной миссии в английской зоне назначили полковника Важенина. Тот, как человек новый, обратился к английским властям с просьбой смягчить известные ограничения на посещения лагерей для ДПГи, дабы он, Важенин, на деле познакомился с трудностями вверенного ему дела и, что называется, еще раз попытал счастья.

Генерал Робертсон «пошел навстречу» смельчаку, но наотрез отказался нести ответственность за возможные последствия⁸². Был даже разработан проект соответствующего документа, представляемого на подпись советскому представителю перед каждым посещением лагерей. Вот рамочный текст этого «Обязательства»:

«Я, ... (фамилия, должность), глава Советской Миссии по репатриации в г. Бад-Зальцфлене, желаю посетить лагерь для перемещенных лиц ... (лагерь, дата) и принимаю следующие условия для этого посещения:

1. Я не требую на время моего посещения какого бы то ни было эскорта для моей группы.

2. Я принимаю на себя полную ответственность за любые инциденты, которые могут произойти в результате этого посещения.

3. Я просил смягчить некоторые предосторожности и ограничения и понимаю, что это было сделано исключительно для удовлетворения моих просьб.

4. Я согласен с тем, что английские власти не будут в какой бы то ни было мере ответственны перед Советским Правительством за любые инциденты, которые могут вытекать из этого посещения.

5. Я согласен с тем, что моя группа будет состоять из 7 чел. (Я, офицер из штаба, офицер связи земли Северный Рейн-Вестфалия, 2 переводчика и 2 шофера).

6. Я соглашаюсь с тем, что ни один офицер не будет отлучаться во время посещения моей группы.

7. Я улаживаюсь в том, что мою группу встретят у входа в лагерь официальный представитель ПВДП и ИРО и проведут в выделенную для моей группы комнату, в которой будет происходить встреча с перемещенными лицами.

8. Я обязуюсь проводить эти встречи в присутствии представителей, указанных выше.

9. Я соглашаюсь с тем, что я не должен проводить встречи ни в каком другом месте, как в комнате, специально выделенной для этой цели.

10. Я улаживаюсь в том, что мою группу проведут прямо в комнату, о которой идет речь, и я не буду посещать других частей лагеря.

11. Я обязуюсь не давать непосредственно перемещенным лицам какой бы то ни было литературы, печатной или написанной от руки.

12. Я соглашаюсь с тем, что ни я, ни какой-либо другой офицер из моей группы не будет говорить с любым перемещенным лицом вне комнаты, специально выделенной для этой цели.

13. Я соглашаюсь с тем, что как только закончится встреча, моя группа идет прямо к машинам и покидает лагерь и его окрестности.

« _____ 1948 г.

Подпись

« _____ 1948 г.

Подпись засвидетельствована»⁸³

Это предложение вызвало праведный гнев Важенина, назвавшего требование англичан провокацией, преследующей цель «...снять с английских оккупационных властей ответственность за охрану аккредитованных представителей Советского Командования, что является грубым нарушением обычных международных норм»⁸⁴.

Не решаясь в открытую, как это сделали американцы, просто-напросто выставить советскую репатриационную миссию, англичане решили ударить по репатриаторам рублем, вернее, фунтом стерлингов. 10 марта 1949 года они впервые поставили перед советской стороной вопрос об оплате каждого человекодня пребывания советских офицеров по репатриации в их зоне⁸⁵.

Не получив, впрочем, ни копейки, англичане вынуждены были довольствоваться арестами 19 февраля⁸⁶ и 14 мая 1949 года на демаркационной линии крупных партий советской пропагандистской литературы. Но в конце мая, после резких демаршей советской стороны, некоторые ограничения на ввоз и распространение советской литературы были отменены.

Советская репатриационная миссия в английской оккупационной зоне прекратила существовать на год с небольшим позже, чем в американской, — 19 апреля 1950 года. Но, в отличие от американцев, англичане отказались признать за Советской Военной миссией в своей зоне право продолжать репатриационную деятельность. Более того, с июля 1952 года английские оккупационные власти ввели постоянную слежку за машинами Советской Военной миссии силами военной полиции и установили запрет на посещение офицерами миссии ряда районов, в том числе и тех, где находились лагеря для ДиПи (Аугсдорф, Кунгсхафен и др.)⁸⁷.

В американской оккупационной зоне советская репатриационная миссия была создана 13 августа 1945 года. Она размещалась во Франкфурте-на-Майне, ее численный состав достигал максимально 39 чел., а число сборных пунктов — 31.

Концентрация ДиПи в американской зоне в Германии, была наибольшей. Согласно западным источникам, не оперирующим, в отличие от советских, таким контингентом, как «подлежащие репатриации советские граждане», в декабре 1947 года в американской зоне находилось 481 тыс. ДиПи, из них 322,7 тыс. чел. проживали в лагерях, 14,5 тыс. служили в охране, а 143,8 тыс. жили вне лагерей⁸⁸.

Обстановка в американской зоне была ничуть не лучше, чем в английской, причем действия самих оккупационных властей отличались, пожалуй, наибольшим радикализмом. Так, 25 апреля и 22 июля 1946 года, — по-видимому, в связи с истечением сроков действия аккредитации, — были произведены фактические аресты среди персонала советских сборных пунктов в Манхайме и в Штуттгарте⁸⁹.

О степени соответствия советских «притязаний» на репатрируемых и американской реакции на них достаточно красноречиво говорят цифры из письма Губнера Давыдову от 21 ноября 1946 года. Проверка американцами советского списка на 7630 чел. дала такие результаты: проверено — 4890 чел., из них репатриировано — 4088 чел. (3947 насильственно и 141 добровольно), определено как не подлежащие репатриации — 1393 (вероятно, с учетом указанных 141 чел.); 53 чел. обнаружены и ожидают проверки, а 2546 чел. не обнаружены⁹⁰.

Тем не менее в начале января 1947 года в лагерях в американской зоне предполагалось провести очередной *скрининг* — сплошную проверку личных документов ДиПи с целью уточнить их окончательный выбор: хотят они репатриироваться или эмигрировать. Это решение, приведшее всех ДиПи в явно повышенное возбуждение, вскоре было отменено⁹¹.

16 апреля 1947 года на пресс-конференции во Франкфурте-на-Майне Командующий американскими войсками в Германии и военный губернатор генерал Л.Д.Клей выступил с заявлением об изменении американской политики в вопросах перемещенных лиц в американской

зоне. Начиная с 21 апреля, новые ДиПи в лагеря приниматься уже не будут, так как времени для принятия окончательного решения — репатриация, эмиграция или интеграция — у всех было достаточно⁹².

Приблизительно тогда же, в начале 1947 года, в Советскую миссию во Франкфурте-на-Майне поступил сигнал о готовящемся на нее нападении, запланированном на 23 февраля. Нападение не состоялось, но 3 и 11 марта 1947 года прошли голодовки и забастовки прибалтов, причём 11 марта было объявлено Днем протеста всех прибалтов⁹³.

Обжим советских репатриационных усилий все нарастал. 12 сентября 1947 года директивой директора по гражданским делам американской военной администрации в Германии бригадного генерала Томаса Г.Гаррольда был введен запрет на доставку ДиПи советскими офицерами писем из СССР⁹⁴, а 5 ноября 1947 года была издана инструкция, запрещающая оповещать проживающих на частных квартирах о времени и месте приема ДиПи советскими офицерами. 22 мая 1948 года заместитель Клея генерал Губнер фактически запретил ввоз, продажу и распространение в американской зоне советских газет, книг и журналов⁹⁵.

С 30 июня 1948 года американцы закрыли для посещения членам советской военной миссии пограничные пункты Фульда, Штейнад, Бал-Кисинген, Крайцбург, Кульмбах, Бамберг, Нюрнберг и Регенсбург⁹⁶. В июле — еще более ужесточили контроль за перепиской ДиПи с родственниками в СССР: отныне письма оттуда принимались только в посту г. Касселя и вручались адресатам под расписку после цензурной проверки органами контрразведки, на что требовалось не менее 2 недель. Также только после цензуры разрешалось и распространение советских изданий.

Но главным направлением «обжима» была, конечно же, советская миссия — вернее, ее численный состав. Так, 5 августа 1947 года генерал Губнер обратился к маршалу Соколовскому с требованием сократить офицерский состав советской репатриационной миссии до 4 чел. (при штате в 17 офицеров фактически в зоне находилось 9 чел.)⁹⁷. В декабре 1947 года из американской зоны оккупации были насильственно удалены три офицера миссии — подполковники Пилинь и Орешкин и майор Либерт, аккредитация которым не была продлена⁹⁸. 7 февраля 1948 года генерал Г.Гаррольд уведомил советского представителя Банцырева о том, что с 15 февраля два советских сборных пункта (из трех имеющихся в американской зоне) — Фульда и Штутгарт — будут закрыты и останется только один — Ансбах в Баварии. Высвобождающимся при этом сотрудникам разрешалось остаться во Франкфурте-на-Майне, Мюнхене или Штуттгарте (или же Людвигсбурге) при условии, что их общее количество не превысит максимума, установленного 5 августа 1947 года, то есть 4 чел.⁹⁹ 12 февраля 1948 года американцы потребовали в 3-дневный срок представить фамилии тех четырех советских офицеров, что будут оставлены в их зоне¹⁰⁰.

Впрочем, летом 1948 года американцы пошли и на серьезную уступку. 12 июня на встрече с Губнером генерал-майор Юркин поставил перед ним вопрос об аккредитации в американской зоне дополнительного количества офицеров по репатриации и обслуживающего персонала. Губнер неожиданно согласился на аккредитацию 12 офицеров и 20 чел. персонала, но только на 6 недель (по 31 июля включительно) с тем, чтобы ускорить репатриацию добровольцев. Начиная с 1 августа американцы будут считать, что все настоящие репатрианты-добровольцы американскую зону покинули. К этому сроку группа офицеров должна была быть вновь сокращена до четырех человек, о чем Бурашникову¹⁰¹ строго напомнили 21 и 23 июля, предупредив, что в противном случае будет применено их насильственное выдворение за пределы зоны. С целью не допустить этого и.о. политсоветника СВАГ М.Грибанов распорядился «лишних» офицеров отозвать¹⁰².

С 1 августа число офицеров советской репатриационной миссии было сокращено до 5, а в новой аккредитации дополнительной группы было категорически отказано¹⁰³. Три офицера из пяти находились во Франкфурте, в центральном и местном представительствах (вместе с ними работало еще 4 нижних чина или гражданских) и еще двое — в Нюрнберге (плюс один сержант и один гражданский); еще один человек (солдат) работал в миссии в Штуттгарте¹⁰⁴.

Все попытки заново ставить перед американцами этот вопрос успеха не имели. 5 ноября 1948 года, отвечая на запрос генерал-майора Юркина от 6 октября, бригадный генерал Г.Гаррольд не без язвительности указывал:

«...Ваша миссия была установлена в количестве 4-х офицеров. Это считается совершенно достаточным... Это подтверждается и тем фактом, что среднее число репатриантов в месяц в течение последнего года существенно не уменьшилось с уменьшением миссии по сравнению с тем, когда миссия была еще больше»¹⁰⁵.

В различных городах американской зоны — Бухене, Гейслингене, Кемптене, Нюртингене, Ханау, Касселе и др. — действовали приемные комнаты. Но на встречи, происходившие примерно раз в месяц, как правило, приходило по несколько человек или никто не приходил. В своем отчете за август Бурашников сетовал на резкое снижение числа обращений перемещенных лиц в приемные комнаты и в саму миссию. Сам он — и по-видимому справедливо — связывал это с большим антирепатриационным эффектом, которое произвела на колеблющихся ДиПи история с попыткой насильственного возвращения в СССР Оксаны Косьенкиной, работавшей учительницей школы для детей служащих советских учреждений в Нью-Йорке и решившей не возвращаться в СССР¹⁰⁶.

В первые месяцы 1949 года с новой силой разгорелась тяжба вокруг Советской репатриационной миссии во Франкфурте-на-Майне. И на сей раз уже не из-за ее численного состава, а из-за нее самой.

12 января 1949 года генерал Л.Д.Клей уведомил своего советского коллегу маршала Соколовского о прекращении, начиная с 1 марта 1949 года, аккредитации упомянутой миссии. К этой дате он просил отозвать ее личный состав и советовал возложить ее функции на Советскую Военную Миссию связи¹⁰⁷.

В подтверждение серьезности своих намерений, американцы, начиная с 6 февраля, ввели дополнительные ограничения на провоз из советской зоны в Бизонию различных грузов, в частности, литературы, бензина и автомобильных покрышек¹⁰⁸. Ограничение не распространялось на машины без груза, возвращающиеся в советскую зону, а также на легковые машины с личным багажом (во всех иных случаях следовало обращаться в американский Штаб). На вопрос нового начальника миссии полковника Аргунова, а не блокада ли это, отвечено было так: *«Когда советское командование объявило блокаду Берлина, на наш аналогичный вопрос оно ответило: доставляйте грузы, как хотите!»*¹⁰⁹.

24 февраля 1949 года МИД СССР направил посольствам США и Великобритании в Москве ноты в связи с препятствиями репатриации, чинимыми союзниками в их оккупационных зонах. Ультимативное требование прекратить с 1 марта 1949 года всякую деятельность советских миссий по репатриации в американских зонах в Германии и Австрии, предъявленное в январе, рассматривалось советской стороной как противоречащее Ялтинскому соглашению, не допускающему одностороннего прекращения его действия, решению СМВД от 23 апреля 1947 года и резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 и от 17 ноября 1947 г.¹¹⁰ В ноте, в частности, утверждалось, что в 1949 году в американской зоне все еще находилось 116 тыс. подлежащих репатриации, но до сих пор не репатриированных людей.

Тем не менее уже после этого, то есть буквально накануне истечения назначенного срока, заместитель Клея генерал Губнер вызвал к себе начальника Советской Военной миссии и еще раз предупредил о неизменности американского решения¹¹¹.

Непосредственно 1 марта никаких резких движений не предпринималось. 2 марта вокруг здания была выставлена охрана с приказом никого не впускать в здание и никого оттуда не выпускать. В самой миссии были отключены газ, электричество и телефон. Находящиеся в здании советские офицеры повторили свой отказ выехать из американской зоны до тех пор, пока на это не будет получено приказа от Советского правительства¹¹².

Напряжение спало лишь 3 марта, после того, как маршал Соколовский и политсоветник Семенов дали указание подполковнику Лазареву, начальнику Советской Военной миссии в американской зоне, заявить американскому командованию по поводу безобразного отношения к советской Миссии по репатриации и ее блокады самый решительный протест, а также объявить, что миссия по репатриации

получила приказ советского командования покинуть американскую зону оккупации Германии¹¹³. Для советской и немецкой прессы аналогичное заявление сделал сам Соколовский¹¹⁴.

Можно сказать, что советская репатриационная миссия во Франкфурте-на-Майне и сама подверглась процедуре... принудительной репатриации! (Что явилось бесспорным венцом антирепатриационных усилий американской стороны).

Интересно, что, как явствует из записи состоявшихся 30 сентября 1949 года неофициальных переговоров между представителями отдела репатриации СВАГ (полковником Распониным, майором Лерским и лейтенантом Званцем), с одной стороны, и американскими и французскими представителями ИРО (Фок, Джерл и Клейн), с другой, ИРО дистанцировалась от «инцидента 1—2 марта» и считала себя вне его; вместе с тем ее представители просили, чтобы при Советской Военной миссии было выделено 2 офицера для продолжения репатриации¹¹⁵.

Между тем после «инцидента 1—2 марта» вопросы репатриации и так перешли в ведение Советской Военной Миссии. Но та практически не имела возможности ими заниматься — как в силу отсутствия специалистов, так и в силу продолжающейся «корректной обструкции» со стороны американцев. Во всяком случае переписка по этому поводу между Главнокомандующим Группой советских войск в Германии генералом армии Чуйковым¹¹⁶ и Верховным Комиссаром в Германии США Джорджем Ж.Макклом велась и в 1951, и в 1952 гг.¹¹⁷

Что касается западных оккупационных зон Австрии, то, по состоянию на 1 марта 1946 года, в них насчитывалось около 53 тыс., а к началу 1952 года — всего около 19 тыс. чел., которых СССР упорно рассматривал как своих граждан¹¹⁸. Не стоит, однако, думать, что разница в 34 тыс. чел. означает число лиц, склоненных к репатриации в СССР: их подлинное количество не превысило и 2,5 тыс. чел., так что и в Австрии, как и в Германии, основной «улов» пришелся на 1945 год, главным образом на летние месяцы.

Первая группа по репатриации на территории Австрии была создана еще в феврале 1945 года — в качестве одной из шести таких групп Управления по репатриации, созданных для работы в такт с наступающей Красной Армией. В ее составе было всего 11 чел., начальником был подполковник Федоров¹¹⁹.

Столь громкая операция как репатриация казаков и кавказцев в конце мая и начале июня 1945 года, судя по всему, осуществлялась главным образом силами НКВД и СМЕРШ. Но если офицеры по репатриации и принимали в ней какое-то участие, то это были офицеры по репатриации из 3-го Украинского фронта маршала Толбухина¹²⁰.

7 июня 1945 года было создано Управление по репатриации при Военном Совете Центральной группы войск — со штаб-квартирой

в Вене¹²¹. По всей видимости, именно к этому времени относятся сведения о 50 сборных пунктах, открытых для обеспечения репатриации в западных зонах Австрии¹²².

В августе 1945 в Зальцбург, Клагенфурт и Инсбрук была направлена группа этого Управления, начальником которой был гвардии полковник Иконников¹²³. Помимо обеспечения репатриации из Австрии, в задачи группы входило также обеспечение транзита репатриантов из Франции, Швейцарии, южной Германии и даже, отчасти, юго-западной Чехословакии — через Австрию и Чехословакию — в СССР.

Однако уже с июля в Австрии действовали представители репатриационной миссии генерал-майора Драгуна, базировавшейся во Франции. В течение лета, таким образом, наблюдалась своеобразная «конкуренция» между «парижанами» и «венцами» — представителями Управления по репатриации Центральной группы войск.

Так, ко времени приезда в середине августа в Зальцбург (американская зона) группы полковника Иконникова, здесь уже с июля 1945 года было аккредитовано представительство Драгуна из 15 чел., во главе с двумя офицерами связи из бывших военнопленных — капитаном Комаровым и старшим лейтенантом Ушаковым. Эта группа в отчете подполковника В.П.Пелика охарактеризована как группа бездельников и «случайных людей из бывших военнопленных», месяцами занимающихся только самообслуживанием за счет американцев; напротив, деятельность группы майора Варгашесова (судя по всему, это группа при сборном пункте в Зальцбурге; в группе 10 чел., сам Варгашесов — тоже из военнопленных) оценивалась положительно. Впрочем, и состав группы Иконникова представляется Пелику не вполне удовлетворительным¹²⁴. Кроме того, как явствует из отчета, в Зальцбурге имелась и еще одна — законспирированная — группа по репатриации: это так называемые «люди Королева», отказавшиеся подчиняться Иконникову и «расконспирировавшие себя грубой, неумелой работой»¹²⁵.

Аналогичный параллелизм был и во французской зоне: «Париж» был представлен группой капитана Куликова¹²⁶ (затем — капитана Баранова), «Вена» — группой самого Пелика¹²⁷. В этой связи напрашивалось предложение сократить штат и ликвидировать параллелизм различных групп, подчинив их одному начальнику.

Элементы такого же параллелизма и конкуренции просматривались и в английской зоне, где, после майско-июньской выдачи казаков, долгое время не было вообще никого из советских офицеров по репатриации. А майор Турасов, 17 августа направленный в английскую зону Иконниковым, уже 19 августа был вынужден ее покинуть, поскольку его зальцбургской визы было недостаточно для пребывания в «английских» Каринтии и Штирии, где, кстати, ему и сопровождавшим его майору Лыскову и младшему лейтенанту Березину открылся солидный — на 10—12 тыс. чел. — объем работ¹²⁸. Видимо, этот же контингент подразумевался и подполковником Мартыно-

вым (по-видимому, из людей Драгуна), за неделю до этого (13 августа) даже заключившего в Леобене договор с англичанами на «поставку» 9—10 тыс. советских граждан на передаточный пункт в Нойнкирхен¹²⁹.

В конце 1945 года открылись отдельные советские репатриационные миссии во всех западных зонах Австрии — по образцу своих немецких «сестер»: сначала — в английской зоне (15 ноября, группа из 5 чел.), затем — во французской¹³⁰ и американской (соответственно, 1 и 17 декабря; группы из 10 чел.). Штаб-квартира миссии в английской зоне размещалась в отеле «Бауэр» в г. Брук, оперативные группы базировались, кроме Брука, еще в Граце и Клагенфурте.

Их работа была по-прежнему не лучшим образом скоординирована, а руководители менялись с поразительной частотой. Так, в английской и американской зонах насчитывалось пять, а во французской — семь(!) представителей, в чине от подполковника до полковника, последовательно сменявших друг друга — Б.А.Питерский, Р.Ф.Рогозинский, М.П.Минин, Ф.М.Галика, В.В.Митрофанов, И.Х.Венец и В.А.Осокин¹³¹).

13 мая 1947 года советское посольство во Франции обратилось во французский МИД с нотой, а 27 мая распространило коммюнике относительно препятствий, чинимых во французской оккупационной зоне в Австрии, репатриации на родину находящихся там (в частности, в лагерях Куфштайн и Ландек) 10—12 тыс. советских граждан, в том числе около 7 тыс. армян.

В ответной ноте от 4 июня французский МИД сообщал, что на самом деле там находится 4.947 украинцев польского происхождения, 1.244 выходца из балтийских стран и 296 беженцев из др. районов сегодняшнего СССР; выдвинутые же в начале года требования о выдаче 13 (по другим данным 20) перемещенных лиц как военных преступников поданы списком и обвинения не подкреплены советской стороной документально (кроме всего прочего это выходит за рамки компетенции репатриационных миссий).

В целом же советская репатриационная миссия в Иннсбруке под началом полковника Рогозинского, по сравнению с аналогичными миссиями в английской и американской зонах, находилась скорее в привилегированном положении: советские офицеры имели доступ в лагерь не только советских граждан, но и других национальностей, а об их посещениях ДиПи оповещались через радио и газеты; они свободно участвовали и в работе смешанных комиссий по определению гражданской принадлежности ДиПи. Общее число репатриированных, начиная с 10 июля 1945 года, советских граждан составило 7.504 чел., из них 6.300 из Форальберга и 1.204 из Тироля¹³².

Заккрытие советских репатриационных миссий в Австрии растянулось на больший срок: первой — в июне 1951 года — закрылась миссия в американской зоне, причем ее деятельность не была непрерывной, по крайней мере трижды она официально прерывалась¹³³.

Не по доброй воле, а по требованию английских властей съехала в агусте 1951 года репатриационная миссия и из английской зоны. Позже всех (в конце мая 1952 года) закрылась миссия во французской зоне.

Тем не менее именно во французских оккупационных зонах Германии и Австрии официальная репатриация продолжалась дольше всего. Так, согласно данным МВД Австрии на 1 сентября 1951 года, во французской зоне находилось 953 советских ДиПи, в т.ч. украинцев — 288, русских — 165, латышей — 163, литовцев — 141, эстонцев — 92 и прочих — 104. Из них 330 чел. известно советским офицерам по фамилии, в том числе 140 — в лагерях и 190 — на квартирах; беседами охвачено 230 чел., из них доброжелательно относятся к репатриации — 55 чел., враждебно — 133, еще 42 чел. *«сожительствоуют с иностранцами, от которых уже имеют детей»* (что, в интересующем их аспекте, означало примерно следующее: «относятся доброжелательно, но уезжать не хотят»)¹³⁴.

Несмотря на всю малочисленность репатриационных потоков из французских оккупационных зон на завершающем этапе репатриации (1946—1952 гг.), именно они, в противоположность американским и английским, были единственными, где число репатриантов превышало число зарегистрированных невозвращенцев (см. табл. 5.5.1). Да и по другим показателям эффективность репатриации советских граждан из французских оккупационных зон была достаточно высокой. На самом последнем этапе репатриации, когда советские миссии были последовательно закрыты в американской, а затем и в английской зонах в Германии (а также в самой Франции), значимость французской оккупационной зоны в Германии как основного «окна из Европы» резко возросла. То же, хотя и в меньшей степени, справедливо и для французской зоны в Австрии¹³⁵.

В целом же число невозвращенцев за 1946—1952 годы, хотя и сократилось, но явно не за счет репатриантов (см. табл. 5.5.1). Число перепатрировавшихся в каждой из союзнических зон по-прежнему в несколько раз опережало число репатрировавшихся.

Следует заметить, что закрытие советских репатриационных миссий в 1949—1951 гг. переживалось органами репатриации достаточно болезненно. Шел неустанный поиск иных механизмов и новых рычагов репатриации. Так, 5 апреля 1952 года генерал-полковник Смородинов (по-видимому, назначенный Уполномоченным по репатриации за год до упразднения этой должности) писал Вышинскому, в то время Министру иностранных дел СССР:

«Предпринятые попытки возложить функции по репатриации на Советские Военные Миссии в западных зонах Германии по линии СКК в Германии к успеху не привели, поскольку английские оккупационные

власти согласия на это не дали, а американские оккупационные власти, хотя первоначально и дали согласие, но затем его аннулировали (см. письма американцев от 5.7.51 и 25.2.52).

Дополнительная постановка вопроса по линии СКК о работе с перемещенными советскими гражданами силами офицеров Военной Миссии, по мнению Управления по репатриации, положительного результата не даст.

Поскольку работу с советскими перемещенными гражданами, проводившуюся в английской и американской зонах Германии, целесообразно продолжить, считаю необходимым предложить поставить вопрос по линии МИД СССР перед американскими и английскими властями о разрешении работниками СКК в Германии (отделение репатриации) периодически посещать американскую и английскую зоны Германии каждый раз не менее чем на 10 дней для бесед с перемещенными советскими гражданами, проживающими в их зонах.

Подобные выезды офицеров отдела репатриации Советской Части СКК по Австрии в английскую зону Австрии практикуются и безусловно себя оправдали»¹³⁶.

Таблица 5.5.1

**Распределение репатриантов и невозвращенцев
по западным зонам оккупации
(1946—1952; чел.)**

Зоны оккупации	Репатрировано за 1946—1952	Невозвращенцы	
		01.01.1946	01.01.1952
В с е г о	20.386	174.492	103.716
Германия	17.860	174.439	84.825
в т. ч.			
Английская	9.190	104.227	32.503
Американская	7.428	69.497	49.774
Французская	1.242	715	2.548
Австрия	2.526	53	18.891
в т. ч.			
Английская	1.082	16	5.345
Американская	1.159	25	10.094
Французская	286	12	3.452

Источники: Отчет-1, с. 225; Отчет-2, с. 3—4. 11/12.

В качестве иллюстрации правоты преемника Голикова приведем такой факт. 25 июня 1952 года начальник немецкой полиции 21-го района г. Франкфурт-на-Майне майор Бодивинг отдал приказ о порядке контроля над посетителями Советской Военной Миссии (начальник — полковник Лубягов). Согласно этому приказу, каждого посетителя миссии, за исключением постоянных сотрудников миссии, полиция должна была опрашивать и заполнять на них учетные карточки с указанием фамилии, имени и отчества, национальности, года и места рождения, подданства и характера обращения в миссию. Заполненные учетные карточки полицейская охрана передавала в полицейский участок. Надо ли говорить, что после этого посещаемость миссии не возросла?¹³⁷

Изложенный Смородиновым вахтово-командировочный метод был не единственным «поу-хау» Управления по репатриации.

В середине 1949 года, вскоре после выдворения советской миссии из Франкфурта-на-Майне, предложено было приспособить к братскому делу репатриации в СССР... польские консульства в западных зонах оккупации Германии! В письме Ф.Голикова в МИД от 2 июля 1949 года утверждалось, что в них обращаются многие советские граждане (в основном, прибалты), уклоняющихся от выезда в СССР, но желающие въехать в Польшу. Голиков просил МИД договориться с польским правительством о том, чтобы поляки не препятствовали въезду в Польшу таких людей, поскольку «...по прибытии этих лиц в Польшу советские органы репатриации смогут проводить среди них соответствующую работу по возвращению на Родину <sic! — П.П.>». Кроме того, при отсутствии наших представителей по репатриации в американской и явно ограниченном составе представителей в других зонах оккупации Германии, а также при усиленном вывозе советских граждан на работы в капиталистические страны, СССР, по мнению Голикова, было просто выгодно получить согласие поляков на въезд в Польшу советских граждан из этих зон¹³⁸.

Этот весьма специфический ход и образ голиковской мысли уже сам по себе выразителен и дает хорошее представление о возможном характере «соответствующей работы» по репатриации в еще одной оккупационной зоне Германии — в советской зоне! Ведь и здесь также — хотя и совсем не так же — действовали советские репатриационные органы!

Действовали, прямо скажем, по-хозяйски, опираясь на военных комендантов СВАГ в землях и городах. Так, в конце 1948 года Отдел по репатриации СВАГ использовал мероприятия по выдаче паспортов немецким гражданам из «своей» зоны для выявления и последующей репатриации уклоняющихся от нее советских граждан, в основном — немцев советского подданства¹³⁹. За 1-ю половину 1949 года, например, было выявлено 495 таких граждан¹⁴⁰. По состоянию на 1 июля 1949 года, в советской зоне оставалось чуть больше 2 тыс. чел. (из них 1.915 заня-

тых на работах, 46 состоящих в браке с немцами и 66 одиноких престарелых советских немцев — в сущности, нетранспортабельных)¹⁴¹.

Всех советских граждан, в том числе и тех, кто репатриировался из зон западных союзников, отправляли на родину через лагерь № 226 в Бранденбурге. Это, естественно, распространялось и на всех советских немцев, поголовно подлежащих отправке в отдаленные районы СССР на спецпоселение. В лагере № 226 из них формировались особые эшелоны, но формировались подолгу, в течение 2—3-х месяцев.

Однако столь длительное их содержание в лагере неминуемо и неблагоприятно влияло на остальных и не только не исключало возможности побега советских немцев в западные зоны оккупации Германии, но и провоцировало к этому других. Поскольку отправка этого контингента в Союз с обычными транспортами для репатриантов не разрешалась Контрольно-пропускной комиссией лагеря, находящейся в ведении МВД СССР, Голиков и Юркин добивались права отправлять их в лагерь № 312 в Гродно (то есть уже в пределы СССР) и уже там, а не в Бранденбурге формировать спецэшелоны¹⁴². В итоге междуведомственной переписки пришли к решению отправлять людей из Бранденбурга, но мелкими партиями, в 2—3 вагона¹⁴³.

Еще одна похожая проблема. С 1945 года в лагере № 226 функционировало так называемое «спецотделение» — или, попросту, тюрьма для содержания военных преступников¹⁴⁴, а также для фильтрации репатриированных. И хотя с 1947 года надобность в тюрьме при лагере репатриированных отпала, длившаяся около года переписка между местными органами репатриации и местными просто «органами» об ее закрытии никаких результатов не дала.

Вместе с тем тюрьма стала даже помехой репатриации, и это вынудило заместителя политсоветника СВАГ М.Г.Грибанова обратиться 10 марта 1948 года с письмом в МИД к А.А.Смирнову:

«Работники контрразведки, работающие при лагере 226, открыто производят аресты среди репатриированных. Часть из числа подвергавшихся аресту бежала из эшелонов по пути следования в СССР (свыше 20 за 2 года). Бежавшие выступают в английской зоне в лагере для перемещенных лиц с рассказами о тюрьме в лагере 226 и тем отрицательно влияют на репатриацию советских граждан.

*В связи с тем, что на месте разрешить вопрос об упразднении тюрьмы при лагере 226 не удается, прошу поставить этот вопрос перед МГБ»*¹⁴⁵.

Весьма основательно поработали органы репатриации в восточных зонах Германии и Австрии и в 1949 году¹⁴⁶. Во-первых, они проверили все кладбища с захоронениями советских граждан и по каждому кладбищу составили подробные акты. Во-вторых, отправили домой последние остатки гражданских лиц, чуть ли ни с самой Победы работавших в воинских частях по вольному найму. В третьих,

в ходе тщательной проверки картотек полицейских участков и детских домов выявили всех детей, находившихся на воспитании у немцев. В четвертых, в контакте с местными властями — выявили (хочется сказать: разоблачили) различные категории советских граждан — от вступивших в брак с местными жителями до перебежчиков, нелегально просочившихся с запада и по разным причинам укрывающихся от репатриации¹⁴⁷.

Особый интерес для них представляли немцы советского подданства, успевшие вклиниться в немецкую экономику — получить земельные наделы, ссуды на строительство домов, обзавестись постройками, скотом и, естественно, не рвавшиеся возвращаться в СССР (таких в конце 1949 г. насчитывалось 147 чел.).

Вр.и.о. Зам. Уполномоченного по репатриации полковник Филатов писал о них 2 декабря 1949 года И.о. Зав. 3-м Европейским Отделом МИД СССР М.Г.Грибанову:

«Имеются факты, когда при применении насильственной репатриации к вышеуказанному контингенту, последние бегут в западные зоны Германии, причем некоторая часть из них попадает там в лагерь для перемещенных лиц и ведет среди советских граждан пропаганду, направленную против возвращения на Родину. В силу этого указанные выше категории советских граждан в настоящее время взяты на особый учет и временно оставлены по месту жительства до особого распоряжения».

По мнению генерал-лейтенанта Дратвина, репатриация вышеуказанного контингента из советской зоны Германии была бы нецелесообразна¹⁴⁸.

И все-таки к началу 1950 года все восточные зоны от советских граждан были полностью «очищены»: в Восточной Австрии осталось всего-навсего 35 женщин, вступивших в брак с австрийцами и имеющими от них детей, а на территории ГДР — около 150 советских граждан, в том числе 61 женщина, вступившая в брак с гражданами ГДР и имеющими от них детей, и более 80 больных, престарелых и нетранспортабельных граждан (как правило, из советских немцев¹⁴⁹), а кроме того — несколько детей-сирот советского подданства, усыновленных немецким населением¹⁵⁰.

С этим «сухим остатком» от своих многолетних усилий голиковцы милостиво смирились: «нехай себе, сволочи, живут!..»

Примечания

¹ Как писал мидовский чиновник Дж.Голсуорси, «при расследовании сразу обнаружилось бы, на какой тонкий лед мы ступили...» Еще выразительней это сформулировал его коллега Патрик Дни, юриконсульт МИДа:

«Ради выполнения желаний советского правительства мы, с некоторым риском для самих себя, растянули наш закон до крайних пределов...» (Толстой, 1988, с. 115—119).

² Именно так поступили, по наводке того же П.Дина, с Федором Чернышуком и Александром Коркиным из лагеря в Бексхилле. Живший исподалеку англичанин, Билл Бэксхолл, с которым они познакомились и сдружились, направил в МВД запрос относительно их возможности получить английское гражданство, чем вызвал форменный переполох у законников вроде Дина. Немедленно их (и еще 39 отказников) перевели в другой лагерь, а 16.02.1945 обманом и силой доставили в ливерпульский порт, откуда репатриировали в Одессу, где, по некоторым сведениям, расстреляли прямо в порту, под грохот самолетов и лесопилки (Толстой, 1988, с. 136—141).

³ В начале июня русские эмигрантские организации направили президенту Трумэну несколько запросов аналогичного свойства. Поводом, возможно, послужила публикация в газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско) за 17.05.1945, в которой говорилось о казни 10 тыс. бывших военнопленных, высланных из Франции.

⁴ Толстой, 1988, с. 160. По советским же данным — 26.329 чел. (по состоянию на 01.03.1946). См.: Отчет-1, с. 82.

⁵ Отчет-1, с. 83.

⁶ По советским данным — 24.12.1944.

⁷ Толстой, 1988, с. 88—89 (со ссылкой на: Bethell, 1974, p. 27). Эти сроки расходятся с теми, что приводит В.Н.Земсков, согласно которому первый транспорт с 966 советскими гражданами отправился из США во Владивосток лишь 28.02.1945. В марте 1945 года, по его сведениям, в Одесский порт прибыли еще 9.617 репатриантов, в том числе 5.325 — из Англии, 1.652 — из Италии и 2.640 — из Египта. Освобожденные союзниками советские граждане, сообщает В.Н.Земсков, с нетерпением ожидая в транзитных лагерях отправки домой, стремились помочь родине, для чего дружно собирали валюту и ценности в фонд обороны. Так, в январе—марте 1945 г. только в лагере «Святого Андрея» (Италия) советские граждане собрали и передали представителям органов репатриации 206 тыс. лир; от находящихся во Франции депортированных советских граждан в фонд обороны СССР поступило 3.982.246 франков. Группа репатриантов транзитного лагеря Басра (район Персидского залива) собрала более 3 тыс. английских фунтов стерлингов, 15 тыс. франков, свыше 20 тыс. лир; а находившиеся в лагере Бендер-Шаха — 2.887 лир, 1 165 марок, 1.310 франков, 177 кун, 200 драхм, 200 бельгийских франков и 150 риалов (Земсков, 1990, с. 29). Восстанавливая попутно опущенную исследователем, но все же не лишнюю архивную ссылку (Отчет-1, л. 17), от себя заметим, что «механизм» этого сбора до очевидного прост и потому сомнителен.

⁸ См.: ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 265. Л. 321—322.

⁹ Эта группа была передана СМЕРШу в Германии 31.08.1945.

¹⁰ В инструктивном письме штаб-квартиры ЮСФЕТ AG 383.7 GEC-ACED от 04.01.1946, позднее неоднократно подтверждавшемся (см.: MAE/Colmar, ADM 105, ABM IV Ba). Насильственной выдате подлежали: плененные в немецкой форма; служившие в Красной армии после 22.06.1941 и пособники врага. Лица, не соответствующие этим критериям, хотя и не подлежали насильственной репатриации, но были обязаны встречаться с советскими представителями, агитировавшими их за репатриацию.

¹¹ В главе 5.1.

¹² Jacobmeyer, 1985, s. 134. Что, впрочем, не помешало им перекрыть с 01.12.1945 снабжение тем русским ДиПи, что проживали вне лагерей для советских граждан.

¹³ Устное сообщение 17.07.1995.

¹⁴ См. в главе 4.3.

¹⁵ По Якобмайеру, известен случай репатриации в Польшу в октябре 1945 эшелона с «фольксдейче», по поводу чего со стороны ЮНРРА был заявлен официальный протест (Jacobmeyer, 1985, s. 142—143). В 1950 г. в печати дебатировалась даже гипотеза о расстрелах ДиПи, происходивших летом 1945 г. в подвале советской репатриационной миссии в Штуттгартен-Цуффенгаузене (в то время во французской зоне). См., например: ОЛ. Еще одна Катень. Советская репатриационная миссия подозревается в массовом расстреле Ди-Пи // РМ. 23.06.1950.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 46—47.

¹⁷ См., например: Отчет-1, с. 164, 170—178 и мн. др.

¹⁸ Доклад полковника Горелова о работе во французской оккупационной зоне в июле—августе 1948 г. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 3).

¹⁹ Не забудем, что именно во Франции формировался и «Иностранный легион», вобравший в себя многих ДиПи. «Охота» за его членами велась не только на территории Франции, но и в Северной Африке.

²⁰ См.: Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.) // СИ. 1995. № 5. С. 4 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 16. Л. 12—13).

²¹ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 44—44об.

²² AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 4.

²³ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 6—8

²⁴ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 17—17об.

²⁵ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 27—28.

²⁶ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 36—43.

²⁷ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 45—48.

²⁸ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 60—61об.

²⁹ AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol 14, carton 473-3, f. 54—56об., 57—58, 72, 74. С французской стороны над проектом работал П.Шарпентье, временный поверенный по делам Франции в СССР.

³⁰ См. ее описание в: Зотов, 1957. Позднее, в частности, в 1946 г., миссия располагалась по адресу: 4, rue de General Appert.

³¹ См. о нем в гл. 4.1.

³² Спецсамолетом по маршруту через Баку, Бендер-Шах, Мальту и Марсель. См. в составленном Мельниковым альбоме материалов по репатриации советских граждан из зоны 21 группировки британских войск, дислоцированной на северо-западе Германии, в Дании и Бельгии. См.: ЦМБС, № 3/53490.

³³ В то же время есть данные и о том, что в марте 1946 г. во главе миссии находился полковник Колесов (см.: AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol., dossier 4, p. 38).

³⁴ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 7. С. 115.

³⁵ См.: AD-MAE, Z-Europe 1944—1960, URSS vol., dossier 4, p. 32—35.

³⁶ См.: Полян, 1996, с. 386.

³⁷ См. Приложение 18.

У.1. «Добро пожаловать!». Ворота одного из сборных пунктов в английской оккупационной зоне.
Кадр из фильма «На Родину» (ЦГАКФ, 1-9301)

V.2a. Въездные ворота в сборный пункт Боригар под Парижем
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 16, л. 1)

V.26. Общий вид сборного пункта Боригар
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 16, л. 2)

У.З. Подъём в 6-й роте. Боригар (Франция) (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 16, л. 4)

V.4a. Семейный барак в сборном лагере для репатриантов Куйза (Южная Франция) (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 43, л. 13)

V.4б. Женский барак в сборном лагере для репатриантов Куйза (Южная Франция) (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 43, л. 15)

V.5a. В сборном лагере для репатриантов Куйза (Южная Франция).
Начальник лагеря капитан Сесаде поздравляет репатриантов
с праздником 1 Мая (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 43, л. 8)

V.56. Первомайская демонстрация. Сборный лагерь для репатриантов Куйза
(Южная Франция) (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 43, л. 4)

V.6. Сборный лагерь для репатриантов Куйза (Южная Франция).
Зам. начальника лагеря по политической части политрук Лясковой
проводит политзанятия в Ленинской комнате лагеря (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, л. 43, л. 21)

V.7a, V.7б. За чтением книг и газет для репатриантов «Счастливый путь»
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, л. 62, л. 4)

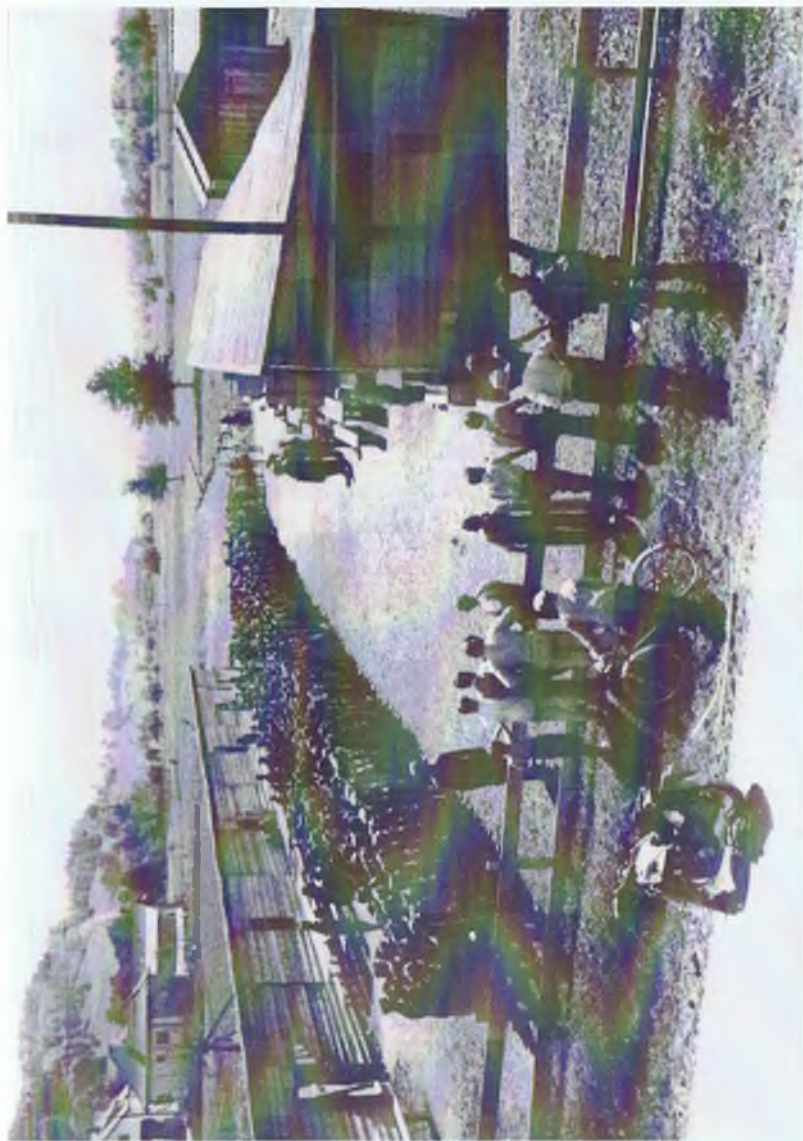
V.8. Паглядная агітацыя. Портреты «Отца Народов» і яго палководца (ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 62, л. 1)

V.9a, V.9b. Чарез сёбро-перасельніцкі пункт — на Родну
(ГАРФ, ф. 9526, оп. 4, д. 62, л. 15 і 19)

V.10. Вадуц, княжество Лихтенштейн.
Офицеры советской репатриационной миссии
в Швейцарии возле княжеского замка (LAL)

V.11. Военнослужащие 1-й Русской Национальной армии на плацу в лагере для интернированных в Лячншгёйне (LAL)

V.12a. Советские офицеры в Вадуце (LAL)

V.126. Выступление перед интернированными (LAL)

V.13a. Группа интернированных, намеренных репатрироваться.
Построение перед отправкой (Вадуц) (LAL)

V.13b. Вадуц. Через минуту автобусы тронутся (LAL)

V.14. Беседа с репатриантом. Взгляд на своего (LAL)

V.15. Взгляд на остающихся (LAL)

«Светский Комитет» в коммунистической зоне Германии призывает эмиграцию вернуться домой, обещая прощение и «хорошую жизнь». Мы знаем эту «хорошую жизнь» за проволокой! Никакая сила в мире не сможет помочь тем легковверным, за которыми опустится шлагбаум, отделяющий Свободный мир от громадного концентрационного лагеря! СССР. Будьте осторожны. Не поддавайтесь на удочку МВД!

V.16. Антирепатриационная открытка «Мы Вернулись Домой». Текст на обороте: «На правах рукописи. Не продается. Мюнхен» (пер. с нем.) (Из коллекции Г.Вербицкого. США)

- ³⁸ См.: Coudry G. Les camps soviétiques en France. Paris: Albin Michel, 1997. (Les "Russes" Livrés à Stalin en 1945). 340 p. (См. также рецензию на эту книгу: Росс Н. Советские лагеря во Франции // РМ. 1997. № 4170. 17—23 апреля. С. 16).
- ³⁹ Полян, 1996, с. 276.
- ⁴⁰ Сведения об инциденте почерпнуты, в основном, из газет "Le Monde" и "L'Humanité".
- ⁴¹ С.Субботина была дочерью адмирала Рождественского. Ее бракоразводный процесс с Д.Спечинским был назначен на 21.11.1947 в Ницце.
- ⁴² Среди них И.А.Кривошеин, А.П.Покотилов, А.А.Угримов, Н.С.Качва и др. Их арестовали 25.11.1947 и через западные оккупационные зоны доставили в советский репатриационный лагерь в Бранденбурге, откуда они были вывезены в СССР в феврале 1948 г. В конце апреля 1948 г. к ним, из Марселя, на пароходе «Россия», выехали члены их семей (см.: Кривошеина, 1984, с. 164—171). По всей видимости, в конце ноября 1947 г. в Марселе был арестован сотрудник Филатова и секретарь советского посольства Сорокин. 08—09.12.1947 Молотов направил Бидо сразу несколько нот (сообщено Л-ром Герсдорфом). В качестве ответной меры СССР выслал из страны начальника Французской миссии по репатриации полковника Маркье и его секретаря Дюма, несмотря на то, что Маркье публично выступил против политики своей страны в области репатриации. Перед отъездом Маркье и Дюма нанесли 10-минутный прощальный визит генерал-лейтенанту Голубеву (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 36. Л. 140).
- ⁴³ 14.06.1946 вышел Указ ПВС, амнистирующий «белую эмиграцию» за участие в контрреволюции и предоставляющий желающим советское гражданство (на указ, по некоторым данным, в одной только Франции откликнулось не менее 10 тыс. чел. (Кривошеин Н. Мой отец был «вольным каменщиком» // РМ. 1997. № 4184. 24—30 июля. С. 17). См. также постановления СМ СССР № 1919-809с от 29.08.1946 и № 2747-866с от 02.08.1947. В постановлениях говорится о контингенте в 2 тыс. чел. Фактически, по состоянию на 01.07.1947, из Франции было репатрировано 2.827 украинцев и белорусов, а также 267 русских эмигрантов (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 136).
- ⁴⁴ Haut Commissariat de la Republique Francaise en Allemagne. Service des Personnes Déplacées. Sept ans d'activité en faveur des personnes déplacées en zone française d'occupation. 1945—1952 (место и дата издания не указаны).
- ⁴⁵ Располагалась по адресу: Frembergenstrase, 39 (MAE/Colmar, 106, Ad IV Bc).
- ⁴⁶ Лаффон — Кенигу, 12.05.1945 (MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba).
- ⁴⁷ Иммендинген (не путать с Эмминдингеном близ Фрайбурга!) располагался в 10 км от Тютлингена (близ Дунауэшингена). Под советский сборный пункт там была выделена гостиница Фалькен, в которой разместились около сотни репатриантов. При этом между советскими представителями и командантом лагеря лейтенантом Леви установились хорошие взаимоотношения. (См. в письме Лаффона Кенигу от 12.05.1945 — MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba).
- ⁴⁸ MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba.
- ⁴⁹ MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba.
- ⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 141—149. Соответствующий приказ был Кенигом издан, но, насколько нам известно, так и не вступил в силу.
- ⁵¹ MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba.

- ⁵² Согласно обязательному для ЮНРРА распоряжению Кенига, полномочиями для сопровождения советских офицеров в лагерь обладали только директор отдела по репатриации французской оккупационной администрации майор Рош и лейтенант Сериз. Их «занятость» другими текущими обязанностями была хорошим предлогом для отказа в посещениях лагерей (см. запись этого совещания в Хазлахе от 22.10.1946 в: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 141—149).
- ⁵³ В марте 1947 г. Вершинин ставил вопрос об аккредитации в этом качестве подполковника Гаврилова. См.: Де Розен — Кенигу, 12.03.1947 (MAE/Colmar, 106, Ad IV Bc).
- ⁵⁴ Отчет о совещании, 06.06.1947 (MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba).
- ⁵⁵ MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba.
- ⁵⁶ Дратвин — Кенигу, 12.11.1947 (MAE/Colmar, 106, Ad IV Bc).
- ⁵⁷ Так называли, в том числе и в официальных документах, территорию английской и американской оккупационных зон. Процесс их консолидации вылился в образование Бизонии осенью 1946 г. В апреле 1948 г., после долгих колебаний и неудачных переговоров со СВАГ, к Бизонии присоединилась и французская оккупационная зона. Бизония, таким образом, стала **Тризонией** (интересно, что на раннем этапе переговоров между СССР, США и Англией о будущем Германии последнюю также иногда обозначали «Тризонией»).
- ⁵⁸ В ноябре 1951 г. миссию возглавил полковник М.И.Вершинин, до этого возглавлявший оперативное отделение Отдела по репатриации СВАГ.
- ⁵⁹ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 14. Л. 6—8. Старшими офицерами по репатриации с французской стороны были, последовательно, полковник Шерифи и майор де Розен.
- ⁶⁰ Справка по докладом наших представителей по репатриации советских граждан из западных зон оккупации Германии на период май—июнь 1952 г. Составил помощник начальника оперативного отдела полковник Кашин, 18.08.1952 (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52).
- ⁶¹ Справка по докладам наших представителей по репатриации советских граждан из западных зон оккупации Германии на период май—июнь 1952 г. Составил помощник начальника оперативного отдела полковник Кашин, 18.08.1952 (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52).
- ⁶² АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 60—62.
- ⁶³ Справка по французской оккупационной зоне в Германии за 09—10.1952 (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 127—130).
- ⁶⁴ Справка по французской оккупационной зоне в Германии за 07—08.1952 (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 60—62).
- ⁶⁵ Официальная дата ее закрытия не уточнена.
- ⁶⁶ Ее первым начальником был генерал-майор Скрынник.
- ⁶⁷ Ответное письмо маршала Соколовского датировано 30.08.1947. Спустя без малого три недели (19.09.1947) уже сам Соколовский обратился к Дугласу с протестом против препятствий, чинимых англичанами репатриации (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 274). Следует упомянуть, что первым в жанре подобного протеста — еще в конце марта 1946 года — успел выступить и маршал Жуков.
- ⁶⁸ Так, в 1946 г. серьезные инциденты — избиения советских представителей и нанесение им телесных повреждений — произошли 6 марта (в лагере Майнц-Каппель), 23 июля (в лагере Бурдорф) и 11 октября (в Бломберге),

а 20 марта англичане заявили о том, что в г. Оснабрюке повесившимся обнаружен лейтенант Белашов, причем советский прокурор Васильев дал заключение об убийстве, а не самоубийстве Белашова (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 65. 170—173).

⁶⁹ См., например: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 81, 79.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 36—37. Эта директива была воспринята советской стороной как уступка со стороны англичан и как важный их шаг навстречу советским требованиям, впрочем, не остановивший неуклонного падения числа репатририрующихся: в частности, в сентябре 1946 г. из английской зоны было репатрировано всего 224 чел. против 399 чел. в августе. (см. в докладе полковника Брюханова о работе возглавляемой им группы в сентябре 1946 г. — ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 63. Л. 12).

⁷¹ См. в письме начальника отдела перемещенных лиц при Политическом отделе Штаба Британской Контрольной Комиссии в Германии майора Л.Грея неустановленному лицу (предположительно, полковнику Писаренко) от 30.08.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 37. П. 161. Д. 17. Л. 204—208). См. также в письме Брюханова — бригадиру Нэптону от 04.04.1948, где упоминается аналогичная (или та же самая) инструкция № 58346 от 27.01.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 58—63).

⁷² Голубев — Вышинскому, 01.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 2).

⁷³ Смирнов — Голубеву, 31.01.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 3).

⁷⁴ Л.Грей — полковнику Писаренко, и.о. начальника отдела по репатриации при СВАГ, 15.07.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 202).

⁷⁵ Зам. политсоветника СВАГ М.Грибанов — Смирнову, 16.07.1948: О ходе репатриации советских граждан из английской зоны Германии (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 1). С этим были связаны и совещания комендантов и военных начальников всех лагерей в английской зоне, прошедшие весной 1948 года (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 151).

⁷⁶ [Полковник Филатов, 25.05.1948] «Справка о ходе репатриации советских граждан из английской зоны Германии за апрель 1948 года (по докладу нашего представителя в зоне подполковника Банцырева» (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 21).

⁷⁷ Согласно отчету майора Иотка, посещение лагерей советскими офицерами было фактически блокировано, начиная с февраля. ([Майор Иотка.] Докладная записка о работе по репатриации в Северо-Рейнской и Вестфальской Провинции за первое полугодие 1948 г. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 140—145).

⁷⁸ [Полковник Филатов.] Справка о ходе репатриации советских граждан из английской зоны оккупации Германии в августе 1948 года (по докладу полковника Важенина), 29.09.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 199—201).

⁷⁹ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 96—97.

⁸⁰ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 149—153.

⁸¹ MAE/Colmar, 106, Ad IV Bc.

⁸² АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 84, 88—89.

⁸³ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 7.

⁸⁴ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 8—9.

⁸⁵ Став источником большой дипломатической переписки, это требование, впрочем, ни к какому ущербу для советской казны не привело (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 25. Л. 1—15).

- ⁸⁶ Первый из инцидентов произошел в Эбисвальде (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 143).
- ⁸⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52.
- ⁸⁸ Jacobmeyer, 1985, s. 15, 257.
- ⁸⁹ См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 62—63.
- ⁹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 204—205.
- ⁹¹ Генерал Башилов — Смирнову, 01.03.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 7—8).
- ⁹² АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 55.
- ⁹³ АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 37, 41. По советским свидетельствам, голодовка прошла пассивно.
- ⁹⁴ См. директиву отдела ДигПи № СП/19312 от 12.09.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 161. Д. 16. Л. 47).
- ⁹⁵ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 16. Л. 166. А в середине сентября 1948 г. был введен запрет на распространение в лагерях для ДигПи советской литературы, выпущенной в советской зоне Германии; запрет был снят только после энергичного протеста со стороны начальника Советской миссии по репатриации подполковника Бурашникова (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 19).
- ⁹⁶ [Полковник Кашин, 18.08.1952.] Справка по докладам наших представителей по репатриации советских граждан из западных зон оккупации Германии на период май—июнь 1952 г. (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52). Предполагалось также закрыть пункты в Штуттгарте и Вейшаре, переместив содержащихся там военнопленных в Ансбах (МАЕ/Colmar, ADM 105, ABM IV Ba).
- ⁹⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 139.
- ⁹⁸ Официальный протест по поводу ареста и выдворения 22.11.1947 двух последних был направлен начальником штаба СВАГ генерал-лейтенантом Ллукъянченко на имя начальника штаба Американской Военной Администрации в Германии генерала Ч.К.Гейли (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 134).
- ⁹⁹ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 14. Л. 133.
- ¹⁰⁰ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 139.
- ¹⁰¹ Глава советской репатриационной миссии в американской зоне с июля по декабрь 1948 г.
- ¹⁰² Пом. уполномоченного СМ СССР по делам репатриации полковник Киселев — зам. министра иностранных дел СССР Ф.Т.Гусеву, 03.08.1948. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 22—24).
- ¹⁰³ [Полковник Филатов.] Справка о ходе репатриации советских граждан из американской зоны Германии за июль месяц 1948 г. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 23).
- ¹⁰⁴ МАЕ/Colmar, 106, Ad IV Bc.
- ¹⁰⁵ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 19. Л. 30—31.
- ¹⁰⁶ [Подполковник Бурашников.] Доклад о работе по репатриации советских граждан из американской зоны Германии за август месяц 1948 г. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 140—171). *Косыенкина, Оксана Степановна* (1897 — ?) — в надежде разыскать среди невозвращенцев своего единственного сына, без вести пропавшего в 1942 г. под Ленинградом, 29 июля (за 2 дня до отплытия парохода на родину) обратилась в редакцию газеты «Новое русское слово». На следующий день ее, а также семью М.И.Самарина (также посольского учителя), взяли к себе представители

Толстовского Фонда. 7 августа советскому генконсулу Я. Ломакину удалось увезти ее в здание консульства, из окна которого О.С. Косынкин выбросилась 11 августа. Ее жизнь удалось спасти, после чего Госдепартамент США предоставил ей и семье Самариных политическое убежище, одновременно выслав из страны посла СССР А. Панюшкина, Я. Ломакина и ряд др. сотрудников посольства (см.: Хечинов Ю. Александра Толстая и страна большевиков // РМ. 1997. № 4170. 17—23 апреля. С. 11).

¹⁰⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 15.

¹⁰⁸ Аналогичные ограничения на железнодорожные грузы были введены еще в сентябре 1948 г.

¹⁰⁹ Голубев — Смирнову, 28.02.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 3—4).

¹¹⁰ Сообщение ТАСС // Известия. 26.02.1949. См. также: Брюханов, 1958, с. 182.

¹¹¹ Голубев — Смирнову, 28.02.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 1).

¹¹² Сообщение ТАСС от 2.03.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 11).

¹¹³ Голубев — Смирнову, 03.02.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 6). Сопровождение миссии до советской зоны было поручено подполковнику Лазареву, встреча на демаркационной линии — генерал-майору Юркину. В то же время заместитель Главноначальствующего СВАГ генерал-лейтенант Дратвин заявил заместителю Клея генералу Хейсу о прекращении работы американских розыскных и раскопочных групп в советской зоне и о необходимости им покинуть пределы советской зоны не позднее 03.03.1949.

¹¹⁴ Известия. 04.03.1949.

¹¹⁵ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 27. Л. 33—40.

¹¹⁶ См. в главе 5.4.

¹¹⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 45—46.

¹¹⁸ См. табл. 5.5.1. При этом около половины «уловляемых» находились в американской зоне.

¹¹⁹ См. Приложение 16.

¹²⁰ См. в главе 5.3.

¹²¹ Его штаты, как и в Берлине, составляли 79 чел. Начальником этого Управления был генерал-майор Фомин, а начальником организационно-оперативного отдела этого Управления — подполковник Мошков (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 95—97). См. также: Eisterer, 1992, s. 130—134.

¹²² Позднее, при составлении в 1952 г. отчета о деятельности всего Управления по репатриации за 1946—1952 гг. в порядке самокритики будет упомянуто, что при согласованном отходе советских войск за демаркационную линию в Австрии, в районе Линца, на территории, перешедшей таким образом к американцам, осталось несколько тысяч советских граждан (Отчет-2, с. 157).

¹²³ Его заместителями, судя по всему, были полковник Питерский и подполковник Пелик (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 95—97).

¹²⁴ См., в частности, отчет подполковника Пелика о работе группы Иконникова в Зальцбурге в период 13—20.08.1945, представленный им 21.08.1945 начальнику отдела военнопленных и перемещенных лиц полковнику Филину (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 41—46). В отчете, кстати сказать, отмечается весьма прохладный прием со стороны американских властей (в частности, со стороны американского уполномоченного подполковника Стивенса).

- ¹³⁵ Ср., например, следующий эпизод: «*Майор Лысков (из людей Коралева) взял женщину из группы Комарова (сожительницу одного из работников Комарова) и направил в лагерь Пари с заданием. Последняя была немедленно раскрыта, ибо о ней давно уже было известно в Париже... Среди невозвращенцев сразу же распространился слух, что в г. Зальцбург приехала группа чекистов и разместились на сборном пункте советских граждан. В следующие ближайшие дни приток людей на сборный пункт прекратился, покуда мы не выехали на другую квартиру»* (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 45).
- ¹³⁶ В нее входили также лейтенант Шустенко (из военнопленных) и еще 8 чел. обслуживающего персонала (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 44—46).
- ¹³⁷ Eisterer, 1992, s. 132.
- ¹³⁸ Турасов — Иконникову, 21.08.1945 (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 80—82).
- ¹³⁹ Филин — Желтову, 14.09.1945 (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 70). Этот «договор», кстати сказать, вызвал сильный гнев гвардии полковника Иконникова, которого о нем даже не предупредили. См.: Иконников — Фомину, 26.08.1945 (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 79).
- ¹⁴⁰ Адрес представительства: г. Иннсбрук, Херренгассе, 1. По французским представлениям, репатриация завершилась уже в сентябре 1945 года с отправкой последних советских граждан из лагеря Ландек (Eisterer, 1992, s. 130—141).
- ¹⁴¹ См. Приложение 16.
- ¹⁴² См. обмен нотами в «Notes documentation et études № 695 (Textes Diplomatiques. — XXXI)» от 14.08.1947, а также циркуляр французского МИД № 120, Париж, 4.06.1947 (MAE/Colmar, ADM-105, ABM IV Ba).
- ¹⁴³ За 1946—1951 гг. миссия допускалась на территорию зоны четырежды — в периоды с 05.01.—02.04.1946, 14.01.—15.05.1947, 07<?>.02.—07.03.1948 и 05.1948—09.06.1951 (с аккредитацией сотрудников миссии каждые 45 дней); всякий раз после этого она грубо удалялась (ГАРФ, Ф. 9526. Оп. 1. Д. 7. С. 20).
- ¹⁴⁴ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 4—5.
- ¹⁴⁵ Поскольку, на советский взгляд, союзники и в Австрии всячески затягивали и срывали решение проблемы ДиПи, в апреле 1948 года СССР поставил вопрос о передаче всех функций по перемещенным лицам непосредственно Австрийскому правительству. Это предложение, однако, на Исполкоме Союзнической Комиссии 23.04.1948 года было отвергнуто (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 54—57).
- ¹⁴⁶ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 54, 69. В ответе от 17.04.1952 Вышинский указывал, что для этого нужно разрешение СМ, поскольку именно СМ постановил 08.02.1951 возложить эти функции на Военные миссии.
- ¹⁴⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 45—52.
- ¹⁴⁸ Голунский, Кирсанов и Ильичев — Вышинскому (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 25. Л. 86).
- ¹⁴⁹ Голубев — Вышинскому, 20.12.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 90).
- ¹⁴⁰ К концу года их число достигло 885 чел., что в 2 с лишним раза меньше результата за 1948 год — 2159 чел. (ГАРФ, Ф. 7317. Оп. 20. Д. 5. Л. 68).
- ¹⁴¹ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 26. Л. 1—17.
- ¹⁴² Заместитель политсоветника СВАГ В. Разин и начальник Консульского отдела СВАГ С. Сосновский — Миронову (МИД), 26.05.1949. (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 25. Л. 75).

¹⁴³ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 25. Л. 76—77.

¹⁴⁴ Интересно, что только американцы и только на протяжении 1946 года передали СССР около 4 тыс. военных преступников, тогда как из других зон Германии не было передано ни одного.

¹⁴⁵ Вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения или переноса в другое место тюрьмы при лагере № 226 был поставлен зам.министра иностранных дел Вышинским перед министром МГБ Абакумовым (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 14. Л. 155, 158).

¹⁴⁶ В соответствии с апрельской Директивой штаба СВАГ № 6/0307.

¹⁴⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 30. Л. 12.

¹⁴⁸ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 30. Л. 12.

¹⁴⁹ Впервые вопрос об этих людях, репатриация которых, по-видимому, была для СССР не столь уж желанной, возник по ходу упомянутой выше кампании в конце 1948 г. по выдаче паспортов гражданам будущей ГДР, когда консульский отдел СВАГ отказывал им даже во временных визах для проживания в «советской зоне», без которых сама страна проживания не выдавала им паспорта (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 90).

¹⁵⁰ Отчет-2, с. 61—63.

5.6. От фьордов до лагун: репатриация из других стран

По существу насильственная репатриация того типа, о которой идет речь (с «прихватыванием» старых эмигрантов, особенно в таких странах, как Чехословакия или Болгария, где российские колонии были весьма значительны¹), охватила собой не только германскую или австрийскую территорию, подконтрольную западным союзникам, как и территорию самих стран-победительниц, но и почти всю остальную Европу. Бывших советских граждан, как военнопленных, так и гражданских, можно было встретить и в Америке, и в Африке, но все же большинство из них пределов Европы не покидало². Распределение советских граждан по отдельным странам, по состоянию на 1.03.1946, было таково (чел.): Германия — 3.338.583, Австрия — 379.929, Франция — 135.456, Румыния — 133.734, Финляндия — 132.866, Норвегия — 92.820, Италия — 92.252, Польша — 87.850, Чехословакия — 40.655, Бельгия — 34.056, Югославия — 26.052, Дания — 11.715, Голландия — 6.934, Болгария — 3.682, Венгрия — 3.259, Греция — 1.402 и Албания — 824 чел.³

Пусть не окончательные, но зато гораздо более детальные данные о репатриации советских граждан — с разбивкой на военнопленных и гражданских лиц (с разбивкой, в свою очередь, на мужчин, женщин и детей) — содержит в себе таблица 5.6.⁴

Разумеется, ход репатриации в различных странах был нетождественным.

Все более или менее ясно с подконтрольными СССР странами **Восточной Европы**. К моменту окончания массовой репатриации здесь все еще находилось значительное число советских граждан, подлежащих репатриации. Так, к 1 января 1952 года в Румынии их оставалось всего 1.608 чел., в Польше — 1.066 чел., в Чехословакии — 594 чел. Понятно, что вся разница уткла не в Новый Свет! И, по всей видимости, в течение 1946 года⁵, поскольку за 1947—1951 гг. из Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии вместе взятых было репатриировано всего 18.806 чел.! Интересно, что на территории этих стран насчитывалось 7.973 советских граждан, вступивших в брак с иностранными гражданами (из них почти 3/4 пришлось на браки с поляками, и именно в Польше — из перечисленных стран — их правовой статус был даже ниже, чем в других странах). Две группы репатриантов из Восточной Европы были удостоены отдельных постановлений Совмина — 6 тыс. граждан русской и украинской национальности из Румынии⁶ и 1.271 крестьян русского происхождения, проживавших в Болгарии⁷.

Но к ялтинским соглашениям вынуждены были так или иначе «присоединиться» и многие западные страны⁸. Впрочем, на них (за вычетом Англии, Франции и США) пришлось не более 1/10 потока репатриантов с Запада.

О репатриации из Финляндии, где она началась раньше всего — еще в ноябре 1944 года, мы уже писали⁹. Отметим только, что и там СССР заполучил по ее ходу немало старых русских эмигрантов, например, генерала Добровольского или Степана Петриченко, руководившего в 1921 году Кронштадтским восстанием¹⁰.

Таблица 5.6.1.

Репатриация граждан СССР
(по странам, на 01.03.1946; чел. / %)

Страна	Всего	В том числе:		Состав гражданских		
		Военно- пленные	Граждан- ские	Мужчины	Женщины	Дети
Германия	2.995.312 100,0	1.064.039 35,5	1.931.273 64,5	891.178	840.178	199.917
Австрия	326.929 100,0	84.820 25,9	242.109 70,1	55.979	121.050	65.080
Румыния	133.552 100,0	28.799 21,6	104.753 78,4	41.853	34.850	65.080
Франция	120.917 100,0	85.409 70,6	35.508 29,4	17.463	15.984	2.061
Финляндия	101.184 100,0	42.778 42,3	58.406 57,7	7.328	29.180	21.898
Польша	87.850 100,0	9.950 11,3	77.900 88,7	12.060	34.860	30.980
Норвегия	84.775 100,0	77.812 91,8	6.963 8,2	5.268	1.306	809
Италия	53.240 100,0	44.205 83,0	9.035 27,0	8.472	483	80
Чехосло- вакия	40.655 100,0	6.423 15,8	34.232 74,2	8.086	16.684	9.462
Англия	26.329 100,0	21.900 83,1	4.429 26,9	4.346	37	46

Страна	Всего	В том числе:		Состав гражданских		
		Военнопленные	Гражданские	Мужчины	Женщины	Дети
Югославия	25.378 100,0	11.370 44,8	14.368 55,2	6.842	6.580	946
Бельгия	12.344 100,0	7.352 59,6	4.992 40,4	1.561	3.032	399
Швейцария	9.807 100,0	6.060 61,8	3.747 28,2	1.710	1.841	196
Дания	7.570 100,0	4.635 61,2	2.935 28,8	1.660	980	295
США	3.950 100,0	3.823 96,8	127 3,2	127	—	—
Болгария	3.682 100,0	643 17,5	3.039 82,5	1.102	1.046	891
Венгрия	3.259 100,0	698 21,4	2.561 79,6	456	1.280	825
Швеция	3.208 100,0	2.156 67,2	1.052 32,8	715	261	76
Греция	1.402 100,0	1.288 91,9	114 8,1	46	53	15
Албания	805 100,0	805 100,0	— 100,0	—	—	—
Голландия	234 100,0	74 31,6	160 68,4	50	104	6
Нет данных	59.769 100,0	6.506 10,9	53.263 89,1	16.151	28.330	8.782
Итого	4.102.511 100,0	1.511.545 36,8	2.590.966 63,2	1.082.453	1.138.119	370.394

Источник: Земсков-1995, с. 11, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175. В таблице не учтены 96.977 репатриантов, большинство из которых находились в СПП за границей.

В других скандинавских странах события развивались так.

В Норвегии окончание войны застало 84,8 тыс. советских граждан, 92 % из которых составляли военнопленные. Из них 65 тыс. чел. переправили — главным образом через Швецию — на поездах¹¹,

а 19 (по советским данным — 15) тыс. чел. — морем, из Тромсе и других портов в Мурманск. Репатриация была завершена к концу июля 1945 года.

В Швеции¹², где еще после советской аннексии прибалтийских государств в 1940 году сосредоточилась заметная часть политических эмигрантов из этих стран, события развивалась иначе. В этой стране, по советским данным, находилось 32.218 граждан СССР, в том числе 2.158 — бывших военнопленных и 30 тыс. гражданских лиц. За без малого год (с 21 марта 1945 по 1 марта 1946 г.) было репатриировано только 3.219 чел., в том числе все 2.158 бывших военнопленных (100 %) и всего лишь 1.061 чел. (3,5 %) гражданских¹³. Отказав СССР в претензиях на экстрадицию 36 тысяч гражданских беженцев из Прибалтики (из них большинство составляли эстонцы и эстонские шведы), шведское социал-демократическое правительство вместе с тем согласилось выдать 167 прибалтов, дезертировавших — вместе с другими немецкими военнослужащими — в Швецию с восточного фронта¹⁴. Это решение было предано гласности и буквально раскололо страну. Несмотря на все протесты, 166 человек все-таки были выданы 23 января 1946 года. Тот же, кого недосчитались, — латышский лейтенант Петерис Вабелис, — написал за неделю до самоубийства в письме другу:

«...Я многое повидал и в Латвии, и в Европе. Я видел страны, где существует рабство, и страны, которые открыто поставляют туда рабов»¹⁵.

Дания в репатриационном отношении поначалу «обслуживалась» из английской оккупационной зоны в Германии. Согласно отчету полковника Фролова от 12 января 1946 года, 7.570 чел. из 11.715 чел., выявленных на ее территории и подлежащих репатриации советских граждан, уже было отправлено на родину (еще 91 чел. либо умерли, либо находились на сборных пунктах или в госпиталях под контролем советских офицеров). Из оставшихся 4.052 чел., подконтрольных англичанам, — 3.895, или более 96 %, составляли прибалты, размещенные в 16 лагерях. В декабре 1945 года в этих лагерях побывали советские офицеры, собрав жатву в виде 72 заявлений на репатриацию¹⁶.

Репатриационные отношения с Бельгией регулировались особым соглашением о взаимной репатриации освобожденных граждан от 13 марта 1945 года. До весны 1946 года было репатриировано 12,3 тыс. советских граждан. То обстоятельство, что между СССР и Бельгией существовал договор от 13 марта 1945 года, аналогичный Ялтинскому¹⁷, не помешало значительному числу лиц, на репатриацию которых СССР претендовал, эмигрировать в Бельгию, главным образом, для работы на угольных шахтах¹⁸.

Специальное постановление или иной документ, фиксирующий начало деятельности советской репатриационной миссии в Голландии

пока не выявлен, но достоверно известно, что уже в мае 1945 года она действовала¹⁹; тогда даже проводились форменные облавы на русских, жертвой которой едва не стал бывший военнопленный Г.Г.Бауман. Вскоре после этого он стал работать переводчиком на сборном пункте для советских граждан в Тилбурге (позднее пункт был переведен в г. Бреда, а оттуда в Гаагу). В Голландии неожиданно массово и остро встал «женский вопрос»: многие остошки работали в Голландии или бежали сюда из Германии вместе с голландцами, с которыми там работали и за которых вышли замуж или вот-вот собирались это сделать. Тем самым, став полноправными гражданами нидерландской монархии, они враз становились практически недоступными для советской репатриационной миссии, к неописуемому ее неудовольствию.

Непростыми были отношения советских органов репатриации и с правительствами **Швейцарии** и **Лихтенштейна**. В военные годы сюда, но не как на курорт, а как на спасительный остров, устремились десятки и сотни тысяч²⁰ ищущих убежища, в том числе беглых военнопленных — англичан, югославов, итальянцев, поляков, русских. До июля 1942 года советским гражданам, бежавшим в Швейцарию, убежище не предоставлялось, самих их скорее всего возвращали в страну, с чьей территории они бежали. Позднее практика несколько изменилась: во всяком случае в октябре 1943 г. в Швейцарии было 184, а в октябре 1944 г. — 820 советских интернированных (их подавляющее большинство репатриировалось в начале 1945 г. через французскую границу)²¹.

К концу войны число иностранцев-беженцев из Германии резко возросло. В двух десятиках швейцарских лагерей для интернированных накопилось не менее 53 тыс. чел., в том числе около 10,6 тыс. советских граждан²².

Задача их репатриации в СССР осложнялась тем, что с 1918 года СССР и Швейцария не имели дипломатических отношений. В лагерях же время от времени возникали чрезвычайные ситуации, в том числе — с человеческими жертвами (от рук комендантов лагерей и местных жителей за 1944—1945 гг. погибло в общей сложности 5 чел.). Наиболее известное происшествие случилось 22 февраля 1944 года, когда некто Беген, комендант лагеря Ваувилермос, спустил на интернированных собак и открыл по ним беспорядочную стрельбу, убив одного и ранив восьмерых. Об этом рассказывалось в «Известиях» (за 15 мая 1945 года), в анонимной статье «Трагическая гибель в Швейцарии красноармейца Михаила Кондратьева». В статье рисовались весьма суровые условия существования, эксплуатации и дискриминации советских интернированных (им были запрещены переписка, свободный выход за территорию лагерей, им платили в 2—3 раза меньше, чем другим иностранцам и т.д.). Спустя еще месяц (15 июня) появилось сообщение ТАСС о приостановке, ввиду изложенных в статье фактов, репатриации из СССР швейцарских гражд-

дан²³. После чего (18 июня) швейцарцы согласились создать совместную международную комиссию для расследования дела: 26 июня Москва ответила согласием²⁴, и спустя месяц — 27 июля — в Берне появилась группа в составе генерал-майора А.И.Вихорева, полковника Новикова, полковника Ловчева²⁵ и майора Федорова. Комиссия, в которой были также представители Франции, Англии и США, официально работала с 27 июля по 8 сентября 1945 года и имела 8 заседаний. В подписанном 10 сентября заключительном протоколе²⁶ конфедератам пришлось многократно извиниться и признать многочисленные и неоправданные строгости и нарушения режима содержания советских интернированных, а советским — выразить встречное сожаление в связи с недисциплинированностью некоторых из последних²⁷.

Вместе с тем дивизионный полковник Г.Флюккигер (глава швейцарской делегации²⁸) категорически отказался обсуждать подготовленный русской делегацией отдельный протокол о насильственный репатриации «*строптивых интернированных*»²⁹. Для проформы швейцарцы ограничились распространением в лагерях для интернированных текста уведомления о процедуре возвращения в СССР тех, кто этого пожелает.

Что же касается «нестроптивных», то Александр Вихорев времени зря не терял. Пока совместная комиссия заседала, добровольная репатриация советских граждан была начата и практически завершена: между 11 и 30 августа 1945 года по маршруту Санкт-Мартгеттен — Брегенц — Ландау — Кемптен — Хоф³⁰ было отправлено в общей сложности 12 эшелонов с 9.868 чел.³¹ В «Заключительном протоколе» отмечается, что подготовка и отправка советских граждан проведены швейцарской стороной хорошо.

Сам же Вихорев покинул Швейцарию 29 декабря 1945 года³², на прощание попросив швейцарцев присмотреть за «черными», как он назвал группу соотечественников-невозвращенцев (не за то ли, что в ней преобладали, как сказали бы сегодня, «лица кавказской национальности»?), чтобы они не могли пересечь границу и скрыться у союзников³³. Не забывали об оставшихся, — а было их в Швейцарии и Лихтенштейне всего 775 человек, — и в Москве. В письме к заместителю наркома иностранных дел Деканозову от 28 февраля 1946 года Голиков предлагал передать функции вихоревской миссии представителю Уполномоченного СНК СССР по репатриации на территории Западной Европы полковнику Колесову, базировавшемуся, по всей видимости, в Париже³⁴.

Саму эту ситуацию внимательнейшим образом изучали и в Швейцарии. 21 сентября 1945 года начальник Политического отдела Федерального политического департамента Швейцарии А.Цендер составил для своего шефа М.Пегипьера докладную записку, в которой рассматривал разные аспекты вопроса о принудительной репатриации в СССР интернированных лиц, чей военный или гражданский статус четко не определен: «...Ничто не препятствует высылке русских интерниро-

ванных лиц, отказывающихся вернуться на родину; однако в этом случае они свободны в выборе страны, куда они намереваются отправиться. Принуждать их к возвращению в СССР, где их, возможно, ожидает смертный приговор..., — было бы несовместимо с нормами международного права и с нашей практикой в деле предоставления убежища». Так что с юридической стороны вопрос был однозначен.

Но был еще и политический аспект, и он — в свете нахождения в советских руках нескольких тысяч швейцарцев и желательности в этой связи восстановления дипломатических отношений с СССР — формулировался А.Цендером в терминах допустимой эластичности: «...до какого предела следует двигаться по пути уступок русским ради желаемого...». Высшие интересы Швейцарии, по Цендеру, в трактовке юридической однозначности вполне допускали и гибкость, и весь вопрос в том, сколь нужна она в конкретной ситуации. «Следует задать себе вопрос, — продолжал Цендер, — не заключается ли политическая сила Швейцарии в самой репутации страны, которая даже в самые трудные моменты своей истории всегда вдохновлялась принципами международного права и гуманности». Проведя свой анализ, высокопоставленный чиновник дал рекомендацию, что в данной ситуации (уже подписанный протокол, противоречия между союзниками и т.д.) отступать от юридической однозначности, пожалуй, не следует, но самый ход его анализа убеждает в том, что будь генерал-майор Вихорев искушеннее в дипломатии и будь ситуации хоть немного иной, то почти с такой же легкостью наверх ушла бы и противоположная рекомендация, и, как знать, сделка о принудительной репатриации не подлежащих ей интернированных под каким-нибудь казуистическим предлогом все-таки состоялась бы. Ведь, колебавшись, выдала же Швейцария в конце концов двух советских перебежчиков — военного летчика Кочетова и военного инженера Новикова, посадивших в Дюбендорфе советский самолет!³⁵

Как знать, может, именно на эту «гибкость» и рассчитывали советские органы, без оглядки на аргументацию своих партнеров и с завидным многолетним упорством требовавшие от них все время одного и того же, юридически неправомерного, но не невозможного?!

В апреле 1946 года в Швейцарию прибыла новая миссия по репатриации во главе с майором Березиным — для работы с 850 невозвращенцами, все еще остававшимися в стране, предоставившей им «право убежища». Среди них было 376 «кавказцев» и 292 прибалта (по всей видимости, служившие в соединениях вермахта), но вернуться из них согласились считанные единицы. 30 мая 1947 года эта миссия обратилась к швейцарскому правительству с нотой, в которой просила швейцарские власти запретить всякую антирепатриационную пропаганду среди оставшихся в стране «строптивцев» и, по всей видимости, вновь настаивала на их принудительной репатриации. 20 августа того же года, в своей ответной ноте, швейцарские власти, решительно встали на юридическую стезю: «...Швейцария обязана выдать иностран-

ца властям другого государства только в том случае, если речь идет о выдаче преступников... По этому поводу федеральные власти приняли к сведению тот факт, что советские власти не намереваются привести в отношении советских граждан, находящихся в данный момент на швейцарской территории, оснований для выдачи их как преступников. Поэтому единственными определяющими являются принципы швейцарского государственного права. Эти принципы, так же как и гуманные традиции Швейцарии, запрещают федеральным властям осуществлять принудительную репатриацию советских граждан...». Швейцария, неся немалые расходы на содержание интернированных, и сама была крайне заинтересована в том, чтобы они как можно скорее покинули ее территорию, и поэтому никаких препятствий к их репатриации или контактам с ними советской миссии никогда не чинила. Отрицая причинно-следственную связь возможной антирепатриационной пропагандой и их отказом репатриироваться, федеральные власти признают это решение как «совершенно свободное»; они «...не считают более необходимым сохранять те ограничения, которые были приняты в отношении свободы передвижения бежавших советских военнопленных... Бывшие советские интернированные, таким образом, свободны уехать из Швейцарии в любое место, которое они выберут. Само собой разумеется, что швейцарские власти не будут препятствовать, а напротив, только окажут содействие возвращению в Советский Союз тех, кто выразит такое желание»³⁶.

В октябре—декабре того же года произошел еще один тур обмена нотами между советской миссией и правительством Швейцарии, из которого можно заключить, что советская сторона оказывала на Швейцарию нажим, увязывая возвращение швейцарских граждан с принудительной репатриацией советских³⁷.

В 1948 году 242 кавказца (азербайджанцы, чеченцы и др.) эмигрировали в Турцию (и, возможно, в Египет), другие — преимущественно в США и Аргентину, несколько человек натурализовались в Швейцарии. 20 февраля 1948 года миссия СССР в Швейцарии заявила протест на «неправильные действия» швейцарских властей, которые организуют этот выезд, и на не-препятствование антисоветской деятельности «Национального русского комитета» со штаб-квартирой в Лозанне, возглавляемого неким Коцебу³⁸.

По данным консульского отдела Миссии СССР в Швейцарии, в апреле 1949 года в стране (главным образом, в Женеве) находилось еще 116 советских невозвращенцев, но совершенно иного происхождения: 87 из них — бывшие русские поданные, восстановленные в советском гражданстве Консульством во Франции, согласно Указу ПВС от 14 июня 1946 года, остальные — выходцы из Прибалтики и Западной Украины. Больше всего среди них было, однако, не прибалтов (всего 1 латыш) и не украинцев (3 чел.), и даже не русских (18 чел.), а евреев (76 чел.). Все они проживали в Швейцарии в годы войны — на положении апатридов (лиц без гражданства), с нансеновскими паспортами³⁹.

По всей видимости, их, а не бывших интернированных военнопленных, в июне 1949 года собрали в Берне в количестве 105 чел., где с ними встретился и побеседовал полковник Новиков, представитель по репатриации при Миссии СССР. Репатрироваться же, однако, согласился только один⁴⁰.

В статистику репатриированных из Швейцарии, по всей видимости, попала и пара сотен репатриантов из **Лихтенштейна**. После того, как 2 мая 1945 года в эту крошечную страну с 12-тысячным населением, перешла, сдалась в плен и попросила убежища колонна в 494 человек — осколки так называемой Первой русской национальной армии под командованием генерал-майора вермахта Артура Хольмстона⁴¹, — люди оказались в безопасности. (Вместе с армией прибыл и член российской императорской фамилии и один из претендентов на российский престол князь Владимир Кириллович Романов, на следующий день, впрочем, высланный из страны).

Однако, ощущение этой безопасности было, видимо, недостаточно прочным, коль скоро еще до конца июля 1945 года 224 чел. сочли за благо бежать из страны и перебраться в Австрию, во «французский» Форальберг, еще около 10 чел. сделали это в августе или сентябре. Все они были благополучно интернированы французами и переданы в СССР⁴². Возможно, «непрочность» этого ощущения опиралась на просочившиеся слухи о переговорах правительства со швейцарцами и французами о передаче им или через их территорию интернированных русских, бывших для крошечного княжества несомненной обузой⁴³.

По душу оставшихся из Берна прибыла 16 августа 1945 года советская репатриационная миссия, которая была весьма приветливо встречена в Вадуце. Ей удалось добиться от 104 чел. согласия вернуться в СССР⁴⁴. На не поддавшихся на уговоры комиссии никакого дальнейшего давления, в сущности, не оказывалось (в том числе и осенью, когда советские офицеры по репатриации настаивали на их принудительной репатриации), но вот само число оставшихся — все же существенно ниже, чем об этом было принято думать и писать⁴⁵: всего 134 человека, включая 20 женщин (трое за время интернирования умерли). Оставшиеся же, действительно, попали под сильную защиту — в этом вопросе были единодушны и князь, и епископ курский⁴⁶, и правительство Хоопа-Фогта-Фроммелта, и сменившее его новое правительство Фрикка-Нигга, а также Красный Крест.

В 1946 году Лихтенштейн покинуло еще 22 чел. из армии Смысловского, в 1947 году — еще около 100 чел., причем подавляющее большинство (включая самого Смысловского) направлялись в Аргентину. Последние из русских интернированных покинули в страну в феврале 1948 года. *«Таким образом, — подчеркивает Н. Толстой, — крошечный Лихтенштейн, где не было армии и полиции составляла 11 человек, сделав то, на что не решались другие европейские страны»*⁴⁷.

Необычная ситуация сложилась в **Италии**, где, в лице русского эмигранта Алексея Н.Флейшера (до войны — сотрудника греческой миссии в Белграде, а во время войны — сторожа сиамского посольства в Риме), на протяжении длительного времени фактически действовал подпольный «Комитет по оказанию помощи бывшим советским военнопленным», зарегистрированный в Риме 4 июня 1944 года и некоторым оригинальным образом в течение 1,5 недель исполнявший функции советского посольства (например, выдачу и регистрацию удостоверений личности) до прибытия последнего⁴⁸. Вместе с регистрационным журналом А.Н.Флейшер передал Посольству 182 души бывших красноармейцев, спасенных им в свое время и партизанивших в Риме и его окрестностях⁴⁹.

Основной пересыльный лагерь в Италии был устроен в Таранто. Первые партии репатриантов отправлялись сначала в Египет, откуда — описанными в главе 5.1. путями — поступали в СССР. Начиная с марта 1945 года, людей переправляли морем до Одессы⁵⁰. Исключение составили чеченцы, кабардинцы и другие мусульмане из СССР, находившиеся в лагере Аверсе под Неаполем и переправленные в Египет под протекцию короля Фарука и впоследствии осевшие в Дамаске⁵¹. В то же время Египет, Иран и Ирак служили перевалочной базой для транзитной репатриации в СССР. В частности, к февралю 1945 года, когда эти перевозки прекратились, было репатрировано в общей сложности 11.292 чел.⁵² К 1 марта 1946 года из Италии было репатрировано 53.240 чел., из них более 83 % — военнопленные.

Упомянутые только что отправки бывших советских граждан в Турцию, Аргентину или другие страны относятся уже к следующему периоду советских усилий по репатриации, когда контингент «искренних», если можно так выразиться, репатриантов определенно иссяк и у репатриации как жизнеопределяющего решения было немного шансов на фоне эмиграции и подталкивавших к ней усилий ИРО. Да и специализированных советских миссий по репатриации в большинстве стран уже давно не было. Соответствующие усилия предпринимались уже, как правило, под дипломатическими крышами (в составе Военных миссий или Консульств).

По ходу и в результате эмиграции невозвращенцев-ДиПи, каких тем не менее голиковские офицеры все еще рассматривали как потенциальных репатриантов, именуя их в переписке «подлежащими репатриации гражданами», география последних резко расширилась и изменилась. Они оседали и осели и в тех странах, где репатриантов ранее не было или откуда репатриация практически уже закончилась. Если сравнить данные о количестве советских граждан на 1 января 1946 и на 1 января 1952 года, то их количество значительно уменьшилось только в Италии, а незначительно — в Швеции, Финляндии и Дании, тогда как в Англии, США, Франции, Бельгии, Норвегии, Югославии, Палестине и Голландии их число, наоборот,

возросло, причем в Англии и США — в сотни раз. Зато как расширилась география, сколько новых флажков следовало бы приколоть к политической карте мира, если таковая висела в кабинете у Голикова: Австралия, Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Турция, Парагвай, Колумбия, Испания, Ливан, Южно-Африканский Союз, Марокко, Новая Зеландия, Индо-Китай, Трансиордания, Чили!..⁵³

Такая смена акцентов требовала от репатриационных служб перестройки их работы применительно к реальному положению вещей. Что они, следуя определенной логике меняющихся интересов СССР, по возможности и делали. Не поленимся и еще раз напомним, что на протяжении всего послевоенного 7-летия репатриационные миссии за пределами СССР продолжали не только закрываться, но и открываться. Что в августе 1946 года была сформирована группа «Индо-Китай» и что еще 4 группы возникли в 1949 году (преимущественно на базе посольств): в Голландии, Канаде, Ливане и Аргентине. И еще одна — в январе 1952 года — в Австралии.

Кроме того, Постановлениями СМ СССР от 17 мая⁵⁴ и от 28 августа 1948 года было решено усилить работниками по репатриации советские посольства в 11 странах мира — в Италии довести число сотрудников по репатриации с 5 до 6, в Англии и Швеции — с 2 до 4 чел., во Франции и Югославии — до 3, в Дании, Бельгии, Канаде и Аргентине — до 2 чел., в Голландии, Швейцарии и Ливане — до 1 чел. (позднее к ним добавились и Финляндия)⁵⁵. В Англии, Франции, Италии и Югославии были аккредитованы специальные военные миссии по репатриации, а в остальных западных странах представители по репатриации были аккредитованы как сотрудники Посольств; там же, где таких представителей не было, ответственность за репатриацию возлагалась на советские посольства в целом. Методы же и приемы работы повсюду были одни и те же: личные встречи, сбор адресов, рассылка писем и литературы по адресам, демонстрация кинокартин, работа с активом, использование прогрессивных организаций и советских граждан, проживающих по заграничным видам на жительство, сбор адресов и персональный учет лиц, ведущих антисоветскую и антирепатриационную работу.

Тем не менее в некоторых странах были отмечены и определенные успехи — если не в самой репатриации, то, по меньшей мере, в репатриационной агитации⁵⁶.

Важным перевалочным пунктом продолжала оставаться **Италия**. В лагерях ИРО в Баньоли, Аверсе, Триесте и др. рекрутировались добровольцы в «Международный корпус ООН» для отправки в Южную Корею. Итальянское правительство впервые разрешило посещение всего лишь трех лагерей в 1948 году, а нотой МИДа от 19 мая 1949 года оно отмежеввалось от лагерей на своей территории и за всеми разрешениями и разъяснениями отсылало к ИРО. Оформление выезда из Италии репатриантов в СССР занимало до полугода,

а с июня 1948 года Италия и вовсе прекратила передачу советских граждан, увязывая ее с возвращением из СССР южных тирольцев и военных преступников из так называемой «группы Сало»⁵⁷.

В Канаду советские граждане начали прибывать по вербовке с середины 1947 года. Работа по их репатриации в СССР не только не приветствовалась, но и не признавалась правительством страны и велась фактически на полулегальных началах. В частности, в Канаде не разрешалось проводить собрания, митинги и беседы с гражданами, распространять литературу, организовывать радиовыступления или прослушивания советских радиопередач и просмотры кинофильмов, публиковать официальные объявления или вести переписку по вопросам репатриации. Опираясь в репатриационной кампании исключительно на помощь левых «прогрессивных» организаций, сотрудникам Совпосольства удалось за 1949—1951 гг. вернуть в СССР только 16 чел.

В Аргентину первые ДиПи, в том числе и бывшие советские, прибыли едва ли не раньше других стран — уже в начале 1947 года. Большинство устраивалось и находило себе работу в окрестностях Буэнос-Айреса. В Москве, в Управлении по репатриации заметили, что правительство президента Перона явное предпочтение отдавало разного рода «недобиткам» — власовцам, солдатам 1-й Русской Национальной армии генерала Хольмстона-Смысловского, а также «союзникам»-андерсовцам. Работа в таких условиях была и в самом деле непростой, тем не менее и встречи с эмигрантами, и распространение среди них литературы и других агитационных средств, публикация статей и писем репатриантов в «демократических» органах («Наша газета», «Знания», «Тевине») практиковались достаточно широко. Результаты же, как и в Канаде, естественно, смехотворные — 25 чел. за все время!

Совершенно иные «условия труда» были созданы в Швеции. Всех прибывших (подавляющее большинство из них были эстонцы) шведское правительство рассматривало как граждан СССР, но репатриацию как таковую считало завершенной еще в 1946 году: таким образом, «советские граждане-прибалты» имели там статус не перемещенных лиц, а политических беженцев, пользующихся «правом убежища». У них были временные паспорта, право свободного передвижения и выбора места жительства и работы по своему усмотрению. Сравнительно «вольготно» было и офицерам по репатриации: пожалуй, из всех стран только в Швеции им было разрешено беспрепятственно посещать граждан и на их частных квартирах, не говоря уже об объявлениях в печати, распространении литературы и просмотрах кинофильмов, что требовало только незначительных формальностей.

С удалением советской миссии из английской зоны работа по репатриации в Дании проводилась аппаратом консульства. Условия

труда — как в Швеции, разве что «советскими» тех же прибалтов здесь не считали. Лагерь посещались только с особого разрешения МИД Дании и в сопровождении полиции.

Своеобразные пропагандистские средства были использованы в Голландии, правительство которой опубликовало в 1949 году обращение к советским ДиПи, в котором обещало им содействие в репатриации в СССР на началах «добровольности». Антирепатриационной деятельности «Организации украинцев в Голландии» и «Украинской духовной семинарии» в Кулемберге находчивые офицеры противопоставили... земляческие вечеринки, организуемые с помощью групп женщин — гражданок СССР, вышедших замуж за голландцев! «Указанные женщины <числом примерно в 200 чел. из 800 вышедших замуж за голландцев — П.П.> привлекались для работы по склонению советских перемещенных граждан вернуться на Родину»⁵⁸. Всего в 1949 году в Амстердаме и Роттердаме было проведено 11 таких празднеств с охватом приблизительно 3 тыс. чел., то есть чуть ли не всех «подлежащих репатриации». Однако и такой нетрадиционный для советских прием дал весьма скромный результат: за три года с 1949 по 1952 на всю Голландию не набралось и 40 репатриантов.

В репатриации советских граждан из Югославии и их транзите через территорию Югославии после выхода в июне 1948 года резолюции Информбюро коммунистических партий «О положении в коммунистической партии Югославии» произошел перелом. Со второй половины этого года группа по репатриации была практически отсечена от советских граждан, и репатриация фактически загасла. 7 мая 1949 года МИД Югославии поставил вопрос об отзыве группы по репатриации из страны, но она просуществовала, фактически бездействуя, до ноября 1949 года.

Примечания

¹ В этой связи — одно маленькое филологическое наблюдение. В Отчете-2 имеет место параллельное хождение терминов «репатриация» и «возвращение». Между ними, однако, есть любопытное семантическое несоответствие: термин «возвращение» употребляется только в сочетании со старыми эмигрантами, что наводит на предположение о своего рода «повышенной» степени добровольности такого рода акций по сравнению с устоявшимися представлениями о «репатриации».

² См. Приложение 22.

³ Отчет-1, л. 5. Чуть ниже приводятся аналогичный список «учтенных советских граждан, оставшихся живыми на чужбине», несколько отличающийся от данного. Так, в нем фигурируют: Англия — 26.835, США — 3.978 чел., Швейцария — 10.643, Палестина — 205. Приводим также сведения по странам, расходящиеся с приведенными выше:

Германия — 3.326.040, Франция — 122.814, Финляндия — 108.746, Норвегия — 84.782, Италия — 88.069, Бельгия — 28.456, Голландия — 241. Данные по Австрии, Румынии, Польше, Чехословакии, Югославии, Дании, Болгарии, Венгрии, Греции и Албании идентичны вышеприведенным (Отчет-1, л. 18).

⁴ См. также Отчет-1, с. 223—234, где представлены выборочные данные по некоторым западным странам, а также: Шевяков, 1994, с. 210—211.

⁵ Точными данными за этот год мы не располагаем.

⁶ Постановление СМ СССР № 2295-639с от 01.07.1947. Ср. датированное декабром 1944 года письмо генерал-лейтенанта Голубева зам. председателя Совнаркома УССР Л.Р.Корнийцу: «*На территорию СССР подлежат переселению из Румынии (Констанца) 166 семейств, по их желанию. Предки их переселились в Румынию во время русско-турецкой войны. Эти семейства составляют 821 человек, из них: мужчины — 230, женщины — 249, детей — 342... Значительная часть из них рыбаки и просят переселить их в места, имеющие водоемы и рыбный промысел...*» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 63). В Подольске нами обнаружено изначальное прошение этой группы жителей из села Поводорь Констанцской волости (ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2921. Д. 6. Л. 1—59).

⁷ Постановление СМ СССР № 1923-811сс от 29.08.1946. Интересно, что фактически их было репатрировано 1.310 чел. См.: Сводка № 61 о репатриации советских и иностранных граждан по состоянию на 01.07.1947 (АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 136).

⁸ Тогда как перед десятками и сотнями тысяч перемещенных лиц стояла задача прямо противоположная — уклониться от действия этого соглашения.

⁹ См. в гл. 5.1.

¹⁰ Толстой, 1988, с. 423. 25.09.1944, на основании Соглашения о перемирии между Финляндией, Великобританией, С.Петриченко был освобожден из финляндской тюрьмы, а 21.04.1945 арестован и передан в руки СМЕРШ. 17.11.45 приговорен к 10 годам лагерей; умер 02.06.1947 во время этапирования из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму (см.: Кронштадт 1921 / Сост. В.Н.Наумов и А.А.Косаковский. М., 1997. С. 221).

¹¹ Выразительная деталь: для репатриации Швеция предложила СССР 3-й класс для солдат и 2-й класс для офицеров, но советские настояли на более демократичном варианте — вагонах для скота для всех (Толстой, 1988, с. 345).

¹² Репатриации из этой страны было посвящено два специальных акта — Постановление ГКО № 8353с от 28.04.1945 «О приеме, размещении и хозяйственном устройстве репатрируемых из Швеции советских граждан (план работы)» и Постановление СНК СССР № 474-193с от 26.02.1946 «О реорганизации работы по репатриации советских граждан из Швеции».

¹³ Отчет-1, с. 105.

¹⁴ 7 эстонцев, 11 литовцев и 149 латышей из 15-й Литовской дивизии вермахта.

¹⁵ Толстой, 1988, с. 429, со ссылкой на кн.: Per Olov Enquist. The Legionnaires. London, 1974.

¹⁶ Среди этих 3.895 чел. — 1.675 литовцев, 1.570 латышей и 650 эстонцев (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 57—63).

¹⁷ См.: Соглашение между СССР и Бельгией (Сборник действующих договоров, с. 141—143).

¹⁸ См. в главе 4.2.

¹⁹ См. воспоминания Г.Г.Баумана, полгода проработавшего переводчиком представителя советской миссии подполковника Фелотова (Бауман, 1991, с. 251—252).

²⁰ По швейцарским данным — около 270 тыс. чел., из них около 10 тыс. — советские военнопленные. Однако, ссылаясь со своими интересами и возможностями Швейцария принимала далеко не всех и далеко не всегда (Россия — Швейцария..., 1996, с. 398). Впрочем, не следует забывать и того обстоятельства, что, начиная с ноября 1942 года, Швейцария была полностью опоясана границами стран оси или подконтрольных им территорий.

²¹ Сообщено д-ром П.Хубером (Женева).

²² Первые официальные упоминания об интернированных советских военнопленных относятся к сентябрю 1942, неофициальные — к сентябрю 1941 года. См.: Драгунов, 1995, с. 125—127, со ссылками на: 1) *Bonjour E. La neutralité suisse*. Neuchâtel, 1979, p. 184 и 2) *La Suisse en 1942—1944. Chronique et images*. Vol. 2. Prilly, 1982, p. 85.

²³ Репатриация была возобновлена только после принятия соответствующего Постановления СНК СССР № 2507 от 01.10.1945.

²⁴ Известия. 26.06.1945.

²⁵ По другим сведениям — Лучшев (Россия — Швейцария..., 1995, с. 396).

²⁶ См.: «Заключительный протокол Комиссии по обследованию условий пребывания в Швейцарии советских граждан, бежавших туда из немецкого плена» (Россия — Швейцария..., 1995, с. 396—399). Ср. его оценку в письме начальника Федерального политического департамента Швейцарии (фактически министра иностранных дел) М.Петипьера Президенту Швейцарской Конфедерации от 27.09.1945: «...*Заключительный протокол, даже если он нас полностью не удовлетворяет, так как грешит отсутствием точности по некоторым вопросам и является неполным, делает большее ударение на ошибках, которые были совершены швейцарской стороной, чем на трудностях, с которыми мы столкнулись, и усилиях, которые мы приложили, чтобы должным образом обеспечить советским интернированным лицам условия пребывания, то он показывает, что большая часть резких обвинений в наш адрес со стороны радио и прессы Советского Союза и части нашей собственной прессы оказались несостоятельными*» (Россия — Швейцария..., 1995, с. 405, со ссылкой на: АФ, Е 2001 (Е), 1/105).

²⁷ Эта «недисциплинированность», впрочем, стоила жизни двум гражданам Швейцарии. См. также: Драгунов, 1995, с. 129.

²⁸ В 1946—1948 гг. он был чрезвычайным посланником Швейцарии в СССР.

²⁹ Выражение М.Петипьера. См. в его личном письме Г.Флюккигеру от 20.09.1945 (Россия — Швейцария..., 1995, с. 399—400). В примечаниях к письму приводятся сигнатуры, под которыми текст упомянутого протокола, а также уведомления (см. ниже) хранятся в Федеральном Архиве Швейцарии (АФ, Е.2001 (Е) 1/105 и АФ, Е 2001 (D) 9/2). Письмо примечательно также весьма пикантным напоминанием того обстоятельства, что требуемое Вихоревым несовместимо с правилами, которые Швейцария соблюдала всегда, в том числе в свое время и применительно к Ленину и другим русским революционерам!

³⁰ Этот маршрут пролегал через американскую зону в Германии. Но в начале августа с американцами обсуждался и несколько иной маршрут — через Австрию, с передачей репатриантов в Сент-Валентине. Рассчитанную на

- 10 дней репатриацию приблизительно 10 тыс. чел. предполагалось начать 13—14.08.1945 (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 56. Л. 95). В 1949, а возможно и в 1946—1948 гг. рекомендовался иной маршрут: Берн — Цюрих — Букс — Инсбрук — Зальцбург — Линц — Вена (лагерь для советских граждан 300 в Винер-Нойштадт). Репатриантам выдавались свидетельства на возвращение и запрашивались пропуска на проезд через французскую и американскую оккупационные зоны в Австрии (см.: Россия — Швейцария..., 1995, с. 481).
- ³¹ Из них бывших военнопленных — 6.145 и гражданских лиц — 3.723 чел., в том числе мужчин 1.686, женщин — 1.841 и детей — 196 чел. (Отчет-1, с. 103—104). По другим сведениям, к октябрю было репатрировано 9.603 чел. (О репатриации советских граждан из Швейцарии // Известия. 02.10.1945), после чего была возобновлена и репатриация швейцарских граждан, находившихся в распоряжении советских властей (Россия — Швейцария..., 1995, с. 413).
- ³² Интересно, что за месяц до этого (23.11.1945) его посетил д-р Цендер, федеральный советник Политического департамента, и спросил его мнение о возможной реакции советского правительства на предложение о восстановлении дипломатических отношений (Генерал-майор Я.Д.Басилов, и.о. зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, — С.П.Козыреву, зав. I Европейским отделом НКВД СССР. См.: Россия — Швейцария..., 1995, с. 405, со ссылкой на: АВП. Ф. 0141. Оп. 27. П. 104. Д. 2. Л. 4—5).
- ³³ «Справка о встрече федерального советника Петипьера с генерал-майором Вихоревым 28 декабря в 17 часов» (А.Цендер, 04.01.1946). См.: Россия — Швейцария..., 1995, с. 409.
- ³⁴ ГАРФ. Оп. 3. Д. 31. Л. 100—138.
- ³⁵ Решение об этом было принято бундесратом в самом конце 1945 года (сообщено д-ром П.Хубером, Женева).
- ³⁶ Россия — Швейцария..., 1995, с. 451—452 (текст советской ноты, к сожалению, не публикуется).
- ³⁷ Россия — Швейцария..., 1995, с. 463—464 (текст советской ноты от 14.10.1947, к сожалению, не публикуется).
- ³⁸ Ответ федерального политического управления на эту ноту, последовавший 23.04.1948, отрицает факт односторонней агитации среди интернированных и, в основном, повторяет предыдущие заявления (Россия — Швейцария..., 1995, с. 466—467 и 474—475).
- ³⁹ Кроме них, в Швейцарии проживало не менее 1500 русских поданных, поселившихся здесь до и после первой мировой войны и не ставших ходатайствовать о восстановлении в советском гражданстве. См. в отчете Консульского отдела Миссии СССР в Швейцарии за 1948 год (Россия — Швейцария..., 1995, с. 482—485, со ссылкой на: АВП. Ф. 0141. Оп. 31. П. 144. Д. 14. Л. 81—85).
- ⁴⁰ Драгунов, 1995, с. 131 (см. также: Россия — Швейцария..., 1995, с. 481, со ссылкой на: АВП. Ф. 0141. Оп. 32. П. 116. Д. 21. Л. 31). Лишь однажды полковнику Новикову удалось посетить лагерь для интернированных (Малин).
- ⁴¹ Его настоящее имя — Борис Алексеевич Смысловский. Родился в 1897 г. в Финляндии, в 1917 г. — офицер царской гвардии, а затем Белой Армии. После Гражданской войны поселился в Польше, стал польским гражданином и предпринимателем. Слушатель немецкой секретной военной академии, капитан Смысловский с первых дней войны против СССР был на передовой,

занимаясь организацией русских разведывательных и агентурных батальонов. Работал под псевдонимами «фон Регенау», а затем «Артур Хольмстон», который сохранил и в послевоенное время. Об истории сформированной Хольмстоном-Смысловским в 1941—1943 «Особой дивизии Р» (Россия) см. в главе 1.6. «Первая Русская Национальная армия» в составе вермахта (это название соединение под командованием генерал-майора Хольмстона-Смысловского получило только 04.04.1945) была наголову разгромлена под Бреслау, и из окружения вместе с Хольмстоном и его штабом сумел выйти приблизительно батальон солдат. Следуя через Мемминген, Кемптен, Оберштауфен и Фельдкирх (где его едва не перехватили французы), Смысловский, по совету швейцарского журналиста Х.Блумера, направлялся именно в Лихтенштейн, где у него было больше всего шансов не быть выданным союзникам и далее в СССР. Опасаясь выдачи французам, а затем в СССР, он поначалу весьма нервничал в Лихтенштейне и даже, по утверждению П.Гайгера, чуть ли не готовил покушение на члена местного правительства, от которого это до известной степени зависело. В Аргентине, куда он перебрался в 1947 г. из Лихтенштейна, он вновь занялся предпринимательской деятельностью. Умер в Вадуце в 1988 г. (Geiger, Schlapp, 1996).

⁴² См.: Geiger, Schlapp, 1996.

⁴³ Спустя некоторое время ФРГ возместила Лихтенштейну все его расходы по интернированию русских коллаборантов в размере 450 тыс. швейцарских франков.

⁴⁴ В сохранившемся дневнике офицера Георгия Томина эти репатрианты образно названы «добровольцами смерти» (Geiger, Schlapp, 1996, s. 345—346; см. также в фильме валуцкого краеведа д-ра М.Шлаппа «Крепость спасения — Лихтенштейн» («Fluchtborg Lichtenstein»), впервые показанном 31.05.1995 по австрийскому телевидению).

⁴⁵ См. исследования лихтенштейнских историков: Vogelsang H. von. Nach Lichtenstein — in die Freiheit. Der abenteuerliche Weg der «1. Russischen Nationalarmee der Deutschen Wehrmacht» ins Asyl im Fürstentum Lichtenstein. 1980, 64 S.; Vogelsang H. von. Kriegsende — im Liechtenstein. Das Schicksal der Ersten Russischen Nationalarmee der Deutschen Wehrmacht / Herderbücherei. Bd. 1193. Freiburg, 1985. 126 s.; Grimm C. Internierte Russen in Liechtenstein // Jahrbuch des Historischen Vereins für das Fürstentum Liechtenstein. Band 71. Vaduz. S. 41—100; Geiger, Schlapp, 1996.

⁴⁶ От Кура (Chur) — города на северо-востоке Швейцарии, местонахождение одной из древнейших католических кафедр в этой стране, в чью епархию входит и территория Лихтенштейна.

⁴⁷ Толстой, 1988, с. 437.

⁴⁸ Поэтому в том, что здание сиамского посольства (так называемая «Вилла Тай») было передано Посольству СССР, разместившему в нем свою Военную миссию, была своя логика.

⁴⁹ Об А.Н.Флейшере и его деятельности в Италии см.: Комолова, 1991, с. 20—50.

⁵⁰ Среди отправившихся этим путем — и солдаты 162-й Тюркской дивизии, сдавшейся в плен в районе Падуи только после капитуляции Рейха.

⁵¹ Общее число мусульман, не репатрированных в СССР, составляло в 1946 году предположительно 80 тыс. чел. (Толстой, 1988, с. 333—334).

⁵² Отчет-1, с. 96—97.

⁵³ Отчет-2, с. 69—70.

⁵⁴ Постановление СМ СССР № 1655-644с от 17.05.1948.

- ⁵⁵ Отчет-2, с. 70—72. Во Франции и Югославии, в связи с трудностями в их отношениях с СССР, эти вакансии так и не были заполнены.
- ⁵⁶ Статистические сведения по динамике репатриации приведены в Приложении 22.
- ⁵⁷ Имеется в виду «Итальянская Социалистическая Республика» (Repubblica Sociale Italiana), провозглашенная 09.09.1943 (спустя 1,5 месяца после свержения Муссолини) в курортном городке Сало на севере Италии. Это марionеточное фашистское правительство, которое с 12.07.1943 возглавил похищенный из-под ареста Муссолини, противостояло правительству маршала Бадوليو, объявившего 03.09.1943 войну Германии. Правительство Сало было низложено только после капитуляции немцев в Италии 28 апреля 1945 года.
- ⁵⁸ Отчет-2, с. 110.

5.7. Усыхающий ручей: еще семь лет репатриации

Итак, с учетом «внутренних перемещенных лиц» органы репатриации в течение 1944 года возвратили в СССР 1.050.398, а в течение 1945 года — 4.514.201 советских граждан¹. По существу, массовая репатриация советских фактически закончилась уже в сентябре—октябре 1945 года.

С каждым следующим годом поток репатриантов все более и более мельчал. Если в 1946 году их число составило солидную цифру в 195.273 чел., то в 1947 году — всего 30.346 чел., или вшестеро меньше. В 1948 и 1949 гг. — почти двукратные сокращения: соответственно, 14.272 и 6.542 чел., а в 1950 году — 4.527 и в 1951 году — 2.297 репатриантов². Итого, за 1946—1951 гг., — 253.239 чел., большая часть из которых, впрочем, возвращена из оккупационных зон СССР и из восточно-европейских стран.

Отметим, что из публикации В.Н.Земскова известно другое — и существенно более скромное — число репатриированных за 1946 год: 46.909 чел.³, но оно стоит в ряду отчетности на 1 марта 1946 года и охватывает только январь и февраль.

Но реалистично ли допущение того, что за оставшиеся 10 месяцев было репатриировано 140.364 чел.? Думается, что нет⁴.

Впрочем, на фоне репатриации образца 1945 года и 140 тысяч — результат более чем скромный. Для таких объемов столь солидный аппарат не требовался, и уже с декабря 1945 года штат Управления по репатриации начал сокращаться, а инфраструктура — свертываться. Из 50.755 чел., работавших в соответствующих органах в период массовой репатриации, к 1 марта 1946 года осталось только 9.559 чел., или менее 19 %. При этом наименьшему сокращению подверглись органы центрального аппарата и управлений (отделов) при группах войск⁵.

Уже в августе 1946 года аппарат Управления насчитывал *de facto* всего 160 чел. 10 сентября Государственная Штатная Комиссия СССР утвердила его штаты в количестве 91 единицы⁶, но к весне 1947 года⁷ они были вновь незначительно, но увеличены (до 101 чел.), после чего — в марте 1948, январе 1949 и апреле 1950 г. — вновь сокращены (до 88, 74 и 52 единиц⁸). Три прежних отдела — по работе за границей, по устройству возвращенных граждан и по учету — в марте 1948 года были объединены в отдел по репатриации советских граждан, а последний, в свой черед, в январе 1949 года был объединен с отделом репатриации иностранцев и военнопленных в единый оперативный отдел.

Сокращался и заграничный аппарат Управления. В ноябре 1946 года его штаты были снижены с 321 до 117, в феврале 1947 года — до 100 единиц⁹; к июлю 1947 года они были вновь увеличены (до 114), а к августу 1948 года — до 127 единиц. На 1 января 1949 года в них работало 134 чел., на 1 января 1950 года — 100, а на 1 декабря 1952 года — 48 чел.¹⁰.

Самому радикальному сокращению были подвергнуты органы репатриации в войсках. Еще в сентябре 1946 года они насчитывали 2.523 чел., но уже в октябре были повсеместно сокращены, причем в среднем — на 95 %!

Окончательное расформирование органов репатриации первоначально планировалось завершить к 1 июля 1946 года. Тем не менее Управление по репатриации, просуществовало еще семь лет и, — пережив ИРО, но не пережив Сталина, — было упразднено только 1 марта 1953 года¹¹.

Для чего же понадобились эти долги семь лет?

На этот вопрос есть несколько ответов.

Во-первых, помимо основных и как бы традиционных задач, возложенных на органы репатриации, по ходу дела для них все время возникали и находились новые¹².

Самую масштабную из них мы уже назвали — обеспечение репатриации военнопленных и интернированных японских, немецких, австрийских, итальянских, венгерских, румынских и польских граждан, содержащихся в системе лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (ГУПВИ). Она была возложена на Управление по репатриации в два этапа: первыми — в октябре 1946 года под опеку Управления по репатриации были переведены японские военнопленные¹³, а в мае 1947 года — все остальные¹⁴.

Так, поставленная в октябре 1946 года задача репатриации японских военнопленных потребовала весьма серьезных усилий на Дальнем Востоке. Для ее решения были созданы Отделы по репатриации (по 14 чел. каждый) при штабах Дальневосточного, Приморского, Забайкальско-Амурского и Восточно-Сибирского военных округов, а также 25-й и 39-й армий, дислоцированных в Северной Корее (по 4 чел.). В Дальневосточном и Приморском округах были созданы по 1 сборному и по 1 транзитному (в портах Маока и Находка) лагерю емкостью в 6 тыс. чел. каждый¹⁵, а в Северной Корее — еще 3 лагеря меньшего размера. Всего в органах репатриации на Дальнем Востоке, по состоянию на 1 января 1947 года, работало 1.776 чел.

С 1 апреля 1950 года штатная численность органов репатриации в войсках была сокращена до 421 чел. По состоянию на 1 декабря 1952 года, то есть буквально накануне своего закрытия, органы репатриации включали в себя только лишь центральное Управление (49 чел.), заграничный аппарат (48 чел.), отделы по репатриации при СМ Украинской и трех прибалтийских ССР (в РСФСР и БССР вопросы, связанные с репатриантами, решались Переселенческими управлениями), а также сборные пункты № 304 и 312 (в Мукачево и Гродно) для содержания прибывающих советских граждан на период их фильтрационной проверки¹⁶.

Другая задача — работа по выявлению и благоустройству мест захоронения советских граждан. В связи с тем, что за границей органов, ответственных за эту работу, не было, Голиков даже вышел в Правительство с проектом Постановления «О благоустройстве могил воинов Советской Армии и советских граждан». Ознакомившись с проектом, Булганин предложил никакого специального решения не принимать, а *«поручить органам репатриации, в том составе, как они есть, провести эту работу в текущем повседневном порядке»*¹⁷. Позднее, 17 августа 1948 года, эта работа была поручена представителям по репатриации в тех странах, где они еще оставались, а где их не было — военным атташе¹⁸.

Хватало и задач «частных», разовых, как, например, мероприятий по приему и перевозке из Китая 3 тыс. советских граждан с семьями и 150 детей-сирот¹⁹ или репатриации в Польшу детей польских граждан²⁰.

Но, разумеется, никто не снимал с Голикова и его главной задачи — возвращения в СССР находящихся за рубежом советских граждан, в том числе одиночек²¹.

Определенный оптимизм и надежды голиковцам давало решение сессии СМВД в Москве 23 апреля 1947 года. Вот основные его положения:

«1. Предоставить право аккредитованным представителям заинтересованных стран, в сопровождении офицеров оккупационных войск, посещать лагеря и сборные пункты для перемещенных лиц, в которых находятся их граждане, с целью проведения бесед с этими гражданами.

2. Запретить в лагерях для перемещенных граждан всякую пропаганду против Объединенных Наций и против репатриации перемещенных граждан на родину.

3. Разрешить в лагерях для перемещенных граждан распространение газет, журналов, брошюр, изданных и опубликованных в странах, гражданами которых являются эти перемещенные лица.

Разрешить перемещенным гражданам, находящимся на сборных пунктах, показ кинофильмов, выпущенных на их родине, после одобрения фильмов соответствующими организациями союзной контрольной власти.

Разрешить перемещенным гражданам свободно пользоваться средствами международной связи для переписки с родственниками и другими, находящимися в их родных странах.

Разрешить аккредитованным офицерам связи Объединенных Наций по репатриации перевозить письма перемещенных граждан Объединенных Наций между зонами и в их родные страны.

<...>

8. Все военные преступники, обнаруженные в лагерях для перемещенных граждан, должны быть переданы под стражей

командованию заинтересованных стран после соответствующего запроса и представления доказательств того, что лица, передача которых требуется, являются действительно военными преступниками.

9. Немедленно распустить все «комитеты», «центры» и др. подобные организации, в отношении которых может быть установлено, что они занимаются деятельностью, враждебной интересам какой-либо из союзных держав.

10. Добровольная репатриация перемещенных лиц, находящихся в настоящее время в Германии, будет ускорена²².

Воодушевленное и вооруженное этой директивой, Управление по репатриации попыталось переломить ход борьбы за репатриацию и перейти в пропагандистское контрнаступление. По его инициативе были «брошены в бой» мощные радиопередатчики в Берлине (радиостанция «Волга») и Вене²³. «Организованный» (читай: направленный и адресный) характер приобрела переписка между родственниками — наиболее действенное, между прочим, из использованных пропагандистских средств.

В июле—августе 1947 года правительства Украинской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР обратились к перемещенным лицам — украинцам, латышам, литовцам и эстонцам с призывом возвращаться на Родину. Эти обращения передавались по радио и в сотнях тысяч экземпляров распространялись по лагерям Дипи. Огромными тиражами — на украинском, белорусском, латышском, литовском и эстонском языках — выходили и брошюры типа «Вновь на Родине», «Письма с Родины», «Вернулись к новой жизни», «Родина зовет», «О беженцах и перемещенных лицах» (с изложением выступлений Вышинского и Громыко на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН). Фильм о репатриации и репатриантах «На Родину» — был продублирован на все перечисленные языки и вместе со специально подобранными киножурналами демонстрировался в лагерях²⁴.

К 1 марта 1946 года было репатрировано 5.352.963 советских граждан, а к 1 января 1952 года — 5.457.856 чел., из них 44,7 % — из зоны действия советских войск, 55,3 % — принято от англо-американцев и прибыло из других стран. В это число вошли и бывшие эмигранты из различных стран Европы и Китая²⁵. В обратном направлении — из СССР — было репатрировано 3.413.290 иностранных граждан (считая вместе как освобожденных Красной Армией граждан союзников, так и военнопленных и интернированных граждан Германии и ее союзников²⁶). Упоминания заслуживают и почти 700 тыс. поляков, венгров, румын и австрийцев, проследовавших транзитом в свои государства из западных зон союзников²⁷. Худо-бедно, а за семь с небольшим лет органы репатриации пропустили через себя 9—10 миллионов человек!

И, строго говоря, если учесть, что союзники так и не признавали так называемых «западников» гражданами СССР и, действительно, не препятствовали им оставаться на Западе, то советскую репатриационную кампанию следует признать поистине триумфальной.

Но в таком случае и оценку М. Праудфута (остаток в каких-нибудь 35 тыс. чел.) следует считать скорее реалистичной, чем заниженной: на Западе остались лишь немногие десятки тысяч людей из подлежащих, согласно букве Ялтинского соглашения, выдаче! (Во всяком случае не больше количества эмигрантов «первой волны» и прочих, уж никак этой выдаче не подлежащих и все-таки выдававшихся союзниками!..)

Впрочем, этот триумф вовсе не значил, что Родина-мать забыла о последних заблудших и оставила их в покое. Нет, Родина-мать предпочла бы заполучить, по возможности, и их.

Но в условиях холодной войны и на чужой, — по сути, вражеской — территории добиваться «склонения их к возвращению на Родину»²⁸ было неизмеримо сложнее, чем в разгоряченной победами атмосфере Ливадийского дворца.

Обработав персональные данные репатриантов за 1949—1951 гг., аналитики Управления по репатриации зафиксировали следующие их особенности. Большинство среди них составляли женщины — 40 %, на мужчин и на детей (в возрасте до 16 лет) — приходилось по 30 %. Около 1/3 репатриированных — семейные, остальные — одиночки. Возрастная структура выявила молодость репатриантов: дети и подростки до 16 лет — 30 %, еще по 25—26 % пришлось на категории 17—25 и 26—35 лет, а на лиц в возрасте старше 35 лет — всего 19 %! Выразителен и классово-социальный состав репатриантов: рабочие — 25 %, крестьяне — 20 %, интеллигенция — до 15 %, буржуазия и прочие — 40 %. Тем самым соотношение «социально близких» и «социально чуждых» было оценено как 60 к 40.

На основании этих данных было сделано два вывода, вернее, допущения, и оба — весьма некорректных. Первое: структура оставшихся на Западе сограждан такая же, что и вернувшихся. Второе: *«до 60 % всех находящихся за рубежом советских граждан составляет тот контингент, который после соответствующей с ним работы должен был вернуться на Родину»*²⁹.

Поскольку динамика репатриационного потока никак не подтверждала столь радужного вывода, аналитики привели сводку обстоятельств, препятствующих быстрому возвращению советских перемещенных лиц.

Это, во-первых, противодействие со стороны правительств США, Англии и Франции и фактический отказ последних от взятых на себя ранее обязательств; во-вторых, усиленная пропаганда против репатриации и открытый террор антисоветски настроенных организаций против намеревающихся репатриироваться в лагерях для перемещенных лиц на Западе; в-третьих, препятствия и ограничения в распро-

странении советских пропагандных средств; в-четвертых, широкая кампания по вербовке и вывозу советских перемещенных лиц в другие страны и, в-пятых, сознание потенциальными репатриантами своей вины перед Родиной, страх понести соответствующее наказание.

Определенную долю ответственности за частичный неуспех и сложившуюся ситуацию органы репатриации возлагали на себя. В отчете 1953 года есть даже раздел, посвященный самокритике. Авторы скромно ссылаются на отсутствие у них какого-либо опыта, что несколько странно: чего-чего и у кого-кого, а опыта принудительных миграций у ближайших коллег из наркомата внутренних дел было, мягко говоря, в избытке. Да и применялся испытанный чекистский кнут, — по крайней мере, там, где к тому не было досадных препятствий, — последовательно и твердо. А вот «пряничного» опыта демократической агитации и конкурентной борьбы за души смятенных людей, согласимся, в достатке не оказалось.

Отмечаются разные, прежде всего организационные, неувязки, как то: запоздание с созданием армейских отделов по репатриации лагерей, недостаточное соответствие органов условиям работы и масштабам задач, отсутствие до 1947 года среди офицеров по репатриации представителей прибалтийских народов, самоуспокоенность и т.п. Или то, что репатриация иностранных граждан была проведена слишком быстро и не была поставлена в зависимость от репатриации советских граждан¹⁰. Или еще упущение: при отходе советских войск за демаркационную линию в Австрии в районе Линца, на территории, доставшейся таким образом американцам, осталось несколько тысяч советских граждан.

Признавалось и то, что негативное влияние на репатриацию оказал просуществовавший до августа 1946 года гугаговский режим в лагерях: запрет — якобы в интересах безопасности местного немецкого населения — свободного выхода из зоны, ограждение лагерей — во избежание побегов — колючей проволокой, установление вышек и постов, прожектора по ночам, конвоирование репатриантов при выходе из лагеря на работы и т.д. Подчеркивалось, что режим этот был отменен Ф.Голиковым.

Но, простите, а кем же он был введен?

Не повышала тонуса и практика «изъятия» (читай: ареста) «преступных элементов» в лагерях, да еще накануне или в день отправки домой. Составители отчета объясняли это отсутствием должного контакта и несогласованностью действий фильтрационных органов (НКВД, СМЕРШ) и командования лагерей, что было исправлено, но, к сожалению, с большим опозданием. (А знаете, как исправлено? — переносом фильтрации в лагерь, расположенные уже на территории СССР!)

Все эти обстоятельства стали известны не репатриированным еще ДиПи на Западе и умело использовались для срыва репатриации. Не на пользу делу оказалась — в данном случае — даже массовая переписка, точнее, ее бесконтрольность, «неорганизованность»: беда в том, что содержавшаяся в ней правда о тяжелой послевоенной жизни,

о засухе, о голоде — вплоть до советов с возвращением не торопиться — заставляли людей глубже задумываться, а это всегда нежелательно и опасно.

Так или иначе, но репатриационные службы были вынуждены изменять «количество» на «качество». Вот две категории граждан, к которым они теперь испытывали особенный интерес, поскольку рассчитывали хотя бы на пропагандистский успех: во-первых, **дети** и, во-вторых, социально-близкие эки — иначе, перемещенные лица, **осужденные** союзниками за различные уголовные преступления.

Еще в декабре 1944 года гвардии полковник Мальцев (представитель Управления по репатриации при 4-м Украинском фронте) докладывал в Управление об освобождении на востоке Чехословакии и отправке на родину (в детские дома в Дрогобычской области и в Орле) двух групп советских детей (всего 310 чел.) в возрасте от 3 до 16 лет³¹.

Дети из СССР попадали в Третий Рейх, в основном, вместе с родителями. Но известны случаи, когда немцы вывозили в Германию и целые детские дома: например, из Риги (156 детей), Майори под Ригой (133 ребенка), Харькова (детдом «Сокольники»), из Житомирской области (Шпичанецкий и Сахновский детдома), Гомеля, Алушты, Керчи, Ялты, Бахчисарая и др. Впоследствии было установлено, что дети из Рижского детдома в 1946 году находились в английской оккупационной зоне, в г. Ханеклее³², а из детдома Майори — в г. Клингенберге³³.

По данным ИРО, на которые ссылаются составители Отчета-2, в феврале 1947 года в оккупационных зонах находилось 1.065, а в начале 1949 года — 1.778 детей. Их национальный состав — примерно тот же, что и у взрослых «невозвращенцев»: украинцев — 482 чел., литовцев — 391, латышей — 368, русских — 332, эстонцев — 189, белоруссов — 16. По советским оценкам, в западных зонах было выявлено в общей сложности более 2 тыс. советских детей. Большая их часть находилась в американской зоне — в Нюрнберге (234 чел.), Кемптене (227), Бад-Айблинге (более 170; впоследствии переведены в с. Фельдафинг), Агластерхаузене (155) и Вартенберге (47 чел.). Приблизительно по 500 детей находилось в английской и французской зонах и еще около 200 — в западных зонах Австрии.

Союзники не только препятствовали репатриации этих детей, но даже не допускали советских офицеров в детские дома и не предоставляли их персональные данные. Наоборот, они требовали от советских властей документальных подтверждений их «советскости», не признавая при этом метрик, выданных на территориях, занятых СССР в 1939 году. В результате органам репатриации удалось составить поименные списки и, следовательно, заявить союзникам обоснованные претензии всего на 535 детей. Но даже из этих заявлений по многим был получен отказ, в том числе и на том основании, что детей уже устроили к приемным родителям, нередко, где-нибудь в Новом Свете. Иногда это были даже не сироты, а дети, имеющие в СССР родителей³⁴.

Случались и конфузы. Так, 1 декабря 1948 года в «Литературной газете» был опубликован список советских детей, находящихся в английской зоне, где среди прочих был упомянут и некий Леонид Ратнер. Неожиданно в редакцию обратился Зиновий Григорьевич Ратнер из Запорожья, чей сын, Леонид, пропал в годы войны. Сначала это привело всех чуть ли не в восторг (уже и представление английским властям было готово!), а потом — в известное смущение. Вздурженному отцу генерал-майор Юркин отвечал: *«местонахождение Леонида РАТНЕР нами пока не установлено»*³⁵. Но, в таком случае, что же это были за списки?

В результате всех этих и впрямь незаурядных усилий органам репатриации за 1947—1951 гг. удалось вернуть в СССР 428 детей, из которых 206 пришлось на советские оккупационные зоны и еще о 155 нет сведений, из какой зоны они поступили. От союзников, таким образом, было репатрировано всего-навсего 67 детей, из них 54 — из обеих английских зон.

Кроме того, в декабре 1945 года были изданы специальные постановления по вопросам репатриации в СССР детей русских эмигрантов: «Об обязанности Уполномоченного СНК СССР вывезти в СССР детей русских эмигрантов, воспитывающихся в двух детских домах в немецких городах Аннаберг и Визенбанд»³⁶ и «Об организации Наркомпросом РСФСР в с. Кузькино Новодевиченского района Куйбышевской области детского дома на 85 детей русских эмигрантов»³⁷.

Иногда «прихватывались» и немецкие дети, которым приписывались русские фамилия, имя, национальность и место рождения. Один из них, Эрих Шперик, в октябре 1947 года пятилетним увезенный из лагеря 266 в Бранденбурге в Славск, стал там Петей Шариковым, русским, родом из Кирова, лишь в 1991 году, после многолетних хлопот, вернул себе имя и национальность; «попутно» он установил еще 12 таких же, как он, «русских» детдомовцев, среди которых в действительности были не только немцы, но и, к примеру, француз. Он утверждал, что *«...был организован настоящий отлов детей»*: советские офицеры (как казалось Шарикову-Шперiku, офицеры НКВД) «вербовали» знающих немецкий малолеток-остовцев и с тем, чтобы выявить «приемышей», посылали их во дворы, к немецким сверстникам, после чего к их приемным родителям приходили и самих детей «изымали». Это, конечно, рассказы, но и в документах десятками насчитываются дети, чьи родители и, стало быть, национальность не поддаются установлению»³⁸.

Что касается советских граждан, осужденных союзниками за уголовные преступления (на различные сроки или даже к смертной казни) и содержащихся в тюрьмах в западных оккупационных зонах, то таких по ходу репатриации было выявлено около 400 чел.³⁹ Во втором отчете Голикова дело представляется так, что сроки в 15, 18, 20 лет заключения и даже пожизненное, советские граждане получали

за весьма незначительные деликты — такие как кража 3 кг хлеба или мелкая торговля. А Владислава Станиславовича Тихоловского, 1916 года рождения, к расстрелу приговорили — за воровство!

До середины 1946 года при рассмотрении провинности того или иного советского гражданина английское командование приглашало на суд советского представителя, который, как правило, приговора не оспаривал, но, после подтверждения советского гражданства подсудимого, обращался с ходатайством о передаче такого гражданина для отбытия наказания в СССР. В чем английское командование не отказывало и в большинстве таких случаев охотно следовало букве Ялты.

Однако в середине 1946 года такая практика была прекращена⁴⁰. В американской зоне советским представителям, как правило, отказывали даже в посещении тюрем и в беседах с заключенными. Подполковнику Бурашникову тем не менее удалось добиться посещения 24 февраля 1948 года тюрьмы в баварском городке Штраубинг и встречи с 23 заключенными. Однако, список, который он предъявил американцам, насчитывал чуть ли не вдесятеро большее число лиц — 206 чел. По поводу этого списка маршал Соколовский дважды — 15 и 31 марта — обращался к генералу Л.Клею, после чего тот в письме от 10 мая дал согласие на передачу и репатриацию 18 чел.⁴¹ Всего же в течение 1948 года из тюрем в американской зоне было передано 60 чел.⁴²

7 января 1949 года заместитель главнокомандующего американскими войсками генерал Хейс заявил о решении в дальнейшем не передавать советским властям заключенных в американских тюрьмах советских граждан, во всяком случае тех, кто был приговорен на срок более чем в 10 лет⁴³.

Уже отмечалось, что после закрытия советских репатриационных миссий в американской и английской зонах центр тяжести работы по репатриации переместился во французскую зону. Участие же военных миссий в деле репатриации оказалось, как и опасался Голубев, неэффективным.

В то же время, как следовало из рапортов, подписание 26 мая 1952 года в Бонне сепаратного военного договора США, Англии и Франции с правительством канцлера Аденауэра напугало перемещенных лиц угрозой войны и заставило некоторых из них вновь задуматься о своих намерениях репатриироваться. Многие приходили или приезжали во французскую зону, в советскую миссию — просто посоветоваться и расспросить. Сообщалось и о десятках западных немцев, якобы рвущихся в социалистический рай — в ГДР⁴⁴.

Со всем этим по-прежнему не согласуется собственная репатриационная статистика. Так, в 1953 году из Западной Германии было репатрировано 22 чел., а за первые четыре месяца 1954 года — 4 чел.

Не густо!

Настолько не густо, что окончательное упразднение Управления по репатриации 1 марта 1953 года представлялось актом достаточно логичным и едва ли преждевременным.

Примечания

- ¹ Сводка № 74 о репатриации советских и иностранных граждан, по состоянию на 01.01.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 1—4).
- ² Отчет-2, с. 3.
- ³ Земсков, 1990, с. 37, со ссылкой на «Коллекцию документов» ГАРФА.
- ⁴ Для того, чтобы разрешить этот переходящий в сомнения вопрос, нужны дополнительные архивные разыскания.
- ⁵ Отчет-1, с. 235. Интересно, что из общей суммы расходов на репатриацию, по состоянию на 01.03.1946, около 1.566 млн. рублей, или 16,4 %, было потрачено на содержание органов репатриации, 13,5 % — на репатриацию иностранных и 70,1 % — на репатриацию советских граждан (данные — только по линии Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Действительные затраты на репатриацию, разумеется, были неизмеримо выше и точному учету не поддаются (Отчет-1, с. 232—234).
- ⁶ Во исполнение Постановления СМ СССР № 10782рс от 07.09.1946.
- ⁷ Когда на Управление были возложены задачи по эвакуации иностранных военнопленных (см. ниже).
- ⁸ Распоряжение СМ СССР № 3713рс от 22.03.1950
- ⁹ Постановления СМ СССР № 2424-1027с от 03.11.1946 и № 246-110сс от 08.02.1947.
- ¹⁰ Отчет-2, с. 164—170.
- ¹¹ Постановление СМ СССР № 5305-2071с от 29.12.1952. Дела Управления в качестве И.о. Уполномоченного сдавал Смородинов, а не Голиков.
- ¹² Но и некоторые «старые», традиционные задачи порой несколько видоизменялись, что требовало их фиксации в новых постановлениях и решениях. К задачам такого рода мы бы отнесли, например, репатриацию латышей, эстонцев и литовцев и их расселение в Латвийской, Эстонской и Литовской ССР (Постановление СМ СССР № 843-342сс от 13.04.1946) или репатриацию украинцев и белорусов из Франции (Постановление СМ СССР № 1246-508с от 14.06.1946).
- ¹³ Постановление СМ СССР № 2235-921с от 04.10.1946.
- ¹⁴ Постановление СМ СССР № 1781-462с от 26.05.1947.
- ¹⁵ Отчет-2, с. 175—176. Численность персонала в каждом из лагерей — 132 чел., охраны — 150 чел.
- ¹⁶ Отчет-2, с. 181—182.
- ¹⁷ Отчет-2, с. 124.
- ¹⁸ Циркулярное письмо № 1937/ДПУ зам. министра иностранных дел СССР т. Зорина и зам. министра вооруженных сил СССР т. Василевского (Отчет-2, с. 124—125). В результате было выявлено в общей сложности 945.184 могил (см. подробнее в гл. 3.4).
- ¹⁹ Постановление СМ СССР № 2077-544с от 17.06.1947.
- ²⁰ Постановление СМ СССР № 4668-2008с от 17.11.1950.

- ²¹ Голиков Ф.И. Год работы по репатриации советских граждан // Правда. 04.10.1945. — Цит. по: Репатриация, 1945, с. 50.
- ²² Цит. по: АВП. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 63—65.
- ²³ Только в 1947—1948 гг. через радиостанцию «Волга» в Берлине и через радиостанцию в Вене в эфир было передано свыше 300 радиопередач.
- ²⁴ Копию см.: ЦГАКФ, сигнатура I-9304. Фильм был выпущен киностудией документальных фильмов в 1946 году, разрешительное удостоверение Главлита датировано 12.06.1948, с пометой: «К демонстрированию в пределах для специального назначения для специальных экранов сроком до 30.06.1949». В том же архиве имеются также ленты «Они вернулись на Родину» (М.—Рига, 1949) и «Возвращение на Родину», а также посвященные репатриации сюжеты «Киноплетиси» и киножурнала «Новости дня». Особенно интересны сюжеты киноплетиси о доставке бывших военнопленных через Иран и Каспийское море в Баку в ноябре 1944 г. (сигнатура I-11037) и о передаче американцами советских Дипи на советском сборном пункте в г. Штейер в Австрии (сигнатура I-11181).
- ²⁵ Общее число репатриированных в СССР лиц, принятых в советское гражданство, составляло, на 01.01.1950, 20.617 чел. См. в «Сводке № 79 о репатриации советских и иностранных граждан по состоянию на 1 января 1950 года» (РГВА. Ф. 1еп. Оп. 01. Д. 81. Л. 21). Отчет-2 содержит еще одну — несколько загадочную — цифру и обозначение: «въезд в СССР 431.418 чел. отдельных групп граждан русского, белорусского и украинского происхождения и бывших эмигрантов из разных стран Западной Европы и Китая» (Отчет-2, с. 2; возможно, здесь отражены послевоенные обмены территорией и населением с Польшей).
- ²⁶ Занятно утверждение, что за 3 года работы американских, английских и французских розыскных групп в советских зонах оккупации им не удалось отыскать ни одного иностранца, зато всю свою деятельность эти группы употребили на разведывательные цели (Отчет-2, с. 13).
- ²⁷ Голиков — Круглову, 4.01.1950. Сводка № 79 о репатриации советских и иностранных граждан по состоянию на 1 января 1950 года (РГВА. Ф. 1еп. Оп. 01. Д. 81. Л. 21).
- ²⁸ Отчет-2, с. 10.
- ²⁹ Отчет-2, с. 7.
- ³⁰ Это утверждение по меньшей мере неточно. Выше уже был описан случай 1945 г. со Швейцарией. В марте 1946 г. Главнокомандующий Жуков издал приказ, запрещающий вплоть до возвращения союзниками советских граждан передачу союзному командованию иностранцев-репатриантов. См.: Голиков — Вышинскому, 16.04.1946 (АВП. Ф. 082. Оп. 30. П. 128. Д. 11. Л. 31—32).
- ³¹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.
- ³² Запись-беседа с гражданкой Э.Я.Гульбис, бывшей воспитательницей этого детского дома, прибывшей из английской зоны оккупации 25.04.1948. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 33).
- ³³ Отчет-2, с. 39—47. См. также в анонимной статье «Оккупационные власти США вывозят советских детей из Австрии» (Правда. 14.12.1951).
- ³⁴ Например, в Австрии американские власти передали на воспитание старшему сержанту армии США Джонсону детей осужденного американским судом советского гражданина Семёна Мостового — Людмилу (1945 г.р.) и Павла (1947 г.р.). Джонсон увез их в США, а Мостовой

был освобожден в 1951 г. и репатриирован на родину. Несмотря на то, что в течение 1949—1951 гг. советские власти предоставили документальные подтверждения гражданства на 46 детей, ни один из них не был возвращен в СССР.

³⁵ АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 133—135.

³⁶ Распоряжение СНК СССР № 18025рс от 19.12.1945.

³⁷ Распоряжение СНК СССР № 183112рс от 24.12.1945.

³⁸ См.: Успенский В. Похищенные дети // Сегодня. 24.08.1993.

³⁹ Отчет-2, с. 39—47. Но предполагалось, что в действительности их гораздо больше.

⁴⁰ Брюханов — Вершинину, 14.08.1946 (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 36—37).

⁴¹ Голубев — Вышинскому, 27.05.1948 (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 160. Д. 15. Л. 27—29).

⁴² АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 74—76.

⁴³ Известны даже случаи, когда, желая пойти в том или другом случае навстречу, союзники демонстративно пересматривали приговор в сторону уменьшения срока (как правило до 9,5 лет).

⁴⁴ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52.

6.

НА РОДИНЕ И НА ЧУЖБИНЕ: НЕ ПЕРВЫЕ СРЕДИ РАВНЫХ

6.1. Через фильтры и тернии — к кремлевским звездам: путь домой

Излишне пояснять, что даже чисто внешне репатриация из восточной и из западных оккупационных зон происходила неодинаково. При репатриации из западного лагеря людям давали на подпись некую «...хитро составленную декларацию, объясняющую, что у них есть единственный выбор — добровольное возвращение на родину. Взявнув в колючие глаза смершевца, репатрианты быстро подмывали документ»¹. С собой давали сухой паек (хлеб, консервы, галеты), некоторые прихватывали одеяла. Транспорты или грузовики, следовавшие из союзнических зон, иногда украшенные наломанными по дороге ветками, прибывали на приемно-пропускные и сборно-пересыльные пункты «молча», в напряженной тревоге².

Репатрианты из советских зон оккупации ветками, как правило, не ограничивались, а украшали свои эшелоны алыми полотнищами с лозунгами или без оных и, конечно же, портретами Сталина, Жукова, реже — других советских вождей. Подъезжали с музыкой, песнями, с выставленной напоказ радостью и упрятанным внутрь страхом, и все-таки — с надеждами на скорое и не омраченное ничем возвращение домой, к близким.

Лагеря же всех встречали одинаково — призывно-угрожающие плакаты «Родина ждет вас!», автоматчики и предваряющая письменную регистрацию основополагающая сортировка: военнопленные — налево, прочие — направо, женщины и дети — на месте стой, раз-два. При этом опять — в который уже раз? — ломались семьи, особенно новые (ведь за недели и месяцы весеннего и летнего безвластия и свободы многие военнопленные, многие остовцы и остовки успели связать себя узами Гименея!).

После регистрации и предварительной проверки физически здоровых мужчин ждал многодневный пеший марш по принципу «лагерь-колонна» с разбивкой по признаку областей и районов репатриации на «тысячи», «сотни» и «десятки» под руководством старших, из числа самих репатриантов. Инструкцией были предусмотрены суточный темп движения в 15 км, привалы на 3—4 часа и дневки через каждые 3 дня марша, транспорт для продовольствия и личных вещей

(по 50 кг на душу), заболевших и отставших по маршруту. Для сопровождения колонны в 1000—1500 чел. выделялся офицер, фельдшер, один—два(!) политработника и группа бойцов³. Последнее оставило свой след в памяти репатриантов: многие вспоминают о сопровождавших колонну автоматчиках-велосипедистах.

Вот как описывает такой марш Леонид Ситко:

«Утром замполит Быков пожурил нас за то, что при переходе мы вели себя, как стадо баранов: нарушали строй и т.д. Затем было сказано главное. Поскольку идет демонтаж военных заводов Германии, транспорт брошен на перевозку. Есть приказ командования — в Россию идти пешком порядком. Покинувший строй будет числиться дезертиром. Идти будем так: 5 км пути — 10 минут привала, через два дня пути — день отдыха. Дневная норма — в среднем 30 км. С нами походная кухня, приварок будет выдаваться дважды в сутки, хлеб и сахар — своим чередом. Командирами взводов, рот и батальонов назначены сержанты и офицеры, прошедшие с полком славный боевой путь. Марш равносильен боевому заданию, и замполит подчеркнул, что "об этом марше знает товарищ Сталин".

Мы переглянулись: ого, Сталин!..

Быков разрешил вопросы. "Как быть с чемоданами?" — спросили из рядов. Быков поморщился, заметив, что солдату не к лицу возиться с тряпками, но раз уж так случилось, чемоданы можно сдать старшине, в распоряжение которого выделены две повозки.

...И пошли наши километры. Десятки, сотни километров! На своих двоих. В зной и в дождь. Днем и ночью. Впереди Юра, рядом Кирилл. Тридцать человек по четыре в ряд, а сбоку татарин Наврузов — взводный. Во главе батальона — коляска комбата, в хвосте — повозки с вещами да те, кто уже натер до крови ноги, кому старшина разрешил подпереться час-другой за край повозки. Обувь самая разномастная: ботинки, туфли, сандалии, редко — сапоги. Ночевали в лесах. На зорьке кто-нибудь, собрав котелки, мчался на кухню. Выловив из котелка пару картофелин и, если повезет, кусочек мяса, каждый из нас был готов к дневному переходу.

Мимо колонны тарахтят полевые кухни, спеша на будущую стоянку полка, то есть непременно в лес. Из-за этого дневная норма перехода увеличивается до сорока, а иной раз и до 50-ти км... Откуда-то берутся силы превозмочь любой "потолок" измотанности, любую "мертвую точку"... Человек оказывается способен соревноваться с самыми двужильными животными на земле, так он неприхотлив и вынослив. Случаи солнечных ударов, обмороков и истощения были крайне редки. Дезертирства — только два ("Подгадили нам эти литовцы!" — сказал Наврузов). Остальные 20 тысяч шли, шли и шли...»⁴

Промежуточными пунктами назначения репатриантов были ПФЛ в районе новой советской границы. В сознании многих они запечатлелись как «фильтрационные лагеря НКВД», хотя формально лагеря относились к номенклатуре соответствующих военных округов, а НКВД отвечало только за процедуру фильтрации. Но, видимо, эта процедура и была для подвергавшихся ей главнейшим переживанием и ярчайшим впечатлением...

Женщины, особенно беременные и с детьми, дети-сироты, старики от 50 лет и все больные и ослабленные (по заключению врача) — оставались в бараках: почти не расспрашивая, их отправляли эшелонами до Брест-Литовска⁵, где несколько голодных недель в ожидании следующего этапа были им гарантированы: колей-то дальше — другая, нашенская!

За час до выхода — построение и «проверка вещей» комиссией во главе лично с начальником лагеря: вроде бы ищут оружие, но отбирают фотоаппараты, часы, радиоприемники, разобранные велосипеды, швейные машинки, деньги — что понравится. Громоздкие вещи, которые люди не в состоянии были нести, оставлялись в лагере для «отправки на родину», но никто из адресатов их больше не видел (родственникам сотрудников лагеря вещи эти, разумеется, нужней). И невольно задумываешься, а не устроена ли вся затея с нашим переходом все с тою же — помните отвоєванные у англичан «20 кг»? — мародерской целью?..

Формально же репатрианты были вправе взять домой что угодно и сколько угодно. Поистине «первоапрельская шутка»: инструкцией и приказом Управления по репатриации № 21 от 1 апреля 1945 года им разрешалось провозить на родину — беспоплавно и без ограничения нормой — эффективную иностранную валюту и разное имущество, как то одежду, утварь, орудия труда, продукты питания, скот, птицу, ценности и др. На период с 1 января 1945 по 1 июля 1946 гг. их даже освободили от таможенного досмотра!⁶

На деле же все обстояло несколько иначе, чем на бумаге или в представлении начальства. Вот пример из декабря 1944 года, позаимствованный из письма генерал-лейтенанта Голубева комиссару госбезопасности Шитикову (начальнику отдела спецлагерей НКВД) и т. Зорину (НКВД):

«Советская Контрольная Комиссия из Бухареста сообщает, что у возвращающихся в СССР из Румынии репатриантов на пограничных КПП <контрольно-пропускных пунктах — П.П.> отбирается безвозмездно их скот. Прошу Вашего согласования и указания через генерал-лейтенанта т. Стаханова и Главное Таможенное Управление о беспрепятственном пропуске скота репатрируемых»⁷.

...На тех, кто, начиная, наконец, смекать что к чему, попытается бежать, разрешена самая настоящая «охота». Будучи пойманными, беглецы уже не сомневались в своем будущем: плачут по ним Колыма или Воркута⁸.

подавляющее большинство возвращалось домой по железной дороге. Эшелоны группировались по союзным республикам и областям и, по возможности, так, чтобы станции назначения и промежуточной разгрузки лежали на пути следования. Репатрианты имели на руках справки о прохождении ими проверки органами НКВД или «СМЕРШ», на весь путь следования (от 5 до 20 суток) им выдавался сухой паек. Однако, как отмечается даже в отчете Управления по репатриации в перечне своих недостатков, имели место «...факты неполного обеспечения репатриантов продовольствием на весь путь следования до места назначения (особенно в Северной группе войск)», а также факты «нарушения комендантами некоторых лагерей (СПП) групп войск принципов формирования эшелонов по областям места жительства репатриантов и попутной высадки их на железнодорожных станциях назначения, что вызывало обратные перевозки, приводило к недостатке продовольствия у репатриантов и загружало местные органы репатриации работой по переправкам»⁹.

Для сопровождения эшелона в каждый из них назначался начальник, замполит¹⁰, еще 2—3 офицера и до отделения бойцов охраны. У начальника были списки репатрируемых, продовольственные аттестаты и — взамен проездных документов — справки установленного образца.

С пассажирскими вагонами остарбайтерам и военнопленным снова не повезло: перевозили их, как и раньше, тяжелыми эшелонами в 30—35 вагонов «товарного парка, оборудованных для людских перевозок». В среднем в одном вагоне около 30—35 репатриантов, под солидной охраной, без права контактов с вольным населением, на скудном рационе¹¹.

Всего же, по состоянию на 1 марта 1946 года, перевозке подлежало 5.352.963 чел., в том числе из войсковых СПП и лагерей — 5.038.977 и из пограничных пунктов (Мурманск, Одесса, Владивосток, Петропавловск-на-Амуре, Выборг, Баку и Яссы — репатрианты, принятые от иностранных государств) — 313.986 чел.

По железной дороге — с привлечением в общей сложности 176.431 вагонов — за период с октября 1944 по январь 1946 г. было перевезено 5.263.495 чел.¹² Из этого количества к месту постоянного жительства было оттранспортировано 3.259.857 чел. (или 61,9 %), в запасные части фронтов и военных округов — 1.055.925 чел. (20,2 %), в рабочие батальоны для работы в промышленности — 608.095 чел. (11,5 %) и в распоряжение НКВД — 339.618 чел. (6,4 %). Кроме того в лагерях и СПП групп войск ожидали отправки в СССР еще 89.468 чел.

По периодам эта людская масса распределилась так: за октябрь—декабрь 1944 года — 1.079.500 чел., за январь—июнь 1945 — 1.354.020 чел., за июль—сентябрь 1945 года — 2.057.883 чел., за октябрь 1945 — февраль 1946 года — 770.687 чел. Средняя заполняемость одного вагона — 29,8 чел.; до июля 1945 года она не опускалась

ниже 30 чел., но после — не поднималась выше 20 чел., что связано с затруднениями при формировании рациональных маршрутов.

Когда органы репатриации еще только формировались, перевозку людей осуществляли главным образом тыловые части фронтов и армий; и только с декабря 1944 года эту работу возглавил транспортный отдел Управления по делам репатриации. Всего за октябрь—декабрь 1944 года было вывезено 1.079.500 чел., из них 967.587 чел. — освобожденных на советской территории и еще 111.913 чел. (или 10,4 %) — принятых от иностранных государств в приграничных портах или на железной дороге (в Мурманске, Одессе, Баку и Выборге).

За период с января по июнь 1945 года было вывезено еще 1.354.020 чел., из них 1.257.463 — из войсковых СПП и еще 96.557 (или 7,1 %) — от иностранных государств в приграничных портах или на железной дороге. В соответствии с Постановлением ГКО от 16 июня 1945 года и директивами № 104323, 104349 и 104377 заместителя НКО СССР генерала армии Булганина, на период июль—сентябрь 1945 года был запланирован массированный — до 1.290 тыс. чел. (из них 750 тыс. чел. по железной дороге и 540 тыс. чел. автотранспортом) — вывоз репатриантов из войсковых лагерей и СПП. Эти перевозки совпали по времени со столь же массовыми перевозками демобилизованных красноармейцев, а также демонтированного оборудования трофейных германских фабрик и заводов. И несмотря на это в действительности было отправлено существенно больше запланированного — 2.057.883 чел. (считая и тех, кто был направлен в запасные части фронтов и военных округов, а также в приграничные лагеря и лагеря НКВД).

За период с октября 1945 по февраль 1946 года было перевезено еще 770.687 чел. Всего же за период с июля 1945 года по февраль 1946 года было перевезено в общей сложности 2.828.570 чел., из них 1.851.839 чел. — или 65,5 %, по железной дороге¹³, остальные — автотранспортом.

Основными железнодорожными маршрутами при этом были следующие:

- 1) Берлин — Позен (Познань) — Варшава — Брест — Белосток;
- 2) Берлин — Позен — Остров — Лодзь — Развадов — Люблин — Ковель;
- 3) Бреслау (Вроцлав) — Оппельн (Ополе) — Краков — Пшемьсль — Львов;
- 4) Позен — Торн (Торунь) — Алленштейн — Инстербург;
- 5) Вена — Будапешт — Дебрецен — Чоп — Сегед;
- 6) Бухарест — Плоешти — Бакау — Пашкани — Яссы — Унгены.

Активно использовался и **автотранспорт** (до 5000 автомашин), которым в общей сложности было перевезено 976.731 чел.¹⁴ Основными автомобильными маршрутами были следующие:

- 1) Виттенберг — Торгау — Заган — Ельс — Кельце — Замостье — Владимир-Волынский;

2) Пархим — Гарти — Шнайдемюль — Быдгощ — Млава — Остров Мазовецкий — Белосток — Гродно — Волковыск;

3) Заган — Ельс — Кельце — Томашув — Рава-Русская;

4) Йиглава — Брно — Тарнув — Жешув — Львов;

5) Йиглава — Брно — Попрад — Вранов — Густе — Рохор — Коломыя;

6) Леобен — Вена — Нейштадт — Комарно — Эстергом — Лученец — Рожнява — Михальовице — Ужгород — Густе — Коломыя.

Весьма и весьма ощутимой по ходу репатриации была роль **морского транспорта**. Всего было вовлечено 166 пароходов, доставивших в СССР 193.946 чел.¹⁵ Морем было привезено большинство репатриантов из США (преимущественно мелкими партиями, на попутных советских пароходах, во Владивосток — с перегрузкой в Петропавловске-Камчатском), Англии (из Ливерпуля в Мурманск), Норвегии (из портов Мушен, Му, Буде и Тромсе с выгрузкой в Мурманске — 15 тыс. чел.), а также ощутимая доля репатриантов из Франции, из Марселя в Одессу (за 21.10.1944 — 01.06.1945, 32.155 чел.), Италии, Египта (из портов Суэц и Порт-Саид — транзитом через Ирак и Иран или через Италию) и Румынии (из Констанцы)¹⁶.

Заслуживает упоминания и на удивление слабая роль **авиации** в осуществлении репатриации — всего 35.644 чел. на 1783 самолетах¹⁷. Советский самолетный парк был слабо приспособлен для пассажирских перевозок, а неоднократные предложения союзников (например, генерала Баркера на переговорах в Галле и особенно — глав Военных миссий США и Великобритании в Москве — генерала Дина и контр-адмирала Арчера) об использовании их авиации как для эвакуации освобожденных Красной Армией американцев и англичан, так и для репатриации советских граждан, воспринималось как акция не гуманитарного, а разведывательного характера и наталкивались на неизменный и категорический отказ советской стороны¹⁸. Исключение было сделано только для авиаперевозок репатриантов из Франции: с аэродромов Боригар, Ванде, Ле-Тюен, Мо и Лион к СПП в Лейпциге и Пльзене было доставлено в общей сложности 23.478 чел.¹⁹.

Однако, самые главные трофейные генералы — генералы Власов, Краснов, Шкуро и некоторые другие — были доставлены в Москву по воздуху.

Примечания

¹ Лугин, 1987, с. 248.

² В одной из газетных статей («Братская встреча»), подписана «Николай Д.» описывается самоубийство советского лейтенанта Василия Воробьева, которому пришлось «встречать» в транзитном лагере Хемниц эшелон

власовцев и среди них своего брата (ВА/МА, Msg 149/14 газетная вырезка; издание не указано, но по всей видимости это газета «Голос народа»).

³ «Вопросы, подлежащие проверке на фронтах по организации отправки репатриантов с Фронтовых СПП и лагерей пешим порядком до госграницы и по железной дороге с пунктов приема УССР, БССР и МССР». Июнь 1945 г. (число не указано). Утвержденная Голиковым инструкция составлена помощником Уполномоченным СНК по делам репатриации генерал-майором Ревякиным. См. Отчет-1, с. 115—117.

⁴ См.: Ситко, гл. 4.2. Интересно, что много восточнее Познани колонна получила приказ... вернуться на юго-запад, на территорию Тюрингии, для уборки урожая!

⁵ Очевидно, один из 35 приграничных лагерей (см. выше). В соответствующей инструкции в качестве таких «пунктов приема репатриантов» перечислены: Гродно, Волковысск, Брест, Ковель, Владимир-Волынский, Рава-Русская, Львов, Самбор, Делятин и Унгены.

⁶ Распоряжения СНК №10866-рс от 17.07.1945 и № 1308-рс от 02.02.1946.

⁷ Письмо генерал-лейтенанта Голубева № 0782 от <между 28 и 31>. 12.1944 комиссару госбезопасности Шитикову (начальнику отдела спецлагерей НКВД) и т. Зорину (НКВД) (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 22. Л. 32).

⁸ Бывшие советские военнопленные появились на Колыме, как сообщает П.Ольшевский, в 1946 году. Поначалу — на положении «спецпереселенцев» (т.е. формально свободными, получающими на руки деньги и карточки, и даже жили они, хотя и в бараках, но вне лагерей), а спустя небольшое время «справедливость» восторжествовала и их перевели на положение «следственных», то есть «з/к». При этом их водили не только на работу (те же самые 12 часов, что и в Германии), но и к следователям, обрабатывавшим каждого против каждого — чтобы с чистым сердцем на этом же материале подготовить часть контингента к 10 годам за «измену родине» (с отбытием срока по месту дознания), часть — к 6 годам «вольной высылки» на Колыму и еще одну небольшую часть — отпустить на свободу (а выбраться с Колымы и свободному непросто). У военнопленных офицеров положение почетнее: они, как правило, работали в учреждениях г. Магадана на правах бывшего «з/к», т.е. без «северных» и других привилегий «договорника» и без права выезда с Колымы (см.: Ольшевский П. Когда они вернутся домой? (Трагическая участь советских военнопленных) // Голос народа. [Год и число не указаны], № 21(25) — ВА/МА, Msg 149/14, Bl. 35).

⁹ Отчет-1, с. 77.

¹⁰ Всего за время репатриации на политическом фронте трудилось аж 2.242 работника (Отчет-1, с. 122).

¹¹ 500 г хлеба, 10—15 г сахара, до 15 г масла, рыба. См.: Крюков В. Судьба оловцев [Газетная вырезка; издание не указано, по всей видимости — «Голос народа»] (ВА/МА, В 149/14 Msg, Bl. 35R.).

¹² Отчет-1, с. 230.

¹³ В том числе 105.104 чел. — принятых от иностранных государств в Мурманске, Одессе, Выборге и Яссах; остальные — из войсковых лагерей и СПП (Отчет-1, с. 76).

¹⁴ Отчет-1, с. 230.

¹⁵ Отчет-1, с. 230.

¹⁶ В апреле—мае 1945 года, в частности, 2000 репатриантов планировалось перевезти из Констанцы в Новороссийск (Отчет-1, с. 120).

¹⁷ Отчет-1, с. 230.

¹⁸ См.: Отчет-1, с. 52—53, 207—208.

¹⁹ Отчет-1, с. 88. Именно таким образом 26.05.1945 начался путь домой Г. Кондакова (Кондаков, 1991, с. 326).

6.2. На родину: просеивание через сито

Подобно тому как орудием борющегося пролетариата долгое время был булыжник, орудием фильтрационных комиссий, разоблачающих бесчисленное количество явных и тайных врагов, была **анкета**. Смершвец или энкавэдэшник, вскидывая цепкие глаза на каждую сидевшую перед ним сволочь, с помощью трех десятков вопросов и неусыпной бдительности, легко выводил его или ее на чистую воду и выдавал свое предписание, или приговор¹.

Даже если грехов за проверяемым не находилось и он без компрометации прошел через политическую проверку (фильтрацию), он — как «подвергшийся воздействию фашистской идеологии» — все равно ставился на учет в КГБ, и анкета его следовала за ним, куда бы он ни переехал, при этом неотразимым и весьма скверным образом влияя на его судьбу...

Почти две трети репатриантской массы приходилась на гражданских рабочих, треть — на военнопленных. Поинтересуемся теперь их национальным, социальным, а также «партийным» составом (табл. 6.2.1 — 6.2.3.).

Таблица 6.2.1

Национальный состав репатрированных советских граждан (по состоянию на 01.03.1946 г.; чел. / %)

Национальности	Всего	В том числе	
		гражданские	военнопленные
Украинцы	1.650.343/100,0	1.190.135/72,1	460.208/27,9
Русские	1.631.861/100,0	891.747/54,6	740.114/45,4
Белорусы	520.672/100,0	385.896/74,1	134.776/25,9
Поляки	53.185/100,0	50.483/94,9	2.702/5,1
Литовцы	50.396/100,0	47.377/94,0	3.019/6,0
Татары	43.510/100,0	11.332/26,0	32.178/74,0
Ингерманландцы	43.246/100,0	43.246/100,0	—
Молдаване	36.692/100,0	31.598/87,1	5.094/12,9
Латыши	35.686/100,0	32.230/90,3	3.456/9,7

Национальности	Всего	В том числе	
		гражданские	военнопленные
Грузины	33.141/100,0	7.600/22,9	25.541/77,1
Узбеки	31.034/100,0	1.446/4,7	29.588/95,3
Казахи	26.903/100,0	2.455/9,1	24.448/90,9
Армяне	25.063/100,0	44.06/17,6	20.657/82,4
Азербайджанцы	24.333/100,0	2.348/9,6	21.985/90,4
Эстонцы	14.980/100,0	12.231/81,7	2.749/18,3
Евреи	11.428/100,0	6.666/58,3	4.762/41,7
Калмыки	6.405/100,0	2.318/36,2	4.087/63,8
Киргизы	6.249/100,0	1.950/31,2	4.299/68,8
Башкиры	5.793/100,0	1.215/21,0	4578/79,0
Таджики	4.711/100,0	453/9,6	4.258/90,4
Финны	4.705/100,0	4.122/87,6	583/12,4
Туркмены	3.968/100,0	177/4,5	3.791/95,5
Карелы	3.441/100,0	1.247/36,2	2.194/63,8
Другие,	173.156/100,0	138.651/80,0	34.505/20,0
Из них: представители коренных народов СССР	97.560/100,0	65.974/68,2	31.586/31,8
немцы, греки, болгары, румыны, венгры	75.596/100,0	72.677/96,1	2.919/3,9
И т о г о:	4.440.901/100,0	2.871.329/65,0	1.569.572/35,0

Рассчитано по: Отчет-1, с. 227—228.

Примечание: Помимо собственно репатриантов, в таблице учтены 241.413 внутренних перемещенных лиц, из них 217.144 гражданских и 24.269 военнопленных.

В их числе оказалось приблизительно поровну русских и украинцев — по 1,65 млн чел., а всего на представителей двух этих народов пришлось около 72 % репатриантов. Показательно, что среди оstarбайтеров украинцы заметно опережали русских. Если среди оstarбайтеров на гражданских (оstarбайтеров) приходилось те же 72 %, то среди русских — всего лишь 55 %. Через пленение в Германию попало также подавляющее большинство татар, евреев (разумеется, в Германии они выдавали себя за кого-то еще), представителей кавказских и среднеазиатских народов.

Среди репатриировавшихся советских граждан значатся 11.428 евреев, из них 4.761 военнопленных и 6.666 чел. гражданских лиц. Среди последних большинство составляли, надо полагать, «полосатики» — уцелевшие после всего концлагерники. С подозрительностью и ехидством спрашивали их смершесцы: «Ну, и как же это вы, абрамы, живы-то остались в своем концлагере?»²

Среди гражданских репатриантов 34 % приходилась на колхозников и еще 6 % — на крестьян-единоличников, 21 % — на рабочих и 9 % — на служащих, 17 % — на детей. Среди военнопленных — офицеров около 8 %, еще 12 % — сержантский состав, остальные 80 % — рядовые. Среди военнопленных, по сравнению с гражданскими, неизмеримо выше доля членов КПСС и ВЛКСМ (соответственно 6 и 12 % против 1 и 5 %).

Таблица 6.2.2

Партийность репатриированных советских граждан
(по состоянию на 01.03.1946 г.; чел. / %)

Партийная принадлежность	Всего	В том числе	
		Гражданские	Военнопленные
Члены КПСС	115.520 2,6	27.991 1,0	87.529 5,6
Члены ВЛКСМ	326.080 7,3	132.873 4,6	193.207 12,3
Беспартийные	3.999.301 90,1	2.710.465 94,4	1.288.836 82,1
Итого	4.440.901 100,0	2.871.329 100,0	1.569.572 100,0

Рассчитано по: Отчет-1, с. 227—228.

Так какова же была «роза судьб» репатриантов по их возвращении на родину?

Имеющиеся данные не вполне комплектны и несколько отрывочны. Так, например, по состоянию на январь 1945 года, известно распределение 1.153.475 чел. внутренних перемещенных лиц по категориям по результатам фильтрации. К месту постоянного жительства было отправлено 831.951 чел. (или 72,1 %), почти исключительно гражданские лица (военнопленных среди них — только 316 чел.), среди них мужчин — 165.644, женщин — 353.043 и детей — 313.264.

Еще 254.773 чел. (или 22,1 %) оказались призывного возраста и, будучи мобилизованными через запасные части фронтов и армий, были переданы на пополнение действующих частей. Тут большинство (89,5 %), напротив, было за военнопленными: 228.068 чел. против 26.705 чел.

Еще 66.751 чел., или 5,8 % из числа внутренних перемещенных лиц, были отправлены в распоряжение НКВД (на правах спецконтингента). И тут примерно такой же перевес (86,8 %) за военнопленными: 57.915 против 8.836 чел.³

Спустя год с лишним изменились не столько абсолютные значения или пропорции (последние, впрочем, — незначительно), сколько сами рубрики категорий. Сводные статистические данные, по состоянию на 1 марта 1946 года, отображены в табл. 6.2.3⁴:

Таблица 6.2.3

Результаты проверки и фильтрации репатриантов
(по состоянию на 01.03.1946; чел. / %)

Категории репатриантов	Численность	
	человек	%
Отпущено по домам*	2.427.906	57,8
Мобилизовано в армию	801.152	19,1
Зачислено в рабочие батальоны НКО	608.095	14,5
Передано в распоряжение НКВД	272.867	6,5
Находилось на СПП или использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89.468	2,1
Итого	4.199.488	100,0

Источник: Земсков, 1990, с. 36.

* Включая представителей «наказанных народов», отправленных на спецпоселение.

Решительно другие сведения публикует А.А.Шевяков⁵. И хотя мы лишены возможности сравнить первоисточники (поскольку архивных шифров ни один из них не приводит!), все же данные А.А.Шевякова воспроизведем, оснастив их несложными вычислениями⁶.

Согласно Шевякову, судьбы 5.229.160 репатриантов разложились так: а) призвано в действующую армию — 1.645.266 чел. (31,5 %), в том числе 1.229.928 бывших военнопленных и 415.338 гражданских лиц; б) отправлено по месту жительства 3.245.787 чел. (62,0 %), из них 277.634 бывших военнопленных и 2.968.153 гражданских; в) в распоряжение НКВД передано 338.107 чел. (6,5 %), из них 283.107 «власовцев» и 55.015 из числа гражданских лиц.

Возьмем за основу данные таблицы 6.2.3 и постараемся по возможности подробнее приглядеться к каждой из модификаций репатриантской судьбы.

Мобилизация в армию. Статус бывших военнопленных длительное время вообще не прояснялся. Только указ ПВС СССР от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» практически «простил» всех рядовых и сержантов, что не служили у Власова, в полиции и т.д.

Бывших военнопленных разбили на две возрастные группы: одних — в соответствии с возрастом демобилизовали на общих основаниях, других (чей возраст под демобилизацию не подпадал) — и, к слову сказать, вместе и наравне с оstarбайтерами аналогичных возрастов — зачисляли в запасные части армии. Там они занимались военной подготовкой и одновременно еще раз проверялись особистами и политорганами. В случае «положительной» аттестации (с формулировкой: «ни в чем не замешан») их отправляли на передовую. Всего за период с октября 1944 по март 1946 года в ряды Красной Армии было направлено 1.055.925 репатриантов, из них 268.794 чел. — в 1944 году, 779.406 чел. — в 1945 и 7.725 чел. — в 1946 году⁷. Их боевой вклад был весьма и весьма ощутим как на европейском⁸, так и на тихоокеанском театрах военных действий.

Наличие в Германии или Австрии большого числа советских граждан призывного возраста оказалось как нельзя более кстати. Ведь боевые действия на заключительном этапе войны (например, на Берлинском направлении) отличались исключительным упорством и большими потерями в живой силе с обеих сторон.

Так что не удивительно, что только в оперативной зоне 1-го Украинского фронта и только до 20 марта 1945 года в боевые части было направлено более 40 тыс. чел. из числа репатриантов. Большинство, как писал начальник политического управления фронта гвардии генерал-майор Ящечкин в своем донесении начальнику Главного политического управления Красной Армии от 7 апреля 1945 года, составляли украинцы и русские в возрасте до 35 лет, в основном, с неполным или полным средним образованием. Бывшие

военнослужащие, еще до пленения воевавшие с немцами, как правило, были в меньшинстве (до 1/4), среди не нюхавших порошу оstarбайтеров большая часть (70 % и более) использовалось немцами в промышленности, 15—20 % — в сельском хозяйстве и до 10 % до освобождения сидели в тюрьмах и концлагерях; призывались — причем в значительном количестве — и женщины.

Тем не менее — главный вывод Ящечкина:

«Политико-моральное состояние подавляющего большинства бойцов, призванных из числа советских граждан, находившихся в немецкой неволе, здоровое. Испытав на себе все ужасы немецкой неволи, фашистского плена, бойцы пополнения сильно ненавидят немецких оккупантов и выражают нетерпение с оружием в руках скорее отомстить на поле боя. Большинство бойцов нового пополнения в боях дерется стойко, при этом многие проявляют мужество и отвагу»⁹.

Второй вывод Ящечкина не столь радужен:

«...В числе этого пополнения имеются лица, которые в период пребывания в фашистской Германии находились на службе у немцев, были завербованы ими и с целью диверсий против Красной Армии, оставлены ими на занятой нами территории. Попадая в ряды Красной Армии, эти изменники пытаются проводить свою гнусную работу: распространяют ложные слухи, восхваляют жизнь в Германии, высказывают недовольство службой в Красной Армии. Многие из них уже разоблачены и изолированы. Имеются также отдельные лица, зараженные фашистской лживой пропагандой, под воздействием которой они находились длительное время»¹⁰.

Рабочие батальоны. Многие репатрианты зачислялись — либо сразу же, либо по истечении службы в действующей армии — в так называемые «постоянные кадры промышленности»¹¹. Составленные из них «рабочие батальоны» были заняты на различных инженерных работах как на передовой, так и в тылу наступающей Красной Армии. С окончанием войны их трудовая служба не заканчивалась, — работы было много и хватало везде и на всех. Согласно Постановлению ГКО от 18 августа 1945 года, их направляли на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки¹².

На 1 января 1946 года в этих батальонах служило 608.095 репатриантов, из них 344.448 бывших военнопленных и 263.647 — бывших гражданских (среди последних, как свидетельствует наш анкетный опрос, было немало и женщин). По всей видимости, их было еще больше, так что не будет сильным преувеличением сказать: после многих лет и месяцев их принудительного труда на чужбине, точно такой же — принудительный — труд ожидал всех трудоспособных репатриантов и на родине, и снова — на месяцы и годы. Демобилизовывались из рабочих батальонов точно так же, как из армии, — по возрастам.

Анкетный опрос добавил к этим сухим цифрам несколько штрихов. Многих — каждого десятого из числа ответивших на анкету — направили на работы не спрашивая, то есть **так же принудительно, как это сделали немцы.**

Видимо типичным был случай, описанный в письме, опубликованном без подписи в газете второй русской эмиграции «Посев»:

«Через несколько дней после нашего прибытия в лагерь <Брук-андер-Лейте, 4-й по счету для автора. — П.П.> был собран митинг, на котором выступил оратор из нашей же среды, и заявив о том, что все мы очень провинились перед родиной и своим народом, внес предложение добровольно записаться на 5 лет на стройку на Урал не выезжая домой, как единственное средство искупить свою вину. На вопрос, кто против, возражающих не оказалось, как и следовало ожидать. Предложение считается принятым единогласно, и через 2 дня нас погрузили по 70 человек в товарный вагон и, заперев снаружи дверь, отправили к месту назначения. В течение двух недель пути вагоны отпирались только 1 раз в сутки на 15—20 минут, за это же время раздавалось питание, состоявшее из 200 г хлеба и сырой воды. Через 2 недели мы прибыли в Кузнецкий бассейн на угольные шахты. Тут мы попали в огромный лагерь, состоявший сплошь из таких же добровольных репатриантов, "добровольно" записавшихся на стройку "не выезжая домой"»¹³.

Это и называлось «мобилизацией в трудовые батальоны», подчинявшимся Министерству обороны, но иногда и другим министерствам, например, угольной промышленности. Чаше всего людей направляли в Донбасс, на восстановление и эксплуатацию шахт¹⁴ и на лесозаготовки. Так называемая «передача в постоянные кадры промышленности» прикрепляла человека к месту работы и жительства. Каждый «освобожденный» таким образом гражданин ставился на оперативный учет по месту работы, что фактически являлось формой серьезного ограничения в правах. Даже транспортировка к месту работы осуществлялась в спецшелонах и под конвоем войск НКВД.

По достижении демобилизационного возраста из рабочих батальонов, как правило, не освобождали и не отправляли домой, а закрепляли за предприятиями и стройками, где они к тому времени трудились. Право ухода с предприятия имели только инвалиды и только в том случае, если они переезжают к месту постоянного местожительства, а также самые великовозрастные из работающих в батальонах¹⁵. В «кабалу» (а как еще это назовешь?) попадали не только гражданские рабочие, но и демобилизованные в них военнослужащие, в том числе старших возрастов.

В делах Управления Уполномоченного по делам репатриации сохранилась обширная переписка с такими репатриантами, надеявшимися на то, что Указ ПВС о демобилизации из армии старших возрастов и специалистов распространяется и на них. Большинство получа-

ли несколько строчек за подписью полковника Митропольского (руководителя отдела устройства возвращенных граждан СССР), суть же сводилась к тому, что закон о демобилизации распространяется только на рядовых и младших офицеров, находящихся в частях Красной Армии, а на личный состав рабочих батальонов он тем самым не распространяется: *«...поскольку Вы работаете в промышленности <а не служите в армии — П.П.>, то до особого распоряжения из рабочего батальона Вы уволены не будете»*¹⁶.

Вот несколько выразительных «случаев» такой переписки.

В середине ноября 1945 года через редакцию «Правды» из г. Чусового Молотовской области (завод ферросплавов) поступило письмо от бывших военнопленных В.Н.Крутова, В.М.Катазарова и И.А.Лазарева из рабочего батальона капитана Барина. Все трое успешно прошли фильтрацию в фильтрационном лагере № 222 в Фюрэнсберге, всем выдали репатриационные удостоверения и как демобилизуемых по возрасту (1915 года рождения) направили по домам с предписанием по приезду обратиться в райвоенкоматы. По приезду в г. Гродно, где всех должны были распределять по областям назначения, командир батальона капитан Барин отобрал у всех документы и со словами, что мы еще должны послужить в РККА, увез всех в г. Чусовой: *«Но приехав к месту назначения, нас передают на постоянную работу в распоряжение дирекции завода. И согласно приказа мы не имеем права уволиться. Скажите, почему. Объясните неужели мы лишены своих матерей, отцов, жён и детей и своих специальностей? Объясните, в чем мы виноваты? Спрашиваем, потому что нам никто не объясняет о нашем положении. При сем прилагаем почтовые марки для ответа»*¹⁷.

В те же дни поступило еще более обстоятельное заявление от бывшего военнопленного и 40-летнего репатрианта Ивана Петровича Королева из г. Электросталь Московской области (почтовый ящик 13): *«1. Прошу Вас разъяснить, подлежу ли я демобилизации из рядов Красной Армии, как репатриированный, по закону о демобилизации старших возрастов и специалистов? С июня 1942 г. и по апрель 1945 г. находился в немецком плену, из них последний 1 год находился в концлагере, куда был сослан за побег. Нахожусь на военной службе в строительном батальоне. 1906 г. рождения. Имею высшее сельскохозяйственное образование. До войны 8 лет работал агрономом-зоотехником.*

2. Если подлежу демобилизации, то как я должен поступить, поскольку часть не демобилизуют, ибо часть скомплектована за счет молодежи с 1926 года и моложе? По пути на новое место назначения в гор. Самборе все военстроители рождения с 1915 г. и старше были выделены в другую часть для демобилизации. Я в числе десяти человек был временно оставлен в штабе части, в виду отсутствия других работников для замены (мотивировка командира части).

3. Хочу работать по своей прямой специальности, где я могу принести государству большие пользы. Поэтому очень прошу Вас разъяснить мне, чтобы я мог возбудить ходатайство о демобилизации перед командованием части. 8.XI.45 года Проситель И.Королев»¹⁸.

Только Постановление СМ СССР № 2220 от 30 сентября 1946 года «Об упорядочении использования в промышленности, на строительстве и транспорте репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных и о распространении на них льгот, предусмотренных для демобилизованных» распространило на них в полной мере действующее законодательство о труде, а также права и льготы, которыми пользовались «вольные» рабочие и служащие этих же предприятий и строек.

Временно оставленные в Германии (демонтаж). Разновидностью трудовой мобилизации (как правило, выделяемой отдельной строкой) были работы по охране, демонтажу и транспортировке трофейного (или репарационного) оборудования (нередко — с последующим его монтажом на территории СССР), что, как правило, требовало многомесячной (до года и больше) задержки в Германии. В феврале 1945 года Сталин решил, что от пустых разговоров с союзниками о репарации пора — и всерьез — переходить к делу и подумать о том, какие трофеи брать и почему. 21 февраля он распорядился создать для начала при действующих фронтах постоянные комиссии для вывоза промышленного оборудования и материалов с территории Польши и Германии¹⁹, а 25 февраля подписал Постановление ГКО за № 7590сс о создании самостоятельного Особого комитета при ГКО в составе: Г.Маленкова (председатель), Н.Булганина, Н.Вознесенского, А.Хрулева и генерал-лейтенанта Ф.Вахитова — начальника Главного трофейного управления²⁰. Так была создана верхушка «репарационных органов» и обозначена их структура, почти в точности воспроизводившая структуру самого СНК: и правда, если задуматься, ну какому же наркому совсем ничего из Германии не надо или не захочется?

Постановлением ГКО № 7897сс от 21 марта 1945 года на Наркомстрой СССР (нарком С.Гинзбург) был возложен подряд на демонтаж сложного германского оборудования для строящихся в СССР предприятий и других объектов, для чего — сообразно с действующими фронтами — были созданы 1-е, 2-е, 3-е и 4-е Особые монтажные управления. Эти секретные управления, как язвительно замечает П.Кнышевский, правильное было бы называть демонтажными²¹. В их распоряжение было придано, помимо техники, транспорта и специалистов, 5 демонтажных батальонов по 1000 чел. в каждом и 10 рабочих батальонов по 500 чел. Итого — 10 тысяч пар рабочих рук, набранных, согласно сталинскому распоряжению, из числа репатрируемых граждан²². Точно так же 5 апреля 1945 года были созданы Особое монтажное управление Наркомата электростанций СССР («Особэнергомонтаж») и, на правах трестов, два управления Наркомхимпрома

СССР при крупнейших химкомбинатах «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме и Хайдебреке (а кроме того — особое управление по демонтажу химических предприятий в Германии и опергруппа на 1-м Украинском фронте для руководства демонтажом химических предприятий в Силезии)²³. Постановлением ГКО от 19 апреля 1945 года организуются также Особое монтажное управление Наркомата черной металлургии СССР (г. Беутен в Верхней Силезии), два Особых монтажных управления Наркомата цветной металлургии СССР («Особцветмонтаж») во главе с заместителем наркома С.Рагинским²⁴, Особое монтажное управление и отделы в составе треста «Союзпроммеханизация» Наркомтяжмаша. Позднее аналогичные «особые» структуры были созданы практически во всех наркоматах промышленного профиля.

В апреле—мае 1945 года Управление Уполномоченного по делам репатриации сочло необходимым командировать сотрудников центрального аппарата для проверки выполнения Постановления ГКО о выделении и отборе репатриантов наркоматам промышленности для демонтажных работ в Германии²⁵.

Вдалеке от Госплана Ф.Голикову предписывалось обеспечивать демонтажников рабочей силой из репатриантов «в количестве по договоренности» — то есть без ограничения. К концу ноября 1945 года на промышленных и сельскохозяйственных объектах Германии и Австрии было занято репарационными операциями свыше 300 тыс. советских граждан, подлежащих репатриации.

Рядом с ними работали и «вольные» специалисты, командированные из СССР. Их статус, само собой разумеется, существенно отличался от статуса «невольного» персонала демонтажных бригад. Первые — получали армейские и литерные пайки, щедро премировались за перевыполнение и даже за выполнение плана, вторые — безработно и, в сущности, бесплатно — проходили своего рода трудовое чистилище перед возвращением на родину, от которой их 2—3 года тому назад насильственно оторвали немцы и на которую не так-то просто оказалось вернуться.

Так, четырехтысячный отряд бывших остарбайтеров использовался на демонтаже вредных химических производств на заводе «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме (а позднее на демонтаже и других химических производств) без каких бы то ни было мер защиты от ядовитого сырья и отравляющих веществ, без профилактического питания и без лекарств²⁶. Не стоит и гадать, как это сказалось на их здоровье и возрасте. Едва ли прибавило репатриантам-демонтажникам здоровья и постановление ГКО № 9950с от 30 августа 1945 года, урезавшее и без того скудные нормы их питания²⁷.

Вот одна из типических судеб, высеченная нашим анкетным обследованием, — судьба М.П.Тильменковой.

«23 марта 1945 г. нас освободили войска Советской Армии в г. Данциг. Один месяц я работала на подсобном хозяйстве (военной

части не помню). Прошли медобследование. И как мы потом поняли, это была вербовка. Мы подписывали какие-то бумаги, нам говорили, что мы едем в Россию, читать нам ничего не дали. Отправили в лагерь г. Хайдебрэк разбирать химический завод для отправки в Донбасс, в г. Лисичанск, мы должны были и восстановить этот завод, о чем мы, оказывается, давали подписку. В конце сентября 45 года меня привезли в г. Лисичанск. Условия были не лучше, чем в Германии. За весь период с августа 1943 г. по сентябрь 1945 г. я получила первое письмо из дома, мать болела, брата привезли домой контуженным в голову, 10 месяцев пролежал в госпиталях в г. Красноярске. При освобождении в Германии мы остались с Ломоносовой Таней и Ермаковой Ниной, остальных потеряли, втроем мы попали в г. Лисичанск, мы убежали домой. Десять суток попутными поездами, без документов мы добирались домой. Через три месяца нас арестовали за уход с производства, тогда была статья от 5 до 7 лет. Велось следствие в г. Мстиславле, потом перевезли нас в г. Могилев. Нас судил военный трибунал и оправдал»²⁸.

Важно отметить, что трудовой фронт советских граждан в Германии отнюдь не ограничивался демонтажем трофеев²⁹. Десятки тысяч работали летом 1945 года, как и раньше, в сельском хозяйстве Германии, ухаживая за реквизированным скотом и выполняя другие работы. Нужны они были и в других секторах хозяйства, например, на водном транспорте, где их использовали с оплатой по местным ставкам для немецких военнопленных (чем не очередная издевка?)³⁰.

По состоянию на 1 марта 1946 года, почти 90 тыс. репатриантов (или 2,1 % от их общего числа) все еще находилось на СПП или использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей.

Спецконтингент. Что можно сказать о тех, кто действительно попал туда, куда боялся, — в жесткие руки чекистов?

Общее число «спецконтингента» из числа репатриантов, по состоянию на 10 января 1946 года, составляло 227.266 чел., из них в 29 ПФЛ содержались 120.292, а в 11 ИТЛ ГУЛАГ — 106.974 чел. По так называемой «первой группе» (бывшие военнослужащие Красной Армии) значилось 111.841, а по «второй группе» (не служившие в армии) — 100.392 чел. Из их числа профильтровано в общей сложности 14.608 чел. — втрое меньше, нежели ожидаемое в январе — феврале пополнение (42.012 чел.)³¹.

В январе 1946 года Отдел ПФЛ в НКВД ликвидировали, а сами ПФЛ передали в систему ГУЛАГ³². Уже к 1 марта 1946 года «спецконтингент» из числа репатриантов насчитывал почти в 1,5 раза больше — 339.618 чел.³³ (Из числа «внутренних перемещенных лиц» переданными в распоряжение НКВД на ту же дату числились 272.867 чел., что

составляло 6,5 % от 4.199.488 учтенных в этом случае репатриантов³⁴. Согласно А.А.Шевякову, в распоряжение НКВД — на ту же дату — было передано 338.107 чел. (или те же самые 6,5 % от 5.229.160 чел.), из их числа — 283.107 «власовцев» и 55.015 гражданских лиц³⁵.

Попытаемся разобраться в том, из кого все-таки состояла эта группа репатриантов.

В 1944—1945 гг. репатрианты зачислялись в спецконтингент НКВД целыми транспортами³⁶. Напомним, что, согласно двум совместным директивам Голикова и Хрулева от 18 января 1945 года³⁷, направлению в распоряжение НКВД в обязательном порядке подлежали военнопленные офицеры, а также прочие военнопленные и гражданские, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и, что особенно выразительно, «прочие подозрительные». Все они, разумеется, ставились в НКВД на учет. Офицеров из плена, по данным Л.Решина, вернулось около 126 тыс. чел., из них уволены были 72 тыс., а в штурмовые батальоны зачислено 29 тыс.

Ингерманландцы, репатриация которых началась раньше других, фактически имели статус административно высланных, без права возвращения на родину³⁸. Безоговорочно, поголовно и без лишних слов попадали на спецпоселение представители и других **«наказанных народов»**, депортированных в 1941—1944 гг., — советских немцев, крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других. Им, — как, впрочем, и не вкусившим плена *демобилизуемым*, — возвращаться в места прежнего проживания было категорически запрещено: по возможности, их посылали туда же, куда уже были сосланы их родственники. Если сведений о местонахождении родственников не было, то увольняемых из армии подлежало направлять в следующие отделы спецпоселений НКВД: карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев — в Казахстан; калмыков — в Новосибирскую область; крымских татар — в Узбекистан, а болгар, греков и армян, высланных из Крыма, — в Свердловскую область³⁹. Так, например, до 1 октября 1948 года на спецпоселение дополнительно поступило 7.219 крымских татар и 2.789 представителей северокавказских народов⁴⁰.

Это, естественно, не распространялось на **советских немцев**, поскольку встретить их в действующей Красной Армии было затруднительно. Но вот репатрианты из их числа поголовно подлежали отправке в отдаленные районы СССР на спецпоселение.

Из табл. 6.2.1 можно почерпнуть конкретные сведения только по двум из «наказанных народов» — ингерманландцам (43.246 чел., из них все — гражданские⁴¹) и калмыкам — 6.405 чел. (из них 2.318, или 36,2 %, гражданские и 4.087 — военнопленные). Остальные, надо полагать, растворены в графе «другие народы», весьма многочисленной, кстати сказать (из 173.156 чел. на гражданских приходилось 138.651, или 80,0 %, и 34.505 — на военнопленных). Но и так ясно, что большинство из этих «других» составляли репатрианты-немцы.

В.Н.Земсков сообщает, что за 1945—1948 гг., дополнительно к немцам, уже находившимся на спецпоселении, туда поступило еще 120.192 граждан немецкой национальности — в основном, репатриированных из Германии и Австрии. К 1 января 1953 года число репатриированных немцев в составе контингента спецпоселенцев достигало уже 208.388 чел.⁴² Свобода была им дарована Указом ПВС от 13 декабря 1955 года, то есть несколько позже, чем бывшим «власовцам», формально освобожденным из спецпоселения Указом ПВС об амнистии от 17 сентября⁴³.

Напомним, что под «власовцами» советские власти понимали отнюдь не только участников соединений РОА, но и других военных и полицейских формирований немцев⁴⁴, но и даже... тех военнопленных офицеров, кто, совсем наоборот, решительно отказался присягнуть Власову! Дошло и до такого политического нонсенса, как наличие в числе «власовцев» около двух сотен евреев!⁴⁵

В спецконтингент «власовцы» начали поступать только в 1946 году: до этого все они содержались в ПФЛ НКВД. В течение 1946—1947 гг. на спецпоселение поступило в общей сложности 148.079 «власовцев», причем перед отправкой им объявлялось примерно следующее: всем вам, сволочам, как изменникам Родины полагаюсь бы одно и только одно наказание — расстрел с конфискацией имущества⁴⁶. Однако в связи с победой над врагом Родина-мать проявляет к вам, гадам, большое снисхождение и, освобождая от «высшей меры», ограничивается переводом на спецпоселение сроком на шесть лет⁴⁷.

С теми, кто перебежал или пытался перебежать к союзникам, обходились покруче. Так, уже упоминавшийся выше А.Н.Егунов, бежавший в конце сентября 1946 года в американскую зону, 29.09.1946 был задержан американцами в Касселе и 05.10.1946 передан советским властям. Военный трибунал 8-й Гвардейской армии приговорил его 13.12.1946 по статье 58.1 к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет⁴⁸. Еще худшим преступлением, видимо, считался побег к своим: во всяком случае Георгия Терешонкова, бежавшего из Норвегии в Швецию, оттуда добровольно репатриировавшегося и прошедшего фильтрацию (в лагере Варвенка Сланцевского района Ленинградской области) арестовали на ленинградской улице 22 декабря 1947 года и приговором военного трибунала присудили к 25 годам исправительно-трудовых лагерей (отсидел в Инте).

Соответствующее решение о направлении на спецпереселение сроком на 6 лет бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях «власовцев» и полицейских было частью уже упоминавшегося Постановления ГКО от 18 августа 1945 года.

Расселили власовцев широко и, по сравнению с другими категориями спецконтингента, максимально сурово: достаточно сказать, что они были единственным «вне-гулаговским» контингентом, направлен-

ным на Колыму. Их расселяли и трудоиспользовали также в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД, в Печорском угольном бассейне, на лесозаготовках в верховьях Камы в Молотовской области и т.д.

Для совместного проживания им разрешалось выписывать семьи. Вместо паспортов спецпереселенцам-власовцам полагались временные удостоверения с отметкой «без права выезда с места поселения», а взамен воинских билетов — справки установленного образца. За самовольные отлучки или побеги с мест поселения, согласно Постановлению СНК № 35 от 8 января 1945 года, власовцы несли уголовную, а коменданты спецкомендатур — персональную административную ответственность⁴⁹.

Рачительные и пробивные наркомы не терялись. Например, нарком угольной промышленности СССР, добившийся выхода Постановления СНК СССР № 3141-950 сс от 21 декабря 1945 года. Этим постановлением в постоянные кадры Наркомугля были переданы спецконтингенты репатриантов — власовцев, легионеров и полицейских, находящихся в ПФЛ НКВД и в рабочих батальонах в Кузнецком, Кизеловском и Карагандинском угольных бассейнах, в Красноярском крае, Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР, — сроком на 6 лет и с оставлением их на положении спецпереселенцев в указанных районах. Их «оперативно-чекистское обслуживание», учет и административный надзор за ними, согласно приказу НКВД № 0027 от 10 января 1946 года, возлагались на Отдел спецпоселений НКВД и на районные и спецкомендатуры НКВД.

21 января 1946 года новый нарком НКВД генерал-полковник Круглов обратился в надлежные республиканские и областные органы НКВД с предложением организовать персональный учет этих спецпереселенцев, принять из ПФЛ на хранение их личные дела и создать картотеку «власовцев». Последним он просил еще раз разъяснить, что им разрешается вызов их семей (причем их домашние на учет спецпоселений не ставятся и обеспечиваются жильем за счет предприятий), а за самими предприятиями проследить в плане контроля за нормальными условиями содержания спецпоселенцев в общежитиях, став своего рода их защитником от весьма вероятного произвола работодателя — Наркомугля.

К марту 1949 года число «власовцев» заметно сократилось — до 112.882 (без арестованных и бежавших)⁵⁰, а к 1 января 1953 года — до 56.746 чел., из которых в наличии было — только 39.872 чел.⁵¹ Больше всего на этот момент их насчитывалось в Кемеровской области (5.101 чел.), Красноярском крае (4.347), на Крайнем Севере (3.068 чел.; здесь это был самый многочисленный контингент), а также в Коми АССР (2.540 чел.)⁵².

В 1951—1952 гг., когда 6-летние сроки «власовцев» истекали, их потихоньку начали определять на те же самые места, но уже на вечное поселение⁵³. Положение изменилось только спустя два с лишним

года после смерти Сталина и спустя 10 лет после победы в войне, когда 17 сентября 1955 года был опубликован Указ ПВС «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»⁵⁴ Согласно этому указу, лица, отправленные на спецпоселение за пособничество фашистским оккупантам, были из спецпоселения и ссылки освобождены.

Еще раз напомним, что среди «власовцев», кроме власовцев, были и такие советских военнопленные, кто, будучи в плену, в РОА идти отказался. В конце войны, после освобождения и проверки, из них, как правило, формировались **штрафные**, или **штурмовые батальоны** (офицеры) или **роты** (рядовой состав). После Победы уцелевших вновь отправляли в фильтрационные лагеря НКВД — *«для более тщательной проверки и установления категории»*, случаи их реабилитации или хотя бы увольнения в запас были исключительно редки.

Нередко бывало и так, что человек выходил из фильтрации условно «чистым», худо-бедно приступал к мирной жизни, а через несколько месяцев или даже лет его арестовывали практически за то же, в чем «оправдали» при фильтрации. Такая судьба, в частности, постигла и советского «интернированного» И.Х.Маракасова, в июне 1945 года переданного американцами в Торгау и уже 8 августа вернувшегося в родной Ленинград. В конце августа 1945 года он был арестован, обвинен по статьям: 58-1а, 58-10, ч. 2, 58-11 и находился в заключении во внутренней тюрьме⁵⁵.

Амнистия 1955 года не коснулась этих людей. Для того, чтобы расширить ее положения и на них и хоть как-то исправить эту несправедливость, потребовались хрущевская «оттепель», создание комиссии Жукова и еще год времени⁵⁶.

...У тех же, кто благополучно прошел сквозь проверочное сито, все документы — как иностранные, так и выданные органами репатриации, подтверждающие их пребывание в Германии, — изымались в ходе самой процедуры проверки. Единственным документом, выдававшимся репатрианту на месте, было **временное удостоверение**, где указывались только — имя, фамилия, отчество, год и место рождения, время содержания во фронтовом или армейском лагере, а также предписывалось место направления репатрианта (самовольный выезд в другие районы запрещался). Видом на жительство оно никак не являлось, и лишь только по приезде на место его можно было сдать в местное НКВД, встать там на учет и запросить себе вид на жительство⁵⁷.

Или, иными словами, еще глубже заглотить однажды уже схваченный крючок.

И не барахтаться.

Примечания

- ¹ Вопросник этой анкеты, а также другой массовой анкеты, распространявшейся ЧГК, см. в Приложениях 24 и 25.
- ² См.: Кловский Д. Дорога из Гродно. Самара, 1994. 432 с.
- ³ Отчет-1, с. 62.
- ⁴ Доверие к этим цифрам вызывается главным образом тем, что они предназначались не для печати, хотя бы и официальной, а исключительно для внутреннего пользования.
- ⁵ Шевяков, 1993, с. 10.
- ⁶ Нельзя не отметить структурную близость данных обоих исследователей, особенно если допустить, что призванные в рабочие батальоны приравнены Шевяковым к мобилизованным в армию.
- ⁷ Отчет-1, с. 106—108. По данным Л.Решина, в специальные запасные воинские части было призвано значительно больше людей — 1.230 тыс. чел.
- ⁸ При этом иногда пригождалось и такое качество, как знание немецкого языка (Отчет-1, с. 107).
- ⁹ Битва за Берлин, с. 154. Документ № 100, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 680. Л. 1—10.
- ¹⁰ Битва за Берлин, с. 154. Документ № 100, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 680. Л. 1—10.
- ¹¹ Это регулировалось, по всей видимости, Постановлением ГКО № 6884с от 04.11.1944.
- ¹² Постановление ГКО № 9871с от 18.08.1945 «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста» (см. также в главе 6.6).
- ¹³ [Аноним] «Возвращение на родину и бегство на чужбину». Судьба остоцев // Посев. Еженедельник общественной и политической мысли. Франкфурт-на-Майне. № 46 (129). 14.11.1948. С. 9—10. Далее описывается лагерь, состоявший «... из ограмных, видимо недавно отстроенных бараков, обнесенных колючей проволокой с пулеметными вышками. Ночью проволока освещалась прожекторами и кроме часовых на вышках ходили парные патрули с собаками. Условия работы — в шахте 12 часов, на поверхности — 16. Питание — 150 граммов хлеба. 1 раз в сутки пол-литра баланды, 2 раза в день кипятки. Бараки не отапливались, были сложены из сырых бревен, вместо крыши набросаны ветки, внутри нары в 4 этажа...»
- ¹⁴ Но и на этом их злоключения еще не кончались: их могли направить и дальше, оттягивая возвращение домой на годы, если не навсегда. Так, П.Д.Барсов, даже отработав после Германии в 26 трудбатальоне на шахте 19бис «Снежантрацит», был после этого направлен по приказу Министерства угольной промышленности на строительные работы в Московской области и так и не вернулся в родную деревню Шершуны, что в Смоленской области.
- ¹⁵ Постановление № 2220 СМ СССР от 30.09.1946.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 66. Л. 103—105 (из ответа Терехову Илье Николаевичу, Молотовская обл., г. Кизел, пос. Коспаш, трест «Коспашуголь», рабочий батальон).
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 66. Л. 35—37.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 66. Л. 33—34. Выдержка из ответа: «На Вас, поскольку Вы теперь работаете в промышленности, этот Указ не распространяется и Вы демобилизованы не будете до особого распоряжения».

- ¹⁹ Постановление ГКО № 7363сс.
- ²⁰ Председатели вышеуказанных комиссий стали уполномоченными комитета при фронтах.
- ²¹ Кнышевский, 1994, с. 12. Общее руководство управлениями осуществлял замнаркома К.Соколов.
- ²² Тем же Постановлением Наркомстрою разрешалось привлекать к этим работам поляков (в порядке вольного найма) и 5—7 тыс. чел. из числа мобилизуемого немецкого населения.
- ²³ Кнышевский, 1994, с. 12, со ссылкой на: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 382. Л. 214—215.
- ²⁴ В частности, 05.05.1945 в его распоряжение было передано 3 тыс. репатриантов из числа фильтруемых через Центральную группу войск (ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2745. Д. 10. Л. 92).
- ²⁵ Отчет-1, с. 48—49.
- ²⁶ Кнышевский, 1994, с. 13.
- ²⁷ По мясу — на 50 г, по рыбе — на 70 г, по жирам — на 20 г (их нехватка «компенсировалась» дополнительными 50 г хлеба и 40 г бобовых).
- ²⁸ Материалы анкетного обследования, в рабочем архиве автора.
- ²⁹ Еще одним видов типичного трудоустройства репатриантов был перегон скота.
- ³⁰ Распоряжением ГКО № 8350 с от 28.04.1945 Управлению водных путей сообщения для укомплектования речного флота в Восточной Германии разрешалось использовать 2500 репатриантов (ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2745. Д. 10. Л. 208).
- ³¹ См. датированный 22.01.1946 акт о ликвидации Отдела ПФЛ НКВД и передаче самих ПФЛ в состав ГУЛАГа (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 3. Л. 1—3). Профильтрованные контингенты передавались в постоянные кадры промышленности (в частности, за 1945 г. — 122.412 чел.) или же в рабочие батальоны НКВД (их списочный состав, на 01.01.1946, составлял 31.163 чел.) Ср. с приводимыми В.Земсковым данными на 01.01.1946: всего спецконтингента — 228.018 чел., из них 125.812 содержались в ПФЛ и 102.206 в ИТЛ (Земсков, 1995, с. 10, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1).
- ³² Начальником отдела ПФЛ был генерал-майор Шитиков.
- ³³ Отчет-1, с. 226.
- ³⁴ Земсков, 1990, с. 36 (очевидно, без учета «внутренних перемещенных лиц»).
- ³⁵ Шевяков, 1993, с. 10.
- ³⁶ Земсков, 1990, с. 29—30.
- ³⁷ См. главу 4.4.
- ³⁸ Земсков, 1994, с. 161. См. выше, в главе 5.1.
- ³⁹ См. в Приказе Главного управления формирования Красной Армии № М/1/1746 от 18.11.1944. Любопытна скорость прохождения этого приказа: приказание Командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова датировано 26.11.1944, а циркуляр зам. начальника штаба Управления тыла фронта полковника Новикова (начальникам нижестоящих управлений и отделов) — 30.11.1944 (ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2342. Д. 38. Л. 857).
- ⁴⁰ Земсков, 1994, с. 158, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436 и Д. 641.
- ⁴¹ Ср. в главе 5.1.
- ⁴² Земсков, 1994, с. 166—167 и 169—187, со ссылками на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 9—12, 22—68 и 130—168. Наиболее многочисленным

контингент репатриированных немцев был в Казахской ССР (42.850 чел.), Таджикской ССР (18.023 чел.) в Молотовской (ныне Пермской) области (17.831), Алтайском крае (13.841), Свердловской области (12.076) и Коми АССР (10.131).

⁴³ См. в главе 6.6.

⁴⁴ См. главу 1.6 и 5.3.

⁴⁵ Впрочем, отношение Власова и РОА к еврейскому вопросу было, судя по всему, нейтральным, что само по себе — в антисемитском угаре Третьего Рейха — достаточно выразительно. По мнению Е. Андреевой, отдельные антисемитские высказывания Малышкина и др. малопоказательны (Андреева, 1990, с. 185—188). Вместе с тем укажем на неожиданное свидетельство Г.А.Пара (со слов О.А.Красовского) о том, что в РОА чуть ли не в каждой роте были евреи, о которых знали, но которых не выдавали. Так, один из них, по фамилии Ватин, умер офицером Бундесвера, другой (Трепель?) — в 1949—1950 гг. переехал в Марокко.

⁴⁶ См. в главе 1.3.

⁴⁷ Земсков, 1994, с. 161.

⁴⁸ Архив Федеральной службы безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области, дело П 79052 (сообщено Г.Моревым).

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 777. Л. 32—34.

⁵⁰ Земсков, 1994, с. 161, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 17 и Д. 489. Л. 39, 43.

⁵¹ Земсков, 1994, с. 168—169, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 9—12. Остальные находились либо под арестом — 16.256 чел., либо числились в розыске — 618 чел. (и то, и другое существенно выше, чем у какого бы то ни было другого контингента спецпоселенцев!).

⁵² Земсков, 1994, с. 169—187, со ссылками на: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 22—68 и 130—168.

⁵³ Соответствующие Постановления СМ и Указ ПВС были приняты в октябре 1951 года. На вечное поселение определялись также «наказанные народы» и лица, занятые на предприятиях, связанных с производством атомного и ракетного оружия.

⁵⁴ Об истории его возникновения см. в главе 6.6.

⁵⁵ Тем не менее 01.06.1946 по приговору военного трибунала войск МВД Ленинградской области, за отсутствием состава преступления он был освобожден. См. о нем также в главе 1.7.

⁵⁶ См. в главе 6.7.

⁵⁷ В городах даже выдавали срочные паспорта — на месяц или на три, перед истечением которых необходимо было в милиции проставить штампик. В среде ДиПи в Германии циркулировали слухи о том, что в паспортах репатриантов ставился особый штамп «**Был в Германии**» (документальными подтверждениями этого не располагаем).

6.3. На родине: групповой портрет на фоне избирательной урны

И вот, мечта миллионов советских граждан сбылась — они вернулись на родину.

Что же их все-таки там ожидало? Подтвердились ли худшие их опасения: «А не накажут ли нас за то, что мы оказались на земле врага и, хоть и по принуждению, но работали на него?»

Если верить брошюрам 45-го года, то опасения эти — совершенно безосновательные. Вот как мягко стелет автор брошюры «Домой, на родину!»:

«В том, что многие советские граждане оказались в таком положении — не их вина, а их беда. А за беду не наказывают и не презируют... Всех освобожденных советских людей на Родине встречают не презрением или недоверием, а вниманием, теплой заботой и ласковым участием... Каждая советская республика, сыны и дочери которой были в немецком плену, подготовились к их встрече. При совнаркомх республик и исполкомах областей созданы отделы репатриации. Работают приемно-распределительные пункты. Созданы специальные фонды продовольствия, одежды и обуви. Возвращающимся оказывается материальная помощь и поддержка в бытовом устройстве, учебе и пр.»¹

Н.Брычев цитирует письмо десяти репатриантов — работников и работниц из г. Вязники Владимирской области, которых на вокзале встречали представители местных органов власти и жители города с тем, чтобы на автомобилях развезти по отведенным для них домам. Письмо кончается простыми, идущими от сердца словами:

«На Родине мы вновь обрели свободу и счастье. Как равноправные граждане СССР, мы участвуем во всей общественной и политической работе. Нас окружают свои люди, и всюду мы слышим свой язык. Все кругом близкое, родное, знакомое — и в этом главное!»²

На столь же проникновенной ноте брошюра тов. Брычева и кончается:

«Товарищи! Не верьте клеветникам и провокаторам, которые, прикидываясь вашими друзьями, склоняют вас к тому, чтобы вы не ехали на Родину.

Родина ждет вас, товарищи! В родных краях много дел, много всякой работы. Вас ждет свободный, радостный труд на колхозных полях, на заводах и фабриках. Вас ждет великий созидательный труд в районах, освобожденных от фашистских извергов. Вас ждет счастье!

Преисполненный чувством братской любви и сочувствия, советский народ говорит вам:

— *ВАШЕ МЕСТО В ЕДИНОЙ СЛАВНОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СРЕДИ БОЙЦОВ И СТРОИТЕЛЕЙ НАШЕГО МОГУЧЕГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. И вам, как полноправным гражданам Союза Советских Социалистических Республик, будет предоставлена возможность защищать страну и восстанавливать ее промышленность, сельское хозяйство и транспорт.*

Помните, ваши родители, жены, дети, ваши друзья и знакомые ждут вас, товарищи, домой, на Родину!»³

Имеющиеся, однако, в нашем распоряжении свидетельства плохо согласуются с этими призывно-благородными фанфарами.

Сталин, как известно, питал, — как бы это выразиться? — «недостаточное доверие» ко всем, кто — без его «санкции» или «инструкции» — побывал за границей. Вне зависимости от обстоятельств, приведших этих людей за рухнувшие в одночасье, словно прогнивший забор, границы Союза, и вне зависимости от реального там поведения, — всех их ждало то, что на советском наречии называлось «огульным политическим недоверием». Годы и десятилетия после великой Победы их по-прежнему рассматривали как **пособников** врага и **предателей** своей великой родины-победительницы. В такой атмосфере повышенная «забота» об их надежной изоляции и тщательной проверке репатриантов в таком случае совершенно «естественна» и логична.

Мы уже писали, что в 1944—1945 гг. репатрианты зачислялись в спецконтингент НКВД целыми транспортами⁴. Ингерманландцы, например, чья репатриация началась раньше других, фактически имели статус административно высланных, без права возвращения на родину⁵.

На 1 января 1945 года, по данным В.Н.Земскова, из общего населения спецлагерей НКВД (96.417 чел.), почти третья часть — 31.585 — приходилась на репатриантов, среди которых в свою очередь преобладали военнопленные (28.518 чел., считая 743 офицера).

В 1946—1947 гг. на спецпоселение поступило 148.079 «власовцев» (до этого они содержались в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД). Мы уже писали, что в связи с победой над Германией их освободили великодушно от высшей меры наказания с конфискацией имущества. «Вышку» им заменили отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет⁶.

По контингенту «власовцы» числились: служившие (как правило, рядовыми) в армиях фашистской Германии и ее союзников, в изменнических воинских формированиях, в полиции, в органах оккупационной администрации и т.д., а также часть побывавших в плену советских офицеров, которым за самый факт попадания живыми в плен было установлено наказание в виде спецпоселения⁷. В марте 1949 года из 112.882 спецпоселенцев-«власовцев» (112.671 мужчин и 211 женщин) — 83.597 человек ранее служили в Красной Армии (2.433 —

офицерский состав, 9.558 — сержантский, 71.606 — рядовой). Контингенту «власовцев» было предписано трудоустройство на угольных шахтах и лесоразработках под эгидой крупного промышленного наркомата — НКВД⁸.

«Власовцы» относились к числу ненаследственных категорий спецпоселенцев; дети, родившиеся в их семьях, считались свободными людьми с момента рождения и на учет спецпоселений не ставились. Члены семей «власовцев», добровольно прибывшие в места высылки для совместного проживания с последними, продолжали считаться свободными людьми. За 1946—1950 гг. на спецпоселении умерло 7201 чел. — почти каждый двадцатый «власовец»!..

Наиболее многочисленные контингенты «власовцев» были в Таджикской ССР, Якутской АССР, Красноярском крае, на Крайнем Севере, Молотовской (Пермской), Иркутской, Кемеровской и Магаданской областях. В марте 1949 года почти половину (47,4 %) контингента «власовцев» составляли русские, еще 19,8 % приходилось на украинцев⁹. Преобладающей социальной группой были рабочие — 94,7 %, еще 4,4 % приходилось на служащих, инвалидов (0,5 %) было вдвое больше, чем колхозников. В 1952 году происходило массовое освобождение власовцев из контингента «спецпоселенцев»: по одним данным — 87.631 (по другим — 95.553 чел., по третьим — 93.446 чел.). На спецпоселение «навечно» были оставлены только «власовцы» из числа репрессированных народов.

Но не «спецконтингент», разумеется, составлял большинство репатриантов. К марту 1946 года через фильтрационное сито прошло и получило разрешение ехать домой 3.259.857 чел., из них внутренних перемещенных лиц — 831.951 чел. и еще 2.427.906 чел. «чистых», или «классических», репатриантов.

Совокупное их распределение по союзным республикам представлено в таблице 6.3.1.

Общее количество репатрированных к местам постоянного местожительства составляло около 68 % от общего числа угнанных¹⁰. Из семи союзных республик, затронутых немецкой оккупацией, выше среднего этот показатель у трех — Литвы (70,8 %), Белоруссии (81,2 %) и РСФСР (82,0 %). В Молдавию и на Украину вернулся едва каждый второй (соответственно 54,0 и 53,0 %), в Латвию — каждый третий (30,3 %), а в Эстонию — менее, чем каждый пятый (18,9 %). Это говорит не столько о различиях в смертности у репатриантов — выходцев, скажем, из России и Прибалтики, сколько о «невозвращенческих» настроениях, а главное, о реальных возможностях тех и других от репатриации уклониться. Этот же фактор — за счет выходцев из Западной Украины и Бессарабии — привел и к весьма «непатриотичному» показателю у Украины в целом и у Молдавии¹¹. В то же время доля вернувшихся в Литву оказалась неожиданно высокой.

**Распределение репатриантов,
отправленных по месту жительства
(по союзным республикам,
по состоянию на 01.03.1946, чел. / %,)**

Республики	Всего	а)	б)	В том числе		
		%	%	Мужчины	Женщины	Дети
РСФСР	1.563.328	48,0	82,0	432.045	682.217	449.066
УССР	1.114.132	34,2	53,0	397.652	589.398	127.082
БССР	324.136	9,9	81,2	108.258	148.603	67.275
Латв.ССР	48.518	1,5	30,3	17.183	21.92	9.415
Лит.ССР	47.505	1,5	70,8	16.456	18.996	12.053
Эст.ССР	14.088	0,4	18,9	5.25	6.384	2.454
Молд.ССР	45.586	1,4	54,0	24.231	14.58	6.775
Другие ССР	67,9	2,1	—	22.367	21.271	24.262
Нет сведений	34.316	1,1	—	27.176	5.64	1.5
Итого	3.259.857	100,0	68,0	1.050.802	1.509.111	99.944

Рассчитано по: Отчет-1, с. 113.

Примечания: а) доля республик в общей численности репатриантов; б) доля репатриантов в числе угнанных.

Интересна и демографическая структура возвратившихся: статистика позволяет оперировать тремя группами — мужчины, женщины и дети до 16 лет. Мужчины (1.050.802 чел.) составили 32,2 % вернувшихся репатриантов, женщины (1.509.111 чел.) — 46,3 %, дети (699.944 чел.) — 21,5 %. Особенностью российской ситуации явилась еще более низкая

доля репатриантов-мужчин при повышенной доле детского контингента (соответственно, 27,6 и 28,7 % — в целом на РСФСР пришлось 64,2 % всех репатриированных детей), а особенностью украинской — повышенная доля женщин (52,9 %) и пониженная — детей (11,4 %). Молдавия — единственная из республик, где число репатриантов-мужчин больше — и ощутимо, — чем репатриантов-женщин (соответственно, 53,1 и 32,0 %). Наиболее сбалансированными в половом отношении оказались репатрианты Эстонии и Литвы. Повышенная доля детей в контингенте отправленных в другие союзные республики, возможно, связана с географией соответствующих детских и сиротских домов.

27 декабря 1944 года Председателям СНК союзных республик было разослано директивное письмо Ф.Голикова о подготовке к массовому приему репатриантов¹², при совнаркомх действовали специальные представители Управления Уполномоченного по делам репатриации. Полнота ответственности за прием и хозяйственно-трудовое устройство репатриантов была возложена на Совнаркомы союзных республик постановлением СНК СССР от 6 января, а также совместной Директивой Голикова и Хрулева от 22 января 1945 года.

Еще ранее — Постановлением ГКО от 24 августа 1944 года — при совнаркомх республик были созданы республиканские отделы репатриации: в Белоруссии — 29 августа¹³, на Украине — 11 сентября 1944 года¹⁴, в Латвии, Литве и Эстонии — в феврале 1945 года¹⁵. В РСФСР функции приема и устройства граждан были возложены на Переселенческое управление при СМ РСФСР. Кроме того создавались республиканские комиссии по делам репатриации во главе с заместителями председателя СНК или министрами иностранных дел¹⁶.

В свою очередь и органы власти на местах массового возвращения репатриантов командировали своих представителей¹⁷ в приграничные лагеря военных округов, куда поступала и откуда распределялась большая часть репатриантов.

В августе 1945 года заместитель наркома обороны генерал Булганин провел большое совещание о ходе репатриации и об участии в ней армейских работников¹⁸. Созданные на совещании три комиссии обязывались обеспечить бесперебойность перевозки репатриантов, их снабжение всеми видами довольствия и организацию на должном уровне политико-воспитательной работы в репатриантской среде¹⁹.

И уж коли большая часть репатриантов возвращалась домой, то их жизнь нуждалась не только в проверке, контроле и политико-воспитательной работе, но и в некотором **поддержании**. До прибытия к месту жительства репатрианты, проходившие проверку в лагерях и сборно-проверочных пунктах фронтов, зачислялись на тыловой солдатский паек (армейская норма № 4), им полагались также единовременное денежное пособие, медицинская помощь, обувь, одежда, а малолетним — белый хлеб, манка, молочные продукты.

1.076.735 чел., или почти каждый третий репатриант, прибыли на родину напрямую — после выгрузки из эшелонов на попутных станциях. Остальных же пропустил через себя еще один лагерный «слой» репатриации — местная сеть из 249 республиканских, областных и уездных **приемно-распределительных пунктов (ПРП)**. Сеть была более или менее разветвленной, но никак не мощной: единовременная пропускная способность составляла 47.770 чел.²⁰, или, в среднем, по 192 чел. на пункт²¹. До 10 % помещений этих пунктов составляли землянки и палатки, в сущности, не приспособленные для достойного приема людей. Тем не менее через ПРП прошло в общей сложности 2.183.122 чел., в том числе (с учетом репатриантов, позднее переотправленных в другие республики): в УССР — 732.855 чел., в РСФСР — 723.400, БССР — 578.354 чел., Молдавскую ССР — 69.271, Латвийскую — 47.086, Литовскую — 30.213 и Эстонскую — 1.943 репатрианта²².

Кроме приема эшелонов, временного размещения, материального обеспечения и отправки прибывающих репатриантов к местам их вселения, в задачи ПРП входили также мероприятия политиковоспитательного и медико-санитарного профиля²³. На содержание сети ПРП и для оказания материальной помощи репатриантам было выделено 713,5 млн. руб. из союзного и республиканских бюджетов, выделены земля, скот, одежда, жилищный фонд, в том числе 64.655 домов, 54.545 квартир и 15.457 землянок (последние — исключительно в РСФСР и БССР)²⁴.

Конечно же, не было забыто и вечное «самое главное» — **трудо-вое использование**. Всего было устроено на работу 1.872.656 чел., или 57,5 % от общего числа репатриантов, считая стариков и детей. Более трех четвертей занятых (76,1 %) вобрало в себя сельское хозяйство, и только в Эстонии и Латвии эта доля составила, соответственно, 62,1 и даже 47,9 %.

Однако не следует думать, что трудоустройство репатриантов в той же промышленности имело более или менее цивилизованный вид с посещением отделов кадров, взаимными расспросами, заполнением анкет и т.п. Большие партии репатриированных поступали в распоряжение предприятий в качестве контингента рабочих батальонов резерва ГКО, и ни малейшего влияния на место, характер и даже условия своего труда они не имели.

Вот несколько ярких, типичных и задокументированных примеров, причем интересно, что инициаторами постановки вопроса ребром являются работники или прокуратуры, или НКВД областного уровня. Так, и.о. прокурора Свердловской области советник юстиции Лучинин использовал свой ответ на шифрограмму заместителя Прокурора СССР, государственного советника I класса Сафонова от 6 марта 1946 года относительно двухдневной (03—04.12.1945) забастовки 69 репатриированных рабочих на Урале (на Сысертском лесоза-сстке ОСМЧ № 22) для того, чтобы привлечь внимание к причине

забастовки — ужасным условиям их труда и быта: скверному питанию, холодному общежитию, отсутствию спецодежды и бани, что имело следствием массовую вшивость²⁵. После этого инцидента Прокуратура проверила лагеря репатриантов еще в 17 районах и городах Свердловской области (всего в них проживало около 25 тыс. чел.) и практически всюду застала ужасающие материально-бытовые условия: тесные, антисанитарные, не отапливаемые помещения, отсутствие питьевой воды, сушилок, нательного белья, не сменявшееся по 3—4 месяца постельное белье и т.п.

Не лучше, чем в уральских леспромхозах, было и на тульских шахтах или литейках: та же неприспособленность и неотапливаемость помещений, скученность, антисанитария, вшивость, отсутствие верхней одежды, исправной обуви, смены нижнего белья и даже мыла. В докладной записке, направленной 17 января 1946 года начальником управления НКВД по Тульской области генерал-майором Гришакиным замнаркомом внутренних дел генерал-полковнику Чернышеву, это обозначено как «чрезвычайно тяжелые материально-бытовые условия» около 11 тыс. репатриантов, прибывших из Германии в тресты «Тулауголь», «Тулашахтстрой» и ряд других для работы в угольной и металлургической промышленности²⁶. Так, например, на шахтах № 60 и 61 треста «Товарковуголь» 240 репатриантов размещены в двух землянках, спят на щитах двухъярусной системы; крыши землянок ветхие, тепла не держат (так что спят люди в одежде), стены грязные, сырые, печи неисправные и дымящие. Во многих местах ни разу ни газет не завозили, ни кинофильмов не показывали, а в некоторых, как, например, в тресте «Щекинууголь» администрация еще и обсытывала несчастных — подчас в 8 раз! Связь такого положения вещей с ростом прогулов, дезертирства и хулиганства, а также с разложением офицерства батальонов представлялась даже чекисту достаточно очевидной. Тем не менее положение не выправлялось, иначе зачем бы тогда прокурору Тульской области старшему советнику юстиции И.Михайлову писать 22 апреля 1946 года начальнику комбината «Тулауголь» С.Б.Лялину, вновь и вновь обращать его внимание на грубые нарушения приказа Наркомугля от 19 сентября 1945 года о материально-бытовом обеспечении репатриантов и требовать незамедлительного принятия мер²⁷? И, хотя в отношении ряда ответственных трестов «Епифануголь» и «Болоховуголь» были даже возбуждены уголовные дела, положение людей мало изменилось. В результате начальником отдела общего надзора Минюста П.Кудрявцевым было послано 10 мая 1946 года аналогичное письмо на имя Савченко — заместителя министра угольной промышленности западных районов СССР²⁸.

Так было на практике, а теоретически никаких ущемлений в области трудового законодательства для репатриантов не предусматривалось. Согласно изданным инструкциям и постановлениям, предприятия и министерства обязаны были предоставлять репатриантам работу по специальности: тем, кто был занят в лесной и угольной про-

мышленности, а также в черной металлургии, разрешалось выдавать денежные ссуды на индивидуальное строительство и хозяйственное обзаведение в размерах 15 тыс. руб. (на 15 лет) и 5 тыс. руб. (на 5 лет), плюс оплата перевозки семьи, если она находилась в другом месте. На репатриантов из числа бывших военнопленных распространялись те же льготы, что и на прочих демобилизованных. По прибытии согласно предписанию им гарантировалась работа по специальности и помощь в обзаведении хозяйством (бесплатная лесосека, ссуда в 5—10 тыс. руб. и т.д.). Инвалиды, включая получивших инвалидность на работах в Германии, имели право на пенсию. В отличие от не-инвалидов, время работы в Германии в трудовой стаж оstarбайтерам не засчитывалось²⁹, хотя общий трудовой стаж тем не менее сохранялся. У многодетных репатриантов было право на пособие и льготы.

Постановление ПВС СССР от 1 декабря 1945 года «О внесении в списки избирателей репатриированных граждан СССР» как будто бы дало репатриантам равные со всеми прочими гражданские и избирательные права, но, ведь, если задуматься: а на каком основании должно было быть иначе? И нет ли в самом этом снисходительном «уравнении» прав глубочайшего гражданского унижения и оскорбления?

Сходный характер или оттенок имеют многие из решений и постановлений, принятых высшими органами власти СССР в течение 1944—1948 гг. по различным вопросам, связанным с репатриацией и репатриантами.

Упомянем лишь те из них, которые еще не встречались на страницах этой книги. Иногда сами за себя говорят уже их названия, например³⁰:

— «Об установлении особо нуждающимся репатрируемым советским гражданам денежного пособия не свыше 300 рублей на одного человека» (22.02.1945)³¹;

— «Об организации при Исполкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР Центрально-справочного бюро о перемещенных лицах» (11.03.1945)³²;

— «По вопросу освобождения от работы возвращенных на Родину репатриированных граждан Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» (13.04.1946)³³;

— «О разрешении въезда на территорию Украинской и Белорусской ССР в упрощенном порядке всем гражданам украинской национальности и белорусам, признавшим себя гражданами СССР» (14.06.1946)³⁴;

— «О порядке назначения и выплаты пенсий военнослужащим, получившим инвалидность во время пребывания в Красной Армии, на фронте и в плену» (09.07.1946)³⁵;

— «О порядке назначения и выплаты государственных пособий многодетным и одиноким матерям, репатриированным в СССР» (19.09.1946)³⁶ и др.

«Нельзя сказать, — пишет В.Н.Земсков, — что в морально-психологическом плане репатрианты были поставлены вне общества, но, по крайней мере, в первое послевоенное десятилетие они находились как бы на его обочине. Само слово "репатриант" на уровне бытового сознания ассоциировалось чуть ли не с "врагом народа" (отчасти такое восприятие сохранялось и до недавнего времени). При этом проявилась не совсем благовидная позиция государства: оно фактически сняло с себя моральную ответственность за то, что не смогло защитить миллионы людей от вражеского нашествия и порабощения, и все тяготы взвалило на них самих»³⁷.

Нет, это государство и не думало виниться или извиняться перед многомиллионной репатриантской массой, большинство в которой составляли те, кто ни в чем перед ним, государством, заведомо виноват не был. И даже права, которые оно так великодушно начала возвращать этим несчастным, были, как правило, пустым звуком. На бумаге — пожалуйста: они имели сколько угодно «прав», — точно так же, как и сталинско-вышинская Конституция была написана на зависть Вашингтону с Линкольном!

В первом голиковском отчете мы найдем и сводные цифры, и отдельные фамилии репатриантов-стахановцев, репатриантов-ударников, репатриантов-выдвиженцев. *«Все они благодарят Партию, Правительство и лично товарища СТАЛИНА за избавление от немецкого рабства и за организованное возвращение на Родину»*³⁸. Из второго отчета мы узнаем, что на одной только Украине к началу 1950 года среди репатриантов было 2 лауреата Сталинской премии, 2 депутата Верховного Совета УССР и 19 Героев Социалистического труда!³⁹

Но по другим — не столь парадным — документам мы уже видели, что в реальной жизни «права» репатриантов практически ничего не значили и, если не покидать казенного лексикона, сплошь и рядом **ущемлялись**.

Так что неудивительно, что, как пишет В.Н.Земсков, уже летом 1945 года в ЦК ВКП(б), в СНК СССР, в Управление репатриации и другие органы пошел поток писем от репатриантов с жалобами на несправедливое и подчас жестокое к себе отношение⁴⁰. 4 августа 1945 года на Оргбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад Управления по репатриации и сообщения Совминов РСФСР, УССР и БССР об устройстве репатриантов. После чего было принято специальное постановление № 225 «Об организации политико-просветительной работы с репатрированными советскими гражданами», в котором, — наряду с неизменными в таких случаях императивами типа «разъяснить...», «ознакомить...» и «показать...», — в частности, указывалось:

«Отдельные партийные и советские работники стали на путь огульного недоверия к репатрированным советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь об-

рели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни»⁴¹.

4 октября 1945 года Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) созвало совещание руководящих работников, на котором был заслушан доклад Голубева и отчеты Союзпечати, Радиокомитета, Наркомсвязи и др. организаций о ходе выполнения августовского решения Оргбюро ЦК ВКП(б)⁴².

Возможно, как утверждает В.Н.Земсков, постановление несколько и смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но о серьезном ее улучшении или устранении тогда не могло быть и речи. Ведь подозрительное отношение и «огульное недоверие» к репатриантам как к категории граждан, побывавших в иностранной среде, шло с самого-самого верха, от самого Сталина. А со временем, когда началась громкая кампания по борьбе с космополитизмом и иностранщиной, недоверчивое отношение к репатриантам лишь только возросло, заставив и их, в свою очередь, затаиться, зажаться, уйти в себя, скрывать свое горькое прошлое, стыдиться и бояться его.

Во всяком случае, объяснимой и совершенно основательной видится в этом контексте человеческая уловка, раскрытая в отчете по французской оккупационной зоне в Австрии за ноябрь 1951 года:

«Семья Маресьевых и ранее репатриировавшаяся семья Васильевых договорились переписываться. При этом был установлен такой знак: если Васильевы в первом слове "Здравствуйте" букву "д" напишут хвостиком вверх, то это значит, что они не испытывают никаких репрессий, а если хвостиком вниз — то ничему написанному верить нельзя»⁴³.

«Надо полагать, — философски добавляет составитель справки, — что супруги Маресьевы также установили условные знаки в переписке!»

Примечания

¹ Брычев, 1945, с. 9—10, 14.

² Брычев, 1945, с. 12—13.

³ Брычев, 1945, с. 30—31.

⁴ Земсков, 1990, с. 29—30.

⁵ Земсков, 1994, с. 161.

⁶ Земсков, 1994, с. 161. При этом чуть меньше половины власовцев в 1949 г. составляли русские.

⁷ Большинство литовцев, латышей и эстонцев, служивших в немецкой армии по мобилизации в качестве рядовых и младшего командного состава, а также молдаван, служивших в румынской армии Антонеску, было освобождено от отправки на спецпоселение и еще до конца 1945 г. отпущено по домам.

⁸ Постановление ГКО № 9871с от 18.08.1945 «О трудоустройстве в промышленности рядовых Красной Армии, освобожденных из немецкого плена» (см.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и о реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 136).

⁹ Данные по национальному составу охватывают лишь около 2/3 контингента владовцев (76.425 чел., на 01.03.1949): русские — 36.259, украинцы — 15.140, белорусы — 4.325, грузины — 2.806, узбеки — 2.766, армяне — 2.560, казахи — 2.122, татары — 1.760, азербайджанцы — 1.476, немцы — 1.358, осетины — 455, чуваша — 436, таджики — 385, поляки — 297, киргизы — 273, башкиры — 247, туркмены — 241, калмыки — 170, адыгейцы — 155, удмурты — 140, лезгины — 125, каракалпаки — 114, латыши — 112, черкесы — 109, евреи(!) — 108, марийцы — 106, аварцы — 101, карачаевцы — 82, кумыки — 67, греки — 65, чеченцы — 60, болгары — 55, эстонцы — 39, финны — 38, абхазцы — 38, даргинцы — 37, ногайцы — 35, коми — 35, хакасы — 27, абазыны — 25, румыны — 25, литовцы — 24, лакцы — 19, ингуши — 19, карелы — 18, аджарцы — 17, венгры — 16, другие — 291 человек.

¹⁰ Если исходить из цифры в 4.794.087 чел., как это сделано в Отчете-1, с. 113.

¹¹ Отметим, что так называемые «остальные», — а это 102.216 чел., — это скорее всего те, кто был родом из неоккупированных областей и оказался под оккупацией случайно, или же те, о месте вселения которых данных еще не было.

¹² За № 0725.

¹³ Отдел по приему и трудовому устройству советских граждан. 22.01.1946 он был реорганизован в отдел по делам переселения и репатриации.

¹⁴ См. Постановление СНК УССР № 1191 от 11.09.1944.

¹⁵ См. Постановление СНК Эстонской ССР № 015 от 03.02.1945, Постановление СНК Литовской ССР от 10.02.1945 и др.

¹⁶ Отчет-2, с. 144—145.

¹⁷ В общей сложности за июнь—декабрь 1945 года — 428 чел.

¹⁸ Отчет-1, с. 56.

¹⁹ На политико-воспитательную работу тоже есть статистика: «На сборных пунктах и в пути следования на родину было прочитано более 78 тысяч лекций и докладов, проведено свыше 360 тысяч групповых бесед. Репатрируемые ежедневно получают 215 тысяч экземпляров центральных газет. Во Франции для советских граждан издается газета «Вести с Родины». Репатрианты получили свыше 800 тысяч экземпляров политической и художественной литературы. Только Управление по делам репатриации издало за истекший год около 600 тысяч «экземпляров» брошюр... Выпущено 90 тысяч плакатов, свыше 3 миллионов листовок. В большинстве сборных пунктов созданы ленинские комнаты и клубы. Демонстрируются кинокартины, проводятся концерты и вечера самодеятельности, организуются коллективные слушания наших радиопередач» (Голиков Ф.И. Год работы по репатриации советских граждан // Правда. 04.10.1945. Цит. по: Репатриация, 1945, с. 45). См. также: Отчет-1, с. 112.

²⁰ В распоряжении ПРП находились бани, санпропускники и дезкамеры с единовременной пропускной способностью, соответственно, в 36.970, 46.270 и 51.670 чел.

²¹ Любопытно, что 7.000 из этих 47.770 приходилось на Эстонию, куда за все время удалось вернуть репатриантов в количестве, не превышающем и одной трети этой оказавшейся незадействованной емкости.

- ²² Отчет-1, с. 110—113. Интересно, что число репатриантов, пропущенных через ПРП Белоруссии и Молдавии, в 1,5—1,8 раза превышало общее количество репатриантов в эти республики, что говорит, по всей видимости, об их повышенной транзитной и распределительной роли.
- ²³ Общее число выявленных в ПРП больных заразными болезнями (туберкулезом, брюшным и сыпным тифом, сифилисом и гонореей и др.) составило 23.735 чел., что, вопреки радужным сопоставлениям с состоянием репатриантов в бытность их за границей, свидетельствует скорее о низком качестве медицинского контроля по крайней мере на предыдущих лагерных рубежах репатриации (Отчет-1, с. 111—112).
- ²⁴ Отчет-1, с. 114.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3150. Л. 1—1об. Инициаторами забастовки были лесорубы Михаил Гогидзе и Макар Адамян — бывшие военнопленные (в плену с 1941 года).
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3153. Л. 11—14об. Право использовать батальоны резерва НКО в качестве рабочей силы предоставлялось Постановлением ГКО № 9871с от 18.08.1945.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3153. Л. 9—10.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3153. Л. 15.
- ²⁹ Эта несправедливость была исправлена сравнительно недавно (см. в главе 7).
- ³⁰ Отметим, что аналогичные документы принимались также и партийными органами, в том числе республиканскими и областными. В качестве примера укажем на Постановление Бюро Днепропетровского обкома КП(б)У «Об организации приема и устройства советских граждан, насильственно угнанных немцами в Германию и возвращающихся на родину с освобожденных Красной Армией территорий» (21.02.1945).
- ³¹ Распоряжение СНК СССР № 2863рс от 22.02.1945 (дополнение к Постановлению СНК СССР № 30-12 от 6.01.1945).
- ³² Постановление СНК СССР № 458-128с от 11.03.1945.
- ³³ Постановление СМ СССР № 843-342с от 13.04.1946.
- ³⁴ Постановление СМ СССР № 1245-508с от 14.06.1946.
- ³⁵ Постановление СМ СССР № 1516 от 09.07.1946.
- ³⁶ Постановление СМ СССР № 2138 от 19.09.1946.
- ³⁷ Земсков, 1990, с. 39—40.
- ³⁸ Отчет-1, с. 117.
- ³⁹ Отчет-1, с. 146.
- ⁴⁰ О таких письмах голиковский отчет что-то не сообщает. В нем, однако, есть такая статистика: в различные органы репатриации союзного и республиканского уровня поступило в общей сложности 11.760 писем от репатриантов по вопросам прописки, устройства на работу, оказания материальной помощи, возвращения собственных домов, вещей и мебели, розыске близких и т.п. (Отчет-1, с. 116). Интересно, что из этого числа 9.603 письма было адресовано в отдел репатриации при СНК Эстонии и, надо полагать, преимущественно эстонцам.
- ⁴¹ Цит. по: Отчет-2, с. 46. См. также: Пропаганда и агитация в решениях ВКП(б). М., 1947. С. 486. См. также: Ответы на волнующие вопросы советских граждан, находившихся за границей на положении перемещенных лиц. М., 1949.
- ⁴² Отчет-1, с. 56.
- ⁴³ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 6—8.

6.4. На родине: тоже граждане, или на обочине жизни

Работа «на пользу Германии» в годы войны ложилась «несмыслемым пятном» на биографию и личное дело репатрианта. Более 2/5 анкетированных указали на связанные с этим различные осложнения в последующей жизни.

Что же это за осложнения?

Чаще всего — неприязненное, подчас презрительное отношение окружающих, трудности с трудоустройством и последующим карьерным продвижением, трудности с поступлением в вузы, при оформлении поездок за границу и другие ограничения в гражданских правах *de facto*.

Вот интереснейшее свидетельство проанкетированной нами В.Я.Тимирязевой из Ростова:

«<В июле 1945 года> американцы подогнали студебеккеры и отвезли нас на Эльбу в районе города Стендаля. Передали нашим. Поместили в фильтрационный лагерь. Там оперативные работники предложили мне работу. Прибыла вместе с ними в город Веймар. Сначала в оперсектор, а позже перевели в военную прокуратуру Федеративной Земли Тюрингии. Работала помощником секретаря, но секретаря не было. В 1947 г. уехала домой в Ростов, но меня не прописывали, так как я приехала с Германии. Уехала к дяде в Среднюю Азию. Два раза увольняли с работы, но говорили устно почему, а в трудовой — по собственному желанию. Только в г. Фрунзе Киргизской ССР меня восстановили на работу с помощью КГБ, куда я обратилась. Интересно, что я единственный раз, когда меня зачислили на работу в военную прокуратуру ФЗТ, написала все как есть, т.е. где была в Вальдлагере, работала в шахте и т.д. Большие я никогда, никогда в анкетах не писала, что была угнана или в оккупации, а все равно находилась "под колпаком". В прокуратуре приняла присягу. Увольняли именно за то, что была в Германии»¹.

Поразительно, но особенно тяжелая судьба, недоверие, подозрительность, жесткая проверка, трудовой лагерь на Севере или ГУЛАГ ожидали, как это ни удивительно, узников концентрационных лагерей, в особенности — участников антифашистского сопротивления. Об этом, в частности, рассказывают многие советские участники партизанского движения в Италии, репатриированные, как правило, еще до окончания войны². Двух концлагерников и антифашистов выявила и наша анкета: одному из них, Ивану Михайловичу Домашичу из Кременчуга, хотя и удалось поступить учиться, но в 1951 году он был арестован и приговорен к 25 годам лагеря (позднее замененным на 15). Освобожденного в 1955 году³, его реабилитировали лишь в 1969 году. *«В течение всей послевоенной жизни, — писал он в анкете, — ощущал себя человеком второго сорта»⁴.*

Другая часть репатриантов (особенно на селе), напротив, отмечает сочувственное к себе отношение: «нас жалели», «отнеслись с пониманием», «доброжелательно» и т.д. Немецкая неволя практически не сказалась на их судьбе в указанном выше смысле, хотя нельзя не отметить, что среди них было немало таких, кому за всю жизнь просто и не пришлось испытывать свои права на «прочность»: колхозный конюх или пастух ни в вуз, ни в ОВИР за визой документов не подавали!

Чем вызван такой контраст в судьбах прошедших в общем через одно и то же людей? Может быть — в свете традиционной советской подозрительности к тем, кто контактировал с иностранцами, — это зависело от того, войска какой страны освобождали тех или иных оstarбайтеров? Может быть, с освобожденных «своими» — один спрос, а с освобожденных «империалистическими» союзниками — другой?

Такая гипотеза нашей анкетой совершенно не подтвердилась, тем более что лишь незначительное число проанкетированных было освобождено советскими войсками, тогда как армиями союзников — от 80 до 90 %. Так же не подтвердилась и та гипотеза, что обхождение с бывшими оstarбайтерами на родине хоть как-то зависело от обстоятельств их жизни в Германии, от степени тяжести условий этой жизни. Ничуть! Разброс значений одинаков и для тех, кто гнул спину на шахтах и подземных заводах, и для тех, кто жил в более или менее человеческих условиях на крестьянских фермах или был за няньку у какой-нибудь городской фрау⁵.

Судя по анкетам, отношение к оstarбайтерам-мужчинам было гораздо жестче и строже, чем к женщинам. «Фильтровали» их органы НКВД или СМЕРШ⁶, до 30 % было мобилизовано в армию и до 20 % — направлено на разного рода принудительные работы. Женщинам ни та, ни другая участи практически не грозили (исключения — 1—2 человека), более того — иногда их отправляли на родину, ограничившись лишь такой проверочной процедурой, как баня или медосмотр (в том числе гинекологический), — впрочем, с тем, что необходимая проверка будет учинена органами НКВД по месту жительства.

Если из мужчин практически каждый второй написал о своих последовавших за возвращением трудностях, то из женщин на это указала «только» каждая третья. Впрочем, у женщин тут был и свой «нюанс»: они о нем или не пишут, либо пишут очень осторожно: *«словесно унижали при пересечении госграницы», «часто можно было слышать: "немецкая блядь" и ряд других слов»*. Так что словосочетание «немецкая подстилка» было самым частым, но не самым грубым из выражений этого «ряда».

Так что же все-таки предопределяло судьбу людей?

Это несколько неожиданно, но главным дифференцирующим признаком оказалось: **на селе или в городе жил до войны человек!** Так,

лишь немногим более трети выходцев из села подверглись тем или иным преследованиям или неприятностям, тогда как для горожан этот показатель — более 70 %, а для горожан-мужчин — около 90 %!

Интересно проследить связь этого явления с миграционным поведением оstarбайтера после возвращения в СССР. Оказалось, что большинство горожан ощущали на себе клеймо оstarбайтера и страдали из-за этого вне зависимости от того, вернулись ли они в свой родной город или переехали в другой. Несомненно, тут уже играли роль и профессия, и место работы.

Во всяком случае трудности в устройстве на работу, продвижении по службе, получении квартиры, не говоря уже о такой привилегии послевоенного СССР, как поездки за границу, из горожан-мужчин не миновали практически никого. Вот их типичные высказывания: *«В партию не принимали, допуск не оформляли», «при продвижении по службе этот вопрос присутствовал всегда, а иногда имел решающее значение», «напряженная обстановка в семье в ожидании ареста в первые годы после возвращения», «всю жизнь упрекал муж за пребывание в Германии», «я до сих пор чувствую в себе раба и всю жизнь боялась начальства», «прожил всю жизнь с ощущением второгосортного гражданина своей страны!»⁷*

Но, кажется, ни один из них не догадался скрыть в анкетах своего оstarбайтерского прошлого, тогда как несколько женщин-горожанок догадались — и тем существенно облегчили судьбу и себе, и, добавив, своему мужу и детям. Вот некоторые из их ответов: *«я скрыла, боялась ареста», «на работу не устраивалась, боялась скомпрометировать мужа», «боялась говорить об этом в любом кругу», «не хотели прописывать в Ростове, находили всяческие предлоги для увольнения».* Еще одного ростовчанина, дипломированного историка Г.Г.Баумана, около 20 лет не допускали к преподаванию истории даже в школе⁸.

Зато у сельских жителей зависимость судьбы от миграционного поведения прослеживается. Начать с того, что для половины селянок принудительное путешествие в Германию было не только первой, но и чуть ли не единственной отлучкой из родной деревни: в ней они родились, оттуда их угоняли немцы, туда они вернулись и оттуда же (!) — присылали свои ответы на анкету! Все селяне (а это примерно 40 % опрошенных), разумеется, колхозники и, как правило, не из числа руководителей; 90 % женщин и 70 % мужчин указали на сочувственное или даже хорошее отношение к себе со стороны окружающих по возвращении из Германии и отметили, что на их судьбе и карьере пребывание там отрицательно не отразилось⁹. Тем не менее и здесь несколько человек указали на жизненные трудности, как, впрочем, и на такой вид доброжелательности как: «смотрели как на врага».

Но у сельских жителей, которые после возвращения переехали в города, последствия жизни за границей выглядят иначе. Из их числа с трудностями столкнулась уже половина (как мужчин, так и женщин), причем характер трудностей практически тот же, что и у коренных

горожан (разве что у тех не было жалоб на трудности в устройстве личной жизни). Вот голоса из этой группы людей: «на родине относились хорошо, но когда я уехала [в город], скрывала пребывание в Германии до самой пенсии», «могла устроиться только на неквалифицированную физическую работу (подвозчик угля, кочегар), сын не мог поступить в летное училище», «пребывание в Германии оказалось тяжелым душевным угнетением по сей день, как будто в чем-то виноват перед Родиной»¹⁰.

Таким образом, миграционная биография оказалась одним из наиболее четких индикаторов, определяющих существенные параметры жизни остарбайтеров после репатриации. Если ты остался в деревне и пасешь свиней или доишь коров, в общем трудишься и нигде не высовываешься, не рыпаешься — это хорошо, это то, что от тебя ждали и партия, и правительство, и надзирающие за тобой органы. Если же тебе «много надо» и ты норовишь то в студенты, то в начальники, то еще куда-нибудь — тут уж, дорогой товарищ, ни помощи, ни покоя не жди!

Понятно, что за прибывающими остарбайтерами велось тщательное наблюдение: откуда, как не из их среды могли выйти столь необходимые для поддержания атмосферы террора и страха «шпионы», «диверсанты», «саботажники» и прочие враги?

До сих пор — после прорыва плотины страха, заставлявшего большинство, если не всех, прикусывать язык при всяком упоминании войны или Германии, — все же слышнее были голоса самих остарбайтеров — «жертв». Но становятся доступными свидетельства и с «другой» стороны — со стороны партийных и карательных органов.

Так, весьма ценный материал содержат разного рода справки, информации и докладные записки о политических настроениях репатриантов, подписанные секретарями обкомов ВКП(б) и подготовлявшиеся в первые послевоенные годы, очевидно, по заданию Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б)¹¹. В частности, нами выявлены такого рода документы по Днепропетровской, Каменец-Подольской, Орловской и Тернопольской областям — за июль—октябрь 1945 года (самый разгар поступления репатриированных), а по Брянской, Воронежской и Курской областям — за сентябрь—декабрь 1946 года, когда массовый поток репатриантов уже иссяк и можно было подводить первые итоги. Они содержат уникальные сведения по составу, бытовому и трудоустройству репатриантов, размерах государственной материальной помощи (к сожалению, эти данные, как правило, некомплектны, не единообразны и не сопоставимы из-за разности дат), а также о типичных настроениях и высказываниях репатриантов.

В Днепропетровской области (сентябрь 1946 года) работа по приему и устройству репатриантов была признана неудовлетворительной (в частности, на пунктах по их приему в Пятихатке, Синельниково и Апостолово), в областном отделе по репатриации выявлены

расхитители и взяточники, а «...отдельные партийные работники стали на путь огульного недоверия к репатрируемым советским гражданам, попавшим в фашистское рабство»¹².

Из Орловской области, согласно докладной записке секретаря Обкома Игнатьева¹³, было угнано 99.280 чел.¹⁴, из них 35.800 мужчин и 63.480 женщин, в том числе 40.532 чел. детей. На 1 июня 1945 года, возвратились 69.300 чел., из них 22.700 мужчин и 46.600 женщин, в том числе 22.712 детей (из них 549 — сироты). Далее — цитата:

«Абсолютное большинство возвратившихся из немецкой неволи людей высказывают жгучую ненависть к немцам и глубокую благодарность своей освободительнице Красной Армии, вождю и учителю т. Сталину, организовавшему освобождение их от немецкого рабства и возвращение на родину... Наряду с этим есть отдельные люди, которые высказывают нездоровые настроения и проявляют недоброжелательное отношение к колхозам и советской власти. М.Г.Камлакова... в разговорах с колхозниками утверждает: — Германия — это культурная страна, живут там лучше, чем в России».

В Брянскую область, по данным на 1 сентября 1946 года, было репатрировано 108.713 чел.¹⁵, в том числе 40.238 мужчин (или 37,0 %) и 68.475 женщин, из них подростков до 16 лет — 39.094 чел., в том числе 7.928 сирот¹⁶. Большая часть репатриантов (15.822 семьи) проживали в своих прежних жилищах, 7.456 семей — в новых, 4.029 — в порядке уплотнения и 2.613 — в землянках. Трудопособными было более 60 % репатриантов (65.340 чел.), из них на работу в промышленность направлено 30.809, а в сельское хозяйство — 34.581 чел.: столь высокой долей (47 %!) занятых в промышленности не может похвастать никакая другая область из выявленного нами круга. Что касается настроений репатриантов, то «...большинство говорят о пребывании в Германии как о каторжном труде. Однако отдельная часть прибывших из Германии, особенно из числа бывших полицейских и немецких прислужников, ведут себя вызывающе и в индивидуальных беседах... восхваляют немецкий порядок».

73.788 репатриантов, по данным на 1 ноября 1946 года, прибыло в Воронежскую область, в том числе 13.607 мужчин, 35.581 женщин и 24.600 детей¹⁷. Большинство репатриантов разместилось в своих сохранившихся домах, 581 чел. — во вновь построенных, 1.665 — в общежитиях промышленных предприятий и 4.566 — в порядке поселения. Трудоустроено подавляющее большинство из 40.637 трудоспособных репатриантов: 12.041 чел. (29,6 %) работает в промышленности и 28.596 (70,4 %) — в сельском хозяйстве.

В Курскую область, по данным на 1 ноября 1946 года, репатрировалось 28.177 чел., из них детей, прибывших с родителями, 597 и престарелых — 331 чел. Не работает 266 чел. (инвалиды и больные),

69 чел. призвано в армию. Из трудоспособных на работу в промышленность и сельское хозяйство определено, соответственно, 5.516 (20,4 %) и 21.398 (79,3 %) чел.¹⁸ Отмечается, что специалисты из репатриантов — учителя, врачи — используются по назначению; 165 репатриантов учатся в средних, а 41 — в высших учебных заведениях. И здесь, как и в других местах, нередки случаи «огульного недоверия» и «неправильного отношения» к репатриантам (вроде публичных призывов к репатриантам «искупить свою вину», как это сделал на собрании членов колхоза «Комсомолец» 2-й секретарь райкома ВКП(б) товарищ Книщенко). В то же время дается информация и о «нездоровых настроениях» в репатриантской среде: так, Журавлева из колхоза им. Сталина Карташевского сельсовета и Кононенко из Редьковского сельсовета заявляли, что «...в Германии живут индивидуально и поэтому там много продуктов — хлеба, масла, живут богато, а нам здесь в колхозах не дают даже хлеба»¹⁹.

И так, наверное, везде: ишь — разговорились! ишь, чего себе позволяют!..

Но правда берет свое. Несмотря на весь сокрушительный ужас пережитого — немало оstarбайтеров вынесли из тех германских лет кое-что небесполезное, не лишнее для себя! Привычку к систематическому труду, например.

Но, видимо, ничем не перешибить другое — сознание своей неполноценности и ущербности, столь старательно привитое им нацистским и советским тиранами.

Примечания

¹ Материалы анкетного опроса (в рабочем архиве автора).

² См., например, в воспоминаниях С.М.Курбан-Ниязова и Б.Н.Старикова (Комолова, 1991, с. 115—119 и 216—227). См. также: Pereladov V. Aus der deutscher Gefangenschaft in den sowjetischen GULAG // Karner S.(Hg.) «Gefangen in Rußland». Die Beiträge des Symposions auf der Schallaburg 1995. Graz—Wien, 1995. S. 278—284.

³ По-видимому, по амнистии 1955 года (см. ниже).

⁴ Резонно предположить, что наше обследование могло лишь «недовыявить» людей с такой или похожей судьбой, здоровье которых было подорвано в неизмеримо большей степени, чем у других оstarбайтеров.

⁵ Достойно размышлений то обстоятельство, что среди ответивших на анкету, лишь немногие сталкивались с доброжелательным к себе отношением своих немецких хозяев. Не исключено, впрочем, и то, что доля эта и выше: некоторые и до сих пор предпочитают не говорить лишнего; несомненно, что среди тех, от кого мы не получили ответа на анкеты, немало людей именно с такой психологией.

⁶ Последнее заставляет предположить, что они были скорее военнопленными.

⁷ На этом фоне даже курьезной выглядит обида одного из респондентов на то, что ему не дали медаль «Ветеран труда», но улыбаться здесь грех: сколько же непосильного труда, если задуматься, поднято нашими оstarбайтсерами за жизнь!

⁸ См.: Бауман, 1991, с. 253—254.

⁹ Некоторые женщины из этой категории даже утверждали, что они вовсе не проходили никакой проверки. Скорее всего это означает, что проверка для них была столь простой и легкой, что ее просто не заметили и не расценили как процедуру фильтрации.

¹⁰ Материалы анкетного опроса (в рабочем архиве автора).

¹¹ Как правило, адресованы тов. Поздняк. Хранятся в РГАСПИ. Два документа — по Орловской и Брянской областям — были впервые оглашены Ю.В.Аксютиним на рабочей встрече советско-немецкого проекта «Восточные рабочие» в марте 1992 года в Москве.

¹² «Выписка из протокола № 196 заседания Бюро Днепропетровского обкома ЦК Компартии (большевиков) Украинны от 12—15.09.1945» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 672. Л. 22).

¹³ «Докладная записка о политических настроениях населения, возвратившихся из немецкого плена <так в документе — П.П.>». Подписана секретарем Орловского Обкома ВКП(б) Игнатьевым; датирована 17.08.1945. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 460. Л. 118—119; нам сообщено Ю.В.Аксютиним, по-видимому, с неточностью в шифре, поскольку просмотренный нами документ с данной сигнатурой содержит сведения по Харьковской области, а не по Орловской).

¹⁴ Эта цифра более чем вдвое превосходит оценку ЧГК, данную 01.03.1946, согласно которой из Орловской области в Германию было угнано 48.654 чел. (см. Приложение 5). Источником несоответствия, возможно, является то или иное изменение административных границ области.

¹⁵ «Информация о работе среди репатрированного населения, прибывшего в <Брянскую> область». Датирована 06.11.1946; подписана секретарем Брянского обкома ВКП(б) М.Суеиным (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 723. Л. 43—44). Ср. данные ЧГК о количестве угнанных из Брянской области: 153.773 чел.

¹⁶ Сироты были распределены следующим образом (чел.): у близких родственников — 2990, трудоустроено в колхозы и совхозы — 2223, в детских домах — 2215, в фабрично-заводских и ремесленных училищах — 500.

¹⁷ «Справка Воронежского Обкома ВКП(б) о гражданах, возвратившихся в Воронежскую область в порядке репатриации». Датирована 21.11.1946. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 728. Л. 42—43). Ср. данные ЧГК о количестве угнанных из Воронежской области: 4.476 чел.

¹⁸ «Информация о положении дел с репатрированным населением в Курской области». Датирована 25.12.1946; подписана секретарем Курского обкома ВКП(б) Н.Голубевым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 752. Л. 15—20). Ср. данные ЧГК о количестве угнанных из Курской области: 38.797 чел.

¹⁹ Интересны и следующие общеобластные цифры: арестовано по возвращении 89 чел. репатриантов, — надо полагать, по политическим мотивам, поскольку даются сведения и по репатриантам, привлеченным к уголовной ответственности: за бандитизм, грабежи и убийства — 35 и за воровство — 125 чел.

6.5. На чужбине: невозвращенцы и другие перемещенные лица

Вопрос о беженцах и перемещенных лицах стал одним из постоянных ристалищ первых лет холодной войны. При этом определенный акцент был сделан на дипломатических усилиях. Так, 4—5 февраля 1946 года в Лондоне на заседании Комитета № 3 Первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель СССР профессор Арутюнян предложил проект резолюции по вопросу о беженцах. Альтернативный проект выдвинули делегаты США Элеонора Рузвельт и Макнейл. 12 февраля, уже на самой Сессии, советские поправки к резолюции о беженцах — устами Вышинского — звучали так:

«1. В лагерях для беженцев и перемещенных лиц не допускать какой-либо пропаганды против интересов ООН или отдельных ее членов, а также пропаганды против возвращения на родину;

2. В состав обслуживающего персонала лагерей для беженцев и перемещенных лиц привлекать в первую очередь представителей заинтересованных государств, гражданами которых являются беженцы;

3. Квислинговцы, предатели и военные преступники, как лица запятнавшие себя в сотрудничестве в какой-то форме с врагами Объединенных Наций, не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться покровительством Объединенных Наций. Квислинговцы, предатели и военные преступники, которые все еще укрываются под видом беженцев, должны быть немедленно возвращены в их страны»¹.

Фактически предлагалось отделять коллаборантов от прочих беженцев и отдавать их в руки стран, откуда они бежали. Это предложение было поддержано Польшей и Югославией, но советские поправки, тем не менее, приняты не были. А формулировка, принятая Генеральной Ассамблеей, звучала для советского уха кощунственно:

«Беженцы или перемещенные лица, заявившие окончательно и определенно, совершенно свободно и по полному ознакомлении с фактами, в том числе и соответствующей информацией, представленной правительствами стран их происхождения, веские возражения против возвращения в страны своего происхождения, не будут принуждаться к возвращению на родину»².

15 декабря 1946 года А.А.Громыко, представлявший тогда СССР в ООН, заявил:

«Мероприятия по перемещению беженцев и перемещенных лиц в другие страны, во-первых, создают условия, при которых военные преступники, квислинги, предатели легко укрываются от наказаний. Во-вторых, даже с чисто гуманной точки зрения нельзя считать

правильным поощрение переселения в другие страны, поскольку такое переселение обрекает беженцев на безотрадное существование, вдали от родины, в условиях всякого рода дискриминации»³.

Еще раз эти вопросы обсуждались на Генеральной Ассамблее ООН 17 ноября 1947 года.

23 апреля 1947 года (т.е. еще в конце эры ЮНРРА) в Москве на совещании Министров иностранных дел стран-союзников было подписано соглашение об ускорении репатриации⁴.

А 1 июля 1947 года мандат ЮНРРА истек.

Ей на смену, полностью переняв ее инфраструктуру и функции, пришло другое ведомство — International Refugee Organisation (сокращенно ИРО, или ИРО) — **Международная Организация по делам беженцев и перемещенных лиц**, устав которой был разработан и принят ООН еще в декабре 1946 года. Штаб-квартира ИРО размещалась в Женеве, в дворце Вильсона; ее генеральным директором был Вильям Г.Тэк, впоследствии его сменил И.Д.Кингслей.

Членами ИРО были 18 стран⁵, но СССР в их числе уже не было. Бюджет составляли взносы государств-членов (почти 2/3 расходов взяли на себя США) и нескольких десятков благотворительных организаций. Годичное содержание одного ДиПи в лагере обходилось приблизительно в 300 долларов⁶. У ИРО был собственный транспорт (30 судов), собственная пресса (около 50 изданий⁷), в штате — около 64 тыс. сотрудников.

Представительства ИРО были открыты почти в 30 странах и во всех западных оккупационных зонах⁸. Штаб-квартира для всей Германии сначала находилась в Арользене, затем в Берлине, а для всей Австрии — в Вене, Центральное бюро розыска — в Арользене (Западная Германия)⁹. Дислокация представительств, или штабов, в западных оккупационных зонах: в Германии — Бад-Киссинген (американская зона), Лемго (английская), Хазлах (французская), в Австрии — Зальцбург (американская зона), Клагенфурт (английская) и Иннсбрук (французская). Эти штабы опирались на районные организации, состоящие из дирекции, политического отдела (занимающегося приемом и отчислением перемещенных лиц из лагерей и их фильтрацией), отдела статистики, отдела эмиграции, отдела продовольствия и снабжения, отдела трудоустройства и транспортного отдела¹⁰. При штабах ИРО были аккредитованы вербовочные миссии из различных стран, заинтересованных в рабочей силе, притом как можно лучшего «качества».

ИРО была создана, — точнее, перенята от ЮНРРА, — поддерживалась и управлялась разветвленная сеть лагерей. Во главе лагеря стояли офицер оккупационной администрации (в чине от майора и выше) и комендант лагеря, назначаемый из среды ДиПи (представители от каждой национальной группы считались его заместителями); кроме

того избирался еще и лагерный комитет. Сеть лагерей была дополнена многочисленными центрами и курсами по обучению различным специальностям и иностранным языкам. Расходы на питание ДиПи оплачивались Германией как страной, которой ДиПи были «обязаны» своим пребыванием в ней¹¹.

Мандат ИРО был выдан на 3 года и истекал 1 июля 1950 года¹², но на деле ее деятельность сворачивалась постепенно, в несколько этапов, и юридически прекратилась только 31 декабря 1951 года, что, разумеется, вовсе не означало того, что с ликвидацией ИРО отпадет — или сможет считаться решенной — проблема беженцев и перемещенных лиц. По заявлению главного директора ИРО в Германии Т.Дженсона в Германии и Австрии все еще оставалось 140 тыс. ДиПи¹³. После ликвидации ИРО все ее лагеря ДиПи были переданы земельным властям; содержание оставшихся в лагерях ДиПи шло за счет пособия по безработице¹⁴.

В декабре 1951 года в Брюсселе представителями США, Англии, Франции, Италии, ИРО и наблюдателем Норвегии был создан Временный Межгосударственный Комитет по переселению эмигрантов из Европы¹⁵. Но все основные функции ИРО были переданы Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев, созданного 1 января 1952 года во Исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1949 года. Первый Верховный Комиссар ООН, д-р Годхард ван Хойвен¹⁶ еще в июле 1951 года созвал в Женеве конференцию, на которой, в соответствии с принципами, сформулированными во Всеобщей декларации прав человека¹⁷, было выработано новое положение о беженцах, предусматривающее тот минимум прав, которым могли бы пользоваться все беженцы без исключения и независимо от места их пребывания¹⁸. Так называемая «Конвенция о статусе беженцев» была подписана 28 июля 1951 года¹⁹.

Из «Декларации прав человека» принципиально исходила в своей деятельности и ИРО. У каждого ДиПи, согласно декларации, имелось три фундаментальные демократические аксиомы: **репатриация** (отставим на время степень ее добровольности) — **лишь одна из законных возможностей**, имевшихся у ДиПи. Двумя другими должны бы быть — и, в конце концов, стали: **интеграция** в немецкую экономику²⁰ и **эмиграция** — переселение в другие страны.

Советский строй, органически и столь же принципиально несовместимый с альтернативностью и конкуренцией, был решительно не согласен и с альтернативностью репатриации — естественным правом человека и гражданина (к тому же беженца) самому решать свою судьбу. «*Репатриация, репатриация и еще раз репатриация!*», — было девизом голиковского Управления, тогда как ИРО, в понимании СССР, именно для срыва репатриации и была создана. Поэтому СССР не только

не вошел в ИРО, но и не признал ее юридически²¹. Все контакты с ИРО, — а их, понятно, избежать было невозможно, — осуществлялись либо неофициально, либо через посредство военных властей союзников (в частности, через них шла вся переписка с ИРО), либо же, как это было санкционировано МИД СССР, при рассмотрении представителей ИРО как *«действующих по поручению военных властей»*²².

Число ДиПи, зарегистрированных ИРО к 1 июля 1947 года в Европе — Германии, Австрии и Италии — превышало 1,5 млн. чел. Пробные примеры эмиграции до этой даты можно было пересчитать по пальцам: странами-пионерами были Канада, Бельгия, Англия, Бразилия и Марокко. За первые 9 месяцев своей деятельности ИРО обеспечило эмиграцию 59,7 и репатриацию 41,7 тыс. чел.²³ Основными странами эмиграции в это время были Англия, Канада, Австралия, США, Бельгия и Франция.

Что ждало на новой родине **невозвращенцев** — эмигрантов «послевоенного призыва» (и не только советского происхождения)?

Судьба их, что и говорить, была отнюдь не безоблачной. Тяжелый, низкооплачиваемый физический труд (например, на лесозаготовках в Швеции) — был практически единственной экономической перспективой для большинства остающихся на Западе «невозвращенцев». Так, отправляющиеся в Австралию, например, обрекали себя на двухлетнее трудоиспользование исключительно по усмотрению правительства, на проживание в общежитии и без семьи, на право на получение гражданства не ранее, чем через 5 лет, и т.д. Перспектива, прямо скажем, не самая соблазнительная и чем-то напоминающая гулаговский «спецконтингент», от которого вроде бы человек и пустился в бега!..

Вот другой характерный пример: многие ДиПи подписали в 1947 году тяжелый двухлетний контракт о работе на бельгийских угольных шахтах. По истечении срока контракта выяснилось, что Бельгия еще не вышла из полосы экономического кризиса и безработицы, и бельгийские власти, вопреки прежним обещаниям, отказывали ДиПи в разрешениях на устройство на иную, нежели шахты, работу. Отказывали им и в праве возвратиться в Германию для дальнейшего переселения, поскольку, как оказалось, они уже считались переселенными и трудоустроенными, а Бельгия кроме того обязалась ДиПи в Германию более не возвращать²⁴! Дело дошло до того, что около 400 ДиПи с истекшими контрактами приехали 24 апреля 1949 года в Брюссель и собрались возле тюрьмы «Пти-Шато», откуда возвращали в Германию тех, кто во время пробного периода не справился с работой²⁵.

Так что, как ни крути, а **выше, чем граждане второго сорта, ДиПи и невозвращенцы на Западе и не котировались.**

В самый разгар эмиграционного бума — в августе 1948 года — Центральное представительство российской эмиграции в американ-

ской зоне Германии — подготовило и направило в адрес сентябрьской Ассамблеи ИРО следующий меморандум поистине драматического содержания:

«Положение ДП <ДиПи — П.П.> и военных беженцев, живущих в лагерях и вне таковых, становится все тяжелее и ужаснее.

Четвертый год бессмысленного и бесполезного лагерного "сидения" в состоянии бесправия и в атмосфере бесперспективности — доводит людей до отчаяния.

Сведение лагерей ДП практически до роли международного рынка рабочей силы, где тщательно выбираются только крепкие мускулы, где интересуются только людьми до 35-летнего возраста, где разъединяются семьи, а судьба стариков, женщин и детей никого не интересует и не трогает — еще больше удручает и без того угнетенное состояние людей.

Отдельные эмигранты и эмигрантские общественные организации, благодаря своей инициативе и энергии сами нашедшие себе страны, которые согласились их принять в качестве переселенцев и давно выслали им соответствующие разрешения на въезд, неизвестно почему до сих пор не вывозятся. Несколько тысяч разрешений на въезд в Аргентину и Парагвай долгими месяцами лежат неиспользованными и без всякого движения. Многие ДП получили от своих друзей и родных из США "эффендивиты", и даже переезд их оплачен полноценными долларами, но тем не менее они годами не отправляются никуда. Переселение ДП и беженцев не сдвинуто с мертвой точки.

Все ухудшающееся в лагерях питание истощает людей и делает их неполноценными физически... Решение органов ИРО об оплате жителями лагерей своего содержания в сумме, в три раза превышающей фактическую стоимость (70 марок вместо фактической стоимости в 24,55), ставит ДП в совершенно невыносимые условия.

Крайне болезненно отражается на психике ДП и неустойчивость международного положения, чреватого постоянной возможностью войны и растущим, в связи с этим, страхом попасть в руки того режима, от которого они спасают свою жизнь в эмиграции... Поэтому затяжка с расселением многими объясняется, как преднамеренное стремление невидимых сил во что бы то ни стало задержать эмиграцию до тех пор, пока она не окажется в коммунистических руках... Все это, вместе взятое, создает в среде ДП крайне тягостное и гнетущее моральное состояние.

... Нам кажется, что дальше держать людей в постоянном страхе за свою жизнь и в состоянии полной неопределенности и бесправия — совершенно невозможно. Дальнейшая затяжка практического разрешения проблемы ДП и военных беженцев может превратиться для них в катастрофу, а для гуманитарных западных демократий — в несмылаемый позор»²⁶.

Впрочем, открыто дискриминационную по отношению к ДиПи политику вели не все страны, принимавшие ДиПи. После принятия Конгрессом США 19 июня и подписания президентом Трумэнном 25 июня 1948 года так называемого «ДиПи-Билла» — закона о допусшении в страну 205 (позднее исправленных на 341) тыс. ДиПи — началась массовая эмиграция в США.

В соответствии с этим законом, право на въезд получали лица на положении беженцев в западных зонах Берлина и Вены, Германии, Австрии и Италии, находившиеся там до 22 декабря 1945 года и все еще находящиеся там на 1 января 1948 года. Кандидаты должны удовлетворять санитарным и др. требованиям обычного иммиграционного закона, в США им гарантировались работа и жилище. Жена, муж и малолетние дети правомочного ДиПи допускаются вместе с ним, если они удовлетворяют тем же общим требованиям.

Были заложены и своего рода квоты и преференции. Так, 40 % виз (на 80 тыс. чел.) резервируется для беженцев из прибалтийских государств и Польши восточнее линии Керзона, 2 тыс. виз — для чешских беженцев. Приоритетными являлись следующие иммигранты: 1) крестьяне (30 % виз); 2) домашняя прислуга, строительные рабочие и рабочие швейной промышленности; 3) родственники американских граждан или резидентов (включая и 3-ю степень родства). В рамках этих главных приоритетов бывший солдат, воевавший против врагов США, имел приоритет перед не-солдатом, а проживавший в лагерях — перед не проживавшим в лагерях²⁷. Была разработана система контрактации, обязывающая поручителя (как правило, работодателя) оплатить переезд ДиПи и членов его семьи, зарезервировать для него рабочее место и жилье²⁸.

Соответствующая комиссия (во главе с У.Карузи и О'Карнеем) планировала переселять ежемесячно до 8—9 тыс. чел. В начале 1949 года сюда переселилось 28 тыс. чел., а с мая 1949 года поток должен был возрасти в несколько раз. Поступило около 150 тысяч заявок практически из всех штатов. Американская программа официально должна была завершиться 30 июня 1951 года, но была продлена еще на полгода, поскольку к этому времени вместо 341 тыс. запланированных было выдано только 267 тыс виз., причем в действительности по ним смогло выехать не более 170—180 тыс. чел.²⁹ Фактически эмиграция ДиПи в США закончилась в августе 1952 года: кроме 339.494 ДиПи сюда эмигрировало также 54.740 немцев; большинство — 45,5 % — эмигрировавших в США ДиПи составили поляки, 11 % — латыши, 7,5 % — литовцы, 10,7 % — граждане СССР³⁰.

Со временем — приблизительно с февраля 1948 года — ИРО стала требовать от всех принимающих стран обеспечения права на семейную эмиграцию и гарантий соблюдения других прав. В целом же, оценивая деятельность ИРО, нельзя не признать: за 5,5 лет своего существования эта организация поработала на славу, хотя, конечно, и не столь триумфально, как Заукель или Голиков.

Вот несколько цифр. Из 1.510.827 ДиПи, бывших на 1 июля 1947 года на попечении ИРО, к 31 октября 1950 года было переселено 848.351 и 71.052 чел. репатрировано³¹. Всего же за время существования ИРО ею было переселено более 1 млн. чел., репатрировано — 73 тыс. и интегрировано в экономику стран пребывания — 410 тыс. беженцев и перемещенных лиц³². Если в конце сентября 1945 года в трех западных зонах насчитывалось около 1,3 млн. ДиПи, то в октябре 1950 года — около 0,6 млн., а весной 1952 года — всего 0,3 млн. чел. Из западных союзнических зон за весь период деятельности ИРО — с 1 июля 1947 по 31 декабря 1951 г. — было переселено в общей сложности 712.511 чел., в том числе 63,2 % из американской, 31,5 % — из английской и 5,3 % — из французской зон³³.

О том, куда переселялись ДиПи, можно судить по следующей таблице.

Таблица 6.5.1

**Распределение переселенцев
по основным странам и регионам
(на 31.12.1951; чел. / %)**

Страны и регионы	Человек	%
США	273.501	38,38
Австралия	136.249	19,12
Канада	83.431	11,70
Израиль	70.051	9,83
Англия	55.543	7,79
Южная Америка	34.682	4,86
Франция	24.568	3,44
Бельгия	22.074	3,09
Др. страны Зап. Европы	8.33	1,16
Новая Зеландия	2.132	0,29
Африка	1.638	0,22
Ближний Восток	224	0,03
Дальний Восток	57	0,01
Всего	712.511	100,0

Источник: Jacobmeyer, 1985, s. 175.

Более двух третей из них бросили якорь в одной из трех заморских стран — США, Австралии или Канаде — и лишь около 15 % из них остались в Европе.

Находясь вне ИРО, СССР без устали разоблачал ее деятельность как скрытую или явную «работоторговлю», к тому же «направленную против интересов ООН и против интересов подавляющего большинства перемещенных лиц». ИРО — это ни что иное, как «...аппарат, при помощи которого англо-американские реакционные круги получили дешевую рабочую силу и пополняли редкие ряды антисоветской эмиграции»³⁴. Разоблачались — и во многом справедливо (к тому же — с великолепным знанием дела!) — также и те отвратительные методы, к которым прибегал Запад в тех случаях, когда уговоры и пропаганда не помогали: экономическое давление, снятие с довольствия, переброска из лагеря в лагерь, угрозы, насилие и т.д.

У советского полковника-репатриатора А. Брюханова для ИРО, естественно, доброго слова тоже не нашлось:

«Хотя ИРО официально считалась международной организацией, действующей под руководством ООН, она была инструментом англо-американской политики. Если руководство ЮНРРА все же принимало решения об ускорении репатриации, то заправили ИРО об этом даже и не думали. Действуя под флагом заботы о перемещенных, ИРО была ни чем иным, как поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы в капиталистические страны»³⁵.

Обстановку в лагерях для ДиПи, по Брюханову, определяли —

«...засилье антисоветских, бандитских элементов, полное бесправие одних и наглое господство других. Чины лагерной администрации, укомплектованной, как правило, из военных преступников, открыто заявляли людям: "не хочешь подыхать с голоду, подчиняйся нам"... Перемещенным лицам запрещалось покидать лагерь и самостоятельно устраиваться на работу. Помимо всего прочего, лагерная верхушка была материально заинтересована в том, чтобы в бараках было многолюдно: чем больше продовольственных пайков выделялось..., тем скорее обогащались воры — "администраторы".

"Аристократия" лагеря — "комитетчики", полиция, коменданты — вели развратную жизнь. В лагерях процветали спекуляция, пьянство, проституция, картежные игры, взяточничество. К такому образу жизни пытались принудить и других перемещенных. Деморализованные, разложившиеся люди становились легкой добычей вербовщиков в шпионские школы и антисоветские организации»³⁶.

Надо сказать, что Управление по репатриации в своих рассуждениях оперировало определенной «структурой» перемещенных лиц. Голиковские аналитики различали среди советских граждан-невозвращенцев три генетических и три мотивационных типа:

Сначала о генетической классификации. По тому, каким образом люди оказались в Германии, выделялись:

1а) — *насиленно вывезенные (30 %);*

1б) — *насиленно мобилизованные в немецкие спецформирования (20 %) и*

1в) — *поддавшиеся агитации и добровольно уехавшие в Германию в период боевых действий, а также военные преступники (вместе 50 %)*³⁷.

Что же касается мотивации невозвращенчества, то тут различались такие факторы и причины, как:

2а) — *семейные обстоятельства (брак с иностранцами, соединение с родственниками и т.п.);*

2б) — *экономическая зависимость от работодателей в сочетании с запугиванием антисоветской пропагандой;*

2в) — *враги советской власти, предатели родины и военные преступники*³⁸.

Мало того — за представителями (точнее — представительницами) первого мотивационного типа «право на невозвращение» как бы и признавалось³⁹, благо речь-то шла всего о нескольких тысячах человек. Весь же смысл репатриации по-советски был в борьбе за третью и, особенно, за самую многочисленную вторую группу: не «работоторговля», конечно, а просто «здравый экономический расчет» на дармовые рабочие руки без вины виноватых граждан сочетался здесь с торжеством неутоленного самолюбия победителя в двух войнах — Великой Отечественной и Гражданской. (Нет, без Ялтинского договора и его двусмысленных параграфов так насладиться новой и старой победой Сталин бы не смог!)

Но, повторим еще раз, согласно Уставу ИРО, перемещенные лица имели право совершенно свободно выбрать, возвращаться им на родину или нет. Устав этот, по существу, и стал своеобразным шлагбаумом — юридическим инструментом, отменяющим действие и действенность тех репатриационных принципов, что были заложены в Ялтинском договоре. Чем не преминули воспользоваться союзники по антигитлеровской коалиции, хоть и соучаствовавшие все это время в репатриации по-советски, но вечно при этом морщившиеся и никоим образом ей не сочувствовавшие.

Бесперспективность попыток склонения «невозвращенцев» к добровольной репатриации была вполне понятна и самим репатриаторам. Как писал полковнику Брюханову его подчиненный — майор Иотка (ответственный за репатриацию в провинции Северный Рейн — Вестфалия):

*«Ясно, что все эти категории "перемещенных лиц" ни за что не возвратятся на прежние места жительства. Даже те, кто попал случайно в лагерь и то теперь распропагандированы в антисоветском духе или стали на путь уголовников»*⁴⁰.

Между тем офицерам голиковского ведомства «работать» в самой Германии становилось все трудней и трудней.

«Если в начальном периоде репатриации (1944 и начало 1945 года) англо-американские и французские власти, передавая нам советских граждан, часть их скрывали у себя, то в середине и конце 1945 года англо-американцы стали на прямой путь невозвращения их»⁴¹.

Начиная с осени 1945 года, все сложнее становилось добиться разрешения на встречи с ДиПи, как и находить живой контакт с массами в лагерях. Затем начались отказы в предоставлении полагерных списков ДиПи, а с 1947 года и само посещение лагерей стало проблемой: визиты разрешались — и, разумеется, в сопровождении офицера союзников или ИРО (и, как правило, еще и под солидным военным эскортом) — лишь в те лагеря, где советских представителей пожелали бы видеть⁴². Американские и английские власти упорно настаивали на численном сокращении состава советских репатриационных групп, а затем — ввиду исчерпания фронта работ — и на полном прекращении их деятельности в своих зонах (представительства были закрыты, соответственно, 3 марта 1949 и 19 апреля 1950 г.)⁴³.

Но так ли это? Действительно ли эта нива была сжата?

Сколько же «невозвращенцев» советского происхождения осталось после Второй мировой войны на Западе?

По одной из оценок, сделанных Управлением по репатриации на основании неполных данных на 1 марта 1946 года, за рубежом все еще оставалось 314.757 чел., из них 25.402 чел. были выявлены в Западной Германии за первые два месяца 1946 года⁴⁴. Большинство — 174.439 чел. — «временно невозвращенных» сограждан находилось на территории Западной Германии, в том числе в английской оккупационной зоне — 104.227, в американской — 69.447, во французской — 715 чел. Далее следовали Австрия (53.000 чел.), Италия (34.829), Швеция (28.939), Бельгия (16.112), Дания (4.101), Франция (1.809), Швейцария (775), Англия (506), территория Палестины (205), Америки (28) и Северной Африки (12), последней в этом списке стоит Голландия (10 чел.)⁴⁵.

Если сравнить эти данные с данными по числу репатриированных, начиная с марта 1946 года (напомним, что их число, с зачетом данных за январь—февраль 1946 года составило 253.257 чел. и 104.893 чел. без соответствующего зачета), то получается, что всего было репатрировано около 1/3 невозвращенцев, выявленных в 1946 году.

По более поздним данным, в западных оккупационных зонах Германии находилось: на 15 января 1947 года — 242.068 чел.⁴⁶, на 1 июля 1949 года — 181.985 чел.⁴⁷, на 1 марта 1952 года — 84.825 чел.⁴⁸

Многие невозвращенцы, как мы знаем, к этому времени покинули уже и Германию. По советским данным, под контролем союзного командования в оккупационных зонах, а также в других иностранных

государствах находилось, на 1 января 1949 года, 396.180 советских граждан⁴⁹. За год эта цифра возросла до 455.936 чел.⁵⁰, а к 1 января 1952 года за границей все еще оставалось 451.561 советских граждан⁵¹.

В 1952 году, по сравнению с 1946 годом, главная структурная перемена заключалась в следующем: тогда — более 80 % невозвращенцев находилось внутри западных оккупационных зон в Германии и Австрии, теперь же на них, наоборот, приходилось лишь около 23 % от их числа⁵². Так, во всех шести западных зонах Германии и Австрии находилось 103,7 тыс.чел., тогда как в одной только Англии — 100,0, Австралии — 50,3, Канаде — 38,4, США — 35,3, Швеции — 27,6, Франции — 19,7 и Бельгии — 14,7 тыс. «временно нерепатрированных»⁵³.

В этой связи весьма выразительной является этническая структура невозвращенцев⁵⁴. Больше всего среди них было украинцев — 144.934 чел. (или 32,1 %), далее шли три прибалтийских народа — латыши (109.214 чел., или 24,2 %), литовцы (63.401, или 14,0 %) и эстонцы (58.924, или 13,0 %). На всех них, вместе с 9.856 белорусами (2,2 %), приходилось 85,5 % зарегистрированных невозвращенцев. Собственно, это и есть, с некоторым огрублением и завышением⁵⁵, квота «западников» (в терминологии Земскова) в структуре этого контингента. По оценке самого В.Н.Земскова, «западники» составляли 3/4, а «восточники» — только 1/4 от числа невозвращенцев⁵⁶. Но скорее всего доля «западников» еще выше, особенно если предположить, что в категорию «другие» (33.528 чел., или 7,4 %) затесалось достаточное количество поляков. Русских же среди невозвращенцев — всего 31.704, или 7,0 %.

В свете этого становится понятным и масштаб западных оценок числа невозвращенцев, на порядок более низких, чем советские и как бы сориентированных на число русских по национальности в этой среде. Так, по данным М.Праудфута, официально зарегистрированы как «оставшиеся на Западе» около 35 тыс. бывших советских граждан⁵⁷.

Но как бы то ни было, десятки и сотни тысяч бывших советских или подсоветских граждан так или иначе, правдами или неправдами, но избежали репатриации и все-таки составили так называемую «вторую эмиграцию».

Примечания

¹ Отчет-1, с. 220—221.

² Цит. по>Note посольства США от 03.03.1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 24. Л. 8—10).

³ Брюханов, 1958, с. 127—128.

- ⁴ См. выше в разделе 5.7. См. также: Брюханов, 1958, с. 49, 118.
- ⁵ Необходимым условием для образования ИРО, согласно ее Уставу, было признание и ратификация ее Устава не менее чем 15 государствами мира (что произошло только в 1948 году). До этого момента функционировало, собственно говоря, не ИРО, а подготовительный комитет по ее созданию. Первыми 16 членами ИРО стали Великобритания, Новая Зеландия, Китай, Исландия, Австралия, Аргентина, Бельгия, Гватемала, Доминиканская Республика, Канада, Нидерланды, Норвегия, США и Франция, а также Бразилия и Венесуэла. Во многих странах создавались Национальные комитеты по защите беженцев (см.: Переселение ДИ-ПИ, с. 3—5).
- ⁶ Переселение ДИ-ПИ, с. 4.
- ⁷ Точнее говоря, в распоряжении ИРО была не пресса, а право выдачи лицензий на издательскую деятельность и бумага, распределявшаяся между получившими лицензию изданиями для различных ДИ-ПИ (уточнение Г.А.Рара). В частности, по лицензиям ИРО издавались газеты «Посев» (Лимбург-на-Лане), «Эхо» (Регенсбург), «Путь» (в английской зоне Германии) и др.
- ⁸ Соответствующее решение было принято на пленарном заседании ООН 23.09.1946.
- ⁹ В 1951 году оно было передано в ведение Верховного Комиссара по делам беженцев, а затем — в ведение Международного Красного Креста.
- ¹⁰ Отчет-2, с. 55.
- ¹¹ Посев. 15.02.1948. С. 7—8. По официальной статистике ИРО, уровень смертности в лагерях для ДИ-ПИ составлял 0,64 %.
- ¹² Так, в Бюллетене ИРО за июль—август 1949 г. было объявлено, что ИРО прекратит практически всю свою деятельность к концу июня 1950 г: Закроются все лагеря, кроме лагерей для больных и инвалидов, а также транзитных лагерей по репатриации и эмиграции. Регистрацию беженцев предполагалось закрыть к 31.08.1949, а после 31.12.1949 вообще никто не сможет быть принят под покровительство ИРО (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 26. Л. 106).
- ¹³ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 33—36.
- ¹⁴ В размере 30—50 марок в неделю (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 45—52).
- ¹⁵ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 108—110.
- ¹⁶ Первым представителем ООН по делам беженцев в Германии был норвежец Ренгольц.
- ¹⁷ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948.
- ¹⁸ АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 108—110.
- ¹⁹ В связи с тем, что ее действие ограничивалось лицами, ставшими беженцами лишь до 01.01.1951, 31.01.1967 был принят особый «Протокол о статусе беженца», снявший это ограничение. См.: Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. М.: МОМ, 1994. (В скобках отметим, что со временем число беженцев многократно возросло и в 1993 году превысило 17,5 млн. чел., не считая 25 млн. внутренних перемещенных лиц. См.: Права человека и беженцы / Сер.: Права человека: Изложение фактов. № 20. Женева. 1993. С. 2).
- ²⁰ Иногда в этом же смысле употреблялся более поздний термин «абсорбция». 28.04.1951 в Западной Германии был принят закон, уравнивавший всех оставшихся в Германии ДИ-ПИ с немецким населением. Согласно этому закону, ДИ-ПИ уже более не могли рассчитывать на постоянную государственную опеку, за исключением больных, инвалидов, стариков и одиноких матерей с детьми (АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 26. Л. 6—8).

- ²¹ 25.08.1947 за № 323 МИД СССР направил Посольству США в Москве ноту относительно именно факта снятия США с себя функций и ответственности, касающихся репатриации, и передачи их в руки ИРО (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 70).
- ²² Отчет-2, с. 61.
- ²³ Переселение ДИ-ПИ, с. 6.
- ²⁴ Эхо. Еженедельная газета. Регенсбург. 19.05.1949. С. 5.
- ²⁵ Акция, к слову сказать, абсолютно невозможная в условиях СССР. Но и в условиях Бельгии она ничего не изменила в судьбе шахтеров из ДИПИ.
- ²⁶ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 17. Л. 175—181, копия — со ссылкой на: «Обзор иностранной печати», № 94, за 29.08.1948. В том же меморандуме прямо указывается на прямую заинтересованность высокооплачиваемых чиновников ИРО в поддержании «статус-кво» и, следовательно, в притормаживании эмиграции.
- ²⁷ АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 19. Л. 23—44.
- ²⁸ Эхо. Еженедельная газета. Регенсбург. 19.05.1949. С. 5. Там же сообщается, что число опаздывающих на транспорты в последнее время достигло 20 %.
- ²⁹ Голос народа. Орган демократической мысли. Мюнхен. 1952. № 20 (ориентировочно — конец июня — начало июля).
- ³⁰ См.: АВП. Ф. 082. Оп. 40. П. 257. Д. 25. Л. 135, со ссылкой на газету «Латвия» от 04.10.1952.
- ³¹ Посев. 18.02.1952.
- ³² Права человека и беженцы / Сер.: Права человека: Изложение фактов. № 20. Женева. 1993. С. 6.
- ³³ Jacobmeyer, 1985, s. 173—175.
- ³⁴ Отчет-2, с. 53.
- ³⁵ Брюханов, 1958, с. 96—97. Называя ИРО «главной конторой работоторговли» и рисуя картины невольничьих рынков, поставлявших живой товар чуть ли не по разверстке, А.Брюханов ссылается и на западное издание — журнал «Ридер Дайджест» (1948, октябрь): *«Над лагерями перемещенных лиц в Европе витает дух изуверского рабского труда. Представителям отдельных заморских стран предлагают на просмотр "каталог", как скотододам — метрические книги племенного скота. Они ходят по лагерям, как по отделениям универсального магазина...»* (Брюханов, 1958, с. 122—123). С не меньшим воодушевлением тезисы Брюханова в 1993 г. повторяет Шевяков (Шевяков, 1993, с. 10—11).
- ³⁶ Брюханов, 1958, с. 101—102. Впрочем, о наличии в лагерях для ДИПИ военных преступников, как и об узурпации власти, особенно в украинских лагерях, националистическими группировками и внутрилагерном терроре сообщают и западные источники (например: Jacobmeyer, 1985, s. 80).
- ³⁷ [И.о. нач. отдела репатриации и розыска граждан Объединенных Наций СВАГ гвардии полковник Писаренко] Репатриация советских граждан с территории Германии за 1-е полугодие 1949 (АВП. Ф. 082. Оп. 36. П. 185. Д. 26. Л. 1—17).
- ³⁸ Отчет-1, с. 213—215.
- ³⁹ См.: Постановление СНК СССР № 1860-496с от 24.07.1945 «О выезде из СССР советских граждан и о въезде в СССР иностранных граждан в случае вступления в брак в период войны».
- ⁴⁰ [Майор Иотка.] Докладная записка о работе по репатриации в Северо-Рейнской и Вестфальской Провинции за первое полугодие 1948 года. (АВП. Ф. 082. Оп. 35. П. 161. Д. 16. Л. 140, с сохранением орфографии оригинала).

- ⁴¹ Отчет-1, с. 215.
- ⁴² Брюханов, 1958, с. 54; Jacobmeyer, 1985, s. 143—149.
- ⁴³ См.: Отчет-2. Фактическая деятельность группы по репатриации в английской зоне была свернута в течение февраля—марта 1948 г. См. также: Брюханов, 1958, с. 183; Васильев, 1978, с. 127, со ссылкой на: Внешняя политика Советского Союза. 1949 г. М., 1953. С. 80—84, где для английской зоны приводится другая дата закрытия репатриационной группы — 01.10.1947.
- ⁴⁴ Отчет-1, с. 211—212. Цифра — расчетная, полученная вычитанием числа принятых от союзников советских граждан (2.352.686) из суммы граждан, освобожденных, по неполным данным, союзниками (2.667.443).
- ⁴⁵ Отчет-1, с. 211—212. На с. 225 повторены эти же данные, но с добавлением разбивки по союзническим зонам оккупации в Австрии (тыс. чел.): английская зона — 16, американская — 25 и французская — 12.
- ⁴⁶ Справка-доклад «О количестве лагерей с советскими гражданами, их дислокации в американской, английской и французской зонах оккупации Германии и количестве людей в них по состоянию на 15.01.1947» (АВП. Ф. 032. Оп. 34. П. 147. Д. 14. Л. 15—34).
- ⁴⁷ АВП. Ф. 032. Оп. 36. П. 185. Д. 26. Л. 1—17.
- ⁴⁸ Отчет-2, с. 5—6.
- ⁴⁹ АВП. Ф. 032. Оп. 36. П. 185. Д. 23. Л. 1—4. Этим людям адресовалось подготовленное Голиковым 26.04.1949, но так и не нашедшее поддержку наверху «Разъяснение Совета Министров СССР» об освобождении граждан СССР от ответственности не только за нахождение за границей, но и за вынужденные действия под фашистским террором.
- ⁵⁰ Сводка № 79 о репатриации советских и иностранных граждан по состоянию на 01.01.1950 (РГВА. Ф. 1еп. Оп. 01. Д. 81. Л. 21).
- ⁵¹ Отчет-2, с. 3 (близкая цифра известна и для октября 1951 г.). Методика исчисления этой цифры в отчете никак не раскрыта, но не исключено, что была предпринята попытка как-то учесть и тех, кто счастливо избежал не только советских притязаний, но и советской регистрации. По другим — еще менее поддающимся проверке — сведениям, число невозвращенцев составляло от 1,2 до 1,5 млн чел. (что представляется, напротив, величиной определенно завышенной).
- ⁵² Отчет-2, с. 3—4.
- ⁵³ См. Приложение 27. Кроме того 4.172 чел. остались в европейских социалистических странах (Отчет-2, с. 3—6).
- ⁵⁴ См. Приложение 27.
- ⁵⁵ Из-за «восточников», выдающих себя за «западников» (обратные случаи, полагаем, представимы только в случаях засылки разведчиков в СССР).
- ⁵⁶ Земсков, 1990, с. 37—38.
- ⁵⁷ См.: Proudfoot, 1957, p. 217—218.

6.6. Амнистия отсидевшим и комитет «За возвращение на Родину»

Упразднение в марте 1953 года Управления Уполномоченного при Совмине СССР по делам репатриации вовсе не означало, что на репатриации и на репатриантах окончательно ставился крест. Тем более это не значило, что советское государство было готово смириться с существованием новой — враждебной себе — эмигрантской диаспоры. Возникла совершенно новая задача — проникнуть в ее вражеские ряды, по возможности разложить ее, уничтожить ее главарей. Сама же репатриация отходила на второй план, выполняя роль «зонтика».

Так что ничего удивительного не было в том, что и после закрытия Управления по репатриации Верховный Комиссар СССР в Германии В.Семенов находил целесообразным возобновление работы советских военных миссий по репатриации¹.

Этого, однако, не произошло, и, как мы думаем, прежде всего потому, что бесперспективность «традиционной» репатриации по-советски была слишком очевидной и к тому же накладной. **Из весьма внятной и самодостаточной политической цели репатриация превращалась скорее в средство для решения совершенно иных задач.**

А для достижения новых целей старые, испытанные методы репатриационных миссий уже не годились². В изменившихся условиях они не сработали бы, — и их требовалась заменить или решительно усовершенствовать.

В КГБ это отчетливо понимали, о чем лучше всего свидетельствовало секретное письмо № 3073-с Председателя КГБ И.А.Серова в ЦК КПСС от 14 декабря 1954 года³ (разумеется, вместе с проектом соответствующего Постановления ЦК КПСС и СМ СССР). В них выдвигалась привлекательная идея создания в демократическом Восточном Берлине прогрессивного **«Комитета за возвращение на Родину»** — в противовес «Американскому комитету освобождения от большевизма»⁴ — и выпуска тематической газеты «За возвращение на Родину». Под благовидным прикрытием репатриационной риторики КГБ предлагало создать в разных капиталистических странах нелегальные группы для получения информации о деятельности эмигрантских центров и их последующего разложения и подрыва. Руководство деятельностью Комитета осуществлялось бы Инспекцией по вопросам безопасности при Верховном командовании СССР в Германии, а вся практическая работа велась бы опергруппой из 5 человек «под прикрытием» работников по репатриации Консульского отдела Носольства СССР в ГДР. Формально же возглавить Комитет поручалось отставному генерал-майору и бывшему военнопленному Н.Ф.Михайлову (2 года в Дахау⁵) при секретаре А.Н.Дубовникове, доценте-литературоведе, в прошлом также побывавшем в немецком плену⁶.

Для набора и вербовки в эти группы нужны были кадры — лучше всего, сами невозвращенцы и эмигранты, которых желательно, пусть в небольшом количестве, но как-то заполучить их из новых обиталищ, для чего, согласитесь, нужны условия, нужна интрига. Посему ядром всей этой истории стало не что-нибудь, а подготовка **Указа ПВС об амнистии перемещенным лицам**, в том числе и коллаборантам. Для их командиров и ответработников хитрые чекисты предусмотрели 5-летнюю ссылку на целину или куда подальше, — лишь бы не вызвать излишних подозрений в более широких массах, склонных к естественному недоверию ко всякому слову и всякой инициативе советской власти. Сами же эти массы амнистировались бы с весьма интересной мотивировкой: длительное пребывание за границей, в отрыве от Родины, — уже само по себе наказание и тяжелое. Для придания Комитету определенного авторитета следовало бы разрешить — разумеется, по его, Комитета, просьбе — въезд в СССР из капиталистических стран примерно 8—10 тыс. чел. из числа бывших советских граждан и эмигрантов, лояльных по отношению к советской власти и готовых активно участвовать в социалистическом строительстве в СССР. Впрочем, и им, прощенным на все 100 %, почему-то указывалась та же делянка, что и наполовину прощенным ответработникам и командирам: освоение целинных земель.

16 декабря 1954 года Н.С.Хрущев распорядился разослать письмо Серова всем членам Президиума ЦК, и спустя три недели — 6 января 1955 года — соответствующие постановления ЦК КПСС (за № П102/XXXIII) и СМ СССР (за № 38-21сс) были приняты. По всей видимости тогда же был конституирован и сам «Комитет за возвращение на Родину» как таковой. Во всяком случае летом 1955 года КГБ пересылало в ЦК отзывы о деятельности комитета и просило ЦК поторопиться с указом об амнистии.

Соответствующие проекты Серов представил в ЦК еще 4 мая, а над их окончательным текстом работала созданная 26 августа специальная комиссия ЦК под руководством М.А.Суслова (по ее предложению, в частности, амнистия была распространена и на тех «предателей», кто уже находились в СССР). Переработанные проекты были одобрены 1 сентября на Политбюро ЦК КПСС, а 17 сентября 1955 года, за подписями тогдашних председателя и секретаря Верховного Совета К.Ворошилова и Н.Пегова, был издан и сам Указ ПВС СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»⁷. Реализацию Указа обеспечивал приказ № 0465 по МВД СССР от 20 сентября 1955 года⁸.

Уже знакомые с «предысторией» указа, ознакомимся с его официальным текстом.

В преамбуле — констатация прекращения состояния войны с Германией и руководство принципом гуманности. Гуманность же, как и все на свете, бывает, если по Ленину, двух сортов — буржуазно-капиталистическая и пролетарско-демократическая. И хотя уже больше

двух лет прошло, как не стало товарища Сталина, на существо и здоровье пролетарско-демократической гуманности это никак не отразилось. Миллионы людей, брошенных родимым правительством — кто на поле боя, кто под родной крышей — на произвол судьбы и врага, — в Указе с ворошиловской огульностью обозначены как *«советские граждане, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. по малодушию <! — П.П.> или неосознанности <!! — П.П.> оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами»*. Всем им означенный указ предоставил возможность *«вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества»*. Согласно Указу, лучше всего это могли сделать осужденные за пособничество на сроки до 10 лет (тем же, кто получил больше «десятки», пролетарская гуманность сроки лишь располовинила), за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Труднее всех стать полезными членами общества было карателям и истязателям — на них амнистия не распространялась. Как не распространялась она и на тех красноармейцев и краснофлотцев, кто, попав в плен, сотрудничать с врагом не стал, а попав к своим — был осужден и отбыл или отбывал наказание: особого оперативного интереса к этим несчастным, видимо, не имелось.

Достойно упоминания, что под прямое действие Указа подпадало всего-навсего 15.724 чел.⁹ Мало того: сроки большинства столь милостиво амнистируемых и без того подходили к концу: амнистия по 10-летним срокам лицам, массово осужденным как раз 10 лет тому назад — это, в сущности, издевка, глумление палача над жертвами!¹⁰ Вздых облегчения он мог вызвать разве что у тех «власовцев», кого после 6-летнего спецпоселения, закрепили по тем же самым адресам навечно. Но и их было немного.

Так что едва ли в этом была главная политическая «наживка» указа: его неприкрытой мишенью были те, кого «прощали» за то, что они не побежали добровольно на Родину, те, за кем еще долгие месяцы и годы после победы охотились, но кто все-таки улизнул от большевистской гуманности образца 1945 года.

Приведем полностью заключительные пункты Указа:

«7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, установленное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе».

Даже подготовленного читателя многое все же не может не поразить в этом документе — и чисто оперовское обещание посодействовать тем, кто «искупил вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины» (что в международном контексте всего вероятней означает «шпионаж»), и столь же лакомый пряник — пятилетняя ссылка на самый худой случай.

Понятно, что многие невозвращенцы сделали свой выбор после тяжелейших раздумий, как понятно и то, что не так уж и сладко пришлось им на чужбине. Отсутствие постоянной работы, тяжелая полуприютная жизнь, тоска по родным местам...

Вот для таких «колеблющихся» или «разочаровавшихся», собственно, и готовился (мы уже знаем, кем и как) этот Указ. Для них-то и был построен химерический мостик-ловушка в виде благопристойного Комитета «За возвращение на Родину» под началом генерала Н. Михайлова и со штаб-квартирой в Берлине (понятно, что Восточном)¹¹.

За подписью Н. Михайлова полетели в разные концы стандартные письма — с комическими (аж шестизначными!) исходящими номерами. Такого, например, содержания:

«Уважаемый соотечественник! От Ваших знакомых по жизни на чужбине мы узнали ваш адрес и посылаем Вам Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. Как Вы видите из Указа, Вы можете без всякой боязни возвращаться домой. Если у Вас есть какие-либо частные вопросы, связанные с возвращением на Родину, напишите нам. Вероятно, мы сможем указать Вас путь выхода из запутанного положения.

Может быть Вы могли бы сообщить нам адреса других наших соотечественников на чужбине. Мы были бы благодарны Вам за это. В ожидании В/ответа С приветом — Председатель комитета Н. Михайлов»¹².

Был и другой шаблон:

«От Ваших близких знакомых Комитет узнал о Вашей тяжелой жизни. Неужели у Вас не возникало желания бросить чужбину и,

Дорогие друзья, земляки и
знакомые, фельдшеры
на чужбине!

Хочу поделиться с вами
моими самыми счастливыми.

Бывают в жизни человека
такие моменты, которые
навсегда запоминаются, как
самый светлый праздник,
наступивший после долгой
беднячьей ночи.

Такою минутой з тифлисе
всего три дня являлся поезд,
а душевное волнение не утихло
и до сих пор.

Хотел бы я по улице Берлина
в ожидании, когда сяду на поезд,
захожу ли к своим друзьям
из Комитета "За возвращение
на Родину" или сяду за кабинетом

пошлины в отеле, куда помещались франкфуртского семья,
постановили обращаться именно к тому, что произошло.
Будь в Восточной Германии, я увидел своего брата,
доброго солдата Советской Армии, несущего свою по-
требную службу на верность народу. Эту возможность
препятственно предоставило мне военное
управление по работе "Комитета" "За возвращение на
Родину".

Вот я сяду рядом с матерью в Советской машинке
и шепчу, мимо перелесков, небольших озер, просящихся
в долине маленьких городков Восточной Германии.
Всю дорогу не покидает меня чувство радости,
и тревоги: что скажет брату, не отвернется ли он
от меня, не прочтет ли в его глазах
какое-то упрека за годы, проведенные на чужбине.

Рис. 6.6.1. Образец «рукописного» письма Комитета
«За возвращение на Родину»
(ВА/МА, В 149/12 Msg, коллекция В.Позднякова)

вернувшись на Родину, зажить в кругу своих родных и друзей другой — человеческой жизнью? Вероятно, такое желание было, но что-то препятствует его осуществлению. Напишите нам откровенно обо всем. Мы вам друзья, а не враги. Может быть, сообща мы найдем выход из положения.

Может быть, Вы хотите сначала завязать переписку с Вашими родными. Ну, что ж? И в этом мы можем оказаться полезными.

Пишите, не бойтесь. Силой на Родину тянуть никто и не думает, но мы думаем, что все любящие Родину найдут к ней дорогу...»¹³

Комитет фабриковал — а иначе не назовешь — «рукописные» письма захлебывающихся от счастья «репатриантов» (догадка: не для того ли и понадобился здесь штатный литературовед?), гектографировал их вместе с фотографиями (на одной, например, изображены два 50-летних дядьки, долженствующих, согласно сюжету письма, изображать двух счастливых братьев — невозвращенца и красноармейца¹⁴) и рассылал по полученным от «близких знакомых» адресам.

Как и задумывалось, издавал комитет и свою газету (одноименную), по материалам которой был даже собран и в мгновение ока издан сборник¹⁵. Была и своя ежедневная радиопередача¹⁶.

Разумеется, комитетчики интересовались реакцией адресатов Указа. Уже 20 октября Серов сообщал в ЦК КПСС, что невозвращенцы из числа бывших военнопленных восприняли его так, что на них он не распространяется и что в случае возвращения их привлекут к суду за предусмотренные УК воинские преступления. Серов предлагал сформулировать и опубликовать соответствующий комментарий Министерства юстиции. Соответствующее Постановление ЦК КПСС было издано 7 декабря 1955 года.

Надо сказать, что была не только «обратная связь», но и самые настоящие пропагандистские «контрмеры». Так, спустя всего полмесяца с момента опубликования Указа — 8 октября 1955 года — по инициативе авторитетной эмигрантской организации («Центральное объединение послевоенных эмигрантов») в Мюнхене было проведено массовое собрание около 500 эмигрантов «второй волны». На нем выступили Л.Хоревич, Б.Серебряков, Л. и Е.Немовы, в сентябре уехавшие в Восточный Берлин с тем, чтобы вернуться на родину. По личному же знакомству с деятельностью деликатного генерал-майора и его «Комитета за возвращение на родину», они пришли к выводу, что Комитет — это орган КГБ, а сам Указ — сплошная «липа» и провокация. После этого собрания редакция «Свободного Голоса» издала брошюру: «Амнистия 1955 года — очередная фальшивка “коллективного” руководства. Показания возвратившихся возвращенцев на собрании 8 октября 1955 года»¹⁷.

Так, Серебряков и Хоревич отправились в восточную зону пешком, немецкие пограничники с западной стороны им никак не препятствова-

ли, хотя и советовали подумать и не лезть в пасть волку. Пограничники с восточной стороны — как немецкие, так и советские — что называется, были не в курсе, ни о каком указе или комитете не слышали, а выданные комитетом визы — видели в первый раз. Но вскоре за ними приехал майор МВД и отвез их в крупную воинскую часть, а оттуда — в консульство в Эрфурте; после ночевки в отеле их отправили дальше — без охраны и сопровождения — в генеральное консульство в Берлине. Там им выдали справку на проживание в Берлине и суточные (10 марок на питание и 5 на ночлег).

Сам же комитет выполнял чисто декоративную функцию: оплачивал счета за завтраки, присылал машину на вокзал, соблюдая при этом некий «ритуал»: приветствие «Родина ждет вас», обязательные фотографии для газеты, обязательное обращение к несчастным соотечественникам из «фашистской зоны» по радио (тексты готовились сотрудниками комитета или консульства), ну и конечно расспросы: «знаете ли такого-то? не мешает ли такой-то возвращению советских граждан на родину?»

Тут, пожалуй, уместно снять с и без того «голого короля» его последний респектабельный покров.

В уже упоминавшемся совместном (и, кстати, секретном!) Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 898-490 с от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», распространявшем положения сентябрьской 1955 года амнистии также и на военнопленных, отказавшихся от коллаборационизма, заключительный пункт содержал упоминание «Комитета за возвращение на Родину», но звучало все это так:

«Обязать КГБ при СМ СССР через "Комитет за возвращение на Родину" и Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР довести мероприятия ЦК КПСС и Советского Правительства, изложенные в настоящем Постановлении в отношении бывших военнопленных, до сведения советских граждан, находящихся за границей, с целью ускорения возвращения их на Родину»¹⁸.

Комментарии, как в таких случаях говорят, излишни. Хотя и без этого уже было понятно, что по-настоящему возвращенцами «занимался» не плюшевый «За возвращение на Родину», а совсем другой Комитет, — самый что ни на есть в Советской России настоящий и серьезный: Комитет (в то время Министерство) Государственной Безопасности.

Под крышей Генерального консульства СССР в Берлине настоящие комитетчики занимались отнюдь не только и не столько визами. Под крышей политического отдела консульства они в открытую, не смущаясь временем (до полутора недель беседовали!), вербовали возвращенцев на разведработу и направляли их в... Потсдамскую

разведшколу, готовившую агентуру для работы в Западной Германии! «Семья Ваша может ехать в Россию, а вы оставайтесь на годик-другой, искупите вину, станете чистым советским человеком, без пятен!» Задания сулили самые разнообразные: от распространения «амнистий» до похищения деятелей эмиграции.

Получалось, что путь на Родину пролегал через Мюнхен, Зальцбург и прочие логова эмиграции! А с самим «возвращением на родину» предлагалось несколько «повременить»!..

Что, согласитесь, несколько неожиданно и пикантно для организации со столь благородными целями и столь задушевым именем — **«За возвращение на Родину»!**

Примечания

¹ В мае—июне 1954 года он обратился с этой идеей в МИД и к Главнокомандующему Группой Советских войск в Германии генералу армии А.А.Гречко (АВП. Ф. 082. Оп. 42. П. 285. Д. 19).

² Образчиком «старых» средств может послужить проект Постановления СМ СССР «О лишении пенсий родственников изменников родины, не возвратившихся из-за границы», 21.03.1952 подготовленный Министром госбезопасности С.Игнатьевым. «Адресатами» тут являлись родственники около 1200 невозвращенцев, числящихся, по представлениям МГБ, без вести пропавшими (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 16. Л. 1—2).

³ Частично опубликовано в: Незаконченное сражение..., 1995, с. 110—112, со ссылкой: АПРФ, Документальная коллекция.

⁴ По сведениям КГБ, политическая организация, созданная в 1954 г. Госдепартаментом США для активизации и координации действий первой и второй русской эмиграции с целью разложения общественно-политического строя социалистических стран. Возглавлял ее Сарджент, до этого работавший помощником Государственного секретаря США Даллеса (Незаконченное сражение..., 1995, с. 110—111 и 126).

⁵ Михайлов, Николай Филиппович (1897—1972) — участник подавления банд Унгерна в 1922 году, служил в кавалерии и танковых частях. До 15.05.1942 — зам. командира и командир 47-й танковой дивизии (за время его командования преобразовывавшейся в 142-ю танковую бригаду и 5-ю Гвардейскую танковую бригаду), генерал-майор танковых войск (звание присвоено 09.11.1941). Будучи ранен, попал в плен. Около 2-х лет провел в Дахау; после освобождения лагеря американцами 29.04.1945 некоторое время был начальником лагеря (в этом качестве его имя встречается даже в: Отчет-1, с. 190). После фильтрации продолжил службу в Советской Армии, в 1947 году по болезни уволен.

⁶ В освобожденные члены Комитета кроме того предлагались: И.И.Толстой — внук Л.Н.Толстого, резидент и преподаватель МГУ; Н.Ф.Витковский — бывший офицер советских оккупационных войск в ГДР, в 1948 году бежавший на Запад, с 1951 года — агент КГБ (с выразительной ремаркой: «может быть выведен с Запада»); В.П.Петров — научный сотрудник Института материальной культуры АН СССР, с 1942 по

1949 по заданию МГБ находился в Западной Германии, где «разрабатывал» украинскую антисоветскую националистическую эмиграцию (сообщено Н.Петровым).

⁷ Указ был опубликован в центральных газетах и в Ведомостях Верховного Совета СССР (1955, № 17). Машинописная копия — в: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 510. Л. 10. Одновременно вышло и Постановление СМ СССР, определявшее районы вселения будущих репатриантов.

⁸ Приказ предусматривал полный расчет с освобождаемыми из мест заключения, ссылки и высылки, а также выдачу им паспортов или обмен ранее выданных паспортов (с ограничениями) на новые (РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 4. Л. 32—32 об.).

⁹ Земсков, 1994, с. 190.

¹⁰ Не говоря уже о 6-летних сроках, примененных к контингенту «власовцы», как правило, еще в 1945 г.

¹¹ Находилась по адресу: Беренштрассе, 65.

¹² ВА/МА, В 149/12 Msg (Коллекция В.Позднякова), л. 21.

¹³ ВА/МА, В 149/12 Msg (Коллекция В.Позднякова), л. 21.

¹⁴ См. рис. 6.6.1.

¹⁵ Ивушкина А.П. Родина зовет! Сборник по материалам газеты «За возвращение на родину». Берлин, 1955.

¹⁶ В радиоэфир Комитет выходил дважды в день — с 8.30 до 9.30 и с 19.00 до 20.00.

¹⁷ ВА/МА, В 149/12 Msg (Коллекция В.Позднякова), л. 82—95. В предисловии рассказывается, какой ругани в радиопередаче Комитета от 18.10.1955 подверглись устроители и участники собрания в Мюнхене: «...мюнхенское собрание вполне оправдало себя. Раз Комитетчики, вместо обычного для них в настоящее время приторно-сладкого тона, стали неистово ругаться и лгать — значит они оказались задетыми за живое, значит маска "благодетелей" с их преступных физиономий сорвана».

¹⁸ Незаконченное сражение..., 1995, с. 123.

6.7. В плену у огульного недоверия: реабилитация военнопленных

Пока органы репатриации беззаветно и безрезультатно рыскали по миру в поисках невозвращенцев, другие органы не оставляли вниманием тех, кого уже успешно репатриировали и трудозадействовали.

Так, для всех советских немцев (в том числе и для репатриированных) статус «спецпереселенцев», в свое время подтвержденный Постановлением СНК «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 года, был сохранен и после ликвидации Трудармии в январе 1946 года. При этом все бывшие трудармейцы навечно закреплялись за предприятиями, где они работали, с правом вызова к себе своих семей. Побег «из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», согласно Указу ПВС от 26 ноября 1948 года, карался 20 годами каторжных работ.

В начале февраля 1948 года МГБ и МВД условились перераспределить опекунские обязанности: работа со спецпоселенцами и трудовыми спецпоселенцами оставлялась за МВД, а работа с административно высланными (спецпереселенцами) — передавалась в МГБ. 7 февраля соответствующий проект (за подписями министров Абакумова и Круглова) ушел наверх, и уже 10 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) постановило создать специальную комиссию (во главе с Берия) по вопросам переселенцев, административно высланных и ссыльных, по организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, а также по вопросам высылки из Украины вредных элементов, проживающих в деревнях. Видимо в этом же контексте следует понимать и распоряжение СМ № 668-рс от 21 февраля о разрешении Уполномоченному по делам репатриации передать МВД картотеку персонального учета на репатриированных советских военнопленных¹.

21 февраля 1948 года откликнулись и законодательная власть: Указ ПВС № 128/II звучал грозно: «О направлении особо опасных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Исходившая от него угроза вторичных репрессий затрагивала практически всех уже репрессированных, в том числе и репатриантов. Датированное тем же днем Постановление СМ № 416-159сс вносило определенную географическую и юридическую конкретику: особые лагеря на 100 тыс. чел., организовывались в районах Колымы, Норильска, Коми, Караганды и в Мордовии (Темники), а особые тюрьмы — во Владимире, Александровске и Верхнеуральске. Отбыв наказание, «особо опасные» могли «освободиться» только в ссылку. В июне 1948 года разобрались и с «тунегядцами»²: их выселяли несколько ближе — в Коми, в Карелию, в Архангельскую, Кировскую и Тюменскую области.

Представляется логичной связь всех этих решений с усилением вытекающей из международных обязательств СССР репатриации немецких, австрийских, японских и др. военнопленных. Если, по состоянию на октябрь 1945 года, в СССР находилось в общей сложности 5,5 млн. иностранных граждан³, то к концу 1948 года их оставалось всего 2,6 млн. чел.⁴

Как-то и кем-то их надо было заменить, а кроме «особо опасных» и прочих заключенных, а также ссыльных и спецпереселенцев существовал лишь один действительно массовый контингент, которым можно было еще распорядиться по-свойски, а именно находившиеся на свободе репатрианты. Конечно, нахождение на свободе — своего рода условность и формальность, которой, для профилактики или острастки, всегда можно было любого лишить. Именно эта «правовая идея» заложена в совместную директиву МГБ и Прокуратуры СССР № 66/241сс от 26 октября 1948 года, предусматривавшую повторный арест государственных преступников, уже отбывших наказание за совершенные преступления и освобожденные из мест заключения после войны. Им предъявлялось обвинение в том же самом преступлении, следствие проводилось заново, приговор, естественно, тоже; в самом лучшем для них случае (если повторное следствие не выявит ничего) к ним применялась всего лишь «ссылка на поселение»⁵.

Естественно, что немало репатриантов и без того было среди 2,3 млн. спецпоселенцев, находившихся, по состоянию на 1 апреля 1949 года, на учете в органах МВД: около 1,3 млн. (или 56 %) было привлечено к принудительному труду, из них в сельском хозяйстве — 546, в угледобыче — 161 и на лесоповале — 118 тыс. чел.

Так было «в зоне» или «на спецпоселении». «На воле» же, несмотря на всю потребность в рабочей силе, многих репатриантов не принимали на работу, а ранее принятых — увольняли. Созданная в связи с многочисленными обращениями специальная комиссия ЦК ВКП(б) каких-либо зримых результатов своей деятельности не оставила.

В 1951 году истек срок спецпоселения для военнопленных, попавших под действие Постановления ГКО СССР от 18 августа 1945 года. Это затрагивало около 120 тыс. чел., большая часть (105.279 чел.) из которых подлежала освобождению, но с запретом жить в Москве, Ленинграде и Киеве, а также в режимных местностях и пограничных областях, включая все три балтийские республики и Молдавию целиком⁶. На вечное поселения оставлялись лишь те представители «наказанных народов», что служили в вермахте (5.842 чел.), на «временное» (до окончания горно-капитального строительства) — работавшие на предприятиях по производству ракетного и ядерного оружия.

Но «отпущенцам» не следовало радоваться раньше срока. Приказ МГБ № 00776 от 24 октября 1951 года⁷ обязывал тщательно проверять

учетные дела освобожденных переселенцев и при выявлении компрометирующих материалов — арестовывать и предавать суду⁸; у руководителей предприятий фактически развязывались руки в принятии мер по закреплению «освобожденных» в постоянных кадрах. Чем те, конечно же, воспользовались, поскольку эта рабочая сила была для них не только стабильной, но и стабильно дармовой.

Смерть Сталина привела к определенному смягчению режима. 1 сентября 1953 года было упразднено Особое Совещание при НКВД-МГБ СССР, осудившее за неполные 19 лет своего существования 442.531 чел., из них 10.101 чел. — к расстрелу⁹. Для пересмотра соответствующих архивных следственных дел, по инициативе С.Круглова и Р.Руденко, в декабре 1953 года была создана комиссия, в которую вошли также Председатель Верховного Суда СССР Волин и зав. Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС Дедов.

Вопросами особых лагерей МВД занималась созданная 31 июля 1953 года специальная комиссия ЦК КПСС во главе с К.Е.Ворошиловым. В записке, направленной в ЦК 24 февраля 1954 года, предлагалось освободить от отправки в спецпоселения активистов партии и комсомола, орденосцев и участников войны, а также детей спецпоселенцев моложе 18 лет; в то же время по привычке предлагались меры по закреплению рабочей силы там, где она сейчас находится...

Что касается политической реабилитации репатриантов, то в 50-е годы практически все предпринимавшиеся в этом направлении «усилия» — и голиковское «Разъяснение Совета Министров СССР» об освобождении граждан СССР от ответственности не только за факт нахождения за границей, но и за вынужденные действия под фашистским террором (апрель 1949 года), и проект Постановления СМ СССР «О мероприятиях по усилению работы по возвращению на Родину советских перемещенных граждан, находящихся за границей» (ноябрь 1951 года), и игнатьевское предложение лишить пенсий родственников невозвращенцев (сентябрь 1952 года), и семейная инициатива возобновления работы в Германии советских военных миссий по репатриации (май—июнь 1954 года), и серовское письмо в ЦК КПСС от 14 декабря 1954 года, и, наконец, сам Указ об амнистии от 17 сентября 1955 года¹⁰ — просто-напросто **игнорировали** интересы и самый факт существования уже репатриированных в Союз граждан. Целью всех такого рода усилий были преимущественно и исключительно граждане, находившиеся или находящиеся за рубежом.

Впрочем, в сам текст Указа, по настоянию комиссии Суслова, были внесены отдельные положения, касающиеся уже репатриированных коллаборантов. Но облегчить участь он мог только тем «власовцам», кого после 6-летнего спецпоселения, трудоустроили навечно. Но,

во-первых, таких было немного, а во-вторых, на собственном опыте эти люди уже прекрасно знали, что весомостью закона в этой стране обладают не указы ПВС, а директивы ЦК и претворяющие их в жизнь приказы МГБ и МВД.

После того, как 7 декабря 1955 года ЦК КПСС издал постановление, из которого следовало, что находящиеся на Западе коллаборанты из бывших военнопленных, в случае их возвращения, не будут привлечены к суду за воинские преступления, предусмотренные УК, в ЦК и государственные органы хлынул поток писем от репатриантов, не сотрудничавших с немцами иначе как в виде насильственного принудительного труда, но фактически уже осужденных по соответствующим статьям УК. Об их реабилитации или хотя бы амнистии в Постановлении ЦК КПСС не было ни звука.

Тогда, согласно решению Президиума ЦК КПСС от 19 апреля 1956 года, была создана еще одна комиссия — под руководством Г.К.Жукова (в то время министра обороны), которой поручалось разобраться с положением бывших военнопленных¹¹. Через 1,5 месяца (4 июня) Комиссия представила доклад, где — впервые в истории репатриации — говорилось о правовом беспределе по отношению к военнопленным как во время, так и после окончания войны и вносились предложения по исправлению проявленных по отношению к ним «перегибов». Всю ответственность за перегибы комиссия возложила на НКВД под водительством министров Берии и Абакумова, хотя руководимый — и тоже Абакумовым — СМЕРШ был не чекистской, а армейской структурой и подчинялся непосредственно Сталину. Вопросы о положении репатрировавшихся бывших остарбайтеров, а также тех граждан, что были под оккупацией, по заключению Комиссии, заслуживали отдельного рассмотрения. Примечательно, — но совершенно в духе времени! — что среди подписавших доклад, кроме самого Г.К.Жукова, Е.А.Фурцевой, Г.К.Горшенина, Р.А.Руденко и В.В.Золотухина, был и председатель КГБ И.А.Серов, в «то самое» время бывший заместителем и правой рукой одновременно и Лаврентия Берия, и Георгия Жукова (как Главноначальствующего СВАГ)¹².

29 июня 1956 года за № 898-490с за подписями секретаря ЦК КПСС Н.Хрущева и Председателя СМ СССР Н.Булганина вышло совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»¹³. По сравнению с представленным комиссией Жукова проектом из постановления выпали разделы, осуждающие культ личности Сталина и практику изъятия вопросов о военнопленных из сферы компетенции армии). В постановлении, в частности, говорилось:

«...Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате применения при проверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия

было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнявших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену.

Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались на весь период войны денежных пособий и других льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения.

Серьезным нарушением законности являлась практика разжалования без суда в рядовые офицеров и направления их в иттурмовые батальоны.

Военнослужащие, совершившие геройский побег из плена или показавшие образцы мужества и стойкости в период пребывания в плену, никак не поощрялись.

С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах.

Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т.п.»

В постановлении осуждалась «практика огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника, как противоречащая интересам Советского государства». Верховному Совету СССР предписывалось распространить на них действие Указа об амнистии от 17 сентября 1955 года, а Министерством юстиции, Прокуратуре СССР и Юридической Комиссии при СМ СССР — пересмотреть соответствующие судебные дела и реабилитировать тех, кто был репрессирован необоснованно, а также внести необходимые уточнения и дополнения в действующее законодательство.

Практически наиболее значимыми пунктами являлись, пожалуй, следующие:

«1. Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства.

Обязать партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные органы полностью устранить имеющие место в практике их работы разного рода ограничения в отношении бывших военнопленных и членов их семей, в частности:

а) рассмотреть вопрос о трудоустройстве указанных лиц и принять меры к предоставлению им работы по специальности;

б) не чинить им препятствий при поступлении в высшие и средние учебные заведения и на курсы. <...>

3. Внести на рассмотрение ПВС вопрос о распространении действия Указа ПВС от 17 сентября 1955 г. об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику, отбывших или отбывающих наказание.

4. Министерством юстиции союзных республик и Генеральной Прокуратуре СССР при пересмотре судебных дел на бывших военнопленных Советской Армии и Флота, находившихся в плену, выявить и обеспечить в установленном законом порядке реабилитацию тех из них, которые попали в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой, и необоснованно осуждены как изменники Родины. <...>

6. Установить, что время пребывания в плену, окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнопленный, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины, засчитывается в срок службы в армии, а также в общий трудовой и непрерывный стаж работы.

7. Обязать МВД СССР (т. Дудорова) и КГБ при СМ СССР (т. Серова) пересмотреть и отменить все ранее изданные НКГБ и НКВД приказы и инструкции в отношении бывших военнопленных, противоречащие настоящему постановлению.

8. МО СССР (т. Жукову):

а) пересмотреть в персональном порядке все дела бывших военнопленных из числа офицеров, лишенных воинских званий без решения судебных органов, и во всех необходимых случаях восстановить их в офицерских званиях, а имеющим право на пенсионное обеспечение назначить пенсии;

б) представить к награждению бывших военнопленных, имеющих ранения или совершивших побег из плена, но не отмеченных правительственными наградами;

в) внести на рассмотрение СМ СССР предложения о необходимых изменениях и дополнениях в Положение о денежном довольствии военнопленных за время нахождения в плену, а также о пенсионном обеспечении этих военнослужащих и членов их семей;

г) рассмотреть вопрос о внесении в действующие Уставы Советской Армии и Военно-Морского Флота соответствующих дополнений, определяющих отношение советского воина к плену».

23 июля 1956 года, во исполнение Постановления от 29 июня, свою директиву выпустило МО СССР¹⁴. В ней, как, впрочем и в самом Постановлении, члены семей бывших военнопленных хотя и упоминаются (причем в названии), но фактически проигнорированы,

поскольку многие из них подверглись отдельным репрессиям и произволу в связи с «преступлениями», отныне ничтожными, своих отцов, мужей и сыновей. Проигнорированы и военнообязанные из числа гражданских репатриантов, разделившие судьбу своих сверстников-военнопленных, мобилизованных в Советскую Армию и, после демобилизации, направленных в постоянные кадры оборонной промышленности. Разумеется, ни слова не сказано и о миллионах бывших «остарбайтеров» в целом.

В соответствии с рекомендациями комиссии Жукова, начали было заниматься и *остовцами*. 29 мая 1956 года секретарь ЦК КПСС Е.А.Фурцева направила Н.С.Хрущеву докладную записку, где, в частности, писала о том, что *остовцы «...претерпевают различные затруднения, так как до сих пор действуют отдельные законы и положения, ограничивающие гражданские права указанных лиц и тем самым унижающие их человеческое достоинство. Учитывая это, было бы целесообразно поручить ВЦСПС, Министерству юстиции и Прокуратуре СССР пересмотреть существующие законоположения, связанные с гражданскими правами насильственно угнанных...»*. 29 июня Президиум ЦК КПСС поручил ВЦСПС и Прокуратуре СССР заняться этим вопросом, подготовить предложения и передать в ЦК на окончательное решение¹⁵.

Это поручение исполнялось с большим трудом. В КГБ, например, июньское постановление ЦК завизировали лишь 30 июля¹⁶ (этим же приказом с оперативного учета снимались те военнопленные, кто во время или после войны находился в капиталистических странах или в западных оккупационных зонах Германии или Австрии, кроме тех, кто занимал командно-хозяйственные должности в лагерях при немцах или союзниках). 10 августа против придания этим решениям юридически корректной формы Указа письменно возразили (что само по себе случай достаточно редкий) зам. зав. отделом административных органов ЦК КПСС В.В.Золотухин и Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко¹⁷. (Всякое высокое партийное решение в СССР было, конечно, выше закона, но юридически силу закона имели лишь Указ или Постановление ПВС.) Тем не менее на заседании Президиума ЦК КПСС, состоявшемся 18 сентября 1956 года, проект Постановления ПВС был утвержден, а 20 сентября появилось и само постановление, распространившее применение Указа от 17 сентября 1955 года на прочих советских военнопленных (*«военнослужащих, сдавшихся в плен врагу»*), осужденных за факт сдачи в плен по статьям 193-22 УК СССР и 58-16 УК РСФСР¹⁸. Все они подлежали освобождению от дальнейшего отбывания наказания со снятием судимости и поражением в правах (последнее распространялось и на уже освобожденных).

Этот акт, по-видимому, коснулся и части бывших остарбайтеров, а именно тех из них, кто в результате фильтрации был осужден. Ведь наличие в старой голиковско-хрулевской дефиниции «спецконтингента» такой формулировки, как «прочие подозрительные», означало

по сути, что после фильтрации в ССП в спецлагеря НКВД легко могли «загреметь» любые другие категории советских граждан, в том числе и оstarбайтеры. Что, видимо, было не такой уж и редкостью, коль скоро из 338 тыс. отфильтрованных в спецконтингент 55 тыс. (или более чем 16 %) приходилось на гражданских¹⁹.

Итак, в сентябре 1955 года, спустя 10 с лишним лет после окончания войны, Советское государство амнистировало невозвращенцев, среди которых, заметим, были не одни только власовцы и каратели. И лишь годом позже, в сентябре 1956 года, с ними уравнивали тех военнопленных, кто, во-первых, вернулся и, во-вторых, ни в чем перед властью не виноват.

До основной же массы оstarбайтеров, — а это все-таки миллионы людей, — руки тогда так и не дошли. Принятые **полумеры** стали как бы гарантией сохранения формально осужденной, но отнюдь не изжитой дискриминации репатриантов в советском обществе.

Анкета отдела кадров с милым вопросиком: «*Находились ли Вы или Ваши родственники в плену или на оккупированной территории?*» была отменена лишь в 1992 году. Отказ бывшим военнопленным в праве называться ветеранами или хотя бы участниками войны и пользоваться вытекающими отсюда льготами (надбавка к пенсии, скидка по квартплате) был фактически незаконным, но некому было заступиться за них в стране, где десятилетиями культивировалось не милосердие к жертвам государственного террора, а огульное недоверие к ним как к «предателям» и «пособникам».

Так что не приходится удивляться тому, что столь доблестная «трагедия» с успехом была продолжена и в девяностые годы, когда был создан «Фонд взаимопонимания и примирения Российской Федерации».

Но об этой странице их мытарств мы еще расскажем.

Примечания

¹ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 4. Л. 5.

² См., например, Постановление СМ № 1841-730с по «тунеядцам» РСФСР и БССР и др.

³ Из них 4,9 млн. военнопленных (в первую очередь немцев — 2,5 млн., японцев — 640 тыс. и венгров — 500 тыс. чел.) и 0,6 млн. интернированных (большинство — граждане Германии и Румынии) (См.: Галицкий, 1996). За период с 04.06.1945 по 01.05.1950 физически репатриировано из СССР было 1,9 млн. чел.

⁴ См.: Каргер, 1995, s. 195. Из них 1,4 млн. немцев, 510 тыс. японцев и 377 тыс. венгров.

⁵ См. в датированной декабрем 1953 г. записке С.Круглова и Р.Руденко Н.Хрущеву (РГАНИ. Ф. 89. Он. 18. Д. 33. Л. 1—5).

⁶ Постановление СМ и Указ ПВС от 07.10.1951.

⁷ См. разъяснения к нему зам. Министра госбезопасности СССР и зам. Генерального прокурора СССР № 140/268 сс от 25.12.1951 от 30.04.1955 (Сборник законодательных и нормативных актов, 1993, с. 137—138).

- ⁸ Прокурорский надзор выявил случаи (особенно частые в Закавказском военном округе при рассмотрении дел армянских, грузинских и др. «легионеров») ошибочного осуждения на длительные сроки лиц, в действительности подлежавших 6-летней ссылке. См. разъяснение зам. Главного военного прокурора СССР от 30.04.1955 (См.: Сборник законодательных и нормативных актов, 1993, с. 138—139).
- ⁹ Большинство (360.921 чел.) было осуждено к различным срокам лишения свободы, еще 67.539 чел. к ссылке и высылке в пределах СССР и 3.970 чел. к другим мерам наказания, в том числе к принудительной высылке за границу. См. в датированной декабрем 1953 г. записке С.Круглова и Р.Руденко Н.Хрущеву (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 33. Л. 1—5).
- ¹⁰ См. в главе 6.6.
- ¹¹ Незаконченное сражение..., 1995, с. 113—120, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 510. Л. 10.
- ¹² Незаконченное сражение..., 1995, с. 113—120, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 23—32. Среди предложений Комиссии были и поручения о внесении изменений в Положения о воинских преступлениях, «...не допуская при этом смягчения наказания за добровольную сдачу в плен» (а это, напомним, расстрел!) и в Боевые уставы родов войск, но сохраняя знакомый девиз: «Советский воин в плен не сдается и обязан до конца выполнять свой воинский долг на поле боя».
- ¹³ См. его полный текст в: Незаконченное сражение..., 1995, с. 120—123, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 17—22.
- ¹⁴ См. директиву зам. министра обороны СССР № 52690 от 23.07.1956. Соответствующие указания Генерального Прокурора СССР за № 14/89 датированы 04.08.1956, а Генерального прокурора СССР совместно с Министром внутренних дел СССР, за № 288с / 161с, — 14.09.1957 (См.: Сборник законодательных и нормативных актов, 1993, с. 142—146).
- ¹⁵ См.: Незаконченное сражение..., 1995, с. 126, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 40—41.
- ¹⁶ Приказ № 0112 от 30.07.1956.
- ¹⁷ См.: Незаконченное сражение..., 1995, с. 123—124, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 66. Они предлагали ограничиться разъяснением Президиума ВС относительно уже установленной в 1955 г. амнистии.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 4. Л. 59. См. также: Незаконченное сражение..., 1995, с. 124—125, со ссылкой на: АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 62—63. 28.09.1956 вышел приказ № 0403 по МВД (за подписью Дудорова, очередного министра), предписывавший органам внутренних дел производить амнистию в том же порядке, что и по указу от 17.09.1955 (РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 4. Л. 59).
- ¹⁹ Из ответивших на нашу анкету остарбайтеров двое по возвращении на родину угодили в тюрьму: один — по доносу, другой — за «потерю военных документов». На порядок серьезнее было обвинение в «антисоветской агитации», предъявленное остарбайтеру Нестору Микулику, попавшему в Германию в 1942 году в 16-летнем возрасте, дважды сидевшему в штрафном и концентрационном лагерях как «большевистский агент» и в 1945 освобожденному войсками США и именно за это («какие задания тебе дали американцы?») приговоренного к 10 годам исправительно-трудовых лагерей в сентябре 1949 года (Микулик Н. Без вины виноватый // Заря. Брест. 14.02.1991. С. 3).

Часть III.

В КРУГЕ ТРЕТЬЕМ: ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИЙ ЗА ДЕПОРТАЦИЮ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

**«Ну и как же это вы, абрамы, живы остались
в своем концлагере? ...»**

(Из вопросов смершевца)

**«Никаких льгот не имею. Здоровье плохое, лекарств нет.
Убедительно прошу сообщить, когда будет компенсация
или еще что-то вроде помощи»**

(Из письма остарбайтера)

**«Каждый вправе подать заявление
и что-нибудь получить в случае, если заявитель:**

- а) имеет рост более 190 см;**
- б) не может самостоятельно передвигаться, а также**
- в) имеет один голубой глаз и один коричневый»**

(Из условного Положения о компенсациях)

Ф.Заукель (в центре) на скамье подсудимых в Нюрнберге. 1946г.
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 128, д. 279, фотоальбом «Нюрнбергский процесс»)

7.

**ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ:
МАТЕРИАЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУ
ГЕРМАНИЕЙ И ЖЕРТВАМИ НАЦИЗМА
(1945 — 1995)**

Рано или поздно, но войны кончаются, и перед участвовавшими в них странами — как победителями, так и проигравшими, — встает задача грамотно оформить полученные на кровавых ристалищах результаты.

В сущности, легитимных разновидностей обнуления, или урегулирования имущественно-правовых вопросов после войны не так уж и много. Это, во-первых, **репарации**, или возмещение ущерба от боевых действий в той или иной форме (например, денежной, имущественной, трудовой и т.д.). Они устанавливаются или регулируются международными договорами, принимаемыми на разного рода мирных конференциях, проходящих под естественную диктовку держав-победительниц, традиционно и являющихся основными объектами репарационного права.

Вторая разновидность — это **реституция**, или возврат имущества, неправомерно захваченного и вывезенного воюющими государствами с территории противника (это слово более привычно в сочетании с культурными ценностями, но на самом деле его значение гораздо шире); объектами реституции могут быть любые собственники — государства, юридические лица, физические лица.

И, в третьих, — это **компенсация**, то есть попытка возмещения разнообразного и, как правило, невозстановимого ущерба каким-то иным способом, чаще всего денежным. Как правило, она имеет под собой четкую правовую базу (национальный закон, международный договор и т.д.), а ее объектами являются преимущественно гражданские (физические) лица.

За теми или иными жестами доброй воли, которые та или иная сторона по взаимному согласию делает в отношении другой и которые прямо не вытекают из правовых обязательств первой, в последние годы закрепилось обозначение **гуманитарное урегулирование**.

Конечно же, Вторая мировая война, с ее беспрецедентной масштабностью, жестокостью и агрессивностью по отношению к мирному населению неизбежно привнесла немало нового и в эти кровоточащие вопросы.

Попытки «регулирования населения», совершенно осознанно и последовательно предпринятые германским национал-социализмом, в частности, эвтаназия и, в особенности, геноцид европейского еврейства отбросили все человечество во времена кочевого варварства.

В то же время нельзя не согласиться с Алесем Адамовичем, на открытии рабочей встречи проекта «Восточные рабочие» в Москве в марте 1991 года сказавшим, что послевоенное «немецкое чудо» вовсе не сводится к экономике, что главное чудо — моральное. Мужественно взяв на себя все моральное и материальное бремя добровольного покаяния и правопреемства по отношению к историческому чудовищу — Третьему Рейху, Федеративная Республика Германия показала, что она не на словах, а на деле готова предпринимать шаги, направленные на материальное урегулирование последствий войны, на нравственное преодоление нацистского прошлого и на духовное возрождение немецкого народа.

Цепко отстаивая свои интересы во время международных переговоров, она, с учетом сделанных по ее настоянию поправок, всегда признавала свои обязательства перед жертвами нацистских преступлений, которые были зафиксированы в международных договорах, а признав — всегда и неукоснительно их выполняла.

7.1. Компенсации Израилю и жертвам Холокоста

Миллионы загубленных, замученных уже не воскресить, ничем не компенсировать их страдания, как ничем не умалить и не облегчить горе их уцелевших близких.

Тем не менее миллионы жертв нацизма были не абстрактной, аморфной массой: каждый из них имел имя и фамилию, многие — фамильное серебро и именной счет в банке (хотя, конечно, не каждый владел недвижимостью). И много прежде того, как нацисты приступили к систематическому уничтожению еврейства, они изрядно преуспели на ниве ограбления сначала немецких евреев, а затем и евреев оккупированных ими стран. Первым был предоставлен небогатый выбор: эмиграция (и та до поры, до времени), депортация или лагеря смерти, выбор у вторых был еще менее завиден: депортации, гетто, трудовое использование, лагеря смерти; место эмиграции заняло беженство, в частности, десятки тысяч еврейских беженцев из Западной Польши бежали от Гитлера на восток страны и попадали к Сталину.

Для материальной поддержки еврейских беженцев и поиска пропавших родственников уже в сентябре 1939 года в Женеве под эгидой Всемирного Еврейского Конгресса и при поддержке Международного Красного Креста, а также консулов Польши, Чехословакии и Голландии в Швейцарии был организован Комитет помощи еврейскому

населению, затронутому войной (Relief Committee for the Warstricken Jewish Population, или RELICO)¹. Комитет имел глобальный масштаб, и не ограничивал своей деятельности пределами Европы (известны случаи эмиграции евреев даже из некоторых концлагерей в Боливию и Палестину, а также еврейских беженцев из Вильно и Ковно в японский город Кобэ и в голландские колонии).

Так что участие в процессе послевоенного материально-правового урегулирования как самих евреев, уцелевших после Холокоста, так и представляющих их интересы еврейских организаций вполне естественно и закономерно. Председатель Еврейского агентства для Палестины Хаим Вейцман обратился 20 сентября 1945 года к правительствам США, Великобритании, СССР и Франции с призывом максимально учесть интересы евреев в этом процессе². В заявлении Вейцмана был, в частности, впервые сформулирован основополагающий принцип всех последующих реституций: все изъятое возвращалось владельцам или компенсировалось им, а если владельцев уже не было в живых или они пропали без вести, то их права переходили к авторитетным еврейским организациям и расходовались на нужды реабилитации здоровья переживших Холокост и их расселения в Палестине.

Планы по реституции и компенсации выдвигались и обсуждались в еврейской среде еще в годы войны, когда масштаб и катастрофичность немецких преступлений против человечности еще не были отчетливо ясны. Материальные претензии, предъявленные еврейскими организациями после войны, состояли из притязаний, во-первых, на компенсацию уцелевшим за потерю близких и выпавшие на их долю страдания; во-вторых, на реституцию имущества, отнятого в результате аризации, или компенсацию за него и, в-третьих, на возмещение всех расходов на содержание еврейских перемещенных лиц в лагерях после войны и на их реинтеграцию в мирную жизнь (одной из важнейших форм которой был переезд в Палестину).

Основные усилия международных еврейских организаций были сосредоточены на реституции и компенсации, и в центре этих усилий стояла борьба за урегулирование прав собственно немецких евреев, хотя граждане западноевропейских стран, в том числе и самой Германии, составляли явное меньшинство среди жертв Холокоста. Подавляющее же большинство убитых евреев были гражданами довоенной Польши, СССР, Венгрии, Румынии и Чехословакии — стран, составивших после войны восточноевропейский блок под верховенством Советского Союза. Правительства этих стран проявляли нарочитое отсутствие интереса к этой проблематике. Мало того, все отчужденное у немецких, венгерских, румынских и болгарских евреев имущество без особых разговоров рассматривалось ими как немецкое добро, а в Чехословакии и сами немецкие евреи, как поданные Третьего Рейха, трактовались поначалу не иначе как нежелательные

иностранцы. В этом — основной ключ к пониманию этой исторически сложившейся диспропорции, или, попросту, вопиющей несправедливости.

С самого начала основная борьба повелась за **реституцию** еврейской собственности в Германии — как корпоративной (собственность еврейских общин и других общественных организаций), так и частной. Если конкретные владельцы конкретной собственности уцелели или были живы их наследники, — то реституция или компенсация предназначалась им. Если же живых претендентов не было, то начинал действовать уже упомянутый новый принцип реституции собственности умерших или пропавших без вести: она поступала не государству, а на счета международно-признанных еврейских организаций. Таковыми, кстати, являлись Еврейская организация по проведению реституции (The Jewish Restitution Successor Organisation, или JRSO) в американской зоне и Еврейская доверительная корпорация (Jewish Trust Corporation, или JTC) в британской и французской зонах (в Западном Берлине действовали они обе). Кроме того существовал Совет по защите прав и интересов немецких евреев (Der Rat zum Schutz der Rechte und Interessen von Juden aus Deutschland), председателем которого являлся раввин Лео Бек.

Было бы ошибкой утверждать, что в западных оккупационных зонах процесс реституции еврейской собственности шел гладко и по-деловому. Серьезное сопротивление все эти усилия встретили, в частности, со стороны немецкой промышленности. Так, 2 марта 1950 года Юридический Комитет Союза немецких промышленников выдвинул предложения по ограничению реституции еврейской собственности, в частности, по выводу из-под реституционного права всех «сделок» с еврейской собственностью, совершенных до 9 ноября 1938 года (как если бы до «хрустальной ночи» не было «нюрнбергских законов»!), нераспространение реституционных притязаний на прибыль и на упущенную выгоду, отсутствие ответственности за понижение стоимости, разрешение спорных вопросов исключительно в немецких судах и др. Эти, прямо скажем, несколько «односторонние» предложения были отвергнуты в Комиссии по вопросам реституции¹.

Основные надежды на реституцию и компенсацию связывались с непризнанием в юридической системе США сделок, совершенных по принуждению. И эти надежды оправдались. В конце 1946 года в американской зоне началось обсуждение Закона о возмещении подающей идентификации собственности, — сам закон был принят американской военной администрацией 10 ноября 1947 года (за № 59).

Аналогичные правовые акты во французской и английской зонах были изданы 10 ноября 1947 (Распоряжение № 120) и 12 мая 1949 (Закон № 59); 26 июля 1949 союзники издали соответствующее распоряжение по подконтрольным им секторам Западного Берлина. Со-

ветские же оккупационные власти ничего подобного не постановляли: вопрос был передан в компетенцию местных гражданских администраций, и все они (за исключением Тюрингии) объявили еврейскую собственность собственностью общенародной.

Но и западные законодательные акты имели известные ограничения: во-первых, все они затрагивали, в основном, права собственности на промышленные предприятия и земельные участки. Предпосылками возвращения собственности были личное заявление заявителя и многоступенчатая согласительная процедура с новым владельцем, как правило, через суд. Перевести капитал в валюту страны проживания заявителя было нетривиальной задачей; потери при этом достигали 40 % от стоимости возвращенного. Тем не менее, в 1954 году суммарный объем такого рода «сделок» составил, по американской оккупационной зоне и в денежном выражении, около 906 млн. DM.

Что касается неидентифицируемой собственности (при отсутствии живых законных владельцев или их наследников), то обычной практикой в таких случаях является ее отчуждение в пользу государства. Но «обычная» практика в этом случае явно не подходила. Такого рода еврейская собственность была двух видов: остатки еврейских ценностей, сохранившиеся в концентрационных лагерях и лагерях смерти, а также капитал и недвижимость, принадлежавшие депортированным и уничтоженным евреям. Что касается первых, то союзники продавали их за твердую валюту и 90 % выручки передавали еврейским благотворительным организациям; что касается вторых, то тем же организациям передавались права на них. Недвижимость, как правило, продавали (нередко за полцены) местным муниципальным органам, поскольку в Германии уже почти не было — и тем более не предвиделось — того количества евреев, которому все это могло бы хоть как-то пригодиться.

Разумеется, далеко не все евреи были в прошлом настолько состоятельными, чтобы участвовать в реституционном процессе: большинство и в лучшие годы были неимущими или малоимущими людьми. В то же время все евреи, — как бедные, так и богатые, — потеряли при нацистах свое здоровье, потеряли родных и близких, их собственная жизнь была под постоянной смертельной угрозой — единственно в силу того, что они евреи. Для многих из них вопрос об индивидуальных денежных **компенсациях** являлся не только актом справедливости, но и вопросом элементарного выживания (что проку было им в возвращаемых зданиях?). Всем было ясно, что страна, ставшая на путь геноцида евреев, обязана взять на себя все расходы, связанные с денежными компенсациями за перенесенные ими страдания.

Но ни о чем таком поначалу не было и речи, — за это предстояло еще бороться. С инициативой, как всегда, выступила военная администрация оккупационной зоны США. Изданный ею закон о регули-

ровании материальных претензий предусматривал положение о денежных выплатах евреям за нанесенный им личный и материальный ущерб со стороны земельных правительств в немецкой валюте. Закон, вступивший в силу в августе 1949 года, давал каждому еврею, преследовавшемуся при нацистах и проживавшему на 1 января 1947 года на территории американской оккупационной зоны или же выехавшему с этой территории до этого срока (в том числе и перед войной) право подать заявление о материальных претензиях. При этом учитывались такие виды страданий и потерь, как смерть или убийство родственников, поддерживавших заявителя, ущерб его здоровью или лишение свободы, изъятие или уничтожение собственности или капитала, дискриминационное налогообложение или нанесение ущерба профессиональной или экономической карьере заявителя, сокращение или прекращение действия страховых полисов или пенсионных соглашений. Место, где все это происходило, не имело значения: определяющим было причинение этого ущерба именно немецким государством.

По образцу американского, аналогичные законы были приняты в 1950 года в землях французской оккупационной зоны и в Западном Берлине⁴. И только англичане пошли своим путем: мало того, что их закон был принят позже всех (в 1951 году), его действие распространялось только на немецких евреев, да и то лишь на тех, кто на момент вступления этого закона в силу все еще проживал в британской оккупационной зоне.

Вскоре, однако, и в американской оккупационной зоне обнаружили серьезные затруднения с законом о компенсации, правоприменение которого было передано американцами в руки местных органов власти. В Баварии, например, бюрократический аппарат всеми силами старался затянуть и всячески осложнить процесс выплаты компенсации: поставленный во главе баварского Ведомства по вопросам компенсаций Филипп Ауэрбах, сам в прошлом еврейский узник Освенцима, издал инструкцию, фактически выводящую из-под прямого действия закона о компенсации тех, кто покинул Баварию до 1 января 1947 года. Согласно закону, в случае если сумма выплаты превышала 600 долларов, половина назначенной суммы выплачивалась сразу, а выплата второй половины откладывалась до 1954 года. У многих ДиПи практическая нужда в деньгах была настолько острой, что они были готовы заложить свои невыплаченные доли за 45 % их стоимости, лишь бы получить эти деньги сразу. Соответствующие операции охотно осуществлялись многими баварскими банками, не придумавшими ничего лучшего как выставить в 1952 году эти долговые обязательства на продажу за 62—65 % их стоимости. Дело кончилось увольнением Ф.Ауэрбаха, его арестом и самоубийством⁵.

После образования ФРГ серьезные правовые различия между оккупационными зонами в вопросах реституции и компенсации неко-

торое время оставались в силе. Без компенсации еврейским жертвам было бы невозможно говорить и о компенсациях остальным жертвам нацизма, в первую очередь самим немцам. Эти проблемы могли быть устранены только принятием Федерального закона о компенсации. Что и произошло 18 сентября 1953 года, причем за основу был принят закон американской зоны⁶.

Закон вступил в силу 1 октября 1953 года и распространялся в полном объеме: а) на граждан ФРГ и Западного Берлина по состоянию на 31 декабря 1952 года, б) на лиц, эмигрировавших с территории Рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года и в) на перемещенных лиц, до 1 января 1947 года находившихся в лагерях на территории ФРГ и Западного Берлина. В ограниченном объеме (и с учетом позднейших поправок) он распространялся также: г) на юридических лиц, вынужденных, в силу преследований, переехать из Рейха (на 31 декабря 1937 года) в другие страны, д) на жертвы медицинских экспериментов (ежемесячные выплаты в сумме от 100 до 200 DM), е) на выходцев из тех областей, откуда в послевоенное время депортировалось немецкое население, изгнанное, главным образом, из Чехословакии и Западной Польши, ж-з) на лиц, утративших гражданство (кроме австрийцев) и, по состоянию на 1 октября 1953 году, проживавших в Израиле или других странах, а также и) на лиц, не проживавших, по состоянию на 31 декабря 1965 года, в одной из коммунистических стран и не имевших гражданство одной из коммунистических стран (в случае, если они еще не получали ни в одной из европейских стран компенсации от ФРГ).

Опуская многие детали, очертим круг признаков и критериев, необходимых и достаточных для выплаты компенсаций. Ей, в частности, подлежали *потеря родных и близких* (ежемесячная пенсия и одноразовая компенсация в случае, если смерть наступила до 1 ноября 1953 года), *ущерб физическому состоянию и здоровью* (оплата медицинских расходов и различные доплаты), *лишение свободы*, включая жизнь в подполье, жизнь в гетто и лагерях во Франции и странах Бенилюкса, Польше и Чехословакии, Сербии и Хорватии, аресты в гетто Шанхая и лагерях Южной Франции, Италии, Венгрии и Приднестровья (одноразовая выплата, из расчета 150 DM за месяц такой жизни), *утрата собственности* (одноразовые выплаты — максимально до 75000 DM, другие дополнительные выплаты), *потери капитала* (вследствие бойкота, ликвидации, перевода рейхсмарок в другую валюту, расходы на эмиграцию из Рейха: одноразовые выплаты — максимально до 75000 DM, расходы на эмиграцию — максимально до 5000 DM), *потери от дискриминационного налогообложения* (в соотношении 10:2 и без установления верхнего порога), *принудительное прерывание профессиональной или предпринимательской карьеры* (различные одноразовые и многократные выплаты, — максимально до 40000 DM), *неполучение выплат по страховым полисам*

и индивидуальным частным пенсиям (максимально до 25000 DM). Позднее в закон неоднократно вносились поправки, — как правило, расширительного свойства.

При всех своих сильных сторонах Федеральный закон ФРГ о компенсациях, несомненно, был и определенным политическим и экономическим компромиссом. Компенсации подлежали далеко не все виды ущерба и потерь: в частности, совершенно без внимания остались человеческое страдание как таковое, душевные муки, психические и нервные заболевания. Никким образом не компенсировался и принудительный труд как таковой (не рассматривался он и как отчуждение свободы). Правда, принудительные рабочие имели право требовать от своего бывшего «работодателя» компенсацию через общегражданский суд, но судебная практика того времени не оставляла ему никаких шансов на успех (иски к государственным структурам не принимались даже и к рассмотрению — см. ниже).

По некоторым из предусмотренных видов выплат существовали весьма существенные ограничения или условия, например, лимиты на минимумы ущерба или же на максимумы выплат. Многие терминологические трудности (например, что считать и что не считать гетто) весьма тормозили всю процедуру и нередко разрешались только через суд. При расчетах по этому закону, как правило, учитывались и засчитывались выплаты, ранее осуществленные по зональным законам о возмещении потерь. Многочисленные промедления, задержки и отсрочки выплат никак не компенсировались; в случае смерти соискателя компенсации еще не полученные им однократные или ежемесячные выплаты (даже если они были по каким-то причинам задержаны) возвращались государству (перевод денег наследникам, если они проживали вне Германии, не предусматривался). Непростой была и проблема перевода немецких марок в иные валюты по реальному курсу. Все это серьезно снижало эффективную действенность закона для тех, на кого он распространялся.

Но еще более значимо то, что закон распространялся далеко не на всех уцелевших жертв нацизма: из его правомочия была исключена основная масса пострадавших — граждане восточноевропейских коммунистических стран (кроме эмигрировавших на Запад до истечения 1965 года). Во многом из его юрисдикции выпадали также ГДР и Австрия.

Оставшиеся в живых жертвы нацизма, проживавшие в Восточной Германии, были вправе рассчитывать на получение компенсации только по достижении ими 60-летнего возраста у мужчин и 55-летнего у женщин. Компенсация выплачивалась в виде ежемесячной пенсии в размере не более 480 восточных марок.

Интересная коллизия возникла между ФРГ и Австрией. По мнению правительства ФРГ, Австрия, в свое время достаточно активно соучаствовавшая в преступлениях нацистов, должна нести за это свою долю ответственности и принять участие в процессе компенсации.

Австрия же, напротив, отстаивала ту точку зрения, что она была «окупирована» Германией и не несет ответственности за преступления Рейха. В итоге граждане Австрии, и в первую очередь австрийские евреи, оказались практически исключенными из уже начавшегося в ФРГ процесса компенсации жертвам нацизма.

Союзный договор об образовании Австрии обязывал ее компенсировать потерю собственности тем, кто подвергся преследованиям на ее территории. Но только в 1959 году, после обмена нотами с Англией и США, Австрия выделила на эти цели 600 тыс. долларов. В марте 1961 года парламент принял закон, предусматривающий компенсацию также и банковских вкладов, долговых обязательств, ипотечных выплат, дискриминационного налога и наличных сумм (с учетом разницы в курсах). Примерно тогда же был принят и другой закон, предусматривающий компенсацию за ношение еврейского знака, за уменьшение трудоспособности и за прерывание образования, однако его вступление в силу было поставлено в зависимость от заключения договора с ФРГ (договор был подписан 27 ноября 1961 и ратифицирован 21 августа 1962 года).

Только в 1995 году, после продолжительных переговоров, власти Австрии заявили о своей готовности создать «Австрийский фонд помощи» (*Österreichischer Hilfsfond*) и выплатить паушальные компенсации проживающим за рубежом жертвам нацизма, если они являлись австрийскими гражданами на протяжении 1928—1938 гг. Для этого было зарезервировано 550 млн. шиллингов (или 21 млн. долларов), с выплатами в течение последующих 10 лет. Компенсации предполагалось выплачивать за: *потерю трудоспособности вследствие или нанесенного ущерба здоровью* (от 10000 до 30000 шиллингов, или от 385 до 1115 долларов) или *принудительного труда в условиях лишения свободы и в течение не менее шести месяцев* (от 4000 до 10000 шиллингов), а также за *преследования в общем смысле*, в случае если это будут позволять средства (до 20000 шиллингов).

Казалось бы, ни сами евреи, пережившие Холокост, ни их организации никак не попадали под действие такого вида послевоенного урегулирования, как **репарации**. Тем не менее они соприкоснулись и с ним, и, как водится, по инициативе США и при сопротивлении Англии. Еще в 1946 году США предложили ликвидировать и продать часть заграничных немецких активов в нейтральных странах и 90 % из вырученных таким образом 250 млн. долларов предоставить IRO (Международной организации по делам беженцев) на нужды реинтеграции еврейских перемещенных лиц. Однако, в феврале 1947 года английский представитель выступил против этого начинания, заметив, что доля евреев среди ДиПи составляет не более 10 % и что средства должны быть распределены между всеми ДиПи. В действительности

же — из Швеции и Швейцарии — поступило всего лишь около 18,5 млн. долларов, из которых, по состоянию на 31 декабря 1948 года, было израсходовано около 13,9 млн.: Еврейское Агентство (Jewish Agency), специализирующееся на отправке евреев в Палестину, получило 9,0 млн. долларов, а Еврейский распределительный Комитет «Джойнт» (Joint Distribution Committee) — 4,6 млн. долларов, еще 211 тыс. получили не-еврейские организации. Кроме того еще 700 тыс. долларов, полученных от реализации конфискованного в порядке репарации немецкого имущества, были распределены между жертвами нацизма через британскую организацию «Nazi Victims Relief Trust».

Как бы материализовавшись из пепла концлагерных крематориев, Государство Израиль, образованное 14 мая 1948 года, вскоре вновь поставило вопрос о репарациях. В качестве нового полноправного объекта международного права и признанного представителя интересов еврейского народа правительство Израиля направило 16 января и 12 марта 1951 года четырем державам-победительницам ноты. В них содержалось требование оказать влияние на оба немецких государства в удовлетворении его, Израиля, требования об ускорении перевода средств лицам, проживающим вне Германии и о возмещении Германией расходов по приему и интеграции 500 тысяч европейских евреев — беженцев из Германии и других стран, абсорбированных к этому времени Еврейской общиной Палестины и Государством Израиль. Эти расходы составляли в среднем 3000 долларов на человека; суммарные притязания, стало быть, составляли 1,5 млрд. долларов. Стоимость разграбленного еврейского имущества была оценена в 6 млрд. долларов.

Советский Союз на эту ноту отвечать не стал, а западные союзные державы дружно ответили 5 июля в том смысле, что, будучи связанным Парижским репарационным договором, они уже не вправе обращаться к Германии с новыми требованиями.

Наступил редкостный момент для красивого жеста со стороны самой Германии, и канцлер ФРГ К.Аденауэр его не упустил. 27 сентября 1951 года он заявил в Бундестаге о готовности его правительства обсудить и урегулировать с представителями еврейских кругов и государством Израиль вопросы материальной ответственности за те чудовищные преступления против евреев, которые от имени немецкого народа совершил Третий Рейх.

Ответ не заставил себя долго ждать. 26 октября 1951 года представители 22 известных еврейских организаций (впоследствии к ним присоединилась еще две)⁷ собрались в Нью-Йорке и сообща учредили новую организацию, роль которой в последующем компенсационном процессе иначе как выдающейся назвать нельзя, — Конференцию по материальным претензиям евреев к Германии (The Conference on Jewish Material Claims against Germany, Inc., или Claims Conference). Конференция, первым председателем которой был

избран Нехам Гольдман, а исполнительным секретарем — Саул Каган, получила мандат на ведение переговоров с Германией.

Израилю решение о сотрудничестве с этой организацией и тем самым об официальном и долговременном контакте с Германией давалось гораздо трудней: в январе 1952 года израильский парламент (кнессет) проголосовал за соответствующее предложение премьер-министра Бен-Гуриона, но большинство было мизерным.

21 марта 1952 года в голландском городке Вассенар (близ Гааги) открылся первый раунд переговоров. Германию представляли ректор Франкфуртского университета профессор Ф.-Й.Бем и адвокат О.Кюстер, Израиль — министр иностранных дел А.Шиннар, Claims Conference — М.А.Левит, Еврейское Агентство — Й.Йозефтал. Выставленные Конференцией требования в 500 млн. долларов были сведены немецкой стороной до 500 млн. DM, из них 450 млн. (с выплатами в течение 10 лет) — на поддержку, абсорбцию и новое поселение еврейских жертв по всему миру и 50 млн. — на поддержку так называемых «конвертитов» (перешедших в иудаизм). Соответствующее соглашение и протокол были подписаны Аденауэром и Гольдманом 10 сентября 1952 года в Люксембурге.

Требования Израиля составляли 1 млрд. долларов (или 4,3 млрд. DM). В ответ Германия выставила 25 вопросов по обоснованию этой цифры и предложила со своей стороны 3 млрд. DM, причем без гарантий, поскольку экономическое положение немецкой экономики не позволяло дать такие гарантии. А что еще другое можно было сказать, если в это же самое время в Лондоне шли переговоры ФРГ и 30 стран-должников довоенной Германии, которые министр финансов Шефер считал приоритетными, и руководитель немецкой делегации на них Г.Й.Абс из Дойче Банка договорился с Бемом об общей тактике непринятия никаких жестких обязательств?

Израилю же все это не понравилось, и кнессет проголосовал за то, чтобы прервать переговоры. После этого и Бем и Абс ушли в отставку, но Абс вернулся, а переговоры в Гааге были фактически соединены с переговорами в Лондоне, где они, начиная с конца июня, велись через Абса и посла Израиля в Англии. Первое новое немецкое предложение — поставить Израилю товаров на 1 млрд. долларов — было отклонено, а вот второе — в течение 10 лет после обмена ратификационными грамотами выплатить 715 млн. долларов — было принято. Транши должны были поступать на счет, право распоряжения которым предоставлялось специальной израильской дипломатической миссии в Кельне, уполномоченной своим правительством делать с этого счета закупки стали, машин, оборудования и других товаров. В случае неожиданной неплатежеспособности Германии или чрезмерной инфляции, стороны согласились возобновить переговоры; Израиль отказывался от каких бы то ни было новых материальных претензий к Германии и сразу же после вступления договора в силу соглашался начать

переговоры с Германией и Австрией о компенсации палестинским евреям средств, полученных Израилем в результате продажи принадлежащих им активов. Иначе как репарационным это соглашение не назовешь.

Оно было подписано Аденауэром и Шаретом в Люксембурге 10 сентября 1952 года — в тот же самый день, что и договор Германии с *Claims Conference*, модифицированный в два отдельных протокола. Договор и протоколы были ратифицированы Бундестагом и Бундесратом, соответственно, 18 и 21 марта 1953 года, причем ФРГ выдержала огромный нажим со стороны арабского мира, угрожавшего ФРГ экономическим бойкотом. Обмен ратификационными грамотами состоялся 27 марта 1953 года в Нью-Йорке.

Согласно договору, ФРГ принимала на себя обязательство выплатить Израилю 3,45 млрд. DM (или 845 млн. долларов) в товарной форме в течение 12—14 лет. 30 % этой суммы поступали Англии в уплату за морские перевозки, а остаток инвестировался в экономику Израиля в форме капитала. ФРГ полностью выполнила свои обязательства по этому договору, внося тем самым огромный и, может быть, решающий вклад в экономику Израиля, первоначально балансировавшую на грани банкротства. Мало того, выплаты были завершены уже в 1956 году, то есть значительно раньше оговоренного срока, истекавшего в 1965 году. Все это сыграло и колоссальную внешнеполитическую роль: в 1965 году между Израилем и ФРГ были установлены дипломатические отношения.

Первый протокол с *Claims Conference* предусматривал внесение поправок в немецкое законодательство о реституции и компенсации, в том числе, уполномочие *Claims Conference* на осуществление выплат по закону о компенсации и ряда других важных функций. Согласно второму протоколу, Германия обязалась перечислить *Claims Conference* 450 млн. DM (или 110 млн. долларов) не позднее 1965 года. Эти средства были использованы для воссоздания сотен еврейских общин, институтов и организаций, а также учреждений образования и культуры в 39 странах мира, в том числе в Израиле (в частности, институт и мемориал Яд-Вашем), США и Европе. 10 млн. долларов было выделено на создание Мемориального Фонда еврейской культуры (*Memorial Foundation for Jewish Culture*).

В 1965 году срок действия Федерального закона о компенсациях, на основании которого не менее 270 тыс. евреев регулярно получали пожизненные пенсии, истек⁸. В 1980 году ФРГ и *Claims Conference* договорились об образовании новой программы помощи — специального «Фонда Лишений» (*Hardship Fund*, или *Claims Conference Hardship Fund*) для поддержки тех, кто не успел или не смог подать заявления до 1965 года: в основном, это касалось еврейских эмигрантов из восточноевропейских стран, ранее не имевших возможности обратиться за какой бы то ни было компенсацией. Они могли рассчи-

тивать на получение одноразовой компенсации в размере 5000 DM. По данным на конец 1998 года, помощь по этой программе получили 181428 уцелевших евреев. Правила подачи и проверки заявлений определяла немецкая сторона, непосредственное управление фондом осуществляла *Claims Conference*.

По мере расширения круга лиц, правомочных получать помощь от *Claims Conference*, за счет все новых и новых категорий, постоянно росли и суммы выплат. Если первоначально предполагалось, что деятельность *Claims Conference* будет ограничена во времени (в частности, 1969 годом), то сейчас временных ограничений на ее деятельность не установлено.

В процессе объединения Германии в 1990 году *Claims Conference* и правительство объединенной Германии (при активном участии представителей США) провели переговоры о реституции еврейской собственности на территории бывшей ГДР. Ее продажа принесла около 250 млн. долларов, что позволило договориться об открытии в 1993 году новой программы по компенсации еврейским жертвам нацизма, названной «Фондом статьи второй» (*Article 2 Fund*, или *Claims Conference Article 2 Fund*). Как и «Фонд Лишений», эта программа действует также по регламенту, установленному немецкой стороной, но управляется *Claims Conference*⁹. Согласно действующему регламенту заявители вправе получать пенсию в размере до 500 DM, если они провели: а) не менее шести месяцев в концлагере или еврейском трудовом лагере, включая (это дополнение вступило в силу только в 1999 году) определенные лагеря на австрийской, венгерской и сербской территории, а также на австрийско-венгерской границе; б) или 18 месяцев в гетто¹⁰ или в укрытии, или же под измененным именем (в случае, если на момент начала такой жизни заявитель был оторван от семьи и был моложе 18 лет). Другими условиями правомочия являются материальная нужда заявителя, неполучение им ранее компенсационных выплат в размере свыше 35000 долларов или иных компенсационных пенсий. Неправомочными являлись также резиденты бывших коммунистических и западноевропейских стран (кроме Греции, если они покинули ее до 1 октября 1953 года). Число лиц, получивших помощь по этой программе, по данным на конец 1998 года, составило 41265 чел., а сводная сумма выплат по этой программе и по «Фонду лишений» превысила 1,5 млрд. DM.

Наконец, в 1998 году правительство Германии и *Claims Conference* договорились об учреждении еще одной программы для компенсации еврейским жертвам нацизма — для резидентов центрально- и восточноевропейских стран и бывшего СССР (многие из них много претерпели не только от нацистов, но и от коммунистов). До этого времени они были начисто отрезаны от каких-либо форм компенсации и за все перенесенные страдания не получили ни копейки. К маю 1999 года поступило более 11 тыс. заявлений; ожидалось, что

число правомочных заявителей составит около 18 тыс. В СНГ таких заявителей, по ориентировочным данным, насчитывалось около 7—8 тыс. чел., из них в России — не более 1200—1300 чел.¹¹

На осуществление этой программы, запущенной с 1 января 1999 года и рассчитанной на четыре года, правительство ФРГ выделило 200 млн. DM¹². Как и другие программы, она действует по регламенту, установленному немецкой стороной, а управляется *Claimes Conference*. Для упрощения процедуры представительства этой программы были открыты, кроме Франкфурта-на-Майне, также в Алма-Ате, Белграде, Братиславе, Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Виннице, Загребе, Киеве, Минске, Москве, Одессе, Праге, Санкт-Петербурге, Сараево и Софии.

Критерии правомочия — собственно те же, что и в «Фонде статьи второй», но формой компенсации является вдвое меньшая ежемесячная выплата — 250 DM: очевидно, при этом учитывалась определенная разница в стоимости «потребительской корзины» в разных странах. Это и само по себе не вполне корректно, а в свете резкого роста стоимости жизни в восточноевропейских странах в последние годы (особенно медицинского обслуживания и лекарств) — носит подспудно-дискриминационный характер. Применительно к СССР, часть территории которого находилась под оккупацией не годы, а лишь месяцы, малоцелесообразен и критерий 18-месячного пребывания в гетто или в укрытии: люди, как, например, в Нальчике, могли провести там практически все время оккупации, каждый день рискуя при этом погибнуть, но все равно не войти в число правомочных жертв.

В настоящее время *Claimes Conference* ведет с правительством Германии переговоры о снятии или ослаблении некоторых ограничений. В частности, обсуждается вопрос о признании в качестве концентрационных ряда лагерей, не входящих в официально утвержденный их перечень, о снятии ограничений по возрасту при проживании под чужим именем, о снятии или снижении ограничений по минимальному времени нахождения в гетто, о признании в качестве гетто также и не огороженных мест насильственного и концентрированного проживания евреев и некоторые другие.

Всего же, по состоянию на конец 1983 года, сумма выплат по Закону о компенсациях достигла 56,2 млрд. DM, а сумма выплат по Закону о реституции (*Bundesrückerstattungsgesetz*) — 3,9 млрд. DM.

Кроме того, имеется ограниченная возможность на получение компенсации по Федеральному пенсионному закону ФРГ. В частности, на государственную пенсию вправе рассчитывать те бывшие жертвы нацизма, кто до войны или во время войны работал в Германии служащим, а также их вдовы; женщины — жертвы нацизма, родившие детей до 1950 года, вправе претендовать на получение ежемесячной пенсии в 30 DM за каждого ребенка (*Kindererziehungsleistungen*).

Кроме того, принудительные рабочие — узники Лодзинского гетто или других, сходных с ним по условиям, также вправе претендовать на доплату к пенсии.

Все вышесказанное относилось исключительно к роли немецкого государства в процессе материального урегулирования. Роль частного предпринимательства, в том числе крупной промышленности, была неизмеримо скромней, и в двух словах позиция предпринимателей сводилась к крайнему нежеланию немецкой стороны даже обсуждать проблему принудительного труда. Повторим, что право подавать в суд на работодателя было у сотрудника всегда, но практика правоприменения гарантировала ему неудачу. С таким «тылом» работодатели фактически игнорировали право работников на компенсацию.

Впрочем, были и интересные исключения: по некоторым фирмам эти шансы выглядели явно иначе. После того, как один узник Освенцима, бывший раб IG Farbenindustrie все-таки выиграл процесс у ликвидаторов своего «работодателя» и получил по суду 10000 DM, тех охватила настоящая паника. В ужасе от весьма вероятного потока новых исков, они вступили в переговоры с Claims Conference и 6 февраля 1957 года заключили с ней договор об урегулировании отношений: сумма, о которой они договорились, составляла около 28 млн. DM¹³.

В конце 1957 года, после принятия бундестагом Закона об урегулировании последствий войны, который среди прочего вводил и временные ограничения для подачи исков к немецким предпринимателям, бывшие узники концлагерей, работавшие на предприятиях ряда крупных концернов (AEG, Brabag, Heinkel, Holtzman, Krupp, Moll, Rheinmetall-Borsig, Siemens-Schuckert, Telefunken и др.), образовали «Комитет бывших еврейских принудительных рабочих». Это побудило некоторые из перечисленных фирм проявить большой интерес к опыту IG Farbenindustrie и вступить в переговоры с Claims Conference.

Переговоры завершились следующими результатами (см. табл. 7.1.1):

Таблица 7.1.1.

**Выплаты отдельных германских фирм
Claims Conference**

Ф и р м ы	Число правомочных претендентов (чел.)	Договорные суммы (DM)
IG Farbenindustrie	5855	27841500
Krupp	3090	10050900

Ф и р м ы	Число правомочных претендентов (чел.)	Договорные суммы (DM)
AEG	2223	4312500
Siemens	2203	7814100
Rheinmetall	1504	2546095

Источник: Hilberg, 1999, Bd. 3, s. 1254.

Общая сумма выплат тогда составила около 52,5 млн. DM.

Остальные же фирмы всячески старались уклониться от такого рода трансакций. Так, Claims Conference обратилась к концерну Dynamit Nobel A.G. с предложением перевести на ее счет 5 млн. DM в пользу 1000 ее бывших рабочих: концерн, во главе которого стоял Фридрих Флик, категорически отказался. Только в 1986 году, когда руководство концерном (под измененным названием Feldmühle Nobel AG) было перенято Deutsche Bank, выплата все-таки была произведена. В 1988 году около 20 млн. DM заплатил и концерн Daimler-Benz¹⁴.

Примечания

¹ Его инициатором и первым директором был А.Зильберштейн. См.: Klibanski B. Relief Committee for the Warstricken Jewish Population // Encyclopedia of the Holocaust. New York, 1995. Vol. 3. P. 1254—1255.

² См.: Documents Related to the Agreement between the Government of Israel and the Government of the Federal Republik Deutschland. Jerusalem, 1953. S. 9—12.

³ См.: Hillberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Bd. 3. Fischer Verlag, 1999. S. 1239, со ссылкой на: Neues Attentat auf der Wiedergutmachung // Aufbau (New York). 21.04.1950. S. 1—2.

⁴ Этот процесс растянулся, однако, на 10 с лишним месяцев.

⁵ Среди множества предъявленных ему обвинений суд не признал только главного — в выплате компенсаций 111 «мертвым душам». Приговоренный к 2,5-летнему заключению, Ауэрбах покончил с собой в тюрьме.

⁶ Bundesentschädigungsgesetz (BEG). Его проект был согласован с правительством Израиля и с Claims Conference. Уже осуществленные компенсационные выплаты составили к этому времени 750 млн. DM.

⁷ Agudath Israel World Organisation, Alliance Israelite Universelle, American Gathering/Federation of Jewish Holocaust Survivors, American Jewish Committee, American Jewish Congress, American Jewish Joint Distribution Committee, American Zionist Movement, Anglo-Jewish Association, B'bai B'ryth International, Board of Deputies of British Jews, Canadian Jewish Congress,

Central British Fund for World Jewish Relief, Centre of Organisation of the Holocaust Survivors in Israel, Conseil Representatif des Insitutions Juives de France, Council of Jews from Germany, Delegacion de Asociaciones Israelitas Argentinas, Executive Council of Australian Jewry, Jewish Agency for Israel, Jewish Labor Committee, South African Jewish Board of Deputies, World Jewish Congress, World Union for Progressive Judaism, Zentralrat der Juden in Deutschland, Ad Personam.

⁸ Подавать заявления были вправе и те, кому однажды отказали в компенсациях по этому закону.

⁹ Последняя постоянно ведет переговоры о некоторой либерализации критериев — см. ниже.

¹⁰ Дефиниции и списки лагерей даны в BEG.

¹¹ Сообщено В.Я.Гологорским.

¹² В 1999 г. 4 млн. долларов были внесены на счет этой программы Государственным Департаментом США (Update: Newsletter of the Conference on Jewish Material Claims against Germany, May—June 1999. P. 2).

¹³ Соглашение, подписанное Ф.Бекманом и В.Шмидтом от имени ликвидаторов и Э.Катценштейном от имени Claims Conference, распространялось на предприятия Буна IV, Хайдеберг, Фюрстенгрубе и Янинагрубе. При этом исходили из того, что число потенциальных еврейских заявителей составляет 3400 чел. (на самом деле их оказалось около 6 тыс. чел.). Еще 3 млн. DM предназначались для компенсации нееврейским работникам.

¹⁴ Süddeutsche Zeitung. 08.03.1990. Часть этих денег предназначалась для выплат в Польше, но впоследствии не раз утверждалось, что до адресатов они так и не дошли.

7.2. Компенсации западноевропейским странам

Среди категорий нацистских жертв евреи занимали ведущее, но все же не единственное место, а круг стран, имевших материальные претензии к Германии, отнюдь не исчерпывался довоенными кредиторами Рейха и Израилем.

Нюрнбергский трибунал расценил нацистскую практику угона и принудительного труда иностранных граждан оккупированных стран как «преступление против человечности», как грубое беззаконие, игнорирующее международные соглашения 1890 и 1929 годов о категорическом запрете рабства. На этом основании многие западные страны выдвинули требования о соответствующей компенсации.

Но в Лондонском соглашении о долгах (февраль 1953 года) правительству ФРГ удалось настоять на иной, нежели нюрнбергская, дефиниции: эта практика квалифицировалась уже не как «беззаконие», а как «обусловленная войной трудовая мера», каковая, в свою очередь, номинально подпадала под юрисдикцию репарационного права.

Тем не менее без «квази-репарационного» Люксембургского договора с Израилем (1952) и без Лондонского соглашения о долгах (1953), наверное, не было бы и того прыжка в Западную Европу, что совершил процесс послевоенного урегулирования между Германией и оккупированными ею в прошлом странами.

Под действие закона ФРГ от 18 сентября 1953 года «О компенсации ущерба лицам, подвергавшимся преследованиям при нацизме» не подпадало и большинство пострадавших от нацизма граждан европейских стран. Отмечая это, бельгийский посол в Германии в своей вербальной ноте за № 3029 от 21 июня 1956 года, отметил, что этот вопрос тем не менее нуждается в урегулировании и что правительство Бельгии — по согласованию с правительствами Дании, Франции, Великобритании, Греции, Люксембурга, Норвегии и Нидерландов — предлагает сформировать для этого рабочую группу с участием Германии и других заинтересованных стран¹.

Германия, однако, коллективным переговорам, где она рисковала бы оказаться одна против всех, предпочла серию сепаратных, каковые и были проведены, начиная с 1957 года. Первыми странами, с которыми в 1959 году были заключены соответствующие договоры, стали Люксембург, Дания и Норвегия. В 1960 году к ним присоединились Греция, Голландия, Франция и Бельгия, в 1961 — Италия и Австрия, в 1962 — Швейцария и еще раз Голландия и в 1964 году — Великобритания и Швеция (см. табл. 7.2.1).

**Международные договоры ФРГ с европейскими странами
о компенсации ущерба лицам, подвергавшимся
преследованиям при нацизме**

СТРАНЫ	Даты заключения	Даты ратификации	Ссылка на Свод законов (BGBl. II)	Выделяемые суммы (млн. DM)
Люксембург	11.07.1959	08.08.1960	1960/2077	18
Дания	06.08.1959	08.04.1960	1960/1333	16
Норвегия	07.08.1959	08.04.1960	1960/1336	60
Греция	18.03.1960	14.09.1961	1961/1596	115
Голландия	08.04.1960 14.05.1962	10.06.1963	1963/458, 629, 652	125
Франция	15.07.1960	27.07.1961	1961/1029	400
Бельгия	28.09.1960	27.07.1961	1961/1037	80
Италия	02.06.1961	28.06.1963	1963/791	40
Австрия	27.11.1961	21.08.1962	1962/1041	110
Швейцария	13.09.1962	—	1963/155	10
Англия	09.06.1964	—	1964/1032	11
Швеция	03.08.1964	—	1964/1402	1

Источник: Küpper 1996b, s. 640, со ссылкой на: Bericht der Bundesregierung BT Drucks. 10/6287, 31.10.1986. S. 50.

Немало интересных деталей содержат материалы соответствующих дипломатических переговоров. Как правило, страны выдвигали к Германии требования, намного превосходившие итоговые цифры. Исключение составила Норвегия, чье притязание равнялось 46 млн. DM: сумма же, относительно которой удалось договориться, составила 60 млн. DM.

Так, в изначальных датских притязаниях (около 70 млн. DM) примерно 40 % предусматривалось на компенсации за принудительный труд. В то же время первоначальное предложение немецкой стороны составляло всего лишь 6 млн. марок, и в нем не фигурировали

ни коммунисты, ни «асоциальные», ни «саботажники», ни участники сопротивления, ни тем более принудительные рабочие. Откорректированные датские притязания были существенно ниже и находились в интервале между 17,5 и 23,5 млн. DM. В итоге договорились о 16 млн. DM, сгруппированных в три транша — в 6, 5 и 5 млн. DM (последний транш — не позднее 1 мая 1961 года). В договоре с Данией были конкретизированы категории граждан, пострадавших при нацизме: 1) преследовавшиеся по расовому признаку, 2) преследовавшиеся за религиозные убеждения и 3) преследовавшиеся за мировоззрение. Оценка компенсации за один день содержания датчанина в концентрационном лагере или тюрьме составляла 5 DM².

Камнем преткновения в переговорах 1959—1960 гг. с Францией стал вопрос о компенсации борцам французского Сопротивления, которых французская сторона хотела бы причислить к числу преследуемых за идеологию, с чем категорически не соглашалась немецкая сторона. Прогресс на переговорах был достигнут лишь в феврале 1960 года, когда французы отказались от этого притязания. Вот некоторые из других французских требований: выплата семьям погибших в сумме не менее 10.000 DM; компенсация за месяц, проведенный в тюрьме или в лагере, в сумме от 200 DM; компенсация не только оставшимся в живых пострадавшим, но и ближайшим родственникам умерших; компенсация жертвам медицинских экспериментов в 120 тыс. DM и др.

Поначалу французская сторона настаивала на общей сумме в 1 млрд. DM, но затем она последовательно снижала свои притязания — до 780, 600 и 500 млн. DM. Немецкая же сторона предлагала 250, а затем 300 млн. марок³, но в конце концов сошлись на 400 млн.⁴

Переговорам с бельгийской стороной, прошедшим в 1959—1960 гг., предшествовал другой договор, подписанный в Брюсселе 22 августа 1958 года, — «Об уточнении немецко-бельгийской границы и других вопросах отношений между двумя странами»⁵. Раздел VII этого договора касался урегулирования проблем, связанных с депортациями бельгийских граждан. Стороны были единодушны в вопросах розыска таких лиц, розыска и идентификации их могил, транспортировки на родину их останков, бесплатного проезда бельгийских депортантов или их представителей к месту их бывшей работы на территории ФРГ (не более 400 чел. в год). Для реализации договоренности при бельгийском посольстве в Бонне была создана особая миссия с правом найма германской рабочей силы и правом запроса и свободного доступа в течение последующих шести лет в любые учреждения, кладбища, крематории, больницы, страховые компании, архивы, полицейские управления, суды и тюрьмы, службы труда, квартирные бюро и другие организации (все расходы, возникающие при розыске, покрывались немецкой стороной).

В 1959 году, когда речь зашла о более широком круге жертв нацизма, Бельгия заявила Германии претензии относительно 129.077 чел.,

из них 77.214 подвергшихся репрессиям по расовому признаку и 51.683 репрессированных по другим статьям (религия, мировоззрение, сопротивление, саботаж и т.д.). Из них, по оценкам бельгийской стороны, в живых на момент переговоров оставалось 76.162 чел. В качестве компенсации за ущерб Бельгия запросила первоначально 100 млн. DM, затем — 83 млн. Германия, со своей стороны, соглашалась признать лишь 2500 чел., преследовавшихся по расовому признаку (им «причиталось» бы в среднем компенсация в 3900 DM — из расчета по 150 DM за месяц лишения свободы) и 6300 чел. преследовавшихся за убеждения (им причиталось бы в среднем 1800 DM) — что «тянуло» лишь на сумму в 31 млн. DM марок, впоследствии увеличенную до 40 млн. В памятной записке министра иностранных дел ФРГ Шерпенберга о его встрече с бельгийским послом Бэртом 8 июля 1960 года говорится о компромиссной цифре в 75 млн.⁶, а в итоге договор был заключен на 80 млн. DM.

Итоговая же сумма выплат Германии по договорам с западноевропейскими странами составила 977 млн. DM — без малого 1 миллиард.

Примечания

¹ AA, Bt. 917, V.2.80.SL/4, 94.02.

² Отчет посла ФРГ в Дании № 16/58 от 07.01.1958 (AA, Ref. 501, Bd. 918, 94.04.).

³ AA, Bt. 668, 8.SL/4, 94.07. Так, на раунде, состоявшемся в Бонне 10.05.1960, делегация ФРГ соглашалась признать притязания лишь тех 95 тыс. французских граждан, которые их заявили; французская сторона исходила из основывающейся на архивных разысканиях цифры 183 тыс. чел. — общего числа подпадавших под переговоры жертв нацизма, но соглашалась не учитывать участников Сопротивления.

⁴ Полный текст см. в Приложении 28.

⁵ BGBl, Teil II. 1958, № 19.

⁶ AA, Ref.501, Bt. 917, 94.02. Интересна аргументация сторон на этом этапе: Бельгия, настаивая на сумме 83—84 млн. марок (1 млрд. бельгийских франков) исходила из ставших уже известными результатов франко-германского соглашения; Германия же, устами министра, указывала на неправомерность расчета такого рода пропорций: *«Мы всегда стараемся вести переговоры не схематично, а исходя из реальных размеров причиненного ущерба... Как же мы станем смотреть в глаза другим партнерам по переговорам, особенно голландцам?»*

7.3. Гуманитарное урегулирование с восточноевропейскими странами

Репарации, напомним, суть возмещение ущерба от боевых действий. Распространение их на урегулирование трудовых отношений в Трегьем Рейхе, — трактуется немецкой стороной явно расширительно, и корректность отождествления вопроса о «репарациях» и вопроса о «компенсациях» вполне может быть оспорена.

Согласно решениям Потсдамской конференции, репарации взымались: СССР и Польшей — с территории советской оккупационной зоны, а западными союзниками — с территорий остальных оккупационных зон, при этом все получатели репараций в какой-то момент сочли удобным от них отказаться, сначала частично, а потом и полностью. В частности, СССР и Польша сделали соответствующие заявления — 22 августа 1953 года от имени всех граждан СССР¹, и — 23 августа от имени только правительства Польши².

Тем не менее размер репарационных выплат Германии трем западным державам-победителям составил 517 млн. долларов (без учета стоимости конфискованного торгового флота, немецкой собственности за границей и демонтированных предприятий), а сумма репарационных (и, видимо, трофейных) поступлений в СССР из одной только советской зоны составила, по некоторым западным оценкам, 13 млрд. долларов.³

Последнюю точку в вопросе о репарациях, по общему мнению, поставил «Договор об окончательном урегулировании относительно Германии», заключенный 12 сентября 1990 года в Москве и подписанный СССР, США, Великобританией и Францией, а также ФРГ и ГДР (так называемое соглашение «4+2»). Он фактически заменил собой так и не заключенный мирный договор между Германией и странами-победительницами и ознаменовал переход от состояния послевоенного мира к просто миру. После этого отпала даже формальная увязка факта заключения мирного договора с правом на репарационные притязания.

Но ни в Люксембургских соглашениях 1952 года о реституции и компенсациях жертвам нацизма, ни в Лондонском соглашении 1953 года о долгах ни СССР, ни его восточноевропейские союзники участия не приняли. Не воспользовались они и 10-летними сроками, предусмотренными для присоединения к этим договорам (они истекли в 1962 и 1963 гг.).

Все это надолго лишило советскую сторону юридических оснований для требовательного, а не просительного тона в вопросе компенсаций.

Отказавшись от репараций и уклонившись от переговорного процесса по долгам и компенсациям за геноцид еврейского населения, СССР (а с ним и за ним и другие социалистические страны Европы) проявил феноменальное, если не сказать преступное, безразличие к

интересам миллионов своих граждан. Он решительно и надолго (практически на 55 лет!) отгородил их от самой мысли о праве претендовать хоть на какое-то возмещение страданий.

К тому же, согласно установившейся практике, правом на компенсационное урегулирование обладало исключительно государство, или заключающее или не заключающее с ФРГ то или иное межправительственное соглашение, посредством которого только и могут быть удовлетворены (или не удовлетворены) интересы его граждан.

С этой позицией, кстати, никогда не соглашалась Польша, и СССР был, кажется, единственной из пострадавших от нацизма стран, где этот вопрос официально даже не ставился и не обсуждался.

В результате из миллионов жертв нацизма в СССР и в восточноевропейском союзе под прямое действие принятых без их участия договоров подпали лишь считанные десятки тысяч евреев, эмигрировавших на Запад до конца 1965 года (иногда им полагались и пенсии, но чаще — единовременные пособия в размере до 5000 DM), а также жертвы псевдомедицинских экспериментов (единовременные компенсации в сумме от 1000 до 25000 DM).

В последнем случае правомочие наступило только в 1960 году, когда сфера действия Люксембургских соглашений 1952 года в этом аспекте была распространена и на граждан восточноевропейских стран; в промежутке между 1961 и 1973 г. с некоторыми из них — Югославией⁴, Польшей, Чехословакией, Венгрией — были заключены и двусторонние соглашения. Еще позже аналогичная практика была распространена на Румынию, но на сей раз не посредством заключения двустороннего соглашения, а по линии Красного Креста⁵.

Сами запросы, по согласованию с правительством ФРГ, проверяла комиссия Международного Красного Креста в Женеве (доля удовлетворенных запросов составила 80—90 %). По состоянию на 1 сентября 1986 года, было удовлетворено в общей сложности 1147 запросов, а сумма выплат по соглашению 1951 года составила, на ту же дату, около 184 млн. DM. Одна только Польша получила в 1973 году 103 млн. DM.

Для всех остальных шансов на компенсацию до недавнего времени практически не было. Точнее, они оставались, но сугубо теоретические. Так, пенсионное право граждан ФРГ, признанных жертвами войны, регулируется федеральным законом о социальном обеспечении жертв войны, принятым в 1950 году и, после ряда расширительных поправок, в принципе не исключает возможности выплаты пенсий и иностранцам. Министерство социального обеспечения было вправе выплачивать пенсии немцам — бывшим гражданам Рейха (в границах 1937 года), проживающим вне Германии и не получающим в качестве жертв нацизма иной пенсии, а также рассматривать индивидуальные ходатайства и других иностранцев — жертв нацизма. В частности, для угнанных на работы в Германию и подорвавших

там свое здоровье непереносимым условием для возбуждения ходатайства являлось документирование их страхования во время войны (страхование было обязательным).

Требование об обязанности претендента документировать свои притязания самому давало немецким инстанциям еще одно «преимущество» в поединке с теми же остарбайтерами. На руках у последних, как правило, не было не только страхового полиса времен Рейха, но и вообще какой бы то ни было документации, подтверждающей факт их депортации и насильственного труда в Германии⁶.

Причины этого лежат в той атмосфере подозрительности и враждебности, в которой по возвращении на родину оказались миллионы бывших остарбайтеров. Когда низкое и высокое начальство (а иногда и просто соседи и однокашники) иначе как за «предателя» или за «немецкую подстилку» тебя не держали, благоразумнее было не то что не документировать, а вовсе замалчивать и скрывать самый факт угона в Германию. В случае внезапного обыска или ареста немецкие документы были смертельно опасны. Многие их уничтожали, да и в фильтрационных лагерях и пунктах их, как правило, изымали.

В целом же немецкое законодательство о компенсациях было неплохо согласовано с неписаным уставом Холодной войны. Оно исходило из тезиса, что страны Восточной Европы сами изолировали себя «железным занавесом» и распространение на них действия этого закона не только не обязательно, но и не желательно. Сам же процесс послевоенного материального урегулирования применительно к этим странам считался после 1963 года юридически завершенным и формально исчерпанным.

Правовыми аргументами в пользу этого тезиса были, как уже отмечалось, отказ социалистических стран как от репараций, так и от участия в названном договоре. Но исторически такая аргументация совершенно не удовлетворительна и даже цинична, если вспомнить, что из рассмотрения выводилось явное большинство тех, кто всерьез пострадал от нацизма.

Лишь после того, как был подписан пакет договоров между ФРГ и СССР, в том числе Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии и др., — устранились последние формальные препятствия для подключения и СССР (или его правопреемников) к договорному процессу и заключению исчерпывающего соглашения по вопросу о компенсациях жертвам нацизма из бывшего СССР. Но этого не произошло, хотя достаточно очевидно то, что, поставь СССР этот вопрос ребром и в прямой взаимозависимости с ходом объединения Германии — немецкая сторона сняла бы свою круговую оборону и выплатила бы бывшим остарбайтерам компенсации не хуже, чем французам.

Но, как это ни удивительно, вопрос о компенсации советским жертвам нацизма номинально не фигурировал даже в пакете договоров об объединении Германии (хотя, конечно, без этих договоров едва ли бы были возможны сами переговоры). Выражаясь предельно мягко, этот вопрос советской дипломатией был упущен и «профукан».

Да и как могло быть иначе?.. Ведь и при Горбачеве, в точности так же, как и при Сталине или Хрущеве, о таких пустяках, как измочаленные и униженные сограждане, еще не научились думать.

Тем не менее пересмотр немецкой позиции все же состоялся. Произошло это осенью 1999 года, после прихода к власти в ФРГ «красно-зеленого» кабинета во главе с социал-демократом Г.Шредером, и произошло отнюдь не под нажимом «демократизированной» российской дипломатии ельцинского призыва, а под давлением сравнительно небольшой группы американских граждан и их адвокатов⁷.

Интереснейший пример процесса материального урегулирования вопроса явила собой Польша. 9 октября 1975 года ФРГ и Польша заключили договор по социальному страхованию. ФРГ перевела паушальную сумму в размере 1,3 млрд. DM для выплат премий по пенсионному страхованию и по страхованию от несчастного случая тем, кто, проживая в Польше, по немецким законам, имел на это право (в том числе и польским принудительным рабочим)⁸.

Для удовлетворения остальных польских жертв нацизма Польше не оставалось ничего другого, как вновь обратиться к ФРГ просто за гуманитарной помощью. Первоначальные притязания польской стороны составили самую гордую цифру в истории урегулирования — около 300 млрд. DM, но затем, на основании представлений Польского Союза жертв Третьего Рейха, эта цифра была «уточнена» и исправлена: теперь она равнялась... 537,1 млрд. DM⁹.

Впрочем, польское правительство не исходило из этих выкладок, но поддерживало индивидуальные запросы польских граждан. Последние, в свою очередь, не признавались ФРГ, поскольку на основании Лондонского соглашения о долгах индивидуальные запросы иностранных граждан не рассматриваются (немецких — другое дело). Тем не менее многие бывшие «Pole» (польские рабочие) подавали на своих бывших работодателей в суд, требуя с них компенсацию за недополученную зарплату, за нанесенный ущерб имуществу или здоровью, иногда — пенсию. Несколько неожиданную поддержку получили они тогда со стороны Европейского Парламента, принявшего 16 января 1986 года резолюцию, призывающую «работодателей» возместить «своим» рабочим как их моральный, так и материальный урон¹⁰. Но эта резолюция сама по себе была не более чем моральным жестом: никакой юридической силы для суверенных государств она не имела.

В этом вопросе немецкая промышленность, немецкое государство и немецкая судебная система (увы, и немецкая историческая наука тоже) образовали единую и сплоченную позицию, сформулированную для пущего удобства в таких примерно выражениях: компенсации за принудительный труд — это часть репарационного урегулирования, а урегулирование уже состоялось; посему индивидуальные иски, согласно международному праву, невозможны, а сроки подачи исков межгосударственных, согласно Лондонскому соглашению, уже истекли. И вообще — не беспокойте нас больше: постановлением Федеральной судебной палаты (Bundesgerichtshof) в 1973 году судам было разрешено даже не принимать соответствующие иски к рассмотрению.

Наконец, 16 октября 1991 года, после довольно длительных переговоров и в качестве жеста доброй воли, правительство ФРГ приняло постановление, увязанное с подписанием Договора о границах и добрососедстве от 17 июня 1991 года. На его основе в феврале 1992 года в Варшаве был образован Фонд «Польско-Германское примирение»¹¹. Органами фонда являются Правление, Наблюдательный Совет, Контрольный и Экспертный Комитеты. В первый состав правления, возглавлявшийся Б.Вилком, членом президиума партии христианских демократов, вошли представители общественных организаций жертв нацизма и самих принудительных рабочих, специалисты по польско-немецким отношениям и по истории нацизма. В Наблюдательном Совете — представители правительств Польши и Германии (в частности, в 1993 году — тогдашний министр иностранных дел К.Скубишевский и член Бундестага Ф.Фогель), польские церковные деятели, известные всей стране деятели культуры и политики, в частности бывшие премьер-министры Польши Т.Мазовецкий и Я.Белецкий, писатели А.Щиперский и В.Бартошевский, представители конфессий и общественных организаций¹².

Не уставая подчеркивать добровольно-гуманитарный характер фонда и идущей через него помощи, ФРГ обязалась вложить в него в течение трех лет 500 млн. DM, из них 250 млн. — тотчас же по принятии постановления¹³. В свою очередь, Польша обязалась на межгосударственном уровне более никаких претензий к ФРГ не предъявлять, как в свое время она это уже сделала в отношении ГДР. А поскольку ФРГ более не признавала никаких вне-государственных претензий, то фактически это условие интерпретировалось ею как тотальный отказ Польши и поляков от любых исков к Германии в будущем.

В середине 1992 года, сразу же после поступления первого транша, фонд приступил к своей прямой работе. Уже в конце сентября 1992 года были разосланы первые 8000 чеков. Общее количество возможных заявителей первоначально оценивалось приблизительно в 600—700 тыс. чел. (уже к середине 1993 года в фонд обратилось по меньшей мере 300 тыс. заявителей).

Юридически фонд осуществлял не компенсацию, а гуманитарную помощь особо пострадавшим жертвам нацизма: выплаты осуществлялись в виде именных и одноразовых денежных переводов в польской валюте (и через польские банки). Основными получателями при этом были, во-первых, узники концлагерей, иных лагерей и гетто, во-вторых, принудительные рабочие, и, наконец, в-третьих, категория, с которой германская сторона до этого практически не сталкивалась — малолетние узники концлагерей, других лагерей и тюрем. Основанием для выплаты служил индивидуальный запрос вместе с документами, подтверждающими его обоснованность (вид, место и продолжительность репрессии, которой подвергался заявитель).

Выплаты предназначались прежде всего узникам концлагерей и принудительным рабочим, угнанным в Германию. Польская сторона настаивала на суммах не менее 2—3 тыс. марок на человека, предъявляя при этом весьма высокие требования к представляемой документации: удостоверения, выданные немецкими органами, поисковой службой Красного Креста, справки архивов концлагерей, тюрем, других государственных архивов. Время торопило уже тогда: средний возраст подателей заявлений стремительно приближался к 70!

Размер выплат зависел от вида и от длительности репрессии. Установленный в сентябре 1992 года компенсационный «модуль» (в размере 1,4 млн. злотых) с учетом инфляции был пересмотрен и с апреля 1993 года составлял 1,5 млн. злотых. В среднем один день в концлагере «стоил» почти втрое дороже, чем день «обычных» принудительных работ: соответственно, 62 марки и 12 пфеннигов и 21 марка и 50 пфеннигов. Но ни доход, ни состояние здоровья заявителей при этом не учитывались.

Больше всех денег (4100 DM) получил 90-летний Петр В., прошедший полгода в тюрьме и 5 лет в концентрационном лагере Дахау. В среднем же каждый бывший «Pole» (поляк) должен был получить порядка 600 марок¹⁴. Не так уж и много, но и не настолько мало, чтобы вовсе уклоняться от всех бюрократических процедур.

При этом польская общественность восприняла соглашение достаточно критично, характеризуя его как «продажу польских интересов», «как милостыню, а не компенсацию». Отклики польской — да и немецкой — печати — преимущественно отрицательные. По мнению Глоговского, председателя польского Общества пострадавших во времена Третьего Рейха, 500 марок на человека — не более чем жест на фоне того, сколько получила немецкая промышленность от труда каждого из этих рабочих.

Деятельность польского фонда, к сожалению, не обошлась без скандала, вызванного потерей части денег в результате банкротства в 1994 году варшавского Мега-Банка, в котором находилась часть счетов фонда. Точную сумму потерь установить не удалось, однако, скорее всего она была заметной, поскольку выделенных фонду денег в конце концов не хватило на всех претендентов¹⁵.

Примечания

- ¹ См.: Dokumente zur Deutschlandspolitik der Sowjetunion. Bd. I. Berlin, 1957. S. 349f. Еще ранее, в 1950 г., СССР отказался от репараций частично.
- ² См.: Maas J. Dokumentation der deutsch-polnischer Beziehungen nach dem Zweiten Weltkrieg 1945—1959. Bonn, 1960. S. 82. На правомочности этой лазейки Польша всегда настаивала. См.: Küpper 1996b, S. 758—761.
- ³ Bräutigam. Ein Schreckgespenst ohne jegliche Relevanz // Berliner Morgenpost. 13.05.2000.
- ⁴ В 1973 г., при канцлере Брандте и президенте Тито, ФРГ предоставила Югославии кредит в размере около 1 млрд. DM. В январе 1992 г., после первого распада Югославской Федерации, Югославия выставила ФРГ претензии на 35,8 млрд. долларов за тот ущерб, что Германия нанесла Сербии в годы Второй мировой войны.
- ⁵ См.: Küpper 1996b, s. 761, со ссылкой на: Härteregelung des Bundes zur Entscheidung von NS-Unrecht, Dokumentation 7/94. Bonn, Bundesministerium der Finanzen, 1994. S. 16f, 40.
- ⁶ Наши анкетное обследование бывших остарбайтеров показало, что немецкими документами (в лучшем случае это трудовая книжка) располагало не более 1 % опрошенных, а советскими (в основном, справками из областных архивов) — не более 10% (в то же время на живых свидетелей могли указать до 70 % опрошенных).
- ⁷ См. об этом ниже.
- ⁸ Küpper, 1996b, s. 761, со ссылкой на: Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Volksrepublik Polen über den Renten- und Unfallversicherung. С этой выплатой (по другим источникам — беспроцентным кредитом) связан этически неприятный прецедент. Польское правительство, насколько можно судить по отзывам немецких коллег, распорядилось этими средствами не по назначению, и значительная часть этих денег не дошла до тех, кому они предназначались (см., например: Herbert U. Nicht entschädigungsfähig? Die Wiedergutmachungsansprüche der Ausländer // Wiedergutmachung in der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg. v. L.Herbst, C.Goschler. München, 1989. S. 273—302; Bonwetch B. Sowjetische Zwangsarbeiter vor und nach 1945. Ein doppelter Leidensweg // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. Heft 4).
- ⁹ За цифрами стоят следующие выкладки, представляющие самостоятельный интерес: из 2.478 тыс. (на конец войны) польских рабочих в живых оставалось не более 500—600 тыс. чел., из 863 тыс. узников концлагерей — 50 тыс., из 590 тыс. инвалидов террора — около 40 тыс. чел., из 1.544 тыс. сирот — 800 тыс., кроме того — 170 тыс. немеченных польских детей. Еще 1.768 тыс. чел. понесли материальные убытки, из них в живых оставались — 400 тыс. Итого — из примерно 10 млн. пострадавших при нацизме в живых оставалось не более 1,8 млн. чел. (см.: Süddeutsche Zeitung. 08.03.1990).
- ¹⁰ Küpper 1996b, s. 761, со ссылкой на: Resolution B 2-1475/85/rev. (BT-Drucksache 10/4996). В этой резолюции был употреблен термин «рабский труд».
- ¹¹ Stiftung Polnisch-deutsche Aussöhnung, или Fundacja Polsko-Niemieckie Pojednanie. Офис расположен в Варшаве.
- ¹² Представительства фонда имелись во всех крупнейших городах. При этом деятельность фонда осуществляется исключительно на проценты (2,6 %)

от размещения средств и не обременяет его «основной капитал» как таковой. Обработкой заявлений и перепиской занято всего около 40 штатных сотрудников.

¹³ Ожидания того, что после учреждения фонда к его финансированию добровольно подключатся те фирмы, которые во время войны столь охотно использовали принудительный труд, в сущности, не оправдались.

¹⁴ См.: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 17.10.1991. На известное расхождение в словах и делах немецкого правительства в этом вопросе и на нежелание Германии выплачивать компенсации тем, кому они по праву полагаются, указывал Станислав Каня в публикации «Die Rechnung der Leiden» (Конкрет. 1990. № 6. С. 44—45; см. также: Hirsch H. Zu wenig und zu spät // *Zeitmagazin*. 1991. 13 Dezember. S. 62—72).

¹⁵ *Der Spiegel*. 1994. № 9. S. 16.

7.4. Гуманитарное урегулирование с СССР

Необходимо отметить, что у некоторых немецких политиков самый интерес к вопросу о компенсации оstarбайтерам сложился гораздо раньше, чем у каких бы то ни было советских. В ФРГ эта проблема уже достаточно давно пользовалась вниманием и поддержкой со стороны ряда общественных организаций и политических сил — прежде всего партии зеленых и социал-демократической партии.

В Штуттгарте издавна существует «*Interessengemeinschaft ehemaliger Zwangsarbeiter unter dem NS-Regime*» («Объединение бывших принудительных рабочих нацистского режима»)¹, борющееся за права тех, кого насильственно заставляли работать в немецкой экономике времен Третьего Рейха. Действуя под девизом «Избыть до конца бесправие Второй мировой войны», Объединение рассылало свои обращения и призывы в правления концернов и фирм, нажившихся на дармовом принудительном труде, выпускало бюллетени — «*Materialien zum Thema Zwangsarbeit*» («Материалы к теме “Принудительный труд”») и собирало соответствующий архив. Вместе с берлинской организацией «*Aktion Sühnezeichen / Friedensdienste*» («Акция “Знак искупления” / Служение миру») штуттгартское общество приступило к таким «практическим» действиям, как судебные иски против предприятий, использовавших принудительный труд².

Сходными вопросами занимался и «*Bundesverband Information- und Beratung für NS-Verfolgte*» («Федеральный союз по информации и консультации лиц, преследовавшихся при нацизме»), в 1989 году организованный в Кельне. Еще в 1992 году им была подготовлена первая брошюра-памятка, вобравшая в себя главные правовые рекомендации по борьбе за права жертв нацизма³. Деятельность Союза во многом способствовала организации в 1990-х годах двух специальных фондов — Федерального фонда по компенсации жертв национал-социалистической военной юстиции и Фонда земли Северный Рейн-Вестфалия для компенсации лиц, особо пострадавших при национал-социализме. Союз стал одним из инициаторов и подготовителей первого коллективного судебного иска в США, не случайно направленного проив автомобильного концерна «Форд» и его дочернего предприятия в Кельне, завершившегося частичным успехом в марте 1998 года. Деятельность Союза резко активизировалась в начале 1999 года, после принципиального признания немецким государством и промышленностью своей материальной ответственности перед бывшими принудительными рабочими. Выступая на многочисленных неофициальных форумах по вопросам компенсации, Союз завоевал широкое признание своей активной, независимой и компетентной позицией. В 1999 года Союз организовал сетевую рассылку по электронной почте различных материалов, касающихся принципов компенсации и хода переговорного процесса, а позднее и самого процесса компенсации.

Казалось бы, такая организация как «Федеральный союз по информации и консультации лиц, преследовавшихся при нацизме» должна быть непременно участником переговорного процесса, тем более что иных представителей жертв, кроме американских адвокатов (мандат которых, однако, распространялся лишь на определенные и малочисленные категории жертв), на переговорах и не предвиделось. Однако этого не произошло: главные договаривающиеся стороны — Германия (государство и крупная промышленность) и США (государство и адвокаты американских жертв) — в лиших свидетелях (а тем более участников) заинтересованы не были, а приглашенным ими к переговорам (для соблюдения приличий) представителям Польши, Чехии, России, Украины и Белоруссии с самого начала отводилась заурядная роль статистов, с которой они в большинстве своем неплохо справились. А вот Чехия поступила неординарно и включила в состав своей официальной делегации Логара Эверса, с 1996 года возглавляющего кельнский Союз. Участвуя, таким образом, во всех раундах официальных переговоров, Союз сохранил верность открытой и демократической информационной политике и фактически свел на нет «дипломатическую» келейность затяжных переговоров. В сетевой рассылке Союза появлялись не только газетные публикации, комментарии к ним и призывы самого Союза, но и рабочие документы, в том числе и законопроекты, обсуждавшиеся на официальных переговорах. Достигнутая таким образом прозрачность переговоров позволила сделать дискуссию более широкой и, главное, компетентной, благодаря чему удалось избежать многих практических несуразностей и несправедливостей (хотя и не всех).

Большие усилия для изучения проблемы принудительного труда советских граждан в Германии прикладывали Московское научно-просветительское общество «Мемориал» и Фонд имени Генриха Белля (Кельн — Берлин), в 1990 году приступившие к осуществлению совместного проекта «Восточные рабочие» (одним из ответвлений которого, напомним, является и настоящая книга)⁵.

Гигантским банком информации более чем о 14 млн. чел. располагает Internationaler Suchdienst (International Tracing Service, или «Международная служба поиска») в Бад-Арользене, входящую в систему Международного Красного Креста. Эта организация была основана после войны для розыска пропавших или угнанных во время войны граждан не-немецкой национальности и для помощи в воссоединении семей. В последнее время ее деятельность была сосредоточена на розыске не столько людей, сколько документов, подтверждающих те или иные обстоятельства жизни пострадавших во время войны — узников концлагерей, депортированных евреев, иностранцев, оказавшихся в 1939—1945 гг. на территории Германии, перемещенных лиц, а также детей вышепоименованных категорий граждан, разлученных войной с родителями. Однако удовлетворительной ее работу даже

в этой сфере назвать было нельзя: обработка индивидуальных запросов нередко занимала несколько лет! Ее представители любили подчеркивать высокую информационную ограниченность своего мандата, не позволяющего им отвлекаться на социально-гуманитарные и тем более — Боже упаси! — на научно-исторические вопросы как таковые. По степени своей фактической закрытости для исторической науки Арользенский архив, волею судеб хранящий массу уникальных первичных документов военного и послевоенного времени, однократно использованных им единственно для пополнения базы персональных данных, дает сто очков вперед любому архиву советских спецслужб времен Холодной войны⁶!

Поиском информации, связанной с военнопленными, занимается Центральное розыскное бюро (Zentrale Suchstelle) Международного Красного Креста в Женеве.

Начиная с середине 80-х гг., тема компенсации за принудительный труд в Третьем Рейхе стала предметом большой политики. По инициативе зеленых, а также социал-демократов вопрос о компенсации оstarбайтерам неоднократно выносился на обсуждение в Бундестаг. Например, 14 января 1986 года — депутатами от партии зеленых Шили, Штробеле и фракцией зеленых в целом. Практически одновременно — 16 января 1986 года — с призывом к немецким промышленникам выплатить компенсацию бывшим принудительным рабочим обратился Европарламент⁷.

Предложение сводилось к тому, чтобы обязать предприятия, использовавшие даровой труд оstarбайтеров, к выплате им денежной компенсации (при участии государственных средств). Обоснование законопроекта было построено на материалах архива фирмы Флик⁸. Из них, в частности, явствует, что зарплата советского гражданского рабочего составляла лишь треть от зарплаты занятого на тех же работах поляка и четверть — от зарплаты немца (в этом отношении они выделялись лишь на фоне советских же военнопленных). При этом предлагалось исходить из того, что на долю выходцев из СССР приходилась половина численности иностранных рабочих в Германии.

20 мая 1987 года на Комитете по внутренним делам Бундестага состоялись слушания по теме «Преодоление и компенсации за несправедливости национал-социалистического периода». Однако большинство в немецком парламенте 12-го созыва принадлежало политическим противникам зеленых, и 3 декабря 1987 года Бундестаг проголосовал против их инициатив⁹.

Фракция зеленых, а с осени 1989 года и фракция социал-демократов, потребовали учредить Фонд «Компенсация за принудительный труд при нацизме», причем фракция зеленых выступила с политической и законодательной инициативами по вопросам присвоения результатов принудительного труда при нацизме, а также об индивидуальной компенсации ущерба польским принудительным рабочим в рамках общего соглашения.

Парламентские слушания, состоявшиеся в декабре 1989 года, выявили заметное сближение позиций всех партий по этому кругу вопросов, что не помешало парламентскому большинству христианских демократов и либералов при голосовании 24 сентября 1990 года отклонить внесенные законопроекты, одновременно обязав Федеральное правительство представить доклад о возможности основания такого фонда, установить необходимые для этого контакты с частными предпринимателями, определить размеры требуемых для этого средств и доложить об этом Бундестагу не позднее 31 декабря 1990 года. И, хотя ничего конкретного сделать тогда не удалось, зеленые рассматривали это как свою политическую победу, развить которую им помешало поражение на выборах 1991 года, когда на четыре года они покинули Бундестаг.

В этих условиях тактика зеленых вынужденно изменилась. Центр их активности переместился на уровень земельных парламентов и в бундесрат, через которые они продолжали оказывать давление на правительство в вопросе об учреждении компенсационного фонда — как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных земель. Но и здесь (особенно в землях Бавария и Северный Рейн-Вестфалия) они сталкивались с политикой блокирования этих вопросов.

Отметим также, что именно в конце 80-х годов (а конкретно — 27 сентября 1989 года) депутаты Бундестага ФРГ от партии «зеленых» А.Фольмер и Х.Липпельт обратились к академику А.Д.Сахарову (в то время председателю Общественного совета общества «Мемориал») с письмом, в котором поставили перед обществом вопрос о судьбе советских «остайбартеров» (с чего, собственно, и началось участие «Мемориала» в исследовании этой проблемы).

На советско-германской рабочей встрече в марте 1991 года, организованной «Мемориалом» в Москве, представители обеих сторон высказывали основательные опасения, что даже в случае достижения межправительственного соглашения, компенсации все равно могут не достичь адресатов, а лишь пополнят пустеющую валютную казну существовавшего еще тогда СССР. Ведущий немецкий исследователь проблемы «остарбайтеров» У.Херберт сообщил, что ФРГ уже выплатила жертвам нацизма в общей сложности 80—85 млрд. DM. К тому же СССР никогда не ставил вопроса о компенсациях людям, которых он и сам за полноценных граждан и в помине не считал. Напомнив тем самым о пресловутом немецком взгляде на вопрос о компенсациях как на юридически урегулированный и исчерпанный (события 1999—2001 гг. начисто смели этот «рубеж обороны»), У.Херберт повторил и тезис о желательности создания в ФРГ частного международного общественного фонда, например, на базе Красного Креста. В него могли бы поступать пожертвования от тех фирм и концернов, где эксплуатировались рабочие из СССР (например, от «Фольксвагена»¹⁰), он же — распределял бы средства наподобие гуманитарной помощи, что, в свою очередь, потребовало бы создания

сети региональных организаций бывших остарбайтеров¹¹. В политической реальности Германии начала 1990-х годов, в пору политического зенита правоцентристского блока канцлера Г. Коля этот тезис был чистой абстракцией.

Решительной сторонницей безотлагательного рассмотрения и решения вопроса о компенсациях зарекомендовала себя вице-спикер Бундестага 13-го созыва Ренате Шмидт (партия социал-демократов). «Политическим скандалом» назвала она то, что и спустя 46 лет после победы над нацизмом вопрос о компенсациях за нацистское рабство так и не нашел своего справедливого разрешения.

Выступая в октябре 1992 года в Кельне на встрече с гражданами СССР и Польши, угнанными в Германию во время войны, Р.Шмидт заявила:

«Я хорошо понимаю, что с помощью денег невозможно компенсировать все те страдания, тот моральный урон, которые были причинены этим людям. Поэтому финансовую поддержку надо рассматривать не только как желание облегчить им жизнь, но и как признание и понимание немцами всего того, что пришлось пережить угнанным в Германию мужчинам, женщинам и детям... Я намерена использовать все свои возможности для того, чтобы жертвы нацистского режима получили компенсацию за причиненные им страдания»¹².

Как бы то ни было, но только в 1991 году, когда основные переговоры об объединении Германии были уже позади и политически самый выгодный момент был упущен, начались, наконец, и официальные межправительственные переговоры между СССР и ФРГ, — те самые переговоры, от которых, как это ни удивительно, долго уклонялась именно советская сторона.

Конечно, в моральном отношении позиция страны, не проявившей гуманизма по отношению к своим соотечественникам, интересы которых она призвана представлять и отстаивать, более чем уязвима. Непросто ей было выставлять к партнерам по переговорам и требования материального свойства. Ведь, рассуждая логически, — ей и платить по высокомерно отвергнутым когда-то векселям!¹³ (Не говоря уже о том, что аналогичный счет может быть выставлен и немалым числом немецких граждан — назовем их для полной зеркальности «вестарбайтерами», — в самом конце войны высланных по «особому распоряжению» из Восточной Европы на работы в СССР¹⁴).

В таком случае политическое заявление, признающее эту вину и эту несправедливость, виделось бы существенным, необходимым и неотъемлемым элементом переговоров, тем более, что за примером истинного и ответственного правопреемства ходить не надо: достаточно взглянуть в глаза своим партнерам. Тем самым к переговорам подключались бы не только факторы гуманизма и реализма, но и понятия исторической совести или, напротив, исторического цинизма.

Все время была надежда, что «высокие договаривающиеся стороны» и тут постараются найти и общий язык, и общее решение. Но никакого **политического покаяния** не произошло, и в этом смысле переговоры провалились¹⁵.

Если же отвлечься от этического аспекта, очевидно малоуместно в контексте дипломатии и вообще политики, то начало официальному переговорному процессу об условиях возможной компенсации узникам нацизма из СССР было положено 26 февраля 1991 года — беседой тогдашнего зам. министра иностранных дел СССР Ю.А.Квинцинского¹⁶ в МИД ФРГ.

Увы, советское руководство вспомнило о справедливости и потребовало ее от Германии спустя почти полвека после окончания войны, само при этом продолжая отказывать большинству жертв нацизма в самом СССР в каких бы то ни было льготах. Так, лишь Постановлением СМ СССР № 725 от 6 октября 1989 года льготы ветеранов Великой Отечественной войны были распространены на так называемых малолетних узников нацистских концлагерей, освобожденных в возрасте до 16 лет. Еще годом позже Постановление № 814 от 12 августа 1990 года распространило эти льготы и на других несовершеннолетних — узников гетто и «остарбайтеров». Еще позже были приняты законодательные акты, позволяющие зачитывать в трудовой стаж — причем с коэффициентом полтора года за год — время принудительных работ в Германии¹⁷.

Позднее эстафету указов подхватил Б.Ельцин, издавший 25 июля 1991 года президентский указ № 16 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период второй мировой войны», обновленный еще раз 15 октября 1992 года Указом № 1235: но чем-то большим, чем перенос незадолго до этого принятых общесоветских норм на «российскую» почву, эти указы, увы, не явились¹⁸.

...Первый протокольный раунд российско-немецких переговоров прошел уже в начале марта 1991 года. Германия в принципе была готова пойти на те же условия, что и в десятке аналогичных договоров с другими странами. По горячим следам переговоров с большим — и несколько отрезвляющим — материалом выступили «Известия»: *«Речь может идти, очевидно, лишь о довольно ограниченной группе лиц, подорвавших здоровье в застенках или ставших жертвами бесчеловечных медицинских экспериментов»*¹⁹.

Следующий переговорный раунд — на уровне технических советников — прошел 23—24 июня 1991 года в Бонне. Его повестка предусматривала определение категорий граждан, которые могут претендовать на компенсацию, суммы и порядка ее выплаты. Корреспондент газеты «Коммерсантъ» писал в этой связи:

«Германская сторона не отрицала права советских граждан на получение компенсаций, хотя дала понять, что на большие суммы

рассчитывать не стоит (после объединения Германии СССР уже получил от ФРГ в общей сложности около 50 млрд. марок). Но даже при незначительных суммах, учитывая нынешний обменный курс²⁰, советские жертвы нацизма не будут обижены»²¹.

Намеченные на сентябрь 1991 года переговоры между СССР и ФРГ из-за августовского путча не состоялись и были перенесены на конец года. Но для переноса были, видимо, еще и другие причины. Боннский корреспондент «Известий» отмечал, что идущий при закрытых дверях переговорный процесс столкнулся с серьезными трудностями:

«К большому сожалению, вряд ли следует связывать чересчур оптимистические надежды с возможностью Бонна удовлетворить претензии всех многочисленных жертв войны в СССР... Решение еще не принято, но речь, по-видимому, может идти об учреждении совместного фонда, из которого жертвам войны в наиболее тяжелых случаях могла бы выплачиваться компенсация. Создание такого совместно финансируемого фонда позволило бы разрешить и некоторые юридические сложности»²².

Выступление главы российской делегации на переговорах с ФРГ, посла по особым поручениям А.П.Бондаренко на Второй рабочей встрече совместного российско-немецкого проекта «Восточные рабочие» (Москва, 18 марта 1992 года) полностью подтвердило скепсис журналиста. Переговоры стали четырехсторонними, но у украинской и белорусской сторон, заявил А.П.Бондаренко, никаких расхождений с российской позицией не имеется. В качестве потенциальных получателей помощи рассматривались узники нацистских концлагерей, жертвы медицинских экспериментов, узники гетто и угнанные на работу²³. При этом был приведен ряд интересных цифр: общее количество оставшихся в живых оstarбайтеров, по оценкам МИДа России, составляло примерно 1.450 тыс. чел., еще 1,7 млн. чел. проходило по другим категориям жертв нацизма.

Итак, была достигнута договоренность о создании в России, на Украине и в Беларуси специальных Фондов. Правительство Германии внесло бы в каждый из них некую фиксированную сумму, одновременно призвав к тому же фирмы и концерны, в свое время эксплуатировавшие труд оstarбайтеров.

Но в целом вопрос продолжал буксовать. Толчком к его разрешению послужил октябрьский 1992 года визит в Москву министра иностранных дел ФРГ К.Кинкеля²⁴. Выходом из тупика, в который давно зашли переговоры, по всей видимости, оказалось предложение российской стороны отказаться от деления жертв нацизма на категории, а просто определить общую сумму компенсации.

Дело оставалось за малым: договориться о сумме. Требования россиян — от 5 до 6 млрд. марок, — немецкой стороне показались чрезмерными. В то же время их встречное предложение — один милли-

ард — не удовлетворяло Россию. Она соглашалась ее принять разве что в виде первого взноса — как часть окончательной суммы, переговоры о которой еще будут продолжаться. Это позволило бы незамедлительно помочь наиболее нуждающимся жертвам, чей возраст и состояние здоровья вошли, так сказать, в критическую фазу. Социологическое обследование лиц, преследовавшихся при нацизме, проведенное по заказу Фонда взаимопонимания и примирения, в частности, показало, что медико-социальные характеристики доживших до начала 1990-х годов оstarбайтеров, по сравнению с их сверстниками и земляками, находившимися или не находившимися в оккупации, наихудшие: так, среди них нет ни одного, удовлетворительно оценившего состояние своего здоровья, жилищные условия и материальное положение²⁵.

Свое окончательное разрешение вопрос о немецких компенсациях нашел во время переговоров Г.Коля и Б.Ельцина в Москве в середине декабря 1992 года. Но суммы большей, нежели миллиард, россиянам добиться так и не удалось²⁶.

Означенный миллиард — как окончательная сумма — и фигурировал в пункте 6 («О гуманитарном урегулировании») «Совместного заявления», подписанного 16 декабря 1992 года в Москве канцлером Германии и президентом России. Компенсация, а точнее, как и в случае с Польшей, **гуманитарная помощь**, — предназначалась жертвам нацистских преступлений, причем категории жертв определены не были. Оговорено было лишь то, что право на компенсацию имеют только те, кто принудительно отработал в Германии не менее 6 месяцев.

Граждане Литвы и Латвии были «закреплены» за российским Фондом, граждане Молдовы — за украинским и Эстонии — за белорусским.

После новых переговоров, завершившихся в Бонне 29 января 1993 года, было сделано следующее сообщение для печати:

«28 и 29 января 1993 г. в Бонне в МИД ФРГ между делегациями ФРГ и делегациями Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Украины состоялся заключительный раунд переговоров по вопросу компенсации жертвам национал-социалистических преследований в особо тяжелых случаях.

В согласованных документах предусматривается, что ФРГ предоставит в распоряжение фондов "Взаимопонимания и примирения", которые будут учреждены в Минске, Москве и Киеве, общую сумму в 1 млрд марок. Эта договоренность вступит в силу после одобрения согласованных документов правительствами участвующих сторон. Первые взносы будут перечислены фондам в течение трех месяцев после их создания. Предполагается, что выплаты завершатся не позднее мая 1993 года, первая — 40 %, вторая и третья — по 30 %».

Увы, этим предположениям не суждено было оправдаться. Во-первых, соответствующее соглашение вступило в силу только 30 марта

1993 года²⁷, не будучи при этом подкрепленным ни учреждением, ни регистрацией оговоренных Фондов, уставы которых еще долго не были разработаны и приняты. Вместе с тем первая выплата могла последовать не ранее, чем все три фонда будут зарегистрированы; только после этого и после обмена необходимыми нотами между Германией, с одной стороны, и Россией, Украиной и Белоруссией, с другой, соглашение вступило бы в силу. Но для этого трем братским славянским республикам надлежало договориться друг с другом о долях, в которых они распределят между собой выделенный немцами миллиард.

А это оказалось делом неимоверно трудным, почти непосильным. Так, Украина настаивала на двух пятых, Белоруссия — на одной трети, а Россия и вовсе не имела предложений — главным образом, ввиду отсутствия надежных статистических данных (хотя таковые данные имелись и были, — отчасти, при участии автора этих строк, — обнаружены и предоставлены в распоряжение российского МИДа). Но главное все же не в этом.

В свете нужд тех людей, в чьих интересах все это якобы предпринималось, любая проволочка — глубоко безнравственна. Ведь **средний возраст** этих людей уже тогда превышал **70 лет**, и не так уж трудно догадаться, что каждый месяц, каждая неделя, каждый день отсрочки решения естественным образом сужал круг «заинтересованных лиц»! До амбиций ли им политиков и до межгосударственных ли пропорций их личного и их коллективного горя?!

Именно установка на **три отдельных Фонда** — российский, украинский и белорусский — представлялась и представляется нам совершенно надуманной и порочной, покоящейся лишь на амбициях не к месту примененного суверенитета. Ведь по сути речь шла о **компенсации** гражданам пусть уже и не существующего, но в свое время вполне конкретного и единого государства — Советского Союза. Даже разобраться в хитросплетениях каждой судьбы сегодня, глядя только из Киева, Минска или из Москвы, никому не по силам!

Немало случаев, когда нужная бумажка, затерявшись между архивами трех стран, так и не находилась, отрезая нуждающегося от помощи, которая ему по праву причиталась. Уже одно то, что межреспубликанские пропорции депортированных и репатриированных столь разнятся друг от друга, говорит само за себя: в первой — большинство за Украиной, во второй — за Россией. А в условиях гигантской миграционной подвижности и русского, и украинского, и белорусского населения в послевоенные годы о картине сегодняшнего расселения бывших остарбайтеров даже не приходится и рассуждать!²⁸

Не забудем и то, что сделанный Германией жест доброй воли обращен к лицам, специфичным отнюдь не своим сегодняшним гражданством, а страданием, бесправием и преступной эксплуатацией их труда не в ФРГ и не в ГДР, а в другом конкретном и сегодня тоже не существующем государстве — нацистском Третьем Рейхе.

Лучшим свидетельством и доказательством бестактности и непромысленности разнесения этого весьма специфического и деликатного гуманитарного фонда по республикам явился тупик, в который зашли тогда переговоры между тремя суверенными странами, — переговоры о том, как же поделить этот немецкой миллиард! По отношению к самим остарбайтерам и другим жертвам нацизма все эти проволочки выглядели, как очередная подлость «своих», на этот раз особенно неприятно контрастирующая с поведением «немцев».

Но в 1993 году отказаться от самостийно-державных амбиций было, видимо, никому не под силу. Как, наверное, и понять, что при любом раскладе без объединения усилий всех трех стран не обойтись: ведь по мере поступления обращений граждан, неизбежно придется создавать единый информационный банк данных о бывших остарбайтерах, вне зависимости от их сегодняшнего расселения! Неприятный ответ как на переговоры, так и на договоренности бросала их вдвойне неуместная келейность и закрытость для, а точнее, от общественности²⁹.

Отметим: все вышеизложенное касалось проблемы компенсации и гуманитарного урегулирования между Германией, Россией, Украиной и Белоруссией на **межгосударственном** уровне. Но гуманитарные контакты между ними происходили и на других, как правило, не столь официальных ступенях.

В 80-е и 90-е годы многие города и сельские общины, некоторые общественные организации, просто семьи или отдельные лица в Германии и Австрии изъявляли желание пригласить бывших «своих» остарбайтеров в гости. И поскольку возможности поискать (не говоря уже о шансах найти) нужные адреса были крайне ограничены, люди прибегали к самым различным формам поиска. Так, «всесоюзный розыск» Владимира Витковского, родившегося 26 августа 1923 года где-то на Украине и присланного 17 апреля 1943 года в их хозяйство, объявил через «Литературную газету» крестьянин Хайльрих Шайд из деревни Оберсдорф под Вецларом (земля Гессен)³⁰.

Семье Нюблинг из Денцлингена под Фрайбургом «всесоюзный розыск» не был нужен. Адрес «Криштиана», как звали в семье юного остарбайтера Григория Михайловича Лодкина, был им уже известен. В Денцлингене его долго ждали в гости, и встреча эта все-таки состоялась осенью 1993 года, хотя взять приступом бастион московско-немецких бюрократов (паспорта, визы, билеты) было непросто. *«Когда в первый раз увозили, — с документами как-то попроще было», — не без горечи сыронизировал «Криштиан».*

Многие остарбайтеры теперь и сами пишут по немецким адресам, и в единичных случаях, когда они просят не о компенсации, а о помощи в получении нужных документов, им удается помочь. Так, например, москвичка Ирина Григорьевна Маско, вместе с матерью, сестрой и племянницей, отправленная в 1942 году из Киева на принудительные работы в Германию, обратилась в «Штерн» с просьбой

1993 года²⁷, не будучи при этом подкрепленным ни учреждением, ни регистрацией оговоренных Фондов, уставы которых еще долго не были разработаны и приняты. Вместе с тем первая выплата могла воспоследовать не ранее, чем все три фонда будут зарегистрированы; только после этого и после обмена необходимыми нотами между Германией, с одной стороны, и Россией, Украиной и Белоруссией, с другой, соглашение вступило бы в силу. Но для этого трем братским славянским республикам надлежало договориться друг с другом о долях, в которых они распределят между собой выделенный немцами миллиард.

А это оказалось делом неимоверно трудным, почти непосильным. Так, Украина настаивала на двух пятых, Белоруссия — на одной трети, а Россия и вовсе не имела предложений — главным образом, ввиду отсутствия надежных статистических данных (хотя таковые данные имелись и были, — отчасти, при участии автора этих строк, — обнаружены и предоставлены в распоряжение российского МИДа). Но главное все же не в этом.

В свете нужд тех людей, в чьих интересах все это якобы предпринималось, любая проволочка — глубоко безразлична. Ведь **средний возраст** этих людей уже тогда превышал **70 лет**, и не так уж трудно догадаться, что каждый месяц, каждая неделя, каждый день отсрочки решения естественным образом сужал круг «заинтересованных лиц»! До амбиций ли им политиков и до межгосударственных ли пропорций их личного и их коллективного горя?!

Именно установка на три **отдельных Фонда** — российский, украинский и белорусский — представлялась и представляется нам совершенно надуманной и порочной, покоящейся лишь на амбициях не к месту примененного суверенитета. Ведь по сути речь шла о компенсации гражданам пусть уже и не существующего, но в свое время вполне конкретного и единого государства — Советского Союза. Даже разобраться в хитросплетениях каждой судьбы сегодня, глядя только из Киева, Минска или из Москвы, никому не по силам!

Немало случаев, когда нужная бумажка, затерявшись между архивами трех стран, так и не находилась, отрезая нуждающегося от помощи, которая ему по праву причиталась. Уже одно то, что межреспубликанские пропорции депортированных и репатриированных столь разнятся друг от друга, говорит само за себя: в первой — большинство за Украиной, во второй — за Россией. А в условиях гигантской миграционной подвижности и русского, и украинского, и белорусского населения в послевоенные годы о картине сегодняшнего расселения бывших остарбайтеров даже не приходится и рассуждать!²⁸

Не забудем и то, что сделанный Германией жест доброй воли обращен к лицам, специфичным отнюдь не своим сегодняшним гражданством, а страданием, бесправием и преступной эксплуатацией их труда не в ФРГ и не в ГДР, а в другом конкретном и сегодня тоже не существующем государстве — нацистском Третьем Рейхе.

Лучшим свидетельством и доказательством бестактности и непроверенности разнесения этого весьма специфического и деликатного гуманитарного фонда по республикам явился тупик, в который зашли тогда переговоры между тремя суверенными странами, — переговоры о том, как же поделить этот немецкой миллиард! По отношению к самим оstarбайтерам и другим жертвам нацизма все эти проволочки выглядели, как очередная подлость «своих», на этот раз особенно неприятно контрастирующая с поведением «немцев».

Но в 1993 году отказаться от самостийно-державных амбиций было, видимо, никому не под силу. Как, наверное, и понять, что при любом раскладе без объединения усилий всех трех стран не обойтись: ведь по мере поступления обращений граждан, неизбежно придется создавать единый информационный банк данных о бывших оstarбайтерах, вне зависимости от их сегодняшнего расселения! Неприятный ответ как на переговоры, так и на договоренности бросала их вдвойне неуместная келейность и закрытость для, а точнее, от общественности²⁹.

Отметим: все вышеизложенное касалось проблемы компенсации и гуманитарного урегулирования между Германией, Россией, Украиной и Белоруссией на **межгосударственном** уровне. Но гуманитарные контакты между ними происходили и на других, как правило, не столь официальных ступенях.

В 80-е и 90-е годы многие города и сельские общины, некоторые общественные организации, просто семьи или отдельные лица в Германии и Австрии изъявляли желание пригласить бывших «своих» оstarбайтеров в гости. И поскольку возможности поискать (не говоря уже о шансах найти) нужные адреса были крайне ограничены, люди прибегали к самым различным формам поиска. Так, «всесоюзный розыск» Владимира Витковского, родившегося 26 августа 1923 года где-то на Украине и присланного 17 апреля 1943 года в их хозяйство, объявил через «Литературную газету» крестьянин Хайльрих Шайд из деревни Оберсдорф под Вецларом (земля Гессен)³⁰.

Семье Нюблинг из Денцингена под Фрайбургом «всесоюзный розыск» не был нужен. Адрес «Криштиана», как звали в семье юного оstarбайтера Григория Михайловича Лодкина, был им уже известен. В Денцингене его долго ждали в гости, и встреча эта все-таки состоялась осенью 1993 года, хотя взять приступом бастион московско-немецких бюрократов (паспорта, визы, билеты) было непросто. *«Когда в первый раз увозили, — с документами как-то попроще было», —* не без горечи сыронизировал «Кришტიан».

Многие оstarбайтеры теперь и сами пишут по немецким адресам, и в единичных случаях, когда они просят не о компенсации, а о помощи в получении нужных документов, им удается помочь. Так, например, москвичка Ирина Григорьевна Маско, вместе с матерью, сестрой и племянницей, отправленная в 1942 году из Киева на принудительные работы в Германию, обратилась в «Штерн» с просьбой

помочь разыскать в Германии документальные подтверждения ее пребывания и труда в Германии: в таком случае она получила бы прибавку к пенсии. Журнал обратился к городским властям Бад-Лаутерберга, где работала И.Г.Маско, и вскоре копии необходимых документов — вместе с пакетом гуманитарной помощи — были вручены ей в Москве¹¹.

Создание «Мемориалом» компьютерного банка данных на базе своей «переписки» с остарбайтерами существенно облегчило задачу взаимного поиска. За десятилетие его существования с его помощью удалось удовлетворить уже несколько сотен запросов немецких и австрийских организаций и частных лиц. В мае 1993 года в Фердене под Бременом была организована «Неделя взаимопонимания и примирения», на которую было приглашено более 100 бывших принудительных рабочих, некогда работавших в этих местах (главным образом, с Украины и Польши, но также из России, Бельгии, Молдавии и др. стран)¹².

Примечания

- ¹ Председатель — бывший принудительный рабочий Альфред Хауснер.
- ² Однако все такие иски были «проиграны», причем суды ссылались либо на Лондонское соглашение о долгах, либо на срок давности, либо на недостаточную комплектность документов. С 1990 года право предъявлять иски распространяется и на остарбайтеров.
- ³ Saathoff, Schlegel, 1992.
- ⁴ См. об этом в главе 8.
- ⁵ См. об этом во введении.
- ⁶ В самые последние годы, на волне текущего компенсационного процесса, положение несколько улучшилось. Архив, достигший полной компьютеризации своей базы данных, проявил готовность к ускоренной обработке индивидуальных запросов, поступающих от восточноевропейских компенсационных фондов, осуществляющих выплаты компенсации в своих странах. Арользен вошел в своего рода поисково-архивный консорциум, действующий на следующих началах: в случае отрицательного ответа на запрос и в Арользене, запрос пересылается в Кельн, в вышеупомянутый «Федеральный союз по информации и консультации лиц, преследовавшихся при нацизме», который распределяет его дальше, по региональной иерархии учреждений Федерального архива Германии.
- ⁷ von Münchhausen K. Zeit für ein Signal // Zeit. 28.05.1993.
- ⁸ Anerkennung und Versorgung aller Opfer national-sozialistischer Verfolgung. Dokumentationen parlamentarischer Initiativen der Grünen in Bonn und der Fraktion der Alternativen Liste in Berlin / Hg. Die Grünen im Bundestag. Berlin, 1986. S. 66—68.
- ⁹ См. в брошюре: Saathoff G. Politische Bemühungen der Grünen im Bundestag zur Entschädigung von NS-Opfern // NS-Verfolgte. Mehr als 40 Jahre ausgegrenzt und vergessen. Hrsg. von Die Grünen im Landtag NRW. [Без даты]. S. 167—173. См. также: Saathoff G. Die verweigerte Entschädigung für die osteuropäischen Zwangsarbeiter/innen unter dem NS-Regime // Vorgänge-Zeitschrift für Bürgerechte und Gesellschaftspolitik. 1991. Heft 4. S. 91—103.

¹⁰ Применительно к концерну «Фольксваген» эти надежды тогда не оправдались. В сентябре 1991 года в газетах появилась серия сообщений о том, что концерн не намерен выплачивать какие-бы то ни было компенсации своим бывшим «цвангсарбайтерам». Концерн был однако готов — и даже выделил на эти цели 12 млн. марок — оказать иную помощь регионам, откуда поступали иностранные рабочие (например, обмен молодежными делегациями). В октябре 1991 г. в Вольфсбурге прошел симпозиум, специально посвященный этой проблеме; к нему было приурочено и открытие на территории сборочного производства памятника иностранным рабочим. На симпозиуме были оглашены результаты специального исследования бохумского историка Ганса Моммзена: он установил, что значение принудительного труда иностранных рабочих в производстве концерна в военные годы было даже большим, чем это принято считать. Условия содержания рабочих зависели от их национальности: хуже всего содержали русских. Установлена и личная ответственность тогдашнего директора концерна Фердинанда Порше. Г.Моммзен обнаружил даже признаки «мультикультурного общества» в условиях оборонного производства военных лет. Тем не менее Моммзен (поразительно, что именно он, а не какой-нибудь коммерческий директор концерна!) попытался обосновать отказ «Фольксвагена» нести какую бы то ни было ответственность за то, что происходило в Вольфсбурге при нацистах, — причем такими, например, аргументами: «*полного списка имен и адресов остарбайтеров нет*», «*при распределении средств возможна коррупция*», «*потерянного здоровья никакими деньгами уже не возместить*», «*финансовые возможности немецкой промышленности ограничены*» и т.д. Историк возражали не только бывшие «фремдарбайтеры», не только представители городских и общественных организаций, но и сотрудники его собственной рабочей группы. См.: Spoo E. VW gibt Zwangsarbeitern nichts. Konzern lehnt Verantwortung für Ausbeutung in NS-Zeit ab // FR. 03.09.1991; Spoo E. «Bei Zwangsarbeit multikulturelle Gesellschaft an der Werkbank»: Historiker Mommsen stellt auf Wolfsburger Symposium eine Untersuchungen über VW-Geschichte vor. Hart Kritik // FR. 10.10.1991.

¹¹ Начиная с 1991—1992 гг., такого рода объединения, действительно, начали создаваться. Одним из первых оно было создано в Бресте, при областном объединении бывших узников нацизма (руководитель В.А.Комолов; см. в газетах: Надежда и милосердие. Брест. 1991. № 4. Май. С. 2; Брестский курьер. 1991. № 5. 7—13 февраля. С. 3). Созданное в г. Ровно на Украине Общество бывших остарбайтеров «Репатрианты» (председатель — Тамара Вознюк) установило контакты с учреждениями Дортмунда, Гамбурга, Виттенберга и Кольдица (сообщение Украинформ-ТАСС от 19.06.1992 — нам сообщено д-ром Б.Кнабе).

¹² Бонн, 18.09.1992, сообщение корреспондента ТАСС М.Степовика. Надо отметить, что встречи с бывшими остарбайтерами на немецкой земле входят в традицию. Впервые такие встречи были организованы в Кельне в конце 1980-х годов: с тех пор Кельн посетило уже более 200 бывших принудительных рабочих.

¹³ Так, по мнению А.Б.Рогинского, проблема компенсаций остарбайтерам — это наша внутренняя проблема, и прежде всего от своего, а не от чужого правительства следует добиваться справедливой компенсации. См.: Охотин Н., Полян П. Советско-немецкая встреча по проблемам «остарбайтеров» // РМ. 3.05.1991. С. 16.

- ¹⁴ На официальном советском языке этот контингент назывался «мобилизованные и интернированные граждане немецкой национальности». В соответствии с Постановлением № 7161сс ГКО от 16.12.1944 депортации в СССР подлежали все трудоспособные немцы в возрасте от 17 до 45 лет (мужчины) и от 18 до 30 лет (женщины), находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Аналогичные постановления были приняты и относительно гражданского немецкого населения Восточной Пруссии и Верхней Силезии (см., например, в: Кнышевский, 1994; Полян, 1999; 2000;).
- ¹⁵ Впрочем и их материальный успех (о чем ниже) — на фоне ранее выплаченных компенсаций Польше, Франции и др. странам — также весьма и весьма относителен.
- ¹⁶ До этого — посол СССР в ФРГ.
- ¹⁷ Практически этими вопросами занимаются в Министерстве социальной защиты Российской Федерации. Однако на уровне низовых (районных) организаций сотрудники этого министерства позволяли себе форменное издевательство по отношению к бывшим остарбайтерам (см. ниже эпизод с остарбайтером Г.М.Лодкиным).
- ¹⁸ Указ распространял на них статус и льготы, предусмотренные для участников Великой Отечественной войны. Одновременно упоминавшийся выше Указ Президента РФ признавался утратившим силу.
- ¹⁹ Бовкун Е. Компенсация жертвам войны — долг или жест доброй воли? // Известия. 07.03.1991. С. 6.
- ²⁰ 15 рублей за 1 марку, по состоянию на конец июля 1991 года.
- ²¹ Липов М. В СССР вспомнили об узниках нацизма. И напомнили немцам // Коммерсантъ. 22—29.07.1991. № 30. С. 13.
- ²² Бовкун Е. На немцев надейся, а сам не плошай. Еще раз о компенсациях жертвам войны и террора // Известия. 19.09.1991. С. 6.
- ²³ С самого начала возможные притязания со стороны родственников немецкой стороной отвергались.
- ²⁴ Гук С. Россия добивается от Германии компенсации для миллионов жертв войны. Речь идет о возмещении ущерба гражданам СССР, депортированным с оккупированных территорий // Известия 09.10.1992. С. 1 и 5. Симптоматично, что в те же самые дни (15.10.1992) Ельцин подписал свой Указ № 1235 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны». Россия тем самым как бы спохватилась и позаботилась о своем лице, точнее, о приличии его выражения.
- ²⁵ Князев, 1996, с. 134—140.
- ²⁶ См.: Елагин В. Выплатит ли Германия компенсации жертвам нацизма? // Российская газета. 24.11.1992.
- ²⁷ Аргументы и факты. 1993. № 17 (апрель). С. 4.
- ²⁸ О таких «пустяках» как, например, принадлежность Крыма в разное время РСФСР и УССР уж и вовсе помолчим!
- ²⁹ Будучи прекрасно информированными о деятельности того же «Мемориала» (представители МИДа участвовали во всех рабочих встречах по остарбайтерам) и время от времени неофициально обращаясь в «Мемориал» за различными консультациями, сами дипломаты демонстративно игнорировали общественность на этапе переговоров и выработки

нормативных документов. Лишь спустя много лет представитель «Мемориала» (В.Шмидт) был введен в совет Правления фонда.

³⁰ Заметка «Как брат?» в подборке материалов, посвященных так называемой «Мюльхаймской инициативе» (Литературная газета. 25.12.1991. С. 4).

³¹ Stern. 1991. № 36. S. 238.

³² См.: Бывшие каторжанки и каторжане в Ландкрайсе Ферден. Неделя встречи с 3 по 9 мая 1993 года. Документация. Ферден, 1993. 195 с.

7.5. Российский, украинский и белорусский фонды «Взаимопонимание и примирение»

Итак, предварительная стадия переговоров по созданию республиканских фондов «Взаимопонимание и примирение» безобразно и неоправданно затянулась. И все-таки постыдно долгие и беспричинно секретные «переговоры» не могли идти до бесконечности, поскольку, из-за срыва оговоренных с немецкой стороной сроков, существовала реальная опасность не получить вообще ничего. И только осознав, что вечно висеть в германском бюджете этот миллиард не может, стороны, наконец, договорились о долях: Украине и России — по 40 %, Белоруссии — 20 %. Произошло это 19 августа 1993 года на трехсторонних переговорах в Минске — спустя долгие семь месяцев после общих боннских договоренностей¹.

Соответствующие республиканские фонды взаимопонимания и примирения были все же созданы в ноябре 1993 года — с немецкой четкостью как раз поступили первые взносы германской стороны.

Бросим же взгляд на нормативную базу и практическую деятельность трех братских фондов — сначала по отдельности, а затем попробуем сделать хотя бы некоторые сравнения.

Российская Федерация

Постановлением премьер-министра РФ В.С.Черномырдина № 1116 от 4 ноября 1993 года был образован «Фонд взаимопонимания и примирения Российской Федерации»² — государственное некоммерческое учреждение, созданное *«в целях оказания материальной помощи гражданам, пострадавшим от нацистских преследований, и выплаты им компенсации за счет средств, предоставленных ФРГ»*³. Правительство утвердило состав Правления и Наблюдательного Совета фонда, выделив на первоначальные расходы 35 млн. руб. бюджетных средств. Чуть позже были конституированы и сформированы Экспертная и Кассационная комиссии фонда. Штат фонда, считая и представителей в регионах, насчитывал первоначально около 70 чел.

Председателем Правления назначили опытного чиновника В.А.Князева, ранее трудившегося в Комитете по делам народов Крайнего Севера. Наблюдательный совет из 18 человек возглавил тогдашний заместитель министра социальной защиты населения РФ С.Г.Киселев. Кроме него в совет вошли еще пятеро представителей правительства (МИДа, Минздрава, Минбезопасности, Госкомсотрудничества и Роскомархива), семь представителей региональных администраций (Ленинградской, Московской, Новгородской, Орловской, Псковской, Смоленской и Ростовской областей), а также пять представителей трех общественных организаций (Российского общества Красно-

го Креста, Межреспубликанской ассоциации бывших узников фашизма и Российского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей⁴).

Интересы же самой многочисленной категории жертв — оstarбайтеров (не говоря уже о военнопленных!) — в составе руководящих органов фонда не были представлены никем. Включенный в состав Совета профессор, доктор геологических наук и бывший оstarбайтер Н.М.Фролов представлял в Совете отнюдь не их, а Межреспубликанскую ассоциацию бывших узников фашизма⁵. Не было в них и представителей Латвии и Литвы — республик, граждан или резидентов которых, согласно Уставу, должен обслуживать российский фонд. Проигнорированными оказались также общество «Мемориал» и независимые эксперты.

Все это вызвало недоумение и протест, в том числе и в самой Германии. Так возникло, в частности, так называемое «Штукенброкское обращение», принятое 24 апреля 1994 года в Шлосс Хольте-Штукенброке на встрече немецких, польских и российских историков и краеведов, посвященной теме «Советские военнопленные и лагеря для военнопленных в Германском Рейхе в 1941—1945 гг.»⁶ и адресованное всем участникам соглашения в порядке беспокойства за то, как оно претворяется в жизнь.

Ответ В.А.Князева последовал быстро⁷ и содержал исчерпывающую информацию по некоторым из второстепенных вопросов (например, об адресах, телефонах и часах работы офисов соответствующих фондов в Москве, Киеве и Минске и даже о том, в каких банках хранятся поступившие в фонд суммы и кто персонально отвечает за их использование). Однако от наиболее острых вопросов он фактически уклонился. Так, на вопрос о представительстве затронутых соглашением граждан и их союзов, а также независимых наблюдателей (например, общества «Мемориал») при формировании органов Фонда, он сообщил, что в них представлены лидеры общественных организаций узников, а в аппарате фонда работают три бывших жертвы нацистских преследований. Без ответа остался и вопрос о критериях выдачи денежной компенсации, поскольку на тот момент соответствующее положение все еще разрабатывалось. Разрабатывалось практически теми же и так же, кто и как вел предшествующий переговорный процесс: без публикации или доступа к предварительным проектам и, соответственно, без независимых экспертов, как и без участия всех заинтересованных сторон — «посторонних» просили не беспокоиться, а ждать публикации напряженной работы разработчиков.

Ждать пришлось достаточно долго. Постановлением Черномырдина предусматривалось, что выплаты начнутся уже 1 марта 1994 года. Но лишь 2 августа 1994 года, или спустя 10 месяцев после образования Фонда(!), было принято «Положение об условиях и порядке выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям»⁸,

впервые нормативно определившие категории лиц, имеющих право на получение компенсации, а также размеры и порядок выплат. Таких категорий было выделено четыре, в зависимости от тяжести репрессий, которым были подвергнуты входящие в них лица⁹:

- I. Несовершеннолетние узники (в возрасте до 18 лет на момент применения к ним нацистских преследований), находившиеся, а также рожденные в нацистских концлагерях, тюрьмах, гетто (с лагерным режимом <sic! — И.П.>), трудовых лагерях и других местах принудительного содержания и принудительного труда, расположенных как на территории Германии и ее союзников, так и на оккупированных территориях бывшего СССР или других государств, подвергшихся немецкой оккупации;
- II. Совершеннолетние узники нацистских концлагерей, тюрем и гетто (с лагерным режимом);
- III. Лица из числа гражданского населения, насильственно вывезенные с территории бывшего СССР на принудительные работы в Германию, в союзные с ней страны и оккупированные ими государства, в возрасте старше 18 лет, содержавшиеся в условиях лагерного режима;
- IV. Лица, указанные в третьей категории, но не содержавшиеся в условиях лагерного режима (работавшие на предприятиях, в сельском и домашнем хозяйстве).

Положение не распространялось на лиц, уехавших на работу в Германию добровольно (в том числе и на выехавших вместе с ними несовершеннолетних детей), а также на тех, кто совершил преступления против Родины или человечности.

Таким образом, оправдались худшие из опасений: принятые фондом градации и критерии вышли исторически некорректными, сомнительными этически и практически неудобоваримыми. Друг другу оказались противопоставлены не только «взрослые» и «малолетки» (причем верхняя граница возраста последних, как ни в чем не бывало, была поднята с 16 до 18 лет) и не только «полосатики» и «остовцы»: даже среди самих остовцев была усмотрена бытовая градация между теми, кто страдал «за колючей проволокой» и «вкалывал», и теми, кто «прохлаждался» у бауэра или фрау (что же такое «работавшие на предприятии» в этом контексте рациональному уяснению вообще не поддается).

Абсолютным — к тому же кощунственным! — nonsensом явилось словосочетание «**гетто лагерного типа**»: как если бы, по остроумному замечанию журналистки Н.Зубковой, существовали еще гетто «санаторного типа» или, например, «спортивного». По существу это скрытая форма «отрицания Холокоста» (что в Германии, например, является уголовно наказуемым деянием). И естественно, что против столь бестактной формулировки (ее, кажется, не было на Украине и в Белоруссии), устанавливающей некие допустимые градации еврейского

геноцида, Еврейской Ассоциацией бывших узников гетто и концлагерей был направлен официальный протест. Из адресатов протеста откликнулся только МИД, признавший его справедливость, но ничего не предпринявший для исправления «ошибки»¹⁰.

Едва ли юридически корректно и распространение действительности данного положения на узников концлагерей, тюрем и гетто, помимо Рейха и союзных ему стран, на оккупированную территорию СССР, а применительно к «прочему» гражданскому населению, то есть «остарбайтеров», — только на границу (впрочем, включающую в себя страны Балтии, что, прямо скажем, анахронистично): приходится напомнить, что принудительный труд советских граждан точно так же практиковался и на оккупированных территориях СССР, как и в Третьем Рейхе, и, если уж быть последовательными на этих позициях, то в число имеющих право на выплату следовало бы включить и всех тех, кто насильственно трудился на оккупантов на родине, то есть без угона в Германию. Другое дело, что переговорный процесс довольно отчетливо подразумевал гуманитарное урегулирование исключительно для тех, кто был насильственно депортирован за пределы СССР и там принудительно трудоустроен.

Никак не оправдано и постыдно полное игнорирование в тексте «Положения...» такой категории жертв нацизма, как «военнопленные»¹¹. А указание на «совершивших преступления против Родины» наводит на не избытую еще ностальгию о тех временах, когда военнопленных в СССР рассматривали именно в этом ключе.

Весьма сомнительно и противопоставление «насильственного» угнанных — уехавшим «добровольно». Четкой юридической базы здесь нет, как нет и документации, позволяющей это установить с бесспорной достоверностью; вместе с тем чиновникам в руки вложено мощное орудие для унижения и шантажа человека.

Находчивые работники низовых органов Министерства социального обеспечения тут же взяли этот прием себе на вооружение. Так, по сообщению одного из бывших остарбайтеров, ходатайствовавшего о прибавке к пенсии, а именно Г.М.Лодкина (Москва), работавшего на крестьянской ферме в окрестностях Фрайбурга, — даже при предъявлении немецких документов, подтверждающих факт такой работы, собесовцы вдруг потребовали у него еще и документы, подтверждающие факт именно насильственного угона, а не добровольной вербовки! Как это ни прискорбно, но введенное премьерским указом «Положение...» не только допускает такое издевательство, но и делает его как бы составным элементом всей процедуры. Хотя из презумпции невиновности вытекает, что именно государство, если оно не верит гражданину, заявляющему о не-добровольности его угона, обязано озаботиться предоставлением доказательств обратного! Другой «приемчик» бюрократа — требование предоставления «полной» документации, что в большинстве случаев просто невозможно¹².

Иными словами, келейно разработанный регламент, вышел весьма несовершенным, недаром на практике его все время приходилось подправлять.

Недостатки Положения о фонде нашли прямое отражение и продолжение в методике расчета индивидуальных выплат.

Так, сумма «компенсации» складывается из стартовой и по-временной выплат. Факторами, влияющими на ее размер, являются: а) принадлежность к одной из вышеуказанных категорий; б) продолжительность пребывания в нацистской неволе (при наличии документов о нахождении в местах принудительного содержания, но при отсутствии данных о продолжительности пребывания в них компенсация назначается в размере, равном одной лишь стартовой сумме выплат); в) подвергался или не подвергался псевдомедицинским экспериментам и г) наличие и группа инвалидности.

Исходя из общей суммы средств Фонда (400 млн. DM, из которых 10 % образуют так называемый резервный фонд) и из оценки числа лиц, имеющих право на получение компенсации, первоначально установленной приблизительно в 500 тыс. чел., минимальная сумма выплат (при усредненной категории лица, имеющего право на компенсацию, равной 1,5) была установлена в размере 10 DM за каждый месяц, проведенный в неволе. Это примерно вдвое меньше, чем в случае с Польшей и польскими принудительными рабочими.

В зависимости от категории установлены следующие размеры стартовой суммы в немецких марках и коэффициента к минимальной месячной сумме выплат:

Таблица 7.5.1.

Таблица для расчета размеров выплат по гуманитарному урегулированию ФРГ с Российской Федерацией

Категории лиц	Стартовая сумма (DM)	Коэффициент категории
I	400	3.0
II	300	2.5
III	200	2.0
IV	100	1.0

Жертвам псевдомедицинских экспериментов была установлена доплата в 100 DM, а инвалидам I—III групп — от 75 до 25 DM. Таким образом, минимальная сумма возможной выплаты составляет 100, а максимальная — около 2500 DM, что не дотягивает даже до средне-статистической месячной зарплаты в ФРГ.

Установив эти, — повторим в очередной раз: весьма сомнительные — правила игры, Фонд довольно оперативно приступил к исполнению своих уставных задач. «Положением...» был установлен следующий порядок ходатайства о немецкой материальной помощи. Лицо, претендующее на ее получение, направляет в Фонд (через местные органы социальной защиты или же непосредственно в Фонд, если оно не является гражданином РФ) личное заявление, заполненную учетную карточку Фонда и документы, необходимые для принятия положительного решения о выплате компенсации (разного рода справки и выписки, как российского, так и немецкого происхождения — только подлинники или заверенные копии). При их отсутствии к рассмотрению могут приниматься: данные о лагерных номерах, выписки из личных дел, заполненных до 1985 года, извлечения из судебных дел, печатные материалы, нотариально заверенные письменные свидетельские показания и т.п. При необходимости органы соцзащиты или Фонд консультируют заявителя и направляют запросы в архивы.

Полученный таким образом пакет документов рассматривает Экспертная комиссия Фонда и принимает по ним решение, которое можно обжаловать в Кассационной комиссии Фонда, решение которой является уже окончательным. В случае смерти лица после принятия по его заявлению положительного решения сумма компенсации не включается в состав наследства, а назначается членам его семьи, обеспечиваемым пенсией по случаю потери кормильца¹³.

Первые выплаты состоялись в Москве и Московской области уже 19 августа 1994 года, спустя всего полмесяца после принятия основополагающего «Положения...». В том же августе первые выплаты состоялись еще в 13 регионах России¹⁴.

Известные нам отзывы самих получателей о порядке организации выплаты компенсации, в основном, положительные. Вся же процедура, по выборочным расспросам, занимает в благоприятном случае 4—6 месяцев. Выплата производится уполномоченными банками, причем, по желанию получателя, в валюте или в рублях. В нужный момент уполномоченные банки (в начале это были Внешторгбанк и «РосДомБанк»; потом к ним присоединился Тверьуниверсалбанк) сами находят получателей и отчитываются перед фондом в течение 20 дней, причем без расходного ордера и цветной фотографии их отчет не принимается.

Налогом эти выплаты не облагаются, но вовсе удержаться от искушения Российское государство не смогло и обложило налогом проценты на средства, поступившие на счет Фонда¹⁵. Осуществлялись и другие сборы, в том числе в местные бюджеты¹⁶. Не забудем и того, что первый немецкий транш полгода пролежал на закрытом госсчете во Внешторгбанке, принося пользу исключительно самому фонду и жирующему с процентов государству, и только массовые протесты прекратили такую «рачительность».

Не обошлось и без скандала (правда, не такого громкого, как на Украине). В августе 1996 года в лишенном банковской лицензии Тверь-универсалбанке зависли около 10 млн. DM фондовских денег. Однако на переговорах по взаимозачету фонд, представляющий интересы сотен тысяч граждан, добился определенных успехов, и эти активы для фонда не были потеряны.

К октябрю 1995 года немецкую гуманитарную помощь получили более 110 тыс. правомочных россиян. Максимум обращений пришелся на весну 1995 года, но уже к концу 1995 года, по мнению В.А.Князева, выплата компенсаций на значительной части территории России практически близилась к завершению; при этом изначальные средства Фонда, по грубой прикидке, не были исчерпаны и наполовину¹⁷. На 1 февраля 1997 года число получивших выплаты составило около 217 тыс. чел., при этом средняя величина выплаты составляла 960 DM, а всего на выплаты было израсходовано 209 млн. DM (или 52 % уставных средств).

Как это ни странно, но значительное число заявителей подало голос именно в 1997—1998 гг. По состоянию на 1 ноября 1998 года, в Фонд поступило в общей сложности около 325 тыс. заявлений. Экспертная комиссия на своих 199 заседаниях рассмотрела к этому времени 321 тыс. дел, приняв по ним 320,5 тыс. положительных решений; кроме того, в связи с изменившимися обстоятельствами, около 12 тыс. дел рассматривалось еще и вторично. К этому моменту выплаты получили уже 295 тыс. чел. Кроме того, по решению Наблюдательного Совета и Правления Фонда, 158 особо нуждающихся узников получили дополнительную материальную помощь, а 4,5 тыс. родственников умерших претендентов — единовременное пособие на их похороны.

Выплатами была охвачена вся территория России, но особенно значительное число пострадавших от нацизма проживало в тех областях, что в годы войны находились под оккупацией. В Ленинградской и Псковской областях компенсацию получили по 52,0 тыс. чел., в Новгородской — 18,8 тыс., Брянской — 18,0, Орловской — 16,7, Калужской — 16,4, в Смоленской — 14,9 тыс., в Краснодарском крае — 10,5 и в Республике Карелия — 6,3 тыс. чел. Особо выделялись Санкт-Петербург (25,0 тыс. чел.) и Москва с Московской областью (16,7 тыс. чел.). Около 16 тыс. претендентов проживали в других государствах, из них 15 тыс. — в «подопечных» Латвии и Литве¹⁸.

Отказ в начислении компенсации последовал приблизительно в 8 тыс. случаев, что составляло около 2,5 % от количества рассмотренных заявлений. Наиболее массовым основанием для отказа являлось отсутствие или недостаток документов, подтверждающих факт нацистского преследования, но, по свидетельству Н.М.Фролова, встречались и другие мотивы, как то: а) *сотрудничество с немцами*; б) *добровольность* отправки в Рейх (с изумлением узнали мы, что в качестве доказательства «добровольности» рассматривались и документы

заявителей об их «эвакуации»: в свое время мы уже писали о прелестях «эвакуации»); в) *смерть претендента*, наступившая до образования Фонда (сильный, но весьма постыдный аргумент, особенно если сравнить дату смерти хотя бы с датой договоренности Ельцина с Колем или с датой выделения немецкого миллиарда!); г) принадлежность к категории *бывших военнопленных*, не прошедших через концлагеря и тюрьмы.

Всего же на выплаты «по первому кругу» было израсходовано более 300 млн. DM, или три четверти выделенной ФРГ суммы. Средний размер одной выплаты составил, таким образом, около одной тысячи марок.

Накануне выплат «по второму кругу» обсуждались различные варианты того, как потратить остающиеся деньги. Выдвигалась и идея постройки реабилитационных центров для узников: ее авторы, вероятно, исходили из того, что старики-узники — это непреходящая категория. Однако сами люди не верили в то, что в этих центрах «...будут действительно лечиться жертвы войны, а не жертвы, скажем, сегодняшних криминальных разборок»¹⁹. И от этой, чреватой многими злоупотреблениями, идеи, слава богу, отказались.

«Недобор» жертв и потенциальных клиентов фонда, а главное — предчувствие скорого исчерпания фронта работ и возможного его закрытия, наводил на мысль о желательности некоторого увеличения их числа на этом драматическом для Фонда этапе. За счет чего (точнее, кого) можно, не привлекая большого внимания, эту задачу решить?

Из трех дискриминированных доселе категорий — евреев не из гетто, внутренних перемещенных лиц и военнопленных — лучше всего подходили для этого вторые. О справедливости этой гипотезы косвенно свидетельствуют факт учреждения в январе 1997 года Межведомственной комиссии Фонда взаимопонимания и примирения по определению статуса мест принудительного содержания в регионах Российской Федерации, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны²⁰, и принятые этой комиссией решения, датированные мартом—декабром 1997 года²¹. Эти решения в качестве мест принудительного содержания населения фиксируют многочисленные лагеря, маршевые колонны и даже шталаги(!) на части оккупированной территории РСФСР и содержат рекомендации местным органам социального обеспечения оформлять документы для назначения компенсаций на тех, для кого решениями суда или свидетельскими показаниями подтверждается факт угона в перечисленные места.

Все это чрезвычайно интересно и как свидетельство новой политики Фонда, и как пример «гибкости» его руководства, когда оно усматривало определенный интерес или смысл в проявлении гибкости (к сожалению, «смысла» в выплатах военнопленным оно так ни разу не усмотрело, может быть, в силу своих завышенных представлений об их потенциальной численности).

Можно предположить, что эта комбинация и объясняет ту несколько неожиданную, на первый взгляд, а в действительности сознательно инспирированную активизацию в 1998 году поступления в Фонд новых первичных заявлений. В ноябрьском за 1998 год Бюллетене, как бы с изумлением, сообщается, что только за июнь—октябрь 1998 года их поступило около 20 тысяч; далее следует уверенно-деловитый прогноз — возможно получение еще приблизительно 10 тыс. заявлений²². Тем самым общественности, правительству и немцам давалось понять: несмотря на близящееся исчерпание уставного капитала, фонд неустанно работает, ликвидировать или закрывать его категорически нельзя, а вот над вопросом о дополнительном финансировании поработать надо!

8 января 1998 года было принято, наконец, Постановление Правительства РФ № 12 «О частичном использовании остаточной суммы средств Фонда взаимопомощи и примирения для оказания дополнительной материальной помощи лицам, пострадавшим от нацистских преследований», предусматривающее выплаты, так сказать, *«по второму кругу»* — доначисление в размере 30 % от ранее выплаченной суммы гуманитарного урегулирования ныне живущим получателям помощи.

Фонд быстро приступил к реализации этого постановления, и, по состоянию на 1 апреля 1999 года, доплаты «по второму кругу» получили 143.841 чел., в первую очередь, лица, достигшие 80-летнего возраста и инвалиды. Финансовый кризис, потрясший Россию 17 августа 1998 года, отрицательно сказался на исполнении намеченного графика, особенно в Новгородской обл.

Всего же, на 1 апреля 1999 года, фондом было получено 365 тыс. заявлений, по которым принято 313.187 положительных решений, а 310 тыс. чел. уже получили выплаты на руки. В 3.320 случаях была выделена материальная помощь на погребение умерших клиентов фонда, но действительное число таких умерших гораздо выше, а несколько сот особенно остро нуждающихся из числа правомочных получателей получили некоторую материальную помощь еще при жизни. Суммарное количество всех израсходованных фондом средств составило, на 1 апреля 1999 года, — 364,5 млн. DM, то есть опасно приблизилось к исчерпанию лимита его уставных средств²³.

Республика Украина

Указом № 453 Кабинета министров РУ от 16 июня 1993 года был образован Фонд «Взаимопонимание и примирение» Республики Украина²⁴, утвержден его устав, во всех 25 областях созданы региональные представительства фонда. Изменения в устав вносились постановлениями Кабинета Министров Украины № 904 от 4 ноября и № 1028 от 11 декабря 1993 года. Согласно уставу, фонд является по сути благотворительной миротворческой организацией, поль-

зующейся государственной поддержкой, а по форме — управленческо-финансовым органом. Органами самого фонда являются Наблюдательный совет (в составе 25 чел.), Правление (14 членов), экспертная и кассационная комиссии. В штате — около 90 чел., считая представителей фонда в регионах, а также в Молдавии и Казахстане.

Правление (а по совместительству и Экспертную комиссию) возглавил Е.С.Максимчук, в 1997 году, после скандала с Градобанком, замененный И.Н.Лушниковым. Во главе Наблюдательного совета, по уставу, должен был находиться чиновник в ранге зам. председателя правительства.

Работа Наблюдательного совета над «Положением о порядке и критериях определения компенсационных выплат гражданам, которые пострадали от национал-социалистических преследований в годы Второй мировой войны» продолжалась еще дольше, чем в России, — 13,5 месяцев, и только 29 июня 1994 года соответствующее Положение было утверждено советом.

Контингентами, правомочными на получение выплат (которые в официальных документах украинского фонда столь же упорно, сколь и неточно именуются компенсациями), являются следующие две большие категории граждан Украины, Молдавии и др. стран СНГ, если они были угнаны с территории Украины:

- бывшие узники концлагерей, гетто и других аналогичных по режиму мест содержания, включая детей до 16 лет;

- граждане, которые насильно были вывезены из территории б. СССР на территорию Германии или других государств, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией, включая детей до 16 лет, а также детей, которые родились в плену.

Выплаты не распространяются на лиц, совершавших в этот период преступления перед Родиной, на эвакуированных или переселенных оккупантами из мест постоянного проживания в другие районы, а также (цитируем) «на задержанных во время облав, отправки граждан на принудительные работы и т.д., поскольку они не были узниками и поэтому не относятся к категориям гражданского населения, которое особо пострадало от национал-социалистических преследований» (смысл процитированной дефиниции остается для нас загадочным).

За единицу расчетного коэффициента принимался минимальный размер материальной помощи, установленный в размере 400 DM. Таблицей для расчета размеров выплат (см. табл. 7.5.2) было предусмотрено следующие семь (а фактически шесть) категорий правомочных граждан:

- I — бывшие узники концлагерей, гетто и других аналогичных по режиму мест содержания: инвалиды, жертвы медицинских экспериментов и дети до 16 лет;

- II — все прочие бывшие узники концлагерей, гетто и других аналогичных по режиму мест содержания;

- III — дети в возрасте до 16 лет, которые насильно были вывезены из территории б. СССР на территорию Германии или других государств, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией, а также дети, которые родились в плену;
- IV — инвалиды из числа лиц, насильно вывезенных с территории б. СССР на принудительные работы в Германию или другие государства, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией;
- V — лица, насильно вывезенные с территории б. СССР на принудительные работы в Германию или другие государства, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией, если их содержание под стражей длилось не менее 6 месяцев;
- VI — лица, насильно вывезенные с территории б. СССР на принудительные работы в Германию или другие государства, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией, если они работали на сельскохозяйственных работах или имели свободное поселение сроком не менее 6 месяцев;
- VII — лица, насильно вывезенные с территории б. СССР на принудительные работы в Германию или другие государства, которые были в состоянии войны с СССР или оккупированы фашистской Германией, если «срок пребывания их в плену» (так в оригинале) составлял менее 6 месяцев.

Таблица 7.5.2.

Таблица для расчета размеров выплат по гуманитарному урегулированию ФРГ с Республикой Украина

Категории лиц	Стартовая сумма (DM)	Коэффициент категории
I	400	2,5
II	400	2,25
III	400	1,85
IV	400	1,65
V	400	1,5
VI	400	1,4
VII	400	1,0

Помимо величины поправочного коэффициента, категории отличались друг от друга рекомендуемой очередностью выплат. По этому признаку категории были выстроены в несколько иной последовательности (и, отчасти, в ином составе): I а (инвалиды), I б (дети), II, IV+V а (нуждающиеся в уходе по здоровью), V (кроме V а), III, VI—VII.

Впрочем, все эти подробности с очередностью практически не имели значения, поскольку Положением украинского фонда зафиксировало поистине беспрецедентное решение ограничить срок подачи заявлений периодом до 1 января 1995 года, то есть полугодом! Другой примечательной особенностью регламента украинского фонда явилась достаточность для принятия положительного решения не двух, а всего одного свидетельского показания, утвержденного судом.

Изначальное прогнозное число заявителей в украинский фонд — около 500 тыс., но в действительности их число составило 640—650 тыс. чел., из них около 5 % пришлось на резидентов Молдавии, Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья.

В течение 1993—1995 гг. немецкая сторона аккуратно выплатила положенные Украине 400 млн. DM (в три транша: 30 декабря 1993 года — 160 млн., 29 декабря 1994 и в середине 1995 г. — по 120 млн.). Достаточно ощутимыми (около 2,3 млрд. карбованцев и около 500 тыс. долларов, по состоянию на 1 декабря 1996 года) оказались и дополнительные пожертвования в пользу фонда. Получателям предлагалось решать самим, в какой валюте — в марках, долларах или украинской валюте — им выдавали бы их суммы.

Непосредственно к выплатам приступили уже в мае 1994 года, и уже до конца 1994 года фонд осуществил выплаты 40,2 тыс. чел. (из 408,5 тыс. заявителей). Собственно говоря, этим числом и должно было бы ограничиться число украинских заявителей, ибо, согласно уставу, срок подачи заявлений истек 1 января 1995 года, но под давлением общественности этот вопиющий пункт был отменен и срок продлен. Только за неполные два года число заявителей возросло более чем в 1,5 раза и составило, по состоянию на 1 декабря 1996 года, 555 тыс. чел., из них 84 % на тот момент свои выплаты уже получили²⁵. Всего же, по состоянию на 1 сентября 1999 года, выплаты назначены 631.375 чел., на что было выделено 377.406 тыс. DM., или, в среднем, около 600 DM на человека²⁶.

Конечно, при той плотности заявителей, с которой столкнулся украинский фонд (отчасти, благодаря «либеральности» некоторых из своих критериев) и, соответственно, при столь низкой средней выплате (в 1,6—2,3 раза ниже, чем в России и Белоруссии) ни о каком «втором круге» выплат здесь не могло быть и речи. К тому же из всех фондов «Взаимопонимание и примирение» на территории СНГ именно с Украинским фондом связан, пожалуй, самый серьезный финансовый скандал²⁷.

Получив немецкие деньги, фонд распределил их между четырьмя киевскими банками (Сбербанк, Промышленно-инвестиционный банк, «Брокбизнесбанк» и «Градобанк»). Один из них, «Градобанк», всячески тормозя осуществление выплат, в течение почти четырех лет вкладывал немецкие деньги в рост, а затем рухнул, погребя под собой около 78 млн. DM (почти пятую часть уставного капитала фонда!). Учитывая политический и социальный резонанс этого банкротства, Кабинет министров Украины решением № 127 Р от 5 марта 1997 года обязал Нацбанк Украины взять этот удар на себя: последний, в свою очередь, уполномочил банк «Украина» делать выплаты по реестрам «Градобанка». Много нареканий было и в адрес украинского Сбербанка, считавшего свою задачу перед населением выполненной уже в момент открытия счетов и рассылки уведомлений. В результате сам фонд вынужден был заново разыскивать граждан и отслеживать реализацию выплат. В свою очередь и фонд жаловался на родное государство, душащее его налогами по любому виду деятельности.

Но больше всего не повезло самим гражданам: нигде не было столько заявителей, по чьим делам нет ни решений, ни выплат, как на Украине. По утверждению Донецкого отделения общества «Мемориал», консультирующего насильственно угнанных в Германию²⁸, многие из них длительное время не обращались за причитающейся им компенсацией по причинам вопиюще недостаточной информации о процедуре ее получения, отсутствия удостоверяющих документов или же просто неверия в добро, исходящее от власти.

Республика Беларусь

Фонд «Взаимопонимание и примирение» был образован Постановлением СМ Республики Беларусь № 390 от 14 июня 1993 года. Постановлением № 284 от 28 апреля 1994 года он был переименован в Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение»²⁹; тем же постановлением были утверждены состав его Контрольного совета и Устав фонда. Незадолго до этого, 17 марта 1994 года Контрольным советом фонда было утверждено Положение о квалификационных комиссиях фонда, а 14 апреля — Положение о выплатах³⁰.

Согласно уставу, органами фонда являются Контрольный совет (из 11 человек), Правление (из 9 человек), Экспертная и Кассационная комиссии. Первым председателем Контрольного совета стал народный художник Белоруссии академик М.А.Савицкий; среди остальных членов — шесть представителей госорганов Беларуси, в том числе начальник отдела КГБ, а также председатель правления фонда и три представителя общественных организаций — Совета ветеранов, Ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма и Минского

благотворительного общества «Гилфл»³¹. Бессменными председателем и зам. председателя правления фонда являются В.Я.Герасимов и М.И.Богдан.

Уставные средства фонда составили 200 млн. DM³². С мая 1994 до июня 1996 года уполномоченным банком фонда в Белоруссии был АКБ «Приорбанк», как имевший лицензию на осуществление выплат в валюте. Однако относительная неразвитая филиальная сеть привела к тому, что эта функция банковского обслуживания фонда, начиная с 12 июня 1996 года, перешла к более мощному АСБ «Беларусьбанк». Уполномоченным банком в Эстонии был «Хансабанк»³³. Интересно, что сам по себе уставной капитал фонда не покидал Германию и хранился на депозите в одном из ведущих немецких банков. Возможно, это обстоятельство послужило фонду некоторой защитой от непрекращающихся попыток государства обложить выплаты материальной помощи налогом.

В штате фонда — около 60 чел., считая и представителей в регионах. Для облегчения получения денег теми, кто проживает в отдаленных деревнях или же тяжело болен и немощен, практиковались выезды представителей фонда или сотрудников «Приорбанка» по таким адресам и вручение денег из рук в руки.

В сферу компетенции фонда, помимо белорусских граждан, входят также граждане Эстонии. Первоначально ожидалось порядка 140—170 тыс. заявителей, из них от 3 до 5 тысяч эстонских граждан. Однако в действительности число поданных заявлений и, соответственно, заведенных квалификационных карт не достигло и 130 тысяч.

Нормативными документами фонда установлено 4 категории жертв нацизма:

- I — бывшие узники концлагерей по международной классификации;
- II — бывшие узники прочих концлагерей (кроме концлагерей по международной классификации³⁴), тюрем, гетто, а также специальных детских лагерей по забору крови;
- III — узники трудовых лагерей и лагерей для военнопленных, включая детей в возрасте до 18 лет;
- IV — жертвы с нелагерным режимом содержания, включая детей в возрасте до 18 лет.

Количество заявителей, по данным на 1 июня 1997 года, распределялось по этим категориям в соотношении 1, 12, 39 и 44 % от общего числа.

Размер выплат, однако, зависел не только от категорий и складывался из следующих четырех составляющих³⁵:

а) базовой суммы выплат за один месяц пребывания в местах национал-социалистических преследований: помесечная ставка,

по категориям, назначалась в размере 30, 25, 20 и 20 DM, но для малолетних узников она не зависит от категории и составляет 30 DM (иными словами, детство в неволе приравнивается к режиму концлагерей);

б) доплата в зависимости от места преследований: градуируется по категориям — соответственно, 500 (в июле 1995 года, по решению Контрольного совета фонда, повышено до 800) 400, 200 и 100 DM;

в) доплата в зависимости от возраста жертвы: 300 DM, если пострадавшему на момент преследования было менее 18 лет;

г) доплата в зависимости от ущерба здоровью (инвалидности и пр.), полученного в результате национал-социалистических преследований: инвалидность 1-й группы дотируется 500 DM, инвалидность 2-й группы — 300 DM, инвалидность 3-й группы — 100 DM, а жертвы псевдомедицинских экспериментов получают 100 DM, если только они не имеют инвалидности по этой причине.

Важное значение для нормативной базы деятельности фонда имело «Положение о порядке установления фактов и периодов нахождения граждан Республики Беларусь в местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы Второй мировой войны», утвержденное Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь № 241 от 5 мая 1995 года³⁶.

Экспертная комиссия отказала лишь 735 заявителям, в том числе 92 из Эстонии: причинами отказов явились добровольность выезда в Германию, преступления против СССР, нахождение на принудительных работах с нелагерным режимом содержания на территории СССР, в том числе в Прибалтике и в Белостокской области, а также статус бывшего военнопленного (что, заметим, находится в противоречии с обозначением III категории жертв!).

К выплатам в Белоруссии фонд приступил в начале мая 1994, то есть спустя почти год после образования фонда и почти полгода после поступления капитала. Выплаты в Эстонии начались еще одним годом позже — летом 1995 года (причиной задержки стало решение эстонских властей облагать выплаты 26-процентным налогом, впоследствии отмененное). Пик поступления заявлений пришелся на первое полугодие 1995 года, а в течение 1996—1997 гг. наблюдалось затухание интенсивности подачи заявлений.

Если по состоянию на сентябрь 1995 года, материальную помощь получило 62,3 тыс. чел., то по состоянию на 1 июня 1997 года, — уже 108,9 тыс. чел.³⁷ Соответственно, на эти даты было израсходовано 49,9 и 132,9 млн. DM (то есть 66,5 % уставных средств). Средняя величина выплаты на первом этапе составляла около 800 DM, но с учетом выплат на втором этапе повысилась почти в 1,5 раза и достигла около 1240 DM.

Как и в российском фонде, обнаружился серьезный «недобор» числа заявителей по сравнению с плановыми наметками, и значительный остаток средств как бы «завис». В связи с этим, начиная с 1 июля 1996 года, Фонд приступил к реализации второго этапа своей деятельности, дав ему название «выплата окончательной финансовой помощи», а иными словами, к выплатам по второму кругу. Соответственно, и с этой задачей Фонд, в общих чертах, справился менее, чем за год (приблизительно к июню 1997 года)³⁸.

В то же время деятельность фонда вызывала серьезные нарекания со стороны общественности, а также Посольства ФРГ в Белоруссии. Его неоднократно проверяли контролирующие органы Республики Беларусь, а также Посольство ФРГ. В первые годы большинство претензий было связано с затягиванием выплат, с неоправданными служебными командировками, а также с сомнениями в обоснованности выбора «Приорбанка» в качестве уполномоченного банка³⁹.

Как весьма положительную сторону деятельности Белорусского фонда следует отметить его целенаправленную научно-архивную и книгоиздательскую деятельность, осуществляемую в тесном сотрудничестве с Государственной архивной службой Беларуси. Начиная с 1993 года, в Белоруссии были подготовлены и опубликованы сборники документов и материалов «Немецко-фашистский геноцид в Беларуси в 1941—1944 годах», «Белорусские оstarбайтеры» (в трех томах, при этом третий том — в двух частях), «Нацистское золото из Беларуси», «Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1945 года» (два издания) и «Лагерь смерти Озаричи».

Другим направлением вспомогательной деятельности белорусского фонда стало организационное и информационное обеспечение гуманитарных акций благотворительной организации «Максимилиан-Колбе-Верк» на территории Белоруссии⁴⁰. С 1 февраля 1998 года фонд осуществил дополнительную выплату узникам нацизма, проживающим на территории, загрязненной аварией на Чернобыльской АЭС, а также организовал киоск бесплатных лекарств для узников I категории (в собственной классификации)⁴¹.

И, наконец, еще одна принципиальная (хотя и не изначальная) особенность белорусского фонда — реальная, без лишних слов, помощь проживающим в республике бывшим военнопленным. 20 мая 1999 года Совет Министров Белоруссии принял Постановление об оказании финансовой помощи военнопленным, подвергшимся национал-социалистическим преследованиям. Фонд изыскал средства (в ход пошли проценты от основного капитала), и помощь в размере приблизительно 600 DM получили около 2000 человек⁴².

Сравнительная характеристика деятельности трех фондов

Основные данные о трех фондах «Взаимопонимание и примирение» представлены в следующей таблице:

Таблица 7.5.3.

	Россия	Украина	Беларусь
Дата основания	04.11.1993	16.06.1993	14.06.1993
Принятие Положения о выплатах	02.08.1994	29.06.1994	17.03.1994
Начало первичных выплат	19.08.1994	05.1994	09.05.1994
Начало вторичных выплат	08.01.1998	01.07.1996	Н.д.
Прогнозное число заявителей, тыс. чел.	350—550	500—600	140—170
Число заявлений, тыс. чел.	325*	640—650	127,6***
Назначено выплат, тыс. чел.	313,2*	631,4**	132,9***
На сумму, DM	364,5*	377,4**	170,0***
Средний размер выплат, DM	960	600	1350

Примечания: * — на 01.04.1999; ** — на 01.01.1999; *** — на 19.01.1999.

Как видно из таблицы, в организационном плане Российский фонд постоянно опаздывал за своими коллегами.

Поначалу фонды действовали в нарочито автономном режиме, наслаждаясь каждый своей «незалежностью». Но дело, за которое они отвечали, уже по своей исторической природе было единым и остро нуждалось в едином информационном пространстве и обмене различными данными. Это буквально заставило российский, украинский и белорусский фонды «Взаимопонимание и примирение», пусть и с переменным успехом, но плотно и постоянно взаимодействовать друг с другом.

В 1995 году состоялись первые совещания их представителей — в Москве (19 апреля), Бресте (20—21 июня) и на Украине (в сентябре), причем каждое завершалось подписанием коммюнике (почему-то называемого соглашением). Фонды обменивались друг с другом своими уставными и нормативными документами, издаваемыми на местах бюллетенями, а иногда и фрагментами баз данных (например, о заявлениях, поступающих с территорий других бывших республик

СССР, кроме территорий РСФСР, УССР и БССР). Для приема заявлений от мигрантов, сменивших страну проживания уже после создания соответствующих фондов (переехавших, например, из Украины в Россию) требовались справки о не-начислении выплат фондами в странах предыдущего проживания. На первой же встрече было принято решение о создании Координационного Совета трех фондов для выработки согласованных рекомендаций по проблемам, представляющим общий интерес (этот орган фактически так и не действовал).

Легко заметить, что и в методологии, и в практике выплат по гуманитарному урегулированию имелись немалые разночтения и различия. В частности, на встрече в Москве от России потребовали аргументацию назначения материальной помощи лицам, подвергшимся нацистским преследованиям на территории прибалтийских государств и Белостокского округа (входивших в свое время в состав СССР).

Но, вероятно, наиболее серьезным расхождением в методиках явился подход к свидетельским показаниям как источнику информации об угоне в Германию на Украине, где он был несравненно либеральнее, чем в России и Белоруссии. Это не только привело к серьезному «раздуванию» контингента лиц, правомочных на получение материальной помощи, но и к еще более серьезным последствиям в переговорном процессе 1998—2000 гг., когда украинская статистика, некритично воспринятая немецкой стороной, была признана столь же достоверной, как и российская и белорусская.

Общим местом во всех трех фондах был лоббистский успех все-союзно-организованных малолетних узников. Тем не менее стоит подчеркнуть, что Украинский фонд ограничился 16-летним верхним порогом для таких детей, тогда как россияне и белорусы подняли планку своей «детскости» аккурат до призывного возраста.

Наиболее сложная методика расчета выплат была разработана в Белорусском фонде (несколько странным ее элементом, насколько можно судить из его бюллетеней, является прямо противоречащее мировой практике компенсаций явное пренебрежение тяжестью псевдомедицинских экспериментов, фактически приравненное к низшей форме инвалидности). Новацией белорусских коллег явилась и, сама по себе похвальная, аттестация лагерей: в частности, «присвоение» Тростенцу неофициального статуса лагеря смерти, а лагерю Озари́чи — не менее расплывчатого статуса «специального лагеря смерти (уничтожения) на переднем крае немецкой обороны», практически признанного разновидностью концлагеря. Все эти новации, на наш взгляд, прежде чем быть инструментализованными, должны были пройти международную экспертизу, в том числе и потому, что аналогичные лагеря, по всей видимости, находились и на теперешней украинской или российской земле.

В то же время белорусский фонд, как никакой другой, вкладывал средства в архивные разыскания и публикацию их результатов,

в чем, например, совершенно не замечен фонд украинский, быть может, в силу своей наибольшей стесненности в средствах.

Отметим, что и российский фонд тратил деньги на создание справочных изданий, в частности, двух архивных справочников⁴³, и даже на проведение заказного демосоциологического исследования, в частности, по разработке методики и определению численности лиц, преследовавшихся при нацизме. Результаты этого исследования нашли свое отражение в двух социологически невнятных статьях В.А.Князева в «Социологических исследованиях», но в первую очередь — в коллективном труде того же автора и двух известных демографов, озаглавленном не более и не менее как «Остарбайтеры: численность, здоровье и условия жизни в современной России»⁴⁴. Тираж издания — 200 экз., что не говорит в пользу заинтересованности авторов в его известности или хотя бы доступности научной общественности. Возможно, причина кроется в том, что весьма разнородная масса клиентов Российского фонда взаимопонимания и примирения, в которой солируют отнюдь не остарбайтеры, была в работе отождествлена именно с ними. Поэтому несколько провисает один из главных практических выводов исследования: «число заявителей Фонда из России (280 тыс. в сентябре 1998 года) уже почти сравнялось с расчетными параметрами (300 тыс.), взятыми к тому же по максимальному варианту». А что же сказать об этом теперь, когда число клиентов фонда значительно превзошло этот барьер?⁴⁵

Не менее симптоматично и то, что даже из столь скромно обнародованного труда начисто выпали интересные оценки вероятной численности военнопленных в Российской Федерации. Полученный Л.Л.Рыбаковским и О.Д.Захаровой результат тем не менее стал известен — от 80 до 100 тыс. чел. Конъюнктурный (и, как складывается впечатление, заказной) смысл этой «страшилки» заключался в том, чтобы напугать всех столь солидной величиной и окончательно отрезать военнопленных от немецких денег: их, дескать, слишком много, и если им дать, то никому не достанется хотя бы минимальной пристойной суммы. Освященная авторитетом известных демографов (кстати, не слишком афишировавших свое соучастие в этом не слишком научном деле) величина по крайней мере вдвое превосходила другие имевшиеся оценки, в частности, данные российских военкоматов, тем не менее и этот результат оказался нежелательным, и из конечной версии научной публикации «соавторы» его сняли.

В то же время позиция белорусского фонда исторически и фактически дезавуировала сам по себе фольклорный аргумент о несовместимости целей Фондов «Взаимопонимание и примирение» и судебных бывших пленных красноармейцев. В Минске искали и нашли не только средства, но и мужество косвенно признать и свою ответственность перед этой, когда-то самой многочисленной, категорией жертв нацизма.

Примечания

- ¹ См.: Полян, 1993а.
- ² Актуальный адрес: Россия 103045 Москва, Столешников пер. 6, строение 3, тел. 095.727-90-47, факс 095.777-25-73.
- ³ Устав фонда см. в Приложении 29.
- ⁴ Естественно, что эти организации, вместе с МИД и Министерством социальной защиты РФ, стали основными разработчиками главного рабочего документа Фонда — Положения (О некоторых результатах этого «лоббирования» см. ниже).
- ⁵ И лишь позднее, когда он перешел на работу в аппарат Фонда (став заместителем В.А.Князева), ему в отдельных случаях приходилось отстаивать и защищать их коллективные интересы. Что, заметим от себя, при уже принятом регламенте высокоэффективным быть не могло.
- ⁶ В Штуккенброкке находился один из крупнейших в Германии лагерей для советских военнопленных (здесь умерло 65 тыс. из 300 тыс. прошедших через него советских военнопленных). Полный текст обращения см. в Приложении 30.
- ⁷ В.А.Князев был утвержден в должности 21.03.1994 (см.: Васечкин П. Жертвам фашизма дают пожить за немецкий счет // Иностранец. 1994. № 14. 20 апреля). «Штуккенброкское обращение» поступило к нему 17.05.1994 и уже 25.05.1994 был датирован его ответ.
- ⁸ Положение было принято специальным Постановлением Правительства РФ за № 899 за подписью В.Черномырдина.
- ⁹ Их описания даются ниже в авторских формулировках.
- ¹⁰ Зубкова Н. Гетто: лагерный или санаторный режим? // Иностранец. 1994. № 31. 31 августа.
- ¹¹ См. о них ниже.
- ¹² Возмутительный случай с Л.Жуховским, остарбайтером-малолеткой и узником Нордхаузена, получившим отказ в выплате материальной помощи, не единичен (см.: Синегрибов Л. Надежда только на Арользен. Розыском документов узников фашизма чиновники себя не утруждают // Судьба. Газета Международного Союза бывших малолетних узников фашизма. Улан-Удэ. 1995. Октябрь. С. 6).
- ¹³ Содержание карточки таково: фамилия, имя и отчество; места пребывания; кем был освобожден; был ли подвергнут псевдомедицинским экспериментам (с доказательствами); был ли в местах принудительного заключения (с доказательствами).
- ¹⁴ Фонд взаимопонимания и примирения Российской Федерации. Информационный бюллетень. Ноябрь 1998. С. 4.
- ¹⁵ Осуществляются и другие сборы, в том числе и в местные бюджеты.
- ¹⁶ См.: С кого берете? [Обращение участников встречи бывших узников концлагерей и гетто от 19.10.1995] // Судьба. Газета Международного Союза бывших малолетних узников фашизма. Улан-Удэ. 1995. Октябрь. С. 1.
- ¹⁷ В частности, по состоянию на 01.10.1995, в Курской, Тверской, Калининградской и Волгоградской областях, на Крайнем Севере и в Сибири. В Санкт-Петербурге и в Ленинградской области, в Псковской, Новгородской, Брянской, Смоленской и Калужской областях, а также в Карелии выплаты уже близились к завершению (Князев, 1996, с. 140).
- ¹⁸ Фонд взаимопонимания и примирения Российской Федерации. Информационный бюллетень. Ноябрь 1998. С. 4—5.

- ¹⁹ Зубкова Н. Фонд есть, но до взаимопонимания пока далеко // Иностранец. 1996. 4 сентября. № 34. С. 20.
- ²⁰ Образована Решением Наблюдательного Совета от 21.01.1997, то есть значительно позже, чем аналогичная комиссия в Белоруссии (см. ниже). Кроме сотрудников Фонда в комиссию вошли представители Росархива, МИДа, Министерства труда и социального развития и Красного Креста.
- ²¹ Справочник (дополнения) о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Сост.: Т.И.Аниканова, Н.А.Коротков. М.: Росархив, 1998. С. 42—54.
- ²² Фонд взаимопонимания и примирения Российской Федерации. Информационный бюллетень. Ноябрь 1998. С. 6—7.
- ²³ Из выступления В.А.Князева на Парламентских слушаниях «О компенсационных выплатах гражданам России, жертвам нацистских преследований», прошедших в Комитете по труду и социальной политике Госдумы 31 мая 1999 года.
- ²⁴ Адрес фонда: Украина 04080 Киев, ул. Фрунзе, 15, тел. 00380.44.462-50-11, факс 00380.44.462-50-06.
- ²⁵ См.: Украинский национальный фонд «Взаимопонимание и примирение». Информационный бюллетень. Киев, декабрь 1996. С. 1. По этим данным выходит, что выплаты начались еще до того, как было утверждено соответствующее положение о них.
- ²⁶ Материалы международного «круглого стола». 27 января 1999 года, г. Москва, Дом Дружбы с народами зарубежных стран. [Машинопись]. С. 10—11.
- ²⁷ См.: Разумовский К. Жертвы нацизма оказались жертвами мошенников. Похоже, правительство ФРГ спонсировало крупную аферу на Украине // Коммерсант. 04.02.1997. С. 2; Войцеховский М. Киев потерял 78 млн. марок компенсации жертвам нацизма. Похоже, Бонну придется раскошелиться еще раз // Коммерсант. 27.02.1997. С. 5. См. также: Киевские ведомости. 12.02.1997. С. 3.
- ²⁸ См.: Букалов Д. Остарбайтеры Донбасса // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М.: Мемориал, 1996. С. 155—159.
- ²⁹ Адрес фонда: Беларусь 220013 Минск, ул. Я.Коласа, 39а, тел. 00375.172.318-117, факс 00375.172.113-825.
- ³⁰ Откорректировано 10.10.1993.
- ³¹ Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 1. Минск, 1994.
- ³² Первый транш (80 млн. DM) поступил на счет фонда 29.12.1993, второй и третий (по 60 млн. DM) — 16.12.1994 (см.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». [№ 2]. Минск. 01.02.1995. С. 13) и в 1995. Дополнительные поступления, пусть и незначительные, но имели место. Первыми частными спонсорами фонда в 1995 г. стали граждане ФРГ Отто и Ева Клиненштайн (см.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 4. Минск. 03.10.1995. С. 14).
- ³³ Банковский сбор составлял 0,5 % суммы, в случае получения ее в DM, или же 5 эстонских крон, в случае получения ее в национальной валюте (см.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 4. Минск. 03.10.1995. С. 3).

- ³⁴ Имеются в виду лагерь Озаричи в Полесской области, которому «Научно-квалификационная комиссия по определению статуса мест принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Республики Беларусь в период Великой отечественной войны», созданная 06.03.1995 при Администрации Президента Белоруссии, присвоила статус «специального лагеря смерти (уничтожения) на переднем крае немецкой обороны» (Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 5. Минск. 01.01.1996. С. 7).
- ³⁵ Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». [№ 2]. Минск. 01.02.1995. С. 13—15.
- ³⁶ Откорректировано Постановлением № 535 от 28.05.1995.
- ³⁷ См.: Сведения о выплате финансовой помощи гражданам, пострадавшим от национал-социалистических преследований в годы Второй мировой войны. Минск: Белорусский Республиканский Фонд «Взаимопонимание и примирение». 01.06.1997. С. 1.
- ³⁸ См.: Сведения о выплате финансовой помощи гражданам, пострадавшим от национал-социалистических преследований в годы Второй мировой войны. Минск: Белорусский Республиканский Фонд «Взаимопонимание и примирение». 01.06.1997. С. 1.
- ³⁹ См., в частности, в ответе госсекретаря МИД ФРГ Г.Хойера от 04.08.1995 на запрос депутата Бундестага Г.Эрлера в МИД ФРГ от 16.03.1995 о деятельности фонда (Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 3. Минск. 03.07.1995. С. 9—12).
- ⁴⁰ См.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 5. Минск. 01.01.1996. С. 2—3.
- ⁴¹ Материалы международного «круглого стола». 27 января 1999 года, г. Москва, Дом Дружбы с народами зарубежных стран. [Машинопись]. С. 5—7.
- ⁴² Сообщено зам. председателя Белорусского Фонда «Взаимопонимание и примирение» К.Прохоренко.
- ⁴³ Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Сост.: Т.И.Аниканова, А.Л.Райхцаум, Л.И.Солодовникова. М.: Росархив, 1994, 176 с. (1000 экз.); Справочник (дополнения) о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Сост.: Т.И.Аниканова, Н.А.Коротков. М.: Росархив, 1998., 54 с. (500 экз.).
- ⁴⁴ Рыбаковский Л.Л., Князев В.А., Захарова О.Д. Остарбайтеры: численность, здоровье и условия жизни в современной России. М., ИСПИ РАН, 1998 (коопонсор проекта — Российский гуманитарный научный фонд, код проекта 96-03-04527). Интересным артефактом, характерным для нравов российского фонда, явилось и само по себе личное участие В.А.Князева в научном проекте, а также в авторском коллективе скромной 70-страничной публикации этого труда, как, впрочем, и единоличная публикация им в журнале «Социологические исследования» двух статей на связанные с остарбайтерами социологические темы (достойно сожаления, что без детального анализа осталась группа «малолетних узников»).
- ⁴⁵ Но напомним, что при дележе немецкого миллиарда Россия исходила из еще большего количества.

7.6. Оскоми́на несправедливости: исторические и этические проблемы деятельности фондов «Взаимопонимание и примирение»

Но истощение средств означало для фондов не только радость так или иначе, но выполненного уставного долга, но и сокращение штатов и страх перед угрозой закрытия или самороспуска. Не удивительно, что все три фонда активно приступили к поиску новых партнеров среди уже созданных или создаваемых на Западе различных фондов. Наиболее активно зарекомендовал себя российский фонд: 5 ноября 1998 года в Бонне и 27 января 1999 года в Москве он, в частности, провел два «круглых стола». На втором из них прозвучало совместное с фондами Украины и Белоруссии обращение к депутатам Бундестага с предложением создать Общегерманский фонд по выплатам компенсаций за принудительный труд при нацистском режиме, ориентированный на выплаты как минимум 15 тыс. марок каждому остарбайтеру, а также находившимся с ними или рожденным ими в Германии детям. 31 мая 1999 в Комитете по труду и социальной политике Госдумы прошли Парламентские слушания «О компенсационных выплатах гражданам России, жертвам нацистских преследований». Представители фонда участвовали практически во всех крупных мероприятиях, связанных с установлением деловых контактов с западными фондами и даже по весьма далекому от них проблемам «швейцарского золота», «спящих счетов» и т.п.

Их ничуть не смущало, что, выплачивая деньги узникам гетто («лагерного типа») они с бесстыдным упрямством отказывали в такой же помощи даже такой общепризнанной категории жертв нацизма, как **евреи, спасшиеся от геноцида вне гетто**, — людям, чудом уцелевшим, скрывшим свое имя и происхождение, людям, для которых риск быть разоблаченным означал неминуемую смерть¹.

В то же время своеобразная внутрироссийская «монополия» фонда на деятельность по выплатам компенсаций была серьезно подорвана именно тем, что еврейские организации, возможно, не забыв о «гетто лагерного типа», во многих случаях предпочли обходиться без его услуг и действовали самостоятельно. На что Фонд реагировал достаточно нервозно, позволяя себе некорректные утверждения и неприемлемые сравнения, оскорбительные для памяти жертв Холокоста.

К этому понятию в России, на Украине и в Белоруссии (и в фондах «Взаимопонимание и примирение» в том числе) еще только привыкают, и его прямой смысл — целенаправленное и планомерное уничтожение немцами не каких-то абстрактных советских граждан, а конкретно евреев — с трудом доходит до номенклатурного сознания. Так, на упомянутом выше Круглом столе в Москве председатель украинского фонда И.Лушников негодуяше вопрошал: *«Люди жили в одном барике. И вот теперь одни получают по десять тысяч марок, а другие ничего — только потому что уродились евреями или западноевропейцами?»*

Едва ли человек, возглавивший фонд, настолько наивен. Стало быть, он просто лукавил. Встретить в одном бараке француза и еврея ему бы не удалось. Первый жил на частной квартире, и вопросы компенсации ему уже давно решены, и это именно компенсации. А еврею и в остовском бараке не место, его место в газовой или во рву, в лучшем случае в рабочей команде какого-нибудь из концлагерей. И что-то не было слышно в те чудовищные годы никаких голосов о «неправонаправии» с евреями, а вот веселые частушки про «жида, которого вешают на сучок» можно было услышать даже в кинохронике.

Тот же И.Лушников озвучил довольно смелое предложение в духе самого радикального интернационализма — *считать жертвами Холокоста лиц всех национальностей*. Но, пожалуй, не менее удивительно, что это предложение (в свое время, заметим, с успехом реализованное в советской пропаганде, пользовавшейся эвфемизмом «советские граждане» для обозначения миллионов уничтоженных евреев), поддержал председатель Российского союза малолетних узников фашизма и член Наблюдательного совета российского фонда И.А.Фридман².

Муки осмысления понятия о нацистском геноциде евреев явно испытывали и в Государственной Думе. 5 февраля 1999 года ее тогдашний спикер, коммунист Г.Н.Селезнев, подписал Постановление № 3612-III, озаглавленное так: «О компенсационных выплатах жертвам нацистских преследований, проживающим на территории РФ, осуществляемых из средств ФРГ, независимо от национальной принадлежности». Нижняя палата российского парламента сочла несправедливым актом выделение Правительством ФРГ компенсационных выплат жертвам нацистских преследований только лицам еврейской национальности: несправедливо же это по отношению ко всем остальным гражданам РФ, «равным образом сражавшимся против нацизма и страдавшим в годы Второй мировой войны». Преисполненная самого высокого и искреннего интернационализма, Дума потребовала от президента и правительства РФ разных шагов, например, обращения к руководству ФРГ с рекомендацией выплачивать компенсации всем, независимо от национальности. Тут не столь уж важно, что скорее всего имелся в виду еще и не существовавший на момент заявления Фонд германской промышленности, важен сам вопиющий уровень исторической и правовой безграмотности одной из ветвей власти современной России. Что не помешало Фонду «Взаимопонимание и примирение» взять это мракобесие на вооружение.

Помимо непростительного и несколько лукавого «недопонимания» трагедии Холокоста принципиальная ситуация с толкованием категории «жертв нацизма» имеет несколько других досаднейших и постыдных перекосов.

Первый — это доминирование так называемых «малолетних узников нацизма», нигде более в мире в таком гипертрофированном виде не встречающееся. Четкой дефиниции этого понятия нет, практически

любого соприкосновения с нацистами и оккупантами в несовершеннолетнем возрасте достаточно, чтобы примкнуть к движению. Поэтому эта категория жертв нацистских преследований значительно моложе и крепче, а главное — несравненно активней и организованней представителей любых других групп. Это — «малолетние узники нацизма», которым на момент освобождения, по закону, должно было быть не более 16 лет (в нормативных же документах российского и белорусского фондов этот порог несколько противоестественным образом был поднят до 18 лет на момент нацистских преследований), 60-летние сегодня, в свое время они, по малолетству и маломыслию, снискали прощение и ласку даже лучшего друга детей и были признаны советской властью как официальные и чуть ли не единственные жертвы фашизма¹ (к концлагерникам отношение было тогда неровное, а к геттовцам, остовцам и военнопленным — нервное, о них и заикаться не полагалось!). Что же и удивляться, что в этой среде, помимо склок и скандалов, возникло такое, по-своему потрясающее, словцо и явление как «лжеузничество»?!

В 1989 году постановлением советского правительства «малолетним узникам» были определены льготы, финансировавшиеся почему-то через возглавлявшийся А.Лихановым Детский фонд. Это позволило малолетним узникам, по выражению И.А.Фридмана, «стать у истоков» формирования фондов «Взаимопонимание и примирение»⁴ и весьма эффективно пролоббировать свои интересы как на стадии формирования устава и руководящих органов Фонда (их представители вошли и в Наблюдательный совет, и в правление Фонда), так и на стадии выплат «по второму кругу».

На случай неизрасходования фондами уставных средств они заготовили для них четкую и ясную программу (в общих чертах, кстати, выполненную). Если деньги останутся, то компенсации надо выплачивать по второму кругу, начав, разумеется, с жертв медицинских экспериментов (благо, их уже почти нет в живых) и с них (ибо повсюду они составляют первую, то есть высшую категорию узников). По исчерпанию и этих средств предлагалось оспорить уже объявленные окончательными итоги четырехсторонней договоренности между Германией, Россией, Украиной и Белоруссией и вновь призвать ФРГ к справедливой денежной компенсации им, «страдальцам нацистской неволи» (так в тексте). А раз будут новые деньги, то и новая установка и фондам: после завершения выплат преобразоваться в действующие на постоянной основе органы по оказанию целенаправленной и скоординированной поддержки страдальцам⁵.

Все это тем более небезобидно, что делается определенно за счет других категорий жертв, иной раз — в буквальном смысле — за счет отцов и матерей. Так, явно дискриминированными оказались те, из-за кого, собственно, весь сыр-бор разгорелся, — принудительные восточные рабочие, оstarбайтеры. Среди них (вернее, с ними) были, ко-

нечно, и их несовершеннолетние дети, жившие и работавшие, как правило, вместе с родителями, на которых и падал основной гнет принудительного труда и выживания в неволе. Никто из оstarбайтеров не имел практически никакого влияния на то, где кому предстоит работать: куда посылали, там и вкалывали; многие за время своей «карьеры в Германии» сменили не одно производство или хозяина. Тезис об относительной легкости труда у бауэров по меньшей мере неточен: труд мог быть и тяжелее, а вот условия труда не то, чтобы легче, — несколько человечнее. К тому же не редкость и такие случаи, когда не только труд, но и сама жизнь в крестьянских хозяйствах была просто невыносимой. Поэтому делить оstarбайтеров на более равных и менее равных в корне неправильно, как с исторической, так и моральной точек зрения, но именно это и сделали, под давлением «младоузничьего» лобби, все три фонда.

Но и дискриминация дискриминации рознь. Одно дело — дать несправедливо мало, другое — не дать ничего. А ведь по крайней мере три категории жертв нацизма были решительно отодвинуты от процесса гуманитарного урегулирования с ФРГ 90-х годов. Их права, однако, представляются обоснованными и весомыми.

О первой — весьма немногочисленной — группе уже говорилось выше. Это **евреи, уцелевшие от геноцида вне гетто**.

Вторая — это так называемые **«внутренние перемещенные лица»**, снятые войной и оккупантами с насиженных мест и перенесенные пусть не в далекий Рейх, а в соседнюю область, где фашистам в тот момент их рабочие руки были нужнее. Как с точки зрения их собственной судьбы, так и с точки зрения Рейха разница между ними и оstarбайтерами была непринципиальной: и тех, и других, не спросясь, переместили в пространстве и высадили далеко от дома, и тех, и других, не спросясь, заставили там работать, жить впроголодь и подчиняться бесчеловечному режиму. Теоретически между ними и фондами «Взаимопонимание и примирение» не должно было бы быть ничего общего, но на практике фонды пытались, как могли, охватить своей деятельностью хотя бы часть «своего» населения на оккупированных землях. Так, в российском фонде принудительным рабочим, вывезенным в Прибалтику или в Белостокскую область, выплачивали материальную помощь, невзирая на то, что, по состоянию на 22 июня 1941 года, эти территории входили в состав СССР. Белорусский фонд приравнял многие лагеря для гражданских лиц к концлагерям или лагерям на передовой линии обороны немецких войск, а их узники градуировались на шкале выплат достаточно высоко. По некоторым (не проверенным нами) сведениям к внутренним перемещенным лицам в целом весьма либерально относились и на Украине. Как было предположено выше, не избежал такого «либерализма» и российский фонд, но только в самое последнее время.

Но, бесспорно, самая дискриминированная группа — это **советские военнопленные**. Однозначно их принятие в число заявителей

прописано лишь в уставе российского фонда. Среди категорий к оплате белорусского фонда, если верить его ведомственному бюллетеню, есть и узники лагерей для военнопленных. Но именно принадлежность к категории «бывших военнопленных» была одним из основных обоснований отказов заявителям во всех трех фондах.

И никакого снисхождения тут не делалось, за исключением «полосатиков», попадавших в концлагеря из шталагов или рабочих команд военнопленных. И это — несмотря на то, что шансы военнопленных на выживание в немецких шталагах и дулагах были не выше, а в первую зиму 1941—1942 гг., даже существенно ниже, чем в концлагерях!

Прочитирую воспоминания Дм.Левинского: *«Концлагерь — это особо тщательно разработанная система насильственного уничтожения заключенных. Сказанное не означает, что обычный лагерь военнопленных намного лучше. Увы, это тоже не так. В зиму 1941—1942 гг. в лагере <для военнопленных — П.П.> Будущи нас никто и пальцем не тронул, а смертность от голода, холода и болезней была настолько высокой, что не успевали убирать трупы, и они штабелями лежали вокруг бараков — об этом уже говорилось. Люди погибали сами, их организм не мог побороть лишения, выпадавшие на их долю».*

Как места принудительного содержания и эксплуатации людей, шталаги даже на фоне концлагерей были более чем «конкурентно-способны». Об этом обстоятельно и подробно сказано в классической монографии К.Штрайта, в многочисленных публикациях других немецких и российских исследователей. Это же невольно подтвердили и официальные исследования и решения белорусской Научно-квалификационной комиссии, определившей статус «узников концлагерей» или «узников трудовых лагерей» для гражданских лиц, содержавшихся в Белоруссии в лагерях на территориях шталагов в Молодечно (№ 342), в Лесной близ Барановичей (№ 337), Слуцке (№ 362), Кричеве и др.⁶

Такая вопиющая несправедливость, напомним, глубоко задела не только самих военнопленных. *«Поскольку на принудительных работах в Германском Рейхе, — читаем в Штуккенброкском обращении, — использовались и советские военнопленные, мы ожидаем, что также и они будут охвачены процессом гуманитарного урегулирования. В противном случае мы усматривали бы противоречие с уставными целями созданных фондов».*

На это В.А. Князев в свое время ответил, что «принята позиция» о выплате материальной помощи только лишь тем военнопленным, кого судьба провела через концлагеря. В устных беседах с ответственными сотрудниками российского Фонда или МИДа звучали ссылки на якобы резкие возражения немецкой стороны. При этом в обоснование неприятия военнопленных как жертв нацизма приводились, в основном, такие аргументы, или возражения.

Первое: военнопленные — это же военнопленные, они не подходят под понятие «жертв нацизма».

Второе: как только мы поставим перед немцами вопрос о компенсации советским военнопленным, немецкая сторона немедленно выставит нам счета за немецких военнопленных.

Третье: выплата военнопленным сумм в рамках гуманитарного урегулирования есть дополнительная льгота, которой лишены другие участники и ветераны войны⁷.

И, наконец, четвертое и, возможно, самое главное «возражение». Уцелевших военнопленных — сотни тысяч, и если еще и им дать денег, то другим достанется маловато, чуть ли ни вдвое меньше, чем без них (сюда же и шантажирующая «страшилка», озвученная первым ельцинским наркоминделом А.Козыревым⁸: привлекая военнопленных, мы нарушим соглашение от 30 марта 1993 года, и немцы нам не переведут третий транш!).

Относительно первого возражения. В свете всего, что мы уже знаем о немецкой «корректности» применительно к не защищенным ни Гаагской, ни Женевской конвенциями красноармейцам, сразу и не сообразишь, чего в этой аргументации больше — кощунства, невежества или цинизма. Бывшие советские военнопленные, не стоявшие под защитой никаких международных конвенций о военнопленных, находились в самых бесчеловечных условиях, о чем красноречиво говорит и их неслыханно высокая — около 57 % — смертность. По количеству погибших в годы войны (3,3 млн. чел.) они «уступают» только 6-миллионному контингенту евреев (не забудем о боевых приказах Гейдриха и о военно-полевом холокосте — массовых расстрелах без суда и следствия советских военнопленных-евреев!)

К сожалению, «возражение первое», действительно, соответствует официальной точке зрения правительства Г.Коля (а также Г.Шредера) на эту проблему. И хотя правительство ФРГ неоднократно подчеркивало, что условия для оказания помощи из средств Фонда устанавливаются самой российской стороной и ФРГ не может оказать влияние на их распределение⁹, тем не менее оно просто лукавило. Недаром так не просто было заполучить ее официальную формулировку (нам это удалось лишь благодаря запросу депутата Бундестага Г.Эрлера от социал-демократов). В ответе на его депутатский запрос, датированном февралем 1998 года, в частности, говорится: фонд «Взаимопонимание и примирение» создавался для выплаты лицам, преследовавшимся при нацизме, в каковой круг военнопленные, согласно межправительственной договоренности от 30 марта 1993 года, как выясняется, не входят. Это поистине шокирующее утверждение, если хотя бы на секундочку вспомнить о трагической судьбе этих миллионов, половина которых в результате этого «не-преследования» погибла.

Видимо ощущая шаткость и двусмысленность заявленной позиции, правительство ФРГ добавило: «Согласно международному праву, плен не является основанием для получения компенсации». (Что само по себе тоже правильно, но опять-таки не в этом конкретном случае.)

Относительно возражения второго¹⁰. Это вовсе не зеркальная история, даже безотносительно к тому, кто начал войну. Да, и немецким военнопленным пришлось не сладко в СССР, но по отношению к ним Советский Союз придерживался «де факто» международных правовых норм и в вопросах их трудового использования не ставил перед собой цели их «уничтожения трудом». Но ни тяжесть выпавших на их долю в плену испытаний, ни их смертность не идут ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю советских военнопленных и скольких жизней им это стоило¹¹.

Не говоря уже о том, что тех, кто все это перенес и возвратился на родину, в Германии ждал совершенно другой прием, чем в СССР, где репатриантов ожидали не почет и не участие, а участь — отвратительная участь второсортных, вечно находящихся на подозрении граждан.

Им, советским военнопленным, фактически предстоял длительный процесс гражданской реабилитации, при том, что никакой юридической вины перед своим государством у них не было.

Этот унижительный процесс растянулся на полвека, и только накануне 50-летия Победы Россия, наконец, пересмотрела свою позицию по существу. Президент РФ Б.Н.Ельцин воспользовался юбилеем как бы для исправления ошибок советских и своих чиновников и 24 января 1995 года издал Указ № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»¹². Аттестуя действия партийного и государственного руководства бывшего СССР в отношении репатриированных граждан как политические репрессии, противоречащие основным правам человека и гражданина, указ восстанавливал, — хотя и с феерическим опозданием, — историческую справедливость. Спустя 40 лет после окончания войны бывших военнопленных официально признали **участниками войны** (что само по себе гротескно!). Тем же, кто дожил до этого дня, отныне полагались соответствующие удостоверения и установленные законодательством льготы.

Справедливости ради отметим, что шаг в этом направлении был сделан еще при М.Горбачеве и его министре обороны Д.Язове. За несколько дней до августовского путча 1991 года статус участников войны был распространен и на *«...советских граждан, принимавших участие в боевых действиях против фашистской Германии и ее союзников в годы второй мировой войны на территории зарубежных стран в составе партизанских отрядов, подпольных групп и других антифашистских формирований»*¹³. Не секрет, что в значительной мере они формировались из беглых военнопленных.

Ельцинский же указ явно предусматривал признание военнопленных не только участниками войны, но еще и **жертвами нацизма**. Для этого Правительству РФ вменялось в обязанность *«рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных усло-*

вий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленным постановлением Правительства РФ от 2 августа 1994 года, с отнесением этих расходов за счет средств Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования».

Тут было бы уместно привести выдержки из решений или рекомендаций ряда научных конференций, состоявшихся после выхода ельцинского указа и затрагивающих данный вопрос. Так, в решениях конференции «Война на уничтожение и истребление народов в 1941—1945 гг.». (Берлин—Карлсхорст, 29 мая — 1 июня 1997 года) записано:

«п. 3. Мы обращаемся к Правительству Российской Федерации и фонду "Взаимопонимание и примирение" с просьбой включить еще живущих бывших военнопленных в число тех, кого поддерживает фонд и тем самым облегчить их материальное существование хотя бы на самые последние годы их жизни».

В рекомендациях Международной научно-практической конференции «Проблема военного плена: история и современность» (Вологда, 23—25 октября 1997 года) записано следующее:

«п. 8. Ходатайствовать перед Правительством РФ о включении бывших советских военнопленных в число категорий узников нацизма, правомочных получать материальную компенсацию в рамках программы гуманитарного урегулирования, финансируемой правительством ФРГ. Такое решение, на наш взгляд, не потребует изменения уставных документов, поскольку места содержания военнопленных в Третьем Рейхе (шлаггау, дулагы, штрафлагы и т. д.) по своим условиям могут быть приравнены к таким местам содержания жертв нацизма, как концентрационные лагеря и гетто.

9. Как показывает практика, Указ Президента РФ № 63 от 24.01.1995 "О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных", не выполняется. В этой связи конференция просит Администрацию Президента РФ и Правительство РФ в срочном порядке рассмотреть данный вопрос о выплате компенсации этой категории граждан, средний возраст которых составляет сегодня около 80 лет».

Не молчали и сами военнопленные. Откликаясь на выход ельцинского указа, Г.А.Хольный, президент Объединения бывших военнопленных, по горячим следам напоминал: *«...Поторопитесь! Указ должен начать работать, пока еще живы люди, которых он касается, пока еще возможно хоть немного исправить причиненное зло»¹⁴.*

Но были и другие отклики. В частности, поистине поразительна реакция со стороны тех, кого миновал плен и кто признавался «участниками войны» и до ельцинского указа. *«В широкой ветеранской*

общественности» указ, как сообщал корреспонденту «Российских вестей» зам. председателя Российского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов В.Смирнов, «в целом воспринят положительно», но при этом «есть и будут неоднозначные оценки среди бывших фронтовиков уравнивания в правах и льготах тех, кто, например, прошагал дорогами войны от Москвы до Берлина, и находившихся, пусть и не по своей вине, в немецком плену»¹⁵.

Тут до боли узнаваемы и лексика, и «принципиальность». По-прежнему свысока и презрительно взирают прошагавшие от Москвы до Берлина на тех, кому на пути от Бреста до Москвы пришлось под конвоем завернуть в шталаг. К этому, процеженному сквозь зубы — «пусть и не по своей воле» — и свелось все, что означенная «широкая общественность» усвоила из того, что она о себе не знала или не хотела знать.

Но, судя по всему, сбывается мрачный прогноз другого военнопленного, Н.И.Черкизова: *«Боюсь, что наши чиновники будут тянуть, а нам ждать уже нельзя, большинству из наших товарищей за 70 лет»¹⁶.*

Как бы в доказательство мрачного прогноза процитируем как раз чиновника, заместителя начальника Департамента по делам ветеранов и пожилых людей Министерства социальной защиты РФ. Констатируя неправомерное, а именно факт невыплаты военнопленным из средств Фонда, он переходит к пункту 4 ельцинского указа: оказывается: *«...Правительство России пока так и не нашло решения вопроса, за счет чьих средств (Фонда либо иных источников финансирования) будут отнесены расходы на выплату компенсации бывшим советским военнопленным»¹⁷.*

Правительство России, судя по всему, решения этого вопроса даже и не искало. Надежд на предусмотренные указом Ельцина государственные или *«другие источники финансирования»* в экономической реальности сегодняшней России нет. Но никаких откликов со стороны самого Фонда на эти призывы не последовало. Как не было и переговоров Правительства с Фондом по этому поводу. А от писем и визитов Георгия Хольного¹⁸, взявшего на себя большую часть неблагодарного труда хлопотать, те же чиновники легко отмахивались и отбояривались: мол, ничего не поделаешь — так уж договорились с немцами, что бывшим военнопленным не будем платить. И так 800 концлагерникам¹⁹ из их числа по 1000 марок отстегнули — хватит!

И, хотя в 1998—1999 гг. в России и в Белоруссии осуществлялись вторичные выплаты жертвам нацизма, на военнопленных они, как и выплаты «по первому кругу», не распространялись²⁰.

Так что и президентский указ в этой своей части ситуации не переломил и был попросту проигнорирован. Он оказался холостым, наподобие майского салюта, выстрелом. Шансы нескольких десятков тысяч бывших российских военнопленных на то, чтобы их вве-

ли в узкий круг избранных жертв нацизма, по-прежнему невелики, снова они очутились в роли обманутых и дискриминированных.

Да и сам Ельцин не очень-то тяготился такой реакцией на свой декоративный указ, и даже при формировании Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести ни единым словом или намеком не включил в число ее задач хоть что-либо конкретное, связанное с бывшими военнопленными Второй мировой²¹.

И это по-своему логично, ведь электорат военнопленные небольшой (какие-то жалкие десятки тысяч), к тому же и быстро тающий: так что немногие из них доживут до очередных выборов и до очередного «восстановления исторической справедливости», скажем накануне 60-летия Победы. Не стоит и ноги бить.

Что ж, очередной ожог несправедливости, настигший бывших советских военнопленных спустя полвека после окончания войны, недурно вписывается в заложенную еще Гитлером и Сталиным традицию их притеснения и унижения.

...Но вскорости их поджидал очередной пинок, на сей раз германский: в рамках компенсационного процесса последних лет для военнопленных снова не нашлось места.

Примечания

¹ Такая практика была общей во всех фондах. Так, белорусский фонд отказал евреям, чудом пережившим Холокост под вымышленным именем, по причине непроживания их в гетто (например, случай Семена Ароновича Осовского из Солигорска (см.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 4. Минск. 03.10.1995. С. 7)).

² Материалы международного «круглого стола». 27 января 1999 года. г. Москва, Дом Дружбы с народами зарубежных стран. [Машинопись]. С. 21—22.

³ По самооценке Центрального совета Международного Союза бывших малолетних узников, их организация представляет полмиллиона человек.

⁴ Материалы международного «круглого стола». 27 января 1999 года. г. Москва, Дом Дружбы с народами зарубежных стран. [Машинопись]. С. 21.

⁵ См. решения состоявшегося 5—6 сентября 1996 года в приднестровских Бендерах заседания международного союза бывших малолетних узников фашизма (Судьба. Улан-Удэ, 1996. № 9 (31). С. 1—13).

⁶ См.: Бюллетень выплат Белорусского Республиканского Фонда «Взаимопонимание и примирение». № 2. Минск. 02.04.1996. С. 13.

⁷ Удивительно, но застрельщиком и рупором этой спекулятивной точки зрения по непонятным причинам стал даже не Комитет ветеранов войны (где она, конечно, нашла бы понимание), а российский МИД, персонифицированный в после по особым поручениям А.Бондаренко, ведущим переговоры с немецкой стороной и во многом определившим и дальнейшую политику в этих вопросах.

- ⁸ Цит. по письму А.Яковлева и Д.Волгогонова, председателей двух Комиссий при Президенте РФ (по реабилитации жертв политических репрессий и по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести). Дата на копии, предоставленной нам Г.А.Хольным, не проставлена (не позднее 1992 г.).
- ⁹ Почти дословная цитата из ответа МИД ФРГ Г.А.Хольному от 22.12.1993 и ответа Посольства ФРГ в Москве теперешнему председателю Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести В.А.Золотареву от 04.03.1998. Куда менее дипломатичным было Министерство финансов ФРГ, еще 12.08.1992 сообщившее тому же Г.А.Хольному классическую официальную немецкую версию: общее международное право не предусматривает правомочности индивидуальных притязаний к той или другой стране. Все вопросы и притязания могут выставляться только в рамках репарационных требований, регулирующихся, однако, только на межгосударственном уровне, а СССР, как известно, в заявлении от 22.08.1953 отказался от своих репарационных прав.
- ¹⁰ Также отметим, что на конференции, посвященной судьбе немецких военнопленных в СССР и советских в Германии, прошедшей в Дрездене в июле 1997 года, д-р Г.Вагенлинер категорически отверг гипотезу о наличии такого рода «условия» с немецкой стороны.
- ¹¹ Этот тезис разделяет подавляющее большинство немецких историков, в том числе специализировавшихся на изучении судьбы немецких военнопленных.
- ¹² См. Приложение 31. Согласно пункту 5 Указа, его действие не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, служивших в стрелковых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции и иных лиц, не подлежащих реабилитации согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».
- ¹³ Постановление Кабинета Министров СССР № 567 от 05.08.1991 и Приказ Министра Обороны СССР от 13.08.1991.
- ¹⁴ См.: Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? // Российские вести. 03.02.1995.
- ¹⁵ См.: Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? // Российские вести. 03.02.1995.
- ¹⁶ Из письма Н.И.Черкизова в газету «Российские вести» (См.: Советские военнопленные: справедливость обретена, но кто же об этом знает? // Российские вести. 03.02.1995).
- ¹⁷ Цит. из письма Т.П.Казатуровой Г.А.Хольному от 28.03.1996.
- ¹⁸ В 1992 и 1993 — он писал Г.Колю, в 1994 — В.С.Черномырдину, в 1996 — в Министерство социальной защиты РФ, в 1997 — в МИД РФ, не говоря уже о бесконечных обращениях непосредственно в Фонд.
- ¹⁹ По состоянию на 01.06.1995 (из письма В.А.Князева в Правительство РФ от 14.07.1995).
- ²⁰ Впрочем, в Белоруссии такие выплаты все же производились (см. в главе 7.5).
- ²¹ Комиссия, созданная Указом Президента РФ № 133 от 27.02.1997 и возглавляемая генерал-полковником В.А.Золотаревым, занималась почти исключительно вопросами судеб участников российско-чеченского вооруженного конфликта и, отчасти, «ограниченного контингента советских войск в Афганистане».

**НА ИЗЛЕТЕ ВЕКА:
ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИИ ЗА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД
И БУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОМПЕНСАЦИОННЫХ ФОНДОВ
(1996—2000)**

**8.1. Коллективные иски против
Швейцарии и швейцарских фирм
и возникновение новых компенсационных фондов**

Еще с 1962 года в Швейцарии действовал закон, обязывающий банки классифицировать так называемые «спящие» вклады (то есть вклады, не востребованные после войны) по трем категориям их возможных владельцев: а) евреи — граждане одной из восточноевропейских стран; б) евреи, чье гражданство неизвестно и в) не-евреи. Банки, однако, бессовестно обходили этот закон, в результате чего все «спящие вклады» благополучно сосредотачивались во второй категории.

На протяжении нескольких десятилетий еврейские организации требовали от швейцарских банков возвращения вкладов жертв нацизма. Поводов же для очередного всплеска интереса к этому вопросу было сразу несколько. Наружу выплыло, что в 1949 году Швейцария и Польша заключили секретное соглашение, согласно которому Польша, начиная с 1951 года, была вправе использовать невостребованные в швейцарских банках вклады польских граждан (в том числе и убитых евреев) на сумму в 41,5 млн. долларов для выплат компенсаций швейцарцам, чья собственность в Польше, как и любая другая, после войны была национализирована. Такая практика вызывающе противоречила преобладающему принципу, по которому строились реституционные отношения евреев с Германией: объектом реституции любых принадлежавших евреям активов, чьи владельцы или их наследники вследствие Холокоста более не поддаются идентификации, являются не государства, а еврейские благотворительные организации.

Кроме того обнаружили новые доказательства принадлежности некоторых из «спящих счетов» восточноевропейским евреям: в частности, на банковских счетах 182 румынских евреев в женеvской страховой компании Société Generale de Surveillance в 1945 году было

2 млн. долларов, что, с учетом одних только процентов (и без учета инфляции) эквивалентно нынешним 20 млн. долларов. Утаивание этих сведений, да еще наглость требовать за обработку каждого запроса о спящих вкладах по 250 долларов, заставила еврейские организации пойти на крайние меры и пригрозить международным бойкотом. Мало того, в 20 штатах и 30 городах США такого рода бойкот даже объявлялся.

Ввиду столь серьезной угрозы для общего имиджа Швейцарии как страны самых надежных и вместе с тем самых чистых банков три самых больших из них — Credit Suisse, Union Bank of Switzerland и Swiss Bank Corporation — образовали в 1997 году консорциум и учредили Мемориальный фонд жертв Холокоста с уставным капиталом в 70 млн. долларов. Средства переводились в Центральный банк Швейцарии с предоставлением права распоряжения ими правительству конфедерации. Фонд носил чисто жестовый, благотворительный характер и не преследовал специальной задачи рассчитаться хотя бы по спящим счетам как таковым¹.

Тем не менее некоторые владельцы спящих счетов все же дождались выплат по ним. В два захода Ассоциация швейцарских банков опубликовала их списки из в общей сложности 5500 имен — беспрецедентная акция в истории швейцарских банков. Была создана специальная комиссия во главе с П. Уолкером, а также независимая организация специально для выявления владельцев спящих счетов жертв Холокоста и возвращении им причитающихся сумм².

Первые выплаты предназначались тем, чьи права были легко доказуемы, и состоялись в конце 1997 года. В планы Ассоциации входило полностью расплатиться с подпадающими идентификации владельцами спящих счетов в течение 1998—1999 годов³. Российская пресса (в особенности газета «Коммерсант») уделила этой проблеме большое внимание: с ее помощью даже удалось найти нескольких законных владельцев спящих счетов, положенных гражданами России⁴.

1 марта 1997 года решением Федерального Совета Швейцарии был создан еще один фонд — Швейцарский Фонд помощи нуждающимся жертвам Холокоста-Шоа (The Swiss Fund for Needy Victims of the Holocaust/Shoah)⁵. Капитал фонда составил 278 млн. швейцарских франков, или 189 млн. долларов. Средства были выделены тремя основными швейцарскими банками, рядом частных швейцарских фирм и Национальным Банком Швейцарии. Назначение средств фонда было квотировано: около 86 млн. франков предназначено для еврейских жертв Холокоста, в настоящее время проживающих в странах Восточной Европы и бывшего СССР и ровно столько же — для проживающих в Израиле, 47 млн. франков (или 32 млн. долларов) — для проживающих в США и еще 26 млн. франков — для резидентов Западной Европы, Латинской Америки, Канады, Австралии и Южной Африки. Около 33 млн. франков выделено для не-еврейских

жертв во всем мире. Средства переводятся на счет Всемирной Еврейской организацией по реституции, или ВЕОР (The World Jewish Restitution Organization) и распределяются ею. Часть средств предназначалась для увековечения памяти погибших — создания мемориалов, выставок, архивов, проведения поисковых и исследовательских работ, гуманитарной помощи тем, кто в них особо нуждается.

При этом выплаты не являются какой бы то ни было формой репараций или реституций (компенсаций), — это гуманитарный жест и акт доброй воли. Критерии правомочных контингентов — даже шире общепринятых, к ним относятся и еврейские беженцы, выехавшие из Германии после 1933 года. Уже в ноябре 1997 года в Латвии состоялось первое вручение чеков на 1000 долларов. Второй страной, где производились выплаты этого фонда, стала Венгрия.

Список претендентов от России составляется Программой «Ваад»⁶ и утверждается Общероссийским национальным комитетом по вопросам реституции и компенсации и направляется в ВЕОР, откуда и поступают деньги (уполномоченным банком в России являлся «Мост-банк»). Непосредственно распределением занимается Специальный комитет по распределению средств нуждающимся жертвам Холокоста в России⁷.

В России первые выплаты состоялись в июле 1999 года, общая сумма в 1000 долларов была разбита на два транша (в 400 и 600 долларов). Общее количество получателей по России составило около 2500 чел.

Осенью 1996 года в Окружной суд США Восточного округа штата Нью-Йорк был подан целый ряд коллективных исков, объединенных в единое производство № CV-96-4849 под заголовком «In re Holocaust Victim Assets Litigation» и даже двурушническую. Ответчиками выступали Credit Suisse, Union Bank of Switzerland и Swiss Bank Corporation вкупе со всеми их отделениями и дочерними, материнскими и аффилированными компаниями. Истцы утверждали, что ответчики активно сотрудничали с национал-социалистическим правительством Германии и его союзниками, в том числе принимали участие в сговоре по незаконному удержанию активов, помещенных в швейцарские банки до войны или во время войны⁸.

Наконец, 12 августа 1998 года консорциум двух крупнейших швейцарских банков (Credit Suisse и Union Bank of Switzerland) при участии правительства Швейцарии, с одной стороны, и Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК), с другой, завершили переговоры, продолжавшиеся около трех лет. Первоначально швейцарские банки предлагали в качестве «отступного» всего лишь 30 млн. долларов, но беспрецедентное рассекречивание архивов, на которое, под давлением ВЕК, пошло правительство США, неоспоримо доказало двусмысленную, и даже двурушническую политику Швейцарии во время войны, фактически являвшейся финансовым агентом нацистской Германии.

Это крайне отрицательно сказалось на репутации страны и ее банковской системы и заставило банки пойти на новые переговоры с ВЕК и с адвокатами подателей коллективных исков.

В результате банкиры согласились уплатить «отступное» — 1,25 млрд. долларов внесудебной компенсации жертвам нацизма, деньги которых были так или иначе использованы швейцарскими банками во время Второй мировой войны. Соглашение предусматривало прекращение производства не только по делу № CV-96-4849, но и еще по двум крупным коллективным искам, поданным, соответственно, в окружной суд США Северного округа штата Калифорния⁹ и в окружной суд округа Колумбия¹⁰.

В июне 1999 года, наконец, было принято решение по выплате компенсаций. Пресс-конференции по этому поводу состоялись одновременно в Тель-Авиве, Берлине, Будапеште, Иоханнесбурге, Москве, Нью-Йорке и Париже. Полноформатные уведомления с разъяснениями регламента, образцами заявлений и номерами бесплатных телефонов для консультаций были опубликованы примерно в 500 ведущих газетах 48 стран мира суммарным тиражом 15 млн. экземпляров. Более 560 тыс. чел. заполнили и прислали первоначальную анкету¹¹.

По решению окружного судьи Нью-Йорка Э.Кормана (Edward Korman), принятому 29 ноября 1999 года и окончательно утвержденному 9 августа 2000 года, выплаты предусмотрены для следующих категорий граждан: 1) владельцы депозитных активов, или «спящих счетов» (на это выделено 800 млн. долларов); 2) те, чье имущество было разграблено немцами и могло быть задепонировано в швейцарских банках (для них предусмотрена оплата питания и медицинской помощи, а в экстренных случаях и денежная помощь); 3) принудительные рабочие, на чьем труде наживались швейцарские фирмы (сумма компенсации в интервале от 500 до 1000 долларов); 4) беженцы, не пропущенные швейцарскими властями через швейцарскую границу (компенсации в размере от 500 до 2500 долларов); 5) владельцы полисов швейцарских страховых фирм. Дедлайны, истекавшие в промежутке между 5 августа и 30 сентября 2001 года, были продлены.

Уполномоченными организациями фонда являются «Claims Conference», Международная организация миграции и «Джойнт». В первую очередь удовлетворяются материальные притязания жертв Холокоста, в том числе и тех, у кого никогда не было счетов в швейцарских банках. Однако, фонд открыт и для нееврейских жертв.

Первый транш в размере 250 млн. долларов поступил на счета ВЕК еще 23 ноября 1998 года. Оставшаяся сумма равными долями (по 333 млн. долларов) выплачивалась в течение последующих трех лет¹².

Ожидалось, что основные выплаты начнутся во второй половине 2000 года. Но в некоторых бесспорных случаях они состоялись даже ранее: например, Эстер Шапир из Нью-Йорка, дочь польского банкира Иосифа Шапира, имевшего счета в Швейцарии и погибшего в 1943 году (до этого ей отказывали в праве получать его деньги)¹³.

Заметим, что в Швейцарии обсуждается правительственная инициатива о создании за счет части золотого резерва страны еще одного фонда — Швейцарского Фонда Солидарности (Stiftung Solidarität Schweiz), с суммарным капиталом в 4,7 млрд. долларов. В случае положительного решения фонд перечислял бы ежегодно до 200 млн. долларов на различные гуманитарные нужды по всему миру, в том числе и лицам, пережившим Холокост, но не на индивидуальной основе, а в рамках крупных конкретных проектов. Судьба и профиль этого фонда решатся на референдуме, назначенном на 22 сентября 2002 года¹⁴.

Кроме того 24 января 1997 года по инициативе школьников из Берна был создан общественный Фонд Солидарности с жертвами Холокоста (Solidaritätsfonds für die Opfer des Holocausts). Из собранных средств (около 280 тыс. швейцарских франков) 50 тыс. было истрачено на помощь нуждающимся жертвам Холокоста в Израиле, а остальные — на ежемесячные пенсии 86 латышским цыганам из г. Вентспила, пережившим геноцид¹⁵.

Примечания

¹ См.: Скворцов Я. Мертвые вкладов не имеют // Коммерсантъ-Власть. № 5. 11.02.1997. С. 26—27.

² Independent Claimes Resolution Foundation.

³ См.: Алексеев А. Швейцария скоро начнет платить по «спящим счетам» // Коммерсант-Daily. 21.11.1997. С. 5

⁴ Например, наследники ростовчанина Эдуарда Коби: один — в Ростове, а двое — аккуратно в Швейцарии. Есть наследники и у 100 франков Владимира Ульянова из Цюриха, если только это действительно В.И. Ленин.

⁵ См. веб-сайт фонда: www.swissbankclaims.com

⁶ Всероссийская конфедерация еврейских организаций (председатель М.Членов).

⁷ Генеральный директор: Е. Гологорский.

⁸ Адвокатами ответчиков являлись известные американские юристы — М. Хаусфельд, М. Уайсс, Р. Лифф, И. Левин, Б. Ньюсборн, Э. Фаган, С. Уинстон, М. Урбак, А. Левин, А. Мендельсон и С. Чесли.

⁹ Markovicova, et al. versus Swiss Bank Coropration, et al (дело № C98-02924 MMC).

¹⁰ Rosenberg, et al. versus Swiss National Bank, et al (гражданский иск № 1:98 CV 01647).

¹¹ Были установлены и дедлайны: для подачи присоединительных заявлений — 22 октября, для предоставления сводок и предложений по их обработке — 28 декабря 1999 года.

¹² Максименко Е. Жертвы Холокоста получают 1,25 млрд. долларов // Коммерсант-Daily. 15.08.1998. С. 2.

¹³ По проблеме адвокатских гонораров принято решение о том, что их сумма не должна превысить 25 млн. долларов (многие адвокаты отказались от гонораров).

¹⁴ См. веб-сайт фонда: www.solidarity.admin.ch.

¹⁵ См. веб-сайт: www.space.ch/fonds.

8.2. Коллективные иски против Германии и немецких фирм и возникновение новых компенсационных фондов в Германии

Американское законодательство предусматривало подсудность в США всех действующих в США иностранных фирм или их филиалов. Так что после прецедента со Швейцарией уже не приходится удивляться тому, что вскоре в суды были переданы первые коллективные иски бывших принудительных рабочих и других жертв нацизма против Германии и германских предприятий.

Однако любопытно, что их первой мишенью стал... американский концерн, да еще какой — «Форд»! В годы войны его кельнский филиал — «Fordwerke» — поставлял вермахту солидную долю военных грузовиков и не закрывался ни на одну минуту (завод к тому же не бомбили американцы). Половину рабочих предприятия составляли иностранцы, в том числе и в первую очередь оstarбайтеры, а также узники расположенной неподалеку внешней рабочей команды концлагеря Бухенвальд¹.

Коллективный иск против «Fordwerke» и его материнской кампании был подан в марте 1998 года адвокатами Мелвином Уайссом (Melvyn Weiss) из Нью-Йорка и Михаилом Хаусфельдом (Michael Hausfeld) из Вашингтона: 28 сентября 1998 года иск был принят к рассмотрению окружным судом штата Нью-Джерси.

В конце августа 1998 года те же адвокаты подали иск против «Фольксваген» («Volkswagen»), и как бы «в очередь» к ним стали и другие немецкие предприятия, имеющие свои филиалы в США, в частности, BMW, «Daimler-Kraiser», «Krupp-Thyssen» и MAN. Тому же «Фольксвагену» угрожали еще иски от его бывших принудительных работников в связи с гибелью в специальных детских домах их детей (М.Хаусфельд занимался и этим вопросом): речь шла приблизительно о 350—400 смертных случаях среди детей русских и польских работников в детском доме Рюэн под Вольфсбургом, в котором умерли практически все содержавшиеся там дети.

Несмотря на то, что случаи подачи исковых заявлений с востока, в частности, из Польши участились, основная и реальная «угроза» для Германии и немецких фирм исходила с запада — из США. Десятками миллиардов долларов исчислялись судебные иски, выдвинутые против Германии и немецких фирм адвокатами бывших принудительных рабочих (почти исключительно евреев — граждан США)². А после того как в некоторых штатах и городах США уже объявлялся бойкот отделениям ведущих швейцарских банков, угрозы бойкота в отношении немецких фирм и банков уже не казались химерическими.

Особенно уязвимыми для таких «атак» оказались немецкие фирмы, ориентированные на экспорт, и прежде всего автогиганты, имею-

шие филиалы в США. Это открывало путь к подаче исковых заявлений в суды этой страны. Кроме того в результате архивных разысканий и разоблачений вокруг «нацистского золота» достоянием гласности стало участие металлургического концерна Degussa в переплавке, а Deutsche Bank и Dresdner Bank — в торговле золотом, поступавшим из концлагерей. Их репутация оказалась весьма подмоченной и явно нуждалась в облагораживании.

В августе 1998 года ряд немецких концернов (в частности, BMW, Daimler-Benz, Volkswagen, Siemens, Hochtief, Warta) предложил создать — под эгидой государства — объединенный фонд для выплат тем из своих бывших принудительных рабочих, кто до сих пор еще жив. Однако тогдашнее правоцентристское правительство Гельмута Коля, всячески противившееся искам бывших «цвангсарбайтеров», отклонило и эту компромиссную идею¹. При этом сам экс-канцлер не раз повторял, что все правовые обязательства германского государства уже выполнены и остающиеся претензии, если они есть, следует направлять непосредственно фирмам.

Некоторые фирмы, действительно, сочли за благо действовать самостоятельно. Так, в частности, «Фольксваген» и «Сименс» в сентябре 1998 года учредили собственные, «фирменные», фонды по оказанию гуманитарной помощи своим бывшим рабочим: оба — примерно одинаковой величины (11,7 млн. долларов в одном случае и 20 млн. DM в другом⁴). «Сименс», справивший в 1997 году свое 150-летие и привычно проигнорировавший тогда все обращения и призывы к выплате компенсаций, на этот раз преподнес свою акцию как жест покаяния за соучастие в нацистской промышленности и как знак примирения со своими бывшими рабочими.

Ряд серьезных практических шагов сделал и концерн «Фольксваген». Из приблизительно 20 тыс. «его» принудительных рабочих в живых на тот момент оставался едва ли каждый сотый. В заявлении от 19 ноября 1998 года концерн признал ответственность за эту мрачную страницу своей истории и учредил «Фонд по оказанию гуманитарной помощи гражданам, работавшим во время Второй мировой войны на предприятиях компании Фольксваген»⁵. По состоянию на май 1999 года, одноразовые компенсации размером в 10 тыс. DM получили 219 человек. Возможности выплат остарбайтерам обсуждались и в других кампаниях (например, в Hochtief и Warta)⁶.

Казалось бы, совершенно благое дело, — но у организации таких «фирменных» фондов, как это ни странно, нашлись и противники. В частности, в лице американских адвокатов: в их интерпретации это ни что иное как попытка предотвратить выплату подлинных компенсаций подлинным жертвам, на этой раз представленных компетентными защитниками, то есть ими. Вне всякого сомнения здесь только одно: интересы адвокатов и интересы фирм прямо противоположны.

Подсудность немецких фирм в США была, конечно, крайне невыгодна и нежелательна немецкой стороне. Реагируя на все это и, по-видимому, желая перетянуть судопроизводство из США в Германию, Конституционный Суд ФРГ в г. Карлсруэ установил, начиная с 13 мая 1996 года, трехлетний срок действительности правомочий на подачу частными лицами исковых заявлений о компенсации ущерба, причиненного им фирмами-работодателями, эксплуатировавшими их труд во время войны (если эти фирмы еще существуют или имеют правопреемников).

Тем самым в рамках немецкой правовой системы, пусть и на ограниченное и небольшое время, было воссоздано правовое поле для компенсационных притязаний индивидуалов-иностранцев и прежде всего из тех стран, чья политика в свое время начисто отрезала их граждан даже от тени мысли о получении компенсации.

Но и этой «нишей» воспользовались преимущественно граждане Израиля, США и Канады, а также, — и это заметная особенность, — граждане Польши. При этом индивидуальные иски сочетались с небольшими групповыми (от нескольких человек) и с массовыми коллективными (десятки, сотни, а иногда и тысячи заявителей!).

Естественно, что незадолго до наступления 13 мая 1999 года — даты истечения трехлетнего срока действительности для подачи исковых заявлений частными лицами процесс подачи последних несколько активизировался. Так, в начале мая четверо польских рабочих (с 1923 по 1926 г.р.) предъявили иск о компенсации фирме «Daimler-Kreisler AG» (сумма иска — 10.000 DM каждому), а еще трое польских рабочих (с 1919 по 1927 г.р.) предъявили иск о компенсации фирме «Robert Bosch AG» (сумма иска: от 8 до 42 тыс. DM).

Непосредственно в пятницу 13 мая адвокат Дитер Виссготт (Dieter Wissgott) подал в земельный суд во Франкфурте-на-Майне поистине гигантский коллективный иск от имени 2700 узников концлагерей — польских граждан против «Dresdner Bank» как доминирующего финансового института Третьего Рейха. Не менее внушительной была и сумма иска — 3 млрд. долларов. Помимо «Дрезднер банка» иск выставлен еще 34 другим немецким фирмам (Daimler-Chrysler, BMW, Siemens, Osram, die IG Farben, Krupp, Deutsche Bahn и др.), — причем уже от имени 22 тыс. чел. (сумма претензий в этом случае — «всего» 1 млрд. DM).

В тот же день еще 28 поляков — бывших принудительных рабочих в возрасте от 72 до 85 лет обратились в Штуттгартский земельный суд с заявлением о покрытии судебных издержек по ведению процесса против «Даймлер-Крайслера». Проработав сроки от 1 до 24 месяцев, они требовали компенсацию за причиненный ущерб в сумме от 16.200 до 388.800 DM⁷.

А вот граждане и гражданки из стран СНГ скорее всего так и не узнали о своем нежданно-негаданно обретенном и грозящем вот-вот

снова испариться праве. А если они и узнавали об этом историко-юридическом шансе, — то буквально в последнюю минуту, когда что бы то ни было грамотно предпринять было уже поздно. А ведь грамотное исковое заявление, как и ведение дела, разумеется, невозможно без адвоката (а это как минимум 600 DM), а вот взять деньги на адвокатский гонорар им скорее всего было бы неоткуда (тем менее они и не подозревали и о том, что в некоторых случаях, — в частности, не в гражданских, а в рабочих судах, — эти расходы могла бы взять на себя сама Германия).

Бывшим советским репатриантам (а впрочем и бывшим невозвращенцам тоже) было бы нелегко довести дело до суда еще и по той причине, что, как правило, у них не было на руках документов, которые обязательно понадобились бы в суде в качестве доказательной базы. Еще одно ограничение: дело могло быть возбуждено лишь в случае, если фирма, где работал истец, существует и по сей день (или хотя бы ее правопреемник).

Так что для самой массовой категории жертв процесс их судебной реабилитации и реституции фактически и не начинался! Если их слабый голос и был бы услышан, то, в отличие от «олигархов», за стол переговоров их все равно никто бы не позвал (тем более после 13 мая 1999 года, когда угроза выставления фирмам частных исков исчезла, а именно она была очевидным и главным двигателем всех дорогостоящих гуманитарных жестов).

Именно так и вышло с бывшими принудительными рабочими известного и сегодня кондитерского предприятия «Бальзен» (Bahlsen), основанного в 1899 году и бывшего поставщиком германской армии во время обеих мировых войн. В годы Второй Мировой более 40 % продукции фирмы поступало на склады вермахта⁸. Еще в 1941 году в Ганновере, где находилась штаб-квартира «Бальзена», были построены три барака для размещения иностранных рабочих. Остарбайтеров, начавших прибывать в 1942 году, размещали в бывшем свинарнике или непосредственно в фабричных помещениях, не приспособленных для жилья⁹.

75-летняя киевлянка Елена Александровна Киселева, кажется, первой еще в 1998 году подала в суд на «Бальзен». Компенсации ущерба за невыплаченную зарплату и принесенные страдания она так и не получила: не сумев подтвердить свои обвинения документально, она проиграла уже в первой инстанции. Киселева, однако, не отступилась, тем более что ей на помощь пришел ее родственник и бывший земляк Эдгар фон Эттинген, 62-летний предприниматель из Келькхайма (под Франкфуртом)¹⁰. Дав объявление в газету, они разыскивали еще несколько десятков бывших сотрудниц фирмы «Бальзен». От их имени, во время личной встречи 12 марта 1999 года с сыном прежнего владельца фирмы Вернером М.Бальзеном, Э.Эттинген обратился к нему с внесудебным обращением. Бальзен-младший при этом заявил, что его фирма не в ответе за все преступления нацистского государства;

он утверждал также, что остарбайтерам у них платили точно такую же зарплату, как и немецким рабочим¹¹. Тем не менее В.Бальзен не исключал того, что окажет «своим» бывшим работникам символическую гуманитарную помощь, о чем обещал написать в апреле. Но написал только 7 мая, что, разумеется, не было случайностью: ведь 13 мая истекал упоминавшийся выше срок подачи исковых заявлений по поводу компенсаций!

Но к этому времени адвокат П.-Й.Крузе из Майнたля и его украинский коллега Д.Курдельчук уже подали в 11-ю палату Трудового суда Ганновера коллективное исковое заявление от имени 45 бывших остовок. Однако уже 16 июня, после выставления Бальзенем встречного иска, это заявление в этой инстанции было отклонено. 10 сентября было подано новое исковое заявление — на этот раз в Земельный суд Ганновера и уже от имени 79 (по другим сведениям — 60) остарбайтеров (сумма коллективного иска — около 1 млн. DM). Однако и эта инстанция сказала свое «нет» — и на этот раз из-за истечения срока подачи исковых заявлений, что соответствовало действительности¹².

Но даже если бы срок действительности подачи исков был бы продлен, то опасаться «олигархам» все равно нечего: из бывших остовцев и военнопленных вышли бы неважные истцы, — старые, больные, десятилетиями запуганные люди, с прорехами не только в юридическом образовании, но и в подтверждающей документации (ее хранили или смельчаки, или идиоты), — что смогут они поделаться против поднаторевших в своем деле банковских или концерновских юристов?¹³

Примечание

¹ См.: Zwangsarbeit bei Ford. Eine Dokumentation. Köln: Betrieb Rode-Stankowski, 1996.

² Среди специализирующихся на таких делах адвокатов наибольшей известностью пользовались Э.Фейган из Нью-Йорка, М.Витти из Мюнхена, К.Мюльхаузен из Бремена и др.

³ Моцкобили И. Германия считает, что больше не должна жертвам нацизма. Остарбайтеры ничего не получают // Коммерсант-Daily. 27.08.1998. С. 2.

⁴ См.: www.siemens.de/de/press_service/pi2309_d/index.html.

⁵ В конце 1998 года этот фонд разместил информацию о себе в ряде центральных газет, например, в «Коммерсанте-Daily» (на правах рекламы, что в данном случае справедливо). В частности, был создан Попечительский Совет (в качестве его возможных членов назывались и бывший премьер-министр Израиля Ш.Перес, бывший президент ФРГ Р.Вайцекер и бывший канцлер Австрии Ф.Враницкий) и назначена управляющая кампания (KPMG Deutsche Treuhand-Gesellschaft AG), имеющая представительство в Москве.

⁶ Моцкобили И. Германские компании вернут деньги остарбайтерам // Коммерсант-Daily. 22.08.1998. С. 3.

⁷ Юридически это не является иском.

⁸ В свою очередь, давало ей многочисленные привилегии (при получении сырья, например). В 1942 году В.Бальзен, владелец фирмы, получил заказ на восстановление кондитерской фабрики имени К.Маркса в Киеве. Под именем «Кексверк Киев» производство было запущено: эта фабрика работала на вермахт уже на все 100 % — и, разумеется, на сырье, изъятном из жизнеобеспечения голодающего местного населения. При посредничестве «Zentralgesellschaft Ost für landwirtschaftlichen Absatz und Bedarf GmbH» эта фирма вскоре стала официальным государственным монополистом, и ее роль в эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов Украины многократно возросла.

⁹ Первый эшелон с 70 «восточными работницами» прибыл сюда из Украины в августе 1942 года, второй (с 78 девушками и 14 юношами) — в марте 1943 года, третий (с 52 остовками и 6 остовцами) — в июне и четвертый (41 чел., не считая членов их семей) — в августе 1943 года. В июле 1943 года 20 чел. в том числе 8 мужчин, были отправлены назад вместе с «возвратными партиями». В сентябре 1943 года производство в Киеве пришлось сворачивать: в октябре оттуда прибыли 15 немецких служащих, трое русских (руководящие работники) и 19 фольксдойче и украинцев. В апреле 1944 года фирма «Бальзен» одолжила 85 своих украинских работниц для работы на оружейной фабрике в условиях, не отличимых от концлагерных. Освобождение территории фабрики американцами воспоследовало 10.04.1945.

¹⁰ Благодарим его за сведения, используемые в этой главе.

¹¹ Это звучит весьма неправдоподобно; вместе с тем то, что условия труда на «Бальзене» были, действительно, относительно мягкими, признают и сами бывшие остовки, откровенно «подкармливавшиеся» в то голодное время бальзеновскими кексами.

¹² См.: Jungl World, 6.12.2000

¹³ Кстати, в последнюю минуту к адвокатскому нажиму присоединились и российские адвокаты. В частности, адвокат из Санкт-Петербурга Елена Худякова, действовавшая совместно с Кеннетом Мак-Каллионом (Kenneth McCallion) из Нью-Йорка от имени своих клиентов выразила недоверие российскому фонду «Взаимопонимание и примирение» (см.: Yahoo-Headlines, 16.12.1999).

8.3. Немецкий фонд «Память, ответственность и будущее»

Еще в предвыборной кампании ныне правящей в ФРГ коалиции социал-демократов и «зеленых» акценты были расставлены иначе. Обе партии остро критиковали коалицию христианских демократов и либералов за «бессердечие и цинизм» в отношении компенсации насильственного, почти бесплатного и до сих пор ничем не возмещенного труда в Третьем Рейхе бывших восточных рабочих. В случае победы на выборах они обещали создать, на паях с фирмами, тот самый объединенный фонд, от которого так безуспешно отмахивались правые.

Победив на выборах и выруливая Германию в XXI век, красно-зеленые не забыли о предвыборных обещаниях: скорейшее и решительное исправление несправедливости по отношению к жертвам национал-социализма, в том числе и к принудительным рабочим, новое правительство сочло своим первоочередным долгом и делом национальной чести.

Социал-демократ Герхард Шредер — первый немецкий канцлер, лично ни в малейшей степени не причастный к событиям той страшной войны. И ему очень хотелось бы, чтобы под его водительством Германия, которая уже выплатила за послевоенное время различных компенсаций на сумму порядка 60 млрд. долларов, хотя бы к началу третьего тысячелетия и уж во всяком случае в его легислатуру окончательно очистилась бы и освободилась — если не от грехов, то хотя бы от долгов, которые на ней все еще висят.

Еще 20 октября 1998 года, в межпартийном коалиционном соглашении, было озвучено намерение Германии создать фонд, предназначенный для компенсаций бывшим принудительным рабочим. Ветер перемен почувствовали и в восточноевропейских фондах «Взаимопонимание и примирение». На круглом столе, состоявшемся 27 января 1999 года в Москве, прозвучало их совместное обращение к депутатам Бундестага с предложением создать Общегерманский фонд по выплатам компенсаций за подневольный труд при нацистском режиме, ориентированный на выплаты как минимум 12—15 тыс. марок каждому остарбайтеру, а также находившимся с ними или рожденным ими в Германии детям.

Как бы то ни было, но свои первые переговоры с немецкими промышленниками Шредер начал даже до того, как занял служебный кабинет бундесканцлера! 22 октября 1998 года он провел в Ганновере совещание с представителями крупнейших немецких фирм — наиболее вероятных «кандидатов» в соучредители такого фонда¹. И на этот раз промышленники оказались податливыми, как никогда: совесть, что ли, в них проснулась при виде социал-демократического канцлера? (Или она уже достаточно хорошо выпалась при христианских демократах?)

И вот 17 февраля 1999 года страницы всех крупнейших газет мира облетела долгожданная и тем не менее сенсационная весть: накануне, 16 февраля, правительство ФРГ объявило о готовности 12 из числа крупнейших в стране фирм или банков «сброситься» и учредить новый фонд с капиталом в один, а может быть, и в два, а может быть, и в три миллиарда марок для выплаты компенсации тем бывшим принудительным рабочим, кто был занят в немецкой промышленности. В золотую дюжину фирм-инициаторов входили одна страховая кампания («Аллианц»), два банка («Дойче банк АГ» и «Дрезднер Банк АГ») и девять промышленных концернов — «Байер АГ», «БАСФ АГ», «БМВ АГ», «Даймлер-Крайслер АГ», «Дегусса-Хюльс АГ» (Degussa-Huels), «Сименс АГ», «Фольксваген АГ», «Фридрих Крупп АГ Хеш — Крупп» и «Хехст АГ». Вскоре к ним присоединились другие фирмы, но в целом и поначалу этот список рос крайне медленно² (Со временем этот список, однако, вырос в сотни раз!³).

Кстати, в качестве потенциальных спонсоров первоначально мыслились не только фирмы, но и отдельные административные единицы (скажем, сельские округа, где широко использовался принудительный труд сельскохозяйственных рабочих), или муниципалитеты (несть числа случаям использования дармового труда на расчистке завалов после бомбежек и на других работах). Само же государство, на федеральном уровне, поначалу совершенно не рвалось присоединяться к промышленности, отделяваясь вместо этого туманными обещаниями создать в будущем некий особый второй фонд, который удовлетворил бы всех тех, кому не намеревались платить промышленники, в частности, трудившихся в сельском хозяйстве и на различных государственных предприятиях.

Полное название фонда звучало несколько громоздко и витиевато: «Фонд-инициатива немецких предпринимателей: память, ответственность и будущее» («Stiftungsinitiative deutscher Unternehmen: Erinnerung, Verantwortung und Zukunft»). Создание фонда должно было выбить почву у многолетних и многочисленных критиков политики отказа немецкой индустрии платить по защищенным немецким законодательством долгам; оно придавало немецкому бизнесу имидж, за которым он никогда особенно не гнался, — имидж сообщества, ответственно относящегося к своей истории.

И действительно: то был совершенно иной и качественно новый уровень признания немецкими предпринимателями своей ответственности, своих моральных и материальных обязательств перед теми, чей труд они в свое время эксплуатировали. По существу, впервые они согласились на компенсацию за насильственный дармовой труд своих рабочих-невольников из Восточной Европы. Подчеркнем лишний раз: не на гуманитарное урегулирование, а именно на **компенсацию!**

Это было поистине революцией в юридическом осознании проблемы. Так же и в других аспектах проблемы, не исключая и исто-

рический, произошел настоящий прорыв! Многие из перечисленных и не перечисленных фирм сделали нечто совершенно не представимое для ситуации, скажем, 80-х годов: наняли профессиональных, независимых историков и открыли, хотя бы частично, свои служебные архивы, по крайней мере для этих «карманных» историков.

Конечно, соображения исторического и гуманитарного характера были отнюдь не единственными стимуляторами столь радикальных перемен. Возьмем на себя смелость утверждать, что и не главными. Суть дела была даже не в коллективных исках самих по себе (шансы не проиграть их были достаточно высоки), сколько в неизбежном падении престижа крупных немецких фирм, что ударяло по их глобальным экономическим интересам. Так, торговый бойкот американцами продукции этих фирм и опасения за будущность и эффективность своих инвестиций на процветавших тогда рынках США составляли угрозу даже большую, чем перспектива миллионных выплат по судебным исполнительным листам⁴. По всем расчетам, дешевле и эффективней было пойти по уже испытанному «швейцарскому пути» и создать-таки гигантский компенсационный фонд. Кстати, мотором интриги называют «Дойче банк», чрезвычайно заинтересованный в том, чтобы его крупнейший бросок за океан, — поглощение финансовой компании «Банкерз Траст» ценою в 10,1 млрд. долларов, — не было бы торпедировано в последний или предпоследний момент.

И не случайно, что в качестве чуть ли единственного условия (сначала неофициально, потом официального и под конец даже до неприличия громогласного) фирмы-учредители будущего фонда выставляли правовые гарантии избавления их от риска новых исков в будущем. Их лозунг: «Да, на этот раз мы уж так и быть заплатим, но только пусть этот раз будет последним!».

Предполагалось, что создаваемый Фонд будет иметь статус благотворительной организации и управляться Исполнительным Комитетом (Правлением) в составе пяти человек — двух президентов, генерального секретаря и по одному представителю от Совета Фонда, состоящего из представителей кампаний-спонсоров, и от Попечительского (Наблюдательного) Совета Фонда, состоящего из представителей кампаний, ассоциаций жертв нацизма, деятелей научного и культурного мира. Именно этот совет и принимал бы окончательные решения по выплатам.

Капитал Фонда состоял бы из средств, перечисленных учредителями, за вычетом сумм, зарезервированных для гуманитарных программ⁵. Средства предназначались бы для выплат лицам — жертвам принудительного труда, депортированным нацистами во время Второй мировой войны и эксплуатировавшимся в промышленности в условиях концентрационных лагерей или сходных с ними, а также подвергавшимся дискриминации по расовому признаку. Ожидалось,

что общее количество потенциальных получателей помощи из этого фонда составит, по разным оценкам, от 30—50⁶ до 100 тыс. чел., причем доля еврейских жертв эксплуатации не превысит и 10 %. Преимуществом при этом пользовались бы те, кто нуждался материально.

Тем не менее инициаторами и объектом переговоров в их начале являлись, скорее всего, одни лишь узники концентрационных лагерей, и в первую очередь их еврейские узники.

Но если Холокост, действительно, являлся трагической «привилегией» евреев и цыган, то принудительный труд был не только самым массовым, но еще и самым интернациональным преступлением нацизма. Не было на него монополии и у концлагерей: десятки тысяч рабочих лагерей для гражданских лиц и для военнопленных были разбросаны по всей Германии, а по степени «добровольности» трудового использования, а иной раз и по режиму содержания они (особенно шталаги) ничем «не уступали» концлагерным условиям.

Если эту аксиому признать (а ведь десятилетиями удавалось этого не делать!), то число правомочных получателей компенсации вырастет на порядок, и это осознание болезненно далось не только немецким фирмам, но, к сожалению, и некоторым еврейским организациям, которых вместе с тем цинично-прагматический подход американского и немецкого правительств (не говоря уж о немецкой промышленности), интересующихся не столько моральной стороной вопроса, сколько гарантиями правовой безопасности, весьма коробил.

Для выработки критериев выплат и регламента работы фонда намечалось создать специальный Общественный Совет, в состав которого вошли бы представители *Claimes Conference*, восточноевропейских фондов примирения, Федерального Союза по информированию и консультированию преследовавшихся при нацизме⁷ и Красного Креста. Посол США в Германии Д.Корнблюм предложил организовать даже не один, а два фонда сбалансированной величины: первый — непосредственно для оказания гуманитарной помощи жертвам принудительного труда и второй — как своеобразную инфраструктуру для будущего.

На удивление наивным показалось бы сегодня мнение тогдашнего руководителя администрации канцлера ФРГ Бодо Хомбаха (поначалу именно он возглавлял переговорный процесс с немецкой стороны; впоследствии в этом амплуа его заменил специальный уполномоченный канцлера граф Отто Ламсдорф), высказанное во время официального визита в США в начале февраля 1999 года, уже в мае 1999 года могла бы состояться публичная презентация фонда, а его официальное открытие и осуществление первых выплат — уже 1 сентября 1999 года, в день 60-летия начала Второй мировой войны.

Что ж, задумано было и звучало неплохо! Создав фонд, который погасил бы последние материальные претензии со стороны тех, кого Германия при нацистах убивала, притесняла и эксплуатировала, страна вошла бы в грядущий век обновленной и морально очистившейся от скверны века уходящего!

11 и 12 мая в Вашингтоне состоялись первые международные переговоры по поводу создания в Германии нового фонда. В них участвовали представители правительства Германии (Б.Хомбах) и США (С.Айзенштаг), а также России, Украины, Беларуси, Чехии, Польши и Израиля, восточноевропейских фондов, *Claims Conference*, а также фирм-учредителей фонда. Капитал фонда никем официально не декларировался, но курсировали слухи, что он составит около 3 млрд. долларов (официально при этом назывались примерно вдвое меньшие суммы).

Были созданы две рабочие группы, которые должны были дать свои рекомендации в течение последующих 90 дней — с тем, чтобы фонд мог открыться уже к 1 сентября. На самом же деле переговорному процессу, который, таким образом, начался, суждено было продлиться не три месяца, а несколько лет.

Увы, идея «блицфонда» не состоялась в точности так же, как в свое время сорвалась и идея «блицкрига». Действительность отрезвляла и тормозила, а реальный переговорный процесс потребовал еще более десятка официальных пленарных встреч, растянувшихся на добрых полтора года.

При этом складывалось впечатление, что немецкое правительство было полностью поглощено переговорным процессом только на одном «фронте» — с немецкой промышленностью, а о представителях жертв какое-то время и не вспоминали. Л.Эверс, руководитель Федерального Союза по информированию и консультированию преследовавшихся при нацизме даже считал своим долгом напомнить о них Г.Шредеру в специальном обращении⁸. В то же время представители жертв не соглашались играть роль статистов или бедных родственников, благодарных за любую подачку. — раз за разом они отвергали консолидированные и «окончательные» предложения немецкой стороны, в конечном счете подняв планку уставного капитала фонда с 1,5—1,7 до 10 млрд. DM.

Еще одной фактически проигнорированной стороной, или, точнее, привлеченной лишь декоративно или формально, оказалась историческая наука. Конечно же, у Б.Хомбаха и у китов немецкой индустрии специальный научный консультант находился — им был профессор Лутц Нитхаммер, известный историк из Йенского Университета, специалист по Второй мировой войне и, в особенности, по немецким концлагерям. Однако даже его участие не обеспечило переговорному процессу ни информационной открытости, ни международной коллегиальности, ни строгой научности и неангажированности, в которых оно так нуждалось.

Достаточно симптоматичным было уже то, что единственная рабочая встреча с участием независимых экспертов прошла в Бухенвальде в начале июля 1999 года, то есть за неполных два месяца до «начала» намечавшихся выплат! А это означало одно из двух: либо сам срок несерьезен, либо эта встреча-импровизация нужна была лишь как своего рода «алиби» — только для отвода глаз: она как бы придавала всему переговорному процессу не заслуженный им блеск легитимности и даже солидности за счет формальной «пропущенности» темы через фильтр международного и общественно-научного обмена мнениями и сведениями. Несмотря на это и на так и рвавшийся наружу дух научного прагматизма и сервилизма (в частности, императивной установкой, — как впоследствии выяснилось, по счастью, ложной, — являлся 1,7-миллиардный капитал будущего фонда), сама эта рабочая встреча дала немало новых импульсов и идей и действительно сыграла определенную (хотя и достаточно скромную, факультативную) роль как в определении принудительного труда и категорий правомочных получателей компенсации, так и в оценке их количества.

Столь же показательным и то, что за исключением встречи в Бухенвальде, официальные переговорщики и разработчики законопроектов не очень-то искали широкого и открытого обсуждения своих гипотез и концепций. Так что основным и надежным источником текущей информации и гарантом свободы доступа к ней явились Л.Эверс и возглавляемая им организация, обеспечившие мониторинг и циркуляцию как материалов прессы, так и официальных и неофициальных действий договаривающихся сторон (чему, напомним немало поспособствовало участие Л.Эверса в составе чешской делегации).

К числу совершенно несостоятельных правительственных идей (а точнее мечтаний) приходится отнести не только дату выплат, но и их сумму (1,7 млрд. DM как цена вопроса), а также структуру выплат.

Вопрос о создании немецким правительством второго, чисто государственного фонда, был как бы «замят для ясности». И правда: ни о каких конкретных шагах по его созданию не было слышно вплоть до конца лета 1999 года, и еще в июле, на рабочей встрече в Бухенвальде, единственным комментарием, которым ограничился по этому поводу Л.Нитхаммер, было лаконичное: «потом, потом, когда деньги будут» (на практическом языке это воздушное «когда-нибудь» означало куда менее двусмысленное «никогда!»). Однако концепция «отделаемся малой кровью и за счет частных предприятий» оказалась очевидно недееспособной и уже не только немецкой промышленности, но и немецкому правительству грозила потеря лица. И перед шквалом новых судебных исков, пришлось пойти на то, с чего по-хорошему стоило бы как раз начинать — с совместного финансирования промышленностью и государством этого искупительного

фонда. По осени нашлись деньги, причем в конечном счете очень большие деньги — сначала четыре, потом пять, потом шесть, потом восемь, а потом — в декабре 1999 года — и все десять миллиардов DM!

Достигнув столь впечатляющего результата на внешнем фронте, правительство обратилось к фронту внутреннему — общегерманскому сбору искомых 10 миллиардов DM.

Само немецкое государство взяло на себя 5-миллиардные обязательства, но где же взять эти деньги? Кто и как оплатит этот нештучный счет?

Федеральное правительство рассчитывало на солидарность земель, городов и коммун. Ведь не только частная промышленность, но и государственный коммунальный сектор с удовольствием использовали бесплатный труд остарбайтеров на любых работах, в особенности на восстановительных работах после бомбежек. А муниципалитет университета города Марбурга, как показали новейшие исследования, попросту брал посреднические «комиссионные» за предоставление работодателям советских военнопленных, за меньшую цену «уступленных» городу близлежащим шталагом⁹.

Тем не менее с правовой точки зрения, их готовность раскошиться может быть лишь исключительно добровольной. Их коллективная позиция в целом может быть охарактеризована тремя понятиями: обида, осторожность, сдержанность.

Обида — потому что никто из представителей государства — ни Б.Хомбах, ни О.Ламсдорф — до этого ни разу не поинтересовался их мнением (первая встреча канцлера Шредера с представителями коммун и муниципалитетов состоялась, в сущности, только 18 декабря 1999 года). Осторожность — потому что квотирование еще даже вчера не обсуждалось, а сдержанность — из-за малопривлекательной перспективы где-то искать и находить деньги. Позиция же земель и коммун, где у власти стоит оппозиция, сводится, как правило, к короткому «нет» (по причине отсутствия соответствующих денег в их и без того перегруженных бюджетах).

Что касается собственно «федеральной» доли, какую бы она ни была, то звучали декларации о том, что это не будут бюджетные деньги налогоплательщиков и что «свою» долю государство погасит за счет выручки от приватизации.

Не откажутся и от частных пожертвований граждан: ряд деятелей культуры (в их числе и президент Международного Пен-Клуба Гюнтер Грасс) уже обратились ко всем немцам пожертвовать в фонд по 20 DM с носа.

Свой вклад в общегерманский фонд сделали и религиозные организации, в частности, немецкие протестанты (монастыри и общины, как показали исследования, также входили в число работодателей принудительных рабочих): в июле 2000 года Евангелическая церковь Германии и благотворительная организация «Диакония» внесли в него 10 млн. DM.

А вот католики пошли «своим путем»: 29 августа 2000 года Конференция епископов Германии решила создать свой собственный компенсационный фонд с капиталом 10 млн. DM¹⁰.

Но, пожалуй, больше всего трудностей со сбором денег было не у государства, а у инициаторов создания фонда — промышленников. По состоянию на конец лета 2000 года, консорциум фирм-спонсоров насчитывал уже около 5.000 предприятий¹¹, а вот собранная ими вместе сумма едва составила 3,5 млрд. DM.

Отчасти это было связано с тем, что на удивление долго не находилось компромисса в весьма чувствительном для немецких фирм вопросе их правовой безопасности: в ответ и в обмен на что германские промышленники согласны были бы отдать свои миллиарды. Искомый юридический иммунитет к индивидуальным и коллективным искам частных лиц в Восточной Европе и США так и не был достигнут. В конечном счете линией компромисса стало Заявление американского правительства американским судебным органам: в нем говорится, что подобные иски противоречат внешнеполитическим интересам США и единственной организацией, куда американским жертвам нацизма и принудительным рабочим следует обращаться, является фонд «Память, ответственность, будущее».

В этой связи весьма симптоматичными были призывы присоединиться к Фонду-инициативе, адресованные «Форду» и другим американским фирмам, имевшим свои филиалы в Германии. По крайней мере две немецкие «дочки», — «Форд-верке» и «Истман-Кодак», — так и поступили¹².

Нервозность немецких промышленников все же удивляет: во-первых, срок подачи исков истек в мае 1999 года. Да и те, кто уже успел подать иски, теперь уже не «опасны» практически. Невозможно представить себе 70-летнего остарбайтера, согласно-го отказаться от многотысячной компенсации ради сомнительного удовольствия таскаться по американским судам. В этом и коренится правовая безопасность немецкой промышленности, — никакой иной абсолютной гарантии от правовых рисков в условиях американской независимой судебной системы не может быть в принципе.

Самое тяжелое — многораундовый воз переговоров с американцами и восточноевропейцами (да и с немецкими промышленниками) — вез для Германии специальный посланник канцлера, многоопытный дипломат и политический тяжеловес граф Отто Ламсдорф (к слову, либеральный демократ по партийной принадлежности). Последнее, 11-е по счету, пленарное заседание состоялось в Берлине 22 марта 2000 года. На нем, наконец, договорились и относительно того, как распределять немецкие 10 миллиардов.

В тот же день законопроект был передан в Бундестаг и в Бундесрат. Процедура его прохождения в немецком парламенте поистине беспрецедентна: официально он был внесен всеми фракциями без исключения!

Обсуждение законопроекта в Бундестаге состоялось 14 апреля 2000 года. Открывая прения и выходя на парламентскую трибуну, Г.Шредер буквально сиял. Еще бы — если Коль вошел в историю прежде всего как канцлер объединения, то Шредер, бросив перчатку самому Аденауэру, зарезервировал себе роль канцлера покаяния и исторической справедливости. Ведь еще в 1998 году на его предвыборных знаменах было начертано: принудительным рабочим — материальную компенсацию, объединенной Германии — моральное очищение от остатков нацистской скверны. Тот символический смысл, который вкладывался в название фонда — «Память, ответственность и будущее» — его учредителями, сам канцлер пояснил так: «Память» — чтобы не забывать того, что весь ужас Аушвица — не природная катастрофа, а дело рук человеческих; «Ответственность» — ибо во имя покаяния и очищения надо сделать что-то конкретное, а «Будущее» — ибо что-то надо сделать и для того, чтобы ничего подобного никогда и нигде в мире больше не могло повториться.

Верхняя палата — Бундестаг — приняла закон 6 июля 2000 года, а нижняя палата — Бундесрат — 14 июля его одобрила, а 17 июля состоялась торжественная церемония подписания закона. Де юре закон вступил в силу 12 августа 2000 года, однако еще около года он не мог вступить в силу де факто, поскольку условием этого являлось прописанная в законе «правовая безопасность» немецких фирм.

Федеральный закон об учреждении Фонда «Память, ответственность и будущее» и стал той компромиссной правовой формой, в которой отразились как разветвленные интересы договаривающихся сторон, так и многораундовые переговоры между ними, запечатлелись как политически сильные, так и слабые моменты.

Его первая официальная версия датирована 26 ноября 1999 года. Ставший благодаря Л.Эверсу достоянием общественности, тот вариант законопроекта был подвергнут достаточно серьезной критике. Несмотря на это, и второй его вариант, официально внесенный в Бундестаг 22 марта 2000 года, мало чем отличался от первого. Исправлено было только самое вопиющее, в частности, дискриминационный принцип неравных выплат в зависимости от жизненного уровня страны проживания заявителя.

И, хотя второй вариант законопроекта мало чем отличался от первого, всерьез критиковать его уже никто не стал. Практически в таком виде он поступил в парламент, где вызвал редкое для политической жизни страны единодушие и энтузиазм.

Согласно закону, учредителями Фонда «Память, ответственность и будущее» являются Фонд-инициатива немецких промышленников, а также немецкое государство на федеральном и земельном уровнях.

Органами фонда являются Попечительский совет (кураториум) и Правление, сменяемые каждые 4 года. В Попечительском совете в общей сложности 27 членов: председатель (назначается канцлером ФРГ), представители Фонда-инициативы немецких промышленников (4 человека), представители парламента ФРГ (7 человек, в том числе 2 из Бундесрата и 5 из Бундестага — по одному от представленных в нем партий), Министерства финансов и Министерства иностранных дел ФРГ, представитель «Конференции по материальным претензиям евреев к Германии» и представитель цыганских организаций¹³, представители правительств Израиля, США, Польши, России, Украины, Белоруссии и Чехии, представители американских адвокатов (назначается правительством США), Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, Международной организации по миграции и Федерального союза по информации и консультированию лиц, преследовавшихся при нацизме¹⁴.

Кураториум полностью определяет политику фонда, в частности, вырабатывает Устав Фонда, выбирает правление, обсуждает и принимает ежегодный бюджет, определяет партнерские организации, рассматривает предложения правления по проектам фонда «Память и будущее». Все решения принимаются простым большинством голосов в присутствии не менее половины его членов (в случае равенства числа голосов за и против решающим является голос председателя). Правление, являющееся исполнительным органом фонда, состоит из председателя и двух членов; оно осуществляет все финансовые отношения с партнерскими организациями и представляет фонд в суде и вне суда. Государственный надзор за деятельностью фонда и согласование его ежегодных бюджетов осуществляет Министерство финансов ФРГ, а проверку его текущей деятельности — Федеральная счетная палата ФРГ.

Средства Фонда «Память, ответственность и будущее» распределены между тремя корзинами: первая — компенсации за принудительный труд, выплачиваемые так называемыми «партнерскими организациями» (8,1 млрд. DM), вторая — денежная реституция лицам, понесшим имущественный ущерб (1 млрд. DM), и третья — фонд «Память и будущее» (0,7 млрд. DM).

Партнерские организации — это своего рода фонды-«подрядчики» в разных странах, уполномоченные осуществлять в них от имени Фонда «Память, ответственность и будущее» непосредственно сами выплаты.

Пять партнерских организаций покрывают восточноевропейские страны — это вышеописанные польский, российский, украинский и белорусский фонды, а также Чешско-Немецкий «Фонд Будущего», основанный 29 декабря 1997 года в ходе реализации совместного чешско-немецкого правительственного заявления от 21 января 1997 года. Заметим, что подключение к компенсационному процессу чешских принудительных рабочих, фактически, по сравнению с польскими

и советскими, имевших в целом достаточно высокий статус в Третьем Рейхе, явилось актом скорее политической, нежели исторической справедливости. Другими партнерскими организациями Фонда стали Конференция по материальным претензиям евреев к Германии (Claims Conference) и Международная организация по миграции, поделившие между собой «весь остальной мир».

Сделаем тут еще одну оговорку. В ходе обсуждения законопроекта в Бундестаге представитель фракции христианских демократов и христианских социалистов Ф. Мерц высказал вполне резонные опасения относительно гарантий того, что выделенные деньги действительно дойдут по назначению — до жертв принудительного труда.

И то сказать: как бы ни относиться к деятельности серийных фондов «Взаимопонимание и примирение», репутация их все же не такова, чтобы сходу начать пропускать через них новые сотни миллионов и даже миллиарды марок. Еще весной 1999 года тот же российский фонд практически перестал выплачивать деньги из гуманитарной немецкой корзины, а на запрос общества «Мемориал» отвечал весьма уклончиво: мол, заявления и документы и фонд, и органы социальной защиты по-прежнему принимают.

Необходимы авторитетный международный аудит всей их предшествующей деятельности и законодательное обеспечение прозрачности и контролируемости их деятельности в дальнейшем. Не помешало бы и обновление их наблюдательных и исполнительных органов, чрезмерно огосударствленных, с одной стороны (в России, например, в них традиционно доминируют представители Министерства труда и социальной защиты, а также региональных администраций), а с другой — на корню «приватизированных» одними группами узников нацизма, цинично лоббировавшими и по-прежнему лоббирующими интересы своей группы за счет других. В правлении, в наблюдательном и экспертных советах нужно обеспечить широкое участие всех заинтересованных групп, независимых экспертов, а также обязательное представительство немецкой стороны (скажем, на уровне культур-атташе посольства или, например, главы московского представительства одной из крупных немецких фирм, участвующих в фонде-инициативе немецкой промышленности). Без этого трудно было бы поручиться, что не повторятся старые истории и скандалы.

Но вернемся к федеральному закону. Всего в распоряжение партнерских организаций для единовременных или в два приема выплат компенсации за причиненный личности ущерб и за принудительный труд, а также на покрытие расходов по их собственной деятельности выделяется 8,1 млрд. DM, включая сюда и 50 млн. DM доходов по процентам.

Распределение этой суммы между партнерскими организациями видно из следующей таблицы:

**Партнерские организации Фонда
«Память, ответственность и будущее»**

Партнерские организации	Сфера компетенции	Сумма к выплате (млн. DM)	Дополнительные категории жертв нацизма, признанные правомочными
Фонд «Польско-Германское примирение». Варшава	Польша	1812	Узники тюрем усиленного режима, исправительно-трудовых и штрафных лагерей, лагерей для поляков в Силезии, лагеря Лобехтсдорф и его филиалов в Торуне и Смугале; депортированные и дислоцированные принудительные рабочие, использовавшиеся в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, а также в частных домохозяйствах; дислоцированные принудительные рабочие, использовавшие в промышленности и общественном секторе; дети до 16 лет в транзитных лагерях; депортированные и дислоцированные дети в возрасте до 12 лет.
Украинский Фонд «Взаимопонимание и примирение»	Украина, Молдавия	1724	Нацистские лагеря в Симферополе, Макеевке, Красном Луче, Днепропетровске и др.; принудительные рабочие в сельском и домашнем хозяйстве; дети принудительных рабочих, находившиеся вместе с ними в месте их принудительного труда; политические узники тюрем гестапо и СД; дети, принужденные к сдаче крови
Российский Фонд «Взаимопонимание и примирение»	Россия, Литва, Латвия	835	Депортированные принудительные рабочие, использовавшиеся в сельском или домашнем хозяйстве, в ремесленных предприятиях; дислоцированные принудительные рабочие; депортированные принудительные рабочие без документальных доказательств; депортированные дети до 12 лет, привлекавшиеся к работам
Белорусский Фонд «Взаимопонимание и примирение»	Беларусь, Эстония	694	Узники определенных лагерей: в Белоруссии — Бронная Гора, Колдышево, Минск (4 лагеря), Полоцк, Витебск (2 лагеря), Бобруйск, Борисов, Молодечно, Слуцк, Гомель, Колбасино, Дрозды, Лесная, Оехи, Кричево, а также в Эстонии — Йыхви, Кохтла, Пюлькюля, Тарту; депортированные принудительные рабочие (в том числе и не содержавшиеся в лагерях), использовавшиеся в сельском, лесном и садовом хозяйстве; депортированные вместе с родителями детьми принудительных рабочих, независимо от сферы их трудового использования;

Партнерские организации	Сфера компетенции	Сумма выплаты (млн. DM)	Дополнительные категории жертв нацизма, признанные правомочными
			узники тюрем и штрафных лагерей в Германии и на оккупированных территориях СССР, в том числе лагеря Озаричи, Скобровка, Красный Берег и Паричи; узники лагерей для гражданского населения и подобные им на оккупированной территории СССР; принудительно депортированные в Финляндию, включая их пребывание в карантинных лагерях в СССР; евреи и цыгане на оккупированных территориях, вынужденные скрывать свою национальность
Чешско-Немецкий «Фонд Будущего»	Чехия	423	Принудительный труд в рамках отбывания наказания в тюрьмах гестапо и длительностью не менее 21 дня
Конференция по материальным претензиям евреев к Германии	Остальные страны (евреи)	1812	
Международная организация по миграции	Остальные страны (не евреи, в том числе цыгане)	800	Депортированные принудительные рабочие славянского происхождения, занятые в сельском хозяйстве
Всего:		8100	
Кроме того (за счет процентов): Все партнерские организации		50	За прочий личный ущерб

*Источник: официальные, но не окончательные данные Фонда «Память, ответственность и будущее» на середину 2002 года (без указания градаций выплат).

При этом в рамках выделенных сумм и установленных категорий выплат партнерским организациям предоставляется и определенная свобода определять дополнительные категории правомочных лиц.

Поэтому ключевой вопрос — это сами «категории», то есть лица, правомочные на получение компенсационных или реституционных выплат (но за исключением тех, кто эксплуатировался в Австрии, создавшей собственный компенсационный фонд¹⁵).

Прежде всего — это узники концлагерей (в понимании § 42.2 Федерального закона ФРГ о компенсациях) или же иных мест заключения с сопоставимыми условиями, использовавшиеся на принудительных работах¹⁶.

Во-вторых, это лица, хотя и не проживавшие в Германии (в ее границах 1937 года), но депортированные в нее или на оккупированные ею территории, где привлекались к принудительному трудовому использованию в промышленности или государственном секторе, причем не обязательно в концлагерях, но тем не менее в чрезвычайных, аналогичных содержанию под стражей, условиях.

Третья категория — это те, кто в процессе расового преследования и при непосредственном или косвенном участии немецких предприятий понес материальный ущерб, однако, в силу конкретных обстоятельств своего физического проживания вне ФРГ не подпадал под действие Федерального закона о компенсации (BEG) или не обладал возможностью своевременно декларировать свой интерес в причитающейся ему реституции.

Право на получение компенсаций сугубо персонально и не передается по наследству, если только получатель не скончался после 16 февраля 1999 года — даты первого совместного заявления немецких предприятий (в таком случае его права передаются супругу и детям в равных долях). Предполагалось, что заявления на получение компенсаций, согласно Закону от 11 августа 2000 года, будут приниматься партнерскими организациями в течение года после принятия самого закона. Иными словами, этот срок истек бы уже 12 августа 2001 года. Однако, в связи с тем, что окончательное его вступление в силу было оговорено условиями, связанными с гарантиями юридической безопасности немецких фирм, а немецкие промышленники сочли их удовлетворительными только в мае 2001 года, этот срок был продлен до 31 декабря 2001 года специальным решением Бундестага.

Поскольку для немецких промышленников самое главное во всем этом процессе — их юридическая безопасность, или гарантия от дальнейших исков и рисков, то каждый получатель компенсации должен будет письменно отказаться от любых притязаний к немецким предприятиям в будущем.

Согласно закону о фонде, его главная целевая группа — это принудительные рабочие, занятые в государственном секторе и в частной промышленности. В то же время закон несколько казуистическим образом предоставляет партнерским организациям право производить

выплаты тем, кто трудился в сельском хозяйстве, но без права изменять суммы выплат другим, изначально правомочным категориям (на практике эти две установки весьма труднсовместимые).

При этом даже теоретическая возможность выплат лицам, депортированным в Германию и трудоустроенным в домашних хозяйствах или малых предприятиях торговли, общественного питания, гостиницах и т.д. в законе не оговорена, хотя степень добровольности такого трудоустройства, а с ней и возможность личного участия в выборе того или иного места трудовой деятельности у этой категории работников точно такая же, как и у других, правомочных на компенсацию.

«Не забыты» и военнопленные: им посвящен целый третий подпункт 11 параграфа законопроекта, гласящий: *«Пробывание в военном плену не дает права на получение выплат»*. В самом общем плане это уместная оговорка, и применительно к французским, английским или даже польским военнопленным, содержавшимся в Германии в соответствии с Женевской конвенцией, она справедлива, — но не по отношению к советским (и, отчасти, итальянским), чей случай решительно не вписывался в рамки международного права и никак не мог быть списан на счет репарационных действий. Это означало, что и при новом красно-зеленом правительстве позиция немецкого государства по отношению к советским военнопленным, осталась без изменений — циничной, кощунственной и антиисторичной.

Впрочем, в практическом смысле «лазейкою» для них является другой пункт закона, предоставляющий партнерским организациям право выплачивать в особых случаях компенсации и другим подкатегориям жертв национал-социализма, но при условии, что они пострадали в ходе их эксплуатации непосредственно на предприятиях немецкой промышленности.

Другую «зацепку» для военнопленных содержат § 11.1 и 11.2 закона, где говорится о приравненности к концлагерям или аналогичным условиям содержания под стражей также и ряда «иных мест содержания» принудительных рабочих, могущих подпасть под действие закона. В § 12.1. закона это прописано достаточно четко: признаками «иных мест заключения» являются бесчеловечные условия содержания, недостаточное питание и отсутствие медицинского обслуживания.

Это оказалось вполне справедливым по отношению к исправительно-трудовым и к штрафным лагерям, куда нередко направляли провинившихся оstarбайтеров. Этому же в полной мере соответствуют и шталаги военнопленных и их рабочие команды¹⁷. Более того, если в шталагах содержалось отчасти и мирное население, то его правомочность на получение компенсации также скорее всего будет признана. В этой связи представление военнопленных в качестве узников шталагов (наподобие военнопленным — узникам концлагерей) могло бы стать (но не стало) пусть казуистическим, но реальным компромиссным выходом из антиисторической казуистики закона.

В рамках Фонда «Память, ответственность и будущее» предусмотрен и особый фонд «Память и будущее» — призванный поддерживать различные научные и гуманитарные проекты, прямо или косвенно связанные с проблематикой Холокоста и принудительного труда. Предполагается, что это и есть та самая «инфраструктура будущего», о которой говорил Д.Корнблум. На эти цели выделяется 700 млн. DM, а также проценты от них, но 100 млн. из них тем не менее зарезервированы для оплаты страховых притязаний жертв Холокоста и могут быть освоены лишь в случае отсутствия соответствующих притязаний.

Федеральный закон о создании Фонда «Память, ответственность и будущее» был принят 12 августа 2000 года. И только лишь в июле 2001 года, то есть спустя почти целый год, он вступил в силу. Целый год ушел на переговоры, ожидание судебных решений в провинциальных американских судах и на собирание нужной суммы денег.

Политики провалились в яму, сознательно приготовленную им промышленниками. Ведь согласно принятому закону, выплаты начнутся лишь тогда, когда будет достигнут юридический мир, фактически означающий гарантии безопасности от новых исков.

28 февраля истек срок, установленный окружной судьей штата Нью-Йорк Ширли Крэм (Shirley Kram) для предоставления гарантий того, что требуемые 5 млрд. DM немецкой промышленностью собраны. За неделю до истечения срока и именно в силу содержащейся в нем угрозы В.Гибовский сообщил о серьезном ужесточении условий внесения вкладов для промышленных предприятий: это теперь 0,015 % от их оборота (вместо ранее согласованного уровня в 0,01 %; уровень 0,015 % от оборота предприятия торговли и 0,015 % баланса для банка был принят еще раньше).

Это 50-процентное повышение, в расчете на 5900 вкладчиков, сможет покрыть имеющуюся брешь: фактически это означает повышение нагрузки на крупных вкладчиков, поскольку со стороны средних и малых предпринимателей энтизиазма так и не прибавилось¹⁸. В.Гибовский позднее уточнил, что речь идет не об изменении «регламента», а всего лишь о просьбе к вкладчикам. Даже фирмы-основатели реагировали сдержанно: из их числа один лишь «Сименс» откликнулся согласием, остальные либо ответили отказом, либо обещали подумать (эти 16 фирм и так внесли 1,8 млрд. DM, то есть половину того, что собрали; из них BASF — 100 млн., что соответствовало уровню 0,018 %).

Несмотря на все издержки, в том числе хронологические, несмотря на все несовершенства, в том числе и принципиальные, и даже несмотря на всю длительность и циничность переговорного процесса, предшествовавшего его конституированию, само появление Федерального фонда «Память, ответственность и будущее» является одним из ярчайших политических событий в Германии и в мире на стыке XX и XXI столетий.

Примечания

- ¹ См., например: *Süddeutsche Zeitung*. 22.10.1998.
- ² Так, еще в конце октября 1999 года он насчитывал всего 36 фирм.
- ³ Персональным представителем немецкой промышленности был Вольфганг Гибовски.
- ⁴ См., напр.: Droydiak W. German Banks Make Redress. Fund to Kompensate Workers Who Were Enslaved by Nazis // *Washington Post*. 17.02.1999. A 11; Perger W.A. Schutz vor Klagen. Die Deutsch Wirtschaft bildet einen Fonds für Nazi-Opfern // *Zeit*. 18.02.1999. S. 29 etc.
- ⁵ Часть средств фонда резервировалась бы для обеспечения программ и проектов, нацеленных в будущее и отвечающих целям, ради которых фонд был создан. Преимуществом пользуются международные проекты, как правило, с участием немецкого партнера. Правом подавать заявления обладают организации и учреждения из стран ЕС, западной части СНГ, Юго-Восточной Европы, а также Израиля и США.
- ⁶ Этой оценки, в частности, придерживался представитель США на переговорах, помощник Государственного секретаря США по вопросам международной торговли Айзенштат (См.: <<http://www.state.gov/regions/eur/970507eisenstat.html>>).
- ⁷ См. о нем в гл. 7.4.
- ⁸ См., в частности, открытое письмо председателя этого объединения Л.Эверса Г.Шредеру, в то время еще министру-президенту земли Нижняя Саксония от 21.10.1998.
- ⁹ См.: Kronenberg G. Stadt hat viel Geld an Zwangsarbeitern verdient: Eine Untersuchung der «Geschichtswerksatt» / *Marburger kassierten sogar Verleihgebühr* // *Frankfurter Rundschau*. 16.08.2000; Bohnke B. Stadt hat mit dem Verleih von Zwangsarbeitern gut verdient // *Oberhessische Presse*. 17.08.2000; Wagner B. Zwangsarbeit war Normalität in Marburg // *Marburger Neue Zeitung*. 17.08.2000.
- ¹⁰ Подробнее о компенсационной политике католической церкви Германии см. в главе 8.5.
- ¹¹ Включая и те, которых при нацистах и в поимине не было.
- ¹² Но в конце апреля 2000 года было объявлено, что около 50 «материнских» предприятий предпочли организовать в США собственный фонд под наблюдением Торговой палаты США. Средства фонда предназначались бы как на компенсацию бывшим принудительным рабочим, так и на гуманитарную помощь им же. Впрочем, не исключено, что и этот шаг был добровольно-вынужденным, поскольку М.Уайсс уже «пообещал» «Форду» и «Дженерал Моторс» подать против них коллективные иски — в случае если они не присоединятся к процедуре компенсации (US-Firmen gründen Fonds für NS-Opfer // *SDZ*. 02.05.2000. S. 7).
- ¹³ Центрального Совета немецких цыган, Объединения цыган Германии и Международного Совета цыган.
- ¹⁴ По сравнению с наметками первого законопроекта из состава кураториума «выпало» представительство Министерства юстиции ФРГ; в то же время добавились представительства от цыганских организаций, Международной организации по миграции и Федерального союза по информации и консультированию лиц, преследовавшихся при нацизме.

¹⁵ См. в следующей главе.

¹⁶ На стадии законопроекта фигурировал еще и критерий длительности пребывания в этих местах заключения (не менее 2-х месяцев).

¹⁷ См. об этом подробнее в главе 7.6.

¹⁸ Frankfurter Rundschau. 27.02.2001.

8.4. Австрийский фонд «Примирение, мир и сотрудничество»

Когда окончилась Вторая мировая война, Австрия повела себя несколько двусмысленно и лукаво: восторженное приятие гитлеровского аншлюса («Heim ins Reich!») и победное соучастие во всех военных и политических триумфах Третьего Рейха упорно вытеснялось на задворки политической риторики и общественного сознания («Weg von Reich!»), и из дисциплинированной волчицы начали лепить образ заплаканной и поруганной Гитлером овечки: «Остмарк — первая жертва оккупационного режима!»¹

Мыслимое ли дело: одни жертвы нацизма смеют что-то требовать у других жертв?!

И умилительно, и практично: сумма австрийских компенсационных выплат жертвам Холокоста и узникам концлагерей, по сравнению с немецкими, была просто смехотворной. Да и начались они, в сущности, только в 1995 году, то есть на 30—35 лет позже, чем в Германии².

Союзный договор об образовании Австрии освобождал ее от репараций, но обязывал компенсировать потерю собственности тем, кто подвергся преследованиям на ее территории. Но только в 1959 году, после обмена нотами с Англией и США, Австрия выделила на эти цели 600 тыс. долларов. В марте 1961 года парламент принял закон, предусматривающий компенсацию также и банковских вкладов, долговых обязательств, ипотечных выплат, дискриминационного налога и наличных сумм (с учетом разницы в курсах). Примерно тогда же был принят и другой закон, предусматривающий компенсацию за ношение еврейского знака, за уменьшение трудоспособности и за прерывание образования, однако его вступление в силу было поставлено в зависимость от заключения договора с ФРГ (договор был подписан 27 ноября 1961 и ратифицирован 21 августа 1962 года).

И лишь в 1995 году, после продолжительных переговоров, власти Австрии заявили о своей готовности создать «Национальный фонд Республики Австрия для помощи жертвам национал-социализма»³ и выплачивать паушальные компенсации проживающим за рубежом жертвам нацизма, если они являлись австрийскими гражданами на протяжении 1928—1938 гг. Для этого было зарезервировано 550 млн. шиллингов (или 21 млн. долларов), с выплатами в течение последующих 10 лет. Компенсации предполагалось выплачивать за: *потерю трудоспособности вследствие или нанесенного ущерба здоровью* (от 10000 до 30000 шиллингов, или от 385 до 1115 долларов) или *принудительного труда в условиях лишения свободы и в течение не менее шести месяцев* (от 10000 до 4000 шиллингов), а также *за преследования в общем смысле*, в случае если это будут позволять средства (до 20000 шиллингов). За время своего существования фонд выплатил компенсации более чем 18 тыс. чел., причем в отдельных, особо тяжелых с точки зрения сегодняшней жизни, случаях размер компенсации достигал 70 тыс. шил-

лингов, или 6 тыс. долларов⁴. Более поздние оценки суммы выплат этого фонда составляют 143 млн. долларов, или 2,1 млрд. шиллингов.

О компенсациях же за принудительный труд как таковой в Австрии долгое время даже не заикались. И лишь после того, как под нажимом коллективных исков и американских адвокатов, германское правительство и германская промышленность — вскладчину — начали выстраивать беспрецедентный по своему капиталу (10 млрд. DM!) фонд именно для выплат компенсации принудительным рабочим, стало ясно, что и Австрии уже не удастся избежать подобной участи. Первые коллективные иски к австрийским фирмам были выставлены в августе 1998 года, а 6 октября самый известный из американских адвокатов, Эд Фейган, предъявил коллективные иски двум крупнейшим банкам страны — «Кредитальянс» и «Банк Аустрия», а 16 октября он же (вместе с немецким адвокатом М.Витти) поднял руку и на «VOEST» и «Steyr-Daimler-Puch».

Неоценимую «услугу» процессу компенсации в Австрии невольно оказал правый скандалист Йорг Хайдер: после успеха на выборах возглавляемой им Партии свободы и воспоследовавшего за этим чуть ли не всеевропейского бойкота Австрии отказать в притязаниях такого рода было бы просто невозможно. Парадоксально: компенсации жертвам принудительного труда при нацистах, от чего на протяжении десятилетий блистательно удавалось уклоняться левым правительствам, введены при самом правом за всю историю послевоенной Австрии кабинете!

Первое взаимное «прощупывание» правительства и промышленников состоялось еще в мае 1999, второе — в январе 2000 года⁵. Более отмалчиваться было нельзя, и 9 февраля 2000 года канцлер В.Шлюссель сделал первое правительственное заявление по поводу компенсаций за принудительный труд. А уже 15 февраля он назначил бывшего президента Национального банка Австрии Марию Шаумайер специальным уполномоченным по ведению переговоров о компенсации, предоставив ей служебные помещения в правительственной резиденции в Хофбурге. Ее главный партнер на переговорах — тот же самый, что и у О.Ламсдорфа, — С.Айзенштадт, заместитель министра финансов США⁶. Кроме того в переговорах участвовали представители России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии и Венгрии (фактически в ранге наблюдателей). Примечательно, что, в отличие от немцев, австрийцы сочли для себя разумным все же не включить в число претендентов рядовых чешских рабочих — в силу того, что их статус в Третьем Рейхе, по сравнению с поляками или советскими гражданами, был весьма высоким. Зато к участию в переговорах была приглашена Венгрия, бывшая союзница Германии, поскольку многие венгерские евреи (а также цыгане) были депортированы в Австрию, где их жестоко эксплуатировали, причем даже безо всякой регистрации в концлагерях⁷. В то же время бросается в глаза не-приглашение к переговорному процессу Сербии: причина здесь могла лежать только в отсутствии приемлемых партнеров из-за конфликта западных стран с Югославией С.Милошевича.

Между тем Австрийской Исторической комиссией было представлено два научных заключения: в первом, подготовленном Ф.Фройндом и Б.Перцем, давалась оценка количества принудительных рабочих на территории Австрии и их динамики в 1939—1945 годах, а во втором, подготовленном М.Шперером, — оценка числа тех из них, кто дожил до 2000 года. Из примерно 1 миллиона принудительных рабочих, трудившихся на территории сегодняшней Австрии, в живых осталось (по оценке М.Шперера) 239 тыс. чел., то есть едва ли каждый четвертый. Позднее эта оценка была сочтена завышенной и снижена до 150 тысяч, из которых 120—125 тыс. проживают в восточноевропейских странах. Многие из них были известны поименно и, расписавшись в отказе от каких бы то ни было дальнейших претензий, теоретически могли бы получить компенсацию еще в 2000 году.

Жертвы нацизма были разбиты на категории: работавшим в концлагерях полагалось 15 тыс. марок⁸, в промышленности — 5, а в сельском хозяйстве⁹ — 3 тыс. марок; женщины, родившие за время своего принудительного труда на чужбине ребенка, компенсируются дополнительной суммой в 750 марок; ту же сумму получают и дети, привезенные в Остмарк в возрасте до 12 лет.

В апреле—мае 2000 года М.Шаумайер провела серию консультаций с представителями парламента, индустрии и объединений жертв нацизма. В результате был подготовлен первый вариант законопроекта о Фонде примирения. Не обошлось и без осложнений — законопроект предусматривал для евреев право обращения только в один из фондов (или в немецкий, или в австрийский) и не предусматривал такого же ограничения для остальных принудительных рабочих, что было сочтено явной дискриминацией евреев. И вновь из Америки зазвучали угрозы бойкота и коллективных исков, а адвокат Эд Фейган пообещал выставить против Австрии и 80 австрийских фирм «глобальный» иск на ту же сумму, что и против Германии, — на 18 млрд. долларов, или на 35 млрд. марок!

На состоявшейся в Вене (в Хофбурге) 16—17 мая 2000 года конференции М.Шаумайер и С.Айзенштадта с представителями восточноевропейских стран были согласованы категории лиц, правомочных на получение одноразовых компенсаций, и утвержден текст законопроекта о создании, по образцу немецкого, также и австрийского фонда «Примирение, мир и сотрудничество» (сокращенно — «Фонда примирения»). Исходя из 150-тысячной оценки количества правомочных лиц (120 тыс. в Восточной Европе и 30 тыс. в остальном мире) капитал фонда — с равнодолевым участием государства и промышленности — предлагалось установить в размере 6 млрд. шиллингов, или 852 млн. марок. Предполагалось, что после принятия закона Австрия заключит с каждой из заинтересованных сторон типовые двусторонние соглашения.

6 июня законопроект был внесен в парламент всеми четырьмя представленными в нем партиями, а 7 июля — единогласно принят.

Согласно уставу, органами «Фонда примирения» являются Генеральный секретарь, Комитет (или Правление) и Попечительский совет, пред-

седателем которого по должности является федеральный канцлер. Фонд выплачивает не подлежащие налогообложению компенсации сугубо в индивидуальном порядке и следующим категориям правомочных граждан: 1) привлекавшимся к принудительному труду узниками концлагерей и приравненным к ним иных штрафных учреждений (они получают по 105 тыс. шиллингов); 2) угнанным на территорию Австрии с целью принудительного трудового использования в условиях существенного ограничения свобод (размер компенсации зависит от отрасли: трудившиеся в сфере сельского и лесного хозяйства, а также в сфере услуг и в частном секторе получают по 20 тыс., а остальные — по 35 тыс. шиллингов); 3) тем же, что и во втором случае, но получившим вследствие этого тяжелые физические или психологические увечья или травмы (вправе рассчитывать на 105 тыс. шиллингов); 4) детям, чьи родители входят в приведенные категории, родившимся в Австрии или привезенным в Австрию в возрасте не старше 12 лет (им причитается та же сумма, что и их родителям, а если у родителей суммы разные, то берется большая из двух сумм). Женщины, рожавшие или прибегшие к аборту в период своего принудительного трудового использования в Австрии, получают дополнительно по 5 тыс. шиллингов. Право на выплаты переносится на наследников, если правомочное лицо умерло после 15 февраля 2000 года.

Условием получения компенсаций является добровольный и безусловный отказ от дополнительных претензий не только к Австрии и австрийским фирмам, но и к Германии и германским фирмам.

Двумя другими важными предпосылками вступления законопроекта в силу являлись заключение с США и с восточно-европейскими странами соглашения о правовой безопасности и, второе, реальное обеспечение указанной в законе суммы (6 млрд. шиллингов) к выплатам, что зависело не только от правительства, но и от промышленности. Под знаменами «Фонда примирения» М.Шаумауер удалось собрать более 2700 австрийских фирм, причем, в отличие от Германии, наибольшее сопротивление своему участию оказывали как раз самые большие концерны. Во все фирмы были разосланы так называемые «пригласительные письма»: в качестве расчетной базы для определения суммы вклада каждой из них служила величина, равная 0,2 % от годового оборота фирмы в 1999 году.

Многие фирмы, хотя и согласились в конце концов вступить в фонд, но сделали это, что называется, «через губу», сопровождая высказываниями типа: «морально мы ничего не должны, но соображения реальной политики вынуждают нас», «это чистый грабеж», «рзкет из-за океана» и т.д. Не редкостью были и высказывания, за которые в Германии можно было бы и в тюрьму сесть, например: *«Гитлер убил 20 миллионов, а Сталин 100 миллионов. От России же никто ничего не требует. Тех же, кто и впрямь насильно трудился, в живых давно уже нет... Евреи же обнаглели до того, что снова получают по башке»*¹⁰.

К слову, хватало недовольных не только среди коммерсантов, но и среди политиков. Так, Землячество судетских немцев в Австрии

потребовало от Чехии осуждения и денонсации так называемого «декрета Бенеша», по которому немцев изгнали из страны, а их имущество национализировали. А Союз товариществ военнопленных (президент О.Клаймель) потребовал от австрийского правительства условием заключения соглашения поставить компенсацию (хотя бы символическую) и за их труд в плену, особенно в России.

Последнее требование особенно удивительно. Ведь политика австрийского фонда по вопросам компенсации бывшим советским военнопленным, чей международный статус в Третьем Рейхе, в том числе и в Австрии, так грубо и жестоко нарушался, ничем не отличается от немецкой. Разве что еще большей краткостью: о бывших военнопленных сказано коротко и без ненужных нюансов — *«выплаты не осуществляются»*.

После того, как 28 июля, во время очередной встречи Группы по правовой безопасности, текст так называемого «Исполнительного соглашения» (Executive Agreement), направляемого правительством США в американские же суды, был согласован со всеми участниками переговоров, продолжились и переговоры и с восточноевропейскими фондами. Тут шпаги скрестились единственно из-за размеров сумм, выделяемых каждой партнерской организации.

В конечном счете «пирог» поделили следующим образом (см. табл. 8.4.1):

Таблица 8.4.1.

Распределение средств Австрийского Фонда Примирения

Страны происхождения жертв	Оценочное количество правомочных жертв	Сумма к выплатам, млн. шиллингов
Беларусь	8800	270
Венгрия	6000	672
Польша	21200	550
Россия	25000	725
Украина	41250	1080
Чехия	1500	501
Остальной мир	31750	1422
Итого	149000	5220
Всего, включая расходы по управлению и пр.		5994

Источник: Eichinger, 2001, s. 231.

После этой «дележки» и уточнения всех технических деталей ничто уже не мешало торжественному подписанию всеми сторонами Совместной декларации, что и произошло в Вене 24 октября 2000 года.

Единственной стороной, не сумевшей поставить свою подпись под соглашением, была Россия, которая к этому времени так и не сумела уладить внутренние координационные вопросы с Латвией и Литвой. Присоединение России к этому соглашению состоялось лишь 27 ноября 2000 года. Этой же датой помечено и соответствующее решение австрийского кабинета, а вступление Закона о создании фонда в полную юридическую силу можно отсчитывать от 1 декабря 2000 года — даты его официального опубликования¹¹. И уже 20 декабря состоялось первое заседание кураториума фонда под председательством канцлера Шлюсселя. Исполнительным директором фонда был утвержден бывший госсекретарь Министерства иностранных дел Австрии посол Людвиг, а генеральным секретарем — другой австрийский дипломат, Р.Вотава.

Между тем, как и в Германии, ко времени подписания Совместной декларации от 24 октября 2000 года сам «пирог» еще не был полностью «испечен». На счету фонда недоставало 3,7 млрд. шиллингов: вместо 3 млрд. промышленники собрали всего 1,8 млрд. На состоявшейся 6 ноября встрече Шлюсселя с ведущими представителями промышленности этот вопрос нашел свое политическое и техническое решение¹².

В свою очередь и американские суды продемонстрировали свою готовность действовать в духе достигнутых американо-австрийских соглашений. Так, 14 ноября судья В.Басслер (штат Нью-Джерси) отозвал часть из 13 коллективных исков против Австрии и австрийских предприятий¹³; остальные были отозваны в начале 2001 года, за исключением двух, в которых фигурировали вопросы не только компенсации, но и реституции еврейской собственности (в одной только Вене были «аризированы» тысячи предприятий и десятки тысяч квартир, принадлежавших евреям).

На протяжении многих лет Австрия отказывалась даже обсуждать эти вопросы. Но на встрече с канцлером Шлюсселем во время конференции в Хофбурге 16—17 мая 2000 года С.Айенштадт все же настаивал на их включении в переговорный процесс, согласившись при этом на их выделение в самостоятельный блок. И уже 18 мая 2000 года канцлер назначил посла Эрнста Захарипу своим представителем по этой конкретной проблеме. Переговоры по реституции шли гораздо труднее, чем переговоры по компенсации, причем американская сторона постоянно пыталась увязать два переговорных процесса друг с другом. Но в конечном счете был создан и второй фонд — реституционный («Фонд для жертв аризации»), с капиталом в 5,3 млрд. шиллингов, или 360 млн. долларов, утвержденный австрийским парламентом 20 декабря 2000 года.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Wistrich R.S. *Austria and the Legacy of the Holocaust*. New York: The American Jewish Committee, 1999. — 56 p.
- ² Все предпринятое в 1946 г. председателем Международного комитета узников лагерей С.Визенталем и др. еврейскими деятелями попытки добиться от австрийских властей и фирм компенсации за принудительный труд окончились ничем (Eichtinger, 2001, s. 196).
- ³ Nationalfonds der Republik Österreich für Opfer des Nationalsozialismus (или, сокращенно, Österreichischer Hilfsfond). Штаб-квартира фонда располагается в австрийском парламенте (Dobblhoffgasse 3, 1017 Wien — Parlament. Tel. +43.1.408 12 63, Fax: +43.1.408 03 89). Генеральным секретарем фонда является Ханна Лессинг.
- ⁴ См. на веб-сайте Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне: www.ushmm.org/assets/ag.htm
- ⁵ См.: Eichtinger, 2001, s. 228. В конце мая 2000 г. промышленники создали специальный представительский орган — «Платформу гуманитарной акции», направив в качестве уполномоченных для участия в переговорах и последующей деятельности фонда Х.Кесслера, бывшего председателя Австрийского Объединения промышленников, и К.Хайнца, сотрудника промышленной секции Экономической палаты Австрии.
- ⁶ Их первая встреча состоялась в Вашингтоне 20.03.2000. Интересно, что, в отличие от немцев, австрийцы сумели настоять на исключении из участников переговоров американских адвокатов, участвовавших в работе одной лишь Группы по правовым гарантиям компенсации (Eichtinger, 2001, s. 210).
- ⁷ См.: Eichtinger, 2001, s. 205. В качестве партнерской организации выступил основанный в 1997 г. фонд «Еврейское наследие в Венгрии».
- ⁸ Совпадение с «потолком» немецких закладывалось в концепцию австрийских выплат.
- ⁹ В этом одно из принципиальных отличий австрийского фонда от немецкого, допускающего выплаты трудившимся в сельском хозяйстве только в рамках свободы действий партнерских организаций.
- ¹⁰ Слова И.Ассамера, «короля щепенки» из Верхней Австрии. См.: Der Standard (Wien), 14.09.2000.
- ¹¹ См.: Eichtinger, 2001, s. 235—242.
- ¹² См.: Eichtinger, 2001, s. 240.
- ¹³ Их полный список был включен в качестве Приложения в текст Совместной декларации от 24.10.2000.

8.5. Фонд католической церкви

Начиная с весны 2000 года, под влиянием широкой дискуссии вокруг создания общегерманского компенсационного фонда жертвам принудительного труда, принудительным трудом в собственных учреждениях во времена национал-социализма всерьез заинтересовались основные конфессиональные организации Германии. В послевоенные годы и протестанты, и католики не скупились на патетические заявления о покаянии и признании моральной вины церкви перед жертвами национал-социализма¹.

И те, и другие вели конкретную и значительную благотворительную работу среди отдельных категорий жертв. Еще в 1973 году Центральным комитетом и 13 земельными союзами немецких католиков был создан Фонд им. Максимилиана Кольбе (Maximilian-Kolbe-Werk): начиная с 1992 года, он сосредоточился на работе по солидарности и примирению с бывшими узниками концлагерей и жертвами нацистских преследований из стран бывшего СССР (на что фондом уже израсходовано около 100 млн. DM, собранных главным образом за счет пожертвований). В том же направлении действовала и так называемая «Акция солидарности RENOVABIS», созданная Всенемецким союзом «Каритас» (Deutsche Caritasverband) в 1993 году для работы в 27 центрально- и восточноевропейских странах по преодолению позднейших последствий для здоровья у жертв нацистского бесправия. Совет Евангелической церкви Германии (EKD, или Evangelische Kirche Deutschlands) в июне 1990 года выделил 250 тыс. DM на компенсацию позднейших последствий для здоровья еврейским жертвам нацизма.

По вопросу же новейших компенсаций первыми определились католики, позднее их примеру последовали протестанты. Но сделали они это совершенно по-разному.

Начнем с евангелической церкви. 12 июля 2000 года председатель Совета EKD М.Кок (Manfred Kock) и президент «Диаконического дела» («Diakonisches Werk der EKD») Й.Годе (Jürgen Gohde) выступили с заявлением для печати, в котором приветствовали создание общегерманского Фонда компенсации принудительным рабочим и сообщили о решении Евангелической церкви присоединиться к нему и внести в него 10 млн. DM в надежде на скорое начало выплат. Признавая в целом вину за политику и поведение церкви во времена нацизма и обещая провести необходимые архивные и исторические штудии, лидеры немецких протестантов с нажимом подчеркивали, что делают этот взнос не по обязанности, а из соображений общегерманской вины, солидарности и гуманности. Тем самым, они как бы дали понять, что официально своей материальной ответственности за трудовое использование принудительных рабочих в протестантских учреждениях они не признают, по крайней мере до представления на суд общественности итогов собственных архивных разысканий.

Католики, собственно говоря, высказались по тому же поводу даже раньше протестантов и куда радикальнее: заседание их высшего

органа — Постоянного Совета Всенемецкой Епископской Конференции (DBK, или Deutsches Bischofskonferenz), состоявшееся 19—20 июня 2000 года, заявило, что оно искало, но так и не нашло поводов или причин, достаточных для каких-либо церковных инициатив по вопросам компенсации. И лишь после жесткой критики, вызванной этим решением, им пришлось искать еще и столь же радикально пересмотреть свою позицию.

Начиная с середины июля 2000 года, все архивы католических учреждений были основательно перетрясены, после чего вопрос был вновь рассмотрен на заседании DBK 28 августа. А 29 августа председатель DBK кардинал К.Леманн (Karl Lehmann) сделал пространное заявление для печати, в котором обосновал этот крутой пересмотр².

Признавая фактически и самый факт принудительного труда в католической церкви (которая к тому же и сама в определенном смысле была жертвой нацистского режима³), глава немецких католиков указал на его мизерный масштаб: доля церкви в трудовом использовании принудительных рабочих едва ли превышала сотые доли процента от многомиллионной армии иностранных принудительных рабочих в Германии. К тому же, как пояснил К.Леманн, в 1939—1944 гг. 3470 католических церковных учреждений в Германии находились вне сферы церковного владения или хотя бы церковного управления: они были огняты у церкви, и в них размещались госпитали и больницы, рабочие или переселенческие лагеря и т.п. Ответственность за происходящее в них несли вермахт, полиция, местные органы власти и многие другие государственные учреждения.

Вопрос о присоединении или неприсоединении к общегерманскому компенсационному фонду в конечном счете был решен DBK отрицательно, что само по себе чрезвычайно важно как прецедент. От следования соблазняющим своей простотой путем внесения солидарного взноса в «Большой фонд» католиков отвратили два обстоятельства: неуверенность в том, в какой мере компенсация дойдет до тех конкретных людей, о которых будет известно, что они работали в католических учреждениях, а также уверенность в том, что многие из таких рабочих будут просто-напросто исключены из круга правомочных, поскольку Закон об общегерманском фонде четко отдает предпочтение тем, кто работал в промышленном и общественном секторах⁴.

В конечном счете немецкая католическая церковь заявила о создании собственного Компенсационного фонда с капиталом в 5 млн. DM. Для управления этим фондом никакой специальной новой организации решено было не создавать, а осуществление выплат поручить всемирно известной и повсеместно представленной католической благотворительной организации «Каритас». Каждый принудительный рабочий, работавший в католических учреждениях, был вправе рассчитывать на компенсацию в размере 5000 DM⁵.

Напомним, что протестанты выделили для перечисления в «Большой Фонд» 10 млн. DM. Чтобы не выглядеть в глазах общественно-

сти вдвое более «экономной», католическая церковь заявила о создании, наряду с собственным Фондом компенсации, еще одного фонда с капиталом в 5 млн. DM, так называемого Фонда примирения. Согласно заявлению К.Леманна, этот фонд предназначен для дополнительных гуманитарных инициатив дочерних организаций католической церкви (отдельных епископатов, Католических академий, организаций типа «Pax Christi», «Justitia et Pax» или Центральный комитет немецких католиков. Однако чем это практически отличается от привычных, традиционных и давно устоявшихся направлений деятельности католической церкви?

Складывается впечатление, что учреждение этого второго фонда играет скорее сугубо декоративную роль. Впрочем, опасность остаться декоративным была и у собственно Компенсационного фонда. Ведь для его успешной деятельности, кроме денег, нужны еще и объекты компенсации, то есть сами принудительные рабочие, трудившиеся в католических учреждениях. Их, следовательно, надо искать и находить, что на самом деле не так уж и просто.

Начиная с середины июля 2000 года, этой задачей занимались сотрудники епископата Роттенбург-Штуттгарт, разославшие запросы во все католические церковные учреждения, монастыри и архивы (позднее к этой работе присоединились и другие епископаты)⁶. В августе 2000 года там даже создали специальную Комиссию по историческому прояснению вопроса об иностранных и принудительных рабочих в учреждениях католической церкви, состоящую как из церковных, так и из внецерковных ученых⁷. На конференции в Штутгарте в феврале 2001 года⁸ представители фонда сообщили, что «самотеком» в фонд уже обратилось около 250 человек, утверждающих, что они работали в католических заведениях, но лишь в 43 случаях эти заведения удалось идентифицировать. В поиске клиентов фонда в российских архивах довелось поучаствовать и пишущему эти строки.

Что же принесли все эти по-своему беспрецедентные усилия и что же нового удалось установить?

Оказалось, что большинство рабочих нанималось церковными учреждениями, как правило, на добровольной основе и, как полагает (но не объясняет) епископ К.Леманн, в интересах работников. При этом архивных подтверждений того, что эти рабочие попадали в монастыри при посредничестве арбайтсамтов, не обнаружено, как не обнаружены и свидетельства их принуждения к сверхтяжелому труду, дискриминации в зарплате, плате за проживание и т.д.

Чаще всего они использовались в качестве кухонных рабочих, бытовых санитаров, садовников, сельскохозяйственных, лесохозяйственных или кладбищенских рабочих. Время же их трудового использования могло быть самым различным — от нескольких дней до нескольких лет.

В нескольких сотнях случаев удалось обнаружить имена конкретных рабочих и примерно в 120 случаях — даже идентифицировать

их. Насколько можно судить, большинство среди них составляли польские и восточные рабочие (остарбайтеры), а также французские военнопленные, причем даже для тех из них, кто использовался на монастырских работах, не обнаружено и малейших свидетельств о сходстве условий их содержания и труда с тюремными (если таковые и имели место в конфискованных у церкви и использованных под штаб-лаги монастырях, то ответственности за происходившее в них после конфискации церковь уже не несет).

10 ноября 2000 года, вскоре после получения этих первых результатов, епископ Г.Фюрст (Dr.Gerhard Fürst) передал их президенту «Каритаса» прелату Х.Пушману (Hellmut Puschmann) для дальнейшего розыска силами Церковной Поисковой Службы (Kirschliche Suchdienst). В то же время архивный поиск продолжился в других епископатах, а также в региональных архивах и — что так же беспримерно — в архивах окружных больничных касс (АОК, или «Angestellte Krankenkasse»), обыкновенно оберегающих свои картотеки не менее 80 лет.

К слову, не сидели без дела и архивариусы протестантской церкви. В архивах Берлина и Бранденбурга они обнаружили списки «своих» остарбайтеров и даже идентифицировали около 60 имен кладбищенских рабочих⁹.

Итак, Католический Фонд компенсации явил собой великолепный пример оперативности и предприимчивости «малого предприятия», самостоятельного и свободного от диктата и настроения правления «Большого Фонда». Постепенно он пришел к революционной идее: заплатить всем, о ком достоверно известно, что они не добровольно трудились в католических учреждениях. Его главной целевой группой являются «Zwangsarbeiter», то есть принудительные рабочие, и он не входит в такие «тонкости», как разница в правовом статусе между остарбайтером с Украины и рабочим из Нидерландов или советским и французским военнопленным (что с точки зрения Большого Фонда является абсолютной крамолой).

Он не только гибче, но и терпеливее Большого Фонда, установившего крайним сроком подачи заявлений 11 августа 2001 года и, после скандальной задержки с принятием закона, отложившего его всего лишь до конца 2001 года, тогда как у католиков этот срок истекает 31 декабря 2002 года. Ему труднее искать и находить своих «клиентов», но зато он свободен от гнета многоступенчатой бюрократии на своих плечах.

И самое главное: созданный всего лишь в конце августа 2000 года, Католический фонд уже в ноябре приступил к первым выплатам реальных денег реальным людям¹⁰. По состоянию на 15 июня 2002 года, Католический Компенсационный фонд установил имена 3057 чел., трудившихся в церковных учреждениях, из которых 476, по-видимому, умерли. В 267 случаях уже приняты положительные решения о выплатах компенсаций, из них около половины пришлось на жителей Польши, на втором месте — жители Украины. По состоя-

нию на 8 ноября 2001 года, компенсацию уже получили более 120 человек, но первые выплаты на Украине состоялись только в начале 2002 года¹¹.

Примечания

- ¹ См., например, так называемое «Штутгартское заявление» Евангелической церкви от 19.10.1945 (*Die Stuttgarter Erklärung // Worte und Erklärungen der Evangelische Kirche in Deutschland. Bd. I (1945—1959). Hannover, 1993. S. 14* (об этом говорилось в докладе К.-Д.Кайзера «Участие Евангелической церкви в компенсации принудительным рабочим», сделанном на конференции «Принудительный труд в церковных учреждениях — компенсация, примирение и историческое осмысление» (Штутгарт, 10—11.02.2001).
- ² См.: www.caritas.de; www.akademie-rs.de; www.drs.de.
- ³ Интересно, что около половины немецких монахов принимало участие в военных действиях, а почти 70 % монахинь и послушниц работали сестрами в медицинских учреждениях вермахта и, как намекает уважаемый епископ, сами находились под известным давлением. Многие католические иерархи, вопреки нацистским предписаниям, продолжали духовное окормление католической паствы (скажем, из Польши) и пострадали за это.
- ⁴ Этот вопрос, естественно, «смущал» и протестантов (см. заявление для прессы Президента организации «Диаконическое дело» («Diakonisches Werk») от 18.08.2000).
- ⁵ Эта сумма выплачивается равными долями за два раза, отстоящие друг от друга на 3 месяца. Насколько можно судить, в случае правомочия претендента получить компенсацию как в Католическом, так и в Общегерманском фондах, причем если причитающаяся во втором случае сумма превышает 5000 DM, то претендент вправе рассчитывать только на разницу.
- ⁶ Тут следует заметить, что церковные архивы, как, впрочем, и архивы частных промышленных предприятий и страховых компаний (как, впрочем, и многие другие ведомственные архивы), отнюдь не принадлежат к числу «друзей историков».
- ⁷ Председателем и заместителем председателя являются д-р В.Тойфель (Waldemar Teufel), канцлер епископальной курии, и В.Трипп (Wolfgang Tripp), директор «Каритаса» в епископате Роттенбург-Штутгарт. В ее составе — такие известные ученые, как профессор Г.Хиршфельд (Gerhard Hirschfeld), директор Штутгартской библиотеки новейшей истории, директора или архивариусы городских архивов Штутгарта, Людвигсхафена, Зигмарингена и др. известные люди. Координацию деятельности комиссии осуществляют К.Барвиг (Klaus Barwig) и Д.Бауэр (Dieter R.Bauer).
- ⁸ 10—11 февраля 2001 в Католической Академии Штутгарт-Хознхайм прошла научная конференция «Принудительный труд в церкви. Компенсация, примирение и историческое осмысление». Предыдущая конференция по проблемам компенсации за принудительный труд прошла в этой же Академии еще в 1997 г. (в бытность нынешнего епископа Г.Фюрста ее ректором).
- ⁹ Baum, Karl-Heinz. Kirche ermittelt Zwangsarbeiter. Protestanten setzten Opfer für Friedhofstätigkeiten ein // *Frankfurter Rundschau*. 11.11.2000.
- ¹⁰ См., например: Ватикан заплатил 10 000 марок жертвам нацизма // *Московская немецкая газета*. 21.11.2000.
- ¹¹ Текущие данные Главного управления Немецкого Каритаса (благодарю У.Хельбаха и Т.Андрейчука за предоставленные данные).

8.6. Постскрипtum: так все-таки — компенсация или приз за живучесть?

И вот, наконец, чаемое свершилось. В последний день первого в новом столетии лета — 31 августа 2001 года (или примерно на месяц позже, чем в Белоруссии или на Украине) — первая десятка российских граждан из числа жертв нацизма и принудительных рабочих получила долгожданную немецкую компенсацию. Торжественная церемония прошла в Доме дружбы с народами зарубежных стран и была отмечена нешуточным стечением начальства и журналистов. Зато вновь блистательно отсутствовал «Мемориал», с инициатив которого в свое время и начался весь сыр-бор с компенсациями.

Вела собрание Наталья Малышева — уже третий по счету председатель правления российского фонда «Взаимопонимание и примирение» — партнерской организации головного немецкого фонда «Память, ответственность и будущее». В должность она заступила всего три месяца назад и добрых слов в адрес своих предшественников не произносила (да те в ее глазах их и не заслуживали: фонд до ее прихода даже не был зарегистрирован!).

Церемония не была чересчур долгой. Все, кроме узников, говорили коротко и казенно. Подобающие случаю слова и выражения («взаимопонимание и примирение», «долгожданная справедливость», «день, которого многие ждали», «знак признания ваших страданий и нашей ответственности» и т.д. и т.п.) произносились и перепасовывались по многу раз. Складывалось ложное впечатление, что если проблемы и были, то все они позади.

Еще незадолго до церемонии все было на грани срыва, причем причина была уже не в международной, а во внутрироссийской сфере. Так, необычайно тяжелыми были переговоры с Литвой и Латвией — о кооперации в вопросах выплат их гражданам, и со Сбербанком — о механизме, условиях и цене выплат. В обмен за свою надежность и повсеместность Сбербанк сумел навязать фонду свои «коммерческие» условия (0,7 %, или примерно всемеро больше, чем за свои услуги получит Министерство связи, обеспечивающее ускоренную и приоритетную доставку — по образцу президентских поздравлений ветеранам к 9 мая — переписки с получателями компенсаций).

И ко всему вдруг неожиданно разыгрался аппетит у российских налоговиков, в последнюю минуту вдруг возжелавших откусить у фонда огромный и весьма жирный кусок в виде единого социального налога (около 35,8 %) . Для этого им пришлось сделать вид, что подписанное Россией многостороннее соглашение о немецких и австрийских компенсациях как бы и не межправительственное вовсе, отчего презумпция старшинства международного права перед внутренним отпадает — и возникает уже обязанность заплатить налоги: «Делиться надо!».

Наверное, все обошлось бы и так: уж больно вопиющий и возмутительный случай. Но о письме налоговиков стало известно председателю Наблюдательного совета Людмиле Нарусовой, и она предала эту проблему гласности (и, на мой взгляд, совершенно правильно сделала). После чего мир зашелся от изумления, и разразился громкий скандал. И только после немецкой угрозы приостановить и заморозить транши необходимые заверения и гарантии были даны, да вот только имидж России в очередной раз потрепался.

Приходится напомнить, что в исторической и демографической перспективе начавшийся процесс выплат является, строго говоря, не компенсацией, а своеобразной **премией за феноменальную живучесть** — и еще везучесть — отдельных людей.

Компенсацией же это было бы лишь в том случае, если бы правомочными признавались все, кого нацистская Германия варварски и насильственно эксплуатировала в своем тылу, или же их наследники. Сейчас же ее получают лишь те, кто дожил до дня ее получения или наследники тех из них, кто умер, но после мало чем примечательного дня 16 февраля 1999 года — даты опубликования совместного заявления крупнейших немецких фирм и банков о своей принципиальной готовности выплатить компенсации бывшим принудительным рабочим.

Таким образом, от компенсации юридически и морально сразу же оказалось отрезанным подавляющее большинство принудительных рабочих (напомним, что ранее Германия категорически и наотрез отказывалась признавать самый факт их правомочия на такого рода компенсацию, спекулируя на урегулированности репарационных соглашений, а также на Лондонском соглашении о долгах, к которому СССР и восточноевропейские страны не присоединились). Отказаться от своего хлипкого тезиса Германию заставила отнюдь не пробудившаяся совесть или воля к покаянию, или новые исторические факты, а сугубо шкурные экономические интересы все тех же крупнейших частных предпринимателей страны в процветающей Америке (благодаря коллективным искам их бывших принудительных рабочих, ныне проживающих в США, и особенностям американского права эти интересы оказались под серьезной угрозой).

Но это еще далеко не все. Компенсации выплачиваются правомочным претендентам исключительно по их заявлениям. Несмотря на размах информационно-рекламной кампании, осуществленной германским фондом, в мире остается некоторое число лиц, не подававших заявлений о компенсации. Есть и такие, кто знает о выплатах, но из гордости, презрения или других побуждений не подают на компенсацию. И те, и другие — вне игры.

И это еще не все. В германском законе о фонде «Память, ответственность и будущее» есть немало и других моментов, отрезающих от компенсации целые контингенты, чье исключение из компенсационного процесса исторически и юридически совершенно неправомерно. Прежде всего, напомним, это военнопленные, о которых в законе

сказано: «Препровождение в военном плену не дает права на получение выплат». Аргументация: все, что связано с военными действиями и их последствиями, регулируется международным правом, в частности, Гаагской и Женевской конвенциями 1907 и 1929 гг. и, стало быть, не подлежит компенсации в иных правовых рамках.

Вместе с тем это совершенно неприменимо к советским военнопленным (и, отчасти, к итальянским), обхождение с которыми со стороны немецких властей не имело ничего общего с названными конвенциями. Ни в одной из них нет положений, допускающих право на селекцию военнопленных по расовому или идеологическому признаку, а именно это происходило с советскими военнопленными комиссарами и евреями, которых отбирали и на месте, без суда и следствия, расстреливали (а заодно и других обрезанных — из мусульман). Перечень прегрешений немцев против Женевских конвенций этим не ограничивается, но одного военно-полевого Холокоста совершенно достаточно для единственного корректного вывода: советские военнопленные не подпадают под действие международного права и сформулированное в законе ограничение, справедливое для английских, французских и многих других военнопленных, на них не распространяется, и их включение в число категорий, правомочных на получение компенсаций, не только возможно, но и необходимо.

Если бы они имели хоть какое-нибудь серьезное лобби, если бы они могли подать коллективный иск в суд и их дело вел грамотный (не обязательно американский) адвокат — они бесспорно выиграли бы процесс и вошли бы в число правомочных претендентов по суду. Но всего этого — лобби, адвоката и даже действующих эффективных ассоциаций — у них нет. Наоборот, и политические (проблема немецких военнопленных в СССР), и экономические (лишние рты — конкуренты за выплаты) — они нежеланны ни в Берлине, ни в Москве, и ожидать изменения этого чисто политического и циничного положения дел не приходится. Ни российским, ни немецким историкам заключение по этому вопросу так и не было заказано.

А вот заключение относительно итальянских «интернированных военнослужащих», заказанное Министерством финансов Германии профессору К. Томушату из Берлинского университета им. А. Гумбольдта, принесло вполне прогнозируемый отрицательный результат. Само оно поначалу держалось в немецком фонде чуть ли под негласным грифом «Для служебного пользования» и не предоставлялось специалистам для ознакомления. Ознакомиться с ним мне все равно удалось, и вот первое впечатление: аргументация коллеги внутренне противоречива и явно нуждается в гласном обсуждении. Кажется, и здесь актуальная политика оказалась сильнее исторической правды. Дополнительный смысл этого документа: он стал новым шлагбаумом на пути компенсаций и советским военнопленным.

В своем слове на церемонии 31 августа бывшая узница Освенцима Ирина Харина трогательно поблагодарила немцев за то, что они

милостиво подтвердили право на компенсации хотя бы тех военнопленных, кто побывал в концлагере. Мне же тут видится повод скорее для гнева, чем для благодарности: сама попытка пересмотреть этот тезис не просто цинична, но и кощунственна.

Впрочем, и военнопленные — не единственные и не последние «жертвы», или заложники, немецкого закона. Формально неправомочными являются и сельскохозяйственные рабочие: просто на них, в отличие от военнопленных, не распространяется «вето» на выплаты, и все восточноевропейские партнерские организации намерены относительно скромно, но заплатить и им.

И уж совершенно ничего не получают те, кто работал в домашнем хозяйстве в немецких семьях. Можно говорить о разном уровне тяжести выполненного труда, но нельзя говорить о корректности огульной невыплаты: этих украинских дивчин угнали с родины точно так же, как и других остарбайтеров, никто не спрашивал их согласия или желания, и это точно такой же принудительный труд, как и всякий другой, только — среднестатистически — менее тяжелый.

Да и сама «добровольность» отправки в Рейх — вещь весьма относительная. Применительно к остарбайтерам о ней можно говорить лишь о времени не позднее середины апреля 1942 года, когда вступила в полную силу жесткая и жестокая заукелевская доктрина вербовки. Но даже те, кто действительно поехал по собственному желанию, были жестоко обмануты, и обходились с ними ничуть не лучше тех, кого вывезли насильственно.

Но и для тех, кто работал на коллективных учредителей немецкого фонда — немецкую промышленность или немецкое государство, — остается немало препон и рогаток. Сохранность немецких архивов (говорю это, очень хорошо их себе представляя) вовсе не такова, чтобы отказывать бывшим принудительным рабочим в правомочии на компенсацию по причине недостаточной документированности свидетельств их труда (а именно это начинает все более и более сказываться при рассмотрении дел, ставя бедных и униженных людей в зависимое положение от формулировок архивистов и от произвола чиновников).

А тут еще в подсознании всплывают риски не получить ничего или недополучить по причине нецелевого расходования фондом компенсационных средств (как это бывало уже на Украине и в России) или же быть попросту ограбленным: практика предыдущих выплат знает даже случай ограбления родителей детьми!

Так что ничуть не удивительно уже упоминавшееся опасение Ф.Мерца относительно того, что выделенные деньги, действительно, дойдут по назначению — до жертв принудительного труда.

Впрочем, как раз в этом направлении новым руководством фонда сделано и предусмотрено немало разумного. Фонд теперь живет не на процент с капитала, что подталкивало к азартным играм

с ненадежными банками, а на долю в нем (2,5 %), и деньги поступают не в два-три транша, а более мелкими порциями, по сути именными целевыми перечислениями.

Самих денег, правда, маловато — 835 миллионов марок, что более чем вдвое меньше, чем выделено на Украину или на Польшу, и менее, чем вдвое больше, чем выделено на Чехию. Увы, дипломатическую войну за российскую квоту в 10 миллиардов российская делегация, водителем которой первым председателем фонда Князевым и послом по особым поручениям Коптельцевым, вчистую проиграла (незнание или игнорирование исторических реалий было лишь одним из факторов этого фиаско). Едва ли это удастся исправить, но то, что пересмотр многих положений действующего закона необходим — очевидно.

И все-таки состоявшаяся 31 августа 2001 год церемония — безусловно радостное, историческое, но в первую голову символическое событие. Вот бы хорошо, если новому руководству российского фонда удастся переломить сложившуюся малоутешительную тенденцию и сработать эффективно и корректно, прислушиваясь не только к окрикам политики и эмоций, но и к голосу исторической правды.

А тех счастливицев-россиян, кто сходу сумеет пройти сквозь все критерии и фильтры, можно будет поздравить не только с прибавлением в бюджете, но и с редкостной **живучестью** и **везучестью**. И пожелать им и на дальнейшее — здоровья и удачи.

Но в еще большей степени это относится к тем, кто компенсацию не получил и не получит.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЗАЛОЖНИКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И ЖЕРТВЫ ДВУХ ДЕМОКРАТИЙ: БЫВШИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ОСТАРБАЙТЕРЫ СЕГОДНЯ

Тема, которой посвящена эта книга, около полувека была темой-табу. Даже говорить об этом было опасно, настолько серьезный идеологический заряд она в себе несла.

Сразу же вслед за завершением репатриации в мире разразилась очередная мировая война — так называемая Холодная.

Это не совсем точно, что Холодная война — это война двух систем, двух укладов и двух идеологий — война друг с другом. Для ее успешного ведения нужны были и внутренние враги и внутренние жертвы — не обязательно диссиденты или поэты. Могли сойти и другие «отщепенцы» — военнопленные, остарбайтеры и прочие. На Холодной войне (в отличие от Горячей — Великой Отечественной) никто из наших героев не воевал, но жертвами ее, по обыкновению, они стали все, поголовно!

Первая тому иллюстрация — продолжающаяся апология практики и теории репатриации по-советски!

Свое отражение она нашла в работах В.Земскова и А.Шевякова, а также Ю.Арзамаскина, выходивших на протяжении последних 10-12 лет. Наряду с эмпирической, статьи В.Земскова несли и определенную идеологическую нагрузку.

Так, в статье 1993 года В.Н.Земсков взялся за трудную работу по «демифологизации» процесса репатриации советских граждан.

И то дело: большинство западных суждений и оценок столь же мало опираются на специальные исследования и почти столь же политизированы, как и советские. Так, общим местом, например, был тезис о чуть ли не поголовном нежелании возвращаться в СССР украинцев или жителей Прибалтики или же об их поголовной отправке в лагеря.

Казалось бы, открывшиеся — и первому именно В.Н.Земскову — архивы позволили прояснить ситуацию и нарисовать правдивую и сложную картину. Но ученый предпочел сделать тематическую выборку и развенчать западные стереотипы (от которых, кстати, на Западе уже давно отошли), сохранив при этом и даже как бы упрочив, стереотипы советские (на деле ничуть не меньше заслуживающие критического анализа и «демифологизации»).

Проследим за ходом его — в высшей степени симптоматических — рассуждений. Начнем с первого из трех разоблачаемых им мифов: «Все хотели остаться на западе».

Согласно Земскову, западные источники утверждают, что большинство советских военнопленных было враждебно настроено к СССР и не желало возвращаться на родину. Советские же военные разведчики, сообщает Земсков, имели прямо противоположные сведения: *«основная масса пленных желает возвратиться в СССР., хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой»*¹.

Но мало того. Оказывается, сотрудники НКВД, НКГБ и СМЕРШ, осуществлявшие проверку и фильтрацию репатриантов, имели основательные опасения в том, что *«довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей серьезно повлияло на их мировоззрение и политические настроения»*². Так вот, по ходу деликатной и тонкой работы этих специалистов все эти опасения, в основном, рассеялись. Знай это Филипп Голиков загода, не понадобились бы лагеря и прочие беспокойства и старания!

Во-вторых, вслед за оперативниками, В.Н.Земсков разделил советских граждан — на «восточников» и на «западников» (точно такое же различие делали и союзники, но так называемых «западников» они за граждан СССР просто не считали):

*«По объяснительным запискам репатриантов можно примерно установить, что среди "восточных рабочих" твердых возвращенцев было не менее 70 %, невозвращенцев — около 5 %, остальные 25 % составляли так называемые колеблющиеся (в большинстве они были не против возвращения, но опасались репрессий). Примерно такое же соотношение было и среди военнопленных. Концлагерники же (политические заключенные) почти все хотели вернуться на Родину»*³.

Но иначе, оказывается, с «западниками». Лишь около 15 % из них (в основном беднейшие крестьяне и бывшие заключенные концлагерей) твердо решили вернуться на Родину. Примерно столько же, по Земскову, и твердых невозвращенцев (в основном руководителей и активистов различных национальных группировок, кружков, комитетов и т.п.). Колеблющихся — не менее 70 %.

Если довериться этим цифрам, то получается, что уровень наивности в СССР имел — или имеет — ярко выраженный восточный градиент. Большинство «западников» не разделяло той несколько странной уверенности, что в Союзе «ни за что — не сажают». Может быть потому, что за несколько месяцев советизации многие из них уже успели убедиться, что прекрасно «сажают» — и ни за что.

Признать же объективными или точными цифры, приводимые В.Н.Земсковым, затруднительно, если учесть их источник (анкетирование органами СМЕРШ) и хотя бы на минуточку представить себе обстоятельства составления «объяснительных записок».

Миф второй: «Благородные союзники — и кровожадные большевики». По Земскову, американцы и англичане хотели спасти советских граждан от обязательной репатриации, но не могли устоять перед ультимативными требованиями СССР об их выдаче.

Все не так просто, говорит Земсков, и он прав. Никакие они не джентльмены, наши славные союзники, а просто-напросто реалисты

и прагматики, им и своих пленных назад хотелось⁴, и второй фронт против Японии открыть тоже. И снова Земсков прав! Но далее материалист-историк ступает на скользкую дорожку запутанных юридических силлогизмов «а ля Вышинский». Оказывается, что в экстремальных условиях войны, по Земскову,

«...государство временно приостанавливало действие ряда прав человека (в частности, свободы выбора подданства)⁵, исходя из того, что в период острого вооруженного противоборства каждый гражданин обязан находиться в родной стране на военной службе или отбывать трудовую повинность. Для достижения этой цели предпринимались соответствующие чрезвычайные меры, включая обязательную взаимную репатриацию, так как добровольность могла стать лазейкой для легального дезертирства. Попадание во вражеский плен не считалось основанием для освобождения от обязательной воинской или трудовой повинности, а уклонение от возвращения в свою страну рассматривалось как преступление, аналогичное предательству или дезертирству»⁶.

Попутно Земсков рисует общественное мнение англичан и американцев как непримиримо враждебное к «советским квислинговцам», не раскрывая содержания этого превосходного термина — лингвистической реликвии времен выступлений Громыко в ООН. Источники же самого утверждения не приводятся, наверное, — демократическая печать или донесения разведки. Но как увязать этот тезис, например, с иммиграционными программами тех же Англии и США, рассчитанными на этих самых квислинговцев, остается неясным. На всякий случай Земсков страшется и с другой стороны: мол не по силам западному миру просто так взять и переварить пять миллионов советских ДиПи! Во время как «...Советский Союз, понесший огромные людские потери, напротив, был остро заинтересован в возвращении на Родину нескольких миллионов советских граждан, оказавшихся за границей»⁷.

Вывод ясен и прост: насильственная репатриация — есть и самый правовой, и самый справедливый выход: всем только хорошо!

Наконец, миф третий: всех, кто вернулся, — репрессировали.

Для начала этот тезис объявляется расхожим мнением. Что верно. Затем Земсков признает, что судьба нескольких десятков тысяч советских граждан по ходу репатриации сложилась трагически. Что тоже верно. Зато остальные были «приятно (! — П.П.) удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали»⁸.

Правда, тут же Земсков приводит таблицу, несколько дезавуирующую сказанное. Во-первых, если критерием «трагической судьбы» является попадание в спецконтингент, то счет должен идти на сотни, а не на десятки тысяч душ. Во-вторых, так буквально — мол, всех до одного репрессировали! — и на Западе никто не говорил, а ответить на вопросы, много или мало 6,5 % (доля спецконтингента) и «подарок»

ли судьбы зачисление в «трудовые батальоны НКО», — не так и просто. К сожалению (или к счастью), но критерий «счастливой судьбы» репатрианта до сих пор не выработан.

Особенное сомнение (мы не позволяем себе эмоций) вызывает и заключительный тезис разоблачителя мифов: «... Судьба подавляющего числа репатриантов практически не отличалась от судеб обычных граждан СССР»⁹.

Ну разве это **не мифологема**?

И разве после всего, что нам сегодня известно об их незавидном статусе на родине, ее нужно еще специально «разоблачать»? И стоило ли еще раз оболгать и оскорбить людей, столько перенесших, к тому же еще и, в некоторой части, не умерших?

Сладко не было никому, но даже в бесправном обществе есть свои «перемены тяжелого», как говорил Семин, и свои ступени бесправия.

Репатрианты же — граждане второго сорта. Они это пережили и это знают. Для них это — не миф, а жизненный опыт и правда.

Другая иллюстрация продолжающейся и сегодня дискриминации остовцев и военнопленных — ход обсуждения и практическое решение проблемы компенсации принудительным рабочим и другим жертвам нацизма. При распределении выплат по линии немецкого «гуманитарного урегулирования» в середине 1990-х годов как «пособники»-остарбайтеры так и «предатели»-военнопленные получили по очередной пощечине: первые — лишь частичным признанием своих прав, вторые — их полным непризнанием. Практически то же самое повторилось и сейчас, когда на кону оказались не гуманитарные жесты, а собственно компенсации (к сожалению, только для тех, кто до этого момента дожил). Уже в который раз подверглись они очередной гражданской дискриминации.

Хочу напомнить. Десятилетиями не только немецкие промышленники, но и немецкое государство — и даже видные немецкие ученые-историки! — держали круговую оборону против реальных и предполагаемых притязаний тех принудительных рабочих из Восточной Европы, чей труд нацисты так хорошо эксплуатировали в годы войны. В ход шли надуманные аргументы о погашенности и «закрытости» этого вопроса, во-первых, ходом репарационного урегулирования и, во-вторых, неприсоединением восточноевропейских стран к Лондонскому соглашению о долгах.

Эти риторические аргументы выслушивались и принимались советской дипломатией если не с почтением, то с пониманием. Защищать коллективные интересы людей, угнанных в Германию и именно за это дискриминированных в самом СССР, было бы даже как-то странно, да и историко-юридической стороной вопроса, а, следовательно, и аргументацией защиты никто у нас не владел, так что немецкие антикомпенсационные тезисы никто и ни разу всерьез не оспорил.

Об историко-юридическом блефе с немецкой стороны, который на самом деле стоял за этими тезисами, говорит та исключительная легкость, с которой эти «тезисы» были преодолены в ходе переговоров с адвокатами жертв принудительного труда, проживавших, однако, не в Восточной Ев-

ропе, а в США и Израиле. Уж и не знаю, пыталась ли немецкая сторона на переговорах, где по обе стороны стола сидели исторически подкованные юристы, вешать им на уши такую же «лапшу», или это был продукт, предназначенный только для восточных ушей. Но правомочие западных жертв на индивидуальную компенсацию (подчеркнем лишний раз: именно на компенсацию, а не на «гуманитарное урегулирование»!) было ею без труда признано и подтверждено, и лишь после этого перенесено и на принудительных рабочих из Восточной Европы.

Точно такой же юридический казус до сих пор представляют собой и советские военнопленные. Ради недопущения их к процессу компенсации немецкая сторона не поленилась ввести специальный параграф в соответствующий Закон! Этот параграф опускает перед ними шлагбаум по той причине, что все, что с ними связано, уже урегулировано в рамках международного права, иными словами, Гагской и Женевской конвенциями о военнопленных.

При этом делается историческое «сальто-мортале» — невероятно вольное допущение о том, что советские военнопленные — это такие же нормальные военнопленные, как, скажем, американские, английские, французские или польские. И все это — после того, как написаны тома о том, как на самом деле вермахт и СС обходились с пленными красноармейцами! А ведь вот уж кому выпало лиха! Сначала — смерть или смертный страх — от фашистов, затем насильственный труд и презрение — от своих, после репатриации, а теперь, наконец, и третий раунд: унижение и циничное игнорирование от цивилизованных стран, красиво рассуждающих об исторической ответственности и о моральных ценностях.

Но в каком параграфе Женевской конвенции пленившей стороне предоставляется право сортировать военнопленных по национальному или функциональному признаку и те или иные отобранные категории, скажем, евреев и комиссаров, — практически на месте, без суда и следствия, «ликвидировать»? А режим содержания! А рационы питания (точнее, голодания)! А система наказаний! — все это безоговорочно выводит советских военнопленных из-под действия направленного против них параграфа, но они все равно ничего не получают, потому что в этом заключалась недальновидная и некомпетентная, но в целом весьма отчетливая политическая воля всей переговорной команды, впоследствии одобренная Бундестагом (в сущности, введенным в заблуждение).

Впрочем, и с американской стороны никаких протестов по этому поводу не последовало: в Америке у русских военнопленных никакого лобби нет, так что до их коллективного иска дело не дошло. Не было у них реальной поддержки и с официальной российской¹⁰, украинской и белорусской сторон: ну, кому нужны «лишние рты» у компенсационного котла, когда денег и так мало, а претендентов много!

Вот так советские военнопленные (и, в меньшей степени, оstarбайтеры) прошли трагический и невероятно гнусный, унижительный путь: от стадии «жертв двух диктатур» — через стадию «заложников Холодной войны» — к стадии «жертв двух демократий».

P.S. Кстати, часто приходится слышать еще один ходовой демагогический аргумент: ах так, вы требуете компенсации вашим военнопленным, — но тогда платите компенсацию и нашим, немецким, военнопленным, побывавшим в советском плену!

Что ж, такая постановка вопроса была бы гораздо корректней и менее лицемерной, чем пресловутый «нулевой вариант». Хотя и с советской стороны имелись серьезные нарушения Женевской конвенции, особенно в плане сроков задержания в плену и недопущения представителей Красного Креста в лагеря, все же нельзя не признать, что в советской политике не было и тени геноцидальности.

И уж во всяком случае правомерными выглядели бы и притязания «вестарбайтеров» — гражданского немецкого населения стран Юго-Восточной Европы и бывших восточных земель Рейха, интернированных и депортированных в начале 1945 года в СССР исключительно с целью трудового использования — на компенсацию с советской (русской) стороны.

Примечания

- ¹ Земсков, 1993, с. 75. Цитата — из письма начальника Главного Разведуправления Красной Армии И.И.Ильичева Ф.И.Голикову от 26.10.1944 (без указания сигнатуры).
- ² Земсков, 1993, с. 75. Цитата — из письма начальника Главного Разведуправления Красной Армии И.И.Ильичева Ф.И.Голикову от 26.10.1944 (без указания сигнатуры).
- ³ Земсков, 1990, с. 27.
- ⁴ Перед глазами так и возникает образ негра-репатрианта, бросающегося в Гудзон, лишь бы его не выдали назад, ишачить под свист бичей на плантациях дядюшки Сэма!
- ⁵ По Земскову выходит, что это несколько диковинное право если не торжествовало, то наличествовало в довоенном СССР.
- ⁶ Земсков, 1993, с. 76. В таком случае не удивишься изворотливости иных советских военнопленных, совершивших уголовные преступления в чужих оккупационных зонах и сидевших, уклоняясь от патриотических повинностей, в американских или английских тюрьмах.
- ⁷ Земсков, 1993, с. 77.
- ⁸ Земсков, 1993, с. 78.
- ⁹ Земсков, 1993, с. 81.
- ¹⁰ Автору приходилось слышать о том, что представлявший Россию на этих переговорах посол по особым поручениям Коптельцев не раз поднимал этот вопрос, но не встретил поддержки ни у кого. Но то, чем и как он аргументировал эту позицию, остается совершенно неясным.

**Из письма министра финансов Германского Рейха
графа Шверина фон Крозига рейхсмаршалу Герингу
от 19 апреля 1941 года***

19 апреля 1941

Секретно! Государственной важности!

Глубокоуважаемый господин Рейхсмаршал!

<...>

Развитие обстановки за последние недели, в особенности реакция нашей прессы на русско-японский пакт, на который господин фон Риббентроп в ноябре прошлого года указал мне как на конечную цель нашей политики и который теперь в прессе противника изображается как тяжелый удар для Америки и как крупный успех политики стран оси, а в нашей прессе с удивительным равнодушием печатается на третьей странице, вызвало во мне сомнения, правильно ли я понял Ваши замечания и не мы ли стремимся к разногласиям с Россией, предполагая, что однажды таких разногласий нам все-таки не избежать и лучше их провести теперь, чем позже, и что, кроме того, занятие южных районов России в значительной степени улучшит наше положение, прежде всего в области снабжения нефтью и продовольствием.

Вы поймете меня, если я, пользуясь доверием, которое Вы неоднократно оказывали мне даже в вопросах, выходящих за пределы моего ведомства, открыто выскажу свое мнение по этому вопросу, как наиболее важно-му для судьбы нашего народа.

1. Я не думаю, что завоевание южных районов России в значительной степени облегчит наше положение в продовольственном отношении. При этом я предполагаю, что в военном отношении это завоевание возможно без особых трудностей. Несмотря на это русские, которые при отступлении всегда были специалистами по разрушительным действиям, оставят нам сожженные поля и амбары, которые в этом году едва ли увеличат наши хлебные запасы, в то время как на основании существующего в настоящее время договора о поставках этот хлеб мы получаем от России безо всяких трений. Может быть, если рассчитывать на многолетнюю войну с объединенными силами Англии и Америки — при сложившейся в настоящее время обстановке я думаю не об этом — тогда из южных районов России можно было бы вывезти больше, чем 1,5—2,5 миллиона тонн хлеба, которые нам должна поставить Россия. Но даже если это приемлемо, я прошу разрешения указать на следующие три обстоятельства.

* *Ноган Людвиг Шверин фон Крозиг* (Schwerin von Krosig), граф (1887—?) — министр финансов в правительстве Германии в 1932—1945, беспартийный. В 1949 осужден к 10 годам тюремного заключения, освобожден в 1951.

Во-первых, уже теперь вопрос поставок из России в сущности является транспортным вопросом; трудность этого вопроса не уменьшилась бы, если бы обширные районы России были в наших руках.

Во-вторых, тот плюс, что мы можем экспортировать из России, становится все меньше, по сравнению с минусом, который неизбежно должен установиться в нашем отечественном производстве, как результат связанного с расширением войны дальнейшего лишения нашего сельского хозяйства рабочей силы, удобрения, горючего и т.д. Если рассчитывать на нормальный урожай нашей страны в 50 миллионов тонн зерна (картофель пересчитан в зерно), то недоурожай в 10—20 %, на которые в дальнейшем ходе войны можно рассчитывать с уверенностью, в значительной степени больше, чем все, что мы в лучшем случае смогли бы получить из завоеванной России.

И в-третьих, это то, что довольно важный для нас экспорт из Манчжоу-Го (соевых бобов) при конфликте с Россией прекратился бы. Таким образом, следует опасаться того, что наше продовольственное положение на этот год безусловно улучшится, но на более продолжительный период времени, по всей вероятности, скорее ухудшится, чем улучшится.

2. На первом заседании после начала войны осенью 1939 года, на котором Вы председательствовали, Вы заявили, что самой трудной проблемой в этой войне является тот факт, что германский народ имсет за своими плечами четырехлетнюю войну с последующими десятилетиями, которые в действительности являлись также только скрытой формой войны, и располагает, поэтому, только слабой силой сопротивления и слабыми нервами. Сохранить и усилить эту силу — одна из важнейших политических задач. Теперь германский народ с несравненной твердостью выдержал испытания полутора лет этой войны, хотя он на своей собственной территории и непосредственно на своих людях испытал совершенно другие последствия воздушных налетов, чем в 1914—1918 годах.

Несмотря на это остается в силе то, что Вы тогда сказали, тем более, что у большинства населения вследствие чрезмерных требований к рабочим (сверхурочная работа стала правилом) и только среднего достатка в питании отмечаются явления переутомления. Но народ терпит все, надеясь на скорый мир и доверяя нашему командованию. Не думаете ли Вы, что их надежде и доверию будет нанесен очень сильный удар, если неожиданно произойдет расширение войны, которое похоронит всякую надежду на ее скорое окончание и всю тяжесть двухфронтальной войны взвалит на плечи народа? Не считаете ли Вы, что даже от такого услужливого, преданного и доверчивого народа потребуются слишком много усилий, если неожиданно договор с Россией, который в то время во всех выступлениях по радио и в прессе отмечался как надежная гарантия победы, как большой политический успех, как гарантия против английских планов блокирования, выльется в противоположную форму. (Надо сказать, что примириться с таким полным изменением нашего отношения к России многим настоящим немцам в то время стоило немало усилий). Я боюсь, что это является испытанием на перегрузку, которое было бы не по силам самому многочисленному народу...

Источник: РГВА. Ф. 700к. Оп. 2. Д. 16. Фотокопия машинописи.

Административные единицы в рейхскомиссариате Украина*

1	Деревня	Сельский староста	L.
2	Сельская община**	Бургомистр	D.
3	Мелкая городская община	Бургомистр	D.
4	Район***	Районный начальник	D.
5	Малая или средняя городская община	Бургомистр	D.
6	Малая или средняя городская община особого значения — местонахождение немецкого учреждения	Бургомистр, подчиненный гебитскомиссару	D.
7	Крайзгебит, или область****	Областной комиссар	D.
8	Крупный город	Городской комиссар	D.
9	Генерал-бецирк, или генеральный округ*****	Генерал-комиссар	D.
10	Рейхскомиссариат Украина	Рейхскомиссар	D.

Источник:

Распоряжение ландесгауптмана фон Ведельштедта от 14.02.1942 // Ämtliche Mitteilungen der Reichskommissariat Ukraina. Rowno, № 12, 20.02.1942 (BA, RD 207/1).

* Используется схема: единица управления — национальность руководителя, причем L. (Landeseinwohner) — местный житель, D. (Deutsche) — немец.

** Состоит из многих мелких деревень; только для Волыни.

*** Состоит из нескольких деревень, сельских или мелких городских общин.

**** Состоит из многих районов, малых и средних городских общин

***** Состоит из многих областей и крупных городов.

**Максимальные рационы питания
на оккупированной территории СССР**
(из расчета на неделю, г)

Продукты	Категории населения					
	А	Б	Б1	В	В1	Г
Мясо и мясо-продукты	—	100	100	200	200	—
Жиры	70	100	100	150	150	35
Хлеб	1500	1500	2000	2000	2500	750
Картофель	2000	4000	2500	5000	3500	1000

Примечания:

Категории населения: А — не способное выполнять работу; Б — пригодное для полезных работ (в ОЗН и ОЗМ); Б1 — то же, в ОЗЗ; В — длительное время выполняющее тяжелую физическую работу (в ОЗН и ОЗМ); В1 — то же, в ОЗЗ; Г — дети моложе 14 лет и евреи (половина от категории А). При этом допустимыми считались невыдача мяса и жиров, а также замена картофеля свеклой, а хлеба — кашей или пшеном.

Источник:

Распоряжение начальника сельскохозяйственного отдела ОКВ д-ра Мусета № 44 от 04.11.1941 КТБ (ВА/МА, RW 31/143).

**Приказ начальника жандармерии при имперском
наместнике в Штирии от 20 августа 1942 года
(относительно понятия «восточный рабочий»)**

Начальник жандармерии при
имперском наместнике
в Штирии

Грац, 20 августа 1942 г.

Приказ № 11095/42

Всем жандармским служебным инстанциям

Относительно: Понятие «восточный рабочий», разъяснение.

Основание: Приказ имперского наместника от 6.3.1942
1 386 А 1/26.

(Содержащий приказ имперского руководителя СС и полиции,
С-IV-Д-208/42 (иностран. раб.) от 20.2.1942)

Ввиду того, что понятие «восточный рабочий» часто недопонимается, что ведет к неправильным выводам и административным действиям, приводятся выдержки из общих определений, установленных имперским руководителем СС и полиции от 20.3.1942 г., раздел С-17-Д-208/42 (иностран. раб.) — для тщательного инструктажа и ознакомления.

Следует различать:

А) Рабочую силу из старых советских областей.

К «рабочей силе из старых советских областей» относятся те рабочие, которые прибыли или придут в качестве гражданских рабочих в Германию с бывшей советско-русской территории, за исключением бывших государств Литвы, Латвии, Эстонии, Белостокской и Львовской областей.

В обращении с этими рабочими решающее значение имеет то обстоятельство, что они в течение десятков лет находились под большевистским господством и воспитывались систематически в духе вражды к национал-социалистической Германии и европейской культуре.

Нет необходимости в проверке рабочих по национальной принадлежности, поскольку это для дальнейшего обращения с рабочей силой никакого значения не имеет.

Находящиеся в Германии рабочие из старых советских областей должны быть строго изолированы от немецкого населения, иностранных рабочих и всех военнопленных. На предприятиях они используются, главным

образом, целыми колоннами. Только на сельскохозяйственных предприятиях женщины и мужчины могут использоваться в индивидуальном порядке. Но мужчины все же должны размещаться все вместе и по возможности совместно питаться.

Совместно работающие и проживающие рабочие из старых советских областей должны постоянно охраняться. Помещение, в котором они проживают, также должно постоянно охраняться. Из лагеря они могут уходить только для выполнения работы на производстве. Все свободное время они проводят в пределах лагеря.

Б) Рабочую силу с территории бывших государств Литвы, Латвии и Эстонии.

К «рабочей силе с территории бывших государств Литвы, Латвии и Эстонии» относятся все бывшие литовские, латвийские и эстонские граждане, а также лица, не имеющие гражданства, которые до 1.9.1939 г. проживали на территории бывших государств Литвы, Латвии и Эстонии и после 22.6.1941 г. прибыли или придут как гражданские рабочие в Германию. Они именуются также коротко «рабочая сила из Прибалтийских государств».

В обращении с ними руководствоваться тем, что в большинстве своем их следует рассматривать как иностранных рабочих, которые лишь на протяжении известного периода времени находились под сильным большевистским влиянием. Но отношение этих народов к большевизму оправдывает привилегированное обращение с рабочей силой из Прибалтийских стран по сравнению с рабочей силой из старых советских областей.

В принципе рабочая сила из Прибалтийских стран также должна использоваться нераздельно, т.е. большими колоннами прежде всего в промышленных и крупных сельскохозяйственных предприятиях. На мелких сельскохозяйственных и промышленных производствах (например, угольные предприятия), наоборот, требуется использование рабочей силы в индивидуальном порядке.

Размещение рабочих происходит в зависимости от условий работы. Соответственно с этим для промышленности и крупных сельскохозяйственных предприятий предписывается совместное размещение (барачный лагерь или казармы). Кроме того, используемая в индивидуальном порядке рабочая сила должна, по возможности, размещаться в общем лагере.

Особой охраны мест размещения рабочих из Прибалтийских государств не требуется.

Принимая во внимание, что при вербовке рабочей силы в результате полицейской проверки имеется возможность устранить опасные элементы, что за рабочей силой на производстве и в лагерях ведется особое наблюдение, а также учитывая общее политическое положение, можно отказаться от особых ограничений образа жизни этих рабочих, за исключением:

а) Права пребывания в районе обслуживания окружных полицейских властей, совпадающем с местом работы (право на пребывание разрешается путем полицейского предписания высших административных органов).

б) Запрещение полового сношения с немцами и немками (ставятся об этом в известность местными полицейскими органами при мобилизации).

В) *Рабочую силу польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей.*

К «рабочим польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей» относятся те рабочие польской национальности, которые до 1.9.1939 года проживали в присоединенных восточных областях, включая Белостокскую область, а также в Генерал-Губернаторстве (включая Львовскую область) и прибыли или придут в Германию в качестве гражданских рабочих с указанной территории, кроме присоединенных восточных областей района Белостока.

На эту рабочую силу польской национальности распространяется предписание имперской полиции от 8.3.1940 г. и прочие изданные соответствующие приказы.

Г) *Иностранную рабочую силу непольской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей.*

К вышеуказанной рабочей силе относятся все иностранные рабочие непольской национальности, которые до 1.9.1939 года проживали в присоединенных восточных областях, включая Белостокскую область, а также в Генерал-Губернаторстве и прибыли или придут в Германию в качестве гражданских рабочих с указанной территории, кроме присоединенных восточных областей и Белостокской области.

К этой категории принадлежат:

а) Украинцы, белорусы, русские.

б) Кашубы, мазуры, словаки, если они не внесены в списки немецкой национальности.

Они должны доказать свою национальность путем предъявления удостоверения, выданного украинским, белорусским или русским представительствами, а кашубы и словаки — путем предъявления удостоверения, выданного по месту жительства соответствующими административными властями.

В обращении с этими рабочими исходить, с одной стороны, из их большой настроенности против польского народа и лояльного отношения к германской империи. С другой стороны, нельзя оставлять без внимания жизненный уклад, характер и политические наклонности этих рабочих, которые не согласовываются с соответствующими германскими условиями жизни.

Иностранные рабочие непольской национальности используются на производстве и размещаются согласно правилам, определенным для рабочей силы из Прибалтийских стран. (см. раздел «Б»).

На рабочих данной категории в равной мере распространяются:

а) Предписание о пребывании в районе обслуживания окружных полицейских органов.

б) Запрещение половых сношений с немцами и немками.

Таким образом, под наименованием «восточные рабочие» имеются в виду только рабочие из старорусских областей, указанные в пункте «А». Только эти рабочие обязаны носить знак «OST», хорошо видимый на груди, справа, на каждом виде одежды.

Рабочие, указанные в разделах «Б» и «Г», знаков не носят, в лагерях не охраняются и подлежат только ограничениям, указанным в п.п. «Б» и «Г».

Указанные в разделе «В» рабочие польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей, согласно установленным для них правилам, должны носить справа, на груди, хорошо видимый знак «Р». На них распространяются существующие для них особые предписания.

Начальник жандармерии
подписал: (подпись неразборчива)

Источник:

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 95. Фотокопия подлинника.

**Обобщенные данные гражданской комиссии учета жертв
злодеяний немцев на территории СССР на 01.03.1946**

Название области	Кол-во актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военно- пленных	Угнано в немецкое рабство
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ				
1. Краснодарский край	520	48560	6570	48464
2. Ставропольский край	110	31645	277	1985
3. Астраханская обл.	43	1276	292	546
4. Брянская обл.	382	76110	48715	153773
5. Великолукская обл.	435	36107	21447	42491
6. Воронежская обл.	611	4911	6210	4476
7. Калининская обл.	722	40876	17055	23775
8. Калужская обл.	271	5351	1170	10974
9. Курская обл.	1279	18099	3826	38797
10. Ленинградская обл.	1361	62833	109955	302981*
11. Московская обл.	912	2054	1472	3055
12. Мурманская обл.	1	466	—	—
13. Новгородская обл.	693	14703	185760	165154
14. Орловская обл.	2086	4243	8111	48654
15. Псковская обл.	450	19852	371755	150000
16. Ростовская обл.	11163	73199	29141	40910
17. Рязанская обл.	49	61	—	5
18. Смоленская обл.	2628	87026	257733	81682
19. Сталинградская обл.	246	38554	6072	64224
20. Тамбовская обл.	65	105	—	—

* Сверх того в г. Ленинграде погибло от голода вследствие блокады 641803 чел.

Продолжение приложения 5.

Название области	Кол-во актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военно-пленных	Угнано в немецкое рабство
21. Тульская обл.	108	371	157	137
22. Ярославская обл.	4	222	—	—
23. Кабардинская АССР	111	2183	2563	—
24. Крымская обл.	873	86943	47234	85447
25. Сев.-Осетинская АССР	52	75	—	1659
Итого:	25175	655825	1125605	1269189
УКРАИНСКАЯ ССР				
1. Винницкая обл.	1683	169260	45970	61277
2. Волынская обл.	407	117549	47690	13976
3. Ворошиловградская обл.	642	18221	1907	66894
4. Днепропетровская обл.	766	78118	37185	176303
5. Дрогобычская обл.	46	65440	22894	53601
6. Житомирская обл.	1324	171245	77956	75535
7. Запорожская обл.	899	66745	10916	157416
8. Измаильская обл.	30	5188	383	1796
9. Каменец-Подольская обл.	3814	213135	253935	120680
10. Киевская обл.	1414	146923	69710	142008
11. Кировоградская обл.	131	40274	78345	45823
12. Львовская обл.	52	475435	159212	114539
13. Николаевская обл.	307	74662	30699	25884
14. Одесская обл.	2014	212702	1654	35809
15. Полтавская обл.	3612	113766	109593	159867
16. Ровенская обл.	143	175133	57741	22530

Продолжение приложения 5.

Название области	Кол-во актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военно-пленных	Угнано в немецкое рабство
17. Сталинская обл.	373	174416	149367	252238
18. Станиславская обл.	301	223920	—	68361
19. Сумская обл.	1990	43731	66933	78038
20. Тернопольская обл.	90	172357	5506	42613
21. Харьковская обл.	760	256040	22732	164046
22. Херсонская обл.	235	20141	43586	32573
23. Черниговская обл.	1724	127778	24164	41578
24. Черновицкая обл.	287	15895	385	69726
Итого:	23045	3178084	1318463	2023112
БЕЛОРУССКАЯ ССР				
1. Барановичская обл.	86	118179	88407	33773
2. Бобруйская обл.	23	82194	54013	15275
3. Брестская обл.	218	159526	38858	30008
4. Витебская обл.	287	151421	92891	68434
5. Гомельская обл.	335	53630	114476	18745
6. Гродненская обл.	96	111203	41330	53955
7. Минская обл.	66	268324	129737	16737
8. Могилевская обл.	536	71602	59134	21436
9. Молодечненская обл.	234	42373	34652	8828
10. Пинская обл.	13	95390	24618	30861
11. Полесская обл.	223	37981	3120	23047
12. Полоцкая обл.	215	105211	157007	52599
Итого:	233	1360034	838243	373698

Название области	Кол-во актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военно-пленных	Угнано в немецкое рабство
КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР	79	8028	3600	142
МОЛДАВСКАЯ ССР	470	61246	2603	47242
ЛАТВИЙСКАЯ ССР	729	313798	330032	248873
ЛИТОВСКАЯ ССР	2278	436535	229737	36540
ЭСТОНСКАЯ ССР	1053	61307	64000	130000*
ВСЕГО:	55162	6074857	3912283	3998796

Учтено:

- 1) Немецко-фашистских преступников и их сообщников — 11656
- 2) Предателей — пособников полицаяв — 11475
- 3) Гитлеровских чиновников и частных лиц, виновных в гибели советских граждан — 2639

Начальник отдела по учету злодеяний

Р.Никитин

Источник:

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 246 б.

*См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 128. Д. 224 (акт. комисс. по ЭССР, 1945)

**Первые эшелоны:
вербовка и транспортировка гражданских рабочих в Рейх
(по оперативным зонам и пунктам отправки,
март—апрель 1942 г., тыс. чел.)**

Оперативные зоны и пункты отправки	27.03.— 02.04.	3—10.04.	11—17.04.	18—24.04.	25.04— 01.05.
ОЗН, в том числе:	388/1	—	1249/3	1406/3	3660/7
Себеж-Опочка	388/1	—	—	—	—
ОЗМ, в том числе:	2906/4	2026/4	4141/7	1848/3	5099/7
Брянск	—	650/1	—	—	—
Рославль	782/1	—/1	—	—	—
Орша	—	—	835/1	—	—
Орел	—	—	739/1	—	—
Витебск	—	—	—	—	н.д./1
Клинцы	—	—	—	—	н.д./1
Могилев	—	—	—	—	н.д./1
ОЗЗ, в том числе:	1115/10	13674/13	9121/9	182558/18	29045/28
Харьков	3510/3	—	—	—	—
Сталино	7705/7	12141/11	—	—	—
Запорожье	—	1533/2	—	—	—
Итого:	14609/15	15720/17	14511/19	215112/24	37804/42
Всего (с начала вербовки)	53901	69621	82677	105090	142331

Примечания: в числителе — чел.; в знаменателе — количество эшелонов.
Источник: КТБ.

Места принудительного содержания советских граждан на оккупированной территории РСФСР

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
РСФСР			
КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР			
В	ст. Валкярви	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 29	
В	г. Вийлури	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 33	
В	Визль-Ярви	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 31	
В	г. Каяни	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 36	
В	г. Кемь	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 18. Л. 53 об.	
В	Кандалакшинский р-н. д. Кондопога	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 130. Л. 6	
В	Кямярля	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 29	
В	Лапландский лагерь (севернее Куоляярви)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 301. Л. 3	
В	Мандуваре близ Кандалакши	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 18. Л. 52 об.	
В	Медвежегорский р-н. Пиндуши (в 5 км от Медвежегорска)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 34	
В	г. Олонец	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 18. Л. 80	Лагерь № 7
В	г. Олонец	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 318. Л. 1—30	Лагерь № 17
В	г. Салла, на 174-м км от Кандалакши	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 132. Л. 25, 52	Шталаг № 309
В	д. Соскюярви	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 33	
	д. Терноки (совр. Зеленогорск)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 29, 32	
В	Гохмаярви (лесозавод)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 31	
В	г. Ханко	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 36	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В+М	Олонецкий р-н, с. Ильинское	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 163. Л. 7; Оп. 95. Д. 17. Л. 42; Д. 19. Л. 112; Д. 317. Л. 1.	Лагерь № 8 (мирное население: русские и карелы)
В+ М	Кутилена (в 42 км от Петрозаводска)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 19. Л. 120	
В, М	Медвежегорск	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 30, 44	
М	с. Видлицы	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 19. Л. 126	
М	д. Кудамогуба	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 42	
М	Олонецкий р-н, Ильин- ский с/с, пос. Паалу	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 131. Л. 65, 71 об.	
М	г. Петрозаводск	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 45	Детский
М	г. Петрозаводск (Куков- ка, Северная точка, Студенч. городок, Н. Кузьминки, Кашир- ка, Н. Онегзавод)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 40, 42	Обозначен как КМН
М	д. Пудьма, по р.Свири	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 18. Д. 24	
М	д. Семигора (в лесу, в 3 км. от деревни)	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 18. Л. 70	
БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Брянск, аэродром	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 4; Д. 2. Л. 193—194; Д. 93. Л. 5, 15, 33—34	47 тыс. чел.
В	г. Погар	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 13	
В	Дубровский р-н, пос. Сеща	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 16	
В	г. Унеча (крахмало- паточный комбинат)	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 9	
В, М	Пос. Урицкий (3 км от ст. Брянск, на террито- рии рембазы № 6)	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 2, 4	Лагерь № 142
М	Стародубский р-н, урочище «Беловищина»	Ф. 7021. Оп. 19. Д. 1. Л. 9	Обозначен как КМН

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
ВЕЛИКОЛУКСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	г. Великие Луки, летний сад	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 2. Л. 1, 14	Обозначен как КВ
В	г. Великие Луки. б. военный городок	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 2. Л. 4, 15	Обозначен как КВ
В	г. Невель. б. военный городок	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 15. Л. 9; Оп. 26. Д. 204. Л. 22 об.; Д. 527. Л. 45	
В ??	г. Опочка	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 18. Л. 5	«Концлагерь полицей СД»
В	Невельский р-н. ст. Опухлики	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 15. Л. 9(?)	
В	пос. Рибяки у Великих Лук	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 2. Л. 2. 14	Обозначен как КВ
В	г. Холм	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 26. Л. 4	
В+М	г. Торопец. бывший монастырь	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 20. Л. 2; Д. 24. Л. 2	
В+М	Усвяты	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 25. Л. 8	
М	г. Великие Луки	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 2. Л. 5	Трудовой лагерь
М	Кудевирский р-н. д. Кунино	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 18. Л. 145	
М	Идрицкий р-н. Но- вый с/с (в 3 км от д. Швары)	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 5. Л. 5	Обозначен как КМН
М	г. Пустошка, ул. Октябрьская	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 21. Л. 4, 6	
М	Пустошкинский р-н д. Осиновец (в 4 км от Пустошки)	Ф. 7021. Оп. 20. Д. 21. Л. 4	
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Голосновский р-н. с. Новосильское (ко- нюшны колхоза «Завет Ильича»)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 496. Л. 23	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Евдаковский р-н, раб. пос. Каменка (около маргарино-жирового комбината)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 496. Л. 256	07.1942—01.1943
В	Евдаковский р-н, Тхоревский с/с., хут. Голопузовка (скотный двор)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 496. Л. 260	05.09.1942— 03.01.1943
В	Землянский р-н, с. Землянк: 2 лагеря в центре села — в школе на ул. Ленина и в магазине	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 494. Л. 48, 61	1942—1943
В	Землянский р-н., Чистополянский с/с., пос. Терны	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 494. Л. 41	
В	Землянский р-н, Сомовский с/с., с. Сомово	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 494. Л. 68	20.08.1942— 15.01.1943
В	г. Острогжск, на кирпичном заводе	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 1. Л. 10—13; Д. 3. Л. 10	Дулаг № 191 1941—1943 3 тыс. чел.
В	хут. «Новая Мельница», около Острогжска	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 1. Л. 10	3 тыс. чел.
В	г. Россось, на окраине (на скотном дворе колхоза «Путь Ленина»)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 3. Л. 5; Д. 499. Л. 192	07.1942— 05.1943
В	Семилуцкий р-н, ст. Лантная	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 499. Л. 244	07.07.1942— 21.01.1943
В	Семилуцкий р-н, с. Медвежь (в конце села)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 499. Л. 228	
В	с. Семидесятское, Хохольский р-н	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 500. Д. 181	
В+М	Кантемировский р-н, 2-й Кантемировский с/с., колхоз «Красный партизан»	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 494 Л. 135 об.	1942—1943
М	Евдаковский р-н, раб. пос. Алексеевка (в магазинах на базарной площади)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 495. Л. 133 об.	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
М	Хохольский р-н. с. Семидесятское (колхоз «ОСО»)	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 500. Л. 181	
КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Оленинский р-н. д. Корниловка. 1-я Октябрьская ул.	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 205. Л. 2	
В	Оленинский р-н. д. Горбуны	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 205. Л. 2 об.	
В	Оленинский р-н. д. Александровка	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 205. Л. 2 об.	
В	Оленинский р-н. д. Пашкино	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 205. Л. 2 об.	
В	Старицкий р-н. д. Железово	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 510. Л. 155	
В	г. Холм	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 527. Л. 45	
В+М	г. Ржев	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 510. Л. 7	1941 — март 1943
М	Ржевский р-н. д. Брехово	Ф. 7021. Оп. 26. Д. 510. Л. 13 об.; Д. 570. Л. 13, 23	01—03.1943 детский лагерь
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	г. Калуга	Ф. 7021. Оп. 47. Д. 4. Л. 6; Д. 378. Л. 14	
КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	г. Курск, вблизи Казан- кой и Пушкинской слобод	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1028. Л. 192	
В	г. Белгород, ул. Буденного, 17 (Ма- чуринка казарма)	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1049. Л. 28; Д. 978. Л. 1	
В	г. Грайворон	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 985. Л. 62	
В	Сапоговский р-н. д. Щетинка	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1. Л. 23	
В	Сапоговский р-н. д. Шуклинка	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 2. Л. 30	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Тамаровский р-н, колхоз «Победа»	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 21. Л. 50	
В	Троснянский р-н	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1049. Л. 37	
В+М	г. Курск, ул. Глинище	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 2. Л. 1	
В+М	с. Чернянки, ул. Революции, 6 (здание пром. комбината)	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 5. Л. 43; Д. 1049. Л. 12	
М	г. Белгород, ул. Ворошилова 1 (склад аптеки № 8)	Ф. 7021. Оп. 29. Д. 978. Л. 40, 41	
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	д. Волосово	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 239а. Л. 240 об.	
В	г. Выборг	Ф. 7021. Оп. 95. Д. 17. Л. 29	
В	г. Гатчина	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1722. Л. 6	Дулаг № 154
В	г. Гатчина, около ул. Хохлова (на территории фабрики «Грамофон»)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 241. Л. 8	
В	г. Гатчина, на аэродроме	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 241. Л. 8	
В	Гатчинский р-н, пос. Войсковица (территория металлоштамповочного завода)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 942. Л. 96	
В	Гатчинский р-н, пос. Дивенский (3 лагеря)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242а. Л. 291	
В	Гатчинский р-н, дер. Романовка	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242. Л. 205	
В	Гатчинский р-н, д. Б. Тайцы	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242а. Л. 428 об.	
В	Гатчинский р-н, ст. Мшинская	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242а. Л. 359	
В	Гатчинский р-н, с. Рождествено	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242. Л. 6	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Гатчинский р-н, Яшер- ский лагерь	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242а. Л. 327	
В	г. Красное Село, пр. Ленина, 100	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 244. Л. 3 об.	
В	г. Луга	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 164. Л. 6—8	
В	Мга	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 168. Л. 10	
В	Мгинский р-н, пос. Погорелушка	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 168. Л. 10	
В	Ораниенбаумский р-н, д. Гостилицы (совхоз «Красная Балтика»)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 171. Л. 7	
В	Ораниенбаумский р-н, д. Дятлицы	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 171. Л. 7	
В	Павловский р-н, пос. Вырица	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 248. Л. 5	
В	г. Пушкин, село Выра	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1723. Л. 44; Д. 1728. Л. 23	
В	г. Любань (3 лагеря)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 252. Л. 3 об.; Оп. 34. Д. 764. Л. 13	
В+М	Волосовский р-н, д. Молосковичи (около д. Голосова, у извест- кового завода)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 239. Л. 7; Д. 239а. Л. 240 об.	
В+М	г. Гатчина, на террито- рии артиллерийских казарм	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 241. Л. 6 об. (М); Д. 241, Л. 8 (В)	
В+М	Красносельский р-н, д. Шундорovo	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 244. Л. 79	
В+М	быв. Сви́рский монас- тырь, Лодейнополь- ский р-н	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 163. Л. 3	
В+М	г. Павловск (3 лагеря: ф-ка «Спартак», шко- ла 4 и школа 34)	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 247. Л. 7	
М	г. Гатчина, на террито- рии торфяного поселка	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1611. Л. 8	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
М	Гатчинский р-н, пос. Дивенский	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 242а. Л. 291	Отдельно от 3-х лагерей военнопленных
М	Гатчинский р-н, с. Рождествено	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1723. Л. 44; Д. 1728. Л. 23	
М	ст. Кингисепп	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1275. Л. 63	
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ			
Лагеря для военнопленных:			
В	Новгород, на террито- рии Звериногo монаш- тыря	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	Новгород, на террито- рии черепичного завода	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	г. Новгород, совхоз «Заверяжские покосья»	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	1941—1943
В	г. Новгород, д. Вяжище	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	г. Новгород, п. Колмо- во, на территории Кол- мовской больницы	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	г. Новгород, д. Григорово	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	Новгородский р-н, д. Б. Замостье	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 368. Л. 7; Д. 370. Л. 8	1943, 180 чел.
В	г. Новгород, 2 км от д. Грязная Харчевня (скотный двор совхоза «Чайка»)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 126; Д. 368. Л. 105	
В	г. Новгород, д. Любо- ляды	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 367. Л. 12	
В	ст. Волог, в сараях конторы «Заготлен»	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 351. Л. 8	1941—1944 400 чел.
В	Волотовский р-н, д. Чураково, лагерь 8873	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 351. Л. 8	1941—1944 180 чел.
В	г. Демянск, 1, 2 км от д. Новые Горки	Ф. 7021. Оп. 30. Д. 3. Л. 2	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	г. Демянск (на территории сенопункта, 1 км от села)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 9; Д. 365. Л. 97, 107; Д. 763. Л. 6	1941—1943, 5 тыс. чел. (всего в Демянском р-не 10 лагерей, 98680 чел.)
В	Демянский р-н, д. Заозерье (на гумне)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 35, 40	300 чел.
В	Демянский р-н, д. Ользи	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364, Л. 9; Д. 365. Л. 97, 137	1941—1943, 300 чел.
В	Демянский р-н, д. Подсосенье (на скотном дворе)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 175; Д. 365. Л. 82	1941—1943 200 чел.
В	д. Каменка, Демянский р-н (в домах колхозников)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 10, 95; Д. 365. Л. 84	03.—07.1942
В	Демянский р-н, д. Вязовня	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 95, 111; Д. 365. Л. 83	09—12.1941
В	Демянский р-н, д. Кривая Часовня (в поле за деревней)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 10; Д. 365. Л. 86, 120	1941—1943, 18 тыс. чел.
В	Демянский р-н, д. Старое Сохново	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 95 об.	10.1941—02.1943 60 чел.
В	Демянский р-н, д. Старый Брод (бывший свинарник)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 95 об.; Д. 365. Л. 79, 112	05.1942—02.1943 250 чел., 13 тыс. убитых
В	Демянский р-н, д. Ямник (скотный двор)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 95 об.; Д. 365. Л. 85	12.1942—02.1943 70 чел.
В	Демянский р-н, д. Мамаевщина (за деревней)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 257, 265; Д. 365. Л. 80	04.1942, около 4000 чел.
В	Демянский р-н, д. Шумилово (слева от дороги на гумне)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 364. Л. 326; Д. 365. Л. 81	02.1942—01.1943
В	Залучский р-н, д. Малое Засово	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 352. Л. 5	01.1942
В	Залучский р-н, д. Ростани	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 352. Л. 44	1942
В	село Молвотицы (на скотном дворе)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 356. Л. 16 об.	09.1941—03.1942

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Деревни Карпово, Поло, Тополесово. Мануйлово, Воронцово, Антипово	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 359. Л. 27, 28, 198—198 об.	1941
В	Полавский р-н. д. Подбело (в колхозе)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 359. Л. 140, 142	09.1941
В	Полавский р-н. д. Налючи (в здании церкви)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 359. Л. 66	
В	Полавский р-н. д. Росино. Лозницы. Городок. Колома	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 359. Л. 88, 92—92 об., 93, 101, 102	
В	Солецкий р-н. д. Б. Гребня	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 360. Л. 42, 118	1941—02.1942
В	Солецкий р-н. д. Дубово	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 360. Л. 42	08.1941—04.1942
В	Солецкий р-н. д. Дуброво	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 360. Л. 113	1943 (8 месяцев)
В	Солецкий р-н. совхоз «Выбити» (скотный двор)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 360. Л. 67	1941—04.1942 200 чел.
В	г. Старая Русса, на 104-й базе	Ф. 702. Оп. 34. Д. 361. Л. 20	1941—1942
В	г. Старая Русса, ул. Минеральная, в помещении красных казарм	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 361. Л. 20, 21	1941—1942
В	г. Старая Русса. Покровский собор	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 361. Л. 20	1941—1942
В	г. Старая Русса, в помещении авиагородка	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 361. Л. 20	1941—1942
В	Старорусский р-н. в 1,5 км от д. Муравьево (на бывшей свинобазе)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 374. Л. 5, 144	1941—1942
В	Уторгошский р-н. д. Большой Уторгош	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 362. Л. 7	1941—1944
В	Уторгошский р-н. д. Малый Уторгош (на скотном дворе)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 362. Л. 7, 166	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Уторгошский р-н, д. Ралушка	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 362. Л. 7	
В	ст. Чудово-2, на ж. д. станции у шоссе на Москву	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 372. Л. 5, 140—141	3200 чел.
В	Чудовский р-н, совхоз «Коммунар»	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 372. Л. 5, 114	1941—1942
В	село Медведь	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 363. Д. 4 об.; Д. 763, Л. 29	
В	п. Шимск на берегу р. Шелони (на терри- тории нефтебазы)	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 363. Л. 4; Д. 764. Л. 8	
М	Волотовский р-н, д. Взгляды	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 351. Л. 217	
М	Новгородский р-н, в 4-х км от д. Глухая Нересь	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 370. Л. 48	
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Орел	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 1. Л. 1	10.1941—1943
В	г. Болхов, средняя шко- ла им. К.Маркса	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 5326. Л. 6	1941—1943
В	Островский р-н, д. Остров	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 544. Л. 361—361 об.	12.1941—02.1943
В	пос. Нарышкино	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 560а. Л. 529	
М	Сеть лагерей для мир- ного населения	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 14. Л. 9	
М	г. Орел, д. Некрасово (на территории бывше- го детгородка)	Ф. 7021. Оп. 37. Д. 6. Л. 1	Лагерь для мир- ного населения и для полит заклю- ченных
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	г. Псков, Завеличье — территория Военного городка	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 329. Л. 12	Шталаг № 372, Дулаг № 376

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	г. Псков, м. «Тески» — недалеко от ст. Псков-1	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 329. Л. 21	
В	г. Псков, п. Кресты, 4 км от машинно-трак- торной мастерской	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 329. Л. 2	06.1941—?
В	м. Колотушино, 3 км от г. Дно (около аэро- дрома «Гривочки»)	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 316. Л. 133	
В	Новосельский р-н, д. Моеково (конноппи завода «Моеково»)	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 320. Л. 2	08.1941—1943
В	Новосельский р-н, д. Станция Катехено	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 320. Л. 2	08.1941—1943
М	г. Гдов	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 457. Л. 4 об.	
М	г. Печоры (Петсери), 3 км от города	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 323. Л. 5 об.; Д. 332. Л. 74	1941
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	г. Ростов (за городом), лагерь 102а	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 1. Л. 7	
В	г. Ростов (за городом), лагерь 102б	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 1. Л. 7	
В	Багайск	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 1. Л. 7	
В	Алексеево-Лозовский р-н, слобода Тихо-Жу- равка, колхоз им. Орджо- никидзе	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 848. Л. 3	07—12.1942
В	Дубовский р-н, колхоз им. «К.Маркса» (мо- лочно-товарная ферма)	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 4. Л. 6; Д. 849. Л. 119	1942, 08.1942—01.1943
В	Морозовский р-н, хут. Гурий	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 8. Л. 22	
В	Сальск (р-н Кирпич- ного завода)	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 851. Л. 165	
В	Таганрог	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 463. Л. 16	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Чернышевский р-н, хут. Демин	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 862. Л. 7	
В	Чернышевский р-н, хут. Озеры (в скотных сараях)	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 8. Л. 28	
В	Цимлянский р-н	Ф. 7021. Оп. 40. Д. 1. Л. 7	
В+М	Миллерово	Ф. 7021. Оп. 22. Д. 501. Л. 87	
СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Смоленск, на окраине города, по Краснинско- му шоссе	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 631. Л. 315; Д. 637. Л. 2; Д. 1090. Л. 1; Оп. 87. Д. 165	Дулаг № 126 (позднее в Орше и Борисове) 1941—09.1943
В	г. Смоленск (в районе Б. Чернушенской ул.)	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 637. Л. 2; Д. 1090. Л. 1	Филиал дулага в «Нарвских казармах» № 126
В	г. Смоленск, на терри- тории авиазавода 35	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 637. Л. 2	
В	г. Смоленск, террито- рия мед. городка	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 3	
В	п. Плюсса	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 45. Л. 20 об.	
В	Плюсский р-н, с. Заполье	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 45. Л. 20 об.	
В	г. Порхов, военный го- родок	Ф. 7021. Оп. 34. Д. 361. Л. 17—18; Оп. 39. Д. 316. Л. 210 об.	1941—1944
В	Стругокрасненский р-н, д. Лудоки	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 339. Л. 3	
В	г. Вязьма	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 43. Л. 20	
В	г. Вязьма, в районе ул. Кронштадской	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 620. Л. 3	
В	Дорогобужский р-н, ст. Дурово (на скотном дворе)	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 623. Л. 4 об.	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	ст. Красный Бор Западной ж.д. (в здании бывшего холодильника)	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 631. Л. 315; Д. 637, Л. 2; Д. 1094. Л. 1	1941—1943
В	Смоленский р-н, совхоз Пассово	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 8	
В	Смоленский р-н, д. Печерская	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 637. Л. 2	
В	пос. Пискариха под Смоленском	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 631. Л. 315	
В	д. Ракитня, совхоз «Большевик», лагерь 3	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 4	
В	Тумановский р-н, ст. Шаховская	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 24. Л. 5. 5 об.	11.1941—02.1942
В	Смоленский р-н, на территории ликеро-водочного завода	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 2	
В+М	г. Дрогобуж, ул. К.Маркса	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 623. Л. 5	
В+М	г. Рославль, на западной окраине города (вдоль Варшавского шоссе)	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 630. Л. 88 об., 90, 92; Д. 99. Л. 8	1941—1943 50 тыс. чел.
М	г. Порхов, д. Заполянье, совхоз Полоное (10 км от города)	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 328. Л. 39	1943
М	Псковский р-н, д. Моглино	Ф. 7021. Оп. 39. Д. 332. Л. 75	
М	Велижский р-н, около г. Велижа, д. Старое Село	Ф. 7021. Оп. 44. Л. 619. Л. 72	
М	Демидовский р-н, д. Лавенки	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 622. Л. 284	
М	Демидовский р-н, д. Пашково	Ф. 7021. Оп. 44. Д. 622. Л. 284	
СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ			
-В	д. Малая Рассонка, р-н Балка Грачева	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 1. Л. 1	

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	Городищенский р-н, хут. Вертячий	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 1	08—11.1942
В	Городищенский р-н, п. Гослесопитомника	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 12. Л. 1	09.1942
В	г. Калач-на-Дону	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 11. Л. 38	
В	г. Калач-на-Дону, на территории Клуба вол- нников	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 14. Л. 166	
В	Клетский р-н, хут. Ма- нойлин	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 14. Л. 167	
В	На окраинах хуторов Ермохинский и Демкин- ский	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 299. Л. 110	
В	Н-Чирский р-н, хут. Но- во-Максимовский	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 6. Л. 119	
В	Перелазовский р-н, ст. Пронино	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 1. Л. 23	
В	Перелазовский р-н, колхоз «Красный удар- ник»	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 10. Л. 40	
В+М	Городищенский р-н, с. Алексеевка	Ф. 7021. Оп. 45. Д. 14. Л. 5	
ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ			
В	Черньский р-н, д. По- повка	Ф. 7021. Оп. 47. Д. 377. Л. 4	Ноябрь — 13.12.1941
В+М	г. Плавск	Ф. 7021. Оп. 47. Д. 179. Л. 284	
КАЛМЫЦКАЯ АССР			
В	г. Элиста, ул. Лермон- това, 6	Ф. 7021. Оп. 8. Д. 26. Л. 11	
М	г. Элиста, в 3-х км от города	Ф. 7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 74	
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ			
В	г. Краснодар, около з-да Калинина	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 462. Л. 78, 142	1942

Продолжение приложения 7.

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	п. Апшеронский (конный парк техпич. снабжения «Майкопнефтекомбината»)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 7. Л. 13	14.08.1942
В	ст. Аншеронская (на складах «Заготзерно»)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 7. Л. 10	09.1942
В	Баканский р-н, станица Катухаевская	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 463. Л. 178	
В	Баканский р-н, станица Владимирская	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 463. Л. 178, 182	
В	станция Крымская (на территории консервного комбината и в Доме обороны)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 460. Л. 215—215 об., 221 об.	1942
В	Темрюкский р-н, станица Старотитаровская	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 465. Л. 85	01.1943
В	Темрюкский р-н, п. Стрелка (два лагеря на территории совхоза «Красная Стрелка» — в зернохранилище и в здании скотного двора)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 465. Л. 55, 193	1942
В	Темрюкский р-н, станица Таманская (на свинобазе)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 465. Л. 7 об.	1942
В	станция Курская (во дворе райисполкома)	Ф. 7021. Оп. 17. Д. 10. Л. 153	08.1942
В	с. Петровское	Ф. 7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 108	10.1942
М	г. Новороссийск (на территории кирпичного завода)	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 11. Л. 21	
М	хутор Большой	Ф. 7021. Оп. 16. Д. 463. Л. 181	
КРЫМСКАЯ АССР			
В	Бахчисарайский р-н, п. Эгис-Обс (в районе водохранилища)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 33. Л. 2	1941

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	г. Джанкой	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 60	
В	Джанкойский р-н, д. Кадыш	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 61. Л. 22	
В	Ичкинский р-н, д. Дженап Юрт	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 37. Л. 1 об.	1942
В	г. Керчь: в клубе им. Энгельса, на терри- тории школы 24, на Вокзальном шоссе	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 38. Л. 25—26	1941—1942
В	г. Керчь, ул. Чкалова (на территории детских яслей)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 38. Л. 26	1942
В	г. Керчь, Аджимушкай- ская ул. (на террито- рии Бочарного завода)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 38. Л. 48	1942
В	п. Самострой	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 194. Л. 188 об.	1941—1943
В	Колайский р-н, д. Карамин	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 61. Л. 20 об.	01.1942—?
В	Краснопереконский р-н, с. Армянск	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 40. Л. 52	1941—1943
В	Краснопереконский р-н, с. Воинка (на террито- рии колхоза «День урожая»)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 40. Л. 50	12.1941—?
В	Куйбышевский р-н, д. Биюк-Каролез	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 41. Л. 11	12.1941—07.1943
В	Приморский р-н, п. Багерово	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 232. Л. 2	
В	Севастополь, ул. Пи- рогова 1	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 24, 90	
В	г. Севастополь, пр. 25 октября (в зда- нии бывшего полуки- пажа Черноморского флота)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 25, 75	
В	г. Севастополь, север- ная сторона (на терри- тории бывшего полка)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 24, 71	

Окончание приложения 7.

Категория	Местонахождение	Архивные сигнатуры	Дополнительные сведения
В	пос. Инкерман, у монастыря	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 27, 77	
В	г. Симферополь, «Картофельный городок» (на территории психбольницы)	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 22	
В	Тельманский р-н, д. Петровка	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 55. Л. 37	Шталаг № 123
В	г. Феодосия	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 56. Л. 33 об.	
В	г. Ялта: быв. гостиница «Парижская коммуна», школа 2, Садовая, 9	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 59. Л. 30	
В+М	п. Новая Земля, в 2 км от Севастополя	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 24	
М	Ленинский р-н, с. Семь Колодезей	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 82. Л. 3	
М	г. Симферополь, совхоз «Красный»	Ф. 7021. Оп. 9. Д. 47. Л. 22	
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ			
В	Петровский р-н, с. Петровск	Ф. 7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 108	10.1942 700 чел.
КАБАРДИНСКАЯ АССР			
В	с. Прималка, на территории мелькомбината	Ф. 7021. Оп. 7. Д. 103. Л. 8	09.1942—01.1943
В+М	г. Прохладный	Ф. 7021. Оп. 7. Д. 109. Л. 57—58, 97	1942

Примечания:

В — лагеря для военнопленных, В+М — лагеря для военнопленных и мирного населения, М — лагеря для мирного населения; КВ — «Концлагерь военнопленных»; КМН — «Концлагерь мирного населения».

Источник:

вспомогательная картотека лагерей, составленная к фонду ЧГК (сердечно благодарю Н.Побоя за помощь в подготовке этого приложения)

Лагеря для военнопленных на территории Третьего Рейха *Шталаги с римской нумерацией*

I A — Штаблак под Эйлау (Stablack/Eylau; польск. Stablawki) — Основан 06.06.1939; расформирован между 25 и 26.01.1945. — До 70.000 чел. (б., фр., сов., ит., юг.).

I B — Хюэнштайн (Hohenstein, польск. Olsztynek) — Основан 08.09.1939 как дулаг; преобразован в шталаг 10.10.1939; в январе 1945 еще действовал. — До 56.000 чел. (б., фр., н., сов., ит., гол.).

IC (331) — Хайдекруг (Heydekrug/Memelgebiet) — Основан 14.08.1941 как шталаг 331 (входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных); в октябре 1942 еще действовал. — До 2.000 чел. (сов.).

ID — Эбенроде (Ebenrode) и **Хайдекруг** — Основан 01.07.1942 на базе расформированных 30.06.1942 офлагов 52 и 60; 08—10.1942 в Эбенроде; между 11.1942 и 03.1943 в Хайдекруге; 03.09.1943 переименован в шталаг 391 — Лаг. отделения (все расформированы между 22.01. и 22.03.1944): Погеген (Pogegen, лит. Pagegiat), Шютценорт (Schützenort), Ширвиндт (Schirwindt) в Вост. Пруссии — До 1.500 чел. (сов.).

IE — Просткен (Prostken) и **Зюдауэн** (Sudauen; польск. Suwałki) — Основан в Просткен между 01.08 и 10.1942; в 10.1942 переведен в Зюдауэн; в 11.1942 расформирован — До 600 чел. (сов.).

IF — Зюдауэн — Основан в 06—07.1942 на базе расформированных шталага 68 и офлага 68; расформирован 13.10.1944. — Лаг. отделения: Просткен (09.06.1944 переименовано в шталаг 373); Фишборн под Йоханнесбургом (Fischborn/Johannisburg), расформировано между 03. и 06.1943; Лизе под Мишеницем, округ Цихенау (Liese/Mischienitz, Bez. Zichenau), расформировано между 03. и 06.1943; Шютценортштатт (Schützenortstatt), расформировано между 03. и 06.1943 — До 7.200 чел. (сов., ит.).

52 — Эбенроде — Сущ. в 01—08.1942. — До 2.000 (сов.)

53 — Погеген — Сущ. в 01—08.1942. — До 4.200 (сов.)

56 — Просткен — Сущ. в 01—08.1942. — До 2.100 (сов.)

57 — Белосток — Сущ. в 01—08.1942. — До 11.700 (сов.)

60 — Ширвиндт — Сущ. в 01—08.1942. — До 3.200 (сов.)

63 — Фишборн-Лизе — Сущ. в 01—08.1942. — До 3.100 (сов.)

68 — Зюдауэн — Сущ. в 01—08.1942; переформирован в офлаг 68 и шталаг I F. — До 2.400 (сов.)

II A — Нойбранденбург (Neubrandenburg/Mecklenburg) — Основан 01.09.1939; 01.12.1944 вобрал в себя в качестве внутреннего подлагеря расформированный офлаг 67 Нойбранденбург; 02.1945 расформирован, военнопленные переведены в Штеттин (совр. Щецин). — До 45.000 чел. (гр., фр., бр., б., п., юг., сов., ит., ам., ч.).

II B — Вестфаленхоф (Westfalahnhof; польск. Nadarzycie) и **Хаммерштайн**, округ Шлохау (Hammerstein / Kreis Schlochau; польск. Czarne) —

Основан 15.09.1939 в Вестфаленхофе; 21.09.1939 переведен в Хаммерштайн; 27.01.1945 освобожден сов. армией (военнопленные до этого были переведены в Штеттин).

II C — Вольденберг (Woldenberg) и Грайфсвальд (Greifswald) — Основан 28.09.1939 в Вольденберге; 20.05.1940 переведен в Грайфсвальд; 05.1945 освобожден сов. армией. — До 41.000 чел. (б., фр., п., юг., сов., ит.).

II D — Штаргард (Stargard/Pommern) — Основан 28.09.1939 как дулаг; 20.10.1939 перекалфицирован в шталаг II D; в 01.1945 еще действовал. — До 40.000 чел. (б., фр., юг., п., сов., ит., гол., бр.).

II E — Гросс-Борн (Gross-Born) и Шверин (Schwerin) — Основан 26.08.1939 в Гросс-Борне в качестве дулага II E; 09.11.1939 переименован в шталаг II E, а 01.06.1940 в офлаг II E; 14.08.1941 вновь основан в Шверине; 02.05.1945 освобожден сов. армией. — До 18.000 чел. (фр., п., сов., юг., б., ит.).

II F (315) — Хаммерштайн — Основан 14.08.1941 как шталаг 315 (входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных); расформирован, предположительно, в начале 1942. — До 5.400 чел. (сов., п., фр.).

II G (323) — Грос-Борн/Редериц под Ястровом (Rederitz/Jastrow) — Основан 14.08.1941 как шталаг 323 (входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных); расформирован, предположительно, в 07.1942. — До 3.800 чел. (сов., п.).

II H (302) — Грос-Борн/Баркенбрюгге (Barkenbrügge) — Основан 14.08.1941 как шталаг 302 (для сов.); позднее, когда основной лагерь был перенесен в Грос-Борн/Редериц, лагерь Вестфаленхоф, был лаг. отделением, расформированным между 06. и 09.1943. — До 3.900 чел. (п., сов.).

III A (303) — Люккенвальде — Основан 28.08.1939 как шталаг 303; 30.04.1941 преобразован в шталаг III A; 31.12.1941 вобрал в себя расформированный офлаг III A в качестве лаг. отделения для сов. военнопленных; в 02.1945 в Люккенвальде переведены ам. и бр. военнопленные из др. лагерей; 25.04.1945 освобожден сов. армией. — Лаг. отделения: Притцвальк (Pritzwalk), Вюстрау (Wüßtrau), Бранденбург. — До 49.300 чел. (б., сов., ит., юг., ам., бр., п., рум.).

III B (343) — Амтиц (Amtitz) и Фюрстенберг-на-Одере (Fürstenberg/Oder), Люккенвальде, Штеттин — Основан 26.08.1939 в Амнитце как дулаг; 06.12.1939 переименован в шталаг 343(?) и перенесен в Фюрстенберг; 15.05.1941 преобразован в шталаг III B; 04.06.1942 шталаг II E переименован в лаг. отделение Киршхайн/Нидерлаузитц (Kirschhain/Niederlausitz) и переподчинен шталагу II B; 02.1945: перевод в Люккенвальде; 03—04.1945: перевод в Штеттин; 28.04.1945 сов. армия освободила колонну эвакуируемых военнопленных. — До 44 000 чел. (ам., фр., сов., юг., гол., ит., б., п., рум., бр., ч.).

III C — Альт Древитц (Alt Drewitz) ок. Кюстрина (Küstrin; польск. Drzewice) — Основан 12.06.1940; в 01.1945 еще действовал. — До 40.000 чел. (ам., б., фр., бр., юг., сов., п., ит.).

III D — Берлин — Основан 14.08.1940 в Берлине-Лихтерфельде, на Осдорферштрассе (комендатура на Belle-Alliancestrass 106-107 в Кройцберге), при этом основного лагеря как такового не существовало и все

военнопленные распределялись между лаг. отделениями и раб. командами; 01.1945 (и, предположительно, до 04—05.1945) еще действовал. — Резервные лазареты: № 119, Нойкельн и № 128, Бильдорф (Bieldorf). — Лаг. отделения: Фалькензе (Falkensee); Гросс Шульцендорф (Groß Schulzendorf) ок. Цоссена (Zossen); Вютцец (Wutzetz) ок. Фризак/Марка (Friesack/Mark), расформированное между 01.09. и 28.12.1943; Дамм-1 (Damm I) ок. Фризак/Марка; Дамм-2 ок. Фризак/Марка, расформированное между 01.09. и 28.12.1943; Вустрау-1 (Wustrau I), расформированное между 25.09. и 14.12.1944; Вустрау-2 ок. Нойруппина (Neuruppin), расформированное между 25.09. и 14.12.1944; Цитенхорст (Zietenhorst), п/о Вустрау ок. Нойруппина, расформированное между 25.09. и 14.12.1944; Киришхайн/Нидерлаузиц, между 25.09. и 14.12.1944 переподчиненное шталагу III В. — До 58.000 чел. (б., бр., фр., юг., сов., п., ам., ит., ч.).

III Е — Киришхайн — Основан 01.02.1941; 04.06.1942 переименован в лаг. отделение Киришхайн шталага III В. — До 200 чел. (фр., бр.).

IV А — Хойерсверда (Hoyerswerda), Эльстерхорст (Elsterhorst), Хунштайн (Hohnstein) ок. Бад-Шандау (Bad Schandau) — Основан 26.08.1939 в Хойерсверде; 10.09.1939 переведен в Эльстерхорст; 31.12.1940 преобразован в «теневой (запасной) лагерь» (Schattenlager); 01.02.1941 переведен в Хунштайн; расформирован 03.1945. — Резервные лазареты: Эльстерхорст, Кенигсварта (Königswartha), Фрайзинг (Freising) и Гнашвиц (Gnaschwitz). — До 42.000 чел. (ам., гол., б., фр., бр., п., юг., сов., ит., н., ч., болг.).

IV В — Мюльберг (Mühlberg/Elbe) — Основан 29.09.1939 (имел в своем составе хайлаг); 19.02.1945 еще действовал. — Лаг. отделение: Цайтхайн (Zeithain), оно же шталаг IV В/З, действовавшее между 08.09.1942 и 20.01.1943. — До 25.600 чел. (ам., дат., бр., гол., б., фр., п., юг., сов., ит., рум., болг., ч.).

IV В/З — Цайтхайн — Основан как лаг. отделение шталага IV В с резервным лазаретом; расформирован 30.01.1943. — До 27.300 чел. (фр., бр., б., юг., сов.).

IV С — Вистриц (Wistritz) ок. Теплиц-Шонау (Teplice-Schönaу; польск. Teplice-Sanov) — Основан 01.08.1940; 08.08.1941 преобразован в шталаг 304; в 01.1945 еще действовал. — Резервный лазарет: Билин (Bilin). — Ок. 47.500 чел. (б., бр., фр., юг., сов., п., гол., ит., рум., ч.).

IV D (310) — Нойбурксдорф (Neuburgsdorf), Торгау, Витцендорф (Wietzendorf) — Основан 05.08.1940 в Нойбурксдорфе; 01.07.1941 переведен в Торгау; между 19.06.1941 и 15.06.1942 обозначение «шталаг IV D (310)» носит б. шталаг 310 в Витцендорфе; 05.04.1945 лагерь еще действовал. — Лаг. отделение: Аннабург (Annapurg), оно же шталаг IV D/Z. — До 51.700 чел. (фр., б., бр., дат., п., ч., ам., юг., сов., ит., гол.).

IV D/Z — Аннабург — Основан 01.06.1942 на базе закрытого 31.05.1942 офлага 54 (V E) и в качестве лаг. отделения шталага IV D; между 22.03. и 09.04.1944 выполнял функции хайлага; 05.04.1945 еще действовал. — До 4.000 чел. (бр.)

IV Е — Альтенбург (Altenburg/Thüringen) — Основан 01.02.1941; 01.06.1942 переименован в шталаг 384 и переведен в Южную Россию. — До 19.500 чел. (п., сов., фр., б., юг.).

IV F — Хартманнсдорф (Hartmannsdorf, п/о Бургштатт (Burgstadt) ок. Хемница) — Основан 01.02.1941; в 03.1945 еще действовал. — Лаг. отделение: Альтенбург (14.12.1944 еще действовало). — До 48.100 чел. (б., бр., ам., фр., юг., сов., п., ит., гол., рум., ч.).

IV G — Ошац (Oschatz) — Основан 01.02.1941; 01.1945 еще действовал. — До 39.000 чел. (б., фр., п., юг., сов., бр., гол., ит., ам., ч., дат.).

IV H (304) — Цайтхайн — Основан 14.08.1941 (ср. шталаг 304, основанный 08.04.1941 на базе шталага IV C в Вистрице); входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; 08.09.1942 переименован в шталаг 304. — До 10.600 чел. (сов., юг.)

V A (305) — Людвигсбург (Ludwigsburg) — Основан 26.08.1939 как дулаг; 16.10.1939 переименован в шталаг V A; 27.04.1941 реорганизован в шталаг 305; в 01.1945 475 ам. военнопленных переданы из шталага IV B; 21.04.1945 освобожден фр. армией. — Лаг. отделение: Мюнзинген (Münsingen/Württemberg), расформированное между 28.12.1943 и 12.01.1944. — До 39.500 чел. (б., гол., ам., фр., гр., юг., сов., ит. бр.).

V B — Филлинген (Villingen/Schwarzwald) — Основан 28.03.1940; 01.1945, еще действовал. — До 29.500 чел. (б., фр., бр., п., юг., сов., ам., ит.).

V C — Малшбах (Malschbach) ок. Баден-Бадена; Оффенбург — Основан 28.03.1940 в Малшбахе, с 02.1942 в Оффенбурге. — Лаг. отделения: Малшбах; Страссбург (шталаг V C/Z), расформированный между 12.01. и 22.03.1944; Вильдбад или Вильдберг (?). — До 30.000 чел. (б., ит., бр., сов., юг., п., фр.).

V D (385) — Страссбург — Основан 02.04.1940 как фронтшталаг 210; 29.11.1940 переименован в шталаг V D Страссбург; 19.03.1942 вобрал в себя расформированный шталаг V E, Мюльхаузен (Mulhausen); после 01.06.1942 переименован в шталаг 385. — До 7.300 чел. (фр., п., сов., юг.).

V E — Мюльхаузен — Основан как фронтшталаг 213; 19.03.1942 расформирован и переподчинен шталагу IV D. — До 4.300 чел. (фр., п., бр.).

VI A — Гемер (Hemer), округ Изерлон (Iserlohn) — Основан 10.10.1939; 01.01.1945 еще действовал. — До 106.800 чел. (фр., бр., б., п., юг., сов., ит., рум.).

VI B — Ной-Ферзен (Neu Versen) — Основан 29.09.1939 как шталаг VI B; 13.05.1942 расформирован и переподчинен шталагу VI C. — Лаг. отделения: Оберланген (Oberlangen), Фуллен (Fullen) и Везуве (Wesuwe). — До 21.600 чел. (п., фр., б., юг., сов., бр.).

VI C — Батхорн (Bathorn), Мюнстер. — Основан 25.09.1939; в 10.1944 переведен в Мюнстер и переподчинен шталагу VI F. — Лаг. отделения: Алексисдорф (Alexisdorf), Витмаршен (Wietmarschen), Грос Гезепе (Groß Hesepe), а с 13.05.1942 и Ной-Ферзен (б. шталаг VI B), Оберланген, Фуллен и Везуве. — До 28.800 чел. (б., фр., п., юг., сов., ит., бр.).

VI D — Дортмунд — Основан между 21 и 30.09.1939; 01.1945 все еще действовал. — До 77.000 чел. (б., фр., бр., п., юг., сов., ит., рум.).

VI E — Зейст (Soest) — Основан 15.11.1939; 05.06.1940 переименован в офлаг VI A.

VI F — Бохольт (Bocholt), Мюнстер — Основан 03.10.1939, на базе б. дулага VI F; между 25.09. и 14.12.1944 переведен в Мюнстер; 10.1944: перенятие шталага VI C и всех его лаг. отделений; в 01.1945 еще действовал. — До 36.000 чел. (фр., б., п., сов., ит., бр., рум., ам.).

VI F/Z — Дорстен (Dorsten) — Основан в 10—11.1942 как лаг. отделение шталага VI F; не исключена идентичность с офлагом VI E. — До 1.200 чел. (фр., бр.).

VI G — Бергиш-Гладбах (Bergisch-Gladbach), Бонн-Дуйсдорф (Bonn-Duisdorf), Гемер и Бергнойштадт (Bergneustadt) — Основан 28.02.1941; размещался с 17.02.1941 в Бергиш-Гладбахе, с 15.09.1941 в Бонне-Дуйсдорфе; между 23.09. и 14.12.1944 переведен в Гемер; с 01.12.1944 в Бергнойштадте; в 01.1945 еще действовал. — Лаг. отделение: Арнольдсвайлер (Arnoldweiler) ок. Дюрена (Düren). — в 01.1945 еще действовал. — До 53.200 чел. (фр., бр., б., п., юг., сов., ит., ам., рум.).

VI H — Арнольдсвайлер, Борисов (ок. Минска) — Основан 28.03.1940 в Арнольдсвайлере; с 16.10.1941, предположительно, лаг. отделение шталага VI G (сам шталаг VI H переведен в Борисов, а 29.04.1942 переименован в шталаг 382). — До 9.200 чел. (фр., п., юг., бр.).

VI J — Фихтенхайн (Fichtenhain), п/о Крефельд (Krefeld) и Дорстен — Основан не позднее 17.02.1941; в 09.1944 главный лагерь переведен в Дорстен, бывший до этого лаг. отделением; в 01.1945 еще действовал. — До 72.000 (б., ит., сов., юг., п., бр., фр.).

VI K (326) — Зенне/Форелькруг (Senne/Forellkrug) ок. Падеборна — Основан 14.08.1941 как шталаг 326 (I K) для сов. военнопленных (входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных); в 01.1945 еще действовал. — До 43.200 чел. (сов., фр., б., п., юг., ит.).

VII A — Моосбург (Moosburg) в В.Баварии — Основан 25.09.1939; 04.04.1941 ему были переподчинены фронтшталаги 307 и 317; 29.04.1945 освобожден ам. армией. — До 78.900 чел. (гр., рум., ч., болг., ит., ам., б., гол., сов., п., бр., фр., юг.).

VII B — Мемминген (Memmingen) — Основан 11.08.1940 как запасной лагерь (Schattenlager); 20.04.1941 ему были переподчинены фронтшталаги 337 и 347; в 01.1945 еще действовал. — До 19.500 чел. (фр., ит., ам., сов., юг., п., бр.).

VIII A — Герлиц (Görlitz, польск. Zgorzelec) — Основан 26.08.1939 как дулаг; 23.09.1939 переименован в шталаг VIII A; в 01.1945 еще действовал. — До 47.300 чел. (б., ам., фр., п., юг., сов., бр., гол., ит., ч.).

VIII B — Ламсдорф (Lamsdorf; польск. Lambinowice), Тешен (Teschen; польск. Cieszyn) — Основан 26.08.1939 как дулаг; 04.10.1939 переименован в шталаг VIII B; между 28.12.1943 и 12.01.1944 главный лагерь переведен в Тешен, бывший с 17.09.1942 и до этого момента лаг. отделением; расформирован в 03.1945. — Резервный лазарет: Козель (Cosel). — До 95.000 чел. (бр., фр., б., п., юг., гр., сов., ит., рум., ам.).

VIII C — Хальбау (Halbau), Заган (Sagan; польск. Zagan) — Основан 26.08.1939 как дулаг Хальбау в Кунау (Kunau); переименования: 14.09.1939 в дулаг А и 04.10.1939 в шталаг VIII C, между 12.1939 и 01.1940 переведен

в Заган; в 01.1945 еще действовал. — Лаг. отделения: Нойхаммер (Neuhammer/Quais, польск. Swietoszow), с 06—07.1942, до этого шталаг VIII Е; Крюнцбург (Krünzburg/Oberpfalz), между 22.03. и 09.06.1944 переформированное в илаг. — До 49.000 чел. (б., фр., юг., сов., бр., ит., п., ч., рум.).

VIII D — Тешен (Teschen; польск. Cieszyn) — Основан 05.05.1941 как запасной (?) лагерь (Schattenlager); расформирован 16.09.1942. — До 7.000 чел. (б., п., юг., фр., бр.).

VIII E — Нойенгамме — Основан 14.08.1941, входил в число II шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; расформирован в 06—07.1942 и переподчинен шталагу VIII С в качестве лаг. отделения. — До 15.000 чел. (сов., бр.).

VIII F (318) — Ламсдорф — Основан 14.08.1941, входил в число II шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; расформирован в 05—06.1943. — До 15.800 чел. (сов.).

IX A — Цигенхайн (Ziegenhain) ок. Касселя — Основан 26.09.1939; 26.01.1945 еще действовал. — До 53.400 чел. (б., фр., юг., сов., бр., ит.).

IX B — Вегшайде (Wegscheide) ок. Бад Орба (Bad Orb) — Основан 01.12.1939; в 12.1944 использовался как дулаг для ам. военнопленных из под Арденн; в 01.1945 еще использовался. — До 25.600 чел. (б., п., фр., бр., юг., сов., ит., ч., ам.).

IX C — Бад Зульца (Bad Sulza) в Тюрингии — С 1941 использовался как запасной лагерь (Schattenlager); 11.04.1945 освобожден ам. армией. — Резервные лазареты: Эгендорф (Egendorf) и Обермасфельд (Obermaßfeld). — Лаг. отделение: Мюльхаузен (Тюрингия). — До 53.900 чел. (б., гол., фр., бр., п., юг., сов., ам., ит., ч.).

X A — (???) — Основан 17.02.1941, в земле Шлезвиг (точное местоположение неизвестно); 08.05.1945 освобожден бр. армией. — Лаг. отделения: Гамбург-Фульсбюттель (Hamburg-Fuhlsbüttel), Хайдкатен (Heidkathen), Гудендорф (Gudendorf) ок. Мидорфа (Mehdorf) в Гольштейне, Бармштедт (Barmstedt) в Гольштейне. — До 70.000 чел. (б., фр., п., юг., сов., ит., рум.).

X B — Зандбостель (Sandbostel), п/о Бремерферде (Bremerförde) — Основан не позднее 17.02.1941; 29.04.1945 освобожден бр. армией. — Лаг. отделение: Витцендорф ок. Зольтау (Soltau), в 08.1942 (после расформирования шталага X D в Мюнстере) ставшее отдельным шталагом X D; между 12.01. и 22.03.1944 переименовано в офлаг 83. — До 42.000 чел. (б., фр., п., юг., сов., ит., рум., ч.).

X C — Нинбург (Nienburg/Weser) — Основан не ранее 17.02.1941; в 01.1945 еще действовал. — Лаг. отделение: Рорзен (Rohrsen). — До 43.000 (б., бр., фр., п., юг., сов., гр., ам., ит., рум.).

X D (310) — Мюнстер и Витцендорф. — Основан 14.08.1941 в Мюнстере, для сов. военнопленных; входил в число II шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; в 01.1942 переведен в Витцендорф ок. Зольтау; в 08.1942 вобрал в себя в качестве лаг. отделения б. шталаг X B. — До 7.000 чел. (сов.).

XI A — Альтенграбов (Altengradow, округ Магдебург) — Основан в конце 1939; в 01.1945 еще действовал. — До 66 тыс. чел. (фр., бр., б., п., юг., сов., гол., ит., ам., ч.).

XI B — Фаллингбостель (Fallingbostel) — Основан 24.09.1939; 06.03.1942 перенял расформированный шталаг XI D Эрбке (Oerbke) в качестве лаг. отделения; 10.10.1943 перенял расформированный шталаг XI C (311) Берген-Бельзен (Bergen-Belsen) в качестве лаг. отделения; в 01.1945 еще действовал. — До 95.000 чел. (фр., бр., ю., п., юг., сов., гол., ит., ам., рум., ч.).

XI C (311) — Берген-Бельзен — Основан 14.08.1941; входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; 14.06.1943 расформирован и переподчинен шталагу XI B в качестве лаг. отделения. — До 5.000 чел. (сов., юг., п.).

XI D (321) — Эрбке ок. Вальсроде (Walsrode) — Основан 14.08.1941 как шталаг 321 (XI D); входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; 21.03.1942 расформирован и переподчинен шталагу XI B в качестве лаг. отделения. — До 11.000 чел. (сов.).

XII A — Лимбург (Limburg) — Основан не ранее 26.08.1939 как дулаг G; 23.01.1940 переименован в шталаг XII A; 26.04.1941 переоформление в шталаг XII A шталага 352; 01.1945 еще действовал. — До 43.000 чел. (б., ит., бр., ам., фр., п., юг., сов., гол., болг.).

XII B — Франкенталь (Frankenthal/Pfalz) — Основан 01.04.1940; расформирован 03—04.1942. — До 40.000 чел. (б., фр., п., юг., сов.).

XII C — Обервизель (Oberwesel/Rhein), Коньске (польск. Konskie) и Скаржиско-Каменна (польск. Skarzysko-Kamenna) в Генерал-Губернаторстве; — Основан 01.04.1940, находился в подчинении Командира над военнопленными особого назначения (Люблин); 29.09.1941 был переведен в Коньске, а 05.11.1941 в Скаржиско-Каменна; 17.04.1942 переименован в шталаг 380. — До 18 тыс. чел. (фр., п., юг.).

XII D — Трир-Петрисбург (Trier-Petrisburg), Вальдбraitбах (Waldbreitbach) ок. Нойвида — Основан не позднее 17.02.1941; 14.04.1944 переведен в Вальдбraitбах; в 01.1945 еще действовал. — Резервные лазареты: Бад-Кройцнах (Bad Kreuznach) и Игель (Igel). — До 45.000 чел. (б., юг., бр., фр., сов., п., гол., ит., ам., болг.).

XII E — Мец (Metz) — Основан 08.08.1940 как фронтштаг 212; 03.12.1940 переименован в шталаг XII E; не позднее 01.1942 переведен в Жамбров (Zambrow), округ Белосток; расформирован, предположительно, в 10.1942. — До 5.000 чел. (фр., б., п., юг., сов.).

XII F — Саарбург (Saarburg), **Форбах** (Forbach), **Фрайнсхайм** (Freinsheim /Vorderpfalz) — Основан 07.08.1940 как фронтштаг 211; 15.11.1940 переименован в шталаг XII F; по крайней мере в 02—03.1941 размещался в Саарбурге, а с 05.1941 в Форбахе; между 25.09. и 14.12.1944 переведен во Фрайнсхайм; в 01.1945 еще действовал. — Лаг. отделения: Близменген-Больхен (Bliemengen-Bolchen) и Иоханнес-Бамберг-Больхен (Johannes-Bamberg-Bolchen). — До 75.000 чел. (фр., п., юг., сов., б., бр., ит., ам.).

XIII А — Зульцбах-Розенберг (Sulzbach-Rosenberg) — Основан 27.09.1939, имел в подчинении в качестве лаг. отделения илаг; в 01.1945 еще действовал. — До 50.000 чел. (б., фр., п., юг., сов., ит.).

XIII В — Вайден (Weiden) — Основан 17.07.1940; в 01.1945 еще действовал. — До 31.000 чел. (б., фр., п., юг., ам., сов., бр., ит., е.).

XIII С — Хаммельбург (Hammelburg) — Основан 11.07.1940; в 01.1945 еще действовал. — Резервный лазарет: Эдельбах (Edelsbach/Main). — До 30.000 чел. (бр., ам., б., фр., п., юг., сов., ит.).

XIII D — Нюрнберг-Лангвассер (Nürnberg-Langwasser) — Первоначально как офлаг 62 (дата основания не установлена), одно время принимавший исключительно сов. офицеров; 01.11.1942 переименован в шталаг XIII D; в 01.1945 внутри лагеря создан офлаг, куда в 02.1945 привезли 10.000 ам. офицеров из люфтваг 3. — До 30.000 чел. (сов., ам., юг., п., б., бр., фр., ит.).

XVII А — Кайзерштайнбрух (Keisersteinbruch) ок. Вены — Основан 29.08.1939 как дулаг J; 30.09.1939 переименован в шталаг XVII А; в 01.1945 еще действовал. — Резервный лазарет: II А, Вена. — До 53.000 чел. (б., е., бр., фр., п., юг., сов., гр., ит., ам., болг., рум., ч.).

XVII В — Кремс-Гнайксендорф (Krems-Gneixendorf) — Основан 02.09.1939 как дулаг; 02.10.1939 вобрал в себя дулаг Деллерсхайм (Döllersheim); 26.10.1939 дулаг Гнайксендорф был переименован в шталаг XVII В, а дулаг Деллерсхайм в шталаг XVII С; 29.07.1940 вновь вобрал в себя часть расформированного шталага XVII С; освобожден 05.05.1945. — Лаг. отделение: для военных летчиков. — До 55.000 чел. (сов., ам., ит., фр., б., п., юг., бр., рум., ч., е.).

XVII С — Деллерсхайм — Основан 22.09.1939 как дулаг XVII в Кауфхольц-Деллерсхайме (Kaufholz-Döllersheim); 02.12.1939 переименован в дулаг Деллерсхайм и переподчинен дулагу Гнайксендорф; 26.10.1939 — перестроен в самостоятельный шталаг XVII С; лагерь разделен на части, одна из которых переименована в офлаг XVII А, Эдельбах (15.06.1940), а другая — переподчинена шталагу XVII В.

XVII D — Пуппинг (Pupping) ок. Вельса (Wels), Деблин (Deblin) в Генерал-Губернаторстве. — Основан 01.10.1941 в Пуппинге как запасной лагерь; 29.10.1941 переведен в Деблин и подчинен Командиру над военнопленными особого назначения (Люблин); 05.11.1941 переименован в шталаг 237.

XVIII А — Вольфсберг (Wolfsberg) в Каринтии — Основан 01.03.1941 в результате перестроения из офлага XVIII В; освобожден 08.05.1945. — Лагерьные отделения: Шпитталь (Spittal) на р. Драве; Вагна (Wagna) ок. Лейбница (Leibnitz). — Резервный лазарет: Шпитталь. — До 45.000 чел. (бр., б., фр., юг., сов., ам., ит., гол., п.).

XVIII A/Z — Шпитталь — Лаг. отделение шталага XVIII А (ит., бр.).

XVIII В (398) — Шпитталь, Вагна, Пуппинг/Эффердинг (Pupping/Efferding) — Основан 07.02.1941 в результате перестроения из офлага XVIII С в Шпиттале; перенесен в Вагну (03.10.1942), а затем в Пуппинг (31.03.1943); 27.02.1943 переименован в шталаг 398. — Лаг. отделение: Марбург-на-Драве (совр. Марибор в Словении), оно же шталаг XVIII В/Z. — До 12.000 чел. (фр., бр., б., юг., сов., ам.).

XVIII В/З — Марбург-на-Драве — Основан 01.08.1942 как лаг. отделение шталага XVIII В и 15.11.1942 расформирован.

XVIII С (317) — Маркт Понгау (Markt Pongau) — Основан не позднее 06.1941; освобожден 08.05.1945. — Лаг. отделение: Ландек (Landeck) в Тироле, оно же шталаг XVIII С/З. — До 23.000 чел. (ам., п., бр., кан., з., нз., а., сов., в., фр., б., юг., гол., ит.).

XVIII С/З — Ландек — Лаг. отделение шталага VIII С; 14.12.1944 еще действовал.

XVIII D (306) — Марбург-на-Драве — Основан не позднее 06.1941, в 11.1942 еще действовал. — До 15.000 чел. (фр., бр., юг., сов.).

XX А — Торн (Thorn, польск. Toruń) — Основан 07.12.1939; в 01.1945 еще действовал. — До 25.000 чел. (б., п., бр., фр., сов., юг., н., ит., ам.).

XX В — Реклингсхаузен (Recklingshausen) в Вестфалии, **Литтшен-Мариенвердер (Littschen-Marienwerder)** в Вост. Пруссии, **Мариенбург (Marienburg, польск. Malbork)** в Зап. Пруссии — Основан 16.12.1939 в Реклингсхаузене; 23.12.1939 переведен в Литтшен-Мариенвердер, а 01.02.1940 в Мариенбург; 24.01.1945 расформирован, военнопленные переведены в Диршау (Dirschau), Бутов (Butow), Руммельсбург (Rummelsburg), Белган (Belgan), Свинемюнде (Swinemünde) и Демин (Demin). — Лаг. отделения: Данциг-Бишофсберг (Danzig-Bischofsberg) и Данциг-Олива (Danzig-Oliva). — До 31.000 чел. (б., бр., фр., юг., сов., п., ит., гол.).

XX С (312) — Торн — Основан не позднее 14.08.1941 как шталаг XX С (312); входил в число 11 шталагов, предназначенных приказом ОКВ № 40 от 14.08.1941 для приема первой «волны» советских военнопленных; расформирован, предположительно, в 06.1942. — До 5.000 чел. (сов., юг.).

XXI А — Шильдберг (Schildberg, польск. Ostrzeszów) в Бартеланде. — Основан 26.01.1940; расформирован между 03. и 06.1943. — Лаг. отделение: Позен (польск. Poznań), оно же шталаг XXI А/З. — До 2.000 чел. (фр., бр., п., юг.).

XXI А/З — Позен — Основан 03.06.1940 как лаг. отделение шталага XXI А; 01.08.1940 переименован в шталаг XXI D.

XXI В — Шубин (Schubin), Туре (Thure) ок. Альтбургланд (Altburgland) в Бартеланде, **Тапс (Taps)** в Эстонии — основан 05.10.1939 как шталаг Шубин; 01.12.1939 разбит на два лагеря — шталаг XXI В 1 в Шоккене (Schokken) и шталаг XXI В 2 в Шубине; 01.08.1940 оба были переформированы в шталаги, соответственно, XXI ВЗ (лаг. отделение) и XXI ВН (главный лагерь); 01.09.1940 шталаг XXI ВЗ переименован в офлаг XXI А; 03.12.1940 главный лагерь переведен в Туре, а 30.10.1941 в Тапс; 28.04.1942 переименован в шталаг 381. — До 4.000 чел. (фр., бр.).

XXI В/Н — Шубин — Основан 01.08.1940, путем переименования из шталага XXI В 2; 03.12.1940 переведен в Туре, а 30.10.1941 в Тапс; 28.04.1942 переименован в шталаг 381.

XXI В/З — Основан 01.08.1940, путем переименования из шталага XXI В 1; 01.11.1940 переименован в офлаг XXI А.

XXI С — Вольштайн (Wollstein) — Основан 12.06.1940; расформирован 01.03.1943. — Лаг. отделение: Грэтц (Grätz), оно же шталаг XXI С/З. — До 9.000 чел. (фр., бр., п., сов.).

XXI C/Z — **Грэтци** — Основан 12.06.1940 как лаг. отделение шталага XXI C; 21.06.1941 переименован в шталаг XXI E.

XXI D — **Позен** — Основан 01.08.1940 путем переименования шталага XXI A/Z; в 01.1945 еще действовал. — Лаг. отделения: Литцманштадт (Litzmannstadt, польск. Lodz); Шильдберг; Монтви (Montwy) ок. Хозензальца 3 (Hohensalza): до 29.09.1943 являлось хайлагом офлага 64, после чего последовали передача в шталаг XXI и расформирование между 28.12.1943 и 12.01.1944. — До 6.000 чел. (фр., бр., п., сов., юг., гол., ит., б.).

XXI E — **Грэтци** — Основан 21.06.1940 путем переименования шталага XXI C/Z; 10.03.1942 переименован в офлаг XXI C. — До 1.200 чел. (бр., п., юг.).

Примечания:

Государственная принадлежность военнопленных: а. — австралийцы; ам. — США; б. — Бельгия; болг. — Болгария (BG); бр. — Англия; в. — Венгрия; гол. — Нидерланды; гр. — Греция; дат. — Дания (DK); з. — Южная Африка (ZA); е. — Испания (т.н. «красные испанцы»); ит. — Италия; кан. — Канада; н. — Норвегия; нз. — новозеландцы; п. — Польша; рум. — Румыния; сов. — СССР; фр. — Франция; ч. — Чехословакия; юг. — Югославия.

п/о — почтовое отделение

Источники:

Датнер, 1963; Дугас, Черон, 1994; Gatterbauer, 1975; Matiello, Vogt, 1986; Osterloh, 1996.

**Структура и динамика декларированного рациона
советских военнопленных (г)**

Продукты	А/Б	В/Г	Д	Е	Ж	З
Хлеб	2250/1500	2000/1500	2600	2850	2100	3650
Мясо	200/—	100/—	250	350	250	667
Жиры	130/ 110	100/ 70	130	130	130	343
Сух.сыр/ творог	31/31	63/ 63	н.д.	—	н.д.	—
Крупы	150/ 150	150/ 100	150	150	150	150
Мармелад	175/ 175	175/ 150	н.д.	н.д.	н.д.	—
Сахар	225/ 150	150/ 150	70	225	225	225
Чай-эрзац	—/—	28/28	н.д.	28	14	28
Кисл.кап.	275/ 275	275/ 138	н.д.	275	275	275
Картофель	3000/2500	8500/5000	3000	3500	3000	3500
Свежие овощи	—/—	1125/ 1125	н.д.	1125	1125	1125
Кольраби	н.д./н.д.	н.д./н.д.	16500	н.д.	н.д.	н.д.
Сгущ.мол.	—/—	2333/—	2333	—	2333	—
Соль	105/ 105	105/ 105	н.д.	105	175	105

Примечания:

А/Б (работающие/неработающие) — норма на 08.10.41: советские военнопленные (занятые на тяжелых работах получали еженедельно дополнительно 150 г мяса и 600 г хлеба; военнопленные, которые по заключению врача были способны восстановить свою работоспособность в течение 6 недель, получали дополнительно 50 г вяленой рыбы, 100 г меда и 3,5 кг картофеля)¹; В/Г (работающие/неработающие) — после 08.10.41: советские военнопленные (занятые на тяжелых работах получали еженедельно дополнительные 100 г мяса, 50 г жиров и

500 г хлеба); Д — норма на 24.11.1941; Е — норма до 22.12.41: советские военнопленные, занятые на тяжелых работах²; Ж — то же, но после 22.12.41; З (для сравнения) — тогда же, но для французских военнопленных.

Источники:

А/Б и В/Г — ВА/МА RW 31/12, WI/ID 35; Д — ВАР 46.03, № 32, В1.101; Е, Ж и З — РГВА. Ф. 700. Оп. 1. Д. 36.

¹ Дополнения от 08.10.1941 к приказу ОКХ от 06.08.1941 относительно питания советских военнопленных на оккупированной территории, отменяющие радиограмму ОКХ от 30.09.1941.

² Данные в столбце Е находятся в соответствии с рационом, выдвинутым 27.11.1941 д-ром Глаусеном, рейхсминистром снабжения и сельского хозяйства (за исключением картофеля, где предусмотрена более высокая суточная норма — 2330 г; в качестве мяса подразумевались только тушенка и конина).

**Нормы суточного довольствия красноармейцев и начальствующего состава в военное время
(1941 г., на одного человека, г)**

Продукты	Боевые части	Тыл
Хлеб из ржаной и обойной муки	850	750
Мука пшеничная 2-го сорта	20	10
Крупа разная	140	120
Макаронны	30	20
Соевая мука	15	—
Мясо	150	120
Рыба	100	80
Комбижир и сало	30	25
Масло растительное	20	20
Сахар	35	25
Чай	1	1
Соль	30	30
Картофель и овощи	820	820
Лавровый лист	0,2	0,2
Томат-паста	6	6
Уксус	2	2
Горчичный порошок	0,3	0,3
Водка	100	—

Источник:

Скрытая правда, с. 355, со ссылкой на приказ Наркома обороны № 312, 1941 г.

**Временные нормы суточного довольствия военнопленных в
приемных пунктах действующей армии и лагерях НКВД
(июль 1941 г., на одного человека, г)**

Продукты	В приемных пунктах	В лагерях НКВД
Хлеб ржаной	400	800
Мука пшеничная (85 %)	20	10
Крупа разная	100	100
Макароны	—	10
Растительное масло	20	30
Мясо	—	50
Рыба	100	75
Сахар	20	20
Чай	0,7	1,5
Соль	30	30
Картофель и/или овощи	500	500
Лавровый лист	—	0,2
Томат-пюре	10	10
Уксус	0,7	0,3
Перец	0,1	3
Мыло	3,3	6,7
Махорка (пачек/месяц)	—	5
Спички (коробков/месяц)	—	5

Источник:

Скрытая правда, с. 356, со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1372. Д. 77.
Л. 8; Ф. 229. Оп. 178. Д. 4. Л. 24.

Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем французских и советских властей

29 июня 1945 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Временное Правительство Французской Республики, с другой, желая заключить Соглашение о порядке содержания и репатриации советских граждан, как бывших военнопленных, так гражданских и военных лиц, оказавшихся под контролем французских властей и не подпадающих под действие соглашений о репатриации от 11 февраля 1945 года, заключенных Советским Правительством с Правительствами Великобритании и США, а также о порядке содержания и репатриации французских граждан, как бывших военнопленных, так гражданских и военных лиц, находящихся под контролем советских властей, — согласились о нижеследующем:

Статья 1.

Все лица, указанные в преамбуле настоящего Соглашения, будут незамедлительно отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях и сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или французским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их компетентные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Договаривающейся Стороны об обнаруженных ими гражданах другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и французские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан своей страны и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров и младшего командного состава соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнопленные и где будет не хватать офицеров и младшего командного состава. Наружная охрана, а также контроль доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будут установлены в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сбор-

ные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан будет производиться по договоренности между компетентными советскими и французскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан может в исключительных случаях производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением мотивов.

Враждебная пропаганда, направленная против Высоких Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3.

Компетентные советские и французские власти обеспечат освобожденных граждан соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно французским или советским властям в пункты, установленные по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть такими же, как и нормы для солдат.

Высокие Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти и другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Договаривающейся Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации лиц, указанных в преамбуле настоящего Соглашения. Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Договаривающейся Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5.

Советские и французские компетентные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и французские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории Советское Правительство и Временное Правительство Французской Республики произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6.

Лица, указанные в преамбуле настоящего Соглашения могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах на таких работах вблизи лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и французские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или французским властям. Передача этих освобожденных граждан никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования на работах.

Статья 8.

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в двух экземплярах, каждый на русском и французском языках. Оба текста являются аутентичными.

По уполномочию правительства
Союза Советских Социалистических Республик
А. Вышинский

По уполномочию Временного правительства
Французской Республики.
П. Шарпантье

**Протокол к соглашению о содержании и репатриации
советских и французских граждан,
находящихся соответственно под контролем
французских и советских властей**

29 июня 1945 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Временное Правительство Французской Республики, с другой, при подписании 26 июня 1945 года Соглашения о порядке содержания и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем советских и французских властей, условились о нижеследующем:

1. Репатриации подлежат все советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой Договаривающейся Стороны.
2. Упомянутое Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан распространяется также на освобожденных Красной Армией жителей французских владений и французских протекторатов.

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, каждый на русском и французском языках. Оба текста являются аутентичными.

Источник:

Сборник Действующих договоров... М., 1955. С. 158—161, документ № 470. Проект утвержден Постановлением СНК СССР. № 1497-341 с. от 26 июня 1945 г. (См. также: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 19—22)

**Положение о фронтовом сборно-пересыльном пункте
для освобожденных граждан СССР, находившихся
на территории Германии и оккупированных ею стран**

**Глава 1.
Общее положение**

1. Для сбора, приема и организованной отправки на Родину освобожденных граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран в пределах фронтового тыла организуются специальные фронтовые сборно-пересыльные пункты.
2. Фронтовой сборно-пересыльный пункт содержится по особому штату и состоит из учетно-пересыльного, административно-хозяйственного отделения, санчасти, столовой и общежития.
3. Дислокация сборно-пересыльного пункта и дальнейшее перемещение его производится распоряжением Представителя Уполномоченного СНК СССР по репатриации при фронте, по согласованию с Военным Советом Фронта.
4. Во главе сборно-пересыльного пункта стоит начальник пункта.
5. Начальник пункта непосредственно подчиняется Представителю Уполномоченного СНК СССР при фронте.

**Глава 2.
Порядок оповещения, приема, учета и содержания
на сборно-пересыльном пункте.**

6. Оповещение и направление на сборно-пересыльные пункты граждан СССР, находившихся на освобожденной территории Германии или оккупированных ею странах, проводится при помощи и содействии общевойсковой командования, органов охраны фронтового тыла, дорожных частей армии и фронта, местной администрации, а также специальными объявлениями Представителя Уполномоченного СНК СССР по репатриации при фронтах и за границей.
7. При поступлении на сборно-пересыльный пункт граждан СССР, последние принимаются на учет в установленном порядке, распределяются по группам, в зависимости от места жительства и получают назначение для дальнейшего направления на Родину.
8. Личные вещи, документы и переписка у поступающих на сборный пункт граждан остаются при себе. При наличии у них огнестрельного или холодного оружия, таковое изымается и передается начальнику пункта.
9. Питание и материально-санитарное обеспечение на сборно-пересыльном пункте и в пути следования граждан СССР, возвращающихся на Родину, производится за счет фондов Наркомторга и обеспечивается следующими нормами:

- а) питание за время пребывания на пункте и в пути следования в зависимости от расстояния, но не более 8 суток, производить бесплатно по норме установленной Наркомторгом СССР. Для этой цели на сборно-пересыльном пункте создается неснижаемый запас продовольствия в 10000—20000 сутокодач;
 - б) в случае отсутствия у отдельных граждан, прибывающих на сборный пункт, одежды или обуви, им выдается необходимый минимум из неснижаемого запаса на сборно-пересыльном пункте 300 комплектов обмундирования верхней одежды и обуви из бывшей в употреблении и починенной;
 - в) выделяется хозяйственный инвентарь (кухонная, столовая посуда, ведра, миски, ложки и т. п.) и походные кухни или котлы для варки пищи из расчета ежесуточного обслуживания 1000—2000 человек;
 - г) выделяется каждому сборно-пересыльному пункту 3—5 автомашин и горючего 0,5—0,7 тонны в месяц на каждую машину;
 - д) для организации санитарной обработки и медицинского обслуживания при каждом сборно-пересыльном пункте создать санитарные изоляторы, забронировать в местных больницах и при отдельных госпиталях НКО койки для инфекционных больных и прикрепить к пересыльному пункту коммунальные бани и дез-камеры;
 - е) для создания санитарного изолятора выделить 50 комплектов постельной принадлежности.
10. Все граждане, прибывающие на приемно-пересыльный пункт, подлежат санитарной обработке, а личная одежда дезинфекции.

Глава 3.

Порядок отправки со сборно-пересыльного пункта

11. На сборно-пересыльном пункте нахождение граждан СССР, возвращающихся на Родину, должно быть ограничено 3—5 днями. Со сборно-пересыльного пункта возвращающиеся граждане отправляются:
- а) на Родину по месту постоянного жительства;
 - б) больные или раненые, нуждающиеся в госпитальном лечении — в местные больницы или отдельные госпитали НКО, специально для этого выделенные.
12. Перед отправкой в пункты на отправляемых пересыльной частью пункта граждан СССР составляются позшелонные списки в трех экземплярах по особой форме. Первые два экземпляра списка передаются старшему сопровождающему эшелон или команду, третий экземпляр списка с распиской старшего хранится в делах пункта.
13. Для сопровождения граждан, отправляемых на Родину со сборно-пересыльного пункта, фронтом назначаются, в зависимости от числа отправляемых, от 1 до 5 чел. сопровождающих сержантского и рядового состава из армейских запасных частей, годных к нестроевой службе из расчета 1 чел. на каждые 100 человек отправляемых граждан. Для оказания медпомощи в пути на команду,

численностью не менее 500 чел., выделять одно лицо среднего или младшего медперсонала. От сборно-пересыльного пункта до жел. дор. станции отправления для престарелых граждан, физически истощенных и детей предоставлять необходимые транспортные средства.

П/П ЗАМ.УПОЛНОМОЧЕННОГО СНК СССР ПО РЕПАТРИАЦИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (СМОРОДИНОВ)

Верно майор Дашкевич
«23» октября 1944 года

Источник:

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2.

**Нормы № 3 и 4 суточного довольствия
рядового и офицерского состава тылов Красной Армии
(установлены приказом НКО СССР № 312-1941 г.)**

№	Наименование продуктов	Количество в граммах (всего)	
		Норма № 3	Норма № 4
1а.	Хлеб ржаной (зимой)	750	700
1б.	Хлеб ржаной (летом)	650	600
2.	Мука подболточная	10	10
3.	Крупа разная	100	100
4.	Макароны	10	10
5.	Мясо	75	75
6.	Рыба	120	100
7.	Комбижир	20	20
8.	Масло растительное	20	20
9.	Сахар	25	20
10.	Чай	1	1
11.	Соль	30	30
12.	Овощи (набор)	920	920
13.	Томат	6	9
14.	Лавровый лист	0,2	2
15.	Перец	0,3	3
16.	Уксус	2	2
17.	Горчица	0,3	3
18.	Мыло туалетное (в месяц)	200	200
19.	Махорка	—	—
20.	Курительная бумага	—	—
21.	Спички	—	—

Источник: Отчет-1, с. 123—124.

**Дислокация областных
приемно-распределительных пунктов (1946 г.)**

№	Дислокация	Области, края, АССР
РСФСР		
1	Брянск	Брянская обл.
2	Новozyбков	— —
3	Унеча	— —
4	Новосокольники	Великолукская обл.
5	Торопец	— —
6	Воронеж	Воронежская обл.
7	Грязи	— —
8	Лиски	— —
9	Бологое	Калининская обл.
10	Лихославль	— —
11	Сухиничи	Калужская обл.
12	Белгород	Курская обл.
13	Курск	— —
14	Льгов	— —
15	Кингисепп	Ленинградская обл.
16	Луга	— —
17	Можайск	Московская обл.
18	Орел	Орловская обл.
19	Псков	Псковская обл.
20	Батайск	Ростовская обл.
21	Миллерово	— —
22	Вязьма	Смоленская обл.
23	Рославль	— —

№	Дислокация	Области, края, АССР
24	Белев	Тульская обл.
25	Батецкая	Новгородская обл.
26	Дно	— —
27	Старая Русса	— —
28	Кавказская	Краснодарский край
29	Ставрополь	Ставропольский край
30	Джанкой	Крымская АССР
31	Н.Чар	Сталинградская обл.
32	Сталинград	— —
33	Дзауджикау	Сев.-Осетинская АССР
УССР		
34	Волноваха	Сталинская обл.
35	Красный Лиман	— —
36	Ясиноватая	— —
37	Харьков-пассажирская	Харьковская обл.
38	Гребенка	Полтавская обл.
39	Полтава	
40	Ворошиловград	Ворошиловградская обл.
41	Лопасная	— —
42	Сватово	— —
43	Старобельск	— —
44	Запорожье	Запорожская обл.
45	Конотоп	Сумская обл.
46	Сумы	— —
47	Бердичев	Житомирская обл.
48	Знаменка	Кировоградская обл.
49	Апостолово	Днепропетровская обл.
50	Днепропетровск	— —

№№	Дислокация	Области, края, АССР
51	Пятихатка	Днепропетровская обл.
52	Синельниково	— —
53	Одесса	Одесская обл.
54	Мироновка	Киевская обл.
55	Нежин	Черниговская обл.
56	Дубно	Ровенская обл.
57	Рава-Русская	Львовская обл.
58	Яворово	— —
59	Владимир-Волинский	Волинская обл.
60	Хыров	Станиславская обл.
61	Черновцы	Черновицкая обл.
62	Мастиск	Дрогобычская обл.
63	Николаев	Николаевская обл.
64	Болград	Измайловская обл.
65	Ново-Алексеевка	Херсонская обл.
66	Херсон	— —
67	Проскуров	Каменец-Подольская обл.
68	Щепетовка	— —
69	Ярмолицы	— —
70	Тернополь	Тернопольская обл.
71	Жмеринка	Винницкая обл.
72	Казатин	— —
БССР		
73	Минск	Минская обл.
74	Брест	Брестская обл.
75	Гродно	Гродненская обл.
76	Барановичи	Барановичская обл.
77	Пинск	Пинская обл.
78	Калинковичи	Полесская обл.

Окончание приложения 15.

№.№	Дислокация	Области, края, АССР
79	Гомель	Гомельская обл.
80	Могилев	Могилевская обл.
81	Молодечно	Молодеченская обл.
82	Витебск	Витебская обл.
83	Полоцк	Полоцкая обл.
84	Бобруйск	Бобруйская обл.
Лит.ССР		
85	Каунас	
86	Ново-Вилейка	
87	(Паневежис)	
88	Тельшай	
89	Шауляй	
Латв.ССР		
90	Двинск	
91	Елгава	
92	(Двинск)	
93	Рига	
Эст.ССР		
94	Кивиоли	
95	Пылкюля	
96	Эльва	
Молд.ССР		
97	Бельцы	
98	Кишинев	

Примечание:

названия нас. пунктов и областей приводятся, как и в оригинале, по состоянию на 1946 г.

Источник:

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 136—138, приложение № 23 к Отчету-1.

Советские органы репатриации за границей (1944—1952)

1. Группы по репатриации на территории Германии и Австрии

1.1. ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ (11.03.1945 — 111 чел., в том числе Управление представителя — 35 чел. и 6 групп для работы в про- винциях)

1.1.1. Померанская (19.02.1945 — 11 чел.)

Представители:

— подполковник Пуртов.

1.1.2. Бранденбургская (19.02.1945 — 11 чел.)

Представители:

— полковник Мячин.

1.1.3. Силезская (19.02.1945 — 11 чел.)

Представители:

— подполковник Меркешин.

1.1.4. Восточно-Прусская (19.02.1945 — 12 чел.)

Представители:

— полковник Зюряев.

1.1.5. Австрийская (19.02.1945 — 11 чел.)

Представители:

— подполковник Федоров.

1.1.6. Нюрнбергская (15.05.1945 — 12 чел.)

Представители:

— полковник Чесаков.

1.2. ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ (79 сборных лагерей для советских гра- ждан)

1.2.1. АМЕРИКАНСКАЯ ЗОНА (13.08.1945 — 39 чел.; в зоне размещался 31 сборный лагерь для советских граждан)

Представители:

— генерал-майор Давыдов А.М. (08.1945 — 11.1946);

— полковник Бурашников М.В. (07.1948 — 12.1948);

— полковник Аргунов В.И. (12.1948 — 03.1949*).

* 03.03.1949 группа вынужденно прекратила свою работу и покинула зону; с 10.1949 по 12.1952 два офицера по репатриации работали в составе советской военной миссии в американской зоне (Постановление СМ СССР № 347-117сс от 08.02.1952).

1.2.2. АНГЛИЙСКАЯ ЗОНА (17.08.1945 — 42 чел.; в зоне размещалось 20 сборных лагерей для советских граждан)

Представители:

- генерал-майор Скрынник Ф.П. (08.1945 — 10.05.1946);
- полковник Брюханов А.И. (10.05.1946 — 08.1948; одновременно — глава миссии в Дании);
- полковник Важенин Н.И. (08.1948 — 03.1950)*.

1.2.3. ФРАНЦУЗСКАЯ ЗОНА (01.1949; в зоне размещалось 28 сборных лагерей для советских граждан)

Представители:

- полковник Павлин Р.С. (12.1948 — 11.1949);
- полковник Аргунов В.И. (11.1949 — 10.1951);
- полковник Вершинин М.И. (11.1951 — ?)**.

1.3. ЗАПАДНАЯ АВСТРИЯ (50 сборных лагерей для советских граждан)

Представитель Управления по репатриации Центральной группы войск: гвардии полковник Иконников (08.1945 — ?).

Представители репатриационной миссии генерал-майора Драгуна во Франции: капитан Комаров (американская зона), капитан Куликов и капитан Баранов (французская зона) и майор Мартынов <?> (английская зона).

1.3.1. АМЕРИКАНСКАЯ ЗОНА (17.12.1945 — 10 чел.)

Представители:

- подполковник (по другим сведениям — полковник) Шишенков Н.А. (12.1945 — 07.1946);
- полковник Максимов А.Ф. (09.1946 — 06.1947);
- полковник Киреев П.В. (11.1947 — 04.1950);
- полковник Супрун П.И. (04.1950 — 06.06.1951);
- полковник Смирнов (06.06.1951 — ?)**.

1.3.2. АНГЛИЙСКАЯ ЗОНА (15.11.1945 — 5 чел.)

Представители:

- подполковник Цибульников Д.В. (11.1945 — 02.1946);
- подполковник Спирин П.С. (03.1946 — 06.1947);

* В феврале—апреле 1948 английские власти запретили советским офицерам посещать лагеря в провинциях Северный Рейн-Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония, полностью репатриационная миссия была закрыта 19.04.1950. В отличие от американцев, они также отказались признать за советской военной миссией функции по репатриации оставшихся советских граждан (Отчет-2, с. 21—22, 25).

** До 01.1949 французскую зону обслуживала группа, работавшая в американской зоне.

*** Согласно Отчету-2, за 1946—1951 гг. миссия четырежды допускалась на территорию зоны (в периоды 05.01.—02.04.1946, 14.01.—15.05.1947, 07<?>.02.—07.03.1948 и 05.1948—09.06.1951, с аккредитацией сотрудников миссии каждые 45 дней), после чего грубо удалялась (Отчет-2, с. 20).

- подполковник Груздев В.Н. (07.1947 — 10.1947);
- подполковник Сигуля В.М. (11.1947 — 04.1949);
- подполковник Осокин В.А. (04.1949 — 23.08.1951)*.

1.3.3. ФРАНЦУЗСКАЯ ЗОНА (01.12.1945 — 10 чел.)

Представители:

- полковник Питерский Б.А. (12.1945 — 09.1946);
- подполковник Рогозинский Р.Ф. (09.1946 — 08.1947);
- полковник Минин М.П. (10.1947 — 10.1948);
- полковник Галика Ф.М. (10.1948 — 02.1950);
- полковник Митрофанов В.В. (03.1950 — 08.1950);
- полковник Венец И.Х. (04.1949<?> — 12.1951);
- подполковник Осокин В.А. (12.1951 — 27.05.1952)**.

2. Группы по репатриации в других странах Европы

2.1. АНГЛИЯ (27.01.1945 — 20 чел.)

Представители:

- генерал-майор Ратов П.Ф. (01.1945<?> — 01.1946<?>);
- полковник Кleshканов И.А. (02.1946<1945?> — 06.1948);
- полковник Холоденин Д.П. (07.1950 — 02.1952);
- полковник Барабанов (06.1952 — ?)***.

2.2. БАЛКАНЫ (Греция, Югославия, Албания: 18.01.1945 — 18 чел.)

Представители:

- полковник Брагин В.Г. (04.1945 — 02.1946)****.

* Советская репатриационная миссия в Австрии была вынуждена покинуть английскую зону по требованию английских властей.

** До 12.1945 репатриация осуществлялась при участии офицеров репатриационной миссии генерала Драгуна в Париже (капитан Куликов, капитан Баранов и др.) и представителей репатриационных органов Центральной группы войск маршала Конева (подполковник В.П.Пелик, лейтенант Шустенко при переводчике лейтенанте Березине). Адрес представительства: г. Инсбрук, Херренгассе, 1. По французским данным, репатриация фактически завершилась уже в сентябре 1945 года с отправкой последних советских граждан из лагеря Ландек (Eisterer, 1992, s. 130—141).

*** На первоначальном этапе репатриацией и отправкой советских граждан занимались Посольство СССР (посол — Ф.Т.Гусев) и Военная Миссия СССР (военный атташе — генерал-майор Васильев). См. также группа «Норвегия».

**** В августе 1945 года советским представителем в Греции был Брылев. 11.09.1945, сославшись на то, что все советские граждане из Греции репатриированы, Э.Бевин отказал советским представителям в посещении о. Крит и попросил немедленно, до 31.08.1945, отозвать их из Греции (См.: Письма Посла СССР в Великобритании Ф.Т.Гусева — министру иностранных дел Великобритании Э.Бевину от 29.08.1945 и зам. наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому от 19.09.1945).

2.3. БЕЛЬГИЯ (01.01.1945 — 2 группы, 6 чел.)

Представители:

- подполковник Мельников и полковник Матвеев Д.Ф. (01.1945 — 07.1945);
- полковник Матвеев Д.Ф. и майор Мартынов И.А. (08.1945 — 01.1946);
- полковник Добрынин (02.1946 — 03.1946);
- подполковник Фаворов В.М. (01.1949 — 05.1951, представитель по репатриации при Посольстве СССР);
- полковник Любченко А.А. (05.1951 — 10.1951);
- Миронов (11.1951 — ?)*.

2.4. БОЛГАРИЯ (10.1946?)

Представители:

- подполковник Беляев А.Г. и майор Василевский К.Ф. (10.1946 — 12.1946)**.

2.5. ВЕНГРИЯ (23.04.1945 — 9 чел.)

Представители:

- полковник Старов;
- полковник Воронин Г.М. (08.1947 — 12.1948);
- полковник Дырин З.И. (12.1948 — 03.01.1950).

2.6. ГОЛЛАНДИЯ (? — 01.1947; с 01.1949 — при Посольстве СССР)

Представители:

- подполковник Перегудов (? — 01.1947);
- подполковник Орлов А.А. (01.1949 — 11.1950);
- Попов (28.09.1951 — 15.11.1952);
- Савченко (15.11.1952 — ?).

2.7. ДАНИЯ (20.07.1945 — 3 чел.)

Представители:

- полковник Брюханов А.И. (10.05.1946 — 08.1948; одновременно — глава миссии в англ. оккупационной зоне в Германии);
- майор Баранов (Отчет-2, с. 25—27);
- Донцов (сроки не установлены);
- полковник Кашин А.Н. (05.1949 — 06.1951, во главе группы из 2 чел. при Посольстве СССР);
- подполковник Крючков Ф.В. (28.06.1951 — ?)***.

* Между 03.1946 и 01.1949 репатриацией занималось Советское посольство, а также, за счет штатов посольства, зав. сборным пунктом б. военнопленный Макаручук (Отчет-2, с. 102).

** Представляется вероятным, что репатриационные органы в Болгарии были развернуты раньше, однако документальными подтверждениями мы не располагаем.

*** 31.07.1945 Донцов получил уведомление Главы английской военной миссии в Дании бригадира Кроу, о необходимости покинуть Данию, согласно приказу по 21-й армейской группе английских войск (Отчет-1, с. 196). Не вполне ясно, как эти данные соотносятся с другими сведениями (см.: Отчет-1, с. 25—27).

2.8. ИТАЛИЯ (13.12.1944 — 27 чел.)

Представители:

- полковник Яковлев (изначально, иными сведениями не располагаем);
- полковник Яковлев П.Г. (08.1945 — 01.01.1950);
- полковник Глинчиков И.А. (01.1950 — 12.1951);
- полковник Раскопов Е.М. (12.1951 — ?)*.

2.9. НОРВЕГИЯ (16.05.1945 — 23 чел.)

Представители:

- генерал-майор Ратов П.Ф. (группа «Норвегия и Англия», в составе 8 чел.: 09.1945 (по др. сведениям — 29.05.1945) — 02.1946)**.

2.10. ПОЛЬША (30.12.1944 — 16 чел.)

Представители:

- подполковник Власов (иными сведениями не располагаем);
- полковник К.К.Конев (группа — 7 чел., 02.1946 — 09.1946);
- Горин (10.1946 — 08.1949);
- полковник Юшков (26.09.1949 — 04.1951);
- полковник Антипенко А.М. (26.06.1951 — ?).

2.11. РУМЫНИЯ (11.11.1944 — 13 чел.)

Представители:

- подполковник (позднее — полковник) Банцырев И.А. (11.1944 — не позднее 11.1946);
- полковник Богданов Ф.П. (05.1947 — 04.1949);
- полковник Кондратенко С.Т. (09.1949 — 20.03.1951).

2.12. ФИНЛЯНДИЯ (03.11.1944 — 28 чел.)

Представители:

- полковник Филатов Н.А. (16.10.1944 — 22.01.1945);
- полковник Максимов А.Ф. (группа в составе 2 чел.: 10.1945 — 08.1946);
- Пузанов В.А. (12.09.1951 — ?).

2.13. ФРАНЦИЯ (10.11.1944 — 49 чел.)

Представители:

- генерал-майор Драгун В.М. (11.1944 — ?);

* С 12.08.1945 по 15.10.1945 в Италии находилась инспекционная группа генерал-майора Я.Д.Басилова; в 08.1945 Басилов провел переговоры с фельдмаршалом Александером относительно репатриации 10.000 советских граждан из анлийского лагеря № 5с в Италии (Отчет-1, с. 50—51). По сведениям Н.Толстого, советскую миссию в Италии, как и в Египте, возглавлял генерал Судаков (Толстой, 1988, с. 50).

**Первая группа из 6 офицеров, прибывшая в Норвегию 16.05.1945, не была признана полномочной (Отчет-1, с. 84). В июле 1945 г. командующий сухопутными силами союзников в Норвегии генерал А.Торн прислал генералу Рагову уведомление о завершении репатриации признанных советских граждан и выезде его и его группы из Норвегии (Отчет-1, с. 196—197).

- подполковник Березин (03.1945 — 03.1947);
- полковник Филатов Н.А. (05.1947 — 12.1947);
- подполковник Клочков (01.1951 — ?)*.

2.14. ЧЕХОСЛОВАКИЯ (09.06.1945 — 10 чел.)

Представители:

- полковник (по другим сведениям — подполковник) Деев Н.Г. (09.1945<?> — 07.1946);
- подполковник Кувыркин Д.А. (09.1945<?> — 03.1947);
- подполковник Панов Ф.А. (03.1947 — 05.1949);
- полковник Супрун П.Л. (05.1949 — 01.1950);
- подполковник Антипенко А.М. (01.1950 — 04.04.1951).

2.15. ШВЕЙЦАРИЯ И ЛИХТЕНШТЕЙН (26.07.1945 — 14 чел.)

Представители:

- генерал-майор А.И.Вихорев (26.07.—29.12.1945);
- майор Березин (04.1946 — ?);
- полковник Н.В.Новиков (01.1949 — 01.1950, в качестве представителя по репатриации при Посольстве СССР)**.

2.16. ШВЕЦИЯ (21.03.1945 — 23 чел.)

Представители:

- подполковник Rogoznikov A.A. (03.1945 — 01.1946);
- подполковник Беляев А.Я. (01.1946 — 03.1946);
- Мельниченко и Кангер (по другим данным — полковник Забелоцкий Д.М., 01.1949 — 03.1949) и группа в составе 4 чел. при посольстве СССР (01.1949 — 10.1950);
- полковник Емельяненко Ф.Г. (группа в составе 4 чел. при посольстве СССР; 10.1950 — ?)***.

2.17. ЮГОСЛАВИЯ (03.1948 — 3 чел.)

Представители:

- подполковник Львов И.А. (03.1948 — 03.11.1949).

* Генерал-майор В.М.Драгун фактически являлся резидентом и координатором всех советских репатриационных миссий в Западной Европе. До начала 1947 г. группа по репатриации во Франции фактически занималась репатриацией также и с территории Бельгии, Голландии, Люксембурга и Швейцарии (Отчет-2, с. 115), а также из западных зон Австрии (летом и, возможно, осенью 1945).

** Группа дислоцировалась в Берне, в ее составе действовало подразделение в составе 2 чел., занимавшееся репатриацией из Лихтенштейна. Дополнительный источник: Драгунов, 1995, с. 129—131.

*** Поначалу полномочия группы Rogoznikova не были признаны шведской стороной, настаивавшей на сотрудничестве только с Военной миссией (Отчет-1, с. 105, 200).

3. Группы по репатриации в странах Азии, Африки, Америки и Австралии

3.1. АВСТРАЛИЯ (01.1952? — при Посольстве СССР?)

Представители:

- майор Гордеев (01.1952 — 10.1952);
- подполковник Павлов (10.1952 — ?).

3.2. АРГЕНТИНА (07.1949 — при Посольстве СССР)

Представители:

- подполковник Степанов А.Г. (07.1949 — 01.1950);
- полковник Мишин Д.А. (01.1950 — 05.1951);
- подполковник Кушнирук (05.1951 — ?).

3.3. ЕГИПЕТ (04.01.1945 — 17 чел.)

Представители:

- полковник Старов М.М. (04.1945 — 02.1946)*.

3.4. ИНДО-КИТАЙ (08.1946)

Представители:

- полковник Дубровин В.Н. (группа в составе 3 чел.; 08.1946 — 03.1947).

3.5. ИРАН (16.11.1944 — 10 чел.)

Представители:

- полковник Семенов**.

3.6. КАНАДА (02.1949 — при Посольстве СССР)

Представители:

- полковник Елихов В.С. (05.03.1949 — 12.10.1949, отозван по настоянию посла);
- подполковник Поляков Н.И. (07.1950 — 02.1952);
- майор Егоров (04.1952 — ?).

3.7. КИТАЙ (07.1947, группа в составе 4 чел. по транспортировке из Китая в СССР русских эмигрантов)

Представители:

- подполковник Некрасов Н.И. (07.1947 — 12.1947).

3.8. КОРЕЯ, МАНЧЖУРИЯ и КВАНТУНСКАЯ ОБЛАСТЬ (25.09.1945 — 21 чел.)

Представители:

- полковник Мазунов.

3.9. ЛИВАН (05.1949 — при Посольстве СССР)

Представители:

- полковник Холоденин Д.П. (05.1949 — 01.1950).

* По данным Н.Толстого, советскую миссию в Египте возглавлял генерал Судачков (Толстой, 1988, с. 50).

** 12.1944—01.1945 в Иране и Ираке находилась инспекционная группа полковника Логунова (Отчет-1, с. 50).

3.10. США (02.05.1945 — 9 чел.)

Представители:

— полковник Мальков В.А. (03.1945 — 05.1946, группа в составе 5 чел.)*.

Источники:

Данные о времени организации групп и об их численном составе на момент организации (в скобках), а также о первых начальниках групп, или представителях — по: Отчет-1, л. 25—27 (по состоянию на 03.1946). Остальные данные — по: Отчет-2, л. 164—175 (по состоянию на конец 1952 года), а также л. 98, 102. Дополнительные источники указываются отдельно. В ряде случаев различные данные не согласуются друг с другом.

* На первоначальном этапе репатриацией и отправкой советских граждан занимались Посольство СССР (посол — А.А.Громыко) и Военная Миссия СССР (военный атташе — генерал-майор Сараев).

**Дислокация советских сборных пунктов и лагерей
в западных оккупационных зонах Германии и Австрии (1946)**

№	Название	Кол-во людей
ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ		
Английская зона		
1	Бергорст	
2	Маспе	
3	Бломберг	
4	Гальтерн	
5	Детмольд	
6	Месербек	
7	Кофельд	
8	Сиденбург	
9	Букстехуд	
10	Дипхольд	
11	Целле	
12	Монебург	
13	Ватенштедт	
14	Иммендорф	
15	Гозлар	
16	Ганновер	
17	Киль	
18	Дорнервук	
19	Гамбург	
20	Федель	

№	Название	Кол-во людей
Американская зона		
1	Ландау	15
2	Вильсхофен	15
3	Мюклинвиклинг	10
4	Зондорф	12
5	Регенсбург	
6	Виссенгофен	8
7	Мельминген	5
8	Лансбург	5
9	Феретенфельд	8
10	Дахау	8
11	Аугсбург	6
12	Траунштайн	5
13	Эбесберг	8
14	Мюнхен	5
15	Бамберг	10
16	Нюрнберг	11
17	Лангваассер	12
18	Шайнфельд	11
19	Вюрцбург	12
20	Пльзень	11
21	Дармштадт	10
22	Хельбронн	11
23	Геппинген	11
24	Маннгейм	11
25	Ульм	11
26	Карлсруэ	11

№	Название	Кол-во людей
27	Штуттгарт*	
28	Гисен	
29	Ханау	
30	Нойкирхен	
31	Фульда	
Французская зона		
1	Тюбинген	
2	Ройтлинген	
3	Нагольд	
4	Штеттин	
5	Оффенбург	
6	Биберах	
7	Гейберг	
8	Мюзинген	
9	Вайген	
10	Фридрихсхафен	
11	Баден-Баден	
12	Балиген	
13	Лейбкирх	
14	Вургзах	
15	Саульгау	
16	Равенсбург	
17	Нойштадт	
18	Кальф	
19	Бад-Дюрхайм	
20	Циммерн	

* По другим сведениям, Штуттгарт-Цуффенгаузен.

№	Название	Кол-во людей
21	Зельцбах	
22	Фрайбург, Мюльхайм	
23	Мюншнин	
24	Ройтмних	
25	Филлинген	
26	Ройтвальд	
27	Шрайбург	
28	Швенинген	
ЗАПАДНАЯ АВСТРИЯ		
Английская зона		
1	Шейшлинг	13
2	Адмонт	135
3	Юденбург	666
4	Конфенберг	14
5	Роггенман	6
6	Шперасс	2
7	Леобен	13
8	Трефлинг	222
9	Клагенфурт	5
10	Вейдмандорф	613
11	Боулейтунг	1584
12	Келлерберг	181
13	Шпитталь	415
14	Линц	227
15	Грац и Брук	195

* Кроме того в зоне английского контроля имелось еще 28 лагерей, насчитывавших 5633 чел.

№	Название	Кол-во людей
Французская зона		
1	Брегенц	1500
2	Ландек	1500
3	Куфштайн	1500
4	Канфенберг	1400
5	Тироль	4000
6	Дорнбирн	1500
7	Фельдкирх	600

Источник:

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 131—133, приложение № 22 к Отчету-1.

1	Брегенц	1500
2	Ландек	1500
3	Куфштайн	1500
4	Канфенберг	1400
5	Тироль	4000
6	Дорнбирн	1500
7	Фельдкирх	600
8	Зальцбург	1500
9	Инсбрук	1500
10	Вена	1500
11	Будапешт	1500
12	Берлин	1500
13	Париж	1500
14	Лондон	1500
15	Москва	1500
16	Санкт-Петербург	1500
17	Новосибирск	1500
18	Красноярск	1500
19	Иркутск	1500
20	Хабаровск	1500
21	Владивосток	1500
22	Порт-Артур	1500
23	Дальний Восток	1500
24	Сибирь	1500
25	Урал	1500
26	Кавказ	1500
27	Азия	1500
28	Африка	1500
29	Америка	1500
30	Океания	1500
31	Арктика	1500
32	Антарктика	1500
33	Вселенная	1500
34	Земля	1500
35	Вода	1500
36	Воздух	1500
37	Огонь	1500
38	Земля, вода, воздух, огонь	1500
39	Вселенная	1500
40	Земля	1500
41	Вода	1500
42	Воздух	1500
43	Огонь	1500
44	Земля, вода, воздух, огонь	1500
45	Вселенная	1500
46	Земля	1500
47	Вода	1500
48	Воздух	1500
49	Огонь	1500
50	Земля, вода, воздух, огонь	1500
51	Вселенная	1500
52	Земля	1500
53	Вода	1500
54	Воздух	1500
55	Огонь	1500
56	Земля, вода, воздух, огонь	1500
57	Вселенная	1500
58	Земля	1500
59	Вода	1500
60	Воздух	1500
61	Огонь	1500
62	Земля, вода, воздух, огонь	1500
63	Вселенная	1500
64	Земля	1500
65	Вода	1500
66	Воздух	1500
67	Огонь	1500
68	Земля, вода, воздух, огонь	1500
69	Вселенная	1500
70	Земля	1500
71	Вода	1500
72	Воздух	1500
73	Огонь	1500
74	Земля, вода, воздух, огонь	1500
75	Вселенная	1500
76	Земля	1500
77	Вода	1500
78	Воздух	1500
79	Огонь	1500
80	Земля, вода, воздух, огонь	1500
81	Вселенная	1500
82	Земля	1500
83	Вода	1500
84	Воздух	1500
85	Огонь	1500
86	Земля, вода, воздух, огонь	1500
87	Вселенная	1500
88	Земля	1500
89	Вода	1500
90	Воздух	1500
91	Огонь	1500
92	Земля, вода, воздух, огонь	1500
93	Вселенная	1500
94	Земля	1500
95	Вода	1500
96	Воздух	1500
97	Огонь	1500
98	Земля, вода, воздух, огонь	1500
99	Вселенная	1500
100	Земля	1500

Дислокация советских сборных пунктов и лагерей в странах Западной Европы (1946)*

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
Англия				
1	Эмбл		964	
2	Хаттон-Гейт		500	
3	Каттерик/Стадиум		1605	
4	Баттервик		2581	
5	Барроу-Хауз		525	
6	Апсолл		515	
7	Атли		2395	
8	Брамхем		2142	
9	Ливен		2969	
10	Сикфрот		501	
11	Скаркфорт		107	
12	Хедон		499	
13	Тренби-Парк		2334	
14	Вестон		879	
15	Ньюландз-Корнер		1975	
16	Хэйг-Лайнз		364	
17	Бартой-Стейси		1610	
18	Арена-Род		400	
19	Вортинг		2324	
20	Сифин-Скул		250	
21	Хатен-Кемп		150	

* Благодарим Н.Верта (Париж) за консультацию, позволившую внести уточнения во французскую часть списка.

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
22	остров Гернси		200	
Франция				
1	Ардуаз	Гар		
2	Банассан	Гар		
3	Менд	Лозер		
4	Корби Фулюа	Сомма		
5	Амьен	Сомма		
6	Шатонёф	Шер		
7	Версаль/Борегап	Сена-и-Уаза		
8	Вандом	Луар и Шер		
9	Бурбон	Верхняя Марна		
10	Провен	Сена и Марна		
11	Мо	Сена и Марна		
12	Париж (Рей)			
13	Бур Ластик	Пуи-де-Дом		
14	Нантё	Верхний Вьенн		
15	Ля Куртин	Крёз		
16	Сент-Аман-Мон-Рон	Шер		
17	Фор-де-Шаполи	Рона		
18	Сан-Этьен	Луара		
19	Валанс	Дром		
20	Гренобль	Изер		
21	Ле Пуи	Луара		
22	Марсель	Буш-дю-Рон		

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
23	Ланмезан	Верхние Пиренеи		
24	Кастр	Тарн		
25	Альби	Тарн		
26	Ля Планет	Верхние Пиренеи		
27	Он	Верхняя Гаронна		
28	Сен-Жюньен	Верхний Вьенн		
29	Ним	Гар		
30	Гайак	Жиронда		
31	Тей	Пюи-де-Дом		
32	Ош	Жер		
33	Бержерак	Дордонь		
34	Ангулем/Боссо	Шаранта		
35	Иль-Сюр-Тарн	Тарн		
36	Лабругьер	Тарн		
37	Сен-Пон	Ардеш		
38	Шаго де Серанс	Мен и Луара		
39	Келюс	Тарн и Гаронна		
40	Куиза	Од		
41	Лилль	Нор		
42	Монтбазон	Эндр и Луара		
43	Курпьер	Пюи-де-Дом		
44	Тулуза	Верхняя Гаронна		
45	Альби (госпиталь)	Тарн		
46	Шербург	Манш		

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
47	Эпернон	Сена и Уаза		
48	Париж (госпиталь)			
49	Вильводе	Сена и Марна		
50	Лион	Рона		
51	Реймс	Марна		
52	Сен-Тегоннек	Финистер		
53	Комерси	Мёз		
54	Марсель (септем) \ 7?	Буш-дю-Рон		
55	Вадене	Марна		
56	Ренн	Иль и Вилен		
57	Ле-Тюке	Па-де-Кале		
58	Безансон	Ду		
59	Понтуаз	Сена и Уаза		
60	Шатоден	Эр и Луар		
61	Тур	Эндр и Луара		
62	Мец	Мозель		
63	Брив	Коррез		
64	Тюль	Коррез		
65	Перно	Марна		
66	Ай (Шампань)	Марна		
67	Нанси	Мерт и Мозель		
68	Родез	Аверон		
69	Мурмелон	Марна		
70	Желуда	Верхняя Гаронна		

№№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
71	Майи	Об		
72	Сен-Лю	Манш		
73	Бренвиль	Кальвадос		
74	Шербург, лагерь 4	Манш		
75	Шербург, лагерь 1, 2, 3	Манш		
76	Монпелье	Эро		
77	Аббевиль	Сомма		
78	Доль	Юра		
79	Ажен	Ло и Гаронна		
80	Ривзальг	Восточные Пиреней		
81	Шалон-сюр-Сон	Сона и Луара		
82	Сан-Пьер-Эглиз	Манш		
83	Болье	Гер		
84	Компьен	Уаза		
85	Суассон	Уаза		
86	Конангр	Марна		
87	Шалон-сюр-Мари	Марна		
88	Реймс	Марна		
89	Сермез-ле-Бен	Марна		
90	Рамбервилер	Вогезы		
91	Аррас	Па-де-Кале		
92	Энен-Льетар	Па-де-Кале		
93	Бове	Уаза		
94	Бордо	Жиронда		

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
95	Ле Манс	Сарт		
96	Сент-Омер	Па-де-Кале		
97	Мезьер	Арденны		
98	Труа	Об		
99	Бурбон	Марна		
100	Дижон	Кот-д'Ор		
101	Коткидан	Морбиан		
102	Арувиль	Мерт и Мозель		
103	Брест	Финистер		
104	Макон	Сона и Луара		
105	Везуль	Верхняя Сона		
106	Ля Прюг	Луара		
107	Анш	Эр и Луар		
108	Фуа и ле Верне	Арьеж		
109	Эперне	Марна		
110	Тарб	Верхние Пиренеи		
111	Жер	Эр и Луар		
112	Сент Поль	Ло		
113	Либури	Жиронда		
114	Саль	Нижний Рейн		
115	Фратюр	Льеж		
116	Мерцпирх	Мозель		
117	Шато Байе	Сена и Уаза		
118	Саргемин	Мозель		

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
119	Сюип	Марна		
120	Клермон Ферран	Пюи-де-Дом		
121	Луганж	Мерт и Мозель		
122	Бурж	Шер		
123	Сан	Ионна		
124	Бетюн	Па-де-Кале		
125	Булонь	Па-де-Кале		
126	Монтрёй	Па-де-Кале		
127	Моранж	Мозель		
128	Айн	Пюи-де-Дом		
129	Ландр (Верден)	Мёз		
130	Монтестрю-сюр-Жер	Жер		
131	Мютциг	Нижний Рейн		
132	Пуатье	Вьенна		
133	Роншен	Нюр		
134	Сен-Медар	Жиронда		
135	Вире	Арденны		
Италия*				
1	«Святой Андрей»	ок. Рима		
2	№ 368, Гарианто			
3	Резина	Неаполь		
4	№ 209, Афрагол			
5	№ 326, Аверсе			

* Лагеря в Италии находились под контролем англо-американского командования.

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
6	Чинагита	Рим		
7	№ 159	Рим		
8	Модена			
9	Солерно	Неаполь		
10	Ливарно			
11	Флоренция			
12	Бари			
13	Анкона			
14	ок. Пизы			
15	№ 368			
16	Чизенатико			
17	№ 16			
18	№ 5с			
19	№ 158			
20	Милан			
21	Турин			
22	Генуя			
23	Бергамо			
24	Больцано			
25	Удина			
26	Канальяно			
27	Пьяченца			
28	Болонья			
29	Пиза			

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
30	Пезаро			
Бельгия				
1	Турнец	Брюссель		
2	Вирнет	Брюссель		
3	Брюссель	Брюссель		
4	Касто	Монс		
5	Жеври			
6	Моусиер			
7	Лембек	Брюссель		
8	Шарлеруа			
9	Малмени	Мумени		
10	Вильварде			
11	Бонкур			
12	Льеж			
13	Онден			
14	Годыня			
15	Люстине			
16	Брюссель			Перес. пункт
17	Льеж			Перес. пункт
18	Кеси			
19	Льеж			В. часть 1987
20	Намюр			
21	Гуи			
22	Внси			
23	Гарши			В. часть 1988

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
24	Варем			
25	Куй			
26	Бреда			
Люксембург				
1	Люксембург			
2	Шлайф Лиоле			
3	Лалинген			
4	От			
5	Клер Шей			
6	Портал Тип			
7	Фердинген			
8	Дюдиминген			
Голландия				
1	Тильбург			
Дания				
1	К.Б.Халлен			Смен.
2	Хенриксхольм			Смен.
3	Гуррехус			Латв.
4	Хорнбек			Смен.
5	Штенсберг			Эст.
6	Ныминдегаб			Лит.
7	Архус			Эст.
8	Архус			Латв.
9	Факсе Лядеплада			Латв.

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
10	Холеби			Латв.
11	Кольдинг			Смеш.
12	Обенро			Смеш.
13	Хольстебро			Смеш.
14	Ольборг			Латв.
15	Ольборг			Латв.
16	Тведостедт			Смеш.
Финляндия*				
1	Сборный лагерь № 1	Настала	8120	
2	Сборный лагерь № 2	Наараярви	7650	
3	Лагерь военнопленных № 1	Каулиэ	3472	
4	Лагерь военнопленных № 3	Мустоссори	304	
5	Лагерь военнопленных № 5	Вяртсундия	1058	
6	Лагерь военнопленных № 7	Ханко	6357	
7	Лагерь военнопленных № 8	Сякюния	478	
8	Лагерь военнопленных № 9	Ханко	1057	
9	Лагерь военнопленных № 14	Керимяки	4030	
10	Лагерь военнопленных № 16	Ильмайока	3340	
11	Лагерь военнопленных № 19	Оулу	2445	

* Численные данные — по фактическому наличию (общее количество: 43.169 чел.).

№	Название	Район (графство, департамент)	Кол-во людей	Примечания
12	Лагерь военнопленных № 24	Мустосесфри	534	
13	Лагерь военнопленных № 32	Вуолкиски	1077	
14	28 рота военнопленных	Иоройнек	159	
15	Лазарет № 28	Коккола	849	
16	Лазарет № 65	Раудаскюля	800	
17	Военгоспиталь № 59	Раудаскюля	16	
18	Лагерь для интернированных	Пернез	1423	

Источники:

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 125—130 и 134—135, приложение № 22 к Отчету-1.

Репатриация советских граждан в 1944 году
(за 31.10.—30.12.1944, чел.)

Даты	У ч т е н о			П р и б ы л о в С С С Р				
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Из них:	
		Военно- пленн.	Гражд. лица		Военно- пленн.	Гражд. лица	Жен- щин	Детей
31.10	221.223 н.д. н.д.	87.814 н.д. н.д.	133.809 н.д. н.д.	40.025 н.д. н.д.	30.906 н.д. н.д.	9.119 н.д. н.д.	269	295
10.11	352.485 104.033 466.518	139.582 12.250 151.832	222.923 91.786 314.709	80.342 н.д. н.д.	50.935 н.д. н.д.	29.407 н.д. н.д.	2.408	1.660
20.11	379.223 131.529 510.752	147.700 16.696 164.396	231.623 114.833 346.456	84.331 77.058 161.389	51.505 4.665 56.170	32.826 72.393 105.219	2.408	1.660
30.11	381.871 139.763 521.634	227.747 23.893 251.640	154.124 115.870 269.994	92.854 94.337 187.191	58.316 23.893 82.209	34.538 70.454 104.982	2.408	1.660
10.12 *	380.961 547.446 928.407	221.143 23.893 245.036	159.818 523.553 683.371	99.159 502.030 601.189	58.971 23.893 82.864	40.186 478.137 518.325	195.669	201.338
20.12 **	383.664 790.593 1.174.257	217.615 261.921 479.536	166.049 528.672 694.721	116.464 752.868 869.332	59.082 261.921 321.003	57.382 490.947 554.329	233.092	238.086
30.12 ***	400.704 910.572 1.311.276	252.338 253.829 506.167	148.366 656.743 805.109	162.403 887.995 1.050.398	89.520 253.829 343.349	72.833 634.166 707.049	240.995	244.278

Примечания:

верхняя строка в ячейке — репатриировавшиеся из-за границы, средняя строка — «внутренние перемещенные лица», нижняя — общее количество репатриантов.

Источник:

Сводки № 2—8 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 4. Л. 1—14).

* С учетом 502.030 т.н. «ранее прибывших», из них 94.357 чел. из республик Прибалтики и 407.683 гражданских лиц из временно оккупированной территории УССР и РСФСР.

** С учетом ранее освобожденных действующими фронтами (и, видимо, ранее не зачтенных) 238.028 б. военнопленных

*** С учетом ранее освобожденных действующими фронтами (и, видимо, ранее не зачтенных) 163.406 б. военнопленных и гражд. лиц

**Репатриация «внутренних перемещенных лиц»
(на 30.12.1944, чел.)**

Республики	Учтено			Прибыло в СССР		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		Военно- пленные	Гражд. лица		Военно- пленные	Гражд. лица
РСФСР	164.011	152.955	11.056	164.011	152.955	11.056
УССР	548.857	23.009	525.848	548.857	23.009	525.848
БССР	65.297	53.972	11.325	65.297	53.972	11.325
ЭстССР	34.041	12.031	22.010	30.908	12.031	18.877
ЛатССР	37.267	2.281	34.986	17.823	2.281	15.542
ЛитССР	61.099	9.581	51.518	61.099	9.581	51.518
ВСЕГО	910.052	253.829	656.743	887.995	253.829	634.166

Источник:

Сводка № 8 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР на 30.12.1944 (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 4. Л. 14).

**Сводные данные о репатриации советских граждан с ранее
оккупированной части территории СССР**
(за 25.—31.07.1945, тыс. чел. / %)

Группа войск	Всего	Из них:			
		Отправлено в СССР	Отправлено в запасные части	Арестовано	Находятся в ИФП и лагерях
Германия	1.222.766	353.868	н.д.	783	869.115
Центральная группа войск	291.310	98.980	40.773	59	152.450
Северная группа войск	641.611	62.251	223.179	587	246.587
Южная группа войск	60.067	5.487	22.808	1.404	30.968
Восточная Пруссия	165.766	34.624	99.119	2.421	109
Итого	2.380.737	554.487	385.875	5.254	1.299.229

Примечание:

в таблице содержатся очевидные арифметические несообразности, исправить которые не представляется возможным.

Источник:

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 40. Д. 2. Л. 2—5.

**Динамика потока репатриантов
и внутренних перемещенных лиц
(10.12.1944 — 1.01.1952, чел.)**

Дата	Общее количество репатриантов и внутренних пере- мещенных лиц		В том числе			
			Репатрианты		Внутр. перемещенные лица	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
10.12.1944	601.189	100,0	99.159	16,5	502.030	83,5
20.12.1944	869.332	100,0	116.464	13,4	752.868	86,6
30.12.1944	1.050.398	100,0	162.403	15,5	887.995	84,5
10.01.1945	1.079.500	100,0	184.863	17,1	894.637	82,9
20.01.1945	1.144.420	100,0	197.841	17,3	946.579	82,7
01.02.1945	1.185.682	100,0	226.235	19,1	959.447	80,9
10.02.1945	1.205.447	100,0	244.408	20,3	961.039	79,7
20.02.1945	1.232.444	100,0	267.825	21,7	964.619	78,3
01.03.1945	1.255.949	100,0	287.785	22,9	968.164	77,1
10.03.1945	1.311.359	100,0	335.983	25,6	975.376	74,4
20.03.1945	1.373.178	100,0	351.397	25,6	1.021.781	74,4
01.04.1945	1.448.933	100,0	424.458	29,3	1.024.475	70,7
10.04.1945	1.532.532	100,0	503.295	32,8	1.029.237	67,2
10.05.1945	1.855.864	100,0	784.770	42,3	1.071.094	57,7
01.06.1945	1.946.326	100,0	880.732	45,3	1.065.594	54,7
10.06.1945	2.097.738	100,0	1.000.805	47,7	1.096.933	52,3
20.06.1945	2.396.154	100,0	1.277.413	53,3	1.118.741	46,7
01.07.1945	2.433.520	100,0	1.307.004	53,7	1.126.516	46,3

Дата	Общее количество репатриантов и внутренних пере- мещенных лиц		В том числе			
			Репатрианты		Внутр. перемещенные лица	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
10.07.1945	2.565.129	100,0	1.438.049	56,1	1.127.080	43,9
01.03.1946	5.352.963	100,0	4.199.488	78,5	1.153.475	21,5
01.01.1952	5.457.856	100,0	4.304.381	78,9	1.153.475	21,1

Источники:

Земсков, 1990, с. 34; Земсков, 1995, с. 9, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 4, 8, 12, 18, 28, 33, 38, 43, 49, 55, 60, 65, 70, 75, 79, 82, 88; Д. 22. Л. 1, 7, 9, 13; Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223; Д. 7. Л. 157; Шеваков, 1994, с. 199—200 (данные за 10.05.1945).

План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-лейтенант К.Д.Голубев и Представитель Верховного Главнокомандующего Союзных Экспедиционных сил генерал-майор Р.В.Баркер, руководствуясь Крымским соглашением по вопросам о репатриации от 11 февраля 1945 г., составили следующий план передачи бывших военнопленных и граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзников:

1. Все бывшие военнопленные и граждане СССР, освобожденные войсками союзников, и все бывшие военнопленные и граждане союзных государств, освобожденные Красной Армией, будут переданы через линию войск соответствующему военному командованию сторон.

2. Передачу и прием начать через 24 часа после подписания настоящего плана и производить в следующих приемно-передаточных пунктах:

- а) на территории войск Красной Армии: ВИСМАР (восточная часть), КРИВИТЦ, ПАРХИМ, МАГДЕБУРГ (восточная часть), ДЕССАУ, ТОРГАУ, РИЗА и по дополнительной дислокации командования Красной Армии еще в двух пунктах в районах восточнее ШТЕНДАЛЬ <ШТЕНДАЛЬ — П.П.> и ПЛАУЭН и в двух пунктах для приема советских граждан, передаваемых командованию союзных войск с территории Австрии;
- б) на территории войск союзников: ВИСМАР (западная часть), ВЮСТМАРК, ЛЮДВИГСЛУСТ, МАГДЕБУРГ (западная часть), ЛЕЙПЦИГ, ШТЕНДАЛЬ <ШТЕНДАЛЬ — П.П.>, ПЛАУЭН и два пункта на территории Австрии по дополнительной дислокации Верховного Главнокомандующего Союзных Экспедиционных сил.

3. Транспортировка всех советских граждан, указанных в п. 1, из глубины Германии, территорий союзных стран и территорий под контролем союзного командования на приемно-передаточные пункты, перечисленные в п. 2 этого плана, будет осуществляться всеми имеющимися в распоряжении союзного командования транспортными средствами.

Передвижение бывших военнопленных и граждан СССР с приемно-передаточных пунктов союзных армий на приемно-передаточные пункты, расположенные на территории Красной Армии, будет осуществляться транспортом, выделяемым командованием союзных войск, если необходимо, маршем для физически здоровых людей на расстояние, не превышающее однодневный переход (25—30 км) за время всего пути следования.

Этим транспортом в обратный рейс будут перевозиться бывшие военнопленные и граждане союзных стран, освобожденные Красной Армией.

4. Ежедневную пропускную способность каждого приемо-передаточного пункта определить в 2—5 тысяч чел. для каждой из сторон. Темпы передачи и количества передаваемых сторонами контингентов, указанных в п. 1, не будут прекращаться или уменьшаться по причине отсутствия этих контингентов у другой стороны.

5. Все репатрируемые, указанные в п. 1, могут взять все личное имущество (одежду, обувь, постельную принадлежность, часы, велосипеды и пр. негромоздкие вещи, а также продовольствие).

6. Необходимая документация при приеме и передаче контингентов, указанных в п. 1 (списки, акты приема и передачи и т. д.), будет производиться по совместной договоренности местного командования каждой из сторон.

7. Репатрианты в пути следования будут обеспечены питанием до момента окончательной передачи их на приемо-передаточных пунктах.

8. Транспортабельные больные и раненые, в том числе и туберкулезные, передаются в первую очередь. Инфекционные и венерические больные в заразной стадии будут оставаться на излечении в госпиталях до окончания заразного периода. Все общавшиеся с инфекционными больными будут карантинизированы. На сборных пунктах всем репатриантам будет предоставлена возможность мыться в бане, и они пройдут дезинфекцию сухим способом. О всех случаях инфекционных заболеваний в лагерях и в пути будет доложено принимающим властям.

9. Командование обеих сторон предпримет соответствующие меры на территории, находящейся под их контролем, для извещения и сбора бывших военнопленных и граждан, указанных в п. 1, на сборные пункты с целью их быстрой репатриации.

10. Командование каждой стороны отдаст соответствующие распоряжения для немедленного выполнения настоящего плана в возможно кратчайший срок.

Подписано в г. ГАЛЛИЕ 22 мая 1945 г. в "13" час. "00" мин. по западноевропейскому времени.

ПО УПОЛНОМОЧИЮ
СТАВКИ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
ЗА ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
СОЮЗНЫХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ
СИЛ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ГОЛУБЕВ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Р.В. БАРКЕР

Источник:

ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 23—24.

<Опросный лист СМЕРШ>*

Н К О

Отдел контрразведки "СМЕРШ"армии

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

194... года месяца..... дня.....

1. Фамилия:
2. Имя и отчество:
3. Дата рождения:
4. Место рождения:
5. Национальность:
6. Партийность: партстаж
№ партбилета (когда и кем выдан партбилет):
7. Профессия и специальность:
8. Последнее место жительства до призыва в армию:
9. Последнее место работы и должность до призыва в армию:
10. Состав семьи (близкие родственники, их имена и фамилии, род занятий и адреса):
11. Образование (общее, специальное):
12. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
13. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и другие (когда, за что):
14. Имеются ли репрессированные при советской власти родственники:
15. Участие в бандах (контрреволюционных организациях и восстаниях):
16. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при советской власти:
17. Когда и каким военным комиссариатом призван в армию:
18. Служба в Красной Армии, когда и в качестве кого:
19. Звание и последняя должность в Красной Армии:
20. Личный (матрикулярный) номер:
21. Название войсковой части и род войск, где служил в последнее время:
22. Находился ли в окружении или в плену (если в окружении, то название местности):
23. Когда, где и при каких обстоятельствах попал в плен или окружение:
24. В каких лагерях военнопленных содержался в Германии:

* Описание источника: Опросные листы — на 4 листах, состоят из 30 вопросов. На первой странице, в левом верхнем углу — отпечаток пальцев, с номером и датой. Хранятся в областных Управлениях КГБ (сообщено Н.Г.Охотиним).

**<Опросный лист ЧГК для возвратившихся на родину
из германской неволи>***

1. Фамилия, имя и отчество:
2. Год рождения:
3. Место рождения:
4. Домашний адрес:
5. Где и кем работал до угона в германскую неволю:
6. Когда был угнан (год, месяц), из какого города, района, села:
7. Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил насильственным угодом и кто им помогал:
8. Куда был направлен (страна, город, район):
9. Краткое изложение условий и обстоятельств пути на германскую каторгу:
10. Как происходило на месте направление на работу (купля-продажа, осмотр на бирже труда, направление под конвоем, заключение в концентрационный лагерь и т.д.):
11. Где работал (подробное название предприятия, фамилия и имя владельца, хозяина, хозяйки, их приметы):
12. Адрес предприятия (страна, город, район, улица, номер дома):
13. Адрес местожительства хозяев (город, район, улица, номер дома):
14. Краткое изложение условий работы и жизни в неволе (род работы, число часов работы, оплата, питание, жилище, снабжение необходимыми предметами — обувью, одеждой и др., охрана и т.д.):
15. Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев, хозяек и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю:
16. Перечисление лиц администрации предприятия, лагеря, общежития, полицейских и других лиц, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан (фамилии и имена, должности, по возможности адреса их, приметы), а также членов семьи хозяев с характеристикой их отношения:
17. Замечаний нет:

Подписи опрашиваемого:
и опрашивающего:

Печать:

Типография изд-ва «Московский рабочий». Чистые пруды, 8.
Заказ 1402. Тираж 500.000

* Описание источника: Опросные листы — на 3 листах, состоят из 17 эмоционально сформулированных вопросов (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 40. Д. 829).

АНКЕТА

на гражданина СССР, возвратившегося в СССР через _____ границу

1. Фамилия, имя, отчество Если фамилия, имя, отчество изменены, то когда, почему и какую фамилию носил до изменения				
2. Год, месяц и число рождения				
3. Место рождения (республика, край, обл., район, село по новому адм. делению)				
4. Последнее местожительство и адрес: а) до начала войны или призыва в армию б) до убытия за границу				
5. Национальность, родной язык, каким иностранным языком владеет, в какой степени				
6. Партийность. В какой организации состоял до оккупации (плена)				
7. Где находятся парт., комсом. документы (когда, куда, кому сдал, порвал, отобраны оккупантами, где, кем)				
8. Образование, когда, где учился, что окончил				
9. Профессия, специальность				
10. Судимость при Сов. власти (кем, когда, за что и мера наказания)				
11. Сведения о трудовой деятельности до оккупации или призыва в Красную армию, начиная с 1939 г.				
Даты		Название учреждения, предприятия	Должность, выполняемая работа	Адрес учреждения, предприятия (республ., край., обл., район, село)
Поступления	Увольнения			

12. Отношение к воинской службе (род войска, последнее звание, кадровый или призван во время войны, когда и каким военкоматом)				
13. Участие в боевых операциях (где, когда в составе каких частей, был ли ранен, контужен). Награды за боевые операции				
14. Прохождение службы в Красной Армии с 1939 г.:				
Даты		Название (номер) части (в состав какого соединения и фронта входила часть)	Должность, звание	Местонахождение части
Зачисления	Отчисления			
15. Где, когда и при каких обстоятельствах попал в плен или окружение				
16. При каких обстоятельствах попал на оккупированную советскую территорию				
17. Сколько раз, когда, где задерживался, допрашивался военными, полицейскими органами, гестапо на оккупированной советской территории, по каким вопросам. Если судился, каким судом, за что, срок наказания, где отбывал, кем и когда освобожден: каким другим репрессиям подвергался (сам и семья) со стороны оккупантов				
18. Сведения о роде занятий и месте жительства на оккупированной советской территории:				
Даты		Название учреждения, предприятия, фамилия предпринимателя	Должность, выполняемая работа	Адрес местожительства
Поступления	Увольнения			

19. Когда и при каких обстоятельствах попал на территорию воюющих с СССР стран или в оккупированную Германией страну (выяснить подробно, попал ли за границу в качестве военнопленного, мобилизованного или выехал добровольно)					
20. Вызывался ли за границей на допросы, кем, когда, в связи с чем. Если судился, где, когда, каким судом, за что, срок наказания, где содержался, при каких обстоятельствах и когда освобожден					
21. Сведения о роде занятий и месте жительства за границей:					
Даты		Название учреждения, предприятия, фамилия предпринимателя	Адрес учреждения, предприятия (страна, окр., уезд, город, село)	Какую работу выполнял и где жил (точный адрес) и по каким документам	
Поступления	Увольнения				
22. Служил ли в армиях воюющих с СССР стран или других воинских антисоветских формированиях (указать в каких частях, когда, должность, звание)					
23. Кого из советских граждан знает, как изменников Родины, предателей и пособников (указать фам., имя, отч., установочные данные и в чем выражалась их изменническая деятельность и где они сейчас находятся)					
24. Когда и при каких обстоятельствах вернулся в СССР или прибыл на границу СССР (одиночным порядком или в группе (с кем), явился добровольно или задержан, кем, когда)					
25. Сведения о семье и близких родственниках (отец, мать, жена, дети, братья, сестры) по последним известным ему сведениям (с указанием года, даты)					
Фамилия, имя и отчество	Возраст	Степень родства	Постоянное место жительства и род занятий до войны	Где проживают (адрес) и чем занимаются (по последним данным), если выбыли с постоянного места жительства (куда), погибли, умерли, откуда ему стало это известно	

**Распределение невозвращенцев
по основным национальностям и странам проживания
(по состоянию на 01.01.1952, чел.)**

Страна	Русские	Украинцы	Белоруссы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Другие	Всего
ГЕРМАНИЯ								
Англ. зона	1333	9797	—	14003	4690	2680	—	32503
Амер. зона	6866	21706	—	12110	5043	4049	—	49774
Франц. зона	384	271	—	917	663	313	—	2548
Итого	8583	31774	—	27030	10396	7042	—	84825
АВСТРИЯ								
Англ. зона	1422	3116	169	263	116	60	199	5345
Амер. зона	3123	4133	965	573	253	187	860	10094
Франц. зона	68	2397	120	261	292	190	124	3452
Итого	4613	9646	1254	1097	661	437	1183	18891
Всего по Германии и Австрии	13196	41420	1254	27127	11057	7479	1183	103716
Англия	4990	39971	4986	20036	20034	10019	—	100036
Австралия	5700	12881	1062	15017	10271	4524	852	50307
Аргентина	571	1847	22	432	280	42	3891	7085
Бельгия	471	5238	135	5420	1771	1295	399	14729
Бразилия	64	1747	2	1328	498	29	42	3710
Боливия	2	—	—	1	1	—	—	4
Венесуэла	265	1031	34	504	902	68	—	2804
Голландия	43	1337	15	575	96	102	555	2723

Страна	Рус-ские	Укра-инцы	Бело-руссы	Латы-ши	Литов-цы	Эстон-цы	Другие	Всего
Дания	108	—	—	717	423	225	67	1540
Италия	58	306	—	60	—	—	13	437
Индо-Китай	—	—	—	—	—	—	335	335
Испания	11	87	10	6	—	21	46	181
Ирак	—	—	—	—	—	—	2	2
Канада	2615	17756	1	6039	7679	4583	8	38681
Колумбия	—	—	—	—	43	—	—	43
Куба	1	—	—	—	3	—	—	4
Ливан	—	—	—	—	—	—	60	60
Люксембург	—	—	—	—	2	—	—	2
Марокко	6	53	—	220	8	49	19	355
Новая Зеландия	3	51	—	422	33	72	50	631
Норвегия	23	1050	57	1325	32	96	36	2619
Палестина	64	10	—	158	244	1	215	692
Польша	—	—	—	—	—	—	1066	1066
Перу	—	—	—	—	2	1	—	3
Парагвай	233	254	—	318	6	28	21	860
Румыния	—	—	—	—	—	—	1608	1068
США	1910	10630	101	10066	7779	4271	494	35251
Трансниордания	—	—	—	—	—	—	335	335
Турция	31	251	47	—	—	6	839	1174

Страна	Русские	Украинцы	Белоруссы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Другие	Всего
Филиппины	—	—	—	—	—	—	2	2
Финляндия	5	113	—	—	—	237	6606	6961
Франция	318	5385	126	4841	866	397	7742	19675
Чехословакия	—	—	—	—	—	—	594	594
Чили	16	103	2	15	5	5	4	150
Швейцария	—	—	1	31	2	5	451	489
Югославия	279	584	22	4	3	5	7	904
Южно-Африканский Союз	—	23	—	7	7	—	—	37
Швеция	94	312	100	3929	407	22459	259	27570
Др. страны	627	2494	1880	9616	947	2905	5717	24186
Всего по странам:	18508	103514	8602	81087	52344	51445	32345	347845
Всего по странам и зонам:	31704	144934	9856	109214	63401	58924	33528	451561

Источник:

Отчет-2, с. 5—6.

**Договор между ФРГ и Французской Республикой
о возмещении ущерба французским гражданам,
пострадавшим от национал-социалистических
преследований**

ФРГ и Французская Республика (далее — ФР) договорились о следующем:

Часть I. 1) ФРГ выплачивает ФР 400 млн. немецких марок в качестве компенсации за ущерб, причиненный во время национал-социалистических преследований тем французским гражданам, здоровье или свобода которых пострадали в результате этих преследований, а также прямым наследникам тех, кто на настоящий момент времени умер в результате этих преследований; 2) Распределение суммы предоставляется усмотрению правительства ФР.

Часть II. ФРГ выплачивает указанную сумму в три приема, в том числе 134 млн. марок не позднее 1 апреля 1961 года, 133 млн. марок не позднее 1 апреля 1962 года и 133 млн. марок не позднее 1 апреля 1963 года.

Часть III. Независимо от возможных притязаний французских граждан, возникающих на основе действующих законодательных актов или специальных переговоров, указанная в пункте 1) части I сумма является окончательной в отношениях между ФРГ и ФР в вопросах компенсации ущерба, причиненного французским гражданам во время национал-социалистических преследований.

Часть IV. Этот договор распространяется также и на землю Берлин в случае, если правительство ФРГ или правительство ФР не оспорит этого пункта в течение трех месяцев с момента подписания данного договора.

Часть V. 1) Данный договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен состояться в Париже в максимально короткие сроки. 2) Данный договор вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами.

Эти грамоты скрепляются подписями уполномоченных для этого лиц и сургучными печатями.

Подписано в Бонне 15 июля 1960 года в четырех идентичных экземплярах, из них два на немецком и два на французском языке.

За ФРГ А.Х.Шерпенберг, за ФР — Ф.Сиду.

Источник:

AA, Frankreich, Ref. 501—94.07, Bd. 668.

УСТАВ

Фонда взаимопонимания и примирения

1. Фонд взаимопонимания и примирения (далее именуется — Фонд) действует как государственное некоммерческое учреждение.

Фонд учреждается Советом Министром — Правительством Российской Федерации.

2. Целью Фонда является оказание материальной помощи бывшим советским гражданам, проживающим на территории бывшего Советского Союза, подвергавшимся преследованиям со стороны национал-социалистического режима.

3. В своей деятельности Фонд руководствуется договоренностью между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Украиной, с одной стороны, и Федеративной Республикой Германией — с другой, зафиксированной в нотах министров иностранных дел этих государств от 30 марта 1993 г., реализуя свои функции в пределах действующего законодательства Российской Федерации и настоящего Устава.

Фонд разрабатывает и представляет на утверждение Совету Министров — Правительству Российской Федерации необходимые условия для выплаты компенсаций, в том числе критерии тяжести причиненного здоровью ущерба и материального положения граждан, пострадавших от нацистских преследований, порядок подтверждения их прав на компенсацию, а также размеры и порядок ее выплаты.

По мере необходимости на территории Российской Федерации могут создаваться региональные представительства Фонда.

4. Фонд осуществляет свою деятельность как на территории Российской Федерации, так и за границей, с учетом соответствующих соглашений.

5. Денежные средства Фонда образуются за счет финансового вклада Федеративной Республики Германии, переведенного Фонду на основе договоренности, упомянутой в пункте 3 настоящего Устава, а также других поступлений и процентов по этим суммам.

6. Фонд может принимать пожертвования от физических и юридических лиц из-за границы и внутри страны, если жертвователь не оговаривает использование этих средств условиями или обязательствами, противоречащими целям Фонда.

7. Расходы Фонда на содержание правления, экспертной и кассационной комиссий, аппарата управления и на создание и поддержание его материально-технической базы покрываются за счет средств, которыми он располагает.

8. Свою деятельность Фонд осуществляет в сотрудничестве с общественными организациями из числа лиц, пострадавших в результате нацистских преследований.

9. Органами Фонда являются:

- а) Наблюдательный совет;
- б) Правление;

- в) Экспертная комиссия (по назначению компенсационных выплат);
- г) Кассационная комиссия.

10. Наблюдательный совет Фонда формируется из должностных лиц центральных органов федеральной исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и представителей общественных организаций, выполняющих свои обязанности на безвозмездной основе.

Состав Наблюдательного Совета Фонда утверждается Советом Министров — Правительством Российской Федерации.

В компетенцию Наблюдательного Совета Фонда входят:

- контроль за деятельностью Фонда;
- утверждение плана работы Фонда;
- утверждение бюджета Фонда и отчетов о его работе;
- утверждение штатного расписания и сметы расходов Фонда;
- установление порядка деятельности органов Фонда;
- разработка и представление на утверждение Совету Министров — Правительству Российской Федерации критериев распределения помощи и ее размеров, порядка подтверждения прав граждан на компенсацию и организации ее выплаты;
- назначение и отзыв членов кассационной комиссии;
- приглашение и отзыв независимых контролеров (аудиторов) для проверки финансового состояния Фонда;
- определение лиц, уполномоченных представлять Фонд и делать заявления от имени Фонда.

Наблюдательный Совет собирается по мере необходимости, но не менее четырех раз в год. Его решения принимаются простым большинством голосов в присутствии не менее половины членов Правления.

11. Правление Фонда состоит из председателя, трех заместителей, семи членов и секретаря.

Председатель правления Фонда, назначаемый и освобождаемый от должности Советом Министров — Правительством Российской Федерации по представлению Наблюдательного Совета, формирует состав правления Фонда.

В компетенцию правления Фонда входят:

- выработка плана деятельности Фонда, составление бюджета Фонда и отчетов и его деятельности, представление этих документов в Наблюдательный Совет Фонда на утверждение;
- назначение и отзыв председателя и членов экспертной комиссии;
- создание по мере необходимости территориальных представительств Фонда;
- организация работы экспертной и кассационной комиссий;
- организация выплаты компенсаций;
- представление Наблюдательному Совету Фонда штатного расписания и сметы расходов Фонда;
- представление Наблюдательному Совету Фонда предложений по ликвидации Фонда;
- другие полномочия, вытекающие из задач Фонда.

Правление принимает решения по текущим делам Фонда.

Решения правления принимаются простым большинством голосов в присутствии не менее половины его членов.

12. Экспертная комиссия по назначению компенсационных выплат жертвам нацистских преследований определяет круг лиц, которым должна выплачиваться компенсация, и ее размеры в соответствии с критериями, установленными в порядке, предусмотренном пунктом 3 настоящего Устава, и целью Фонда.

13. В спорных случаях заинтересованное лицо может направить обращение в Кассационную комиссию. Решение Кассационной комиссии является окончательным.

14. Фонд завершает свою деятельность после выплаты всех денежных средств, находящихся в его распоряжении. Ликвидация Фонда осуществляется в соответствии с ходатайством наблюдательного совета по решению Совета Министров — Правительства Российской Федерации.

Общий объем оказываемой Фондом помощи не может превышать суммы финансовых средств, которыми он располагает.

15. Фонд является юридическим лицом, имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием.

16. Местонахождение Фонда — город Москва.

Утвержден

Постановлением Совета Министров —
Правительством Российской Федерации
от 4 ноября 1993 г. № 1116

Штутенброкское обращение

С 22 по 24 апреля в городе Шлосс Хольте-Штутенброк собралось более 50 историков и участников групп мемориалов — для того, чтобы обменяться суждениями на тему «Советские военнопленные и лагеря для военнопленных в Германском Рейхе в 1941—1945 гг.».

Штутенброк — это место, где между 1941 и 1945 годами в невыносимо-бесправных условиях содержалось около 300 тыс. советских военнопленных. Из них 65 тысяч не пережили ужасов этого лагеря.

С тех пор и до сего дня советские граждане, преследовавшиеся при нацизме, прошедшие через плен, концлагерь и насильственный труд, не получили за это никакой «компенсации».

Соглашением, подписанным 16 декабря 1992 года канцлером Германии Гельмутом Коелем и Президентом России Борисом Ельциным, для жертв нацизма из бывшего СССР был выделен 1 миллиард марок. Распоряжение этими средствами отдавалось в руки российского, украинского и белорусского фондов «Взаимопонимание и Примирение». Однако претворение этой гуманитарной акции в жизнь требует обширных и конкретных усилий со стороны этих трех государств, поскольку их граждане — те, кому эта помощь предназначена, — часто ничего даже не знают о том, куда же им по этому вопросу следует обратиться.

Мы обращаемся к тем, кто ответственно подписался под упомянутым соглашением, взять на себя заботу о том, чтобы помощь жертвам национал-социалистического произвола дошла до них так, как это было предусмотрено в соглашении, — быстро и без бюрократических рогадок. Иметь же ясное представление о деятельности этих фондов остро необходимо еще и потому, что те, в чьих интересах они были созданы, — это, как правило, старые, больные и испытывающие материальную нужду люди. Они нуждаются в скорейшем получении положенных им выплат и в не теряющей проволоочки информации о том, что им для этого необходимо предпринять.

Как граждане Федеративной Республики Германии мы ощущаем себя ответственными за то, как заключенное соглашение претворяется в жизнь.

Мы просим сообщить нам следующее:

- где располагаются офисы соответствующих фондов в Москве, Киеве и Минске (адреса, телефоны, часы работы);
- где хранятся поступившие в фонд суммы (название банка, номер счета и т.п.) и какие существуют возможности для дополнительных перечислений из Германии, например, со стороны фирм, нажившихся в свое время на принудительном труде;
- как формировался Исполнительный комитет (правление) фондов и как при его формировании реализовано представительство затронутых соглашением граждан и их союзов, в также независимых наблюдателей (например, из общества «Мемориал»);

- кто персонально ответствен за использование средств;
- какие критерии выдачи денежной компенсации применяются;
- чем практически является процедура компенсации для тех, кому она предназначена;
- как информировалась и информируется по этим вопросам российская, украинская и белорусская общественность, причем под информацией подразумеваются регулярные и исчерпывающие сообщения в средствах массовой информации;
- как практически осуществляется представительство интересов затрагиваемых соглашением граждан балтийских государств и Молдовы (Литвы и Латвии — в России, Молдовы — на Украине и Эстонии — в Белоруссии) и как информировалась и информируется общественность в этих странах;
- к кому должны обращаться жертвы нацизма, проживающие на территории бывшего СССР, но вне пределов упомянутых семи стран.

Поскольку на принудительных работах в Германском Рейхе использовались и советские военнопленные, мы ожидаем, что также и они будут охвачены процессом гуманитарного урегулирования. В противном случае мы усматривали бы противоречие с уставными целями созданных фондов.

Мы обращаемся ко всем странам-участницам и соответствующим фондам поспешить с выполнением этого соглашения. К необходимым для этого действиям существует острейший императив — не опоздать, ибо каждый месяц проволоочки для тех, ради кого это соглашение заключено, может оказаться в их жизни последним.

Штукенброкк, 24 апреля 1994 г.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»

В целях восстановления исторической справедливости и законных прав российских граждан, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, оказавшихся на временно оккупированной территории и репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, учитывая выводы Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий и в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», п о с т а н о в л я ю:

1. Признать противоречащими основным правам человека и гражданина и политическими репрессиями действия партийного и государственного руководства бывшего СССР и меры принуждения со стороны государственных органов, принятые в отношении российских граждан — бывших советских военнослужащих, попавших в плен и окружение в боях при защите Отечества, и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, а также оказавшихся на временно оккупированной территории, которые по политическим мотивам необоснованно осуждались за государственные, воинские и иные преступления, направлялись в «штурмовые батальоны», в ссылку, высылку и на спецпоселение, подвергались проверке в сборно-пересыльных, специальных и проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах, в специальных запасных частях, «рабочих батальонах» Народного комиссариата обороны СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР, привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались иным лишениям или ограничениям прав и свобод.

2. Министерству обороны Российской Федерации обеспечить выдачу бывшим военнослужащим, перечисленным в пункте 1 настоящего Указа и не признанным участниками Великой Отечественной войны, удостоверения участника Великой Отечественной войны на основе записей в военных билетах и учетных карточках о пребывании в плену и окружении, архивных справок о прохождении проверок и фильтрации, других документов, подтверждающих эти обстоятельства.

3. Министерству социальной защиты населения Российской Федерации провести освидетельствование врачебно-трудовыми экспертными комиссиями бывших советских военнослужащих, перечисленных в пункте 2 настоящего Указа, в порядке, установленном действующим законодательством.

4. Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, установленных постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 1994 г. № 899 «Об утверждении Положения об условиях и порядке выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям», с отнесением этих расходов за счет Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания иных источников финансирования.

5. Действие настоящего Указа не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, а также на иных лиц, не подлежащих реабилитации согласно Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

6. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службе контрразведки Российской Федерации с участием заинтересованных министерств и ведомств Российской Федерации и по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации разработать необходимые нормативные документы по реализации положений настоящего Указа.

7. Федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять необходимые меры по выполнению настоящего Указа.

8. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль

24 января 1995 года

№ 63

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ам. — американский

АВП — Архив Внешней политики Министерства Иностранных дел Российской Федерации

АПРФ — Архив Президента Российской Федерации

б. — бывший

бр. — британский

БГМИВОВ — Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Минск.

БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВИ — журнал «Вопросы истории», Москва

ВИЖ — «Военно-исторический журнал», Москва

ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

Воропаев — Дневник советского военнопленного Сергея Воропаева (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 102. Д. 631)

Вр.и.о. — временно исполняющий обязанности

ВШО (Wirtschafts Stab Ost) — Экономический штаб «Ост» при ОКВ

г — грамм

г. — год

г. — город

ГА — группа армий

ГАМО — Государственный архив Минской области, Минск.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
(б. ЦГАОР — Центральный Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства)

ГАСК — Государственный архив Ставропольского края, Ставрополь

ГБА (GBA, Generalbeauftragte für den Arbeitseinsatz) — Главноуполномоченный по трудоустройству

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГКО — Государственный комитет обороны СССР

гл. — глава

ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР (до 1945 г. — УПВИ)

д. — дело, единица хранения (при описании архивных источников)

ДиПи (от англ.: «Displaced Person») — перемещенное лицо

ДАФ (DAF, Deutsche Arbeitsfront) — Немецкий Трудовой Фронт: общегерманский союз предпринимателей и служащих

д-р — доктор

Дулаг (Dulag, Durchgangslager) — промежуточный (транзитный) лагерь

Зам. — заместитель

ИА — журнал «Исторический архив», Москва.

Илаг (Ilag) — Лагерь для интернированных.

И.о. — исполняющий обязанности

ИРО (IRO, International Refugee Organisation) — Международная организация по делам беженцев

Кар-Фин.ССР — Карело-Финская ССР

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР

КОНР — Комитет за освобождение народов России

КПП — Контрольно-пропускной пункт

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КТБ (Kriegstagebuch der Wirtschafts Stab Ost) — Дневник боевых действий Экономического штаба «Ост» (ВШО)

л. — лист (при описании архивных источников)

М. — Москва

МВД — Министерство Внутренних Дел СССР

МГБ — Министерство Государственной Безопасности СССР

МИД — Министерство Иностранных Дел СССР (до 1946 г. — НКИД).

МКК — Международный Красный Крест (Internationales Rotes Kreuz)

НАРБ — Национальный архив Республики Беларусь, Минск

н.д. — нет данных

Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения СССР

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения СССР

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР (с 1946 г. — МВД)

НКИД — Народный комиссариат Иностранных Дел СССР (с 1946 г. — МИД)

НКО — Народный комиссариат обороны СССР

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР

НИИ — журнал «Новая и новейшая история», Москва

НСДАП (NSDAP, National-Sozialistische Partei Deutschlands) — Национально-социалистическая партия Германии

НТС — Национально-Трудовой Союз

о. — отец (православный священник)

об. — оборот листа.

ОЗД (Operativegebiet Don-Donec) — Оперативная зона группы армий «Дон-Донец»

ОЗЗ (Operativegebiet Süd) — Оперативная зона группы армий «Зюд» («Юг»)

ОЗК (Operativegebiet Kaukasus) — Оперативная зона группы армий «Кавказ»

ОЗМ (Operativegebiet Mitte) — Оперативная зона группы армий «Митте» («Центр»)

- ОЗН (Operativegebiet Nord) — Оперативная зона группы армий «Норд» («Север»)
- ОКВ (OKW: Oberkommando der Wehrmacht) — Верховное командование вооруженных сил Германии
- ОКХ (ОКН, Oberkommando des Heeres) — Верховное командование сухопутных сил
- оп. — опись (при описании архивных источников)
- ОПП — оздоровительно-профилактический пункт
- Отчет-1 — Отчет о выполнении решения правительства Союза ССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). [Проект] (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1 и 2).
- Отчет-2 — Отчет о выполнении решений правительства Союза ССР по проведению репатриации граждан СССР и граждан иностранных государств периода Великой Отечественной войны за 1946—1952 гг. (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 7).
- ОУН — Организация украинских националистов
- п. — папка (при описании архивных источников)
- п. — пункт (при описании указов, постановлений)
- ПВС — Президиум Верховного Совета СССР
- ПЛ — приграничный лагерь
- ПОСЕВ — газета «Посев. Еженедельник общественной и политической мысли», Лимбург-на-Лане
- ППП — приемно-передаточный пункт
- ПРП — приемно-распределительный пункт
- пф. — пфенниг
- ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь
- ПФП — проверочно-фильтрационный пункт
- РАН — Российская Академия наук
- РГАНИ — Российский государственный Архив новейшей истории, Москва (б. ЦХСД)
- РГАСПИ — Российский государственный Архив социально-политической истории (б. РЦХИДНИ)
- РГВА — Российский государственный военный архив, Москва
- РКО (Reichskommissariat Ostland) — Рейхскомиссариат Остланд
- РКУ (Reichskommissariat Ukraina) — Рейхскомиссариат Украина
- РМ — газета «Русская мысль», Париж.
- РМО (Reichsministerium für die besetzte Ostgebiete) — Имперское министерство по делам восточных земель
- РНС (Reichsnährstand) — Имперская служба снабжения продовольствием
- РОА — Русская Освободительная Армия
- РСХА (RSNA: Reichssicherheitsamt) — Имперская служба безопасности
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ — Российская Федерация.

РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (б. ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). См.: РГАСПИ.

с. — страница

СВАГ — Советская Военная Администрация в Германии

СД (SD, Sicherheitsdienst der SS) — Служба безопасности при СС

СИ — Журнал «Социологические исследования», Москва

СКК — Союзная Контрольная Комиссия

СМЕРШ (ГУКР/СМЕРШ) — Главное управление военной контрразведки (от «Смерть шпионам!»)

СМИД — Совет Министров Иностранных дел (союзных государств)

СМ — Совет Министров СССР

сн. — снимок (при описании архивных источников)

СНК — Совет народных комиссаров (Совнарком) СССР

сов. — Советский

СПП — Сборно-пропускной пункт

СС (SS, Schutzstaffel der NSDAP) — охранные отряды Национально-социалистической партии Германии

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

т. — том

тов. — товарищ

тр.ф. — трофейный фонд (при описании архивных источников)

УК — Уголовный кодекс

УНРРА — см. ЮНРРА

УПА — Украинская повстанческая армия

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

ф. — фонд (при описании архивных источников)

ФРГ — Федеративная Республика Германия

Хайлаг (Heilag, Heimkehrerlager) — лагерь для военнопленных, возвращающихся на родину.

Хиви (Hiwi, Hilfswillige) — букв.: «желающие помогать» — вспомогательные отряды из местных коллаборантов, из которых составлялись рабочие команды, тыловые части и различные службы

Шталаг (Stalag, Stammlager) — Стационарный лагерь для военнопленных

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск

ЦГАКФ — Центральный государственный архив кинофотодокументов РФ

ЦК — Центральный комитет

ЦМВС — Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации

ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций, Москва (б. ЦГОА — Центральный государственный особый архив)

ЦХДМО — Центр хранения документов молодежных организаций, Москва (б. Архив ЦК ВЛКСМ)

ЦХСД — Центр хранения современной документации, Москва (с 1999 г. — РГАНИ)

ч. — часть

ЧГК — Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

чел. — человек

ЮНППА (UNRRA, United Nations Relief and Rehabilitation Administration) — Администрация ООН по оказанию помощи и восстановлению

ЮСФЕТ (USFET: United States Forces in the European Theater) — Вооруженные силы США на Европейском театре <военных действий> (позднее: EUCOM).

АА — Archiv des Auswärtiges Amtes, Berlin (Архив Министерства иностранных дел ФРГ, Берлин)

Abt Kgf — Abteilung Kriegsgefangene (Отдел по делам военнопленных вермахта; входил в АВА)

AD-MAE — Archives Diplomatique-Ministère des Affaires Etrangères France (Дипломатический архив Министерства иностранных дел Франции, Париж)

AEGR — Der Arbeitseinsatz in Großem Reich. (Hg.) Der Beauftragte für den Vierjahresplan und der Generallbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz (см. литературу)

AfSG — Archiv für der Sozialgeschichte, Hamburg (Архив социальной истории, Гамбург)

АОК — Arbeitsortskrankenkasse (местные больничные кассы трудящихся)

АВА — Allgemeine Wehrmachtsamt (Служба общего руководства армии в ОКВ)

ВА — Bundesarchiv, Koblenz (Федеральный архив, Кобленц)

ВА/ВА — Bundesarchiv/Bildarchiv, Koblenz (Федеральный архив/Фотоархив, Кобленц)

ВА/МА — Bundesarchiv/Militärarchiv, Freiburg (Федеральный Военный архив, Фрайбург)

ВА/ЗНС — Bundesarchiv/Zentral-Nachweisstelle, Aachen (Федеральный архив/Центральная справочная служба, Аахен)

ВАР — Bundesarchiv, Abteilung Potsdam (Федеральный архив, Отделение Потсдам)

Bd. — Band (том)

BfZG — Bibliothek für Zeitgeschichte, Stuttgart (Библиотека новейшей истории, Штуттгарт)

Bl. — Blatt (лист)

Bt. — Bestand (фонд)

f. — folder (папка, картон)
ff. — folgende (следующие)
FAZ — «Frankfurter Allgemeine Zeitung», Frankfurt-am-Main (газета «Франкфуртер Альгемейне Цайтунг», Франкфурт-на-Майне)
FR — «Frankfurter Rundschau», Frankfurt-am-Main (газета «Франкфуртер Рундшау», Франкфурт-на-Майне)

Gestapo — Geheime Staatspolizei (Тайная государственная полиция, или гестапо)

Hg. (Hrsg.) — Herausgeber (составитель или редактор)

IfZ — Institut für Zeitgeschichte, München (Институт новейшей истории, Мюнхен)

IMT — International Military Tribunal, Nürnberg (Международный военный трибунал, Нюрнберг)

ITS — International Tracing Service, Arolsen (Международная служба поиска, Арользен)

Kdo — Kommando (командование)

Kgf — Kriegsgefangene (военнопленные)

Kripo — Kriminalpolizei (уголовная полиция)

KVChf — Kriegsverwaltungschef (начальник военного управления)

KVR — Kriegsverwaltungsrat (советник военного управления)

KZ — Konzentrationslager (концлагерь)

LAL — Landesarchiv Lichtenstein, Vaduz (Государственный архив Лихтенштейна, Вадуц)

MAE/Colmar — Ministère des Affaires Étrangères, Archives de l'Occupation Française en Allemagne et en Autriche, Colmar (Архив оккупационных зон Франции в Германии и Австрии Министерства иностранных дел Франции, Кольмар).

MSg — Materialiensammlung (Коллекция документов)

NA — National Archives and Record Service, Washington (Национальная архивная служба, Вашингтон)

OMGUS — Office of Military Government for Germany, United States (Служба Военного Управления США для Германии)

O.T. — Organisation Todt (Организация Тодта)

p. — page (страница)

PRO — Public Record Office, Kew-London (Государственный публичный архив, Лондон-Кью)

R. — Rückseite (оборот листа)

RAD — Reichsarbeitsdienst (Имперская Служба труда)

RAM — Reichsarbeitsministerium (Имперское Министерство труда)

RG — Record Group (фонд)
RGBI — Reichsgesetzblatt, Berlin (Имперский свод законов, Берлин)
RM — Reichssmark (рейхсмарка)
RMdF — Reichsministerium der Finanzen (Имперское Министерство финансов)
RMdI — Reichsministerium des Innern (Имперское Министерство внутренних дел)
RMdJ — Reichsministerium der Justiz (Имперское Министерство юстиции)
RMfBuM — Reichsministerium für Bewaffnung und Munition (Имперское Министерство вооружения и боеприпасов)
RüInsp — Rüstungsinspektion (инспекция по вооружению)
RüKdo — Rüstungskommando (командование вооружениями)

s. — Seite (страница)

SDKPBI — «Sonderausgabe zum Deutschen Kriminalpolizeiblatt». Hrsg. von Reichskriminalpolizeiamt in Berlin («Листок немецкой уголовной полиции. Специальное приложение», Берлин)

SHAEF — Supreme Headquarters of Allied Expeditionary Forces (Верховное командование Союзных экспедиционных сил)

SHAT — Service Historique de l'Armée de Terre, Paris (Историческая служба сухопутных войск, Париж)

StAM — Stadtarchiv, Marburg (Городской архив, Марбург)

WAS — Wehrmachtauskunftsstelle für Kriegsverluste und Kriegsgefangene, Berlin (Справочная служба вермахта о военных потерях и военнопленных, Берлин)

YIVO — YIVO Institute for Jewish Research, New York (Институт еврейской истории, Нью-Йорк)

ЛИТЕРАТУРА*

Агафонов (Глянцев) А.М. Записки бойца армии теней.. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — 456 с.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. История населения СССР. 1920—1959 гг. // Экспресс-информация. Сер. История статистики. Выпуск 3—5 (часть I). — М.: Госкомстат СССР, 1990. — 200 с.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922—1991. — М.: Наука, 1993. — 144 с.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение / Пер. с англ. — Лондон: ОРІ, 1990. — 370 с.

Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского Университета, 1990. — 208 с.

Аникеев А.А. О судьбе военнопленных и иностранных рабочих времен второй мировой войны // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Сб. докладов на региональной научно-практической конференции. — Ставрополь, 1995. — С. 120—138.

Арзамаскин Ю.Н. Советские органы репатриации в 1944—1946 гг. // Материалы по истории РОА., 1999а. — Вып. 4. — С. 258—284.

Арзамаскин Ю.Н. Международные и межсоюзнические организации по розыску и регистрации граждан Объединенных наций // Материалы по истории РОА., 1999б. — Вып. 4. — С. 285—381.

Арзамаскин Ю.Н. Репатриация советских и иностранных граждан в 1944—1953 гг.: военно-политический аспект. — М.: Военный ун-т, 1999в. — 248 с.

Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944—1953 гг. — М.: Приложение к газете «Станица», 2001. — 145 с. (Российская историческая военно-политическая библиотека).

Артемов А.Н., Артемова А.Н. Издательство «Посев». 1945—1985. [Каталог изданий]. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. — 120 с.

Баранов В. Дневник оstarбайтера / Предисл. и подгот. текста П.Поляна // Знамя. — 1995. — № 5. — С. 135—155.

* В списке литературы приведены только те источники, ссылки на которые встречаются в тексте не менее двух раз. Однократные ссылки раскрываются в примечаниях. Ссылки на источники из списка литературы даются или указанием фамилии и года выхода публикации, или (в случаях сборников документов и иных изданий без указания имени автора) — сокращенным обозначением заглавия. Ссылки на неопубликованные рукописи даются указанием имени автора и внутренней принадлежности рукописи, без какого бы то ни было указания года написания или издания.

Бауман Г. Г. «Без вести пропавший» / Публ. Е.П. Красильникова // Колова Н.П. (Отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). — Часть I. — М., 1991. — С. 231—256.

Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941—1944): Документы и материалы: В 2 кн. — Кн. 1 (1941—1942) / Сост. Г.Д.Кнатко, В.И.Адамушко и др. — Минск: НАРБ, 1996. — 304 с.

Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941—1944): Документы и материалы: В 2 кн. — Кн. 2 (1943—1944) / Сост. Г.Д.Кнатко, В.И.Адамушко и др. — Минск: НАРБ, 1997. — 472 с.

Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1944—1951): Документы и материалы. — Кн. 3: В 2 ч. Ч. 1 / Сост. Г.Д.Кнатко, В.И.Адамушко и др. — Минск: НАРБ, 1998. — 368 с.

Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1944—1951): Документы и материалы. — Кн. 3: В 2 ч. Ч. 2 / Сост. Г.Д.Кнатко, В.И.Адамушко и др. — Минск: НАРБ, 1998. — 678 с.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.): Сб. документов / МИД СССР. Гл. ред. А.А.Громыко. — М.: Политиздат, 1984. — 511 с. — (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI) (При ссылах: Берлинская конференция).

Битва за Берлин. (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы // Русский архив: Великая Отечественная. — М.: Терра, 1995. — Т. 15 (4—5). — 616 с.

Богатырчук П.Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. — Сан-Франциско, 1978.

Брычев Н. Домой на Родину! — М.: Воениздат, 1945. — 216 с.

Брюханов А. Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. — М.: Госполитиздат, 1958. — 208 с.

Букалов Д. Оstarбайтеры Донбасса // Корни травы. Сб. статей молодых историков. — М.: Мемориал, 1996. — С. 155—159.

Васильев В. [Соколов В.В.]. По поводу одной фальшивки [В связи с выходом монографии Н.Толстого «Жертвы Ялты»] // Междунар. жизнь. — 1978. — № 8. — С. 124—128.

Вашенко Н.В. Из жизни военнопленного // Всерос. мемуарная б-ка. Сер. Наше недавнее. — Париж: УМСА-Press, 1987. — Вып. 7. — С. 242—276.

Вербицкий Г. Насильственная репатриация или счастливое возвращение? // Россия XXI. — 1995. — № 5—6. — 182 с.

Вербицкий Г.Г. Почта оstarбайтеров Второй мировой войны. Документы и переписка. — Tenaflu: Hermitage, 1996. — 232 p. (на русск. и англ. яз.).

Вербицкий Г.Г. Выдача в Лиенце // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. — 1996а. — № 4. — С. 173—182.

Вербицкий Г.Г. Судьбы россиян — оstarбцы и военнопленные // Россия XXI. — 1996б. — № 5—6. — С. 187—192.

Вербицкий Г.Г. Насильственные выдачи россиян в 1944—1947 гг. в литературе на английском языке // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. — 1999. — № 7—8. — С. 429—433.

Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. Документы и материалы. 4 сентября — 31 декабря 1945. — М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1949.

Внешняя политика Советского Союза в годы Великой отечественной войны. Документы и материалы. В 2 т. — М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1946.

Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // ВИЖ. — 1990. — № 9. — С. 39—46.

Галицкий В.П. Репатриационная политика советского правительства во второй мировой войне и после нее // Трагедия плена. — Красногорск, 1996. — С. 110—112.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. / Под общ. ред. Г.Ф.Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. — 416 с.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Пер. с польск. Я.О.Немчинского. Вступит. статья С. К.Тимошенко. Под ред. Д.С. Карева. — М.: Изд-во ин. лит-ры, 1963.

Оригинал: Datner S. Zbrodnie wehrmachtu na jencach wojennych w II Wojne Swiatowej. — Warszawa, 1961.

Двинов Б. Власовское движение в свете документов (С приложением секретных документов). — Нью-Йорк, 1950. — 121 с.

Драгунов Г.П. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // Вопросы истории. — 1995. — № 2. — С. 123—132.

Дробязко С.И. Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Материалы по истории РОА, 1999. — Вып. 4. — С. 51—115.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным // Исследования новейшей русской истории. — Париж: YMCA-Press, 1994. — Т. 11. — 433 с.

Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // ВИ. — 1996. — № 11—12. — С. 140—151.

Зайцев Е.А. (Сост.) Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М.: Республика, 1993. — 224 с.

Захаров В.В. Сталинская «наука воевать»: генерал А.А.Власов и трагедия 2-й Ударной (Говорят архивные документы) // Материалы по истории РОА, 1999б. — Вып. 4. — С. 9—50.

Зайончковская Ж.А., Полян П.М. Остарбайтеры: в Германии и дома (По материалам анкетного обследования) // In Memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. — Санкт-Петербург, 1995. — С. 396—413.

Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1951 гг. // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 26—41.

Земсков В. Репатриация советских граждан в 1945—1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI. — 1993. — № 5. — С. 74—81.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930—1959 гг.) // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. — М., 1994. — С. 145—194.

Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.) // СИ. — 1995 — № 5 — С. 3—13.

Земсков В. Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц // Россия XXI. — 1995. — № 5—6. — С. 183—192.

Зотов Г. Я побывал на Родине. — Мюнхен: Свободный голос, 1957. — 160 с. (Под ред. и с послесл. Ю.Большухина).

Ильенков С.А., Мухин В.В., Полян П.М. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник // ННИ. — 2000. — № 2. — С. 147—155.

История второй мировой войны. 1939—1945: В 12 т. — М.: Воениздат, 1973—1982. — Т. 1—12.

К 50-летию победы в Великой отечественной войне 1941—1945 гг.: Стат. сб. — М.: Межгосударств. стат. комитет Содружества Независимых Государств, 1995. — 128 с.

Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. — 3-е изд. — М.: Посев, 1994. — 344 с.

Казематами смерти / Ред. П.П.Лялякин. — М.: Мысль, 1996. — 317 с.

Карпов Н. Маленький Ostarbeiter: [Повесть] // Согласие. — 1992. — № 8—9. — С. 59—82.

Кнышевский П. Добыча. Тайны германских репараций. — М.: Соратник, 1994. — 144 с.

Князев В.А. Условия жизни и здоровья лиц, преследовавшихся при фашизме // СИ. — 1996. — № 3. — С. 134—140.

Комолова Н.П. (Отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). — М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1991. — Часть I: В партизанском движении; Часть II: Противостояние фашизму в нацистской неволе. — 464 с. (ед. пагинация)

Конасов В.Б. «Узники войны»: попытки решения проблемы на дипломатическом уровне (1941—1945) // Трагедия плена. — Красnogорск, 1996. — С. 138—141.

Кондаков Г.И. Остров Олдерни (Великобритания) и Франция / Публ. Т.А.Чернаковой // Комолова Н.П. (Отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). Часть II. М., 1991. — С. 256—361.

Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни / Всероссийская мемуарная библиотека. Сер.: Наше недавнее. Том 2. — Париж: YMCA-Press, 1984. — 282 с.

Краснов Н. Незабываемое. — Сан-Франциско, 1957.

Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 4—11 февраля 1945 г.: Сб. документов / МИД СССР. Гл. ред. А.А.Громыко. — М.: Политиздат, 1984, 302 с. — (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV).

Кто был кто в Великой отечественной войне 1941—1945. Люди. События. Факты: Краткий справочник / Под ред. О.А.Ржешевского. — М.: Республика, 1995. — 416 с.

Кузнецов Б.М. В угоду Сталину: В 3 ч. — Нью-Йорк, 1956—1966. (Часть I: 1956; Часть II: 1958; Часть III: 1966). — (Ротаторное издание).

Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914 — 1918 гг.) // ВИ. — 1998. — № 4. — С. 129—137.

Лугин И.А. Полплотка свободы // Всерос. мемуарная б-ка. Сер.: Наше недавнее. — Париж: YMCA-Press, 1987. — Вып. 6. — С. 159—294.

Людские потери в Великой отечественной войне. Сб. статей. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1995. — 192 с.

Материалы по истории русского освободительного движения. Статьи, документы, воспоминания / Под общей ред. А.В.Окорокова. — М.: Архив РОА, 1999. — Вып. 4. — 568 с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1945). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем. — М.: Воениздат, 1974. — 388 с.

Назаров М. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., доп. — Т. 1. — М.: Родник, 1994. — 416 с.

Науменко В. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945—1947): В 2 т. — Нью-Йорк, 1962—1970: (т. 1: 1962; т. 2: 1970).

Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации советских военнопленных. 1954—1956 гг. / Публ. В.П.Наумова и Л.Е.Решина // ИА. — 1995. — № 2. — С. 108—126.

Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. — 1995. — № 12. — С. 99—105.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. — М., 1957—1961 (При ссылках: Нюрнбергский процесс-1).

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. — М., 1987—1991. — Вышли т. 1—5 (При ссылках: Нюрнбергский процесс-2).

Оккупация: I. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. / Публ. В.Козлова, С.Сомоновой и Н.Тепцова; II. Документы штаб-квартиры фюрера и немецкого командования о положении в оккупированных восточных областях / Публ. А.Пономарева // Неизвестная Россия. XX век. — М.: Мосгорархив, 1993. — Вып. IV. — С. 231—365.

Окороков А.В. Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР // Материалы по истории РОА..., 1999. — Вып. 4. — С. 152—257.

Орешкин Ю.Г. Все возвращается на круги своя / Публ. Н.С.Ивановой // Комолова Н.П. (Отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). Часть II. — М., 1991. — С. 429—464.

Палий П.Н. В немецком плену / Всерос. мемуарная б-ка. Сер. Наше недавнее. — Париж: YMCA-Press, 1987. — Вып. 7. — С. 3—241.

Панарин В. Из плена... в армию Власова. — Париж, 1994. — 199 с.

Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1948. — 30 с.

Полян П. Как достать миллиард из гуманитарной корзины // Моск. новости. — 1993а. — № 38. — 19 сент. — С. 10В—11В.

Полян П. «OST»ы — жертвы двух диктатур // Родина. — 1993б. — № 2. — С. 51—58.

Полян П. Жизнь и смерть с нашивкой «ОСТ» (главы из книги) // Мегapolis-Континент. — 1993в. — № 35—39.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. — М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. — 442 с.

Полян П.М. География принудительных миграций в СССР. Автореферат дисс. ... д-ра геогр. наук. — М.: Институт географии РАН, 1998. — 40 с.

Полян П.М. «Вестарбайтеры». Интернированные немцы в СССР (Предыстория, история, география) / Учебное пособие. — Ставрополь; Москва, 1999. — 48 с.

Полян П.М. Депортация советских граждан в Третий Рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории РОА..., 1999. — Вып. 4. — С. 322—409.

Полян П.М. Скрывшие свое имя. Советские евреи, спасшиеся на территории Третьего Рейха // РМ. — 1999. — № 4269. — 13—19 мая. — 18 с.

Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). — 3-е изд. — М., 1985.

Репатриация советских граждан. Сборник официальных материалов. — М.: Воениздат, 1945. — 51 с.

Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. — 1994. — № 8. — С. 158—179.

Россия—Швейцария. Russie — Suisse. Russland — Schweiz. 1813—1955: Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — 624 с., ил. (Министерство иностранных дел РФ; Федеральный департамент иностранных дел Швейцарской Конфедерации).

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 и 2 сентября 1949. — М.: Госполитиздат, 1955. — Вып. XI.

Семин В. Нагрудный знак «Ost»: Роман, повесть, рассказы / Б-ка «Дружбы народов»; Послесл. И.Дедкова. — М.: Известия, 1978. — С. 7—382.

Нем. перевод: Sjomin V. Zum Unterschied ein Zeichen. Aus dem Russischen von A.Kaemfe. — Reinbeck: Rowohlt, 1989. — 373 s.

Семиряга М.И. Советские люди в Европейском Сопротивлении. М., 1970. — 74 с.

Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // ВИ. — 1995. — № 4.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. — М.: РОССПЭН, 1995. — 352 с.

Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // ННИ. — 1996. — № 4. — С. 65—78.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост.: П.Н.Кнышевский, О.Ю.Васильева, В.В.Высоцкий, С.А.Соломатин / Сер. Россия в лицах, документах, дневниках. — М.: Рус. книга, 1992. — 383 с.

Советская молодежь в Германии. Документы антифашистского сопротивления. 1943—1945 гг. / Публ. и предисл. И.А.Иоффе и В.В.Хорунжего // ИА. — 1995. — № 3. — С. 63—80.

Советская молодежь в Германии. Материалы ЦХДМО о комсомольской организации «восточных рабочих» в Германии. 1945 г. / Публ. и предисл. И.А.Иоффе и В.В.Хорунжего // ИА. — 1995. — № 5—6. — С. 108—122.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Документы и материалы. — М., 1959. С. 449—453.

Соколов Б. Цена победы. Великая отечественная: неизвестное об известном. — М.: Московский рабочий, 1991. — 192 с.

Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Сост.: Т.И.Аниканова, А.Л.Райхцаум, Л.И.Солодовникова. — М.: Росархив, 1994. — 176 с.

СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 2 т. — Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 784 с.

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий / Предисл. В.П.Наумова // ННИ. — 1996. — № 2. — С. 91—112.

Толстой Н. Жертвы Ялты / Пер. с англ. Е.С.Гессен // Исследования новейшей русской истории. — Париж: YMCA-Press, 1988. — Т. 7. — 530 с.

Оригинал: Tolstoy N. Victims of Jalta. — London; Sydney; Auckland; Toronto, 1977; нем. перевод: Tolstoy N. Die Verratenen von Jalta. Die Schuld der Alliierten vor der Geschichte. — München, 1981.

Трагедия плена. Сб. мат. Международной научно-практической конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКВД / СНО и начало репатриации военнопленных». Москва — Красnogорск, 31 октября — 2 ноября 1995 года. Серия С-II. — Красnogорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — 200 с.

Хоффман Й. История власовской армии / Пер. с нем. Е.Гессен // Исследования новейшей русской истории. — Париж: YMCA-Press, 1990. — Т. 8. — 381 с.

Оригинал: Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee // Einzelschriften zur militaerischen Geschichte des Zweiten Weltkrieges. — Freiburg: Rombach, 1986 — Bd. 27. — 468 + XVIII s.

Черон Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение / Всерос. мемуарная б-ка. Сер. Наше недавнее. — Париж: YMCA-Press, 1987. — Вып. 6. — С. 9—158.

Черноглазова Р.А. Фашистские лагеря для советских военнопленных на территории Белоруссии // Трагедия плена. — Красногорск, 1996. — С. 122—125.

Чистов К.В. Фольклор и язык остарбайтеров // Чистова, Чистов, 1998. — С. 9—50.

Чистова Б.Е., Чистов К.В. (Сост.). Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942—1944 гг. — М.: Звенья, 1998. — 200 с.

Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // СИ. — 1991. — № 12. — С. 3—11.

Шевяков А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны // СИ. — 1992. — № 11. — С. 3—17.

Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов. — М., 1994. — С. 195—222.

Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха: В 2 т. / Пер. с англ. Под ред. и с предис. О.А.Ржешевского. — М.: Воениздат, 1991.

Оригинал: Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. — London, 1960.

Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах / Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1979. — 114 с.

Оригинал: Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — Stuttgart, 1978. (Studien zur Zeitgeschichte, Bd.13).

Якушевский А.С. Внутренний кризис Германии в 1944—1945 гг. // НПИ. — 1995. — № 2. — С. 47—64.

Листи з фашистської каторги [Письма с фашистской каторги]: Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини / За ред. Ф.Шевченка. — Київ: Українське видавництво політичної літератури, 1947. — 158 с.

Agafonow A. Errinerungen eines notorischen Deserteurs / Aus dem russisch von E.Laplace. — Berlin: Rowohlt, 1993. — 272 s.

Andritsch J. (Hg.). Judenburb 1945 in Augenzeugenberichten // Judenburger Museumschriften. — Judenburb: Verlag des Museumsvereines Judenburb. — 1994. — Bd. XII. — 308 s.

Barwig K., Saathof G., Weyde N. (Hg.). Entschädigung für NS-Zwangsarbeit. Rechtliche, historische und politische Aspekte. — Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1998. — 344 s.

Beede B. Ostarbeiter Mail: An Introduction // *Rossica. The Journal of the Rossica Society of Russian Philately*. — 1968. — № 74. — P. 42—48.

Beede B., Werbizky G.G. Mail for Ostarbeiters in World War II // *German Postal Specialist*. — Vol. XLII. — № 4. — April 1992. — P. 150—173.

Beer S. Judenburburg 1945 — im Spiegel britischer Besatzungsakten // *Judenburger Museumschriften*. — Judenburburg, 1990. — Bd.X. — S. 1—67.

Berichte der Arbeitsgruppe zur Aufarbeitung der Geschichte Allendorf. 1933—1945 / Bearbeitet von E.Bracht, F.Brinkman-Frisch, W.Form, K.May, J.Roth. — Magistrat der Stadt Stadtallendorf (Hg.), 1989. — 388 s.

Bethell N. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944—1947. — London: Deutsch, 1974. — XIV, 224 p.

Boll B. Zwangsarbeiter während des Zweiten Weltkrieges in Baden // *Zeitschrift des Breisgau-Geschichtsvereins «Schau-ins-Land»*. — [Freiburg.] — 1992. — III.Jahresheft. — S. 179—203.

Boll B. «Das wird man nie mehr los...» Ausländische Zwangsarbeiter in Offenburg 1939 bis 1945. — Pfaffenweiler: Centarius-Verlagsgesellschaft, 1994. — 384 s. (Reihe Geschichtswissenschaft; Bd. 34).

Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // *Zeitschrift für Geschichtswiss.* — 1993. — Bd. 41. — S. 135—142.

Boog H., Förster J., Hoffmann J., Klink E., Müller R.-D., Ueberschär G. Der Angriff auf die Sowjetunion. — Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag. — 1991. — Bd. 11008. — 1376 s.

Borgsen W., Volland K. Stalag XB Sandbostel: zur Geschichte eines Kriegsgefangenen- und KZ-Auffangslagers in Norddeutschland, 1939—1945. — Bremen; Themmen, 1991. — 286 s.

Čistova B.E., Čistov K.V. (Hrsg.). «Fliege, mein Briefchen, von Westen nach Osten...». Auszüge aus Briefen russischer, ukrainischer und weißrussischer Zwangsarbeiterinnen und Zwangsarbeiter 1942—1944. — Bern u.a.: Peter Lang, 1998. — 366 s. (Studien zur Volksliedforschung, Bd. 18).

Dallin A.J. Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. — Düsseldorf: Droste Verlag, 1958. — 727 S.

Didier F. Europa arbeitet in Deutschland. Sauckel mobilisiert die Leistungsreserven. — Berlin: Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf. G.M.B.H., 1943. — 128 s.

Eichtinger M. Der Versöhnungsfonds. Österreichs Leistungen an ehemalige Sklaven- und Zwangsarbeiter des NS-Regimes // *Österreichisches Jahrbuch für Politik* 2000. — Wien, 2001. — S. 193—242.

Eisterer K. Französische Besatzungspolitik. Tirol und Voralberg 1945—46 // *Insbrucker Forschungen zur Zeitgeschichte*. — Innsbruck: Haymonverlag, 1992. — Bd. 9. — 453 s.

Elliot M.R. The Repatriation Issue in Soviet-American Relations 1944—1947. — University of Kentukki, 1974.

Elliot M.R. Pawns of Jalta. Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation. — Urbana: University of Illinois Press, 1982. — XIII, 287 p.

Epstein J. Operation Keelhall: the story of forced repatriation from 1944 to the present. — Old Greenwich, Connecticut: Devin-Adair, 1973. — 255 p.

Die Flüchtlinge in Deutschland. Die Verteilung der Heimat vertriebenen nach Herkunft und Aufnahmeländer. Flüchtlingsumsiedlung 1949—1953. Die Flüchtlinge in Europa und Asien // Die Aktuelle Landkarte. — München, 1955. — № 31. — 10 April.

Form W., Polian P. Das Zentrum für die Aufbewahrung historisch-dokumentarischer Sammlungen in Moskau — ein Erfahrungsbericht // Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Informationen aus Forschungen. — 1992. — № 7. — 20 Oktober.

Fremdarbeiter in Waldkirsch und Umgebung zur Zeit des Nationalsozialismus. Schriften zur neueren Waldkircher Stadtgeschichte // Hg. von der Arbeitsgemeinschaft «Geschwister Scholl» unter der Leitung von J. Nolle und K. Banholzer. — Waldkirsch: Geschwister Scholl Gymnasium Waldkirsch, 1989. — Bd. 3. — 108 s.

Freitag G. Zwangsarbeiter im Lipper Land. Der Einsatz von Arbeitskarten aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes 1939—1945. — Bochum: Winkler, 1996. — 93 s.

Fried J.H.E. The exploitation of foreign labour by Germany. — Montreal: International Labour Office, 1945. — 286 p.

Gatterbauer R.H. Arbeitseinsatz und Behandlung der Kriegsgefangenen in der Ostmark während des Zweiten Weltkrieges (Dissertation). — Salzburg, 1975. — 399 s.

Geiger P., Schlapp M. Russen in Lichtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945—1948. — Vaduz: Schalun Verlag / Zürich: Chronos Verlag, 1996. — 370 s.

Gestwa K. «Es lebe Stalin» — Sowjetischer Zwangsarbeiter nach Ende des Zweiten Weltkrieges. Das Beispiel der Stadt Hamm in Westfalen // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. — 1993. — № 2. — S. 71—86.

Goeken U. Die sowjetischen Zwangsarbeiter aus der Materialperspektive von «Memorial» / Hausarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster, 1994. — 157 ss.

Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. — Berlin; Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf., 1986. — 494 s.

Herbert U. Blühende Völkergemeinschaft. Über die Entschädigung ausländischer KZ-Häftlinge und Zwangsarbeiter, das Londoner Schuldenabkommen und die Kunst der juristischen Interpretation // Journal Geschichte. — 1988. — № 1. — S. 55—62.

Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938—1945. — Essen: Klartext-Verlag, 1991. — 429 p.

Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer / Einzelschriften zur Militärgeschichte. — Freiburg: Rombach Verlag, 1986. — Bd. 19. — 202 s.

Hoffmann J. Kaukasien 1942—43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion / Einzelschriften zur Militärgeschichte. — Freiburg: Rombach Verlag, 1991. — Bd. 35. — 534 s.

Hopmann B., Spörer M., Weitz B., Brünighaus B. Zwangsarbeit bei Daimler-Benz // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. — Beiheft 78.

Homze Ed.L. Foreign Labor in Nazi Germany. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1967. — 350 p.

Hüser K., Otto R. Das Stammlager 326 (VI K) Senne. 1941—1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. — Bielefeld: Verlag fuer Regionalgeschichte, 1992. — 286 s.

Idsikowskaja N. «Ich werde nicht mit Faschisten gegen meine Heimat zusammenarbeiten» // Informationen. Studienkreis: Deutscher Widerstand. — 1995. — № 41. — April. — S. 10—18.

Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Ausländer. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941—1945 // Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. — Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. — Bd. 65. — 324 s.

Jacobsen H.-A. Komissarenbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener // Anatomie des SS-Staates. Bd 2. — Berlin; Freiburg; Olten, 1965. — S. 137—233.

Karner S. Zur Auslieferung der Kosaken an die Sowjets 1945 in Judenburg // Judenburg 1945 in Augenzeugenberichten. Judenburger Museumsschriften. — Judenburg, 1994. — Bd. XII. — S. 243—259.

Karner S. Die Steiermark im Dritten Reich 1938—1945. Aspekte ihrer politischen, wirtschaftlich-sozialen und kulturellen Entwicklung. — 3. ergänzte Auflage. — Graz; Wien: Leykam-Verlag, 1995.

Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941—1956 // Kriegsfolgen-Forschung. — Wien; München: R. Oldenbourg Verlag, 1995. — Bd. 1. — 269 s.

Keilig W. Das Deutsche Heer 1939—1945: Gliederung. Einsatz. Stellenbesetzung. — Bad Nauheim: Verlag Hans-Hennig Podzun, 1960.

Keller R. «Heldenhaft hinter Stacheldraht». Zum Organisierten Widerstand der sowjetischen Kriegsgefangenen in Norddeutschland // Buchholz M., Füllberg-Stolberg C., Schmied H.-D. (Hg.) Nationalsozialismus und Region. Festschrift für Herbert Obenans zum 65. Geburtstag. — Hannover: 1996. — S. 259—276. (Hannoversche Schriften zur Regional- und Lokalgeschichte. Bd. 11.)

Keller R., Otto R. Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen und die Wehrmachtbürokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945 in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. — 1998. — Bd. 57. — Heft 1. — S. 149—180.

Kirschner K. (Hg.). Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus Deutschland 1941. — Erlangen, 1987. — Bd.10. — 331 s.

Kochavi A.J. Prelude to Nuremberg. Allied war crimes policy and the question of punishment. — The University of North Carolina Press. Chapel Hill and London, 1998. — 312 p.

Krämer H.-H., Plettenberg I. Feindschaft mit... Ausländische Arbeitskräfte im Saarland während des Zweiten Weltkrieges. — Ottweiler, 1992. — 336 s.

Küpper H. Die Wiedergutmachung nationalsozialistischen Unrechts in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion // Osteuropa. — 1996. — № 7. — S. 639—656.

Küpper H. Die Wiedergutmachung nationalsozialistischen Unrechts in den Staaten Osteuropas // Osteuropa. — 1996. — № 8. — S. 758—768.

Mattiello G.; Vogt W. Deutsche Kriegsgefangenen- und Internierteninrichtungen, 1939—1945: Handbuch und Katalog. Lagergeschichte und Lagerzensurstempel. — Bd.1: Stammlager (Stalag). — Koblenz: Selbstverlag, 1986. — 335 s.; Bd.2: Oflag, BAB, Dulag etc. — Koblenz: Selbstverlag, 1987. — 347 s.

Müller R.-D. Die Zwangsrekrutierung von «Ostarbeitern» 1941—1944 // Michalka W. (Hg.). Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz. — 2.Auflage. — München; Zürich: Piper Verlag, 1990. — S. 772—783.

Müller R.-D. Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter für die deutsche Kriegswirtschaft // Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938—1945. — Essen, 1991. — S. 234—250.

Müller R.-D. Menschenjagd. Die Rekrutierung von Zwangsarbeitern in der besetzten Sowjetunion // Heer H., Naumann K. (Hg.). Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941—1944. — Hamburg: Hamburger Edition, 1995. — S. 92—103.

Müller R.-D., Ueberschär G. Kriegsende 1945. Die Zerstörung des Deutschen Reiches. — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994 — 259 s. (Die Zeit der Nationalsozialismus; № 10837).

Osterloh J. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa. 1941 bis 1945. — Leipzig: G.Kiepenheuer Verlag GmbH, 1997. — 198 s.

Osterloh J. Ausgewählte Aspekte zur Geschichte des Kriegsgefangenenlagers Stalag 304 (IV H) // Spurensuche: Stalag 304 Zeithain bei Riesa. Von der Untersuchungen der Chorun-Kommission 1946 zur heutigen Gedenkstätte. Eine Tagung der Stiftung Sächsische Gedenkstätten zur Erinnerung an die Opfer politischer Gewaltherrschaft in Zusammenarbeit mit der Landratsamt Riesa/Großenhain und der Gesellschaft Sachsen-Osteuropa e.V. 25 bis 28. April 1996 in Riesa. Tagungsband. — Riesa, 1996. — S. 12—20.

Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Reichsgebiet 1941/42 / Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — Bd. 77. — Oldenbourg, 1998. — 288 s.

Overesch M. Das besetzte Deutschland 1945—1947. Eine Tageschronik der Politik, Wirtschaft, Kultur / Unter Mitarbeit von J. Artelt. — Augsburg: Weltbild Verlag GmbH, 1992. — 418 s.

Quinkert B. Terror und Propaganda. Die «Ostarbeiteranwerbung» in Generalkommissariat Weißruthenien // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1999, Jg. 47. — H. 8. — S. 700—721.

Pfahmann H. Fremdarbeiter und Kriegsgefangenen in der Deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945 // Beiträge zur Wehrforschung. — Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GMBH, [1968]. — Bd. XVI—XVII. — 238 s.

Plato A. von (Hg.) Sowjetische Speziallager in Deutschland, 1945 bis 1950.: Bd. 1. Studien und Berichte. — Berlin : Akademie, 1998. — 595 s.

Polian P. Le Rapatriement des Citoyens Soviétiques Depuis la France et les Zones Françaises d'Occupation en Allemagne et en Autriche // Cahiers du Monde Russe (Paris). — 2000. — Vol. 41. № 1. — P. 37—62.

Poljan P. Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. — München-Wien: R. Oldenbourg Verlag, 2001. — 224 S.

Poljan P. Die Deportation der Ostarbeiter im Zweiten Weltkrieg // Ausweisung und Deportation. Formen der Zwangsmigration in der Geschichte (Hg. A. Gestrich, G. Hirschfeld, H. Sonnabend). — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. — S. 115—140. (Stuttgarter Beiträge zur Historischen Migrationsforschung, Hrsg. vom Stuttgarter Arbeitskreis Historische Migrationsforschung e.V.; Bd. 2.).

Poljan P. Die Endphase der Repatriierung sowjetischer Kriegsgefangener und die komplizierten Wege der Rehabilitierung // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion. 1941—1956 / Hrsg. von K.-D. Müller, K. Nikischkin u. G. Wagenlehner. — Köln—Weimar: Böhlau Verlag, 1998. — S. 365—394.

Poljan P. Die Repatriierung der Sowjetbürger in die UdSSR // Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine Vergleichende Perspektive / Hg. von G. Bishof u. R. Overmans. — Wien: Verlag Gerhard Höller, 1999. — S. 303—338.

Poljan P., Zajonckovskaja J. Ostarbeiter in Deutschland und daheim. Ergebnisse einer Fragebogenanalyse // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1993. — Bd. 41. Heft 4. — S. 547—561.

Proudford M. J. European Refugees: 1939—1952. A Study in Forced Population Movement. — London, 1957. — 542 p.

Der Prozess gegen die Hauptverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 14. November 1945—1. Oktober 1946. — Nürnberg, 1948.

Rauchensteiner M. Der Sonderfall. Die Besatzungszeit in Österreich 1945 bis 1955. Graz: Styria — Reprint Graz. — 1995. — 416 s.

Retlinger D. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland 1941—1944. — Hamburg, 1962.

Оригинал: Retlinger D. The House Build on Sand. — London, 1960.

Roschmann H. Gutachten zur Behandlung und zu den Verlusten sowjetischer Kriegsgefangener in deutscher Hand von 1941—1945 und zur Bewertung der sogenannten «Documents NOKW 2125» (Nachweisung des Verbliebs der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stande vom 1.5.1944). — Ingolstadt: Zeitgeschichtliche Forschungsstelle Ingolstadt, 1982. — 54 s.

Rusinek B.-A. Gesellschaft in der Katastrophe. Terror, Illegalität, Widerstand — Köln 1944/45. — Essen: Klartext, 1989. — 466 s.

Saathoff G., Schlegel S. Beratungs-Leitfaden NS-Verfolgung. Eine Übersicht über die wichtigsten gesetzlichen und aussergesetzlichen Regelungen zur Entschädigung und Versorgung von Opfern des NS-Regimes // Schriftreihe zur NS-Verfolgung. Hg. vom Bundesverband Information und Beratung für NS-Verfolgte e.V. in Zusammenarbeit mit der Heinrich-Böll-Stiftung e.V. — 1992. — № 1. — 28 s.

Sanders J.D., Sauter M.A., Kirkwood R.C. Soldiers of Misfortunes. The Gold War Betrayal and Sacrifice of American Pows. — New York: National Press Book, 1994. — 352 p.

SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschland 1945—1949 / Hg. von M.Broszat u. H.Weber. — 2. Auflage. — München: R.Oldenbourg Verlag, 1993. — 1106 s.

Schneider T. «An Arbeit fehlt es nicht!» Die Haltung der deutschen Bevölkerung zu Zwangsarbeitern // Praxis Geschichte. — Mai 1994. — Heft 3. — S. 28—32.

Siegfried K.-J. Das Leben der Zwangsarbeiter im Volkswagenwerk 1939—1945. — Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1988. — 330 s.

Speer A. Erinnerungen. — Augsburg: Weltbild Verlag GmbH, 1993. — 611 s.

Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Haftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939—1945. — Stuttgart, München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. — 336 s.

Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». Eine Dokumentation. Unter Berücksichtigung der Unterlagen deutschen Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen. — Heidelberg, Karlsruhe: Müller Jüristischer Verlag, 1981. — 442 s.

Streit C. Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Krieges gegen die Sowjetunion // Ueberschär G., Wette W. (Hg.). «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. — Paderborn, 1984. — S. 197—218.

Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — 2. Auflage. — Bonn: Verlag J.H.W.Dietz Nachf, 1991 — 448 s.

Tolstoy N. Stalin's secret war. — London: J.Cape, 1981. — 463 p.

Trees W., Whiting C., Omansen T., Ruhl K.-J., Thies J., von Daak K. Stunde Null in Deutschland. Die westlichen Besatzungszonen 1945—1948. — Bindlach: Gondrom Verlag, 1989. — 221 + 198 + 149 s.

Ueberschär G.R., Wette W. (Hg.). «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Soviet Union 1941. — Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984. — 419 s.

UNRRA in Europe 1945—1947 / UNRRA European Office: Operational Analysis Paper. — London, 1947. — June. — № 49.

Die Vertriebenen in Deutschland. Ihre Eingliederung und ihr Einfluß auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben / Hg. von E.Lemberg u. Fr.Edding in Verbindung mit M.H.Böhm u.a. — Kiel: Ferdinand Hirt, 1959. — Bd. 1. — 682 s.

Weischer H. Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Heessen (Hamm) 1942—1945 / Vorwort von L.Kopelew. — Essen: Klartext Verlag, 1992. — 320 s.

Werbizky G.G. Mail for Ostarbeiters in WWII // Rossica. The Journal of the Rossica Society of Russian Philately. — October 1991. — № 117. — P. 19—22.

Werbizky G.G. Ostarbeiter mail in WWII. New Items // Пoчтa. The Journal of the Australia and New Zealand Society of Russian Philately. — January 1997. — Issue 21. — P. 28—33.

Wistrich R. Wer war wer im Dritten Reich? Ein biographisches Lexikon. Anhänger, Mitläufer, Gegner aus Politik, Wirtschaft und Militaer, Kunst und Wissenschaft / Aus dem Englischen übersetzt von J.Rehork. Überarbeitet und erweitert von H.Weiss. — Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989. — 398 s.

Woodbridge G. (Ed.). UNRRA. The History of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration. — Vol. 1—3. — New York, 1950.

Wook J. «Festnahme! ...weil ihm Sabotageakte zuzutrauen sind» Widerstand von Zwangsarbeitern, Regionalbeispiel Niedersachsen // Praxis Geschichte / Mai 1994. — Heft 3. — S. 34—38.

Woydt J. Ausländische Arbeitskräfte in Deutschland. Von Kaiserreich bis zur Bundesrepublik // Diestel Hefte. Beiträge zur politische Bildung. — Diestel Verlag, 1987. — 174 s.

Wysocki G. Arbeit für den Krieg. Herrschaftsmechanismen in der Rüstungsindustrie des «Dritten Reiches». Arbeitseinsatz, Sozialpolitik und staatspolizeiliche Repression bei den Reichswerken «Hermann Göring» im Salzgitter-Gebiet 1937/38 bis 1945. — Braunschweig: Steinweg-Verlag, 1992.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. – 335, 367, 411, 428, 487, 586, 589
 Абрамов А.А. (Нератов) – 444
 Абрамов Ф.Ф. – 107
 Абс Г.И. – 607
 Авцына И. – 27
 Агафонов А.М. (Глянцев) – 26, 33, 326, 327, 841, 848
 Адамович А. – 598
 Адамски Э. – 26
 Адамушко В.И. – 842
 Аламян М. – 555
 Аленауэр К. – 462, 514, 606–608, 692
 Айзеништат С. – 688, 700, 703, 704, 707
 Айстерер К. см. Eisterer K.
 Айхвеле В. – 26
 Акопов – 460
 Аксютин Ю.В. – 38, 562
 Александер Х.Р. – 409, 414–416, 418, 422, 788
 Александров К.М. – 26, 427, 431
 Алексеев А. – 677
 Алферчик Н.Ф. – 444, 445
 Альтман И.А. – 26, 36
 Апаньев П.М. – 341, 457
 Анастасий, митрополит – 446
 Анвасер С.И. – 25, 86, 90, 256, 267
 Ангелесв – 423
 Ангелов Р. – 294
 Андерсон К. – 27
 Анджапаридзе – 87
 Андреев Е.М. – 13, 28, 29, 65, 841
 Андреева Е. – 123, 543, 841
 Андрейчук Т. – 713
 Андриевский Б.Г. – 444
 Аниканова Т.И. – 660, 661, 847
 Аникеев А.А. – 26, 35, 48, 172, 841
 Анисимов Н.П. – 394
 Антилевский – 114
 Антипенко А.М. – 788, 789
 Антонеску Й. – 553
 Антонов – 335
 Алухтин – 443
 Аранасевич – 460
 Аргунов В.И. – 461, 470, 784, 785
 Арзамаскин Ю.И. – 18, 34, 341–343, 381, 719, 841
 Артемов А.Н. (наст. фамилия Зайцев) – 431, 444, 451, 841
 Артемова А.Н. – 431, 451, 841
 Арутюнян – 563
 Арчер – 340, 523
 Асберг-Арцез – 423
 Ассамер И. – 708
 Ауэрбах И. – 26, 35
 Ауэрбах Ф. – 602, 612
 Афиани В. – 26
 Бабаян – 357
 Багиров М.С. – 392
 Бадолно – 505
 Бакке Х. – 208, 265
 Балабин Е.И. – 107, 113
 Балабин И.В. – 428
 Балл Х. – 383
 Бальзен В.-М. – 681–683
 Бамм П. – 257
 Бангерскис – 447
 Бандера С. – 66, 446
 Банзен – 115
 Банцырєв – 460, 468, 483, 788
 Барабанов – 786
 Баранов В.М. – 25, 26, 35, 122, 123, 236, 238, 241, 244–247, 250, 253, 254, 260, 263, 266, 267, 274, 284, 285, 287, 290, 291, 298–300, 303, 305, 308, 309, 316, 317, 841
 Баранов, капитан – 472, 785, 786
 Баранов, майор – 343, 787
 Баранов, полковник – 336
 Баранова И. – 26
 Баранова О. – 298
 Баратов – 117
 Барвиц К. см. Barwig K.
 Барнинов – 533
 Баркер Р.В. – 341, 390, 523, 814, 815
 Барсов П.Д. – 541
 Бартов О. – 26
 Бартошевский В. – 622
 Басилов Я.Д. – 334, 418, 441, 461, 484, 503, 788
 Баснин – 117
 Басслер В. – 707
 Бауман Г.Г. – 87, 90, 492, 502, 558, 562, 842
 Бауэр Д. см. Bauer D.
 Бевин Э. – 350–352, 355, 422, 786
 Беген – 492
 Беер З. см. Beer S.
 Безденежных П. – 31
 Безуглов И.И. – 446
 Бекман Ф. – 613
 Беланов – 483
 Белевич Е.В. – 26
 Белецкий Я. – 622
 Беликов Б.И. – 87
 Белль Г. – 34
 Белогорцев – 423
 Белозеров В. – 26
 Белый А. – 301
 Белый И.А. – 446
 Беляев А.Г. – 787
 Беляев А.Я. – 789
 Бем Ф.-Й. – 607
 Беме Х. – 27, 102
 Бен-Гурион – 607
 Бенш – 706
 Бергер Г. – 114, 213, 220
 Бережков В. – 113, 142
 Березин, лейтенант – 786
 Березин, майор – 494, 789
 Березин, мл. лейтенант – 472
 Березин, подполковник – 457, 789
 Березов Р. – 316

- Берелович В. – 26
 Берзарин Н.Е. – 448
 Берия Л.П. – 21, 76, 77, 142, 145, 335, 391, 428, 586, 589
 Берлин К. – 71, 122
 Бессонов И. – 120
 Бетел Н. см. Bethel N.
 Бидо – 456, 481
 Бирне Д.Ф. – 422
 Бискупский В. – 108, 119, 121, 291
 Бигур М.-Э. см. Bethourd M.-E.
 Благовещенский – 120, 302
 Блок А. – 301
 Блумер Х. – 504
 Бобров М. – 302
 Бобров, капитан – 445
 Боккун Е. – 638
 Богатырчук Ф.П. – 117, 124, 842
 Богдан М.И. – 653
 Богданов С.Е. – 26
 Богданов С.И. – 448
 Богданов Ф.П. – 788
 Богомолов – 456, 457
 Богоявленский П. – 10, 305
 Бодивинг – 476
 Бойцов – 392
 Бок фон Ф. – 105, 165, 175
 Бок – 445
 Болдырев К.В. – 372, 381, 444, 451
 Болль Б. см. Boll B.
 Болотин А. – 102
 Большухин Ю. – 844
 Бонг-Шмидт – 168, 179
 Бондаренко А.П. – 632, 671
 Бондарец В. – 33
 Борнсевиц – 88
 Борман М. – 67, 161, 178, 192, 326
 Бородин – 423
 Борозняк А. – 26
 Бортникова А. – 282, 285
 Ботцхайм фон Ф. – 151, 156
 Бочановский (Бошановский) В. – 421, 431
 Боярский В.И. – 105, 119, 122
 Брагин В.Г. – 384, 786
 Брайяр – 410
 Брандт В. – 624
 Браухич фон В. – 217
 Брейер – 64, 220, 227, 228, 284
 Брицкий И.П. – 33
 Бродский Е.А. – 17, 26, 32, 323, 327
 Броев Р.М. – 81
 Броев Т.М. – 81
 Бройтгамм – 99, 189, 624
 Брылев – 786
 Брычев Н. – 30, 340, 544, 553, 842
 Брэдли О. – 414
 Брюханов А.И. – 16, 17, 31, 32, 382–384, 404, 407, 447, 449, 450, 452, 464, 483, 485, 517, 570, 571, 573–577, 785, 787, 842
 Бугай Н.Ф. – 26, 81
 Буденный С.М. – 76
 Букалов – 90, 172, 174, 660, 842
 Букович – 302
 Буковский В. – 103, 142
 Булганин Н.А. – 264, 335, 508, 522, 534, 548, 589
 Буныченко С.К. – 114, 419
 Бурашиников М.В. – 439, 483, 514, 784
 Бурденко Н.Н. – 10
 Буринский М. – 374
 Бурлаченко П. (Гимор) – 327
 Бурхардт К.Я. – 79
 Бутлеров – 409
 Буш – 215
 Бычков – 114
 Бэксхолл Б. – 479
 Бэрт – 617
 Вабелис П. – 491
 Вагенлинер Г. см. Wagenlehner G.
 Вагнер В. – 700
 Вагнер К. – 408, 417
 Вагнер Э. – 181, 204, 217, 265
 Важенни Н.И. – 465, 466, 483, 785
 Вайтинг Дж. см. Whiting J.H.
 Вайцеккер Р. – 682
 Вайшер Х. см. Weischer H.
 Валдманн – 447
 Валсис Л. – 452
 Валюлис – 447
 Вансеев – 450
 Варташесов – 472
 Варшавский С. – 326
 Васечкин П. – 659
 Василевская В. – 31
 Василевский А.М. – 464, 515
 Василевский К.Ф. – 787
 Васильев – 266
 Васильев В. см. Соколов В.В.
 Васильев Л.В. – 428
 Васильев, генерал-майор – 352, 389, 786
 Васильев, прокурор – 483
 Васильева О.Ю. – 847
 Васильевы – 553
 Ватин – 543
 Ватолина Н. – 16
 Вахитов Ф. – 534
 Вашингтон Дж. – 552
 Ващенко Н.В. – 25, 842
 Ведельштедт фон – 729
 Веденеев Б. – 10
 Вейган – 353
 Вейнмант Д. – 448
 Вейцман Х. – 599
 Вендеровский, фон – 446
 Вендина О.И. – 27
 Венце И.Х. – 473, 786
 Вепь – 425
 Вербицкий Г.Г. – 15, 26, 30, 35, 66, 103, 240, 295, 303, 410, 428, 432
 Верт Н. – 26, 797, 842, 843, 849, 855
 Вершинин М.И. – 405, 435, 437, 448, 461, 462, 482, 517, 785
 Вестхоф – 220
 Ветте В. см. Wette W.
 Виккерт И. – 310
 Виккерт М. – 310
 Вилк Б. – 622

Вильгельм, имп. — 244
 Вильнес, де — 460
 Вильс Я., ван дер — 327
 Виноградов — 79
 Виссгот Д. см. Wiszgott D.
 Витковский В. — 635
 Витковский Н.Ф. — 584
 Витти М. — 682, 903
 Вихорев А.И. — 341, 457, 493, 494, 502, 503, 789
 Вишнев О. — 122
 Владимов Г. — 111, 121
 Власов А.А. — 20, 78, 81, 94, 107, 109–115, 117, 118, 120, 122–124, 130, 294, 300, 302, 419, 428, 431, 523, 530, 538, 543, 841–843, 846
 Власов, представитель по репарации — 788
 Вознесенский Н.А. — 334, 335, 391, 534
 Вознюк Т. — 637
 Войцеховский Л. — 119, 660
 Волин — 588
 Волкогон Д. — 672
 Волконский — 117
 Волынская А. — 26
 Вольф К. — 341
 Вонсяцкий А. — 451
 Воробьев В. — 523
 Воробьев Е. — 32
 Воронин Г.М. — 428, 787
 Воропаев Н.А. — 304
 Воропаев С.Н. — 25, 35, 38, 294, 298, 300, 301, 305
 Ворошилов К.Е. — 76, 578
 Воскресенский (Вознесенский) — 336, 343
 Вотава Р. — 707
 Врангель — 408
 Вранницкий В. — 682
 Вуд — 143
 Выллаан М.А. — 81
 Высоцки Г. см. Wysozki G.
 Высоцкий В.В. — 847
 Вышинский А.Я. — 335, 349, 354, 434, 450, 464, 474, 486, 487, 509, 516, 517, 563, 721, 774, 786
 Габриэль — 205
 Гаврилов — 482
 Гайгер П. см. Geiger P.
 Гайер Д. — 26
 Гайдлер А.Р. см. Guyller A.R.
 Галина Ф.М. — 473, 786
 Галицкий В.П. — 593, 843
 де Галлер Э. — 79
 Гальванаускас — 447
 Гальдер Ф. — 217, 227
 Гаммель — 340
 Гарриман А. — 341
 Гаррольд Г. — 468, 469
 Гаттербауэр Р.Х. см. Gatterbauer R.H.
 Гаусман В. — 310
 Геббельс Й. — 60, 84, 115, 162, 173, 190, 192, 204
 Гейдрих Р. — 64, 83, 84, 86, 160, 256, 667
 Гейли Ч.К. — 484

Гекен У. см. Goeken U.
 Гелевский Д.Я. — 90
 Гельберг — 156
 Гем В.И. — 17, 32
 Георг VI, король — 411
 Гепп И. — 330
 Герасимов В.Я. — 653
 Геринг Г. — 49, 51, 54, 62, 63, 64, 93, 94, 99, 123, 150, 152, 153, 160, 169, 170, 171, 173, 182, 183, 192, 204, 206, 265, 727
 Герре Х. — 114, 123
 Герсдорф — 481
 Гессен Е.С. — 847
 Гества К. см. Gestwa K.
 Гибовский В. — 699, 700
 Гильмутдинова Н.Н. — 26
 Гиль-Родионов В. — 120
 Гиммлер Г. — 39, 67, 83, 93, 94, 96, 100, 103, 112, 116, 147, 159, 173, 176, 177, 180, 183, 189, 192, 197, 204, 206, 208, 214, 216, 220, 230, 235, 241, 302, 322, 328, 329
 Гимпель Н.А. — 106, 113
 Гинзбург С. — 534
 Гитлер А. — 7, 15, 42, 62, 64, 65, 70, 83, 95, 96, 99, 102, 106, 108–112, 120, 123, 127, 148, 152, 154, 161, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 177, 179, 186, 190–192, 205, 206, 208, 212–214, 216, 227, 295, 321, 324–326, 431, 671, 702, 705, 843
 Гладков Ф. — 300
 Глазенапп — 443
 Глазков В.Г. — 446
 Глаусен — 769
 Глинчиков И.А. — 788
 Глоговский — 623
 Гинпель М. — 33
 Гогидзе М. — 555
 Годе Й. см. Gohde J.
 Гозлевский — 320
 Голников Ф.И. — 15, 37, 90, 143, 144, 203, 334–339, 341–343, 358, 359, 361, 364, 367–370, 377–380, 388, 390, 392, 393, 396, 405, 423, 442, 457, 461, 464, 476, 477, 493, 498, 508, 511, 513, 515, 516, 524, 535, 537, 548, 554, 568, 570, 572, 576, 720, 724
 де Голль III. — 349, 455
 Головки П.В. — 428
 Головаченко Р. — 450
 Голоторский В.Я. — 613
 Голоторский Е. — 677
 Голсуорси Дж. — 478
 Голубев К.Д. — 37, 334, 337, 338, 340, 341, 356, 388, 391, 392, 395, 405, 406, 442, 449, 450, 464, 481, 483, 485, 486, 501, 514, 517, 520, 524, 553, 814, 815
 Голубев Н. — 562
 Голубев, майор — 418
 Голунский С.А. — 352, 449, 450, 486
 Гольдман Н. — 607
 Горачек В. — 445, 451
 Горбатов А.В. — 448
 Горбанев М.С. — 621, 668
 Гордеев — 790
 Горелов — 461, 480

- Горин — 788
 Горин-Горский — 446
 Горкин А.Ф. — 78
 Городецкий Г. — 342
 Горохова И. — 240
 Горшенин Г.К. — 589
 Горшков В.Г. — 241
 Готтберг фон К. — 203
 Грабе Г. — 446
 Гранин Д.А. — 6, 26, 142, 327
 Гранин Н.Г. — 302
 Гранкин Я.Г. — 241, 328
 Грассе — 425
 Грассе Г. — 690
 Грей Л. — 483
 Греско — 336
 Гречко А.А. — 584
 Грибанов М.Г. — 469, 477, 478, 483
 Григорьянц Р. — 357
 Гризодубова В. — 10
 Гримм К. см. Grimm C.
 Гринкевич Ст. — 302
 Гринслейд — 460
 Гришакин — 550
 Гроавель — 425
 Громыко А.А. — 346, 509, 563, 721, 791, 842, 844
 Груздев В.Н. — 786
 Грунь А. — 304
 Грызлов А.А. — 348
 Грэфенц — 220
 Губнер — 467-470
 Гувер — 122
 Гузовский — 456
 Гук С. — 638
 Гульбин Э.Я. — 516
 Гумбольдт А. — 25, 716
 Гупе — 206
 Гусев Ф.Т. — 340, 407, 450, 484, 786
 Давиденко Н. — 120
 Давыдов А.М., генерал-майор — 382, 423, 431, 435, 459, 460, 461, 467, 784
 Давыдов М. — 302
 Давыдов, мл. лейтенант — 426
 Дайст В. — 26
 Даллес — 584
 Даллин А. см. Dallin A.
 Дальман Д. — 26
 Данилов В.П. — 26
 Данилов, генерал — 420, 431
 Данилова В.А. — 240
 Дарский Л.Е. — 13, 28, 29, 65, 841
 Датнер Ш. см. Datner S.
 Дашкевич — 778
 Двинов Б. — 119, 120, 123, 843
 Девятаев М.П. — 33
 Дедков И. — 846
 Делов — 588
 Деен Н.Г. — 789
 Дежан — 456
 Деканозов В.Г. — 71, 354, 493
 Леминов — 215, 245, 460
 Демушкина В. — 310
 Деникин А.И. — 426
 Деревянко — 415
 Деспотули В.М. — 300
 Джэймс Б. — 27
 Джэймс-Брук В. — 304
 Дженсон Г. — 565
 Джерл — 471
 Джонсон — 516
 Димипас — 447
 Дин Д.Р. — 348
 Дин М. — 26
 Дин П. — 478, 479
 Дин П., генерал — 341, 405, 406, 523
 Дмитриева В. см. Суровская А.С.
 Добровольский — 489
 Добрынин — 787
 Дойс Э. — 381
 Доманов Т.И. — 408-411, 428
 Домашин И.А. — 314, 317, 556
 Донцов — 787
 Дорожинский Н. — 26
 Дорони А. — 26
 Дорошенко А.А. — 254
 Драбкин Я. — 26
 Драгун В.М. — 334, 341, 360, 368, 405, 430, 457, 472, 473, 785, 786, 788, 789
 Драгунов Г.П. — 18, 502, 503, 789, 843
 Драница А.Е. — 246, 254, 314
 Дратвин М.И. — 434, 448, 461, 478, 482, 485
 Дрейнер Дж. — 353
 Дрешер — 301
 Дробязко С.И. — 119-121, 123, 843
 Дрыгач А.Ф. — 93
 Дубовников А.Н. — 577
 Дубровин В.Н. — 790
 Дубровский Д.Г. — 448
 Дугас И.А. — 15, 102, 104, 119, 121, 123, 142, 143, 204, 243, 253, 264, 315-317, 327, 391, 767, 843
 Дуглас III. — 374, 435, 463, 482
 Дудин Л.В. — 112, 115, 118, 122, 132, 300, 302
 Дудоров — 591, 594
 Дырин З.И. — 787
 Дэвис — 412
 Дюма — 481
 Евдокимов — 420
 Евец Е.И. — 451
 Евсеев А.С. — 435
 Егоров — 790
 Егунов А.Н. — 147, 538
 Елагин В. — 638
 Елагин И. — 427
 Елихов В.С. — 790
 Ельшин Б.Н. — 621, 631, 633, 638, 647, 668, 670, 671, 830, 833
 Емельяненко Ф.Г. — 789
 Еременко В. — 251
 Еремкин Н. — 154
 Ерин М.Е. — 843
 Ермакова П. — 536
 Ермицкий М. — 27
 Есаулов П.С. — 428
 Есепин С.А. — 292
 Ещиковский — 117

Жажоян М. – 35
 Жданкин А. – 18
 Жданов А.А. – 10
 Железняк – 120
 Желтов А.С. – 436, 449, 486
 Жемкова Е. – 25
 Жердецкий – 445
 Жиленков Г.Н. – 105, 119, 293, 302
 Жугарина Л.С. – 33
 Жуни – 456
 Жуков Г.К. – 76, 383, 394, 434, 436, 437, 448, 449, 482, 516, 518, 540, 542, 589, 591, 592, 845
 Жуков Н. – 16
 Журавлева – 561
 Жуковский Л. – 659
 Забелоцкий Д.М. – 789
 Задорожная С. – 304
 Зайончковская Ж.А. – 19, 25, 35, 154, 343, 853
 Зайцев Е.А. – 81, 82, 843
 Зайцева Н.Л. – 33
 Закутный Д.Е. – 115, 116, 118
 Зальтман Н.Р. – 451
 Запругаева Л. – 26
 Заславский Д. – 30
 Заславский И.Н. – 25
 Заукуль Ф. – 39, 47, 48, 62, 65, 93, 95, 96, 99, 101, 103, 133, 146, 157, 160–163, 165, 166, 167, 169–178, 180–185, 187, 189–192, 197, 201, 203, 204, 208, 210–214, 216, 249, 268, 273, 279, 285, 286, 318, 331, 334, 396, 568, 717
 Захарин Э. – 707
 Захаров В.В. – 81, 82, 343, 843
 Захарова О.Д. – 658, 661
 Зборовский В.Э. – 106
 Званец – 471
 Зверев Г.А. – 419
 Зеслер В. – 381
 Зеленев Л.П. – 445
 Зеленский Г. – 334
 Зелинский – 297, 298
 Зельде Ф. – 163, 173
 Земс М.В. – 266
 Земсков В.Н. – 17, 18, 21, 26, 34, 132, 141, 144, 145, 361, 368, 372, 381, 385, 389–392, 403, 406, 407, 479, 480, 490, 506, 515, 529, 538, 542, 543, 545, 552, 553, 555, 573, 576, 585, 719–721, 724, 813, 843, 844
 Зен Сук Хан – 26
 Зноско М. – 451
 Золоторев В.А. – 672
 Золотухин В.В. – 589, 592
 Зорин – 515, 520, 524
 Зорь Н.Д. – 173, 176, 316
 Зотов Г. – 16, 31, 480, 844
 Зубкова Н. – 642, 659, 660
 Зургаж Х. см. Szurgacz H.
 Зыков М.А. – 302
 Зюряев – 784
 Ибарури Д. – 300
 Иванов А.М. – 236, 240

Иванов В. – 16
 Иванова Г.Н. – 92, 845
 Иванова Н.С. – 227
 Иванов-Разумник Р.В. – 293, 301, 302
 Ивановский С. – 444
 Игнатьев С. – 560, 584
 Иден Э. – 344, 347, 348, 353, 417
 Идзиковская Н. – 89, 90, 851
 Иконников – 472, 485, 486, 785
 Ильенков С.А. – 27, 229, 264, 844
 Ильичев И.И. – 486, 724
 Ильинский Р. – 451
 Илющенкова Ю. – 207
 Иоселевич А. – 33
 Иотка – 483, 571, 575
 Иоффе И.А. – 17, 847
 Ирга Н.А. – 285
 Исасв А.А. – 357
 Исбах А. – 32
 Искрин М. – 33
 Йеккель см. Jaeckel
 Йешике Н. – 369
 Йодль А. – 219
 Йозефаль Й. – 607
 Йордан – 286
 Каган Саул – 607
 Каганович Л.М. – 154
 Казанцев А. – 119, 144, 299, 302, 844
 Казитурова Т.П. – 672
 Кайзер К.-Д. – 713
 Кайлинг З. – 114, 123
 Калинин М.И. – 78
 Кальтенбруннер – 241
 Каминский – 106
 Камлакова М.Г. – 560
 Канарис – 229, 321
 Кангер – 789
 Кая С. – 625
 Карев Д.С. – 843
 Карнер Ст. см. Karner St.
 Карпов Н.Н. – 25, 26, 32, 222, 261, 266, 454, 844
 Карпоносов – 337
 Картью – 384
 Карузи У. – 568
 Карякин – 445
 Казаров В.М. – 533
 Катрус см. Catrouxé
 Катуков М.Е. – 448
 Катусев А.Ф. – 123
 Катценштейн Э. – 614
 Качалов В.М. – 81
 Качва Н.С. – 481
 Кашарин А.Ф. – 445
 Кашин А.Н. – 482, 484, 787
 Каштанов М.В. – 114, 123
 Кваша А.Я. – 28
 Кверфурт – 101
 Квицинский Ю.А. – 631
 Кейс Дж. – 431, 436
 Кейтель В. – 58, 59, 61, 66, 106, 120, 149, 184, 191, 192, 208, 219, 229, 239, 241

- Кейтл Ч. — 414
 Келлер М. см. Keller M.
 Келлер Р. — 26, 227, 228, 264, 284, 851
 Келлер, франц. генерал — 341, 355
 Кениг П. — 383, 435, 448, 460, 461, 481, 482
 Кеннан Дж. — 353
 Кеннеди — 375, 419
 Кентерберийский, архисп. — 411
 Кержак В. — 146, 154
 Керзон — 351, 568
 Кериг М. — 27
 Кернер П. — 167, 173, 174
 Керстен К. см. Kersten K.
 Кесслер Х. — 708
 Кестринг Э. — 94, 107, 108, 114, 302
 Кисенко С. — 451
 Кингслей И. Д. — 564
 Кинкель К. — 632
 Кинчингтон — 374, 435
 Киреев П. В. — 785
 Кирк А. — 346
 Кирквуд Р. см. Kirkwood R. C.
 Кирсанов — 486
 Киселев С. Г. — 640
 Киселева Е. А. — 681
 Кисилев Е. Д. — 449
 Кисилев, полковник ("Союз Андреевского
 флага") — 443
 Кисилев, полковник (помощник Ф. И. Голи-
 кова) — 484
 Китцингер — 165
 Клаймель О. — 706
 Кларк М. В. — 422, 423, 436, 448
 Клей Л. Д. — 435—437, 467, 468, 470, 485, 514
 Клейн — 462, 471
 Клейст П. — 101, 190
 Клешканов И. А. — 454, 786
 Клиппенштайн О. и Е. — 660
 Кловский Д. — 541
 Клодовский Д. — 26
 Клочков — 458, 789
 Клюге фон Г. — 105, 119, 167, 175, 304
 Кнабе Б. — 26, 35, 637
 Князько Г. Д. — 842
 Книнченко — 561
 Кнышевский П. Н. — 356, 534, 542, 638, 844,
 847
 Князев В. А. — 26, 638—641, 646, 658—661,
 667, 672, 718, 844
 Коби Э. — 677
 Ковалевский — 117
 Коваль К. И. — 216, 328, 448
 Ковальчук Н. В. — 302
 Коген М. — 375
 Козлов В. — 845
 Козлов В. И. — 28
 Козырев А. — 667
 Козырев С. П. — 456, 503
 Кок М. — 709
 Кокорин М. А. — 33
 Колесниченко И. С. — 448
 Колесов — 480, 493
 Коллонтай А. М. — 82
 Колодко — 447
 Колужевич Ю. — 445
 Коль Г. — 630, 633, 647, 667, 672, 679, 830
 Коль, д-р — 203
 Кольбе М. — 709
 Кольпар С. — 26
 Комаров — 472, 486, 785
 Коммисаров — 336
 Комолов В. А. — 637
 Комолова Н. П. — 17, 33, 143, 227, 305, 392,
 504, 561, 842, 844, 845
 Компанисс А. Ф. — 233
 Конасов В. Б. — 72, 79, 844
 Кондаков Г. И. — 123, 227, 240, 253, 260, 265,
 525, 844
 Кондаков Н. И. — 220
 Кондратенко С. Т. — 788
 Кондратьев М. — 492
 Кондратюк М. — 37
 Конев И. С. — 368, 436, 449, 786
 Конев К. К. — 788
 Коновалов — 459, 460, 464
 Кононенко — 561
 Кононов И. — 408
 Кононов, ген.-майор — 443
 Конселев Л. — 26, 855
 Коптельцев — 718, 724
 Коппик Н. М. — 147, 154
 Корвалан Л. — 103
 Корейский Ю. — 123
 Коретти — 105
 Корейский В. — 16
 Коркин А. — 479
 Корман Э. см. Korman E.
 Корнблюм Д. — 687, 699
 Корнелл Л. Р. — 501
 Королев И. П. — 533, 534
 Королев — 472, 486
 Коротаев В. — 26
 Коротков Н. А. — 660, 661
 Косаковский А. А. — 501
 Костенецкий А. В. — 26
 Косынкина О. С. — 469, 484, 485
 Котиков А. Г. — 448
 Кох Э. — 65, 203
 Кошбу — 495
 Кочави А. см. Kochavi A.
 Кочетов — 494
 Кочнашвили М. И. — 17, 32, 326
 Кравцов Б. — 294
 Кравченко — 356
 Крайнов — 445
 Красильников Е. П. — 843
 Краснов Н. С. — 16, 31, 410, 411, 427, 428, 844
 Краснов П. Н. — 78, 106, 107, 120, 409—411,
 414, 428, 523
 Краснов С. Н. — 107, 410, 411, 428
 Красовский О. А. — 543
 Краузе-Шмидт У. — 26, 31
 Краюхин С. — 35
 Крестер Э. см. Kräger
 Кривицкий А. — 31
 Кривошеев Г. Ф. — 28, 843
 Кривошеин И. А. — 481
 Кривошеин Н. И. — 481

Кривошеина Н.А. — 481, 844
 Кригер В. — 145
 Кричевский — 455
 Крищенко М. — 308
 Крозиг Ш. фон — 49, 727
 Кромнади К.Г. (Санни) — 114, 123
 Кроу — 787
 Кругликов — 265
 Круглов — 517, 539, 586, 698, 593, 594
 Крузе П.-И. — 682
 Круковский Ш. — 26
 Крупавичус — 447
 Крупенников А. — 26
 Крупн — 611
 Крутов В.Н. — 533
 Крэм Ш. — 699
 Крюков В. — 524
 Крючков Ф.В. — 787
 Ксендзова С.И. — 317
 Кувыркин Д.А. — 789
 Кудри Ж. — 26, 481
 Кудрявацкая А. см. Суровская А.С.
 Кудрявцев П. — 550
 Кузнецов Б.М. — 431, 845
 Кузнецов В.И. — 80, 449
 Кулаенко — 354
 Кулаков Н.Л. — 106
 Кулаков, полковник — 455
 Куликов И.Н. — 33
 Куликов, капитан — 455, 472, 785, 786
 Куманев Г.А. — 65
 Кундзиньш И. — 452
 Кунц — 185
 Курасов В.В. — 434, 448
 Курбан-Ниязова С.М. — 561
 Курдельчук Д. — 682
 Курлянд — 115, 118
 Куровски фон — 326
 Куртца — 462
 Кушнирук — 790
 Кынин Г.П. — 448, 847
 Кэмпбел Р. — 448
 Кэмпфе А. — 32
 Кюстер О. — 607

 Ла Гардия Ф. — 375
 Лавров — 445
 Лада-Якушевич Л. — 121
 Лазарев И.А. — 533
 Лазарев, подполковник — 470, 485
 Ламмермайер Р. — 311
 Ламмерт — 67, 192
 Лампе А.А. фон — 451, 460
 Ламедорф О. — 687, 690, 691, 703
 Лаптев — 336
 Лауфер Й. — 847
 Лаффон Э. — 448, 460, 481
 Леви — 481
 Левин А. — 677
 Левин И. — 677
 Левинский Д. — 26, 80, 226, 229, 293, 300, 666
 Левит М.А. — 607
 Легран — 420, 422, 431

Лей — 67, 173
 Лейбрандт — 301
 Лейтнер В. фон — 122
 Леман Х.Х. — 374, 375
 Леманн К. см. Lehman K.
 Лемберг Г. — 26
 Ленин В.И. — 502, 578, 677
 Ленклу Ф. см. Lenclud F.
 Леннен И. — 42, 47, 845
 Леонтьев Я. — 35
 Леонтьев, майор госбезопасности — 264
 Лерский — 471
 Леснов М. — 31
 Лессинг Х. — 708
 Либерт — 468
 Либкнехт К. — 339
 Линде — 220
 Линденталь — 316
 Линсен К. — 326
 Лишкольн А. — 552
 Липов М. — 638
 Липпельт Х. — 629
 Лифф Р. — 677
 Лиханов А. — 664
 Линхтенбергский — 117
 Ловчев — 493
 Логунов — 336, 392, 790
 Лодкин Г.М. — 26, 635, 638, 643
 Лозе Г. — 55, 65
 Лозовский С.А. — 71, 335
 Ломакин Я. — 484, 485
 Ломан — 304
 Ломоносова Т. — 536
 Ломтев — 342
 Лонжаков В.А. — 366
 Лопушинский А.А. — 139
 Лоу Р. — 379
 Лубягов — 476
 Лугин И.А. — 25, 220, 227, 245, 253, 261, 342, 362, 367, 369, 370, 377, 383, 452, 523, 845
 Лукьяненко Г.С. — 448, 484
 Лукьянова Н.Р. — 431
 Лутц Т. — 26
 Лучак Ч. см. Luczak C.
 Лучинин — 549
 Лучишев — 502
 Лушников И.Н. — 649, 662, 663
 Лысенко Т. — 10
 Лысков — 472, 486
 Львов (о. Нафанаил) — 443, 450
 Львов И.А. — 789
 Любченко А.А. — 787
 Людовиг — 707
 Лялин С.Б. — 550
 Лялякин Н.П. — 844

 Мазовецкий Т. — 622
 Мазунов — 336, 790
 Мазуров С.С. — 266
 Майер Ю.К. — 116-118, 123, 124, 144
 Майнцке — 185
 Макаруч — 787
 Макасеев Б. — 392
 Мак-Каллион К. — 653

Маккой Дж. — 471
 Мак-Крири Р. — 436
 Маклаков — 445
 Макмиллан Г. — 414, 415
 Мак-Нарин Дж. Т. — 422, 423, 431
 Макнейл — 563
 Максименко Е. — 677
 Максимов А. Ф. — 785, 788
 Максинчук Е. С. — 649
 Максудов С. — 28
 Маленков Г. М. — 335, 356, 357, 391, 534
 Малкольм А. — 411, 428
 Мальман М. — 118
 Малми Т. — 411, 428
 Малышева Н. — 714
 Малышкин — 113, 122, 543
 Малышкин В. Ф. — 81
 Маль — 115, 117
 Мальков В. А. — 7, 791
 Мальцев В. И. — 113, 114, 419, 431
 Мальцев С., прокурор — 120
 Мальцев, подполковник — 358, 368, 512
 Маневич Л. Е. — 32
 Мансфельд В. — 153, 160, 264, 265
 Маракасов И. Х. — 26, 126, 540
 Маргиев П. — 26
 Маресьевы — 553
 Маркобрунова см. Чинова В. П.
 Марковицова — 677
 Маркс-Штеглиц Б. — 26
 Маркье — 459, 481
 Мартынов И. А. — 787
 Мартынов — 472, 785
 Маско И. Г. — 635
 Массель М. — 326
 Массигли Р. — 448
 Матвеев Д. Ф. — 787
 Маттиелло Г. см. Mattiello G.
 Маггерат Х. — 26
 Матцки — 176
 Меандров В. И. — 423, 426
 Мески Й. — 384
 Мейер Б. — 27
 Мейер Дж. — 296, 304
 Мейулс — 341
 Мелих С. — 26
 Меллер Л. — 310
 Мелон — 462
 Мельник — 446
 Мельников В. — 114
 Мельников Н. — 443
 Мельников Ф. И. — 264, 341, 457, 480, 787
 Мельниченко — 789
 Менде фон Г. — 24, 101, 115, 117
 Мендельсон А. — 677
 Мерзликина Н. П. — 27
 Меркешин — 784
 Меркулов В. Н. — 335, 411, 428
 Мерфи Р. — 431
 Мери Ф. — 694, 717
 Мессек — 435
 Мессершмидт М. — 26
 Мессон Дж. — 409
 Миндельгаупт — 301

Миккельсен С. Р. — 344, 395, 435, 437
 Микулик Н. — 594
 Миловещич С. — 703
 Мильх Э. — 173, 192, 208
 Мильштейн — 76, 142
 Минин Н. П. — 473, 786
 Мироненко С. В. — 26
 Миронов — 486, 787
 Миткевич Г. — 445
 Митропольский — 533
 Митрофанов В. В. — 473, 786
 Михаил, архимандрит — 202
 Михайлов И. — 550
 Михайлов Н. Ф. — 356, 358, 577, 580, 584
 Михайлова В. — 309
 Михалков С. — 16
 Михненко Н. — 441
 Мишин Д. А. — 790
 Минацкая С. — 35
 Молотов В. М. — 21, 71, 72, 76, 79, 131, 171,
 186, 304, 316, 335, 340, 341, 344, 346, 348,
 350, 351, 353, 355, 390–392, 406, 417, 418,
 440, 449, 481
 Моммсен Г. — 637
 Монтгомери Б. — 383, 434, 435
 Морган Ф. — 375, 382, 383
 Морев Г. — 26, 154, 543
 Моритц Э. — 265
 Морозова А. — 27
 Мостовая Л. — 516
 Мостовой П. — 516
 Мостовой С. — 516
 Мохов С. Н. — 36
 Моцкобили И. — 682
 Мошков — 485
 Мудрый В. — 451
 Мудуев Ш. С. — 27
 Мунш Ж. — 443
 Мурр — 114
 Муссет — 730
 Муссолини Б. — 505
 Мухаметжанов М. М. — 26
 Мухин В. — 302
 Мухин В. В. — 27, 229, 264, 844
 Мухина Б. — 16
 Мюллер, представитель ДАФ — 115
 Мюллер Г., начальник гестапо — 96, 102, 256,
 317, 322
 Мюллер Н. — 845
 Мюллер Р.-Д. см. Müller R.-D.
 Мюльхаузен К. — 682
 Мягких Ф. — 33
 Мячин — 784
 Набоков — 119
 Назаревич Р. — 28
 Назаров М. — 845
 Назарова Т. — 81, 143, 845
 Нансен Ф. — 495
 Нарусова Л. — 715
 Науменко В. Г. — 16, 31, 106, 119, 428, 845
 Наумов В. П. — 501, 845, 847
 Некрасов Н. И. — 790
 Немовы Л. и Е. — 582

- Немчинский Я.О. — 843
 Нерон — 325, 326, 328
 Нечаев Г. — 33
 Нигт — 496
 Никель З. — 206
 Никитин Р. — 738
 Николай, митрополит Киевский и Галицкий — 10
 Нитхаммер Л. — 688, 689
 Новиков Н.В., полковник — 493, 496, 503, 542, 789
 Новиков, инженер — 494
 Новиков, подполковник — 360, 457
 Нойманн-Штапсхорст — 176
 Нольте Х.-Х. см. Nolte H.-H.
 Носырева Л.Л. — 81, 143, 845
 Нохотович Д.Н. — 26
 Нуаре см. Noiret
 Ньюсборн Б. — 677
 Нэптон — 483
 Ньюблинг Э. — 355, 635

 О'Карней — 505
 Оберлендер Э. — 26
 Оверманс Р. — 26, 228
 Оглоблев — 117
 Огнев Н. — 302
 Ожороков А.В. — 26, 119, 302, 427, 845
 Олешкевич Е. — 27
 Ольперт А. — 27
 Ольсен — 340
 Ольшевский П. — 524
 Опкоков В.Г. — 123
 Орешкин Ю.Г. — 227, 468, 845
 Орлов А.А. — 787
 Осборн П. — 27
 Осовский С.А. — 671
 Осокин В.А. — 473, 786
 Острандер Л.С. — 431
 Островский — 417
 Оттенберг — 301
 Отто Р. см. Otto R.
 Охотин Н.Г. — 25, 637, 816

 Павленко Н.Г. — 65
 Павлин Р.С. — 461, 785
 Павлов А.Г. — 342
 Павлов С.В. — 106, 409
 Павлов, подполковник — 790
 Палескис Ю. — 449
 Палий П.Н. — 25, 846
 Панарин В. — 846
 Панивиц фон Г. — 106, 107, 109, 113, 119, 408, 411, 413, 418, 428
 Панов Ф.А. — 789
 Пантюхов О. — 485
 Панюшкин А. — 485
 Партоллин — 340
 Пассау — 132
 Пастухов — 457
 Пашиинин М. — 455
 Пегов Н. — 578
 Пелик В.П. — 455, 472, 485, 786
 Перегулов — 341, 457, 787

 Перелядов В.Я. — 33, 561
 Перес Ш. — 682
 Перон — 499
 Пери Б. — 704
 Перченко Ф.Ф. — 843
 Петти — 340
 Петильер М. — 493, 502, 503
 Петриченко С. — 489, 501
 Петров В.П. — 584
 Петров Н.В. — 25, 38, 585
 Пивоваров Ю.Л. — 35
 Пий XII, папа Римский — 426
 Пилинь — 468
 Пилипенко — 80
 Пильц — 286
 Пирогов — 241
 Пироговы — 443
 Пироя — 447, 452
 Писаренко — 435, 483, 575
 Питерский Б.А. — 473, 485, 786
 Пичутин Г. — 330
 Плетнев — 428
 Плющев-Власенко Б. — 123
 Пляйтер П. — 150, 167, 171, 268, 271
 Поболь Н.Л. — 25, 27, 757
 Поздняк — 38, 562
 Поздняков В.В. — 24, 121–123, 300, 304, 431, 585
 Пойкерт — 90, 204
 Покорны — 327
 Покотилов А.П. — 481
 Поликарпов — 336
 Полозов — 455
 Полтавец-Сограница — 455
 Полунин К. — 411
 Поляков Л.Я. — 65
 Поляков Н.И. — 790
 Поляков, полковник — 336
 Полян Б.М. — 27
 Полян И.П. — 27
 Полян М.П. — 27
 Полян П.М. — 5, 6, 35, 36, 119, 154, 229, 264, 480, 481, 637, 659, 841, 844, 846, 850, 853
 Понеделин П.Г. — 81
 Пономарев А. — 845
 Пономаренко П. — 31
 Понс Ф. — 435
 Поплавская см. Радченко Л.
 Попов А. — 26
 Попов — 787
 Порше Ф. — 637
 Поссекель Р. — 26
 Потапов А.Н. — 451
 Почивалов Л. — 35
 Прайс Р.-Б. — 382
 Праудфут М. см. Proudfoot M.
 Прокконен — 388
 Протодьяконов — 424, 425
 Прохоренко К. — 661
 Прохоров — 423, 425
 Пуанья см. Poignant
 Пузанов В.А. — 788
 Пулевич — 445

- Пуртов — 784
 Пустовой И.А. — 90
 Пуцц Ф. — 310
 Пункин А.С. — 263, 291, 292, 300, 305
 Пушман Х. см. Puschmann H.
 Пфальман Г. см. Pfalman G.
 Рагинский С. — 535
 Ралченко (Поплавская) А. — 37, 100
 Раздубудко — 459
 Разин В. — 486
 Разумов — 336, 343
 Разумовский К. — 660
 Райнке — 219, 265
 Райнхарг — 415
 Райхман Л.Ф. — 71
 Райхцаум А.Л. — 661, 847
 Ранке фон — 290, 299
 Рануман — 447
 Рар Г.А. — 26, 103, 119, 122, 303, 451, 543, 574
 Рар Л. — 35, 464
 Раскопов Е.М. — 488
 Распониин — 471
 Ратиган Э.М. см. Rhatigan Ed.M.
 Ратнер З.Г. — 513
 Ратнер J.I. — 513
 Рагов П.Ф. — 355, 384, 786, 788
 Раухенштайнер М. см. Rauchensteiner M.
 Рахнер — 66, 152, 165, 166, 171, 176, 180, 202, 219
 Ревякин В.А. — 334, 524
 Регенау фон см. Смысловский
 Релер — 414
 Ренгольц — 574
 Репуленько — 117
 Ретлингер Г. — 185
 Ретлингер Д. см. Retlinger D.
 Реттг — 220
 Решин Л.Е. — 110, 111, 119, 120, 121, 143, 340, 537, 541, 845, 846
 Ржевневский О.А. — 845, 848
 Риббентрон фон — 122, 131, 294, 440, 727
 Ригуло П. — 450
 Риз Г. — 27
 Риттер О. — 390
 Рицкерт — 115
 Робертсон А.Х. — 383
 Робертсон Б. — 435, 465
 Рогинский А.Б. — 25, 637
 Рогожин А. — 418, 430, 445, 449
 Рогозинский Р.Ф. — 473, 786
 Рогозиных А.А. — 789
 Родевич А. — 103
 Родинков В.А. — 343
 Рождественский — 481
 Розен де — 482
 Розенберг — 677
 Розенберг А. — 10, 39, 51, 55–57, 64, 65, 67, 83, 101, 106, 119, 172, 173, 189, 203, 205, 210, 231, 302
 Ройтер У. — 26
 Романов В.К. — 496
 Романов Е.Р. (Островский) — 444
 Роммель — 293
 Росс Н. — 481
 Ростерт А.-Л. — 311
 Рот — 180
 Ротова О. — 413
 Рош — 461, 482
 Рошман Г. см. Roschmann G.
 Рулаков — 356
 Руденко Р.А. — 30, 143, 588, 589, 592–594
 Рудин Д. — 294
 Рудланскас П. — 452
 Рузвельт Ф. — 345, 374
 Рузвельт Э. — 563
 Русинский В. см. Rusinski W.
 Рутгешель — 117
 Рыбаковский J.I. — 28, 658, 661
 Саатхоф Г. см. Saathof G.
 Сабуров М.З. — 434, 448
 Савельев — 461
 Савина (Яковенко) И.Г. — 101
 Савицкий М.А. — 652
 Савченко, зам. министра угольной промышленности западных районов СССР — 550
 Савченко, представитель по репатриации — 787
 Салказанова Ф. — 450
 Самарин М.И. — 484, 485
 Самсонов А. — 82
 Самсонова Н.В. — 26
 Сандерс Д. см. Sanders J.D.
 Сараев — 791
 Сарджент — 584
 Сарман Т. — 27
 Саутер М. см. Sauter M.A.
 Сафонов, прокурор — 549
 Сафронов С. — 27
 Сахаров А.Д. — 629
 Сверчков Н.Г. — 445
 Светов А.С. (Парфенов) — 451
 Свинцов В. — 35, 123
 Свиридов В.П. — 449
 Севастьянов — 423
 Седых А. — 31, 443, 450
 Селезнев Г.Н. — 663
 Семенов В.С. — 71, 434, 470, 577
 Семенов, полковник — 392, 789
 Семин В.П. — 3, 17, 25, 32, 101, 241, 243, 244, 245, 253, 254, 261, 262, 266, 267, 273, 284, 292, 297, 305, 312, 314, 315, 317, 326, 722, 846
 Семиряга М.И. — 17, 26, 143, 448, 846, 847
 Сенишель Э. — 450
 Серафимов Б.З. (Прянишников) — 451
 Сергеев Е.Ю. — 47, 847
 Серебряков Б. — 582
 Сериз — 482
 Серов И.А. — 81, 434, 577, 578, 582, 589, 591
 Сигуля В.М. — 786
 Сиду Ф. — 826
 Силкин Д.А. — 428
 Синегрибов J.I. — 659

Сняк А. – 455
 Сиротин В.И. – 90
 Ситко Л. – 26, 113, 122, 233, 241, 246, 247, 253, 254, 267, 291, 292, 300, 302, 303, 314, 328, 519, 524
 Скворцов Я. – 677
 Скоропадский – 446
 Скрысов М.А. – 448
 Скрышник Ф.И. – 482, 785
 Скубиневский К. – 622
 Смирнов А.А. – 334, 341, 431, 449, 450, 477, 483–485
 Смирнов В. – 670
 Смирнов, капитан – 459
 Смирнов, полковник – 785
 Смоляр В.Г. – 384
 Смородинов И.В. – 334, 337, 474, 476, 515, 778
 Смысловский Б. см. Хольмстон А.
 Соболев А.С. – 434
 Соколов Б. – 12, 28
 Соколов В.В. (Васильев В.) – 452, 576, 842
 Соколов К. – 542
 Соколов, подполковник – 428
 Соколова И.С. – 38
 Соколовский В.Л. – 434, 448, 461, 463, 464, 468, 470, 471, 482, 514
 Соловьев Н. – 392
 Солодовникова Л.И. – 661, 847
 Соломакин М.К. – 428
 Соломатин С.А. – 847
 Сомонова С. – 845
 Сорокин – 481
 Сорокин С.Н. – 33
 Сосновский С. – 486
 Спечинский Д. – 458, 481
 Спирин Н.С. – 785
 Сносье – 387
 Сталин И.В. – 7, 15, 21, 31, 78, 80, 87, 109, 110, 112, 119, 122, 123, 142, 145, 154, 166, 169, 300, 326, 335, 342, 344–347, 353, 383, 391, 404, 411, 416, 418, 428, 431, 432, 481, 507, 518, 519, 534, 545, 552, 553, 560, 571, 579, 588, 589, 621, 671, 843, 845
 Станевичус – 447
 Станов-Ариетов Г.А. – 302
 Стариков Б.Н. – 561
 Старов М.М. – 787, 790
 Старовойтова Е. – 216
 Старостин см. Маневич Л.Е.
 Стаханов – 520
 Степанов А.Г. – 790
 Степанов В. – 103
 Степанова О. – 103
 Степовик М. – 637
 Стеттинус Э. – 346, 353
 Стивенс – 485
 Стилл Дж. – 436
 Столыпин – 445
 Странкер – 451
 Стручков А.А. – 33
 Стэнг – 417
 Субботина С. – 458, 481

Сулаков – 788, 790
 Судоплатов П. – 359, 406, 414, 429
 Суетин М. – 562
 Султан-Гирей Клыч – 409, 410, 411
 Суперфин Г. – 26, 122
 Супрун П.Л. – 785, 789
 Суровская А.С. – 88
 Суслев М.А. – 578, 588
 Суханов – 441
 Сухарев А.Я. – 30
 Томас Г. – 49, 173, 178
 Таборницкий С. – 119
 Тарле Е. – 10
 Тарновская О. – 103
 Тассиньи де Л. – 434, 435
 Тагаркин Г.В. – 107
 Тауберт – 115, 123
 Темплар Х. – 374
 Тенцов Н. – 845
 Терехов В. – 366
 Терехов И.Н. – 541
 Терещонков Г.П. – 120, 538
 Терещук А. – 26
 Теск О. – 310
 Тильменкова М.П. – 36, 535
 Тимпразева В.Я. – 235, 240, 556
 Тимм М. – 63
 Тимофеев-Рессовский Н.В. – 127, 326
 Тимофеев-Рессовский Ф.Н. – 326
 Тимочкин А. – 26
 Тимошенко С.К. – 76, 843
 Титков – 120
 Тито И.Б. – 416, 624
 Тихоловский В.С. – 514
 Тихоцкий Е.С. – 410, 428
 Тодт Ф. – 47, 105, 149, 155, 172
 Тойфель В. см. Teufel W.
 Толбухин Ф.И. – 414, 471
 Толстая А.Л. – 485
 Толстой А.Н. – 291, 299
 Толстой И.И. – 584
 Толстой Л.Н. – 291, 584
 Толстой Н. (Tolstoy N.) – 17, 31, 42, 47, 119, 342, 344, 345, 353, 355, 390, 392, 393, 406, 407, 413, 416, 427–432, 454, 455, 479, 496, 501, 504, 788, 790, 847, 854
 Томас, подполковник – 296
 Томин Г. – 504
 Томушат К. – 716
 Торн А. – 355, 788
 Трайнин И. – 10
 Трамлер – 328
 Траскотт – 431
 Тренпель – 543
 Трипп В. см. Tripp W.
 Трофимчук – 336
 Трумэн – 479
 Труханев С. – 26
 Трухин Ф.И. – 215
 Труэн – 462
 Турасов – 472, 486
 Турец А.И. – 297

Туркул – 445
Тэк В.Г. – 564
Тюринна Е.А. – 26

Уайсс М. см. Weiss M.
Угримов А.А. – 481
Узенов – 336
Уинстон С. – 677
Улик Э. – 452
Ульянин А. – 27
Ульянов В. – 677
Уолкер П. – 674
Урбак М. – 677
Успенский В. – 517
Утеш В. – 230
Ушаков – 472

Фаворов В.М. – 787
Фаган Э. – 677
Фарук – 497
Федоров, майор – 493
Федоров, подполковник – 471, 784
Федосеев П. – 31
Фелотов – 502
Федюнинский И.И. – 448
Фейган Э. – 682, 703, 704
Фельштинский Ю. – 78
Фейшоу – 375
Феслер П. – 27
Филатов Н.А. – 336, 340, 387, 391, 458, 478,
481, 483, 484, 788, 789
Филин Д.А. – 455, 485, 486
Филиппов Т. – 355
Фингс К. – 26
Финогенов – 336
Фиркорн К.-Г. см. Vierkorn K.-G.
Флейшер А.Н. – 497
Флик Ф. – 612
Флоров А. – 302
Флюккигер Г. – 493, 502
Фогель Ф. – 622
Фогт А. – 496
Фогт В. см. Vogt V.
Фогт, представитель РОА – 117
Фок – 471
Фольмер А. – 629
Фомин В. – 98
Фомин – 360
Фомин, генерал-майор – 485, 486
Фомиченко – 31, 339
Форм В. см. Form W.
Фрайтаг Г. см. Freitag G.
Фраунфельд – 178, 190
Фребе Р. – 228
Фрид Д. см. Fried D.
Фридериси – 190
Фридман И.А. – 663, 664
Фрикк А. – 496
Фройнд Ф. – 704
Фролов Н.М. – 26, 641, 646
Фролов, полковник – 491
Фромм – 215
Фроммельт А. – 496
Функ – 173

Фурцева Е.А. – 589, 592
Фюрст Г. см. Fürst G.

Хаберстро М. – 309
Хагенфельдт фон – 215
Хазанович Ю. – 31
Хайдер Й. – 703
Хайничков – 384
Хайнц К. – 708
Ханке К. – 161
Харин Б.Е. – 26
Харина И. – 716
Харитон Л. – 124
Харитонов – 340, 370
Харламова Н. – 382
Харькова Т.Л. – 13, 28, 29, 65, 841
Хауке М. – 323
Хауснер А. – 26, 636
Хаусфельд М. см. Hausfeld M.
Хейс – 485, 514
Хельбах У. – 26, 713
Хельмх Г. – 108
Хенке К.-Д. – 27, 328, 381, 382
Херберт У. см. Herbert U.
Хечингов Ю. – 485
Хильгер А. – 26
Хиршфельд Г. см. Hirschfeld G.
Хмара – 334
Хойвен ван Г. – 565
Хойер Г. – 661
Холодеин Д.П. – 786, 790
Хольмстон А., Хольмстон-Смысловский
(Смысловский Б.) – 103, 119, 496, 499,
503, 504
Хольный Г.А. – 26, 669, 670, 672
Хольц – 114, 123
Хомбах Б. – 687, 688, 690
Хомзе Э. см. Homze E.
Хооп – 496
Хоревич Л. – 582
Хорунжий В.В. – 17, 847
Хоффман Й. см. Hoffmann J.
Хромов – 117
Хрулев А.В. – 359, 534, 537, 548, 578
Хрушев П.С. – 31, 342, 428, 589, 592–594,
621
Хубер М. – 70
Хубер П. – 502, 503
Худякова Е. – 683

Цайцлер – 119, 120
Царусски Ю. см. Zarussky J.
Цельмс Я. – 447
Цендер А. – 493, 494, 503
Цеханская С.И. – 27
Цибульничков Д.В. – 785
Цибульская С. – 25
Циколла – 317
Цукаша Шихару – 26
Цуриков Н. – 431
Цыганков – 356

Чадасев – 335
Черкизов Н.И. – 670, 672

Чернакова Т.А. – 844
 Черненко М.Б. – 26, 35, 86, 90
 Черновка В. – 251
 Черноглазова Р.А. – 91, 143, 227, 228, 300, 848
 Черномырдин В.С. – 640, 641, 659, 672
 Чернышев В.В. – 143, 335, 337, 338, 342, 388, 550
 Чернышук Ф. – 479
 Черон Ф.Я. – 15, 25, 30, 89, 91, 102, 104, 119, 121, 123, 142, 143, 204, 221, 226, 229, 243, 253, 260, 261, 264, 266, 267, 300, 315–317, 327, 391, 767, 843, 848
 Черчилль У. – 344, 345, 347, 353, 411, 415, 418, 447
 Чесаков – 784
 Чесли С. – 677
 Чиленто Р. см. Cilento R.
 Чинге – 425
 Чинова В.П. (Маркобрунова) – 323
 Чистов К.В. – 18, 34, 304, 848, 849
 Чистова Б.Е. – 18, 34, 304, 848, 849
 Членов М. – 677
 Чуйков В.В. – 448, 471

Шабанов – 458
 Шабельски-Борка – 119
 Шайд Х. – 635
 Шайд Х. – 635
 Шакурин А. – 334
 Шандрук П. – 417, 430, 446
 Шапир И. – 677
 Шапир Э. – 676
 Шаповалов М.М. – 124
 Шапошников Б.М. – 76, 169
 Шарет – 608
 Шариков П. см. Шперик Э.
 Шаров В.М. – 448
 Шаровская М.М. – 246
 Шарпантьс П. – 349, 354, 480, 774
 Шатов М.В. – 123
 Шаумаер М. – 703–705
 Шафров А.Н. – 27
 Шахов – 458
 Швабе А. – 447, 452
 Шварц – 445
 Шверник Н.М. – 10
 Шевелев (Соколов) – 443
 Шевцов – 292
 Шевченко Ф. – 31, 848
 Шеяков А.А. – 12, 18, 27, 28, 34, 65, 132, 139, 144, 404, 405, 407, 501, 530, 541, 542, 575, 719, 813, 848
 Шелленберг В. – 120
 Шенголес – 445
 Шеппельберг – 155
 Шерифи – 482
 Шерон Ж. – 302
 Шерпенберг А.Х. – 617, 826
 Шерф – 120
 Шефер – 607
 Шили – 628
 Шиллинг Э. – 310
 Шиннар А. – 607
 Ширер У. – 215, 321, 327–328, 848

Шигиков – 343, 520, 524, 542
 Шишенков Н.А. – 785
 Шишов – 336
 Шкеленок Н. – 302
 Шкуро А.Г. – 107, 120, 409–411, 428, 523
 Шкут В. – 252
 Шлапп М. – 504
 Шлегель С. см. Schlegel S.
 Шлюссель – 703, 707
 Шмаванец – 266
 Шмидт Р. – 630
 Шмундт – 120
 Шокальский М. – 443
 Шолохов М. – 300
 Шомпольнов В. – 120
 Шпеер А. см. Speer A.
 Шперер М. см. Spörer M.
 Шперик Э. – 513
 Шпидт В. – 613, 639
 Шрамм Г. – 26, 35
 Шредер Г. – 621, 667, 684, 688, 690, 692, 700
 Штадельбауэр Й. – 19, 25
 Штадену – 114, 118
 Штаф – 49, 185, 186, 200, 206
 Штауфенберг – 321
 Штеппа Н.Ф. – 122
 Штефан – 156
 Штокк – 310
 Штрайм А. см. Streim A.
 Штрайт К. см. Streit C.
 Штреле Т. – 154
 Штрик-Штрикфельд В. – 105, 431
 Штробеле – 628
 Штюлен П. – 121
 Шуберт – 49, 61
 Шульц – 156, 179
 Шустенко – 486, 786

Щаденко – 80
 Щербакова И. – 25, 35
 Щиперский А. – 622

Эверс Л. – 26, 627, 688, 689, 692, 700
 Эдвардс П. – 375
 Эйзенхауэр Д. – 346, 375, 422, 434, 435
 Эккерт Л. – 27
 Эллиот М.Р. см. Elliot M.R.
 Энке А. см. Encke A.
 Эрштейн Дж. см. Erstein
 Эрбург И. – 31, 316
 Эренбург И.Г. – 31
 Эренфельд – 316
 Эрлер Г. – 661, 667
 Эрскин – 463
 Эсмонг – 445
 Эттингер Э. фон – 681

Юбершер Г. см. Ueberghär G.R.
 Юркин – 435, 469, 477, 485, 513
 Юрьев С. (Монсеев) – 443
 Юшков – 788

Язов Д. – 668
 Якир П. – 265

- Якобмайер В. см. Jacobmeyer W.
 Якобсен Х.-А. см. Jakobsen H.-A.
 Яковенко И.Г. см. Савина И.Г.
 Яковлев А. — 672
 Яковлев П.Г. — 788
 Якушевский А.С. — 326, 328, 848
 Ян П. — 26
 Ястржембовский В. см. Jastrzebowski W.
 Яхута С. — 306
 Ящечкин — 530, 531
- Allen W.E. — 47
 Aly G. — 265
 Andritsch J. — 848
 Ansbacher L.H. — 286
- Banholzer K. — 849
 Barwig K. — 713, 849
 Bauer D. — 713
 Beede B. — 303, 850
 Beer S. — 17, 31, 32, 413, 415, 429, 430, 849
 Besgen A. — 328
 Bethel N. — 17, 31, 479, 849
 Bethourd M.-E. — 436, 448
 Bohnke B. — 700
 Boll B. — 26, 29, 278, 285, 316, 849
 Bonjour E. — 502
 Bonwetch B. — 849
 Boog H. — 849
 Borgsen W. — 29, 849
 Bracht E. — 28, 849
 Brinkman-Frisch F. — 28, 849
 Brünighaus B. — 29, 851
 Buchholz M. — 851
 Buchsweiler M. — 145
 Bullok A. — 326
- Catrouxé — 354
 Cilento R. — 375
- Daak K. — 854
 Dallin A. — 14, 28, 29, 96, 100–103, 106, 119, 128, 132, 137, 138, 142–144, 156, 163, 172, 174, 184, 185, 191, 204, 206, 212, 849
 Datner S. — 30, 15, 102, 767, 843
 Didier F. — 849
 Distel B. — 264
 Drodziak W. — 700
- Eichtinger — 706, 708
 Eisfeld A. — 145
 Eisterer K. — 26, 253, 256, 449, 450, 454, 485, 486, 849
 Elliot M.R. — 17, 31, 132, 144, 405, 849, 850
 Ellman M. — 28
 Encke A. — 319, 320
 Enderlein K. — 285
 Epstein J. — 16, 31, 850
- Freitag G. — 30, 850
 Fried D. — 14, 29
 Fried J.H.E. — 850
 Füllberg-Stolberg C. — 851
 Furst G. — 712, 713
- Hamann M. — 265
 Hausfeld M. — 678
 Heft I. — 36
 Hellwig — 241
 Herbert U. — 14, 16, 26, 27, 29, 32, 35, 42, 45, 47, 48, 60, 64, 67, 101, 102, 156, 161, 162, 173, 175, 183, 250, 254, 278, 285, 304, 312, 317, 327, 382, 624, 629, 850
 Herbst L. — 624
 Hillberg R. — 612
 Hirsch H. — 625
 Hirschfeld G. — 26, 713
 Hoffmann J. — 26, 101, 114, 118, 120–124, 144, 847, 849, 850, 851
 Homze E. — 14, 29, 48, 68, 172, 173, 203, 204, 214–216, 240, 286, 851
 Hopmann B. — 29, 100, 102, 299, 316, 326–328, 851
 Hübner — 101
 Hufen C. — 301
 Hüser K. — 29, 154, 851
- Gatterbauer R.H. — 14, 29, 102, 266, 284–286, 317, 767, 850
 Geiger P. — 119, 504, 850
 Gestwa K. — 26, 29, 284, 327, 384, 407, 850
 Goeken U. — 34, 35, 850
 Gohde J. — 709
 Golovine N.N. — 47
 Goschler C. — 624
 Grimm C. — 504
 Guyller A.R. — 375
- Idsikowskaja N. см. Идзиковская Н.
- Jacobmeyer W. — 14, 17, 29, 31, 132, 144, 354, 381–384, 398, 401, 405, 437, 449, 450, 454, 455, 480, 484, 569, 575, 576, 851
 Jacckel — 265
 Jäger — 415
 Jakobsen H.-A. — 14, 29, 851
 Jastrzebowski W. — 15, 30
- Karner St. — 17, 19, 25, 27, 29, 31, 32, 79, 285, 353, 428, 561, 593, 851
 Keilig W. — 227, 851
 Keller M. — 324, 327, 328
 Kersten K. — 15, 30
 Kirkwood R.C. — 31, 32, 414, 415, 429, 854
 Kirschner K. — 102, 381, 852
 Klibanski B. — 612
 Klink J. — 849
 Klos H. — 328
 Koch — 65, 203
 Kochavi A. — 27, 852
 Korman E. — 676
 Kräger — 112, 118, 121
 Kronenberg G. — 700

- Krümer K.-H. – 852
Küpper H. – 615, 624, 852
- Lang M. – 80
Lchmann K. – 710, 711
Lencud F. – 375, 460
Luczak C. – 15, 30
- Maas J. – 624
Maksudov S. см. Максудов С.
Mattiello G. – 226, 227, 295, 303, 767, 852
May K. – 29, 849
McCarty D.J. – 47
Michaelis R. – 119
Müller R.-D. – 26, 65, 123, 154, 156, 175, 215, 849, 852
Münchhausen von K. – 636
- Noiret – 461
Nolle J. – 850
Nolte H.-H. – 26, 36, 103
- Oldenburg R. – 36, 851, 854
Omansen T. – 854
Osterloh – 264, 267, 767, 852
Otto R. – 26, 29, 154, 229, 851, 852
Overesch M. – 369, 852
- Quinkert B. – 853
- Pantchell T.X.T. – 227
Perger W.A. – 700
Pfalman G. – 14, 29, 47, 67, 102, 155, 171, 205, 266, 285
Plato von A. – 369, 852
Plettenberg I. – 852
Poignant – 460
Poljan P., Poljan P. см. Полян П.
Proudfoot M.J. – 16, 31, 403, 407, 510, 573, 576, 853
Puschmann H. – 712
- Rauchensteiner M. – 405, 429, 430, 448, 449, 853
Retlinger D. – 14, 29, 203, 327, 853
Rhatigan Ed. M. – 375
Riedel F. – 285
Roschmann G. – 143, 391, 853
Roth J. – 29
Ruhl K.-J. – 854
Rusinek B.-A. – 854
Rusinski W. – 15, 30
- Saathof G. – 26, 636, 849, 854
Sanders J.D. – 17, 31, 414, 415, 429, 430, 854
Sauter M.A. – 31, 32, 414, 415, 429, 854
Scheidl F. – 47
- Schlapp M. – 119, 850
Schlegel S. – 636, 854
Schmied H.-D. – 851
Schneider T. – 854
Schramm G. – 35
Schranner T. – 266
Siegfried K.J. – 29, 854
Skokan L. – 35
Speer A. – 47, 95, 96, 98, 113, 146, 153, 156, 161, 162, 165, 172, 178, 183, 186, 191, 192, 204, 205, 208, 212–214, 216, 253, 284, 325, 328, 854
Spoo E. – 637
Spörer M. – 16, 26, 29, 704, 851
Staritz D. – 369
Streim A. – 14, 83, 89, 90, 854
Streit C. – 14, 26, 29, 47, 70, 79, 82, 89, 102, 127, 129, 142, 143, 156, 227, 229, 253, 256, 259, 264, 265, 666, 848, 854
Szurgacz H. – 15, 30
- Teufel W. – 713
Thies J. – 854
Tolstoy N. см. Толстой Н.
Trames – 35
Trees W. – 854
Tripp W. – 713
- Ueberschär G. – 26, 128, 328, 849, 854
- Venzlaff U. – 317
Vierkorn K.-G. – 413, 428, 429
Vogelsang von H. – 504
Vogt – 226, 227, 295, 303, 767
Volland K. – 29, 849
- Wagenlehner G. – 78, 82, 672
Wegelin – 101
Weischer H. – 29, 30, 101, 172, 264, 266, 328, 855
Weiss M. – 677, 678, 700
Weitz B. – 29, 851
Wessel H.A. – 29
Wette W. – 128, 854
Weyde N. – 849
Whiting C. – 854
Whiting J.H. – 375
Wissgott D. – 680
Wistrich R.S. – 708, 855
Woock J. – 103, 855
Woodbridge G. – 382, 855
Woydt J. – 855
Wunderlich F. – 48
Wysozki G. – 29, 155, 230, 239, 855
- Zajonchkovskaja J. см. Зайончковская Ж.А.
Zarusky J. – 26, 36, 264

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Кроме Европы, Германии, оккупационных зон Великобритании, СССР, США и Франции в Германии и Австрии, а также СССР и России в расширительном значении.

- Лахен — 322, 342, 371, 377, 383, 401
 Аббевиль — 456, 801
 Аверон — 800
 Аверсе — 426, 497, 498, 805 3
 Австралия — 381, 404, 498, 566, 569, 570, 574, 674, 767, 790, 823
 Австрия. Остмарк — 14, 19, 42, 43, 254, 271, 293, 352, 361, 363, 374, 376, 377, 380, 395, 400, 403, 408, 409, 411, 412, 418, 422, 428, 430, 435, 436, 442, 443, 445, 446, 454, 455, 457, 461, 470—474, 477, 485, 486, 488, 489, 496, 501—503, 511, 512, 516, 530, 535, 538, 565, 566, 568, 572, 573, 604, 605, 608, 614, 615, 635, 682, 697, 702—705, 784—786, 789, 792, 814, 823
 Австро-Венгрия — 47
 Агластерхаузен — 512
 Адмонд — 795
 Ажен — 801
 Азербайджан, Азербайджанская ССР — 389
 Ай — 800
 Айдахо — 453
 Айн — 803
 Албания — 380, 488, 490, 501, 786
 Александрия (Египет) — 389
 Александрия (лагерь) — 227
 Александровка — 744
 Александровск — 586
 Алексеевка — 743
 Алексисдорф — 761
 Алешки — 191
 Аллендорф (близ Марбурга) — 29, 148
 Аллендорфер Хюэ — 148
 Алленштейн — 522
 Алма-Ата — 610
 Алтайский край — 543
 Алушта — 512
 Альби — 799
 Альпы — 325, 408
 Альтбургланд — 766
 Альт-Древниц — 759
 Альтенбург — 760, 761
 Альтенграбов — 764
 Альтхофен — 408
 Альха — 379
 Америка — 488, 790
 Амстердам — 500
 Амьен — 456, 798
 Англия см. Великобритания
 Ангулем/Боссо — 799
 Анкона — 804
 Аннаберг — 513
 Аннабург — 760
 Ансбах — 468, 484
 Антин — 759
 Анш — 802
 Апостолово — 559, 781
 Аписолл — 797
 Арад — 210
 Аргентина — 381, 446, 495—499, 504, 567, 574, 790, 823
 Арденны — 371, 802, 803
 Ардеш — 799
 Ардуаз — 798
 Арена-Род — 797
 Арнольдсвайлер — 762
 Арисберг — 256
 Арользен (Бад-Арользен) — 375, 460, 564, 627, 628, 636, 659
 Аррас — 801
 Арувиль — 802
 Архангельская обл. — 586
 Архус — 806
 Арьеж — 802
 Астраханская обл. — 735
 Атлн — 797
 Аугсбург — 446, 451, 467, 793
 Аушвиц см. Освенцим
 Аушвиц-Биркенау — 253
 Афганистан — 672
 Афратол — 803
 Африка — 293, 456, 488, 569, 790
 Б. Замостье — 747
 Бавария — 127, 271, 417, 468, 602, 629, 762
 Багдад — 389
 Бад Зальцфлен — 463, 465
 Бад Зульна — 763
 Бад Ойзенхаузен — 463
 Бад Сааров — 251
 Бад Сегеберг — 254
 Бад-Айблинг — 512
 Бад-Арользен см. Арользен
 Бад-Дюрхайм — 794
 Баден, город в Австрии — 411, 436
 Баден, земля в Германии — 282, 285
 Баден-Баден — 382, 435, 459, 460—462, 761, 791
 Бад-Киссинген — 468, 564
 Бад-Кройцнах — 461, 764
 Бад-Лаутерберг — 636
 Бад-Орб — 763
 Бад-Шандау — 760
 Бад-Шмидеберг — 83
 Бакау — 522
 Баку — 341, 363, 384, 389, 481, 516, 521, 522
 Балиген — 794
 Балканы — 301, 380, 381, 408, 786
 Бамберг — 468, 793
 Банассан — 798

* В скобках приводятся современные названия.

Баньоли – 426, 498
 Баравуха – 219
 Барановичи – 227, 293, 666, 782
 Барановичская обл. – 363, 737, 782
 Бари – 804
 Барлад – 211
 Барнштедт – 763
 Барроу-Хайз – 797
 Бартой-Стейси – 797
 Басра – 384, 389, 392, 479
 Батгайск – 780
 Батецкая – 781
 Батхорн – 761
 Баутцен – 369
 Бахчисарай – 512
 Бахчисарайский р-н – 755
 Бебра – 370, 423
 Безансон – 800
 Бейрут – 457
 Бексхилл – 478
 Белая Калитва – 180
 Белтан – 766
 Белгород – 744, 745, 780
 Белград – 123, 497, 610
 Белев – 781
 Беллари – 417
 Белокоровичи – 200
 Белоруссия, БССР, Республика Беларусь –
 11, 12, 27, 28, 31, 34, 37, 63, 100, 102, 105,
 139, 142, 185, 189, 192–194, 200, 203,
 205–207, 212, 219, 227, 260, 294, 351, 364,
 384, 460, 507, 524, 546–549, 551, 552, 555,
 593, 627, 632–635, 640, 642, 651–657, 660,
 662, 664, 666, 670, 672, 688, 693, 695, 703,
 706, 764, 782, 810, 827, 831
 Белосток, округ Белосток – 51, 65, 92, 127,
 137, 157, 172, 211, 235, 299, 522, 523, 654,
 657, 665, 731, 733, 758, 764
 Бельвун – 227
 Бельгия – 45, 143, 176, 190, 340, 341, 349,
 354, 371, 380, 398, 450, 457, 480, 490, 491,
 497, 498, 501, 566, 569, 572–575, 614, 616,
 617, 636, 767, 787, 789, 805, 823
 Бельцы – 783
 Бендсер-Шах – 341, 386, 389, 392, 479, 480
 Берг – 444
 Бергамо – 804
 Берген-Бельзен – 143, 221, 255, 324, 382, 764
 Берген-Эрбеке – 221
 Бергиш-Гладбах – 762
 Бергнойштадт – 762
 Бердичев – 781
 Берек – 211
 Бержерак – 799
 Берлин Западный – 229
 Берлин – 25, 26, 32, 33, 50, 60, 63–66, 103,
 114, 117, 123, 124, 126, 127, 143, 144, 146,
 148, 152, 155, 171, 190, 191, 202, 204, 205,
 216, 224, 228, 255, 264, 265, 268, 282, 290,
 293–296, 299–301, 304, 319, 321, 325, 329,
 369, 394, 405, 407, 431, 434, 436, 444, 445,
 448–450, 470, 485, 509, 516, 522, 530, 541,
 564, 568, 580, 583, 585, 600, 626, 627, 669,
 676, 712, 716, 759, 826
 Берлин-Лихтенберг – 369
 Берлин-Лихтерфельд – 759
 Берн – 493, 496, 503, 677, 789
 Бероун – 369
 Берхоф – 109, 120
 Бессарабия – 51, 133, 418, 438, 440, 449, 546
 Бетюн – 803
 Беутен – 535
 Биберах – 460, 794
 Билсфельд – 343
 Билин – 760
 Бильдорф – 760
 Блайбург – 416
 Бланкенфельд – 127
 Ближний Восток – 374, 389, 569
 Близменген-Больхен – 764
 Бломберг – 482, 792
 Бобруйск – 143, 171, 219, 228, 695, 783
 Бобруйская (лагерь) – 219
 Бобруйская обл. – 737, 783
 Бове – 801
 Богемия см. Чехия
 Бойценбург – 369
 Болгария – 45, 127, 378, 381, 418, 428, 488,
 490, 501, 638, 767, 787
 Болград – 363, 782
 Боливия – 599, 823
 Боллогое – 780
 Болонья – 804
 Болхов – 750
 Болье – 801
 Больцано – 804
 Бонкур – 805
 Бонн – 26, 78, 82, 369, 382, 462, 514, 616,
 617, 632, 633, 637, 638, 660, 662, 826
 Бонн-Дуйсдорф – 762
 Боргобрунд – 211
 Боргорет – 792
 Бордо – 801
 Борггар-на-Сене-и-Уазе – 456, 458, 459, 523,
 798
 Борисов – 215, 219, 695, 752, 762
 Борн-Редернц – 221
 Бостон – 26
 Босфор – 450
 Боулсйтунг – 795
 Бохольт – 762
 Бохум – 324
 Бочаровщина – 207
 Бразилия – 498, 566, 574, 823
 Браила – 207, 210
 Брамхем – 797
 Бранденбург – 157, 271, 324, 380, 441, 448,
 477, 481, 513, 712, 759, 782
 Братислава – 610
 Брауншвейг – 443, 465
 Брегенц – 493, 796
 Бреда – 492, 806
 Брежи – 419
 Бремен – 26, 29, 103, 382, 636, 682
 Бренвиль – 801
 Бреслау (Вроцлав) – 30, 119, 149, 155, 254,
 290, 299, 504, 522
 Брест (фр.) – 802

Брест-Литовский — 180, 363, 451, 520, 522,
524, 594, 637, 656, 670, 782
Брестская обл. — 737, 782
Брехово — 744
Брив — 457, 800
Брно — 523
Бронбах — 460
Бронная Гора — 695
Брук — 473, 795
Брук-ан-дер-Лейте — 532
Брунsvик — 465
Брюссель — 565, 566, 616, 805
Брянск — 26, 127, 180, 739, 741, 780
Брянская обл. — 24, 38, 105, 559, 560, 562,
646, 659, 735, 741, 780
Будапешт — 324, 522, 610, 676
Буде — 523
Будешти — 666
Буковина см. Северная Буковина
Буке — 503
Букетехуд — 792
Бунцлау (Болеславец) — 356, 366
Бур Ластик — 798
Бурбон — 798, 802
Бургхольц — 323
Бургштатт — 761
Бурддорф — 482
Бурж — 803
Бурят-Монгольская АССР — 539
Бутов — 766
Бух — 127, 327
Бухарест — 210, 520, 522, 610
Бухен — 469
Бухенвальд — 323, 325, 369, 678, 689
Буш-дю-Рон — 798, 800
Буэнге-Айрес — 430, 499
Быдгош — 523
Бяла-Подляска — 221, 235, 255

Вагна — 765
Вадене — 800
Валуц — 27, 496, 504
Вайген — 794
Вайден — 765
Вайсенбург — 127
Вайтенсфельд — 417
Валанс — 798
Валкярви — 740
Вальдбрайтбах — 764
Вальджирш — 310
Вальдлагерь — 556
Вальдштетт — 254
Вальероде — 764
Ванле — 523
Вандом — 798
Варвенка — 538
Варем — 806
Варендорф — 465
Вартегау см. Вартеланд
Вартеланд (Вартегау, провинция Третьего
Рейха) — 133, 134, 326, 766
Вартенберг — 512
Варшава — 30, 38, 51, 204, 408, 610, 624, 695
Васлуй — 226

Ватенштетт — 792
Ватикан — 713
Ваувилермос — 492
Вашингтон — 14, 26, 27, 155, 374, 422, 678,
688, 708
Вегшайде — 763
Веззов — 369
Везуве — 761
Везуль — 802
Вейлмандорф — 795
Веймар — 175, 190, 190, 203, 436, 556
Великие Луки — 105, 742
Великобритания, Англия, Британское Со-
дружество, Альбион — 16, 45, 126, 141,
183, 323, 335, 337, 340–342, 344–348,
350–354, 371, 373, 378, 379, 380, 384, 385,
387–389, 391, 392, 403, 404, 407, 409, 414,
415, 417, 418, 422, 429, 430, 434, 436, 437,
439, 447, 448, 453, 454, 462, 463, 479, 482,
488, 489, 493, 497, 498, 500, 501, 510, 514,
523, 565, 569, 572–574, 599, 605, 607, 608,
614, 615, 618, 702, 721, 727, 767, 772, 786,
788, 797, 823
Великолукская обл. — 387, 388, 735, 742, 780
Вена — 26, 38, 47, 102, 210, 266, 285, 293, 300,
395, 413, 415, 436, 444, 472, 503, 509, 516,
522, 523, 561, 564, 568, 704, 708, 765
Вена-Нижний Дунай (провинция Третьего
Рейха) — 47, 271
Венгрия — 45, 72, 211, 319, 378, 380, 392, 403,
436, 488, 490, 501, 599, 603, 619, 638, 675,
703, 706, 707, 767, 787
Венесуэла — 498, 574, 823
Верден — 455
Вернойхен-Веззов — 369
Веррагаль — 308
Версаль — 458, 798
Верхнесуральск — 586
Верхние Пиренеи — 799, 802
Верхний Вьенн — 798, 799
Верхний Дунай (провинция Третьего Рей-
ха) — 47
Верхняя Гаронна — 799, 800
Верхняя Марна — 798
Верхняя Силезия — 48, 114, 123, 214, 319,
356, 443, 535, 638
Верхняя Сона — 802
Вестал — 26
Вестмарк — 271
Вестон — 797
Вестфаленхоф — 758, 759
Вестфалия — 48, 226, 256, 271, 294, 401, 463,
766
Вешлар — 484, 635
Видлицы — 741
Визенбанд — 513
Вийлури — 513
Виктория — 103
Вилейка — 211
Вильварде — 805
Вильдбад — 761
Вильдберг — 761
Вильно — 599
Вильсхофен — 793

Винер-Нойштадт — 503
 Винница — 100, 171, 197, 610
 Винницкая обл. — 736, 782
 Вире — 803
 Вирст — 805
 Висбаден — 100, 443
 Висконсин — 229
 Висмар — 363, 814
 Виссенгофен — 793
 Вистриц — 760, 761
 Витебск — 54, 171, 175, 207, 219, 227, 695, 739, 783
 Витебская обл. — 737, 783
 Витнаришен — 761
 Виттенберг — 522, 637
 Витгендорф — 760, 763
 Вини — 97
 Визль-Ярви — 740
 Владивосток — 363, 453, 479, 521, 523
 Владимир — 501, 586
 Владимир-Волынский — 87, 363, 370, 522, 524, 782
 Владимирская обл. — 544
 Внен — 805
 Вогезы — 801
 Войсковница — 745
 Волга — 294
 Волгоградская обл. см. Сталинградская обл.
 Волковыск — 364, 523, 524
 Волноваха — 781
 Вологда — 26, 669
 Вологодская обл. — 77, 391
 Волосов — 745
 Волот — 157
 Волянь, Волянь-Подолня, Волянская обл. — 208, 211, 215, 333, 363, 370, 438, 729, 736, 782
 Вольденберг — 759
 Вольфсберг — 416, 765
 Вольфсбург — 637, 678
 Вольштайн — 766
 Воркута — 520
 Воронеж — 33, 180, 183, 184, 780
 Воронежская обл. — 24, 77, 168, 559, 562, 735, 742, 780
 Ворошиловград — 168, 171, 180, 181, 183, 184, 186, 187, 389, 781
 Ворошиловградская обл. — 77, 736, 781
 Вортинг — 797
 Восточная Германия — 134
 Восточная Карелия — 50
 Восточная Пруссия — 48, 51, 142, 146, 147, 214, 220, 221, 227, 235, 271, 319, 326, 356, 380, 391, 440, 638, 758, 766, 784, 811
 Восточная Словакия — 147
 Восточные Пиренеи — 801
 Вранов — 523
 Вроцлав см. Бреслау
 Вулкан — 226
 Вуолкиски — 808
 Вуртзах — 794
 Вустрау — 760
 Выборг — 343, 363, 388, 392, 521, 522, 524, 745
 Выра — 746

Вырица — 746
 Высоко-Литовск (Высокое) — 363, 370
 Вьена — 803
 Вюльбург — 126
 Вюртемберг — 459
 Вюрцах — 461
 Вюрцбург — 793
 Вюстмарк — 363, 814
 Вюстрау — 759
 Вютцен — 760
 Вяжище — 747
 Вязники — 339, 544
 Вязьма — 85, 87, 127, 174, 200, 256, 752, 780
 Вяртсунда — 807
 Гаага — 69-71, 79, 80, 260, 492, 697, 667, 716, 723
 Гайак — 799
 Галац — 227
 Галиция, дистрикт Галиция — 37, 51, 65, 92, 98, 131, 133, 137, 155, 164, 169, 170, 172, 183, 207, 295, 438, 455
 Галле — 101, 117, 215, 286, 341, 363, 394-396, 403, 406, 414-417, 429, 436, 523, 815
 Гальтерн — 792
 Гамбург — 26, 113, 290, 292, 314, 369, 374, 382, 443, 446, 450, 452, 464, 637, 792
 Гамбург-Вильгельмсбург — 285
 Гамбург-Фульсбюттель — 763
 Гаммельн — 80
 Ганновер — 26, 103, 126, 228, 324, 463, 465, 681, 682, 684, 713, 792
 Гар — 798, 799
 Гартн — 523
 Гарши — 805
 Гатчина — 745, 746
 Гватемала — 574
 Гданьск см. Данциг
 Гдов — 751
 Гейдельберг — 26, 375
 Гейслинген — 469
 Гельголанд — 227
 Гельзенкирхен — 323
 Гемсер — 761, 762
 Генерал-Губернаторство см. Польша
 Генуя — 804
 Геппинген — 793
 Гер — 801
 Гера — 436
 Герлиц — 762
 Гермюльсхайн — 325
 Герсен — 798
 Гессен — 271, 402, 635
 Гисен — 794
 Гливице — 114
 Гнайксендорф — 765
 Гнашвиц — 760
 Годыня — 805
 Гозлар — 792
 Гойберг — 794
 Голландия (Нидерланды) — 32, 45, 87, 190, 322, 341, 371, 381, 392, 398, 457, 488, 490, 491, 497, 498, 500, 501, 542, 544, 598, 614, 615, 712, 767, 787, 789, 806, 823

Голопузювка – 743
 Гольштейн – 763
 Гомель – 90, 206, 512, 695, 783
 Гомельская обл. – 737, 783
 Горбуны – 744
 Горка – 324
 Гота – 436
 Граево – 157, 235
 Грайворон – 744
 Грайфсвальд – 759
 Грац – 19, 26, 27, 370, 411, 413, 415, 428, 473, 561, 731, 795
 Гребенка – 781
 Гремячинск – 410
 Гренобль – 456, 798
 Греция – 45, 380, 392, 488, 490, 501, 609, 615, 767, 786
 Григорьево – 747
 Гришино – 187
 Гродненская обл. – 737, 782
 Гролно – 234, 239, 363, 477, 507, 523, 524, 533, 541, 782
 Грос Гезене – 761
 Гросс Шульцендорф – 760
 Гроссборн – 759
 Гросс-Розен – 102
 Гросс-Штреллих – 240
 Грузия – 32
 Гругтенберг – 357
 Грэтц – 766, 767
 Грязи – 780
 Грязная Харчевня – 747
 Грязовец – 77
 Гулендорф – 763
 Гудзон – 724
 Гузен – 293
 Гун – 805
 Гумбиннен (Гусев) – 356
 Гурехус – 806
 Густе – 523
 Гюльте – 309
 Дальний Восток – 507, 569
 Дамаск – 497
 Данилишки – 301
 Дания – 16, 45, 341, 380, 392, 404, 405, 480, 488, 490, 491, 497–501, 572, 616–617, 767, 785, 787, 806, 824
 Данинг (Гданьск) – 30, 48, 126, 145, 290, 299, 301, 326, 535
 Данинг-Бишофсберг – 766
 Данинг-Олива – 766
 Дармштадт – 793
 Дарница – 255
 Дахау – 324, 379, 423, 425, 426, 432, 577, 584, 623, 793
 Двинск – 297, 783
 Деблин – 765
 Дебрецен – 522
 Девиц – 194
 Деллах – 412
 Деллерсхайм – 765
 Делятин – 524
 Демин – 309, 766

Демянск (Демянск) – 747, 748
 Демянский р-н – 748
 Денингерн – 355, 635
 Дерпт (Тарту) – 218, 695
 Десна – 200
 Дессау – 363, 814
 Детмольд – 452, 465, 792
 Джанкой – 756, 781
 Джезказган – 86
 Джерси – 227
 Джулия-Венция – 449
 Джауджакау – 781
 Дзидзице – 438
 Дивенский – 745, 747
 Динжон – 802
 Дипхольц – 792
 Диршау – 42, 766
 Днепр – 168, 192, 200, 206
 Днепротетровск – 145, 165, 174, 201, 219, 695, 781
 Днепротетровская обл. – 23, 555, 559, 562, 736, 781
 Дно – 157, 751, 781
 Доль – 801
 Доминиканская Республика – 574
 Дон – 127, 145, 178, 179, 181, 184, 185, 204, 304
 Донбасс – 167, 168, 171, 172, 174, 175, 186, 305, 389, 532, 536, 660
 Донец – 177, 178, 180, 181, 184, 185, 204, 304
 Донецк см. Сталино
 Донецкая обл. см. Сталинская обл.
 Дордонь – 799
 Дорнбирн – 796
 Дорнервук – 792
 Дорнштин – 227
 Дорогобуж – 264
 Дорстен – 762
 Дортмунд – 172, 324, 637, 761
 Драва – 119, 408, 413, 765
 Дрезден – 26, 27, 121, 122, 151, 156, 254, 267, 300, 308, 324, 340, 672
 Дрогобуж – 753
 Дрогобычская обл. – 50, 51, 333, 363, 511, 736, 782
 Дрозды – 695
 Дром – 798
 Ду – 800
 Дубно – 180, 187, 782
 Дубровский р-н – 741
 Дуйсбург – 323
 Дунауэшинген – 481
 Дюбен – 83
 Дюдиминген – 806
 Дюрерн – 326, 762
 Дюслинген – 100
 Дюссельдорф – 29, 37, 401
 Египет – 380, 392, 479, 495, 497, 523, 790
 Ейск – 16
 Елгава (Митава) – 370, 783
 Ельс (Олешнице) – 357, 366, 522, 523

Жамбров – 764
 Жеври – 805
 Железово – 744
 Желуда – 800
 Женсва – 69, 70, 72, 79, 224, 239, 345, 346, 415, 453, 461, 495, 502, 503, 564, 565, 574, 575, 619, 628, 667, 673, 698, 716, 723
 Жер (р-н) – 799, 803
 Жешув – 197, 523
 Жиронда – 799, 801–803
 Житомир – 208, 780
 Житомирская обл. – 512, 736, 780
 Жмеринка – 782
 Журавская – 296

 Заальфельд – 228
 Заган – 522, 523, 762, 763
 Загреб – 610
 Закавказье – 651
 Закарпатская Украина – 440
 Заксенхаузен – 227, 324, 369
 Зальцбах – 795
 Зальцбург – 436, 445, 472, 485, 486, 503, 564, 584
 Замостье – 522
 Зандбостель – 98, 255, 763
 Западная Белоруссия – 92, 107, 131, 133, 137, 154, 200, 350, 351, 355, 436, 440
 Западная Пруссия – 48, 133, 271, 301, 326, 766
 Западная Украина – 63, 92, 111, 131, 133, 137, 154, 166, 175, 350, 351, 356, 378, 436, 440, 495, 546
 Запорожская обл. – 736, 781
 Запорожье – 183, 202, 513, 739, 781
 Запеек – 390
 Зейст – 761
 Зсмлянск – 743
 Зенне – 221, 226, 255, 762
 Зенне-Линштадт – 361
 Зессен – 305
 Зигмаринген – 713
 Знаменка – 210, 781
 Золинген – 156
 Зольтау – 763
 Зондорф – 793
 Зульцбах-Розенберг – 765
 Зюдаун – 758

 Ивановская обл. – 77
 Игель – 764
 Иерусалим – 26
 Изер – 798
 Изерлон – 761
 Измаильская обл. – 51, 736, 782
 Израиль – 21, 569, 598, 606–608, 612, 614, 674, 677, 680, 682, 688, 693, 700, 723
 Иль и Вилен – 800
 Ильмайюка – 807
 Иль-сюр-Тарн – 799
 Иммендинген – 459, 461, 481
 Иммендорф – 792
 Индо-Китай – 381, 498, 790, 824

Иннсбрук – 26, 117, 436, 443, 472, 473, 486, 503, 564, 786
 Инстербург (Черняховск) – 522
 Инта – 538
 Иоахимсталь – 123
 Ионна – 803
 Иоройнек – 808
 Иоханнес-Бамберг-Больхен – 764
 Ирак – 384, 389, 392, 497, 523, 790, 824
 Иран, Персия – 341, 380, 384, 389, 392, 497, 516, 523, 790
 Иркутская обл. – 391, 539, 546
 Исландия – 574
 Испания – 498, 767, 823
 Италия – 33, 45, 70, 123, 131, 143, 333, 341, 346, 360, 371, 374, 378, 382, 388, 389, 398, 404, 407–409, 424, 454, 479, 478, 489, 497–499, 501, 504, 523, 556, 565, 566, 568, 572, 603, 614, 615, 767, 788, 803, 824

 Йсна – 688
 Йнглава – 523
 Йоркшир – 389
 Йоханнесбург – 676, 758
 Йыхви – 695

 Кабардинская АССР – 736, 757
 Кавказ (см. также Северный Кавказ) – 51, 64, 145, 178, 181, 182, 185, 186, 200, 408
 Кавказская – 781
 Кавминводы – 178
 Казатин – 782
 Казахская ССР – 305, 537, 543, 649, 651
 Кайзерштайнбрух – 765
 Калач – 180, 332, 754
 Калининградская обл. – 440, 659
 Калининская (Тверская) обл. – 387, 398, 391, 392, 735, 742, 780
 Калининковичи – 782
 Калифорния – 676
 Калмыцкая АССР – 753
 Калуга – 744
 Калужская обл. – 646, 659, 735, 744, 780
 Кальвадос – 801
 Кальф – 794
 Кама – 539
 Каменец-Подольская обл. – 23, 559, 736, 782
 Каменка – 743
 Канада – 122, 381, 418, 454, 456, 459, 498, 499, 566, 569, 570, 573, 574, 674, 680, 767, 790, 823
 Кандалакша – 740
 Кандалакшинский р-н – 740
 Канельяно – 804
 Канфенберг – 796
 Караганда – 539, 586
 Карелия, Карело-Финская ССР – 11, 27, 134, 139, 363, 387, 388, 390, 392, 586, 646, 659, 738, 740
 Каринтия – 413, 416, 417, 445, 449, 472, 765
 Каринхалл – 123
 Карлсбад (Карловы Вары) – 124
 Карлсруэ – 449, 680, 793
 Карлсхорст – 669

- Карпаты – 211, 358, 438
 Карташевский р-н – 561
 Каспийское море – 389, 392, 516
 Кассель – 444, 468, 469, 538, 763
 Касто – 805
 Кастр – 799
 Каговице – 114
 Каттерик – 797
 Катынь – 480
 Каулиэ – 807
 Каунас – 370, 783
 Кауфхольц-Деллерсхайм – 765
 Каширка – 741
 Каяни – 740
 Квантунская обл. – 380, 790
 Келлерберг – 795
 Келькхайм – 686
 Кельн – 26–28, 35, 121, 157, 316, 322, 326, 377, 401, 607, 626, 627, 630, 636, 637, 678, 682
 Кельце – 87, 522, 523
 Келюс – 799
 Кембридж – 35
 Кемерово – 389, 411
 Кемеровская обл. – 539, 546
 Кемп Руперт – 453
 Кемптен – 419, 422, 431, 452, 469, 493, 504, 512
 Кемптон-Парк – 389
 Кемь – 740
 Кенигсберг (Калининград) – 149, 290, 298, 304
 Кенигсварт – 760
 Керимьяки – 807
 Керченский п-ов – 167
 Керчь – 90, 165, 167, 512, 756
 Кесн – 805
 Кетчендорф – 369
 Кибарты (Кибартайск) – 370, 391
 Киввиоли – 174, 783
 Киев – 16, 31, 51, 124, 145, 160, 171, 193, 197, 200, 201, 202, 300, 359, 367, 443, 587, 610, 633, 634, 641, 660, 683, 830
 Киевская обл. – 295, 736, 782
 Кизел – 539, 541
 Киль – 792
 Кильский канал – 302
 Кингисепп – 747, 780
 Киргизская ССР – 556
 Киров – 513
 Кировоград – 197
 Кировоградская обл. – 736, 781
 Кировская обл. – 391, 586
 Кирихайн – 759, 760
 Китай – 381, 508, 509, 516, 574, 790
 Кишинев – 363, 783
 Клагенбург – 414, 418, 436, 472, 473, 564, 795
 Клейн Санкт-Пауль – 408, 418
 Клэр Ипп – 806
 Клермон Ферран – 803
 Клингсберг – 512
 Клинцы – 171, 739
 Кобленц – 24, 461
 Кобэ – 599
 Ковель – 180, 200, 370, 522, 524
 Ковно (Каунас) – 51, 599
 Козель – 762
 Койданоовский р-н – 102, 193
 Коккола – 808
 Кокотово – 88
 Колбасино – 695
 Колдышево – 696
 Колодезь – 90
 Коломья – 523
 Колумбия – 498, 823
 Колумбия, округ США – 676
 Колыма – 520, 524, 539, 586
 Кольдинг – 807
 Кольдиц – 637
 Кольмар – 382, 480–482, 484
 Комарно – 523
 Комерси – 800
 Коми АССР – 120, 539, 543, 586
 Компьен – 801
 Конантр – 801
 Кондопога – 740
 Конни – 301, 302
 Конотоп – 205, 781
 Констанца – 207, 210, 215, 501, 523, 525
 Конфенберг – 795
 Коньске – 764
 Копенгаген – 155
 Корби Фулоа – 798
 Корея (см. также Северная Корея и Южная Корея) – 380, 790
 Корниловка – 744
 Коростень – 200
 Коррес – 800
 Коспаш – 541
 Кот-д'Ор – 802
 Коткидан – 802
 Кофельд – 792
 Кохтла – 695
 Крайний Север – 539, 546, 640, 659
 Крайцбург – 468
 Краков – 30, 171, 215, 235, 522
 Красногорск – 27, 143
 Красноград – 188
 Краснодар – 764
 Краснодарский край – 646, 754, 781
 Красное Село – 171, 746
 Красноярск – 536
 Красноярский край – 391, 539, 546
 Красный Берег – 696
 Красный Лиман – 781
 Красный Луц – 191, 202, 695
 Крез – 798
 Кременчуг – 219, 306, 556
 Кремс-Гнайксендорф – 765
 Крефельд-Фихтенхайн – 762
 Кривитц – 363, 814
 Кривой Рог – 150, 155, 197, 205, 219, 268, 271
 Крит – 786
 Кричев (Кричево) – 88, 666, 695
 Кройцберг – 759
 Кронштадт – 489, 501

Крупна-Мюлле (Крупский Млин) – 356, 366
Крым, Крымская обл., генераль-бещирк
Крым – 12, 51, 127, 145, 167, 178, 183,
184, 187, 192, 201, 207, 210, 211, 215, 345–
347, 351, 353, 354, 434, 537, 638, 736, 755,
781
Крюммель – 113, 324
Крюнцибург – 763
Куба – 824
Кубань – 127, 145
Кудамогуба – 741
Кузбасс – 389, 411, 413, 532, 539
Кузькино – 513
Куй – 806
Куйбышевская обл. – 513
Куйза – 799
Кулемберг – 500
Куликовка – 194
Кульбах – 468
Кунау – 762
Кунгсхафен – 467
Кунино – 742
Куолярви – 740
Кур – 506
Курпьер – 799
Курск – 182–184, 240, 744, 745, 780
Курская (станция) – 85
Курская обл. – 24, 168, 559, 560, 562, 659,
735, 744, 780
Курский р-н (Ставропольский край) – 85
Кустанайская обл. – 305
Кутилена – 741
Куфштайн – 361, 473, 796
Кюстрин – 759
Кямряля – 740

Лабанд – 114
Лабругьер – 799
Ладожское озеро – 50
Ладомиров – 450
Лалинген – 806
Ла-Манш – 227
Ламсдорф (Ламбиновиле) – 38, 221, 305,
762, 763
Лан – 147
Лангвассер – 793
Ландау – 493, 793
Ландек – 455, 473, 486, 766, 786, 796
Ландр (Верден) – 803
Ланмезан – 799
Лансбург – 793
Лансгут – 423
Лангная – 743
Лапландский лагерь – 740
Лар – 309
Ла-Сель-Сен-Клу – 458
Латвия, Латвийская ССР, Республика Лат-
вия – 11, 12, 27, 28, 51, 92, 133, 139, 206,
350, 351, 439, 447, 491, 509, 515, 546–549,
551, 575, 633, 641, 646, 675, 695, 707, 714,
731, 732, 738, 783, 806, 807, 810, 831
Латинская Америка – 404, 674
Ле Пюи – 798
Леблехтедорф – 695

Лежница – 215
Лейбхирх – 794
Лейбниц – 765
Лейпциг – 30, 260, 263, 274, 291, 309, 323,
363, 405, 436, 523, 814
Ле-Манс – 802
Лембек – 805
Лемберг см. Львов
Лемго – 26, 564
Лемски – 157
Ленинград, Санкт-Петербург – 12, 26, 35, 49,
90, 126, 127, 133, 154, 179, 265, 359, 391,
484, 538, 540, 543, 587, 610, 646, 659, 683,
735
Ленинградская обл. – 134, 154, 206, 363, 387,
388, 391, 392, 538, 543, 640, 646, 659, 735,
745, 780
Леобен – 473, 523, 795
Лесная – 227, 293, 666, 695
Ле-Тюен – 523
Ле-Тюке – 800
Либурн – 457, 802
Ливадия – 510
Ливан – 381, 498, 790, 824
Ливарно – 804
Ливеп – 797
Ливерпуль – 390, 479, 523
Лида – 265
Лисец – 408, 409, 411, 428, 429
Лизе – 758
Лилль – 799
Лильсебегж – 369
Лимбург-на-Лане – 444, 574, 764
Линмоз – 457
Линц – 429, 445, 485, 503, 511, 795
Лнон – 523, 800
Липецк – 26
Липпе – 401
Лисичанск – 202, 536
Лиски – 780
Литва, Литовская ССР, Республика Литва –
11, 27, 28, 51, 92, 133, 139, 142, 200, 206,
208, 211, 271, 302, 333, 340, 350, 351, 363,
370, 439, 447, 449, 509, 515, 546–549, 551,
554, 633, 641, 646, 695, 707, 714, 731, 732,
738, 783, 806, 810, 831
Литтшен-Марненверден – 766
Литгмаништадт (Лодзь) – 133, 356, 611, 767
Лихославль – 780
Лихтенану – 229
Лихтенштейн – 119, 492, 493, 496, 504, 789
Ло – 802
Ло и Гаронна – 801
Лодзь см. Литгмаништадт
Лозанна – 495
Лозер – 798
Лозиновка – 194
Лозовая – 188
Лондон (Канада) – 122
Лондон – 31, 47, 78, 326, 344, 355, 374, 382,
389, 401, 407, 415, 429, 434, 435, 453, 455,
563, 607, 614, 618, 621, 715, 722
Лопасная – 781
Лотарингия – 349, 350, 355

- Луар и Шер – 798
 Луара – 798, 802
 Луга – 746, 780
 Луганж – 803
 Луцк – 197
 Лученец – 523
 Львов, Лемберг – 33, 51, 147, 210, 333, 428, 522–524
 Львовская обл. – 51, 92, 333, 363, 731, 733, 736, 782
 Львов – 780
 Льеж (бельг.) – 805
 Льеж (фр.) – 802
 Любань – 157, 171, 746
 Любек – 98, 241, 369, 438, 465
 Люблин – 221, 235, 522, 764, 765
 Люблина – 418
 Люболяды – 747
 Любомль – 370
 Люботин – 188
 Люгде – 311
 Людвигсбург – 468, 761
 Людвигслуст – 363, 814
 Людвигсхафен – 713
 Люксембург – 759
 Люксембург – 380, 398, 457, 607, 608, 614, 615, 618, 619, 789, 806, 824
 Люнебург – 98
 Люстине – 805
 Ля Куртин – 798
 Ля Планет – 799
 Ля Прюг – 802
 Менхехоф – 444, 451
 Мюнхен – 16, 26, 36, 103, 108, 119, 122, 123, 126, 142, 300, 302, 328, 374, 375, 419, 438, 443, 445, 446, 450, 451, 468, 575, 582, 584, 585, 624, 682, 793
 Магадан – 524
 Магаданская обл. – 546
 Магдебург – 363, 367, 763, 814
 Малафальва – 211
 Майданек – 221, 253
 Майн – 765
 Майнинген – 228, 229
 Майнталь – 682
 Майнц – 26, 328
 Майнц-Каппель – 482
 Майори – 512
 Майп – 801
 Майсен – 260
 Максевка – 695
 Макон – 802
 Мала – 194
 Малмсен – 805
 Малос Засово – 748
 Малшбах – 761
 Мальта – 341, 353, 480
 Мандуваре – 740
 Маннгейм – 793
 Манхайм – 467
 Манш – 799, 801
 Маньчжурия (Манчжоу-Го) – 380, 728, 790
 Маока – 507
 Марбург (Марбург-на-Лане) – 25, 26, 147, 148, 690
 Марбург-на-Драве – 765, 766
 Марибор – 765
 Мариенбург (Мальборк) – 766
 Мариуполь – 205
 Маркт-Понгау – 766
 Марна – 800–803
 Марокко – 458, 498, 543, 566, 824
 Марсель – 341, 457, 480, 481, 523, 788, 800
 Марынка – 187
 Масне – 792
 Матиск – 782
 Матвеев Курган – 90
 Маутен-Кетшах – 408
 Маутхаузен – 293, 324
 Мга – 746
 Медвежгорск – 740, 741
 Медвежь – 743
 Месрбск – 792
 Мёз – 800, 803
 Мезьер – 802
 Мекленбург – 436, 448
 Мелитополь – 171, 191, 200, 202
 Мельминген – 793
 Мемельская (Клайпедская) обл. – 440
 Мемминген – 504, 762
 Мен и Луара – 799
 Менд – 798
 Мерт и Мозель – 800, 802, 803
 Мершприх – 802
 Мец – 764, 800
 Мидорфа – 763
 Микоян-Шахар (Черкесск) – 202
 Милан – 804
 Миллерово – 752, 780
 Миллюнен – 391
 Милспе-Вест – 103
 Минск – 91, 127, 143, 171, 175, 188, 197, 227, 228, 255, 256, 408, 610, 633, 634, 640, 641, 658, 660, 661, 671, 695, 762, 782, 830
 Минская обл. – 147, 230, 737, 782
 Мироновка – 782
 Митава см. Елгава
 Михальовице – 523
 Мишениц – 758
 Млава – 523
 Мо – 523, 798
 Могилел – 174, 180, 282, 286, 536, 739, 783
 Могилевская обл. – 88, 90, 737, 783
 Модена – 804
 Можайск – 264, 780
 Мозель – 800, 802, 803
 Молвотицы – 748
 Молдавия, Молдавская ССР, Республика Молдова – 11, 27, 28, 51, 92, 133, 139, 350, 363, 524, 546–549, 555, 587, 633, 636, 649, 651, 695, 738, 783, 831
 Молодеченская обл. – 695, 737, 783
 Молодечно – 783
 Молосковичи – 746
 Молотовская (Пермская) обл. – 410, 533, 539, 541, 543, 546

Молочанский немецкий автономный р-н — 145

Мондзес — 445

Монебург — 792

Монмараши — 26

Монпелье — 801

Монс — 805

Монтбазон — 799

Монтви — 767

Монтестрю-сюр-Жер — 803

Монтрей — 803

Моравия см. Чехия

Моранж — 803

Морбиан — 802

Мордовия — 586

Мосбург — 762

Москва — 9, 18, 19, 25–27, 35, 36, 38, 51, 90, 105, 123, 175, 204, 229, 290, 293, 341, 342, 344, 349, 350, 352–355, 359, 364, 387, 391, 410, 411, 419, 445, 450, 459, 461, 470, 493, 508, 523, 587, 598, 610, 618, 629, 632–634, 636, 641, 643, 645, 646, 656, 657, 659, 660, 662, 670, 671, 677, 682, 684, 716, 830, 833

Московская обл. — 533, 541, 640, 645, 646, 735, 780

Мостиска — 363

Моуспер — 805

Мстиславль — 88, 90, 536

Му — 523

Мукачево — 507

Мумени — 805

Мур — 410

Мурманск — 363, 364, 370, 390, 453, 490, 521–524

Мурманская обл. — 735

Мурмелон — 800

Мустосери — 807

Мустосеффи — 808

Мушси — 523

Мишинская — 745

Мюзинген — 794

Мюклинвиклинг — 793

Мюльберг — 369, 760

Мюльхайм — 639, 795

Мюльхаузен — 761, 763

Мюнзинген — 114, 761

Мюнстер — 160, 221, 266, 761–763

Мюннинг — 795

Мютцинг — 803

Нагольц — 794

Найзенау — 379

Нальчик — 182, 610

Намюр — 805

Нанси — 800

Нантс — 798

Нарышкино — 750

Находка — 507

Неаполь — 497, 803, 804

Нева — 51

Невель — 742

Невельский р-н — 742

Нежин — 194, 782

Нейдорф — 148

Нейштадт — 148, 328, 523

Нидерзаксенверфен — 444

Нидерланды см. Голландия

Нидерлаузитц — 759, 760

Нидерталь — 324

Нижний Рейн — 802, 803

Нижняя Австрия — 271, 414

Нижняя Саксония — 230, 264, 271, 464, 700, 785

Нижняя Силезия — 161, 271

Николаев — 165, 197, 782

Николаевская обл. — 145, 201, 736, 782

Никополь — 205

Нин — 799

Нинбург — 763

Ницца — 481

Новая Зеландия — 498, 569, 574, 767, 824

Новгород — 147, 197, 747

Новгородская обл. — 157, 206, 387, 388, 640, 646, 648, 659, 735, 747, 781

Ново-Алексеевка — 782

Новоаннинский — 77, 333

Ново-Вилейка — 783

Новогрудок — 107, 408

Новодевичинский р-н — 513

Новозыбков — 780

Новоросси́йск — 525

Новосибирск — 33

Новосибирская обл. — 537

Новосильское — 742

Новосокольники — 780

Ново-Украинка — 219

Нойбранденбург — 758

Нойбурксдорф — 760

Нойвид — 147, 764

Нойгамме-Вест — 102, 221

Нойсенгамме — 155, 241, 763

Нойкельн — 760

Ноймайер — 361

Ноймюнстер — 147

Нойнкирхен — 369, 370, 473, 794

Нойруппин — 724

Ной-Ферзен — 761

Нойштадт — 415, 794

Нор — 799

Норвегия — 120, 220, 324, 340, 350, 355, 360, 380, 384, 405, 488–490, 497, 501, 523, 538, 565, 574, 614, 615, 767, 786, 788, 824

Нордерн — 226

Нордмарк (провинция Третьего Рейха) — 271

Нордхаузен — 444

Норильск — 87, 539, 586

Нормандия — 388

Нурми — 388

Ныминдегаб — 806

Нью-Джерси — 678, 707

Нью-Йорк — 29, 123, 407, 427, 432, 450, 469, 606, 608, 612, 675, 676, 678, 682, 683, 699

Ньюландз-Корнер — 797

Нюр — 803

Нюринберг — 114, 123, 157, 216, 310, 380, 468, 469, 512, 614, 784, 793

Нюринберг-Лангвассер — 361, 765

Нюртинген — 469

- Об – 801, 802
Обенро – 807
Обервизель – 764
Обердраубург – 409, 413
Оберланген – 761
Обермасфельд – 763
Оберсдорф – 635
Обертраублинг – 241
Оберштайн – 459
Оберштауфен – 504
Од – 799
Одер – 319
Одербаль – 241
Одесса – 51, 56, 168, 207, 210, 215, 363, 364, 370, 389, 424, 442, 479, 497, 521–524, 610, 782
Одесская обл. – 51, 736, 782
Оехи – 695
Озаричи – 655, 657, 661, 696
Окленд – 31
Олдерни – 227, 260
Олита – 200, 211
Олоонец – 740, 741
Ольборг – 807
Ольденбург – 465
Омская обл. – 391
Он – 799
Онден – 805
Онежское озеро – 51
Опочка – 171, 739, 742
Онпельн (Ополе) – 522
Опухлики – 742
Орел – 180, 202, 512, 739, 750, 780
Орловская обл. – 23, 27, 38, 107, 200, 559, 560, 562, 640, 646, 735, 750, 780
Орша – 105, 219, 739, 752
Освенцим, Аушвиц – 535, 602, 611, 692, 716
Осиновец – 742
Осинторф – 105
Осиповичи – 188
Оснабрюк-Эверсхайде – 483
Остенде – 453
Остланд см. Рейхскомиссарнат Остланд
Остров (дер.) – 750
Остров – 522
Острогосек – 78, 333, 743
Острув-Мазовешский – 523
От – 806
Оттвайлер – 29
Оулу – 807
Оффенбург – 761, 794
Ош – 799
Ошац – 260, 761
- Паалу – 741
Пабянице – 187
Павловск – 746
Павлоград – 174
Палеборн – 762
Па-де-Кале – 800–803
Падуя – 504
Палестина – 374, 392, 497, 500, 572, 599, 606, 824
Паневежис – 783
- Парагвай – 498, 567, 824
Париж – 15, 26, 27, 35, 229, 292, 341, 343, 354, 456–458, 462, 472, 481, 486, 493, 606, 676, 786, 797, 798, 800, 826
Паричи – 696
Пархим – 215, 363, 523, 814
Парш – 486
Пасинг – 375
Пашкани – 522
Петтец – 411, 412
Пезаро – 805
Перевоз – 296
Пернез – 808
Перно – 800
Персидский залив – 479
Персия см. Иран
Перу – 824
Пески – 235
Петрики – 240
Петровский (лагерь около Сталино) – 389
Петрозаводск – 741
Петропавловск-Камчатский – 453, 523
Петропавловск-на-Амуре – 521
Печоры – 751
Пиза – 426, 804
Пиндуши – 740
Пинск – 782
Пинская обл. – 737, 782
Плавск – 752
Платтлинг – 227
Плауэн – 363, 369, 370, 423, 436, 814
Плетцензе – 444
Плоешти – 522
Пльзень – 523, 793
Плюсса – 752
Поводорь – 501
Погар – 741
Погеген – 758
Погорслунка – 746
Подолля см. Волинь
Подольск – 27, 49, 77, 229, 255, 332, 333, 392, 501
Позен (Познань) – 30, 39, 522, 524, 766, 767
Полесская обл. – 661, 737, 782
Полоцк – 695, 783
Полоцкая обл. – 737, 783
Полтава – 165, 183, 295, 781
Полтавская обл. – 736, 781
Польша, Генерал-Губернаторство – 28, 30, 37, 38, 42, 45, 51, 56, 62, 63, 65, 131, 134, 148, 157, 165, 190, 211, 213, 215, 219–221, 227, 231, 235, 238, 255, 271, 303, 323, 334, 338, 345, 351, 355, 362, 366, 372, 378, 380, 392, 403, 437–439, 442, 460, 476, 480, 488, 489, 501, 503, 508, 516, 534, 563, 568, 598, 599, 603, 613, 618, 619, 621, 622, 624, 627, 630, 633, 636, 638, 673, 678, 680, 688, 693, 695, 703, 706, 712, 713, 718, 733, 764, 767, 788, 824
Померания – 48, 214, 271, 326, 380, 874
Понтуаз – 800
Поплавский р-н – 749
Попрад – 523
Портал Тип – 806
Портленд – 453

- Порт-Саид – 389, 523
 Порхов – 103, 752
 Потесам – 25, 101, 350, 434, 583, 618
 Прага – 112, 115, 291, 420, 610
 Премниц – 362
 Пресногорьковский р-н – 364
 Пресноредут – 305
 Претш – 83
 Прибалтика (Балтия) – 6, 28, 45, 55, 63, 66, 92, 111, 121, 127, 133, 134, 145, 150, 166, 172, 200, 204, 206, 207, 350, 355, 363, 378, 381, 439, 440, 447, 468, 490, 495, 546, 568, 587, 643, 657, 665, 719, 732, 809
 Приднестровье, Транснистрия – 51, 160, 603
 Прикарпатье – 150
 Принстон – 48
 Притцвальк – 759
 Провен – 798
 Прокопьевск – 389, 413
 Проскуров (Хмельницкий) – 197, 782
 Просткен – 758
 Прохладный – 757
 Пружаны – 363, 370
 Пруссия – 41, 271
 Прут – 331
 Псков – 54, 167, 174, 179, 240, 750, 751, 780
 Псковская обл. – 27, 230, 324, 387, 388, 640, 646, 659, 735, 750, 780
 Пуатье – 803
 Пудьма – 741
 Пупнинг – 765
 Пустошка – 742
 Пуффенгаузен – 310
 Пуховичи – 147
 Пушкин – 746
 Пфальц – 764
 Пшемсль – 187, 210, 211, 215, 235, 522
 Пылкюля – 695, 783
 Пыячснца – 804
 Пюи-де-Дом – 798, 799, 803
 Пятихатка – 559, 782

 Рава-Русская – 363, 523, 524, 782
 Равенсбрюк – 89
 Равенсбург – 462, 794
 Развалов – 522
 Рамбервилер – 801
 Растенбург – 61
 Раудаскюля – 808
 Раштатт – 435, 459, 461
 Регенсбург – 426, 451, 468, 574, 575, 793
 Редериц – 759
 Редьковский сельсовет – 561
 Резина – 803
 Реймс – 800, 801
 Рейн – 151, 328, 371
 Рейнланд – 48, 157, 271, 459
 Рейхскомиссариат Остланд, РКО – 51, 55, 131, 157, 170, 171, 173-175, 177, 178, 183, 184, 193, 194, 205, 206, 208, 212, 218, 230, 295
 Рейхскомиссариат Украина, РКУ – 51, 131, 133, 134, 135, 165, 166, 170, 173, 177, 178, 183, 187, 190, 192, 193, 201, 204-206, 208, 210, 211, 230, 295
 Реклингсхаузен – 766
 Рендсбург – 302
 Ренн – 456, 800
 Ржев – 185, 200, 744
 Рибьяки – 742
 Ривзальт – 801
 Рига – 51, 147, 512, 516, 783
 Риза – 266, 363, 814
 Рикони – 426
 Рим – 33, 497, 803, 804
 Ровенская обл. – 736, 782
 Ровеньки – 86
 Ровно – 51, 165, 204, 230, 637, 729
 Родез – 800
 Рождествено – 745
 Рожняа – 523
 Ройтвальд – 795
 Ройтлинген – 794
 Ройтмюнх – 795
 Романовка – 745
 Рона – 798, 800
 Роншен – 803
 Горзен – 763
 Рославль – 127, 207, 739, 753, 780
 Россонь – 743
 Ростани – 748
 Ростов-на-Дону – 87, 90, 171, 182-184, 186, 556, 558, 677, 751
 Ростовская обл. – 90, 106, 640, 751, 780
 Росток – 38
 Роттвайль – 459
 Роттенбург – 711
 Ротгенман – 795
 Роттердам – 500
 Роход – 523
 РСФСР, Российская Федерация (РФ) – 6, 11, 12, 27, 28, 138, 139, 145, 148, 364, 547-549, 552, 593, 627, 632-636, 639, 640, 644, 647, 651, 656, 657, 664, 675, 689, 693-695, 703, 706, 707, 714, 715, 717, 809, 810, 827
 Руммельсбург – 766
 Румыния – 51, 70, 72, 130, 132, 160, 167, 168, 174-176, 211, 220, 226, 227, 319, 331, 378, 380, 387, 391, 392, 400, 403, 438, 439, 442, 450, 488, 489, 501, 521, 598, 619, 638, 767, 788, 824
 Рур – 61, 147, 150, 156, 172, 271, 465
 Рыбник – 42
 Рюген – 230
 Рюэн – 678
 Рязанская обл. – 735
 Рязань – 77, 331, 333

 Сумская обл. – 737, 781
 Саарбрюкен – 119
 Саарбург – 764
 Савостьяновка – 304
 Саксония – 26, 266, 369, 401, 436
 Саксония-Анхальт – 448
 Салла – 740
 Сало – 97, 499, 505
 Саль – 802
 Сальск – 751
 Самара – 26, 541

- Самбор — 524, 533
 Сан — 803
 Сан-Диего — 25
 Санкт-Вейт — 408
 Санкт-Георген — 285
 Санкт-Мартретген — 493
 Санкт-Петербург см. Ленинград
 Сан-Пьер-Эглиз — 801
 Сан-Франциско — 123, 479
 Сан-Этьен — 798
 Сарасво — 41, 610
 Саранск — 33
 Саргемин — 802
 Сарны — 200
 Сарт — 802
 Саульгау — 794
 Сахновка — 512
 Сватово — 781
 Свердловск (Екатеринбург) — 413
 Свердловская обл. — 537, 543, 549, 550
 Свинемюнде — 766
 Свирь — 51, 741
 Себеж — 171, 739
 Севастополь — 90, 167, 171, 178, 210, 257, 293, 756
 Северная Африка — 105, 220, 389, 458, 480, 572
 Северная Бавария — 146
 Северная Белоруссия — 51
 Северная Буковина — 51, 92, 133, 350, 418, 438, 440, 450
 Северная Ирландия — 354
 Северная Италия — 107, 341, 417, 426
 Северная Корея — 507
 Северная Украина — 197
 Северный Кавказ — 83, 178, 187, 202
 Северный Рейн — Вестфалия — 264, 463, 464—466, 483, 575, 626, 629, 785
 Северо-Осетинская АССР — 736, 781
 Сегед — 522
 Селифоново — 207
 Семигора — 741
 Семидесятское — 743, 744
 Сена и Марна — 798, 800
 Сена-и-Уаза — 798, 800, 802
 Сен-Жуанье — 457
 Сен-Жюльен — 799
 Сен-Ло — 801
 Сен-Медар — 803
 Сен-Пон — 799
 Сент-Поль — 802
 Сент-Аман-Мон-Рон — 800
 Сент-Валентин — 369, 370, 426, 429, 502
 Сен-Тегоник — 800
 Сент-Омер — 802
 Сербия — 418, 430, 603, 624, 703
 Серго — 191
 Сермез-де-Бен — 801
 Сеул — 26
 Сеща — 741
 Снам — 497
 Сибирь — 55, 189, 391, 429, 659
 Сиденбург — 792
 Сидней — 31
 Сикфрот — 797
 Силезия (см. также Верхняя Силезия и Нижняя Силезия) — 271, 326, 380, 535, 695, 784
 Силт — 227
 Симферополь — 171, 695, 757
 Синельниково — 559, 782
 Сифин-Скул — 797
 Скаржиско-Каменна — 764
 Скакфорт — 797
 Скобровка — 696
 Славск — 513
 Славута — 255
 Сланцевский р-н — 538
 Слободзия-Ялонница — 227
 Словакия — 70, 190, 319, 450
 Словения — 765
 Слоним — 219
 Слуцк — 188, 666, 695
 Слуцкий р-н — 31, 32
 Смоленск — 120, 127, 174, 207, 752
 Смоленская обл. — 541, 640, 646, 659, 735, 752, 780
 Смукала — 695
 Солерно — 804
 Солецкий р-н — 749
 Солигорск — 671
 Солнкамек — 501
 Сомма — 798, 801
 Сомово — 743
 Сона и Луара — 801, 802
 Сортавала — 363, 370, 388
 Соскюярви — 740
 Сосновице — 114
 София — 610
 Средиземное море — 389
 Средняя Азия — 556, 651
 Ставрополь — 26, 35, 85, 781
 Ставропольский край — 85, 106, 735, 757, 781
 Стадиум — 797
 Сталинград (Волгоград) — 77, 82, 134, 179, 180, 187, 190, 287, 342, 408
 Сталинградская (Волгоградская) обл. — 659, 735, 753, 781
 Сталино (Донецк) — 147, 157, 160, 164, 171, 172, 174, 180—184, 187, 192—194, 202, 205, 230, 389, 652, 739
 Сталинская (Донецкая) обл. — 174, 737, 781
 Станиславская обл. — 51, 737, 782
 Старая Русса — 449, 781
 Старобельск — 77, 333, 781
 Старолубский р-н — 741
 Стендаль — 363, 369, 556, 814
 Страссбург — 761
 Стрелица — 369
 Суассон — 801
 Судетенланд, провинция Третьего Рейха — 361
 Судеты — 117
 Суздаль — 77, 333
 Сумы — 183, 184, 187, 192, 193
 Сухиничи — 780
 Суэц — 389, 523

США — 14, 16, 25–27, 69, 79, 124, 126, 141, 228, 323, 335, 341, 344–348, 353, 371, 373, 378–380, 387, 389, 391, 392, 403–405, 415, 419, 422, 430, 434, 436, 437, 439, 448, 451, 453, 454, 459, 462, 470, 479, 482, 485, 488, 490, 493, 495, 497, 498, 500, 510, 514, 516, 523, 563–570, 573–575, 594, 599–601, 605, 608, 609, 613, 618, 626, 627, 674–676, 678–680, 686, 688, 691, 693, 700, 702, 703, 705, 706, 715, 721, 723, 727, 767, 772, 791, 824
Сысертъ — 549
Сюип — 803
Сякюния — 807

Таганрог — 194, 202, 231, 751
Таджикская ССР — 543, 546
Тайцы — 745
Таллин — 370, 390
Таманский п-ов — 197, 200
Тамаровский р-н — 745
Гамбов — 78, 335
Гамбовская обл. — 735
Тапс — 219, 766
Таранто — 497, 803
Тарб — 802
Тарн — 799
Тарнув — 523
Тарту см. Дерпт
Таурагу — 370
Тбилиси — 32, 87
Тведостелт — 807
Тверская обл. см. Калининская обл.
Тегеран — 384, 389
Тей — 799
Тексель, о-в — 32, 322
Теллай — 783
Тель-Авив — 45, 676
Темники — 586
Темрюкский р-н — 755
Теплиц-Шонау — 760
Териоки (Зеленогорск) — 740
Тернополь — 782
Тернопольская обл. — 23, 51, 559, 737, 782
Терны — 743
Тешен — 762, 763
Тилбург — 492
Тильбург — 806
Тиминшара — 227
Тирасполь — 220, 227
Тироль — 473, 796
Тихий океан — 453
Токно — 26
Толмещо — 107, 408
Томашув — 523
Торгау — 363, 369, 522, 760, 814
Торез — 305
Торн (Торунь) — 124, 221, 522, 695, 766
Торонто — 31
Торопец — 742, 780
Тохнаярви — 740
Трансильдания — 498, 824
Транснистрия см. Приднестровье
Трауништайн — 793

Тренби-Парк — 797
Трефлинг — 795
Триберг — 285
Триест — 449, 498
Трир-Петрисбург — 764
Тромсе — 491, 523
Троппау — 122
Троснянский р-н — 745
Тростенец — 657
Труа — 802
Тулуза — 799
Тульская обл. — 550, 736, 754, 781
Тур — 800
Турс — 766
Турина — 804
Туриси — 805
Турция — 79, 127, 439, 495, 497, 498, 824
Тюбинген — 26, 100, 459, 461, 462, 794
Тюль — 800
Тюменская обл. — 586
Тюрингия — 65, 160, 228, 369, 381, 401, 436, 437, 444, 448, 524, 556, 601, 763
Тютлинген — 481

Уаза — 801
Угольный — 332
Удина — 804
Ужгород — 523
Узбекистан — 537
Украина, УССР, Республика Украина (см. также Рейхскомиссарнат Украина) — 6, 11, 27, 28, 34, 37, 47, 51, 54, 65, 83, 91, 109, 132, 138, 139, 145, 148, 150, 155, 165, 166, 173, 178, 184, 187, 190, 197, 203, 205, 207, 212, 219, 282, 333, 351, 364, 370, 384, 439, 443, 500, 507, 509, 524, 546–549, 551, 552, 554, 562, 586, 627, 632–637, 639, 640, 642, 646, 648–652, 656, 657, 660, 662, 664, 682, 688, 693, 695, 703, 706, 712, 713, 714, 717, 718, 729, 781, 809, 810, 827, 831

Улан-Удэ — 659, 671
Ульм — 793
Ульяновка — 443
Умань — 127
Унгены — 331, 522, 524
Унесга — 741, 780
Урал — 64, 410, 532, 549
Урицкий — 741
Уса — 120
Усвяты — 742
Уторгош — 157
Уторгошский р-н — 750
Ухта — 539

Факсе Лядеплада — 806
Фаллингбостель — 143, 255, 764
Фалькензе — 760
Феллин — 219
Фельдафинг — 512
Фельдешора-Брашов — 227
Фельдкирх — 504, 796
Фельдкирхен — 408, 418
Феодосия — 757
Ферлен — 103, 636, 639

- Фердинген — 806
 Феретенфельд — 793
 Фехенхайм — 360
 Филиппины — 825
 Филлинген — 761, 795
 Финнистер — 800, 802
 Финляндия — 51, 70, 81, 130, 132–134, 143, 194, 200, 205, 207, 220, 337, 378, 380, 387, 388, 391, 488, 489, 497, 501, 503, 788, 807, 824, 825
 Фихтенхайм — 761
 Фишборн — 758
 Флесебург — 419
 Флоренция — 804
 Фогельсберг — 324
 Фойтсберг — 430
 Фокшаны — 413
 Фолькерсмаркт — 408
 Фюральберг — 473, 496
 Форбах — 764
 Фор-де-Шаполи — 798
 Форелькруг — 255, 762
 Форштадт — 180
 Фрайбург — 9, 24, 26, 27, 285, 286, 296, 304, 309, 316, 326, 462, 481, 504, 635, 643, 795
 Фрайзинг — 760
 Фрайнехайм — 764
 Франкенвайлер — 310
 Франкенталь — 764
 Франкония — 271
 Франкфурт-на-Майне — 26, 29, 360, 379, 444, 445, 459, 461, 465, 468, 469, 476, 541, 607, 610, 625, 680, 681
 Франкфурт-на-Одере — 355, 369
 Франкфурт-Фехенхайм — 445
 Франция — 26, 32, 45, 105, 126, 131, 143, 176, 190, 204, 220, 269, 282, 301, 323, 333, 341, 349, 354, 355, 360, 371, 378, 380, 388, 398, 404, 434, 437, 439, 442, 443, 445, 448, 451, 454–459, 462, 472, 473, 474, 479–481, 488, 489, 493, 495, 497, 498, 501, 505, 510, 514, 515, 523, 565, 566, 569, 572, 573, 574, 599, 603, 614–616, 618, 638, 767, 772, 775, 785, 786, 788, 789, 798, 825, 826
 Фратгор — 802
 Фридвальд (близ Марбурга) — 148
 Фридрихсхафен — 794
 Фризак — 760
 Фрунзе — 556
 Фуа и ле Верне — 802
 Фуллен — 761
 Фултон — 447
 Фульда — 254, 458, 794
 Фюнфайхен — 369, 759
 Фюренсберг — 533
 Фюрт — 446
 Хазлах — 375, 460, 482, 564
 Хайдебрек — 535, 536
 Хайдскруг — 221, 758
 Хайдкагген — 763
 Хайфа — 389
 Хальбау — 762
 Хальбштадт — 145, 201
 Хамборн — 465
 Хамм — 15, 271, 383
 Хаммельбург — 120, 146, 221, 765
 Хаммерштайн — 79, 221, 758, 759
 Ханау — 469, 794
 Хансклесе — 512
 Ханко — 740, 807
 Ханлар — 332
 Хартманнелдорф — 761
 Харьков — 33, 87, 127, 157, 160, 164, 165, 168, 171, 172, 176, 178, 182–184, 187, 188, 192, 193, 203, 230, 512, 739, 781
 Харьковская обл. — 305, 562, 737, 781
 Хаасфурт — 384
 Хатен-Кемп — 797
 Хаттон-Гейт — 797
 Хафельхоф — 154
 Хелон — 797
 Хелм — 438
 Хельбронн — 793
 Хельмштедт-Гамбург — 463
 Хельсинки — 387
 Хемнин — 761
 Хенриксхольм — 806
 Херсон — 106, 205, 782
 Херсонская обл. — 782
 Хехст — 375
 Хизен — 15
 Хильмштедт — 370
 Хирценхайн — 324
 Холосы — 88
 Хойерсверда — 760
 Холеби — 807
 Холм — 742, 744
 Хольстебро — 807
 Хорватия — 271, 430, 603
 Хорибек — 806
 Хортица — 145, 201
 Хоф — 370, 423, 493
 Хофбург — 403, 704, 707
 Хозинальц — 767
 Хунштайн — 760
 Хиров — 363, 782
 Хэйг-Лайнз — 797
 Хюэншюнгаузен — 369
 Хюэнштайн — 381, 758
 Цайтхайн — 221, 256, 261, 266, 760, 761
 Царское Село — 301
 Цесам-Зее — 446
 Целендорф — 283
 Целле — 792
 Центральная Россия — 197
 Цехе Заксен — 256
 Цейцленхоф — 434
 Цигенсхайн — 360, 763
 Циммерн — 794
 Цигенхорст — 760
 Цихенау — 758
 Цюссен — 176, 760
 Цуффенгаузен — 480
 Цыбульники — 207
 Цюрих — 503, 677

Ченстохов, Ченстохово – 215, 235
Череповец – 77, 333
Черкесск – 202
Чернигов – 168, 183, 184, 192, 193, 204, 205
Черниговская обл. – 51, 194, 737, 782
Чернобыль – 655
Черновицкая обл. – 363, 737, 782
Черновцы – 363, 782
Чернянки – 745
Чехия (Протекторат Богемия и Моравия) – 42, 121, 190, 361
Чехия (сопр.) – 627, 688, 693, 696, 703, 706, 718
Чехословакия – 37, 45, 131, 323, 340, 374, 378, 380, 436, 438, 442, 472, 488, 489, 501, 512, 598, 599, 603, 619, 638, 767, 789, 825
Чизнатико – 417, 419, 804
Чили – 103, 451, 498, 825
Чипачига – 804
Чистяково – 191
Чоп – 522
Чугуев – 87
Чудово – 171
Чураково – 747
Чусовой – 533

Шайнфельд – 793
Шалон-сюр-Марн – 801
Шалон-сюр-Сон – 801
Шампань – 800
Шанхай – 603
Шаранга – 799
Шарлеруа – 805
Шато Байе – 802
Шато де Серанс – 799
Шатодеи – 800
Шатонёф – 798
Шауляй – 783
Шаумбург-Линпе – 401
Швайхаузен – 309
Шванхайм – 361
Швары – 742
Швейцария – 18, 45, 341, 380, 431, 457, 472, 490, 492–496, 498, 500, 502–504, 516, 572, 598, 606, 614, 615, 673–675, 677, 678, 686, 789, 825
Швенинген – 795
Шверин – 285, 436, 759
Швеция – 71, 82, 120, 380, 387, 388, 392, 439, 490, 491, 497–501, 538, 566, 572, 573, 606, 614, 615, 789, 825
Шейшлинг – 795
Шелонь – 750
Шепетовка – 175, 200, 230, 782
Шер – 798, 803
Шербург – 799, 801
Шершунь – 541
Шильдберг – 766, 767
Шимск – 750
Ширвинд – 758
Шлайф-Люле – 806
Шлезвиг – 763
Шлезвиг-Гольштейн – 65, 463, 464, 785
Шлесгайм – 443

Шлюсс Хольте – 641, 830
Шлохау – 758
Шнайдемюль – 523
Шонберг – 369
Шпандау – 176
Шперасс – 795
Шпитталь – 409, 417, 765, 795
Шпитталь-на-Драве – 175
Шпичанец – 512
Шрайбург – 795
Штаблук – 297
Штаргард – 301, 759
Штейер – 516
Штсйнад – 468
Штенсберг – 806
Штеттин (Щецин) – 126, 290, 299, 438, 459, 758, 759, 794
Штирия – 370, 413, 416, 429, 430, 472, 731
Штирия-Каринтия – 271
Штральзунд – 240
Штраубинг – 514
Штукенброк (Штукенброк-Зенне) – 146, 641, 659, 666, 670, 830
Штутгарт – 26, 29, 114, 206, 443, 449, 467–469, 480, 484, 626, 680, 711, 713, 794
Штутгарт-Луффенгаузен – 794
Штутхоф – 87
Шубин – 766
Шуклинка – 744
Шундорово – 746
Шуппен – 291, 313
Шюттенорт – 758

Щетинка – 744
Щецин см. Штеттин

Эбенроде – 758
Эберсвальде – 369
Эбесберг – 793
Эгендорф – 763
Эдельбах – 765
Эйзенах – 369, 423, 436
Эйлау – 758
Электросталь – 533
Элиста – 754
Эльба – 83, 556
Эльбрус – 202
Эльва – 783
Эльзас – 349, 350, 355
Эльстерхорст – 760
Эмбл – 797
Эмилля-Романья – 33
Эммендинген – 103, 462, 481
Эммер – 465
Эндр и Луара – 799, 800
Энен-Льстарт – 801
Эперне – 802
Эпернон – 800
Эр и Луар – 800, 802
Эрбке – 764
Эрланген – 119, 381
Эро – 801
Эрфурт – 317, 360, 368, 436, 583
Эссен – 324

Эстергом — 523

Эстония, Эст. ССР, Эстонская Республика —
11, 27, 51, 92, 133, 134, 139, 174, 200, 350,
351, 387, 439, 447, 509, 515, 546–549, 551,
554, 555, 633, 653, 654, 695, 731, 732, 738,
766, 783, 806, 810, 831

Эффердинг — 765

Югославия — 45, 103, 106, 131, 271, 319, 323,
340, 378, 380, 381, 395, 410, 416, 418, 428,
430, 431, 488, 490, 497, 498, 500, 501, 505,
563, 619, 624, 638, 703, 767, 786, 789, 825
Юденбург — 370, 410–413, 416, 428, 429, 430,
795

Южа — 77, 333

Южная Америка — 569

Южная Белоруссия — 51

Южная Корея — 498

Южно-Африканский Союз — 498, 674, 767,
825

Юра — 801

Яворово — 782

Яворув — 363, 370

Якутская АССР — 546

Ялта — 9, 17, 31, 87, 126, 171, 344–346, 348–
354, 372, 376, 395, 404, 408, 414, 416, 418,
419, 427, 429, 438, 439, 453–455, 470, 491,
510, 512, 514, 757

Ямлинг — 369

Япония — 367, 380

Ярмолицы — 782

Ярославская обл. — 387, 388, 736

Ясиноватая — 781

Яссы — 521, 522, 524

Ястров — 759

УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

В настоящий указатель включены военные и гражданские организации военного и послевоенного времени, а также ряд современных общественных организаций, имеющих отношение к процессу компенсации. За рамками указателя — названия промышленных предприятий, парламентских и судебных органов современных государств, а также архивов.

- Австрийская Историческая комиссия — 704
 Австрийский фонд «Примирение, мир и сотрудничество» (сокращенно — «Фонд примирения») — 702—708
 Австрийский Фонд для жертв аризации — 707
 Американский объединенный комитет распределения — 446
 Американский чрезвычайный комитет Ваад Хатцало — 446
 Антикоммунистический центр освобожденного движения народов России — 444
 Архирейский Синод — 446
 Белорусский комитет — 447
 Белорусский совет — 447
 Белоземитрантский комитет (Жердецкий) — 445
 Благотворительное общество «Гилфл», Минск — 653
 Боевой союз молодежи народов России — 445
 Бюро по розыску родных и знакомых — 445
 Ваад (Федерация еврейских организаций и общин России) — 675
 Ведомство 4-летнего плана (Германия) — 160, 161, 173, 284
 Верховный казачий круг — 446
 Верховный комитет освобождения Литвы — 447
 Всемирная еврейская организация по реституции (БЕОР) — 675
 Всемирный Еврейский конгресс (ВЕК) — 675, 676
 Всенемецкий союз «Каритас» (Deutsche Caritasverband) — 709, 712
 Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) — 592
 ГБА (ГВА) — 99, 101, 134, 146, 160, 162, 163, 168—170, 173, 176, 180—185, 187, 189—192, 197, 202, 204, 208, 213, 268, 272
 Генеральная Прокуратура СССР — 21, 81, 587, 590—592, 594
 Гестапо — 70, 74, 96, 98, 117, 122, 133, 217, 230, 236, 239, 291, 293, 300, 301, 311, 317, 322, 323, 327, 328, 369, 444, 820
 ГКО (Государственный Комитет Оборона) — 76—78, 328, 333, 334, 337, 338, 340, 360, 361, 368, 387, 501, 522, 531, 534, 535, 538, 541, 542, 548, 549, 554, 555, 587, 638
 Главное политическое управление (ГПУ) — 335
 Госплан СССР — 12, 22, 27, 28, 65, 132, 144, 333, 335, 535
 ГУКВ (Главное управление казачьих войск) — 106, 107
 ГУЛАГ (Главное управление по делам лагерей НКВД СССР) — 13, 82, 119, 336, 355, 365, 450, 536, 542, 556, 561
 ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР) — 72, 77, 260, 332, 355, 411, 507
 ДАФ (Немецкий Трудовой фронт, или Deutsche Arbeitsfront) — 67, 101, 115—117, 173, 235, 272, 283
 Детский Фонд — 664
 «Джойнт» (Еврейский распределительный Комитет) — 676
 Еврейская Ассоциация бывших узников гетто и концлагерей — 643
 Европейская консультативная комиссия — 435
 Землячество судетских немцев в Австрии — 705
 Имперская служба труда (Reichsarbeitsdienst, или RAD) — 66
 Имперское ведомство безопасности (Reichssicherheitsamt, или РСХА) — 83, 84, 95, 96, 100, 120, 160, 162, 172, 173, 220, 241
 Имперское Министерство вооружений (Reichsministerium für Rüstung und Munition) — 62, 67, 150, 161, 173
 Имперское министерство по делам восточных оккупированных территорий (РМО) — 51, 57, 86, 94, 95, 98, 101, 103, 106, 113, 124, 132, 152, 185, 190, 301
 Имперское Министерство пропаганды — 94
 Имперское Министерство труда (Reichsarbeitsministerium, или RAM) — 57, 59, 67, 93, 147, 149, 161, 163, 172, 219, 262
 Имперское Министерство экономики — 23, 95, 163
 Инженерно-техническая фирма Карякина — 445
 Институт географии культуры Фрайбургского университета — 19, 25
 Институт географии РАН — 19, 25

- Комиссия при АН СССР по определению потерь — 27
- Комиссия при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести — 671, 672
- Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий — 672
- Комитет «За возвращение на Родину» — 20, 577—585
- Комитет бесподанных — 443
- Комитет ветеранов войны — 671
- Комитет невозвращенцев — 445
- Комитет по восстановлению Литвы — 447
- Комитет по делам беженцев православного вероисповедания (Гамбург) — 443
- Комитет по оказанию помощи бывшим советским военнопленным — 497
- Комитет помощи иезуитов — 445
- Комитет эмигрантов — 443
- КОНР (Комитет освобождения народов России) — 100, 107, 109, 112, 115, 116, 117, 118, 121, 122, 124, 144, 291, 294
- Латышский центральный совет (Швабе) — 447
- Латышский центральный совет (Я.Цельмс) — 447
- Литовский центральный совет (Валдманис) — 447
- Литовский центральный совет (епископ Раушман) — 447
- Международная организация по миграции — 676, 694, 696, 700
- Международное историко-просветительное и правозащитное общество «Мемориал» — 17, 19, 25, 34, 627, 629, 636, 639, 642, 652, 696, 714, 830
- Международный Красный Крест — 70—72, 79, 224, 225, 228, 254, 425, 496, 574, 598, 619, 623, 627, 628, 630, 687, 724
- Межреспубликанская ассоциация бывших узников фашизма — 641
- Народный комиссариат (Министерство) внутренних дел СССР (НКВД, МВД) — 22, 36, 71—73, 76—78, 81, 109, 125, 133, 142, 260, 322, 332, 333, 336, 338, 339, 341, 343, 344, 354, 356, 359, 360, 364, 367—370, 385, 388—391, 393, 401, 403, 405, 411, 413, 417, 428, 440, 458, 471, 477, 507, 511, 514, 520—522, 524, 529, 530, 532, 536—540, 542, 543, 545, 546, 549, 550, 557, 578, 583, 586, 587—589, 591, 593, 594, 719, 822, 832
- Народный комиссариат (Министерство) государственной безопасности СССР (НКГБ, МГБ) — 22, 36, 81, 327, 328, 360, 367, 440, 477, 487, 526, 556, 577, 582, 583, 584, 586—593, 640, 719, 816
- Народный комиссариат (Министерство) иностранных дел СССР (НКИД, МИД) — 22, 36, 78, 341, 342, 352, 354, 355, 379, 393, 440, 458, 464, 470, 475—477, 486, 503, 520, 524, 566, 575, 584, 631, 632, 639, 640, 643, 659, 666, 671
- Народный комиссариат (Министерство) обороны СССР — 80, 335, 340, 342, 522, 548, 555, 591, 594, 672, 722, 770, 777, 779, 832
- Народный комиссариат (Министерство) юстиции СССР (Наркомюст, Минюст) — 77, 550, 582, 590, 592
- Национал-социалистическая партия — 445
- Национал-социалистическая все немецкая рабочая партия (НСДАП, или NSDAP) — 64, 95, 161, 162, 177, 220, 274
- Национал-социалистическая партия России — 445
- Национальный фонд Республики Австрия для помощи жертвам национал-социализма — 702
- НТС (Национальный трудовой союз) — 444, 445
- Нюрнбергский трибунал — 15—17, 30, 90, 91, 131, 143, 156, 172, 174, 176, 183, 203, 226, 315, 614
- Общество бывших остарбайтеров «Репатрианты», Ровно — 637
- Объединение (Ассоциация) бывших военнопленных — 669
- Объединение бывших остарбайтеров, Брест — 637
- Объединение русских воинских союзов — 451
- Объединенное командование вооруженных сил (ОКВ) см. Управление по делам военнопленных ОКВ и Экономическая служба ОКВ
- Объединенное командование сухопутных войск (ОКХ) — 83, 89, 97, 98, 102, 115, 127, 128—130, 142, 149, 164, 176, 184, 190, 217, 219—221, 226, 233, 255, 259, 265, 304, 469
- Оперативная зона «Север», командование (ОЗН) — 160, 164, 166, 173, 174, 176, 178, 179, 184, 192, 197, 200, 205, 207, 208, 212, 295, 730, 739
- Оперативная зона «Центр», командование (ОЗМ) — 160, 166, 168, 171, 173, 174, 176, 178, 184, 188, 192, 193, 200—202, 204—208, 211, 212, 215, 286, 295, 730, 739
- Оперативная зона «Юг», командование (ОЗЗ) — 160, 164, 165, 168, 173, 174, 176, 181, 182, 184, 192, 193, 200, 201, 205, 207, 208, 210, 212, 295, 730, 739
- Организация объединенных наций (ООН) — 354, 373, 374, 377, 379, 382, 461, 470, 498, 508, 509, 563, 564, 570, 574, 693, 721
- Организация украинских националистов (ОУН) — 446, 449
- Организация украинцев в Голландии — 500

Оргбюро российского народного движения — 445

Отдел виз и регистраций Управления внутренних дел (ОВИР) — 557

ПВС (Президиум Верховного Совета) — 10, 78, 391, 481, 495, 530, 532, 538, 540, 543, 551, 578, 586, 589, 590, 592—594

Польский Союз жертв Третьего Рейха — 621

Православная сельскохозяйственная община — 446

РНС (Имперское ведомство по продовольствию) — 115, 118

Российская освободительная армия (РОА) — 8, 94, 103, 106—110, 112—114, 118, 121, 122, 213, 292, 294, 368, 419, 424, 425, 431, 450, 538, 540, 543

Российский Красный Крест — 69, 72, 551, 583, 640

Российский Общевоинской союз (РОВС) — 446, 451

Российский Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей — 641, 663

Русское общенациональное народно-государственное движение — 444

Русский национальный комитет — 443, 495

Русское освободительное движение — 445

Священное общество — 451

СД (SD, или Служба безопасности) — 70, 83, 84, 173, 217, 225, 230, 369

СМЕРШ («Смерть шпионам», органы военной контрразведки Красной Армии) — 109, 337, 359, 367, 368, 390, 393, 401, 403, 411, 428, 471, 479, 501, 511, 521, 557, 589, 719, 816

СМИД (Совет министров иностранных дел) — 455

СНК/СМ (Совнарком, или Совет Министров) — 72, 78, 154, 259, 333, 334, 343, 354, 364, 367, 369, 385, 391, 392, 405, 440, 449—450, 464, 481, 486, 498, 501—503, 515, 517, 534, 539, 541, 543, 548, 552, 555, 575—578, 580, 583, 585, 586, 588—591, 593, 631, 672, 775, 776, 784, 827—829

Совет Евангелической церкви Германии (EKD, или Evangelische Kirche Deutschlands) — 709

Советская Военная администрация в Германии (СВАГ) — 22, 216, 369, 384, 434, 435, 440, 448, 461, 469, 471, 476, 477, 482, 484, 485, 487, 575, 589

Союз андреевского флага — 443

Союз борьбы за освобождение народов России — 444

СС (SS, или Schutzstaffeln der NSDAP — защитные отряды НСДАП) — 8, 70, 78, 83, 84, 88, 89, 93, 96, 99, 106, 107, 108, 112, 114—118, 120, 121, 145, 163, 171, 173, 203, 213, 216, 217, 220, 221,

227, 232, 239, 256, 265, 322, 324, 328, 341, 373, 417, 423—425, 439, 454, 721, 731

Толстовский фонд — 446

Украинская духовная семинария — 500

Украинская повстанческая армия (УПА) — 446, 452

Украинский комитет помощи — 446

Украинский культурный совет — 446

Украинский центр — 451

Украинский центральный комитет — 446

Украинское землячество во Франции — 445

Украинское народное объединение — 446

Управление восточных войск вермахта — 108, 111, 129

Управление по делам военнопленных ОКВ — 89, 128, 130, 142, 149, 217, 220, 221, 224, 285, 299, 303, 759, 761—763, 764

Управление уполномоченного СНК по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран — 15, 22, 36, 37, 90, 141, 143, 334, 336, 338, 340, 342, 359, 361, 366, 369, 370, 379, 387, 390, 391, 405, 431, 406, 464, 475, 484, 503, 506, 507, 509, 513, 515, 521, 522, 524, 532, 548, 572, 577, 586, 778, 809, 810

Фонд «Память и будущее» — 693, 699

Фонд «Память, ответственность и будущее» — 689—696, 699

Фонд «Польско-Германское примирение» — 622, 623, 695

Фонд взаимопримирения и согласия Республики Беларусь — 652—658, 660, 661, 664, 665, 695

Фонд взаимопримирения и согласия Республики Украина — 648—652, 656—658, 660, 665

Фонд взаимопримирения и согласия РФ — 26, 593, 633, 640—648, 656—658, 660, 662—667, 669, 683, 684, 687, 694, 695, 714, 827, 828

Фонд им. А.Гумбольдта — 18, 25

Фонд им. Генриха Белля — 18, 25, 33

Фонд им. Максимилиана Кольбе (Maximilian-Kolbe-Werk), немецкая благотворительная организация — 655, 709

Фонд католической церкви — 709—714

Фонд по оказанию гуманитарной помощи гражданам, работавшим во время Второй мировой войны на предприятиях компании «Фольксваген» — 679, 682

Фонда солидарности с жертвами Холокоста (Solidaritatisfonds für die Opfer des Holocausts) — 677

Фонд-инициатива немецких промышленников (Фонд-инициатива немецких предпринимателей: Память, Ответственность и Будущее) — 685—689, 692

Центр розыска и информации Центрального Комитета Красного Креста — 23
Центральное бюро помощи русским — 445
Центральное представительство российской эмиграции в американской зоне Германии — 443, 566
Центральное представительство российской эмиграции в Германии — 446
Центральное розыскное бюро Международного Красного Креста, Женевы — 628
Центральный комитет взаимопомощи (Центральное украинское представительство в эмиграции) — 446, 451
Центральный комитет прибалтов — 447
ЦК ВКП(б)—ЦК КПСС (Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) / Коммунистической партии СССР) — 23, 142, 335, 342, 357, 552, 553, 559, 577, 578, 582, 583, 586—589, 592
ЦК ВЛКСМ (Центральный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи) — 17, 356
Цуленбеж (Центральная коллегия по делам пленным и беженцев) — 70, 73, 79
ЧГК (Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР) — 10—12, 16, 21, 27, 36, 85, 131, 132, 206, 245, 303, 305, 541, 562, 757, 818
Чешско-Немецкий «Фонд Будущего» — 696
Швейцарский фонд помощи нуждающимся жертвам Холокоста-Шоа (The Swiss Fund for Needy Victims of the Holocaust/Shoa) — 674
Швейцарский Фонд Солидарности (Stiftung Solidarität Schweiz) — 677
Штаб главного освободительного движения за границы — 446
Экономическая служба ОКВ — 49, 50, 59, 61, 67, 97, 173, 219—221, 227, 255, 268
Экономический Штаб Ост при ОКВ (Wirtschaftsstab Ost, или ВШО) — 37, 49, 50, 54—57, 60, 61, 64, 66, 67, 144, 149, 152, 165, 167, 168, 173, 174, 176, 182, 185, 186, 189, 191, 200, 202, 205, 206, 215, 259, 265, 295, 304
Эмигрантский комитет (полковник Рогожин) — 445
Эмигрантский комитет Маклакова — 445

Эстонский центральный совет — 447

ЮНРИА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA, или Администрация ООН по оказанию помощи и восстановлению) — 302, 374—379, 382—384, 425, 431, 443, 444, 455, 460, 461, 464, 480, 482, 564, 570
ЮСФЕТ (USFET — United States Forces, European Theater, или Вооруженные силы США на Европейском театре военных действий) — 382, 430, 431, 479

Assembly Centers — 371, 376

Bundesverband Information- und Beratung für NS-Verfolgte (Федеральный союз по информации и консультации лиц, преследовавшихся при нацизме) — 626, 627

Claims Conference (Конференция по материальным претензиям евреев к Германии) — 606—611, 687, 688, 694

EUCOM (European Command, или Европейское командование — организация-преемник ЮСФЕТ) — 382

«Interessengemeinschaft ehemaliger Zwangsarbeiter unter dem NS-Regime» («Объединение бывших принудительных рабочих нацистского режима») — 626

Internationaler Suchdienst (International Tracing Service, или Международная служба поиска), Бад Арльзен — 627

IRO (International Refugees Organization, или ИРО, или Международная организация по делам беженцев) — 379, 443, 451, 461, 464, 466, 471, 497, 498, 507, 512, 564—572, 574, 575, 605

JRSO (Еврейская организация по проведению реституции) — 600

JTC (Еврейская доверительная корпорация) — 600

О.Т. («Organisation Todt», или «Организация Тодта») — 105, 149, 155, 201, 220, 379, 389

RELICO (Комитет помощи еврейскому населению) — 599

SHAEF (Верховное Командование союзных экспедиционных сил) — 374, 375, 381—383, 395—398, 405

WAST (Справочная служба вермахта о военных потерях и военнопленных) — 224, 228, 229, 255

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Д.Гранин)	5
От автора	7
Введение	10

Часть I. РУССКИЕ В РЕЙХЕ: ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ

1. Человеческий материал из России: разменная монета войны	
1.1. Принудительный труд в Германии: корни и побег	41
1.2. Блицкриг «Барбаросса» и виды на трудоустройство: «брать или не брать?..»	49
1.3. На весах международного, советского и нацистского права: правовой статус советских военнопленных	69
1.4. Карательная политика Рейха на Востоке: военно-полевой холокост	83
1.5. Миражи и реальность: правовой статус остарбайтеров	92
1.6. Остарбайтеры и власовцы: «унтерменши» или «союзники»? ...	104
1.7. Русские в Рейхе: сколько же их было?	125
2. В неволю: принудительная вербовка и депортация	
2.1. Год сорок первый: начало трудоустройства в Рейхе	146
2.2. Год сорок второй: начало массовой вербовки и первая программа Заукеля	157
2.3. Год сорок второй: вторая программа Заукеля	177
2.4. Год сорок третий: насос еще качает, или третья программа Заукеля	187
2.5. Год сорок четвертый: последняя программа Заукеля	208
3. В неволе: обстоятельства жизни и смерти	
3.1. Дорога в Рейх: случай военнопленных	217
3.2. Дорога в Рейх: случай остарбайтеров	230
3.3. Жилище, одежда, пища: групповой портрет на фоне колючей проволоки	242
3.4. Лечение лежанием, или медицина	255
3.5. Самое главное: «арбайтсайдзатш»	268
3.6. Между делом: эрзац-досуг и суррогат отдыха	287
3.7. Содружество народов в лагере: остарбайтеры и немцы	306
3.8. Конец войны: «Валькирия» или агония?	318

Часть II. «РОДИНА ЖДЕТ ВАС, СВОЛОЧИ!»: РЕПАТРИАЦИЯ И БЕГСТВО ОТ НЕЕ

4. В тени победы: подготовка к репатриации	
4.1. Анти-Заукель и его органы репатриации: рождение и первые шаги	331
4.2. Соглашение в Ялте: правовая база беззакония	344
4.3. Инфраструктура репатриации, или сени ГУЛАГа	356
4.4. По ту сторону демаркационной линии: приготовления союзников	371
5. На родину: ход репатриации	
5.1. На исходе войны: первые десятки тысяч... ..	385
5.2. Жаркое лето сорок пятого: массовая репатриация и соглашение в Галле как ее механизм	394
5.3. Лакомый кусок: репатриация коллаборантов и старых эмигрантов	408
5.4. От горячего мира — к холодной войне: черновой баланс репатриации и контррепатриации	434
5.5. Из зоны в зону: репатриация от союзников	453
5.6. От фьордов до лагун: репатриация из других стран	488
5.7. Усыхающий ручей: еще семь лет репатриации	506
6. На родине и на чужбине: не первые среди равных	
6.1. Через фильтры и тернии — к кремлевским звездам: путь домой	518
6.2. На родину: просеивание через сито	526
6.3. На родине: групповой портрет на фоне избирательной урны ...	544
6.4. На родине: тоже граждане, или на обочине жизни	556
6.5. На чужбине: невозвращенцы и другие перемещенные лица	563
6.6. Амнистия отсидевшим и Комитет «За возвращение на родину»	577
6.7. В плену у огульного недоверия: реабилитация военнопленных	586

Часть III. В КРУГЕ ТРЕТЬЕМ: ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИЙ ЗА ДЕПОРТАЦИЮ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

7. Первые полвека после войны: материальное урегулирование между Германией и жертвами нацизма (1945—1995)	597
7.1. Компенсации Израилю и жертвам Холокоста	598
7.2. Компенсации западноевропейским странам	614
7.3. Гуманитарное урегулирование с восточноевропейскими странами	618
7.4. Гуманитарное урегулирование с СССР	626
7.5. Российский, украинский и белорусский фонды «Взаимопонимание и примирение»	640

7.6. Оскомина несправедливости: исторические и этические проблемы деятельности фондов «Взаимопонимание и примирение»	662
8. На излете века: проблема компенсации за принудительный труд и бурное развитие компенсационных фондов (1996—2000)	
8.1. Коллективные иски против Швейцарии и швейцарских фирм и возникновение новых компенсационных фондов	673
8.2. Коллективные иски против Германии и немецких фирм и возникновение новых компенсационных фондов в Германии	678
8.3. Немецкий фонд «Память, ответственность и будущее»	684
8.4. Австрийский фонд «Примирение, мир и сотрудничество»	702
8.5. Фонд католической церкви	709
8.6. Постскриптум: так все-таки — компенсация или приз за живучесть?	714
Вместо заключения. Заложники холодной войны и жертвы двух демократий: бывшие военнопленные и остарбайтеры сегодня	719
Приложения	725
Принятые сокращения	834
Литература	841
Указатель имен	857
Указатель географических названий	872
Указатель организаций	889

Павел Маркович Полян

ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР:

**Жизнь, труд, унижения и смерть
советских военнопленных и оstarбайтеров
на чужбине и на родине**

Редактор А. Морозова

Художественное оформление А. Сорокин

Компьютерная верстка Т. Сонникова

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.11.2002.
Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печл. 56,0. Уч.-издл. 59,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 7206

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Павел Маркович Полян — историк, географ и филолог. Выпускник Геофака МГУ, ученик профессора И.М.Маергойза, сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук. Автор около 330 научных и научно-популярных публикаций, в том числе авторских монографий «Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения» (М., 1988), «Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский. 1870—1942» (М., 1989), «Жертвы двух диктатур. Военнопленные и остарбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация» (М., 1996), «"Вестарбайтеры": Интернированные немцы в СССР (Предыстория, история, география)»

(Ставрополь, 1999), «Deportiert nach Hause» (Wien: Oldenbourg, 2000), «Не по своей воле. История и география принудительных миграций» (М., 2001).

Как литератор выступает под псевдонимом Нерлер: член Союза писателей Москвы, организатор и заместитель председателя Мандельштамовского общества, автор 260 публикаций, в том числе авторских книг «Осип Мандельштам в Гейдельберге» (М., 1994), «"С гурьбой и гуртом...". Хроника последнего года жизни Мандельштама» (М., 1994), «Стихи» (М., 1995), «Ботанический сад. Книга стихов (1970—1987)» (М., 1998).